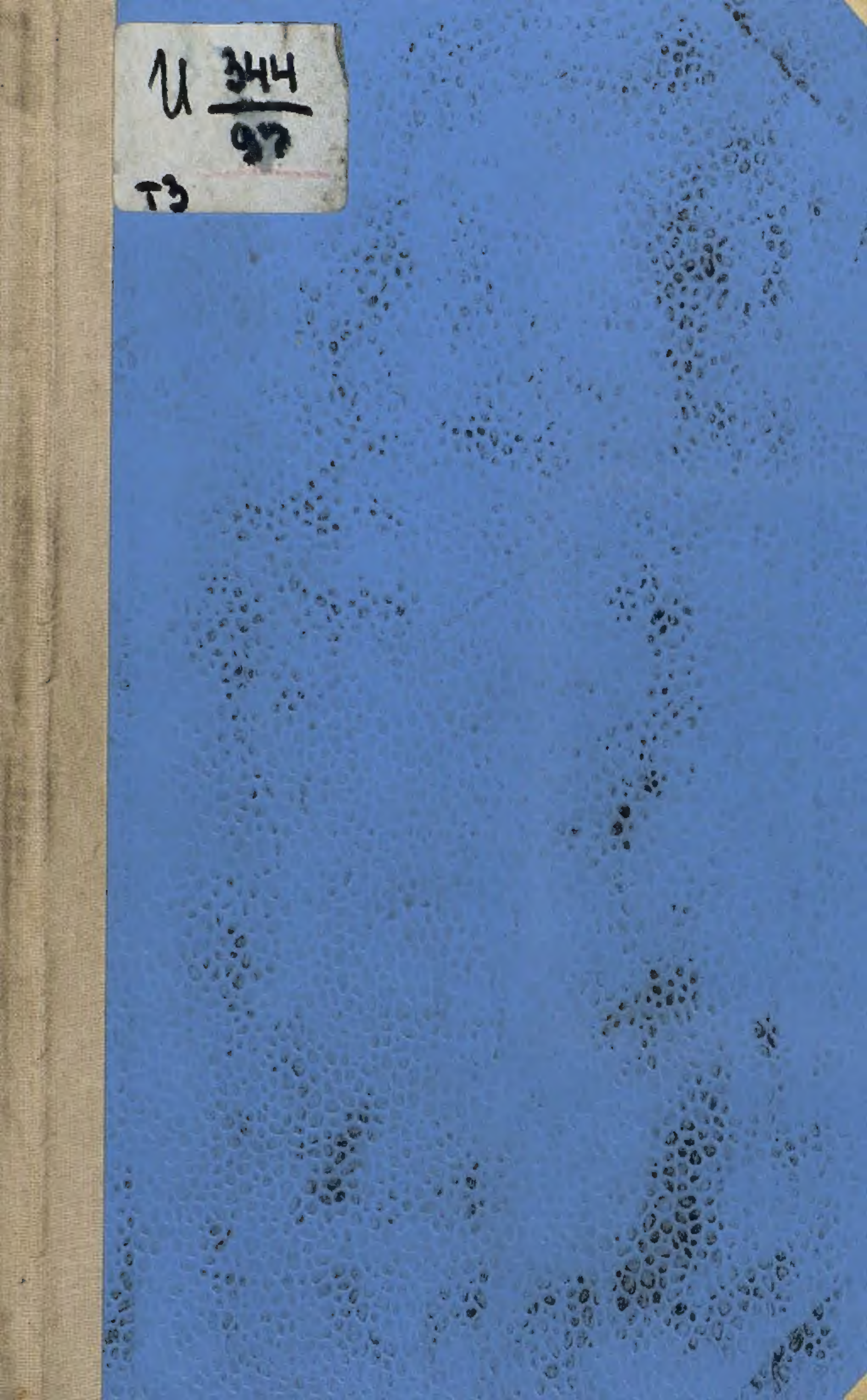

И 344
97
Т3

Сочиненія И. С. Аксакова

ПОЛЬСКІЙ ВОПРОСЪ
И
ЗАПАДНО-РУССКОЕ ДѢЛО

ЕВРЕЙСКІЙ ВОПРОСЪ

1860—1886

Статьи изъ «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси»

ТОМЪ ТРЕТІЙ

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛІОТЕКИ
1900

Сочиненія И. С. Аксакова

ПОЛЬСКІЙ ВОПРОСЪ

И

ЗАПАДНО-РУССКОЕ ДѢЛО

ЕВРЕЙСКІЙ ВОПРОСЪ

1860—1886

Статьи изъ «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси»

ТОМЪ ТРЕТІЙ

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛІОТЕКИ
1900

 Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Императорская Публичная Библіотека, принявъ въ даръ отъ Даріи Өедоровны Тютчевой право литературной собственности на сочиненія **Ивана Сергѣевича Аксакова,** дошедшее къ ней отъ сестры ея вдовы Ивана Сергѣевича Анны Өедоровны Аксаковой, — обязалась имѣть попеченіе о томъ, чтобы по распродажѣ изданныхъ уже томовъ сочиненій И. С. Аксакова таковые по возможности печатались новыми изданіями.

Исполняя это обязательство, Императорская Публичная Библіотека нынѣ выпускаетъ въ свѣтъ второе изданіе **III-го тома** «Сочиненій И. С. Аксакова», заключающее, какъ и первое изданіе 1886 года, разошедшееся сполна, статьи по Польскому вопросу и Западно-Русскому дѣлу и статьи по Еврейскому вопросу.

Это второе изданіе представляетъ перепечатку безъ какихъ-либо измѣненій и дополненій перваго изданія, выпущеннаго въ свѣтъ Анной Өедоровной Аксаковой.

ОГЛАВЛЕНІЕ СТАТЕЙ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

I.

ПОЛЬСКІЙ ВОПРОСЪ И ЗАПАДНО-РУССКОЕ ДѢЛО.

Статьи изъ газеты «День».

1861 года.

1862 года.

1863 года.

1864 года.

Изъ газетъ «Москва» и «Москвичъ».

1867 года.

1868 года.

СТРАН.

Изъ газеты «Русь».

1881 года.

1882 года.

1883 года.

1884 года.

ЕВРЕЙСКІЙ ВОПРОСЪ.

Изъ газеты «День».

1862 года.

1864 года.

Изъ газеты «Москва».

1867 года.

Изъ газеты «Русь».

1881 года.

1882 года.

1883 года.

СТАТЬИ ИЗЪ ГАЗЕТЫ „ДЕНЬ".

съ 1861 по 1865 г.

Наши нравственныя отношенія къ Польшѣ.

Москва, 18-го ноября 1861 г.

Какъ бы ни разсуждали политики и государственные люди, историки и публицисты, но теорія государственнаго эгоизма, доктрина практической необходимости и все это ученіе о какой-то особенной политической нравственности — съ каждымъ днемъ и съ каждымъ часомъ сильнѣе и ярче обличаются исторіей во всей своей жизненной несостоятельности. Краснорѣчивый языкъ событій даетъ отвѣты нежданные и негаданные, мечтательное становится дѣйствительнымъ, практически-необходимое оказывается противнымъ требованіямъ высшей духовной необходимости, гордое благоразуміе низводится на степень близорукаго и ложнаго разсчета. Дѣйствительная сила, дѣйствительное значеніе, принадлежатъ въ исторіи только нравственнымъ истинамъ, вѣчнымъ началамъ любви и справедливости. Не всегда признаваемыя и замѣчаемыя мыслителями, онѣ тѣмъ не менѣе являются двигателями общественной жизни народовъ, направляютъ ихъ историческій путь въ ту или другую сторону, обусловливаютъ ихъ развитіе не только внутреннее, но и внѣшнее. Начало нравственное живетъ и движется своимъ внутреннимъ логическимъ процессомъ, и историческія наказанія или счастливыя случайности, злыя или добрыя послѣдствія, въ сущности, ничто иное, какъ логическіе нравственные выводы изъ нравственнаго же положенія, воплощеннаго историческимъ фактомъ. Всякое уклоненіе отъ нравственныхъ истинъ проявляется ложью даже во внѣшнемъ устройствѣ, подрываетъ матеріальное преуспѣяніе, подтачиваетъ жизнь историческихъ обществъ.

Нельзя сказать, чтобы историческая наука обходила молчаніемъ нравственную сторону исторіи и не вводила нравственнаго элемента въ постиженіе историческихъ явленій; но такое участіе нравственныхъ истинъ въ исторіи, такое значеніе нравственныхъ началъ, какъ дѣятелей въ общественной жизни народовъ, едвали когда разсматривалось во всей полнотѣ и связи, во всей своей логической внутренней послѣдовательности, проявляемой внѣшними событіями. По крайней мѣрѣ исторія Славянскихъ

племенъ еще ни разу, сколько намъ кажется, не подвергалась такого рода нравственному анализу, а между тѣмъ, если мы не ошибаемся, только съ предложенной нами точки зрѣнія—можно понять и объяснить многія странныя и непонятныя явленія въ жизни Славянскихъ народовъ.

Чѣмъ болѣе нравственныхъ требованій носитъ въ себѣ народъ, чѣмъ выше его собственный нравственный идеалъ и его нравственная задача на землѣ,—тѣмъ мучительнѣе разладъ, вносимый въ его жизнь уклоненіемъ отъ нравственныхъ истинъ, тѣмъ сильнѣе страдаетъ онъ отъ всякаго внутренняго противорѣчія. Раздвоеніе духа нарушаетъ ту нравственную цѣльность, которая необходима для цѣльности дѣйствованія и ослабляетъ его внѣшнія силы. Объяснимъ это примѣромъ. Человѣкъ честный, рѣшившійся на поступокъ, несогласный съ прирожденными ему понятіями чести, никогда не совершитъ этого поступка съ той ловкостью, съ той беззавѣтной легкостью и, такъ сказать, съ тою гармоніей злой воли и злого дѣла, съ какою совершитъ его человѣкъ менѣе честный или, по крайней мѣрѣ, съ совѣстью не столь чуткою. Чтобы дѣйствовать рѣшительно и твердо, человѣку честному необходимо сознаніе своей правоты, полное согласіе воли съ его собственными нравственными требованіями. Если такого согласія нѣтъ и быть не можетъ, то ему остается: или отказаться отъ дѣла, какъ несовмѣстимаго съ началами истины, или же заглушить совѣсть и измѣнить честному преданію своей собственной жизни. Послѣднее едвали возможно, и нравственное насиліе, учиненное имъ надъ самимъ собою, большею частью обнаруживается внѣшнимъ неуспѣхомъ и внутреннимъ диссонансомъ, разъѣдающимъ душевныя силы. Тѣмъ не менѣе этотъ неуспѣхъ похвальнѣе успѣха, эта неудача, это чувство разлада, эта возможность подобнаго,—никуда негоднаго въ практическомъ смыслѣ,—сомнѣнія, составляетъ, по нашему мнѣнію, уже нравственную заслугу такого человѣка и указываетъ на болѣе высокую степень его нравственнаго призванія.

То же явленіе находимъ мы и въ жизни народовъ. Если мы обратимся къ Россіи, то найдемъ, что *исторія* нашей внѣшней политики, хотя и представляетъ не мало темныхъ пятенъ и темныхъ дѣлъ, однако же несравненно чище исторіи внѣшней политики въ другихъ странахъ Западнаго міра. Наша политика могла быть, и бывала, неловкой, недальновидной, наконецъ и порочной и положительно-вредной Русскимъ интересамъ (напримѣръ въ самомъ концѣ XVIII вѣка), но она все же прямодушнѣе и честнѣе политики Англіи или Австріи. И этимъ характеромъ обязана Русская политика не личнымъ свойствамъ государственныхъ людей, а тому обстоятельству, что не смотря на разрывъ образованнаго общества съ народомъ, она все же, и какъ бы противъ воли, не могла оставаться совершенно чуждою народному характеру и внутреннимъ нравственнымъ требованіямъ, лежащимъ въ основѣ нашего историческаго развитія. Только западные публицисты воображаютъ себѣ нашу политику хитрою и коварною: въ Россіи не найдется никого, кто бы серьезно приписалъ ей такое качество. Напротивъ, мы не умѣемъ хитрить и путемъ хитрости достигать нашихъ цѣлей; мы плохіе мастера въ томъ темномъ искусствѣ дипломатіи, которое Западъ возвелъ на степень государственной мудрости и добродѣтели. Въ этомъ искусствѣ насъ всегда перещеголяютъ западные поли-

тики,—и въ этомъ собственно мы видимъ наше нравственное преимущество.

Да, наше преимущество заключается именно въ томъ, что всякое уклоненіе нашей политики отъ началъ нравственныхъ намъ удается плохо и возбуждаетъ сильный протестъ нашей собственной, общественной исторической совѣсти. То, что не тревожитъ совѣсти другихъ народовъ и не нарушаетъ цѣльности ихъ жизненной дѣятельности, то, благодаря Богу, намъ дается не такъ легко: оно или само вѣнчается у насъ неуспѣхомъ (или успѣхомъ весьма кратковременнымъ), или же вноситъ смущеніе, порождаетъ странныя явленія и противодѣйствія въ нашей внутренней общественной жизни. Отношенія англичанъ къ Индіи и Индійцамъ, угнетеніе ими Греческой народности на Іоническихъ островахъ, возмутительно наглые ихъ поступки въ Пиреѣ, сожженіе Греческаго флота—никогда не приводили въ негодованіе общественнаго мнѣнія въ Англіи, и возбуждали только слабые протесты со стороны немногихъ отдѣльныхъ лицъ. Въ Пруссіи едва ли вы найдете хоть одного Пруссака, котораго совѣсть сколько бы нибудь смущалась отношеніями Пруссіи съ Познанью, въ которой германизація, по свидѣтельству самихъ Поляковъ, съ искусствомъ необыкновеннымъ, не Русскимъ (такое неискусство приноситъ намъ честь), почти переселила Польскую національность.

Если бы мы въ состояніи были вообразить себѣ на мѣстѣ Англіи и Пруссіи Россію, то можно было бы навѣрное сказать, что, во-1-хъ, мы бы не съумѣли никогда такъ ловко и выгодно повести дѣло въ матеріальномъ отношеніи: у насъ никогда бы не достало той энергіи зла, той гармоніи злой воли и дѣла, которыя такъ необходимы для успѣха въ дѣлѣ безнравственномъ. Еслибъ способность такой энергіи и проявилась въ отдѣльныхъ личностяхъ, то она никогда бы не обратилась у насъ въ постоянную систему и все наше образованное общество, насколько оно безсознательно остается вѣрнымъ народнымъ Русскимъ началамъ и безсознательно дѣйствуетъ подъ напоромъ исторической народной идеи, проникнулось бы единодушно чувствомъ негодованія, отрицанія, самообличенія и самаго безоглядпаго сострадапія къ угнетеннымъ. Мы говоримъ: «началамъ Русскимъ», и, предупреждая возраженіе, просимъ указать намъ *хоть одинъ примѣръ* въ исторіи западныхъ народовъ, гдѣ бы подобное нравственное требованіе и сострадапіе проявлялось съ такою силою, такъ безкорыстно и даже къ явному матеріальному ущербу своимъ внѣшнимъ государственнымъ интересамъ. Какъ всегда водится, это чувство сострадания нерѣдко переходитъ и въ крайность—тамъ, гдѣ мысль живетъ внѣ историческаго дѣла, сама себя сознаетъ и вѣдаетъ отвлеченною, досужею и, такъ сказать, безотвѣтственною предъ жизнью; сочувствіе къ чужому страданію можетъ простираться тамъ иногда и до непростительнаго забвенія о своихъ кровныхъ страдальцахъ,—но мы указываемъ здѣсь только на главныя черты нашихъ общественныхъ нравственныхъ побужденій. И такъ—Россія не могла бы никогда отнестись къ неправдѣ съ тѣмъ искусствомъ и съ тѣмъ спокойствіемъ общественной совѣсти, съ какимъ относятся Англія къ Іоническому и наша сосѣдка Пруссія къ Познанскому вопросу,—и, повторяемъ, это составляетъ наше великое нравственное достоинство.

Мы говорили условно, воображая себѣ Россію на мѣстѣ Англіи и Пруссіи, но то же самое находимъ мы и въ дѣйствительныхъ отношеніяхъ нашихъ къ Польшѣ и Полякамъ. Въ силу той нравственной основы, о которой сказано нами выше, въ этомъ дѣлѣ намъ, прежде всего, необходимо стоять на почвѣ полнѣйшей нравственной законности. Это необходимо не только само по себѣ, какъ нравственное требованіе, но и какъ основаніе прочной силы и матеріальнаго успѣха. Въ отношеніи къ древнимъ Русскимъ областямъ, населеннымъ нашими кровными, единовѣрными братьями, Малоруссами, Черноруссами, Бѣлоруссами, Россія опирается на несомнѣнное изъ всѣхъ правъ,—нравственное право, или, вѣрнѣе сказать, на нравственныя обязанности братства. Тутъ мы стоимъ за народъ, съ народомъ и во имя народа, за правду воли народной, за его свободу и независимость, за угнетенныхъ противъ угнетателей. Вопросъ ясенъ для разрѣшенія и мы крѣпки сознаніемъ своей правоты и одобреніемъ нашей общественной совѣсти. Въ одномъ изъ №№ нашей газеты мы назвали Польскія притязанія на Кіевъ, Смоленскъ и пр. безумными. Мы удерживаемъ это названіе, потому что другого они и не заслуживаютъ. Они не только вполнѣ безумны, но и безнравственны въ высшемъ смыслѣ слова, потому что основываются на началѣ насилія и направлены противъ свободы народной.

Тѣ же самыя нравственныя основы, права и обязанности существуютъ, разумѣется, и для Грека по отношенію къ Іоническимъ островамъ, и для Поляка по отношенію къ тѣмъ Польскимъ областямъ, гдѣ народъ или польскаго происхожденія, или говоритъ по Польски, исповѣдуетъ католическую религію и вообще не отдѣляетъ себя и своей исторической судьбы отъ своихъ Польскихъ братій. Осуждая со всею рѣзкостью правды притязанія Поляковъ на Смоленскъ и Кіевъ, мы бы погрѣшили противъ логическаго смысла, если бы стали осуждать законность ихъ патріотизма въ отношеніи къ Познани, Кракову и Варшавѣ. Если Австріецъ и Пруссакъ не надѣлены совѣстью довольно чуткой, чтобъ съ нравственной точки зрѣнія вполнѣ вѣрно оцѣнить: въ какомъ отношеніи къ нимъ находится Польская народность,—то мы можемъ похвалиться особенною милостію Божіей въ томъ смыслѣ, что намъ дано чувствовать всякое уклоненіе отъ нравственнаго закона, чувствовать всякую малѣйшую неправду, и слѣдовательно, ту ея долю, какую историческій жребій могъ присудить намъ въ отношеніи къ Польшѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, Нѣмецкія газеты исполнены самыхъ рѣзкихъ выходокъ противъ Россіи за слабость ея дѣйствій относительно Польши. Онѣ требуютъ отъ насъ той неразборчивой энергіи, которую, безъ сомнѣнія, проявилъ бы Нѣмецъ, если бы находился на нашемъ мѣстѣ. Къ энергіи зла Россія неспособна, но этого еще мало: если бы мы и вздумали ее проявить, она, къ счастію, никогда не принесла бы намъ тѣхъ вкусныхъ плодовъ, какіе приноситъ другимъ: *вкушать* ихъ не дастъ намъ наша собственная общественная совѣсть. Не мало у насъ силы матеріальной: предъ могуществомъ, опирающимся на 60 милліоновъ народонаселенія, безсиленъ 5-ти милліонный народъ; но такова важность нравственнаго начала справедливости для такого нравственнаго народа, каковъ Русской, что для этой матеріальной силы, при всемъ ея могуществѣ, необходимо сознаніе своей безусловной нравственной правоты.

Нѣтъ сомнѣнія, что паденіе Польши было подготовлено внутреннимъ разложеніемъ Польскаго общества, ложью шляхетства и католицизма, измѣною ея Славянскимъ началамъ, гордыней и нетерпимостью Польской національности, ненавистью, возбужденною ею въ прочихъ братскихъ народахъ. Существованіе Польши въ ея прежнемъ видѣ и устройствѣ, на основаніи началъ, выразившихъ себя въ ея исторіи, было, по всѣмъ историческимъ вѣроятностямъ, уже долѣе невозможно; задорное, безпокойное сосѣдство препятствовало свободному развитію Россіи, и историческая Немезида отомстила Польшѣ всѣ неправды ея, совершенныя надъ Русскимъ народомъ въ началѣ XVII вѣка. —Все это, положимъ, и справедливо; но событія, сопровождавшія конецъ Польши, помѣшавши ея политическому бытію умереть свободною смертью, обновили новою жизнью Польскую національность и сообщили ей ту нравственную силу, которую она проявляетъ и до сихъ поръ. По новѣйшимъ историческимъ изслѣдованіямъ оказывается несомнѣннымъ, что весь планъ, на основаніи котораго совершился раздѣлъ Польши, принадлежитъ изобрѣтательности Фридриха II-го, такъ-называемаго Великаго, который умѣлъ въ то же время такъ искусно повести дѣло, что осужденіе легло всею своею тяжестью на Россію, менѣе всѣхъ неправую въ этомъ дѣлѣ. Извѣстно всѣмъ, что Россія при раздѣлѣ Польши возвратила себѣ только древнія Русскія области и взяла Литву, и что такъ-называемое Царство Польское досталось намъ уже по рѣшенію Вѣнскаго конгресса. Конечно, Россія могла бы совершить это возвращеніе инымъ, болѣе прямымъ способомъ: по требованію ли угнетеннаго народа въ тѣхъ Русскихъ областяхъ, или открытой войною,—но все это еще не составляетъ большой важности при несомнѣнномъ ея правѣ на эти земли. По присоединеніи Царства Польскаго, Россія даровала ему конституцію, и сама Польская народность обязана своею жизнью, между прочимъ, тому нашему неумѣнью, которое, какъ мы сказали, составляетъ нашу нравственную заслугу въ исторіи. Если въ чемъ можно отыскивать нашу вину, то развѣ въ томъ потворствѣ властолюбивымъ притязаніямъ нашихъ сосѣдей и въ согласіи на подчиненіе свободнаго Славянскаго племени иноземному владычеству. Вообще говоря, Россія менѣе всѣхъ неправа въ раздѣлѣ и уничтоженіи Польши, но, какъ страна нравственная, тяжелѣе всѣхъ чувствуетъ то, что было неправаго въ этомъ дѣлѣ.

Отсюда ясно, что для спокойствія нашей народной совѣсти намъ необходимо дать просторъ и силу нравственному принципу и добиться правды въ отношеніяхъ нашихъ къ Полякамъ. Мы, конечно, не беремъ на себя смѣлости предлагать разрѣшеніе Польскаго вопроса: онъ связанъ съ вопросомъ о государственной территоріи, съ требованіями Европейской политики и съ разными другими соображеніями, большею частію даже и недоступными частному человѣку, —но мы разсматриваемъ дѣло со стороны нравственной и, высказавши однажды въ газетѣ своей взглядъ на Польскія притязанія относительно Бѣлоруссіи и Малороссіи, считаемъ себя въ обязанности высказать наше мнѣніе съ большею полнотою. Многіе, можетъ быть, упрекнутъ насъ въ идеализаціи: пусть рѣшатъ это сами читатели.

По нашему личному убѣжденію, намъ слѣдуетъ, какъ мы уже сказали, добиться правды въ отношеніяхъ нашихъ къ Полякамъ, а для этого: добиться отъ нихъ толкомъ, чего собственно имъ нужно и чего они хотятъ.

Намъ кажется, что, между прочимъ, откровенная, вполнѣ откровенная литературная полемика всего сильнѣе,—мало того,—всего чище могла бы способствовать къ разъясненію дѣла и къ вразумленію нашей собственной недоумѣвающей совѣсти. Мирное братское обсужденіе междуплеменныхъ, взаимныхъ правъ и отношеній; ясное сознаніе, добытое такимъ путемъ, просвѣщенное безпристрастнымъ уваженіемъ къ истинѣ и согрѣтое взаимною любовью и снисходительностію: какой бы другой исходъ могъ быть нравственно-сообразнѣе, какое послѣдствіе желательнѣе, какой путь святѣе? Но вѣроятно ли это и возможно ли? Къ несчастію, всевѣковой опытъ увѣряетъ насъ, что желанія страстныя, но не основательныя, рѣдко уступаютъ простому убѣжденію. Человѣкъ безсильный, но полный смѣлаго жара, не склоняется, обыкновенно, ни предъ какими самыми очевидными доводами: онъ ищетъ дознать опытомъ свою способность къ дѣйствію,—и дѣйствительно только опытомъ, вещественно, обличается въ несправедливости своихъ порывовъ, и узнаетъ свое настоящее мѣсто и призваніе.

Позволимъ же себѣ мечтательное предположеніе. Предположимъ, что мы вышли бы изъ настоящей Польши и стали на нашихъ Русскихъ границахъ. Твердо охраняя послѣднія, мы бы тогда пребыли терпѣливыми и безстрастными свидѣтелями ея внутренней борьбы и работы. Безъ сомнѣнія, это было бы не только вполнѣ нравственно чисто, но даже великодушно. Продолжая наше предположеніе, спросимъ: въ силахъ ли были бы Поляки создать что-либо стройное и прочное, и не вредно ли было бы намъ ихъ сосѣдство? Какъ ни трудно отвѣтить на этотъ вопросъ, но разсмотримъ однако его поближе.

Если дѣйствительно къ Полякамъ могутъ быть примѣнены слова Наполеона о Бурбонахъ: они ничего не забыли и ничему не выучились, то можно навѣрное сказать: существованіе ихъ было бы недолговѣчно. Ультрамонтанскій католическій фанатизмъ, шляхетскій аристократизмъ и исключительная гордая національность, проявляемыя ими и теперь въ Галиціи и Холмскомъ округѣ, если и могутъ давать силу въ отпорѣ, не могутъ однако, сами по себѣ, служить началомъ созидающимъ въ наше время, когда ложь, лежащая въ этомъ началѣ, уже открыта сознанію всего человѣчества. Если бы Поляки, увлеченные политическими мечтами, перешли свои предѣлы и вторглись, напримѣръ, къ намъ, то не только бы встрѣтили несокрушимый отпоръ народный, но дали бы намъ полное нравственное право наказать ихъ беззаконіе и уничтожить причину неправедныхъ кровопролитій. Если же Поляки въ состояніи переродиться, покаяться въ своихъ историческихъ заблужденіяхъ и стать Славянскимъ мирнымъ народомъ, то, конечно, Русскій народъ былъ бы радъ видѣть въ нихъ добрыхъ родственныхъ сосѣдей. Впрочемъ мы думаемъ, что во всякомъ случаѣ Польша сама бы тогда, черезъ нѣсколько лѣтъ, стала искать—на этотъ разъ уже добровольнаго и искренняго—возсоединенія съ Россіею. Язва на нашемъ тѣлѣ, такъ долго и мучительно болѣвшая, исцѣлилась бы тогда, наконецъ, совершенно; въ нашей общественной совѣсти болѣе не оставалось бы недоразумѣнія, и нравственное начало вполнѣ бы торжествовало.

Неужели нельзя достигнуть этого результата путемъ мирнымъ и раз-

судительнымъ? Неужели Поляки, забывъ правило respice finem (взирай на конецъ), захотѣли бы подвергнуть себя и свою страну предварительнымъ тяжелымъ испытаніямъ, бѣдственнымъ историческимъ урокамъ? Неужели ихъ можетъ вразумить только *событіе*, и никакіе другіе доводы разума имъ недоступны?—Мы убѣждены, что рано или поздно послѣдуетъ тѣснѣйшее и полнѣйшее, искреннее соединеніе Славянской Польши съ Славянскою же Россіей, что къ тому ведетъ непреложный ходъ исторіи,—но не лучше ли, въ виду такого неизбѣжнаго историческаго рѣшенія, предупредить все, что грозитъ намъ бѣдой, враждой и раздоромъ, и добровольно, сознательно, покаясь взаимно въ историческихъ грѣхахъ своихъ, соединиться вмѣстѣ братскимъ тѣснымъ союзомъ противъ общихъ враговъ—нашихъ и всего Славянства?

Мы старались выразить нашу мысль, *по возможности*, ясно, и надѣемся, что она не подастъ повода къ тяжелымъ недоразумѣніямъ. Мы ничѣмъ лучше не можемъ заключить нашу статью, какъ стихами Хомякова, написанными въ 1831 году, во время Польской войны, когда всѣ прочіе Русскіе поэты были одушевлены чувствами, болѣе или менѣе противоположными тѣмъ, какія высказаны Хомяковымъ.

Да будутъ прокляты сраженья,
Одноплеменниковъ раздоръ,
И перешедшей въ поколѣнья
Вражды безсмысленной позоръ!
Да будутъ прокляты преданья,
Вѣковъ исчезнувшихъ обманъ,
И повѣсть мщенья и страданья,
Вина неисцѣлимыхъ ранъ!

И взоръ поэта вдохновенный
Ужъ видитъ новый вѣкъ чудесъ...
Онъ видитъ: гордо надъ вселенной,
До свода синяго небесъ,
Орлы Славянскіе взлетаютъ
Широкимъ дерзостнымъ крыломъ...
Ихъ твердъ союзъ, горятъ Перуны,
Законъ ихъ властенъ надъ землей,
И будущихъ баяновъ струны
Поютъ согласье и покой!

Отвѣтъ на письмо, подписанное «Бѣлоруссъ».

Москва, 26-го января 1862 г.

Кто же это вы? Если бы письмо не было подписано «Бѣлоруссъ», мы бы подумали, что оно писано Полякомъ. Тогда мы бы сказали Поляку, что онъ пришлецъ въ этой Русской землѣ, что мы обращаемся не къ нему, а къ истинному хозяину земли, къ народу, а Поляку посовѣтовали бы не распоряжаться въ чужомъ дому, уважать и слушаться хозяина, или же оставить его въ покоѣ и возвратиться въ Польшу. Къ Бѣлоруссу мы имѣемъ полное право обратиться съ братскимъ призывомъ и, принося полное чистосердечное покаяніе во всѣхъ нашихъ неправдахъ передъ

нимъ, въ нашемъ забвеніи его правъ, его человѣческаго достоинства и нашей братской связи,—протянуть ему братскую руку помощи противъ всякихъ враговъ и утѣснителей его духовной и гражданской свободы.

Подъ письмомъ подпись Бѣлорусса, но образъ мыслей не Русскій, и даже не Славянскій, и сильно отзывается шляхетско-Польскимъ міросозерцаніемъ. Разсмотримъ самое письмо поподробнѣе.

Вы говорите о храмахъ, воздвигнутыхъ Польскимъ владычествомъ, храмахъ католическихъ, гдѣ народъ находилъ себѣ питаніе и воспитаніе, т.-е. образованіе. Это справедливо, но какое это было образованіе? Образованіе совершенно противное духу народнаго вѣроисповѣданія, т.-е. православія, образованіе, соблазнявшее людей въ ложь католицизма, въ узкость патріотизма, въ гордость и надменность шляхетства. Такое образованіе, враждебное Русской народности, прорыло глубокую бездну между православнымъ Бѣлоруссомъ и ополяченнымъ Бѣлорусскимъ шляхтичемъ. — Какъ ни тяжелъ гнетъ матеріальный, но все же онъ легче и менѣе опасенъ, чѣмъ гнетъ *духовный*, а таковъ именно былъ гнетъ Польско-католическій. Вы говорите—о свободѣ вѣроисповѣданій... Въ какое время? Бывшая когда-то свобода давно заслонилась въ памяти народной—эпохою кровавыхъ казней и мучительныхъ преслѣдованій. Не о томъ ли времени вы говорите, когда церкви отдавались на аренду жидамъ, и за свободу своей вѣры возстали и гибли мучениками, на Варшавскихъ площадяхъ, Малороссійскіе казаки? Я упомянулъ о Малороссіи потому, что вы сами упомянули о Кіевѣ; что же касается до Бѣлоруссіи собственно, то прочтите I и II томы «Литовской церковной уніи» Кояловича, и вы перестанете хвалиться Польскою вѣротерпимостью. А проектъ ксендза іезуита, напечатанный въ 17 № нашей газеты?..

Народъ, простой народъ, который обыкновенно называютъ рабомъ нужды и который дѣйствительно угнетенъ вѣчною заботою о кускѣ насущнаго хлѣба, народъ тѣмъ не менѣе свято хранитъ залогъ, завѣщанный ему отцами, залогъ лучшей стороны своего бытія, залогъ вѣры и нравственной истины! Грубый, невѣжественный, погрязшій повидимому въ матеріальныхъ интересахъ, онъ всегда жертвовалъ всѣмъ за интересъ духовный, за невещественный интересъ своей народности; онъ всегда былъ тверже и крѣпче и вѣрнѣе—своихъ благородныхъ представителей, образованныхъ дворянъ и шляхтичей; онъ сберегалъ и сберегаетъ для будущихъ поколѣній возможность духовнаго и гражданскаго возрожденія. Онъ не равнодушенъ къ вопросу вѣры, какъ Бѣлорусскіе образованные «патріоты», а тотъ, кто не сливается съ народомъ въ этомъ чувствѣ, тотъ никогда не пойметъ требованій народныхъ, тотъ не въ правѣ говорить отъ имени народа и причислять себя къ нему, тотъ не увлечетъ за собою народной силы!..

Вы намекаете на помощь изъ теплѣйшей страны. Этотъ намекъ намъ не понятенъ. Что это—Римъ, Италія? Неужели вы еще въ состояніи увлекаться такими безплодными мечтами? Такое легкомысліе составляетъ одно изъ печальныхъ свойствъ Польскаго характера и совершенно несвойственно Бѣлоруссу, а потому и позволительно спросить—точно ли вы Бѣлоруссъ, не просто ли вы Полякъ или ополяченный шляхтичъ? Во всякомъ случаѣ—между вами и народомъ цѣлая бездна!

Но защищать себя, свои дѣйствія въ Бѣлоруссіи, развращеніе и отравленіе народа откупомъ,—и мало ли что — вы еще многое забыли, — защищать всего этого мы не можемъ и не станемъ, и правда вашихъ обвинительныхъ словъ ослабляетъ силу нашего слова.

Въ заключеніе, позвольте мнѣ точнѣе и яснѣе обозначить, за что и во имя чего стоитъ, по отношенію къ Западной Россіи, наша газета.

1) Мы стоимъ за народъ, съ народомъ и во имя народа, противъ гнета шляхетства и католицизма, гнета, издавна томящаго и давящаго народъ и имѣющаго цѣлью сломить въ немъ начало Русской народности; однимъ словомъ, мы на Русской землѣ стоимъ за народъ противу полонизма, вооруженнаго всякими гражданскими, матеріальными и духовными орудіями порабощенія.

2) Мы объявляемъ себя противъ всякаго насилія, угнетенія, гоненія, преслѣдованія, всякой неправды — Русской, Польской, Жидовской, какого бы наименованія она ни была и на кого бы ни падала, — на Русскаго, Поляка, Жида, крестьянина, шляхтича, мѣщанина, или кого бы то ни было. Разумѣется—только въ такомъ случаѣ, если насиліе не вызвано, само собою, насиліемъ же: такъ напримѣръ—воровство и грабежъ, наказываемые силою, не возбудятъ нашего протеста и негодованія.

3) Мы стоимъ за полную *свободу* жизни и развитія каждой народности, но мы разумѣемъ свободу иначе, чѣмъ польскіе шляхтичи, которые не считаютъ народъ достойнымъ свободы, которые признаютъ позволительнымъ, по отношенію къ *хлопской вѣрѣ* и къ грубому *люду*, прибѣгать къ мѣрамъ духовнаго насилія и которые воображаютъ, что ихъ понятія и требованія свободы мирятся съ крѣпостною неволей и разореніемъ народа.

4) Но, признавая свободу развитія каждой народности, мы считаемъ себя въ полномъ правѣ, въ области слова, свободнаго отъ всякаго внѣшняго насилія, высказывать наши мысли, давать совѣты, указывать опасности, однимъ словомъ, способствовать истинному направленію въ развитіи народномъ, по нашему крайнему разумѣнію, — съ предоставленіемъ, разумѣется, народу полнѣйшаго права — принять или отвергнуть наши совѣты.

5) Бѣлоруссовъ мы считаемъ своими братьями, по крови и по духу, и думаемъ, что Русскіе всѣхъ наименованій должны составлять одну общую сплошную семью, для которой и радость, и горе, и испытанія, и труды, и побѣды, должны быть едины, общіе; которую не напрасно вновь соединила исторія, но которой члены, какъ и въ человѣческой семьѣ, нисколько не теряютъ отъ того своей личности и своей особенности. Таково наше убѣжденіе и таково наше горячее желаніе, но еще сильнѣе и горячѣе желаемъ мы, чтобы осуществленіе этого желанія совершилось внѣ всякаго внѣшняго вмѣшательства.

Вотъ нашъ отвѣтъ и вамъ, и г. Грабовскому, и всѣмъ, думающимъ одинаково съ вами. Вы не должны оскорбляться нашимъ отвѣтомъ, точно такъ же какъ и мы не оскорбляемся вашими упреками, а стараемся вникнуть—какіе изъ нихъ правы, и какіе ложны...

По поводу притязаній Поляковъ на Литву, Бѣлоруссію, Волынь и Подолію.

Москва, 6-го октября 1862 г.

Какъ въ карточной игрѣ тасуютъ масти въ колодахъ, какъ въ первой четверти нынѣшняго столѣтія тасовались и народности въ той — своего рода карточной политической игрѣ, которая разыгрывалась на знаменитомъ Вѣнскомъ конгрессѣ. Собравшіяся власти, въ заботахъ о благоустройствѣ Европы,—котораго онѣ надѣялись достигнуть способомъ политическаго равновѣсія, механически понимаемаго,—кроили, размѣривали и развѣшивали; довѣшивали и домѣривали разныя доли — т. е. разныя племена и народы, въ пользу того или другого государственнаго построенія. Онѣ не принимали въ соображеніе ни народныхъ требованій и влеченій, ни племенного различія, вражды или склонности, ни стремленій къ самостоятельному развитію, ни правъ на жизнь и бытіе, предъявляемыхъ народностями. Онѣ распоряжались судьбами народовъ и цѣлыхъ странъ, не справляясь ни съ ихъ исторіей, ни съ ихъ волей, и совершали странныя, противоестественныя, насильственныя сочетанія (напримѣръ хоть Итальянцевъ съ Нѣмцами), внося, вмѣстѣ съ внѣшнимъ матеріальнымъ равновѣсіемъ, такое нравственное неравновѣсіе, которое привело въ постоянное колебаніе и сотрясеніе политическую систему Европы.

Но если подобнаго рода воззрѣнія и пріемы возможны были въ эпоху Вѣнскаго конгресса, то въ наше время они не только утратили значеніе дѣйствующаго въ исторіи принципа, но стали въ явное противорѣчіе съ современнымъ могучимъ историческимъ двигателемъ — идеею національности.

Если явленія, порожденныя системою безцеремонной бюрократической, насильственной перетасовки, административнаго сочлененія и расчлененія народностей, продолжаютъ еще существовать и понынѣ, то самое начало давно осуждено и отвергнуто — нравственно-политическимъ сознаніемъ всего образованнаго міра, и едва ли найдутся люди съ такимъ тѣснымъ, узкимъ политическимъ взглядомъ, которые захотѣли бы вернуться къ печальнымъ преданіямъ Вѣнскаго конгресса.

И однакоже нашлись.

Нашлись именно въ той странѣ, которая, повидимому, всю силу жизни почерпаетъ изъ принципа національности, т. е. національной свободы, самобытности развитія, самостоятельности гражданской и духовной; въ странѣ, которая славится своимъ патріотизмомъ и, казалось, строже всѣхъ должна была бы блюсти чистоту начала, на которомъ основываетъ свое право. Да, именно въ Польшѣ, въ просвѣщенной общественной средѣ, нашлись люди, которые, ратуя за начало собственной національной свободы, въ то же время не могутъ отрѣшиться, въ отношеніи къ другимъ народностямъ, отъ теорій, завѣщанныхъ Вѣнскимъ конгрессомъ, — и такимъ грубымъ противорѣчіемъ, сами, въ роковомъ ослѣпленіи, подрываютъ свое собственное дѣло! Всѣ журналы Русскіе и иностранные сообщили извѣстіе о томъ, что до 300 Польскихъ помѣщиковъ, съѣхавшись въ Вар-

шавѣ, написали, по совѣту будто бы графа Андрея Замойскаго, проектъ адреса къ Русскому правительству съ требованіемъ безусловнаго присоединенія или, лучше сказать, включенія въ составъ Польши: Литвы, Бѣлоруссіи, Волыни и Подоліи, нѣкогда принадлежавшихъ Польской коронѣ. Не неумѣренность требованій насъ поражаетъ: къ несчастію, мы къ нимъ уже привыкли и они не представляютъ намъ ничего новаго, но насъ глубоко оскорбляетъ и возмущаетъ самое отношеніе Польскихъ патріотовъ къ такому жизненному для Русской народности интересу: Польское дворянство обращается къ правительству съ требованіемъ, чтобы оно, ни много ни мало, отчислило до десятка милліоновъ Русскаго населенія въ подчиненіе чужой народности и въ составъ чужой страны; Польское дворянство полагаетъ, что удовлетвореніе подобной просьбы, гдѣ дѣло идетъ о нарушеніи цѣльности всего Русскаго племени, можетъ зависѣть отъ доброй воли правительства!.. Оно, не задумываясь, объявляетъ, что вѣковая историческая тяжба двухъ народностей, что сложный, громадный вопросъ о политическихъ правахъ Русскаго православнаго населенія и ополяченнаго, окатоличеннаго туземнаго общества на Древле-Русскія земли, о вѣковой борьбѣ двухъ разныхъ просвѣтительныхъ началъ и разныхъ соціально-политическихъ тенденцій,—этотъ трудный, мучительный вопросъ можетъ быть разрѣшенъ ex abrupto, бюрократически, *административнымъ порядкомъ!* Польскіе дворяне домогаются, чтобы правительство сослужило имъ ту службу, для которой у нихъ уже отняты исторіею всѣ средства, какъ въ настоящемъ, *такъ и въ будущемъ;* они насильственнымъ дѣйствіемъ власти хотятъ произвести въ Польшу не только Литву и Бѣлоруссію, но и Заднѣпровскую Украйну...

«Меня не худо бы спроситься,
Вѣдь я ей нѣсколько сродни!»

могъ бы юмористически замѣтить имъ, при этомъ случаѣ, народъ въ Украйнѣ (точно такъ же, какъ и въ Бѣлоруссіи, и даже въ Литвѣ), но, къ счастію для Поляковъ, свѣдѣніе объ ихъ Польскихъ попыткахъ до него не доходитъ,—если только сами Поляки, по неосторожности, не довели уже о томъ до его вѣдома.

Намъ истинно жаль, что Польскіе дворяне, возбуждавшіе всегда, несокрушимою живучестью своего патріотизма, наше искреннее уваженіе, обнаруживаютъ столько деспотической примѣси въ своемъ патріотизмѣ, столько узости въ своихъ гражданскихъ тенденціяхъ, такую солидарность съ принципами Вѣнскаго конгресса, такое сходство въ своихъ политическихъ теоріяхъ съ теоріями знаменитыхъ Австрійцевъ Тугута, Меттерниха, Шварценберга, Баха и иныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы въ правѣ полагать, что стремленія, напримѣръ, Чешскаго народа къ самостоятельности и независимости отъ тевтонизма не встрѣчаютъ никакого сочувствія въ Польскомъ обществѣ (несмотря на всѣ его громкія увѣренія), и что оно, напротивъ, сочувствуетъ незначительной части Чешскаго народа, именно Чешскому онѣмеченному дворянству, которое вѣнцомъ своихъ мечтаній поставляетъ окончательное, нераздѣльное, гражданское и духовное слитіе съ Нѣмецкой стихіей Австріи, знать не хочетъ простого Чешскаго народа и требуетъ отъ Австрійскаго правительства, по отношенію къ Чехіи, энер-

гическихъ дѣйствій извѣстнаго качества. Положеніе дѣла совершенно то же въ Бѣлоруссіи, Волыни и Подоліи: точно та же запутанность отношеній, точно также часть туземнаго общества, отступивъ отъ Русской народности (какъ Чешское дворянство отъ Чешской), подпала вліянію полонизма (какъ Чешское тевтонизма); точно также презираетъ оно Русскій народъ въ Русской землѣ (какъ Чешское дворянство Чешскій народъ въ Чехіи); точно также, вопреки волѣ и стремленіямъ народнымъ, прибѣгаетъ теперь къ внѣшней силѣ, чтобы ввести Русь въ составъ Польши (какъ это дѣлаютъ Шварценберги и другіе Чешскіе аристократы относительно Австрійскаго гезамтфатерланда). Если только есть въ мірѣ логика, если хоть сколько-нибудь уважается она Поляками, не могутъ же они не признать, что дѣйствуютъ относительно Западно-Русскаго населенія совершенно по одному и тому же принципу съ Австрійцами и онѣмеченными Чешскими аристократами.

Попробуемъ теперь перенестись въ область самой нелѣпой, необузданной фантазіи, и сдѣлаемъ самое несбыточное, дикое предположеніе, что просьба Поляковъ вызвала согласіе правительства. При всемъ невыгодномъ мнѣніи (и—съ горестью сознаемся—отчасти заслуженномъ) Польскихъ патріотовъ о Русскомъ патріотизмѣ, трудно вообразить, чтобы они повѣрили въ дѣйствительность такого согласія!.. Къ несчастію для нихъ, одного этого согласія мало: требуется согласіе еще нѣкотораго лица, котораго Польское дворянство, съ изумительнымъ легкомысліемъ, свойственнымъ только деспотизму, должно-быть и не примѣтило. Это лицо — Русскій народъ. Не говоримъ даже о всей Россіи, но какъ вы думаете, гг. Польскіе дворяне, отдастъ вамъ Южнорусское племя свой Кіевъ, хотя бы на это изъявили свое согласіе не только Санктпетербургъ, но и Москва? Позволитъ вамъ Украйна, полная досилѣ животрепещущихъ воспоминаній (которыхъ, изъ уваженія къ вамъ, перечислять мы не будемъ), позволитъ она вамъ присылать ей указы изъ Варшавы? Какъ вы думаете, повѣритъ она, пережившая унію, вашей Польской вѣротерпимости, и вручитъ вамъ судьбу своей церкви и своей народности? Неужели простодушіе вашего патріотизма простирается до такой степени, что вы можете мечтать, будто Русскій народъ въ древней, коренной Руси, — тяжелою борьбою сквозь цѣлые вѣка донесшій до нашего времени свою народность цѣлою и неповрежденною,—самъ добровольно, во утѣшеніе политическаго честолюбія Польскихъ патріотовъ, себя обезъязычитъ и обезнародитъ? Вы можете дѣлать обѣщанія, какія угодно; народъ уже извѣрился въ васъ; славныя преданія Польской исторіи о вѣротерпимости Польши и объ ея уваженіи къ національной свободѣ давно заслонены кровавою памятью уніи, нашествія іезуитовъ, казацкихъ войнъ и народныхъ бѣдствій XVII вѣка, — съ котораго собственно и начинается лѣтосчисленіе современныхъ отношеній обѣихъ народностей. Да и въ правѣ ли былъ бы народъ повѣрить вашимъ обѣщаніямъ, когда вы не отреклись отъ того, что именно поколебало въ немъ его прежнюю довѣренность? Вы подаете прошеніе нашѣ о возобновленіи уніи; вы выше, чѣмъ когда-либо, держите знамя не только католицизма, но и іезуитовъ; у васъ примѣняется къ дѣлу іезуитское правило, что чистая цѣль оправдываетъ средства, даже безнравственныя, даже такія, какихъ чуждалась Польша въ самыя скорбныя эпохи своей исторіи!..

Вы, наконецъ, оказываете и теперь полное презрѣніе къ правамъ Русской народности, пытаясь навязать ей насильно иную историческую участь, рѣшить ея судьбу помимо ея, безъ ея согласія и даже безъ ея спроса!

Вопросъ объ отдѣленіи отъ Россіи Западно-Русскаго края есть вопросъ не административный, а земскій; не мѣстный только, а всенародный и все-Русскій. Таковымъ, т. е. всенароднымъ и все-Русскимъ, онъ сталъ не въ силу внѣшняго принужденія или формальнаго права, а по самому существу своему, въ силу естественнаго тяготѣнія Руси Бѣлой, Малой, Великой, Черной и Червонной другъ къ другу, въ силу ихъ общаго историческаго стремленія создать политическое и земское, гражданское и духовное единство всего Русскаго народа, — съ сохраненіемъ свободы племенныхъ особенностей каждой изъ нихъ. Разрушить это единство, выработанное (хотя еще и не вполнѣ) цѣлымъ тысячелѣтіемъ трудной исторической жизни, разрушить его, не нанеся смерти политическому бытію Русскаго народа, или замѣнить это единство какою-то федераціею, точно такъ же невозможно, какъ невозможно сохранить жизнь въ человѣческомъ организмѣ, раздробивъ его на части, или замѣтивъ органическое срощеніе частей — внѣшнею связью. Малоруссія, Бѣлоруссія, Великоруссія — это уже *тѣло* одно цѣльное, недѣлимое, — и отрывать ихъ другъ отъ друга все равно, что разрывать *тѣло* на части; отрѣзывать отъ нихъ Кіевъ, или какую бы то ни было населенную Русскую мѣстность — значило бы рѣзать *по живому тѣлу*. Неужели этого не понимаютъ Поляки? А имъ бы слѣдовало понимать это лучше, чѣмъ кому-либо другому, потому что никто, какъ они, не заявлялъ міру о такомъ могуществѣ любви къ своему народу, о такой вѣрѣ въ свою народность.

Мы желали бы, чтобъ они поняли. День» уже довольно ясно опредѣлилъ свою точку зрѣнія на Польскія дѣла. Въ силу того же начала, которое заставляетъ насъ такъ горячо отстаивать права Русской народности противъ Польскаго домогательства, въ силу этого же живого начала стоимъ мы и за права Польской народности въ предѣлахъ Польши,—*Польши*, а не Волыни, Подоліи, Бѣлоруссіи и проч. Читателямъ нашимъ вѣрно памятны статьи одного изъ нашихъ сотрудниковъ, въ которыхъ такъ ясно доказывалась необходимость и польза для самой Россіи въ существованіи самобытнаго государственнаго Польскаго центра, который бы оттянулъ къ себѣ все Польское изъ Русскихъ областей, очистилъ бы ихъ отъ Польскаго наплыва и сталъ бы твердымъ оплотомъ противъ напора Нѣмецкой стихіи. Тѣмъ болѣе жаль, что Поляки сами стараются объ охлажденіи къ себѣ сочувствія Русскаго общества, и неуваженіемъ къ правамъ Русской народности поддерживаютъ раздраженіе въ Русскомъ народѣ и отдаляютъ эпоху примиренія. Поляки сами портятъ свое дѣло. Если бы кто-либо, лишенный свободы дѣйствія, сказалъ самому пылкому гуманисту: развяжи мнѣ руки, чтобъ я могъ тебя побить и изувѣчить, — сомнѣваемся, чтобы гуманистъ, какъ бы онъ искрененъ ни былъ, согласился предоставить ему свободу,—т. е. возможность исполнить свою угрозу. Точно въ такое же положеніе ставятъ Поляки и Россію, заранѣе предъявляя притязанія на Кіевъ, Волынь, Подолію и пр., расточая воинственныя похвальбы и угрозы! Неужели такими средствами можно достигнуть скораго и благопріятнаго разрѣшенія вопроса и смѣнить пагубную вражду животворнымъ миромъ?

Неужели же всѣ Поляки таковы, какъ эти 300 дворянъ, написавшихъ адресъ и придерживающихся деспотическихъ теорій Вѣнскаго конгресса? Еслибъ это могло быть, — было бы отчего придти въ отчаяніе за будущность Польши!

Не упрекъ и брань должны видѣть Поляки въ нашихъ словахъ, а дружески-искренній совѣтъ и предостереженіе. Приглашаемъ ихъ снова, оставивъ поле внѣшняго политическаго дѣйствованія, вступить съ нами въ открытую борьбу въ области литературнаго слова: предлагаемъ имъ снова столбцы нашей газеты.

О «всенародномъ» Польскомъ Сеймѣ для рѣшенія Польскаго вопроса.

Москва, 2-го февраля 1863 г.

Мы медлили до сихъ поръ сказать наше слово по поводу Польскихъ событій. Мы не дали въ себѣ воли ни оскорбленному чувству народной гордости, мгновенно пробуждающейся и выростающей при всякомъ дерзкомъ на нее посягательствѣ, ни простому, естественному, вполнѣ справедливому въ Русскомъ человѣкѣ чувству негодованія и мести, въ виду мучительной смерти Русскихъ солдатъ, въ виду столькихъ жертвъ Польской кровожадности, неистовства и того утонченнаго звѣрства, къ которому способенъ только звѣрь-человѣкъ. Мы знали, что мстители явятся и за отмщеніемъ дѣло не станетъ, и потому считали излишнимъ взывать и съ своей стороны къ гнѣву и карѣ, и безъ того неминуемымъ и ужъ вступившимъ въ свои печальныя, законныя права. Напротивъ, мы старались, по возможности, соблюсти въ себѣ трезвость и свободу сужденія и только выжидали, чтобы точнѣе опредѣлились основныя стихіи—такъ внезапно охватившаго насъ событія.

Насъ, прежде всего, занимаетъ вопросъ: война ли это — международная, междуусобная, или же только мятежъ подданныхъ, въ нѣсколькихъ губерніяхъ, противъ законной власти? Національное ли это возстаніе, или просто бунтъ недовольныхъ? Съ кѣмъ собственно имѣемъ мы дѣло: съ Польшею ли, со всею страной, со всѣмъ народомъ, или же только съ партіею, съ тѣмъ или другимъ классомъ населенія? Наконецъ — что̀ это? Домашніе ли счеты управляемыхъ съ управляющими, или же высшія побужденія національнаго духа, стремящагося къ политической независимости и свободѣ?

Если брать во вниманіе одни внѣшніе признаки, какъ это дѣлаютъ нѣкоторыя газеты и большая часть Русской публики, то мы — или вовсе не найдемъ разрѣшенія нашему вопросу, или же придемъ къ самымъ ошибочнымъ выводамъ. Судя по газетнымъ извѣстіямъ и отзывамъ, настоящее движеніе въ Польшѣ не есть возстаніе всеобщее, а мятежъ одной части населенія, преимущественно городскаго, мелкаго шляхетства и пролетаріевъ всякаго рода, возбуждаемыхъ и предводимыхъ ярыми и бѣшеными демагогами. Дѣйствительно, всѣ публикуемыя подробности мятежническихъ

дѣйствій удостовѣряютъ насъ въ томъ, что движеніе это запечатлѣно характеромъ демократическаго террора, что высшее дворянство, —Польскіе магнаты,—и сельское народонаселеніе не принимаютъ въ немъ почти никакаго участія. Мы бы и съ своей стороны желали успокоиться на этой отрадной увѣренности, но, повторяемъ, едвали благоразумно будетъ убаюкиваться этими внѣшними признаками. Можетъ быть, Польскіе магнаты только выжидаютъ первыхъ успѣховъ мятежа, чтобы стать во главу демократической партіи и такимъ образомъ удержать за собою то вліяніе и значеніе, которое они рискуютъ утратить при грозномъ разгулѣ демократическаго урагана. Предполагая даже значительную долю политическаго благоразумія въ Польской аристократіи (чему доказательствъ, впрочемъ, мало представляетъ исторія), мы не можемъ не признать, что трудно Польскому магнату, какихъ бы убѣжденій онъ ни былъ въ своей душѣ, явить себя открыто противникомъ знамени народной самостоятельности и свободы; да и во всякомъ случаѣ 1862 годъ доказалъ намъ ясно, что Польскіе аристократы, начиная съ графа Замойскаго и 300 дворянъ, составившихъ извѣстный адресъ, не принадлежатъ къ числу приверженцевъ Россіи, ни прежней Русской, ни той новой правительственной системы, которой представителемъ является нынѣ маркизъ Велепольскій. — Далѣе. Духовенство есть, безспорно, могучая сила, но кромѣ высшей іерархіи,—это та самая сила, которой Польская народность всего болѣе обязана своей упорной живучестью. Католицизмъ есть именно тотъ рычагъ, которымъ заграничная демократическая партія ставитъ на ноги, съ неслыханною дерзостью, въ виду сотни тысячъ вооруженнаго Русскаго войска, десятки тысячъ почти безоружныхъ фанатиковъ, лѣзущихъ съ страстнымъ упоеніемъ на мученическую, по увѣреніямъ ксендзовъ, смерть и подходящихъ на 30 шаговъ къ нашимъ пушкамъ (какъ было недавно публиковано въ одной телеграммѣ). Католицизмъ, какъ извѣстно, самое удобное религіозное ученіе, чтобы лишить человѣка самообладанія разума и вдохнуть въ него ту страстность послушанія, при которой, по волѣ ксендза, онъ способенъ перестать быть человѣкомъ и превратиться въ звѣря; католицизмъ, въ лицѣ іезуитовъ, оправдываетъ всякое злое дѣло, ведущее къ благой, по ихъ мнѣнію, цѣли, и наконецъ обладаетъ богатымъ запасомъ духовно-возбудительныхъ снадобій, въ видѣ индульгенцій и т. п., сильно дѣйствующихъ на темпераментъ женственно-страстный, которымъ преимущественно отличается Польская нація.—Нѣтъ сомнѣнія, что невинное» пѣніе, въ костелахъ, патріотическихъ гимновъ, въ теченіе болѣе года, много содѣйствовало подготовкѣ настоящаго событія; да къ тому же, по всѣмъ получаемымъ извѣстіямъ, ксендзы, съ крестомъ въ рукѣ, являются всюду предводителями мятежническихъ шаекъ, благословляютъ кровавыя оргіи звѣрства и фанатизируютъ толпу, совершая жесточайшія убійства —какъ нѣкое священнодѣйствіе.

Сельское населеніе, по общимъ отзывамъ, почти не принимаетъ участія въ возстаніи, оно держится, оно противится —и убѣжденіямъ своихъ духовныхъ пастырей, и обѣщаніямъ шляхты. Но не всегда участіе или безучастіе *сельскаго* населенія рѣшаетъ судьбу подобныхъ движеній, утверждаетъ или отрицаетъ за борьбою характеръ народный. Въ войнахъ Германіи съ Наполеономъ, на самой Германской почвѣ, даже и въ той войнѣ

освобожденія, которою такъ любятъ хвастаться Нѣмцы, сельское Нѣмецкое населеніе почти вовсе не являлось враждебнымъ для Французовъ и довольно терпѣливо ожидало исхода войны,—что однако же не мѣшаетъ Нѣмцамъ называть и считать эту войну національною. Мы не видимъ участія Польскаго сельскаго простонародья въ мятежномъ движеніи, но не видимъ, кромѣ отдѣльныхъ случаевъ, и содѣйствія ихъ Русскимъ властямъ и отрядамъ. Покуда сила сельскаго населенія есть еще слабая сила: мы можемъ на нее опереться только такими льготами и обѣщаніями льготъ, которыхъ выполненіе есть окончательный разрывъ съ силою Польскаго панства, а невыполненіе—обратило бы сочувствіе и довѣріе крестьянъ въ другую сторону, къ предводителямъ настоящаго мятежа, не скупящимся, конечно, и съ своей стороны на самые выгодные посулы.

И такъ, даже по этимъ внѣшнимъ признакамъ настоящее движеніе заслуживаетъ самаго серьезнаго нашего вниманія, какъ имѣющее въ себѣ всѣ элементы національнаго возстанія. Это не просто мятежъ или бунтъ. Мы надѣемся, что это возстаніе не успѣетъ принять широкихъ размѣровъ; мы несомнѣнно увѣрены, что оно будетъ вскорѣ усмирено и подавлено,—но тѣмъ не менѣе считаемъ необходимымъ, откинувъ всякое самообольщеніе, опредѣлить его настоящій характеръ.

Обращаясь затѣмъ къ признакамъ не столь внѣшнимъ, мы должны признать, что это возстаніе происходитъ вовсе не изъ частныхъ причинъ неудовольствія настоящимъ правительствомъ. Самъ Journal de St.-Pétersbourg, въ своей статьѣ, перепечатанной во всѣхъ Русскихъ газетахъ, торжественно опровергъ мнѣніе иностранныхъ журналовъ, будто виною возстанія былъ рекрутскій наборъ, павшій всею своею тяжестью на городское населеніе,—а другихъ поводовъ къ особенному неудовольствію—не было. Напротивъ того,—Польша давно уже не пользовалась такимъ либеральнымъ и снисходительнымъ правленіемъ, какъ въ это послѣднее время, и если еще не имѣла формальной конституціи, то была въ правѣ ожидать ее отъ великодушія Русскаго Государя. Ненавистные ей Русскіе чиновники замѣнены Поляками, организація уѣздныхъ совѣтовъ и муниципальныхъ учрежденій давала полный просторъ земскому самоуправленію. Но чѣмъ болѣе свободы и милости оказывалось Полякамъ, тѣмъ чаще и настойчивѣе выражались ими радикальныя политическія стремленія. Однимъ словомъ, какія бы ни были силы мятежниковъ по числу и составу, но знамя, ими поднятое, есть знамя всенароднаго интереса—національной независимости и свободы, ненависти къ чуждому игу и возстановленія Польши въ прежнемъ могуществѣ и объемѣ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ и оффиціальныя извѣстія. Эти стремленія, эту мечту, какъ завѣтную, лелѣетъ въ своемъ сердцѣ каждый Полякъ, и такъ какъ вообще Польская нація не блеститъ разсудительностью (отчего и заслужила отъ Русскаго народа, еще въ началѣ XVII вѣка, эпитетъ довольно обидный), то никакіе доводы не въ состояніи убѣдить ее въ несбыточности этихъ мечтаній.

Очевидно, что дѣло не въ частномъ или даже хоть общемъ неудовольствіи Русскимъ правительствомъ,—что было бы для правительства несравненно выгоднѣе, ибо, съ отстраненіемъ причинъ, могло бы уничтожиться и самое неудовольствіе,—а дѣло въ томъ вопросѣ, который всплываетъ на верхъ при малѣйшемъ колебаніи, котораго не разрѣшили ника-

кія системы управленія, начиная съ 1815 года, и который останется неразрѣшеннымъ и теперь, по усмиреніи настоящаго возстанія. Почти 30-лѣтнее осадное положеніе, въ которомъ находилась Польша со времени Польской войны, не убило, не истомило Польской національности, а истомило насъ самихъ, Русскихъ. Мы уже говорили, болѣе года тому назадъ, что „у Россіи никогда не достанетъ той энергіи зла, той гармоніи злой воли и дѣла, которыя такъ необходимы въ дѣлѣ безнравственномъ и которыя такъ успѣшно проявляютъ Англія и Пруссія въ отношеніи къ Индіи и къ Познани". Подобная система дѣйствій, во-1-хъ, къ чести нашей, удавалась бы намъ непремѣнно плохо: во-2-хъ возбудила бы, подъ конецъ, сильнѣйшее нравственное противодѣйствіе въ насъ самихъ, въ нашей общественной совѣсти,—въ силу тѣхъ внутреннихъ нравственныхъ требованій, которыя лежатъ въ основѣ нашего народнаго историческаго развитія. Дѣйствительно, Россія, не меньше Поляковъ, радовалась возможности снять съ Польши осадное положеніе и снять съ себя самой тяжелую обязанность тюремщика, которая такъ не пристала ей, такъ противна ея характеру и духу. Мы легко обольщались сладкою мечтой о мирномъ и дружественномъ расположеніи къ намъ Поляковъ, и при всякомъ удобномъ случаѣ ослабляли ихъ узы, —такъ что Нѣмецкія газеты, и даже не одни Нѣмцы, послѣ долгихъ упрековъ въ жестокости, стали наконецъ обвинять Русское правительство въ *слабости* его дѣйствій относительно Польши. Этотъ упрекъ несправедливъ,—или, лучше сказать, причина слабости нашихъ дѣйствій происходитъ не отъ недостатка матеріальной силы и могущества (предъ 70 милліоннымъ государствомъ, что значитъ 5-милліонный безгосударный народъ), но происходитъ она отъ того, что для этой матеріальной силы, при всемъ ея могуществѣ, необходимо сознаніе своей безусловной нравственной правоты". А этого-то сознанія намъ и недостаетъ!.. Поэтому Поляки дѣйствуютъ весьма нерасчетливо, прибѣгая къ жестокостямъ и всяческому безчеловѣчію относительно Русскихъ солдатъ: они тѣмъ самымъ разрѣшаютъ и облегчаютъ для Русской совѣсти, оправдываютъ тотъ способъ дѣйствій, который мы, Русскіе, только-что сами готовы были осудить и оставить!

Но приведетъ ли этотъ способъ къ желанной цѣли? Положимъ „возстаніе будетъ усмирено; не погибшіе на полѣ сраженія (а наши читатели, вѣрно, замѣтили, что Поляковъ въ плѣнъ достается очень мало) погибнутъ на эшафотѣ, всѣхъ виновныхъ постигнетъ заслуженная кара, но накажется ли Польша? Есть ли основаніе полагать, что наконецъ исправится до сихъ поръ неисправимое безуміе Польши? Не принадлежатъ ли Поляки къ разряду тѣхъ людей, которыхъ можетъ вразумить только горькое разочарованіе опыта? Мы объявимъ вновь военное положеніе, введемъ военную диктатуру, Поляки присмирѣютъ—и подъ покровомъ Русскаго правительства будутъ, въ мирѣ, вновь собираться съ силами для будущаго возстанія противъ Россіи, которая такими дорогими средствами, во вредъ самой себѣ, дастъ имъ благодѣяніе мира! Подобною военною диктатурою мы накажемъ себя самихъ больше, чѣмъ Поляковъ, а Польшѣ—насильственно охраняя ее отъ анархіи и истощенія—сбережемъ только силы и средства для новой борьбы съ нами.—Но положимъ, что вмѣсто военной диктатуры послѣдуетъ амнистія, и Русское правительство явится велико-

душнѣе, тѣмъ когда-либо... Неужели еще можно обольщаться надеждою— тронуть подобнымъ великодушіемъ націю, которая не хочетъ отъ насъ ни казни, ни милости, ни гнѣва, ни великодушія, а только независимости и свободы? Для этого нужно было бы, чтобъ Полякъ пересталъ быть Полякомъ, чтобъ Польша перестала быть католическою, чтобъ она вся переродилась въ своей гражданской внѣшней организаціи и въ самыхъ нѣдрахъ своего духа. Но развѣ это возможно?

Нѣкоторые думаютъ, что Русскому правительству предстоитъ внести въ гражданскую жизнь Польши новую историческую идею, новый элементъ—*демократическій*. Извѣстно, что простой народъ въ Польшѣ почти не выступалъ на сцену исторіи, и что пресловутое Польское равенство и всеобщность гражданскихъ правъ касались только многочисленной шляхты. Крестьянство никогда не принималось въ разсчетъ, не участвовало въ сеймахъ и до 1812 года не пользовалось никакими гражданскими правами: въ этомъ году Наполеонъ декретомъ, на походѣ въ Москву, освободилъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, но безъ земли,—а Русское правительство впослѣдствіи занялось устройствомъ ихъ участи, улучшеніемъ ихъ быта и опредѣленіемъ ихъ повинностей помѣщику за пользованіе землею. Крестьянство въ Польшѣ только теперь начинаетъ жить и, безъ сомнѣнія, внесетъ новый элементъ въ общественную жизнь Польши.—Не говоря уже о тѣхъ новыхъ, свѣжихъ, болѣе чистыхъ струяхъ народнаго духа, менѣе зараженныхъ чуждою примѣсью, которыя принесетъ съ собою крестьянство,—мы увѣрены, что и въ политическомъ отношеніи это будетъ элементъ самый здоровый и полновѣсный въ будущемъ развитіи Польской націи. Польскому общественному судну именно недостаетъ того тяжелаго груза, который бы давалъ ему упоръ противъ волнъ, не позволялъ бы ему носиться по прихоти политическихъ вѣтровъ, умѣрялъ, замедлялъ, уравновѣшивалъ тотъ шибкій бѣгъ, который готово было бы придать ему легкомысленное шляхетство. Можно сказать, что въ Польшѣ, во дни ея политическаго бытія, не было полнаго и правильнаго развитія государственнаго начала: государство въ Польшѣ расплылось въ общество, состоявшее все изъ шляхты. Эта вредная общественная стихія не имѣла ни той силы устойчивости, которая присуща аристократическому началу, ни непосредственной, плотно приросшей къ землѣ силы крестьянства,—на которое съ спѣсивымъ чувствомъ превосходства взиралъ шляхтичъ, кичась своимъ шляхетскимъ происхожденіемъ, грубо презирая крестьянина-холопа и падая до-ногъ предъ богатымъ магнатомъ. Дѣйствительно, для блага самой Польши нужно желать, чтобъ тамъ образовалось сильное независимое крестьянство, чтобъ оно получило одинаковыя съ шляхтою политическія права, и вообще подавало бы свой голосъ во всякомъ земскомъ дѣлѣ. Безъ сомнѣнія, Русское правительство вполнѣ понимаетъ, что это единственный политическій путь, ему предстоящій, въ случаѣ, если оно захочетъ удержать за собой Польшу; это то единственно-существенное благо, которое Русское управленіе можетъ дать Польшѣ. Но тутъ предстоятъ для правительства не только затрудненія, но и опасности, почти неминуемыя. Демократизмъ, вносимый, какъ политическое средство, абсолютизмомъ, есть оружіе обоюдоострое. Гражданскій простонародный элементъ, развиваясь правильно и органически, самъ по себѣ не представляетъ опасности, но возбуждаемый,

развиваемый, подстрекаемый высшею властью, слѣдовательно ничѣмъ не обуздываемый, онъ можетъ легко выступить изъ береговъ и затопить самое государство. Правительству придется самому сдерживать этотъ разливъ грубой невѣжественной силы, имъ же самимъ вызванной, а при этой операціи оно какъ разъ потеряетъ то сочувствіе простонародья, на которомъ только и зиждется правительственное могущество въ Польшѣ. Такъ напр., если бы крестьяне отказались платить помѣщикамъ чиншъ, или захватили бы помѣщичьи земли, кромѣ своего надѣла,—правительство поставлено было бы въ необходимость: или высылать войска для ихъ усмиренія, или же допустить полное торжество крестьянскаго произвола. Къ тому же и крестьянству нѣтъ никакой надобности предпочитать Русское управленіе Польскому, если оно увѣрится, что и при Польскомъ владычествѣ оно не утратитъ вновь пріобрѣтенныхъ своихъ правъ; да и нельзя предполагать, чтобы Польскіе дворяне захотѣли уступить правительству иниціативу въ организаціи крестьянства и не пошли далѣе самого правительства въ дѣлѣ уступки крестьянамъ земли, матеріальнаго и политическаго обезпеченія. Посмотримъ еще, устоитъ ли сельское населеніе въ своемъ безучастіи къ мятежу,—и если устоитъ, то нельзя будетъ съ одной стороны не подивиться здравому смыслу крестьянъ, а съ другой стороны—отсутствію всякаго политическаго смысла у предводителей возстанія.

И такъ, что же дѣлать, какъ быть съ Польшей, имѣя въ ней только одну, и то самую слабую и ненадежную, опору на едва возникающую самобытность крестьянства? Неужели мы будемъ постоянно наказываться Польшею, вмѣсто того, чтобъ ее наказать примѣрно,—потому что, очевидно, военная диктатура, даруя ей миръ и тишину, только готовитъ въ ней матеріальныя и духовныя силы для будущихъ мятежей?—Если бы пожелали знать наше частное, личное мнѣніе, то мы, хотя напередъ знаемъ, что рискуемъ прослыть утопистами, идеалистами и т. п.,—мы бы рѣшились однако отдать предпочтеніе слѣдующему образу дѣйствій:

Намъ казалось бы полезнымъ, по усмиреніи мятежа, созвать всенародный Польскій Сеймъ (а одно объявленіе о немъ парализовало бы возстаніе), Сеймъ,—не прежній, шляхетскій, а *всенародный*, въ родѣ нашихъ древнихъ Земскихъ Соборовъ или той Черной Рады, которую царь Алексѣй Михайловичъ созывалъ въ Малороссіи, наскучивъ казацкими бунтами и казацкими притязаніями считать себя единственными представителями страны,—Польскій всенародный Сеймъ съ непремѣннымъ участіемъ крестьянства. Пусть тогда выяснится вполнѣ,—при совершенной свободѣ голоса и при искреннемъ желаніи правительства услышать наконецъ этотъ голосъ,—чего хочетъ и добивается Польша,—и есть ли политическая независимость отъ Россіи—существенное, дѣйствительное желаніе страны, или же только мечтательный бредъ нѣкоторыхъ агитаторовъ, нѣкоторыхъ сословій?... Въ настоящее время, Русское правительство находится въ постоянномъ затрудненіи: что признавать въ Польшѣ выраженіемъ мнѣнія всенароднаго, или же только выраженіемъ мнѣнія аристократіи, или же одной партіи демократической. Это затрудненіе можетъ быть устранено только Сеймомъ.

Если бы этотъ Сеймъ, принимая въ соображеніе, что Царство Польское, отдѣленное отъ Россіи, можетъ подвергнуться не только всѣмъ слу-

чайностямъ анархіи, но и иноземному владычеству, т. е. Пруссіи или Австріи, готовыхъ подѣлить его между собою и онѣмечить его такъ, какъ онѣмечена Познанская область; если этотъ Сеймъ предпочтетъ оставаться подъ верховною властью Русскаго Императора, то Россія станетъ тогда, наконецъ, въ отношенія къ Польшѣ честныя и правыя, и сниметъ съ своей совѣсти то нравственное бремя, которое тяготило ее не менѣе, какъ и Польшу. Мы наконецъ будемъ правы! Польша лишится возможности мучить насъ справедливыми упреками: тѣсный союзъ Россіи съ Польшей будетъ уже не насильственный, а добровольный.

Если же этотъ Сеймъ разрѣшитъ вопросъ отрицательно и отвергнетъ верховную власть Россіи, или же если Сеймъ, вмѣсто важнаго политическаго собранія, вмѣсто величаваго народнаго сонма, собравшагося обсудить и рѣшить свою судьбу, представитъ скопище безмысленныхъ и запальчивыхъ головъ, не способныхъ придти ни къ какому рѣшенію, —тогда пусть да накажется Польша всѣми ужасами анархіи, предоставленная сама себѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если бы Русское правительство, объяснивъ въ манифестѣ къ Польскому народу причины своего добровольнаго поступка,—въ одинъ прекрасный день, распустивъ всю гражданскую армію чиновниковъ и уничтоживъ насажденное имъ, столь ненавистное Полякамъ Русское управленіе, — удалилось бы съ своими чиновниками и войсками изъ предѣловъ Царства, оцѣпивъ живою крѣпкою цѣпью его Русскія границы,—нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ Польшѣ вспыхнула бы самая ужасная, самая кровавая анархія, самая отчаянная междуусобная брань, и мѣсто Русскаго правительства занялъ бы самый свирѣпый терроръ. Это продолжалось бы до тѣхъ поръ, пока благомыслящая, здоровая часть страны не свергла бы ига демагоговъ и не обратилась бы вновь къ Русскому Государю съ просьбою—принять Польшу подъ свою крѣпкую руку. Въ противномъ же случаѣ Пруссія, или Австрія, или та и другая вмѣстѣ, въ видахъ обезпеченія спокойствія въ своихъ предѣлахъ, не замедлили бы вновь подѣлить Польшу, —уже безъ всякаго участія Россіи, —и, присоединивъ раздѣленныя части Царства къ своимъ владѣніямъ, положили бы настоящій конецъ ея историческому бытію, тотъ finis Poloniæ, который еще въ концѣ прошлаго столѣтія казался наступившимъ для Польши—благороднѣйшему изъ ея сыновъ—Костюшко.

Что же касается до тѣхъ Русскихъ областей, которыя Поляки считаютъ входящими въ составъ Польши, то мы поговоримъ объ этомъ въ слѣдующемъ №.

Еще о Польскихъ притязаніяхъ на Западно-Русскій край.

Москва, 8-го февраля 1863 г.

Перейдемъ теперь отъ Царства Польскаго (о которомъ мы говорили въ предъидущей статьѣ) къ нашимъ Западно-Русскимъ губерніямъ, которыя Поляки до сихъ поръ считаютъ неотъемлемою частью Польши, и которыя— собственно и составляютъ предметъ раздора между Русскими и Поляка-

ми. —Эти губерніи—Ковенская, Виленская, Гродненская, Могилевская, Минская, Витебская, Волынская, Подольская, частію Кіевская, входившія дѣйствительно, до 1772 года, въ политическія границы Польскаго королевства, подъ общимъ правленіемъ короля и Рѣчи Посполитой. То, что теперь называется славнымъ именемъ Царства Польскаго, въ сущности есть только одно Варшавское герцогство, т. е. та часть Польши, которая сначала по раздѣльному акту 1795 года досталась Пруссіи, потомъ передана была Наполеономъ Саксонскому королю и наконецъ, по рѣшенію Вѣнскаго конгресса, вновь значительно обрѣзанная и урѣзанная въ пользу Австріи и Пруссіи, поступила подъ верховное владычество Императора Александра, назвавшаго ее царствомъ и даровавшаго ей особую конституцію (впослѣдствіи уничтоженную). Понятно, что Поляку трудно примириться съ необходимостью принимать часть за цѣлое, и согласить громкое и пышное, лестное для народнаго самолюбія, названіе «Царства», способное уже само по себѣ возбудить въ могучей мѣрѣ пылкую политическую мечтательность и не въ такомъ страстномъ народѣ, каковъ Польскій,—трудно согласить, говоримъ мы, это широкое слово съ тѣмъ—относительно скуднымъ — содержаніемъ, которое имѣетъ оно въ дѣйствительности. Но нельзя не принять во вниманіе, что настоящая Польша, т. е. то органическое цѣлое, которое, въ числѣ разныхъ народныхъ личностей въ человѣчествѣ, составляетъ Польскую народную личность,—простирается не на востокъ и юго-востокъ за предѣлами нынѣшняго Царства Польскаго въ Россіи, а на западъ, и частью на юго-западъ, во владѣніяхъ Пруссіи и Австріи. Если признавать за истину, что каждая народность, сама себя сознающая, чувствующая въ себѣ способность и силу жить своею личною жизнью и вносить вкладъ своей духовной личности во всемірно-историческое духовное развитіе человѣчества, имѣетъ право быть и жить и свободно развиваться (тѣмъ болѣе народность, уже заявившая себя, какъ нравственная личность, въ исторіи),— то это право, безъ сомнѣнія, принадлежитъ и Польской народности. Впрочемъ, едвали когда общественное сознаніе не только Русскаго общества въ тѣсномъ смыслѣ, но и самого правительства, отрицало за нею это право. Но это право есть нравственное право самой *народной* личности, а нисколько не той политической, государственной личности, или, правильнѣе, формаціи, которую создаетъ себѣ народъ во внѣшнемъ своемъ историческомъ развитіи, путемъ завоеваній, союзовъ, случайныхъ нарощеній, сочетаній и другими искусственными случайными средствами, — если только сама эта формація уже не сплотилась въ одно органическое духовное цѣлое. Примѣръ Австріи и Турціи всего ярче объясняетъ нашу мысль. Едвали кто станетъ доказывать нравственную правду этихъ двухъ историческихъ формацій, потому только, что онѣ сложились и существуютъ въ исторіи,— точно такъ же, какъ никто, неповрежденный душою, не станетъ отвергать, что племена, входящія въ составъ этихъ государствъ, насильственно ли присоединенныя, или же способомъ болѣе мирнымъ, хотя бы посредствомъ брачныхъ договоровъ, какъ въ Австріи, имѣютъ, конечно, каждое, право на самостоятельную жизнь и развитіе своей народности, не исключая и самаго Турецкаго (у себя, на родинѣ) племени, ни тѣмъ менѣе Австрійско-Нѣмецкаго въ его *племенныхъ* предѣлахъ. Всѣ эти племена стремятся къ самостоятельному существованію, и въ этомъ отношеніи вполнѣ правы—

покуда ограничиваются предѣлами своей народности; но это право тотчасъ же прекращается или дѣлается сомнительнымъ, когда цѣлью стремленія становится не освобожденіе своей народности отъ чуждаго ига, а подчиненіе себѣ чужихъ племенъ и народностей, или возстановленіе бывшей когда-то политической формаціи, со включеніемъ другихъ племенъ и народностей. Такъ, вполнѣ сочувствуя свободѣ и самостоятельности Грековъ, мы считаемъ однакожъ ихъ мечты о возстановленіи Византійской имперіи безумными и беззаконными; признавая вполнѣ всю нравственную основу требованій автономіи, предъявленныхъ Венгерцами, мы въ то же время признаемъ безнравственными ихъ притязанія на возстановленіе Венгерскаго владычества отъ Адріатическаго до Чернаго моря; —желая всею душей политической независимости Сербіи и возсоединенія Сербовъ съ Сербами въ одно цѣлое, мы отвергаемъ ихъ право на подчиненіе себѣ Болгаріи въ силу какихъ-нибудь историческихъ преданій,—и наоборотъ.

Однимъ словомъ, каждый народъ имѣетъ нравственное безусловное *право* на бытіе и самостоятельную жизнь только въ предѣлахъ *своей* народности: разумѣется, если этотъ народъ сознаетъ себя, вѣритъ въ себя, хочетъ жить и способенъ жить. Отсюда же вытекаетъ его право группироваться, собирать свои разрозненные члены въ одно цѣлое,—какъ напр. право Итальянцевъ составить единую Италію, право Бѣлой, Великой, Малой, Червонной Руси сложиться въ единую Великую Россію, право Поляковъ домогаться возсоединенія всѣхъ Поляковъ—въ единую Польшу. Затѣмъ все, что касается политической внѣшней обстановки, которую создаетъ себѣ государственное бытіе народа,—все это есть дѣло исторіи, безъ всякаго отношенія къ началу вѣчной правды, можетъ быть и не быть, подлежитъ всѣмъ случайностямъ историческимъ, всѣмъ условіямъ времени, мѣста житейской необходимости, зависитъ отъ удачи, правильности развитія и степени внутренней притягательной и образовательной силы.

На этомъ основаніи и Поляки имѣютъ безусловное, несомнѣнное право стремиться къ свободѣ и независимости, не только духовной, но и политической, всей *Польской* народности, и лишены, напротивъ всякаго нравственнаго права требовать возстановленія прежнихъ предѣловъ—не народности Польской, а Польскаго королевства. То-есть: требовать они, пожалуй, и въ правѣ, но сосѣднія страны точно въ такомъ же правѣ не соглашаться на подобныя требованія, особенно же, если послѣднія сопряжены съ потерею свободы самостоятельности для чужихъ народностей. Поэтому Поляки могутъ, не выходя изъ предѣловъ права, простирать свои виды на Познанскую область, на Верхнюю Галицію, на тѣ части Польши, которыя населены природными Поляками и составляютъ цѣльное органическое тѣло Польской народности, которыя связаны съ нею неразрывными внѣшними и внутренними духовными, органическими нитями,—но ихъ притязанія на Литву, Бѣлоруссію, Украйну, принадлежащія теперь Россіи и населенныя племенами, имѣющими свою самость, свою судьбу, свою духовную личность и волю, свои свободныя стремленія, независимыя отъ Польскихъ,—эти притязанія частію положительно несправедливы и безнравственны, частію опираются на весьма сомнительныя основанія.

Итакъ, совершенно законное, всѣмъ намъ Русскимъ сочувственное и въ принципѣ не отвергаемое даже и правительствомъ, право Польской

народности быть Польскою и развиваться политически свободно и независимо, нисколько не предполагаетъ за Польшею права въ подчиненіе или присоединеніе къ себѣ вышепоименованныхъ девяти губерній,—потому, во-1-хъ, что эти 9 губерній принадлежатъ къ народности Литовской, Бѣлорусской, Малороссійской, а не Польской; во-2-хъ, потому, что участіе этихъ земель въ быломъ политическомъ устройствѣ Польскаго королевства не создаетъ *права*, а есть историческій фактъ, смѣнившійся инымъ, новымъ, историческимъ фактомъ, еще живущимъ и полнымъ могучей жизненной силы. Право владѣть землею другого народа основывается или на завоеваніи, если самъ народъ не возстаетъ противъ этого факта и покоряется своей участи,—или на добровольномъ сознательномъ согласіи народа, или на той духовной связи, которою народъ господствующій успѣваетъ связать съ собою чужое племя, такъ сказать врастить, вобрать его въ свой организмъ, составить съ нимъ одно цѣлое: таковы, напримѣръ, взаимныя отношенія Альзаса и Франціи.

Ни на одно изъ этихъ основаній не могутъ опереться притязанія Польши на Западный край Россіи. О завоеваніи говорить нечего: это такое право, которое упраздняется фактомъ позднѣйшаго завоеванія. Добровольное согласіе? Дѣйствительно, Польша настойчиво указываетъ намъ на Люблинскую унію (въ смыслѣ гражданскаго союза) Литвы, во всемъ ея тогдашнемъ объемѣ, съ Польшею, и съ гордостью отряхаетъ пыль древности съ этого историческаго акта. Но, не пускаясь въ споры о точномъ значеніи, правдивости, искренности и добровольности этого союза, весьма сомнительныхъ и отрицаемыхъ многими учеными,—мы не можемъ признать правильнымъ подобное формальное, чисто внѣшнее основаніе. Съ 1569 года, когда состоялась эта гражданская унія, посягательства Польши на свободу вѣры православнаго населенія Литвы и Малороссіи, насильственное введеніе религіозной уніи, вмѣстѣ съ тщательнымъ угнетеніемъ мѣстной народности, измѣнили прежнее расположеніе этихъ странъ къ Польшѣ; а наконецъ разныя превратности историческихъ судебъ и уничтоженіе самаго политическаго бытія Польши—уничтожили даже и формальную юридическую силу всякихъ условій и договоровъ. Актъ Люблинской уніи, свидѣтельствующій только о томъ, что Литва и Польша въ XVI-мъ вѣкѣ состояли между собою въ тѣсномъ гражданскомъ союзѣ, не можетъ быть пригоденъ для XIX вѣка и имѣть какое-либо обязательное значеніе для Литвы и для Польши, во-1-хъ потому, что актъ этотъ былъ нарушенъ отпаденіемъ Малороссіи, во-2-хъ потому, что нѣтъ ни прежней Польши, ни прежней Литвы въ политическомъ смыслѣ, а есть только Польская и Жмудская и Русская народности, имѣющія право, каждая, на самостоятельную жизнь и развитіе (что для Русской народности достигается только возсоединеніемъ съ Россіею). Подобнаго рода документы не властны распоряжаться деспотически судьбою народовъ, если перестаютъ быть выраженіемъ живого народнаго сознанія. Однимъ словомъ, всѣ прежніе договоры, акты и пакты союза Польскаго королевства съ прочими народами—нынѣ не дѣйствительны безъ новаго, современнаго заявленія подобныхъ же требованій—со стороны этихъ народовъ. Въ этомъ отношеніи *права* у Польши нѣтъ никакого, и Польскій Сеймъ, компетентный въ дѣлѣ Польской народности, превысилъ бы кругъ своей власти, еслибъ сталъ требовать возвращенія

Литвы. Только самой Литвѣ могло бы принадлежать право располагать своею участью, если бы почему-либо пришлось поднять вопросъ объ ея участи; но, серьезно говоря, этого вопроса, по крайней мѣрѣ для большей части нашихъ западныхъ губерній, вовсе и не существуетъ: адресы Подольскихъ или Могилевскихъ дворянъ, конечно, не могутъ быть приняты за голосъ всего края. Тѣмъ не менѣе, было бы, кажется, не безполезно, при настоящемъ положеніи дѣлъ, услышать этотъ голосъ, дать возможность краю выразиться всенародно, предъ Россіей, свое отношеніе къ ней, посредствомъ какого-нибудь общаго представительнаго собора и тѣмъ самымъ отнять послѣднія надежды у Польской дерзкой мечтательности.

Наконецъ, есть еще третье основаніе, на которое, болѣе чѣмъ на какія-либо другія, ищутъ опереться Поляки въ своихъ неукротимыхъ стремленіяхъ видѣть Польшу возстановленною въ прежнемъ политическомъ могуществѣ и объемѣ. Они проповѣдуютъ изустно и печатно, въ Россіи и за границей, что весь этотъ Западный край,—всѣ эти 9 губерній связаны съ Польшею всѣми духовными и нравственными сторонами своего бытія, или, такъ сказать, получили свое «наkибытіе» въ Польской народности, запечатлѣны ея духомъ, ея цивилизаціею, живутъ одними съ нею политическими и нравственными вѣрованіями. Однимъ словомъ, если народонаселеніе въ этихъ губерніяхъ не Польскаго происхожденія, то оно, по мнѣнію Поляковъ, такъ ополячено, что составляетъ съ Польскою народностью какъ бы одно цѣлое. Если имъ указываешь на массу простого народа, отличающуюся отъ Польскаго—языкомъ и вѣрою, то они говорятъ, что народъ—это bydło, скотъ, что сила не въ немъ, а въ шляхтѣ, что народность состоитъ не въ языкѣ и вѣрѣ народныхъ массъ, а въ «культурѣ» и такъ сказать въ политическомъ вѣроисповѣданіи, въ политической національности образованныхъ классовъ. Этотъ щекотливый вопросъ служитъ обыкновенно предметомъ полемики между Русскими и Поляками—самой горячей, самаго раздражительнаго свойства,—и настоятельно требуетъ разрѣшенія, потому что неразрѣшенный — онъ порождаетъ кучу самыхъ странныхъ и опасныхъ по своимъ послѣдствіямъ недоразумѣній. «День» уже не однажды касался именно этой, не политической, а общественной стороны Польско-Русскаго вопроса и конечно не одинъ разъ подвергнетъ этотъ предметъ самому тщательному изслѣдованію, — но тѣмъ не менѣе мы считаемъ необходимымъ сказать и здѣсь, вкратцѣ, нѣсколько словъ въ отвѣтъ на притязанія Поляковъ.

Прежде всего замѣтимъ, что эти 9 губерній, доставшіяся намъ по тремъ раздѣламъ Польши, никакъ не могутъ быть подведены подъ одинъ народный нравственный и духовный уровень, и представляютъ въ самомъ отношеніи своемъ къ Польшѣ такое различіе, котораго важность, какъ намъ кажется, еще мало оцѣнена нашими государственными людьми и нашимъ обществомъ. Въ этихъ 9 губерніяхъ постоянно пребываютъ и дѣйствуютъ четыре народныхъ элемента: Польскій, Литовскій, т. е. собственно Жмудскій, Бѣлорусскій и Малорусскій,—четыре племени, чисто Польское, въ лицѣ Польскихъ колонистовъ или находниковъ, Литовское или Жмудское, Бѣлорусское и Малорусское или Южно-Русское; двѣ вѣры, два просвѣтительныхъ начала, обусловливающихъ разность цивилизацій и всѣхъ духовныхъ проявленій человѣка, Латинское вѣроисповѣданіе и Православ-

ное. Та безправственная сдѣлка, та безобразная помѣсь католическаго изобрѣтенія, то химическое *mixtum*, которое духовными химиками-іезуитами составлено было изъ Латинства и Православія и которое съ такимъ жестокимъ насиліемъ господствовало въ Западномъ краѣ въ теченіе болѣе двухъ столѣтій,—унія, однимъ словомъ, теперь уже не существуетъ оффиціально, хотя послѣдствія ея еще видимы и живы. Наконецъ, къ довершенію этой характеристики, необходимо принять во вниманіе два соціальныхъ элемента: простой народъ и дворянство или шляхту, раздѣленныхъ между собою не только сословною враждою, но и разницею вѣръ, обычаевъ и самаго языка. Можно сказать положительно, что всѣ высшіе классы (всякая губернія представляетъ, впрочемъ, нѣкоторую постепенность), обладающіе поземельной собственностью, образованіемъ, средствами духовными и матеріальными, принадлежатъ Польской народности, не столько по происхожденію (они большею частью Русскіе *туземцы*), сколько по духу, правамъ, жизни, религіознымъ и политическимъ вѣрованіямъ. Представителями мѣстной Русской народности являются только: простой народъ и Православное духовенство.

Всѣ эти отношенія опредѣляются довольно точно статистическими цифрами, которыя читатель можетъ прочесть въ 4 книжкѣ «Вѣстника Западной и Юго-Западной Россіи» и которыя мы въ подробности перепечатаемъ въ слѣдующемъ №.

Но, какъ мы сказали, Поляки относятся съ презрѣніемъ къ этимъ статистическимъ выводамъ, указывая на нравственную силу и права образованнаго общества. Мы и сами знаемъ, что для полноты народнаго органическаго развитія необходимъ, кромѣ элемента простонароднаго, элементъ общества какъ среды, выражающей въ себѣ народное самосознаніе. По этой средѣ можно, при правильности отправленій организма, заключать и о всемъ народѣ, и въ направленіи среды видѣть направленіе всего народа (и простонародья включительно). Но если эта среда, замкнувшись въ *сословіе* и оградившись сословными привилегіями и предразсудками отъ непосредственнаго воздѣйствія на нее простонароднаго быта,—если эта среда измѣняетъ тому, что̀ составляетъ самую субстанцію народнаго духа, чѣмъ народъ живетъ и отличается отъ другихъ народовъ, въ чемъ выражается его личность, его право на духовное самостоятельное бытіе,—такая среда не можетъ назваться народнымъ обществомъ, не имѣетъ права быть представителемъ духовныхъ стремленій народа; цѣльность организма нарушается; въ жизни страны возникаютъ два противорѣчащихъ другъ другу строя. Это противорѣчіе перестаетъ быть противорѣчіемъ, когда самый простой народъ становится совершенно равнодушенъ къ своей духовной личности, къ своей народности, или весь переходитъ на сторону общества, — какъ напр. безвозвратно погибшіе или онѣмеченные Прибалтійскіе Славяне. Но если народъ неравнодушенъ и упорно сберегаетъ свою народность, или если счастливыя историческія обстоятельства пришли къ нему на помощь и онъ громко заявилъ о правахъ своего личнаго бытія въ числѣ народовъ, — тогда противорѣчіе становится рѣзче и притязанія общества являются безправственными и деспотически беззаконными. На всѣ праздные Польскіе толки о правахъ образованнаго общества и о томъ, гдѣ и въ чемъ слѣдуетъ искать

народность, грубо, но красноречиво отвѣчаютъ историческіе факты: возставшіе казаки въ первой половинѣ XVII вѣка показали довольно убѣдительно Полякамъ — Польская ли или Русская народность преобладала въ Украйнѣ, и разрѣшили вопросъ совершенно не логически съ польской точки зрѣнія, отложившись со всей Украйной обоихъ береговъ Днѣпра въ подданство Русскаго православнаго государя. Еслибъ неуклюжая Русская политика XVII вѣка съумѣла удержать за собою правый берегъ Днѣпра, не могло бы быть нынѣ и рѣчи о Подольской и Волынской губерніяхъ, и даже о самой Галиціи.—Впрочемъ и на Польскій вопросъ: въ чемъ состоитъ народность, можно отвѣчать,—что личность народа точно такъ же, какъ и личность человѣка, опредѣляется изъ себя самой, что этотъ неискренній вопросъ равняется вопросу—отчего Россія—Россія, Франція—Франція, Польша—Польша, а не Голландія; —что народность сама даетъ себя знать и заявляетъ о своемъ правѣ, что наконецъ ея духовная сущность выражается преимущественно въ бытѣ, языкѣ, умственномъ складѣ, нравственномъ идеалѣ и, въ средѣ народовъ христіанскихъ, въ вѣроисповѣданіи. Послѣднее такъ важно, такъ обхватываетъ собою, какъ воздухъ, всѣ явленія народной жизни и даетъ народу внутреннее опредѣленіе, что Русскій человѣкъ рѣшительно немыслимъ внѣ Православія. Поэтому, въ нашихъ Западныхъ губерніяхъ, гдѣ происхожденіе не рѣшаетъ вопроса — кто Русскій и кто Полякъ, ибо *оба туземцы*, оба происхожденія Русскаго, — тамъ вѣроисповѣданіе остается единственнымъ и почти безошибочнымъ *качественнымъ* признакомъ—къ какой народности причисляетъ себя человѣкъ.

Итакъ мы полагаемъ, что въ нашемъ Западно-Русскомъ краѣ (т. е. въ губерніяхъ Подольской, Волынской, Могилевской, Минской, Витебской, кромѣ четырехъ уѣздовъ, части Гродненской и Виленской), коренною основною стихіею народности должна быть признана народность простонародья, оставшагося вѣрнымъ своему первоначальному народному типу; что Польская народность является въ нихъ, въ общественной средѣ, какъ *ополяченіе*, слѣдовательно какъ уклоненіе отъ основного народнаго типа, т. е. какъ измѣна своей народности, измѣна невольная и въ преемствѣ поколѣній не ощущаемая, какъ измѣна, точно такъ же, какъ не ощущаютъ въ себѣ измѣны относительно Чешской народности Чехи — Шварценберги, Виндишгрецы, и другіе вѣрные столбы Австрійской имперіи. Слѣдовательно—весь вопросъ заключается въ томъ, въ какой степени *ополяченіе* проникло собою *всѣ* классы народа: ополяченіе однихъ высшихъ классовъ, покуда масса народа вѣрна своему народному типу, покуда Южноруссы и Бѣлоруссы еще Руссы, а не Поляки, — не даетъ ни малѣйшаго права считать страну принадлежащею по своему духу къ Польской народности: простой народъ еще хранитъ въ себѣ залогъ будущаго возрожденія и можетъ выработать изъ себя новое *народное* общество. Такъ было и въ Чехіи: аристократія давно отреклась отъ преданій Гуситства, усердно окатоличилась, забыла свою народность и вѣру, и пристала къ «высшей культурѣ» Германской; Германская наука и поэзія обогощались трудами Чешскихъ ученыхъ и поэтовъ; Германія съ неменьшею, если не большею увѣренностью въ единствѣ относилась къ Богеміи, какъ и Польша къ Западнорусскому краю: Чешская народность была при-

надлежностью грубыхъ низшихъ сословій. Если Русское дворянство теперь въ нашихъ Западныхъ губерніяхъ служитъ главнымъ оплотомъ Польской народности и католицизма, если Мицкевичи, Костюшки, Литвины или Бѣлоруссы происхожденіемъ, составляютъ славу и гордость Польши,—то это еще не значитъ, чтобы со временемъ въ этихъ самыхъ краяхъ не возникло,—какъ въ Чехіи Чешское, туземное Русское общество, которое, разсѣяло бы всякое сомнѣніе въ томъ: Русской ли это край, или Польской, подобно тому, какъ исчезла всякая тѣнь сомнѣнія на счетъ правъ Чешской народности въ Богеміи.

Конечно, въ Богеміи было больше элементовъ для образованія народнаго общества, —именно тамъ было среднее городское сословіе, которое и теперь заключаетъ въ себѣ всю духовную силу Чешской народности. Въ Бѣлоруссіи же, напр., нѣтъ Русскаго средняго сословія: торговый классъ и главное населеніе городовъ состоятъ изъ Евреевъ и шляхты, и народность въ самомъ неразвитомъ грубомъ видѣ хранится только въ народѣ. Такъ говорятъ Поляки,—но это не совсѣмъ справедливо. Есть и въ народѣ сила мыслящая или такъ-называемая интеллигентная, —это бѣлое духовенство; оно, во время уніи, не дало уніи превратиться въ Латинство; оно сберегло въ народѣ память его происхожденія и древняго благочестія; оно, до самаго уничтоженія уніи, было самымъ живымъ духовнымъ и политическимъ двигателемъ народнымъ. Съ тѣхъ поръ, однако, какъ совершилось возсоединеніе уніи съ православіемъ, и вѣковое стремленіе, казалось, достигло желаемой цѣли: съ тѣхъ поръ, какъ въ церковную жизнь православія въ этомъ краѣ внесена была та оффиціальность, которая такъ знакома намъ въ Россіи и такъ незнакома была нашимъ Западнымъ губерніямъ,—бѣлое духовенство упало нѣсколько въ своемъ значеніи до того общаго низшаго уровня, на которомъ, къ несчастію, стоятъ сельскіе священники у насъ въ Россіи. Поднять его значеніе, освободить отъ стѣснительныхъ путъ церковной оффиціальности и церковной бюрократіи, дать ему просторъ для дѣятельности, наконецъ признать его представителемъ народной интеллигентной силы, и въ этомъ качествѣ предоставить ему политическія права наравнѣ съ прочими сословіями, голосъ и участіе въ новыхъ земскихъ или въ тѣхъ представительныхъ мѣстныхъ и общихъ учрежденіяхъ, какія могутъ быть созданы, вотъ что является намъ неотложною потребностью для Западно-Русскаго края. Конечно, было бы справедливо, по нашему мнѣнію, предоставить такое же положеніе и всему бѣлому духовенству въ Россіи, но въ тѣхъ Западныхъ губерніяхъ, гдѣ Русскій народный и Православный элементъ хранится только въ простомъ, — загнанномъ, угнетенномъ народѣ и въ духовенствѣ, это не только справедливо, но неотложно-необходимо.

Мы оставляемъ до другаго раза ближайшее разсмотрѣніе — въ какой мѣрѣ и постепенности находится *ополяченіе* и слѣдовательно господство польскаго элемента въ девяти губерніяхъ, присоединенныхъ къ намъ отъ Польши,—а теперь, такъ какъ наша статья и безъ того вышла слишкомъ длинна, сдѣлаемъ окончательный выводъ изъ всего нами сказаннаго:

1) Признавая за Польскою, какъ и за всякою другою народностью, полное нравственное право на свободу бытія, жизни и вообще на политическую независимость, мы нисколько не признаемъ нравственнымъ *пра-*

вомъ притязанія Польши на возстановленіе ея прежней политической формаціи, *внѣ* тѣсныхъ предѣловъ Польской коренной народности.

2) Литва, Бѣлоруссія и Украйна ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть предметомъ политическаго *права* для Польши, потому уже, что сами полноправны рѣшить вопросъ по своему усмотрѣнію: всѣ прежніе старые договоры и акты не имѣютъ теперь ровно никакой силы.

3) Напротивъ того, Россія имѣетъ нравственное право на возсоединеніе съ Бѣлою и Южною Русью, такое же какъ Польша на возсоединеніе съ Познанью и Краковомъ, какъ Италія на единую Италію.

4) Единственнымъ нравственнымъ основаніемъ для своихъ притязаній предъявляютъ Поляки ополяченіе и окатоличеніе всего образованнаго общества, высшихъ образованныхъ классовъ населенія, принадлежащихъ не по происхожденію, а по духу, по цивилизаціи и преданіямъ прошлой политической жизни, всецѣло къ Польской народности. — Но это право, тождественное съ правомъ Австрійцевъ на Чехію и на прочія Славянскія земли, въ которыхъ аристократія давно онѣмечилась и объавстрилась, не имѣетъ никакой силы тамъ, гдѣ простой народъ остался вѣренъ своему коренному народному Русскому типу и Православію, и такимъ образомъ хранитъ въ себѣ залогъ возрожденія и возможность образовать новое народное общество въ замѣнъ ополяченнаго. Тамъ же, гдѣ народъ, не будучи Польскимъ по происхожденію, перешелъ въ Латинство, напр. Жмудь въ Виленской и Ковенской губерніяхъ, — это право подчиняется или высшимъ политическимъ соображеніямъ, или же самостоятельному рѣшенію самого народа.

5) Слабость Западно-Русскаго края составляютъ въ настоящее время: отсутствіе Русскаго туземнаго общества, недостатокъ образованія и безсиліе — единственной народной духовной силы — духовенства.

6) Вообще, по нашему мнѣнію, оказывается необходимымъ, кромѣ частныхъ мѣръ:

Услышать голосъ *всѣхъ* населеній края, потому что до сихъ поръ, къ несчастію, далъ себя слышать только голосъ ополяченныхъ дворянъ и помѣщиковъ, выразившійся отчасти и въ адресѣ Подольскихъ дворянъ, — услышать наконецъ голосъ Русскаго народа и духовенства, и конечно не на Польскомъ Сеймѣ, — на который уже заранѣе приглашаютъ Поляки Западно-Русскую шляхту.

Предоставить просторъ и свободу отъ излишнихъ церковно-оффиціальныхъ стѣсненій — дѣятельности Западно-Русскаго духовенства и дать ему право представительства въ будущихъ земскихъ учрежденіяхъ и голосъ въ земскомъ дѣлѣ.

Наконецъ, — что уже относится къ области нашей общественной, а не государственной дѣятельности и иниціативы, — всѣми силами содѣйствовать распространенію въ Западно-Русскомъ народѣ образованія. Читатели наши найдутъ въ этомъ же № двѣ статьи, которыя могутъ дать имъ понятіе, въ какомъ жалкомъ состояніи находится дѣло народнаго образованія въ Бѣлоруссіи и Литвѣ и какъ несостоятельны сами по себѣ, въ этомъ отношеніи, оффиціальныя средства.

Мы предполагаемъ въ особыхъ статьяхъ развить подробнѣе наши мысли по всѣмъ поставленнымъ нами вопросамъ. Польско-Русская общественная и политическая задача такъ важна, такъ съ каждымъ днемъ раз-

рѣшеніе ся становится настоятельнѣе, что каждый, по мѣрѣ силъ своихъ, долженъ принять въ немъ участіе: еслибъ мы были менѣе равнодушны и беспечны ко всякому общественному дѣлу, многія лишнія затрудненія, которыя теперь встрѣчаетъ Россія, были бы издавна отстранены, и многое зло исправлено... Примемся ли мы наконецъ за дѣло?

Либеральныя мѣры относительно мятежной Польши.

Москва, 23 февраля 1863 г.

Вся грамотная Россія видѣла на дняхъ доказательство особенной милости Русскаго Государя къ жителямъ Царства Польскаго. Милость эта такъ велика, по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія всѣхъ насъ, Русскихъ (да и съ точки зрѣнія Поляковъ неужели меньше?); она имѣетъ или будетъ имѣть такое огромное значеніе въ практической жизни всего общества и каждаго гражданина,—что поводовъ къ постоянному раздраженію и неудовольствію жителей на администрацію должно убавиться—едвали не на половину. Мы разумѣемъ здѣсь Высочайше утвержденное единогласное постановленіе государственнаго совѣта Царства Польскаго о необходимости закона, который, въ видахъ гарантіи личной безопасности всѣхъ жителей Царства, опредѣлилъ бы:

«1) Что каждый *арестованный долженъ быть письменно извѣщенъ о причинѣ ареста.*

2) Что каждый арестованный, не болѣе какъ на *третій день* ареста, долженъ быть представленъ *суду*, который опредѣляетъ о дальнѣйшемъ задержаніи или освобожденіи заарестованнаго.

3) Что *никто не можетъ быть подвергнутъ заключенію или какому бы то ни было стѣсненію личной свободы иначе, какъ по приговору подлежащаго суда, произнесенному при открытыхъ дверяхъ и по выслушаніи защиты*».

Изъ протоколовъ засѣданій Польскаго государственного совѣта и изъ словъ Е. И. В. Предсѣдателя совѣта и Намѣстника Царства Польскаго (напечатанныхъ во всѣхъ нашихъ газетахъ) видно, что дѣйствіе этого закона предполагается оставить во всей силѣ даже и при объявленіи всей страны на военномъ положеніи...

Мы не можемъ не отозваться полнымъ сочувствіемъ этимъ распоряженіямъ нашего правительства относительно Польши. Неужели Поляки не оцѣнятъ всей благодѣтельности этого новаго закона? По крайней мѣрѣ мы, Русскіе, навѣрное бы его оцѣнили, да и теперь вчужѣ цѣнимъ и съ живѣйшею радостью привѣтствуемъ нашихъ братьевъ Поляковъ. Правительство, такъ великодушно и добровольно отказывающееся отъ своей прерогативы арестовывать людей безъ объясненія причинъ ареста, заточать въ крѣпость и держать въ крѣпости—безъ суда, однимъ словомъ, подвергать людей какому бы то ни было стѣсненію личной свободы — въ видѣ *административной* мѣры и на основаніи однихъ административныхъ соображеній и

усмотрѣніи—такое правительство заслуживаетъ самой искренней похвалы и признательности. Неужели Поляки этого не видятъ, не чувствуютъ и не понимаютъ? Этого быть не можетъ; если что-либо смущаетъ теперь радость Поляковъ и останавливаетъ выраженія благодарности, — такъ это только недостатокъ полной вѣры въ несомнѣнность такого крутого перехода отъ одного порядка къ другому. Но правительство, конечно, не замедлитъ убѣдить ихъ самымъ положительнымъ образомъ въ дѣйствительности и незыблемости новаго закона, и всѣ недоумѣнія Поляковъ скоро разсѣются.

Чтобы понять вполнѣ все значеніе Высочайше утвержденнаго постановленія Польскаго государственнаго совѣта,—достаточно вспомнить, возстановить въ своемъ соображеніи (а это, кажется, не трудно) тотъ старый порядокъ, который такъ торжественно осужденъ теперь самимъ правительствомъ чрезъ изданіе новаго закона,—тотъ порядокъ, когда дѣятельности секретной полиціи и жандармскаго корпуса дается полный просторъ, когда люди цѣлыми сотнями исчезаютъ таинственно и внезапно, и пропадаютъ для своихъ родныхъ и друзей безъ вѣсти; когда многолѣтнія заключенія въ крѣпостяхъ входятъ въ разрядъ «административныхъ взысканій», налагающихся не по суду, слѣдовательно безъ строгаго разбора всѣхъ обстоятельствъ дѣла, безъ предоставленія возможности обвиняемымъ воспользоваться всѣми законными средствами къ своей защитѣ. Новая либеральная и человѣколюбивая законодательная мѣра правительства освобождаетъ отъ этихъ бѣдствій Польшу. Теперь это беззаконіе, признанное таковымъ самимъ правительствомъ, правительствомъ же смѣняется на порядокъ вполнѣ законный и предоставляющій обвиняемому всѣ способы къ правильной защитѣ: сама Власть ограждаетъ личность гражданина отъ административнаго произвола. Такой всенародный актъ добровольнаго ограниченія произвола, такое торжество, данное началу законности—рѣдкія явленія въ исторіи. Мы, Русскіе, лучше чѣмъ кто-либо, по давнему, безпрестанно возобновляемому опыту, знаемъ цѣну дарованнаго Польшѣ блага и потому, поздравляя Поляковъ, увѣрены, что оно вызоветъ въ нихъ живую горячую признательность, тѣмъ болѣе, что изъ подданныхъ Русскаго Императора, за исключеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго, они одни удостоились такой отмѣны существующаго и теперь во всей остальной Россіи порядка. Они по справедливости могутъ гордиться этимъ особеннымъ знакомъ вниманія и довѣрія, этимъ преимуществомъ, которымъ, кромѣ нихъ, никто въ Россіи не пользуется.

Добросовѣстное, неуклонное, твердое исполненіе новаго проектируемаго закона со стороны мѣстной и высшей администраціи, вмѣстѣ съ отмѣною наказанія ссылки за политическія преступленія (о чемъ вопросъ, по Высочайшему соизволенію, предоставлено разсмотрѣть и обсудить вмѣстѣ съ пересмотромъ всего обязательнаго для Польши уголовнаго законодательства)—эти мѣры, повторяемъ мы, должны въ значительной степени успокоить взволнованные умы въ Царствѣ Польскомъ, и отнять у мятежныхъ духомъ Польскихъ патріотовъ всякій поводъ къ воззваніямъ, которыхъ образчикъ мы имѣемъ честь предложить нашимъ читателямъ.

Чтобъ рѣшить Польскій вопросъ, Россіи нужно имѣть сознаніе своей силы.

Москва, 2-го марта 1863 г.

Все, что таила тишина послѣднихъ лѣтъ мира,—что, казалось, послѣ Парижскаго конгресса, улеглось и заснуло на вѣки непробуднымъ сномъ; вся зависть и злоба, презрѣніе и въ то же время страхъ,—однимъ словомъ, всѣ тѣ старыя чувства ярой вражды Европы къ Россіи, которая, семь лѣтъ тому назадъ, скопившись въ грозную тучу, разразилась наконецъ молніями и громами, сокрушившими Севастополь и заставившими насъ подписать Парижскій трактатъ,—вся эта ненависть, долго сдержанная—ожила, пробудилась, прорвалась вновь, и вновь разгуливаетъ себѣ на просторѣ Западной Европы, потѣшаясь покуда, вмѣсто громовъ и молній, только трескучимъ фейерверкомъ клеветъ и ругательствъ! Палата общинъ въ Англійскомъ парламентѣ огласилась недавно, во всеуслышаніе всего міра, такимъ набатомъ безсмысленныхъ и невѣжественныхъ рѣчей въ защиту Польши, что мы въ правѣ были бы счесть членовъ парламента людьми съ поврежденнымъ мозгомъ, еслибъ должны были судить о нихъ по этому одному засѣданію и еслибъ это видимое безуміе не объяснялось —съ одной стороны искреннимъ одурѣніемъ, производимымъ враждою, а съ другой—умышленнымъ актерствомъ съ цѣлью смутить и запугать наше пугливое Русское простодушіе. Въ этой борьбѣ Европы съ Россіей, «борьбѣ цивилизаціи съ *Азіатскимъ* варварствомъ», по мнѣнію Англійскихъ ораторовъ, должна принять участіе, какъ представительница Европейской (т. е. христіанской) цивилизаціи, и Турція съ своими Азіатскими ордами! Далѣе этихъ предѣловъ нелѣпости идти, кажется, трудно,—но дѣло не въ логическомъ достоинствѣ мысли, а въ самомъ фактѣ вражды, имѣющемъ для насъ не малую важность: не болѣе логики было заявлено Европейскою дипломатіею и предъ началомъ послѣдней Восточной войны... Французскіе журналы также трещатъ и звенятъ фразистыми возгласами противъ Русскаго варварства, и даже великодушно предлагаютъ намъ совѣты государственной мудрости. Императоръ Наполеонъ присылаетъ герцога Морни въ Петербургъ; Гарибальди,—забывъ, что Польскій легіонъ не принялъ участія въ его походѣ противъ Папы, какъ главы католичества, и отложивъ на время свою тоску по угнетенномъ Папою Римѣ и скованной Австріею Венеціи, Гарибальди вторитъ Австріи и Риму, разжигая своими прокламаціями ненависть къ Россіи и состраданіе къ Католической Польшѣ. Даже Турецкій султанъ явно, не смотря на присутствіе въ Царьградѣ нашего посланника, разрѣшаетъ отпускъ многочисленной сволочи Польскихъ офицеровъ, такъ усердно, для блага Турціи, рѣзавшихъ братьевъ-Славянъ Черногорцевъ и бомбардировавшихъ Бѣлградъ, — и съ приличными одобреніями снабжаетъ ихъ деньгами въ путь—на помощь Польскимъ «повстанцамъ». Даже Австрія, —перерѣзавшая въ 1847 году нѣсколько тысячъ Галиційскихъ Поляковъ и платившая дорогую цѣну крестьянамъ за каждую голову Польскаго помѣщика, — даже Австрія, такъ некстати въ 1849 г. спасенная нами, не только открыто сочувствуетъ, но и содѣй-

ствуетъ Польскому возстанію. Вся Южная, Западная и Сѣверо-Западная Германія, не исключая и Липпе-Детмольда и Шварцбургъ-Зондергаузена, всѣ Нѣмецкія «либеральныя» газеты шипятъ и пузырятся негодованіемъ на Россію и симпатіей къ Полякамъ. Наконецъ и Пруссія, онѣмечившая и загубившая народность нѣсколькихъ милліоновъ кровныхъ Поляковъ, Пруссія,—правда, только въ лицѣ своего парламента,—спѣшитъ, передъ цѣлымъ міромъ, отречься отъ всякаго союза, единомыслія и какой бы то ни было солидарности съ Россіей.

Таково отношеніе къ намъ Европы; въ такомъ духѣ презрѣнія и ненависти высказалось о насъ Европейское общественное мнѣніе! Польское дѣло, очевидно, служитъ здѣсь только предлогомъ, потому что въ искренность и дѣйствительность Европейскаго сочувствія Польшѣ — сами Поляки уже перестали вѣрить. И потому, для насъ собственно, важно здѣсь вовсе не воззрѣніе Европы на Польское дѣло: какія бы мы объясненія ей ни представили, какъ бы убѣдительно ни доказали нашу относительную правоту,—все это ни къ чему бы не послужило! Европа добивается вовсе не безусловной справедливости, вовсе не истины въ этомъ дѣлѣ, а ослабленія могущества Россіи, и выражаетъ только при этомъ случаѣ свою затаенную, закоренѣлую вражду къ міру Славянскому вообще, и къ Русскому въ особенности. Вотъ что̀ намъ важно и нужно знать, вотъ что̀ слѣдуетъ зарубить на память.

Весь этотъ крикъ, визгъ и гамъ Европейскихъ ораторовъ и публицистовъ, съ басовымъ аккомпанементомъ государственныхъ мужей, правителей, министровъ и дипломатовъ, весь этотъ шумъ и трескъ, поистинѣ оглушительный, не долженъ ни на мигъ заглушать въ насъ голосъ внутренняго сознанія своихъ правъ и своей правды.—Мы должны отвѣчать только предъ собственною своею народною совѣстью, намъ необходимо самимъ сознавать себя правыми, — и если мы крѣпки такимъ всенароднымъ сознаніемъ, мы можемъ смѣло не обращать вниманія на общественное мнѣніе о насъ Европы, слагающееся изъ элементовъ невѣжества, ненависти, зависти и страха. Пусть себѣ тогда думаетъ Европа о насъ что̀ ей угодно,—правительство, усилившее себя свободною, искреннею нравственною поддержкой всей Русской земли, выйдетъ побѣдоносно изъ всѣхъ затрудненій.—Недавно прочли мы въ одной Санктпетербургской газетѣ, что императоръ Наполеонъ имѣетъ мысль созвать, для рѣшенія Польскаго и другихъ вопросовъ, Европейскій конгрессъ. Справедливо ли это извѣстіе — мы не знаемъ, и не въ этомъ покуда дѣло, а дѣло въ томъ, что редакція газеты признаетъ эту мысль чрезвычайно *практичною*, хотя, черезъ нѣсколько строкъ, сама прибавляетъ, что на этомъ конгрессѣ большинство голосовъ будетъ не на сторонѣ Россіи. Это мнѣніе не одной редакціи упомянутой газеты, а, къ сожалѣнію, и весьма многихъ Русскихъ, — но мы, убѣжденные, что Россія не можетъ и не должна допускать ничьего посторонняго вмѣшательства въ ея тяжбу съ Поляками, мы невольно спрашиваемъ себя: какой иноземный конгрессъ былъ бы въ правѣ рѣшать нашъ домашній споръ, если этотъ споръ уже рѣшенъ, такъ сказать, нашимъ собственнымъ всенароднымъ конгрессомъ, волею правительства, опирающегося на голосъ всей Русской земли?

Мы показали читателямъ, какой стороной стоитъ къ намъ Европа, какъ

смотритъ она на насъ и на нашу борьбу съ Польшей, чего мы въ правѣ отъ нея ожидать въ будущемъ, и чего дождались въ награду за наше угодничество. Посмотримъ же теперь, какъ противостоимъ Европѣ мы сами, что противополагаемъ ей, ея силамъ и угрозамъ ея могущественнаго общественнаго мнѣнія?—Стоимъ ли мы всѣ какъ одинъ человѣкъ? Согласны ли въ мнѣніи о нашихъ правахъ на Польшу и Западный край Россіи? Всѣ ли исполнены сознанія своей правоты, сознанія, не допускающаго ни колебанія, ни сомнѣнія, ни спора? Понимаемъ ли мы нашу силу, и старались ли ее вызвать? Свободны ли отъ рабской трусости предъ Европейскими толками? Не дорожимъ ли, выше всего, милостивымъ благоволеніемъ, снисходительною улыбкою всякаго встрѣчнаго и поперечнаго Европейца? Одушевлены ли наконецъ, хоть вполовину, тѣмъ чувствомъ любви къ своей землѣ, которымъ отличаются Поляки?...

Съ краской стыда на лицѣ, съ невыразимою болью въ сердцѣ, на всѣ эти вопросы мы находимъ только одинъ возможный отвѣтъ—отвѣтъ отрицательный! Не внѣшніе враги намъ страшны,—намъ страшно наше внутреннее разъединеніе, наша общественная деморализація, растлѣніе и разложеніе всѣхъ нравственныхъ силъ, дающихъ обществу жизнь и крѣпость. Или, лучше сказать, потому только и могутъ быть намъ страшны враги внѣшніе, что насъ губятъ враги внутренніе, т. е. что мы—сами себѣ враги! Какое-то постоянное недоразумѣніе, недомолвка, натянутость и ложь—существуютъ въ отношеніяхъ нашихъ съ правительствомъ, съ народомъ и другъ съ другомъ. Мы не рѣшаемся выразить прямо и откровенно нашего одобренія мѣрамъ правительства даже и тогда, когда вполнѣ искренно съ ними сочувствуемъ; точно также не слышитъ оно отъ насъ голоса и честной суровой правды. Мы не рѣшаемся обличать ложь ученія, подрывающаго всѣ нравственныя основы общежитія и дѣлающаго изъ нашихъ молодыхъ людей поколѣніе, толкующее о правахъ, но не понимающее обязанностей, легкомысленное, неспособное къ дѣятельности, ни къ какому гражданскому подвигу. Мы не рѣшаемся обличать въ такомъ множествѣ расплодившихся у насъ Русскихъ демократовъ, презирающихъ Русскій народъ, космополитовъ, отрицающихъ законность и естественность патріотизма, и въ то же время, по изумительному отсутствію логики, проповѣдующихъ сочувствіе съ антикосмополитическими и узконаціональными стремленіями Поляковъ, восхваляющихъ Польскій тѣсный, односторонній, исключительный патріотизмъ!! Мы не рѣшаемся обличать, потому что обличеніе не свободно, и по многимъ другимъ причинамъ, о которыхъ распространяться было бы излишне. Мы видимъ всѣ—дѣйствіе яда, мы, съ противоядіемъ въ рукахъ, присутствуемъ при этомъ всеобщемъ отравленіи, но безсильные помочь, съ скованными руками!.. Въ нашемъ обществѣ, въ нашей литературѣ господствуютъ доктрины, ярко противорѣчащія нашимъ основнымъ началамъ, нашей исторіи, нашему быту,—и кто не знаетъ Русскаго народа, или для кого ближайшая къ нему гнилая общественная среда заслоняетъ могучую силу жизни въ нашемъ крестьянствѣ, тотъ, пожалуй, можетъ принять Русскую литературу за выраженіе всего Русскаго народа, и ужаснуться нашей всеобщей, всенародной деморализаціи. Но на самомъ дѣлѣ не такъ. На самомъ дѣлѣ единственное спасеніе нашей общественной среды и всего того, что надъ народомъ, состоитъ въ тѣснѣйшемъ съ нимъ сближеніи, въ обно-

вленія себя въ струяхъ народнаго духа. Но какъ это сдѣлать? И можно ли дожидаться этого медленнаго процесса сближенія и общественнаго перерожденія, въ виду внѣшней опасности, требующей сплоченной общенародной силы, единодушнаго отпора? Нѣтъ, намъ нужно, необходимо нужно скорѣйшее укрѣпленіе всего нашего народнаго организма, возстановленіе его *цѣльности*... Есть ли для этого средство? Подумайте, поищите, читатель...

Въ томъ, что мы сказали, заключается и отвѣтъ нашъ на вопросъ: согласны ли мы всѣ въ мнѣніяхъ о нашихъ правахъ на Польшу и Западный край Россіи? Мы выше указали, какъ думаютъ нѣкоторые. Есть Русскіе люди, которые съ какимъ-то злорадствомъ разрываютъ въ своемъ извращенномъ воображеніи Россію на мелкія части и разрушаютъ тысячелѣтній трудъ исторической жизни Русскаго народа! Конечно, эти несчастныя, болѣзненно-хилыя думы не представляютъ опасности: тѣмъ не менѣе согласиться намъ между собою необходимо. Но какъ это сдѣлать? для этого былъ бы нуженъ тотъ полный просторъ обмѣна мыслей, который у насъ, къ сожалѣнію, не въ обычаѣ. За всѣмъ тѣмъ, всѣ наши литературныя статьи о Польскомъ дѣлѣ выразили бы только мнѣнія отдѣльныхъ лицъ, г. А., г. Б., г. Д., и даже не всего общества, а тѣмъ менѣе всего народа, который въ этомъ всенародномъ, земскомъ вопросѣ можетъ одинъ, при безнравственности нашей общественной среды, дать нашему, справедливо озабоченному, правительству то сознаніе правоты, которое такъ необходимо ему для рѣшенія Польской международной тяжбы. Конечно, нашъ народъ не привыкъ высказываться и не имѣетъ дворянскаго обычая посылать кстати и не кстати депутаціи и адресы къ верховной власти; но неужели правительство, для котораго такъ важно противопоставить иноземнымъ національностямъ національность Русскую, и державамъ, дѣйствующимъ именемъ своихъ народовъ, силу искренняго союза власти съ народомъ въ Россіи, — неужели правительство не изыщетъ средства, если только захочетъ, услышать голосъ Русскаго народа, такъ довѣрчиво вручившаго, 250 лѣтъ тому назадъ, судьбы Россіи своему избраннику, 17-лѣтнему Михаилу?

«Понимаемъ ли мы нашу силу?» Положительно нѣтъ. Въ послѣднее время въ Европѣ (чему доказательствомъ могутъ быть пренія въ Англійскомъ парламентѣ) распространилось мнѣніе, будто «Россія теперь слабѣе, чѣмъ прежде, и вообще находится въ такомъ критическомъ состояніи, что не можетъ дать надлежащаго отпора и борьба съ нею не опасна?...» Этого мнѣнія придерживаются очень многіе и въ Россіи... Но не однимъ наличнымъ количествомъ штыковъ и наличнымъ количествомъ денегъ въ государственномъ казначействѣ можетъ быть измѣряема сила государства. Есть могущество силъ нравственныхъ, крѣпче стали и мѣди, могущественнѣе серебра и золота: неужели же освобожденіе 20 милліоновъ крестьянъ отъ гнета крѣпостной зависимости было въ состояніи ослабить наше государство?? Напротивъ: оно еще придало или придастъ ему тѣ нравственныя силы, которыхъ оно до сихъ поръ было лишено. Нужно только умѣть воспользоваться именно нравственными (а не одними матеріальными) силами народа, какъ и дѣлали это не разъ наши государи изъ дома Романовыхъ, въ виду грозившей внѣшней опасности. Присоединеніе Малороссіи вовлекало Россію въ войну съ могучею тогда Польшей, —но Царь Алексѣй

Михаиловичъ, укрѣпившись единодушнымъ всенароднымъ желаніемъ, высказаннымъ ему на соборѣ, не отвергъ предложенія Малороссіи и началъ войну: точно также поступалъ онъ и въ другихъ важныхъ обстоятельствахъ, точно также дѣйствовалъ и его отецъ. Эти славныя преданія дома Романовыхъ не могутъ быть забыты нашимъ правительствомъ, и въ этихъ преданіяхъ оно найдетъ для себя и поддержку, и руководство.

Въ нашей Русской землѣ есть и залоги для славной исторической будущности, но еще только залоги. Есть и таланты, но большею частью безплодно закопанные въ землю. Есть крѣпкій, умный, бодрый, вѣрующій простой народъ; есть сорокамилліонное трудолюбивое, сидящее на землѣ населеніе,—и въ то же время разслабленное, полу-просвѣщенное, полу-Русское общество, вовсе не служащее выраженіемъ народа и только обезсиливающее народъ, лишенный такимъ образомъ своихъ естественныхъ органовъ. Есть могучее земство, всегда готовое поддержать вещественно и нравственно верховное правительство,—но покуда безъ земской жизни, безъ голоса, раздѣленное съ правительствомъ толстою средою чиновничества и бюрократическими перегородками. Есть могучая, крѣпкая, тысячелѣтнею жизнію закаленная *своя* національность,—и въ то же время душевное холопство предъ чужими національностями, ложный стыдъ и трусость предъ общественнымъ мнѣніемъ Европы. Есть наконецъ силы физическія и нравственныя и богатства экономическія, — и въ то же время, на верху нашего общественнаго строя, чувствуется слабость, и мы, по древнему выраженію, всѣ бредемъ розно! А между тѣмъ Польскій вопросъ требуетъ разрѣшенія, и если Россія не разрѣшитъ его сама, то невольно передастъ свое право Европѣ, стерегущей каждый нашъ промахъ, врагамъ, радующимся неразумію великана, не познавшаго собственной своей силы!

Намъ необходимо возстановить и укрѣпить союзъ государства съ землею, правительства и образованнаго общества съ народомъ, необходимо, во чтò бы ни стало, по древнему Русскому правилу, сойтись всѣмъ, всей землею, въ совѣтъ и любовь, и прежде всего—въ совѣтъ. Подумаемте объ этомъ, читатель.

По поводу манифеста 31 марта 1863 года.

Москва, 10 апрѣля 1863 г.

Въ самый Свѣтлый день Христова Воскресенія, вмѣстѣ съ мѣднымъ гуломъ колоколовъ, благовѣстившимъ міру христіанскую радость, «праздникомъ праздникъ и торжество изъ торжествъ», — Россія, устами своего Государя, произнесла прощеніе и забвеніе обидъ—еще воюющимъ и обидящимъ, еще противящимся Полякамъ. Россія переборола въ себѣ оскорбленное чувство народной чести, не терпящее ничьего дерзкаго вооруженнаго посягательства; она усмирила въ себѣ пылъ — вполнѣ законнаго и справедливаго въ каждомъ Русскомъ негодованія, въ виду мучительной смерти Русскихъ солдатъ, въ виду столькихъ жертвъ Польскаго неистовства и злобы,—и не смотря на то, что еще льется кровь, что мятежъ еще

не совсѣмъ подавленъ, — самая широкая амнистія возвѣщена Царскимъ манифестомъ 31 марта всѣмъ Полякамъ безъ исключенія, которые положатъ оружіе къ 1 мая. Цѣлый мѣсяцъ срока и заранѣе прощеннаго сопротивленія! подобныхъ великодушныхъ условій сдачи не предлагалъ врагу еще ни одинъ побѣдитель... Есть время образумиться!

Такъ миловать имѣетъ право только сила, вполнѣ себя сознающая и увѣренная въ окончательной побѣдѣ; такое великодушіе оправдывается только могуществомъ, которому нечего опасаться упрековъ въ слабости, столько щекотливыхъ для самолюбія слабыхъ!

Но и для могущества есть предѣлы. Далѣе тѣхъ крайнихъ предѣловъ милосердія, какіе обозначены манифестомъ 31 марта, идти нельзя, было бы постыдной уступкой, —и горько обманется Европа, и сама горько обманетъ Польшу, если дерзнетъ насиловать снисходительность Русскаго Государя, если предъявитъ какія бы то ни было *требованія*, сверхъ дарованнаго и обѣщаннаго въ манифестѣ. При одномъ слухѣ объ Европейскихъ угрозахъ, при одной мысли о возстановленіи Польши въ границахъ 1772 г., вскипѣло и вскипитъ негодованіе во всѣхъ слояхъ Русскаго населенія, и еслибъ только найдено было средство услышать голосъ Русской земли, онъ смутилъ бы Европу, привыкшую считать Русскій народъ нѣмою, бездушною силой. Всѣ мнимые или, вѣрнѣе сказать, только на поверхности общества разыгрывающіеся недуги—космополитизма, федерализма, коммунизма, всѣ эти уродливыя порожденія нашей общественной исторіи отскочутъ, снимутся какъ рукой — при первыхъ призывныхъ звукахъ народнаго голоса,—все и всѣ увлекутся общимъ потокомъ народнаго чувства. Мы потому именно упоминаемъ здѣсь объ этихъ нашихъ домашнихъ, такъ сказать накожныхъ болѣзняхъ, что прочли недавно сужденіе одной иностранной газеты объ адресѣ Петербургскаго дворянства, увѣряющей, что мнѣніе, выраженное въ адресѣ, не раздѣляется многочисленнѣйшею, именно космополитическою частью Русскаго дворянства. Если и дѣйствительно Русскіе путешественники за границей могли подать поводъ редактору Французско-Польской газеты *(l'Opinion Nationale)* къ такому невыгодному о Русскомъ дворянствѣ заключенію, то пусть знаетъ Европа, что сила Россіи не въ обществѣ рабствующемъ Западу и отчужденномъ отъ народа, а въ пятидесятимилліонной *однородной* массѣ Русскаго народа, освобожденнаго Русскимъ Государемъ отъ крѣпостного рабства и освобождаемаго имъ постепенно отъ рабства Нѣмцамъ и отъ остальныхъ, еще тяготѣющихъ на немъ узъ, сковывающихъ его правильное, естественное развитіе. Наша сила неистощима, но она ослабляется нашимъ собственнымъ невѣдѣніемъ ея и непониманіемъ: наша истинная сила — въ разумѣніи нашей силы.

Всякое преобразованіе, предпринятое правительствомъ съ цѣлью облегчить жизнь, дать просторъ развитію, снять узы съ Русскаго долготерпѣливаго народа, еще тѣснѣе связываетъ правительство съ народомъ, еще плодотворнѣе укрѣпляетъ нашъ государственный и народный организмъ. Чѣмъ свободнѣе земля, тѣмъ крѣпче государство; чѣмъ вольнѣе народный голосъ, тѣмъ могущественнѣе его поддержка, тѣмъ знаменательнѣе, тѣмъ грознѣе для нашихъ враговъ—выраженіе искренней преданности народа своему царственному представителю.

Мы должны отвѣчать только предъ собственною своею народною совѣстью, намъ необходимо самимъ сознавать себя правыми какъ въ отношеніи къ Польшѣ, такъ и у себя дома,—и если мы крѣпки такимъ всенароднымъ сознаніемъ, намъ нечего обращать вниманіе на общественное мнѣніе и угрозы Европы. Пусть себѣ думають въ Европѣ о насъ что угодно: правительство, усилившее себя свободною, нравственною поддержкой освобождаемой имъ постепенно Русской земли, выйдетъ побѣдоносно изъ всѣхъ затрудненій.

Полякамъ обѣщана манифестомъ «новая политическая эра»; въ указѣ Правительствующему Сенату, относящемся къ жителямъ Западныхъ губерній и всей Россіи, правительство заявляетъ о предположенномъ имъ «расширеніи общественныхъ правъ всѣхъ Русскихъ подданныхъ и распространеніи круга дѣятельности, предоставленной разнымъ мѣстнымъ въ Имперіи учрежденіямъ». Было бы несправедливо основывать какія-нибудь положительные выводы на различіи выраженій, употребленныхъ въ указѣ и въ манифестѣ. Жители Западныхъ губерній не могутъ считать себя менѣе награжденными милостью Государя, чѣмъ жители Царства,—и должны съ полною вѣрою повиноваться государеву призыву, — съ тою вѣрою, съ какою ожидаетъ и вся Россія своего земскаго возрожденія...

Но образумятся ли Поляки? Трудно отвѣчать на этотъ вопросъ, да едва ли есть надобность предварять теоретическими соображеніями и догадками факты, которые не замедлятъ обнаружиться: ждать не долго, осталось не болѣе трехъ недѣль до окончательнаго срока, который конечно ни въ какомъ случаѣ продолженъ не будетъ. Удовлетворятся ли или не удовлетворятся Поляки — это покуда неизвѣстно, но самое важное для насъ то, что мы-то будемъ правы, что наша совѣсть будетъ развязана. Россія протягиваетъ имъ братскую руку примиренія и указываетъ имъ въ будущемъ на новую политическую эру, въ нераздѣльномъ соединеніи съ Россіей. Если они оттолкнутъ эту руку и откажутся отъ предлагаемаго дара, то пусть вспомнятъ они, что ихъ можетъ постичь худшая изъ казней: стать жертвою онѣмеченія, подпасть владычеству германизма. Пусть сообразятъ Поляки, что если бы Россія отказалась отъ Варшавскаго герцогства, оно или погибло бы жертвою внутренней анархіи, или сдѣлалось бы добычей Пруссіи и Австріи: а съ этимъ вмѣстѣ угасло бы и всякое сочувствіе Европы къ Польшѣ. Пусть не думаютъ они, что Россія ослабѣла бы отъ подобной операціи надъ своею хроническою язвою: напротивъ, она будетъ здоровѣе тѣломъ и духомъ, и могущественнѣе, чѣмъ прежде, — и отъ нея, со временемъ, станутъ чаять себѣ освобожденія Поляки—порабащенные Нѣмецкою стихіею!.. Что касается до Русскихъ областей, нѣкогда принадлежавшихъ Польскому королевству, то неужели Поляки могутъ еще сомнѣваться, что скорѣе рѣки потекутъ вспять и Висла вмѣсто Балтійскаго побѣжитъ въ Черное море, прежде чѣмъ хоть одна пядь земли въ этихъ областяхъ будетъ отдана нами во власть не Русской народности!

Образумятся ли Поляки? Прежняя исторія мало представляетъ ручательствъ политической мудрости этого передавшагося Западу Славянскаго

племени, постоянно враждебнаго Славянскому міру, постоянно воюющаго, подъ знаменемъ Латинства, съ ненавистной Латинству стихіей православнаго Славянскаго міра. Да и кто скажетъ намъ: чего хочетъ Польша? Должны ли мы видѣть выраженіе этихъ желаній въ манифестѣ революціоннаго комитета, напечатанномъ въ одной, не лишенной значенія, Англійской газетѣ, отъ котораго отрекаются многіе члены этого комитета? Должны ли мы искать отвѣта на нашъ вопросъ въ безчисленныхъ брошюрахъ и всякаго рода произведеніяхъ Польской литературы за границей? или же въ административной системѣ маркиза Велепольскаго? или же въ мнѣніяхъ г. Грабовскаго, нынѣ министра просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ, мнѣніяхъ о духовной нераздѣльности Западнаго края съ Польшей, знакомыхъ читателямъ «Дня» и такъ блистательно опровергнутыхъ нашимъ сотрудникомъ г. Елагинымъ? въ положеніи ли наконецъ, принятомъ относительно возстанія Польскимъ сельскимъ народонаселеніемъ, въ проповѣди ли ксендзовъ, въ адресѣ ли графа Замойскаго, въ аристократической или демократической партіи, въ Мѣрославскомъ или Лангевичѣ? Мы не можемъ до сихъ поръ дознаться толкомъ, чего желаютъ Поляки; но одно знаемъ мы навѣрное, что если они не отрекутся отъ своихъ притязаній на Русскія области, если они точно хотятъ возвращенія себѣ Украйны, Литвы, Бѣлоруссіи (какъ объ этомъ возвѣстилъ на дняхъ Виленскій революціонный комитетъ), если не разумѣютъ *иначе* своего политическаго возрожденія, то, стало быть, они хотятъ себѣ гибели, — и несомнѣнно погибнуть.

Не довольно только положить оружіе къ 1 мая,—надо излечиться отъ политическаго безумія. Въ противномъ случаѣ вопросъ будетъ не разрѣшенъ, а только отсроченъ.

—

Какъ узнать, гдѣ именно Польша и чего она желаетъ?

Москва, 15 апрѣля 1863 г.

Толкуя о современныхъ событіяхъ, мы всѣ постоянно употребляемъ выраженія: «Польша», «Поляки», разсуждаемъ пространно о «Польскихъ» желаніяхъ, влеченіяхъ и стремленіяхъ, но спрашиваемъ: отдали ли мы себѣ отчетъ въ томъ: гдѣ же именно эта Польша? какіе именно это Поляки? какимъ образомъ можемъ мы судить о желаніяхъ и стремленіяхъ Польши? кого должны мы признавать представителями страны? чей голосъ уполномоченъ Польскимъ народомъ—выражать его нужды и требованія? Гдѣ этотъ законный органъ, который могъ бы повѣдать Россіи и всему міру, чего надобно Польшѣ, чего хотятъ Поляки?

Мы уже въ послѣднемъ № поставили этотъ вопросъ, но считаемъ существенно полезнымъ возбудить его снова и настаивать на необходимости его разрѣшенія, по крайней мѣрѣ для нашего общественнаго сознанія. Если слѣдить за ходомъ событій по *газетамъ* иностраннымъ и нашимъ, то невольно представляется, будто обѣ стороны играютъ въ жмурки, ищутъ другъ друга въ разныхъ углахъ и никакъ поймать не могутъ, или же,

думая поймать противника, только обхватывають руками воздухъ! (Мы говоримъ здѣсь только о томъ впечатлѣніи, какое производитъ на насъ чтеніе газетъ и журналовъ, —съ ихъ безконечными толками и разсужденіями).—Отсюда этотъ рядъ постоянныхъ недоразумѣній, нечаянностей, взаимное непониманіе, взаимная неудовлетворенность и невозможность, наконецъ, твердой основы въ дѣйствіяхъ. Крикъ и визгъ публицистовъ, прокламаціи потаенныхъ комитетовъ, объявленія Польской эмиграціи, т.-е. Польской аристократіи, воззванія заграничнаго центральнаго демократическаго комитета, трескотня либеральныхъ фразъ, хоръ наглѣйшихъ клеветъ, безстыднѣйшей лжи, безобразнѣйшихъ выдумокъ, витійствованье безмозглыхъ фанатиковъ католицизма, кривлянье, паясничанье, актерство въ самомъ мученичествѣ и героизмѣ,—кто разберетъ что-нибудь въ этомъ шабашѣ, кто вынесетъ здоровую голову изъ этого угара и чада, кто не запутается въ этой путаницѣ понятій и убѣжденій!.. Но главное: весь этотъ гамъ и шумъ заглушаетъ для насъ разумный голосъ самой страны; весь этотъ туманъ заслоняетъ намъ видъ настоящей, не революціонной, не демократической и не аристократической Польши, и сбиваетъ насъ съ толку оптическими обманами; эти окровавленные мученики, эти красивые герои, какъ бы безразсудны они ни были, смущаютъ щекотливую совѣсть Русскаго человѣка, дѣйствуютъ на его воображеніе, кривятъ его собственное пониманіе. Льется кровь, съ обѣихъ сторонъ приносятся жертвы. За что, во имя чего? Кто эта—другая сторона, борющаяся съ нами? Никто ничего не вѣдаетъ и не знаетъ!

Россія, отказываясь отъ законной мести за предательское убійство Русскихъ солдатъ, даруетъ возставшимъ прощеніе... Они его не принимаютъ, они его не просили и не просятъ, они хотятъ чего-то другого,—великодушіе Русскаго Государя является въ ихъ глазахъ непрошенною и ненужною милостью! Конечно, мы еще не въ правѣ судить о послѣдствіяхъ этого манифеста,—но, основываясь на отзывахъ Польскихъ газетъ, на разсужденіяхъ полу-оффиціальныхъ органовъ Французской журналистики, мы можемъ почти съ вѣроятностью предполагать, что подобно тому, какъ иной выстрѣлъ проходитъ мимо цѣли, такъ и эта амнистія едва ли приведетъ къ желанному результату. Манифестъ обѣщаетъ Полякамъ новую политическую эру... Но не только это обѣщаніе,—мы думаемъ, что даже самыя либеральныя учрежденія, дарованныя Польшѣ въ настоящую минуту, едвали успокоятъ волненіе, едвали не будутъ напраснымъ даромъ,—выстрѣломъ въ воздухъ или въ воду. Требованія Поляковъ станутъ возрастать по мѣрѣ нашей уступчивости и снисходительности; и никакая конституція, данная Россіей, не удовлетворитъ повстанцевъ, если они хотятъ во что бы то ни стало обзавестись особенной національной арміей, чего Россія при настоящихъ обстоятельствахъ допустить, конечно, не можетъ; или если хотятъ, какъ Мѣрославскій, учрежденія демократической республики (см. его письмо къ парижскому демократическому комитету), или, какъ Лангевичъ, возстановленія Польши въ предѣлахъ 1772 года,—или отдѣленія собственно Царства Польскаго отъ Россіи съ какимъ-нибудь принцомъ Наполеономъ во главѣ, или же только конституціи аристократической, или... Да знаемъ ли мы сами, чего именно хотятъ Поляки! Если же мы сами этого не знаемъ, то всякія наши дѣйствія не будутъ ли дѣ-

латься только на угадъ, не получатъ ли значеніе только опытовъ? сомнительно, чтобы при такой невѣрности прицѣла они попали въ цѣль и увѣнчались удачей!

Но повторяемъ вопросъ: въ правѣ ли мы, говоря о воюющихъ противъ насъ, въ числѣ одного или двухъ десятковъ тысячъ, Поляковъ, употреблять выраженіе: «Поляки», «Польша»? Развѣ крестьяне не Поляки? Конечно Поляки; они-то собственно и составляютъ Польшу, отъ нихъ собственно и зависитъ участь настоящаго возстанія; а между тѣмъ Польское крестьянство не оказываетъ возстанію никакой помощи и опоры.—Кто же эта «Польша»? Должны ли мы признать за «Польшу» тайный революціонный комитетъ, членовъ котораго никто не знаетъ и никто не уполномочивалъ, который властвуетъ страхомъ грабежа и убійствъ и вообще терроромъ? Но поговорите съ благоразумными, образованными Поляками! всякій изъ нихъ гнушается насиліемъ и убійствомъ и желалъ бы свергнуть съ Польши иго этой темной, безнравственной силы... Читая воззванія эмиграціонной аристократической партіи въ Парижѣ, мы точно въ такомъ же правѣ сказать, что слышимъ голосъ «Польши», что «вотъ этого-то именно и хотятъ Поляки»,—или, вѣрнѣе, мы точно также не въ правѣ признать Чарторижскаго за представителя Польши, какъ и Мѣрославскаго. Если бы мы уступили напору аристократической или демократической партіи и создали для Польши учрежденія въ угоду той или другой партіи, или даже по указаніямъ Европы,—Польша, настоящая Польша, могла бы современемъ упрекнуть насъ въ томъ, что мы не уважили правъ всей Польской націи и послушались какихъ-то самозванныхъ ея представителей! Почему, спрашиваемъ еще разъ, должны мы именно шайки косиньеровъ въ лѣсахъ Варшавскихъ—считать за «Польшу», а не милліоны Польскаго народонаселенія, остающагося мирнымъ и покорнымъ, несмотря на всѣ угрозы и соблазны революціонеровъ? Развѣ оттого, что первыя громко говорятъ и дѣйствуютъ, а послѣдніе совершенно безгласны? Безгласны! въ томъ-то и дѣло, и если бы мы нашли средство услышать голосъ самой страны, дать возможность заявить себя ея разумнымъ, кореннымъ элементамъ,—мы бы имѣли какой-нибудь путеводный свѣтъ въ этомъ лабиринтѣ, называемомъ Польскимъ вопросомъ, мы бы знали—чего именно хочетъ Польша,—настоящая Польша, а не воображаемая, не та или другая Польская партія; мы бы знали, на чемъ опереться, чего держаться, чего надѣяться, кто наши други и недруги, кто съ нами, кто противъ насъ!..

Нѣкоторые почтенные органы Московской журналистики постоянно указываютъ намъ на примѣръ Австріи и ея отношеній къ Галиціи. Извѣстно, что Австрійская имперія получила въ 1860 году новую политическую организацію, обновившую и укрѣпившую ея составъ свѣжею силой. По нашему мнѣнію, съ Галиціей могутъ быть сравниваемы только нѣкоторыя губерніи Западнорусскаго края, гдѣ населеніе коренное Русское и положительно враждебно помѣщикамъ-Полякамъ: въ этомъ отношеніи, дѣйствительно, мѣра, принятая Австріей, могла бы оказать и у насъ самыя благодѣтельныя послѣдствія;—но что касается Царства Польскаго, мы думаемъ, что необходимо было бы напередъ дознать какимъ-нибудь явнымъ, торжественнымъ способомъ, какой именно организаціи оно бы желало. Намъ кажется, что испытывать надъ какой-нибудь страной то ту, то дру-

гую операцію едва ли было бы согласно съ требованіемъ политическаго благоразумія; нѣтъ ничего вреднѣе въ политикѣ—неудавшихся мѣръ, передѣлываемыхъ преобразованій и системы уступокъ, которыхъ предѣлъ едва ли когда возможно предвидѣть. Не этимъ способомъ добывается миръ и пріобрѣтается уваженіе къ власти.

Мы видимъ, что амнистія, не прошенная и не жданная, не вызванная ни раскаяніемъ возставшихъ, ни окончательнымъ одолѣніемъ мятежа, не приноситъ покуда тѣхъ благихъ плодовъ, какихъ отъ нея ожидали. Мало того, она не удовлетворила и Европейскія Западныя державы, отчасти даже оскорбленныя тѣмъ, что ихъ ходатайство въ пользу мятежниковъ было предупреждено, и уже предъявляющія, пока только голосомъ полуоффиціальныхъ газетъ, новыя неисполнимыя требованія, на которыя не можетъ согласиться никакое великодушіе. Точно то же можетъ случиться и съ обѣщанными Полякамъ политическими преобразованіями: можетъ случиться именно, что ни Польша, ни Европа не удовольствуются тѣмъ размѣромъ политическихъ концессій, какой единственно возможенъ Русскому правительству безъ ущерба для достоинства Россіи. Отдайте Полякамъ конституцію: вы непремѣнно услышите разные Польскіе голоса, поддерживаемые Европой, требующіе для Польши—особой національной арміи и бюджета! Эти голоса, повторяемъ, вовсе еще не голосъ самой Польши, но, какъ сказано, голоса самой Польши, лучшихъ сыновъ ея, мы не вѣдаемъ и не слышимъ. Удовлетворите и это требованіе—какой-нибудь Лангевичъ, во главѣ двухъ или трехъ «бандъ», станетъ домогаться Вильна, Могилева, Витебска, надѣлаетъ шуму въ Европѣ за цѣлыя сотни тысячъ патріотовъ, и смутитъ насъ самихъ—всеобщимъ раздраженіемъ Европейскаго «общественнаго мнѣнія».

Нѣтъ, не конституцію 1815 года, какъ предлагаетъ Англія, и не Австрійское конституціонное учрежденіе въ Галиціи должны мы навязывать Польшѣ, а прежде всего дознать отъ самой Польши, чего она хочетъ, потребовать отъ самихъ Поляковъ категорическаго объявленія ихъ нуждъ и желаній. Если уже позволено разсуждать о той или другой политической мѣрѣ, пригодной для Польши въ настоящее время, то едва ли не лучшею мѣрою, по нашему убѣжденію, было бы созвать всенародный Польскій Сеймъ,—конечно не прежній шляхетскій, а именно всенародный, съ непремѣннымъ участіемъ Польскаго крестьянства. Только тогда выяснилось бы вполнѣ,—при совершенной свободѣ голоса и при искреннемъ желаніи правительства узнать наконецъ дѣйствительное мнѣніе страны, — чего именно желаетъ Польша; только тогда бы открылось—составляетъ ли политическая независимость отъ Россіи существенную потребность для Польши, или же она есть только мечтательный бредъ нѣкоторыхъ агитаторовъ; тогда бы наконецъ обнаружилось, состоятельна ли Польская нація рѣшать сама о своей судьбѣ, достаточно ли созрѣла, достаточно ли научена и умудрена опытомъ. Мы вѣримъ, что мудрость Польскаго народа одержала бы верхъ надъ безуміемъ шляхты и разныхъ партій; мы убѣждены, что многія бредни разсѣялись бы предъ строгимъ судомъ всенародной мысли; что многія фантазіи разлетѣлись бы въ прахъ при малѣйшемъ прикосновеніи къ нимъ здраваго смысла; что многія стремленія, при первой попыткѣ формулировать и опредѣлить ихъ, оказались бы до такой

степени смутными и неясными, что трудно будетъ современемъ даже и понять, какимъ образомъ могли они получить такую власть надъ умами!— Какія бы ни были послѣдствія Сейма, Полякамъ пришлось бы пенять на себя самихъ, а не на Россію, которая этимъ способомъ избавилась бы отъ лишнихъ хлопотъ: придумывать и догадываться—чѣмъ бы ублажить блажную Польскую націю! Россія стала бы тогда лицомъ къ лицу съ Польшей, и повела бы твердую рѣчь не съ партіями, а съ самимъ Польскимъ народомъ: недоразумѣнія съ обѣихъ сторонъ тотчасъ бы разъяснились, и мы тогда могли бы заключить другъ съ другомъ откровенный, прямой договоръ—вражды или дружбы. Впрочемъ, мы не сомнѣваемся, что въ окончательномъ своемъ результатѣ подобный Сеймъ только бы скрѣпилъ союзъ Польши съ Россіей; но если бы Польша предъявила несбыточныя желанія, или нелѣпыя притязанія на Русскія земли,—правда наша была бы явна всему міру, выступила бы изъ потемокъ на свѣтъ Божій и развязала бы нашу совѣсть относительно Польши. Отъ правительства бы зависѣло: противопоставить ли голосу Польскаго—голосъ всего Русскаго народа, Польскому Сейму—Русскій Земскій Соборъ, рѣшить ли споръ мечомъ или конгрессомъ,—но во всякомъ случаѣ оно получило бы громадную выгоду отъ подобной мѣры: оно имѣло бы твердую основу для своихъ дѣйствій.

Намъ кажется, что предлагаемая нами мѣра лучше и практичнѣе предлагаемой «Московскими Вѣдомостями».

Если бы этотъ Сеймъ, принимая въ соображеніе, что за предѣлами Царства Польскаго, въ Россіи, нѣтъ уже Польши, что расширенія Царства со стороны своей границы Россія никогда и ни подъ какимъ условіемъ не допуститъ; если бы Сеймъ убѣдился, что Царство Польское, отдѣленное отъ Россіи, должно неминуемо подвергнуться или случайностямъ анархіи, или иноземному владычеству, т.-е. Пруссіи или Австріи (готовымъ подѣлить ее между собою и онѣмечить ее такъ, какъ онѣмечена Познанская область): тогда бы, конечно, Сеймъ удержалъ бы Польшу подъ верховною властью Русскаго Императора, и Россія стала бы, наконецъ, къ Польшѣ въ отношенія честныя и прямыя. Россія сняла бы наконецъ съ себя то нравственное бремя, которое тяготило ее не менѣе, какъ и Польшу. Мы наконецъ были бы правы!—Польша лишилась бы наконецъ возможности мучить насъ справедливыми упреками: тѣсный союзъ Россіи съ Польшей былъ бы уже не насильственный, а добровольный!

Если же этотъ Сеймъ разрѣшилъ бы вопросъ отрицательно или же если Сеймъ, вмѣсто важнаго политическаго собранія, вмѣсто величаваго народнаго сонма, собравшагося обсудить и рѣшить свою судьбу, представилъ бы скопище безсмысленныхъ запальчивыхъ головъ, неспособныхъ придти ни къ какому рѣшенію, — тогда Польша, предоставленная сама себѣ, наказалась бы всѣми ужасами анархіи! Неужели не видятъ Поляки, что если бы Русское правительство, объяснивъ въ манифестѣ къ Польскому народу причины своего добровольнаго поступка, — распустивъ всю гражданскую армію чиновниковъ и уничтоживъ столь ненавистное Полякамъ Русское управленіе, удалилось бы съ своими чиновниками и войсками изъ предѣловъ Царства, оцѣпивъ живою крѣпкою цѣпью его Русскія границы,— неужели не видятъ Поляки, что въ Польшѣ вспыхнула бы самая кровавая

безурядица, самая отчаянная междоусобная брань, и мѣсто Русскаго правительства занялъ бы самый свирѣпый изъ деспотизмовъ, деспотизмъ террора? Это продолжалось бы до тѣхъ поръ, пока благомыслящая, здоровая часть страны не свергла бы ига демагоговъ и не обратилась бы вновь къ Русскому Государю съ просьбою — принять Польшу подъ свою крѣпкую руку: только въ этомъ, въ одномъ этомъ могла бы еще найти себѣ спасеніе Польша!.. Въ противномъ случаѣ Пруссія, или Австрія, или и та и другая вмѣстѣ, въ видахъ обезпеченія спокойствія въ своихъ предѣлахъ, не замедлили бы подѣлить Польшу вновь—уже безъ всякаго участія Россіи—и, присоединивъ раздѣленныя части Царства къ своимъ владѣніямъ, положили бы настоящій конецъ ея историческому бытію, тотъ finis Poloniæ, который, по преданію, еще въ концѣ прошлаго столѣтія казался наступившимъ для Польши—благороднѣйшему изъ ея сыновъ, Костюшко!..

О томъ же.

Москва, 4-го мая 1863 г.

Мы сказали въ послѣдній разъ, что для разрѣшенія Польскаго вопроса необходимо было бы, по нашему мнѣнію, «дознать отъ самой Польской націи, чего она хочетъ и при какихъ условіяхъ возможно ея умиротвореніе», «вызвать Поляковъ на категорическое объявленіе своихъ требованій и притязаній»,—однимъ словомъ «найти средство услышать голосъ самой страны». Само собою разумѣется, что, говоря «вся страна», мы имѣемъ въ виду не ту только Польшу, которую мы знаемъ по общественной дѣятельности прежняго времени, т. е. не исключительно шляхту,—но Польшу во всей ея всенародной цѣльности, т. е. вмѣстѣ съ крестьянствомъ. Никто не станетъ отрицать, что XIX вѣкъ внесъ въ гражданскую жизнь Польши новую историческую идею, новый элементъ, ей доселѣ чуждый, элементъ демократическій, или, вѣрнѣе сказать, простонародный. Извѣстно, что простой народъ въ Польшѣ почти не выступаетъ на сцену исторіи и что пресловутое Польское равенство касалось только одной многочисленной шляхты. Крестьянство никогда не принималось въ разсчетъ, не участвовало въ сеймахъ и до 1812 года не пользовалось никакими гражданскими правами: оно только теперь начинаетъ жить и—мы увѣрены—явится и въ политическомъ отношеніи самымъ здоровымъ и полновѣснымъ элементомъ въ будущемъ развитіи Польской націи. Польскому общественному судну именно недоставало того тяжелаго груза, который бы давалъ ему упоръ противъ волнъ, не позволялъ носиться по прихоти политическихъ вѣтровъ, умѣрялъ, замедлялъ, уравновѣшивалъ тотъ шибкій бѣгъ, который готово было бы придать ему легкомысленное шляхетство. Въ Польшѣ, во дни ея политическаго бытія, общественная стихія, вся воплощаемая шляхтой, не имѣла ни той силы устойчивости, которая присуща аристократическому началу, ни непосредственной, плотно приросшей къ землѣ силы крестьянства. Для блага самой Польши, для полноты и цѣльности ея развитія, нужно желать,

чтобъ тамъ образовалось крѣпкое и независимое крестьянство, и чтобъ оно наравнѣ съ шляхтою получило участіе въ земскомъ представительствѣ;— современныя событія ясно свидѣтельствуютъ, что мы отнынѣ не въ правѣ признавать шляхту единственною представительницею Польскаго земства. Но политическое устройство крестьянъ принадлежитъ будущему; здѣсь же мы хотѣли только объяснить, какъ важенъ голосъ Польскихъ крестьянъ въ вопросѣ о Польшѣ и какъ было бы несправедливо и неразумно обойти ихъ, если бы найдено было нужнымъ дознаться положительнаго искренняго мнѣнія самой страны.

Намъ говорятъ, что мысль наша неудобна и непрактична... Но спрашиваемъ, что же представляется нашимъ возражателямъ болѣе удобнымъ и практичнымъ?—Современное ли положеніе дѣлъ въ Варшавѣ, гдѣ жители самымъ непрактическимъ образомъ вынуждены служить «двѣма господинома», гдѣ регулярное правительство тщетно старается уничтожить правительство иррегулярное, гдѣ въ виду полиціи публикуются четыре возмутительныя газеты, распоряжается центральный революціонный комитетъ и властвуетъ терроръ? Или, быть можетъ, признается практичнѣе и удобнѣе предоставить рѣшеніе вопроса случайностямъ Европейской войны и допустить пролитіе крови?... Одинъ изъ Петербургскихъ журналовъ, въ послѣдней своей книгѣ, откровенно выражаетъ желаніе, чтобы для развязки Польско-Русскаго узла «правительство само дружески обратилось къ *общему совѣщанію* Европейскихъ державъ», т. е. къ Европейскому конгрессу... Неужели же практичнѣе и удобнѣе было бы идти судиться намъ съ Польшей предъ державами Западной Европы,—слѣдовательно заранѣе признать для себя обязательность ихъ общаго приговора, — вѣдая притомъ, что большинство голосовъ на конгрессѣ было бы едва ли не противъ насъ?? Намъ кажется, что это было бы не только непрактично, но и несовмѣстно съ достоинствомъ Россіи, которая можетъ отыскать въ самой себѣ, въ нѣдрахъ Русскаго народнаго духа, рѣшеніе Польско-Русской задачи. Вооруженное вмѣшательство, безъ сомнѣнія, встрѣтитъ во всѣхъ насъ, безъ различія партій и направленій, самый дружный, единодушный отпоръ; но и дипломатическое вмѣшательство уже оскорбительно для нашей народной чести,—а тѣмъ болѣе Европейскій конгрессъ! Мы, конечно, вовсе не противъ мысли объ «общемъ совѣщаніи», но зачѣмъ же совѣщаться именно съ Европейскими державами, всего менѣе способными разумѣть наши отношенія къ Польшѣ, наши Русскія—политическія, общественныя и нравственныя потребности? Неужели почтенная редакція Петербургскаго журнала думаетъ, что Русскіе люди въ Русскомъ дѣлѣ или Русскіе и Польскіе люди въ Русско-Польскомъ дѣлѣ менѣе состоятельные совѣтчики и судьи, чѣмъ Испанія, Португалія и даже Турція, — которая послѣ Парижскаго трактата сдѣлалась, какъ извѣстно, непремѣннымъ членомъ всѣхъ Европейскихъ конгрессовъ? Петербургскій журналъ, совершенно непонятно почему, полагаетъ, что, напросившись на Европейскій конгрессъ, «мы станемъ во главѣ событій, а не подъ ихъ неотразимымъ давленіемъ». Во главѣ событій мы станемъ только тогда, когда станемъ во главѣ истинныхъ интересовъ Россіи и Польши, когда не на словахъ, а на дѣлѣ утвердимся на общемъ всенародномъ сознаніи. Во главѣ событій будемъ мы находиться только тогда, когда не будемъ уклоняться ни отъ какого вопи-

ственнаго вызова, когда пойдемъ на встрѣчу событіямъ, опираясь на собственное наше народное мнѣніе, когда выяснится до очевидности и осязательности, и намъ, и Полякамъ, крайній предѣлъ нашихъ взаимныхъ требованій и уступокъ. «Международныя совѣщанія»!—любимое слово не только нѣкоторыхъ Русскихъ, но и многихъ иностранныхъ публицистовъ! Мы готовы, пожалуй, допустить и это слово и эту мысль, только съ устраненіемъ Франціи, Англіи, Австріи и всѣхъ прочихъ народовъ, кромѣ Русскаго и Польскаго. Нѣтъ: сравнивая нашу мысль о возможности рѣшенія Польско-Русской задачи съ другими вышеупомянутыми способами, мы положительно признаемъ ее болѣе практическою и прямѣе ведущею къ цѣли. Доказательства справедливости нашей мысли мы почерпаемъ еще изъ отвѣтныхъ депешъ князя Горчакова на ноты иностранныхъ державъ. Во всѣхъ своихъ депешахъ Русскій вице-канцлеръ чрезвычайно ясно доказываетъ, что партія движенія въ Польшѣ не выражаетъ собою мнѣнія самой Польши, что разумная часть населенія не одобряетъ возстанія и его демагогическаго характера,—но нѣтъ сомнѣнія, что эти доводы, для насъ безспорные, были бы вполнѣ неопровержимы для иностранныхъ кабинетовъ, еслибъ подкрѣплялись, сверхъ того, указаніями на гласное и, разумѣется, вполнѣ легальное заявленіе, сдѣланное самою Польскою націей.

Постараемся привести нѣсколько въ порядокъ и обсудить, по возможности кратко, тѣ различные виды рѣшенія Польско-Русскаго вопроса, которые предлагаются намъ Русскою и иностранною журналистикой. Положительнымъ сочувствіемъ большинства въ нашемъ Русскомъ обществѣ пользуется то мнѣніе, которое, признавая Царство Польское купленнымъ цѣною Русской крови, считаетъ необходимымъ безусловное неразрывное соединеніе Царства Польскаго съ Россійской Имперіей на общихъ либеральныхъ началахъ управленія и приноровленія Польскаго государственнаго устройства къ Русскому (по примѣру Австрійской Имперіи, гдѣ, какъ извѣстно, Галиція, участвуя въ общемъ имперскомъ представительствѣ, посылаетъ своихъ депутатовъ въ Вѣнскій рейхсратъ, не имѣя ни отдѣльной арміи, ни отдѣльнаго бюджета). Этотъ способъ рѣшенія, по мнѣнію предлагающихъ его, долженъ бы быть приведенъ въ исполненіе насильственно, вооруженною рукою и по праву верховной власти. Французская газета «La Presse», издаваемая Жирарденомъ, формулировала эту мысль словами: поглощеніе Польши Россіею въ свободѣ; но независимо отъ этого журнала эта же мысль была высказана и развита еще прежде Русскою періодическою печатью. Мы однакоже не можемъ согласиться съ этимъ взглядомъ на рѣшеніе Польско-Русскаго дѣла. Прежде всего мы не считаемъ цѣну крови — основаніемъ какого-либо права. Это не принципъ, а фактъ, упраздняемый другимъ подобнымъ же фактомъ. Въ силу этого аргумента, Поляки, еслибъ они успѣли взять съ бою Русскіе города, могли бы также утверждать, что купили право на нихъ цѣною пролитой Польской крови. Если бы всякій послѣдній совершившійся фактъ возводить на степень права, то это бы значило давать торжество насилію и предоставить міру управляться не на основаніи нравственныхъ началъ (къ чему онъ стремится), а на основаніи случайнаго перевѣса то той, то другой грубой силы: т. е. чья возьметъ, кто кого пересилитъ. При такомъ взглядѣ, понятію о международномъ правѣ уже не можетъ быть мѣста, да и намъ

самимъ не зачѣмъ было бы отыскивать для нашихъ притязаній на Западный край Россіи—опоры въ нашемъ народномъ единствѣ, въ исторіи, и т. д., а слѣдовало бы разъ навсегда сослаться на право завоеванія, право сильнаго—и только. Но человѣкъ не можетъ довольствоваться такимъ основаніемъ для своего права, его совѣсть ищетъ оправданія факту, и тѣ же самые люди, которые говорятъ и пишутъ о цѣнѣ крови, сами же первые противорѣчатъ себѣ, стараясь всячески доказать, и чрезвычайно убѣдительно доказывая, правду нашего дѣла нравственными, духовными, этнографическими доводами, правомъ необходимой обороны, правомъ самосохраненія, и т. д. Къ тому же нельзя оставить безъ вниманія и тѣ особенныя историческія условія, при которыхъ нерѣдко проливалась Русская кровь. Развѣ цѣною Русской крови не возстановлялся въ концѣ XVIII вѣка престолъ Бурбоновъ въ Неаполѣ? развѣ обильно пролитая на поляхъ Италіи въ борьбѣ *противъ* Французовъ Русская кровь не готова была пролиться вновь, на другой же годъ, *за* Французовъ при императорѣ Павлѣ? развѣ въ 1849 году не цѣною Русской крови куплена цѣлость Австрійской державы?

Что касается до неразрывнаго соединенія Царства Польскаго съ Россійской Имперіей, безъ всякой тѣни политической самобытности, то, безъ сомнѣнія, это было бы весьма желательно. Можетъ быть даже оно и совершится въ отдаленномъ будущемъ, но въ настоящее время такая задача потребовала бы для своего исполненія той Прусской энергіи, къ которой Россія, къ счастію, неспособна. Вражда историческая поставила насъ въ такія взаимныя отношенія, при которыхъ нельзя и думать обрусить Царство Польское такъ, какъ Нѣмцы онѣмечили Познань (а вѣдь намъ, между прочимъ, указывается и на примѣръ Познани); да обрусевать Польшу никто изъ Русскихъ и не желаетъ. Русскій народъ больше чѣмъ кто-либо въ мірѣ признаетъ право каждой народности на самобытное существованіе и развитіе. Неразрывное соединеніе съ Польшею—такое, какое предлагается въ Русской журналистикѣ, лучше всего, кажется, было бы основать на добровольномъ союзѣ. Мы можетъ быть и ошибаемся, но намъ кажется, что Польская нація, еслибъ было признано нужнымъ узнать ея свободное, искреннее мнѣніе, никакъ бы не захотѣла отдѣляться отъ Россіи, въ виду германизма, который для Польши— яко левъ рыкаяй, искій кого поглотити»...

Намъ возразятъ, что соединеніе должно быть скрѣплено общимъ представительствомъ и либеральными учрежденіями. Но мы вовсе не видимъ надобности жертвовать органическимъ развитіемъ своихъ особенныхъ историческихъ земскихъ началъ умиротворенію Польши. То, что̀ необходимо и пригодно для насъ, было бы можетъ быть непригодно для Польши, и наоборотъ. Не будемъ забывать, что Польская нація уже давнымъ-давно примкнула въ своемъ духовномъ развитіи къ Романо-Германскому міру, что въ основаніи ея цивилизаціи лежитъ Латинство. Еслибы Россія *ради* Польши преобразовала свое государственное устройство, то она стояла бы не во главѣ, а въ хвостѣ Польши, наложила бы на себя нравственную обязанность приноравливаться къ тому, что̀ могло бы успокоивать Польшу, имѣло бы постоянно въ виду не Россію, а Польшу. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такого рода государственное устройство не удовлетворило бы ни

Поляковъ, ни Русскихъ, и существенно бы уклонялось отъ основныхъ началъ нашей народности. Скажемъ прямо: *по Западному* образцу сочиненная конституція, пригодная, быть можетъ, для Польши, намъ не годится и не привилась бы на нашей народной почвѣ. Россія призвана выработать свое оригинальное земское и государственное устройство, органически развившееся изъ ея собственныхъ началъ. Польша —земля католическая; Россія —православная; католицизмъ и православіе не только два разные обряда, но два разныя просвѣтительныя начала, двѣ разныя историческія идеи. Польша жила и живетъ до сихъ поръ — аристократическимъ и шляхетскимъ элементомъ: въ Россіи источникъ жизни и силы — народъ, земство. Польша—считаетъ себя передовою дружиною Запада, измѣнивъ Славянскому братству, —мы же принадлежимъ вполнѣ міру Славянскому. Однимъ словомъ — наши историческіе пути совершенно различны, и если тѣсное соединеніе между нами возможно, то только тогда, когда Россія станетъ вполнѣ Русью, а Польша возвратится къ началамъ Славянскимъ. *Дуэта* съ Польшей мы еще пѣть не можемъ, и она только испортитъ намъ наше *соло*. Россія должна идти и развиваться своимъ путемъ, —но если бы привести въ исполненіе мысль Жирардена, то это значило бы—не Польшу пристегнуть къ Россіи, а Россію къ Польшѣ. Этого мы, конечно, желать не можемъ, но это было бы неминуемо—при неодинаковомъ уровнѣ цивилизаціи и политическаго воспитанія обѣихъ странъ, при недостаточномъ еще развитіи народнаго самосознанія въ Русскомъ обществѣ...

Но, кромѣ того, слова: «поглощеніе свободой» являются, по нашему мнѣнію, самымъ непрактическимъ и незаманчивымъ для Польши совѣтомъ. Никто изъ насъ, по совѣсти, не можетъ обольщать себя надеждою, что расширеніе правъ у насъ — наступитъ вдругъ, разомъ, въ той полнотѣ, которая бы одна еще могла удовлетворить Польшу. Та система постепенности, которой слѣдуетъ правительство относительно Россіи, едвали бы привела къ умиротворенію Польши и къ полному ея слитію съ Россіей. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, ради того, что Польша волнуется и что признается неудобнымъ дать ей то, чего Россія не имѣетъ,—поскорѣе, на живую нитку, сшить и для Россіи какой-нибудь кафтанъ, въ который могли бы влѣзть вмѣстѣ и Россія и Польша. Кафтанъ непремѣнно лопнулъ бы по всѣмъ швамъ и не пригодился бы ни тому, ни другому народу. Признаемся откровенно: мы бы желали идти къ той цѣли, которая означена въ указѣ Государя сенату 31 марта,—не связывая себя заботами о Польшѣ и вообще о Европѣ, не жертвуя ничѣмъ и ни въ чемъ нашею Русскою народностью. — Если же Польшѣ приходилось бы ждать, пока въ Россіи совершится то, чего бы она для себя желала, то, повторяемъ, едвали бы подобная перспектива способствовала къ ея умиренію. Мы знаемъ, что наша мысль возбудитъ недоразумѣніе, а можетъ быть и негодованіе во многихъ: мы постараемся со временемъ развить ее полнѣе, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ; но намъ кажется, что и сдѣланныя нами замѣчанія достаточно ясно показываютъ, какъ мало существенной выгоды для Польши и для Россіи представляетъ въ настоящее время предположеніе, которое Французскій публицистъ формулировалъ фразой: absorption de la Pologne par la Russie dans la liberté.

Другое рѣшеніе Польско-Русскаго вопроса, предлагаемое иностранною

печатью, заключается въ дарованіи Польшѣ конституціи 1815 г. съ нѣкоторыми измѣненіями, безъ особенной арміи. Мы съ своей стороны не видимъ, почему Царству Польскому не могло бы быть дано устройство отдѣльное отъ Россіи, подобно тому, какъ и Финляндія имѣетъ свое особенное устройство,—но едвали бы не лучше было узнать напередъ, этого ли именно желала бы Польша. Не забудемъ, что конституція 1815 года исключаетъ изъ представительства то сословіе, которое теперь является живымъ и дѣйствующимъ элементомъ въ Польской гражданской жизни—крестьянство.

Мы указали на два главныя предположенія, высказанныя нашею и заграничною печатью. Если Польско-Русскій вопросъ такъ труденъ для разрѣшенія, если Русская и иностранная журналистика ломаетъ себѣ голову, какой исходъ сыскать современному положенію, если Россія соглашается даже выслушать соображенія и совѣты иностранныхъ кабинетовъ,—то почему бы, кажется, не поискать средства услышать голосъ самой Польши, дать возможность заявить себя ея разумнымъ элементамъ, и такимъ образомъ дознать отъ самой страны ея настоящія требованія и притязанія?.. Это бы не только помѣшало усмиренію мятежа и прекращенію террора, такъ деспотически владычествующаго надъ несчастною Польшей, но вѣроятно еще способствовало бы этой цѣли, вдохнувъ надежду и бодрость во всѣхъ разумныхъ Полякахъ. Теперь же трудно, почти невозможно предрѣшать и самый вопросъ...

Всѣмъ намъ памятны слово Государя, сказанныя при самомъ началѣ Польскихъ смутъ. Государь всенародно объявилъ, что не винитъ Польской націи, и что смута производится только извѣстною партіей... Но если эта партія успѣла бы достигнуть своихъ личныхъ цѣлей, или навлечь на Польшу военную диктатуру, то Польская нація была бы несправедливо наказана за вину тѣхъ, которые такъ самозванно являются предъ Европой ея представителями. Къ этой-то Польской націи, кажется намъ, и слѣдовало бы обратиться, ея голосъ нужно было бы намъ услышать...

Польскій вопросъ долженъ быть разрѣшенъ какъ земскій русскій вопросъ.

Москва, 11-го мая 1863 г.

Слухи о войнѣ смолкаютъ, но мы еще не въ правѣ рѣшать: затишье ли это передъ грозою, или же дѣйствительно грозовыя тучи бѣдны электричествомъ и расползутся по горизонту безъ грома и молніи. Во всякомъ случаѣ Россія не можетъ обнадеживаться мечтами о мирѣ, потому что если войны и не будетъ въ текущемъ году, она можетъ быть въ слѣдующемъ или 65-мъ,—если не за Польшу, то за Турцію, если не на Сѣверѣ, то на Югѣ. Теперешній миръ есть только перемиріе, болѣе или менѣе продолжительное перемиріе, не разрѣшающее, но только отсрочивающее разрѣшеніе міровыхъ громадныхъ вопросовъ. И не Россія, конечно, будетъ зачинщицею кровавой распри, но самъ Западъ, послушный какому-то безотчетному стремленію, побуждаемый роковымъ требова-

ніемъ исторіи. Это все та же борьба двухъ просвѣтительныхъ началъ, двухъ общественныхъ стихій, двухъ міровъ. Какъ бы смиренно ни вела себя Россія въ отношеніи къ Западу,—она смущаетъ его она, безпокоитъ его —громадная, могучая, своеобразная,—неразгаданная! Именно «неразгаданная», по прекрасному выраженію Самарскихъ дворянъ въ ихъ адресѣ Государю. Не *своя* она Западу. Все въ ней чуждо ему, непонятно и странно, несмотря на внѣшній лоскъ европеизма, несмотря на идолопоклонство предъ Европой верхнихъ слоевъ народа, несмотря на всѣ духовныя и нравственныя завоеванія, сдѣланныя въ Россіи Западомъ съ эпохи Петровскаго переворота. Есть въ ней какая-то крѣпкая сердцевина, которую не могли еще пробить ни внѣшняя сила, ни ржавчина порочной цивилизаціи. Не видать въ ней подчасъ, въ этой сердцевинѣ, ни признака жизни,—но она даетъ жизнь и мощь всему организму, и заявляетъ о себѣ, въ часы общественной опасности, новымъ приливомъ жизни и крѣпости. Казалось бы—сгнила и прогнила вся Россія насквозь, по замѣчаніямъ иностранцевъ, и наблюденія ихъ надъ Русской дѣйствительностью, надъ Русскимъ обществомъ оправдываютъ, повидимому, такое мнѣніе: Россіи нѣтъ, говорятъ они, а есть только Имперія,—нѣтъ у Россіи ни мысли, ни рѣчей, ни голоса, а въ безпредѣльномъ ея пространствѣ раздаются только слова команды, да однообразное «слушай» часовыхъ!.. И вдругъ, въ то самое время, когда Западъ собирается нанести ей окончательный ударъ,—ударъ на смерть, онъ встрѣчается грудь съ грудью и лицомъ къ лицу съ невѣдомою, безгласною силой Земли, предъ которою отступаетъ въ страхѣ и недоумѣніи. Изъ-за офиціальной Россіи, или, какъ выражаются нѣкоторые, Руслияндіи, выглядываетъ и выдвигается порою Русь,—съ ея древнимъ духовнымъ и бытовымъ строемъ,—и она-то спасала всякій разъ Русскую державу, и спасетъ еще не разъ, съ Божьей помощью! Внѣшнему врагу ее не сокрушить; войсками ея не одолѣть; война, вызывая ее къ жизни и бодрости, даетъ ей только новую силу и плотность... Ее сокрушить, ослабить можемъ только *мы*, держа ее насильственно въ невѣжествѣ, въ духотѣ и нѣмотѣ; ей опаснѣе войны—миръ и мирныя козни; ей страшенъ только одинъ врагъ—внутренній, свой, домашній, оплетающій ее хитрою сѣтью нравственнаго соблазна и лжепросвѣщенія. Народной Руси вреднѣе всего—*наше* отступничество отъ Русской народности, *наше* ненародное общество и все то, что понстинѣ можетъ назваться «Руслиндіей» и «Руслиндцами»

Но мы увлеклись въ сторону, и вѣруя, что Руслиндія не долго будетъ заслонять собою коренную народную Русь, — обратимся къ нашей живой исторической дѣятельности. Слухи о войнѣ смолкаютъ, но нельзя не пожалѣть, что они смѣняются слухами о дипломатической конференціи, имѣющей будто бы собраться въ Петербургѣ изъ представителей всѣхъ державъ, участвовавшихъ въ Вѣнскомъ конгрессѣ. Россія не можетъ поставить свою волю въ зависимость отъ рѣшенія конференціи, и потому мы предполагаемъ, что дѣло идетъ не о конференціи, а о новомъ взаимномъ обмѣнѣ совѣтовъ и мыслей между державами, въ депешахъ и нотахъ, обыкновеннымъ путемъ и способомъ дипломатіи. Это было бы тѣмъ болѣе вѣроятно, что Польскій вопросъ въ послѣднее время подвергся важному видоизмѣненію въ своемъ характерѣ. Изъ Европейскаго, болѣе или менѣе способнаго возбудить притязанія державъ, основанныя на призракѣ международ-

наго права, онъ становится, съ каждымъ днемъ сильнѣе и рѣзче, вопросомъ Русскимъ, вопросомъ внутреннимъ, земскимъ. Пламя Польскаго возстанія обхватило или обхватываетъ, кажется, все Польское шляхетское населеніе Западно-Русскаго края, и вызываетъ, въ отпоръ себѣ, сопротивленіе Русскаго крестьянскаго населенія. Это уже не встрѣча войска съ войскомъ, а народа съ народомъ, угнетенной Русской народности съ народностью привилегированной—Польской. Для Бѣлоруссіи—въ этомъ отпорѣ лежитъ залогъ новаго бытія, новой жизни. Никогда еще Бѣлорусскій народъ не выступалъ, какъ народъ, дѣятелемъ на арену исторіи; у него не было, какъ и Малороссовъ, тѣхъ воинственныхъ, славныхъ воспоминаній, которыя поддерживаютъ въ народѣ чувство народности и силы; онъ добываетъ ихъ теперь: апатія вѣковъ разбита, и уже ничто отнынѣ не должно бы, кажется, остановить развитіе его народнаго самосознанія. Да, для Бѣлоруссіи настоящее мгновеніе есть рѣшительный переломъ ея судьбы—къ возрожденію или къ смерти, и направить этотъ переломъ въ ту или другую сторону зависитъ единственно отъ Россіи: ибо и смерть можетъ сдѣлаться жребіемъ Бѣлорусской народности, если Россія, вмѣсто поддержки и организаціи крестьянскаго движенія, станетъ усмирять его силою, и по прежнему забудетъ о Русской стихіи этого края. На насъ лежитъ тяжкій грѣхъ относительно Западной Руси, на насъ лежитъ великая, святая обязанность—исправить нашу неправду, загладить наши вины, возвратить Русскому народу въ Русской землѣ права Русской народности, угнетенію которой мы такъ долго содѣйствовали. Если бы до нашего времени вплоть продолжалась система управленія, принятая въ томъ краѣ Императрицею Екатериною, можетъ быть и помину бы не было о Польской народности, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ, собственно такъ-называемыхъ Бѣлорусскихъ губерніяхъ. Она не считала ихъ Польскими и никогда бы не допустила того преобладанія Польскаго элемента, которое водворилось тамъ, въ первой четверти нашего столѣтія, въ эпоху нашего «галантерейнаго обращенія» съ Европой. Не на памяти ли нашихъ отцовъ совершилось то чудовищное явленіе, что край, въ продолженіи вѣковъ, силою своихъ Русскихъ элементовъ тяготѣвшій въ Россіи, по присоединеніи къ Россіи ополячился такъ, какъ въ продолженіи вѣковъ не могли его ополячить Поляки? что Русскія дворянскія фамиліи, еще православныя, еще помнившія свое Русское происхожденіе въ эпоху присоединенія, отступились отъ вѣры и отъ народности и стали крѣпчайшею опорою Польши уже подъ Русской державой? не въ тридцатыхъ ли только годахъ ввели мы обязательное преподаваніе Русскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ нашего святого Кіева, догадавшись наконецъ, что Кіевъ не Польша?! Не былъ ли Западно-Русскій край для насъ, для нашего общества въ Россіи, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, страною невѣдомою, а Русская въ ней народность какимъ-то нежданнымъ открытіемъ?.. Со стыда сгорѣть долженъ всякій Русскій, если узнаетъ подробно всю исторію Западно-Русскаго края со дня присоединенія его къ Россіи до послѣдней поры, и мы постараемся когда-нибудь представить въ нашей газетѣ историческій очеркъ этихъ 90 лѣтъ Русскаго управленія со времени перваго раздѣла Польши—на изумленіе и поученіе нашему обществу. Да, на Россіи, на Русскомъ правительствѣ, на Русскомъ обществѣ лежитъ великій долгъ въ отношеніи къ Западно-Русскому краю.

Время уплаты наступило,—и не явимся же мы теперь несостоятельными должниками! А случаевъ и способовъ къ уплатѣ много: стоитъ только прочесть хоть въ этомъ же № нашей газеты — «воззваніе къ Русскимъ изъ Западно-Русскаго края».

Въ какомъ-то роковомъ ослѣпленіи, безъ надеждъ на успѣхъ, съ безуміемъ отчаянія, возстаютъ Поляки въ средѣ многочисленнаго православнаго населенія Западно-Русскихъ губерній, образуютъ шайки, грабятъ и жгутъ деревни и, переполняя мѣру вѣкового народнаго озлобленія, сами накликиваютъ, призываютъ на себя гибель — и гибнутъ. Это не борьба, это—самоистребленіе, это то опьяненіе духа, которое овладѣваетъ иногда человѣкомъ на краю бездны, вертитъ и кружитъ, слѣпитъ ему очи и увлекаетъ въ пропасть. Страшное и грустное зрѣлище! Кажется, будто исторія сама вырываетъ изъ власти людей рѣшеніе трудной задачи и сама берется рѣшить ее — быть можетъ такъ, какъ не дерзнула бы захотѣть никакая людская воля, ни пожелать—ничье человѣческое сердце! Впрочемъ—ни мысль, ни чувство не должны признавать себя побѣжденными, и какой бы ни былъ исходъ событій, мы не можемъ не трудиться надъ возможнымъ проблематическимъ разрѣшеніемъ Польско-Русскаго вопроса.

Мы возвращаемся къ мысли, высказанной нами въ предшествующей статьѣ. Намъ возражали доводами въ пользу неразрывнаго соединенія, даже слитія, не указывая къ тому никакихъ другихъ способовъ, кромѣ систематическаго насилія и военной диктатуры. Но военная диктатура, которая является необходимою въ настоящее время для усмиренія мятежа, для упраздненія диктатуры революціонной, можетъ быть мѣрою только временною, но никакъ не системою нормальнаго управленія. Развѣ администрація послѣднихъ 30 лѣтъ привела къ слитію Польши съ Россіей? Развѣ этотъ способъ управленія не такъ же ли тяжелъ для насъ, для нашей совѣсти, какъ онъ тяжелъ для Польскаго чувства и Польскаго благосостоянія? Развѣ ослабленіе системы, неминуемое послѣ долгаго напряженія, не произведетъ тѣхъ же результатовъ, какіе мы уже видѣли и испытали? Развѣ общественное мнѣніе Россіи,—теперь, въ пылу справедливаго негодованія, требующее диктатуры и вообще строгаго распорядка въ Царствѣ Польскомъ,—не повернется опять на сторону тѣснимыхъ, какъ скоро пройдетъ этотъ гнѣвный пылъ и нравственное чувство возьметъ опять верхъ надъ холодными расчетами политической мудрости? И мы, Русскіе, не должны отказываться отъ коренныхъ свойствъ нашего народнаго характера, и насиловать наше народное благодушіе. Намъ не зачѣмъ учиться штатсъ-наукѣ у Нѣмцевъ, мы никогда не будемъ такими мастерами въ темномъ искусствѣ — угнести, стереть, обезнародить чужую народность, какъ Пруссаки или Австрійцы.—Повторимъ уже сказанное нами однажды: то, что не тревожитъ совѣсти другихъ Западныхъ народовъ, не нарушаетъ ихъ жизненной цѣльности, то, благодаря Бога, намъ дается не легко, вноситъ смущеніе и вызываетъ противодѣйствіе въ нашей внутренней общественной жизни. Мы не должны и не можемъ забыть, что дѣйствительная сила, дѣйствительное значеніе принадлежатъ въ исторіи только нравственнымъ истинамъ, вѣчнымъ началамъ любви и справедливости, — а теорія государственнаго эгоизма, доктрина практической необходимости и все это ученіе о какой-то особенной политической нравственности съ каждымъ

днемъ сильнѣе и ярче обличаются исторіей въ несостоятельности... Но, кажется, была бы возможность избѣгнуть того «насильственнаго» соединенія Польши съ Россіей, котораго домогаются нѣкоторые органы Русской печати.

Положимъ, что было бы признано нужнымъ, какъ сказано въ нашей статьѣ 15 № 1 «услышать голосъ самой страны, узнать, какой именно организаціи желала бы Польша». Чего бы могла она пожелать, какъ высказался бы этотъ голосъ? Позволимъ себѣ нѣкоторыя догадки. Допустимъ, что она могла бы заявить мнѣніе—о необходимости возстановленія Польши въ границахъ 1772 года. Но мыслимо ли даже такое предположеніе? То, что можетъ еще возглашаться въ лѣсахъ, на пирахъ, въ спичахъ и революціонныхъ прокламаціяхъ, гдѣ не требуется ни логики, ни правды, а одно только патріотическое возбужденіе, то разлетится въ прахъ при малѣйшемъ прикосновеніи здраваго смысла, не выдержитъ никакой спокойной критики, а потому и не можетъ стать предметомъ того *легальнаго* заявленія, о которомъ мы говорили въ послѣднемъ №. Въ самомъ дѣлѣ могла ли бы Польша предъявить такое притязаніе въ виду рѣшительнаго несогласія не только Россіи, которая никогда и ни въ какомъ случаѣ не отступитъ отъ обладанія Западно-Русскимъ краемъ,—не только Австріи, не только Пруссіи, но даже и Англіи, довольно рѣшительно высказавшей недавно свой взглядъ на возстановленіе этихъ предѣловъ—устами своего министра, графа Росселя? Польшѣ пришлось бы вести войну съ тремя державами, а съ Россіей—сверхъ того—войну народную: крестьянство въ Западныхъ губерніяхъ, кажется, лишаетъ отнынѣ Поляковъ всякой надежды на обладаніе этимъ краемъ. Однимъ словомъ, подобное заявленіе даже немыслимо со стороны всей Польской націи, взятой въ ея всенародной цѣльности, а еслибъ оно и было сдѣлано, то, повторяемъ, отняло бы у Европы всякій поводъ къ коалиціи и къ войнѣ съ Россіей. — Позволимъ себѣ и другую догадку. Польша могла бы пожелать совершеннаго отдѣленія Царства Польскаго отъ Россіи. Можетъ быть Россія и сама пожелала бы этого, но всѣ сколько-нибудь разумные Поляки не могли бы не видѣть, что такого рода рѣшеніе было бы гибелью для Польши. Не говоря уже о той анархіи, которая бы воцарилась въ странѣ тотчасъ послѣ выхода изъ нея Русской арміи и Русской администраціи (потому что Россія, конечно, не взяла бы на себя труда организировать и укрѣплять *отдѣленную* Польшу),—Австрія и Пруссія не потерпѣли бы самостоятельности властолюбиваго сосѣда и совершили бы новый, *восьмой* раздѣлъ Польши, отъ участія въ которомъ Россія, разумѣется бы воздержалась и избѣгла бы обычнаго нареканія! Россія была бы чиста, а Европа, составляющая теперь коалицію противъ Россіи не пошла бы никогда крестовымъ походомъ на Австрію и Пруссію за возстановленіе Польши,—въ этомъ не могутъ сомнѣваться Поляки! Она бы нашла для себя выгоднымъ всякое усиленіе Западныхъ державъ на счетъ Россіи, и участь Польши даже не возбудила бы и сожалѣнія въ Европейской публикѣ, воспламеняющейся теперь не столько сочувствіемъ къ «угнетеннымъ» Полякамъ, сколько ненавистью къ «угнетателямъ-варварамъ» Русскимъ!! Намъ передавали изъ достовѣрнаго источника слова одного Прусскаго государственнаго человѣка, что если Россія почему-либо выведетъ свои войска изъ Польши, Прусскія войска немедленно вступятъ

въ Польшу,—и конечно, не одни, а по соглашенію съ Австріей. Слѣдовательно — отдѣленіе отъ Россіи подвергло бы Польшу неминуемо новому раздѣлу и ввергло бы ее въ пасть германизма,—котораго она такъ боится, съ которымъ она, по собственному ея сознанію, не въ силахъ бороться!.

«Je conserverai jusqu'à la mort une juste reconnaissance envers ce prince (l'empereur Aelxandre) pour avoir *ressusité* le nom polonais». «Я сохраню до смерти справедливую признательность Императору Александру за то, что онъ *воскресилъ* имя Польское», писалъ лучшій изъ Поляковъ, знаменитый Костюшко, князю Адаму Чарторыжскому, въ Вѣнѣ 13 іюня 1815 года, слѣдовательно послѣ прокламаціи Императора Александра къ Полякамъ 13 (25) мая, о присоединеніи Варшавскаго герцогства къ Россіи и о переименованіи его въ «Царство Польское». «Воскресилъ имя Польское...». Чтожъ это значитъ? Развѣ не только самой Польши, но даже и имени ея не существовало,—оно исчезло, стерлось съ лица земли? Дѣйствительно было такъ: послѣ трехъ раздѣловъ, — имени Польскаго уже не встрѣчалось на географическихъ картахъ: были—Познань, Галиція, губерніи Волынская, Подольская, Минская, и проч., было Варшавское герцогство, принадлежавшее сначала (хотя не подъ этимъ названіемъ) Пруссіи, потомъ съ этимъ названіемъ переданное Саксонскому курфюрсту; были Прусскіе, Австрійскіе, Русскіе, Саксонскіе подданные, жители Позпани, Подоліи, Волыни и проч., но оффиціальнаго бытія не имѣли ни Поляки, ни Польша,—и только названіе «Польскихъ легіоновъ», помогавшихъ Наполеону I-му въ порабощеніи Европы, напоминало еще міру о несчастномъ имени Польскомъ!— Да, Польша, Польское имя возстановлено *самою* Россіей; *ей* обязаны Поляки своимъ политическимъ возрожденіемъ! Поляки не даромъ прозвали Александра I-го своимъ «воскресителемъ» (wzkrzesiciel). Если бы Русскій Императоръ въ 1815 году отказался вовсе отъ Варшавскаго герцогства и оно осталось бы за Саксонскимъ королемъ, или, что всего вѣроятнѣе, было бы подѣлено между Австріей и Пруссіей, — Костюшко, конечно, не имѣлъ бы повода благодарить Русскаго Императора за *воскрешеніе* Польши! Польское имя не только бы не существовало въ настоящую пору, но объ немъ не было бы и помину; оно было бы забыто міромъ, точно такъ же, какъ названіе Бургундіи, Венеціанской республики и многихъ другихъ разрушившихся политическихъ организмовъ.

Если воскресеніе Польши совершилось, по отзыву самихъ Поляковъ, чрезъ присоединеніе Варшавскаго герцогства къ Россіи подъ видомъ Царства Польскаго, то неужели не понимаютъ Поляки, что во власти Россіи и похоронить Польшу тѣмъ же самымъ способомъ—переименованіемъ Царства Польскаго снова въ Варшавское герцогство и отдѣленіемъ его отъ Россіи?

Они не могутъ этого не разумѣть и не видѣть, и мы убѣждены, что еслибъ найдено было средство услышать разумный голосъ самой страны,— этотъ голосъ поднялся бы не за отдѣленіе и не за возстановленіе, а предложилъ бы такую мѣру, такую комбинацію, которую Россія могла бы принять безъ ущерба для своей безопасности; фактъ насилія, положимъ и мнимый, но признаваемый таковымъ Поляками, былъ бы упраздненъ, и соединеніе Польши съ Россіей скрѣпилось бы добровольнымъ рѣшеніемъ самой Польской націи...

О секвестрѣ Польскихъ имѣній.

Москва, 18-го мая 1863 года.

Нельзя безъ глубокаго, сильнаго негодованія читать сужденія иностранныхъ газетъ, особенно Французскихъ и особенно принадлежащихъ къ разряду «благоразумныхъ и умѣренныхъ» о затѣваемомъ *будто бы* Европейскомъ конгрессѣ для рѣшенія нашей внутренней Польско-Русской тяжбы. Отзывы о насъ Англійскихъ журналовъ большею частью презрительны и грубы; они безцеремонно радуются нашему трудному положенію и въ своихъ доводахъ даже и не хлопочутъ о логикѣ, но мы имѣемъ дѣло съ *открытымъ* недоброжелательствомъ, и это при настоящихъ обстоятельствахъ для насъ не безвыгодно. Газеты, служащія органомъ крайнихъ партій во Франціи, демократической, ультрамонтанской и Польской, дышатъ такою чистосердечною къ намъ ненавистью и злобой, что не даютъ и мѣста какому-либо недоумѣнію насчетъ своихъ стремленій и цѣли: мы по крайней мѣрѣ видимъ предъ собою явнаго врага и знаемъ, съ кѣмъ имѣемъ дѣло. Несравненно возмутительнѣе для насъ Французская вѣжливость Парижскихъ полуоффиціальныхъ газетъ, и этотъ тонъ великодушія, съ которымъ онѣ такъ прилично и какъ будто въ видѣ милости—наносятъ оскорбленія нашей народной чести, — не забывая при этомъ расшаркаться самымъ любезнымъ образомъ предъ Русскимъ правительствомъ! Этотъ пріемъ, конечно, имъ не удается. Несмотря на всю нашу чувствительность къ Европейскимъ похвальнымъ отзывамъ, на нашу признательность за всякое ласковое съ нами обращеніе иностранцевъ, особенно же «стоящихъ во главѣ цивилизаціи», едвали найдется теперь такая слабая голова въ Россіи, которую бы могли одурманить эти благовонные «Французскіе духи» Парижской прессы и дипломатіи. — Иностранныя газеты, возвѣщая, будто бы всѣ Западныя державы согласились въ необходимости конгресса, —позволяютъ себѣ при этомъ выражать надежду, что Россія не отринетъ такого гуманнаго предложенія гуманной Европы! Подобное предположеніе Европейскихъ публицистовъ о Россіи обличаетъ только ихъ легкомысліе и невѣжество. Неужели они могутъ думать, что послѣ всѣхъ этихъ адресовъ и писемъ, которые понеслись и несутся къ Государю со всѣхъ концовъ Русской земли, вызванные еще только слухами о Европейскомъ дипломатическомъ вмѣшательствѣ, — послѣ такихъ гласныхъ заявленій народной мысли и чувства, можно еще ожидать отъ Россіи согласія на конгрессъ? Или же въ Европѣ считаютъ всѣ эти адресы пустою демонстраціей, вызванной и допущенной самимъ правительствомъ съ единственною цѣлью задать страха Европѣ, — демонстраціей, которой мѣру и цѣль опредѣляетъ, по своему усмотрѣнію, само правительство, нисколько будто бы не стѣсняясь народнымъ мнѣніемъ?! Но развѣ не видятъ иностранные публицисты, что это значило бы играть народными чувствами, а такая игра была бы не только недостойна правительства, но и опасна, — да въ настоящее время въ Россіи даже и немыслима... Иностранные публицисты, впрочемъ, можетъ быть и не знаютъ, но мы всѣ хорошо знаемъ, что ни

одинъ адресъ не былъ бы присланъ, еслибъ подписавшіе адресъ могли предполагать, что Польское дѣло будетъ отдано на судъ Европейскаго конгресса! Какъ бы ни были эти адресы разнообразны по формѣ и достоинству изложенія, какъ бы ни казались иностранцамъ нѣкоторые изъ нихъ неискренни по внѣшнимъ пріемамъ рѣчи,— но они всѣ выражаютъ одну задушевную мысль, одно всеобщее искреннее, серьезное желаніе— чтобы на угрозы иностранныхъ державъ Россія отвѣчала полною готовностью принять вызовъ и отстоять во что бы ни стало цѣлость и честь Русскаго народа и государства. Эти слова сказаны не на вѣтеръ, и иностранные журналисты должны же сообразить, что еслибъ послѣ всѣхъ такихъ рѣчей могъ состояться и состоялся бы Европейскій конгрессъ, то это значило бы, что вся великодушная, строгая рѣшимость Русскаго народа проявилась по пустому!.. За кого же принимаютъ Европейцы наше правительство, если считаютъ его способнымъ къ такому неуваженію Русскаго народнаго мнѣнія, если рѣшаются предложить Россіи—подвергнуть Польскій вопросъ обсужденію конгресса, — другими словами: рѣшаются предложить намъ—пойти судиться съ Поляками предъ чужими державами, признать за Европой право вмѣшательства въ наше внутреннее управленіе и связать себя новыми обязательствами съ отвѣтственностью предъ всѣмъ Европейскимъ сонмомъ съ Турціей включительно?! Но, повторяемъ, конгрессъ немыслимъ, да и самое предложеніе о конгрессѣ не только еще не было сдѣлано Русскому правительству (которое, конечно, не замедлило бы объ этомъ объявить въ Русскихъ газетахъ), но едвали и состоится. Въ твердости Русскаго правительства сомнѣваться мы не имѣемъ права. Польско-Русское дѣло можемъ уладить только *мы сами*, и никто другой. Польскія притязанія простираются не на одно Царство Польское, но и на всю Западную Россію,—и проявляются не на словахъ только, но и на дѣлѣ. Нѣтъ такихъ новыхъ комбинацій, откровеніе которыхъ даровано было бы единственно конгрессу,—которыя бы не были намъ извѣстны заранѣе и давнымъ-давно, и осуществить которыя не было бы въ нашемъ правѣ и власти... А между тѣмъ редакторъ одной Петербургской газеты очень серьезно утѣшаетъ Русскую публику, что «опасности на самомъ дѣлѣ вовсе не существуетъ и мѣръ предосторожности принимать не зачѣмъ: дипломатическое вмѣшательство Европы касается только Царства Польскаго, а не Западнаго края, и вооруженное вмѣшательство, если только ему суждено состояться, также едвали выйдетъ изъ этой рамки!...» Такія утѣшенія могутъ приходить въ голову только Петербургскому публицисту! Какъ будто Россія можетъ допустить вооруженное вмѣшательство въ какую бы то ни было область, покуда эта область составляетъ часть Русской Имперіи! Какъ будто вторженіе иностранныхъ войскъ въ Царство Польское не есть оскорбленіе нашей народной и государственной чести! Конечно, всего лучше не оскорбляться: это было бы вовсе не свирѣпо и не кровожадно... Вотъ чѣмъ думаютъ въ С.-Петербургѣ утѣшить наше Русское общество!

Мы же съ своей стороны не можемъ сообщить нашимъ читателямъ ничего особенно утѣшительнаго и ободрительнаго о ходѣ Польскаго дѣла за эту недѣлю. Нѣсколько крупныхъ шаекъ разбито; нѣсколько крупныхъ шаекъ появилось вновь, и если обѣ стороны останутся вѣрными своей

настоящей системѣ дѣйствій, то мятежъ Польскій можетъ протянуться еще долго,—именно столько времени, сколько нужно нашимъ Западнымъ державнымъ недоброжелателямъ. Скорое подавленіе возстанія отняло бы у иностранныхъ кабинетовъ всякій поводъ къ вмѣшательству, развязало бы руки Россіи и дало бы ей возможность располагать значительною частью войскъ, сосредоточенныхъ теперь въ Польшѣ и въ Западныхъ нашихъ губерніяхъ. Все это не соотвѣтствуетъ видамъ ни Англіи, ни Франціи: обѣ онѣ стараются втянуть Россію въ дипломатическіе переговоры и, парализируя этимъ способомъ напряженіе нашихъ силъ, удержать Русское правительство, «до окончанія переговоровъ», отъ принятія какихъ-либо рѣшительныхъ мѣръ для усмиренія мятежа. Между тѣмъ терроръ, господствующій въ Варшавѣ, сильнѣе чѣмъ когда-либо; власть потаеннаго революціоннаго комитета или «національнаго правительства», какъ онъ отнынѣ вздумалъ себя чествовать, съ каждымъ днемъ становится могущественнѣе, съ каждымъ днемъ съуживаетъ предѣлы мѣстной законной власти. Людей, вѣрныхъ Русскому правительству и исполняющихъ его приказанія, «давятъ какъ мухъ», пишетъ Варшавскій корреспондентъ «Петербургскихъ Вѣдомостей», и люди, не видя со стороны Русскаго мѣстнаго начальства энергической защиты противъ угрозъ и приговоровъ революціонной партіи, — уступая инстинкту самосохраненія, не смѣютъ ослушаться приказаній мнимаго національнаго правительства! Весьма вѣроятно, въ Варшавѣ и принимаются какія-нибудь мѣры, и существуетъ административная дѣятельность, но она ничѣмъ виднымъ не проявляется, и Россія не имѣетъ объ ней никакихъ свѣдѣній, которыя бы могли успокоить встревоженное общественное мнѣніе. Намъ болѣе извѣстно теперь положеніе дѣлъ въ Пекинѣ или Нангасаки, чѣмъ въ Варшавѣ, и не будь писемъ г. Берга въ вышеупомянутой газетѣ, мы могли бы и не подозрѣвать въ Варшавѣ присутствія, кромѣ революціонной (которая даетъ знать себя ежедневно), еще центральной мѣстной законной власти!! Правда, мы прочли недавно въ газетахъ объ учрежденіи въ Царствѣ Польскомъ военныхъ начальниковъ по уѣздамъ и пожалѣли, что эта мѣра не была принята раньше, но желательно, чтобы дѣятельности военныхъ начальниковъ соотвѣтствовала въ равной мѣрѣ дѣятельность Варшавскаго гражданскаго и полицейскаго управленія...

Послѣ манифеста 31 марта объ амнистіи для всѣхъ, кто положитъ оружіе до 1 мая, Россія съ напряженнымъ вниманіемъ выжидала этого завѣтнаго срока, но срокъ насталъ и уже три недѣли прошло послѣ 1 Мая, а Россія все еще не знаетъ—къ какимъ послѣдствіямъ привело возвѣщенное милосердіе, много ли Поляковъ воспользовалось амнистіей, и что̀ предпринято правительствомъ послѣ того, какъ мѣры кротости оказались недѣйствительными? Россія вѣдаетъ только то, что дерзость Поляковъ усиливается съ каждымъ часомъ и что Польскія шайки грабятъ и жгутъ не только около Кіева, но и около Смоленска. Конечно, эти шайки не могутъ тамъ утвердиться и укрѣпиться, это хорошо понимаютъ и сами Поляки, но цѣль ихъ достигается уже тѣмъ, что они получаютъ возможность заявить предъ Европой о силѣ и энергіи полонизма въ мѣстностяхъ, нѣкогда принадлежавшихъ Польшѣ, о своей собственной отвагѣ и дерзости. Кромѣ того, эти шайки производятъ нѣкоторую диверсію Русскихъ военныхъ силъ и нано-

сять значительный вредъ Русскому сельскому населенію, поджигая деревни, отвлекая крестьянъ отъ обсѣмененія полей, отъ необходимыхъ въ настоящую пору земледѣльческихъ работъ. Но несомнѣнно, что вмѣстѣ съ этимъ Поляки возбуждаютъ именно то, чего должны были бы избѣгать, т. е. такую международную ненависть, которая, вспыхнувъ однажды, уляжется, конечно, не скоро... Пусть знаютъ это Поляки, пусть берегутся Русскаго народнаго гнѣва!

Читателямъ «Дня» извѣстно наше мнѣніе о томъ, какъ было бы полезно и даже необходимо для разрѣшенія Польско-Русскаго вопроса услышать голосъ *всей* Польской націи, вызвать самихъ Поляковъ къ свободному категорическому заявленію своихъ требованій и желаній. Но именно для осуществленія этой мѣры и необходимо скорѣйшее упраздненіе революціоннаго деспотизма, тяготѣющаго надъ Польшею. Никакое свободное выраженіе мнѣній невозможно тамъ, гдѣ разномысліе съ «Комитетомъ» казнится немедленно изъ-за угла, гдѣ надъ всѣмъ населеніемъ виситъ, какъ Дамокловъ мечъ, кинжалъ потаеннаго убійцы! Для избавленія страны отъ этого позорнаго и растлѣвающаго состоянія, нужно немедленное энергическое подавленіе революціонной тиранніи. Конечно, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что всякія рѣшительныя мѣры въ Польшѣ поднимутъ въ Европѣ цѣлую бурю клеветъ и ругательствъ, — но не слишкомъ ли мы легко конфузимся предъ Европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ? Такъ мы поспѣшили отказаться отъ Прусской конвенціи и ничего для себя не выиграли отъ такой уступки! Такъ и теперь, едвали не та же печальная наша способность конфузиться и краснѣть отъ Европейскихъ высокомѣрныхъ упрековъ и насмѣшекъ—парализируетъ дѣйствіе одной изъ самыхъ лучшихъ и законнѣйшихъ мѣръ, предпринятыхъ Русскимъ правительствомъ, предпринятыхъ даже не въ Царствѣ Польскомъ, а въ Западно-Русскомъ краѣ.

Эта мѣра, которую даже газета «Le Nord» не осмѣлилась одобрить и которую мы, напротивъ, осмѣливаемся громко, во всеуслышаніе, признать самою разумною и справедливою, — есть секвестръ. Читателямъ, вѣроятно, вѣдомо постановленіе правительства (состоявшееся 15 прошлаго марта) о наложеніи секвестра на всѣ имѣнія въ Западномъ краѣ, которыхъ владѣльцы принимаютъ непосредственное участіе въ возстаніи. Но была ли приведена эта мѣра неукоснительно въ исполненіе?... Едвали. По крайней мѣрѣ мы ничего о томъ не знаемъ и, сказать по правдѣ, опасаемся, чтобы излишняя деликатность и снисхожденіе не ослабили силу этого распоряженія, отъ котораго всякій знакомый съ краемъ въ правѣ былъ бы ожидать самаго могучаго дѣйствія... Наложенъ ли, напримѣръ, секвестръ на обширныя имѣнія Витебскихъ помѣщиковъ, графовъ Платеровъ и Моль, поднявшихъ Польское знамя, составившихъ и вооружившихъ шайку въ Витебской губерніи, и вызвавшихъ такое справедливое мщеніе Русскихъ крестьянъ? Отобраны ли и переданы ли въ завѣдываніе палаты государственныхъ имуществъ имѣнія гг. дворянъ Могилевской губерніи, напавшихъ на г. Горки, ограбившихъ казначейство, истребившихъ огнемъ до 50 домовъ и убившихъ человѣкъ 10 инвалидной команды? И неужели Русскіе крестьяне (напримѣръ въ Могилевской губерніи) будутъ понуждаемы платить оброкъ и отбывать за землю повинности тѣмъ Полякамъ-

помѣщикамъ (а не правительству), которые изволятъ жечь крестьянскія села и города, и открыто, съ оружіемъ въ рукахъ, возстають на Русское правительство и Русскую народность? Если это такъ (въ чемъ мы однако сомнѣваемся), то это было бы новымъ доказательствомъ той безсмыслицы, до которой можетъ довести строгая послѣдовательность юридическаго принципа, отрѣшеннаго отъ живого смысла дѣйствительности и требованій высшей, не формальной правды. Это было бы въ полномъ значеніи слова: summum jus — summa injuria (высшее формальное право — высшая несправедливость). Не согласнѣе ли съ началомъ истинной справедливости было бы освобожденіе Русскихъ крестьянъ, поселенныхъ на землѣ возмутившагося Поляка, отъ всякой издѣльной и оброчной повинности за землю въ пользу помѣщика, и надѣленіе ихъ этою землею въ собственность съ платежомъ выкупной суммы въ пользу казны, но не землевладѣльца.

Впрочемъ мы не станемъ здѣсь вдаваться въ юридическую оцѣнку «конфискаціи имуществъ», какъ наказанія за государственную измѣну. Мы напомнимъ только противникамъ мѣры, принятой правительствомъ въ Западномъ краѣ, что секвестръ еще не есть конфискація, а только наложеніе на имѣніе запрещенія и взятіе его въ казенное управленіе, и что наконецъ это распоряженіе должно имѣть силу только въ предѣлахъ Западныхъ губерній, а не въ Царствѣ Польскомъ. Мы съ своей стороны спѣшимъ перейти къ изложенію тѣхъ особыхъ основаній, которыми, по нашему мнѣнію, обусловливается всякое право поземельной собственности и владѣнія. Это основаніе—есть принципъ *народности*, неразлучно связанный съ понятіемъ о землѣ. Подробное научное развитіе этого взгляда принялъ на себя нашъ многоуважаемый ученый, В. Н. Лешковъ, котораго статью читатели найдутъ ниже, въ этомъ же №,—а мы ограничимся здѣсь слѣдующими, менѣе общими, менѣе абстрактными замѣчаніями.

Народъ не есть собраніе единицъ, а живой цѣльный организмъ, въ которомъ каждая человѣческая единица составляетъ органическую часть цѣлаго. Бытіе этого организма немыслимо безъ извѣстнаго пространства земли, въ предѣлахъ и подъ условіями котораго возникъ и образовался народъ, сложился въ гражданское общество, получилъ свое личное опредѣленіе и въ свою очередь наложилъ на это пространство земли—печать своей личности. Тѣсная органическая связь этой земли съ народнымъ бытіемъ такова, что названіе земли и самое слово *земля* равнозначительно и тождественно съ названіемъ и понятіемъ обитающаго на ней и усвоившаго ее себѣ народа. Говоря Франція, мы разумѣемъ Французскій народъ, Германія—Германскій народъ, Русь—Русскій народъ, и наоборотъ слова: Французскій, Германскій, Русскій народъ — предполагаютъ землю, на которой возникло и съ которою органически связалось народное гражданское бытіе. На Русскомъ языкѣ, въ особенности, это выражается ярко въ словахъ: *земля, земщина, земство*. Можетъ ли быть вопросъ о томъ: кому принадлежитъ Франція, Англія, Германія? Разумѣется—Франція принадлежитъ Франціи, т. е. Французскому народу, Англія -Англіи, т. е. Англійскому народу, и т. д. Съ этимъ, думаемъ, никто и спорить не станетъ. Если бы Франція, Французская земля не принадлежала Франціи, Французскому народу, она не была бы и не могла бы называться Франціей. Кажется, ясно? Кто, стало быть, хозяинъ во Французской землѣ? Разу-

мѣется, Французскій народъ, иначе земля не была бы Французскою, или же народъ не именовался бы Французскимъ.

И такъ—кому принадлежитъ *Русская* земля?—*Русскому* народу (мы разумѣемъ здѣсь народъ вообще, а не одинъ простой народъ). Кто природный и законный хозяинъ въ Русской землѣ? Русскій народъ. Какая же народность есть основная, типическая, давшая названіе и гражданское историческое бытіе Русской землѣ? Разумѣется, Русская народность, отвѣчаетъ съ нѣкоторою досадой нетерпѣливый читатель. Но да не сѣтуетъ онъ на насъ за то, что мы разъясняемъ такія, повидимому, простыя истины. Пойдемъ дальше. Можетъ ли Русская земля, принадлежащая *всему* Русскому народу, быть предметомъ права личной неотъемлемой собственности? Строго говоря, конечно не можетъ, — и то, что называется у насъ «собственностью», есть юридическая фикція, юридическое представленіе, подъ видомъ «права собственности», права *владѣнія, пользованія* землею, лично или потомственно, съ передачею своего отношенія къ землѣ другому или безъ передачи: но это отношеніе къ землѣ не безусловно, а ограничено. Можетъ ли отдѣльный Французъ—часть Французской земли, т. е. земли, принадлежащей Французскому народу,—иначе: *часть Франціи*—передать въ собственность *Англіи*, Англійскому народу? Разумѣется не можетъ: Франціей распоряжаться имѣетъ право только Франція, весь Французскій народъ. Можетъ ли *Французская* земля принадлежать въ собственность *Англійскому народу?* Конечно, нѣтъ: она тогда перестала бы быть Французской. Мы нарочно приводимъ примѣръ Англіи и Франціи, потому что—увы! на большинство Русской публики этотъ способъ доказательства самыхъ простыхъ истинъ дѣйствуетъ убѣдительнѣе всякихъ доводовъ, основанныхъ на правахъ Русскаго народа и Русской народности.—Можетъ ли Русская земля принадлежать не Русскому *народу?* Отвѣтъ мы уже знаемъ: не можетъ. Но если земля не можетъ быть отчуждаема въ собственность или во владѣніе чужому *народу*, то неужели отдѣльные индивидуумы изъ народа не могутъ пріобрѣтать земли въ чужомъ государствѣ? На это мы отвѣтимъ слѣдующее.

По нашему мнѣнію, во 1-хъ, право допустить или не допустить иностранцевъ пріобрѣтать землю принадлежитъ хозяину земли, самому народу, и зависитъ отъ его усмотрѣнія. Никакими абстрактными теоріями не можетъ быть отнято у народа это священное право, пока народъ существуетъ какъ народъ, не отрекся отъ своей народности, не переталъ сознавать себя народомъ; выше народа можетъ быть только идея человѣчества,—но человѣчество вообще не существуетъ, а обособляется въ отдѣльныхъ народныхъ личностяхъ. Мы же говоримъ здѣсь объ иностранцахъ, слѣдовательно не о человѣкахъ вообще, а о людяхъ, принадлежащихъ къ чужой народности и являющихся таковыми. Во 2-хъ—народъ можетъ, конечно, допустить иностранца къ отдѣльному владѣнію участками народной земли, но только ко владѣнію, къ пользованію, хотя бы и безсрочному, и не иначе, какъ подъ условіемъ, что этотъ иностранецъ признаетъ законы и *народность* той земли, среди которой онъ поселился, частью которой онъ пользуется. Представьте себѣ такой случай, что предусмотрительные Французы скупили бы земли около Лондона и вдругъ, въ одно прекрасное утро, объявили бы Лондонъ Французскимъ городомъ, а

себя хозяевами Лондонскаго графства, потребовали бы представительства въ парламентѣ—не въ качествѣ колонистовъ, поселенныхъ на Англійской землѣ и подчиняющихся верховной власти Англійскаго народа, а *въ качествѣ Французовъ*, не признающихъ надъ собою господства Англійской стихіи и требующихъ признанія правъ своей Французской народности—какъ лично для себя, такъ и для своихъ поземельныхъ владѣній. Нужно ли спрашивать, какъ бы и что бы отвѣтили Англичане на такія дикія притязанія? Подобный случай вовсе и неприложимъ въ Европѣ, но мы этимъ примѣромъ хотѣли только указать на несообразность, неприменимость къ землѣ юридическаго принципа безусловной собственности, и на элементъ народности, нераздѣльный съ землею.

Если въ Англійской землѣ не можетъ имѣть части иностранецъ, отвергающій право Англійскаго народа на Англійскую землю или, что то же, на Англію, не признающій Англійскихъ законовъ и присутствія въ Англійской землѣ національнаго Англійскаго элемента, то пусть скажутъ намъ читатели: могутъ ли въ Русской землѣ имѣть часть иностранцы, или люди, не только причисляющіе себя къ не-Русской національности, но отвергающіе право Русскаго народа на Русь, на Русскую землю, не признающіе Русскихъ законовъ и правъ Русской народности?!!

Кому принадлежитъ Украйна, Малороссія, Малороссійская земля? Украинскому, т. е. Малороссійскому народу. Бѣлоруссія, Бѣлорусская земля? Бѣлорусскому народу. И Малороссійскій и Бѣлорусскій народъ — двѣ вѣтви одного народа Русскаго, и потому мы въ правѣ назвать ихъ тѣмъ названіемъ, которое даже и въ Польскихъ оффиціальныхъ актахъ удерживается за ними: т. е. народомъ Русскимъ, а землю Русскою. — Въ этой Русской землѣ, вслѣдствіе разныхъ историческихъ превратностей, значительная часть земли находится во владѣніи чужестранцевъ (настоящихъ чужестранцевъ или ополячившихся туземцевъ, это все равно), однимъ словомъ людей, принадлежащихъ и причисляющихъ себя къ чужой, *Польской* народности, отрицающихъ всякое право Русской національности въ Русской землѣ, право Русскаго народа на Русскую землю, отметающихъ Русскіе законы, претендующихъ на званіе представителей *Русской земли* не въ качествѣ Русскихъ, а въ качествѣ *Поляковъ*, и наконецъ возстающихъ противъ *Русскаго* правительства, объявляющихъ себя открытыми врагами Русской народности!

Спрашиваемъ, могутъ ли *такіе* люди, такіе явные враги *Русской* народности и приверженцы *чужой* народности, имѣть часть въ *Русской* землѣ? Конечно нѣтъ: они могутъ имѣть владѣнія въ Украйнѣ и Бѣлоруссіи, но не какъ Поляки, а только какъ Русскіе подданные, подчиняющіеся Русскимъ законамъ, признающіе верховное право Русской народности и право Русскаго народа на Русскую землю,—къ какой бы сами національности ни принадлежали.

Если же они этого не хотятъ, и предъявляютъ притязанія, въ силу своихъ поземельныхъ владѣній, на господство и преобладаніе въ *Русской* землѣ—*какъ Поляки*, то Русскій народъ имѣлъ бы полное право всѣхъ такихъ землевладѣльцевъ-Поляковъ, особенно же посягающихъ на его гражданское и государственное бытіе вооруженною рукою, всѣхъ этихъ

Платеровъ и Молей изгнать изъ Русской земли, безъ дальнѣйшихъ справокъ,—какъ сдѣлали бы непремѣнно и Англичане съ своими Французскими колонистами въ приведенномъ нами примѣрѣ. Но собственно говоря—это право народа, или власти—представительницы народа, точнѣе опредѣляется такимъ образомъ.

Народу принадлежитъ земля, но не имущество, не капиталъ землевладѣльца. Народу нужно только, чтобы *земля* не выходила изъ Русскаго народа, не отчуждалась во власть чужой, Польской народности. Поэтому мы желали бы вовсе не *конфискаціи* имуществъ, а только лишенія возставшихъ Поляковъ всякой *части* въ *Русской землѣ*, т. е. права владѣть Русскою землею. Мы идемъ дальше. Мы готовы были бы, еслибъ это зависѣло отъ насъ, предложить всѣмъ землевладѣльцамъ, признающимъ себя Поляками и Русскій край Польскимъ, всѣмъ—дѣйствіемъ или словомъ отвергающимъ права Русской народности и Русскій національный элементъ въ Русской землѣ,—мы готовы были бы предложить имъ: продать свои поземельныя владѣнія, въ извѣстный срокъ, постороннимъ лицамъ (но не Полякамъ и не Евреямъ, или же въ казну,—съ тѣмъ, чтобы денежная выручка, равно какъ и все прочее движимое имущество было освобождено отъ секвестра и конфискаціи и отдано въ полное распоряженіе имъ самимъ или ихъ наслѣдникамъ. Такая мѣра была бы, по нашему мнѣнію, не только вполнѣ справедлива, но и совершенно гуманна: страхъ потерять поземельное владѣніе дѣйствовалъ бы могущественнѣе страха казни и навѣрное усмирилъ бы кичливую заносчивость ополчившихся туземцевъ Западно-Русскаго края. Мы предоставляемъ себѣ возвратиться еще разъ къ разсмотрѣнію этой предлагаемой нами мѣры, а теперь, не желая утомлять читателя, ограничиваемся покуда сдѣланнымъ нами очеркомъ.

Наше спасеніе отъ полонизма въ народности.

Москва, 25-го мая 1863 г.

О чемъ другомъ можемъ мы говорить теперь съ читателями, какъ не о Польско-Русскомъ вопросѣ, объ опасностяхъ, грозящихъ Россіи, о новыхъ испытаніяхъ и подвигахъ, ей предстоящихъ?... Много внутреннихъ задачъ требуютъ разрѣшенія и остаются неразрѣшенными, много неприбраннаго, невыметеннаго, неуряженнаго, много грѣховъ неочищенныхъ, много неправдъ незаглаженныхъ,—іжки и тьмы еще много!.. Только что было занялась Россія своимъ устройствомъ, и сломивъ главный свой недугъ—крѣпостное право, приступила къ передѣлкѣ всего внутренняго своего строенія,—какъ опять приходится все, недокончивши, бросить, и мѣнять перо и плугъ на саблю и штуцеръ... Исторія не ждетъ и зоветъ на судъ... Война, кажется, неизбѣжна,—если только мы намѣрены остаться полновластными хозяевами у себя дома, если только мы не хотимъ погубить плодъ нашихъ тысячелѣтнихъ трудовъ.

Мы не готовы къ борьбѣ, говорятъ нѣкоторые Петербуржцы, госу-

дарство еще не оправилось отъ напряженій, сдѣланныхъ въ послѣднюю войну,— войско наше не многочисленно—такъ, какъ того бы требовало пространство Русскихъ предѣловъ, флота у насъ нѣтъ, финансы еще не пришли въ должный порядокъ»!.. Все это можетъ быть и такъ, но вотъ чего не видятъ или что мало цѣнятъ или даже вовсе не разумѣютъ дальновидные политики,—чего не примѣчаютъ они до сихъ поръ въ Русскомъ государствѣ, это—боздѣлицы—Русской земли, Русскаго народа. Еще слабѣе было государство въ 1612 году, его даже вовсе не было, оно было разбито въ дребезги,—свои и чужіе измѣнники терзали его междоусобицей, напасть, смута и рознь разстроили, казалось, въ конецъ всѣ матеріальныя и духовныя силы Россіи, но встала народная, земская рать,—и Русскій народъ, сошедшись изъ *областей*, возстановилъ единство земли и государства, и возвратилъ Москвѣ ея державное значеніе. Но положимъ, такое крайнее напряженіе силъ вызвано было цѣлымъ рядомъ невыносимыхъ бѣдствій и совершеннымъ бездѣйствіемъ или отсутствіемъ государственнаго наряда. Но вотъ другой случай. Воцарился Михаилъ, — государство стало вновь строиться и утверждаться, земля была истощена и истомлена, все представляло видъ разрушенія, все требовало досужей, долгой работы... Но черезъ 4 года, въ 1618 году, снова война, снова Поляки, предводимые королевичемъ Владиславомъ, подошли къ самой Москвѣ... Что же сдѣлалъ молодой царь въ эту трудную для него пору? Онъ созвалъ соборъ 9 сентября (1618 г.) и «говорилъ на соборѣ митрополитамъ и архіепископамъ и епископамъ и игуменамъ и всему освященному собору, и боярамъ, и окольничимъ, и думнымъ людямъ, и стольникамъ, и стряпчимъ, и дворянамъ Московскимъ, и жильцамъ, и дворянамъ, и дѣтямъ боярскимъ изъ городовъ и всякихъ чиновъ людямъ: что Литовскаго Жигимонта Короля сынъ, Королевичъ Владиславъ, съ Польскими и съ Литовскими и съ Нѣмецкими людьми и съ нарядомъ идетъ подъ царствующій градъ Москву и хочетъ всякими злыми своими умыслами и прелестью Москву взять и церкви Божіи разорить, и истинную нашу православную христіанскую вѣру попрать, а учинить свою проклятую еретическую латынскую вѣру. И онъ, Великій Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳедоровичъ всея Русіи, прося у Бога милости и у пречистыя Богородицы, и призывая на помощь Московскихъ чудотворцевъ и всѣхъ святыхъ, за святыя Божіи церкви и за православную христіанскую вѣру и за всѣхъ православныхъ христіанъ, противъ недруга своего Литовскаго Королевича Владислава и противъ разорителей вѣры христіанскія», Польскихъ и Литовскихъ и Нѣмецкихъ людей и Черкасъ, обѣщался стоять, на Москвѣ въ осадѣ сидѣть, и съ Королевичемъ и съ Польскими и съ Литовскими людьми битися, сколько ему, Государю, милосердый Богъ помочи подастъ; и онибъ, митрополиты и архіепископы и епископы и весь священный соборъ, бояре и окольничіе, и думные люди, и стольники, и стряпчіе, и дворяне, и дьяки, и жильцы, и дворяне, и дѣти боярскіе изъ городовъ и всякихъ чиновъ люди, за православную вѣру и за него, Государя, и за себя, съ нимъ, Государемъ, въ осадѣ сидѣли, и противъ недруга его Литовскаго королевича Владислава и Польскихъ и Литовскихъ людей и Нѣмецъ и Черкасъ стояли крѣпко и съ ними бились, сколько Богъ помочи подастъ, а на Королевичеву и ни на какую прелесть не покушалися».

«И Государю Царю и Великому князю Михаилу Феодоровичу всея Русіи говорили на соборѣ митрополиты и архіепископы и епископы, и весь освященный соборъ и бояре, и окольничіе, и думные люди, и стольники, и стряпчіе, и дворяне Московскіе, и дьяки, и жильцы, и дворяне и дѣти боярскіе изъ городовъ и всякихъ чиновъ люди Московскаго государства: «что они всѣ единодушно дали обѣтъ Богу за православную христіанскую вѣру и за него, Государя, стоять и съ нимъ, Государемъ, въ осадѣ сидѣть безъ всякаго сумнѣнія и съ недругомъ его съ королевичемъ Владиславомъ и съ Польскими и съ Литовскими и съ Нѣмецкими людьми и съ Черкасы битись до смерти, не щадя головъ своихъ».

Вотъ какъ отбивались Русскіе люди отъ Польши въ началѣ XVII вѣка! Мы привели этотъ примѣръ не потому, чтобъ находили какое-нибудь сходство между тогдашними и настоящими смутными обстоятельствами Россіи и ея государственнымъ положеніемъ, а съ тою цѣлью, чтобы напомнить Петербургскимъ тонкимъ политикамъ о существованіи цѣлаго Русскаго народа, заслоненнаго для нихъ Петербургскими казенными зданіями; о присутствіи въ Россійской Имперіи, надъ внѣшнимъ матеріальнымъ положеніемъ которой они такъ плачутся, невѣдомой имъ Русской земли. Съумѣйте только отнестись къ Русскому народу съ полнымъ чистосердечіемъ, съ искреннею къ нему любовью и уваженіемъ, безъ всякой задней Нѣмецкой мысли, не смущая его боязнью и подозрѣніемъ, не оскорбляя его недовѣрчивостью и мелочной опекой, — станьте сами Русскими и дайте просторъ Русскому уму и слову, и вы обрѣтете родникъ такой духовной народной силы, которая возвратитъ вамъ вѣру въ жизнь и въ будущія судьбы Русскаго народа. Но разумѣется,—повторяемъ, — этотъ кладъ дается только тѣмъ, кто подходитъ къ нему безъ нечестія, безъ спекуляцій, и съ полнымъ отреченіемъ отъ своихъ Нѣмецкихъ теорій и преданій.

Какъ ни ужасны бѣдствія войны, какъ ни отвратительно всякое кровопролитіе, но не мы ее вызвали, — и отъ насъ зависитъ, чтобъ это зло обратилось намъ во благо,—такое благо, которое перевѣситъ весь вредъ, происходящій отъ перерыва въ нашемъ мирномъ развитіи, и безъ котораго, можетъ быть, мы бы и не въ состояніи были разрѣшить наши многія внутреннія задачи. Это благо—возрожденіе Руси въ оффиціальной Россіи, пробудившаяся и всюду по всему организму разлившаяся жизнь Русскаго народнаго духа. Этой войнѣ, если ей суждено быть, нельзя будетъ обойтись тѣми одними средствами, вещественными и нравственными, какія находятся въ распоряженіи государства; — необходимо будетъ позвать изъ нѣдръ земли — другія общественныя и земскія силы. Но и звать ихъ не нужно; онѣ сами собою выдвигаются изъ темной глубины на свѣтъ Божій, или, вѣрнѣе сказать, ихъ вызываетъ сама исторія; Русскій народъ *вызываютъ* на бой сами Поляки.

Если бы Польскія притязанія ограничивались одною Польскою территоріею, т. е. предѣлами Польской народности въ тѣсномъ смыслѣ, или по крайней мѣрѣ Царствомъ Польскимъ, еслибъ Поляки, однимъ словомъ, постарались «локализировать» возстаніе, сосредоточить всю свою борьбу исключительно въ одной мѣстности,—можетъ быть и самая борьба удержалась бы въ границахъ чисто государственнаго, или даже правительственнаго вопроса. Но Польскія притязанія, простирающіяся на Русскія

древнія области, и явно высказанное, провозглашенное и свидѣтельствуемое исторіею покушеніе Поляковъ—лишить Русскую народность въ этихъ областяхъ всякой духовной свободы и подчинить ее Польскому и латинскому духовному гнету, однимъ словомъ, ополячить и окатоличить нѣсколько милліоновъ Русскаго народа,—всѣ эти притязанія и попытки возводятъ современную борьбу съ Польшей на степень всенароднаго земскаго интереса. Польскій вопросъ отнынѣ не дипломатическій, не государственный, не Европейскій международный,—а Русскій земскій вопросъ. Если же въ союзѣ съ Польшей поднимется противъ Россіи весь Западъ Европы, то борьба приметъ значеніе борьбы двухъ міровъ, борьбы основныхъ стихійныхъ силъ, и вопросъ Польскій станетъ вопросомъ о томъ: быть или не быть Россіи, быть или не быть Русской народности, затопитъ ли Латино-Германское море міръ православно-Славянскій, или же Россіи суждено стать Araратомъ православно-Славянскаго міра и спасти его отъ потопа? На сторонѣ Польши весь Западъ, за Россію—одинъ Русскій народъ и сочувствіе всего православно-Славянскаго міра.

Слѣдовательно—какое же главнѣйшее и единственное условіе успѣха для насъ въ предстоящей борьбѣ? Это — вѣра въ самихъ себя, вѣра въ Русскій народъ и вѣрность Русской народности. Если мы должны выйдти на борьбу съ Западомъ и Польшею не какъ сильное Европейское государство (въ настоящее время для Европы вовсе и неопасное: ей нѣтъ опаснѣе врага—самого Наполеона), а какъ *Русскій* народъ, какъ *Русскіе*, то мы и должны явиться и быть вполнѣ *Русскими*, вполнѣ *народными*,—иначе мы погибнемъ... Не Нѣмцы и не Руляндцы, не Нѣмецкій и не Руляндскій нарядъ спасутъ Россію: наше спасеніе въ народѣ и въ народности.

Западъ несетъ безгосударной Польшѣ помощь своего государственнаго строя, Польскимъ нравственнымъ силамъ могущество силъ вещественныхъ, Польскому обществу союзъ Европейскаго общества. Противъ насъ—и государственныя, и общественныя стихіи Запада; противъ насъ не только Поляки, Французы, Англичане, Римъ, но полонизмъ, европеизмъ, латинство. Что же противопоставимъ мы имъ съ нашей стороны? Государство? Безъ сомнѣнія, оно могуче и крѣпко, несмотря на тяжкія жертвы, принесенныя имъ въ Восточную войну, но государственными чисто-внѣшними средствами нельзя бороться съ силами общественными,—не говоря уже о томъ, что война захватываетъ насъ еще до окончанія преобразованій въ нашемъ государственномъ строѣ. Государственныхъ средствъ очевидно недостаточно. Что выдвинемъ мы въ отпоръ латинству и обществу Запада, европеизму, полонизму? Въ отпоръ латинству — православіе, въ отпоръ обществу Запада—Русское общество, въ отпоръ европеизму и полонизму—Русскую народность...

Православіе, Русское общество, Русская народность?? .. Конечно, вѣра пребываетъ въ народѣ, ею движется, живетъ и есть святая Русь, но гдѣ тотъ священный огонь, который долженъ бы пламенѣть въ служителяхъ Церкви, вполнѣ ли живую силу представляетъ Русское духовенство, не подавлена ли внутренняя жизнь Церкви церковною бюрократіей и оффиціальностью?... Русское общество! Да гдѣ оно? Слишкомъ много и часто говорили мы о нравственномъ безсиліи, о ненародности Русскаго общества: повторять наши доводы едва ли нужно! Обратитесь къ Петербургской жур-

налистикѣ, или если не ко всѣмъ, то къ главнѣйшимъ ея типическимъ представителямъ: слышна ли въ нихъ, въ этихъ проповѣдникахъ демократизма, хоть одна струна Русскаго чувства или уваженія къ Русскому народу? Прислушайтесь къ толкамъ нашей молодежи: многимъ ли изъ нихъ, демократамъ по убѣжденію, дорога Русская народность? Вникните въ ученую дѣятельность университетовъ: за исключеніемъ двухъ-трехъ профессоровъ, вызывали ли они самодѣятельность Русской мысли въ наукѣ, не возставали ли всѣми силами противъ народности въ наукѣ? Но, конечно, все это еще не составляетъ и не выражаетъ общества; конечно, въ послѣднее время проявляется въ немъ, съ замѣтною силою, влеченіе къ народности и все общество одушевлено самымъ пламеннымъ патріотизмомъ. Мы радуемся всѣмъ сердцемъ этому утѣшительному явленію, но замѣтимъ только здѣсь кстати, что «патріотизмъ» не всегда свидѣтельствуетъ о силѣ чувства *народности*, что онъ можетъ иногда ограничиваться тѣсными предѣлами внѣшности государственной, или принимать «государственное» за «народное». Патріотизмомъ самымъ искреннимъ, мужественнымъ и твердымъ дышатъ Нѣмецкіе адресы городовъ и дворянства Эстляндіи, Лифляндіи и Курляндіи, — мы увѣрены, что предѣлы Имперіи съ этой стороны найдутъ въ Нѣмцахъ самыхъ смѣлыхъ, честныхъ и стойкихъ защитниковъ,—но намъ, Русскимъ, необходимъ патріотизмъ еще иного рода и качества,—намъ мало одной привязанности и преданности внѣшней цѣлости Имперіи, намъ нужна еще преданность Русской народности!.. Не имперію можемъ мы противупоставить нравственнымъ силамъ европеизма или полонизма, но могущество Русскаго *народнаго* духа, живущаго въ простомъ народѣ и въ обществѣ. Но въ томъ-то и дѣло, что общество наше бѣдно внутреннею жизнью, слабо выражаетъ народное самосознаніе, — а потому и поражено или было, по крайней мѣрѣ *до сихъ поръ*, поражено нравственнымъ безсиліемъ...

Но живъ Русскій народъ, и отчаяваться нечего. Бываютъ эпохи въ исторіи, когда медленный органическій ходъ внутренняго развитія народовъ смѣняется общимъ нравственнымъ потрясеніемъ всего народнаго организма, ускоряющимъ его дѣятельность, вызывающимъ разомъ наружу всѣ его затаенныя и задержанныя силы. Мы вѣримъ, что такая эпоха наступаетъ и для Россіи... Выдвигайся же, Русская земля, вызывай изъ глубины твоихъ нѣдръ всѣ твои потаенныя богатства, всѣ ключи живой цѣлебной воды, и не однихъ только богатырей

... Изъ странъ далекихъ
Отъ осьми твоихъ морей,
Со степей, равнинъ широкихъ,

скликай ты, какъ въ 1812 году, не однѣ только внѣшнія и вещественныя силы, но силы Русскаго духа, Русской мысли и слова... Не можемъ не вспомнить при этомъ стихи другого поэта, котораго вѣщихъ пѣсенъ еще до сихъ поръ не уразумѣло вполнѣ наше не-Русское общество и котораго достойно оцѣнить предстоитъ только будущей Руси...

Пробудися, Кіевъ, снова
Падшихъ чадъ своихъ зови!

взывалъ онъ за четверть вѣка тому назадъ... И кажется—время настало: Кіевъ, святой Кіевъ, угрожаемый, окружаемый со всѣхъ сторонъ Поляками, пробуждается и зоветъ къ себѣ на помощь Русскій народъ со всѣхъ концовъ необъятной Россіи, — и отторженныя дѣти, услыхавъ его призывъ, придутъ къ нему,

. . . .
Разорвавъ коварства сѣти,
Знамя **чуждое** забывъ...
И вокругъ знаменъ отчизны
Потекутъ они толпой
Къ жизни духа, къ духу жизни,
Возрожденные тобой!...

Возродимся ли мы? Не удержатъ ли насъ отъ возрожденія? не возбранятъ ли откликнуться на этотъ высокій призывъ?.. Если бы удержали и возбранили, то *духъ жизни* былъ бы для насъ невозвратно потерянъ, — а что же тѣло безъ жизни?—Трупъ.

Не война, а общественная сила Россіи можетъ рѣшить о Польскомъ вопросѣ.

Москва, 15-го іюня 1863 г.

«Патріотизмъ», пробудившійся въ нашемъ обществѣ, не ослабѣваетъ, а напротивъ того усиливается съ каждымъ днемъ. Воинственное настроеніе духа обнаружилось въ Москвѣ приговоромъ Общей Думы объ учрежденіи мѣстной стражи (о чемъ теперь, съ Высочайшаго соизволенія, разрабатывается проектъ особою, составленною изъ гласныхъ Думы, коммиссіею), — а въ Петербургѣ (какъ говорятъ) формированіемъ цѣлаго баталіона стрѣлковъ на счетъ города. Мы уже привѣтствовали и вновь привѣтствуемъ эти мѣры, принятыя обществомъ, какъ потому, что видимъ въ нихъ проявленіе—уже не страдательной, а мужественной и предпріимчивой любви къ Россіи, —такъ и потому, что дорожимъ всякимъ признакомъ жизни и дѣятельности, всякимъ чистымъ, свободнымъ увлеченіемъ въ нашемъ обществѣ, такъ долго спавшемъ, вяломъ, апатичномъ, — обществѣ, котораго единственнымъ до сихъ поръ двигателемъ было—начальство. Въ этомъ отношеніи Поляки уже оказали и продолжаютъ оказывать намъ такія огромныя услуги, что рядомъ съ негодованіемъ, возбуждаемымъ ихъ поступками, невольно тѣснится въ грудь и чувство нѣкоторой благодарности, —ими, конечно, непрошенной... Едва ли найдется такой скептикъ, который бы сталъ отрицать значеніе «патріотизма», какъ дѣйствительной силы, удесятеряющей могущество арміи въ борьбѣ противу внѣшнихъ враговъ: а мы можемъ съ гордостью сказать, что мы богаты этою силою. Въ самомъ дѣлѣ, «патріотизмъ», какъ пожаромъ, обхватилъ все наше общество; все напряжено; все, въ случаѣ войны, готово принесть «на алтарь отечества жизнь и достояніе»...

Ну, а если войны не будетъ?

Да, если войны не будетъ, что̀ тогда? Жизни и достоянія, которыми такъ расточительно способенъ жертвовать Русскій человѣкъ въ случаѣ

внѣшней опасности, грозящей Россіи, — тогда не потребуется... Мѣстная стража окажется ненужною; общественное напряженіе—напраснымъ; выраженія «патріотизма» — неумѣстными и излишними... Но развѣ вопросъ Польскій, этотъ мучительный Польскій вопросъ, разрѣшится отъ того, что Западныя державы уклонятся отъ боя? Войны дѣйствительно можетъ не быть, и въ нынѣшнемъ году вѣроятно не будетъ, но задача ни мало не подвинется отъ того къ развязкѣ. Напротивъ, война, если говорить правду, представлялась намъ—большинству нашего общества—легчайшимъ, внѣшнимъ, конечно грубымъ, но зато неголоволомнымъ и, главное, вынужденнымъ, не нами избраннымъ, способомъ разрѣшенія. Въ случаѣ объявленія намъ войны Европою, дѣло значительно упрощалось: колеблющіеся умы переставали колебаться, въ виду оскорбительнаго насильственнаго вмѣшательства иностранныхъ державъ; робкія, смущенныя совѣсти успокоивались; отвлеченные принципы и теоріи умолкали предъ наглою дѣйствительностью факта, предъ настоятельными требованіями практики. Всѣ сомнѣнія улегались,—и, отлагая въ сторону споры и разсужденія о томъ: была или нѣтъ съ нашей стороны какая-либо неправда относительно Польши, заслуживаетъ или нѣтъ Польское національное чувство нашего состраданія, правы или неправы Поляки въ своемъ желаніи возстановить Польшу — и въ какихъ размѣрахъ, - однимъ словомъ, избавляясь, не безъ радости, отъ тяжелой работы мысли надъ разрѣшеніемъ отъ тяжелыхъ вопросовъ, — всѣ мы, безъ исключенія, схватились бы за оружіе, чтобы совершить дѣло вполнѣ оправдываемое самою щекотливою совѣстью,—т. е. отраженіе и изгнаніе нашествія иноземцевъ на Русскую землю! Всякій въ то же время смутно бы надѣялся, что послѣдствія войны сами собою распутаютъ Польскій узелъ, — и взваливалъ бы, такъ сказать, уже не на себя, а на событія — какъ нравственную отвѣтственность за свои личныя дѣйствія, такъ и обязанность сыскать разрѣшеніе Польскому вопросу — такое, котораго теперь, пожалуй, и не придумать! Все это, при нашей извѣстной душевной и умственной лѣни, при непривычкѣ и неохотѣ къ серьезному труду мысли, болѣе чѣмъ вѣроятно. Въ самомъ дѣлѣ, со времени первыхъ признаковъ возможности Европейской войны, работа въ умахъ надъ разрѣшеніемъ Польскаго вопроса отошла на второй и даже на третій планъ, и уступила мѣсто простому, цѣльному, естественному чувству и неголоволомному «патріотическому» мышленію. Но если судьбѣ не угодно баловать насъ помощью внѣшнихъ событій, и напротивъ: угодно взвалить именно на насъ самихъ, на нашъ умъ, нашу совѣсть, нашу волю, весь трудъ разрѣшенія этой громадной мучительной задачи,—неужели наше общество окажется несостоятельнымъ? Неужели, кромѣ жизни и достоянія, которыхъ не потребуется, ему нечего другаго принести «на алтарь отечества»? Неужели его «патріотизмъ», которымъ оно теперь такъ гордится и даже само нѣсколько любуется, пригоденъ только для военнаго времени и для военныхъ подвиговъ?

Въ томъ-то и дѣло, что этотъ «патріотизмъ» нашего общества, какъ мы уже однажды сказали, не всегда свидѣтельствуетъ о силѣ чувства *народности*, ограничивается иногда тѣснымъ интересомъ внѣшности государственной, принимаетъ «государственное» за «народное». Мы уже говорили и прежде, что «намъ нуженъ патріотизмъ иного рода и качества,—

намъ мало привязанности и преданности внѣшней цѣлости Имперіи, намъ нужна еще преданность Русской народности». Вообще слѣдуетъ замѣтить, что такъ часто употребляемое теперь слово «патріотизмъ»—слово не Русское, слово непонятное цѣлымъ пятидесяти милліонамъ Русскаго народа, который,—хотя онъ и не толкуетъ о патріотизмѣ и не выставляетъ его на показъ, какъ наше образованное общество,—никѣмъ, конечно, не заподозрится въ недостаткѣ преданности къ землѣ и государству! Въ самомъ дѣлѣ, не странно ли, что мы — для выраженія святого чувства любви къ Русской землѣ—прибѣгаемъ къ иностранному слову или переводимъ его неуклюжимъ словомъ: «отчизнолюбіе»? Слово «патріотизмъ» внесено къ намъ въ XVIII вѣкѣ Петровскимъ переворотомъ и имѣетъ происхожденіе оффиціальное. Нашимъ реформаторамъ того времени хотѣлось, вмѣстѣ съ ассамблеями, обзавестись и «патріотизмомъ» и «патріотами», какъ будто до того времени Русскій народъ не умѣлъ любить Русскую землю и не выставлялъ изъ своей среды крѣпкихъ радѣтелей и стоятелей за Русское государство! Мы видимъ теперь, что наше общество болѣе или менѣе «добрый патріотъ», не будучи однакожe нисколько истинно-Русскимъ, вслѣдствіе отчужденія своего отъ Русской народности; а народъ, хотя и не называется «патріотомъ» (это званіе вообще трудно прилагается къ понятію о народѣ), — однакоже вполнѣ и просто-на-просто Русскій, слѣдовательно по-Русски мыслитъ и чувствуетъ и жертвуетъ жизнью за Русскую землю. Какъ и большая часть выраженій оффиціальной нравственности и оффиціальной риторики реформаторовъ XVIII вѣка, слова «патріотизмъ» и «патріотъ» до того опошлились въ языкѣ нашего общества, что литература (Грибоѣдовъ и Гоголь) употребляла ихъ постоянно съ нѣкоторой проніей; только въ послѣднее время нѣкоторыя газеты придали имъ вновь серьезное и важное значеніе. Мы не станемъ разсуждать теперь о томъ, почему въ нашемъ языкѣ, да и во всѣхъ Славянскихъ кромѣ Польскаго, нѣтъ народныхъ выраженій, соотвѣтствующихъ иностраннымъ выраженіямъ: «патріотизмъ», «патріотъ», «отечество», которое есть только переводъ слова patria: во всемъ этомъ лежитъ глубокій смыслъ, о которомъ мы поговоримъ въ другое время; но мы хотимъ только пояснить, что «патріотизмъ» Русскаго общества, на который намъ постоянно указываютъ, является понятіемъ крайне одностороннимъ и тѣснымъ, и выплываетъ на верхъ—болѣе въ часы военной, внѣшней, матеріальной опасности, нежели въ мирное время, для мирныхъ подвиговъ духа. Внѣ «жизни и достоянія» мы почти и не разумѣемъ никакихъ жертвъ! Намъ легче разстаться съ жизнью и со всѣмъ, что̀ имѣемъ, нежели идти, напримѣръ, послѣдовательнымъ, медленнымъ шагомъ къ достиженію какой-либо возвышенной цѣли. Одушевляясь, при видѣ грозныхъ полчищъ враговъ, самымъ доблестнымъ «патріотизмомъ», мы тѣмъ легче уступаемъ врагу невидимому, внутреннему, и рѣдко одушевляемся мыслію объ общемъ благѣ: по крайней мѣрѣ одушевленіе это непрочно.

Мы считаемъ необходимымъ обратить на эту особенность Русскаго «патріотизма» серьезное вниманіе нашего общества. Мы бы желали видѣть въ немъ заботу не объ одномъ военномъ государственномъ интересѣ, что̀ у насъ, обыкновенно, только и разумѣется подъ выраженіемъ «патріотизмъ», но и объ интересѣ общественномъ или земскомъ, въ самомъ

широкомъ смыслѣ слова. Общественная дѣятельность не должна являться только органомъ государственной власти и служить чисто внѣшнимъ государственнымъ цѣлямъ, но она должна быть направлена по преимуществу на тѣ нравственныя сферы, куда не можетъ, по самому существу своему, проникать дѣйствіе правительства. Къ сожалѣнію, патріотизмъ Русскаго общества болѣе разрушительнаго, воинственнаго, чѣмъ зиждущаго свойства. Едва ли когда патріотизмъ Русскій проявлялся съ большею энергіею и силою, какъ въ 1812 году, при изгнаніи Французовъ изъ Россіи, — и едва ли когда нравственное Французское вліяніе возрастало до такой степени силы, какъ тотчасъ же по миновапіи внѣшней *матеріальной* опасности отъ Французовъ, по наступленіи мира! Русскіе генералы 12 года, въ «патріотизмѣ» которыхъ никто, конечно, не усомнится, подъ самымъ громомъ пушекъ на Бородинскомъ полѣ, переписывались и говорили между собою по-Французски! Они были Русскіе «патріоты», а не Русскіе народные люди. Вотъ, между прочимъ, и причина, почему, избавившись отъ внѣшняго ига, мы такъ легко поддались игу духовному: Французскій языкъ, Французскія моды, идеи, нравы заполонили насъ, побѣдителей, все наше Русское «общество» такъ крѣпко, что мы и до сихъ поръ не можемъ вполнѣ освободиться отъ этихъ узъ, — правда, уже значительно обветшавшихъ. Однимъ словомъ, отстоявши *головами* Русскую землю, нашу внѣшнюю независимость, мы не съумѣли отстоять *головою* — нашу народность, нашу духовную самостоятельность.—То же случилось и съ Русскими областями бывшаго Польскаго государства. Мы, какъ любятъ выражаться нынѣ, купили ихъ цѣною Русской крови, но, купивши цѣною крови внѣшнее обладаніе, мы за очень дешевую цѣну (цѣну похвалъ нашей гуманности, космополитизму и либерализму) уступили нравственное обладаніе надъ ними — Польшѣ, Польскому элементу. Мы не можемъ не напомнить здѣсь снова читателямъ, что край, въ продолженіе вѣковъ силою своихъ Русскихъ элементовъ тяготѣвшій къ Россіи, по присоединеніи къ Россіи, ополячился такъ, какъ въ продолженіе вѣковъ не могли ополячить его Поляки!... Патріотизмъ», завоевавшій эти области силою оружія, оказался несостоятельнымъ, когда пришлось завоевывать ихъ духовно. Такъ и теперь, видя всеобщую готовность къ войнѣ, видя пробужденіе «патріотизма» въ нашемъ обществѣ, мы не безъ нѣкотораго безпокойства спрашиваемъ себя: переживетъ ли современное наше возбужденіе внѣшнюю грозящую намъ опасность? т. е.: силы, повидимому пробудившіяся въ насъ, такія ли силы, которыя пригодны для борьбы мирной и нравственной,—не для разрушенія, а для творчества и созиданія, въ случаѣ, если не состоится борьба матеріальная, борьба съ иноземными арміями? Если все это возбужденіе есть тотъ же самый прежній «патріотизмъ», не больше; если въ насъ говоритъ только чувство одной внѣшней, физической силы, только сознаніе своего богатырства, безъ всякаго отношенія къ духовнымъ силамъ нашей народности, то наше безпокойство не лишено основанія: миръ можетъ быть для насъ опаснѣе самой войны! Русское общество должно бы, кажется, помнить, что, оставаясь въ своихъ нравахъ, привычкахъ, образѣ жизни, вообще въ умственной и духовной сферѣ—*не*-Русскимъ,—оно, непобѣдимое на полѣ брани въ лицѣ Русскихъ воиновъ, не только побѣдимо, но совершенно безсильно для защиты Русской народности—отъ завоеваній полонизма и европеизма!

Безъ всякаго сомнѣнія, чувство и сознаніе своей народности, въ значительной противъ прежняго степени, проникли въ наше оторванное отъ народа общество и проявляются въ немъ силою уже довольно почтенною. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые признаки заставляютъ насъ опасаться, что одушевленіе, обхватившее наше общество (общество, а не народъ), болѣе «патріотическаго» свойства, чѣмъ истинно-Русскаго; болѣе опирается на богатырство нашей матеріальной неистощимой силы, чѣмъ на силы духовныя, выражаетъ скорѣе—побужденія или мотивы государственные, чѣмъ общественные. Мы уклоняемся отъ строгаго, безпристрастнаго изученія Польско-Русскаго вопроса, котораго разрѣшеніе еще труднѣе безъ войны, чѣмъ съ войною. Наше вниманіе, по старому, устремляется болѣе на внѣшнее, чѣмъ на внутреннее положеніе дѣлъ; мы хватаемся, по старому, за чисто внѣшнія средства; мы обращаемся съ требованіями къ правительству, а не къ себѣ; мы надѣемся избавиться отъ мучительной заботы о Польскомъ дѣлѣ, нарушившей нашу дремоту, помощью грубой силы, а не работою мысли и духа. Мы способны даже (т. е. мы—общество), въ мѣрахъ строгости, принятыхъ въ Западномъ краѣ, видѣть не одну только вынужденную систему дѣйствій, не одну только печальную *необходимость*, тяжелую для Русскаго благодушія, не одно только *неизбѣжное* зло, но какое-то торжество силы, и отнестись къ нему съ радостью и ликованіемъ,—нѣсколько неприличными. Наконецъ, сознавая въ себѣ великодушную рѣшимость жертвовать жизнью и достояніемъ, мы, съ чувствомъ наивнаго самодовольства, воображаемъ, что исполнили тѣмъ весь свой долгъ къ народу и къ государству,—такъ сказать, расквитались, и никакого другого труда отъ насъ уже и не потребуется!

Ошибаемся. Польско-Русскій вопросъ именно такого рода, что разрѣшеніе его возможно только при полномъ дѣйствіи всѣхъ нашихъ, не однѣхъ государственныхъ, но и общественныхъ нравственныхъ силъ: а общество наше будетъ только тогда обладать естественными, а не искусственными, органическими, а не навязанными извнѣ, дѣйствительно крѣпкими, творческими и зиждущими силами, когда будетъ вполнѣ *народнымъ*, то-есть вполнѣ *Русскимъ*. Безъ *Русскаго* общества, правительство, при самой горячей благонамѣренности, при безграничномъ усердіи народныхъ массъ, въ силахъ разрѣшить, можетъ быть, только одну государственную сторону Польско-Русскаго вопроса, далеко не исчерпывающую его сущности; безъ *Русскаго* общества, т. е. безъ дѣятельности народнаго духа въ высшей области мысли и знанія,—сколько бы ни пролилось крови, сколько-бъ ни было пожертвовано жизней и достояній, мы все же не достигнемъ полнаго и прочнаго разрѣшенія этого важнѣйшаго для насъ вопроса! А можетъ ли наше общество назваться вполнѣ народнымъ и Русскимъ?..

Краснорѣчивые уроки исторіи ужели опять пропадутъ для насъ даромъ? Ужели мы не боимся историческаго правосудія? Ужели мы будемъ по прежнему довольствоваться тѣмъ «патріотизмомъ», который проявляли до сихъ поръ и который не помѣшалъ намъ офранцузиться послѣ 1812 года и ополячить Русскія области, по присоединеніи ихъ въ 1772, 93 и 95-мъ? Образумимся ли мы когда-нибудь?... Время! Ждать некогда... «Се судія передъ дверьми стоитъ»!...

Судьба Царства Польскаго стоитъ внѣ всякаго отношенія къ судьбѣ Западнаго края Россіи.

Москва, 22-го іюня 1863 г.

Ноты иностранныхъ державъ получены и уже переданы Русскому вице-канцлеру; содержаніе ихъ болѣе или менѣе извѣстно, но въ дипломатическихъ бумагахъ не одно содержаніе имѣетъ важность, но и форма, въ которую оно облечено, тонъ, которымъ бумаги написаны. Мы надѣемся, что отвѣтъ Россіи будетъ твердъ, рѣшителенъ и чуждъ всего, что было бы похоже на какую-либо несовмѣстную съ ея достоинствомъ уступку, но считаемъ излишнимъ толковать о нотахъ до обнародованія ихъ,—и переходимъ къ тому, что ни въ какомъ случаѣ, никакимъ исходомъ дипломатическихъ переговоровъ не можетъ быть ни устранено, ни отложено. Дипломатическіе переговоры могутъ касаться единственно Царства Польскаго. Затѣмъ, *внѣ* территоріи Царства, созданнаго Вѣнскимъ конгрессомъ, все, что совершается въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, точно также мало представляетъ поводовъ къ вмѣшательству Западныхъ державъ и точно также мало можетъ составлять предметъ ихъ заботливости, какъ и происшествія въ Пермской или Пензенской губерніяхъ! Толковать о дѣйствіяхъ генерала Муравьева въ Западно-Русскомъ краѣ Англійскій парламентъ имѣетъ не болѣе законнаго основанія, какъ и препираться, еслибъ ему это вздумалось, о распоряженіяхъ генерала Тимашева въ Казани, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Лерхе въ Калугѣ. Поэтому мы съ удивленіемъ прочли въ газетахъ обѣщанія, данныя лордомъ Росселемъ парламенту: «попросить объясненій», или «сдѣлать представленіе» Русскому правительству о дѣйствіяхъ Русскихъ войскъ и властей *внѣ* предѣловъ «Конгрессовки», какъ называютъ Поляки Царство Польское. Никакихъ подобныхъ представленій мы принимать не можемъ, и тѣмъ менѣе можемъ удостоивать ихъ отвѣтомъ. Намъ кажется, что никоимъ образомъ не слѣдуетъ упускать это обстоятельство изъ виду, и предметъ переговоровъ, если уже они разъ допущены, долженъ быть строго «локализированъ»,—т. е. ограниченъ мѣстностью одного Царства Польскаго, никакъ не дальше.

Какая бы ни была судьба этого Царства, она состоитъ внѣ всякаго отношенія къ судьбѣ Западнаго края Россіи. Здѣсь предстоитъ и будетъ предстоять обширное поле для дѣятельности Русскаго правительства и Русскаго общества,—для общества еще болѣе, чѣмъ для правительства. Намъ предстоитъ вновь отвоевать Литву и Бѣлоруссію у враждебныхъ стихій латинства и полонизма. Правительство, безъ всякаго сомнѣнія, скоро возстановитъ внѣшній порядокъ на всемъ протяженіи края,—но этого еще мало: есть цѣлыя области, куда не можетъ проникать дѣйствіе государства, гдѣ необходима дѣятельность чисто общественная. Сколько бы Русскихъ чиновниковъ ни наполнило Западный край, все же это будутъ чиновники, начальство, а *начальство* никогда не замѣнитъ собою *общества*, да и не въ этомъ его призваніе. Мы недавно помѣстили въ своей газетѣ замѣчательную статью г. Кояловича, подъ заглавіемъ: «Встрѣча

народности въ Западномъ краѣ Россіи съ Русскою государственностью и Великорусскою народностью, по случаю формированія народныхъ карауловъ». Г. Кояловичъ справедливо озабочивается мыслью: какъ совершится эта встрѣча? не превратится ли она въ непріятное столкновеніе? не подастъ ли повода къ множеству печальныхъ недоразумѣній, вслѣдствіе строгой требовательности съ одной стороны, т. е. съ нашей, и неспособности удовлетворить этимъ требованіямъ со стороны туземнаго сельскаго населенія?... «Какъ бы вмѣстѣ съ народными Русскими орлами, летящими для защиты родного гнѣзда, не налетѣли и народные *коршуны!*» Таковъ невольный крикъ опасенія, вырвавшійся изъ груди страстно преданнаго своей родинѣ -Бѣлоруссіи, ея почтеннаго дѣятеля. Мы съ своей стороны считаемъ не лишнимъ прибавить, что встрѣча Русской государственности съ народностью и туземнымъ обществомъ Западно-Русскаго края уже происходила и прежде,—и къ несчастію—мы должны въ томъ сознаться, не обинуясь, чтобы не впасть въ прежнія ошибки—Русская государственность вообще, независимо отъ частныхъ дѣйствій того или другого лица, отрекомендовалась при этой встрѣчѣ не съ самой выгодной стороны. Былъ бы въ высшей степени полезенъ и поучителенъ тщательный, подробный и безпристрастный анализъ прежней системы Русскаго управленія въ Западномъ краѣ. Впрочемъ, въ утѣшеніе и въ оправданіе себѣ мы можемъ сказать, что пока дѣйствовало крѣпостное право,—народъ отъ непосредственнаго воздѣйствія на него правительства — былъ заслоненъ обществомъ, которое, хотя большею частью туземнаго происхожденія, однакоже вполнѣ Польское по духу, праву, языку, вѣрованіямъ и стремленіямъ. Только теперь, съ освобожденіемъ крестьянъ отъ всякихъ обязательныхъ отношеній къ помѣщикамъ, простой народъ въ Западномъ краѣ можетъ стать и становится *лицомъ къ лицу* съ Русскою государственностью. Нельзя не пожелать, вмѣстѣ съ г. Кояловичемъ, чтобъ при такомъ личномъ непосредственномъ знакомствѣ новые знакомцы полюбили другъ друга, поняли другъ друга, и чтобы сильнѣйшій изъ нихъ уважилъ слабость другого, почтилъ его мѣстныя особенности и не слишкомъ бы ужъ чувствительно опекалъ его своею могучей опекой!..

Три элемента въ Западно-*Русскомъ* краѣ являются представителями Русской народности и православія: простой народъ, духовенство, начальство—или чиновники. Общество, т. е. та туземная среда, независимая по положенію, поднимающаяся надъ общимъ уровнемъ населенія своими матеріальными средствами и образованіемъ, и называемая обыкновенно «интеллигенціей края»—общество, вмѣстѣ съ многочисленнымъ, богатымъ и образованнымъ католическимъ духовенствомъ, служитъ представителемъ Польскаго вѣроисповѣданія, Польской цивилизаціи, Польскихъ стремленій, Польской народности. Это общество старое, туземное, крѣпкое, тѣсно сплоченное, богатое деньгами, образованностью, преданіемъ и опредѣленными тенденціями. Будучи естественнымъ врагомъ Русской государственности и Русской народности, оно нравственнымъ своимъ могуществомъ долго парализировало могущество Русской власти, опиравшейся только на *немощь* крестьянства, бѣднаго, забитаго, загнаннаго, невѣжественнаго, томившагося въ крѣпостной неволѣ; на *безсиліе* православнаго сельскаго духовенства, также бѣднаго, также мало образованнаго, поста-

вленнаго въ зависимость отъ Польскихъ пановъ, запуганнаго церковною бюрократіей, только что перешедшаго изъ уніи и еще не свыкшагося съ порядками оффиціальнаго православія; наконецъ—на *равнодушіе, невѣжество и даже продажность* многихъ чиновниковъ, изъ которыхъ одна треть—была наѣзжею, чуждою края, а двѣ трети были Поляки, тянувшіе къ Польскому обществу. Вотъ каковы были общественныя силы, которыми располагала Русская власть, вотъ каково было положеніе дѣлъ въ Западной Россіи почти до самаго послѣдняго Польскаго возстанія (мы имѣемъ въ виду преимущественно Западный, а не Юго-Западный край). Прибавимъ къ этому, что Великорусское общество знало о Бѣлоруссіи едвали не меньше, чѣмъ о Японіи, и гораздо меньше, чѣмъ о Саксенъ-Гильдбурггаузенѣ; что оно чуть ли не воображало себѣ Бѣлоруссію Польшей! Несмотря на почти столѣтнюю драму «Польскаго вопроса»,—въ нашемъ обществѣ, къ стыду нашему, человѣкъ, знающій Польскій языкъ и Польскую исторію, а съ нею и исторію Западной Россіи, до сихъ поръ составляетъ замѣчательную и дорогую рѣдкость; мало того: онъ рѣдкость не только въ обществѣ, но и между записными, цеховыми «учеными». При такомъ всеобщемъ невѣжествѣ и равнодушіи къ Русской народности, Русская общественная почва естественно не могла подготовлять и дѣятелей, какихъ было бы нужно для Западнаго края, и само правительство не находило себѣ въ общественномъ мнѣніи ни опоры, ни руководства. Напротивъ того, общественное мнѣніе, подкупленное блестящимъ лоскомъ Европейской образованности Польскаго общества, всегда склонялось на сторону пановъ, пользовавшихся моднымъ сочувствіемъ Европы, и либерально приносило имъ въ жертву несчастную Русскую народность. Рѣдкій начальникъ и въ особенности начальница въ Западномъ краѣ могли устоять противъ ежедневнаго натиска Польскихъ просьбъ и домогательствъ, предъявляемыхъ панами — графами и графинями — большею частью на Французскомъ языкѣ, съ пріемами настоящихъ Европейцевъ: да и вообще извѣстное дѣло, что Русскій, когда говоритъ объ Россіи по-Французски, чувствуетъ себя будто отрѣшеннѣе отъ національныхъ предразсудковъ, будто выше народнаго пристрастія, ощущаетъ себя будто въ общеніи со всей интеллигенціей человѣчества и относится къ своему, Русскому, какъ-то извнѣ, свысока, со стороны,—дѣлается, однимъ словомъ, податливѣе въ охраненіи Русскихъ интересовъ. Французскія просьбы Польскихъ пановъ не могли, разумѣется, не перевѣшивать грубаго *дзяканья* Бѣлорусскаго просящаго народа...

Таково было положеніе дѣлъ до *благодѣтельнаго* Польскаго мятежа, вспыхнувшаго въ началѣ текущаго года. Сей *благодѣтельный* мятежъ, грянувъ громомъ, заставилъ насъ, по пословицѣ, перекреститься, сдернулъ пелену съ нашихъ глазъ, вызвалъ изъ нутра земли «громовые ключи» свѣжей цѣлебной воды,—и разбилъ, какъ мы думаемъ, навѣки—старое зданіе Польскаго общества. Если мы уже теперь не надоумимся, дадимъ засориться ключамъ и на мѣстѣ разрушившагося зданія не построимъ новаго, изъ матеріаловъ чисто своихъ, Русскихъ,—то намъ придется, безъ сомнѣнія, подать въ отставку изъ службы человѣчеству или быть уволенными исторіею за штатъ, по негодности! Но ничего подобнаго, конечно, случиться не можетъ съ народомъ, у котораго на дняхъ прибыло двадцать

милліоновъ новыхъ человѣческихъ силъ, и который тысячу лѣтъ сряду только готовился къ жизни и теперь только что еще собирается жить.

Что же теперь дѣлать намъ съ Западнымъ краемъ? На этотъ вопросъ трудно отвѣтить въ краткой журнальной статьѣ, да и самому отвѣту слѣдовало бы предпослать, во-первыхъ, такое изученіе края въ историческомъ, статистическомъ, религіозномъ и этнографическомъ отношеніяхъ, котораго именно недостаетъ Русскому обществу; а во-вторыхъ, какъ мы уже сказали, безпристрастную критику всей прежней правительственной системы дѣйствій. Мы надѣемся, что правительство не воспрепятствуетъ такому критическому изслѣдованію и само признаетъ его необходимость; а что касается до перваго, то хорошо было бы, еслибъ многіе изъ нашей учащейся молодежи сдѣлали для себя, по окончаніи курса наукъ, знакомство съ Западнымъ краемъ, да и вообще дѣятельность въ Западномъ краѣ на пользу Русской народности—спеціальною цѣлью въ жизни: поле богатое и работа благодарная! За всѣмъ тѣмъ мы позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ въ отвѣтъ на поставленный нами вопросъ.

Элементы, представляющіе Русскую народность и православіе, остаются пока тѣ же: начальство съ чиновниками, духовенство и крестьянство, при отсутствіи общества. О начальствѣ мы покуда распространяться не будемъ. Пожелаемъ только, чтобъ при теперешней замѣнѣ, совершенно основательной, Польскихъ чиновниковъ Русскими, при наплывѣ чиновниковъ изъ Россіи, выборъ должностныхъ лицъ, и преимущественно въ самыхъ низкихъ сферахъ, непосредственно соприкасающихся съ народомъ, производился съ строгою осмотрительностью: «чтобы, вмѣстѣ съ орлами, не налетѣли и коршуны», по выраженію г. Кояловича. Намъ казалось бы, что къ числу главныхъ заботъ, по усмиреніи края, должно бы принадлежать, по возможности, матеріальное обезпеченіе крестьянства и духовенства, оплодотвореніе духовной народной почвы духомъ безпритязательности и свободы, возвышеніемъ значенія такъ-называемаго народнаго самоуправленія, привлеченіемъ Великорусскаго населенія — крестьянъ и помѣщиковъ изъ Россіи. Если бы были обѣщаны значительныя льготы всѣмъ крестьянамъ, которые бы желали переселиться въ Западный край изъ Россіи, на казенныя или конфискованныя земли, то, нѣтъ сомнѣнія, значительная масса крѣпкаго Русскаго народонаселенія заложила бы тамъ такой прочный фундаментъ Русской народности, какой не своротить никогда ни Польскимъ ксендзамъ, ни Польскому панству. Если бы также, вмѣсто раздачи земель въ Самарской губерніи и вообще по Волгѣ и въ Заволожьѣ въ награду за службу государству, государство отдавало бы этимъ заслуженнымъ лицамъ земли или конфискованныя имѣнія въ Бѣлоруссіи, Украйнѣ, Литвѣ, а также бы объявило продажу этихъ земель и имѣній исключительно Русскимъ, но отнюдь не Евреямъ и не католикамъ, то вскорѣ бы могло зародиться въ томъ краѣ основаніе новаго Русскаго общества, которое было бы огромною подпорой мѣстной Русской народности.

Но одною изъ главныхъ заботъ, и не столько правительства, сколько общества (по крайней мѣрѣ для дѣятельности общества такая область можетъ и должна быть вполнѣ доступна),—это подъемъ народнаго умственнаго и духовнаго уровня чрезъ образованіе. Борьба съ латинствомъ, со-

порничество съ латинскимъ духовенствомъ, настоящая благодѣтельная встряска всего народнаго организма, все это приуготовило тамъ почву для народныхъ школъ, можетъ быть еще лучше, чѣмъ въ самой Россіи. По крайней мѣрѣ получаемыя нами письма свидѣтельствуютъ единогласно объ охотѣ и сознанной потребности учиться въ самомъ Бѣлорусскомъ крестьянствѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ вопросъ — слѣдуетъ ли при первоначальномъ обученіи давать нѣкоторое право гражданства мѣстному Бѣлорусскому нарѣчію или же прямо вводить крестьянъ въ сферу Великорусской книжности? Объ этомъ вопросѣ пространнѣе говорится въ письмѣ, помѣщаемомъ нами ниже, изъ Гродненской губерніи. Мы вполнѣ согласны съ мнѣніемъ нашего корреспондента, и полагаемъ, что намъ никакъ не слѣдуетъ давить, но напротивъ—укрѣплять и усиливать мѣстный народный элементъ, какъ непремѣнное условіе побѣды надъ Польской стихіей.

Подобный же вопросъ возникъ и въ Малороссіи, но мы не беремъ теперь на себя задачи—разрѣшать его для Малороссіи, и ограничиваемся только Бѣлоруссіей. Бѣлорусскому народу, вопреки большей филологической близости его нарѣчія къ Великорусскому, въ сравненіи съ Малорусскимъ,—Великорусское нарѣчіе все же непонятнѣе, чѣмъ Малороссу. Причина ясная. Въ Малороссіи все общество говоритъ общимъ Русскимъ образованнымъ языкомъ и почти не умѣетъ говорить народнымъ нарѣчіемъ; слѣдовательно простой народъ, слыша эту Русскую рѣчь и отъ своихъ пановъ, и отъ начальниковъ, и отъ торговцевъ, естественно сблизился и сближается съ нею такъ, что она естественно и невольно, въ дальнѣйшемъ его развитіи, упраздняетъ для него родное нарѣчіе. Бѣлоруссъ же, въ продолженіи вѣковъ, не слышитъ другой рѣчи отъ высшей среды, кромѣ Польской, особенно же въ краяхъ наиболѣе ополяченныхъ; Польская рѣчь привычнѣе для его уха (напр. въ Гродненской, Минской, частію Виленской губерніяхъ); она ему сдѣлалась невольно ближе, и изученіе ея легче, чѣмъ книжная Великорусская рѣчь. Наконецъ, по-Польски говорятъ въ томъ краю всѣ тѣ, отъ которыхъ онъ до сихъ поръ непосредственно зависѣлъ, всѣ, кто сколько-нибудь поднимается надъ уровнемъ простого народа. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что крестьянинъ, при потребности къ ученью, довольно легко допускаетъ своихъ дѣтей учиться Польскому чтенію и письму, какъ дѣлу болѣе обиходному и практически пригодному, чѣмъ Великорусскій книжный языкъ. Но онъ бы еще охотнѣе сталъ учиться своему мѣстному Бѣлорусскому нарѣчію, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что его элементарное развитіе, столь необходимое для подъема его народнаго чувства и самосознанія, въ отпоръ Польскому вліянію, скорѣе совершится при помощи его родного нарѣчія. Поляки это поняли, и вотъ почему они уже спѣшатъ захватить это орудіе въ свои руки. Они начинаютъ и сами писать и издавать книжки на Бѣлорусскомъ нарѣчіи, облекая его въ латинскія буквы. Мы сами имѣли въ рукахъ «Мужицкую Правду», гнусное Польское произведеніе, исполненное клеветъ на Россію, писанное по-Бѣлорусски латинскимъ алфавитомъ. Мужику, начинающему учиться, конечно, все равно на первыхъ порахъ—учить ли кирилловскую азбуку или латинскую абецеду, но ему не все равно—подъ какими бы то ни было буквами—узнавать родные для себя слова и звуки, читать родную понятную рѣчь; а между тѣмъ знаніе латинскихъ буквъ уже пролагаетъ тор-

ную дорожку къ дальнѣйшему сближенію съ латинствомъ и полонизмомъ. Намъ кажется, что, въ виду этой опасности, нечего и доказывать, какъ было бы важно облекать родные для Бѣлорусса слова и звуки въ буквы кирилловской гражданской азбуки, знаніе которыхъ скрѣпляло бы его связь съ Русскимъ духовнымъ міромъ, служило бы преддверіемъ Русской книжности. Наконецъ, въ настоящее время требованія обстоятельствъ неотложны: необходимо, чтобъ крестьянинъ понималъ и Государевъ указъ, и внушеніе Русской власти—вполнѣ отчетливо, безъ недоразумѣній; необходимо, чтобъ онъ почувствовалъ себя вполнѣ Русскимъ, а для этого онъ долженъ почувствовать себя прежде всего Бѣлоруссомъ: разомъ *вылѣпить изъ него Великорусскаго мужика* невозможно, да и нѣтъ надобности. Мы полагаемъ, вслѣдствіе этого, что было бы чрезвычайно полезно преподавать первоначальныя познанія и смыслъ правительственныхъ распоряженій Бѣлорусскому крестьянству на Бѣлорусскомъ нарѣчіи, учить его читать и писать сперва по-Бѣлорусски, а потомъ непремѣнно и по-Русски и по церковно-Славянски, что послѣ Бѣлорусской грамоты ему дается легко. Мѣстное нарѣчіе должно и можетъ, по совершенной своей неразвитости, служить проводникомъ къ передачѣ крестьянину только самыхъ необходимыхъ элементарныхъ познаній. Но довольно. О томъ, что дѣлать въ Западно-Русскомъ краѣ и что могло бы сдѣлать общество, мы будемъ имѣть случай говорить еще неоднократно...

Бѣдный народъ! Три милліона загнаннаго Русскаго племени! Ты претерпѣлъ до конца и дождался зари возрожденія... На помощь къ нему. Русскіе люди, Русское образованное общество, на помощь! Протянемъ ему братскую руку, принесемъ ему даръ нашей братской любви, пособимъ ему всѣми общественными нашими средствами, матеріальными и духовными!..

Въ предположеніи войны.

Москва, 6-го іюля 1863 г.

Завершилось и второе дѣйствіе великой современной исторической драмы: на ноты Франціи, Англіи и Австріи—Россія уже дала отвѣтъ, какъ можно предполагать, основываясь на телеграммѣ, полученной изъ Лондона. Судя по частнымъ слухамъ, за достовѣрность которыхъ впрочемъ ручаться нельзя, пока не будутъ напечатаны наши депеши, этотъ отвѣтъ таковъ, что—при всей умѣренности тона и дипломатической вѣжливости выраженій -онъ долженъ смутить общественное мнѣніе Европы. Трудно однако предвидѣть—произойдетъ ли разрывъ, довольно ли электричества въ воздухѣ, чтобъ разразиться грозѣ,—да и нѣтъ надобности теряться въ догадкахъ: еще нѣсколько недѣль—и послѣдствія нашего отвѣта обнаружатся.

Тѣмъ не менѣе мы должны быть готовы къ войнѣ,—войнѣ упорной и долгой: было бы непростительнымъ малодушіемъ обольщаться надеждами на мирный исходъ дѣла или на распаденіе враждебной намъ коалиціи, или на поддержку союзниковъ. Ихъ нѣтъ у насъ и пріобрѣсти ихъ намъ не

удастся. Единственная наша союзница Пруссія—намъ не помогла. Вся помощь, которую мы можемъ ожидать отъ Прусскаго правительства, будетъ заключаться развѣ въ томъ, что оно не приметъ непосредственнаго участія въ войнѣ противъ насъ,—но ея общественное мнѣніе намъ также непріязненно, какъ и въ остальной Европѣ: значительная партія убѣждена, что все одиночество Пруссіи въ ея внѣшней политикѣ и всѣ ошибки въ ея политикѣ внутренней—происходятъ именно отъ союза и согласія въ воззрѣніяхъ ея правительства съ Русскимъ. Къ тому же Познань и теперь—складочное мѣсто и неисчерпаемый запасъ силъ, питающихъ возстаніе въ Польшѣ. Можно сказать, что возстаніе держится Познанью еще болѣе, чѣмъ Галиціей.

Итакъ, мы одни. Но намъ и ненужно никакихъ дипломатическихъ союзовъ, если мы будемъ *сами съ собою въ союзѣ*, въ полномъ согласіи правительства съ обществомъ и народомъ, съ нашимъ историческимъ преданіемъ и призваніемъ. Такое согласіе, вполнѣ искреннее, взаимное, добровольное, могло бы быть посильнѣе всякаго сердечнаго согласія Франціи и Англіи. Мы должны доискаться настоящихъ источниковъ нашего могущества. Мы, общество, не въ правѣ возлагать на одно правительство всю тяжесть борьбы, и поддерживать государство, опираясь, такъ сказать, на само государство. Мы увѣрены, что правительство исполнитъ свой долгъ; мы твердо надѣемся, что государственный мечь Россіи будетъ грозенъ въ его рукахъ, что у него достанетъ войска, и денегъ, и оружія, и—даже искусныхъ вождей. Но это еще недостаточно для веденія такой борьбы, которая можетъ предстоять Россіи. Намъ приходится имѣть дѣло не съ войсками только, не съ Западными правительствами только, но со всѣми общественными силами Западной Европы, съ тѣмъ духомъ ея, который побуждаетъ ее къ войнѣ съ нами, съ внутреннимъ двигателемъ внѣшнихъ событій исторіи. Здѣсь на помощь Русскому правительству необходимо должно выступить и Русское общество. Его содѣйствіе не должно ограничиваться, какъ мы уже говорили, жертвованіемъ жизни достоянія, но должно заключаться, такъ сказать, въ постановленіи одного матеріала, необходимаго для упорной войны, — каковымъ являются жизнь и достояніе. Правительство въ правѣ ожидать и безъ сомнѣнія ожидаетъ отъ общества—содѣйствія иного рода.

Какого же рода можетъ быть это содѣйствіе? Въ чемъ могутъ состоять *наши* приготовленія къ войнѣ?...

Въ усиленіи и укрѣпленіи общества. Едвали нужно повторять то, что мы столько разъ выражали, что внѣшнія проявленія государственной жизни отвѣчаютъ внутреннему содержанію, что *истинная* сила государства находится въ соотношеніи съ силою общества, что въ правильномъ, сложившемся политическомъ организмѣ общество безъ государства и государство безъ общества также немыслимы, какъ въ живомъ человѣческомъ тѣлѣ жизнь организма безъ внѣшняго органическаго покрова, или жизнь внѣшняго покрова съ бездѣйствіемъ внутреннихъ органическихъ отправленій. Чѣмъ сильнѣе общество своею общественною, *не* государственною силою, тѣмъ могущественнѣе и государство въ области своего государственнаго призванія. И наоборотъ: чѣмъ безсильнѣе общество, чѣмъ чаще вынуждено государство, дѣйствительною или мнимою необходимостью, принимать на

себя обязанности чисто общественнаго свойства,—тѣмъ слабѣе и опора, которую государство должно бы находить въ обществѣ.

Рядомъ съ возбужденною дѣятельностью правительства должна идти также дѣятельность общества; рядомъ съ силами государственными пусть явятся міру и общественныя силы Россіи. Пусть—не одни крѣпкія мышцы милліоновъ людей несетъ Россія въ помощь государству, но и *умъ* милліоновъ. Пусть выступитъ она не въ одниxъ грозныхъ доспѣхахъ изъ мѣди и стали,—мечомъ, огнемъ и громомъ поражая противниковъ, но и во всеоружіи мыслящаго, испытующаго себя духа.—Польскій вопросъ принадлежитъ именно къ такимъ вопросамъ, которыхъ рѣшеніе не можетъ зависѣть отъ однихъ административныхъ соображеній. Онъ слишкомъ глубоко захватываетъ духовные интересы Русскаго народа и всего Славянства, выворачиваетъ, какъ плугомъ, подземные пласты Русской народной почвы; онъ только тогда получитъ окончательное разрѣшеніе въ жизни, когда вполнѣ уяснится и будетъ разрѣшенъ въ нашемъ собственномъ общественномъ сознаніи. И именно теперь, когда Россія отвергла вмѣшательство Западныхъ державъ, признавъ Польское дѣло своимъ, внутреннимъ относительно Европы, т. е. Русскимъ, Славянскимъ дѣломъ,—на насъ болѣе, чѣмъ когда-либо, лежитъ обязанность—*самимъ* пріискать отвѣтъ на этотъ важнѣйшій вопросъ Славянскаго міра. Не Франціи, Англіи и Австріи, со всѣми сателлитами, вращающимися около этихъ политическихъ созвѣздій,—себя самой и Польши должна спроситься Россія, для рѣшенія этой громадной исторической задачи. Но когда мы говоримъ «Россія», мы разумѣемъ, конечно, не одну оффиціальную Россію, и не Руслядію (выраженіе К. С. Аксакова, принятое нами для обозначенія всѣхъ не-Русскихъ элементовъ, дѣйствующихъ подъ именемъ и во имя оффиціальной Россіи): мы разумѣемъ Россію, ставшую наконецъ собой самою, Россію народную. Не отрекшись отъ Нѣмецкихъ преданій нашей новѣйшей исторіи, мы не найдемъ исхода изъ той путаницы отношеній къ Западной Европѣ, въ которую попали мы, потерявъ путеводную нить народной исторической мысли. Мы должны очиститься сами и освободиться изъ-подъ власти этихъ Нѣмецкихъ преданій. Когда мы сойдемъ съ Нѣмецки-государственной точки зрѣнія, господствующей въ нашемъ обществѣ, и замѣнимъ чувство «патріотизма» чувствомъ народности,—тогда нашему Русскому взору откроется, можетъ быть, такой новый видъ рѣшенія этого мучительнаго вопроса, какой и «на сердце не взыдетъ» Нѣмецкимъ государственнымъ мудрецамъ. Повторяемъ еще разъ: наше отношеніе къ Польшѣ иное, чѣмъ отношеніе Пруссіи и Австріи; всѣ эти Нѣмецкіе способы намъ неприличны, да никогда не удавались и не удадутся; они противны нашей Славянской природѣ, нашему Русскому народному благодушію. Мы не должны мѣрять Польшѣ Нѣмецкою мѣрой, да не отмѣрится и намъ таковою же мѣрой. Мы признаемъ военную диктатуру совершенною необходимостью для избавленія страны отъ страшнаго террора, подавляющаго въ ней всякую свободу мысли и слова,—но лучше совсѣмъ отказаться отъ Польши, чѣмъ обращать военную диктатуру въ постоянную систему управленія Польшей. Лучше совсѣмъ исключить ее изъ Славянской семьи, предоставивъ ее собственной ея участи въ борьбѣ съ германизмомъ, чѣмъ держать ее въ насильственномъ съ собою союзѣ.

Больше тѣмъ когда-либо должна трудиться общественная мысль надъ Польско-Русскою задачей, и поэтому больше тѣмъ когда-либо желателенъ просторъ мысли и слова въ этомъ великомъ, не только государственномъ, но и земскомъ дѣлѣ. Обиняки и оговорки только мутятъ ясность мысли и лишаютъ слово той строгости и честности, которыя такъ особенно необходимы въ международномъ спорѣ. Безъ этого простора, общественному сознанію долго еще придется блуждать въ потемкахъ; мало того, по нашему убѣжденію, это условіе самое существенное и неизбѣжное, conditio sine qua non—для рѣшенія Польско-Русской задачи!

Общество уже не можетъ, какъ прежде, предаваться различнымъ самообольщеніямъ и пробавляться однимъ «патріотическимъ» возбужденіемъ духа, оставляя зарытыми Богомъ данные намъ таланты. Пора перестать, какъ это дѣлалось прежде, сваливать всю вину на одно правительство, возлагать отвѣтственность за все дурное на одно правительство и отъ одного правительства чаять спасенія! Правительство набираетъ своихъ дѣятелей изъ насъ же самихъ, изъ нашей общественной среды, и если эта общественная среда не въ состояніи сама выработать уваженіе къ свободѣ мнѣнія, къ достоинству и правамъ личности человѣческой и сознательно проникнуться началами Русской народности, —если эта общественная среда сама лѣнится умомъ и душою, жмурится отъ свѣта истины и затыкаетъ уши, чтобы не слышать горькаго слова правды, то она не воспитаетъ, не дастъ странѣ способныхъ и доблестныхъ дѣятелей. Общество должно наконецъ сознать лежащую на немъ историческую повинность и нести ее съ полною гражданскою добросовѣстностью. Въ чемъ же заключается эта повинность въ настоящую пору? Въ тщательномъ нравственномъ, такъ сказать, судебномъ слѣдствіи надъ нами самими, въ строгомъ распознаніи и неумолимомъ отверженіи всего гнилого, всякой мишурной, мнимо-могущественной, въ сущности гнилой силы...

И такъ пусть строится рать, сбирается казна и куется оружіе,—Россіи нужно еще другое оружіе, другое богатство — подъемъ очищеннаго духа, подвигъ свободной мысли, вѣдѣніе и видѣніе всѣхъ своихъ общественныхъ грѣховъ и пороковъ, твердая рѣшимость возродиться къ правдѣ и истинѣ. Напрасно бы стали малодушные «патріоты» заглушать ея слухъ, ублажать совѣсть и возбуждать ее къ бодрости духа —хвалебными пѣснями, возгласами, тщательною утайкою нашихъ язвинъ и пятенъ! Напрасно бы стали они налагать молчаніе на уста обличителей, правыхъ и неправыхъ, съ тѣмъ, чтобы оградить Русскую мысль отъ сомнѣнія и сердце отъ смуты!.. Такое малодушіе должно быть чуждо Россіи. Ей прилично мужество исповѣди. И именно теперь, въ чаяніи войны, потребна такая исповѣдь для Россіи, какъ бы ни нарушала она самодовольный покой близорукаго «патріотизма»! Прислушавшись къ внутреннему суду своей общественной совѣсти,—мы должны опереться на новыя крѣпкія силы, которыя обрѣсти можемъ мы только тогда, когда всѣмъ сердцемъ и всѣми способностями своими пожелаемъ и поищемъ истины.

А всѣмъ ли сердцемъ, всѣми ли способностями своими домогается истины Россія?..

Какъ ни драгоцѣненъ даръ жизни и достоянія, который съ такою великодушною готовностью несетъ Россія, мы можемъ сказать ей словами поэта:

...Твой скуденъ даръ.—Есть даръ безцѣнный,
Даръ нужный Богу твоему:
Ты съ нимъ явись и, примиренный,
Я всѣ дары твои приму...

Нужно признаніе правъ человѣческой и народной личности, нуженъ почтительный просторъ дѣятельности мысли и слова, нужна вѣра въ силу истины, любовь и уваженіе къ свободѣ жизни и человѣческаго духа!..

По поводу дипломатическаго вмѣшательства Европы въ Польскій вопросъ.

Москва, 13-го іюля 1863 г.

«Россія негодуетъ, Россія оскорблена!».. Такъ начинался проектъ адреса, написанный нами, по просьбѣ дворянъ одной губерніи, вслѣдъ за прочтеніемъ первыхъ нотъ Англіи, Франціи и Австріи. И дѣйствительно, негодованіе было всеобщее,—и только одна газета рѣшалась идти «наперекоръ патріотическому чувству общества», чистосердечно объявляя, что ей—ничего! что она съ своей стороны не ощущаетъ ни малѣйшаго оскорбленія, что вѣдь *такъ* изволитъ говорить съ нами не кто другой, какъ *сама* Европа, а нельзя и смѣть предположить, чтобъ такая благовоспитанная особа, какъ Европа, «шедшая путемъ долгаго опыта къ сознанію политическаго приличія», унизилась до оскорбленія своей послушной ученицы—Россіи.

Но Россія, и не спрашиваясь у Европы позволенія оскорбиться,—вся, всѣми нервами своего организма, почувствовала обиду и поспѣшила заявить передъ Государемъ, что она — обижена, что она готова, вся, какъ одинъ человѣкъ, постоять за свою честь, за свою власть, за свое единство!

Вновь оскорблена Россія, и на этотъ разъ оскорбленіе тѣмъ сильнѣе, что депеши иностранныхъ державъ не ограничиваются одними общими мѣстами, а формулируютъ предложенія, которыхъ безцеремонность почти не имѣетъ, говоря дипломатическимъ языкомъ, «прецедентовъ» (то-есть предшествовавшихъ примѣровъ) въ исторіи. Оскорбленіе это тѣмъ чувствительнѣе для Россіи, что въ промежутокъ времени между первыми и вторыми нотами раздался громкій—такъ казалось намъ, можетъ быть съ непривычки—голосъ Русскаго народа, голосъ, способный внушить, такъ думали мы, страхъ и уваженіе. Но Европа не вняла ему, не повѣрила, не признала адресовъ за выраженіе народнаго чувства! Слишкомъ ново и странно было для нея проявленіе Русскаго народнаго участія въ дѣлахъ государства. Европа продолжаетъ отрицать въ дѣйствіяхъ Русскаго правительства присутствіе Русской народной мысли и воли, продолжаетъ считать Русскій народъ безгласною массою, и въ слѣпомъ самообольщеніи — смѣется и дразнитъ, какъ дразнятъ звѣря, попавшаго въ тенеты! Но дипломатическими тенетами, такъ много отнявшими у насъ свободы дѣйствій въ началѣ прошлой Восточной войны, едва ли удастся снова опутать могущество нашей *новой* народной силы.

Депеши лорда Росселя, Друена де-Люи и графа Рехберга — предъ глазами читателей. Онѣ почти тождественны и сводятся къ тремъ требованіямъ, болѣе или менѣе ясно выраженнымъ: къ требованію — перемирія Россіи съ повстанцами и тайнымъ «Польскимъ національнымъ правительствомъ», т.-е. съ вертепомъ потаенныхъ убійцъ и шайками вѣшателей; къ требованію конференціи; къ требованію признанія за основу переговоровъ—шести пунктовъ, изложенныхъ во всѣхъ трехъ депешахъ почти въ одинаковой формѣ. Въ этихъ шести пунктахъ Западныя державы преподаютъ намъ подробныя наставленія—какъ устроить управленіе въ Польшѣ. Первый пунктъ — амнистія полная и всеобщая; второй — національное представительство съ участіемъ законодательнымъ и съ правомъ контроля; третій — замѣщеніе должностей въ Польшѣ Поляками; четвертый — отмѣна всякихъ ограниченій, наложенныхъ на католическое вѣроисповѣданіе; пятый—признаніе Польскаго языка оффиціальнымъ, языкомъ администраціи, суда и воспитанія; шестой — установленіе правильной системы рекрутскаго набора. Многіе изъ этихъ шести пунктовъ уже давнымъ-давно приведены въ исполненіе собственною иниціативою Россіи, но дѣло не въ пригодности или негодности этихъ пунктовъ: дѣло въ самомъ фактѣ предложенія намъ подобныхъ «совѣтовъ» *извнѣ*; дѣло — въ возможности — указывать Россіи, какъ именно, а не иначе, ей слѣдуетъ управлять подвластными ей областями; въ возможности читать ей уроки и репримандь, чѣмъ въ особенности занимается Англійская депеша.— Но главное оскорбленіе заключается въ предложеніи перемирія съ Польскимъ несуществующимъ національнымъ правительствомъ, то-есть въ предложеніи—признать тайный комитетъ за національное правительство Польши и вести съ нимъ переговоры; наконецъ въ предложеніи созвать конференцію изъ Западныхъ державъ, которая бы разсудила нашу тяжбу съ Польшей, эту тяжбу, гдѣ дѣло идетъ не о клочкѣ земли, а о жизни и смерти, этотъ

> Споръ Славянъ между собою,
> Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою...

Называть эти депеши миролюбивыми, какъ сдѣлали нѣкоторые наши и заграничные публицисты, можно только въ насмѣшку. Учтивость дипломатическихъ формъ въ этомъ случаѣ напоминаетъ извѣстное произведеніе канцелярскаго слога, именно рапортъ какого-то земскаго суда о нанесеніи постороннимъ посѣтителемъ предсѣдателю «оскорбленія... рукою не въ видѣ удара». — Какъ же отвѣчала Россія? Манифестомъ о рекрутскомъ наборѣ. Вотъ что мы признаемъ за ея настоящій, дѣйствительный, не дипломатическій отвѣтъ, вполнѣ достойный Россіи. Что касается до дипломатіи, то она, конечно, не можетъ и не должна отрываться отъ условій и преданій дипломатической формы, отъ соблюденія установленныхъ приличій и пріемовъ вѣжливости. Въ противномъ случаѣ—дипломатіи уже нѣтъ дѣла: ея роль сыграна и она уступаетъ мѣсто дѣйствію внѣшней силы, —но никогда сама не обращается въ грубую перебранку. Дошли ли наши отношенія до крайнихъ предѣловъ дипломатическаго разговора, это другой вопросъ, который предоставляемъ рѣшить самимъ читателямъ. Что касается до насъ, то въ нашемъ сознаніи этотъ вопросъ рѣшенъ—положительно.

Мы не станемъ истощаться въ усиліяхъ доказывать нашимъ читателямъ и Западной журналистикѣ отсутствіе логики и въ предложеніяхъ Европейскихъ державъ. Это было бы съ нашей стороны непростительною наивностью и простодушіемъ. О логикѣ Западныя державы вовсе и не заботятся, а Англія, съ самымъ оскорбительнымъ цинизмомъ, во всеуслышаніе всего міра и какъ бы предупреждая отвѣтъ Россіи, прямо объявляетъ, а отчасти даетъ разумѣть, что логика въ сношеніяхъ съ Россіею—это лишняя церемонія, что она сама понимаетъ всю невозможность своихъ предложеній, и тѣмъ не менѣе дѣлаетъ ихъ, потому что имѣетъ возможность, по своему географическому положенію, оскорблять Россію безнаказанно, что оскорбленіе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ неразумнѣе требованіе, что унизить Россію лишній разъ для нея очень выгодно, хотя бы ничего отъ того въ пользу Поляковъ и не вышло; наконецъ, что, вынудивъ Россію къ согласію на предложенія, она, кромѣ униженія Россіи, установляетъ на будущее время прецедентъ, дающій право держать Россію подъ постоянной совокупной опекой державъ, въ случаѣ же рѣшительнаго отказа Россіи на предложенія, она, Англія, можетъ даже вовсе уклониться отъ дѣятельнаго участія въ войнѣ, предоставляя всѣ тяготы ея Франціи, компрометированной въ своей чести и болѣе щекотливой въ дѣлѣ чести, чѣмъ Англія. Очевидно, что когда ноты Западныхъ державъ составлены въ этомъ смыслѣ и съ этою цѣлью, подробный анализъ ихъ дѣлается совершенно излишенъ. Мы считаемъ также совершенно напраснымъ трудомъ тщательно сличать и отыскивать то разнорѣчіе, какое встрѣчается въ трехъ депешахъ. Поймать на этомъ разнорѣчіи Западные кабинеты, такъ же какъ и на отсутствіи логики—намъ не удастся. Кабинеты могутъ объяснить, что разнорѣчіе допущено умышленно, съ тѣмъ чтобы отнять у трехъ нотъ характеръ безусловной тождественности, слишкомъ оскорбительный для Россіи, и что наконецъ это разнорѣчіе можетъ быть легко устранено посредствомъ конференціи. Однимъ словомъ—входить въ разборъ и опроверженіе предложеній западныхъ державъ значило бы предполагать въ нихъ какое-то добросовѣстное непониманіе дѣла, котораго мы никакъ допустить не въ правѣ. Мы, впрочемъ, могли бы отвѣчать Англіи, что самое лучшее наставленіе ея—заключается не въ дипломатическихъ фразахъ, а въ живомъ практическомъ примѣрѣ, преподанномъ ею въ Индіи; что же касается до Австріи, то ея предложенія даютъ намъ полное основаніе обратиться къ ней съ таковыми же предложеніями относительно славянскихъ ея земель. Австрія совѣтуетъ намъ признать языкъ Польскій оффиціальнымъ, языкомъ администраціи, суда и воспитанія (хотя она не можетъ не знать, что не только теперь, но даже и при покойномъ Императорѣ Николаѣ Польскій языкъ не переставалъ быть языкомъ оффиціальнымъ). Мы могли бы ее спросить: почему же она не признаетъ въ Чехіи языкъ Чешскій единственнымъ оффиціальнымъ языкомъ, исключительнымъ языкомъ не только суда, но и воспитанія? Почему же не даетъ она такое же оффиціальное значеніе языку Русскому въ Галиціи, языку 3 милліоновъ кореннаго населенія? Мы могли бы пойти и дальше. Мы готовы были бы, пожалуй, признать за Австріей право вмѣшательства въ дѣла Польши съ тѣмъ, чтобъ и она признала за нами право вмѣшательства въ дѣла сосѣднихъ намъ или близкихъ отъ нашихъ границъ Австрійскихъ областей Галиціи, Буковины, Чехіи, Венгріи.

Европа уже успѣла послѣ Восточной войны связать намъ руки для дѣйствія въ Турецко-Славянскомъ вопросѣ, поставивъ каждый шагъ нашъ въ Турціи подъ опеку и контроль пяти Европейскихъ державъ. Точно того же добивается она и относительно Польши, преграждая пути нашему воздѣйствію на Славянъ Западной Европы. Турція и Польша должны сослужить ей одинаковую службу—въ ослабленіи единой въ мірѣ Славянской державы, въ угнетеніи Славянскихъ племенъ Европейскаго Востока и Запада. Унія на Востокѣ, унія на Западѣ, Латинская пропаганда въ Турціи, политическая пропаганда Латинскихъ ксендзовъ въ Польшѣ, наконецъ торжественное объявленіе Нѣмцевъ на Австрійскомъ сеймѣ, что они сочувствуютъ Польшѣ, *какъ оплоту* европеизма противъ развитія и усиленія Славянской стихіи,—все это освѣщаетъ современный Польскій вопросъ яркимъ историческимъ свѣтомъ, при которомъ смыслъ предстоящей борьбы становится до очевидности ясенъ. Это борьба всего Славянскаго міра съ міромъ Латино-Германскимъ. Единая, истинная представительница Славянства, сосредоточившая въ себѣ всю его духовную и матеріальную мощь, Россія останется вѣрна своему призванію и приметъ надменный вызовъ Европы. Уступить—въ настоящемъ случаѣ значило бы посягнуть на свое политическое бытіе, добровольно отречься отъ наложеннаго на насъ великаго историческаго подвига. И тѣ изъ Славянъ, которые въ готовящемся кровавомъ спорѣ станутъ, хотя бы только сочувствіемъ, на сторону Польши, этого западно-Европейскаго авангарда, этой передовой дружины Латинскихъ и Германскихъ племенъ,—тѣ изъ Славянъ не Славяне, недостойны быть Славянами и будутъ исключены изъ участія въ общемъ Славянскомъ наслѣдствѣ. Говоримъ это въ особенности имѣя въ виду нашихъ братьевъ—западныхъ Славянъ, къ несчастію, болѣе или менѣе уже окалѣченныхъ латинствомъ.

Борьба съ Европой неминуема и неизбѣжна, хотя бы въ нынѣшнемъ году и не началось никакихъ военныхъ дѣйствій. Вопросъ Польскій можетъ быть разрѣшенъ только побѣдою нашею надъ Европейскимъ Западомъ, такого рода побѣдою, которая бы устранила Европу отъ всякаго вмѣшательства въ наше Славянское дѣло и дала бы новую жизнь Славянству. Но для того, чтобы одержать такую побѣду истины надъ ложью, недостаточно матеріальной силы, недостаточно храбрости войскъ и самопожертвованія: нужно быть вѣрнымъ Славянству, для этой борьбы съ врагами Славянства, нужно быть вполнѣ народнымъ для совершенія подвига, къ которому призвана Русская народность; нужно явиться *какъ* Русскій народъ, нужно быть *достойнымъ* побѣды...

По поводу письма Ригера о польскомъ вопросѣ.

Москва, 13-го іюля 1863 года.

Нельзя не радоваться, что лучшіе и достойнѣйшіе представители Чешской мысли высказались наконецъ по вопросу такой великой всеславянской важности, каковъ вопросъ Польскій. Читатели наши прочли въ 24 № «Дня» отзывъ знаменитаго историка Чехіи Палацкаго; передъ ними теперь мнѣ-

ніе тоже знаменитаго Ригера, въ видѣ письма къ редактору «Народныхъ Листовъ», по поводу посланія къ Ригеру г. Гильфердинга. Статья Палацкаго обличаетъ мужа — умудреннаго и собственнымъ опытомъ жизни и опытомъ исторіи, имъ глубоко изученной, прочувствованной и промысленной; его положенія тверды: его слово, при всей скромности рѣчи, авторитетно. Г. Ригеръ опирается въ своей статьѣ больше на общечеловѣческія начала правды и старается въ нихъ найти *отвѣтъ—вопросу*, заданному и еще не разрѣшенному исторіей. Его слова дышатъ искреннимъ миротворнымъ духомъ и возвышенною любовью ко всему Славянскому братству; горячій поборникъ свободы, равноправности и взаимности, онъ отыскиваетъ пути къ примиренію,—но добросовѣстность и безпристрастіе не позволяютъ ему останавливаться на ходячихъ, общепринятыхъ въ Европѣ способахъ разрѣшенія, и онъ оканчиваетъ указаніемъ—на путь, предлагаемый Фелинскимъ, путь, который уже былъ отчасти пробованъ, который отвергается возставшими Поляками и въ дѣйствительность котораго самъ г. Ригеръ не вѣритъ, невольно восклицая подъ конецъ своего указанія: «но возможно ли это при тяжбѣ за Малорусскіе края?»

Отдавая полную справедливость благороднымъ побужденіямъ автора «письма въ редакцію «Народныхъ Листовъ», мы, Русскіе, не можемъ однакоже воздержаться отъ нѣкотораго горькаго чувства, убѣждаясь вновь и вновь, даже изъ этого письма, какъ мало знаютъ Западные Славяне Россію, какъ мало понимаютъ и цѣнятъ они значеніе и призваніе Россіи въ семьѣ Славянскихъ народовъ, и вообще самую сущность не только Польскаго, но и вообще Славянскаго вопроса. Мы должны прибавить къ тому, что Ригеръ и Палацкій едва ли не единственные Чехи, принадлежащіе къ интеллигенціи края, которые стараются удержаться въ безпристрастномъ отношеніи къ Россіи: этимъ своимъ безпристрастіемъ они уже возбудили противъ себя такъ-называемую молодую Чехію, овладѣвшую теперь общественнымъ мнѣніемъ края чрезъ посредство всякаго рода газетъ и журналовъ. Несмотря на извѣстный, испытанный патріотизмъ Палацкаго и Ригера, несмотря на огромныя заслуги, оказанныя ими Чешскому народу, Чешская молодежь, поддавшись Польскому вліянію, увлеченная фальшивымъ либерализмомъ, не слушаетъ увѣщаній лучшихъ людей Чехіи и продолжаетъ свои упражненія въ лжи и клеветѣ, — подъ руководствомъ ловкихъ учителей, патентованныхъ мастеровъ этого дѣла — Поляковъ. Такъ мало оказывается, напримѣръ, должнаго уваженія доктору Ригеру, что редакторъ «Народныхъ Листовъ», помѣщая у себя письмо г. Гильфердинга по просьбѣ Ригера, постарался помѣстить его такъ, какъ не позволила бы себѣ этого сдѣлать ни одна честная редакція въ мірѣ: самопроизвольно опуская многія мѣста, онъ остальное перебилъ своимъ собственнымъ пространнымъ пустословіемъ и напечаталъ текстъ г. Гильфердинга самымъ мелкимъ шрифтомъ, а свои разсужденія крупнымъ; наконецъ, растянулъ все это на нѣсколько нумеровъ, такъ что читатель лишенъ всякой возможности составить себѣ полное понятіе о статьѣ г. Гильфердинга. Такой поступокъ съ иностранцемъ, т. е. Славяниномъ не-Чехомъ, который, посылая свое дружелюбное письмо къ г. Ригеру, имѣлъ полное право надѣяться, что письмо его не будетъ подвергнуто искаженіямъ въ Чешской печати, и что, помѣщая свои возраженія и нападки на письмо, Чехи предоставятъ честно

своему противнику всѣ средства къ защитѣ, — такой поступокъ, компрометируя самого г. Ригера, дастъ жалкое понятіе Россіи о нравственномъ характерѣ господствующаго въ Чехіи направленія. Впрочемъ—сочувствіе и сближеніе съ Поляками не замедлитъ обнаружиться горькими плодами для Чешскаго общества. Поляки вознаградятъ Чеховъ за участіе—пропитавъ ихъ такою антиславянской Польской отравой, которая можетъ погубить на вѣки только-что возраждающійся организмъ Чешскаго народнаго тѣла. Духовное сближеніе Славянъ съ Поляками и отдаленіе отъ Россіи—служатъ самою надежною мѣрой для опредѣленія качества и силы Славянскаго духа, пребывающаго въ Славянахъ. И Палацкій, и Ригеръ убѣдятся со временемъ въ истинѣ этихъ словъ,—но, можетъ быть, тогда уже будетъ поздно.

Обращаясь затѣмъ къ статьѣ г. Ригера, мы прежде всего поражаемся его ссылкою на авторитетъ Маріи Терезіи при сужденіи о раздѣлахъ Польши и словами объ «Австрійской точкѣ зрѣнія, которую Чехамъ, какъ членамъ Австрійскаго государства, и благоразумно, и нужно соблюдать». Что же это за Австрійская точка зрѣнія? спросятъ читатели. Да ни больше, ни меньше какъ та, которая опредѣлена была въ первыхъ же засѣданіяхъ Австрійскаго рейхсрата, нынѣшнимъ лѣтомъ, во время преній объ адресѣ императору съ выраженіемъ сочувствія его политикѣ въ Польскомъ вопросѣ. Депутатъ Нѣмецъ Бергеръ торжественно объявилъ: «Австрія должна, вмѣстѣ съ Западной Европой, поддерживать Польшу, *потому* что Поляки суть самый вѣрный оплотъ противъ панславизма, столь опаснаго для Германіи, и самое надежное орудіе европеизма»; при этомъ Нѣмецъ выразилъ очень энергически свое отвращеніе къ Славянамъ и сдѣлалъ на отсутствующихъ Чеховъ публичный доносъ, объяснивъ ихъ отсутствіе Славянскими тенденціями, сочувствіемъ «Россіи» и «царизму». Эта точка зрѣнія была вполнѣ одобрена Собраніемъ и не встрѣтила возраженія со стороны членовъ изъ Поляковъ.

Послѣ такого точнаго опредѣленія мѣста Поляковъ въ исторіи, принимаемаго и самими Поляками, не перестающими хвастаться, что они — le boulevard de l'Occident, l'avant-garde de l'Europe и пр. — позволительно ли хоть одному Славянину, въ комъ есть хотя тѣнь Славянскаго смысла и чувства, становиться на сторону Польши въ ея борьбѣ съ Россіей? Не очевидно ли для всякаго, что сочувствіе Польскимъ тенденціямъ, *поддерживаемымъ* Западною Европою, есть сочувствіе анти-Славянскимъ тенденціямъ? Поляки сзываютъ всю Западную Европу на главнѣйшее Славянское племя, на единственную существующую въ мірѣ Славянскую державу,—съ паденіемъ которой погибло бы все Славянство, — а Западные Славяне—Чехи спѣшатъ стать подъ анти-Славянское знамя (въ переносномъ или буквальномъ смыслѣ, это все равно)!! И г. Ригеръ даже и не возвышаетъ голоса противъ такого самоубійственнаго для Чеховъ стремленія, но старается извинить его... Чѣмъ?

Любовью къ свободѣ, сочувствіемъ къ слабымъ, романтическимъ очарованіемъ борьбы, увлеченіемъ, свойственнымъ всякому шляхетнѣйшему (благородному) человѣку, «въ комъ есть хоть капля *рыцарской* крови»... Рыцарской! Это слово вполнѣ разъясняетъ дѣло. Мы, Русскіе Славяне, не гордимся рыцарской кровью; мы, по выраженію Хомякова, плебеи человѣ-

чества; мы предоставляли Нѣмцамъ, а теперь предоставляемъ и Чехамъ считать «рыцарство» за идеалъ нравственной правды. Поляки тоже вполнѣ рыцарская нація... Что же такое рыцарство въ нравственномъ смыслѣ? Это красивое употребленіе грубой силы по самымъ узкимъ, условнымъ понятіямъ о чести, вмѣстѣ съ грубѣйшимъ презрѣніемъ къ простому народу. Благородный рыцарь не признавалъ за простымъ народомъ никакихъ правъ на самостоятельное гражданское и даже на человѣческое бытіе, и не считалъ несовмѣстнымъ съ своими рыцарскими понятіями о чести—вѣшать, грабить и безчестить вассаловъ и вилланей. Рыцарская нація Поляковъ совершенно *по-рыцарски* поступала и поступаетъ въ Малороссіи и Бѣлоруссіи, признавая простой народъ за bydlo, отрицая за нимъ право на Русскую народность и, подобно рыцарямъ, тѣшась казнями и всякими затѣйливыми мученіями Малорусскихъ и Бѣлорусскихъ крестьянъ. А рыцарская нація Чеховъ, разумѣется, не можетъ не сочувствовать такимъ рыцарскимъ воззрѣніямъ и дѣйствіямъ. Она не хочетъ и, какъ «рыцарская», не можетъ понять, что въ этомъ «геройскомъ боѣ за свободу»—за свободу собственно, за свободу свою противъ Поляковъ, поддерживаемыхъ всѣми рыцарями Европы, борется не рыцарь народъ,—Русскій народъ, испытавшій на себѣ Польское рыцарское владычество; что «слабые» въ этой борьбѣ—это бѣдные крестьяне, которыхъ родная земля захвачена рыцарями-Поляками! Ну, конечно, «романтическаго» въ мужикѣ нѣтъ ничего, какъ не было его и въ вилленяхъ,—какъ не было его и въ Жижковомъ войскѣ съ точки зрѣнія Нѣмецкихъ рыцарей... Нѣтъ, мы, Русскіе, не рыцари, мы самъ народъ, мы—Plebs!

Разумѣется, докторъ Ригеръ вовсе не принималъ самъ эту рыцарскую точку зрѣнія, но онъ, по нашему мнѣнію, слишкомъ увлекся желаніемъ оправдать ничѣмъ неизвинительныя для истинныхъ Славянъ увлеченія Чешской молодежи. Самъ же г. Ригеръ ищетъ стать и становится на Славянскую, по его мнѣнію, точку зрѣнія, съ которой и обсуживаетъ, вполнѣ добросовѣстно, положеніе дѣла. Но мы не можемъ не замѣтить многоуважаемому Чеху, что не видимъ—почему его точка зрѣнія Славянская, а не точка зрѣнія каждаго безпристрастнаго Нѣмца, или даже Турка. Намъ кажется, что докторъ Ригеръ взглянулъ на борьбу между Русскими и Поляками чисто *внѣшнимъ* образомъ. Борются два Славянскіе народа, наносятъ другъ другу удары, говоритъ онъ; обоихъ жаль; Поляки предъявляютъ права на Русскія земли, принадлежавшія нѣкогда Польскому государству; Русскіе возвратили себѣ эти земли; Поляки основываютъ свои права на томъ, что дворянство въ этихъ земляхъ окатоличилось и ополячилось; Русскіе на томъ, что народъ въ этихъ земляхъ одной съ ними вѣры, происхожденія и языка... Какъ тутъ быть? Очевидно, что такая точка зрѣнія доступна и не-Славянину, но мы въ правѣ ожидать отъ ученаго Чеха болѣе глубокаго разумѣнія вопроса. Если бы г. Ригеръ вникъ внимательнѣе въ письмо г. Гильфердинга и въ различныя его статьи; если бы онъ вдумался, всмотрѣлся въ исторію Польши; если бы онъ припомнилъ событія своей собственной исторіи и оживилъ бы въ себѣ преданія Гуситства, онъ понялъ бы настоящій смыслъ борьбы Россіи съ Польшей. Титулъ, которымъ украсилъ Австрійскій депутатъ Нѣмецъ Бергеръ—Поляковъ нашего времени, т. е. титулъ «враговъ Славянства и бойцовъ за европеизмъ», шелъ къ

нимъ во всѣ времена. Это все та же борьба Латинства съ Православіемъ, которая сказалась и въ ожесточенной борьбѣ Поляковъ съ Гуситами, — борьбѣ, окончившейся окончательнымъ облатиненьемъ (латинизаціей) и паденіемъ Чехіи... Это борьба не за матеріальное обладаніе землею, а за духовную независимость Русскаго народа отъ Латинства (понимаемаго въ самомъ широкомъ смыслѣ), котораго воинственными миссіонерами являются въ Славянствѣ Поляки. Будь Поляки православные, прими они Православіе (говоримъ это для примѣра,—обладаніе землею осталось бы за ними безъ всякаго спора и борьбѣ не было бы мѣста. Неужели г. Ригеръ не знаетъ, что въ этихъ спорныхъ краяхъ — національность различается не по происхожденію, а по религіи: Бѣлоруссъ-католикъ — Полякъ и самъ себя называетъ и разумѣетъ Полякомъ, причастнымъ всѣмъ тенденціямъ Польши; его родной братъ Бѣлоруссъ-православный — Русскій, называетъ и считаетъ себя Русскимъ, для котораго одно общее отечество—Россія. Все это вполнѣ разъяснено въ нашихъ журналахъ, хотя бы въ «Днѣ», и мы не можемъ не посѣтовать на г. Ригера, что, несмотря на предстоящую громаднѣйшую борьбу Славянской Россіи съ цѣлой Европой, онъ не даетъ себѣ труда выслушать голосъ самой Россіи въ ея литературныхъ органахъ, тогда какъ кругомъ его только и раздаются голоса, враждебные Россіи. Рекомендуемъ ему, между прочимъ, статьи г. Безсонова въ 24—27 №№ «Дня». Если бы Чехи вообще поменѣе гордились своею Чешскою культурой, не такъ свысока смотрѣли на Русское просвѣщеніе, и сдѣлали Русскую ученую литературу предметомъ своего изученія, они бы, можетъ быть, перестали понимать Славянство чисто съ внѣшней, политической его стороны и поняли бы духовную сущность Славянскаго вопроса. Они поняли бы, что борьба Россіи съ Польшей—это борьба двухъ міровъ—Западно-Европейскаго и Восточно-Славянскаго, двухъ цивилизацій, двухъ просвѣтительныхъ и общественныхъ началъ жизни, Латинства съ Православіемъ.

Отыскивая разрѣшенія вопросу съ той точки зрѣнія, которую достопочтенный докторъ назвалъ Славянскою, онъ естественно приходитъ къ сознанію «Малороссійскаго вопроса». Прежде всего позволимъ себѣ замѣтить многоуважаемому г. Ригеру, что онъ совершенно забылъ о *Бѣлоруссіи*, гдѣ именно и совершается самая ожесточенная борьба,—о губерніяхъ Могилевской, Витебской, Минской, Виленской, Гродненской, — гдѣ народъ, послѣ пятивѣковаго Польскаго гнета, въ первый разъ въ нынѣшнемъ году явился на арену исторіи историческимъ дѣятелемъ. Бѣлорусское же племя, по свидѣтельству самыхъ отчаянныхъ украинофиловъ, еще ближе къ Великорусскому по языку и быту, чѣмъ Малорусское. Затѣмъ, объемъ его «Малороссійскаго вопроса» или «спорныхъ Малорусскихъ земель» долженъ еще значительно сократиться исключеніемъ всей Украйны лѣваго берега Днѣпра, на которую даже Поляки, мечтающіе о возсозданіи Старой Польши, не предъявляютъ уже никакихъ притязаній, ибо споръ объ этихъ земляхъ поконченъ еще въ XVII вѣкѣ. Такимъ образомъ изъ 15 милліоновъ Малороссовъ остается всего около $3^1/_2$ мил., обитающихъ въ Кіевской, Подольской, Волынской (а частію и Гродненской) губерніяхъ, словомъ въ предѣлахъ Польши, существовавшихъ до 1772 года (крайняя грань Польскихъ притязаній). Наконецъ, мы должны объявить знаменитому Славянскому дѣятелю, что Малороссійскаго вопроса для Малороссіи вовсе и не суще-

ствуетъ. Съ точки зрѣнія г. Ригера такой вопросъ могъ бы еще возникнуть въ Бѣлоруссіи, но не въ Малороссіи или, правильнѣе, Червоноруссіи, гдѣ отношеніе жителей къ Полякамъ извѣстно всякому, имѣющему уши, чтобъ слышать, и глаза, чтобъ видѣть. Да и самъ г. Ригеръ говоритъ о ненависти религіозной и соціальной, одушевляющей «Малороссовъ» къ Полякамъ: какъ же послѣ этого можетъ онъ ставить Малороссійскій вопросъ?—Спрашивать Малороссовъ о томъ: хотятъ ли они быть подъ Польшей, въ этомъ столько же смысла, сколько въ спрашиваніи Москвы, хочетъ ли она подчиниться Польшѣ, или Россіи—не хочетъ ли она перестать быть Россіей! Впрочемъ, *отвѣтъ* на вопросъ г. Ригера уже данъ Заднѣпровскою Украйной: попытки Поляковъ произвесть возстаніе въ краѣ подняли все крестьянское населеніе, которое въ двѣ недѣли очистило край отъ повстанцевъ, и если бы правительство не прибѣгло къ строгимъ мѣрамъ, то, конечно, крестьяне не оставили бы *ни одного Поляка* въ томъ краѣ. Едва ли, впрочемъ, можно будетъ сдержать негодованіе народа въ границахъ, если безумныя попытки Поляковъ возобновятся.

Но Малорусскаго вопроса не существуетъ уже и потому, что этотъ вопросъ обще-Русскій, земскій, народный, вопросъ всей Русской земли, столь же близкій жителю Пензы, какъ и жителю Волыни. Заднѣпровская Украйна и Бѣлоруссія—не завоеванный край, о которомъ можно спорить, а часть живого тѣла Россіи: здѣсь нѣтъ мѣста ни вопросу, ни спору. Часть Русскаго тѣла была связана и перевязана Польшей; узы эти расторгнуты и Русская земля получила вновь обладаніе *своими* собственными членами. Конечно, нѣкоторые изъ этихъ членовъ заражены Польской болѣзнью — Латинствомъ и шляхетствомъ, но это еще не даетъ права Польшѣ считать члены чужого тѣла своими!

И такъ, вопросъ сводится къ тому, что Поляки хотятъ часть Россіи лишить Русской народности и вѣры, окатоличить и ополячить; хотятъ сломить единственную опору Славянства, независимую и могущественную державу Славянскую, не поддавшуюся Латинству и оставшуюся вѣрною Славянскимъ преданіямъ,—Россію. Во главѣ Польскаго возстанія стоятъ Латинскіе ксендзы. Польское возстаніе привѣтствуется Романо-Германскимъ міромъ, какъ ударъ, наносимый Славянству; Поляки рекомендуются Австріей и сами себя рекомендуютъ, заискивая милости у Европейскихъ дворовъ, какъ оплотъ Европеизма отъ Славянизма, какъ передовая дружина *не*-Славянскаго Запада, какъ враги Славянъ, что̀ доказывается ихъ исторіей и современными дѣйствіями въ Турціи... Неужели и въ Чехіи Латинство успѣло уже пустить такіе глубокіе корни, что Чехи принадлежатъ теперь духовно — вполнѣ Латино-Германскому міру и смотрятъ на Польскій вопросъ глазами Запада?..

Россія, при раздѣлахъ Польши, взяла себѣ не-Польскія земли, а— кромѣ Литвы—собственно Русь Бѣлую и часть Заднѣпровской Малой Руси. Пусть г. Ригеръ взглянетъ хоть на карту, приложенную для Славянъ къ 28 № «Дня», и онъ убѣдится въ справедливости нашихъ словъ. Въ 1815 году она первая *воскресила* имя Польши, создавъ Польское Царство, за что̀ Императоръ Александръ I прозванъ былъ у Поляковъ *воскресителемъ*. Но если воскрешенная Польша иначе не разумѣетъ своего возрожденія, какъ подъ условіемъ раздробленія Россіи и захвата Русскихъ земель, что̀ остается

дѣлать Россіи? Что дѣлать съ неисправимымъ опаснымъ безумцемъ, нарушающимъ покой мирныхъ жителей? Что дѣлать съ человѣкомъ, одержимымъ неизлѣчимою наклонностью къ захвату чужого добра? Отвѣта не нужно подсказывать. Возрожденіе Польши въ предѣлахъ Польской народности, въ какой бы то ни было политической формѣ, возможно только съ исправленіемъ Поляковъ отъ страсти къ захватамъ, съ излѣченіемъ ихъ отъ политическаго безумія, съ отреченіемъ отъ призванія быть миссіонерами Латинства и передовой дружиной Запада, съ утратою *рыцарскаго* шляхетскаго отношенія къ народу, съ возвращеніемъ ихъ въ лоно Славянства...

По поводу нотъ князя Горчакова.

Москва, 20-го іюля 1863 г.

Война или миръ? На этотъ вопросъ, поставленный нами въ концѣ послѣдней передовой статьи, еще нѣтъ отвѣта. Европа смущена, и чѣмъ бы ни разрѣшилось это смущеніе, Россія, какъ кажется, одержала положительную *дипломатическую* побѣду. То нравственное давленіе, которымъ соединенная или коллективная воля Западныхъ державъ надѣялась подѣйствовать на Россію, оказалось безсильнымъ; авторитету Европы, въ который она сама такъ безусловно увѣровала, не удалось на этотъ разъ подчинить себѣ Россію, и Европа, озадаченная такою дерзостью, еще недоумѣваетъ—какъ выдти изъ неловкаго положенія: обидѣться ли и требовать удовлетворенія, или не обижаться и какъ-нибудь замять дѣло? Впрочемъ всего труднѣе положеніе Франціи, впутавшейся въ дѣло сильнѣе другихъ, Франціи, особенно Наполеоновской, для которой, какъ для «героической націи», сочувствіе съ «героической націей» Поляковъ имѣетъ характеръ обязательнаго преданія, составляетъ нѣкотораго рода историческую повинность. Скажемъ мимоходомъ, что, поставивъ въ значкахъ слова героическая нація, мы вовсе относимся не иронически къ дѣйствительному героизму, проявляемому Поляками въ этой безумной, отчаянно-дерзкой борьбѣ за независимость Польши противъ государства въ десять разъ сильнѣйшаго,—но, съ Русской точки зрѣнія, этотъ героизмъ былъ бы несравненно выше и нравственнѣе (хотя бы истекалъ изъ ложно понятаго патріотизма), если бы не гонялся за театральною красивостью, не рисовался и не воздавалъ самъ себѣ хвалы и громкихъ именованій, превращающихся немедленно въ стереотипные невыносимо-пошлые эпитеты. Конечно, пошлы они только для Русскаго человѣка, очень чуткаго ко всякой лжи, кривдѣ, неискренности рѣчи, ненавидящаго все ходульное и заученное, — хотя, впрочемъ, теперь и наши Россійскіе «патріоты» изо всѣхъ силъ бьются, чтобы и намъ обзавестись костюмами, декораціями и вообще сценическими принадлежностями «патріотизма». На Западѣ же театральная красивость есть дѣйствительная сила, играетъ огромную роль и заслоняетъ нерѣдко пустоту содержанія, а красивый героизмъ — упраздняетъ необходимость смысла, знанія, человѣколюбія и вообще нравственныхъ побужденій и пра-

вилъ: онъ соблазнителенъ, и власть этого соблазна такъ велика, что молодые люди и женщины покоряются ей почти безъ противорѣчія и критики. При этомъ обаяніи, производимомъ «героизмомъ» Польши на общественное мнѣніе Франціи, едва ли возможно будетъ ея императору ограничиться однимъ дипломатическимъ вмѣшательствомъ въ Польское дѣло, — да и то неудачнымъ!... Австрія, какъ извѣстно, поспѣшила уже заявить, что она ни на шагъ не отступитъ отъ политики своихъ новыхъ союзниковъ и не пойдетъ, отдѣльно отъ нихъ, на конференцію съ Россіей. Она очевидно дѣйствуетъ противъ собственныхъ своихъ интересовъ, отказываясь скрѣпить солидарность, къ несчастію такъ долго связывавшую насъ съ нею. Тѣмъ лучше: *честь предложена, а отъ убытка Богъ избавилъ*. Теперь мы вольны дѣлать въ Польшѣ и съ Польшею, что̀ захотимъ, не справляясь объ Австрійскихъ интересахъ, не обязываясь соображаться съ выгодами и невыгодами Австрійской имперіи. Безъ всякаго сомнѣнія, мы ее больше на конференціи приглашать не станемъ. Событія очевидно выдвигаютъ нашу политику на другой путь, *не* Австрійскій, и если суждено быть войнѣ, то желательно, чтобъ Австрія на этотъ разъ никакъ отъ нея не увернулась и не приняла опять, какъ девять лѣтъ тому назадъ, то двусмысленное положеніе, которое для насъ было хуже войны. Война съ Австріей, дѣйствительная, настоящая,—небывалое явленіе въ нашей исторіи—была бы для насъ крещеніемъ въ новое политическое вѣроисповѣданіе, вмѣстѣ съ отреченіемъ отъ Австріи и всѣхъ дѣлъ ея. Къ несчастію, Поляки не видятъ, какъ благотворно было бы для нихъ, и для Славянскаго дѣла вообще, подобное отреченіе, какъ желательно было бы, чтобы Россія двинулась въ новый политическій путь, на которомъ бы она явилась представительницею Славянства. Они не понимаютъ, что вмѣшательство Запада только путаетъ вопросъ и разжигаетъ злобу двухъ братскихъ народовъ, что торжество Запада, доставивъ Польшѣ на первое время выгоды, въ сущности погубило бы ее, потому что подчинило бы ее окончательно Западу, оторвало бы ее навѣки отъ Славянскаго міра, сдѣлало бы ей изъ Россіи врага,—и такъ какъ это торжество Запада, могущество Наполеона и самая коалиція могутъ быть только временными,—отдало бы ее окончательно во власть германизму.—Если война будетъ, то будетъ она вовсе не за Польшу, хотя повидимому изъ-за Польши; не за то, что Россія отказывается будто бы улучшить положеніе Поляковъ, а за то, что Россія не можетъ подчинить рѣшеніе Польскаго вопроса суду Европейскихъ державъ и должна оградить неприкосновенность своихъ государственныхъ правъ, независимость своего политическаго бытія, самостоятельность своего народнаго, своего Славянскаго развитія. Если бы Россіи не было, или если бы Россія перестала быть Славянскою державой, Славяне должны были бы отказаться отъ всякой будущности въ исторіи. Вотъ что̀ должны бы понимать, но что̀ плохо понимаютъ Западные Славяне и вовсе не понимаютъ Поляки. Тѣмъ не менѣе, и для нихъ и для себя, обратимся вновь къ этой тяжелой задачѣ, предложенной намъ исторіей,—къ Польскому вопросу, всякое разъясненіе котораго намъ теперь необходимѣе, чѣмъ когда-либо, въ виду возможности войны, въ виду отвѣтственности предъ судомъ исторіи.

Мы, какъ и всѣ, придаемъ особенную важность тому рѣзкому разграниченію, которое установилъ князь Горчаковъ въ своихъ нотахъ между

Царствомъ Польскимъ и бывшими провинціями Польскаго государства. Въ самомъ дѣлѣ, это разграниченіе существуетъ не только въ общемъ незыблемомъ сознаніи всей Руси, не только въ области дипломатическаго права, но, какъ говорятъ Французы, въ самой природѣ вещей, какъ историческій и этнографическій фактъ. Литва, Бѣлая и Малая Русь никогда не были коренными Польскими землями; народонаселеніе ихъ составляло всегда отдѣльную отъ Польской народность, и—за исключеніемъ магнатовъ и шляхты, ополяченнаго и окатоличеннаго Русскаго и Литовскаго дворянства и небольшого числа выходцевъ изъ Польши—всегда оставалось, и остается до сихъ поръ, чуждо, болѣе чѣмъ чуждо—враждебно Польской стихіи. Напротивъ, Царство Польское, за исключеніемъ Холмской области, если бы исправить немного часть сѣверовосточной его границы и присоединить къ нему Познань и Западную Галицію, представило бы пространство, занятое почти вполнѣ чистымъ Польскимъ населеніемъ, равняющееся предѣламъ настоящей Польской народности. Нельзя не сознаться, что Екатерина поступила очень мудро, удовольствовавшись, при всѣхъ трехъ раздѣлахъ, только Литвою и коренною Русью, Бѣлою и Малой, — и нѣтъ сомнѣнія, что эти провинціи, особенно послѣднія двѣ, въ силу естественнаго историческаго тяготѣнія, возсоединились бы съ Россіею даже безъ участія въ раздѣлахъ Польши—Австріи и Пруссіи. Впослѣдствіи, при Александрѣ I, Россія спасла часть этихъ коренныхъ Польскихъ земель отъ онѣмеченія, создавъ Царство Польское изъ Варшавскаго герцогства, которое въ свою очередь было составлено Наполеономъ изъ неполныхъ Прусскихъ и Австрійскихъ долей Польскаго дѣлежа. Трудно сказать, что̀ было бы, если бы Русскій Государь удержалъ за Царствомъ Польскимъ размѣры Варшавскаго герцогства, все же превышавшіе размѣры «Конгрессовки» (какъ называютъ Поляки Царство, —утвержденное въ этомъ званіи Вѣнскимъ конгрессомъ), да сверхъ того присоединилъ бы къ нему и Галицію и остальную часть Польскихъ земель, захваченныхъ Пруссіею? Удовлетворились бы Поляки такою, *настоящею* Польшей, или нѣтъ? Во всякомъ случаѣ казалось бы всего естественнѣе Польскому народному честолюбію принять направленіе на Западъ, Сѣверо-Западъ и Юго-Западъ, стремиться къ возвращенію себѣ коренныхъ Польскихъ земель, подвергшихся гнету германизма, а не земель, принадлежавшихъ Польшѣ только на правѣ государственномъ, земель *не* Польскихъ, доставшихся Россіи. Но вышло однакоже иначе. Вслѣдствіе ли тѣхъ политическихъ видовъ Императора Александра I, о которыхъ говоритъ въ своихъ депешахъ князь Горчаковъ, вслѣдствіе ли нашей вѣрности Священному Союзу съ Австріей и Пруссіей и всегдашней рыцарской готовности отстаивать кровью интересы Германіи, вслѣдствіе ли слабости историческаго сознанія въ Россіи и совершеннаго отсутствія общественныхъ Русскихъ силъ въ Западномъ краѣ, вслѣдствіе ли другихъ историческихъ инстинктивныхъ побужденій,— какъ бы то ни было, но притязанія Польскія получили совершенно ошибочное, пагубное для Польши направленіе,— не съ Востока на Западъ, а съ Запада на Востокъ и Юго-Востокъ. Надобно сказать и то, что Россія, соблюдая строгую честность съ Нѣмцами, съ своей стороны нисколько не поощряла видовъ Польши на Австрійскія и Прусскія Польскія владѣнія, и не содѣйствовала къ освобожденію Польскаго Славянскаго племени изъ-подъ власти Германской. Напротивъ, отдача воль-

наго города Кракова Австріи, вопреки Вѣнскому трактату, еще болѣе укрѣпила солидарность интересовъ Россіи съ Австріей въ отношеніи къ Польшѣ, солидарность, которую, благодаря судьбѣ, Австрія теперь сама подрываетъ.

Какъ бы то ни было, но Россія, присоединивъ къ себѣ Польскія коренныя земли съ Польской столицей, присоединила къ себѣ не провинцію, въ родѣ или Литвы, Галиціи, или даже Познани, а *самую* Польшу, т. е. цѣлый народный самостоятельный организмъ, не заимствующій жизни извнѣ, какъ провинція отъ центра, но самъ изъ себя дающій жизнь и разносящій ее по окружности. При послѣднемъ раздѣлѣ въ 1795 году этотъ организмъ былъ пересѣченъ надвое: Варшава досталась Пруссіи, а въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нея начиналась уже Австрійская граница; затѣмъ Наполеонъ учрежденіемъ Варшавскаго герцогства подъ властію Саксонскаго курфирста, а еще болѣе Александръ I созданіемъ Царства Польскаго возстановили цѣльность этого организма настолько, насколько это было нужно ему для жизни, для его органическихъ отправленій.—Поэтому нѣтъ уже никакого основанія подводить жизнь этого самостоятельнаго организма подъ уровень жизни другого самостоятельнаго народнаго организма, хотя бы и Русскаго, вопреки патріотическому мнѣнію нѣкоторыхъ публицистовъ, которые бы желали навязать Польшѣ то особенное отношеніе Земли къ Государству, которое есть органическій продуктъ исключительно Русской народной жизни, Русской исторіи.

Россія, напротивъ, постоянно соблюдала то различіе, которое установляетъ и князь Горчаковъ въ своихъ нотахъ и которое основывается вовсе не на силѣ Вѣнскаго трактата, а на силѣ вещей. Польша не провинція, не можетъ быть сравниваема въ своемъ отношеніи къ намъ ни съ Галиціей въ отношеніи къ Австріи, ни съ Познанью въ ея отношеніи къ Пруссіи, и едва ли когда можетъ стать въ положеніе Познани и Галиціи, а еще менѣе—Русской губерніи. Иная система управленія прилагалась Россіей къ «Польшѣ», и это было вполнѣ справедливо. Бѣлая и Малая Русь, Волынь, Подолія связаны съ остальною Россіею не одними государственными, но живыми органическими узами, составляютъ одно цѣльное тѣло; что же касается Литвы собственно, то *безъ* Бѣлоруссіи и Бѣлорусскаго племени она не представляетъ никакого самостоятельнаго цѣлаго и, не будучи коренною Польшей, подлежитъ зависимости отъ соображеній чисто государственныхъ: подчиненіе ея Россіи есть историческій фактъ, упразднившій факты предшествовавшіе, и другихъ основаній своимъ на нее притязаніямъ, кромѣ историческаго же факта, не можетъ предъявить и Польша: здѣсь нѣтъ мѣста правамъ Польской *народности*. —Если съ какой-либо землей можно сравнивать Польшу въ Европѣ, такъ только съ Венгріей, съ тою разницей, что власть на послѣднюю Австріи основывается на добровольномъ союзѣ: тѣмъ не менѣе Австріи не удалось еще разрѣшить своего Венгерскаго вопроса, и Венгерскіе депутаты продолжаютъ блистать отсутствіемъ на Императорско-Королевскомъ Австрійскомъ сеймѣ, или точнѣе, рейхсратѣ (государственномъ совѣтѣ), на которомъ не достаетъ также и Хорватскихъ, а въ нынѣшнемъ году и многихъ Чешскихъ депутатовъ.

Рѣзкое разграниченіе между бывшими Польскими областями и Цар-

ствомъ Польскимъ, которое и правительство и вся Россія даже въ оффиціальномъ языкѣ именуютъ обыкновенно просто—«Польшей», должно лечь въ основу всѣхъ нашихъ отношеній къ этимъ краямъ. Въ Бѣлоруссіи, напримѣръ, мы у себя *дома*, въ Россіи, чувствуемъ и сознаемъ себя вполнѣ и по праву *хозяевами;* здѣсь, по преимуществу, должны дѣйствовать силы Русскаго общества, органическія силы Русской народности; здѣсь мы въ правѣ не терпѣть Польскаго духу, и не только въ правѣ, но положительно и несомнѣнно обязаны. Въ Царствѣ Польскомъ мы—въ *Польшѣ*, и едва ли найдется Русскій, который, побывавъ въ Царствѣ хотя мимоѣздомъ, не почувствовалъ бы себя *гостемъ*, пришельцемъ въ этой средѣ—сплошной, компактной, рѣзко опредѣленной, обособленной, чуждой ему народности, имѣющей свою совершенно отличную отъ нашей духовную и историческую жизнь, хотящей жить и предъявляющей право на жизнь. Между тѣмъ тотъ же Русскій возмущается всѣмъ существомъ своимъ, раздражается до ожесточенія, и совершенно законно, при малѣйшемъ признакѣ Польскихъ притязаній на Западный край Россіи. Нисколько не оправдывая полицейской и административной слабости въ Царствѣ Польскомъ, допустившей возникновеніе мятежа и поставившей власть въ такое унизительное противорѣчіе съ своимъ призваніемъ вообще къ власти, — мы не можемъ однако не удивляться невѣжеству нѣкоторыхъ Русскихъ, которые какъ бы отрицаютъ Польшу въ Царствѣ Польскомъ. воображаютъ, что въ Польшѣ возможно дѣйствовать точно такъ же, какъ въ Россіи, и постоянно забываютъ, что Польша не Россія, точно такъ же, какъ и Россія не Польша. Впрочемъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ публицистовъ, Польскій вопросъ вовсе даже не головоломенъ, не зачѣмъ и стараться вникать въ него глубже, а слѣдуетъ только, по отношенію къ нему, «смѣшаться съ живыми людьми, заодно съ ними мыслить, чувствовать и дѣйствовать», — но кто эти живые люди, точно ли они живые, свободна ли въ нихъ мысль и чувство, и не мѣняли ли они сами своихъ воззрѣній отъ измѣнившихся или разъяснившихся обстоятельствъ и отъ того, что другіе глубже ихъ вникли въ существо историческихъ и общественныхъ вопросовъ,—объ этомъ публицисты не упоминаютъ. Но Польскій вопросъ такого рода, къ разрѣшенію котораго не доѣдешь на одномъ патріотизмѣ, патріотическихъ возгласахъ и празднествахъ,—и мы съ своей стороны вполнѣ цѣнимъ тѣ затрудненія, которыя создаетъ себѣ Русская добросовѣстность тамъ, гдѣ Прусская совѣсть не встрѣтитъ никакого недоумѣнія. Эту добросовѣстность, хотя бы не всегда разумную и практическую, мы видимъ и въ правительственныхъ попыткахъ удовлетворить нравственнымъ требованіямъ Польской народности. Нужды нѣтъ, что эти попытки были безуспѣшны, что онѣ не увѣнчались практическимъ результатомъ. Въ этой добросовѣстности сказывается народный—нравственный и историческій инстинктъ Россіи, который трудно уразумѣть людямъ, претендующимъ на званіе государственныхъ практиковъ. Россія — во вредъ себѣ — возстановляетъ Польшу и возвращаетъ жизнь разбитому народному организму: какая бы ни была случайная обстановка этого факта, но онъ характеристиченъ, какъ нравственная Русская черта, которую нельзя вычеркнуть изъ Русской и Славянской исторіи. Россія, въ послѣдніе годы, вновь поспѣшила ослабить узы, наложенныя на Польшу по винѣ самой Польши,—и ослабленіе этихъ

узъ также, можетъ быть, осуждается нашими практиками-патріотами, заходящими въ своемъ похвальномъ и вполнѣ искреннемъ, но чисто государственномъ патріотизмѣ далѣе самой олицетворенной государственности: но не смотря на всѣ, повидимому, практически вредные результаты ослабленія военной диктатуры (которая никогда, впрочемъ, и не можетъ сдѣлаться постоянной системой правленія), Россія не остановится на этомъ пути. Она смиритъ заносчивость Польши и, можетъ быть, удивитъ міръ непрактичностью своего благодушія, — непрактичностью, конечно только мнимою, являющеюся таковою только въ ближайшихъ, а не отдаленныхъ результатахъ. Мы вѣримъ, что Россія — скажемъ словами Самарскаго адреса — «не потребуетъ отплаты за разсчитанныя оскорбленія и за невинную, коварно пролитую кровь, но сбережетъ для лучшихъ временъ сознаніе своего племенного родства съ Поляками и не обрадуетъ враговъ Славянскаго міра—отреченіемъ отъ увѣренности, что рано или поздно благодушіе побѣдитъ озлобленіе, улягутся предубѣжденія и примиренные Поляки подадутъ намъ братскую руку!»

Вопросъ Польскій сводится теперь для насъ къ слѣдующимъ положеніямъ:

1. Прежде всего намъ необходимо устранить всякое Европейское вмѣшательство въ это наше, *свое*, Славянское дѣло. Дипломатическую побѣду надъ Европой въ этомъ смыслѣ мы уже одержали. Австрія, къ величайшему для насъ счастію, отказывается отъ солидарности съ нами... Во всякомъ случаѣ у насъ теперь руки въ отношеніи къ Полякамъ больше развязаны, чѣмъ прежде. Но чѣмъ дѣятельнѣе будетъ Западное вмѣшательство въ Польскій вопросъ, тѣмъ менѣе получимъ мы возможности быть великодушными съ Польшей, какъ съ союзницею нашихъ враговъ и враговъ Славянскаго міра. Этого не должны бы упускать изъ виду Поляки.

2. Въ случаѣ войны съ Европою изъ-за Польши, настоящій историческій смыслъ ея будетъ—борьба за независимость, свободу и успѣхъ нашего политическаго и духовнаго развитія, какъ Славянской державы. Для Польши же эта война должна рѣшить — оставаться ли ей Славянскою землею, или же пріобщиться окончательно къ судьбамъ Западно-Европейскаго міра. Побѣда наша надъ Западомъ, особенно надъ Австріей, могла бы содѣйствовать сама собой къ разрѣшенію Польскаго вопроса лучше всякихъ диктатуръ и другихъ комбинацій. И мы вѣримъ, что побѣдимъ, ***если*** будемъ достойны побѣды...

3. Необходимо, — что впрочемъ признается и всѣми, — немедленное, хотя бы и «энергическое» подавленіе мятежа,—опирающагося на Западъ, властвующаго терроромъ, деморализующаго Польшу, лишающаго мысль и слово всякой свободы,—мятежа, увлекающаго Польшу на ложный путь и очевидно не встрѣчающаго сочувствія въ массахъ простого народа, который, можетъ быть, хранитъ въ себѣ силы для новой исторической жизни Польши.

4. Было бы, кажется, полезно, если бы Россія,—не изъ своекорыстныхъ разсчетовъ, но для выгоды самой Польши, — выдвинула въ ней новую историческую идею: значеніе и участіе въ общей жизни народнаго организма — простого народа, крестьянскаго населенія. Появленіе этого эле-

мента въ общественной жизни Польши, можетъ быть, способствовало бы возвращенію Польши къ Славянской стихіи.

5. Мы не оставили мысли, которую пытались заявить въ нѣкоторыхъ своихъ передовыхъ статьяхъ еще въ началѣ «Польскаго дѣла» и которую, по усмиреніи мятежа, можетъ быть, было бы возможнымъ осуществить, именно: дознаться настоящаго мнѣнія самой Польши — чего она хочетъ и при какихъ условіяхъ возможно ея умиротвореніе — услышать голосъ самой страны... Мы сказали недавно и повторимъ опять, что «себя самой и Польши должна спроситься Россія для рѣшенія Польско-Русской задачи». Тогда, вѣроятно, въ основу нашихъ отношеній къ Польшѣ—легла бы добровольность союза и упразднился бы самъ собою фактъ насилія — по крайней мѣрѣ признаваемый таковымъ Поляками. Если же не представится никакой возможности сойтись намъ съ Поляками, и если они не въ состояніи отказаться отъ государственныхъ честолюбивыхъ мечтаній о Западномъ краѣ Россіи, то, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы предоставить Польшу ея судьбѣ, наказать ее свободой, которая, *безъ поддержки Россіи, не только не устоитъ, но еще увлечетъ Польшу подъ власть германизма.* — Польша свободная, въ полнотѣ предѣловъ всей Польской народности, подъ покровительствомъ Россіи, можетъ еще быть союзницей Россіи; Польша, смиряемая только диктатурой, есть рана, истощающая жизненные соки Россіи, да и диктатура, какъ постоянная система, несовмѣстна, благодаря Бога, съ духомъ нынѣшняго царствованія; Польша, управляемая по системѣ Велепольскаго, была бы только помѣхою для Россіи; несообразность этой системы съ основными началами владѣнія Россіею Польши — уже явилась на дѣлѣ... Польша, отданная Нѣмцамъ, или сама попавшая къ нимъ въ сѣти, безъ сомнѣнія, становится для насъ совершенно безопасною, да и сама скоро будетъ задушена, перестанетъ существовать какъ Польша,—но зато, ко вреду намъ и всего Славянства, усиливается власть германизма.

Впрочемъ, мы не беремъ на себя смѣлости ни указывать правительству, какъ и что дѣлать съ Польшей, ни предрѣшать даже a priori развязку историческихъ судебъ Польши. Одно вѣрно и несомнѣнно: это невозможность пристегнуть Россію къ Польшѣ, подчинивъ Россію одной съ Польшею конституціи западнаго характера, какъ предлагалъ одинъ публицистъ, по системѣ Француза Жирардена,—ни пристегнуть Польшу къ Россіи, навязавъ первой Русское политическое устройство, въ духѣ древней Россіи, какъ предлагалъ также одинъ публицистъ. Насильственное соединеніе съ Россіей Польши —это значило бы, по счастливому выраженію В. А. Елагина, принять Польшу *внутрь*, отравиться Польшей во всѣхъ отношеніяхъ,—что отчасти мы видимъ и теперь, ибо, по замѣчанію его, всѣ элементы безпорядка, какіе существуютъ въ Россіи, находятъ свою опору и пищу въ Польскомъ элементѣ,—сжатомъ и выбивающемся, какъ газъ, изъ закупореннаго сосуда...

Затѣмъ все вниманіе, всѣ силы Русскаго общества должны быть устремлены на общественную дѣятельность въ Западномъ и Юго-Западномъ краѣ Россіи. Здѣсь жатва многа; здѣсь главнымъ дѣлателемъ призвано быть — Русское общество, а не правительство, которое, только по слабости и дряхлости нашего общественнаго строя, вынуждено принимать на себя

обязанности чисто соціальнаго характера. Если полонизмъ можетъ еще держаться въ Западномъ краѣ, если пропаганда Польская могла еще такъ недавно дѣйствовать тамъ съ успѣхомъ, то въ этомъ никто не виноватъ, какъ само общество,—наше Русское общество въ Россіи и общество Русскихъ въ Бѣлоруссіи...

Вмѣсто того, чтобы обвинять ядъ въ томъ, что онъ производитъ тошноту, боль и судороги, добудемъ противоядія въ насъ самихъ; вмѣсто того, чтобы обвинять Поляковъ въ томъ, что они Поляки, обвинимъ себя, зачѣмъ мы, Русскіе, — не-Русскіе: наконецъ, не въ однихъ похвальныхъ чувствахъ политическаго патріотизма, но въ развитіи Русской общественности поищемъ крѣпость и силу для отпора Польскому злу.

Новое вмѣшательство иностранныхъ державъ въ Польскій вопросъ.

Москва, 27-го іюля 1863 г.

Новыя ноты иностранныхъ державъ еще не отправлены въ Петербургъ. Сколько можно судить по газетнымъ извѣстіямъ, онѣ не представятъ никакихъ новыхъ соображеній, а только въ болѣе или менѣе наружно-учтивой формѣ возобновятъ требованія, на которыя уже получили отказъ. Отвѣтъ Россіи на эти новыя депеши будетъ, безъ сомнѣнія, логическимъ послѣдствіемъ всѣхъ ея предшествовавшихъ дипломатическихъ дѣйствій и ея недавняго отвѣта, доставившаго Россіи истинное дипломатическое торжество надъ Европой. Если Западныя державы считаютъ несовмѣстнымъ съ своимъ достоинствомъ отказаться отъ первоначально-высказанныхъ ими предложеній, то мы еще менѣе можемъ отступить отъ своихъ отрицаній, особенно въ виду настойчивости иностранныхъ правительствъ, которая есть ничто иное, какъ замаскированная угроза, въ какой бы вѣжливой формѣ она ни выразилась. И такъ, западныя державы вновь предложатъ; Россія вновь откажетъ: что же за тѣмъ? Въ этомъ-то весь и вопросъ. По тому обороту, который приняли дѣла, Европейскіе государственные люди не могутъ, кажется, ожидать, чтобъ Россія попятилась назадъ вслѣдствіе ихъ повторительныхъ требованій: надо предположить, что они дѣлаютъ это только для оправданія себя предъ общественнымъ мнѣніемъ, для очистки своей оффиціальной совѣсти,—а Наполеонъ, можетъ быть, разсчитываетъ и на то, что новый отказъ Россіи задѣнетъ такъ заживо французское національное самолюбіе, что всѣ партіи соединятся въ одномъ чувствѣ и влеченіи, и общественное мнѣніе само какъ будто заставитъ его, Наполеона, предпринять войну, которой онъ, по извѣстному своему миролюбію, какъ будто и не хочетъ и пытался было избѣгнуть. Съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что ни Англія, ни Австрія не желаютъ войны. Между тѣмъ новое оскорбленіе, на которое онѣ напрашиваются своими новыми нотами къ Россіи, поставитъ ихъ въ такое фальшивое положеніе, изъ котораго уже не будетъ никакого почетнаго выхода, кромѣ—войны и тѣснѣйшаго союза съ Наполеономъ. Чѣмъ же объяснить это противорѣчіе? Тѣмъ

ли, что, запутавшись въ собственныхъ своихъ сѣтяхъ и стараясь высвободиться, Западныядержавы еще болѣе путаются въ нихъ? или же тѣмъ, что онѣ и впрямь и въ самомъ дѣлѣ воображаютъ, что Россія не рѣшится подвергнуть ихъ новому дипломатическому пораженію, что Россія смутится возможностью войны, откажется отъ своихъ словъ?! Конечно, депеша лорда Непира о томъ, что князь Горчаковъ соглашается поставить знаменитые шесть пунктовъ въ основаніе переговоровъ на конференціи съ Австріей и Пруссіей и потомъ протоколы конференціи сообщить оффиціально Англіи и Франціи, чтобы онѣ могли судить о согласіи принятыхъ рѣшеній съ духомъ Вѣнскаго конгресса,—конечно, эта депеша принята нѣкоторыми Европейскими публицистами, да отчасти и Русской публикой, если не за уступку, то за попытку смягчить впечатлѣніе, производенное нотами. Но мы думаемъ иначе и, по нашему мнѣнію, это поясненіе Русскаго министра вовсе не даетъ обязательнаго значенія для Россіи сужденію о протоколахъ Франціи и Англіи и, напротивъ—только возобновляетъ отказъ на требованіе всеобщей конференціи. Къ тому же всякое тѣснѣйшее сближеніе Россіи съ Австріей и Пруссіей (которое непремѣнно было бы результатомъ мѣры, предложенной Россіей) противно видамъ Англіи и Франціи, слѣдовательно, такое поясненіе нисколько не измѣняетъ дѣла. Наконецъ, о конференціи съ Австріей и Пруссіей и говорить нечего—послѣ положительнаго и громкаго протеста Австріи, телеграфированнаго, распубликованнаго, разосланнаго въ депешахъ Австрійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Признаемся, мы чрезвычайно опасались, чтобы Австрія дѣйствительно не вздумала согласиться на предложеніе Россіи, сдѣланное впрочемъ, какъ мы полагаемъ, съ намѣреніемъ только выяснить отношенія Австріи къ дѣлу и къ западнымъ кабинетамъ, и отчасти смутить сердечное согласіе сихъ трехъ правительствъ; поэтому мы прочли съ истинною радостью рѣшительный— можетъ быть слишкомъ опрометчивый—отказъ Австріи на предложеніе князя Горчакова. Этимъ протестомъ Австрія сама запираетъ себѣ единственный почетный для нея выходъ изъ того положенія, въ которое она ввязалась; сама, по поговоркѣ, сжигаетъ свои корабли и отрѣзываетъ у себя путь къ отступленію. Судьба очевидно не допустила насъ вновь стать блюстителями благочинія въ Германіи и стражами интересовъ Австрійскихъ —обязанности, возлагавшіяся на насъ покойнымъ Священнымъ Союзомъ!—Скажемъ мимоходомъ, что Австрія, страдающая хроническимъ грѣхомъ недобросовѣстности, своею торопливостью въ протестѣ только сама пуще обличила, гдѣ у нея больное мѣсто, какой грѣхъ за нею водится! Хорошо зная, какъ мало ей довѣряютъ, она съ горячностью, нѣсколько комическою, выходящею изъ дипломатическихъ приличій, поспѣшила заявить западнымъ державамъ, чуть не съ божбой и клятвой, чтобъ онѣ не изволили безпокоиться и сомнѣваться, что она поступаетъ на сей разъ по чести, ни за что не обманетъ, и что это все только напраслина на нее со стороны Россіи...

Какъ бы то ни было, но, кажется, дипломатическій союзъ между тремя державами все еще не окрѣпъ до степени союза военнаго. По крайней мѣрѣ въ немедленный приступъ къ военнымъ дѣйствіямъ еще не вѣрятъ въ Европѣ, сколько можно судить по отзыву иностранныхъ журналовъ, а вмѣсто войны —выдвигаются ими другія комбинаціи, по мнѣнію ихъ, равно-

7*

сильныя войнѣ. Эти комбинаціи слѣдующія: или дипломатически уединить, разобщить Россію, т. е. разорвать съ нею дипломатическія сношенія почти всей Европѣ, или же ограничиться одной блокадой береговъ и запереть Россіи всѣ сношенія моремъ, а въ Австріи поставить обсерваціонный корпусъ. Но въ послѣднемъ случаѣ Россія, конечно, не возобновитъ ошибки 1854 года, когда—изъ опасенія, чтобъ насъ не назвали зачинщиками войны—мы обязались было, запутавшись въ дипломатическіе переговоры, вести войну только оборонительную и отступили назадъ за Дунай и даже изъ княжествъ!!.. Россія, конечно, не дозволитъ Австріи принять то же положеніе, въ которомъ послѣдняя успѣла надѣлать намъ столько зла во время Восточной войны, и, вѣроятно, выведетъ Австрію на чистую воду, вынудитъ ее къ болѣе прямому и открытому способу дѣйствій: однимъ словомъ, на блокаду береговъ Франціею и Англіею—отвѣтитъ войной наступательной. Это дѣйствительно было бы, какъ уже было замѣчено въ Русской журналистикѣ, самымъ лучшимъ исходомъ изъ настоящаго натянутаго, томительнаго положенія. Въ войнѣ съ Австріей и ея послѣдствіяхъ мы скорѣе найдемъ, можетъ быть, разрѣшеніе неразрѣшимому Польскому вопросу, чѣмъ во всякихъ другихъ соображеніяхъ и мѣрахъ. Но войну съ Австріей, по нашему убѣжденію, мы можемъ вести—только водрузивъ Славянское знамя, знамя освобожденія Славянскихъ племенъ (въ томъ числѣ и Польскаго) изъ-подъ Нѣмецко-Австрійскаго гнета для возвращенія ихъ къ свободной и самобытной жизни... Впрочемъ эти мечты слишкомъ хороши, чтобы мы могли вѣрить въ ихъ скорую несомнѣнную сбыточность. Можетъ быть Россія еще не созрѣла для выполненія этого своего историческаго призванія; еще мы сами, можетъ быть, не окрѣпли въ сознаніи своей Русской народности, еще въ насъ самихъ много Нѣмца,—и слабы наши Русскія общественныя силы!.. Можетъ быть, настоящія событія положатъ только *начало* новой Славянской политикѣ Россіи и помогутъ хоть въ нѣкоторой степени освободить ея путь, загроможденный Нѣмецкими преданіями новѣйшаго періода нашей исторіи.

Что касается до *уединенія*, или дипломатическаго *изолированія* Россіи (isolement), которымъ грозятъ намъ Западные публицисты, т. е. до перерыва полныхъ дипломатическихъ сношеній безъ всякаго объявленія войны, то прежде всего трудно повѣрить, чтобы Французское правительство ограничилось однимъ отозваніемъ своего посланника и замѣною его какимъ-нибудь повѣреннымъ въ дѣлахъ, не сдѣлавъ ничего болѣе существеннаго въ пользу Польши. Поляки ожидаютъ дѣйствительной помощи отъ Европы, а не одного охлажденія дипломатическихъ ея отношеній къ Россіи. Если же Западныя державы будутъ помогать Польшѣ явно и открыто, но не оффиціально, въ родѣ того, какъ оказывала Англія помощь экспедиціи Гарибальди въ Сицилію и въ Неаполь,—то такое вспомоществованіе Полякамъ, по географическому положенію Польши, невозможно безъ положительнаго, прямого согласія и участія Пруссіи и Австріи, или хоть одной Австріи. Но, не говоря уже о томъ, что едва ли Австрія найдетъ для себя выгоднымъ обратить Галицію въ такое депо горючихъ веществъ и сдѣлать изъ нея поприще для революціонныхъ Польскихъ элементовъ,—подобное положеніе, ею принятое, могло бы служить для Россіи совершенно законнымъ поводомъ къ объявленію ей войны.—Впрочемъ во всякомъ случаѣ то уедине-

ніе, въ которое надѣются, можетъ быть, поставить Россію Европейскіе кабинеты, ей не только не страшно, но, съ нашей точки зрѣнія, совершенно выгодно. Мы слишкомъ долго волочились по слѣдамъ Европы, слишкомъ сильно дорожили ея общественнымъ мнѣніемъ, слишкомъ многимъ *своимъ* жертвовали въ угоду Романо-Германскому міру,—своимъ истиннымъ историческимъ призваніемъ, своими естественными и законными симпатіями, любовью и уваженіемъ своихъ братьевъ! Утративъ союзниковъ въ Романо-Германскомъ мірѣ, мы укрѣпимся въ союзѣ съ самими собой, мы поищемъ опоры и найдемъ дѣйствительную и въ то же время живительную опору въ себѣ самихъ, въ Русскомъ народѣ и во всѣхъ угнетенныхъ Славянскихъ племенахъ. Если бы иностранные государственные люди были дальновиднѣе и способны были понимать Россію (которую нельзя понять Европейцу однимъ обиходнымъ, рутиннымъ, Европейскимъ пониманіемъ), они бы должны были, напротивъ, избѣгать всего, что могло бы разъединить съ ними Россію, всего, что могли бы освободить ее изъ-подъ власти Европейскаго авторитета и возвратить ее къ ея собственному очагу, къ источнику ея крѣпости и силы. Европейцы до сихъ поръ не уразумѣли (но намъ-то, кажется, давно бы пора это уразумѣть), что узы политической дружбы, связывавшей насъ съ ними, часто были дѣйствительными узами въ буквальномъ смыслѣ слова, спутывавшими всѣ наши движенія, задерживавшими правильное кровообращеніе нашего собственнаго организма. Такъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, изъ дружбы къ Австріи, Русское, всемогущее тогда, правительство отказало въ просьбѣ депутаціи Сербской, ходатайствовавшей о признаніи независимости Сербовъ отъ Турокъ; такъ оно же заставило Черногорцевъ уступить Австрійцамъ Бокко-ди-Каттаро—пристань на Адріатическомъ морѣ, добытую ими оружіемъ у Французовъ,—пристань, безъ которой невозможно и существовать этому бѣдному народу и которая держитъ ихъ въ постоянной зависимости отъ Австріи. Такъ въ 1849 году мы цѣною своей Русской крови спасли Австрію и помогли ей поработить Венгерцевъ. Такъ цѣлые десятки лѣтъ сношенія съ Западными Славянами вмѣнялись Русскимъ чуть не въ преступленіе и по доносамъ Австріи подвергали ихъ преслѣдованіямъ; такъ, пренебрегая развитіемъ народныхъ органическихъ силъ Россіи,—всѣмъ тѣмъ, чего

не пойметъ и не замѣтитъ
Чуждый взоръ иноплеменный,—
Что блеститъ и ярко свѣтитъ
Въ красотѣ ея смиренной,

мы изъ всѣхъ силъ гонялись за красотою Нѣмецкой, и не духовно-Нѣмецкой только, а преимущественно Нѣмецко-государственной. Но мы никогда бы и не кончили, еслибъ вздумали перечислять всѣ незаконнорожденные плоды нашей податливости, нашей грѣховной связи съ Западомъ. Однимъ словомъ—всякій раздоръ съ Европой, военный, дипломатическій, общественный, можетъ обратиться намъ въ пользу и не страшенъ намъ, если только возвысится въ Россіи значеніе Русской земли, Русскаго народа,—а это *единое*, что намъ есть на потребу...

Обязанности общества въ Польскомъ вопросѣ.

И тутъ-то раскрывается поле для дѣятельности общественной, преимущественно предъ дѣятельностью правительственной. Мы должны сознать по совѣсти, что правительство дѣлаетъ *свое* дѣло вообще добросовѣстнѣе, чѣмъ общество. Оно даже дѣлаетъ больше, чѣмъ нужно, вызываемое къ тому бездѣйствіемъ общества. Мы, наконецъ, не въ правѣ требовать отъ него, чтобъ оно въ знаніи Россіи и разумѣніи ея интересовъ, особенно духовныхъ, стояло выше уровня знанія и пониманія общественнаго. Можемъ ли мы, напримѣръ, ставить въ вину правительству его прежнее отчужденіе отъ Славянскаго міра, когда лѣтъ 5 тому назадъ въ нашемъ обществѣ, въ нашей литературѣ, преимущественно Петербургской, всякое сочувствіе къ Славянамъ подвергало сочувствующихъ ожесточенной брани, насмѣшкамъ и даже нелитературнаго свойства преслѣдованіямъ? Можемъ ли мы удивляться, что Западно-Русскій край ополячился подъ нашимъ владычествомъ сильнѣе, чѣмъ подъ владычествомъ Польши, когда общество наше само, до послѣдняго времени, не вѣдало границъ Польши, когда для него и теперь знакомство съ Бѣлоруссіей—что-то въ родѣ Колумбова открытія Новаго Свѣта; когда въ систему воспитанія нашихъ дѣтей входитъ знаніе всѣхъ судебъ какого-нибудь Нѣмецкаго Пфальца, а знаніе исторіи Польши, Малороссіи, Литвы составляетъ до сихъ подъ счастливое, рѣдкое исключеніе. Конечно, правительство въ этомъ не виновато, что Русскія дѣти не знаютъ исторіи Польши или Литвы, и что Русскіе учителя довольствуются одними Нѣмецкими учебниками, пренебрегая изученіемъ того, о чемъ эти учебники не говорятъ или говорятъ мало, и что изучить можно было бы лучше и легче всего въ самой Россіи.

Когда, благодаря нынѣшнимъ событіямъ, Западный и Юго-Западный край Россіи обратилъ на себя наконецъ ея вниманіе, когда каждый день каждый № каждой газеты приноситъ намъ объ этомъ забытомъ краѣ новыя свѣдѣнія,— тогда открылось и съ каждымъ днемъ открывается болѣе—какъ велика вина Русскаго общества предъ Украинскимъ-Заднѣпровскимъ и Бѣлорусскимъ народомъ. Мы разумѣемъ—общество Русское въ самой Россіи и общество *мѣстное*, преимущественно въ Юго-Западной Россіи, какъ въ краѣ болѣе извѣстномъ, поставленномъ въ болѣе счастливыя условія, чѣмъ Бѣлоруссія. Кіевская, Волынская, Подольская губерніи, населенныя не забитымъ, бѣднымъ племенемъ Бѣлорусскимъ, а энергическимъ, богатымъ историческими преданіями славы племенемъ Малорусскимъ и отчасти Червоно-Русскимъ, представляютъ разительный примѣръ безжизненности Русскихъ *общественныхъ* элементовъ рядомъ съ живучестью простонародной стихіи. Вообще, всматриваясь пристальнѣе въ наше *общество*, невольно припоминаешь слова, которыя народная пословица влагаетъ въ уста женѣ про мужа: «*завалюсь* за него, не боюсь никого»... Точно такъ думало и поступало Русское общество, опираясь на правительственную власть, считая себя достаточно обезпеченнымъ, избавленнымъ отъ безпокойнаго труда мысли, отъ дѣятельности чувства. Оно предоставляло рѣшеніе всѣхъ споровъ — силѣ, развитіе мѣстной Русской народности — силѣ, отраженіе вредныхъ духовныхъ вліяній—силѣ, опроверженіе лжи—силѣ,

и само почти ничего не дѣлало, не работало ни мыслью, ни сердцемъ, или по крайней мѣрѣ очень немного сдѣлало. Почти четверть столѣтія существуетъ въ Кіевѣ университетъ: правительство исполнило свое дѣло, создало его: что же совершилъ университетъ для возрожденія, утвержденія и укрѣпленія Русской народности въ томъ краѣ? Университетъ! какое могущественное орудіе духовныхъ вліяній! Кромѣ археологическихъ трудовъ коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ г. Юзефовича, при главномъ содѣйствіи профессора Иванишева, намъ почти неизвѣстны другіе какіе-либо ученые труды, способные просвѣтить Русское общественное сознаніе въ отношеніи къ Юго-Западному краю. Фауна, флора, звѣри и растенія тѣхъ странъ тщательно описаны ученымъ профессоромъ Нѣмцемъ, но *люди*, кажется, не были удостоены никакого ученаго вниманія; по крайней мѣрѣ, Кіевскій университетъ не пролилъ, кажется, особеннаго этнографическаго свѣта на эти драгоцѣнныя для Россіи области. Впрочемъ, можетъ быть мы и ошибаемся, и рады были бы ошибиться насчетъ дѣятельности Кіевскаго университета. Мы будемъ ожидать отъ Кіевлянъ разъясненія нашихъ недоумѣній, но до того времени будемъ стоять на одномъ: что постоянный призывъ внѣшней силы, который доходитъ къ намъ изъ Заднѣпровской Украйны, служитъ намъ признакомъ духовной и нравственной безжизненности Русскаго Украинскаго общества,—безжизненности, воспитываемой въ свою очередь преизбыткомъ внѣшней силы, дѣлающей будто бы излишнею общественную и личную дѣятельность.

Впрочемъ нельзя также не замѣтить, что если правительство съ особенною энергіею обратилось теперь къ Бѣлоруссіи, то не меньшаго вниманія правительства заслуживаетъ теперь и положеніе Волыни, Подоліи, Кіевской губерніи. Непонятно, почему Польскій дворянинъ, содѣйствующій Польскому мятежу на Волыни, пользуется привилегированнымъ положеніемъ въ сравненіи съ таковымъ же дворяниномъ, живущимъ за чертою напр. Владиміра-Волынскаго уѣзда, въ уѣздѣ Брестъ-Литовскомъ Гродненской губерніи? Почему имѣнія мятежниковъ секвеструются въ Бѣлоруссіи и свободны отъ секвестра въ Юго-Западномъ краѣ?.. Но независимо отъ этихъ распоряженій правительства,—ничто, кажется, не должно бы мѣшать усиленной дѣятельности Русскаго общества къ возбужденію и оживленію Русскаго народнаго элемента — въ отношеніи духовномъ. Польская пропаганда продолжается въ томъ краѣ попрежнему и съ прежнею силой; господство Польской стихіи попрежнему подавляетъ развитіе Русской народности,—а отпора этому господству нѣтъ ни со стороны правительства, ни со стороны общества (кромѣ немногихъ голосовъ въ Кіевѣ): только и данъ ей вещественный отпоръ Малорусскимъ простонародьемъ, да и то, какъ было разсказано въ нашей газетѣ, одинъ изъ главныхъ дѣятелей крестьянскаго отпора, волостной старшина Щербина смѣненъ мировымъ посредникомъ (вѣроятно Полякомъ) именно за *превышеніе власти*, т. е. за прогнаніе Поляковъ (см. № 27 «Дня»). Къ тому же, между духовенствомъ и вѣдомствомъ народнаго просвѣщенія существуетъ тамъ печальный антагонизмъ, только задерживающій ходъ народнаго образованія и обращаемый Поляками въ свою выгоду. Трудно судить издали о дѣйствіяхъ духовенства, но нельзя не взять во вниманіе его законныхъ опасеній —упустить изъ своихъ рукъ народное образованіе въ виду лже-патріотовъ, лже-

любителей Украинской народности, хлопомановъ и всевозможныхъ Польскихъ іезуитскихъ интригъ, которымъ, безъ вѣдома для самихъ себя и изъ побужденій отвлеченно-либеральныхъ, помогаютъ иногда и Русскіе. Такъ въ одной книжкѣ, изданной недавно Министерствомъ народнаго просвѣщенія и написанной очевидно съ искреннею благонамѣренностью («Школы на Волыни и Подоліи», 1863 г. С.-Пб.) излагается такого рода взглядъ, который въ практическомъ примѣненіи послужилъ бы только въ пользу полонизму и латинству. Авторъ, вопреки жизненнымъ и историческимъ фактамъ, предлагаетъ ограничить участіе религіи въ народномъ образованіи— самыми тѣсными предѣлами, удержавъ ее на степени «*личнаго субъективнаго* чувства», отнявъ у нея (какъ будто это можно!) всякое значеніе общественнаго и просвѣтительнаго начала; однимъ словомъ, устроить такъ, чтобъ школа посѣщалась одинаково и Полякомъ, и Русскимъ, и Евреемъ... Авторъ очевидно не понимаетъ, что католическая пропаганда въ этихъ бывшихъ Польскихъ областяхъ есть пропаганда политическая, что какъ латинство тамъ нераздѣльно съ Польскою народностью, такъ и Русская народность держится тамъ только православіемъ, — что если послѣднее, стараніями автора и ему подобныхъ, и могло бы быть стѣснено въ своихъ проявленіяхъ и лишено своего общественнаго значенія, то черезъ то уничтожился бы всякій отпоръ латинству (слѣдовательно и ополяченію),—латинству, котораго авторъ никакъ уже не удержитъ на степени субъективнаго чувства!.. Подобнаго рода воззрѣнія нельзя, конечно, не опасаться не только православному духовенству, но и всему православному народу.

Одинъ изъ сотрудниковъ «Дня» принялъ на себя, по просьбѣ Редакціи, порученіе посѣтить Юго-Западныя губерніи и доставить намъ объ нихъ подробныя свѣдѣнія,—которыхъ мы никакъ не могли добиться отъ лѣнивыхъ на корреспонденцію мѣстныхъ жителей края. Но, и не выжидая этихъ свѣдѣній, мы считаемъ вполнѣ своевременнымъ высказать наше мнѣніе, что необходимо было бы учредить и въ Кіевѣ такое же *братство*, какое учреждается въ Вильнѣ. Просимъ нашихъ Кіевскихъ пріятелей обсудить эту мысль. Такое братство, составленное изъ свѣтскихъ и духовныхъ, должно было бы сосредоточить въ себѣ всю общественную дѣятельность въ борьбѣ съ Польской стихіей края, помимо и не смѣшиваясь съ дѣятельностью правительственною: оно вѣдало бы и поддерживало бы частныя и приходскія (не казенныя министерскія) школы; оно въ связи съ Виленскимъ братствомъ и центральнымъ или среднимъ братствомъ въ Москвѣ (въ учрежденіи котораго мы, вмѣстѣ съ другими, принимаемъ самое живое участіе), могущественнымъ образомъ послужило бы къ развитію Русской народности и Русской общественности въ Русскихъ — значительно ополяченныхъ и окатоличенныхъ областяхъ. Будемъ ждать отзыва.

Изъ статей областного отдѣла прошлаго и настоящаго №№ читатели увидятъ также, какъ глубоко въѣлась полонизація въ Бѣлорусскомъ краѣ, и полонизація такого свойства, противъ которой безсильны и недостаточны самыя энергическія дѣйствія правительства. Мы разумѣемъ, напримѣръ, употребленіе православными Польскихъ молитвенниковъ (за неимѣніемъ Русскихъ), преобладаніе Польскаго языка въ Русскихъ духовныхъ заведеніяхъ и въ семействахъ Русскихъ священниковъ (а духовенство представляетъ въ томъ краѣ единственный Русскій мѣстный общественный эле-

ментъ); наконецъ то, что Русскія женщины говорятъ тамъ почти исключительно по-Польски... Познакомившись съ этими обстоятельствами, читатели безъ сомнѣнія присоединятся мысленно къ нашему голосу, выраженному въ одной изъ статей нынѣшняго № и обращенному преимущественно къ Бѣлорусскому духовенству.

Мы должны служить Россіи не головами только, а и головою.

Москва, 3-го августа 1863 г.

Дѣло, кажется, пошло въ оттяжку. Западныя державы, очевидно, не спѣлись между собою,—а можетъ быть и спѣлись въ томъ, что въ настоящую пору имъ всего выгоднѣе отступить съ невыгодно-занятой ими, съ самаго начала, позиціи,—и занять позицію иную, болѣе удобную и безопасную,—выждать болѣе благопріятное время, когда онѣ успѣютъ между собою во всемъ согласиться и сторговаться. Ноты, посланныя въ Петербургъ, какъ слышно, не только не грозятъ войною, но видимо стараются удержать вопросъ въ предѣлахъ дипломатической полемики. Такъ, по крайней мѣрѣ, приходится заключать по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ газетами, а еще болѣе потому, что ноты—не коллективныя, не тождественныя по формѣ, а отдѣльныя, отъ каждой державы порознь. Депеша лорда Непира, увѣдомлявшая, что князь Горчаковъ соглашается признать шесть пунктовъ за основаніе переговоровъ, облегчила для Западныхъ державъ «почетную ретираду»—изъ того неловкаго угрожающаго положенія, въ которое онѣ были поставлены своими собственными отвергнутыми требованіями. Начнутся вновь дипломатическіе переговоры, а между тѣмъ наступитъ осень, и война, по крайней мѣрѣ съ моря, сдѣлается невозможною...

Но тутъ-то и необходима самая строгая бдительность. Мы, Русскіе, вообще, вопреки составленному о насъ въ Европѣ мнѣнію, не отличаемся Нѣмецкою добродѣтелью—Ausdauer, т. е. выдержкой, настойчивою послѣдовательностью въ своихъ дѣйствіяхъ. Владѣя громадною способностью долготерпѣнія и отпора тамъ, гдѣ натискъ представляется крупнымъ, грубымъ, несомнѣннымъ фактомъ, мы тѣмъ легче поддаемся тому же натиску—въ видѣ хитро и не очень замѣтно для нашего добродушія разставленныхъ сѣтей, подъ личиною дружественной просьбы или какого бы ни было соблазна... Нравственное напряженіе въ общественномъ интересѣ, подъемъ всѣхъ силъ духовныхъ, бодрость и дѣятельность—все это для нашего *общества* дѣло не совсѣмъ-то привычное. Конечно, война, опасность, извнѣ грозящая государству, жестокое оскорбленіе, нанесенное народной и государственной чести,—такія явленія, конечно, выдвигая общество изъ его обычной жизненной вязкой колеи, могутъ продержать его въ подобномъ неестественно-напряженномъ состояніи довольно долго, но затѣмъ нерѣдко слѣдуетъ утомленіе, или по крайней мѣрѣ ослабленіе бдительности, распущенность вниманія,—особенно же, если въ близкой перспективѣ войны не предвидится, а оскорбленное патріотическое чувство уже получило нѣкоторое удовлетвореніе. Однимъ словомъ, нашъ патріо-

тизмъ проявляется съ особенною силою въ виду внѣшней, явной, осязательной общей бѣды, въ родѣ войны,—и почиваетъ, большею частію, самымъ безмятежнымъ сномъ, или вѣрнѣе не почиваетъ, а оставляется, складывается куда-то прочь, какъ ненужное оружіе—во время мира. А между тѣмъ миръ представляетъ вообще едва ли не болѣе опасностей для нашей чести, выгоды и достоинства, нежели самая война—потому именно, какъ мы уже однажды выразились, что мы охотнѣе служимъ головами, нежели головою; потому что интересы Россіи, сосредоточенные въ интересѣ войны, проще, односложнѣе интересовъ и задачъ мирнаго времени и легче ограждаются возбужденнымъ вниманіемъ общества; потому наконецъ, что самое участіе общества въ дѣлѣ государственномъ и земскомъ пріемлется охотнѣе и допускается шире во время военной опасности, когда живѣе чувствуется необходимость въ нравственныхъ силахъ патріотизма,—нежели во время мира, когда можно пробавляться установленнымъ ходомъ дѣлъ и узаконеннымъ порядкомъ, безъ излишней любви къ отечеству. Все это,—патріотизмъ, общественное участіе и вниманіе,—существуетъ у насъ *для большихъ оказій*, когда вопросъ принимаетъ крупные, видные размѣры, гремитъ громомъ, облекается плотью, такъ что и слѣпой можетъ его ощупать, и глухой не можетъ его не услышать.

Можетъ быть и въ Польскомъ дѣлѣ Европейскіе кабинеты, встрѣтивъ такой неожиданный отпоръ со стороны Россіи и убѣдившись, что струны слишкомъ туго натянуты, что играть долѣе на нихъ нельзя—иначе онѣ лопнутъ,—сочли нужнымъ ослабить нѣсколько струны, чтобы разыграть на нихъ ту же піесу, но тономъ ниже. Событія покажутъ, въ какой степени тонокъ нашъ слухъ, но такъ какъ цѣлью вмѣшательства Западныхъ державъ въ дѣло Польши было вовсе не умиреніе, не возстановленіе порядка въ Польшѣ, а обезсиленіе Россіи и отвлеченіе ея отъ дѣлъ Востока,—то очевидно, что даже и чрезъ принятіе Россіею знаменитыхъ шести пунктовъ цѣль эта нисколько не достигается: поэтому-то онѣ и станутъ достигать ее другимъ путемъ, другими средствами, или въ другую болѣе благопріятную пору.

Дѣйствительно, Польскій вопросъ оказывается не совсѣмъ удобнымъ для достиженія этой цѣли. Европа не знаетъ, чего именно хотѣть для Польши; Поляки хотятъ невозможнаго; Россія знаетъ, чего ей слѣдуетъ не хотѣть въ этомъ дѣлѣ—и она дѣйствительно не хочетъ—ни вооруженнаго иностраннаго вмѣшательства, ни присоединенія Западнаго и Юго-Западнаго края Россіи къ Польшѣ. Но затѣмъ Польскій вопросъ остается и для насъ тѣмъ же вопросомъ, на который у насъ самихъ нѣтъ въ запасѣ готоваго отвѣта. Очень можетъ быть, что къ зимѣ возстаніе стихнетъ, что многіе повстанцы возвратятся домой и принесутъ раскаяніе; что чиновники извинятся и будутъ извинены въ нарушеніи ими своихъ обязанностей—терроромъ Національнаго Комитета; что, повидимому, водворится въ Польшѣ вновь спокойствіе и благоденствіе, и что правительство, вѣрное своимъ обѣщаніямъ, будетъ съ похвальною честностью приводить въ исполненіе систему администраціи, принятую имъ еще до начала мятежа. Но Польскій вопросъ отъ того нимало не подвинется въ своемъ разрѣшеніи, и готовъ будетъ разыграться снова весною, или при первомъ удобномъ случаѣ: ошибки, допущенныя такъ-называемымъ Національнымъ Правленіемъ, по-

служатъ для Поляковъ добрымъ урокомъ, а практика нынѣшняго возстанія образуетъ имъ опытныхъ дѣятелей; что же касается обманутыхъ Польскихъ надеждъ на Европу, то для послѣдней ничего не значитъ воспламенить ихъ снова, если она признаетъ это для себя нужнымъ, особенно же въ случаѣ войны съ Россіею, которая можетъ вспыхнуть не нынче, такъ завтра, не изъ-за Польши, такъ изъ-за Турціи... Наконецъ, безъ коренного разрѣшенія Польскаго вопроса трудно будетъ Россіи достигнуть и очищенія Западной и Юго-Западной Руси отъ преобладанія въ ней Польскаго общественнаго элемента. Г. Кояловичъ, въ одной изъ своихъ статей, взываетъ къ Полякамъ, живущимъ въ Бѣлоруссіи, чтобъ они оставили ее и уходили бы въ свою Польшу. Почти то же самое выраженіе употреблено и нами въ посланіи къ Бѣлорусскому духовенству; почти то же желаніе невольно возникаетъ во всякомъ Русскомъ, посѣтившемъ Западный и Юго-Западный край Россіи. Признавая права Русской народности въ томъ краѣ и совершенную трудность, почти невозможность для Поляка обруситься, въ то же время признавая и права Польской народности въ ея законныхъ предѣлахъ, мы естественно приходимъ къ выводу, что полная свобода развитія Русской народности въ томъ краѣ, у себя дома, возможна только при таковыхъ же условіяхъ развитія Польской народности—у нея *дома*, въ Польшѣ. «Пусть ихъ убираются въ свою Польшу», сказали мы про Поляковъ Бѣлоруссамъ; «мы съ вами помиримся, когда разойдемся», говоритъ г. Кояловичъ... Но для осуществленія этого законнаго желанія необходимо, чтобъ было *куда* идти, чтобъ была такая Польша, которая могла бы оттянуть къ себѣ тотъ Польскій элементъ, который на чуждомъ ему Русскомъ организмѣ дѣйствуетъ какъ чужеядный наростъ и разливаетъ тайную отраву по всему тѣлу.

Россія, смирившая мятежъ и давшая отпоръ Западному вмѣшательству, устоявшая противъ угрозъ соединенной Европы, будетъ имѣть полную возможность, не роняя своего достоинства, *сама* по *собственному* побужденію, а не по совѣту и ходатайству Западныхъ державъ, пріискать разрѣшеніе Польскому вопросу несравненно болѣе либеральное, чѣмъ то, которое могутъ рекомендовать Европейскіе кабинеты. Ключи къ разрѣшенію Польскаго вопроса ни у кого другого, какъ у Россіи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ предшествовавшіе и пробованные способы устройства Польши не могутъ привести къ желанной цѣли: напротивъ, опытъ доказалъ всю ихъ несостоятельность и даже положительный вредъ для Россіи. По нашему мнѣнію, необходимо было бы совершенно отречься отъ прежнихъ преданій нашей внѣшней политики и «спроситься себя самой и Польши». А для этого слѣдуетъ только возобновить въ своей памяти и въ жизни—преданія нашей собственной исторіи, и дать большій просторъ Русской мысли и Русскому слову (котораго, впрочемъ, мы и ожидаемъ). Это послѣднее обстоятельство мы считаемъ для насъ не менѣе важнымъ, какъ и отстраненіе Западной «интервенціи» въ дѣла Польши, и твердо убѣждены, что безъ него не разрѣшить намъ отнынѣ никакого вопроса, ни внѣшняго, ни общественнаго внутренняго. И это не потому, чтобъ слѣдовало ожидать отъ литературы или журналистики непремѣнно полезныхъ указаній или совѣтовъ, а потому, что законный просторъ, предоставленный и упроченный мысли и слову, будетъ служить самымъ лучшимъ ручательствомъ въ

благотворномъ измѣненіи той системы, которой первая поруха учинена великимъ актомъ 19 февраля 1861 года.

Князь Горчаковъ въ депешѣ своей къ барону Будбергу (напечатанной нами ниже) указываетъ на Русское общественное мнѣніе и противопоставляетъ его общественному мнѣнію Франціи, на которое такъ показисто ссылается Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ. Мы душевно рады, что «Русское общественное мнѣніе и Русское народное чувство» удостоены наконецъ такого упоминанія. Честь, конечно, заслуженная, и тѣмъ болѣе для насъ чувствительная, что она намъ—дѣло новое. Наше общество даже съ нѣкоторымъ удивленіемъ и какою-то гордостью поздравляетъ себя съ тѣмъ, что и у насъ наконецъ есть свое «общественное мнѣніе»... Европа, безъ сомнѣнія, также не привыкла къ подобной ссылкѣ въ депешахъ Русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ; можетъ быть, впрочемъ, она и не повѣритъ такому оффиціальному завѣренію, если, кромѣ этого завѣренія, Русское общественное мнѣніе не представитъ положительныхъ доказательствъ, что оно дѣйствительно живетъ, существуетъ, и не только при сей вѣрной патріотической оказіи, но и вообще—не встрѣчаетъ препятствій въ свободномъ своемъ выраженіи...

Ложь сдѣлалась органическимъ отправленіемъ Польской натуры.

Москва, 10-го августа 1863 г.

Мы пересмотрѣли недавно множество брошюръ и всякихъ сочиненій по Польскому вопросу, изданныхъ Поляками за границею, и убѣдились, что всѣ они представляютъ одинъ только интересъ—*патологическій*. Болѣзни (мы разумѣемъ нравственныя) постигаютъ не однѣ только отдѣльныя человѣческія личности, но и цѣлыя общества. Можетъ быть патологія или ученіе о болѣзняхъ—какъ отдѣльнаго человѣческаго, такъ и цѣлаго народнаго организма. Было бы чрезвычайно любопытно пересмотрѣть съ этой точки зрѣнія исторію человѣческаго общества вообще; но что касается до Польши, то для многихъ явленій Польской общественной жизни только эта точка зрѣнія и способна представить какое-либо возможное объясненіе—и даже оправданіе. Къ такимъ явленіямъ относится, напримѣръ, *ложь*, до того насытившая собою весь организмъ современнаго Польскаго общества, что она перестала быть дѣйствіемъ сознательной воли, а сдѣлалась естественнымъ, совершенно искреннимъ органическимъ отправленіемъ Польской натуры (мы говоримъ не о простомъ Польскомъ народѣ, а о Польскомъ обществѣ). Всматриваясь же пристальнѣе во многія явленія этой *лжи*, вы увидите, что это просто *галлюцинація* или мórокъ, по-Русски. Чѣмъ, какъ не галлюцинаціей объяснить, напримѣръ, увѣренія Владислава Мицкевича, сына знаменитаго поэта, которыя мы находимъ въ книгѣ, изданной имъ въ началѣ весны нынѣшняго года, въ Парижѣ, подъ заглавіемъ: Польша и ея южныя провинціи (La Pologne et ses provinces méridionales, manuscrit d'un Ukrainien, publié avec préface par Ladislas Mickiewicz)? Въ

предисловіи къ манускрипту какого-то Украинца-Поляка, Владиславъ Мицкевичъ разсказываетъ, что онъ самъ въ 1861 году ѣздилъ изъ Одессы въ Кіевъ, изъ Кіева въ Житоміръ, изъ Житоміра въ Вильно и убѣдился, что Русскаго въ этихъ странахъ только армія и полиція, что хотя крестьянинъ тамъ и сохраняетъ свой мѣстный говоръ, но что одинъ видъ Польскаго повстанца, какъ электрической искрой, воспламенитъ его душу, и онъ бросится на Русскія полчища!!! Все предисловіе написано съ такою силою убѣжденія, съ такою наивною искренностью, что нельзя и подозрѣвать преднамѣреннаго искаженія истины, а слѣдуетъ предположить какое-то разстройство органовъ зрѣнія, слуха, какое-то поврежденіе умственныхъ и душевныхъ способностей. Это, пожалуй, даже и хуже, чѣмъ умышленная ложь, хуже въ томъ смыслѣ, что ложь можетъ быть и оставлена, какъ скоро не достигаетъ цѣли и не приноситъ выгодъ,—а отъ подобныхъ болѣзней излечиваются съ трудомъ: вѣроятно, не одно современное, но и нѣсколько поколѣній сряду пройдутъ неисцѣлимо больныя, прежде чѣмъ возвратится здоровье Польскому обществу!.. Мицкевичъ издалъ эту книгу еще до появленія повстанцевъ въ Заднѣпровской Украйнѣ, но нельзя и думать, чтобы неудача или, вѣрнѣе сказать, совершенное посрамленіе Польской попытки произвести возстаніе и быстрая расправа съ Польскими шайками Украинскихъ крестьянъ вразумили Мицкевича и вообще Поляковъ. Еслибъ они вразумились, такъ и не зачинали бы вновь такихъ попытокъ, которыя способны только раздражить до звѣрства простой народъ, повредить успѣху ихъ собственнаго дѣла въ Польшѣ, погубить столько молодыхъ Польскихъ силъ, подорвать окончательно значеніе Польщизны въ Юго-Западномъ Русскомъ краѣ. Они непремѣнно найдутъ какое-нибудь нелѣпое объясненіе крестьянскому отпору, и имъ, какъ и Мицкевичу, будетъ снова мерещиться Польша въ исконной Руси! Съ какимъ наивнымъ умиленіемъ говоритъ, напримѣръ, Мицкевичъ о Кіевѣ въ 1861 году, какъ о какомъ-то родномъ *Польскомъ* городѣ! «Исторія, восклицаетъ онъ, національный духъ, стремленія (le génie national, les aspirations), все связываетъ Кіевъ съ Польшей. Я останавливался въ Кіевѣ предъ воротами, объ золотыя двери которыхъ Польскій король Болеславъ Храбрый зазубрилъ свою саблю въ 1018 г.: *онъ взошелъ въ Кіевъ, какъ Генрихъ IV въ Парижъ*»!.. Съ какимъ простодушіемъ описываетъ Мицкевичъ, и описываетъ очень поэтически, зимнее путешествіе по Украйнѣ, когда ямщикъ Малороссъ «затянетъ свою *думу*...» Дума? Но о чемъ же поютъ эти пѣсни, которыя называются думами? Эти думы или думки ничего другого и не воспѣваютъ, какъ только казацкіе подвиги противъ «Ляхивъ», подвиги борьбы, да кончину казацкихъ героевъ, изжаренныхъ, колесованныхъ и другими разнообразными способами замученныхъ Поляками,—сохранившими и до нашихъ временъ особенный талантъ и охоту къ затѣйливости мученій!..

Но не одна ложь, какъ галлюцинація, является симптомомъ психическаго недуга Польскаго общества. Мессіанизмъ или Товіанизмъ, возвѣщенный Товіанскимъ и такъ краснорѣчиво проповѣданный Мицкевичемъ-отцомъ, не есть одно только поэтическое воплощеніе Польши въ образъ народа-Мессіи, пострадавшаго и распятаго за грѣхи народовъ, объ одеждѣ котораго другіе народы метали жребій и который имѣетъ воскреснуть для спасенія и соціальнаго благополучія человѣчества; онъ не есть только лири-

ческое изліяніе скорбной души Польскаго патріота, но цѣлое мистическое ученіе, имѣющее своихъ вдохновенныхъ, необыкновенно талантливыхъ пророковъ и послѣдователей. Разумѣется,—этотъ недугъ мистицизма, требующій все же высокаго душевнаго строя, почтеннѣе и доброкачественнѣе недуга лжи, хотя бы и искреннѣй,—но кажется, впрочемъ, что въ послѣднее время онъ уже слабѣетъ, уступая мѣсто грубому, плотяному католическому фанатизму.

По кромѣ лжи искренней. лжи какъ болѣзни, большинство Поляковъ лжетъ умышленно и сознательно, руководствуясь іезуитскимъ правиломъ, что высокая цѣль оправдываетъ и низкія средства. Доказательства этому встрѣчаемъ не въ одной Польской Краковской газетѣ «Часъ», которой и въ Европѣ никто уже не вѣритъ, но едва ли не въ каждомъ современномъ произведеніи Польской литературы, а между прочимъ и въ этой самой книгѣ, изданной Владиславомъ Мицкевичемъ. Напечатанная имъ «рукопись Украинца» оказалась вся направленною противъ «либеральныхъ» Русскихъ воззрѣній на Польскій вопросъ, и преимущественно противъ нашей газеты. Статьи г. Елагина, помѣщенныя въ прошлогоднемъ «Днѣ», въ особенности сильно раздражили неизвѣстнаго намъ автора —тѣмъ, что при самомъ гуманномъ отношеніи къ Польшѣ, при самомъ безпристрастномъ признаніи правъ Польской народности и при желаніи независимости для нея въ ея естественныхъ предѣлахъ, г-нъ Елагинъ не соглашается однако признать Украйну Польшей! Все это еще понятно и, пожалуй, простительно, но что̀ непростительно—такъ это фальшивыя ссылки. Напримѣръ, авторъ манускрипта, напечатаннаго Мицкевичемъ, говоритъ на 81 стр.: «Кто бы повѣрилъ, что въ Россіи, этой странѣ, которая... (слѣдуетъ исчисленіе ея качествъ, которое мы выпускаемъ), есть Москвичи, утверждающіе слѣдующее: «Мы, конечно, опередили Поляковъ на пути прогреса. и мы уже догнали не одну страну на Западѣ Европы,—кто знаетъ, не опередили ли мы ихъ даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ? Мы можемъ сказать про себя съ гордостью, что мы (Русскіе) *Сѣверные Французы* («День»—Dzien—Мартъ 1862 г.)»... Авторъ съ запальчивостью возражаетъ, что Сѣверными Французами Европа называетъ только Шведовъ и Поляковъ! Нашимъ читателямъ нѣтъ, разумѣется, и надобности доказывать всю невозможность для «Дня» выразить подобное мнѣніе, но все же замѣтимъ, что въ мартѣ прошлаго года ни въ одной статьѣ о Сѣверныхъ Французахъ не упоминается. Напротивъ, намъ случалось *именно* Поляковъ называть *Сѣверными Французами,* и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣяться надъ этимъ титуломъ, которымъ они такъ гордятся, ставить имъ въ упрекъ такое жалкое притязаніе Славянской націи походить на Французовъ. Впрочемъ распространяться объ этомъ нѣтъ надобности; мы привели это какъ образчикъ Польской лжи и Польскаго воззрѣнія на Западный край Россіи. Мы не встрѣчали до сихъ поръ ни одного Поляка, мы не читали ни одного Польскаго автора—съ *инымъ* воззрѣніемъ на нашу Волынь, Подолію, Кіевскую губернію, Бѣлоруссію...

Все это нашимъ читателямъ необходимо имѣть въ виду при чтеніи статьи г. Гильфердинга, помѣщаемой ниже, а также при сужденіи объ адресѣ Виленскаго дворянства съ увѣреніями въ преданности и съ признаніемъ, что они, дворяне, составляютъ съ Россіею одно нераздѣльное цѣлое.

Мы совершенно согласны съ статьей г. Гильфердинга, полагающаго всю трудность Польскаго вопроса — въ Польскихъ притязаніяхъ на Русскія земли. Нашъ почтенный сотрудникъ—только въ несомнѣнномъ возрожденіи, усиленіи и развитіи Русской народности въ Западномъ краѣ Россіи (разумѣя тутъ и вообще и Юго-Западныя области), усматриваетъ возможность для самой Польши—вразумиться, познать свои предѣлы и укротить свои требованія; онъ думаетъ, что до того времени немыслимо никакое отдѣленіе отъ Россіи, никакая независимость коренной Польши. Мы находимъ, что это послѣднее мнѣніе требуетъ нѣкотораго развитія и поясненія. Едва ли кто сильнѣе насъ преданъ дѣлу возрожденія Русской народности въ Западномъ краѣ, и со всѣмъ тѣмъ мы не можемъ отъ себя скрыть всей трудности и медленности этого дѣла—въ странѣ, гдѣ нѣтъ Русскаго общества. А общество туземное, прирожденное общество, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть замѣнено обществомъ Русскихъ чиновниковъ, какъ бы благонамѣренны они ни были; и если бы даже значительная часть Польскихъ поземельныхъ владѣній была роздана въ собственность выходцамъ изъ Россіи, то и тогда потребовалось бы много времени, пока новосозданное Русское общество сдѣлалось бы туземнымъ, срослось бы органически съ мѣстною почвою. Все это, конечно, возможно, но требуетъ долгой органической работы, вполнѣ благопріятныхъ условій и отстраненія всякихъ помѣхъ со стороны Польскаго общественнаго элемента, —помѣхъ не военныхъ, мирныхъ, несравненно болѣе опасныхъ. А между тѣмъ время не ждетъ и Польскій вопросъ настоятельно требуетъ разрѣшенія, и требуетъ его въ такой скорый срокъ, который, безъ сомнѣнія, короче срока, необходимаго для насажденія или развитія Русской общественной силы въ Западномъ краѣ! Всѣ же пробованные до сихъ поръ способы умиротворенія Польши г. Гильфердингъ самъ, какъ и справедливо, признаетъ несостоятельными. Если бы шестьдесятъ лѣтъ, прошедшихъ со времени послѣдняго Польскаго раздѣла, были употреблены въ томъ духѣ и смыслѣ, въ какомъ предполагается, можетъ быть, дѣйствовать теперь; если бы это полустолѣтіе было впереди, а не позади насъ,—то въ настоящую пору, вѣроятно, не было бы уже мѣста Польскимъ притязаніямъ или они были бы не такъ упорны. Но теперь едва ли возможно надѣяться на очищеніе Западныхъ областей Россіи отъ господства Польской общественной стихіи—безъ одновременнаго или по крайней мѣрѣ скораго разрѣшенія вопроса о самой коренной Польшѣ. Адресъ Виленскаго дворянства есть, конечно, блистательный результатъ не просто энергическихъ, но и умныхъ мѣръ, принятыхъ генераломъ Муравьевымъ (направившимъ свои удары преимущественно на экономическіе интересы дворянства),—но послѣ всего, что было, этотъ адресъ, въ глазахъ Русскаго человѣка, свидѣтельствуетъ только о томъ, что Поляки убѣдились, что ихъ дѣло плохо, что имъ необходимо его поправить прежде, чѣмъ оно будетъ совсѣмъ и уже окончательно проиграно. Полякамъ нужно во что̀ бы то ни стало удержать свое общественное положеніе, свое Польское представительство Русскаго края, свое значеніе, какъ мѣстной аристократіи, и они спѣшатъ принесть свою повинную голову, которую, конечно, по пословицѣ, и мечъ не сѣчетъ. Мы отдаемъ должную справедливость благоразумію дворянъ, подписавшихъ адресъ, и не только ихъ благоразумію, но и мужеству (если покушеніе на жизнь гу-

бернскаго предводителя Домейко не охладитъ усердія Виленскаго дворянства), но мы съ трудомъ вѣримъ, чтобы Поляки, даже и не мечтающіе о возстановленіи независимаго отъ Россіи Польскаго государства смотрѣли на Литву, Волынь и Подолію иначе, чѣмъ смотритъ, напримѣръ, маркизъ Велепольскій,—самый, повидимому, умѣреннѣйшій изъ Поляковъ,—по мнѣнію котораго край этотъ Польскій. Нѣтъ сомнѣнія, что не только Виленскіе, но и Рогачевскіе и Подольскіе дворяне уступятъ силѣ обстоятельствъ, представятъ адресы, совершенно противорѣчащіе ихъ прежнимъ адресамъ. т. е. съ выраженіемъ полной покорности,—и, вслѣдствіе того, вѣроятно удержатъ свое прежнее общественное и даже оффиціальное чиновное положеніе... Извѣстно, что и теперь, при полномъ разгарѣ Польскаго мятежа въ Царствѣ, въ Юго-Западномъ краѣ большинство чиновниковъ, особенно мелкихъ (слѣдовательно непосредственно соприкасающихся съ мѣстнымъ населеніемъ), Польское: въ послѣднемъ № «Дня» мы даже напечатали письмо изъ Немирова, Подольской губерніи, которое разсказываетъ, какъ обращаются тамъ съ Русскими крестьянами посредники Поляки. Кромѣ того—Россія вся наводнена чиновниками Польскаго происхожденія, и мы отнюдь не считаемъ ихъ выродившимися Поляками...

Для полной безвредности Польскаго общественнаго элемента въ Россіи, необходимо—или его *сбыть*, или чтобъ онъ *переродился*; вѣрнѣе: то и другое вмѣстѣ. Но сбыть его теперь *некуда*, а что касается до перерожденія, то, конечно, все однородное и способное къ слiянію съ Русской стихіей—переродится и сольется, но для этого необходимо было бы ***отдѣленіе всего того, что существенно разнородно.***

Не можемъ здѣсь кстати не напомнить читателямъ тѣхъ словъ, которыя были сказаны въ «Днѣ», еще въ Мартѣ мѣсяцѣ прошлаго года, о присутствіи Польскаго элемента въ Россіи. Мы увѣрены, что читатели не посѣтуютъ на насъ за эту выписку, потому что она какъ-разъ подходитъ къ предмету нашей бесѣды и теперь публикою поймется, вѣроятно, несравненно лучше, чѣмъ почти полтора года тому назадъ. Вотъ эти слова:

«Неужели эта завѣтная мысль каждаго Поляка, его *самостоятельная* Славянская отчизна не примирима съ нашимъ собственнымъ возрожденіемъ? Безъ задней мысли о самостоятельности Польскаго народнаго развитія, очевидно, не было бы такъ ожесточенно нападеніе Русскихъ писателей на завоеваніе Польской образованности въ Русскихъ краяхъ. Если Польшѣ суждена вѣчная смерть, то присутствіе Польскаго общества въ краяхъ, въ которыхъ будетъ просвѣщеніе чисто-народное (Русское), могло бы внушить не ожесточеніе, а только сострадание. Но въ томъ-то и дѣло, что смерти Польскаго народа не желаетъ ни одинъ Русскій, вникнувшій въ необходимыя послѣдствія разложенія и гніенія каждаго народнаго тѣла... ни одинъ мыслящій Славянинъ, испытавшій, *что значитъ масса людей, которыхъ принудили отречься отъ родины*. Эти милліоны людей, лишенныхъ отечества, эти милліоны отступниковъ, которыми грозилъ намъ Мицкевичъ,—умственно развитые, нравственно уничтоженные,—угрожали бы цѣлому Славянскому міру *нравственнымъ пролетаріатомъ* и повели бы насъ къ такому Австрійскому прогрессу, который еще больше долженъ пугать и насъ и Поляковъ въ будущемъ,, нежели память о какомъ бы то ни было неистовствѣ прошлыхъ вѣковъ. Какого уваженія къ законнымъ пра-

вамъ ждать отъ людей, у которыхъ отняли самое законнѣйшее изъ всѣхъ? Взгляните на массы Чешскихъ и вообще Славянскихъ чиновниковъ и офицеровъ въ Венгріи, Галиціи и во всей Австрійской имперіи, и увидите, что это не мечта поэта, а зло существенное, современное и такое сильное, что требуетъ геройской борьбы для того, чтобы народы не были имъ задавлены совсѣмъ. Оно вездѣ распространяетъ демагогическую заразу совсѣмъ особеннаго Австрійскаго качества; это зло прекратится только возрожденіемъ народной самостоятельности земель, составляющихъ Австрійскій гезамтфатерландъ. Отъ него убережется Россія и Польша—взаимнымъ укрѣпленіемъ *обоюдной народной самостоятельности*. Въ виду такой общей для насъ и Поляковъ опасности, можно бы, казалось, надѣяться на отреченіе отъ самолюбивыхъ и раздражающихъ воспоминаній, на отрезвленіе Русской и Польской мысли», и проч. («День», 1862 г., № 24, стр. 9, отвѣтъ Грабовскому В. А. Елагина).

Вотъ въ какомъ смыслѣ говорили и мы недавно, что, присоединивъ къ себѣ Польшу, мы вогнали ее себѣ *внутрь, отравились* Польшей; вотъ какую опасность, по нашему мнѣнію, представляетъ и для Россіи вновь изъявляемая покорность Польскаго населенія въ Русскихъ краяхъ—безъ одновременнаго разрѣшенія Польскаго вопроса въ смыслѣ признанія за Польшею правъ на *самостоятельное* народное развитіе. Вотъ съ какимъ страшнымъ зломъ пришлось бы бороться возрожденію Русскаго элемента въ нашихъ Западныхъ и Юго-Западныхъ областяхъ,—вотъ сквозь какой толстый общественный слой пришлось бы пробиваться въ нихъ новосозидаемой и новорождающейся Русской общественности,—если этому яду, этой общественной Польской силѣ не дано будетъ исхода *внѣ* Россіи.

Въ послѣднемъ № нашей газеты помѣщена статья г. Безсонова, вновь доказывающая, но еще съ большею силою, мысль уже и прежде высказанную въ «Днѣ», что Польскій вопросъ есть по преимуществу вопросъ *общественный*. Прибавимъ къ тому, что для Россіи было бы несравненно выгоднѣе и самый вопросъ былъ бы гораздо проще и легче для разрѣшенія, если бы онъ былъ не общественный, а *политическій*, еслибъ расплывшаяся, развившаяся до аномаліи, Польская неуловимая, вездѣсущая общественная сила — сократилась, подобралась, концентрировалась въ какіе-либо политическіе предѣлы и формы, воплотилась въ какое-либо политическое тѣло — легко осязаемое, уязвимое и удобосдерживаемое всякою иною, болѣе могущественною государственною силою. Трудно вообще государству съ его внѣшними матеріальными государственными средствами бороться съ внутренними нравственными средствами общества: оружіе не равное,—съ обществомъ должно бороться по преимуществу общество же. Съ другой стороны и Русскому обществу (даже и предположивъ его полное развитіе) трудно бороться съ Польскимъ обществомъ уже и потому, что послѣднее, будучи обществомъ, дѣйствуетъ въ то же время средствами не чисто общественными, но съ элементомъ государственнымъ. Для успѣшной борьбы съ Польшею нужно, чтобы, кромѣ настойчивыхъ усилій Русскаго общества къ укрѣпленію Русской общественной почвы въ Западномъ краѣ,—прекращено было анормальное существованіе Польскаго общества—чрезъ учрежденіе какого-нибудь *политическаго Польскаго центра*, который бы сосредоточилъ въ себѣ, въ ви-

димомъ осязательномъ образѣ, невидимую Польскую общественную стихію, и упразднилъ ея чрезмѣрное развитіе—развитіемъ жизни чисто государственной. Польша, какъ небольшое политическое цѣлое, при всемъ своемъ непомѣрномъ политическомъ честолюбіи, по нашему мнѣнію, была бы несравненно слабѣе и потому менѣе опасна для такого могучаго государственнаго организма, какова Россія,—нежели постоянная тайная отрава отъ разложившагося трупа Польской государственности и незримыхъ, неуловимыхъ Польскихъ общественныхъ силъ съ ихъ потаенными правленіями, комитетами и трибуналами...

Живъ еще въ насъ духъ нашей старины.

Москва, 17-го августа 1863 г.

«Въ новизнахъ Твоего царствованія намъ старина наша слышится», писали Московскіе старообрядцы въ извѣстномъ своемъ адресѣ Государю. Мы можемъ также сказать, что въ новизнахъ нынѣшняго времени слышится, даетъ себя вѣдать и чувствовать, свидѣтельствуя о своей упорной живучести, Русская народная старина. Полуторавѣковой слой Петербургскаго періода нашей исторіи еще не вполнѣ сокрушилъ древнія бытовыя, гражданскія и духовныя насажденія Русской земли, не разорвалъ ея союза съ государствомъ,—и едва только лучъ тепла и свѣта пробился къ ней сквозь густые и толстые пласты чужеземнаго хлама—она вновь ожила, и схороненныя зерна готовы вновь дать ростки, можетъ быть, пышнѣе и краше прежняго. Говоримъ—можетъ быть. Еще бы тепла и свѣта! еще бы побольше солнца и свѣжаго воздуха!..

Дѣло въ томъ, что современное участіе Русской земли въ интересѣ, повидимому, чисто государственномъ (съ точки зрѣнія нѣкоторыхъ Петербургскихъ мужей минувшей эпохи), — участіе, высказываемое теперь только въ безчисленныхъ адресахъ и письмахъ къ Государю и въ разъединенныхъ пожертвованіяхъ, — напоминаетъ ту древнюю историческую связь Царя и Народа, Земли и Государства, которая такъ рѣзко отличаетъ нашу исторію отъ исторіи Западно-Европейскихъ державъ. Не говоря уже о томъ, что̀ было такъ часто высказываемо въ послѣднее время, т. е. о томъ, что Русское государство создалось не завоеваніемъ, а добровольнымъ, сознательнымъ призваніемъ власти, свободнымъ, разумнымъ сочетаніемъ государственнаго наряда съ земскою волею (по крайней мѣрѣ таковъ былъ идеалъ, таково было стремленіе), — мы не должны забывать, что почти до самого Петра, съ преданностью и самопожертвованіемъ, съ изумительною мудростью терпѣнія, упованія и вѣры,—вся земля, всѣми силами своего земства, постоянно участвовала въ строеніи государства... Древняя Русь любила свое государство; оно было ей дорого, какъ оплотъ ея внутренней жизни, какъ необходимая форма, въ которой, въ размѣрахъ небывалыхъ въ мірѣ, должно было осуществиться единство духа и жизни милліоновъ братьевъ, должны были воплотиться и совершить свое разви-

тіе ея великія бытовыя начала. Много принесено было ею въ жертву этой громадной задачѣ; цѣлые вѣка ушли на строеніе, — и если, со временъ Петра, участіе земли въ продолжавшемся государственномъ строеніи было болѣе вещественное, чѣмъ нравственное, тѣмъ не менѣе 1812 годъ и наша эпоха свидѣтельствуютъ, что, несмотря на всѣ недоразумѣнія, противорѣчія и всякіе диссонансы, значеніе государства сохранилось въ сознаніи народномъ во всей чистотѣ принципа, во всей строгости древняго представленія. Это-то присутствіе *старины* въ Русскомъ народѣ, несмотря на всѣ новизны или новшества, по выраженію старообрядцевъ, дало Русскому государству ту внутреннюю крѣпость, которая сохранила его среди соблазновъ и козней, среди невѣжества и тупоумія, среди офранцуженныхъ и онѣмеченныхъ попечителей. Несмотря на всѣ препятствія, которыя могли подорвать союзъ земли и государства—народъ сохранилъ эту связь и все еще готовъ попрежнему любить и лелѣять свое государство! Такъ еще много старины въ Русскомъ народѣ и даже во всѣхъ Русскихъ людяхъ, не слишкомъ искаженныхъ Западною цивилизаціею, что и теперь могъ бы воскреснуть въ насъ, со всею своею красотою и могуществомъ, духъ 1612 года,—духъ, возсоздавшій государство, избравшій Михаила, покорившій свободно, непринужденно, всю Россію, всѣ политическія страсти, всякое личное честолюбіе молодому 17-лѣтнему, неопытному и неискусному самодержцу, «сѣвшему не своимъ хотѣньемъ», какъ говорится въ грамотахъ, его выхваляющихъ, —духъ, смирившій предъ святостью дѣла всѣ крамолы и раздоры, соединившій всѣ воли въ одну народную волю! Эти письма къ Государю изъ всѣхъ городовъ и волостей напоминаютъ (конечно, еще только слегка) тѣ грамоты, которыми пересылались города, собираясь идти на освобожденіе Москвы отъ Поляковъ, чтобы возстановить свое государственное единство и Московское единодержавіе. Эти пожертвованія, которыя шлются и обѣщаются со всѣхъ сторонъ, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, что память о Нижегородскомъ сборѣ земской казны, который далъ возможность снарядить Земское Ополченіе подъ начальствомъ Пожарскаго и вѣдѣніемъ выборнаго отъ всей земли Козьмы Минина, — еще не умерла въ народѣ, что еще живо въ немъ древнее воззрѣніе, особенно укоренившееся въ XVII столѣтіи, на его обязанности и отношеніи къ государству.

Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ денегъ, жертвуемыхъ на пособіе школамъ, церквамъ, раненымъ, и т. д., — почти каждая волость, вмѣстѣ съ адресомъ, представляетъ Государю и посильное свое приношеніе—деньгами и холстомъ; кромѣ того въ «Русскомъ Инвалидѣ» открыта подписка, по предложенію частныхъ лицъ, для составленія капитала на случай войны. Нѣтъ сомнѣнія, что дѣлайся этотъ сборъ *инымъ* способомъ, не чрезъ посредство газетъ, мало распространенныхъ въ народѣ, — этотъ капиталъ, еслибъ только правительство объявило, что оно въ немъ нуждается, могъ бы достичь громадныхъ размѣровъ. Мы получили также надняхъ листъ, подписанный болѣе чѣмъ *ста* лицами—помѣщиковъ, помѣщицъ, мѣщанъ и купцовъ Тверской губерніи (въ томъ числѣ однимъ купцомъ, извѣстнымъ по своему богатству и общественному почетному положенію): этимъ листомъ подписавшіеся обязуются, въ случаѣ войны, не держать въ домѣ ни серебра, ни золота, ни драгоцѣнныхъ камней, а все сносить въ особые

уѣздные комитеты для обращенія въ деньги. Мы не судимъ о достоинствѣ этой мѣры съ точки зрѣнія практической, а указываемъ на нее, какъ на знаменіе времени, какъ на присутствіе въ насъ духа старины, какъ на доказательство той внутренней связи земства съ государствомъ, которая готова сказаться при каждомъ великомъ земскомъ и государственномъ дѣлѣ,—если только не стѣснена въ своемъ выраженіи. Мы не печатаемъ въ нынѣшнемъ № этого Тверского заявленія, потому что должны были просить о присылкѣ къ намъ новаго списка подписей, которыя на подлинномъ листѣ написаны слишкомъ неразборчиво; но не изъ одной Тверской губерніи,—и изъ другихъ мѣстъ получаемъ мы приглашенія открыть подобныя же подписки. Въ то же время начинаетъ видимо сознаваться все неудобство такой разрозненности въ дѣлѣ и въ способахъ пожертвованія, вся невыгода такой раздробленности и такого разнообразія въ проявленіи этой народной силы. Чувствуется потребность соединить и обобщить это участіе, приносимое всѣми сословіями, *всякихъ чиновъ людьми Русскаго государства*, къ настоящему великому государеву и земскому дѣлу. «Нельзя ли — пишутъ намъ изъ Восточной Россіи — поднять мысль объ образованіи народнаго капитала, который бы собирался и хранился въ Москвѣ на случай войны, а если бы войны не было, могъ бы, съ общаго вѣдома и согласія, быть употребленъ на построеніе желѣзныхъ дорогъ или на другіе не менѣе важные предметы? Мы всѣ теперь жертвуемъ порознь и безтолково; мы бы жертвовали вдесятеро болѣе, еслибъ государство призвало и пригласило насъ къ пожертвованіямъ, назначивъ для этого сборнымъ пунктомъ Москву...».

Какъ не сказать при этомъ, что въ новизнахъ нынѣшняго времени намъ старина наша слышится! Если Тверское заявленіе напоминаетъ намъ Нижегородскій сборъ Минина, то и это послѣднее предложеніе имѣетъ сходство съ тѣмъ способомъ, какимъ собирались пожертвованія, вскорѣ послѣ междуцарствія, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Извѣстно, что казна была истощена въ конецъ, что правильное взиманіе податей было невозможно и что необходимыя денежныя средства для войны съ Поляками и для возсозданія государства—даны были, между прочимъ, такъ называемою *пятою деньгою*, сборъ которой опредѣленъ былъ *Земскими Соборами* 1613, 1614 и 1616 годовъ. Эта деньга собиралась *по всемірному приговору* (см. акты Археогр. Ком. т. 3, стр. 112). Въ царской грамотѣ Строгановымъ 29 Апрѣля 1616 г. мы читаемъ: «И мы, Великій Государь, говорили и совѣтовали на Соборѣ съ богомолцы своими съ митрополиты, архіепископы и съ епископы и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и съ бояры и съ окольничими и съ стольники и съ стряпчими и со всѣми ратными людьми и съ Московскими и всѣхъ городовъ съ гостьми и съ выборными съ торговыми людьми: о томъ, что великія Россійскія государства отъ пограничныхъ недруговъ и отъ разорителей христіанскихъ, отъ Польскихъ, Литовскихъ и Нѣмецкихъ людей и отъ Русскихъ воровъ разорены... а Польскій и Литовскій король хвалится на Московское Государство и на истинную нашу православную христіанскую вѣру Греческаго закона и на всѣхъ православныхъ христіанъ конечнымъ разореньемъ... а изъ нашія казны пожаловати ратныхъ людей нечѣмъ. И на Соборѣ всѣхъ великихъ Россійскихъ государствъ митрополиты и архіепископы и епископы и весь освя-

щенный соборъ, и Московскіе и всѣхъ городовъ гости и торговые и выборные всякіе люди приговорили: на ратныхъ людей, чѣмъ ратныхъ людей подмогати и противъ нашего недруга Польскаго и Литовскаго короля, за насъ, Великаго Государя и за истинную нашу православную христіанскую вѣру Греческаго закона, и за церкви Божія и за всѣхъ православныхъ христіанъ стояти,—собрати денегъ съ Москвы и со всѣхъ городовъ, съ посадовъ и уѣздовъ и съ нашихъ съ дворцовыхъ селъ и съ черныхъ волостей, и съ патріаршихъ» и пр., «и съ боярскихъ и съ дворянскихъ и съ дьячихъ съ вотчинъ и съ помѣстей *сошныя деньги*, а съ гостей и съ торговыхъ со всякихъ людей и съ монастырей, которые торгуютъ, *пятую деньгу*. А съ васъ, съ Максима и съ Микиты, и съ Андрея и съ Петра власти (духовныя) *и всѣхъ городовъ выборные люди* приговорили взять, съ вотчинъ и съ промысловъ и съ животовъ, сорокъ тысячъ рублей». Строгановымъ убѣдительно доказывается необходимость этой жертвы: «поразсудите то,—говоритъ имъ грамота, только за оскудѣньемъ нашихъ ратныхъ людей, отъ Польскихъ и отъ Литовскихъ людей которое зло великимъ Россійскимъ Государствамъ учинится, и въ тѣ поры и васъ всѣхъ православныхъ христіанъ и животовъ и домовъ вашихъ ничего не будетъ и во вѣки безпамятны будете». Въ противномъ же случаѣ, за то вспоможенье будетъ имъ «отъ Бога милость и отъ всѣхъ великихъ Россійскихъ Государствъ слава и ихъ дѣтямъ слыти будетъ навѣкъ». Точно такъ и при началѣ новой войны съ Поляками въ 1632 году, на *Земскомъ же Соборѣ*,—на которомъ изложены были собравшимся всѣ *неправды* Польскаго короля, всѣ неудавшіяся попытки къ миру, вся неотвратимость войны,—духовенство и служилые люди объявили, что они «вспоможенье ратнымъ людямъ денегъ дадутъ, а что кто дастъ, тому принесутъ росписи»; торговые же и прочіе черныхъ сотенъ и всякіе люди обѣщали пятую деньгу; вслѣдствіе чего учрежденъ былъ Приказъ Запросныхъ и Пятинныхъ денегъ, и сборъ порученъ былъ боярину князю Димитрію Михайловичу Пожарскому. Но, видно, этихъ денегъ недостало, потому что до насъ дошелъ статейный списокъ новаго Земскаго Собора, бывшаго черезъ годъ и нѣсколько мѣсяцевъ. Передадимъ его содержаніе вкратцѣ, выпуская повторенія.

«1634 года генваря въ 28 день, государь царь Михаилъ Θеодоровичъ указалъ быти на Соборѣ, при себѣ Государѣ»,—духовенству, боярамъ, думнымъ и вообще служилымъ людямъ,—«гостямъ гостиныя и суконныя сотни и черныхъ сотенъ торговыхъ всякихъ чиновъ людямъ Московскаго государства. А Соборъ былъ въ столовой избѣ генваря въ 29 день».

«А на Соборѣ, при Государѣ, говорена властямъ и боярамъ и всякихъ чиновъ людямъ рѣчь».

Здѣсь опять разсказываются неправды Польши, оскорбленія, наносимыя Польскимъ правительствомъ Русскому государю, присвоеніе Владиславомъ себѣ титула Московскаго Царя, «чего ему Богъ не далъ»,—наконецъ причины, побудившія къ войнѣ, самый ходъ войны и наконецъ употребленіе денегъ, собранныхъ въ прошломъ году по *Соборному уложенію*:—рѣчь оканчивается обращеніемъ ко всѣмъ собравшимся, чтобъ они, «видя такихъ злыхъ враговъ, Польскихъ и Литовскихъ людей злое умышленіе на православную вѣру и на святыя Божіи церкви, и на царя и на всѣхъ православныхъ христіанъ Московскаго государства»—дали: служи-

лые и духовенство — денег, а гости и всякіе тягловые люди — пятую деньгу. «То ваше нынѣшное прямое даяніе пріятно будетъ самому Содѣтелю Богу, — заключаетъ рѣчь, — а государь царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Руси то ваше вспоможенье учинитъ памятно и николи не забытно!..».

«А на Соборѣ говорили власти (духовныя), бояре, окольничіе (слѣдуетъ вновь перечисленіе собравшихся) и торговые всякіе люди, что они для вспоможенія и для избавы православной вѣры противъ Польскаго и Литовскаго короля на жалованье ратнымъ людямъ *денегъ дадутъ, смотря по своимъ пожиткамъ, что кому мочно дать*».

Вотъ какимъ способомъ разоренная, истощенная, бывшая на краю погибели, Россія менѣе чѣмъ въ 50 лѣтъ послѣ Польскаго нашествія является могущественнѣйшимъ, крѣпко сплоченнымъ и организованнымъ государствомъ: явленіе, до сихъ поръ поражающее иностранныхъ историковъ! Вотъ какъ выражалась та связь народа съ государемъ или — что то же — земли съ государствомъ, которая жива и понынѣ держитъ Россію и которая устояла, несмотря на реформу Петра, на всѣ соблазны и духовныя потрясенія, на отчужденіе высшихъ слоевъ общества отъ Русской народности. Преданія этого союза, этого постояннаго участія земли въ строеніи государства, этого обоюднаго довѣрія, основаннаго на сознаніи единства своихъ стремленій и цѣли, вошли въ плоть и кровь Русскаго народа и пережили въ немъ всѣ искушенія Петровскаго періода нашей исторіи. Русскій народъ *съ своей стороны* никогда, ни разу не измѣнялъ этому довѣрію...

Выписка изъ окружной грамоты царя Михаила Ѳеодоровича въ Новгородъ, воеводамъ боярину князю Ивану Хованскому, Мирону Вельяминову и дьяку Третьяку Копнину: **о присылкѣ въ Москву выборныхъ для составленія вновь окладныхъ книгъ и уравненія податей и повинностей.** Писана 1619 г. Іюля 5 (Собраніе Государственныхъ грамотъ и договоровъ, т. III, № 47).

Мы сообщили въ 21 № нашимъ читателямъ выписку изъ рѣчи, говоренной въ 1618 г. на Соборѣ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ. Въ дополненіе къ характеристикѣ тогдашняго времени приводимъ отрывокъ изъ грамоты 1619 г.

Въ 1619 году, по возвращеніи отца государева Филарета изъ плѣна и по возведеніи его на патріаршій престолъ, государь совѣтовался съ нимъ о томъ: «что судьбами Божьими, и за грѣхъ всего православнаго Христіанства, Московское государство отъ Польскихъ и отъ Литовскихъ людей и отъ воровъ разорилось и запустѣло, а подати всякія емлютъ съ иныхъ по писцовымъ книгамъ, а съ иныхъ по дозорнымъ книгамъ, *и инымъ тяжело, а другимъ легко;* а дозорщики, которые послѣ Московскаго разоренья посыланы по городамъ будучи, дозирали и писали по дружбѣ за иными легко, а за иными по недружбѣ тяжело и отъ того Московскаго государства всякимъ людямъ скорбь конечная... А иные многіе люди намъ

бьютъ челомъ на бояръ и всякихъ чиновъ людей, въ насильствѣ и обидахъ, чтобъ ихъ пожаловати, велѣти отъ сильныхъ людей оборонить. И мы, Великій Государь, съ отцомъ своимъ и богомольцемъ святѣйшимъ патріархомъ... и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и съ бояры и съ окольничими и съ думными и со всѣми людьми Московскаго государства учиня Соборъ, о всѣхъ статьяхъ говорили: *какъ бы то исправить и земля устроить?* И усовѣтовавъ мы, Великій Государь, со всѣми людьми Московскаго государства, приговорили: во всѣ городы, которые не были въ разореньи, послати писцовъ, а которые были въ разореньи, послати дозорщиковъ добрыхъ, привели къ крестному цѣлованью, давъ имъ полные наказы»... (Слѣдуютъ затѣмъ подробности этихъ наказовъ)... «А изъ городовъ изо всѣхъ, для вѣдомости и для устроенія, указали мы взять къ Москвѣ, выбравъ изъ всякаго города, изъ духовныхъ людей по человѣку, да изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ по два человѣка, добрыхъ и разумныхъ, да по два человѣка посадскихъ людей, *которые бъ умѣли разсказать обиды и насильства и разоренье, и чѣмъ Московскому Государству полниться* и ратныхъ людей пожаловать, *и устроить бы Московское Государство, чтобъ пришло все въ достоинство»*. Далѣе въ грамотѣ Новгородскимъ—воеводамъ и дьяку, изъ которой мы выписали вышеприведенныя слова, наказывается, чтобъ они, по полученіи грамоты, велѣли быть въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ: духовенству, «дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ, гостямъ, посадскимъ и уѣзднымъ и всякимъ людямъ Новгородскаго государства; а какъ сойдутся, и вы-бъ сю нашу грамоту велѣли прочесть всѣмъ людямъ вслухъ», а потомъ велѣли-бъ имъ «выбрати изо всѣхъ чиновъ людей добрыхъ и разумныхъ изъ духовнаго чина человѣка или двухъ, изъ дворянъ и изъ дѣтей боярскихъ изъ пятины по два человѣка, а изъ гостей и изъ посадскихъ людей по два человѣка и *выборные на нихъ списки дали за руками* и отпустили-бъ ихъ къ намъ въ Москву, чтобъ *намъ всякія ихъ нужи и тѣсноты и разоренья и всякіе недостатки были вѣдомы»*... «и мы, выслушавъ отъ нихъ челобитья, учнемъ, прося у Бога милости, говорити и промышляти объ нихъ ко всему добру, чтобъ всѣ люди нашего государства, и по Божіей милости и нашимъ Царскимъ призрѣньемъ, жили въ покоѣ и радости»...

Каково должно быть положеніе Поляковъ въ Украйнѣ.

Москва 1-го сентября 1863 года.

«Долгъ, совѣсть, благоразуміе», справедливость, «охрана всѣхъ гражданъ, безъ различія національностей и вѣръ»—все это, безъ сомнѣнія, очень высокія начала, на которыя никто не нападалъ и нападать не станетъ,—но все это, благодаря своей неопредѣленности, нисколько не разъясняетъ дѣла и представляется общимъ мѣстомъ, а не положительной системой. Вся задача именно въ томъ, *что* разумѣть подъ долгомъ въ данномъ случаѣ, *чего* требуетъ высшая справедливость, наконецъ, — кого

слѣдуетъ болѣе охранять—Русскихъ ли отъ Поляковъ, или Поляковъ отъ Русскихъ? Мудрено администраціи стать въ безразличное отношеніе къ вѣрѣ и національности въ такую минуту и тамъ, гдѣ борьба идетъ именно за національность и вѣру противъ другой національности и вѣры, гдѣ вопросъ поставленъ такъ: какая вѣра и національность побѣдитъ другую? Поляки хотятъ вновь наложить политическое иго на Русскій край, уже угнетенный ими соціальнымъ и духовнымъ гнетомъ. Русскій народъ пробуждается, разбиваетъ вооруженныхъ враговъ и стремится освободиться и освободить свою страну изъ-подъ власти Польской стихіи. Призваніе Русской администраціи въ такомъ дѣлѣ совершенно ясное, если только она Русская:—но если она пытается, въ самый разгаръ борьбы, когда вопросъ еще не рѣшенъ и побѣда одержана не вполнѣ, относиться къ Польской воюющей, враждующей съ нами національности съ одинаковымъ вниманіемъ, какъ и къ Русской, — къ латинству съ такимъ же уваженіемъ, какъ и къ православію, то такая администрація—не Русская и не понимаетъ своего положенія.

Край этотъ Русскій, Русскій и Русскій! въ немъ нѣтъ разныхъ національностей и вѣръ; въ немъ одинъ хозяинъ—Русскій народъ; одна господствующая національность — Русская, которой вѣра — православіе; прочія національности и вѣры—Польская, Жидовская, Латинство и Моисеевъ законъ—могутъ быть въ ней допущены и терпимы на правахъ чужестранныхъ гостей, но не могутъ имѣть притязаній на хозяйское мѣсто. Между тѣмъ, въ силу несчастныхъ обстоятельствъ, этотъ законный и естественный порядокъ извратился, на хозяйскомъ мѣстѣ возсѣдала Польщизна, а у ногъ ея пресмыкался Русскій народъ,—и такое устройство дѣлъ было укрѣплено помѣщичьимъ правомъ и государственною властью. Теперь, конечно, многое уже измѣнилось, но Поляки спѣшатъ возвратить себѣ прежнее положеніе—вооруженною силою, пропагандою, обманомъ и хитростью. Поляки объявляютъ во всеуслышаніе всего міра, что хотятъ вновь подчинить Кіевъ и Украйну Польскому владычеству, провозглашаютъ эти земли Польскими и призываютъ на насъ войну со всей Европой. *Нѣтъ ни одного Поляка*—противъ этого, конечно, не станетъ же спорить г. В. Юзефовичъ,—который бы въ душѣ своей не раздѣлялъ общаго Польскаго мнѣнія о Юго-Западномъ краѣ. Какая же задача мѣстной администраціи? Повести дѣло такъ, чтобъ явно было и Полякамъ, и всему міру, что этотъ край принадлежитъ Русской національности и вѣрѣ, чтобъ нелѣпыя притязанія Поляковъ повыскочили у нихъ изъ головы, чтобъ лишить Поляковъ всякаго преобладанія въ краѣ, чтобъ отнять у Польской пропаганды всякую точку опоры, чтобы сдѣлать рѣшительно невозможными всякія попытки Поляковъ къ возбужденію волненій въ Украйнѣ. Конечно, значительная доля въ дѣлѣ возрожденія Русской народности принадлежитъ собственно Русскому обществу, но и независимо отъ общественной сферы, администраціи предлежитъ много работы чисто-административной—въ устраненіи всѣхъ чисто-административныхъ преградъ, поставленныхъ развитію Русскаго элемента Польскою хитростью.

А г. Юзефовичъ, указавъ на мѣры, принятыя еще въ январѣ мѣсяцѣ начальствомъ къ предотвращенію мятежа (но не предотвратившія его, хотя можетъ быть и ослабившія), спрашиваетъ: что же еще осталось дѣлать

администраціи? *Больше требовать отъ администраціи нельзя!* восклицаетъ онъ. По его мнѣнію, администрація нечего другого и дѣлать въ этомъ краѣ, какъ предупреждать образованіе шаекъ и карать *обличенныхъ* преступниковъ!.. Очевидно, что такая администрація не въ состояніи видѣть опасность и еще менѣе сладить съ нею, если опасность является не въ формѣ возстанія и не въ костюмѣ повстанца и съумѣла оградить себя съ юридической стороны! Мы просимъ г. Юзефовича отвѣтить намъ по совѣсти: могутъ ли Поляки въ настоящее время занимать административныя должности въ краѣ? Г. Юзефовичъ говоритъ, что, признавъ даже сочувствіе всего Польскаго населенія мятежу, законъ не можетъ казнить тѣхъ, которые, по нравственной несостоятельности, вслѣдствіе ксендзовскаго воспитанія, подчиняются Польскому общественному движенію, но не приняли въ немъ фактическаго участія, оставаясь безмолвными свидѣтелями, *можетъ быть даже и доброжелателями.* Казнить не слѣдуетъ, но слѣдуетъ устранить ихъ отъ всякихъ должностей, гдѣ приходится имъ становиться въ противорѣчіе съ своимъ *доброжелательствомъ*, гдѣ, напротивъ,требуется отъ чиновника положительное недоброжелательство успѣхамъ Польской народности и несомнительная преданность Русскому *народному* дѣлу. Между тѣмъ въ Кіевской, Волынской и Подольской губерніяхъ мировые посредники, становые пристава и большинство мелкихъ чиновниковъ, непосредственно соприкасающихся съ народомъ, *Поляки!..* Въ Волынской Палатѣ Государственныхъ Имуществъ всѣ до одного чиновника *Поляки!..* Пусть г. Юзефовичъ пришлетъ намъ списокъ всѣхъ чиновниковъ генералъ-губернаторства съ означеніемъ ихъ происхожденія: этотъ оффиціальный документъ самъ по себѣ послужитъ краснорѣчивымъ опроверженіемъ всѣхъ его защитительныхъ доводовъ. Какъ бы ни горячился г. Юзефовичъ въ пользу Кіевской администраціи, мы признаемъ всѣ его опроверженія безсильными, пока онъ не опровергнетъ главнаго нашего обвинительнаго аргумента, т. е. сохраненія за Поляками административныхъ должностей и правъ!

Мы вполнѣ убѣждены въ благонамѣренности г. Юзефовича и мѣстной Русской администраціи; но если исполнителями правительственныхъ распоряженій будутъ оставаться попрежнему Поляки, то самыя лучшія распоряженія правительства не достигнутъ цѣли. Мы не можемъ же думать, чтобъ Заднѣпровскіе Поляки были выродками Польской націи и хотѣли Русскаго преобладанія въ краѣ; если даже они и не примутъ фактическаго участія въ мятежѣ, то недостатокъ усердія, который никакъ нельзя однако же вмѣнить въ преступленіе, можетъ быть иногда хуже умышленной вины, доступной обличенію и слѣдовательно наказанію. Это сохраненіе за Поляками ихъ административнаго положенія упрочиваетъ за Польскимъ элементомъ преобладаніе въ краѣ и даетъ всему краю Польскую окраску; съ другой стороны крестьянинъ, сталкиваясь постоянно съ Польскими чиновниками, *доброжелательными* къ мятежу и недоброжелательными къ Русскому господству, естественно оскорбляется такимъ подчиненнымъ своимъ отношеніемъ къ лицамъ враждебной ему народности, — и теряетъ всякое довѣріе къ мѣстной администраціи. Администрація, не принимающая въ разсчетъ этого народнаго чувства и противополагающая отвлеченную формальную легальность справедливымъ требованіямъ, законнымъ

стремленіямъ Русскаго народа—видѣть Русскую страну изъятою изъ рукъ старыхъ угнетателей-Поляковъ,—такая администрація въ сущности, сама того не подозрѣвая, очищаетъ поле для преобладанія Польской стихіи. Поляки ничего другого и не требуютъ, какъ формальной легальности, т. е. возможности безнаказанно, съ соблюденіемъ легальныхъ формъ, производить пропаганду, тѣснить Русскую народность.

Г. Юзефовичъ пишетъ, что объ администраціи надобно судить по ея результатамъ. Это совершенно справедливо, и именно по блистательнымъ результатамъ двухмѣсячнаго управленія Литвою генераломъ Муравьевымъ можемъ мы сдѣлать заключеніе и о самой системѣ его управленія. Результаты эти таковы, что Бѣлоруссія поставлена нынѣ несравненно въ выгоднѣйшія условія, чѣмъ Юго-Западный край, что Бѣлоруссія ожила, воспрянула и быстро возрождается къ новому бытію, несмотря на пяти-вѣковой непрерывный гнетъ Польскій, несмотря на загнанное, забитое, робкое сельское населеніе. Между тѣмъ на Украйнѣ народъ мужественный и бодрый, богатый преданіями воинской славы, искони враждовавшій съ Поляками,—на Украйнѣ есть Кіевъ съ преданіями Кіевской цивилизаціи, Кіевъ, гдѣ по численности самаго населенія преобладаетъ Русская стихія. И между тѣмъ въ окончательномъ выводѣ выходитъ, что Бѣлоруссія быстрѣе очистится отъ преобладанія полонизма, чѣмъ Заднѣпровье, благодаря *разнымъ* системамъ администраціи! «Для насъ, Литовцевъ, не бывало такого счастливаго года, какъ 1863 годъ!» пишетъ намъ одинъ священникъ изъ Гродненской губерніи, радуясь возрожденію своего края... «Мы ожидаемъ страшной трагедіи, народъ раздраженъ, видя, что даже возстаніе Поляковъ, подавленное его усиліями, не вразумило Кіевскую администрацію, и Поляки попрежнему продолжаютъ издѣваться надъ Русскимъ общественнымъ мнѣніемъ публичными манифестаціями, продолжаютъ занимать должности и угнетать народъ въ качествѣ становыхъ приставовъ и мировыхъ посредниковъ; народъ, не довѣряя администраціи, хочетъ расправляться съ Поляками самъ, считая эту расправу болѣе надежною; уже были случаи жестокаго обращенія крестьянъ съ Поляками, не встрѣчавшіеся прежде,—и если раздраженіе народа усилится, то администрація, которая сама довела народъ своею оплошностью до такого состоянія, поставлена будетъ въ печальную необходимость укрощать народный патріотизмъ силою». Вотъ что̀ пишутъ намъ почти съ каждою почтой изъ Кіева!

Какіе же другіе результаты дала мѣстная администрація, по свидѣтельству г. В. Юзефовича?

Расѣяніе шаекъ, подавленіе возстанія? Но, не говоря уже о томъ, что шайки эти вообще были ничтожны,—всѣ старанія г. Юзефовича ослабить значеніе народнаго участія въ этомъ дѣлѣ опровергаются свидѣтельствомъ самихъ военныхъ. Вотъ что, напримѣръ, свидѣтельствуетъ ген. Кранке—въ брошюрѣ, изданной въ Кіевѣ, отъ Кіевскаго университета, за подписью 27 профессоровъ и заключающей въ себѣ описаніе Польскаго мятежа, брошюрѣ, которой мы не можемъ не вѣрить: «честь уничтоженія мятежныхъ шаекъ принадлежитъ крестьянамъ; они сами собою вооружились поголовно, чѣмъ могли, повсемѣстно появились крестьянскіе отряды, преимущественно конные, въ числѣ отъ 50 до 1500 человѣкъ, такъ что обязан-

ность войскъ состояла преимущественно въ укрощеніи справедливаго гнѣва крестьянъ» и проч.

Напрасно г. Юзефовичъ (говоря постоянно во имя мѣстной администраціи) старается отнять эту честь у крестьянъ, даже набросивъ тѣнь подозрѣнія на характеръ народнаго движенія. «Возбужденные народные инстинкты поневолѣ слѣдовало сдерживать, иначе, при существованіи въ значительной степени *соціальнаго* характера въ анти-Польскомъ движеніи народа, легко было дать этому движенію возможность распространиться до размѣровъ полнаго народнаго возстанія противъ помѣщиковъ». Мы не вѣримъ этому обвиненію. Мы очень хорошо знаемъ, что Поляки постоянно, еще задолго до возстанія, старались заподозрить въ глазахъ правительства анти-Польскія стремленія Русскаго народонаселенія—въ соціализмѣ и демократизмѣ. Объ этомъ писалъ и г. Грабовскій въ статьѣ своей, помѣщенной въ прошлогоднемъ «Днѣ»; объ этомъ доносятъ и Подольскіе дворяне, въ оправданіе своего знаменитаго адреса, обвиняя, передъ правительствомъ, весь простой Русскій народъ, почитателей Шевченка, журналы «Основу» и «День» и вообще всѣхъ, враждующихъ съ Польскою народностью—въ *демократическихъ, соціальныхъ и революціонныхъ* тенденціяхъ. Неужели и Кіевская администрація, какъ должно заключить изъ словъ г. Юзефовича, раздѣляетъ это Польское воззрѣніе на народное Русское движеніе?

Г. Юзефовичъ, въ числѣ блистательныхъ дѣлъ Кіевскаго начальства, указываетъ на образованіе сельской стражи, — какъ будто мысль объ этомъ учрежденіи принадлежитъ собственно и исключительно мѣстной Юго-Западной администраціи. Можетъ быть, это и такъ, не беремся спорить. Мысль эта во всякомъ случаѣ чрезвычайно плодотворна и заслуживаетъ искренней общей признательности.

Что же касается до прекращенія обязательныхъ отношеній къ помѣщикамъ-бунтовщикамъ, то г. Юзефовичъ сильно возстаетъ противъ *обязательнаго* выкупа, какъ нарушающаго начало законности, и предпочитаетъ ему какую-то странную сдѣлку, которая облегчаетъ для помѣщиковъ-Поляковъ взысканіе оброка съ Русскихъ крестьянъ—тѣмъ, что оброкъ взыскивается правительствомъ, собирается въ уѣздное казначейство и оттуда уже выдается помѣщикамъ! Ну, а панщина? Если она *отмѣнена* начальствомъ, то вѣдь это такъ же несправедливо, какъ и обязательный выкупъ, съ точки зрѣнія г. Юзефовича? Но и относительно способа взиманія оброка, крестьянамъ отъ того нисколько не легче: они не могутъ не знать, куда окончательно поступаютъ ихъ деньги! Зато помѣщикамъ-Полякамъ и легко, и удобно: полученіе оброка—вѣрно и избавляетъ ихъ отъ всякаго непріятнаго столкновенія съ крестьянами: всю непріятность дѣла правительство великодушно приняло на себя, и честныя Русскія крестьянскія деньги, добытыя потомъ и кровью Русскаго народа, все-таки поступаютъ въ распоряженіе Польскимъ помѣщикамъ,—если не прямымъ бунтовщикамъ, то несомнѣнно доброжелателямъ Польскому мятежу, прямо или косвенно содѣйствующимъ успѣху Польскихъ притязаній на Русскій край и угнетенію Русской народности. Впрочемъ, мы слышали, что та *несогласная съ законностью* мѣра, благополучно дѣйствующая на всемъ протяженіи управленія генерала Муравьева, по распоряженію высшаго началь-

ства должна быть введена и на Украйнѣ. Но нельзя не пожалѣть, что въ теченіе трехъ мѣсяцевъ слишкомъ со времени возстанія мѣстная администрація ничего не сдѣлала въ облегченіе крестьянъ, а только обезпечивала помѣщикамъ полученіе оброка, удерживая въ сущности принципъ, отвергаемый чувствомъ народной справедливости: т. е. уплату повинностей за Русскую землю лицамъ, отрицающимъ Русскую національность на этой землѣ.

По частнымъ свѣдѣніямъ, къ намъ дошедшимъ, въ Кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ не конфисковано и не секвестровано ни одного имѣнія даже у помѣщиковъ, участвовавшихъ въ возстаніи, тогда какъ не только законъ даетъ на это полное право, но и всѣ интересы Россіи заставляютъ желать, чтобъ поземельная собственность изъ Польскихъ рукъ переходила въ Русскія руки. Для этого надобно пользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ: такихъ случаевъ было много; мѣстная администрація ни однимъ не воспользовалась.

Вотъ они, результаты, столь прославляемые г. Юзефовичемъ. Къ числу ихъ должно отнести и учрежденіе Польскимъ національнымъ жондомъ особеннаго комитета для управленія Русью въ самомъ Кіевѣ и изданіе въ Кіевѣ Польскаго тайнаго журнала «Валька» (свалка, борьба), котораго 1 № вышелъ 4 іюля («Моск. Вѣд.» 10 августа). Кромѣ того, обращаемъ вниманіе г. оппонента на 177 № «Московскихъ Вѣдомостей (13 авг.). Онъ найдетъ тамъ еще сильнѣйшее подтвержденіе нашихъ доводовъ.

Г. Юзефовичъ ограничиваетъ участіе крестьянъ въ охраненіи края— предупрежденіемъ мѣстнаго начальства о Польскихъ затѣяхъ. И дѣйствительно есть, говорятъ, циркуляръ, воспрещающій крестьянамъ, подъ страхомъ строжайшаго наказанія, преслѣдовать мятежниковъ, а приказывающій давать объ нихъ знать мѣстному становому приставу—другими словами: на Поляковъ—Поляку, потому что, какъ мы уже сказали, становые пристава большею частью Поляки.

Нашъ отвѣтъ и безъ того слишкомъ длиненъ. Мы старались сохранить должное уваженіе къ власти и всемѣрно воздерживались отъ слишкомъ рѣзкихъ и положительныхъ указаній. На вопросъ г. Юзефовича, чего желалъ бы г. Кисловской, мы, въ параллель придуманнымъ г. Юзефовичемъ требованіямъ со стороны будто бы нашего корреспондента, скажемъ, чего г. Кисловской желаетъ, и мы вмѣстѣ съ нимъ:

Чтобы дѣйствіями лицъ, которымъ довѣрено управленіе, руководили, въ предѣлахъ закона, интересы Русской народности и Русское національное чувство. Законъ не приказываетъ раздавать Полякамъ административныя должности и не можетъ идти наперекоръ требованіямъ Русской народности!

Чтобы судъ былъ точно правосуденъ, не потворствовалъ Полякамъ, и чтобы съ предоставленіемъ подсудимымъ всѣхъ средствъ къ защитѣ, въ немъ не участвовали лица враждебной намъ Польской народности.

Чтобы въ дѣйствіяхъ администраціи народъ видѣлъ грозное, сильное, энергическое и правосудное *Русское* управленіе, а не отвлеченную силу, безразлично относящуюся ко всѣмъ народностямъ и приносящую въ жертву фальшивымъ либерально-гуманнымъ принципамъ—права и спокойствіе Русскаго простого народа. Гуманность мѣстной администраціи

обращается вся въ пользу Польскаго панства и является совершенно негуманною—относительно Русскихъ крестьянъ, которыхъ заставляютъ работать на пана, враждебнаго Русской землѣ,—относительно Русской народности, оскорбленной въ самыхъ священныхъ своихъ правахъ!

Чтобы правительство, не поставляя «hors la loi цѣлую Польскую національность», не признавало однакоже никакихъ правъ Польской національности на Русской землѣ. Поляки, живущіе на Украйнѣ, могутъ имѣть права не какъ Поляки, а только какъ Русскіе граждане; если же Полякамъ это не нравится, то пусть оставятъ Русскую землю и уходятъ въ Польшу. Но такъ какъ Поляки не уходятъ въ Польшу, а между тѣмъ продолжаютъ предъявлять права Польской національности на Украйну, то они не могутъ внушать довѣрія мѣстной администраціи и не должны получать отъ нея средства къ упроченію Польскаго вліянія въ Русскомъ краѣ. А эти средства доставляются имъ черезъ замѣщеніе правительственныхъ должностей — Поляками, т. е. лицами, принадлежащими къ народности, исторически до сихъ поръ враждебной и Русскому правительству, и Русскому народу! Отдавать власть надъ Русскимъ краемъ Полякамъ, отрицающимъ народность края и признающимъ его частью Польши—это самоубійство!

Чтобы мѣстное управленіе постоянно помнило, что его призваніе въ Украйнѣ—всемѣрное ослабленіе Польскаго господства, очищеніе края отъ Польской стихіи и всяческое зависящее отъ администраціи содѣйствіе—къ возрожденію, усиленію и упроченію Русскаго народнаго элемента.

Всего этого мы не видимъ въ той системѣ дѣйствій мѣстной администраціи, которую самъ же обрисовалъ намъ ея горячій защитникъ, г. Владиміръ Юзефовичъ.

Разность взглядовъ «Московскихъ Вѣдомостей» и «Дня» на Польскій вопросъ.

Москва, 24 августа 1863 г.

Мысль, высказанная нами въ 32 № «Дня» *) о томъ, что политическая самостоятельность Царства Польскаго представляетъ менѣе невыгодъ для Россіи, чѣмъ его насильственное съ нею соединеніе, встрѣтила мало сочувствія въ общественномъ мнѣніи и, напротивъ, какъ мы того и ожидали, подала поводъ къ возраженіямъ со стороны несомнѣннаго представителя *большинства* нашего общества — «Московскихъ Вѣдомостей». Понятно, что въ разгарѣ борьбы, при раздраженіи, возбужденномъ поступками Польскихъ мятежниковъ, въ виду безпрерывныхъ убійствъ, совершаемыхъ на улицахъ Варшавы, среди бѣлаго дня, по повелѣнію таинственной и неуловимой власти,—при законномъ негодованіи, вызываемомъ въ Русскомъ сердцѣ безумными притязаніями Поляковъ на Русскія земли, — нашему патріотическому большинству всякія разсужденія о политической незави-

*) См. выше, подъ заглавіемъ: „Ложь сдѣлалась органическимъ отправленіемъ Польской натуры“.

симости Царства Польскаго кажутся, по меньшей мѣрѣ, прождевременными и несогласными съ настоящей потребностью. Мы и сами возмущаемся тѣмъ положеніемъ, въ которое поставлено въ Польшѣ Русское правительство, и желали бы видѣть его возстановленнымъ въ своемъ достоинствѣ и вполнѣ отвѣчающимъ высокому призванію законной власти; мы такъ же, какъ и всѣ, полагаемъ, что подавленіе мятежа и уничтоженіе «народнаго жонда» должно необходимо предшествовать всякимъ, какъ выражаются въ канцеляріяхъ, мѣропріятіямъ къ гражданской и политической организаціи Царства,—но мы также убѣждены, что самое подавленіе революціи и усмиреніе бунтующей Польши возможно только при ясномъ и точномъ разрѣшеніи властью себѣ самой вопроса: что именно она намѣрена сдѣлать съ Польшей и изъ Польши, чего собственно хочетъ она достигнуть, какую съ своей стороны готовитъ ей будущность? Мало того: мы думаемъ, что неопредѣленность нашей собственной мысли въ отношеніи къ существу Польскаго вопроса и была именно причиною того, что въ Царствѣ Польскомъ—рѣшительными и положительными были только дѣйствія войскъ при встрѣчѣ съ шайками: тутъ не могло быть ни сомнѣній, ни недоразумѣній, вопросъ поставлялся просто и грубо, и былъ точно также просто и грубо разрѣшаемъ,—такъ что остается жалѣть, зачѣмъ Польскій вопросъ не весь сосредоточенъ въ вопросѣ военномъ! Выйдь Польскій вопросъ въ поле, хотя бы въ лицѣ многочисленной арміи, онъ былъ бы вопросомъ менѣе мудренымъ и сложнымъ и разрѣшился бы легче, чѣмъ теперь, когда его армія—все Польское общество, его силы — не государственныя, а общественныя. Въ этомъ смыслѣ — положеніе дѣла въ 1831 году, когда Поляки имѣли свое почти независимое политическое устройство и даже свое національное войско, едва ли не было для насъ выгоднѣе, чѣмъ настоящее положеніе, когда у Царства нѣтъ уже ни политической самостоятельности, ни Польскаго войска. Казалось бы, условія современной дѣйствительности намъ теперь гораздо благопріятнѣе, чѣмъ тогда (и между прочимъ гораздо ближе согласуются съ желаніемъ большинства Русскаго общества и «Московскихъ Вѣдомостей»),—но нельзя не признать, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выгода сравненія оказывается на сторонѣ 1831 г.—Въ 1831 г. мы имѣли противъ себя не тайное, неосязаемое, а явное и вполнѣ досягаемое правительство, открытое, такъ сказать, для нападенія и интригъ—со всѣхъ сторонъ, не исключая и нашей; въ 1831 году мы имѣли противъ себя армію, которую достаточно было разбить—и край могъ считаться покореннымъ, надолго покореннымъ и усмиреннымъ. Вопросъ, такъ сказать, рѣшался тогда между двумя правительствами и двумя арміями, и разрѣшился, разумѣется, въ пользу того правительства и той арміи, которыя были сильнѣе; преимущество же силы, конечно, всегда было, есть и будетъ на нашей сторонѣ, а не на сторонѣ Польши,—на сторонѣ государства, могущественнѣйшаго и величайшаго въ мірѣ, считающаго болѣе 60 милліоновъ населенія, а не на сторонѣ маленькаго политическаго тѣла, какимъ могла бы быть Польша, получившая политическую самостоятельность. Очевидцы и участники «Польской кампаніи» удостовѣряютъ, что, несмотря на ожесточенность борьбы, между Русскими и Поляками было тогда несравненно менѣе вражды, нежели теперь; это понятно: Польскій вопросъ не принималъ еще вполнѣ характера

и размѣровъ вопроса общественнаго, отчасти именно потому, что отвѣтственность за успѣхъ возстанія лежала не столько на обществѣ, сколько на тогдашнемъ Польскомъ правительствѣ. Эта вражда развилась и усилилась, и этотъ общественный характеръ и размѣры усвоены Польскому вопросу—съ окончательнымъ уничтоженіемъ всякаго самостоятельно-политическаго Польскаго бытія.

Но такъ или иначе, а современная Польская «справа», очевидно, зависитъ не отъ одной военной расправы; самые опасные для насъ враги—не повстанцы, плохо вооруженные, еще плоше обученные, голодные, необутые и нерѣдко набранные чуть-чуть не изъ малолѣтныхъ: что значатъ они для нашего превосходнаго войска!—самая величайшая для насъ трудность не на полѣ битвы или въ лѣсу!... Нашъ врагъ — самый сильный и злой — все Польское общество; опасны намъ не повстанцы, а Польское знамя! Трудность нашего положенія происходитъ не отъ появленія разбойничьихъ бандъ, а отъ всеобщей измѣны всей дѣйствующей и мыслящей части народа (разумѣя подъ измѣной самое сочувствіе Польскому знамени),—отъ всеобщаго заговора, въ которомъ, за исключеніемъ крестьянъ, явно или тайно, по условію и соглашенію, или безъ всякаго соглашенія, участвуетъ вся страна. Тридцатилѣтняя система, водворенная вслѣдъ за взятіемъ Варшавы, не создала намъ никакой Русской партіи между Поляками, такой партіи, по крайней мѣрѣ, которая бы была въ состояніи послужить намъ надежнымъ оплотомъ. Мы могли опираться только на наши штыки, но извѣстно слово Талейрана, что если на штыки и можно опереться, то нельзя на нихъ сѣсть (on peut s'y appuyer, on ne peut pas s'y asseoir). Настоящее Русское правительство, проникнутое этою истиною, сочло приличнымъ и своевременнымъ замѣнить прежнюю систему новою. Мы не станемъ входить въ подробное разбирательство системы Велепольскаго; скажемъ только, что — невыгодная можетъ быть для Россіи — она доставляла Полякамъ громадныя, сравнительно съ прежнимъ, преимущества, частію подлежавшія немедленному осуществленію (и осуществленныя), частію торжественно возвѣщенныя въ будущемъ. Вслѣдъ затѣмъ вспыхнулъ мятежъ, —и тутъ-то и обнаружилась вся ложность нашего положенія или, лучше сказать, вся невѣрность нашей оффиціальной постановки Польскаго вопроса. Вспыхнулъ мятежъ почти на другой же день водворенія новой системы и тотчасъ же объявилось, что эта новая система гражданской автономіи Царства Польскаго, какъ части Россійской Имперіи, способна дать только силу мятежу, а не усмирить его. Все дѣло стало на томъ, какъ съ этой новой системой отнестись къ мятежу, — признать ли его простымъ бунтомъ нѣкоторыхъ безумцевъ или даже партіи,—или же всеобщимъ національнымъ возстаніемъ? — частнымъ ли выраженіемъ недовольства правительствомъ и желаніемъ нѣсколькихъ лишнихъ льготъ, или же опредѣленнымъ политическимъ стремленіемъ, — стремленіемъ къ политической независимости?—Понятно, что новая система не желала, да и не могла, безъ самоотреченія, признать за мятежемъ характеръ всеобщаго политическаго возстанія, который признавался за нимъ въ общественномъ мнѣніи Европы, да отчасти и самой Россіи,—а отъ того и происходила та нерѣшительность, которою, независимо отъ другихъ причинъ, запечатлѣны всѣ дѣйствія нашего Варшавскаго правительства. Разсмо-

тримъ это подробнѣе. Если мятежъ есть дѣло только одной партіи, то нѣтъ, разумѣется, никакого основанія,—напротивъ, было бы величайшею несправедливостью,—за дѣйствія нѣсколькихъ безумцевъ возлагать отвѣтственность на всю страну и лишать ее тѣхъ правъ и преимуществъ, которыя дарованы наканунѣ всей націи съ такою торжественностью! Если вы не рѣшаетесь признать настоящее возмущеніе всеобщимъ національнымъ возстаніемъ и отказываетесь видѣть въ немъ присутствіе такихъ политическихъ стремленій, которыя простираются далеко за предѣлы всего того, что можетъ представить самое лучшее и справедливое ваше Русское управленіе,—тогда вы тѣмъ самымъ лишаете себя права принимать *общія* радикальныя мѣры и осуждаете сами себя на дѣйствія въ тѣсныхъ границахъ юридической законности. Вамъ придется карать только формально обличенныхъ по слѣдствію и суду, и вы сами отнимете у себя возможность и легальное основаніе преслѣдовать тѣхъ виновныхъ, которые умѣютъ принимать участіе въ мятежѣ съ соблюденіемъ внѣшней формальной законности. Между тѣмъ этихъ «виновныхъ» —не тысячи, не десятки, а сотни тысячъ, —милліоны! Въ самомъ дѣлѣ, читатель, представьте себѣ такое положеніе: мятется почти вся страна, а правительство, не желая выдти изъ предѣловъ легальности и не признавая за мятежомъ характера всеобщаго возстанія, примѣняетъ къ дѣлу пріемы, орудія и способы нормальнаго государственнаго порядка (разумѣя тутъ и военное положеніе); оно производитъ слѣдствіе, судитъ, отличаетъ «дѣйствительно виновныхъ» и «юридически обличенныхъ» отъ «менѣе виновныхъ», отъ тѣхъ, которыхъ вина не доказана всею полнотою юридическихъ доказательствъ. Такимъ образомъ—подъ формальнымъ «слѣдствіемъ и судомъ» должны бы находиться всѣ 5 милліоновъ Польскаго населенія, потому что всѣ навлекаютъ на себя «подозрѣніе», — и если бы даже милліона два-три, положимъ четыре, были по суду и слѣдствію оправданы, то, конечно, всякій честный судъ присяжныхъ долженъ былъ бы признать, по крайней мѣрѣ, цѣлый милліонъ—«юридически обличеннымъ». Но что же дѣлать съ милліономъ подсудимыхъ?! И у какого государства достало бы средствъ судить, содержать, наказывать цѣлый милліонъ преступниковъ, или производить *легальное* формальное слѣдствіе надъ 5 милліонами жителей?! — А между тѣмъ именно въ такомъ ложномъ положеніи и находится наша Варшавская администрація. Ей приходится или упорно держаться роли законнаго правительства, сознающаго свою силу и относящагося къ мятежу какъ къ явленію *частному*, — однимъ словомъ, дѣйствовать такъ, какъ она дѣйствуетъ теперь,—или же, признавъ мятежъ всеобщимъ національнымъ возстаніемъ и весь настоящій вопросъ не административнымъ, не простою тяжбою между подданными и правительствомъ, а дѣломъ и вопросомъ политическимъ, отнестись ко всей Польшѣ какъ къ странѣ непріятельской, завоеванной или подлежащей завоеванію. Но нечего и говорить, что подобное рѣшеніе, чрезвычайно упрощающее наши отношенія къ Польшѣ въ настоящую минуту, въ то же время не только затруднитъ и усложняетъ еще болѣе дѣло нашей внѣшней политики, но и прямо идетъ въ разрѣзъ со всѣми обѣщаніями, такъ недавно еще, во всеуслышаніе всего міра, провозглашенными Россіей,—съ убѣжденіями и желаніями и Русскаго правительства да и всѣхъ Русскихъ людей! Къ

Польшѣ невозможно и едва ли было бы справедливо примѣнять систему управленія, принятую генераломъ Муравьевымъ въ Западномъ краѣ. Здѣсь, въ Западной Россіи, на сторонѣ Русскаго правительства, кромѣ полнаго сознанія своей правоты и того особеннаго ощущенія, что здѣсь мы у себя дома,—весь Русскій народъ, все Русское духовенство, Русскіе законы и Русскіе языкъ; на сторонѣ Польши одинъ только классъ—помѣщичій, къ которому генералъ Муравьевъ и отнесся, совершенно, по нашему мнѣнію, основательно, какъ къ *цѣлому* враждебному намъ классу, безъ разбора личностей, и принялъ, касательно его, *общія* мѣры. Въ Царствѣ же Польскомъ—на сторонѣ Россіи одинъ простой народъ, оказывающій болѣе отрицательное, нежели положительное содѣйствіе,—но все остальное народонаселеніе участвуетъ въ «заговорѣ» или «интригѣ», какъ называютъ нѣкоторые тотъ новый видъ возстанія, который являетъ нынѣ Польша. Тамъ, въ Царствѣ Польскомъ, эти *общія* мѣры должны уже относиться не къ меньшинству, а къ большинству народонаселенія, или даже, принимая въ соображеніе не количественность, а качественность послѣдняго, ко *всей* странѣ, —слѣдовательно тамъ эти мѣры принимаютъ уже характеръ общей *реформы*, переорганизаціи всего края.

Пояснимъ это примѣромъ. Русское правительство обѣщало Польшѣ административную автономію, т. е. управленіе, составленное изъ Польскихъ чиновниковъ: съ точки зрѣнія справедливости, которой, послѣ 30-лѣтней диктатуры, такъ желало Русское общество для Польши, трудно было бы что-либо возразить противъ этой мѣры. Ее, по настоящему, не могутъ не одобрить и тѣ Русскіе, которые считаютъ возможнымъ и совѣтуютъ держать Царство Польское при Россіи, съ административной мѣстной самостоятельностью, но не давая ему *политическаго* самостоятельнаго бытія. Вслѣдъ за пріѣздомъ Великаго Князя Намѣстника совершается покушеніе на его жизнь. Видя въ этомъ дѣйствіе одной *партіи*, правительство честно упорствуетъ въ своей системѣ и приводитъ ее въ исполненіе, т. е. смѣняетъ всѣхъ Русскихъ чиновниковъ и замѣщаетъ ихъ кровными Поляками. Наконецъ происходитъ знаменитое ночное нападеніе на нашихъ солдатъ, являются вооруженныя шайки, учреждается подземный Польскій національный комитетъ, чиновники-Поляки, за ничтожнѣйшимъ исключеніемъ, присягаютъ «народовому жонду», и всѣ до одного оказываются неблагонадежными. Правительство, продолжая видѣть въ мятежѣ дѣйствіе одной революціонной *партіи*, продолжаетъ упорствовать въ своей системѣ, не позволяетъ себѣ уклониться ни на волосъ отъ пути строгой законности и противопоставляетъ всеобщему заговору, всеобщему беззаконію (въ формальной точки зрѣнія) мѣры—до педантизма «легальныя». Между тѣмъ съ каждымъ днемъ становится очевидно, что ни на одного польскаго чиновника положиться нельзя, потому именно, что онъ Полякъ и въ качествѣ Поляка не можетъ не сочувствовать знамени, выставленному мятежомъ. Если многіе Поляки и осуждаютъ возстаніе, то какъ неблагоразумную попытку, способную ввергнуть страну въ неисходную бездну золъ,—но не желать ему успѣха, не желать Польшѣ политической независимости — они не могутъ. И такъ, на Поляковъ-чиновниковъ въ Польшѣ положиться нельзя; слѣдовало бы замѣнить ихъ всѣхъ Русскими. Но не говоря уже о томъ, что мы только-что, чуть-чуть не вчера, смѣ-

стили всѣхъ Русскихъ,—подобное распоряженіе означало бы совершенное отреченіе отъ принятой нами системы управленія и удовлетворенія Польши: стало быть система, которою у насъ думали разрѣшить Польскій вопросъ, оказывается неудобною и вопроса нисколько не разрѣшающею, и намъ приходится пріискать новое разрѣшеніе. Нѣкоторые возражаютъ, что такое распоряженіе могло бы быть принято на короткое время, до усмиренія мятежа. Но мятежъ можетъ быть по наружности усмиренъ очень скоро: шайки разсѣются и все повидимому войдетъ въ свой порядокъ, въ тотъ порядокъ, который, конечно, нисколько не обезпечиваетъ отъ новаго возстанія—при первой удобной оказіи. Нельзя же водворить тысячи Русскихъ чиновниковъ въ Польшѣ съ тѣмъ, чтобъ по истеченіи трехъ-четырехъ мѣсяцевъ выгонять ихъ снова...

Мы для того именно и распространились такъ подробно о современномъ положеніи Русской администраціи въ Царствѣ Польскомъ, чтобы показать нашимъ читателямъ всю настоятельность, всю, такъ сказать, неразобщимость разрѣшенія Польскаго вопроса въ нашемъ собственномъ сознаніи—съ дѣломъ усмиренія настоящаго возстанія въ Польшѣ. Отъ ошибочнаго взгляда на существо Польскаго вопроса, отъ неправильной его постановки, произошла, повторяемъ, невольная фальшивость положенія законнаго правительства въ Варшавѣ, трудность подавленія мятежа и успокоенія Польши. Если мы не хотимъ принять никакихъ радикальныхъ мѣръ, не хотимъ дать Польшѣ никакой политической самостоятельности (противъ чего такъ сильно возстаютъ „Московскія Вѣдомости"), то намъ остается только или удовлетвориться палліативными мѣрами (въ родѣ военнаго положенія), не разрѣшающими, а только отсрочивающими разрѣшеніе Польскаго вопроса,—причемъ мы будемъ въ постоянномъ ожиданіи новаго мятежа,—или же отнестись къ Польшѣ, какъ къ странѣ непріятельской, и тогда отказаться надолго отъ роли великодушнаго и либеральнаго правительства и стать въ противорѣчіе съ нашею собственною правительственною системой, дѣйствующею у насъ дома.

Впрочемъ, если „Московскія Вѣдомости" отвергаютъ, вмѣстѣ съ большинствомъ общества, всякую мысль о политической самостоятельности Царства Польскаго, то онѣ нисколько не отрицаютъ необходимости приступить нынѣ же къ разрѣшенію Польскаго вопроса въ его существѣ и употребить въ отношеніи къ этому „больному мѣсту" Россіи — „мѣры не палліативнаго, а коренного леченія". Какимъ же способомъ? спрашиваетъ читатель. „Раскрытіемъ нашей силы, какъ вещественной, такъ и нравственной", отвѣчаютъ „Московскія Вѣдомости", и далѣе поясняютъ свою мысль слѣдующимъ образомъ: „Если мы не хотимъ прибѣгать къ жестокимъ мѣрамъ, и если мы въ то же время не хотимъ затягивать Польскій вопросъ и оставлять его своимъ больнымъ мѣстомъ, своею Ахиллесовою пятой, то мы должны озаботиться о раскрытіи той нравственной и вмѣстѣ политической силы, которою несомнѣнно обладаетъ Русскій народъ, но которая для Поляковъ будетъ совершенною новостью". Раскрытіе нравственной и политической силы — дѣло, конечно, хорошее, и не мы, конечно, будемъ возставать противъ такого раскрытія; „День" постоянно указывалъ на нравственную сторону Польскаго вопроса, на безсиліе однихъ вещественныхъ способовъ къ его разрѣшенію. Но какое же *раскрытіе*

разумѣетъ здѣсь редакція «Московскихъ Вѣдомостей» и что называетъ она «нравственными силами»? «День», говоритъ она, «думаетъ, что этою нравственною силою должно быть, непремѣнно и исключительно, развитіе Русской общественной жизни въ Западномъ краѣ, но нравственныя силы, необходимыя для разрѣшенія Польскаго вопроса, не ограничиваются театромъ борьбы Русскаго элемента съ Польскимъ»; Польскимъ же притязаніямъ, продолжаютъ «Московскія Вѣдомости», мы должны противопоставить «раскрытіе нравственныхъ силъ всей Россіи».—«День» никогда и не выражалъ такой мысли, что *Польскій* вопросъ разрѣшается единственно развитіемъ Русской общественной жизни въ *Западномъ краѣ;* мы сочли даже нужнымъ оговорить эту мысль, изложенную въ статьѣ г. Гильфердинга: «День» постоянно утверждалъ и не переставалъ утверждать съ самаго начала, что Польскій вопросъ есть въ то же время и Русскій земскій вопросъ, что для разрѣшенія Польскаго вопроса недостаточно «однихъ вещественныхъ средствъ, находящихся въ распоряженіи государства», а необходимо «позвать изъ нѣдръ земли общественныя и земскія нравственныя силы», «сойти съ Нѣмецко-государственной точки зрѣнія», не довольствоваться тѣмъ патріотизмомъ, который умѣетъ только жертвовать жизнью и достояніемъ, а помнить, что «*Польско-Русскій вопросъ* именно *такого рода, что разрѣшеніе его возможно только при полномъ дѣйствіи всѣхъ нашихъ* не однѣхъ государственныхъ, но и *общественныхъ, нравственныхъ силъ*» (15 іюня, «День» № 24). Но, несмотря на эту неточность относительно ссылки на нашу газету, мы, читая 177 № «Моск. Вѣд.» отъ 14 августа, были очень рады, что такъ сошлись съ почтенной редакціей во взглядѣ и въ выраженіяхъ. Однако же, вчитываясь внимательнѣе въ эту статью, мы пришли къ заключенію, что редакція подъ раскрытіемъ нравственныхъ силъ разумѣетъ нѣчто иное, не то органическое развитіе общественной жизни, которое разумѣли мы въ нашихъ вышеприведенныхъ словахъ и котораго совершеніе, при всемъ нашемъ желаніи, мы не надѣемся видѣть въ короткій срокъ восьми или девяти мѣсяцевъ,—а такое раскрытіе нравственныхъ силъ, которое къ будущему лѣту можетъ быть совершенно готово. «Интересы Россіи требуютъ, чтобы Польскій вопросъ не оставался ея *больнымъ мѣстомъ*»—доказываетъ вполнѣ справедливо эта газета; «теперь время подумать о томъ, чтобы то, что мы пережили нынѣшнимъ лѣтомъ, не повторилось *будущимъ лѣтомъ*»... И какъ на средство не оставлять Польскій вопросъ *больнымъ мѣстомъ*, указывается на раскрытіе (слѣдовательно не позже будущаго лѣта) нравственной и политической силы Русскаго народа,—въ выраженіяхъ нами вышеприведенныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Редакція совершенно отвергаетъ мысль о всякой политической самостоятельности Польши.

Раскрытіе нравственной и политической силы Русскаго народа въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ слова «Московскихъ Вѣдомостей», вовсе не можетъ способствовать къ тому, чтобы Польскій вопросъ немедленно пересталъ быть больнымъ мѣстомъ Россіи; подобное раскрытіе, конечно весьма желательное, можетъ быть только одною изъ ступеней, могучимъ двигателемъ нашего общественнаго развитія, но оно не излечитъ этого больного мѣста одною выставкою, *экспозиціею* нашей нравственной и политической силы, если этой силѣ не будетъ въ равной степени отвѣчать

зрѣлость общественной мысли и самосознаніе Русской народности въ Русскомъ обществѣ, и если при такомъ раскрытіи общество не сойдетъ съ Нѣмецко-государственной точки зрѣнія. Если эта сила будетъ относиться къ Польскому вопросу въ томъ духѣ и смыслѣ, какъ предлагаютъ «Московскія Вѣдомости», и требовать насильственнаго соединенія Польши съ Россіею, то вопросъ Польскій попрежнему останется нашимъ больнымъ мѣстомъ. Мы, впрочемъ, твердо убѣждены, что только *развитіе* нравственныхъ общественныхъ силъ Россіи можетъ привести къ точному уразумѣнію Польскаго вопроса и къ его совершенно удовлетворительному разрѣшенію, именно, что Русская общественная мысль, ставъ наконецъ *вполнѣ* Русскою и общественною,—непремѣнно приведетъ Польскій вопросъ къ такому исходу, при которомъ фактъ насилія, отравляющій наше теперешнее отношеніе къ Польской народности въ Польшѣ, будетъ упраздненъ и Польской народности дарована будетъ полная самостоятельность—въ соединеніи или безъ соединенія съ Россіей. При всемъ томъ, если даже Польша отдана будетъ Польшѣ, т. е. самой себѣ, Польскій вопросъ еще надолго не перестанетъ быть больнымъ мѣстомъ Россіи (хотя и въ меньшей степени),—до тѣхъ поръ, пока, рядомъ съ развитіемъ Русской общественности, не пересоздастся или не перевоспитается Польское общество. Тѣмъ не менѣе политическая самостоятельность Польши полезна была бы для насъ еще болѣе, чѣмъ для Польши; мы не должны связывать судьбу своего общественнаго развитія съ развитіемъ совершенно намъ чуждой и своеобразной Польской общественности; мы не должны путаться или опутывать свои ноги, на своемъ вольномъ ходу, концами или хвостами путъ, которыми приходится теперь обматывать Польшу: мы не можемъ и не должны выносить то противорѣчіе, въ которое настоящее наше отношеніе къ Польшѣ постоянно ставитъ насъ—къ нашей собственной нравственной и общественной задачѣ, къ нашему стремленію, къ нашему воззрѣнію на государство и общество, и вообще ко всѣмъ требованіямъ нашего Славянскаго чувства и Славянскаго историческаго призванія.

Можетъ ли Русскій царь «быть первымъ изъ Поляковъ»?

Москва, 31 августа 1863 г.

Если вѣрить нѣкоторымъ органамъ Русской журналистики, участіе нашего общества къ Польскому вопросу въ сильной степени охладѣваетъ и интересъ внѣшней политики, которымъ оно такъ было охвачено, такъ почти исключительно жило весною и лѣтомъ, уступаетъ мѣсто другимъ домашнимъ, внутреннимъ общественнымъ интересамъ. Такому явленію слѣдовало бы только радоваться, еслибъ дѣйствительно причина его лежала въ сознаніи той важности, того преимущественнаго значенія, которое имѣютъ для насъ вопросы общественные предъ вопросами чисто политическими; еслибъ въ обществѣ замѣтна была готовность принести къ труду разрѣшенія нашихъ общественныхъ задачъ — хоть половину, хоть десятую долю той нравственной силы, того патріотизма, который оно проявило при

одномъ слухѣ о замыслахъ Западныхъ державъ; еслибъ, наконецъ, оно порѣшило, хоть въ своей мысли, хоть само для себя, вопросъ Польскій и, такъ сказать, раздѣлалось съ нимъ въ своемъ сознаніи. Мы уже указывали не разъ, что всякая внѣшняя, осязательная и являющаяся въ грубой формѣ войны или угрозы опасность встрѣтитъ въ Россіи единодушный отпоръ всѣхъ ея государственныхъ, общественныхъ и народныхъ, вещественныхъ и нравственныхъ силъ; что на подобнаго рода неголоволомные и немудреные вопросы—есть всегда для насъ возможность, также безъ особеннаго мудрствованія и напряженія мысли, отвѣтить грозной готовностью жертвовать жизнью и достояніемъ для спасенія чести и цѣлости Русскаго государства. Въ этихъ случаяхъ Россія обыкновенно проявляетъ такую высокую всенародную доблесть, которая уже одна, сама по себѣ, служитъ залогомъ политической жизни и долгой политической будущности. Но какъ скоро въ *доблести* такого рода надобности не оказывается и крупныхъ цѣльныхъ жертвъ обстоятельствами не требуется, мы становимся очень туги на всякую гражданскую добродѣтель менѣе выспренняго достоинства, и очень скупы на жертвы —повидимому мелкія и даже не заслуживающія названія жертвъ, но составляющія, тѣмъ не менѣе, въ общественной ежедневности, неизбѣжное условіе общественнаго развитія и преуспѣянія. Патріотизмъ нашъ, выступающій впередъ большею частью только при большихъ оказіяхъ, почти не въ силахъ побѣдить умственную и духовную лѣнь, мгновенно овладѣвающую нами, какъ скоро не представляется уже нужды въ напряженіи силъ и нѣтъ болѣе пищи поднявшему насъ на ноги порыву одушевленія... Наша газета не имѣетъ привычки льстить обществу и можетъ быть даже судитъ его съ тою строгостью, которой оно теперь уже и не заслуживаетъ; но лучше и выгоднѣе для общества быть недовольнымъ собой и работать надъ собою, чѣмъ ублажаться въ самодовольствіи, любоваться собою въ «патріотическомъ» зеркалѣ, расшаркиваться передъ собою и пѣть самому себѣ хвалебный акаѳистъ.

Если точно Польскій вопросъ началъ уже «надоѣдать» (по выраженію одной Петербургской газеты) нашему обществу, такъ мы замѣтимъ ему, что, по настоящему, Польскій вопросъ только теперь и начинается, или, по крайней мѣрѣ, теперь-то именно и входитъ въ самый важный и обильный послѣдствіями періодъ. Собственно говоря, вопросъ, волновавшій цѣлые полгода Россію, былъ не Польскій вопросъ, а чисто Русскій, возбужденный угрозами Западной Европы. Дѣло шло о вмѣшательствѣ послѣдней въ дѣла Польши, о посягательствѣ Европы на наши права, на наше народное и государственное достоинство. Намъ было уже не до разрѣшенія Польской задачи въ ея существѣ, а всѣ наши усилія были направлены къ отраженію иностранной непрошенной «интервенціи», къ смиренію кичливости нашихъ гордыхъ совѣтчиковъ. Въ настоящее время дѣло приняло другой оборотъ. Войны не предвидится, по крайней мѣрѣ въ нынѣшнемъ году,—и рѣшеніе Польскаго вопроса, можно сказать, предоставлено намъ самимъ, нашимъ собственнымъ силамъ. Мы должны даже торопиться нѣсколько этимъ разрѣшеніемъ, чтобъ предупредить новое заступничество Запада, если Польское дѣло протянется слишкомъ долго; мы должны показать Европѣ, что у насъ только однихъ и имѣются ключи къ разрѣшенію Польскаго вопроса, и не только ключи, но и нужныя для того—желаніе, энергія и сила. Теперь

все зависитъ отъ нашей воли и мудрости, а не отъ случайностей войны (какъ можно было думать нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ), и потому теперь-то и наступаетъ для насъ пора несравненно труднѣйшая. Мало того: усмирись мятежъ,—вопросъ становится еще труднѣе для разрѣшенія. Вооруженное возстаніе упрощало задачу и представляло для насъ, въ извѣстномъ смыслѣ, болѣе выгоды, чѣмъ глухая и упорная неосязаемая оппозиція. Оно должно было быть усмирено,—этого требовала честь государственная,—повстанцевъ, нападающихъ на Русскихъ солдатъ съ оружіемъ въ рукахъ, слѣдовало разбивать, и ихъ разбивали и разобьютъ окончательно. Но вопросъ сдѣлается еще мудренѣе, если всѣ эти повстанцы, видя невозможность сопротивленія, принесутъ повинную и обратятся къ Русскому милосердію: въ искренность и въ прочность ихъ раскаянія мы повѣрить не можемъ; система управленія, введенная маркизомъ Велепольскимъ, такъ ярко обличилась въ своей несостоятельности, что не даетъ охоты къ ней возвратиться, —необходимо придумать новую систему, пріискать новые способы къ разрѣшенію задачи. Для этого же необходимо попрежнему содѣйствіе общественной мысли и воли,—и потому охладѣвать участіемъ къ Польскому вопросу Русскому обществу еще рано, и не слѣдуетъ.

Сами Поляки начинаютъ чувствовать, что Польское дѣло принимаетъ новый оборотъ, нѣкоторые изъ нихъ считаютъ уже своевременнымъ перевести споръ съ поля брани на поле литературы. Мы получили надняхъ письмо изъ Варшавы отъ неизвѣстнаго намъ Поляка за его подписью, съ просьбою предложить содержаніе его письма на обсужденіе публики. Если принять въ соображеніе терроръ, господствующій въ Варшавѣ, и если подпись дѣйствительная, а не подложная, то это обстоятельство получаетъ нѣкоторую знаменательность. Что же касается до самаго письма, то оно чрезвычайно интересно, какъ образецъ мыслей Поляковъ «умѣренной партіи» и какъ новое доказательство въ подтвержденіе нашего мнѣнія — о трудности, если не невозможности, согласиться намъ съ Поляками *какъ съ Русскими подданными*, —съ красными и бѣлыми, съ ультрасами и умѣренными. Съ послѣдними сойтиться намъ едва ли еще не труднѣе, чѣмъ съ «крайними», для которыхъ сила оружія есть верховная рѣшительница всякихъ вопросовъ. — «Польскій вопросъ», говоритъ г. Маевскій, авторъ письма, «не нашелъ въ Россіи настоящаго пониманія. Русская литература и Польское «народное правительство» дѣйствуютъ заодно, т. е., какъ дальше объясняетъ г. Маевскій, возбуждаютъ къ борьбѣ и раздору. Положимъ, что такъ, но кто же былъ начинающій? Не расположено ли было Русское правительство и Русское общество ко всевозможнымъ уступкамъ, къ заживленію общей нашей раны, такъ долго сочившейся кровью? Наконецъ не сами ли Поляки, своими притязаніями на Западный край Россіи, возбудили противъ себя грозу народнаго гнѣва? Если бы дѣло шло объ одномъ Царствѣ Польскомъ и не было и рѣчи о вмѣшательствѣ Западныхъ державъ, Русскій народъ и общество едва ли бы приняли такое горячее участіе въ Польскомъ дѣлѣ и можетъ быть предоставили бы заботу о немъ одному правительству. Неужели этого еще не понимаютъ Поляки? «Это правда», продолжаетъ г. Маевскій, «что народное возстаніе не сотворитъ народной независимости; это правда, что какъ бы ни были храбры наши

соотечественники, невозможно имъ будетъ одолѣть Русскую армію. Правда и это, что большинство народонаселенія принимаетъ лишь только страдательную участь» (участіе: письмо писано по-Русски) «въ возстаніи. Правда, наконецъ, что на Литвѣ и Руси дѣла Польскія стоятъ незавидно». Но съ другой стороны авторъ письма думаетъ, что если бы Французская армія явилась на берега Вислы и Нѣмана, то Россія принуждена была бы уступить, и что Русской полиціи не удастся «выловить народное правительство» и разрушить эту огромную организацію». Уступила бы или нѣтъ Русская армія—это еще вопросъ, который мы разрѣшаемъ для себя отрицательно, а Польскій патріотъ положительно: все это принадлежитъ къ области мечты, и мы довольствуемся собственнымъ сознаніемъ г. Маевскаго *о настоящемъ* положеніи дѣла. «Если долѣе Русская литература будетъ говорить во имя вѣры и отечества—какъ будто кто-нибудь возставалъ противъ ея вѣры, Государя и отечества» (еще бы нѣтъ?! а что значатъ всѣ эти притязанія на Западный край Россіи, всѣ эти вооруженныя банды въ Бѣлоруссіи и на Украйнѣ?); «если она (литература) будетъ безпрестанно указывать на времена Самозванца и вспоминать минуты вражды двухъ народовъ, — конечно, дружба между нами не явится». Намъ не зачѣмъ ходить такъ далеко и вспоминать давнопрошедшее: жандармы-вѣшатели въ Польшѣ и на Литвѣ, списокъ несчастныхъ жертвъ, замученныхъ Польскими патріотами не въ XVII вѣкѣ, а мѣсяцъ, двѣ недѣли тому назадъ—гораздо сильнѣе распаляютъ народную ненависть, чѣмъ всѣ историческія воспоминанія Русской литературы. Пора бы Полякамъ обратиться къ самимъ себѣ съ укоромъ и осужденіемъ, а не къ Русской литературѣ, только еще очень недавно рѣшившейся замкнуться словомъ въ опроверженіе Польскихъ клеветъ, которыми 30 лѣтъ сряду наводняла Европу Польская эмиграціонная литература! Мы помнимъ—какую бурю либеральнаго негодованія подняли мы на себя, почти два года тому назадъ, рѣшившись назвать безумными Польскія притязанія на Смоленскъ и Черниговъ, какъ благородничали на на нашъ счетъ гарцовавшіе тогда въ Петербургской литературѣ разные крикливые форрейторы и разнощики Петербургскаго либерализма. Но перейдемъ къ существенной сторонѣ письма г. Маевскаго, къ его мнѣнію объ администраціи и о средствахъ умиротворить Польшу. «Русская администрація въ Польшѣ», говоритъ онъ, «пробовала разныхъ средствъ противъ возстанія. Мы видѣли уже минуты страшной строгости и извѣстнаго рода снисходительности, были уже висѣлицы и милости, увѣщанія и угрозы, манифесты и указы, но нѣтъ ничего рѣшительнаго, нѣтъ никакого успѣха. Ежели правительство будетъ идти впередъ по этому же пути, то мы не можемъ надѣяться ничего хорошаго. Ежели правительство не представитъ никакихъ залоговъ для будущаго блага страны» (а вся система Велепольскаго? Она была невыгодна для Россіи, но вполнѣ выгодна для Поляковъ); «ежели станетъ проповѣдывать необходимость покориться приговорамъ Провидѣнія, признать верховную власть Россіи и мало-по-малу сдѣлаться Русскими, словомъ, ежели правительство, защищая свое существованіе, не представитъ никакихъ залоговъ для упокоя Польской совѣсти—спокойствіе возвратится только тогда, когда на развалинахъ Польской цивилизаціи, богатства, вѣры и народа засядетъ свѣжій Русскій народъ. Я убѣжденъ, что сами Русскіе этого не желаютъ, что они слишкомъ много потеряли бы своего на эту побѣду...»

Дѣйствительно не желаютъ, и выраженіе автора о томъ, что на такую побѣду, какъ уничтоженіе цѣлой народности, Русскій народъ потерялъ бы много *своего*, — очень удачно и полно мысли. Такая побѣда, конечно, не доставила бы торжества Русскому народному принципу и обратилась бы во вредъ самой Русской народности. Едва ли кто изъ Русскихъ и мечталъ о такой побѣдѣ. Но Поляки сами могутъ похоронить себя подъ развалинами своей *цивилизаціи, вѣры, богатства и народа*, если *цивилизація* ихъ будетъ попрежнему чужда Славянскихъ началъ, если ихъ *вѣра* будетъ попрежнему проникнута іезуитствомъ, будетъ разрѣшать ложь, безнравственность, убійство для достиженія политическихъ цѣлей, сама обращаться въ средство для возбужденія политическаго фанатизма, утративъ высокій идеалъ христіанской нравственности, и попрежнему рабствовать Риму; если наконецъ *богатство* Польской шляхты и магнатовъ не очистится отъ крови и слезъ народныхъ, если не смирится Польское общество и не познаетъ своего многовѣковаго историческаго грѣха предъ своимъ же *народомъ*, предъ Польскимъ крестьянствомъ...

«Противъ нынѣшняго возстанія, продолжаетъ г. Маевскій, нужно мѣръ рѣшительныхъ, радикальныхъ: тогда оставьте въ покоѣ всѣхъ агентовъ «народнаго правительства»: — вы можете обезсилить ихъ разомъ». Какія же это такія мѣры? съ нетерпѣніемъ спрашиваетъ читатель. Авторъ не безъ робости приступаетъ къ изложенію своего плана, опасаясь, что онъ не будетъ понятенъ въ Россіи и «оттолкнетъ неприличіемъ формы и чуждостью языка»; онъ проситъ, и очень убѣдительно, искренняго вниманія, и мы постараемся отнестись къ его мнѣнію съ должнымъ снисхожденіемъ, какъ бы ни казалось оно намъ странно и даже дико. Вотъ его слова:

«Польша для Польши—это старый рецептъ противъ революціи. Россія должна удивить своею доброжелательностью и великодушіемъ (противъ этого мы никогда и не спорили, но пойдемъ дальше). Государь долженъ явиться первымъ изъ Поляковъ (??), признать всѣ когда-либо существовавшія за нами права (???); вмѣсто угрозъ противъ ослушниковъ, онъ долженъ явиться съ упрекомъ въ недостаточности Польскаго патріотизма(???) и вырвать кормило народнаго движенія изъ рукъ революціи. Тогда Государь можетъ насмѣшкой отвѣтить на шесть заграничныхъ пунктовъ, можетъ пренебречь тѣмъ, противу чего усердно трудились долгіе годы... Но дѣйствовать надо скоро и рѣшительно, надо оставить всѣ мечты и заднія мысли. Осуществленіе этого плана я полагаю возможнымъ безъ многаго труда. Манифестъ откровенный, руководимый мыслію, что не ложь, а благо народа составляетъ честь народную; народныя манифестаціи (?), народное представительство и администрація, строгій легальный порядокъ, безотлагательное проведеніе въ жизнь всего обѣщаннаго, несмотря на силу оппозиціи: пренебреженіе оппозиціею, лишеніе ея членовъ привилегіи быть мучениками, а въ случаѣ необходимости, единственно парализированіе ихъ дѣятельности временнымъ удаленіемъ изъ края,—это есть мѣры, которыя лучше пушечныхъ выстрѣловъ разрушатъ то, что разрушить такъ трудно. Мои мысли—это не мечты. Это все возможно. Россія выиграетъ на спокойствѣ и гармоніи, Польша получила бы форму быта, которая была бы ей сносна... Польскій народъ защищаетъ свои нужды, особенно народность. Онъ не живетъ для «народнаго правительства», не имѣетъ никакой нужды

защищать его, но съ другой стороны онъ не имѣетъ нужды защищать и Русское правительство, какъ скоро оно противится его нуждамъ. Революція обѣщаетъ намъ теперь народность. Русскіе—истребленіе народности. Избраніе до сихъ поръ было легко, но оно будетъ еще легче, нежели Императоръ и правительство захотятъ быть Польскими...»

Вы ошеломлены, читатель, такимъ страннымъ и наивнымъ требованіемъ и недоумѣваете —сердиться вамъ или же смѣяться, —но будьте увѣрены, что такъ думаетъ не одинъ г. Маевскій, а цѣлая партія *умѣренныхъ* въ Польшѣ, такъ думаетъ и самъ маркизъ Велепольскій; разница только въ выраженіи: г. Маевскій не маскировалъ свою мысль и высказалъ ее въ формѣ довольно грубой и безцеремонной, и мы очень ему благодарны за это. Мало того: мысль о томъ, что Верховный Глава Россійской Имперіи, въ составъ которой входятъ Поляки, Нѣмцы и разные другіе народы, есть лицо коллективное, соединяющее въ себѣ не только титулы разныхъ царствъ и владѣній, но и обязанности, сопряженныя съ каждымъ титуломъ порознь,—такая мысль не новая и довольно распространенная у Нѣмецкихъ Остзейцевъ и у нѣкоторыхъ нашихъ «федералистовъ». По ихъ мнѣнію, Русскому Государю приходилось бы быть первымъ Полякомъ съ Поляками, первымъ Нѣмцемъ съ Нѣмцами, и т. д. Мы сами имѣли у себя въ рукахъ статью, которую не захотѣли однакоже напечатать и которая явилась потомъ въ печати въ одномъ провинціальномъ журналѣ,—статью, трактующую о высшей имперской Петербургской централизаціи, смѣнившей будто бы старую Московскую и призванной примирить всѣ народности и вѣры въ отвлеченномъ образѣ Россійской Имперіи, въ безразличномъ званіи Россійскаго подданнаго. Теорія очень величественна и красива и, нападая на нее, вы рискуете подвергнуться обвиненію въ москализмѣ, въ томъ, что вы противники равноправности жителей нашего великаго государства. Но дѣло идетъ вовсе не о гражданской равноправности и не о свободѣ вѣроисповѣданія, за что мы стоимъ такъ же горячо, какъ и защитники новѣйшей Санктпетербургской централизаціи. Дѣло идетъ у этихъ господъ о созданіи какой-то отвлеченной, государственной народности или, вѣрнѣе сказать,—безнародности, обращающейся, въ конечномъ своемъ результатѣ, на пользу и усиленіе народности Польской, Нѣмецкой, Еврейской—въ ущербъ Русской. По нашему мнѣнію, да вѣроятно и по мнѣнію нашихъ читателей, Русскій Государь есть *Русскій* Государь, и только, а не Польскій, Нѣмецкій и т. д. Если прочія народности и находятся подъ защитою его могучей державы, то на томъ только условіи, чтобъ эта защита не противорѣчила выгодамъ, счастію и благоденствію Русской народности. Государство, какъ внѣшній покровъ *народнаго* цѣльнаго организма, можетъ быть крѣпко только внутреннею органическою силою. Если бы эта сила перестала дѣйствовать или почему-либо ослабѣла въ дѣйствіи, если бы отъ какой бы то ни было причины произошло разстройство органическихъ отправленій или непомѣрное развитіе одного органа въ ущербъ другому, — напримѣръ, внѣшняго покрова на счетъ всего тѣла, — государство, при всемъ своемъ наружномъ блескѣ и могуществѣ, не представляло бы залоговъ истинной крѣпости и долгоденствія. Эта органическая сила — народность. Россія не есть совокупность разныхъ племенъ и народовъ, сплоченныхъ внѣшнею матеріальною связью *государственнаго* единства, не «агломератъ» (по

техническому выраженію ученыхъ), а живой, цѣльный народный организмъ, развившійся и разросшійся собственною своею внутреннею органическою силою: Россія потому только Россія, что она Русская; этимъ она есть, живетъ и движется, въ этомъ смыслъ и причина ея бытія, ея raison d'être, какъ говорятъ Французы. Вообще, никакое государство никогда не должно упускать изъ виду зерно своей жизни и силы, истинный родникъ, причину и основу своего историческаго бытія. Кажется, едва ли нужно говорить, что въ Россійской Имперіи —этимъ зерномъ, этимъ источникомъ жизни и силы, этимъ сѣдалищемъ зиждующаго разума—является Русь, Русскій народъ, а не Польша,—не Остзейскія провинціи, не Башкирія, какъ бы ни были онѣ тѣсно связаны съ Русью. До какой степени была полна жизни эта органическая сила до Петровскаго переворота—свидѣтельствуется тѣмъ, что всѣ пріобрѣтенія и завоеванія тогдашней Руси становились тотчасъ же ея нераздѣльною частью, проникались органическимъ съ нею единствомъ... Все это, само собою разумѣется, нисколько не мѣшаетъ лицамъ не-Русской народности и вѣры пользоваться одинаковою полнотою гражданскихъ правъ съ Русскими, если только они признаютъ значеніе Русской народности въ Россіи. Что же касается до мнѣнія маркиза Велепольскаго, мечтавшаго о томъ, что Польша подъ видомъ Россіи будетъ управлять міромъ отъ Балтики до Тихаго Океана и т. д., или до мнѣнія г. Маевскаго, предлагающаго Русскому правительству учиться Польскимъ и Русскому Государю стать во главѣ Польскаго патріотизма, то интересы Польской народности, такъ какъ они понимаются до сихъ поръ Польскою интеллигенціей, стоятъ въ совершенномъ противорѣчіи съ интересами Русской народности: партія *умѣренныхъ* желаетъ—ни болѣе, ни менѣе —какъ принесенія нами Русской народности въ жертву выгодамъ Польши! Такія требованія для насъ опаснѣе дерзкихъ требованій вооруженныхъ повстанцевъ, потому что они умѣютъ маскироваться видомъ покорности, личной преданности Россійскому императору,—затрогивать струны великодушія и какого-то гуманнаго, высшаго космополитизма.—Что разумѣетъ г. Маевскій подъ словами: «возвратить Польшѣ всѣ когда-либо существовавшія права»? Если онъ въ число правъ включаетъ и право Польши на обладаніе Западной и Юго-Западной Россіей, то пусть знаетъ г. Маевскій, да и всѣ Поляки, что между нами не можетъ быть никакой серьезной полемики до тѣхъ поръ, пока Поляки будутъ предъявлять притязанія на области, заселенныя Рускимъ народомъ.

Мы убѣждены, впрочемъ, что никакія великодушныя усилія *примирить* Польшу съ ея положеніемъ какъ *нераздѣльной части Россійской Имперіи* не помогутъ дѣлу. Развѣ Императоръ Александръ I не удовлетворялъ всѣмъ условіямъ, предъявленнымъ теперь *умѣренными* Поляками? Развѣ онъ по-истинѣ не былъ *первымъ* изъ Поляковъ и не готовъ былъ отдать Польшѣ Украйну и Бѣлоруссію, какъ это положительно доказываютъ «Московскія Вѣдомости»? (№№ 185 и 186). Что же вышло и къ чему привела эта примирительная политика Императора Александра I-го?

Кстати замѣтимъ: намъ было очень забавно прочесть въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» наименованіе этой политики Александра I-го «славянофильскою»! Трудно предположить, чтобъ авторъ статьи до такой степени не

понималъ сущности такъ-называемыхъ славянофильскихъ теорій *)!.. Напротивъ, если чье мнѣніе ближе подходитъ къ тогдашней либеральной политикѣ, такъ это именно мнѣніе «Московскихъ Вѣдомостей»: и «Московскія Вѣдомости» и *оная* политика сходятся въ желаніи имѣть Польшу неразрывною частью Русской Имперіи: *тогда* думали достигнуть этого путемъ примирительной либеральной политики и удовлетворенія Польскимъ требованіямъ; «Московскія же Вѣдомости» рекомендуютъ насильственный способъ, но впрочемъ надѣются смирить и обольстить Поляковъ «раскрытіемъ нашей народной политической силы» и сдѣлать ихъ мирными, дружелюбными или покорными участниками *нашихъ* будущихъ либеральныхъ учрежденій. Читателямъ извѣстно, что мы не раздѣляемъ этой надежды и думаемъ, что мы съ Поляками помиримся только тогда, когда разойдемся, и что намъ гораздо легче будетъ справляться съ Польшей какъ съ ничтожнымъ политическимъ тѣломъ, нежели съ Польшей какъ съ обществомъ, какъ нравственной отравой, разливающейся по всему нашему организму.

Впрочемъ, мы никогда не предполагали и не предполагаемъ, чтобы можно было тотчасъ же приступить къ осуществленію мысли о политической самостоятельности Польши. Все это еще впереди, и, толкуя теперь о политической самостоятельности, мы стараемся разрѣшить Польскій вопросъ для нашего собственнаго общественнаго сознанія. Въ настоящее время, и въ действительности, окончательному рѣшенію Польскаго вопроса должны предшествовать не либеральныя сдѣлки или «компромиссы», а избавленіе страны отъ террора и усмиреніе мятежа,—и вовсе не путемъ примирительной политики, а путемъ рѣшительной временной диктатуры. Мы уже говорили не разъ, а теперь считаемъ весьма приличнымъ напомнить, что этимъ временемъ, этимъ положеніемъ, созданнымъ самимъ Польскимъ мятежомъ, мы должны воспользоваться для того, чтобъ выдвинуть впередъ въ Польшѣ элементъ, до сихъ поръ не дѣйствовавшій въ ея исторіи, элементъ простонародный. Исторія Польши, ея прошедшее, мысль о которомъ такъ фанатизируетъ Польское общество, во имя котораго сражаются и гибнутъ тысячами Польскіе патріоты, не имѣетъ ничего привлекательнаго, не существуетъ вовсе для Польскаго крестьянства. Въ прошедшемъ оно видитъ одно господство пановъ, свою безличность, свое утѣсненіе. Польское крестьянство—залогъ новаго будущаго для Польши, и залогъ ея умиротворенія. Польша крестьянская, т. е. съ участіемъ крестьянства въ ея гражданскомъ развитіи, будетъ несравненно безопаснѣе для сосѣдей и болѣе Славянскою, чѣмъ настоящая, нынѣшняя Польша. Если мы теперь надѣлимъ Польское крестьянство землею, крестьянскимъ самоуправленіемъ (хотя бы въ родѣ нашего), гражданскими и политическими правами,—то, нѣтъ сомнѣнія, это

*) Уже по написаніи и одобреніи этой статьи цензурою, прочли мы № 187 «Московскихъ Вѣдомостей», въ которомъ редакція, возражая на нашу статью въ 34 №, излагаетъ такого рода лживое толкованіе нашихъ мнѣній, котораго мы никакъ не можемъ отнести къ *непониманію*. Мы будемъ отвѣчать «Моск. Вѣдомостямъ» въ слѣдующемъ №. Замѣтимъ только, что подъ «политическою самостоятельностью Польши *въ соединеніи или безъ соединенія* съ Россіей» (на этомъ непонятомъ ею выраженіи строитъ редакція все зданіе своихъ возраженій, не справляясь ни съ общимъ смысломъ нашей статьи, ни вообще съ направленіемъ «Дня»), мы разумѣемъ политическую самостоятельность или совершенно отдѣльно отъ Россіи, или въ *добровольномъ* съ нею союзѣ (конечно, въ будущемъ, какъ окончательное, современемъ, разрѣшеніе Польскаго вопроса). Редакція же «Московскихъ Вѣдомостей», какъ извѣстно, стоитъ за *насильственный* союзъ.

положеніе, эти права уже никакою силою не будутъ отъ нихъ отняты Польскими панами, даже въ случаѣ совершенной самостоятельности Польши. Мы должны это сдѣлать какъ для своей выгоды, такъ едва ли еще не болѣе для выгоды самой Польши. Мы введемъ въ ея жизнь новую историческую идею, противопоставимъ силу *устоя* ея многовѣковому общественному броженію, дадимъ грузъ, упоръ ея легковѣсному судну, носившемуся до сихъ поръ, подъ управленіемъ шляхты, по прихоти волнъ и всяческихъ вѣтровъ!.. Мы въ то же время совершимъ долгъ человѣколюбія относительно значительной части угнетеннаго человѣчества, и исполнимъ историческое призваніе Россіи, страны—сильной простонародностью, самой демократической, въ лучшемъ, не политическомъ, а общественномъ и нравственномъ значеніи этого слова.

Еще полемика съ «Московскими Вѣдомостями» по Польскому вопросу.

Москва, 7-го сентября 1863 г.

....«День» *пишетъ апологію нынѣ дѣйствующей системѣ управленія въ Польшѣ, защищаетъ систему Велепольскаго и признаетъ ее единственно возможною въ настоящее время.*

«День» *хочетъ дать Польшѣ особое государственное положеніе подъ однимъ или не подъ однимъ скипетромъ съ Россіей, но то, чего хочетъ* «День», *Польша* имѣла и имѣетъ (??).

Эти выводы, къ величайшему удивленію, извлеченные «Московскими Вѣдомостями» изъ статьи 34 № «Дня» *), сами бы по себѣ не заслуживали и опроверженія: до такой степени они противорѣчатъ нашей статьѣ и всему довольно извѣстному направленію «Дня». Но предметъ, о которомъ идетъ дѣло, такъ серьезенъ, что мы считаемъ нужнымъ разъяснить вновь нашу статью,—и именно только статью 34-го №, почти ея же словами.

Цѣль нашей статьи—доказать несостоятельность мысли, будто отъ системъ управленія зависитъ *примирить* Польшу съ ея положеніемъ *какъ неразрывной части Россійской Имперіи*. Ее можно *усмирить*, держать въ покорности посредствомъ военной диктатуры, но все же это будетъ только «мѣра паллiативная, не разрѣшающая, а только отсрочивающая разрѣшеніе вопроса—при чемъ мы будемъ въ постоянномъ ожиданіи новаго мятежа». Не слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, обольщаться надеждою—успокоить Польшу какими-нибудь либеральными пріемами управленія, когда политическія стремленія Польши простираются далеко за предѣлы всего того, что можетъ представить самое лучшее, самое справедливое *Русское* управленіе», когда Поляки, просто-на-просто, стремятся «къ политической независимости отъ Россіи». Мысль о возможности удовлетворить *законнымъ* требованіямъ Поляковъ—ошибочна, потому что ихъ требованіе одно: политическая независимость: —и не только эта мысль оши-

---

*) См. выше, подъ заглавіемъ: Разность взгляда «Московскихъ Вѣдомостей» и «Дня на Польскій вопросъ.

бочна, но она кажется намъ положительно вредною, потому что ставитъ насъ въ фальшивое положеніе. Если мы думаемъ управлять Польшей системою либеральнаго довѣрія къ Полякамъ и надѣемся, что обѣщаніе либеральныхъ льготъ можетъ примирить съ нами Поляковъ, то мы сами задаемъ себѣ задачу неразрѣшимую, связываемъ себя сами своимъ обѣщаніемъ и сами лишаемъ себя возможности и права поступать такъ, какъ единственно возможно поступать съ Польшей, *если мы не согласны отъ нея отказаться*. Намъ нечего себя обманывать: Польша теперь для насъ *непріятельская страна*, и довѣрять Полякамъ все равно, что довѣрять непріятелямъ: потому что, говоримъ мы въ этой статьѣ, «ни *на одного* Польскаго чиновника положиться нельзя, потому именно,что онъ Полякъ *и въ качествѣ Поляка* не можетъ не сочувствовать знамени, выставленному нынѣшнимъ мятежомъ». Нужды нѣтъ, что «многіе Поляки, пожалуй, и осуждаютъ возстаніе, но они осуждаютъ его, какъ неблагоразумную попытку: не желать же ему успѣха, не желать Польшѣ политической независимости,—они не могутъ».

Спрашиваемъ опять: есть ли возможность водворять систему *легальнаго, либеральнаго*, основаннаго на началѣ довѣрія, управленія въ странѣ, гдѣ мы никому не можемъ вѣрить и гдѣ тайное и явное желаніе каждаго — освободиться отъ нашего управленія, какое бы оно гуманное ни было? Наша довѣренность будетъ употреблена во зло и, какъ говоритъ статья 34 №, мы будемъ окружены «всеобщею измѣною всей дѣйствующей и мыслящей части народа (разумѣя подъ измѣной самое сочувствіе Польскому знамени)». Вотъ почему мысль—разрѣшить Польскія затрудненія системою Велепольскаго мы и называемъ въ нашей статьѣ «неправильною постановкою Польскаго вопроса, породившею невольную фальшивость положенія законнаго правительства въ Варшавѣ». Намъ возражаютъ на это, что Варшавская администрація должна была прибѣгнуть къ военному положенію, къ диктатурѣ и пр., и что мы, стало быть, защищаемъ дѣйствія Варшавской администраціи!!! Но мы вовсе и не думаемъ ни порицать, ни защищать Варшавскую администрацію,—дѣло совсѣмъ не въ этомъ; а въ томъ, что задача, заданная себѣ Варшавскою администраціею быть либеральнымъ правительствомъ, дѣйствующимъ на основаніи строгой легальности, была совершенно ошибочна и неисполнима; что же касается до диктатуры, то мы и прежде, да и въ самой этой статьѣ, признавали и признаемъ ее необходимою для подавленія мятежа и террора,—но такая диктатура есть полнѣйшее обличеніе *несостоятельности* нашей либеральной системы:—а это-то намъ и требовалось доказать. Мы идемъ даже дальше. Мы логически приводимъ къ необходимости трактовать Польшу (если мы не намѣрены отъ нея отказаться) «какъ страну *непріятельскую*»,—но тогда не для чего себя обманывать, а знать напередъ, что намъ приходится «надолго отказаться отъ роли великодушнаго и либеральнаго правительства въ Польшѣ и быть въ противорѣчіи съ нашею собственною правительственною системой, дѣйствующей у насъ дома». Кажется, это ясно. Откуда же взяли «Московскія Вѣдомости», что «нынѣ дѣйствующую (или недавно дѣйствовавшую) систему управленія въ Польшѣ мы признаемъ единственно возможною въ настоящее время», когда вся цѣль статьи—доказать невозможность какъ этой, такъ и всякой другой либеральной системы, и поставить дилемму, въ кото-

рой только два выхода: или отреченіе отъ Польши, т. е. предоставленіе ей политической отдѣльности, или же отношеніе къ Польшѣ какъ къ странѣ намъ враждебной и непріятельской?

Для поясненія нашей мысли мы въ статьѣ 34 № стараемся изобразить всю фальшивость задачи: примѣнять дѣйствія легальнаго правительства по либеральной системѣ Велепольскаго—къ усмиренію нынѣшняго мятежа. Мы называемъ эту систему «невыгодною для Россіи, но чрезвычайно выгодною для Поляковъ»,—а «Московскія Вѣдомости» увѣряютъ, что «День» *пишетъ ей апологію*:—мы говоримъ дальше, что «эта система, которою у насъ думали разрѣшить Польскій вопросъ, *оказалась неудобною и вопроса нисколько неразрѣшающею*, и намъ приходится пріискивать новое разрѣшеніе»,—а «Московскія Вѣдомости» увѣряютъ, что «День» *пишетъ апологіи системѣ Велепольскаго, защищаетъ ее и признаетъ ее единственно возможною въ настоящее время*»?!! Добросовѣстно ли это?

Далѣе. Вотъ въ какое положеніе поставила насъ наша либеральная система, система гражданской автономіи Царства Польскаго «*какъ части* Россійской Имперіи»,—говоримъ мы въ нашей статьѣ,—система Велепольскаго и неразрывное съ нею желаніе—*умалить* значеніе мятежа: это желаніе понятно, потому что въ противномъ случаѣ (т. е. если признать мятежъ дѣломъ немаловажнымъ) пришлось бы отречься отъ этой либеральной системы. Смотрите: у васъ милліоны подсудимыхъ: извольте примѣнить къ нимъ всѣ легальные пріемы слѣдствія, суда и проч. и проч.?!! Никакихъ средствъ на это у васъ недостанетъ! Очевидно, что слѣдуетъ принять *общія мѣры*, но вы сами отняли у себя на это право, увѣряя, что мятежъ—явленіе ничтожное, что онъ есть дѣло только одной партіи, вопросъ чисто административный, а не политическій... Вотъ мы ввели въ Польшѣ Польскихъ чиновниковъ, прогнали всѣхъ Русскихъ и совершили это какъ осуществленіе новой либеральной системы. На *другой же день* введенія этой мѣры вспыхиваетъ мятежъ и оказывается, что ни одному Польскому чиновнику довѣрять нельзя. Слѣдовало бы ихъ выгнать и призвать снова Русскихъ чиновниковъ... Но въ такомъ случаѣ, стало быть, наша система оказалась несостоятельною? Такъ сознаемся же въ этомъ и убѣдимся въ невозможности удовлетворить Поляковъ, стремящихся къ совершенной независимости, какими бы то ни было либеральными системами... Нѣтъ, возражаютъ намъ, это только временная несостоятельность: усмирится мятежъ и можно будетъ опять посадить Польскихъ чиновниковъ... Да вѣдь мятежъ,—отвѣчаетъ на это 34 № нашей газеты,—можетъ быть, *по наружности*, усмиренъ очень скоро, что однако нисколько не обезпечиваетъ отъ новаго возстанія при первой удобной оказіи. «Нельзя же водворить тысячи Русскихъ чиновниковъ въ Польшѣ съ тѣмъ, чтобы по истеченіи трехъ-четырехъ мѣсяцевъ выгонять ихъ снова», потомъ призывать опять при новомъ возстаніи, потомъ опять устранять ихъ, и т. д. до безконечности! Вотъ къ какимъ затрудненіямъ приводятъ насъ неясное разрѣшеніе себѣ самимъ существа Польскаго вопроса и «ошибочный взглядъ» на характеръ и смыслъ Польскаго современнаго мятежа.

Мы рѣшительно не понимаемъ, почему публицистъ «Московскихъ Вѣдомостей», такъ энергически нападавшій на Варшавскую администрацію и совѣтовавшій принять энергическія, рѣшительныя мѣры и ввести воен-

ную диктатуру, — желаетъ такъ же, какъ и Варшавская администрація, всѣми силами ослабить, умалить значеніе Польскаго мятежа. Чѣмъ больше вы ослабляете его значеніе, тѣмъ больше подрываете вы собственное основаніе вашихъ требованій. Правительство не даетъ слова на вѣтеръ; система управленія, принятая для цѣлой страны, не есть пустая попытка, которую нынче можно ввести, а завтра и бросить — безъ достаточнаго разумнаго повода. Поводъ этотъ *есть*, и онъ заключается именно въ политическомъ значеніи инсуррекціи, въ томъ, что этотъ мятежъ не есть бунтъ нѣсколькихъ головорѣзовъ, или «возбужденіе разнообразныхъ элементовъ безпорядка» (имѣющихся въ каждой странѣ), а такое явленіе, которому успѣху не можетъ не сочувствовать ни одинъ Полякъ *какъ* Полякъ, — такое явленіе, которое мигомъ лишаетъ васъ права довѣряться въ Польшѣ какому бы то ни было чиновнику Поляку. Все дѣло — въ *знамени*. «Сила мятежа, говоритъ наша статья въ 31 №, не въ повстанцахъ — голодныхъ, плохо одѣтыхъ и еще плоше обученныхъ, а въ *знамени* мятежа: это знамя — политическая независимость!» Этому знамени не могутъ не сочувствовать Поляки, и «трудность нашего положенія происходитъ не отъ разбойничьихъ бандъ, а отъ всеобщей измѣны всей дѣйствующей и мыслящей части народа, отъ всеобщаго заговора, въ которомъ *за исключеніемъ крестьянъ*, явно или тайно, по условію и соглашенію, или безъ всякаго соглашенія, участвуетъ вся страна».

Выраженіе «за исключеніемъ крестьянъ» подало поводъ «Московскимъ Вѣдомостямъ» къ выходкамъ противъ насъ — довольно забавнымъ, если только можетъ что-нибудь казаться забавнымъ въ спорѣ о такомъ серьезномъ вопросѣ и въ настоящее время. Выступая въ званіи защитника крестьянъ, Московскія Вѣдомости возглашаютъ, что «День» *учитъ презирать простой народъ и не считаетъ заслуживающими вниманія интересы крестьянъ въ Польшѣ, что для него хлопы ничего не значатъ*, и пр. и пр. — Но, кажется, мы безъ ложной самоувѣренности въ правѣ сказать, что противъ такого обвиненія «День» можетъ и не оправдываться: для него было бы совершенно излишне доказывать, что крестьянства онъ не презираетъ, что онъ всегда былъ его защитникомъ, и пр. въ такомъ родѣ. Предоставляемъ это тому, для кого подобное званіе ново: но замѣтимъ однакожe, что съ таковымъ званіемъ вовсе не мирится презрѣніе къ крестьянскому самоуправленію, къ Русскому крестьянскому міру!.. «Московскія Вѣдомости» не соглашаются признать мятежъ національнымъ возстаніемъ, потому что въ немъ не участвуютъ крестьяне. Ну, а въ 1830 и въ 1831 году, когда возстаніе было такихъ размѣровъ, что мы вели съ ними настоящую войну—что это было: національное возстаніе, или такъ-себѣ— «интрига, просто интрига», «дѣйствіе разнообразныхъ элементовъ безпорядка»? вѣдь крестьяне тогда такъ же мало участвовали въ возстаніи, какъ и теперь?.. Наконецъ, во всей тысячелѣтней исторіи Польши крестьянство не играло никакой роли, кромѣ пассивной, не принимало участія, не было дѣйствующею частью народа. Чтобы быть послѣдовательными, «Московскія Вѣдомости» должны отрицать самую исторію Польши и увѣрять съ негодованіемъ (да еще какимъ!), что это дѣйствовала не *вся* страна, вовсе *не Польша*, а такъ ничтожное меньшинство, не заслуживающее вниманія, что вся тысячелѣтняя исторія Польши есть точно такая же интрига, какъ

нынѣшній мятежъ, и что еслибъ за тысячу лѣтъ посадить въ Польшу хорошаго генерала съ правомъ диктатуры, такъ никакой бы Польской исторіи и не было! Мало того, «Московскія Вѣдомости» сами лишаютъ себя права употреблять, какъ это они дѣлаютъ въ каждомъ № и въ каждой статьѣ, слова «Польша», «стремленія Польши», «надежды Польши», потому что здѣсь подъ *Польшею,* слѣдовательно подъ всею страною, и сами «Московскія Вѣдомости» разумѣютъ, конечно, не крестьянство, не большинство народонаселенія, а ту часть народа, которая проявила и продолжаетъ являть себя и дѣйствовать въ исторіи.

Мы еще мѣсяца четыре тому назадъ говорили о необходимости ввести въ Польшу новую историческую идею и надѣлить Польское крестьянство политическими правами («День», № 18, 4 мая); въ 35 № мы нѣсколько подробнѣе развили нашу мысль и отсылаемъ къ ней нашихъ читателей. Но все это еще въ будущемъ, а покуда мы считаемъ себя въ правѣ говорить, какъ и «Московскія Вѣдомости», «*Польша* возстала», «*Польша* бунтуетъ», подразумѣвая въ этихъ словахъ «всю страну за исключеніемъ крестьянства».

Поспѣшимъ къ заключенію. Выводъ нашей статьи 34-го № — слѣдующій:

Мы пробовали разныя системы управленія въ Польшѣ:

Была 30-лѣтняя диктатура: «она не создала намъ никакой Русской партіи».

Была либеральная система Велепольскаго: оказалась несостоятельною.

Почему? Потому что нѣтъ возможности *удовлетворить* законнымъ требованіямъ Поляковъ, когда эти требованія простираются «*дальше* всего того, что можетъ дать самое лучшее, либеральнѣйшее, *Русское* управленіе» (хотя бы и изъ Польскихъ чиновниковъ).

Поляки хотятъ политической самостоятельности, полнѣйшей независимости и отдѣльности.

Если мы не хотимъ этого имъ дать, то должны откинуть надежду «примирить Польшу съ ея положеніемъ какъ части Россійской Имперіи».

Въ такомъ случаѣ, т. е. если мы не желаемъ отказаться отъ Польши, мы должны отказаться отъ попытокъ ввести въ ней либерально-легальное управленіе, и имѣть теперь задачею не *примирить,* а *усмирить* Польшу

Для этой цѣли, для подавленія мятежа и для избавленія страны отъ террора, военная диктатура оказывается необходимою. Польша будетъ усмирена, но Польскій вопросъ останется неразрѣшеннымъ, и мы можемъ постоянно ожидать новаго мятежа.

Признавая въ настоящее время необходимымъ усмиреніе мятежа, слѣдовательно, признавая необходимость диктатуры, мы держимся мысли, что, по избавленіи страны отъ террора, по возвращеніи ей свободы мнѣнія и голоса и по введеніи въ гражданскую жизнь Польши новаго элемента — полноправнаго Польскаго крестьянства, — было бы полезно предоставить Польшѣ полную политическую самостоятельность. Она можетъ быть или отдѣльно отъ Россіи, или же въ соединеніи, но уже въ соединеніи добровольномъ, если Польша сама, уразумѣвъ всю опасность, всю невозможность политическаго для нея существованія безъ Россіи, —пожелаетъ находиться

съ Россіею въ союзѣ.—А «Московскія Вѣдомости» увѣряютъ, что мы предлагаемъ то же, *что уже было и есть!*

Вотъ мысль статьи 34 № и всѣхъ предшествовавшихъ статей. Въ 35 № мы вновь довольно положительно объявили, что такое разрѣшеніе вопроса предстоитъ будущему, а въ настоящее время необходимо прежде всего, посредствомъ военной диктатуры, усмирить мятежъ, избавить страну отъ террора, надѣлить крестьянъ землею, крестьянскимъ самоуправленіемъ и вообще гражданскими правами.

Многіе дѣлаютъ намъ упрекъ въ томъ, что мы слишкомъ забѣгаемъ впередъ, что объ этомъ говорить теперь несвоевременно. Въ этомъ упрекѣ есть, безспорно, значительная доля правды, въ чемъ мы и сознаемся открыто, хотя можемъ представить и съ своей стороны возраженія, нелишенныя основанія.

Въ заключеніе скажемъ: мы готовы согласиться, что въ нашей статьѣ 34 № есть дѣйствительно нѣкоторая неясность, происходящая главнымъ образомъ отъ того, что мы имѣли въ виду всѣ наши предшествовавшія статьи, но упустили изъ виду, что читатель не можетъ и не обязанъ держать ихъ въ своей памяти со всѣми ихъ подробностями и во всей ихъ послѣдовательности. Но публицисту, вступающему въ полемику съ другимъ публицистомъ, слѣдуетъ, предварительно, строго и тщательно изучить мнѣніе своего противника,— принимать въ соображеніе общее направленіе и характеръ его публицистической дѣятельности. Этого требуетъ *добросовѣстность*, уваженіе къ дѣлу, важность и серьезность предмета спора.

О Финляндскомъ сеймѣ и о Польскомъ крестьянствѣ.

Москва, 14-го сентября 1863 г.

Наконецъ въ Финляндіи сеймъ—сеймъ такъ давно желанный, жданный и обѣтованный! Финляндія ликуетъ и празднуетъ, и Россія искреннимъ сердцемъ радуется вполнѣ законной и свѣтлой радости честнаго, трезваго, *здороваго* Финляндскаго населенія. Мы сказали: здороваго, потому что, сколько намъ извѣстно, это едва ли не единственный уголокъ Европейскаго материка, гдѣ люди кажутся довольными и счастливыми, гдѣ общество не заражено недугомъ лжи и фантастическихъ, несбыточныхъ стремленій, гдѣ молодое поколѣніе не является какимъ-то больнымъ недоноскомъ, прежде срока рожденнымъ, безсильнымъ, раздражительнымъ и нервнымъ, и общественная атмосфера свободна, такъ сказать, отъ міазмовъ гошпиталя и кладбища. Гошпиталь, кладбище, да домъ сумасшедшихъ, да казарма,—вотъ чѣмъ, напримѣръ, представляется теперь, и даже не въ одномъ только нравственномъ смыслѣ, несчастная Польша, да болѣе или менѣе,—и въ смыслѣ, конечно, уже переносномъ,—вся Европа, кромѣ развѣ Англіи и кромѣ Россіи.—Въ Россіи тоже общественная атмосфера не можетъ назваться совершенно чистою и здоровою, и если въ настоящую пору эти болѣзненныя ощущенія нѣсколько заглохли при всеобщемъ подъемѣ патріотическаго духа, то это еще не значитъ, что недугъ исцѣлился. Тѣмъ

не менѣе этотъ недугъ въ Россіи есть дѣло наносное и держится на одной поверхности; такъ-называемое общество, къ счастію, еще не всегда служитъ представителемъ Русской народности и въ большей части случаевъ отражаетъ народъ, простой Русскій народъ, какъ кривое зеркало живыя лица, — а между тѣмъ отъ полей и нивъ еще такъ вѣетъ у насъ здоровьемъ и силой!

Впрочемъ мы въ Россіи вообще мало знакомы съ внутреннею жизнью Финляндіи, но такова добрая слава, которою пользуются между нами Финляндцы. Конечно, много у нихъ старины, уже совершенно отжившей и непригодной, но пусть же все старое умершее отнесется ими въ могилу благочестиво и съ подобающею почестью, а не выставляется трупомъ на позоръ, глумленіе и открытое разложеніе,—какъ это бы могло, пожалуй, случиться у насъ.

Это событіе, т. е. сеймъ, произведетъ, конечно, сильное дѣйствіе на общественное мнѣніе Европы и докажетъ ей, какъ спокойно и свободно могутъ жить и благоденствовать подъ покровомъ Россіи даже совершенно чуждыя ей народности, если только ихъ развитіе совершается не въ духѣ вражды и ненависти къ Россіи,—какъ мало стремленія у насъ, Русскихъ, обрусить не-Русскихъ. Напротивъ, Россіи можно сдѣлать упрекъ именно въ томъ, что она слишкомъ легко допускала къ себѣ пропаганду иноземную и даже —смѣшно и больно и позорно вспомнить — содѣйствовала отчужденію отъ себя, отъ Русской народности, нѣкоторой части коренного Русскаго народонаселенія. Можно сказать положительно, что въ большей части пріобрѣтенныхъ нами въ XVIII и XIX вѣкѣ владѣній Русская народность до новѣйшихъ временъ не занимала нигдѣ господствующаго, принадлежащаго ей по праву мѣста (напримѣръ, въ Западномъ и Юго-Западномъ краѣ, Остзейскихъ провинціяхъ, даже въ Крыму, гдѣ до послѣдней войны Татары пользовались привилегіями, которыхъ не имѣли тамошніе Русскіе крестьяне). Мы должны надѣяться, что Финляндскій сеймъ обратитъ наконецъ вниманіе на положеніе Русскихъ въ Финляндіи и дастъ имъ возможность пользоваться правами, предоставленными кореннымъ Финляндцамъ, безъ ущерба для Русской народности. Извѣстно, что Императоръ Александръ I, движимый тѣмъ же великодушіемъ, которое побуждало его возвратить Польшѣ принадлежавшія ей когда-то Русскія области, присоединилъ къ составу Великаго Княжества Финляндскаго земли, уже цѣлое столѣтіе находившіяся во владѣніи Россіи и заключавшія въ себѣ, кромѣ Финскаго племени, не малочисленное и очень древнее населеніе Русское: мы говоримъ про Выборгскую губернію и даже часть Петербургской, въ которыхъ, если не ошибаемся, считалось, въ эпоху присоединенія ихъ къ Финляндіи, до 40 т. Русскихъ: предки ихъ перешли туда на жительство еще въ XVI и XVII вѣкѣ. Положеніе этихъ Русскихъ было и есть до сихъ поръ не изъ самыхъ выгодныхъ: мы даже имѣли въ своихъ рукахъ довольно интересную статью съ подробнымъ разъясненіемъ этого обстоятельства, но однакоже, по разнымъ уваженіямъ, не рѣшились ее напечатать. Мы вполнѣ увѣрены, что Финляндскій сеймъ не останется для этихъ 40 или болѣе тысячъ Русскихъ безъ надлежащихъ послѣдствій, и не возведетъ отношенія Русскихъ къ Финляндцамъ въ Княжествѣ—въ «вопросъ» раздражительнаго свойства.

«Вамъ, представителямъ Великаго Княжества, предстоитъ доказать достоинствомъ, умѣренностью и спокойствіемъ при сужденіяхъ, что въ рукахъ народа мудраго, готоваго дѣйствовать заодно съ Государемъ, съ практическимъ смысломъ для развитія своего благосостоянія, либеральныя учрежденія не только не опасны, но составляютъ залогъ порядка и благоденствія». Этими многознаменательными словами закончилъ Государь Императоръ рѣчь, произнесенную имъ при открытіи сейма. Нѣтъ сомнѣнія, что эти слова, сказанныя Русскимъ Императоромъ во всеуслышаніе всей Россіи и всего Европейскаго міра, произведутъ громадное впечатлѣніе и въ Россіи, и Европѣ, и подадутъ поводъ Европейской журналистикѣ къ разнообразнѣйшимъ толкованіямъ. Они — эти слова — отдадутся и въ самомъ Польскомъ обществѣ и не останутся безъ вліянія на отношеніе Европейскаго общественнаго мнѣнія къ Польшѣ. Что же касается до Россіи съ ея мудрымъ и постоянно дѣйствующимъ заодно съ Государемъ народомъ,—то она въ словѣ «либеральныя учрежденія разумѣетъ прежде всего учрежденія вполнѣ народныя, соотвѣтствующія историческимъ и народнымъ началамъ, а не сколокъ съ какихъ-нибудь Западныхъ учрежденій. Нашъ хлѣбъ насущный въ настоящую минуту — расширеніе свободы мнѣнія и выраженія его въ словѣ, — и этого-то хлѣба насущнаго мы ожидаемъ!..

Отъ сейма въ Финляндіи перейдемъ къ военной диктатурѣ въ Царствѣ Польскомъ. Диктатура, какъ мы уже говорили, является тамъ теперь, къ сожалѣнію, неизбѣжною потребностью,—ибо никакое въ мірѣ «легальное» управленіе не въ состояніи существовать безъ начала взаимнаго довѣрія между властью и управляемыми, а это довѣріе Русской верховной власти къ Польскимъ чиновникамъ и вообще къ Польскому обществу, въ настоящее время рѣшительно невозможно. Поэтому по-неволѣ всякое дѣйствіе приходится подкрѣплять и сопровождать принудительной силою и угрожающимъ контролемъ. Впрочемъ диктатура еще вовсе не означаетъ системы жестокостей, необузданнаго произвола и кровавыхъ казней,—понятіе, которое обыкновенно у насъ соединяютъ съ словомъ диктатура,—а упраздненіе порядковъ управленія, дѣйствующихъ въ обыкновенное время, и предоставленіе на извѣстный срокъ неограниченной распорядительной власти одному какому-либо лицу или учрежденію. Какія бы ни были сужденія объ этой системѣ, нельзя не признать, что только при дѣйствіи вполнѣ свободной верховной воли, вполнѣ независимой отъ вліянія на нее мѣстныхъ помѣщичьихъ и сословныхъ интересовъ, можно надѣяться на скорое и удовлетворительное рѣшеніе крестьянскаго вопроса въ Польшѣ. Мы не замедлимъ представить нашимъ читателямъ довольно подробныя свѣдѣнія о ходѣ крестьянскаго дѣла въ Царствѣ; читатели увидятъ, сколько препятствій надѣленію крестьянъ землею полагали Польскіе помѣщики въ прошлое и въ нынѣшнее царствованіе; какъ самыя благодѣтельныя для крестьянъ распоряженія власти умѣли они обращать во вредъ крестьянамъ, а себѣ въ выгоду; какъ даже самъ маркизъ Велепольскій, при назначеніи коммиссій для очиншеванія, т. е. для оцѣнки повинностей, замѣняемыхъ чиншомъ (оброкомъ), отказался руководствоваться правиломъ, принятымъ и дѣйствующимъ въ Россіи—чтобы норма новаго чинша никоимъ образомъ не превышала размѣра прежней уплаты

(деньгами или издѣліемъ) и чтобъ результатомъ новыхъ мѣръ ни въ какомъ случаѣ не было—*ухудшеніе* быта крестьянъ противъ прежняго ихъ состоянія.—Крестьяне въ Польшѣ никогда бы не дождались отъ Польской шляхты тѣхъ правъ, какими пользуются крестьяне въ Россіи, и аристократическій элементъ, внесенный въ управленіе маркизомъ Велепольскимъ, могъ этому способствовать всего менѣе. Точно также нельзя въ этомъ отношеніи ожидать содѣйствія и отъ Уѣздныхъ Совѣтовъ и другихъ либеральныхъ учрежденій новѣйшей административной системы Царства Польскаго, въ которыхъ вся власть принадлежитъ шляхтѣ. Если же теперь народовый жондъ и рѣшилъ крестьянскій вопросъ, по своему, ex abrupto, объявивъ надѣлъ крестьянскій собственностью крестьянъ, то эта революціонная мѣра поддерживается только терроромъ и не имѣетъ ни въ глазахъ сельскаго населенія, ни въ глазахъ шляхты—авторитета твердой законодательной мѣры. Кромѣ того крестьянамъ необходимо дать такого рода организацію, которая бы возвела ихъ на степень крѣпкаго, сплоченнаго, огражденнаго правами, хотя нисколько не замкнутаго сословія,—вполнѣ независимаго отъ шляхты въ матеріальномъ и политическомъ отношеніи. Но то, что въ дѣйствіяхъ народнаго жонда является революціонною мѣрою, то въ дѣйствіяхъ Русскаго правительства можетъ явиться только послѣдствіемъ его собственной внутренней административной системы, дѣйствующей у него дома, въ Россіи, и мѣрою—въ самомъ строгомъ смыслѣ консервативною. Если Польша, какъ народность, можетъ уцѣлѣть и сохраниться, если при деморализаціи Польскаго общества, какъ бы свидѣтельствующей о совершенномъ его нравственномъ разложеніи, заключается въ чемъ-либо залогъ будущности для Польской націи, — такъ только въ крестьянствѣ и единственно въ крестьянствѣ — элементѣ не дѣйствовавшемъ въ Польской исторіи и слѣдовательно еще не растратившемся въ исторической жизни, еще способномъ къ жизни и къ развитію. Такъ мы предполагаемъ по крайней мѣрѣ: время покажетъ, утратилъ или нѣтъ этотъ членъ Польскаго организма, чрезъ долгую свою инерцію, способность къ оживленію и къ органическимъ отправленіямъ. Россія счастлива тѣмъ, что, предлагая такія мѣры, она только *уравниваетъ* Польскихъ крестьянъ съ Русскими, вводитъ то, что существуетъ у нея самой, и слѣдовательно поступаетъ согласно съ началомъ равноправности народной и высшей нравственной справедливости. Надѣленіе Польскихъ крестьянъ землею и правами—мѣра самая благодѣтельная для самой Польши, которая послужитъ совершенно новою эрою въ ея существованіи и перемѣнитъ всю гражданскую, общественную и экономическую физіономію края. Польскій крестьянскій вопросъ есть самый настоятельный вопросъ настоящей минуты и отложить его разрѣшеніе было бы не только неблагоразумно, но равнялось бы разрѣшенію отрицательному: если мы не воспользуемся настоящими обстоятельствами — онъ разрѣшится или невыгодно для крестьянъ, или въ духѣ революціонно-демагогическомъ — къ пагубѣ всей Польши. Мы думаемъ даже, что открытое всенародное объявленіе отъ имени правительства о томъ, что оно намѣрено распространить на Польское крестьянство благодѣяніе манифеста 19-го февраля съ тѣми, разумѣется, измѣненіями, которыя требуются по обстоятельствамъ мѣста и времени,—такое объявленіе окажетъ спасительное дѣйствіе на

духъ крестьянъ и дастъ имъ силу противиться деморализаціи, распространяемой ужасомъ потаеннаго правительства. Значеніе *громады*, какъ нашего крестьянскаго міра, управленіе крестьянскихъ обществъ не гминными войтами-помѣщиками, а крестьянами же, выбранными ими самими изъ своей среды,—все это, вѣроятно, привилось бы безъ затрудненія къ Славянской и, какъ кажется, мало испорченной, потому что мало жившей, природѣ Польскаго крестьянства.

Но если въ Царствѣ Польскомъ вопросъ крестьянскій имѣетъ значеніе вопроса соціальнаго и политическаго (въ томъ смыслѣ, что не только во внутренней общественной жизни, но и вообще въ Польской исторіи отнынѣ дѣйствующимъ факторомъ должно явиться Польское крестьянство), то въ Западномъ и Юго-Западномъ краѣ Россіи онъ безспорно имѣетъ значеніе вопроса національнаго, потому что ведетъ за собою освобожденіе Русской народности изъ-подъ власти чуждой ей народности Польской. Между тѣмъ, даже и теперь, даже послѣ такого яркаго посрамленія Польской затѣи — увлечь на сторону Польши Русскій народъ, — Поляки все еще стараются придать народному движенію значеніе только соціально-демократическое, и ничего больше. Мы получили недавно изъ Кіева письмо за подписью «Полякъ»: оно написано бойко, какъ будто для печати, и проникнуто ироніей на счетъ публицистическихъ «усилій» «Дня» и вообще на счетъ горячихъ защитниковъ Русской народности,—ироніей, свидѣтельствующей, между прочимъ, что Поляки въ томъ краѣ нисколько еще не упали духомъ. Авторъ письма старается представить въ смѣшномъ видѣ пробудившуюся въ Русскомъ обществѣ любовь и память Русской народности, и особенно налегаетъ на нѣкоторыя неловкія проявленія этого чувства. Онъ очень хорошо знаетъ, что Русское общество и особенно Русскія власти еще недавно были очень чувствительны къ насмѣшкамъ и вообще къ обвиненіямъ такого рода и тона, — но онъ ошибся въ своемъ разсчетѣ: общество наше, какъ мы увѣрены, теперь уже во многомъ не то, что прежде, и прониклось сознаніемъ своихъ обязанностей къ Русскому населенію Западнаго края. Впрочемъ, не ручаемся, чтобъ эта Польская тактика не имѣла успѣха тамъ на мѣстѣ, у мѣстной администраціи,—по крайней мѣрѣ то, что говоритъ авторъ письма о характерѣ народнаго движенія, вполнѣ совпадаетъ съ отзывомъ объ этомъ движеніи — защитника Кіевской административной системы, г. Владиміра Юзефовича.

Разсказавъ какой-то пустой анекдотъ о нерасположеніи крестьянъ къ помѣщикамъ вообще, «*чы вынъ Ляхъ, чы Москаль*», г. «Полякъ» продолжаетъ:

«Вотъ гдѣ таится настоящій смыслъ настоящаго крестьянскаго движенія! Вѣрьте мнѣ, они ненавидятъ Поляковъ, но далеко не влюблены въ Русскихъ. У нихъ самыя рѣзкія соціальныя тенденціи, и эти господа, которые васъ убаюкиваютъ ихъ патріотическими порывами, говорятъ вздоръ. Мы ближе видимъ эти дѣла. Что они говорятъ теперь военнымъ начальникамъ, которые вмѣстѣ съ мировыми съѣздами разъѣзжаютъ по уѣздамъ? «*Нікого знаты не хочемо! Чиншівъ платыты не будемо! паньщыны робыты не будемо, це все наше! Мы собі завоіовалы землю!*» «А знаете, гдѣ такъ говорятъ преимущественно? Въ имѣніяхъ вельможей Русскихъ! Справьтесь въ Кіевѣ, вы удостовѣритесь объ этомъ подробно». Если бы даже это

было и справедливо, то все же ничего не доказываетъ: слѣдуетъ принять въ соображеніе, во-первыхъ, что имѣнія Русскихъ «вельможей» большею частью управляются или арендуются Поляками; во-вторыхъ, что мировые посредники, обязанные разъяснять крестьянамъ ихъ обязанности, большею частью Поляки или такіе Русскіе, какъ г. М., смѣнившій волостного старшину за излишнее усердіе въ преслѣдованіи шайки повстанцевъ; въ-третьихъ, что недоразумѣнію крестьянъ въ настоящее время положенъ вообще конецъ—обязательнымъ выкупомъ, котораго они совершенно основательно ждали и дождались. Далѣе авторъ объясняется слѣдующимъ образомъ:

«Я не пугаю васъ. Мое мнѣніе такое: худо ли, хорошо, а скажи вѣрно. Кто же надѣлалъ эту чепуху? Вы сами, господа, увлекшись местью противъ Поляковъ. Неужели вы думаете, что разрѣшите вопросъ, дѣйствуя такимъ образомъ? Вы его запутываете и вмѣсто одного вамъ прійдется скоро развязывать два узла». Это уже будетъ наша забота, а не Поляковъ: самый трудный узелъ это—Польскій, а остальной развяжется самъ—мудростью народа, сближеніемъ Русскаго общества съ народомъ и тѣмъ свѣтомъ мирной свободы, которымъ озаряется для насъ наше будущее.

«Намъ случалось», говоритъ г. «Полякъ изъ Кіева», объясняться откровенно въ этомъ дѣлѣ съ нѣкоторыми умными Русскими личностями. Онѣ сознавали увлеченіе и даже сказали, что, по ихъ мнѣнію, оно глупо. Но, говорили, лишь бы намъ васъ остепенить, а мужичье приведемъ въ повиновеніе палкою.—Значитъ, сказалъ я, вы и насъ и ихъ приведете въ повиновеніе крутыми мѣрами?—Да!—Значитъ и насъ и ихъ вооружите противъ себя?—Ну да! какая бѣда!—Да такая, что мы въ другой разъ возстанемъ *вмѣстѣ!*.. Русскіе захохотали». Каково самообольщеніе! Воображать, что когда-либо *Малороссъ* и *Ляхъ* соединятся, возстанутъ *вмѣстѣ!* А вѣдь вѣроятно Поляки всѣми мѣрами интригуютъ около мѣстной администраціи, чтобъ напугать ее призраками такого сближенія, внушить недовѣріе къ мѣстной народности, вызвать на разныя неловкія мѣры и тѣмъ раздражить противъ Русской власти мѣстное населеніе! По крайней мѣрѣ мы положительно знаемъ, что имъ удалось возбудить въ Кіевской администраціи совершенно неосновательный страхъ «украинофильства». Нѣкоторые изъ Кіевскихъ администраторовъ съ важностью говорятъ, что «украинофильскій» вопросъ важнѣе Польскаго, и ихъ опасенія нашли себѣ отголосокъ даже и въ Русской литературѣ. Поляки этому очень рады и подсмѣиваются теперь надъ Малоруссами, поддразниваютъ ихъ и стараются имъ внушить, что *Москва* всегда будетъ врагомъ свободнаго развитія ихъ мѣстныхъ и племенныхъ особенностей, любовь къ которымъ, какъ извѣстно, доходитъ у Малороссовъ до самоотверженія и восторженности. Мы съ своей стороны думаемъ, что этому дѣлу вовсе не слѣдовало придавать такую незаслуженную имъ важность, и черезъ это давать плотность и твердость, консолидировать то, что—предоставленное само себѣ—распалось, распустилось, разсѣялось бы само собою, оставивъ по себѣ—только дѣйствительно годное и совершенно безвредное. Но продолжимъ наши выписки: мы дѣлаемъ это съ тою цѣлью, чтобы заранѣе обличить тактику, за которую принимаются теперь Поляки, надѣясь сбить сю съ толку Русское общество:

«Такъ какъ я къ дѣлу хочу всегда относиться честно и прямо, то пусть васъ не пугаетъ этотъ намекъ. Мы пришли къ тому убѣжденію, что во-

просъ Польскій долженъ будетъ разрѣшиться самымъ явнымъ и торжественнымъ образомъ; что, слѣдственно, всѣ эти подпольныя интриги, эта ложь, эти клеветы и подлости, которыми такъ обильны наши и ваши закулисныя работы,—все это хламъ ненужный, все это стыдъ и срамъ, пятнающій народное дѣло. Конечно, мало поможетъ говорить теперь объ этомъ, когда тебѣ въ отвѣтъ противникъ скрежещетъ зубами и суетъ кулакъ въ рожу, но вѣдь пройдетъ же когда-нибудь это раздраженіе и станемъ разсуждать хладнокровно?» Мы не понимаемъ—какое «торжественное и явное разрѣшеніе» разумѣетъ авторъ и какую связь видитъ онъ между вопросомъ о Польшѣ и вопросомъ о Западно-Русскомъ краѣ. Впрочемъ онъ можетъ смѣло прислать къ намъ свои разсужденія, не опасаясь ни скрежета зубовъ, ни выразительныхъ пріемовъ кулака,—за это мы ручаемся и постараемся прочесть его соображенія даже безъ улыбки, если только это будетъ возможно. Далѣе: «Ваши статьи, вызывающія общественную силу на помощь народному дѣлу въ Западномъ краѣ, уже отчасти примѣняются къ дѣлу. Недавно одинъ Русскій помѣщикъ, призвавъ къ себѣ директора своего сахарнаго завода, сказалъ ему: «Вы съ сегодняшняго дня не имѣете у меня мѣста».—«Позвольте узнать причину?» спросилъ директоръ.—«Нѣтъ никакой; я вами былъ доволенъ. Одна та, что вы Полякъ». Что же? Помѣщикъ поступилъ можетъ быть очень основательно, избавивъ рабочихъ-Русскихъ отъ Поляка начальника. «Неужели, продолжаетъ авторъ, все это и многое другое означаетъ патріотизмъ? Это модная вспышка, да еще вдобавокъ самаго неприличнаго свойства. Она, пожалуй, обличаетъ «широкую Русскую натуру» и несетъ отъ нея Русскимъ духомъ,—но... хотя Александръ Македонскій былъ и великій человѣкъ,—все же не зачѣмъ стулья ломать...» Вашъ Кіевскій корреспондентъ, говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ своего письма, однимъ почеркомъ пера разрѣшилъ самый головоломный вопросъ касательно изгнанія изъ Западнаго края всѣхъ Поляковъ. Вы пишете объ этомъ предметѣ цѣлыя статьи, призываете всю силу народнаго духа и силу общественную, придумываете самые затѣйливые проекты, и все же не разрѣшаете вопроса!.. Упоминая о неосновательности предположенія одного изъ нашихъ корреспондентовъ, будто Польскіе помѣщики не найдутъ работниковъ изъ Русскихъ, г. «Полякъ изъ Кіева» прибавляетъ: «Смѣю вамъ доложить: не вѣрьте этому и по прежнему пріискивайте радикальныя средства!!..»

Всѣ эти Польскія шуточки и издѣванья или дѣйствительно выражаютъ увѣренность Поляковъ въ ихъ общественной силѣ и въ невозможности освободить край отъ преобладанія въ немъ Польскаго элемента, или же говорятся и пишутся съ цѣлью—смутить и сконфузить Русское общество, при извѣстной чувствительности его къ насмѣшкамъ. Но, несмотря на эти насмѣшки, которыми, вмѣсто пуль, осыпаютъ теперь Поляки Русскихъ въ Западномъ и Юго-Западномъ краѣ,—никто изъ Русскихъ, разумѣется, не своротитъ съ пути, который раскрылся его сознанію, благодаря событіямъ и освобожденному изъ-подъ гнета *фальшивой* деликатности Русскому чувству. Объ этой деликатности мы скажемъ нѣсколько словъ ниже. Нѣтъ сомнѣнія, что очистить Украйну и Бѣлоруссію отъ полонизма и отъ матеріальнаго преобладанія Поляковъ — дѣло вовсе не легкое и требуетъ не однихъ внѣшнихъ «радикальныхъ» средствъ, которыми бы могла распола-

гать Русская администрація, но преимущественно нравственнаго, настойчиваго, никогда не слабѣющаго напряженія Русскихъ людей — къ укрѣпленію, упроченію и утвержденію Русской общественной почвы, къ созданію Русской общественной, не только правительственной, силы въ Западномъ краѣ. Нѣтъ сомнѣнія также, что въ этомъ отношеніи сдѣлано еще мало, очень мало, — и если было бы, напримѣръ, признано, что настало уже время для примиренія и можно уже возвратиться къ «прежнему мирному порядку», — то дѣйствительно тотчасъ бы возвратился *прежній* порядокъ, порядокъ послѣднихъ лѣтъ: администрація была бы въ рукахъ Поляковъ, а крестьяне, хотя и освобожденные отъ крѣпостного права, подпали бы снова подъ зависимость матеріальную и нравственную Польскихъ помѣщиковъ, вслѣдствіе поземельнаго и денежнаго ихъ могущества въ краѣ, ихъ вліянія на начальство, ихъ господствующаго общественнаго положенія.

О томъ, что̀ предстоитъ дѣлать Русскому обществу въ Западномъ краѣ, намъ уже приходилось и придется еще не разъ высказывать наше мнѣніе; теперь же замѣтимъ, что безъ содѣйствія власти въ ея правительственной сферѣ (что̀ въ настоящее время равнялось бы прямому противодѣйствію), усилія мѣстнаго Русскаго образованнаго населенія едва ли будутъ достаточны. Что̀ прикажете дѣлать, напримѣръ, когда мѣстная администрація оставляетъ безъ удовлетворенія просьбы объ учрежденіи общества для распространенія Русскаго просвѣщенія, — какъ о томъ подробно разъяснено въ статьѣ г. Ригельмана («День», № 55)? когда всѣ сколько-нибудь значительныя должности розданы Полякамъ, и въ ихъ рукахъ, de facto, участь всѣхъ Русскихъ жителей въ краѣ? когда мѣстная администрація находится подъ вліяніемъ Польскихъ пановъ, когда — здѣсь адъютантъ, тамъ правитель канцеляріи, тамъ чиновникъ особыхъ порученій—всѣ Поляки — вертятся около начальства и интригуютъ неутомимо, повинуясь высшему повелѣнію, mot d'ordre кокого-нибудь потаеннаго Польскаго комитета? Бумаги, найденныя на Дружбацкомъ въ Житомірѣ (см. «День» № 35), краснорѣчиво это доказываютъ, несмотря на всѣ протестаціи защитниковъ современной системы Кіевской администраціи. Намъ пишутъ изъ Кіева, что г. Владиміръ Юзефовичъ, вслѣдствіе нашего вызова, съ жаромъ схватился за составленіе списка чиновниковъ Кіевскаго генералъ-губернаторства, надѣясь доказать, что большинство чиновниковъ въ краѣ не Польскаго, а Русскаго происхожденія. Другой господинъ, изъ Волыни, назвавшійся Русскимъ (?), но не подписавшій своей фамиліи, думаетъ поразить и опровергнуть насъ тѣмъ, что на 75 человѣкъ, служащихъ въ Волынской палатѣ государственныхъ имуществъ, только 13 чиновника не-Русскихъ, а изъ 8 чиновниковъ особыхъ порученій при палатѣ только четыре Поляка, а не восемь. Что-жъ это доказываетъ? Какъ будто дѣло въ количественности, а не въ качественности! Вопросъ состоитъ въ томъ, *какія* именно мѣста занимаютъ Поляки и при какой обстановкѣ. Многіе изъ нихъ, безъ сомнѣнія, очень честные люди, но мы не въ правѣ требовать отъ нихъ сочувствія къ неприязненнымъ дѣйствіямъ противъ ихъ соотечественниковъ-Поляковъ,—что̀ именно и требуется въ настоящую пору, — и тотъ Полякъ, который не ищетъ избѣгнуть фальшиваго положенія, въ которое ставитъ его *теперь* служба въ Западномъ краѣ, не можетъ — говоримъ прямо — внушать намъ довѣрія.

Третій господинъ, также защитникъ Кіевской администраціи, въ оправданіе ея, указываетъ на 2-й департаментъ М—ва Государственныхъ Имуществъ, который завѣдываетъ конфискованными и вообще казенными имуществами и крестьянами въ Западномъ краѣ и въ которомъ будто бы, по списку чиновъ, изданному за май мѣсяцъ, считается 24 чиновника Польскаго происхожденія... Если это и правда, то это опять ничего не доказываетъ; иное дѣло въ Петербургѣ, иное въ Кіевѣ или Житомірѣ: надобно думать, что высшее управленіе имѣетъ это въ виду; мы знаемъ навѣрное, что на дняхъ оно произвело перемѣну въ составѣ Волынской Палаты государственныхъ имуществъ, признавъ неудобнымъ, что всѣ Волынскія казенныя фермы достаются въ руки исключительно Поляковъ, а на Русскихъ.

Что же касается до «деликатности и гуманности», то, конечно, нѣтъ ничего выше этихъ свойствъ, какъ скоро они лежатъ въ основѣ *всѣхъ* нашихъ дѣйствій, проникая собой всю природу человѣка, а не являются чѣмъ-то въ родѣ раздушеннаго носового платка, употребляемаго только при фракѣ и въ гостиной,—какимъ-то внѣшнимъ щегольствомъ «по части гуманности и деликатности» на видномъ мѣстѣ и при извѣстныхъ условіяхъ. Вся бѣда въ томъ, что деликатность и гуманность чиновниковъ въ Западномъ краѣ выходила на дѣлѣ грубымъ обращеніемъ съ мужикомъ, — какимъ-нибудь Хохломъ-«Вертигубой» или «Сметанкой»,—и галантерейнымъ обращеніемъ съ Польскимъ великолѣпнымъ магнатомъ, очаровательно болтающимъ по-Французски, «человѣкомъ-вѣдь Европейскимъ, цивилизованнымъ», сіяющимъ блескомъ своего аристократическаго имени и богатства!... Намъ понятно поэтому то неудовольствіе, которое возбудило въ Кіевскомъ Русскомъ обществѣ вниманіе, оказанное мѣстною администраціею пикнику, заданному въ ея честь Польскими аристократами.—Если мы захотимъ быть истинно деликатными и гуманными или, говоря проще и яснѣе, захотимъ быть вполнѣ справедливыми и человѣчными въ своихъ отношеніяхъ, то положеніе Русскаго народа и вообще Русскаго общества въ томъ краѣ тотчасъ же совершенно измѣнится. Болѣе ничего и не нужно, какъ справедливости,—а возвратить этотъ Русскій край Русской народности, освободить послѣднюю изъ-подъ иноплеменнаго матеріальнаго и нравственнаго ига—есть дѣло самой высшей, самой святой справедливости!.. Этой цѣли должны мы и *можемъ* достигнуть—средствами и путями вполнѣ честными, законными и нравственными, о которыхъ мы отчасти уже говорили, отчасти поговоримъ въ другой разъ и къ которымъ безспорно относится — лишеніе части въ Русской землѣ тѣхъ, которые не признаютъ правъ Русской народности и открыто враждуютъ съ нею.

Нашъ врагъ не Польша, а полонизмъ.

Москва, 21-го сентября 1863 г.

Что бы мы ни дѣлали, чѣмъ бы ни занимались, чѣмъ бы ни старались занять теперь нашу мысль и чувство,—и мысль и чувство продолжаютъ невольно обращаться по прежнему въ одну сторону,—все къ той же Польшѣ, да къ тому же Западному краю Россіи! Такъ называемый Польско-Русскій вопросъ есть по-истинѣ, по выраженію поэта, «властитель нашихъ думъ» въ настоящее время, и сосредоточиваетъ на себѣ, почти исключительно и нераздѣльно, всю силу общественнаго участія и вниманія. Упраздняя, или лучше сказать поглощая собою всѣ прочіе, даже немаловажные общественные интересы, высокій интересъ Польско-Русскаго дѣла будетъ еще долго раздражать нервы нашего общества и возбуждать его нравственную дѣятельность. При той духовной лѣни, которою, къ сожалѣнію, всегда отличалось наше общество, заключается въ этомъ для него, безъ сомнѣнія, великое благо. Ему подчасъ, можетъ быть, уже и надоѣдаютъ всѣ эти нескончаемые толки и споры,—оно, въ понятномъ нетерпѣніи, хотѣло бы раздѣлаться разомъ съ этимъ неотвязчивымъ и мучительнымъ вопросомъ,—но не тутъ-то было, вопросъ мудренъ и не поддается такъ легко разрѣшенію! Оно надѣялось, что послѣ такого великодушнаго патріотическаго напряженія, какое оно проявляло нынѣшнимъ лѣтомъ ему, т. е. обществу, можно будетъ и поотдохнуть немного въ чувствѣ удовлетвореннаго національнаго самолюбія, и ослабить—все же нѣсколько неудобную для обычнаго теченія жизни, возвышенность своего настроенія,—но судьба распорядилась иначе, и Польско-Русскій вопросъ продолжаетъ себѣ торчать и, такъ сказать, стучаться въ двери по прежнему! Даже блистательнѣйшій исходъ дипломатической кампаніи нынѣшняго года,—такой исходъ, которому подобнаго, кажется, и не представляетъ лѣтопись новѣйшихъ дипломатическихъ дѣяній, и который не только порадовалъ чувство нашей народной гордости, но и поднялъ нравственное значеніе Россіи въ Европѣ такъ высоко, какъ Россія еще не стояла послѣ заключенія Парижскаго мира,—даже и послѣдній громкій аккордъ нашей побѣдной дипломатической пѣсни не даетъ возможности и права нашему обществу опочить на лаврахъ, а указываетъ ему на необходимость еще сильнѣйшаго развитія дѣятельности, чѣмъ когда-либо прежде. Намъ все еще нельзя утѣшать себя мыслью, что горизонтъ очистился и опасность войны миновала,—скорѣе напротивъ, и рой безпокойныхъ вопросовъ докучливо лѣзетъ въ голову: какъ-то сложатся шашки къ концу зимы, чѣмъ-то все это завершится къ веснѣ, что-то будетъ весною, что скажетъ весна? Нѣтъ сомнѣнія, что гордость Европы, привыкшей поклоняться самой себѣ какъ идолу, съ трудомъ переваривается свое дипломатическое пораженіе, и что Наполеону нужно, во что бы ни стало, такъ или иначе возмѣстить ущербъ, понесенный имъ нынѣшнимъ лѣтомъ въ своемъ блескѣ и славѣ. Наполеонъ, или вообще Наполеониды занимаютъ въ исторіи совершенно исключительное положеніе, нисколько не похожее на положеніе прочихъ вѣнценосцевъ Европы. Государи, по выраженію Ивана Грознаго, «при-

рожденные на престолѣ» могутъ быть лучше или хуже, таланливѣе или менѣе таланливы, могутъ быть одарены тѣми или другими свойствами, могутъ быть счастливы въ своихъ предпріятіяхъ,—это не измѣняетъ ихъ положенія: принципъ престолонаслѣдія заранѣе признаетъ всѣ случайности, все разнообразіе личнаго развитія и личныхъ дарованій въ государяхъ и заранѣе мудро мирится съ ними (кромѣ уже самыхъ исключительныхъ явленій)—во имя высшаго блага незыблемости и стройности политической системы. Но государь, возведенный въ это званіе революціей, сѣвшій на престолъ ея помощью и «своимъ хотѣньемъ» (по выраженію нашихъ древнихъ грамотъ), долженъ постоянно чѣмъ-либо оправдывать необычайность своего происхожденія; онъ обязанъ непремѣнно быть и талантливъ, и счастливъ—въ противномъ случаѣ ему незачѣмъ и быть, нѣтъ того, что называютъ Французы raison d'être, нѣтъ ему причины существованія; ему не простится никакое злополучіе, никакое бѣдствіе страны... Онъ является среди прочихъ правильныхъ политическихъ порядковъ какъ «беззаконная комета въ кругу разсчитанныхъ свѣтилъ», и не можетъ войти въ рядъ этихъ послѣднихъ созвѣздій. Воплощенная, вѣнчанная революція, онъ всюду носитъ съ собою революцію; его призваніе и историческое оправданіе—революція (разумѣется, не въ пошломъ значеніи этого слова), революція, какъ историческая логическая необходимость; весь его смыслъ въ нарушеніи обычнаго теченія исторической жизни,—и мириться съ этимъ обычнымъ теченіемъ для него все равно, что отречься отъ самого себя, отъ всякихъ своихъ правъ на историческое бытіе. Въ этомъ значеніи Наполеонидовъ вся ихъ сила; въ противномъ случаѣ, какъ скоро они отказываются отъ своей революціонной миссіи или какъ скоро нѣтъ въ ней больше надобности въ общей экономіи всемірно-человѣческаго развитія, какъ скоро водворяется такой порядокъ вещей, для котораго можетъ быть пригоденъ какой-нибудь Бурбонъ или Орлеанъ,—то Наполеониды падаютъ, должны пасть. Сказать, какъ сказалъ Людовикъ-Наполеонъ въ своей знаменитой рѣчи въ Бордо, что l'empire c'est la paix (имперія—это миръ), равнозначительно выраженію, что огонь не жжется, вода не мочитъ. Впрочемъ, мы думаемъ, никто въ мірѣ, даже Бордосскіе виноторговцы не повѣрили такому императорскому истолкованію. Напротивъ: l'empire c'est la guerre, имперія—не миръ, а война, и то пораженіе, которое можетъ стерпѣть могущественная Англія и благополучно переварить своимъ привычнымъ желудкомъ Австрія,—то пораженіе не можетъ быть перенесено Франціей Наполеона III-го. Мы вовсе не пророчимъ непремѣнной войны Франціи съ Россіей; войны можетъ и не быть или она можетъ быть вовсе не на почвѣ Польскаго вопроса, какъ не совсѣмъ пригодной для Европейскихъ коалицій,—но мы, да вѣроятно и всѣ, несомнѣнно увѣрены, что Наполеонъ прибѣгнетъ къ новымъ политическимъ соображеніямъ и маневрамъ, чтобы вознаградить такъ или иначе честь Франціи за печальный исходъ Французскаго дипломатическаго похода,—и Россія, конечно, при этомъ не будетъ оставлена, да и сама не останется въ сторонѣ.

Итакъ, заключеніе дипломатическихъ переговоровъ о Польшѣ и весь ходъ событій задаютъ новую заботу и работу, какъ правительству въ его правительственной сферѣ, такъ и обществу въ кругу его общественной дѣятельности. Послѣднее, въ своемъ патріотическомъ одушевленіи, ока-

завшемъ безспорно огромную поддержку нашей дипломатіи, воображало себѣ, что вопросъ вовсе не такъ сложенъ для разрѣшенія, и что достаточно двухъ-трехъ пріемовъ энергіи, чтобы порѣшить задачу и преодолѣть всевозможныя трудности. Большинство нашего общества привыкло вѣрить увѣреніямъ нѣкоторыхъ нашихъ публицистовъ, что все дѣло въ развитіи силы государственной, что Польскій мятежъ—интрига, дѣло даже не партіи, а элементовъ безпорядка, которые подавить ничего не стоитъ, что если только усмирить бунтовщиковъ, да ввести военные порядки, то и всему дѣлу конецъ, и нѣтъ затѣмъ никакого «вопроса». Наше мнѣніе о «національномъ» характерѣ возстанія было отвергнуто съ негодованіемъ, какъ непатріотическое, и обществу математически доказано, на основаніи статистическихъ данныхъ и мнѣнія корреспондента Англійской газеты, что тутъ даже нѣтъ никакого возстанія, а просто бунтъ, въ которомъ принимаетъ участіе только самый слабый процентъ народонаселенія, именно вотъ такое-то ничтожное количество, не больше. Общество охотно повѣрило, и теперь только начинаетъ недоумѣвать: что же это, однако, за странность? количество, говорятъ, ничтожное, дѣло, говорятъ, самое пустое, презрѣнное и жалкое,—а между тѣмъ съ нашей стороны требуется такая натуга силъ, которая, казалось бы, и не соотвѣтствуетъ тому опредѣленію мятежа, какое установлено нѣкоторыми газетами. Мало того: говорили, что все дѣло въ «усмиреніи» мятежа; но въ Бѣлоруссіи и Литвѣ, благодаря уму и энергіи генерала Муравьева, мятежъ положительно «усмиренъ», а между тѣмъ и тамъ Польско-Русскій вопросъ не только еще не рѣшенъ, но вступаетъ, и именно теперь, въ самый тяжелый и самый опасный для насъ періодъ. Прежде, пока онъ олицетворялся въ повстанцахъ, его можно было поймать въ лѣсу, достать руками и пригрозить ему страхомъ,—а теперь, когда скоро не надъ кѣмъ будетъ проявлять энергіи, когда покорность, выраженная болѣе чѣмъ тремя тысячами лицъ благороднаго дворянскаго сословія Виленской и Ковенской губерній, лишаетъ, повидимому, власть законнаго основанія обращаться съ ними какъ съ преступниками и измѣнниками,—теперь положеніе правительства стало несравненно труднѣе. Если бы справедлива была та характеристика Польскаго возстанія, что оно есть произведеніе ничтожнаго количества представителей элементовъ безпорядка, то, казалось, достаточно было бы усмирить мятежъ и повыдергать изъ общества этихъ главнѣйшихъ представителей, чтобы положить всему дѣлу конецъ самый благополучный и скорый. Но въ дѣйствительности выходитъ иначе, и вмѣсто сумасбродныхъ повстанцевъ, подвизавшихся въ *лѣсу*, или фанатиковъ-ксендзовъ, во все горло, публично взывавшихъ въ костелахъ къ мятежу и къ убійствамъ,—является иной, потаенный врагъ, непрестанно рыщущій кругомъ, «искій кого поглотити», врагъ, требующій отъ насъ уже не энергіи физической силы, а непрестанной бдительности административнаго ума и общественнаго духа. Стало быть, невольно спрашиваетъ себя общество, въ Польско-Русскомъ вопросѣ есть что-то, что не исчерпывается однимъ внѣшнимъ явленіемъ мятежа и не разрѣшается однимъ усмиреніемъ мятежа, да и самый мятежъ, повидимому ничтожный, имѣетъ какой-то другой смыслъ, не совсѣмъ тотъ, который навязываютъ ему нѣкоторые публицисты,—почерпаетъ свою силу не въ одномъ только элементѣ безпорядка?.. Что же это за врагъ, котораго не примѣтили эти

публицисты и который сильнѣе, живучѣе шаекъ Тачановскаго и всѣхъ вооруженныхъ *Поляковъ*, взятыхъ вмѣстѣ? Этотъ врагъ—*полонизмъ*.

На этого-то врага мы считаемъ особенно нужнымъ обратить вниманіе нашего общества. Мы не хотимъ, да и не должны, скрывать силу этого врага и убавлять грозящую намъ опасность, какъ это дѣлаютъ иные въ патріотическомъ увлеченіи или изъ побужденій ложно понимаемаго патріотизма. Мы желали бы, чтобы наше общество обезпокоилось по поводу этого врага серьезнымъ образомъ. Тутъ, какъ мы уже тысячу разъ повторяли, не возьмешь одними патріотическими возгласами и пирами, ни даже великодушною, вполнѣ искреннею готовностью жертвовать жизнью и достояніемъ. Тутъ даже не поможетъ военная энергія, какъ ее разумѣетъ наше общество; тутъ нельзя взваливать заботу на одно правительство и класть на него одного вину въ неуспѣхѣ, а самому затѣмъ отойти въ сторону и довольствоваться тѣмъ, чтобы за обѣдомъ въ клубахъ,

Иль въ поздней ужина порѣ,
Въ роскошно-убранной палатѣ
Потосковать о бѣдномъ братѣ,
Погорячиться о добрѣ.

Приходится потревожиться и проявить свой патріотизмъ болѣе неудобнымъ образомъ. Довольно было, скажемъ мы словами поэта графа А. К. Толстого, «довольно было на боку полежано и въ затылкѣ почесано»,—довольно было патріотически покушано и шампанскаго выпито, довольно было обѣщаемо, и не только обѣщаемо, но и дѣйствительно жертвуемо жизнью и достояніемъ,—надо пустить въ ходъ другія силы, явить доблесть иного рода, не убаюкиваясь лестью нашему патріотизму и нашимъ общественнымъ добродѣтелямъ.

О значеніи «полонизма» въ Польско-Русскомъ вопросѣ читатели найдутъ довольно пространное разъясненіе въ статьѣ, помѣщаемой ниже, Ю. Ѳ. Самарина. Мы же позволимъ себѣ напомнить читателямъ нѣсколько строкъ изъ одной прежней нашей статьи, которыя теперь повторить будетъ, кажется, кстати.—«*Полонизмъ*! говорили мы въ 12 №(23 марта) «Полонизмъ, тевтонизмъ!.. Какая сила въ этихъ *измахъ*? Что это—армія, что ли? Нѣтъ, не армія, да у насъ есть свои арміи, получше Нѣмецкихъ и Польскихъ... Ужъ не новое ли нашествіе полчищъ?.. Нисколько, да, и по общему отзыву, полонизмъ для Западно-Русскаго края всего опаснѣе во время мира: вся сила этой враждебной силы именно въ *мирѣ*. Что-жъ это, государство ли, стремящееся поработить чужую народность? Но Польское государство уже лѣтъ семьдесятъ какъ не существуетъ. Что-жъ это наконецъ? учрежденіе ли, крѣпкая ли организація какого-нибудь института? стройная ли система, всѣми принятая, всѣми послушно приводимая въ исполненіе, тайное ли общество, заговоръ, въ которомъ участвующіе дружно повинуются условленному плану дѣйствія?..» Эти *измы*—говорится далѣе въ статьѣ, «чисто нравственная сила, которою никто не управляетъ и не распоряжается; это не государство и не учрежденіе,—она, эта сила, какъ тонкій воздухъ, проникающій въ самые сокровенные волосные сосуды человѣческаго тѣла, обхватываетъ собою цѣлыя страны, проникая въ умъ, душу и сердце человѣка, окрашивая своимъ почти неуловимымъ для опре-

дѣленія колоритомъ, всѣ его представленія, видоизмѣняя по своему его убѣжденія, вторгаясь въ самую рѣчь, въ самый бытъ народный... Конечно, Русскій простой народъ несомнѣнно и неколебимо Русскій, но, какъ мы уже не разъ говорили, одна непосредственная бытовая сила народности, безъ народнаго самосознанія, безъ дѣятельности народнаго духа въ высшей области мысли и знанія, есть нерѣдко сила пассивная, не только не способная подчинять себѣ чужія сколько-нибудь развитыя народности, но сама легко, незамѣтно имъ подчиняющаяся»... «Необходима высшая, сознательная дѣятельность народнаго духа... Область же этой дѣятельности есть именно то, что называется обществомъ, т. е. среда, гдѣ личное просвѣщеніе народныхъ единицъ, переставшихъ быть однородною массою, образуетъ новое сознательное единство, новую силу общественности. А есть ли у насъ эта сила, есть ли у насъ это Русское общество?..»

Теперь, по усмиреніи мятежа въ Западномъ и Юго-Западномъ краѣ, болѣе чѣмъ когда-либо необходимо напряженіе нашей общественной силы для борьбы съ полонизмомъ. Страшно подумать, что съ принесеніемъ *повинной* Русскому правительству Польскимъ населеніемъ края намъ грозитъ возвращеніе къ *старому* порядку, что мы сами поспѣшимъ изгладить слѣды мятежа, замазать щели и трещины, сами постараемся привести положеніе дѣлъ по возможности въ прежній видъ, какъ будто никакого мятежа и не бывало!! Время уже приступать къ реформамъ радикальнымъ, къ совершенной переорганизаціи края, и если мы не воспользуемся тѣмъ урокомъ, который задалъ намъ Польскій мятежъ, если онъ насъ еще не надоумилъ,—то послѣдствія будутъ самыя бѣдственныя. Поляки дѣйствительно, какъ угрожалъ намъ авторъ письма, приведеннаго нами въ послѣднемъ 37 № *), прибѣгнутъ къ другому способу осуществленія своихъ замысловъ: они пойдутъ къ цѣли путями менѣе опасными, но столь видными и компрометирующими, «безъ подпольныхъ угрозъ», безъ убійствъ изъ-за угла, безъ кинжаловъ и орсиніевскихъ бомбъ. Сохраняя свое господствующее положеніе въ краѣ, какъ класса владѣющаго огромною поземельною собственностью, богатаго и образованнаго, они удесятерятъ свою нравственную дѣятельность и постараются добиться миромъ того, чего не добились войною. Они напрягутъ всѣ усилія къ тому, чтобы отравить и деморализировать тамошнее Русское общество или молодое его поколѣніе, нарядивъ свое *исключительно-національное*, весьма опредѣленное и узкое, *шляхетное* стремленіе въ характеръ *социально-космополитическій!* Они придадутъ силу, плотность, такъ сказать реальность всѣмъ элементамъ безпорядка, всѣмъ элементамъ революціоннымъ, не имѣющимъ корней въ Русской почвѣ. Если о Царствѣ Польскомъ признается неблаговременнымъ разсуждать теперь иначе, какъ въ смыслѣ усмиренія мятежа, на основаніи правила, что «довлѣетъ дневи злоба его», то для Западнаго края этой неблаговременности уже не существуетъ. Мы не можемъ безъ сильной тревоги думать о томъ, что обстоятельства, такъ оживившія и ободрившія Бѣлоруссію, пріурочены, такъ сказать, къ лицу одного человѣка, котораго болѣзнь или другія причины могутъ заставить покинуть занимаемое имъ мѣсто. Что же будетъ тогда? Гдѣ эти мѣры прочныя, открывающія путь

*) См. предыдущую статью.

лучшему будущему и дѣлающія невозможнымъ—не то что повтореніе мятежа, а повтореніе прежнихъ системъ управленія и возвращеніе стараго порядка, столь благопріятнаго полонизму?! А въ Юго-Западномъ краѣ мы уже и теперь, благодаря той администраціи, которой защитники такъ сходятся съ Поляками въ оцѣнкѣ народнаго движенія, очистившаго Украйну отъ Польскихъ шаекъ, и клеймятъ его названіемъ *соціальнаго*, направленнаго противъ пановъ вообще, а не противъ чуждой народности (1), — въ Юго-Западномъ краѣ мы уже и теперь видимъ—смѣло поднявшуюся голову полонизма, шипящаго злобой! Подсмѣиваясь надъ усиліями Русской журналистики и вообще Московскихъ защитниковъ Русской народности, онъ возлагаетъ свою великую надежду на тотъ умственный сумбуръ, который царствуетъ въ значительной части Русской образованной молодежи того края,—и въ той, которая пишетъ статьи въ защиту Кіевской администраціи, и въ той, которая пишетъ статьи противъ *Московщины* въ Львовскомъ «Словѣ», и въ «хлопоманахъ», и въ «федералистахъ», и въ мнимыхъ «народолюбцахъ», не понимающихъ въ своей ограниченности, что стоять горячо за Украинскую народность и въ то же время ненавидѣть Москву — значитъ очищать поле для побѣдъ полонизма... Не хороши тѣ извѣстія о Юго-Западномъ краѣ, которыя доходятъ до насъ,—несмотря на доказательства, представленныя адвокатами Кіевской администраціи, что не всѣ мѣста административной службы *сплошь* заняты чиновниками-Поляками!..

Итакъ оглянемся: въ какомъ же положеніи дѣло, какой же выводъ изъ всѣхъ нашихъ словъ?

Во-первыхъ, обществу нечего себя обманывать на-счетъ ничтожнаго, будто бы, значенія Польскаго мятежа. Это самообольщеніе очень вредно, способно ослабить его дѣятельность и заставить его подумать, что дѣло можетъ обойтись помощью одной внѣшней правительственной энергіи, а отъ самого общества, послѣ экспозиціи его патріотизма нынѣшнимъ лѣтомъ, ничего уже болѣе и не требуется. Напротивъ. Если Польскій вопросъ, какъ мы сказали, продолжаетъ быть по-неволѣ «властителемъ нашихъ *думъ*», возбуждая въ насъ патріотическое негодованіе къ Полякамъ и патріотическое участіе къ нашимъ войскамъ, то этого еще мало. Слѣдуетъ *додумываться* до конца и явить неусыпную бдительность общественнаго духа и дѣятельность общественной мысли.

Во-вторыхъ, что касается Царства Польскаго, тамъ дѣйствительно вся «злоба довлѣющая дневи» заключается въ «усмиреніи мятежа». Мы это охотно признаемъ, оставаясь вѣрными своему личному взгляду на положеніе Царства. Но это усмиреніе зависитъ не отъ однѣхъ военныхъ энергическихъ, но и отъ умныхъ административныхъ мѣръ. Всего же нужнѣе введеніе той общественной реформы, о которой мы уже говорили и отъ которой можно ожидать самыхъ благодѣтельныхъ послѣдствій для самой Польши. Эта реформа — надѣленіе Польскихъ крестьянъ землею въ собственность и замѣна дѣйствія вотчиннаго права или патримоніальной юрисдикціи—крестьянскимъ самоуправленіемъ. Такая реформа должна, кажется, возбудить въ сильной степени участіе Русскаго общества и вызвать разработку вопроса о Польскомъ крестьянствѣ въ самой литературѣ

Затѣмъ, въ-третьихъ, положеніе Западнаго и Юго-Западнаго края Россіи

требуетъ, настоятельно требуетъ, полнѣйшаго напряженія нашихъ общественныхъ силъ для борьбы съ полонизмомъ. Необходимо изученіе, изслѣдованіе, знакомство, сближеніе съ краемъ; необходима постоянная братская проповѣдь, внушенія, совѣты, содѣйствіе русскимъ школамъ, учрежденіе братствъ; наконецъ дружное, совмѣстное распутываніе той умственной и нравственной путаницы, которая замѣчается, какъ мы сказали, въ значительной части Русскаго образованнаго общества того края. Нужно ли повторять, что современныя модныя направленія нашей молодежи, прозванныя нигилизмомъ, федерализмомъ и проч., не въ силахъ бороться съ полонизмомъ, а представляютъ для него, сами того не зная, самую выгодную почву, и что любовь, законная, понятная любовь Украинцевъ къ прекрасной своей Украйнѣ, выродившись въ «украйнофильство», нерѣдко уклоняется въ сторону — совершенно противоположную отъ требованій Украинской народности! Но независимо отъ всей этой дѣятельности, которая требуетъ простора литературнаго слова, — необходимо также содѣйствіе разумнымъ административнымъ мѣрамъ правительства. Мы негодуемъ, что Поляки наполняютъ тамъ весь составъ управленія и что участь Русскаго народа въ рукахъ Поляковъ-чиновниковъ. Зачѣмъ же дѣло стало? Въ газетахъ безпрестанно печатается приглашеніе отъ правительства — Русскимъ изъ Великорусскихъ губерній занять мѣста мировыхъ посредниковъ и нѣкоторыя другія въ нашихъ Западныхъ областяхъ. Пусть же честные, образованные молодые Русскіе люди, кончивъ курсъ въ университетѣ, направятся въ Западный край съ своими свѣжими, бодрыми силами и явятся туда миссіонерами Русской народности! Какъ много тамъ дѣла! какое широкое поприще для дѣятельности самой благой, сколько добра и пользы можно тамъ принести бѣдному, загнанному Русскому простонародью! Есть надъ чѣмъ потрудиться, съ чѣмъ бороться, къ чему приложить силы! А есть ли что́ желательнѣе и отраднѣе для благороднаго молодого сердца, какъ перспектива такой пользы и такой дѣятельности? Но этого ли именно желаетъ современное молодое поколѣніе? Способно ли, охоче ли оно къ подобнымъ трудамъ? Да и гдѣ она, наша молодежь? Ея не слышно и не видно... А безъ нея, безъ этой фаланги будущихъ борцовъ, намъ на смѣну,—чѣмъ и кѣмъ будетъ производиться борьба съ нравственною силою «полонизма»?.. Вотъ съ чѣмъ связывается Польскій вопросъ для Россіи, вотъ надъ чѣмъ слѣдуетъ задуматься обществу!..

Какъ бороться намъ съ полонизмомъ.

Москва, 28-го сентября 1863 г.

Мы говорили въ послѣдній разъ, что опасны намъ не Поляки, а полонизмъ, что Поляковъ одолѣть не трудно, а трудна борьба съ Польской пропагандой, съ Польскими происками, что страшна намъ не война, рѣшающая споръ внѣшнею матеріальною силою, которой у насъ, слава Богу, не занимать стать,—а миръ, требующій и административнаго ума, и настойчивой правительственной воли, и содѣйствія Русскаго общества. Мало

сказать: *содѣйствіе*, -нужна непремѣнно самостоятельная, дружная работа всѣхъ общественныхъ силъ, независимо отъ дѣйствій силъ правительственныхъ, направленная съ ними къ одной ясно сознанной цѣли. Есть орудія войны и орудія мира, т. е. орудія для борьбы въ тѣсномъ смыслѣ военной и для борьбы совмѣстной съ условіями мирнаго, нормальнаго порядка вещей,—борьбы нравственной и гражданской. Собираясь повести борьбу этого послѣдняго рода, мы должны препоясаться духовнымъ мечомъ и вообще вооружиться соотвѣтственнымъ образомъ. Надобно, чтобъ врагъ нашъ полонизмъ—засталъ насъ во всеоружіи и готовыми къ отпору. А для этого не худо бы осмотрѣть тщательно и внимательно—*арсеналъ* потребнаго для насъ, во время мира, вооруженія. Мы очень хорошо знаемъ, что арсеналъ *военныхъ* орудій у насъ въ исправности, и что уроки послѣдней войны не пропали для насъ даромъ. Читателямъ, конечно, памятно то страшное впечатлѣніе, которое произвело на всю Россію сдѣланное нами при Альмской битвѣ *открытіе*, что намъ нечѣмъ сражаться, что наши солдатскія ружья противъ непріятельскихъ штуцеровъ все равно, что палки,что наши пули не достаютъ врага, тогда какъ вражьи пули устилали поле нашими мертвыми... Бывало—за что ни хватишься въ арсеналѣ—все или сгнило, или заржавѣло, или стараго устройства, однимъ словомъ—не годилось въ дѣло, было плохимъ подспорьемъ храбрости нашихъ войскъ, и Русская военная честь искуплялась только стойкостью солдатъ подъ выстрѣлами, да рукопашными схватками! Теперь не то. Теперь войска наши вооружены превосходно, и, благодаря предусмотрительности военнаго министерства, военный арсеналъ изобилуетъ оружіемъ всякаго рода и отличнаго качества.

Этотъ-то арсеналъ у насъ въ порядкѣ,—а каковъ-то у насъ арсеналъ мирныхъ гражданскихъ орудій? Прежде всего замѣчается въ немъ немалый хаосъ: общество, главный поставщикъ арсенала, по своему обыкновенію сваливаетъ вину на правительство; правительство, съ неменьшимъ основаніемъ, можетъ отнести безпорядокъ къ винѣ общества. Мы должны подумать о томъ, чтобы съ этимъ арсенальнымъ запасомъ не случилось такого же «открытія», какое объявилось въ началѣ Крымской кампаніи съ арсеналомъ военнымъ: за что ни хватишься—то не годится, то не дѣйствуетъ, то перержавѣло и устарѣло, то не добрасываетъ пули на значительное разстояніе, то бьетъ вкось, мимо цѣли, и т. д., и т. д. А между тѣмъ, повторяемъ, скоро намъ скажется, да уже и теперь сказывается потребность — крайняя потребность именно въ орудіяхъ мирной гражданской и общественной дѣятельности, для борьбы — не съ шайками повстанцевъ, а съ полонизмомъ, не съ воюющими Поляками, а съ *мирными* (по Кавказскому выраженію) или *замиренными!* Мы разумѣемъ здѣсь не столько Царство Польское, сколько нашъ Западный край. Если мы попристальнѣе всмотримся въ наши арсенальные запасы, то наши нападенія на общество окажутся нисколько не преувеличенными, и у насъ не будетъ даже и того утѣшенія, какое имѣли Русскіе генералы въ 1854 и 1855 гг., —надежды на *стойкость* войскъ, потому что наше общество вовсе не стойко, а, напротивъ, чрезвычайно стомчиво и легко уступаетъ всякому *мирному* натиску.

Станемъ поближе къ дѣлу. Устраняя всякія предвзятыя теоріи, по-

смотримъ съ точки зрѣнія чисто-практической,—чѣмъ именно будемъ мы бороться съ полонизмомъ и вообще съ вліяніемъ *замиренныхъ* Поляковъ? Укажемъ на наши средства или «рессурсы», не дѣлая строгаго различія между рессурсами административными и общественными. Напримѣръ: мы жалуемся на присутствіе Польскихъ чиновниковъ въ Западномъ краѣ. Эти Польскіе чиновники большею частію мѣстные жители. Ихъ необходимо замѣнить Русскими, и такъ какъ навербовать ихъ изъ мѣстнаго туземнаго Русскаго общества, особенно въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, невозможно,—не изъ кого,—то приходится пригласить ихъ изъ нашихъ Великорусскихъ и Малорусскихъ губерній. Если *у насъ*, внутри Россіи, желательно видѣть въ чиновникѣ толковость, способность и честность, то тѣмъ желательнѣе видѣть эти свойства въ чиновникѣ, отправляющемся на службу въ Западный край, гдѣ ему предстоитъ дѣйствовать на глазахъ вражьяго лагеря, зорко слѣдящаго за всѣми его движеніями и готоваго воспользоваться малѣйшею его ошибкой, чтобы вызвать ненависть къ «Москвѣ», «Московщинѣ», «царскимъ слугамъ» и проч. Ему, сверхъ того, предстоитъ имѣть дѣло съ туземнымъ Русскимъ простонародьемъ, преданнымъ Государю и правительству, но забитымъ, дикимъ, робкимъ и напуганнымъ тою несчастною репутаціей, которую стяжало себѣ низшее чиновничество въ Россіи вообще, а въ Бѣлоруссіи и Литвѣ въ особенности. Необходимо возстановить довѣріе къ власти и отнять у Поляковъ всякій поводъ къ возбужденію вражды противъ Русскаго управленія, и не только у Поляковъ, но и у тѣхъ Малоруссовъ, которые пишутъ въ Галицкой газетѣ «Слово», что у Украинскаго народа два врага: «панъ-Ляхъ и Русскій чиновникъ». Такъ вотъ какихъ чиновниковъ потребно Западному краю, и потребно число немалое, а очень и очень значительное!.. Не жмурьтесь и не отворачивайте головы, читатель, а имѣйте мужество глядѣть вещи прямо въ глаза и скажите откровенно: не сжимается ли у васъ сердце при одной мысли объ этой потребности? Нужна не одна тысяча толковыхъ, образованныхъ, честныхъ чиновниковъ, способныхъ понимать свое трудное положеніе и отчасти политическій характеръ своей гражданской задачи... Не одна тысяча! Да гдѣ ихъ взять?! Мы уже не говоримъ о толковыхъ и образованныхъ: только *честныхъ* людей, для мѣстъ низшей чиновничьей іерархіи,—ни болѣе, ни менѣе, какъ только *честныхъ* людей попробуйте набрать не три и не двѣ тысячи, но хоть полтысячи, хоть двѣ сотни,—и вы увидите въ какой степени мы изобилуемъ *честными* чиновниками и честными людьми вообще! Солдатъ храбрыхъ и ловкихъ можете вы навербовать, дрессировать въ Россіи сколько угодно, но никакія усилія правительства, въ теченіе не одного вѣка, не смогли дрессировать честныхъ чиновниковъ и на сотую долю нужнаго количества! Какъ же будутъ приводиться въ исполненіе превосходно задуманные въ головѣ планы, когда для исполненія нѣтъ рукъ, или руки негодны? Но независимо отъ чиновниковъ низшаго разряда, въ Западныя губерніи необходимо послать, можетъ быть, сотню, или около, мировыхъ посредниковъ. О важномъ, великомъ значеніи этой должности въ томъ краѣ распространяться, кажется, излишне. Лицо съ вліяніемъ мирового посредника, непосредственно соприкасающееся съ простымъ народомъ и съ тѣми сторонами мѣстнаго быта, куда не доходитъ вліяніе власти полицейской или иной административной,—такое лицо въ

нашихъ Западныхъ областяхъ можетъ принесть огромную пользу или огромный вредъ. Результаты его дѣятельности вообще необыкновенно важны, и нигдѣ поэтому выборъ мировыхъ посредниковъ не требуетъ такой строгости и вниманія, — но можемъ ли мы питать смѣлую и бодрую надежду, что именно такіе мировые посредники найдутся? Вмѣсто надежды, болѣзненное ощущеніе щемитъ сердце, когда вспомнишь, что мы и у себя дома, въ Московской губерніи, не съумѣли устроить мировыхъ учрежденій какъ слѣдуетъ!

Кто же въ этомъ виноватъ? Что это за общество — въ странѣ, имѣющей 60 милліоновъ населенія — которое не смѣетъ надѣяться выставить даже нѣсколько сотенъ *честныхъ* чиновниковъ? Что-жъ это за страна, гдѣ *честнаго*, ни болѣе, ни менѣе какъ только честнаго *чиновника*, приходится отыскивать съ фонаремъ среди бѣлаго дня? Откуда такая страшная безнравственность въ области гражданскихъ отношеній? Кто виноватъ въ этой нашей старой, хронической, закорузлой общественной язвѣ? Можно, пожалуй, пріискать этой деморализаціи оправданіе историческое, свалить вину на наше развитіе, наше политическое устройство, и наконецъ, спустившись къ причинамъ ближайшимъ и мелкимъ, на недостатокъ средствъ существованія, на извѣстное извиненіе Гоголевскаго городничаго: «жена, дѣти; казеннаго жалованья не хватаетъ на чай и сахаръ»: во всемъ этомъ можетъ быть извѣстная доля справедливости, но все же тутъ главное — *личный* грѣхъ, личная вина Русскаго общества. Развѣ мы часто встрѣчаемъ внутреннюю борьбу, сопротивленіе этому пороку? развѣ возбуждаетъ онъ плодотворное дѣятельное общественное негодованіе, развѣ не свыклось съ нимъ общество?! Не къ чему искать оправданій; полезнѣе и благонадежнѣе для общества не искать оправданій и не сваливать вину на учрежденія и правительство, а со стыдомъ склонить голову и поработать надъ исцѣленіемъ недуга. Этотъ недугъ серьезный, болѣе серьезный, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Скажемъ прямо: съ *такимъ* запасомъ орудій мы не одолѣемъ врага, съ которымъ приходится намъ бороться, — мы не въ правѣ и разсчитывать на одолѣніе! Страна, не умѣющая воспитать честныхъ дѣятелей, страна до такой степени бѣдная гражданскою честностью, подрываетъ въ корню самыя законнѣйшія, самыя священныя свои права, дѣлается недостойною своего избранія. Если она не очистится и не обновится, съ нею можетъ — не дай Богъ — случиться то же, что съ Еврейскимъ народомъ, этимъ избраннымъ сосудомъ обѣтованія, отъ котораго Богъ отнялъ призваніе и передалъ его неизбраннымъ язычникамъ!

Намъ могутъ замѣтить съ неудовольствіемъ, что этотъ нашъ общественный недугъ — дѣло давнымъ-давно извѣстное, что указывать на него съ такою важностію не стоитъ, что вообще раскрывать наши общественныя язвы теперь совершенно не кстати — въ виду и во услышаніе нашихъ враговъ, Поляковъ и Западныхъ народовъ, — что теперь слѣдуетъ не огорчать и не смущать, а возбуждать нашъ патріотическій духъ, что порицаніе Россіи теперь дѣло не патріотическое. Мы скажемъ, въ свою очередь, что всѣ подобные отзывы — также дѣло давнымъ-давно извѣстное и занесены Гоголемъ въ его превосходное сочиненіе *Разъѣздъ*. Тамъ чиновные взяточники, низкопоклонники и кривосуды съ негодованіемъ бранятъ автора комедіи и вступаются за оскорбленное общество: — «Недугъ — дѣло

извѣстное!» Тѣмъ хуже, что, будучи извѣстенъ, онъ совершенно пересталъ колоть намъ глаза и тревожить нашу общественную совѣсть, что мы, по правдѣ сказать, съ нимъ сжились, вовсе не негодуемъ и не хлопочемъ отъ него избавиться.—«Раскрывать наши общественныя язвы не кстати!» Напротивъ, болѣе кстати, чѣмъ когда-либо. Шила въ мѣшкѣ не утаишь, говоритъ пословица, и какъ бы мы ни старались прикрыть язвы или пороки нашей общественной жизни, они сами даютъ о себѣ знать и давно уже стали притчею во языцѣхъ. Напротивъ, чѣмъ тщательнѣе старались бы мы набрасывать на нихъ покровъ тайны, тѣмъ преувеличеннѣе и фантастичнѣе являлись бы они въ понятіяхъ нашихъ враговъ и всего Западнаго міра. Если же мы будемъ имѣть смѣлость сами освѣтить нашъ позоръ—разумѣется не потѣхи ради, а съ сокрушеніемъ сердца и твердою рѣшимостью исцѣлиться и исправиться, то такое сознаніе своихъ неправдъ будетъ свидѣтельствовать только о внутренней силѣ нашей, о томъ, что мы выше ихъ и настолько уже свободны отъ нихъ, что можемъ отнестись къ нимъ извнѣ, стороною, объективно, какъ говорятъ Нѣмцы. И именно потому, что мы вѣримъ и во внутреннюю силу, и въ призваніе Россіи, мы думаемъ и повторяемъ, что ей преимущественно предъ другими прилично мужество исповѣди.

«Теперь не слѣдуетъ ни огорчать. ни смущать, а возбуждать патріотическій духъ, порицать Россію теперь дѣло не патріотическое». Знакомы намъ эти упреки слабодушнаго, жеманнаго патріотизма! Порицать Россію дѣло не патріотическое, а отлынивать отъ труда, уклоняться отъ дѣла, растлѣвать общественную нравственность ложью, кривдой, насиліемъ—дѣло патріотическое?? Нельзя не вспомнить здѣсь кстати извѣстную сказку въ «Мертвыхъ Душахъ» о Кифѣ Мокіевичѣ и его сынѣ Мокіѣ Кифовичѣ, гдѣ отецъ запрещаетъ разсказывать себѣ про продѣлки сына: «ты мнѣ этого не говори, мнѣ вѣдь это больно! Развѣ я не отецъ?» «Отецъ, чортъ возьми, отецъ!» прибавляетъ онъ вящее и энергическое удостовѣреніе своего родительскаго званія и родительскихъ чувствъ... Когда 1851 г., при переходѣ Русскихъ войскъ черезъ Дунай, Хомяковъ написалъ извѣстное свое стихотвореніе къ Россіи, въ которомъ, съ глубокою сердечною мукою, соразмѣряя предстоявшій ей подвигъ съ степенью нравственной ея подготовленности, онъ напомнилъ ей, своей горячо любимой Россіи, что на нее

. . . увы, какъ много
Грѣховъ ужасныхъ налегло!

и взывалъ къ ней слѣдующими стихами:

Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена,

(слава Богу, теперь этотъ послѣдній упрекъ уже неумѣстенъ)

Безбожной лести, лжи тлетворной
И лѣни мертвой и позорной
И всякой мерзости полна!..
О, недостойная призванья,
Ты призвана! Скорѣй омой
Себя слезами покаянья.
Да громъ двойного наказанья
Не грянетъ надъ твоей главой!..

Когда Хомяковъ написалъ это стихотвореніе, наше общество пришло въ негодованіе и осыпало Хомякова упреками въ недостаткѣ патріотизма. Графиня Растопчина поспѣшила написать стихи, начинавшіеся, кажется, такъ: *«стыдись, о сынъ неблагодарный»;* даже нашли нужнымъ взять подъ опеку поэзію Хомякова и вступиться за честь Россіи—противъ того, для кого она была не только предметомъ любви, но предметомъ вѣры и упованія, который первый указалъ на сокровища ея народнаго духа и поставилъ ея нравственный идеалъ, ея историческое призваніе на такую высоту, до которой и мыслію неспособенъ вознестись дешевый патріотизмъ нашего страннаго, нашего полу-Русскаго общества!

Мы распространились объ этомъ отношеніи нашего общества къ его недугамъ и къ обличенію недуговъ—имѣя въ виду, конечно, не одно только взяточничество и корыстолюбіе большей части Русскихъ людей, поставляемыхъ обществомъ на службу правительству и Россіи... Намъ слѣдовало бы, можетъ быть, оставить это для заключенія, для финальнаго аккорда послѣ тщательнаго пересмотра всѣхъ орудій нашего арсенала,—орудій нашей общественной нравственной, духовной и гражданской дѣятельности. Но такъ пришлось къ слову, и мы еще не знаемъ, встрѣтимъ ли полное удобство въ пересмотрѣ *всего* арсенала. Пусть читатель самъ, совѣсть котораго непремѣнно подниметъ въ его памяти всѣ образы нашихъ общественныхъ золъ и пороковъ, — задастся вопросомъ: также ли годенъ этотъ нашъ мирный арсеналъ, какъ... какъ, напримѣръ, арсеналъ военнаго министерства, снабженный оружіемъ для военнаго, не гражданскаго дѣла, для дѣйствія *внѣшней* и *грубой* силы?

Дѣло въ томъ, что мы никакъ не можемъ, никакъ не должны *обходить* нравственные, внутренніе, общественные наши вопросы, — и не только вопросы общественнаго и административнаго устройства, но вопросы именно нравственные. Мы обязаны убѣдиться въ той истинѣ, что настоящая сила, настоящее могущество, какъ бы ни великолѣпна была его внѣшность, проистекаетъ отъ внутренняго содержанія, отъ духа жива, внутри обитающаго. Этотъ-то духъ мы и должны блюсти въ чистотѣ и цѣлости,—и было бы опасно самообольщаться надеждою, что корыстолюбіе, кривда, ложь, отсутствіе надлежащей искренности въ словѣ, недостатокъ разумнаго простора для ея выраженія, лѣнь и робость ума, равнодушіе къ общественному благу, невѣріе въ дѣйствительность нравственныхъ орудій, дерзость на руку, т. е. привычка прибѣгать къ помощи одной грубой силы принужденія, и проч. и проч., однимъ словомъ, всѣ эти свойства—такъ себѣ, ничего, пустяки, не могутъ — ни ослабить наше могущество внѣшнее, ни омрачить наше величіе, ни поразить бездѣйствіемъ наши государственныя силы тамъ и тогда, когда именно приходится дѣйствовать! Печальное, опасное, роковое заблужденіе! Грязными руками ничего не очистишь, —въ грязной водѣ, какъ ни полощи бѣлье, его не вымоешь. Внутренняя порча нѣтъ, нѣтъ, да и скажется какъ-нибудь, въ самую критическую минуту... Наказаніе порока заключается именно въ его нравственно-логическихъ продуктахъ. Изъ сѣмянъ чертополоха не выроститъ дубъ, а чертополохъ; болото не дастъ здороваго и крѣпкаго дерева. Никакимъ законодательствомъ, никакими учрежденіями не исправишь общественной нравственности безъ внутренней дѣятельности и реакціи духа, и

не слѣдуетъ полагать, что можно изъ порока перейти въ добродѣтель тихо, гладко, незамѣтно, нечувствительно, будто по рельсамъ, безъ внутренняго нравственнаго потрясенія. Какъ въ мірѣ нравственномъ отдѣльнаго человѣка есть возможность упразднить развитіе нравственныхъ логическихъ послѣдствій порока—чрезъ сознаніе, раскаяніе и духовное обновленіе, — такъ точно та же самая возможность существуетъ и для цѣлаго общества. Къ этой-то нравственной дѣятельности мы и взываемъ, ее-то и желали бы мы видѣть возбужденною въ нашемъ обществѣ!

Обращаясь къ положенію нашего Западно-Русскаго края, мы приходимъ къ убѣжденію, что какъ бы ни были хороши общія мѣры, какъ бы ни были умны, энергичны и благонамѣренны верховные дѣятели, результатъ ихъ дѣятельности поставленъ въ зависимости отъ цѣлаго полчища исполнителей. Мы говоримъ не только о самыхъ мелкихъ исполнителяхъ, отъ которыхъ спрашивается лишь одно — честность, но и объ исполнителяхъ высшаго разряда, гдѣ уже нѣтъ и вопроса о честности, благодаря образованію, состоянію и общественному положенію. Этихъ исполнителей высшаго разряда требуется несравненно менѣе, чѣмъ чиновниковъ самаго низшаго разряда, а между тѣмъ и тутъ тотъ же вопросъ: гдѣ они, гдѣ ихъ взять? «Безлюдіе — вотъ наша несчастіе», привыкли твердить, съ искреннимъ, повидимому, огорченіемъ, наши патріоты, бездѣйствующіе въ клубахъ, проводящіе ночи за лото или за картами, или коснѣющіе въ деревнѣ, чтобы къ 50 т. годового дохода приложить лишніе 500 или тысячу рублей. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ взять людей для Западнаго края, людей лучшаго образованія и направленія, гдѣ взять мировыхъ посредниковъ, даже наконецъ высшихъ губернскихъ дѣятелей? Разсматривая наши «резервы», мы видимъ въ нихъ не мало людей «энергическихъ» и добрыхъ патріотовъ, людей большею частью прежней школы. На нихъ былъ запросъ въ самое послѣднее время и они пригодились къ дѣлу, но вѣдь одной энергіи мало, особенно же, когда, по усмиреніи мятежа, является спросъ не на одну энергію, но и на умъ. Мы, говоря это, имѣемъ отчасти въ виду письмо изъ одной Сѣверо-Западной губерніи, помѣщенное нами въ Областномъ Отдѣлѣ. Что же прикажете дѣлать главному начальнику края, когда, находя исполнителей для своей энергической воли, онъ не всегда находитъ ихъ для своей мысли? Теперь въ Западномъ краѣ приходится производить расходы и расплачиваться уже не прежнею, а другою монетой, а ея-то и нѣтъ въ казнѣ нашего арсенала! Кто въ этомъ виноватъ? Общество — безсильное образовать достаточное количество способныхъ гражданъ? Но общество, съ своей стороны, укажетъ вамъ на неправильность своего развитія, зависящую не отъ него, а отъ внѣшнихъ причинъ; причины же эти въ свою очередь оказываются произведеніемъ общественной почвы, и т. д. и т. д.: поднимается цѣлый рядъ вопросовъ — не пустыхъ, а существенныхъ—но разрѣшенія ихъ ждать некогда — нужно дѣйствовать! А между тѣмъ внутреннее сознаніе говоритъ вамъ, что безъ жизненной развязки этихъ узловъ — дѣйствованію нашему очень трудно увѣнчаться успѣхомъ.

Чѣмъ же наполнить наши резервы? Гдѣ молодые новобранцы? Ихъ нѣтъ, или, по крайней мѣрѣ, мало. Вмѣсто молодыхъ людей съ горячей любовью къ Россіи, вамъ попадаются очень часто, слишкомъ часто, какіе-то дряблые космополиты, неспособные противопоставить *полонизму* -

этому опредѣленному стремленію къ опредѣленной и сознательной цѣли—никакого нравственнаго отпора. Вмѣсто заботы о Бѣлорусскихъ крестьянахъ, вы встрѣтите у нашей молодежи гораздо болѣе заботы о Французскихъ швеяхъ и о работникахъ въ Англіи; вмѣсто признанія существующихъ историческихъ и жизненныхъ фактовъ,—признанія, безъ котораго невозможна никакая разумная прогрессивная дѣятельность,—вы натолкнетесь только на голое отрицаніе всякой правильной дѣятельности, дѣлающее человѣка неспособнымъ ни къ какимъ гражданскимъ обязанностямъ, ни къ какому общественному труду. На мучительный вопросъ: «что дѣлать?» молодежь отвѣтитъ вамъ проектомъ какихъ-то мастерскихъ, или романомъ, который можетъ служить вѣрнымъ симптомомъ современной пригодности нашего молодого поколѣнія. Конечно, не все оно таково, но таково, кажется, господствующее его настроеніе. Герценъ, при всѣхъ своихъ доходящихъ до преступности крайностяхъ, стоитъ, пожалуй, въ нравственномъ отношеніи несравненно выше тѣхъ молодыхъ людей, которыхъ, впрочемъ, онъ же большею частью породилъ и воспиталъ. Въ немъ есть сила, есть сердце, есть горячее участіе къ общественному благу, хотя криво и ложно понимаемому. Онъ, по крайней мѣрѣ, не космополитъ, и участь Русскаго народа ему ближе судьбы Французскихъ швей; зато, впрочемъ, онъ уже считается человѣкомъ отсталымъ у нашей передовѣйшей молодежи. Съ матеріалистами, соціалистами, федералистами нельзя отважиться, какъ мы уже говорили, на борьбу съ полонизмомъ; на нихъ невозможно опереться, въ нихъ нѣтъ необходимой нравственности, плотности и крѣпости, у нихъ нѣтъ твердой народной и исторической почвы подъ ногами. Въ самомъ дѣлѣ, какую точку опоры въ нравственной борьбѣ Россіи съ полонизмомъ представятъ вамъ матеріалисты, проповѣдывающіе (будучи, впрочемъ, сами, какъ говорится, «добрѣйшими малыми») совершенное разрушеніе всѣхъ нравственныхъ основъ общества, равнодушные къ вопросамъ вѣры и народности? Конечно, никакой, но кто же въ этомъ виноватъ? Очевидно, что самихъ молодыхъ людей винить нельзя и преслѣдовать ихъ за это было бы совершенно несправедливо, во-первыхъ потому, что они очень часто отличные сама по себѣ люди, во-вторыхъ потому, что съ ихъ стороны тутъ столько же вины, сколько въ людяхъ, заражающихся эпидеміей. Это нравственная эпидемія, больные тутъ не виноваты. Кто же тутъ виноватъ? Виноваты отцы, виноваты университеты; но университеты съ своей стороны скажутъ вамъ въ свое оправданіе, что въ продолженіи многихъ и многихъ лѣтъ они не имѣли у себя каѳедры философіи для противодѣйствія возникавшему направленію, и т. д., и т. д., и т. д.!!! И вотъ опять поднимается цѣлый вопросъ объ общественномъ воспитаніи, которое наше общество упустило изъ своихъ рукъ,—вопросъ самый важный для современной Россіи! Трагическое положеніе того общества, у котораго, такъ сказать, нѣтъ молодого поколѣнія, некѣмъ наполнять ряды убывающихъ дѣятелей!.. А кажется, наше общество и до сихъ поръ не сознаетъ всей роковой важности этого вопроса.

Заглянемъ еще въ арсеналъ. Что находимъ мы тамъ, въ числѣ средствъ для борьбы съ полонизмомъ въ Западномъ краѣ? Вотъ, напримѣръ, *братства*. Дѣйствительно, существованіе братствъ церковно-приходскихъ можетъ служить огромнымъ подспорьемъ и могучимъ рычагомъ въ дѣлѣ об-

русѣнія Русскихъ, находящихся такъ долго подъ Польскимъ вліяніемъ. Важность участія Русскаго или Великорусскаго общества въ этихъ братствахъ была уже неоднократно разъяснена нашей публикѣ. Князь Ширинскій-Шихматовъ подалъ примѣръ, записавшись братчикомъ въ братствѣ одной изъ Бѣлорусскихъ церквей. Объ этомъ было напечатано и въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и въ «Днѣ» съ приглашеніемъ послѣдовать его примѣру. Въ «Днѣ» былъ помѣщенъ рядъ статей г. Кояловича о братствахъ. Мы надѣялись, что наше общество, повидимому такъ патріотически одушевленное, обнаруживавшее свой патріотизмъ и въ адресахъ, и въ телеграммахъ, и въ театрахъ, и на гуляньяхъ, закидаетъ просьбами насъ и князя Шихматова о запискѣ въ братчики. Ничего не бывало. По собраннымъ нами свѣдѣніямъ, всего 10 человѣкъ (и то изъ Москвы, а не изъ провинціи) приписалось въ братчики къ разнымъ церковнымъ братствамъ и получило книги для сбора! Это *теперь*, при возбужденномъ состояніи нашего общества. Что же будетъ, когда возбужденные нервы нѣсколько отпустятъ и жаръ спадетъ?...

Далѣе. Читателямъ извѣстно уже, какъ необходимъ общественный центръ въ Западномъ краѣ для дружнаго дѣйствованія на пользу Русской народности. Мы уже мѣсяца четыре сряду собираемъ деньги въ пользу Виленскаго братства. Мы желаемъ и въ Москвѣ учредить подобное же братство, или общество—это все равно. Но еслибъ знали читатели, чрезъ какія мытарства должно пройти осуществленіе этого скромнаго и уже по-истинѣ патріотическаго желанія! Сколько хлопотъ и всевозможныхъ препятствій! Намъ пишутъ, впрочемъ, что затрудненія для Виленскаго братства, кажется, устранены, и оно наконецъ—будетъ. Дай-то Богъ, но не странно ли, что въ *Россіи* самая скромная организація общественныхъ силъ для борьбы съ *полонизмомъ* обставлена такими условіями, формальностями и докуками, что только настойчивая и страстная воля способна преодолѣвать ихъ! Пусть вспомнятъ читатели кстати и объ участи, постигшей проектъ подобнаго же общества года два тому назадъ, о которомъ подробно говоритъ г. Ригельманъ въ 35 № «Дня».

Мы еще возвратимся къ нашему арсеналу и пересмотримъ, насколько это будетъ удобно, и остальныя орудія. Теперь же въ заключеніе нашей статьи пояснимъ читателю, что наша цѣль—воздержать, по возможности наше общество отъ излишняго самодовольства, отъ слишкомъ легкомысленнаго отношенія къ врагу и окружающимъ насъ опасностямъ; наша цѣль — возбудить напряженіе нашихъ общественныхъ силъ и направить ихъ къ дѣятельности общественной, не обнадеживаясь дѣятельностью силъ государственныхъ; наша цѣль—указать ему на связь, существующую между общественною нравственностью, на которую оно мало обращаетъ вниманія, и государственнымъ могуществомъ и величіемъ, на которомъ оно почти исключительно сосредоточиваетъ свои интересы и помышленія; разъяснить, наконецъ, что въ патріотизмѣ нашемъ будетъ мало толку и искренности, если онъ не убьетъ нашу лѣнь и не вызоветъ въ насъ самихъ общественной нравственной реакціи.

За кѣмъ осталась побѣда по усмиреніи Польскаго мятежа?

Москва, 12-го октября 1863 г.

Съ усмиреніемъ мятежа дѣло въ нашихъ Западныхъ губерніяхъ становится все запутаннѣе и сложнѣе. Мы невольно спрашиваемъ себя,—какъ ни страненъ, повидимому, этотъ вопросъ,—за кѣмъ осталось поле въ этой борьбѣ двухъ народностей—за Русскими или Поляками? Мы думаемъ даже, что сравнительно съ тѣми потерями, которымъ бы могли подвергнуться Поляки, они—въ выигрышѣ. Событія грозили совершеннымъ разрушеніемъ Польскому обществу Западнаго края, но оно заблаговременно смирилось, отвело громовый ударъ, и хотя поразстроилось, порасшаталось, однако успѣло занять прежнюю свою позицію и вѣроятно скоро оправится. Оно снова—«высшій классъ мѣстнаго населенія», снова—«благородное туземное сословіе», снова—«Россійское привилегированное дворянство», снова «значительнѣйшій классъ землевладѣльцевъ», главный представитель мѣстнаго (Русскаго) земства! Нѣтъ сомнѣнія, что Польское дворянское общество съумѣетъ воспользоваться тѣмъ выгоднымъ положеніемъ, въ которое поставило себя своими вѣрноподданническими адресами и тѣмъ затрудненіемъ, въ которое поставлено правительство своимъ торжествомъ, —потому что повинная, принесенная Польскими дворянами, должна, конечно, почитаться торжествомъ для законной власти. Мы, конечно, не имѣемъ права заподозривать искренность этихъ дворянъ, но тѣмъ не менѣе самые адресы не даютъ намъ никакого основанія думать, что Поляки дѣйствительно признали въ Западномъ краѣ господство—не одного только Россійскаго государства, но и Русской народности. Было уже замѣчено въ нашей газетѣ, въ статьѣ г. Кояловича, что эти адресы установляютъ отношеніе дворянства Западныхъ губерній къ престолу и къ государству,—но не къ Русской народности. Поляки признали фактъ, но не говорятъ ни слова о принципѣ; Поляки заявляютъ о своемъ вѣрноподданничествѣ и о убѣжденіи, къ которому пришли, что Западный край составляетъ съ Россіей одно неразрывное цѣлое,—но эта неразрывность, эта цѣлость можетъ пониматься въ смыслѣ одной внѣшней, *государственной* связи. Точно такой же адресъ можетъ представить и Царство Польское, съ такими же увѣреніями вѣрноподданничества и съ такимъ же признаніемъ нераздѣльности Царства съ Имперіей. Между тѣмъ отношеніе того и другого края къ Россіи совершенно различно. Польша—Польша, и господство тамъ Польскаго элемента совершенно законно; Западно-Русскій край есть Русскій край, и господство тамъ должно принадлежать исключительно Русскому народному элементу.

Итакъ, вопросъ рѣшенъ только съ своей внѣшней стороны и дѣлается теперь внутреннѣе, чѣмъ когда-либо прежде. Внѣшняя борьба покончена, но борьба не прекратилась, не упразднилась: она, если можно такъ выразиться, еще болѣе одухотворилась: теперь возникаетъ по преимуществу борьба элементовъ. При всемъ томъ, благодаря адресамъ и другимъ обстоятельствамъ, борьба будетъ опираться не на однѣ нравственныя, но и на матеріальныя силы: на общественное положеніе съ одной стороны, на власть правительственную съ другой, на богатство и привилегіи Польскаго

меньшинства, на количественное могущество Русскаго многолюдства и проч., и проч. Такимъ образомъ, съ наступленіемъ *мира*, явятся опять, какъ и прежде, два *противника* въ Западномъ краѣ: Русская стихія и Польская стихія, Русское простонародье съ духовенствомъ и съ небольшимъ кружкомъ туземныхъ дѣятелей, который нельзя даже и назвать «мѣстнымъ обществомъ», — и Польское дворянство, — высшій классъ народонаселенія, богатство, землевладѣльческая сила и интеллигенція края. Положеніе борющихся, конечно, нѣсколько измѣнилось — къ выгодѣ Русской. Крестьяне окончательно освобождены отъ всякихъ обязательныхъ отношеній къ помѣщикамъ; Русское населеніе оживилось, ободрилось, не такъ уже робко, какъ прежде, а главное — нашло поддержку въ сочувствіи, въ пробудившемся сознаніи остальной Россіи. Духовное общеніе, духовное народное единство Западнаго края съ Россіей, если еще не вполнѣ возстановилось, то, кажется, могло бы возстановиться довольно прочно. Однако же, какъ ни благопріятны, повидимому, эти условія, мы не должны ими обольщаться, и судя по письмамъ, нами получаемымъ, Русское населеніе Западныхъ губерній серьезно озабочено дворянскими адресами. Дѣло въ томъ, что, говоря о положеніи обоихъ становъ, мы означили только главныя линіи позицій, но не «детали» или подробности, отъ которыхъ нерѣдко зависитъ судьба сраженій. Сочувствіе Русскаго общества и пробудившееся въ немъ сознаніе своего единства съ Русскимъ народомъ Западнаго края могли бы быть не только огромною, но всепобѣждающею духовною силою, которая одна, сама по себѣ, способна была бы порѣшить Польскій вопросъ, — но, къ сожалѣнію, мы не можемъ принимать въ разсчетъ эту еще не существующую, а только возникающую силу. Самому Русскому обществу еще недостаетъ полноты личнаго народнаго самосознанія: отчужденіе отъ народности еще продолжаетъ томить его, какъ неизлеченный тяжкій недугъ, и только *государственное* самосознаніе, такъ сказать пониманіе себя, какъ единаго Русскаго народа въ *государствѣ*, живетъ въ немъ съ полною, поистинѣ несокрушимою силою. Мы имѣемъ поводъ опасаться, что какъ скоро Русское общество успокоится насчетъ Польскихъ и Французскихъ притязаній — отторгнуть отъ Русскаго государства Западную Русь и Литву и присоединить ихъ къ Царству Польскому, какъ скоро оно убѣдится, что эти мечты оставлены, признаны неосуществимыми, — то напряженность его участія къ Западному краю значительно ослабѣетъ. И это не потому, чтобъ оно дѣйствительно сдѣлалось равнодушно къ интересамъ Западно-Русской народности, а потому, что оно привыкло, — вслѣдствіе причинъ — частью отъ него не зависящихъ, а частью и зависящихъ — проявлять свою жизненную крѣпость только при внѣшнихъ опасностяхъ, пріучено жить только внѣшними государственными интересами, и еще не выработало себѣ — рядомъ съ государственною дѣятельностью — общественную дѣятельность; рядомъ съ государственною — общественную точку зрѣнія. Конечно теперь, однажды пробужденное, это сознаніе своего народнаго единства съ Бѣлоруссіей въ Русскомъ обществѣ уже не заглохнетъ; напротивъ, оно будетъ рости и рости, особенно благодаря стараніямъ литературы, — но это еще далеко не та сила, о которой мы говорили выше.

Изъ этого выходитъ, что вопросъ объ участіи Русскаго общества въ борьбѣ двухъ національныхъ элементовъ въ Западномъ краѣ связанъ съ

внутреннимъ развитіемъ самого Русскаго общества. При этомъ отношеніе его къ Западному краю испытываетъ на себѣ дѣйствіе двухъ направленій—господствующихъ, хотя и не преобладающихъ,—какъ въ общественной, такъ и въ необщественной и конечно не въ народной сферѣ. Эти два направленія или два воззрѣнія можно опредѣлить слѣдующимъ образомъ: во-первыхъ, понимание борьбы въ Западномъ краѣ—не какъ борьбы народностей, а какъ борьбы *соціальной. сословной,*—и во-вторыхъ, требованіе—*примиренія.* Замѣчательно, что въ этихъ воззрѣніяхъ сходятся между собою, хотя и по разнымъ побужденіямъ, люди, повидимому, самыхъ разныхъ направленій: и дѣятели высшей гражданской сферы, и воздыхающіе по крѣпостномъ правѣ или по утраченному помѣщичьему значенію (эти обѣ категоріи изъ аристократическихъ или дворянскихъ побужденій), и Поляки—изъ національныхъ разсчетовъ, и изъ влеченій демократическихъ—наши юные соціалисты или демократы: однимъ словомъ, та часть молодежи, которая, къ сожалѣнію, лишена возможности высказать свое настоящее отношеніе къ Польскому вопросу (Говоримъ къ сожалѣнію: многое отскочило бы отъ нея, какъ скоро пришлось бы высказаться и удовлетворить условіямъ логики, смысла, исторической правды, которыхъ непремѣнно требуетъ всякое публичное письменное изложеніе). Почти въ одно время получили мы письма отъ одного Поляка изъ Кіева, отъ одного юнаго Русскаго изъ Восточной Россіи и свѣдѣнія о нѣкоторыхъ нашихъ администраторахъ. Возстаніе крестьянъ противъ Польскихъ пановъ выдаютъ намъ за возстаніе *соціальное*—и Польскій панъ-помѣщикъ, и Кіевская администрація (по собственному сознанію ея защитниковъ), и гг. Скарятинъ, Юматовъ и Петръ Бланкъ съ К°, и люди гражданской высшей сферы, и даже г. N N изъ Восточной Россіи. Практическій результатъ этого воззрѣнія, еслибъ оно возобладало (что подъ конецъ легко можетъ и случиться. къ несчастію)—тотъ, что надобно гораздо больше опасаться Русскихъ крестьянъ, чѣмъ Поляковъ. что не надобно давать слишкомъ много преимущества первымъ, т. е. мужикамъ (хотя бы и Русскимъ) надъ вторыми, т. е. надъ помѣщиками, надъ дворянами, надъ мѣстнымъ аристократическимъ классомъ (хотя бы и Польскимъ), дабы не нанести ущерба аристократическому принципу: что, наконецъ, слѣдуетъ отъ времени до времени напоминать первымъ, т. е. крестьянамъ, что они—крестьяне, ни больше, ни меньше, какъ крестьяне, и въ Бѣлоруссіи точно такіе же, какъ въ Перми или Пензѣ!.. Случай такого напоминанія въ В—ой губерніи разсказанъ у насъ въ 39 №. Окончательный же результатъ сего практическаго результата—приниженіе и безъ того униженной и едва поднявшей голову Бѣлорусской народности, и усиленіе Польскаго мѣстнаго элемента чрезъ поддержку въ лицѣ пановъ аристократическаго начала. Какъ бы въ подтвержденіе этого вывода, намъ пишутъ, что работы повѣрочной коммиссіи одной изъ Сѣверо-Западныхъ губерній возвращены ей для передѣлки въ смыслѣ—противномъ тому, въ какомъ онѣ были произведены и въ духѣ упомянутаго выше принципа...

Что же касается до *примиренія,* то ни въ чемъ такъ мало не отдаютъ себѣ отчета, какъ въ значеніи этого слова. На это слово особенно напираютъ многіе дѣятели и гражданской и не гражданской среды, и аристократы и демократы, и вообще многіе наши гуманисты и голубого и крас-

наго и всевозможныхъ цвѣтовъ, но съ космополитическимъ оттѣнкомъ. Эти люди, особенно первые, если иногда и неравнодушны къ достоинству Имперіи, къ достоинству государственной власти,—зато большею частью совершенно равнодушны къ судьбѣ Русской *народности*. По крайней мѣрѣ она стоитъ у нихъ на второмъ или даже на третьемъ планѣ. Поэтому проповѣдывать систему примиренія имъ легко, и всякій признакъ борьбы ихъ возмущаетъ, а тѣмъ болѣе, напримѣръ, наши призывы къ борьбѣ! Читатели знаютъ однако же, что, взывая къ борьбѣ и отвергая примиреніе, мы разумѣемъ борьбу двухъ національныхъ *элементовъ*, отвергая всякую сдѣлку, всякую духовную *унію*, всякое непроизводительное химическое смѣшеніе духовныхъ началъ; при всемъ томъ мы вовсе не стоимъ за систему жестокихъ уголовныхъ наказаній Поляковъ за политическія преступленія, и желали бы только отнять у нихъ фактическую возможность вредить Россіи. Но у гуманистовъ нѣкоторыхъ нашихъ административныхъ сферъ господствуетъ воззрѣніе другого рода: оно состоитъ именно въ томъ, чтобы, наказывая строго, очень строго за каждое явное *политическое* преступленіе, въ то же время покрывать системой примиренія всѣ *національныя* тенденціи Поляковъ въ Западномъ краѣ. Такимъ образомъ они великодушничаютъ и гуманничаютъ на чужой счетъ, — на счетъ Русской народности: за эту гуманность приходится расплачиваться Русскому мѣстному населенію. Убѣдившись въ *вѣрноподданничествѣ* Поляковъ, они—ради системы примиренія —не только оставляютъ за ними преобладающее общественное положеніе, но готовы даже ухаживать за ними, чтобы смягчить ихъ раздраженіе, съ аффектаціей выражаютъ имъ полное довѣріе, вручаютъ имъ власть надъ сельскимъ населеніемъ, подчиняютъ имъ, въ служебномъ смыслѣ, Русскій народъ и своимъ начальственнымъ вниманіемъ оффиціально поднимаютъ значеніе Польской народности въ Русскомъ краѣ. Это воззрѣніе готово даже признать господство Польскаго языка, Польскаго обычая, Польскаго элемента въ Русской области, если только этотъ элементъ представляется вѣрноподданнымъ въ смыслѣ чисто государственномъ. Нечего и говорить, какъ шатки всѣ эти соображенія и какъ ненадежно вѣрноподданничество, отвергающее права Русскаго народа въ Русской землѣ.—Примиреніе здѣсь не имѣетъ смысла. Какое можетъ быть примиреніе Русской народности и полонизма, православія и латинства—тамъ, гдѣ полонизмъ и латинство стремятся покорить себѣ духовно Русскую землю, съ тѣмъ, конечно, чтобы впослѣдствіи покорить ее и вещественно? Это примиреніе можетъ быть только тогда, когда полонизмъ и латинство откажутся отъ своихъ притязаній, отъ своихъ завоевательныхъ стремленій. До того же времени нѣтъ мѣста примиренію, а необходима борьба и борьба. Разумѣется, эта борьба должна имѣть характеръ по преимуществу общественный и нравственный: но борьба съ Русской стороны сдѣлается невозможною, если правительство, руководясь извѣстною системою примиренія, будетъ оказывать покровительство—не тому или другому несчастному Поляку, а именно Польскому элементу. Напримѣръ: распубликованный проектъ земскихъ учрежденій (разборъ котораго былъ помѣщенъ и въ нашей газетѣ) въ окончательномъ своемъ результатѣ былъ бы равнозначителенъ *покровительству* Польской народности преимущественно предъ Русской, ибо даетъ значительный пе-

ревѣсъ, при представительствѣ, Польскому землевладѣльческому сословію надъ Русскимъ населеніемъ; допущенное Русскимъ начальствомъ наполненіе присутственныхъ мѣстъ чиновниками-Поляками, въ сущности, есть такое же покровительство стремленіямъ Польскаго элемента къ преобладанію надъ Русскимъ, потому что ставитъ Русскихъ въ полную «легальную» отъ Поляковъ зависимость. Все это не только не способно содѣйствовать успокоенію края, чего желаетъ правительство, но, напротивъ, послужило бы источникомъ безпокойствъ, — и система *примиренія* въ своихъ послѣдствіяхъ оказалась бы системою усиленія Польскаго элемента въ ущербъ Русскому, слѣдовательно системою *разъединенія* и постояннаго возбужденія вражды и ненависти между двумя народностями. Такого рода способъ дѣйствій со стороны администраціи только бы затруднялъ Русскимъ общественную свободную борьбу съ Поляками и облегчалъ бы ее Полякамъ. Самая эта начальственная галантерейность съ Польскимъ высшимъ сословіемъ и грубость съ Русскимъ мужичьемъ, съ Русскимъ простонародьемъ имѣетъ, безъ сомнѣнія, вредное нравственное дѣйствіе на развитіе Русскаго элемента. Мы уже имѣли случай указывать на образецъ подобной же попытки къ примиренію, распубликованный министерствомъ народнаго просвѣщенія. Для устраненія антагонизма между народностями на Волыни и въ Подоліи, чиновникъ министерства, *нарочито* ревизовавшій народныя школы въ томъ краѣ, предлагаетъ если не совсѣмъ изъять изъ народнаго образованія религію, какъ самый чувствительный и щекотливый предметъ, такъ, по крайней мѣрѣ, дать ей значеніе совершенно «личнаго, субъективнаго чувства», отнявъ у нея всякій характеръ общественный. Нашихъ священниковъ, пожалуй, —хотя и это сомнительно,— еще бы можно было заставить смириться, воздержаться отъ проповѣдыванія православія,—но никакія подобныя распоряженія не укротили бы пропаганды латинской, а только очистили бы поле для козней ксендзовъ.

Мы вовсе не добиваемся какого-нибудь особеннаго административнаго покровительства Русской мѣстной стихіи. Мы очень хорошо знаемъ, сколько вреда происходитъ нерѣдко отъ административнаго вмѣшательства въ область исключительно общественной и духовной дѣятельности. Мы полагаемъ, что независимо отъ дѣйствій въ сферѣ чисто государственной или административной, покровительство администраціи Русскому народному духовному элементу въ Западной Россіи (разумѣя тутъ и Юго-Западную) должно состоять—въ отсутствіи всякаго покровительства элементу Польской народности, въ предоставленіи полнаго *простора*, полной свободы общественной борьбѣ, въ устраненіи наконецъ тѣхъ пріемовъ, тѣхъ системъ, тѣхъ принциповъ, которые одинаково ложны и вредны какъ въ Бѣлоруссіи, такъ и въ Калугѣ, какъ на Украйнѣ, такъ и въ Казани... Въ этомъ-то послѣднемъ условіи и заключается по преимуществу самая серьезная, если не роковая сторона Польско-Русскаго вопроса въ Западномъ краѣ, особенно при томъ новомъ характерѣ, который отнынѣ должна принять борьба этихъ двухъ элементовъ...

Мы уже сказали выше, что эта борьба теперь, по заключеніи мира, усложняется еще больше. Враждебное намъ начало грозитъ принять такое положеніе и одухотвориться до такой степени, или вѣрнѣе обратиться въ такое почти атмосферическое нравственное явленіе, что можетъ стать со-

вершенно недоступнымъ, неуловимымъ для внѣшняго правительственнаго осязанія. Напримѣръ: кто такіе Поляки въ Западномъ краѣ? *Польскіе* дворяне... Но вотъ на этомъ первомъ словѣ мы и должны остановиться, чтобы показать всю странность современнаго положенія. Мы точно также можемъ и даже обязаны называть дворянство Западныхъ нашихъ губерній *Русскимъ:* оно Русское и по своему вѣрноподданническому заявленію, и по своему мѣстному туземному происхожденію. *Оффиціальныхъ* примѣтъ ихъ полонизма, за подписеніемъ извѣстныхъ адресовъ, почти не имѣется. Чѣмъ оффиціально различить ихъ отъ Русскихъ? Они употребляютъ Польскій языкъ?.. Конечно такъ, но намъ пишутъ изъ Бѣлоруссіи, что Польскій языкъ не долженъ служить признакомъ ополяченія, что даже православные священники говорятъ у себя дома по-Польски,—что, наконецъ, есть довольно много шляхты, вполнѣ Русской, но говорящей или сквернымъ Польскимъ языкомъ или мѣстнымъ нарѣчіемъ. А уже и теперь многіе Польскіе паны прикидываются поборниками мѣстнаго нарѣчія—Бѣлорусскаго или Украинскаго, — являются особеннаго вида Польскіе мѣстные демократы или хлопоманы, которыхъ никакъ по внѣшнему виду не отличишь отъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ Русскихъ «патріотовъ»... Но вѣдь Польскіе паны католики?.. Конечно, это важный и существенный признакъ, который даже, при единствѣ происхожденія, служилъ и служитъ основаніемъ этнографическаго дѣленія жителей края на Поляковъ и Русскихъ... Но вотъ намъ пишутъ также изъ Кіева, что въ Юго-Западныхъ губерніяхъ (за достовѣрность извѣстія, впрочемъ, не ручаемся), при составленіи списка чиновниковъ Русскаго и Польскаго происхожденія, человѣкъ до сорока Поляковъ перешло въ православіе. Кто поручится, что этотъ переходъ искрененъ и совершается не по какимъ-нибудь новымъ дополнительнымъ правиламъ къ Польскому катихизису? Кромѣ того, теперь стали попадаться очень часто (и мы сами знаемъ нѣкоторыхъ) Поляки особаго вида, именующіе себя Polaki Russkiey wiary (Поляки Русской, т. е. православной вѣры), рожденные отъ православныхъ отцовъ и матерей — Полекъ. Здѣсь исчезаетъ и послѣдній внѣшній признакъ, и этотъ новый видъ Поляковъ сливается почти безразлично съ Русскими космополитами, не имѣющими никакой вѣры, но числящимися по Русскому вѣроисповѣданію. Эти Поляки Русской вѣры самые рьяные Поляки и ревнивѣе Поляковъ-католиковъ, — а между тѣмъ, какъ скоро они подписали вѣрноподданнический адресъ и не были юридически или официально облічены въ преступныхъ политическихъ замыслахъ, то, конечно, администраціи весьма трудно, при отсутствіи внѣшнихъ примѣтъ Польской національности, узнавать—кто тутъ Полякъ, кто Русскій: пришлось бы забираться въ душу каждаго,—что уже, конечно, не ея дѣло! Такимъ образомъ полонизмъ обращается въ какое-то почти неосязаемое, повидимому чисто духовное качество, котораго однакоже усиленіе, развитіе и торжество сказываются положительнымъ, не только духовнымъ, но и матеріальнымъ гнетомъ для Русской народности, и котораго скрытыя тенденціи примыкаютъ вовсе не къ нравственнымъ, а къ политическимъ цѣлямъ. Разумѣется, *народнаго* Русскаго чувства не обманешь, и смутное для правительственной власти — является для народнаго сознанія вполнѣ яснымъ и раздѣльнымъ. Въ случаѣ народнаго возстанія, народъ Украйны и Бѣлоруссіи тотчасъ бы распозналъ, и совершенно безошибочно, дѣйстви-

тельныхъ враговъ своей народности. Но теперь, когда борьба происходитъ на иномъ полѣ, — нельзя не видѣть, что эта тягучесть, упругость, эта изворотливость, эта эластичность Польскаго элемента дѣлаетъ борьбу съ нимъ для Русской народности, при современныхъ внѣшнихъ условіяхъ ея обстановки, въ высшей степени трудною. Поэтому-то и нужно обращать особенное вниманіе—на эти внѣшнія условія... Польской интеллигенціи должно быть противопоставлено не что другое, а свободная Русская интеллигенція; Польской общественности—Русская общественность—къ несчастію, еще совершенно малокровная, маломощная; Польскому упорному, не слабѣющему ни въ войнѣ, ни въ мирѣ патріотизму — дѣятельная любовь въ Русской народности (а не прозябаніе Русскаго народнаго элемента въ нашей общественной и гражданской сферѣ); Польской цивилизаціи,—если не Русская цивилизація, то общественное сознаніе истины и силы Русскихъ народныхъ просвѣтительныхъ началъ (сознаніе еще очень тусклое въ большинствѣ нашихъ дѣятелей); Польской латинской пропагандѣ — Русская православная проповѣдь (а что такое Русская православная проповѣдь, смотри статью г. Никитинскаго въ 39 № «Дня» «о проповѣдяхъ»). Однимъ словомъ — всѣмъ нравственнымъ и умственнымъ силамъ полонизма должны быть противопоставлены Русскія нравственныя и умственныя силы, которыхъ развитіе затруднено недостаткомъ простора. Если мы указывали въ послѣднихъ нашихъ статьяхъ на невысокость уровня гражданской честности и ума въ нашихъ гражданскихъ дѣятеляхъ вообще; если мы разоблачили недостаточность, для духовной борьбы, проявленнаго до сихъ поръ Русскимъ обществомъ патріотизма, — то это вовсе не значитъ, чтобы мы считали эту борьбу для насъ невозможною, или намъ не по силамъ. Напротивъ, мы вполнѣ вѣримъ въ возможность полной и самой полной побѣды, но для этого-то и необходимо намъ — видѣть и разумѣть нашего врага безошибочно ясно, необходимо вызвать къ дѣйствію *всѣ* наши нравственныя силы и устранить препятствія, останавливающія или замедляющія ихъ развитіе. Пора же наконецъ намъ понять, что борьба съ полонизмомъ доходитъ, если не дошла, до такой степени, гдѣ вопросъ рѣшается не только *мѣстно*, но и *общимъ* состояніемъ всего нашего государственнаго и народнаго организма. Необходимо, при изученіи недуга, входить въ подробное разбирательство — что въ немъ есть *мѣстнаго* и что въ немъ есть *общаго*, охватывающаго собою все тѣло,—а также—чѣмъ онъ можетъ быть излеченъ—мѣстными ли катаплазмами или же общими средствами, возвращающими здоровье всему организму. У васъ страдаетъ рука, — но если это явленіе ревматизма, то полезно бываетъ произвесть общую испарину или реакцію въ тѣлѣ; болитъ у васъ въ Лепелѣ, — лечите себя въ Пензѣ, и т. д.

Въ подробности входить мы считаемъ излишнимъ. Если читатель будетъ добиваться отъ насъ прямыхъ указаній, какъ вести борьбу съ полонизмомъ, то мы отвѣчать ему не станемъ, а заговоримъ о другомъ. Мы разскажемъ ему, пожалуй, на основаніи извѣстій, сообщенныхъ газетой «Народное Богатство», о положеніи *крестьянскаго дѣла* въ Тобольской губерніи, или въ *Перми*, мы напомнимъ ему замѣчанія, если не вполнѣ, то во многомъ справедливыя, «Московскихъ Вѣдомостей» на распоряженіе о *сокращеніи мировыхъ участковъ*, напечатанное въ 216 № этой газеты.

Мы можемъ еще передать ему общую молву о томъ, что предполагается предоставить начальникамъ губерніи власть подвергать взысканію и смѣнять сельскія выборныя должностныя лица помимо мировыхъ посредниковъ; мы можемъ также сообщить ему слухъ о томъ, что введеніе въ дѣйствіе новаго устава о книгопечатаніи, приготовленнаго и разработаннаго въ двухъ коммиссіяхъ, отложено на неопредѣленное время и что существующая цензурная система остается пока безъ измѣненія...

Объ измѣненіи границъ Западнаго края.

Москва, 26-го октября 1863 г.

Въ послѣднемъ №, въ примѣчаніи къ одной статьѣ Областного Отдѣла, мы коснулись вопроса, который желаемъ теперь обсудить поподробнѣе. Мы говоримъ объ измѣненіи границъ Западнаго края. Мы знаемъ, что многимъ это предположеніе покажется мелочнымъ, ничтожнымъ, не способнымъ дать полезныхъ практическихъ результатовъ, но они ошибаются. Притягательная власть административнаго центра надъ окружностью и невольное тяготѣніе окружности къ административному центру имѣютъ огромное значеніе въ жизни народа, населяющаго эту окружность, и вырабатываютъ на практикѣ цѣлую сѣть разнообразнѣйшихъ отношеній, которыя, какъ жилы въ живомъ организмѣ, переплетаясь между собою, связуютъ тѣсною связью всѣ части административно-обособленнаго поземельнаго пространства. Съ измѣненіемъ гражданскаго средоточія, измѣняется, такъ сказать, и кровообращеніе гражданской жизни въ извѣстной округѣ; перемѣстите центръ изъ одной мѣстности въ другую — вы дадите иное направленіе всѣмъ тѣмъ — продолжаемъ сравненіе — кровеносвымъ сосудамъ, которые приносятъ кровь къ центру и разносятъ ее изъ центра по всему тѣлу. Разумѣется, если при перемѣщеніи нѣтъ перемѣны въ самомъ качествѣ центра, то новая централизація можетъ и не оказывать особеннаго вліянія на внутренній строй гражданской жизни, — и наоборотъ, во сколько новый центръ разнится отъ прежняго своими внутренними элементами, во столько (конечно, относительно) эта перемѣна отражается и на внутренней жизни всей подчиненной центру окружности. Напримѣръ: для города Лихвина почти все равно, будетъ ли главное центральное управленіе, къ которому онъ имѣетъ тянуть по закону нашей гражданской централизаціи, въ Калугѣ или Тулѣ, потому что и Тула, и Калуга сами по себѣ довольно безличны и не представляютъ большой разности во внутреннемъ своемъ содержаніи. Напротивъ того, Москва и Петербургъ являются центрами разнокачественными, разнохарактерными — при всей наружной одинаковости административнаго механизма. Тѣмъ болѣе разнятся между собою, напримѣръ, Москва и Вильно, или даже сосѣдніе другъ другу Минскъ и Черниговъ, Витебскъ и Псковъ: здѣсь, несмотря на единство законовъ и системы управленія и суда, — присутствіе различныхъ національныхъ элементовъ, образуя различныя атмосферы, въ которыхъ вращаются и движутся, повидимому, одинаковыя административныя пружины и

колеса, оказываетъ вліяніе на самое качество центра, а чрезъ него и на ходъ всего административнаго механизма, — и приводитъ не къ одинаковымъ практическимъ послѣдствіямъ. А все это, вмѣстѣ съ тѣмъ, приводитъ насъ вновь къ убѣжденію, — всѣмъ извѣстному, но не всегда полагаемому въ основаніе нашихъ распоряженій, — что никакое управленіе, хотя бы самое легальное, правильное, строгое руководящееся буквою Свода Законовъ, — равно и никакое человѣческое дѣло, какъ бы ни старались люди низвести его на степень механическаго дѣйствія, не свободно отъ участія духа, не можетъ отрѣшиться отъ вліянія нравственныхъ жизненныхъ, мѣстныхъ силъ — неуловимыхъ для бюрократическаго опредѣленія, ускользающихъ отъ всякой внѣшней законодательной формулы. Подробнѣе объ этомъ, въ отношеніи къ Западному краю, мы скажемъ ниже.

Очевидно, что одно географическое перемѣщеніе административнаго центра не представляетъ особенной важности, если въ то же время не происходитъ измѣненія въ качественномъ значеніи центра, зависящемъ отъ условій не одного административнаго свойства, а и отъ многихъ другихъ, бытовыхъ и нравственныхъ, напримѣръ этнографическихъ, экономическихъ, религіозныхъ и т. д. Подольскіе дворяне очень хорошо это понимали, когда просили о присоединеніи ихъ губерніи къ административному округу Царства Польскаго. Съ точки зрѣнія формальной законности эта просьба могла бы казаться столь же естественною, какъ и просьба о причисленіи, напримѣръ, уѣзда Сызранскаго Симбирской губерніи къ генералъ-губернаторству Оренбургскому и Самарскому, — а между тѣмъ, во сколько просьба Сызранцевъ, будучи исполнена, дала бы совершенно безвредные для государства результаты, во столько просьба Подольскихъ дворянъ принесла бы существенный вредъ Русской народности Подольскаго края (даже и безъ возстановленія Польши) — чрезъ одно измѣненіе главнаго средоточія управленія, къ которому въ такомъ случаѣ пришлось бы поневолѣ тяготѣть Подольской губерніи. Такъ важно бываетъ иногда перемѣщеніе центра! Мы уже не говоримъ о тѣхъ случаяхъ, когда перемѣщается центръ политическій, когда, напримѣръ, искусственно и извнѣ налагаемая граница раздѣляетъ надвое какую-нибудь мѣстность и одну причисляетъ — положимъ — къ Австріи, а другую къ Россіи: мы можемъ это видѣть хоть бы у насъ по границѣ Волыни, гдѣ нерѣдко самыя деревни разрѣзываются на двѣ половины, Русскую и Австрійскую, — и въ особенности по границѣ Царства Польскаго съ Австріей и Пруссіей. Здѣсь, конечно, уже самыя системы администраціи представляютъ великую разность. — Но одно несходство системъ не въ состояніи было бы производить то различіе, которое замѣчается нерѣдко во всемъ строѣ и тонѣ жизни разрѣзанныхъ половинъ и которое происходитъ главнымъ образомъ отъ тяготѣнія къ различнымъ политическимъ центрамъ, отъ нравственнаго дѣйствія разнокачественныхъ правительственныхъ авторитетовъ...

Но этого мало. Необходимо также, при избраніи новаго средоточія, при присоединеніи данной мѣстности къ новому центру, принимать въ соображеніе взаимное отношеніе ихъ матеріальной и нравственной силы, ихъ органической самостоятельности. При несоблюденіи этого условія можетъ случиться и такъ, что не центръ поглотитъ окружность, а окружность поглотитъ центръ или никогда съ нимъ не сплотится. Пояснимъ это при-

мѣромъ. Если бы, положимъ, мы вздумали присоединить къ Ананьевскому уѣзду Херсонской губерніи весь Юго-Западный край, то едва ли Ананьевскій уѣздъ,—какъ по своему объему, такъ и потому, что не представляетъ ничего органически цѣлаго и крѣпкаго внутреннею самостоятельною жизнью, былъ бы въ силахъ наложить свое вліяніе на Юго-Западныя области: не онѣ бы къ нему потянули, а онъ къ нимъ. И наоборотъ: возьмите одинъ уѣздъ изъ Юго-Западнаго края и присоедините его къ цѣлой Херсонской губерніи, и черезъ нѣсколько лѣтъ этотъ уѣздъ, по всей вѣроятности, будетъ поглощенъ элементомъ—господствующимъ въ новомъ, избранномъ для уѣзда, административномъ центрѣ. Приведемъ примѣры покрупнѣе и иного рода. Присоединеніе къ Піемонту не только Неаполя, но даже Флоренціи, меньшей по пространству, было бы совершенно непрочно, потому что и Неаполь, и Флоренція—самостоятельные, живые, обособленные организмы, цѣльныя историческія и духовныя народныя личности, совершенно равносильныя Піемонту; присоединеніе это было бы не прочно, говоримъ мы, еслибъ упомянутыя страны присоединялись *дѣйствительно* къ Піемонтскому центру, а не къ иному высшему и важнѣйшему—хотя еще только идеальному—административному и политическому центру—*единой* Италіи. Между тѣмъ Россія, пріобрѣтая въ XVI вѣкѣ Сибирь, почти равную ей по пространству, не только не почувствовала необходимости въ перемѣщеніи своего правительственнаго средоточія, но напротивъ подчинила безъ затрудненій всю Сибирь административному вліянію Московскаго центра: ибо Сибирь была тогда не болѣе, какъ грубой, неорганической въ политическомъ смыслѣ массой. И напротивъ того, Польша,—или то, что мы называемъ Польшею, Царство Польское,—занимая пространство въ сто разъ меньшее Сибири, никогда не можетъ находиться къ Россіи въ одинаковыхъ съ Сибирью отношеніяхъ. Заключая въ себѣ особый, цѣльный, самостоятельный народный организмъ, запечатлѣнное печатью народной личности, жившей и дѣйствовавшей своимъ лицомъ и своимъ именемъ въ исторіи, Царство Польское относится къ Россіи до сихъ поръ не какъ провинція къ метрополіи, не какъ окружность къ центру, а какъ организмъ къ организму, народность къ народности. Слиться оба эти организма вмѣстѣ, пока будетъ существовать въ нихъ такая рѣзкая внутренняя разнокачественность, едва ли могутъ. Ни Москва не можетъ быть центромъ для Польши, ни тѣмъ менѣе,—объ этомъ даже смѣшно и подумать, хотя и были къ тому попытки,—Варшава для Россіи. — Совсѣмъ другое отношеніе между Западнымъ краемъ и центральной Россіей, и перемѣщеніе здѣсь административныхъ центровъ можетъ имѣть огромное, благотворное для Русской народности значеніе.

И такъ, при выборѣ новаго центра, необходимо имѣть въ виду отношеніе пространства, самостоятельности гражданскаго и историческаго бытія, а также и внутренняго сродства вновь соединяемыхъ вмѣстѣ пространствъ. Послѣднее условіе всего скорѣе способно слить ихъ въ одно органическое цѣлое, вообще значительно облегчаетъ дѣло, и главное — даетъ разумное и нравственное оправданіе дѣйствію централизаціи: — но мы уже знаемъ, что даже и внѣ этого условія перемѣщеніе административнаго центра можетъ, съ теченіемъ времени, получить сильное вліяніе на гражданскій строй и даже на весь общественный бытъ извѣстной

мѣстности. Напримѣръ: если для Поляковъ-помѣщиковъ (т. е. считающихъ себя Поляками) Балтскаго уѣзда административнымъ центромъ будетъ не Каменецъ-Подольскъ, котораго городское населеніе все Польское или ополяченное, а губернскій городъ Херсонъ,—то вмѣсто Каменца имъ придется ѣздить въ Херсонъ для совершенія крѣпостныхъ и другихъ актовъ, для переговоровъ съ начальствомъ и пр.; имъ придется, наконецъ, участвовать въ дворянскихъ выборахъ уже не въ Каменцѣ вмѣстѣ съ Польскими дворянами, а въ Херсонѣ съ Русскими дворянами, представляющими здѣсь сплошную и крѣпкую нравственную силу. Такое распоряженіе, имѣющее цѣлью ослабить незаконное господство пришлаго Польскаго элемента надъ Русскою народностью въ Западномъ краѣ, мы считаемъ вполнѣ законнымъ. И если оно, къ сожалѣнію, не можетъ охватить весь Западный край, то все же уменьшитъ объемъ того пространства, надъ которымъ властвуютъ преданія иной, отдѣльной отъ Россіи и враждебной ей общественной жизни. Уманьскій или Балтскій уѣздъ, присоединенный къ Херсонской губерніи, перестанетъ быть и называться Западнымъ или Юго-Западнымъ краемъ и сольется съ Россіей цѣльнѣе, чѣмъ теперь; Западнаго края, представляющагося чѣмъ-то обособленнымъ, *убудетъ*. Въ этомъ отношеніи достойны изученія распоряженія Екатерины II при присоединеніи къ Россіи Русскихъ областей — бывшихъ Польскихъ провинцій—послѣ 1-го и 2-го раздѣловъ Польши. Такъ, напримѣръ, Полоцкая и Витебская провинціи первоначально входили въ составъ *Псковской* губерніи...

Всматриваясь въ карту и принимая въ разсчетъ требованія современной дѣйствительности, мы съ своей стороны полагаемъ, что границы Западнаго края могли бы допустить иное, чѣмъ теперь, очертаніе. Разумѣется, такое очертаніе требовало бы внимательной работы и знакомства со всѣми мѣстными условіями экономическими и этнографическими,—но мы, предлагая вниманію читателей наше соображеніе, имѣемъ единственною цѣлью—возбудить вопросъ и вызвать повѣрку этого очертанія со стороны лицъ, которымъ Западный край ближе извѣстенъ. Начнемъ съ Юга.

Полтавская губернія граничитъ съ Кіевской, а Херсонская съ Кіевской и Подольской. Несмотря на то, что Днѣпръ полагаетъ естественное раздѣленіе Украйнѣ на двѣ половины,—«на томъ и семъ боцѣ», было бы едва ли не полезно ослабить жизненное значеніе этого раздѣленія, во сколько оно усиливается раздѣленіемъ административнымъ, — и связать однимъ общимъ тяготѣніемъ къ одному центру казаковъ Малороссійскихъ и бывшихъ казаковъ Чигиринскаго и Черкасскаго уѣздовъ. Если бы эти оба уѣзда примкнули къ Полтавской губерніи, то съ другой стороны половина Уманьскаго уѣзда Кіевской, часть Ольгопольскаго и весь Балтскій уѣздъ Подольской губерніи могли бы быть присоединены къ Херсонской губерніи и такимъ образомъ оттянуты отъ теперешняго своего центра, весьма слабаго Русскою народною жизнью и довольно сильнаго Польскимъ элементомъ—Каменецъ-Подольска.—Затѣмъ, Кіевскую губернію удобно было бы пополнить на Сѣверѣ и на Западѣ на счетъ Минской,—отъ которой могла бы быть отрѣзана небольшая часть Мозырскаго уѣзда,—и Волынской, отъ которой могли бы быть отдѣлены уѣзды: весь

Овручскій и значительная часть Житомірскаго, если не весь Житомірскій уѣздъ и съ его городомъ. Намъ кажется вообще, что административный центръ для Волынской губерніи выбранъ совершенно неудачно: она слишкомъ обильна враждебными Русской народности элементами, а между тѣмъ занимаетъ такое огромное пространство, что централизующее значеніе административнаго средоточія естественно слабѣетъ на окраинахъ такой обширной административной округи. Она почти вдвое болѣе Каменецъ-Подольской (въ первой 62,643 кв. версты, во второй 37,293), болѣе Кіевской (44,730 кв. вер.), болѣе Черниговской (46,042 вер.), занимаетъ болѣе 200 верстъ по границѣ Галиціи, верстъ 100 по границѣ Царства Польскаго,—а между тѣмъ губернскій городъ Житоміръ лежитъ, по прямой линіи, всего въ 10 верстахъ отъ границы Кіевской губерніи и въ 318 верстахъ отъ своего крайняго уѣзднаго города Владиміра-Волынскаго, находящагося въ 10 верстахъ отъ границы Царства Польскаго! Одного административнаго центра, поставленнаго вдобавокъ на самомъ краю губерніи, при такомъ ея протяженіи и при постоянномъ противодѣйствіи со стороны Польскаго элемента, очевидно не достаточно. Кажется, эта губернія могла бы быть удобно раздѣлена на двѣ, съ двумя административными средоточіями въ древле-Русскихъ, богатыхъ историческою жизнью, городахъ Острогѣ и Владимірѣ-Волынскомъ, — или, по неудобству Владиміра, слишкомъ близкаго къ Польской границѣ, въ г. Луцкѣ. Изъ статьи, помѣщенной въ № 41 «Дня»: «Судьба Волынскаго каѳедральнаго собора», читатели могутъ убѣдиться, что православной епископской каѳедрѣ было бы несравненно умѣстнѣе и выгоднѣе находиться въ древнемъ центрѣ православія—Острогѣ, нежели въ Житомірѣ.

Далѣе: Черниговская губернія, прилегающая съ восточной стороны къ Орловской губерніи, съ западной стороны граничитъ съ Рѣчицкимъ уѣздомъ Минской и съ Гомельскимъ—Могилевской губерніи. Мглинскій уѣздъ Черниговской губерніи можетъ быть безъ всякаго неудобства присоединенъ къ Орловской, а Гомельскій уѣздъ и Рѣчицкій къ Черниговской губерніи. Мы бы прирѣзали къ тому же административному средоточію и половину Рогачевскаго уѣзда Могилевской губерніи. Извѣстно, что Рогачевскіе дворяне, вообразивъ себя Поляками, также составляли адресъ о присоединеніи Могилевской губерніи къ Царству Польскому. Конечно, имъ бы и въ голову не могла придти такая дикая, безобразная мысль, или они бы никогда не посмѣли ее заявить, еслибъ засѣдали на выборахъ вмѣстѣ съ завзятыми Малороссами — дворянами Черниговской губерніи! — Мы могли бы подкрѣпить наши соображенія исчисленіемъ пространства и народонаселенія въ уѣздахъ, но боимся утомить вниманіе нашихъ читателей. Скажемъ только, что общее пространство каждой губерніи (за исключеніемъ Волынской) остается, при нашемъ измѣненіи границъ, почти то же.

Отъ Минской губерніи можно было бы отдѣлить къ Могилевской часть Игуменскаго и почти весь Бобруйскій уѣздъ Минской губерніи. Могилевъ, сравнительно съ Минскомъ, представляетъ болѣе Русской общественной стихіи, и потому такое присоединеніе не можетъ быть безполезно для упомянутыхъ уѣздовъ, въ которыхъ Польское шляхетское господство еще довольно сильно. Съ другой стороны Минскъ, находясь въ центрѣ Бѣлоруссіи, обильный историческими Бѣлорусскими преданіями, съ большею пользою

могъ бы послужить административнымъ средоточіемъ для нѣкоторыхъ Бѣлорусскихъ уѣздовъ Виленской губерніи, нежели Вильно. Считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ собственно о самомъ г. Вильнѣ. По замѣчанію г. Кояловича, въ Россіи не понимаютъ историческаго постепеннаго омертвѣнія Вильна, народной ничтожности этого города даже въ экономическомъ смыслѣ,—ничтожности, которой не можетъ поправить даже желѣзная дорога. Не хотятъ видѣть, пишетъ нашъ многоуважаемый сотрудникъ въ замѣткѣ на одну статью, присланную въ редакцію, что Вильно стало средоточіемъ и символомъ въ Литвѣ Польской силы, Польской цивилизаціи, что это нѣчто въ родѣ Литовскаго Петербурга... Между тѣмъ этотъ городъ сдѣланъ средоточіемъ генералъ-губернаторства, и лучшая изъ Бѣлорусскихъ губерній, какъ свидѣтельствуютъ о томъ Бѣлоруссы, лучшая по крѣпости народныхъ неиспорченныхъ силъ, т. е. Минская, поставлена въ необходимость тянуть къ самому главному центру полонизма на Литвѣ, къ Вильну. Этому значенію Вильна, какъ центру и сѣдалищу полонизма въ Западномъ краѣ, много способствовало существованіе здѣсь знаменитаго Виленскаго университета, преобразованнаго въ 1813 году изъ академіи іезуитовъ. Мы прочли въ газетныхъ корреспонденціяхъ, что есть предположеніе возстановить этотъ университетъ снова, съ тѣмъ, чтобы профессора были тамъ исключительно Русскіе и чтобъ университетъ сдѣлался орудіемъ не Польской, какъ прежде, но Русской пропаганды. Дай Богъ, чтобъ это предположеніе такъ и осталось предположеніемъ! Мы съ своей стороны объявляемъ себя рѣшительно противниками такого предположенія. Учреждайте, если хотите, университетъ въ Полоцкѣ, Витебскѣ, Минскѣ, но никакъ не въ Вильнѣ. Не слѣдуетъ такъ мало давать цѣны преданіямъ, такъ пренебрегать ихъ силою. Русскимъ профессорамъ въ Вильнѣ пришлось бы бороться съ этими старыми университетскими преданіями, не имѣя въ то же время никакой поддержки въ окружающей ихъ туземной общественной средѣ, почти насквозь пропитанной полонизмомъ. Учрежденіе университета только бы подняло значеніе Вильна, значеніе невыгодное для развитія народной жизни, только бы укрѣпило Польскую общественную почву. Вообще мы не должны слишкомъ смѣло полагаться на возможность для насъ, уже теперь, прямой положительной успѣшной духовной пропаганды. Десять старообрядческихъ слободъ, сотня артелей нашихъ Владимірцевъ гораздо успѣшнѣе могутъ произвести свою бытовую пропаганду въ народѣ, нежели, въ своей отвлеченной сферѣ, цѣлый сонмъ профессоровъ, имѣющихъ дѣло не съ народомъ, а съ Польскимъ обществомъ, закованнымъ въ броню латинства и Польскихъ преданій. Мы видимъ, что даже и Кіевскій университетъ съ величайшимъ трудомъ успѣваетъ въ борьбѣ съ полонизмомъ, а между тѣмъ Кіевъ и Вильно—какая неизмѣримая разница въ условіяхъ для Русской университетской пропаганды! Кажется, вмѣсто университета, лучше было бы озаботиться устройствомъ мѣстныхъ гимназій, освобождать мѣстныя гимназіи отъ вредныхъ Польскихъ вліяній...

Возвращаемся къ Минской губерніи. Мы полагаемъ, что за отдѣленіемъ нѣкоторой ея части къ Могилевской и Черниговской губерніямъ, полезно было бы оттянуть отъ г. Вильна уѣзды Вилейскій и Ошмянскій и

присоединить ихъ къ Минской губерніи, или, по крайней мѣрѣ, значительную часть этихъ уѣздовъ.

Псковская губернія могла бы также подвинуться на Югъ и распространиться на такъ-называемые Инфлянтскіе уѣзды, если не на всѣ четыре, такъ на три изъ нихъ: Люцинскій, Рѣжицкій и Динабургскій уѣзды Витебской губерніи. Въ этомъ, при существующей желѣзной дорогѣ, не можетъ быть неудобства. Нѣтъ никакой надобности, чтобъ 4 Инфлянтскіе уѣзда находились непремѣнно всѣ вмѣстѣ въ одной губерніи. Затѣмъ вмѣсто Витебской, по внутренней ничтожности ея губернскаго города Витебска, можно было бы образовать новую Великолуцкую губернію, съ губернскимъ городомъ Великіе Луки, что нынѣ уѣздный городъ Псковской губерніи,—или же Полоцкую съ губернскимъ городомъ Полоцкомъ. Это было бы отчасти возвращеніемъ къ мысли Екатерины, назначившей первоначально губернскимъ городомъ для провинцій Двинской (Польской Инфляндіи, какъ сказано въ ея указѣ Сенату 1772 г.) и Полоцкой — городъ Псковской губерніи Опочку. Затѣмъ въ 1777 году учреждена была Полоцкая губернія изъ уѣздовъ: Полоцкаго, Дриссенскаго, Динабургскаго, Рѣжицкаго, Люцинскаго, Себежскаго, Невельскаго, Витебскаго, Велижскаго, Городецкаго и Суражскаго. Въ 1796 г. губернія Полоцкая соединена съ Могилевскою и названа Бѣлорусскою, а въ 1802 г. Бѣлорусская раздѣлена на Могилевскую и Витебскую; съ тѣхъ поръ составъ ея не измѣнился (см. Географ. словарь, 1863 г., т. I, вып. 3). Какія причины заставили предпочесть Витебскъ Полоцку, неизвѣстно; мы знаемъ только, что въ царствованіе Александра I-го существовавшему въ Полоцкѣ іезуитскому коллегіуму даны были всѣ права университета и что Полоцкъ вообще былъ однимъ изъ главныхъ пунктовъ іезуитской пропаганды Бѣлорусскаго края, и потому нельзя не пожалѣть, что православная архіерейская каѳедра и православная семинарія переведены изъ Полоцка въ Витебскъ, гдѣ они и до сихъ поръ сохраняютъ названіе Полоцкой семинаріи», «Полоцкой епархіи».

Кажется, у насъ вообще принято за правило, чтобы границы епархіи совпадали съ границами губерній; это представляетъ большое удобство въ административномъ отношеніи, но мы не видимъ особенной надобности въ томъ, чтобы мѣстопребываніе архіерея находилось непремѣнно въ томъ же городѣ, который административныя соображенія возводятъ на степень губернскаго. Преданія церковной дѣятельности, столь важныя въ жизни церковной, не всегда совпадаютъ съ удобствами свѣтской администраціи, и едва ли полезно жертвовать первыми для того только, чтобъ всѣ губернскіе города были возведены въ надлежащее единообразіе, т. е. чтобъ къ губернскому синклиту принадлежалъ непремѣнно и архіерей и чтобъ рядомъ съ домомъ присутственныхъ мѣстъ красовался и каѳедральный соборъ... Такъ не въ Житомірѣ, а въ Острогѣ, не въ Витебскѣ, а въ Полоцкѣ слѣдовало бы, кажется, быть епископской каѳедрѣ, — и не только въ Западномъ краѣ, но и въ центральной Россіи можно найти примѣры подобнаго перемѣщенія епископскихъ каѳедръ.

Впрочемъ, для того, чтобы не лишиться Витебску уже отчасти пріобрѣтеннаго имъ и небезполезнаго значенія, можно было бы, вмѣсто одной Витебской, образовать двѣ губерніи, именно: къ Псковской губерніи должны

были бы присоединиться уѣзды: Динабургскій, Люцинскій и Рѣжицкій; Великіе Луки съ Торопецкимъ уѣздомъ Псковской губерніи образовали бы съ городами: Себежомъ, Невелемъ, Велижемъ, Полоцкомъ и Дриссой новую губернію; Витебская же губернія могла бы состоять, кромѣ уѣздовъ городовъ Суража, Городка, Лепеля, изъ уѣздовъ городовъ Бабиновичи и Сѣнно Могилевской губ., части Борисовскаго уѣзда Минской и Дисненскаго уѣзда Виленской губерніи: Дисна отъ Витебска ближе, чѣмъ отъ Вильна. Такое перемѣщеніе административныхъ центровъ притянуло бы соки народной жизни, вмѣсто ополяченнаго Запада, къ Русскому Востоку и Сѣверу.

Мы слышали, что Министерство внутреннихъ дѣлъ еще въ 1836 или 37 году составляло проектъ объ измѣненіи границъ Западнаго края, но почему-то осуществленіе этого проекта не состоялось. Любопытно было бы видѣть, въ какой степени этотъ проектъ совпадаетъ съ нашимъ, и какія именно причины воспрепятствовали приведенію его въ исполненіе? Въ теченіе четверти вѣка, минувшей съ того времени, многія мѣстности могутъ быть успѣли бы уже окончательно освободиться изъ-подъ гнета полонизма и были бы просто Россіей, а не какимъ-то отдѣльнымъ краемъ, «отъ *Польши* присоединеннымъ», «отъ *Польши* возвращеннымъ»...

Еще о крестьянскомъ вопросѣ въ Польшѣ.

Москва, 3-го ноября 1863 г.

Мы съ каждымъ днемъ все болѣе убѣждаемся въ той важности, которую можетъ имѣть въ Польшѣ реформа крестьянскаго быта. Можетъ быть, эта реформа сама собою приведетъ къ разрѣшенію вопроса Польскаго или укажетъ пути къ его разрѣшенію. Читатели помнятъ, что мы окончательное разрѣшеніе этого вопроса подчиняли непремѣнному, по нашему взгляду, условію — узнать предварительное мнѣніе самой Польши, во всецѣлости ея народнаго состава. Мы не формулировали способа, какимъ можетъ быть узнано это мнѣніе (вопреки нѣкоторымъ газетамъ, выставившимъ насъ защитниками общенародной подачи голосовъ, — мѣры совершенно противной всѣмъ нашимъ воззрѣніямъ, основанной на началѣ количественнаго счета голосовъ, на началѣ грубой силы большинства, о которомъ мы уже не однажды высказывались). Мы не формулируемъ его и теперь; мы считали и считаемъ нужнымъ прежде всего ввести въ гражданскую жизнь Польши новый элементъ, еще не дѣйствовавшій въ ея исторіи — крестьянскій. Мнѣніе крестьянъ начинаетъ высказываться. Свѣдѣнія, получаемыя нами изъ Польши, показываютъ намъ, что *соціальный* вопросъ въ самой коренной Польшѣ, въ настоящее время, едва ли въ ней не сильнѣе и не значительнѣе *національнаго* (тогда какъ въ бывшихъ Польскихъ провинціяхъ — древле-Русскихъ земляхъ — наоборотъ). Вожди Польскаго движенія, съ неизлечимостью шляхетскаго предразсудка, не поняли этого; не поняли, что имъ прежде слѣдовало бы порѣшить съ вопросомъ соціальнымъ, а потомъ уже поднимать вопросъ національный. Теперь всѣ усилія жонда, Ми-

рославскаго и демократической партіи едва ли поправятъ дѣло.—По разсказамъ, недавно нами слышаннымъ, между Польскими солдатами, служащими въ Русскихъ полкахъ, нѣтъ побѣговъ,—кромѣ побѣговъ такого рода, которые дѣлаются и Русскими штрафованными негодяями (изъ послѣднихъ одинъ былъ даже жандармомъ-вѣшателемъ!). Бѣгаютъ Польскіе офицеры или оставляютъ службу,—но солдаты не бѣгаютъ, а служатъ усмиренію Польскаго мятежа надежно и вѣрно, признавая мятежъ дѣломъ *панскимъ*. Мало того: крестьяне съ самомъ Царствѣ Польскомъ называютъ инсургентовъ «Поляками», какъ бы отдѣляя себя и свое дѣло отъ нихъ, отрекаясь, такъ сказать, отъ той Польши, отъ той Польской національности, которая дѣйствовала въ исторіи до сихъ поръ безъ нихъ, хотя и именемъ Польскаго народа, которая не признавала и презирала ихъ. Польша, исторія Польши, ея слава, преданія, надежды, какъ бы не принадлежатъ, какъ бы чужды простому Польскому народу. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы возстаніе въ Польшѣ не было возстаніемъ національнымъ: оно не простонародное, но оно національно во столько, во сколько національно тысячелѣтнее существованіе и вся историческая дѣятельность Польши. Разумѣется, теперь, когда возникъ самый вопросъ о значеніи крестьянства въ жизни Польши, когда въ крестьянствѣ пробуждается сознаніе его правъ и оно отдѣляетъ себя отъ тѣхъ, которые его именемъ жили и дѣйствовали въ исторіи,—теперь опредѣленіе того, что̀ національно, не можетъ быть точно такое же, какъ тогда, когда народъ безмолвствовалъ и, такъ сказать, не жилъ. Пусть заявитъ себя народъ. Крестьяне Августовской губерніи Царства Польскаго уже подали прошеніе о причисленіи ихъ къ Россіи и о сравненіи ихъ во всемъ съ Великорусскими крестьянами. Мы не имѣемъ повода сомнѣваться въ искренности этого желанія, какъ бы ни было оно неудачно выражено сочинителемъ прошенія. Мы знаемъ также, что крестьяне радостно и довѣрчиво встрѣтили новую мѣру, принятую правительствомъ для разработки крестьянскаго вопроса въ Польшѣ... Мы не предрѣшаемъ вопроса о будущности крестьянскаго развитія при нравственномъ давленіи на него католицизма и старой тысячелѣтней латино-Польской шляхетской цивилизаціи; мы вполнѣ признаемъ опасность, ему грозящую,—но освобожденіе крестьянъ въ Польшѣ (освобожденіе въ нашемъ смыслѣ) должно во всякомъ случаѣ внести новый элементъ въ гражданскую и духовную жизнь Польши, элементъ, который, быть можетъ, растворитъ въ себѣ старые элементы и во всякомъ случаѣ ослабитъ и нѣсколько измѣнитъ ихъ силу и существо.

Корреспонденціи изъ Кіева указываютъ на такое положеніе дѣлъ, которое едва ли можно назвать вполнѣ благопріятнымъ для интересовъ Русской народности. Этого, впрочемъ, мы и ожидали, познакомившись съ мѣстными, впрочемъ не общественными, воззрѣніями изъ знаменитой статьи г. Владиміра Юзефовича. Статья эта была перепечатана въ «Днѣ»: читатели помнятъ—какъ объяснялъ г. В. Юзефовичъ противодѣйствіе введенію обязательнаго выкупа, какія мнѣнія выражалъ онъ о выкупѣ, называя его противозаконною и насильственною мѣрою, и выражалъ мнѣнія не свои и не отъ своего имени...

Этотъ взглядъ на выкупъ былъ обнародованъ г. Юзефовичемъ за мѣсяцъ или полтора до обнародованія указа о введеніи обязательнаго вы-

купа въ предѣлы Кіевскаго генералъ-губернаторства. Мы не имѣемъ причинъ думать, чтобъ эти убѣжденія тотчасъ же измѣнились и должны только жалѣть,—ну хоть о г. В. Юзефовичѣ, что ему приходится вводить въ исполненіе мѣру столь несогласную съ его образомъ мыслей! Положеніе, конечно, непріятное и, при всемъ добросовѣстномъ отношеніи къ долгу службы, невыгодное для дѣла. Такъ до насъ доходятъ слухи, что Кіевское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе опредѣлило, уступая просьбамъ Польскихъ помѣщиковъ, взыскать съ крестьянъ отработку помѣщикамъ всѣхъ неотработанныхъ ими барщинскихъ повинностей по 1-е сентября, включивъ *только тѣ три недѣли*, которыя были употреблены крестьянами на спасеніе своего родного края отъ Польскаго захвата, на очищеніе страны отъ шаекъ, составленныхъ изъ Польскихъ же помѣщиковъ! За это время барщины взыскивать не положено!!! Если это несправедливо, то просимъ гг. Кіевлянъ насъ опровергнуть, но не такъ, какъ было опровергаемо извѣстіе объ изданіи на Украйнѣ тайной Польской газеты «Валька». Существованіе ея «Голосъ», въ одномъ изъ своихъ отвѣтовъ «Московскимъ Вѣдомостямъ», назвалъ пуфомъ, а между тѣмъ она лежитъ теперь передъ нашими глазами, наполненная приказами отдѣленія народнаго жонда въ Кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ,—приказами, отданными въ Кіевѣ. Намъ было объявлено, что въ Кіевѣ не носятъ Поляки ни траура, ни чамарокъ, но пріѣхавшіе оттуда утверждаютъ противное. Намъ хотѣли доказать, что Русскихъ чиновниковъ въ Юго-Западномъ краѣ больше, чѣмъ Поляковъ, а мы хотѣли возразить указаніемъ на различіе должностныхъ мѣстъ, занимаемыхъ Русскими и Поляками, но г. Юзефовичъ благоразумно уклонился отъ отвѣта. Мы съ своей стороны позволимъ себѣ пояснить ему, что мы нисколько не подвергаемъ сомнѣнію вѣрность служебному долгу и присягѣ чиновниковъ Польскаго происхожденія, но мы не видимъ надобности подвергать ихъ непріятной необходимости—усердствовать въ преслѣдованіи полонизма въ Юго-Западномъ краѣ! Кажется, трудно требовать отъ Поляка, чтобъ онъ хлопоталъ объ искорененіи Польскаго элемента гдѣ бы то ни было. Мы никогда и не думали, чтобъ Польская національность значительныхъ чиновниковъ Юго-Западнаго края могла повредить добросовѣстному отправленію ими своихъ обязанностей,—но тѣмъ болѣе желательно было бы избавить ихъ отъ несправедливыхъ нареканій раздраженнаго подозрительнаго мѣстнаго Русскаго населенія. Не правда ли? Съ этимъ, вѣроятно, согласится многое множество должностныхъ лицъ Польскаго происхожденія въ Кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ...

Отвѣтъ г. Юзефовичу.

Отвѣтъ г. В. Юзефовича вовсе не таковъ, какъ можно было отъ него ожидать, судя по первому его полемическому дебюту. И прекрасно. Прежній пылкій рыцарь, убѣжденный можетъ быть нашими возраженіями, а можетъ быть (мы охотно это предполагаемъ) совершающимися на его глазахъ ежедневными фактами — хотя и продолжаетъ защищать принятую имъ подъ свое покровительство мѣстную администрацію, но уже слабо,

осмотрительно и не безъ робости. Оставляя въ сторонѣ большую часть замѣчаній, высказанныхъ Редакціей «*Дня*» и г. Самаринымъ, авторъ довольно искусно ударяется въ сторону, возбуждаетъ общіе вопросы, не относящіеся прямо къ предмету полемики, самъ является поборникомъ Русской народности, формулируетъ мнѣнія, изъ которыхъ многія не однажды были уже высказаны въ «Днѣ», наконецъ обращается къ своимъ противникамъ чуть не съ упреками въ недостаткѣ патріотизма, и въ заключеніе предлагаетъ такую мѣру, приглашаетъ ихъ къ такому пожертвованію, которое, дѣйствительно, своими размѣрами перещеголяло бы всѣ до сихъ поръ затѣянныя пожертвованія!.. Было бы не великодушно съ нашей стороны указывать на противорѣчіе настоящей его статьи съ прежнею; мы, напротивъ, очень рады тому, что г. В. Юзефовичъ себѣ противорѣчитъ, и полагаемъ, что первая его статья была ошибкою, увлеченіемъ, а что вторая выражаетъ вѣрнѣе настоящій образъ его мыслей. Съ этою второю статьею у насъ гораздо менѣе разногласія, чѣмъ съ первою, и мы ограничимся немногими замѣчаніями.

Г. Юзефовичъ сообщаетъ намъ то, чего мы не знали, именно—любопытную цифру чиновниковъ-Поляковъ въ Юго-Западномъ краѣ: *ихъ до полуторы тысячи!* Цифра огромная, которая, по нашему мнѣнію, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть терпима и способна вредно дѣйствовать на Русское населеніе. Полторы тысячи Поляковъ, уполномоченныхъ властью, тяготѣющихъ надъ безвластнымъ и безгласнымъ, простымъ, безграмотнымъ Русскимъ народомъ, въ соединеніи съ Польскимъ обществомъ, Польскими помѣщиками!.. По-истинѣ надо дивиться народу, который при такой обстановкѣ, лишенный всякой поддержки, съумѣлъ устоять противъ соблазновъ, угрозъ и козней, уберечь и защитить свою народность и сохранить вѣрность власти! Надо припомнить себѣ, что такое чиновникъ, какимъ полновластнымъ является онъ господиномъ и распорядителемъ въ какомъ-нибудь глухомъ селѣ, передъ крестьянами, даже у насъ въ Великой Россіи: можно же себѣ представить, что должно быть тамъ, гдѣ такимъ чиновникомъ—Полякъ, шляхтичъ, человѣкъ чуждой, враждебной вѣры и національности и дѣйствующій по правиламъ Польскаго катехизиса! Какъ ни старается г. Юзефовичъ ослабить значеніе этой цифры, однакоже и онъ соглашается, что большинство этихъ чиновниковъ-Поляковъ положительно и безспорно вредно: весь вопросъ въ томъ—кѣмъ и какъ замѣстить? Мы вполнѣ признаемъ трудность разрѣшенія этого вопроса и уже не разъ говорили объ этомъ въ «Днѣ», но въ томъ-то и дѣло, что мы въ Юго-Западномъ краѣ не замѣчали до послѣдняго времени никакихъ особенныхъ усилій къ разрѣшенію этого вопроса. Если бы мѣстное Русское населеніе видѣло, что администрація дѣйствительно сознаетъ весь вопіющій вредъ, происходящій отъ Поляковъ-чиновниковъ, что она принимаетъ близко къ сердцу все то обкорбленіе, которое должно было испытывать сердце Русскаго крестьянина, когда, послѣ возстанія Поляковъ противъ Русской власти, усмиренные имъ бунтовщики продолжали надъ нимъ командовать съ согласія той же Русской власти; еслибъ, повторяемъ, Русское населеніе было увѣрено въ сочувствіи къ себѣ мѣстной администраціи,—тогда, нѣтъ сомнѣнія, оно приняло бы въ соображеніе трудность задачи, предлежащей администраціи, съ терпѣніемъ и довѣріемъ ожидало бы благополуч-

наго результата ея усилій. Но, къ сожалѣнію, мѣстная администрація едва ли строго обсудила то положеніе, которое ей создали событія 27 апрѣля, и свои отношенія къ оскорбленному и раздраженному Русскому народу! Намъ кажется, что и теперь еще она ихъ опредѣляетъ не совсѣмъ ясно. Это мы видимъ изъ словъ самого г. В. Юзефовича,— а именно.

«Теперь, когда край *умиротворенъ*», говоритъ онъ... Какъ умиротворенъ? Умиротворенъ, когда трауръ, носимый Поляками въ Кіевѣ, продолжаетъ колоть глаза, оскорблять и раздражать Русское простонародное населеніе? Умиротворенъ, когда газеты разсказываютъ о безпорядкахъ, производимыхъ Польскими кознями въ Кіевскихъ гимназіяхъ? Умиротворенъ, когда еще недавно въ Волынь врывались Польскія шайки изъ Галиціи, когда еще недавно арестовали Дружбацкаго съ бумагами, обличающими организованный Польскій заговоръ на Украйнѣ, когда носятся слухи о затѣваемомъ Поляками возстаніи на весну?.. Очевидно, что г. Юзефовичъ не цѣнитъ достаточно вѣрно ни положенія края, ни состоянія народнаго духа. Далѣе. Самъ г. Юзефовичъ передаетъ намъ изъ вѣрнаго оффиціальнаго источника, что въ настоящее время (статья его писана въ концѣ октября) мировыхъ посредниковъ изъ Поляковъ въ Кіевской губерніи «*только* девять». Только! А мы думали, что ни одного! Ужели съ 27 апрѣля по ноябрь мѣсяцъ не нашли возможности смѣнить мировыхъ посредниковъ-Поляковъ? Ужели, послѣ возстанія, произведеннаго Польскою шляхтою и Польскими помѣщиками, и послѣ возстанія крестьянъ имъ въ отпоръ и въ защиту Русской власти,— можно было еще оставлять въ рукахъ Поляка-помѣщика ту ближайшую непосредственную власть надъ крестьянами, какую по закону имѣетъ мировой посредникъ?!. Да и равнодушіе, съ которымъ г. Юзефовичъ повѣствуетъ объ этомъ тяжкомъ для Русскаго человѣка фактѣ, служитъ само по себѣ краснорѣчивымъ обвиненіемъ противъ г. Юзефовича и защищаемой имъ системы. «Въ Волынской же и Подольской губерніи»—продолжаетъ г. Юзефовичъ, посредниковъ-Поляковъ *еще гораздо больше*»... И это называется умиротвореніемъ края, когда именно удержаны налицо всѣ элементы раздора, всѣ поводы къ нарушенію мира, къ напрасному раздраженію бѣдныхъ Русскихъ крестьянъ!

Но это еще не все. Точка зрѣнія и пріемы мѣстныхъ властей всего лучше обрисовываются слѣдующею мѣрою, проектированной ими тотчасъ же послѣ Польскаго возстанія. Польскій мятежъ произвелъ взрывъ во всемъ населеніи края, раздѣлилъ тотчасъ же страну на два враждебные лагеря, поставилъ весь народъ на стражу своей народности противъ козней Поляковъ-помѣщиковъ,—и въ это-то бурное время, въ этой-то душной и возбудительной атмосферѣ, на этой вулканической почвѣ, пришла мысль— не о немедленномъ прекращеніи обязательныхъ отношеній, какъ этого настоятельно требовало благоразуміе, а о «введеніи въ краѣ провѣрочныхъ коммиссій, которыя содѣйствовали бы полюбовному (полюбовному—какъ будто ничего и не происходило, какъ будто отношенія этихъ сторонъ пребывали въ своемъ нормальномъ видѣ!) заключенію выкупныхъ сдѣлокъ, а въ случаѣ несогласія обѣихъ сторонъ—разсмотрѣли бы намѣстѣ всѣ спорныя обстоятельства и уже тогда сдѣлали бы выкупъ обязательнымъ»! Т. е., другими словами, мѣстныя власти проектировали: прекращеніе обязательныхъ отношеній отложить въ долгій ящикъ, а покуда бы длились усилія

къ полюбовному соглашенію, да производились бы разверстаніе и переоцѣнка,—сопротивленіе крестьянъ работать на помѣщиковъ-Поляковъ, заподозрѣнныхъ народомъ въ участіи въ бунтѣ,—побѣждать способомъ, употребленнымъ въ Звенигородскомъ уѣздѣ?!! «Благодѣтеленъ ли подобный проектъ, говоритъ г. Юзефовичъ, объ этомъ предоставляемъ судить каждому»... Еслибъ эти слова были сказаны въ ироническомъ смыслѣ, они были бы еще у мѣста, но въ томъ-то и дѣло, что г. Юзефовичъ самъ (и конечно не одинъ въ Кіевѣ) увѣренъ въ благодѣтельности такого проекта! По нашему же мнѣнію, этотъ проектъ вполнѣ объясняетъ причину безпокойствъ и опасеній, волнующихъ Русское населеніе въ Юго-Западномъ краѣ...

Далѣе г. Юзефовичъ ставитъ въ заслугу мѣстнаго управленія, «въ числѣ мѣръ имъ принятыхъ», взысканіе 10% сбора... Какъ будто эта мѣра придумана самимъ управленіемъ и принята имъ по собственной его иниціативѣ! Странно! Мы знаемъ только, что эта мѣра приведена въ исполненіе относительно Русскихъ помѣщиковъ... съ замѣчательною неловкостью...

Г. В. Юзефовичъ, разсуждая о замѣщеніи Польскихъ чиновниковъ Русскими, говоритъ, что «самое удобное средство къ искорененію зла—это замѣщеніе Русскими начальниковъ отдѣльныхъ частей». Это совершенно справедливо, но къ этимъ начальникамъ отдѣльныхъ частей мы прибавимъ еще лицъ приближенныхъ къ главному начальству края. Послѣднее необходимо, чтобъ внушить Русскому тамошнему простому люду болѣе довѣрія къ власти: несмотря на всю безукоризненность службы этихъ лицъ, ихъ участіе въ управленіи можетъ поколебать въ простомъ народѣ довѣренность къ начальству и возбудить совершенно напрасно—самыя неосновательныя, но вполнѣ понятныя подозрѣнія. Въ администраціи, какъ и вездѣ, нуженъ тактъ, но именно этимъ-то, кажется, и не могутъ похвалиться въ Юго-Западномъ краѣ.

Что касается до второй половины статьи г. Юзефовича, то, отдавая полную справедливость одушевляющимъ его прекраснымъ намѣреніямъ, мы могли бы объ нихъ и не говорить—до такой степени они не практичны, очерчены слегка и небрежно, да и такъ мало относятся къ предмету спора, подавшему поводъ къ его статьямъ. Г. В. Юзефовичъ утверждаетъ, что ослабленіе Польскаго элемента не есть главная задача, а необходимо усиленіе Русскаго элемента, которое и будетъ дѣйствительнымъ и положительнымъ ослабленіемъ Польскаго... Положимъ, все это такъ, мы объ этомъ и сами толковали въ нашей газетѣ, но вѣдь это легко можетъ служить отговоркою въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ необходимо немедленное и явное ослабленіе. Усиленіе Русскаго элемента само собой, а ослабленіе Польскаго элемента, во сколько это зависитъ отъ администраціи—само собою: Русскій элементъ не усилится отъ того, что администрація продолжаетъ оставлять за девятью мировыми посредниками-Поляками въ Кіевской губерніи—начальство и власть надъ Русскими крестьянами!.. Она только способствуетъ этимъ раздраженію Русскаго народнаго элемента, слѣдовательно администрація сама даетъ ему неправильное направленіе.

По мнѣнію г. Юзефовича, въ настоящее время необходимо теперь же и немедленно, не откладывая въ долгій ящикъ, воздѣйствовать на народъ и поднять его нравственный уровень.—Чѣмъ же? Учрежденіемъ сельскихъ

институтовъ, открытіемъ школъ, и т. д. Вотъ тутъ-то такая прыть и не у мѣста: здѣсь можно идти и помедленнѣе, чѣмъ въ прекращеніи обязательныхъ отношеній. Настоящее время едва ли благопріятно для открытія школъ и какихъ-то сельскихъ институтовъ для образованія учителей: нужно сначала успокоить встревоженный сомнѣніемъ и недовѣріемъ къ мѣстнымъ властямъ народъ,—нужно, чтобъ онъ въ заботахъ объ укрощеніи Польскихъ затѣй во всемъ положился на мѣстную администрацію, а теперь ему едва ли пойдетъ на умъ какая-либо наука.

Въ заключеніе г. Юзефовичъ предлагаетъ дворянству всей Россіи содѣйствовать крестьянамъ Юго-Западнаго края въ выкупѣ своихъ земель: т. е. пусть Поляки, вызвавшіе обязательный выкупъ, получаютъ сполна, что слѣдуетъ, по правиламъ этого выкупа, отъ правительства, а Русское дворянство внесетъ за нихъ деньги правительству... Согласитесь, что приглашеніе къ такого рода жертвѣ очень странно, не говоря уже о томъ, что цѣнность выкупа всѣхъ трехъ губерній простирается, вѣроятно, на десятки милліоновъ. Крестьяне, конечно, могли бы быть облегчены въ платежѣ выкупной суммы правительству; вѣроятно, правительство и сдѣлаетъ имъ нѣкоторыя льготы (мы надѣемся даже, что мѣстная администрація похлопочетъ объ этомъ),—наконецъ въ пособіе имъ могъ бы быть употребленъ 10% сборъ,—или же цѣнность выкупныхъ свидѣтельствъ за имѣнія владѣльцевъ, участвовавшихъ въ бунтѣ, могла бы быть сокращена на половину, и этотъ остатокъ зачтенъ за всѣхъ выкупающихся крестьянъ Юго-Западнаго края... Однимъ словомъ, къ облегченію крестьянъ могутъ быть приняты разныя мѣры, но никакъ не насчетъ Русскаго дворянства, а насчетъ виновныхъ Польскихъ помѣщиковъ.

Отдавая затѣмъ должную справедливость умѣренному тону статьи г. Юзефовича, мы надѣемся, что онъ не раздражится нашими замѣчаніями, откажется отъ принятой на себя неблагодарной роли адвоката и станетъ открытымъ сердцемъ на сторону Русскаго народа и Русской народности.

По поводу адреса дворянъ Подольской губ. о причисленіи ея къ Царству Польскому.

Москва, 8-го декабря 1863 г.

Мы получили изъ Каменецъ-Подольской губерніи много писемъ отъ православныхъ Южно-Руссовъ, коренныхъ жителей края,—писемъ, исполненныхъ горькихъ упрековъ намъ и всему Великорусскому обществу за наше равнодушіе, молчаніе, литературное бездѣйствіе въ дѣлѣ адреса, поданнаго правительству дворянствомъ Подольской губерніи. Упрекъ этотъ, повидимому, совершенно основателенъ, но онъ не таковъ въ сущности,—и потому мы считаемъ нужнымъ оправдаться въ глазахъ Русскихъ Подолянъ и объяснить имъ наше отношеніе къ дѣлу. И мы, и всѣ наши читатели, безъ сомнѣнія, *слышали*, что дворянство Подольской губерніи, собравшись въ обычное очередное собраніе по случаю дворянскихъ выборовъ, представило правительству адресъ, въ которомъ просило о причисленіи Подольской губерніи, въ смыслѣ административномъ, къ Польшѣ или округу

Царства Польскаго: многіе слышали, но многіе ли видѣли или читали? Ни въ одной русской газетѣ или журналѣ онъ напечатанъ не былъ,—и если намъ извѣстно его содержаніе, такъ это благодаря нѣкоторымъ иностраннымъ газетамъ, въ которыхъ Подольскій адресъ уцѣлѣлъ въ сохранности. Но — спросимъ опять — многимъ ли доступны иностранныя періодическія изданія? Мы хотѣли заняться переводомъ этого замѣчательнаго памятника Польской смѣлости и неразумія; мы даже получили потомъ отъ неизвѣстнаго лица по почтѣ—копію съ этого адреса въ Русскомъ изложеніи и пытались его обнародовать на страницахъ «Дня», но намъ это не удалось, и вся Русская журналистика осуждена была хранить глубочайшее молчаніе по дѣлу, про которое, конечно, нашлось бы у каждаго изъ редакторовъ нѣсколько горячихъ искреннихъ словъ.—Только теперь, послѣ уже того, какъ— много времени спустя—появилась статья по поводу адреса въ газетѣ Министерства внутреннихъ дѣлъ «Сѣверной Почтѣ», и вслѣдъ затѣмъ раздался страстный голосъ оскорбленнаго народнаго чувства въ I книжкѣ «Вѣстника Западной и Юго-Западной Россіи», издающагося въ Кіевѣ, большинство читателей можетъ познакомиться съ содержаніемъ адреса, хотя ни въ той, ни въ другой статьѣ нѣтъ его полнаго изложенія.

Такимъ образомъ общественное мнѣніе въ Россіи, встревоженное слухами о какомъ-то Польскомъ посягательствѣ на честь и цѣлость Русскаго племени,—и въ то же время не имѣя въ виду никакого положительнаго несомнѣннаго факта—того. что юристы называютъ corpus delicti,—было лишено возможности стать лицомъ къ лицу съ общественнымъ мнѣніемъ Польши—и съ представителемъ его въ настоящемъ случаѣ. Подольскимъ дворянствомъ. Оно не могло оказать нравственной поддержки ни власти, призванной отвѣчать на адресъ, ни справедливо возмущенному Польской выходкой мѣстному Русскому населенію.

Это первое наше оправданіе предъ нашими братьями—Южно-Руссами. Второе состоитъ въ томъ, что общественное мнѣніе, какъ нравственная сила, перестаетъ дѣйствовать и карать тамъ, гдѣ начинается карательное дѣйствіе иной, внѣшней, такъ сказать — матеріальной силы. У насъ въ Великой Россіи это явленіе составляетъ типическую черту нашего народнаго характера, и мы считаемъ не лишнимъ распространиться объ ней нѣсколько подробнѣе. Народъ негодуетъ на преступника, покуда онъ на свободѣ, обличаетъ, преслѣдуетъ его, не прочь и побить его *незаконно*, отпустивъ его потомъ на всѣ четыре стороны (чему наши читатели были, вѣроятно, не разъ свидѣтелями),— но какъ скоро началось дѣйствіе закона и вмѣшалась въ дѣло власть, какъ скоро преступникъ лишенъ свободы, подвергнутъ заключенію или наказанію,—у насъ не считается нужнымъ ***отягчать*** законное дѣйствіе власти и участь преступника сверхзаконнымъ карательнымъ дѣйствіемъ общества. Мы не Французы, которыхъ уголовный процессъ представляетъ картину — звѣря (преступника) преслѣдуемаго охотниками и псами (судьями и прокурорами),—и которые, по выходѣ преступника изъ суда, послѣ произнесенія надъ нимъ рокового приговора, въ состояніи преслѣдовать его оскорбленіями,—какъ это описано Викторомъ Гюго въ его послѣднемъ романѣ. Этотъ взглядъ Русскаго общества, кромѣ своей нравственной основы, освященъ такою давностью обычая, такъ глубоко вкоренился въ народные нравы, что даже признанъ и

въ нѣкоторомъ смыслѣ узаконенъ самимъ правительствомъ. Императорскій человѣколюбивый комитетъ, оффиціально завѣдывающій мѣстами тюремнаго заключенія, содержитъ и улучшаетъ ихъ средствами, доставляемыми народнымъ состраданіемъ. Подаянія преступникамъ, отправляемымъ по этапу въ Сибирь — принимаются ими не тайно, а всенародно, и доходятъ въ годъ до такой огромной цифры, что возникла даже мысль объ учрежденіи изъ этихъ подаваемыхъ суммъ особаго банка для ссыльно-поселенцевъ. Ссылочные въ Сибири называются *несчастными*. Правительство, для котораго преслѣдованіе и казнь преступника составляетъ не дѣло личнаго озлобленія, а простое отправленіе законнаго правосудія,—само правительство не только не идетъ наперекоръ этому святому народному обычаю, но для удовлетворенія народнаго чувства дозволяетъ нарочныя остановки на этапахъ. Давно ли уничтоженъ обычай, въ силу котораго колодникамъ дозволялось, въ сопровожденіи конвоя, обходить городъ и испрашивать у оконъ подаянія? Спрашиваемъ: въ какомъ государствѣ Западной Европы встрѣчается что-либо подобное? Гдѣ, въ какой землѣ «заключенные» становятся предметомъ открытаго состраданія, милостыня, поданная арестанту, считается самою святою милостынею, подается всенародно и принимается съ разрѣшенія и вѣдома власти?

Такого рода отношеніе Русскаго простонародья и даже Русскаго общества къ заключеннымъ и осужденнымъ вовсе не означаетъ сочувствія къ самому преступленію,— а только состраданіе къ человѣку, имѣвшему *несчастіе* впасть въ преступленіе и заслужить кару закона. Само собою разумѣется, что чѣмъ менѣе преступникъ извращенъ нравственно, чѣмъ менѣе преступленіе относится къ дѣяніямъ лично безнравственнымъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, и напротивъ—чѣмъ болѣе оно вызвано увлеченіемъ или заблужденіемъ мысли,—тѣмъ болѣе отстраняется преградъ для общественнаго состраданія,—въ особенности тогда, когда преступное дѣйствіе, очевидно, не могло имѣть никакихъ опасныхъ для общества послѣдствій. Сюда можно отнести преступленія, совершаемыя изъ религіозныхъ убѣжденій,—а отчасти, въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, случаяхъ, и изъ политическихъ увлеченій.

Но и съ неформальной точки зрѣнія подача адреса представляется дѣломъ скорѣе желаннымъ для Русскаго общества, чѣмъ нежеланнымъ, скорѣе неразумнымъ, чѣмъ серьезнымъ. Лучше имѣть дѣло съ открытымъ честнымъ противникомъ, нежели съ тайнымъ. Подольскіе дворяне этимъ своимъ адресомъ публично и торжественно, открыто заявили себя противными Русской народности, т. е. народности цѣлаго милліона Русскаго православнаго населенія, и такимъ образомъ сами поставили себя въ самое невыгодное положеніе въ Русскомъ краѣ, въ самое неудобное отношеніе къ Русскому простонародью. До сихъ поръ Польская пропагандистская партія дѣйствовала втайнѣ, скрытными путями, средствами макіавелическими и іезуитскими, — и старалась пріобрѣсти вліяніе на народъ непосредственнымъ съ нимъ сближеніемъ, избѣгая ставить вопросъ о взаимномъ отношеніи двухъ народностей во всей его рѣзкости, ясной неразвитому уму. Противодѣйствовать такому способу пропаганды было очень трудно, и если бы кто рѣшился, напримѣръ, въ литературѣ, обличить намѣренія дворянъ Подольской губерніи—присоединить этотъ Русскій край

къ Польшѣ, то его могли бы назвать доносчикомъ, да еще фальшивымъ! Теперь всякое сомнѣніе отстранено, и Польскіе замыслы, благодаря дерзкому, но честному поступку дворянъ, являются во всей силѣ своего неразумія, во всей дерзости презрѣнія къ истинѣ исторической, къ правамъ мѣстной народности, его религіи, его стремленіямъ и его сознательной волѣ! Неразуміе Польской партіи по-истинѣ удивительно! Дворяне объявляютъ себя представителями народа въ ту самую пору, когда прежнее значеніе дворянскаго представительства въ отношеніи къ массамъ крѣпостного населенія утратило свою юридическую законность и когда не только въ Западномъ краѣ, но и въ самой Россіи новыя отношенія, — такія, которыя были бы основаны на взаимномъ довѣріи крестьянъ и бывшихъ владѣльцевъ, еще не успѣли образоваться. Наконецъ, они именемъ Русскаго народа объявляютъ, что для края спасеніе только въ соединеніи съ Польшей, и призываютъ вновь господство Польши на Русскую землю! Поступокъ дворянъ заслуживалъ бы удивленія по своей отважности, если бы онъ не объяснялся въ то же время совершеннымъ ослѣпленіемъ Польскаго фанатизма. Еслибъ даже правительство оставило ихъ адресъ безъ всякаго вниманія, то и тогда это самозванное представительство Русскаго народа, это дѣйствіе Подольскихъ дворянъ было бы опасно только и *единственно* для нихъ самихъ, а не для Россіи и не для края.

Поляки такимъ способомъ дѣйствія только проигрываютъ дѣло самой коренной Польши. Нельзя не пожалѣть объ ихъ неисправимомъ ослѣпленіи и нельзя не пожалѣть еще болѣе о томъ, что званіе *лежачихъ* стѣсняетъ, въ отношеніи къ нимъ, свободу дѣятельности Русскаго общества и Русской литературы.

Обществу извѣстно, что въ настоящемъ случаѣ, въ дѣлѣ адреса, уже возымѣлось оффиціальное правительственное дѣйствіе, при которомъ вмѣшательство общественнаго нравственнаго суда становится излишнимъ—и неумѣстнымъ. Общественное мнѣніе, конечно, съумѣло бы расправиться и само съ сочинителями адреса, если бы эта расправа была ему вполнѣ предоставлена, если бы дѣло шло о свободной борьбѣ между Русскимъ и Польскимъ обществомъ. Но въ настоящемъ случаѣ, строго говоря, нѣтъ никакой борьбы, т. е. борьбы, предполагающей двѣ равныя силы; власть въ отношеніи къ другой сторонѣ—представляется такою несоизмѣримою величиною, предъ которою противная сторона является вполнѣ безоружною и вполнѣ ничтожною. Русскому обществу вѣдомо, что рука власти уже коснулась виновныхъ своею величавою тяжестью,—и нападать на нихъ—значило бы *бить лежачихъ*. Русская же пословица говоритъ: «лежачихъ не бьютъ».

Мы не можемъ не выразить нашего личнаго искренняго сожалѣнія, что сочинители адреса, попавъ въ разрядъ лежачихъ, избѣгли такимъ образомъ справедливой кары Русскаго общественнаго мнѣнія. Намъ было бы чрезвычайно пріятно помѣряться въ борьбѣ съ ополяченными туземцами Западно-Русскаго края, въ борьбѣ, конечно, свободной и не переходящей въ область силы матеріальной и грубой. Мы даже думаемъ, что эта *лежачесть*, если можно такъ выразиться,—лежачесть иногда дѣйствительная, а иногда мнимая, — представляетъ для Польскаго общества, во многихъ случаяхъ, огромное преимущество предъ Русскимъ. Мы, напримѣръ, съ

своей стороны, нѣсколько разъ пытались перенести споръ съ Поляками въ сферу литературной полемики, но какъ прикажете ее продолжать, когда на всѣ доводы отвлеченной мысли, логики, исторической науки,—Польскіе писатели и публицисты отвѣчают ь вамъ, пользуясь *выгодами* своего положенія: «мы не можемъ вамъ возражать: вамъ нападать на насъ свободно, а мы за свои возраженія можемъ подвергнуться отвѣтственности—*не литературной*». Мы убѣждены, что при полной свободѣ полемики, Польскимъ публицистамъ большею частью нечего было бы и отвѣчать на наши доводы, и несостоятельность ихъ основаній была бы обличена передъ цѣлымъ свѣтомъ,—но, къ несчастію, они имѣютъ возможность спасти себя отъ такого пораженія—именно тѣмъ, что доводы науки и мысли могутъ быть съ нашей стороны замѣнены доводами другого рода и качества.

Послѣ такого объясненія, кажется намъ, было бы совершенно несправедливо упрекать Русское общество въ равнодушіи и молчаніи. Не оно въ этомъ виновато. Обращаясь затѣмъ къ самому адресу, котораго содержаніе намъ извѣстно, мы можемъ относительно его повторить то же самое, что мы сказали насчетъ адреса 300 Польскихъ дворянъ, въ 10 № нашей газеты, къ которому и отсылаемъ нашихъ читателей;—но, имѣя въ виду статью «Вѣстника Юго-Западной и Западной Россіи», мы считаемъ не лишнимъ сдѣлать слѣдующіе замѣчаніе.

Какъ «Вѣстнику», такъ и всѣмъ прочимъ періодическимъ изданіямъ, нападающимъ на поступокъ Подольскаго дворянства, слѣдовало бы, кажется намъ, держаться въ своихъ нападеніяхъ почвы исторической, этнографической, нравственной, религіозной, а не почвы формально-юридической точки зрѣнія. Здѣсь не столько оскорбленъ внѣшній законъ, сколько права Русской народности. Дворянамъ предоставлено право на дворянскихъ собраніяхъ составлять и посылать просьбы къ верховной власти о своихъ мѣстныхъ нуждахъ; Подольскіе дворяне въ сущности, относительно Русской земли, облекли свое преступное требованіе въ форму внѣшней законности: они нашли, что мѣстныя нужды требуютъ административнаго присоединенія Подольской губерніи къ административному округу Царства Польскаго; Царство Польское входитъ въ составъ предѣловъ Россійской имперіи,—и съ точки зрѣнія формальной,—просьба о перечисленіи губерніи въ Царство Польское равняется, напримѣръ, просьбѣ, если бы таковая была подана, о перечисленіи Бессарабской области изъ генералъ-губернаторства Новороссійскаго въ округъ генералъ-губернаторства Кіевскаго. Мы, конечно, очень хорошо знаемъ, что это не то; мы понимаемъ, что прикрываетъ собою эта внѣшняя видимая законность. Но именно поэтому поступокъ Польскихъ дворянъ долженъ бы былъ подлежать неюридическому обсужденію, а суду общественнаго мнѣнія: послѣдній имѣлъ бы тогда возможность оказать въ этомъ дѣлѣ ту надлежащую строгость, которая могла бы быть дѣйствительнѣе всякой оффиціальной кары.

Есть ли какой-нибудь исходъ нашей борьбѣ съ Поляками?

Москва, 21 декабря 1863 г.

«Есть ли какой-нибудь исходъ вашей борьбѣ съ Поляками? При какихъ условіяхъ считаете вы возможнымъ разрѣшеніе этого бѣдственнаго и мудренаго вопроса?» спрашивалъ насъ недавно одинъ Англичанинъ-путешественникъ, заглянувшій какъ-то въ Москву. «При двухъ условіяхъ», былъ нашъ отвѣтъ: «первое состоитъ въ томъ, чтобъ ни вы, Англичане, ни Французы, никакая держава въ Европѣ, не вмѣшивались въ нашу распорю съ Поляками,—не предъявляли никакихъ притязаній на право вмѣшательства, не только вооруженнаго, но и дипломатическаго. Угрозы и вообще оффиціальное заступничество Европы приносятъ къ этому дѣйствительно сложному вопросу—новую примѣсь, еще болѣе усложняющую дѣло, именно: раздраженіе въ насъ чувства народной чести. Съ одной стороны подавая Полякамъ несбыточныя надежды, съ другой—оскорбляя наше національное самолюбіе, вы пробуждаете въ насъ всѣ инстинкты, свойственные, по выраженію Хомякова, *натурѣ* большихъ государствъ,—а нигдѣ эти инстинкты такъ не могучи, какъ въ Россіи,—гдѣ сознаніе своей Всероссійской государственной силы, вмѣстѣ съ ощущеніемъ своей ширины и простора, своихъ громадныхъ размѣровъ, какъ народа, одно живитъ и движетъ, одно восполняетъ скудость жизни внутренней, мѣстной, земской, общественной. Да и ничѣмъ такъ не поджигается вражда къ Полякамъ, мало того,—ничѣмъ такъ не оправдывается эта вражда въ совѣсти самыхъ миролюбивыхъ Русскихъ, какъ этимъ участіемъ Европы, какъ этимъ союзомъ Поляковъ съ Западнымъ — не-Славянскимъ міромъ. Что бы тамъ ни говорили, но въ Русскомъ обществѣ—сознательно или безсознательно—живетъ память и чувство нашей родственной племенной связи,—такихъ отношеній, которыхъ опредѣленіе и оцѣнка невозможны для посторонняго народа, и которыхъ непризнаніе со стороны Поляковъ—имѣетъ для насъ видъ какой-то измѣны духу племенного родства. Вамъ это будетъ вполнѣ понятно, говорили мы Англичанину, если вы вообразите себѣ Шотландію, просящую помощи у Французовъ.—Другое же условіе, самое главное и необходимое для того, чтобы исходъ Польскому вопросу сталъ возможенъ, это—отреченіе Поляковъ отъ притязаній на нашъ Западный и Сѣверо-Западный край. Все дѣло въ этомъ. Откажись Поляки отъ Бѣлоруссіи и Украйны, ограничь они свои требованія однимъ Царствомъ Польскимъ, предѣлами Польской народности въ настоящемъ смыслѣ этого слова,—мы могли бы еще столковаться съ ними, да и раздраженія въ спорѣ было бы въ тысячу разъ менѣе. Вообще въ сочувствіи Европы къ Польскому дѣлу очень много недоразумѣнія, разъясненію котораго мѣшаетъ съ одной стороны застарѣлое хроническое предубѣжденіе противъ Россіи, съ другой—Польское лганье и искусство возбуждать состраданіе видомъ угнетенной невинности. Это не значитъ, что система нашихъ собственныхъ дѣйствій была всегда безошибочна... но симпатія къ Полякамъ имѣетъ большею частью невѣрное основаніе. «Благородныя

сердца» (по выраженію, кажется, министра Друэна де Люи) въ Европѣ, какъ аристократовъ, такъ и демократовъ, стоятъ за принципъ національностей, за право каждой народности жить и развиваться свободно. Этому сочувствуютъ и всѣ «благородныя сердца» въ Россіи. Но какъ только уляжется этотъ гулъ и шумъ, поднятый въ Европѣ Польскимъ дѣломъ, такъ тотчасъ же станетъ вполнѣ яснымъ, что между жалобными возгласами благородныхъ сердецъ и Польскими героическими кликами не только нѣтъ никакой гармоніи, но страшный разладъ. Государственныя вожделѣнія Польской шляхты и нравственное право каждой народности на свободное, независимое самостоятельное развитіе и жизнь—не имѣютъ между собою ничего общаго; мало того, эти два элемента находятся другъ къ другу въ совершенномъ противорѣчіи, ибо шляхетскія мечты посягаютъ на свободу и независимость чужой, т. е. Русской народности. Если бы вздумали рѣшать вопросъ на строгомъ основаніи принципа національностей и согласно съ тѣми требованіями высшей правды, сочувствіе къ которымъ такъ естественно, такъ законно, такъ понятно въ каждомъ благородномъ сердцѣ, то такое рѣшеніе вопроса едва ли бы не пришлось, къ несчастію, навязывать Полякамъ силою! Поляки, какъ намъ Русскимъ извѣстно, хлопочутъ не о возстановленіи правъ Польской *народности*, а о возстановленіи Польскаго *государства* въ тѣхъ историческихъ предѣлахъ, которые оно когда-то имѣло и которые втрое превышаютъ предѣлы Польской народности, Польши въ собственномъ смыслѣ. Но историческое основаніе не есть нравственное основаніе, историческій фактъ самъ по себѣ не можетъ служить источникомъ нравственнаго права и упраздняется послѣдующимъ историческимъ фактомъ. Все это входитъ уже въ область исторической случайности, которая не можетъ быть никогда возводима на степень принципа. И потому Поляки, своими притязаніями на возстановленіе государства въ прежнихъ его предѣлахъ, лишаютъ себя даже и той нравственной опоры, которую бы они могли найти для своихъ требованій въ пользу независимости и свободы Польской народности. И потому сочувствіе и сострадание къ Польшѣ «благородныхъ сердецъ» Россіи и Европы и вожделѣнія «Польскихъ шляхетскихъ сердецъ»—это какъ двѣ параллельныя линіи, которыя, проходя другъ подлѣ друга, никогда между собою не сходятся. Слѣдовательно—въ чемъ же задача? Въ томъ, чтобъ была возможность сойтись намъ съ Поляками на какомъ-нибудь пунктѣ, отыскать рѣшеніе, которое удовлетворяло бы требованіямъ нравственной правды. Мы твердо убѣждены, что препятствія къ такому исходу—возникаютъ главнымъ образомъ не отъ насъ, а отъ самихъ Поляковъ. Первымъ шагомъ къ такому исходу должно быть полное чистосердечное отреченіе Поляковъ отъ нашихъ Западно-Русскихъ провинцій,—отреченіе хотя бы только теоретическое сначала, хотя бы только въ области сознанія. И въ этомъ-то отношеніи авторитетъ Европейской науки, Европейскаго общественнаго мнѣнія могъ бы, казалось намъ, дѣйствовать не безъ успѣха на Польскую интеллигенцію. По крайней мѣрѣ, вотъ поприще, на которомъ Европа скорѣе можетъ подвинуть къ благотворной развязкѣ это спорное кровавое дѣло, нежели вооруженнымъ вмѣшательствомъ и безтолковымъ огульнымъ сочувствіемъ страданіямъ Польши.

Нашимъ Русскимъ читателямъ все это кажется извѣстнымъ-перепз-

вѣстнымъ, какъ азбука. Но въ Европѣ этотъ взглядъ далеко не общій, хотя и въ Европѣ, въ послѣднее время, раздались голоса, способные отрезвить Польское общество, если только, несчастное, оно еще доступно отрезвленію! Впрочемъ, мы еще недавно получили письма отъ нѣкоторыхъ лицъ, проживающихъ за границею, которыя взываютъ «объ освобожденіи Польши во имя великаго начала свободы народностей». Мы бы попросили эти лица обратиться съ своими благородными воззваніями напередъ къ Полякамъ и постараться сначала втолковать Полякамъ значеніе «начала народностей». Пусть они укажутъ намъ хоть *на одного* Поляка, который бы согласился рѣшить Польскій вопросъ на основаніи этого начала, который бы призналъ, что Украйна и Бѣлоруссія не Польша и что Польская народность не имѣетъ теперь уже никакого права господства надъ Русскою народностью въ этихъ древле-Русскихъ земляхъ. Но даже если и найдется Полякъ, который будетъ на словахъ отказываться отъ Западныхъ нашихъ провинцій, то пусть они попросятъ этого Поляка напечатать публично такое отреченіе, — и тогда они увидятъ, въ какой степени это отреченіе истинно! Мы сами, съ годъ тому назадъ, бесѣдовали съ однимъ Полякомъ, лицомъ довольно значительнымъ по своему богатству и общественному положенію. Онъ великодушно уступалъ намъ Кіевъ, Кіевскую, Могилевскую губерніи, часть Минской и четыре уѣзда Гродненской; но когда мы пригласили его заявить объ этомъ великодушіи (дѣйствительно рѣдкомъ въ Польскомъ аристократѣ!) *печатно*, если не въ нашей газетѣ, такъ за границей, то онъ уклонился отъ нашего предложенія подъ разными предлогами. Мы просимъ всѣхъ увлекающихся сочувствіемъ къ Полякамъ—подвергнуть свое сочувствіе строгой критикѣ, испытать прежде всего силу своихъ увѣщаній на самихъ же Полякахъ, и условиться съ ними въ пониманіи слова «народность». Тогда сочувствіе перейдетъ въ состраданіе (совершенно естественное) къ бѣдствіямъ Польши, къ такой безмѣрной, напрасной тратѣ крови и духа — или ограничится очень малымъ объемомъ. Тогда демократы съ ужасомъ увидятъ, что «простой народъ», сочувствіе къ которому обязательно для «демократа»—въ понятіяхъ Польскихъ героевъ есть только bydło, скотъ; космополиты убѣдятся, что они, симпатизируя Польскому дѣлу, служатъ интересамъ исключительной узкой національности; соціалисты откроютъ, что Поляки стремятся возстановить соціальное неравенство въ самомъ отвратительномъ видѣ; ратоборцы свободы народностей также узнаютъ, что они хлопочутъ объ утвержденіи тиранніи Польской народности надъ другими,—однимъ словомъ, всѣмъ имъ достанется на долю немалый сюрпризъ увѣдать, что они говорили до сихъ поръ съ Поляками на языкахъ совершенно разныхъ и, не понимая другъ друга, воображали, въ лирическомъ восторгѣ, что понимаютъ! Изъ этого выходитъ такое нравоученіе: во-первыхъ, что правда Польскаго дѣла, какая есть, всего менѣе постигается и цѣнится самими Поляками, и едва ли не болѣе всего способна быть оцѣнена въ *самой* Россіи, въ нашемъ народномъ сознаніи, особенно, когда это сознаніе будетъ освобождено отъ того раздраженія, вполнѣ законнаго, которымъ затемняютъ его сами Поляки своими безумными притязаніями! во-вторыхъ, что, прежде всего и паче всего, должны Поляки образумиться сами и отказаться отъ незаконныхъ, безнравственныхъ и несбыточныхъ на-

деждъ возстановить Польское государство въ предѣлахъ 1772 года. Но образумятся ли Поляки? Способны ли они хоть когда-либо образумиться?..

Этотъ грустный вопросъ возбуждается въ насъ новымъ письмомъ «Поляка изъ Кіева», недавно полученнымъ нами. Письмо, написанное ловко и бойко, по-Русски, человѣкомъ очевидно образованнымъ и развитымъ, произвело на насъ самое тяжелое впечатлѣніе. Авторъ письма внимательно слѣдитъ за Русскою литературой, читаетъ всѣ Русскія газеты и журналы, но не только не убѣждается доводами Русской журналистики, а напротивъ осмѣиваетъ ихъ и упрекаетъ литературу такъ — какъ могла бы только упрекать несчастная оклеветанная невинность. Просимъ читателей помнить, что авторъ пишетъ изъ *Кіева*, какъ *Полякъ-Украинецъ*, и *послѣ* Польскаго мятежа, бывшаго весною. Онъ начинаетъ съ того, что жалуется на безгласность, въ которую поставлены Поляки, и порицаетъ Русскую литературу за то, что она нападаетъ на беззащитныхъ, что въ ней слышно пристрастіе и раздраженіе! Словомъ, какъ будто ничего и не бывало, какъ будто Поляки и не производили никакого вооруженнаго возстанія — даже въ Кіевской губерніи, не старались увлечь на свою сторону простой народъ золотыми грамотами, не наводнили и не наводняютъ Европу издѣліями своей клеветнической литературы, не издаютъ на Украйнѣ двухъ подпольныхъ газетъ «Вальки» и «Працы», не учредили на Украйнѣ цѣлой революціонной организаціи! Втайнѣ устроивая подкопы, заводя въ краѣ жандармовъ-вѣшателей, *дѣйствуя* настойчиво и энергически во вредъ Русской народности, Поляки имѣютъ духъ требовать къ себѣ уваженія, какъ къ «лежачимъ», и стараются поддѣть Русское общество на старую уловку, зная, что ни къ чему оно такъ не чувствительно, какъ къ упрекамъ въ недостаткѣ либерализма и благородства! Было время удобное для полемики, и мы первые открыли для нея столбцы нашей газеты; но когда Поляки отъ словъ перешли къ вооруженному *дѣйствію*, когда, вмѣсто чернилъ, они обмакнули свое полемическое перо въ Русской крови, когда стали сзывать на насъ полчища всей Европы и скликать на насъ всѣ бѣдствія войны,—тогда положеніе дѣлъ измѣнилось, и Русская журналистика горячо вступилась за права Русской народности. Г. Полякъ изъ Кіева удивляется роли, которую заняла «въ Польскомъ вопросѣ Русская пресса», и жалуется на «несправедливость, которая есть какъ бы результатъ ея гражданской мысли и слова». Въ чемъ же состоитъ эта несправедливость, онъ не разъясняетъ, да и разъяснять неловко: самымъ яркимъ, окончательнымъ и единогласнымъ,—единымъ живымъ, утѣшительнымъ и благотворнымъ результатомъ Русской мысли и слова,— есть укрѣпленіе неразрывной связи Россіи съ Западно-Русскимъ краемъ, полнѣйшее и окончательное усвоеніе и такъ-сказать завоеваніе его Русскимъ общественнымъ сознаніемъ. Но пускаться въ полемику о правахъ Россіи на Западный край авторъ положительно избѣгаетъ, хотя въ то же время положительно отрицаетъ ихъ, какъ это видно изъ его же письма. Авторъ нигдѣ не выражаетъ *ни малѣйшаго* упрека или осужденія своимъ соотчичамъ за безумныя попытки къ мятежу и къ совращенію крестьянъ, за жестокости и всяческое звѣрство жандармовъ-вѣшателей,—за систему террора—систему высшаго насилія, какое когда-либо видѣлъ міръ; между тѣмъ онъ не скупится на упреки Россіи за принятіе мѣръ, основанныхъ на насиліи

и совершенномъ устраненіи законности, и порицаетъ литературу — за присовѣтованіе этихъ мѣръ. Какія же однако это мѣры, которыя были присовѣтованы — хоть бы въ «Днѣ»? На нихъ указываетъ и самъ авторъ. Эти мѣры — обязательный выкупъ, устраненіе Польскихъ чиновниковъ отъ должностей, гдѣ имъ было удобно угнетать Русскій народъ, удаленіе изъ края людей, поддерживающихъ организацію жонда и углаживающихъ путь Польскимъ жандармамъ-вѣшателямъ! Странныя притязанія вслѣдъ за подавленнымъ вооруженнымъ мятежомъ, свидѣтельствующія или о Польской недобросовѣстности (что весьма печально), или о Польскомъ непониманіи, Польской неспособности вразумиться (что еще печальнѣе).

Разбирая, одно за другимъ, мнѣнія, высказанныя въ Русской, преимущественно Московской, журналистикѣ, г. Полякъ изъ Кіева такъ отзывается объ нашей газетѣ: «День» проникнутъ въ отношеніи къ Полякамъ почти такою же любовью, такъ и «Московскія Вѣдомости». Разница состоитъ въ томъ только, что когда «Московскія Вѣдомости» предлагаютъ мелкой шляхтѣ на самыхъ пріятныхъ условіяхъ переселеніе на Сѣверныя тундры и хлопочутъ, какъ бы устроить безобидно обязательную продажу Русскимъ Польскихъ имѣній въ Западномъ краѣ, — «День» съ хлыстомъ въ рукѣ гонитъ ту же шляхту въ противоположную сторону, именно въ Польшу, и хлопочетъ объ одномъ: какъ бы ее *сдать* поскорѣе и получить квитанцію. Онъ твердитъ тѣ же, что и Редакція «Московскихъ Вѣдомостей», нравоученія Полякамъ, но кажется болѣе ея снисходительнымъ. Онъ, кромѣ того, хлопочетъ неугомонно объ общественной силѣ, о народности и повидимому не хотѣлъ сначала опираться на правительство, но въ послѣднее время перемѣнилъ мнѣніе и находитъ, что приставъ и квартальный необходимы для скораго порѣшенія мелочныхъ вопросовъ». Да, г. Полякъ не ошибается: противъ вооруженнаго нападенія мы признаемъ необходимость вооруженнаго же отпора, а противъ комиссаровъ жонда и жандармовъ-вѣшателей (изъ которыхъ одинъ былъ недавно схваченъ въ Немировѣ, Подольской губерніи, гдѣ онъ собирался убить Русскаго учителя тамошней гимназіи) едва ли даже достаточно приставовъ и квартальныхъ: нужна усиленная дѣятельность полиціи, именно *полиціи*, а никакъ не общества! Ужъ не думаетъ ли г. Полякъ изъ Кіева, что Польскихъ ножевщиковъ и вѣшателей слѣдуетъ увѣщевать литературно, никакъ не допуская вмѣшательства правительственной власти, Польскіе кинжалы отбивать перомъ, а противъ вооруженныхъ бандъ высылать на подводахъ общественное мнѣніе?! Неужели онъ не понимаетъ, что именно эти-то подвиги Поляковъ, вызывая дѣйствіе силы правительственной, составляютъ главную помѣху для общественной мирной дѣятельности и для разрѣшенія вопроса на основаніяхъ нравственно-отвлеченной правды?.. Если Польская шляхта *вся* обратится въ жандармовъ-вѣшателей, тогда не будетъ уже мѣста никакому Польскому вопросу, и обществу придется окончательно устраниться...

«О томъ, какимъ образомъ вѣрнѣе можно умиротворить Польскую народность, какъ съ нею ужиться, какъ ее удовлетворить въ справедливыхъ ея требованіяхъ—нѣтъ и рѣчи въ Русской литературѣ», говоритъ авторъ письма. Но гдѣ же эти *справедливыя* требованія? И такъ ли поступаютъ сами Поляки, чтобъ умиротвореніе было возможно? Мы помѣщаемъ въ

этомъ же № нѣкоторыя корреспонденціи, изъ которыхъ читатели увидятъ, какъ способствуютъ сами Поляки дѣлу умиротворенія. Могутъ ли Поляки требовать умиротворенія, когда они не допускаютъ и мысли «о преобладаніи въ Западныхъ губерніяхъ и на Украйнѣ Русской и православной стихіи»? Да вотъ что наконецъ говоритъ г. Полякъ изъ Кіева въ самомъ этомъ письмѣ: «Дайте Полякамъ въ Западномъ краѣ побольше средствъ, побольше силы; пусть народъ увидитъ, что Москали *уходятъ*, пусть будетъ возможность объяснить ему *настоящій* (?!) смыслъ Польскаго движенія — и вы увидите, что онъ станетъ на сторонѣ Польской... Въ томъ-то и заключается вся ошибка Поляковъ, что они надѣялись въ черни найти тѣ же увлеченія, такую же *любовь свободы* (?!) и такую же готовность на жертвы, какія одушевляли ихъ самихъ. Горькій опытъ разувѣрилъ ихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и научилъ многому»... Никакой другой ошибки на сторонѣ Поляковъ авторъ и не признаетъ! Очевидно, что *горькій опытъ* ведетъ лишь къ тому, чтобы достигать *той же* цѣли другими болѣе вѣрными путями. Спрашивается — какая же есть надежда на умиротвореніе въ виду такого рода воззрѣній и стремленій?

Но всего интереснѣе отзывы г. Поляка изъ Кіева объ отношеніи къ Полякамъ простого народа. Не видать изъ нихъ, чтобъ горькій опытъ раскрылъ глаза Полякамъ-Украинцамъ,—и дождутся Поляки отъ народа новаго вразумленія, новыхъ доказательствъ, если до сихъ поръ предъявленныя были для нихъ недостаточны! Въ особенности рекомендуемъ это мѣсто тѣмъ юнымъ демократамъ, которые, по странному противорѣчію, кипятъ симпатіями къ Польскому дѣлу, не зная для нихъ предѣловъ.

«Вы ссылаетесь на народъ еще и, опираясь на нерасположеніе его къ Польскимъ помѣщикамъ, приходите къ тому заключенію, что онъ не желаетъ Польскаго владычества. Это, кажется, самая сильная ваша противъ насъ улика, смотря потому, какъ вы ее стараетесь выставить всегда на видъ. Но отнеситесь ясно къ этому вопросу, и онъ вамъ предстанетъ въ другомъ видѣ... Народъ самъ заявилъ себя! говорите вы. А спросили ли вы его! понимаетъ ли онъ споръ нашъ? Созрѣлъ ли онъ для того, чтобы его понять? Это еще *самая темная, грубая фанатическая масса, которая ровно ничего не смыслитъ въ нашемъ дѣлѣ*... И мы не прочь были бы уважить народую волю и покориться ей, — но *волю разумную*, которая знаетъ, чего должна хотѣть и чего хочетъ? Если масса не обладаетъ такимъ развитымъ смысломъ, если его никто до сихъ поръ не только не раскрылъ, но портилъ,—то къ чему вся эта комедія? Какъ бы вы ни были предубѣждены въ непогрѣшимости народнаго смысла, вы не можете однакожъ придать ему безусловнаго значенія. Вамъ воспретитъ самая простая логика сдѣлать это. Итакъ, лучше опредѣлите прежде вѣрно: что онъ въ данный моментъ выражаетъ? Онъ выражаетъ *самый грубый соціализмъ*...»

Странны эти упреки въ соціализмѣ и въ возбужденіи въ народѣ соціальныхъ стремленій, когда сами Поляки фабриковали золотыя грамоты и старались разжечь въ народѣ, но безуспѣшно, соціальныя страсти— уступкою ему земли въ полную собственность!..

Не можемъ здѣсь кстати не вспомнить поэмы Польскаго поэта Красинскаго,—поэта мессіанизма, послѣдователя Товіанскаго,—Красинскаго, автора «Адской Комедіи», пользующагося такой огромной извѣстностью и

авторитетомъ у Поляковъ. Онъ дѣйствительно обладаетъ огромнымъ поэтическимъ даромъ и можетъ считаться талантливѣйшимъ представителемъ того мистическаго отношенія Польской мысли къ судьбамъ Польши, которое и теперь составляетъ едва ли не главную нравственную силу возстанія. Красинскій во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, воспѣвая подвиги шляхты, называлъ ее не иначе, какъ святою, призванною пострадать за человѣчество,—обѣтованной мессіей народовъ. Но подъ конецъ своей жизни онъ написалъ небольшую поэму въ прозѣ, подъ названіемъ «Ночь на Рождество Христово», за которую Поляки назвали Красинскаго отступникомъ, апостатомъ и которой распространенію стараются мѣшать всѣми способами, особенно же въ настоящее время... Вотъ, въ короткихъ словахъ, содержаніе этой поэмы:

На церковное празднованіе ночи на Рождество Христово стекаются всѣ католическіе народы въ Римъ, въ храмъ св. Петра. Отъ Польши приходитъ шляхта — изнуренная борьбою, израненная, изможденная, гордая, грустная и прекрасная. Приносятъ папу. Начинается богослуженіе... Но чѣмъ-то скорбнымъ, тревожнымъ полны души молящихся,—будто близокъ послѣдній часъ, будто грядетъ и уже подходитъ какое-то грозное великое событіе. Духъ захватываетъ ожиданіемъ... Все ждетъ и чаетъ... И вдругъ раздаются гулъ и раскаты подземнаго грома. Дрогнули и колыхнулись стѣны исполинскаго храма, закачались громадные столбы,—куполъ далъ трещину и осѣлъ, и всѣ народы въ неописанномъ ужасѣ бѣгутъ вонъ, вонъ изъ собора... Остаются въ храмѣ, у гробницы св. Петра, только—папа и—Польская шляхта: она не двинулась съ мѣста, она не покинула главы своей латинской церкви, она вмѣстѣ съ нимъ хочетъ погибнуть. Падаютъ, разбиваясь, столбы одинъ за другимъ, гнутся и ломятся своды,—наконецъ рухнулъ и куполъ и схоронилъ подъ своими развалинами и *папу*, и *шляхту*... И все стихло... И на развалинахъ храма св. Петра, подъ которыми погреблись и папство, и шляхта,—возстаетъ предъ смятенными взорами народовъ — Іоаннъ Богословъ... Начинается царство любви...

Итакъ, вѣщій поэтъ — возрожденіе Польши признаетъ возможнымъ только съ исчезновеніемъ католицизма или латинства и Польскаго *шляхетства*. Онъ не призналъ послѣднюю способною къ перерожденію, но на смерти шляхетства (не людей, разумѣется, а историческаго явленія) сооружаетъ новый міръ, міръ любви и братства...

Вопросы *Папскій и Польскій* тѣсно связаны между собою...

Опасно ли украйнофильство для Русскаго государства?

Москва, 25 января 1864 г.

У страха глаза велики, говоритъ пословица,—но у патріотическаго страха, порою, еще больше, прибавимъ мы... Однакоже, спроситъ читатель, патріотическій страхъ! развѣ возможно такое сочетаніе двухъ нравственныхъ явленій совершенно разнокачественнаго достоинства? Вѣдь страхъ—это здѣсь почти то же, что боязнь, что трусость: развѣ можно ска-

зать—патріотическая боязнь, патріотическая трусость? Пословица, говоря о страхѣ, у котораго глаза велики, только указываетъ на явленіе, но нисколько его не оправдываетъ; такой страхъ вовсе не есть похвальное движеніе человѣческаго духа и никакъ уже не можетъ назваться доблестью, тогда какъ съ понятіемъ о патріотизмѣ соединяется представленіе о доблести, добродѣтели, героизмѣ... Все это совершенно справедливо, но тѣмъ не менѣе, читая статьи нѣкоторыхъ нашихъ газетъ и журналовъ и письма иныхъ корреспондентовъ, невольно приходишь къ заключенію, что у насъ патріотическое возбужденіе способно порождать и порождаетъ множество патріотическихъ страховъ, напоминающихъ вышеприведенную пословицу. Происходитъ ли это отъ того, что наше общество недостаточно вѣритъ въ свои общественныя средства, или отъ того, что патріотизмъ нашъ опирается преимущественно, если не исключительно, на внѣшнюю матеріальную силу, во многихъ случаяхъ недостаточную,— не беремся рѣшить; но, какъ бы то ни было, эти страхи такъ велики, что заставляютъ иной разъ общество выходить изъ своей роли и браться за роль ему по природѣ несвойственную, вступаться въ область государственныхъ заботъ и обязанностей, обнаруживать бдительность уже чисто полицейскаго свойства. Конечно, очень мудрено съ точностью, a priori, внѣшнимъ образомъ, провести границу между патріотическою обязанностью и неумѣстнымъ, отъ излишняго усердія происходящимъ, патріотическимъ полицействованіемъ; но это разграниченіе должно указываться внутреннимъ чувствомъ человѣка, обстоятельствами, сопровождающими всякое внѣшнее проявленіе патріотической заботливости, и его послѣдствіями. Многое, вполнѣ умѣстное и нравственное въ Англіи, напримѣръ, неумѣстно и въ извѣстномъ смыслѣ безнравственно во Франціи, потому что во Франціи оно способно вызывать себѣ на помощь такую силу, привести въ дѣйствіе такой принципъ, который можетъ причинить вредъ еще большій чѣмъ то зло, которое требовало исправленія... Въ Россіи же, при извѣстномъ могуществѣ и дѣятельности государственныхъ внѣшнихъ силъ, такое патріотическое подстреканіе— въ нѣкоторыхъ случаяхъ, чисто общественнаго свойства и подлежащихъ, такъ сказать, собственно общественной юрисдикціи,—является уже совершенно излишнимъ.

На эти мысли навели насъ патріотическіе страхи нѣкоторыхъ нашихъ провинціальныхъ и непровинціальныхъ патріотовъ, публицистовъ и непублицистовъ—по поводу «революціонеровъ въ Россіи», а также разсужденія нѣкоторыхъ нашихъ газетъ о «сепаратистахъ и украйнофилахъ». Революціонеры въ Россіи, Русскіе революціонеры! Эти слова невольно вызываютъ улыбку и поражаютъ слухъ каждаго Русскаго, свободнаго отъ преувеличенныхъ страховъ, сознающаго силу и крѣпость Русской земли и Русскаго государственнаго строя, — поражаютъ какъ что-то безсмысленное и уродливое: до такой степени кажется нелѣпою мысль о возможности успѣшнаго революціонерства въ странѣ, гдѣ верховная власть опирается на испытанныя исторіей—сочувствіе и преданность 50 милліоновъ однороднаго населенія, гдѣ даже во времена крѣпостного права народъ ни разу не покусился выставить мятежное политическое знамя,—гдѣ малѣйшій признакъ государственной опасности мигомъ соединяетъ около главы государства всю землю, всѣхъ безъ различія вѣръ и состояній. Въ

такой страхъ пугать общество «революціонерами» —по нашему мнѣнію, не только неосновательно, но совершенно безтактно: безтактно именно потому, что такое дѣйствіе, возбуждая ложный страхъ, порождаетъ какъ будто сомнѣніе въ надежности нашего политическаго и соціальнаго склада, ослабляетъ вѣру въ нашу собственную земскую силу, вызываетъ мѣры, предполагаетъ опасность тамъ, гдѣ ея нѣтъ и гдѣ быть ей не слѣдуетъ. Наши такъ-называемые юные, домашніе «революціонеры» (употребляемъ выраженіе, не разъ появившееся въ печати) такъ ничтожны, такъ жалки по своему безсилію, что гораздо достойнѣе быть предметомъ патріотическаго презрѣнія, чѣмъ патріотическаго страха для Русской великой державы: это все равно, что букашки и мошки для какого-нибудь сказочнаго Русскаго могучаго богатыря, надѣленнаго такою силою, что тронетъ за руку—рука прочь, тронетъ за ногу—нога прочь... Счастье людямъ, если у такого богатыря есть сердце и совѣсть, какъ напр. у Ильи Муромца, — было бы горе, еслибъ у такого богатыря да не было сердца и молчала совѣсть! Поэтому раздражать, вызывать и подстрекать силу богатырскую призраками несуществующихъ опасностей—по меньшей мѣрѣ неумѣстно... Въ этомъ отношеніи нельзя не порадоваться иной разъ, что простой Русскій народъ свободенъ отъ вліянія патріотической благонамѣренности Русской журналистики,—и нельзя не пожелать *иной разъ*, чтобъ правительство какъ можно менѣе удостоивало вниманія *иныя* журнальныя рекламы и придавало имъ значеніе только того, что онѣ дѣйствительно есть, т. е. общественнаго свободнаго говора, а не указанія или доноса. — Еслибъ наши такъ называемые революціонеры, сепаратисты, украйнофилы и т. п. исты и филы подлежали общественному суду, то, конечно, общество съ ними бы безъ затрудненія справилось и толковать объ нихъ въ литературѣ было бы совершенно удобно,—но какъ скоро вы призываете участіе другой силы, не общественной и не литературной, то тѣмъ самымъ естественно стѣсняете и собственную вашу свободу литературнаго обсужденія.

Наши революціонеры, сепаратисты и прочія политическія партіи (?) представляютъ дѣйствительно самое жалкое и безобразное явленіе, которое было бы достойно сатиры и смѣха, еслибъ было чуждо—трагической развязки... Какъ назовете вы, читатель, напр. того человѣка, который, вздумавъ уничтожить, разрушить Московскій Кремль (слѣдовательно съ формально-юридической точки зрѣнія виновный въ *преступномъ умыслѣ*), отправляется туда ночью и преусердно начинаетъ колотить голымъ кулакомъ—ну хоть въ Ивана Великаго? Если съ формально-юридической точки зрѣнія и можно видѣть «преступное *покушеніе* къ осуществленію преступнаго замысла», то вѣдь вы, читатель, какъ не связанный этимъ воззрѣніемъ, никакъ не заставите себя взглянуть на такое дѣло строго и счесть такое *покушеніе* — опаснымъ! Вы, напротивъ, расхохочетесь, глядя на усердіе, съ которымъ человѣкъ добровольно надсаживаетъ свою руку и сдираетъ кожу съ своего кулака, признаете его сумасшедшимъ и свезете, быть можетъ, въ больницу,—или окатите его холодной водой или же просто образумите его громкимъ смѣхомъ вашимъ и созванныхъ вами пріятелей. Тверже Кремля и незыблемѣе его башенъ и колоколенъ наше государственное и общественное зданіе; неразрывно наше единство, — и напрасны усилія отдѣльныхъ личностей потрясти это зданіе и разорвать это еди-

ство—заслуживают, по нашему мнѣнію, такой же оцѣнки, презрѣнія и насмѣшки, какъ и попытка сдвинуть съ мѣста Ивана Великаго ударами голаго кулака. Попробуйте преслѣдовать этого безумца—какъ не безумца, какъ человѣка въ здравомъ умѣ и памяти, и вы только утвердите его въ мнѣніи, что его кулакъ дѣйствительно представлялъ серьезную опасность для Ивана Великаго, и что вы сами не очень-то надѣетесь на крѣпость Ивана Великаго,—и чего добраго—это мнѣніе привьется, пожалуй, и всею публикою и распространитъ въ ней страхъ, и вызоветъ ее на требованіе, чтобы приставили крѣпкій караулъ къ Ивану Великому для охраненія его отъ подобныхъ кулачныхъ покушеній, и пр. и пр.!! Да, нѣтъ ничего опаснѣе, какъ видѣть опасность тамъ, гдѣ она не существуетъ!

Но оставимъ въ сторонѣ нашихъ революціонеровъ, такъ какъ о нихъ уже давно не было толковъ въ нашей журналистикѣ, и поговоримъ о сепаратистахъ и украйнофилахъ, противъ которыхъ недавно нѣкто г. Волынецъ въ "Московскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 13) выступилъ съ обвиненіемъ весьма серьезнаго уголовнаго характера. Здѣсь мы видимъ дѣйствительную опасность, но совсѣмъ не тамъ, гдѣ видитъ ее г. Волынецъ, и не съ той стороны; мы также видимъ здѣсь Польскую интригу, но безсознательнымъ ея орудіемъ и несчастною жертвою является намъ не тотъ или другой писатель, зараженный нѣсколько сентиментальною любовью къ своему родному Украинскому нарѣчію, —а *самъ* г. Волынецъ и ему подобные... У насъ создалось мнѣніе, что въ настоящее время въ Юго-Западномъ краѣ такъ-называемый "украйнофильскій вопросъ" *важнѣе* "Польскаго вопроса" и стоитъ на первомъ планѣ. Это мнѣніе—ложное и вредное. Это мнѣніе какъ разъ на руку Полякамъ; они именно того-то и добиваются и стараются всячески пугать нашихъ патріотовъ и мѣстныя власти—призракомъ *опасности* отъ украйнофильства, съ тѣмъ, чтобы отвлечь вниманіе отъ настоящей, дѣйствительной, серьезной опасности для края, заключающейся въ Полякахъ и Польскомъ элементѣ. Нельзя не видѣть во всемъ этомъ Польской интриги и нельзя не признать, что она дѣйствуетъ съ необыкновенною ловкостью, если даже умѣла направить къ своей цѣли и извѣстный патріотизмъ нѣкоторыхъ органовъ нашей прессы, такъ ожесточенно нападающихъ на мнимую опасность сепаратизма. Малороссія доказала весною 1863 года, какъ жива въ ней старая ненависть къ Ляхамъ,—такая ненависть, питаемая мѣстными историческими воспоминаніями, о которой народонаселеніе Великорусскихъ губерній и понятія не имѣетъ; она въ три недѣли, почти безъ войскъ, съумѣла справиться съ Польскимъ безумнымъ возстаніемъ и разрушила еще въ самомъ началѣ общіе планы Польскаго мятежа. Было оффиціально засвидѣтельствовано, что войска должны были —не то, что̀ побуждать народъ къ сопротивленію Ляхамъ, но ограждать послѣднихъ отъ избытка народнаго негодованія. Самымъ надежнымъ, самымъ вѣрнымъ оплотомъ противу Польскихъ притязаній на раздробленіе Россіи—явилась, есть и будетъ Малороссія; самую существенную, на дѣлѣ, а не на словахъ,—кровью, а не фразами засвидѣтельствованную услугу Русскому единству и цѣлости (чему грозила, повидимому, опасность и что̀ возбудило такой всеобщій протестъ въ Россіи, выразившійся въ адресахъ)—оказала Малороссія, и именно за-Днѣпровская Малороссія, Кіевская, Подольская, Волынская область. Полякъ—ей старый

знакомецъ, старый врагъ,—тогда какъ для большей части Россіи понятіе о Полякѣ есть понятіе нѣсколько отвлеченное. Къ счастію нашему, мѣстный элементъ Малороссійскій съ его мѣстными историческими преданіями, мѣстною враждою къ Ляху, привязанностью и любовью къ своей родной мѣстности,—къ счастію нашему этотъ мѣстный элементъ оказался крѣпокъ, живучъ и своею мѣстною силою сослужилъ службу единству и цѣлости Руси. Выгодно ли было бы для Русскаго государства, еслибъ этотъ мѣстный элементъ ослабѣлъ, еслибъ забылись мѣстныя историческія преданія, еслибъ живая связь съ родною мѣстностью, такъ хорошо согласующаяся съ чувствомъ братскаго единства съ остальною Русью, была замѣнена однимъ только отвлеченнымъ чувствомъ преданности внѣшней государственной цѣлости имперіи? Конечно, не выгодно, объ этомъ и разсуждать нечего. Что̀ же намъ слѣдуетъ дѣлать? Намъ слѣдуетъ, даже ради государственныхъ выгодъ, укрѣплять и поднимать тотъ мѣстный элементъ, который представляетъ такую живую и единственно способную силу для борьбы съ Поляками, съ живою силою мѣстнаго же Польскаго элемента. Намъ будетъ невозможно отсюда, издали, справиться съ нравственнымъ могуществомъ полонизма, если не будетъ благопріятныхъ условій для развитія мѣстнаго *туземнаго* (а не наѣзднаго) Русскаго общества.

Поляки это поняли и употребляютъ теперь всѣ свои старанія къ тому, чтобы всячески заподозрить въ глазахъ Россіи этотъ мѣстный Русскій элементъ, чтобы вызвать съ нашей стороны мѣры, неблагопріятныя его развитію, стѣснительныя или оскорбительныя, — чтобы поссорить насъ съ Малороссами... Разумѣется, это имъ не удастся,—но въ частности, кое-гдѣ, они успѣли поставить на свою лживую точку зрѣнія недальновидныхъ мѣстныхъ начальниковъ,—и даже, можетъ быть, часть Русскаго общества. Они успѣли внести раздраженіе въ полемику объ украйнофильствѣ и сдѣлать ее даже... неудобною; они успѣли—печатно и гласно, пользуясь простодушіемъ Русскаго патріотизма и чрезъ его посредство, не только бросить на всѣхъ украйнофиловъ, безъ различія, тѣнь подозрѣнія въ сепаратистическихъ тенденціяхъ, т. е. въ стремленіяхъ отдѣлить и напугать этими тенденціями Русскую публику, но и положительно обвинить ихъ въ сепаратистическихъ козняхъ, въ содѣйствіи Польской интригѣ.—Мы съ своей стороны не отрицаемъ, что нѣсколько юныхъ головъ заражены сепаратистическими бреднями; сами по себѣ эти бредни намъ совершенно противны, но онѣ болѣе безобразны, нелѣпы, смѣшны, чѣмъ опасны; мы убѣждены, что онѣ нисколько не представляютъ серьезной опасности для единства и цѣлости Россіи, но могутъ быть очень опасны для самихъ этихъ сепаратистовъ, если только, при новомъ возстаніи Поляковъ, натолкнется на нихъ раздраженное Малороссійское населеніе. Несравненно опаснѣе, по нашему мнѣнію (а этого именно и добиваются Поляки), придавать этимъ сепаратистическимъ тенденціямъ болѣе значенія, чѣмъ онѣ заслуживаютъ, и на этомъ основаніи принимать общія мѣры, падающія не на сепаратистовъ собственно, которыхъ число слишкомъ ничтожно, а на всѣхъ такъ-называемыхъ украйнофиловъ, на все Малорусское населеніе,—мѣры, оскорбляющія въ Малороссахъ чувство, совершенно законное, любви къ родинѣ. Извѣстно, что привязанность къ прекрасной своей родинѣ составляетъ отличительную черту Малороссовъ и не покидаетъ ихъ ни при какой об-

становкѣ жизни. Кажется, ужъ никто не осмѣлится назвать автора Мертвыхъ Душъ сепаратистомъ, а между тѣмъ знавшіе его лично могутъ засвидѣтельствовать—какъ любилъ онъ свою Малороссію, Малороссійскую пѣснь, звуки Малороссійской рѣчи. Живи онъ теперь,—нѣтъ сомнѣнія, г. Волынецъ и ему подобные сумѣли бы и его заподозрить въ сепаратизмѣ, нашли бы средство оскорбить его чувство любви къ родинѣ, постарались бы воспретить ему пѣніе Малороссійскихъ пѣсенъ! Г. Волынецъ, напр., не только выражаетъ свое несочувствіе съ историческими и литературными тенденціями г. Костомарова (съ которыми и мы во многомъ не сочувствуемъ и заявляли это не разъ довольно рѣзко), но и положительно обвиняетъ г. Костомарова въ государственномъ преступленіи. Хорошо, что правительство не даетъ никакой цѣны такимъ обвиненіямъ,—и нельзя не благодарить за это, съ полною искренностью, нашего правительства,—ну, а если бы оно повѣрило такимъ обвиненіямъ?... Что тогда? Тогда бы Польская интрига восторжествовала, и г. Волынецъ создалъ бы дѣйствительную опасность—вызвавъ правительство на несправедливую мѣру, раздраживъ національныя страсти и лишивъ Русскую литературу (и насъ въ томъ числѣ) возможности вести съ г. Костомаровымъ ученую и литературную полемику объ его историческихъ и литературныхъ теоріяхъ. Какъ не понимаетъ г. Волынецъ и тѣ, которые ему сочувствуютъ, что подобныя лживыя обвиненія вредятъ самому дѣлу, которое они взялись защищать; что смѣшивать украйнофильство съ сепаратизмомъ—не совѣстливо; что пока непріятныя намъ, даже сепаратистическія тенденціи не перешли въ положительное дѣло,—литературныя сужденія о нихъ должны быть чисты отъ полицейскаго характера; что мѣры строгости, которыя они призываютъ, должны обрушиться большею частью на невинныхъ и отозваться невыгодными послѣдствіями на нашей собственной общественной жизни?.. Г. Волынцу не нравится статья, помѣщенная въ Львовскомъ журналѣ «Мета». Намъ она нравится еще менѣе, чѣмъ г. Волынцу, насъ глубоко оскорбила и возмутила корреспонденція изъ Кіева, напечатанная въ Львовскомъ же журналѣ «Слово» и перепечатанная потомъ во всѣхъ Славянскихъ газетахъ,—и признаться сказать, читая ее, мы сильно негодовали не столько на автора корреспонденціи, сколько на людей, раздѣляющихъ мнѣнія г. Волынца. Мы думаемъ, что не будь статей въ нашей журналистикѣ въ родѣ «письма о новой фазѣ нашей хохломаніи» и еще прежде этого письма появившихся,—не было бы и статьи о «становищѣ Руси» въ «Метѣ», ни корреспонденціи изъ Кіева въ «Словѣ»,—не было бы *повода* къ нимъ,—потому что не было бы повода къ нѣкоторымъ фактамъ, ни—слѣдовательно—повода къ такому раздраженію. Мы хотѣли возражать корреспонденту изъ Кіева, но, къ сожалѣнію, были затруднены въ отвѣтѣ, потому что не могли отрицать нѣкоторыхъ несочувственныхъ намъ фактовъ, вызванныхъ на свѣтъ, можетъ быть, нашею же литературою...

Читателямъ «Дня» извѣстно, что мы всегда спорили съ тѣми нашими писателями, которые старались создать особый Малороссійскій литературный языкъ, и доказывали тщету и ненужность ихъ попытокъ. Мы вели оживленную полемику съ г. Кулишемъ и съ г. Костомаровымъ и съ «Основой»—журналомъ, къ сожалѣнію, преждевременно прекратившимся. Мы и впредь будемъ неослабно спорить съ ними въ предѣлахъ литератур-

ныхъ и равнымъ оружіемъ, если только намъ не помѣшаетъ клевета и вообще неумѣстное патріотическое усердіе гг. «Волынцевъ» (Въ нынѣшнемъ же № мы помѣщаемъ статью М. П. Погодина противъ мнѣнія г. Костомарова о Дмитріѣ Донскомъ.) Мы возставали противъ историческихъ и литературныхъ убѣжденій гг. Кулиша, Костомарова и другихъ, но наша вѣра въ незыблемость Русскаго земскаго строя, въ единство Руси, основанное не на теоріи, а выработанное исторіей и зиждущееся на единствѣ духовномъ, не допускала въ насъ мѣста смѣшнымъ опасеніямъ сепаратизма, не позволяла намъ бояться, какъ чумы или огня, появленія въ свѣтъ книжекъ на Малороссійскомъ нарѣчіи. Если, какъ говоритъ г. Волынецъ, онѣ никому рѣшительно не нужны, тѣмъ лучше, тѣмъ онѣ безвреднѣе, тѣмъ скорѣе издатели убѣдятся въ безполезности своего предпріятія. Что же касается до Евангелія, то при первомъ извѣстіи объ этомъ переводѣ, мы сочли нужнымъ обратить вниманіе переводчика на самый языкъ и посовѣтовали ему избѣгать въ переводѣ вкравшихся въ Малороссійскую рѣчь полонизмовъ, а держаться ближе къ Славянскому подлиннику: но мы никогда не присоединимся къ просьбѣ, съ которою г. Волынецъ обращается къ высшему духовному начальству *не* разрѣшать Евангелія на Малороссійскомъ *нарѣчіи*. Благодаря св. Синоду, можетъ быть до милліона экземпляровъ разошлось и недавно вновь напечатано по необыкновенно дешевой цѣнѣ—Евангелія на *Русскомъ нарѣчіи*, какъ значится на обертке, —и потому, кажется, нѣтъ причины не быть ему и на *Малорусскомъ нарѣчіи*... Наконецъ, Поляки и даже самые сепаратисты, издавъ свой переводъ Евангелія гдѣ-нибудь въ Галиціи, найдутъ средство распространить его и въ Малороссіи, какъ запрещенный плодъ, и сдѣлать изъ того отказа, котораго добивается г. Волынецъ, поводъ къ новому неосновательному обвиненію Русскаго общества въ насильственно-централистическихъ дѣйствіяхъ. Пусть же наши близорукіе патріоты подумаютъ о томъ, куда они ведутъ, какіе принципы они призываютъ къ дѣйствію, какихъ мѣръ они просятъ—въ предѣлахъ своей же собственной общественной жизни,—на какой путь стараются они натолкнуть самое правительство? Но оно, разумѣется, останется глухо къ подобнымъ призывамъ...

Въ заключеніе и въ pendant къ письму г. Волынца, позволимъ себѣ привести отрывокъ изъ письма, полученнаго нами изъ Кіева отъ одного истаго Малоросса, яраго врага всякаго сепаратизма:

«Учрежденіе въ Кіевѣ братства или общества для распространенія православнаго образованія въ Юго-Западномъ краѣ дало бы Кіеву новое значеніе; но для этого надо откинуть излишнюю мнительность и недовѣрчивость. Правительство имѣетъ всѣ средства слѣдить за направленіемъ дѣятельности какъ частныхъ лицъ, такъ и тѣмъ болѣе обществъ оффиціально существующихъ, и если бы замѣтило что-нибудь несообразное съ своими видами, то всегда будетъ имѣть довольно силы, чтобы остановить это уклоненіе. Къ тому же мы, Русскіе, заслуживаемъ, кажется, нѣсколько больше довѣрія, нежели Поляки. Что касается до такъ называемой партіи украйнофиловъ, то мы находимъ въ ней достойную уваженія любовь ея къ народу и родинѣ, признаемъ нападки, которымъ она подверглась въ послѣднее время, большею частію преувеличенными, а часто и недобросовѣстными, потому что за грѣхи нѣкоторыхъ ея членовъ подвергается от-

вѣтственности все направленіе; но съ другой стороны не можемъ одобрить всѣхъ способовъ проявленія ея народолюбія, находимъ, что она не всегда достаточно цѣнитъ то, что дорого народу, не довольно поняла внутренній строй его понятій и создаетъ въ своемъ воображеніи какого-то театральнаго Украинца, вмѣсто настоящаго. Мы не раздѣляемъ также ея мнѣнія, будто въ народныхъ школахъ преподаваніе непремѣнно должно быть на Малороссійскомъ языкѣ; но протестуемъ открыто противъ всякаго литературнаго мнѣнія о стѣсненіи въ изданіи книгъ на этомъ языкѣ; мы не понимаемъ, чтобы книга могла быть вредна *не по содержанію своему, а по языку, на которомъ написана.* Такое литературное мнѣніе можетъ возбудить справедливыя сѣтованія со стороны лицъ украйнофильской партіи на преслѣдованіе языка, употребляемаго нѣсколькими милліонами ихъ собратій, у которыхъ нельзя отнять права любить его и наслажденія пользоваться имъ для воплощенія своей мысли и чувства!—Пугливое воображеніе нѣкоторыхъ рьяныхъ журнальныхъ защитниковъ обще-Русскаго единства видитъ въ изданномъ Малороссійскомъ букварѣ и нѣсколькихъ книжонкахъ для народнаго чтенія привидѣніе сепаратизма: но если бояться привидѣній, то мы скорѣе готовы видѣть сепаратизмъ въ преслѣдованіи Малороссійской письменности, ибо это преслѣдованіе можетъ поселить вражду между братьями, не существовавшую доселѣ. Не значитъ ли это, въ настоящее время, работать для Поляковъ, которые только этого и желаютъ; можно сказать, что журнальное преслѣдованіе, открывшееся въ послѣднее время противъ украйнофиловъ, толкаетъ ихъ въ Польскія объятія, распростертыя имъ со всевозможною наружною терпимостію. Мы не думаемъ конечно, чтобы вслѣдствіе такого грубаго обращенія нѣсколькихъ вліятельныхъ журналовъ, украйнофилы сдѣлались орудіемъ Польскихъ козней, почувствовали симпатію къ Полякамъ.—Это значило бы признавать ихъ совершенно не знающими духа своего народа и ведущими его на вѣрную гибель во всѣхъ отношеніяхъ; если бы нашлись таковые, то мы отвергаемъ съ негодованіемъ всякое съ ними общеніе; но мы должны сознаться, что нападки на проявленіе законныхъ требованій національнаго чувства, находящіяся въ яркомъ противорѣчіи съ воззваніями къ мѣстному Русскому историческому преданію, производятъ на насъ тяжелое впечатлѣніе. Можно ли съ одной стороны вызывать въ народѣ Южной Руси воспоминанія о борьбѣ его съ Поляками за вѣру и родину, а съ другой находить предосудительнымъ, если это воспоминаніе въ формѣ пѣсни, думы, разсказа будетъ въ печатной книжкѣ предложено ему для чтенія? Что подумаетъ любой хлѣборобъ-Украинецъ, если ему растолкуетъ какой-нибудь недоброжелатель Великорусское негодованіе за то, что иной учитель вздумалъ объяснить дѣтямъ грамоту на его материнскомъ нарѣчіи, и училъ читать по книжкамъ, на немъ написаннымъ? Да поразмыслятъ по крайней мѣрѣ объ этомъ рьяные противники украйнофиловъ, если они не чуютъ сердцемъ незаконности своихъ нападокъ и не прозрѣваютъ умомъ, что развитіе Южно-Русскаго племени въ духѣ своей народности, православія и мѣстныхъ историческихъ преданій не только не послужитъ въ ущербъ обще-Русской силы, но, напротивъ, сдѣлаетъ ей значительное приращеніе, потому что вызоветъ къ жизни и сопротивленію Польскому вліянію не только вещественному, какъ было доселѣ, а нравственному—коренное Русское

племя, связанное со всею Русью своею вѣрою, единствомъ Кіевской святыни, происхожденія и историческаго прошедшаго, но находившееся въ дремотѣ послѣднее время и не вносившее почти никакого вклада въ сокровищницу Русской жизни».

Мы вполнѣ раздѣляемъ это мнѣніе нашего корреспондента.

Чѣмъ возстановить довѣріе Русскаго народонаселенія въ Западномъ краѣ?

Москва, 1-го февраля 1864 г.

Не хорошо обстоитъ дѣло у насъ въ Юго-Западномъ краѣ... Мы говорили въ послѣдній разъ, что Польская интрига старается отвести глаза мѣстной администраціи отъ дѣйствительной опасности —призракомъ опасности мнимой, и Польскій вопросъ заслонить новоизобрѣтеннымъ вопросомъ—украйнофильскимъ. Мы не ошибаемся, къ сожалѣнію. Полученныя и безпрестанно получаемыя нами извѣстія изъ Волыни, Кіева, Подоліи, не только подтверждаютъ все сказанное нами, но и не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что опасность близка, сложна, серьезна, что съ апрѣля мѣсяца прошлаго года, т. е. со времени Польскаго возстанія, подавленнаго въ три недѣли, многое и многое измѣнилось—Полякамъ къ пользѣ и намъ къ невыгодѣ; что Польскій мѣстный элементъ не только не упалъ духомъ, не поникъ головой, не ослабѣлъ, но укрѣпился, устроился; устроился, пріосанился и раскинулъ новыя хитрѣйшія сѣти, возлагая упованіе на наше общественное безсиліе, на нашу недальновидность и на ошибки мѣстныхъ Русскихъ начальствъ. Наши слова —не патріотическій страхъ, у котораго глаза велики, а правдивая оцѣнка обстоятельствъ дѣла, — обстоятельствъ, которыя могутъ быть страшны для насъ только въ такомъ случаѣ, если мы не возьмемся за *умъ*, если мы не поймемъ, что для побѣды и одолѣнія надъ настоящими нашими врагами нужна не одна сила военная, не одно искусство административное,но и свободная дѣятельность нравственныхъ общественныхъ силъ и тотъ просторъ жизни, при которомъ легко дышется и живется, и все, какъ на свѣжемъ воздухѣ, цвѣтетъ, зеленѣетъ, движется, идетъ въ ростъ и силу.—Опасность, сказали мы въ послѣдній разъ, заключается не въ украйнофилахъ, а въ Полякахъ, въ мѣстномъ заносномъ Польскомъ элементѣ. И въ насъ самихъ, должны мы прибавить. Даже по преимуществу, если не исключительно — въ насъ самихъ, въ тѣхъ условіяхъ, которыми парализуется дѣятельность Русскаго мѣстнаго крестьянскаго и общественнаго (насколько его есть) элемента. И эта опасность важная, несравненно важнѣе шаекъ, формирующихся теперь въ Галиціи и приготовляющихся вторгнуться къ намъ на Волынь весною (а до весны уже недалеко): какъ бы ни были обучены и хорошо вооружены эти шайки (чѣмъ всю зиму, подъ надзоромъ Австріи, усердно занимались Польскіе военачальники), съ ними одними безъ затрудненія справится наше славное войско, — но дѣло не въ шайкахъ, а въ томъ, въ какой степени въ эти 10 мѣсяцевъ усилился полонизмъ и успѣла Польская пропаганда. Мы не сомнѣваемся, что Русское крестьянское населеніе, особенно тамъ, гдѣ преданія казачества еще

жизни, не стерпитъ вида вооруженныхъ Польскихъ пановъ и задастъ новый отпоръ ихъ наглому притязанію господствовать надъ святою Русью, — но нельзя не спросить себя, на что же однако разсчитываютъ Поляки, что заставляетъ ихъ отважиться вновь на такую попытку, которой безуміе, неминуемая неудача, казалось, были такъ явно и убѣдительно обличены еще въ апрѣлѣ прошлаго года? Почему наконецъ, какъ пишутъ намъ корреспонденты, не во всѣхъ мѣстностяхъ Юго-Западнаго края крестьяне одушевлены такимъ же духомъ, какъ весною 1863 года, а напротивъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ замѣтно смущеніе и недоумѣніе?

Въ самомъ дѣлѣ, читатель, не должна ли казаться и не казалась ли всегда каждому Русскому даже самая мысль о какомъ-либо посягательствѣ раздавленной Польши на колыбель Руси, на нашу Волынь, Подоль, Кіевскую область съ ея всенародной, всерусской святыней, — верхомъ безумія, болѣзненною фантастическою мечтою, — не говоря уже *о попыткѣ* къ осуществленію этихъ замысловъ?! Попытка эта представлялась намъ долго — вѣроятно, какъ и многимъ, мало-знакомымъ съ мѣстными обстоятельствами, — просто-на-просто невозможною, несбыточною... И однакоже она оказалась *возможною*, сбыточнымъ дѣломъ! Она неудалась, разумѣется, но самый фактъ этой попытки былъ въ высшей степени оскорбителенъ для Русскаго сердца. Оскорбительно уже то, что въ этомъ покушеніи Поляковъ обнаруживалось ихъ совершенное презрѣніе къ нашимъ народнымъ чувствамъ, къ нашимъ общественнымъ силамъ. Но Русское крестьянское населеніе встало и въ три недѣли справилось съ Польскимъ возстаніемъ... Казалось бы, послѣ такого яснаго свидѣтельства народной силы и народной ненависти къ Ляхамъ нечего было бы и заботиться о краѣ, нечего было бы и опасаться для него какихъ-либо новыхъ попытокъ со стороны Поляковъ: все для нихъ потеряно въ Заднѣпровской Украйнѣ, ихъ козни разоблачены, ихъ интриги обнаружены, ихъ сѣти разорваны, — нѣтъ для нихъ не только что почвы, но никакой, ни малѣйшей точки, чтобъ утвердиться... И что же: не минуло года, а вновь приходится говорить объ опасностяхъ для Юго-Западнаго края со стороны Ляховъ — не только изъ-за границы, но извнутри, объ успѣхахъ Польской пропаганды, о возрастаніи полонизма, — и даже........ о какихъ-то смущеніяхъ и недоразумѣніяхъ вчерашнихъ бойцовъ и побѣдителей — Русскихъ крестьянъ!.. Это уже вдвое, вчетверо оскорбительнѣе, — отъ этого оскорбленія кровь кидается въ голову. Какъ же это стало возможнымъ? Какъ же это случилось? Кто въ этомъ виноватъ? Что обнадежило Поляковъ, что подняло ихъ упадшій было духъ, что, наконецъ, какой злой геній съумѣлъ наиблагопріятнѣйшія для насъ обстоятельства сдѣлать худыми, и худыя для Поляковъ обратить въ благопріятныя? Какимъ образомъ можно было православное, вѣрное Руси и Русскому царю Русское крестьянское населеніе — смутить и нравственно обезсилить, какъ на это указываетъ намъ, помѣщаемое ниже въ Областномъ Отдѣлѣ, письмо изъ Волыни...?

Кто виноватъ — мы не знаемъ, по крайней мѣрѣ намъ не принадлежитъ право произносить здѣсь приговоръ о винѣ и невинности частныхъ лицъ, — но мы можемъ указать на тѣ обстоятельства, которыя виновны въ совершающемся и имѣющемъ совершиться, — на мертвенность общественнаго участія къ краю, на наше неуваженіе къ мѣстной Русской народности, къ

ея требованіямъ и запросамъ, на фальшивый гуманизмъ, превращающійся на практикѣ—въ галантерейное, въ родѣ восхваляемаго лакеемъ Осипомъ въ Ревизорѣ, обращеніе съ высшимъ Польскимъ сословіемъ и въ жестокое и грубое съ Русскимъ мужикомъ, — вообще на всю ту систему, по поводу которой происходила въ «Днѣ» такая оживленная полемика съ нѣкоторыми Кіевскими публицистами, ея защитниками... Поляки, видно, лучше насъ знали свойства и особенности этой системы, и не пріуныли духомъ, и не плошали! Поляки хорошо вѣдаютъ, что̀ имъ на руку, что̀ имъ во вредъ. Поляки обратили себѣ въ выгоду нашу бюрократическую честность и правильность, наши понятія о порядкѣ, благоустройствѣ, уваженіи къ властямъ и начальствамъ, — понятія, возведенныя въ званіе догматовъ Русскаго гражданскаго катихизиса... Наше государственное безпристрастіе, полнѣйшая, по замѣчанію В. А. Елагина, независимость у насъ государственнаго элемента отъ какихъ бы то ни было народныхъ страстей, вѣрованій, влеченій, предразсудковъ, преданій, отъ безпокойныхъ и неугомонныхъ требованій народнаго чувства,—наконецъ самая точка зрѣнія на Россію и ея населеніе— чисто государственная, а не народная, какъ на имперію, а не только какъ на Русскую землю,—все это, благодаря Польскимъ интригамъ и слабости общественнаго противодѣйствія (къ тому же и не свободнаго въ своихъ проявленіяхъ), пошло у Поляковъ въ дѣло и сослужило имъ немалую службу... Въ Юго-Западномъ краѣ установилась полная организація Польскаго такъ-называемаго народоваго жонда. Есть и „начальники мястъ", и цѣлая іерархія чиновъ, и почта, и типографія, и двѣ газеты, «Валька» и «Праца» (послѣдняя издается въ Подольской губерніи и высылается намъ въ редакцію нашими корреспондентами очень аккуратно), и революціонная полиція, и жандармы, если не вѣшатели, то отравители, и склады оружія, боевыхъ и съѣстныхъ припасовъ;— и *свои* люди на всѣхъ административныхъ путяхъ, во всѣхъ важныхъ административныхъ и стратегическихъ пунктахъ. Весна прошлаго года застала Поляковъ въ Юго-Западномъ краѣ почти неприготовленными, — въ Подольской губерніи даже и вовсе не успѣли организовать возстанія, но затѣмъ, послѣ разбитія и уничтоженія шаекъ, Поляки въ теченіе 1863 года успѣли познать свои общественныя силы... Но развѣ все это что нибудь значитъ въ сравненіи съ мощью негодующаго народа? развѣ могутъ устоять Ляхи противъ единодушнаго напора Русскаго крестьянства?..

Ничего не значитъ, и не могутъ устоять Ляхи; но вопросъ въ томъ: могутъ ли сами крестьяне вновь отважиться на такой «нелегальный» образъ дѣйствій, къ какому они прибѣгали прошлою весною, имѣя въ виду и въ памяти уроки, преподанные имъ потомъ мѣстными властями, — и тѣ послѣдствія, къ которымъ ихъ привело раздраженное народное чувство? Станутъ ли они вновь ловить и брать въ плѣнъ помѣщика, на Русской землѣ уготовляющаго успѣхъ Польскому знамени, участвующаго въ возстаніи непосредственно или косвенно, — когда этотъ помѣщикъ, вновь выпущенный на волю и сохраняющій надъ ними всѣ преимущества своего общественнаго положенія, обращается имъ въ злѣйшаго и опаснѣйшаго сосѣда, а иногда и начальника? Могутъ ли они уничтожать и разорять шайки повстанцевъ, когда они знаютъ напередъ и убѣдились нынѣшнимъ лѣтомъ, что Поляки-помѣщики, становые, посредники, полицейскіе чиновники, по-

саря, секретари, — выместятъ имъ свою неудачу, и такъ или иначе накажутъ ихъ за вѣрность своей народности и Русскому правительству? Крестьяне полагали было, что Польское возстаніе, обличая замыслы Поляковъ, положитъ конецъ ихъ господству въ краѣ, — но теперь они ясно видятъ, что ошиблись въ своемъ разсчетѣ, — что они, крестьяне, своими поступками только наживаютъ себѣ враговъ, которые ихъ несравненно могущественнѣе, — что они озлобляютъ только противъ себя тѣхъ, съ которыми имъ придется жить постоянно вмѣстѣ, отъ которыхъ, какъ отъ богатыхъ пановъ, имъ, бѣднымъ мужикамъ, можно имѣть хлѣбъ и работу; — что, наконецъ, при новой неудачѣ Польскаго возстанія паны тотчасъ же смирятся и останутся въ краѣ такими же панами, какъ были прежде, что увлеченіе Россійскаго патріотизма пройдетъ, а полонизмъ пребудетъ — только станетъ еще хитрѣе, настойчивѣе и упорнѣе! Еслибъ крестьяне въ правѣ были предполагать, что Русское мѣстное начальство одного съ ними чувства и мысли, еслибъ они ему вѣрили такъ же, какъ расположены они вѣрить Русскому Государю, еслибъ могли надѣяться на поддержку Русскаго общества и Русскихъ чиновниковъ, — то, конечно, крестьяне презрѣли бы всѣми остальными выгодами, — но, основательно или неосновательно, только этой вѣры въ нихъ нѣтъ, по крайней мѣрѣ она значительно поколеблена... Намъ разсказывали вотъ какой случай:

Въ Волынской губерніи нѣкто М., Полякъ, управляющій имѣніемъ Поляка N., не только всячески содѣйствовалъ возстанію въ апрѣлѣ 1863 года, но даже самъ сталъ въ ряды повстанцевъ и находился въ шайкѣ Ружинскаго. Когда эта шайка была разбита, М., послѣ воинскихъ подвиговъ, захотѣлъ возвратиться вновь къ мирнымъ занятіямъ управляющаго. Онъ прямо изъ шайки отправился въ уѣздный городъ, гдѣ находилось имѣніе, къ уѣздному начальнику, къ несчастію, Русскому, — который выдавалъ свидѣтельства отъ полиціи Полякамъ въ томъ, что они въ возстаніи не принимали участія..... М., добывъ таковое свидѣтельство у уѣзднаго начальника С., отправился во-свояси, въ имѣніе, но крестьяне, очень хорошо вѣдавшіе степень прикосновенности М. къ мятежу, тотчасъ арестовали его и хотѣли вести въ Житоміръ. М. предъявилъ свидѣтельство, но послѣднее такъ противорѣчило правдѣ, что совѣсть крестьянъ не позволила имъ уважить начальническую аттестацію. Тогда М. далъ знать С., а С., какъ слѣдуетъ, нагрянулъ съ командой, наказалъ крестьянъ, наказалъ больно и возстановилъ должное уваженіе къ власти!.. Надо полагать, что крестьяне впередъ не рѣшатся арестовывать М. ни въ какомъ разѣ... Этотъ случай не единственный... Конечно, правительство тутъ не виновато, а виноваты чиновники и виновато общество, которое способно порождать такихъ чиновниковъ, — и главное виновата та система безгласности, недовѣрія къ простому народу и опасенія со стороны его непокорности властямъ и начальствамъ, — виноваты тѣ условія, при которыхъ подобные чиновники могутъ расти, цвѣсти, множиться и приносить свои горькіе плоды! — Благодѣтельный указъ правительства о прекращеніи обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ также не принесъ всей ожидаемой отъ него пользы. Мы уже разсказывали о томъ, какъ большинство членовъ Кіевскаго губернскаго присутствія, несмотря на возраженіе одного изъ русскихъ членовъ, рѣшило довзыскать съ крестьянъ деньги

за все то время, въ которое они не работали на помѣщиковъ-Поляковъ, участвовавшихъ или заподозрѣнныхъ крестьянами въ участіи въ мятежѣ, и исключало только три-четыре недѣли, употребленныя мужиками на подавленіе возстанія. Намъ пишутъ теперь, что это распоряженіе не приводится въ исполненіе. Слава Богу,—но самый фактъ такого распоряженія свидѣтельствуетъ, какъ поощрительна была для крестьянъ точка зрѣнія мѣстнаго начальства!.. Мало того. Край много пострадалъ по милости возстанія Ляховъ, народъ обремененъ повинностями, и какъ бы ни расплачивались честно Русскіе воинскіе квартирмейстеры, — постой войскъ, вынужденный затѣями Польскихъ пановъ, подводная повинность, караулы, стража, все это тяжелымъ бременемъ ложится на сельское населеніе. Между тѣмъ мѣстное начальство взыскиваетъ оброки, слѣдующіе помѣщикамъ впредь до составленія выкупныхъ сдѣлокъ, взыскиваетъ или будетъ взыскивать выкупные платежи по утвержденіи выкупныхъ сдѣлокъ, — слѣдовательно съ народа будутъ дониматься наличныя деньги въ краѣ безденежномъ и въ то время, когда сельскія занятія и промыслы, какъ и торговля, разстроились, въ упадкѣ или въ застоѣ. Откуда же взять денегъ? Взять работу у пана, наняться къ помѣщику-Поляку?.. Но паны стакнулись между собою, даютъ только половину противъ прежней цѣны и постоянно напѣваютъ крестьянамъ, что еслибъ они, мужики, приняли «золотыя грамоты», то этого бы не случилось, что они предпочли Польской волѣ казенную волю, и вотъ казна и донимаетъ съ нихъ деньги... Наконецъ многіе паны, послѣ долгихъ переговоровъ, соглашаются надбавить цѣну работѣ, но съ условіемъ, чтобы мужикъ-дуракъ отнынѣ казнѣ не вѣрилъ... И страхъ беретъ мужика, и впадаетъ онъ въ горькое, горькое раздумье!..

Что̀ же намъ дѣлать? Не ложится ли на насъ всѣхъ, честныхъ, способныхъ, образованныхъ, тяжкимъ упрекомъ это мужицкое раздумье, эта горечь народнаго чувства? Не несемъ ли мы всѣ отвѣтственности за господина С. и господина Б.,—наше порожденіе, кровь отъ крови и кость отъ костей нашихъ? На Волынь! — вотъ что̀ надо. Надо всѣмъ, которые свободны, могутъ располагать собою, въ комъ живо Русское чувство и силенъ стыдъ Русскаго общественнаго грѣха, поспѣшить на Волынь, въ Подолію, въ Кіевскую область, занять мѣста мировыхъ посредниковъ и тому подобныя, и возстановить союзъ братскій, и воскресить вѣру въ Русское имя, и загладить тяжкія вины предъ тамошнимъ Русскимъ народомъ — людей, именующихся Русскими, да еще изъ «Москвы». Надо разбудить дремлющее Русское туземное, хотя и очень малочисленное общество, надо заявить наше полное признаніе всѣхъ правъ мѣстной жизни, ея обычаевъ и особенностей, надо оградить народъ и отъ Поляковъ, и отъ недостойныхъ Русскихъ дѣятелей, и отъ коварной интриги, и отъ неразумнаго усердія слѣпыхъ исполнителей воли начальства (ими большею частью непонимаемой), и отъ іезуитизма, и отъ сервилизма, — чтобъ пахнуло свѣтомъ и воздухомъ, братской любовью и правдой, и тогда оживленному Русскому народному чувству не страшны будутъ ни Галиційскія шайки, ни козни Польскихъ или ополячившихся туземныхъ Русскихъ пановъ!..

О положеніи Русскаго дѣла въ Бѣлоруссіи послѣ мятежа.

Москва, 8 февраля 1864 г.

„Изъ насъ, я думаю, не скажетъ ни единый:
„Осинѣ—дубомъ будь, иль дубу—будь осиной.
„Межъ тѣмъ какъ странны мы, межъ тѣмъ любой изъ насъ
„Переиначить міръ задумывалъ не разъ...!"

говорили мы себѣ стихами Баратынскаго, пытаясь смирить

«Души мятежъ и бунтъ законный»,

невольно возстающій при чтеніи писемъ и вообще разсказовъ нашихъ корреспондентовъ—на этотъ разъ не изъ Юго-Западнаго края, а изъ Сѣверо-Западнаго или просто Западнаго,—не изъ Кіева, Волыни, Подоліи, а изъ Минской, Гродненской, Витебской, Могилевской губерній,—и не о затѣяхъ и козняхъ Поляковъ, а о несчастномъ сцѣпленіи обстоятельствъ, замедляющемъ развязку крестьянскаго дѣла въ Бѣлоруссіи, и о неловкомъ усердіи нашихъ мѣстныхъ военныхъ чиновниковъ... Самыя благія и разумныя намѣренія главнаго начальника края парализуются, какъ намъ пишутъ, отчасти стараніями Польскихъ аристократовъ-помѣщиковъ, сильно интригующихъ въ настоящее время, но, разумѣется, *внѣ* Бѣлоруссіи, гдѣ имъ трудно бороться съ энергіею и опытностью генерала Муравьева, -отчасти же, и даже большею частью, бѣдностью тѣхъ административныхъ средствъ, которыми ему приходится располагать. Дѣйствительно, непригодность многихъ Русскихъ чиновниковъ, необходимость военнаго положенія, расплодившаго всюду въ краѣ военныхъ чиновниковъ вмѣсто гражданскихъ и по-неволѣ замѣняющаго гражданскій пріемъ управленія—пріемомъ военнымъ, нераздѣльнымъ съ употребленіемъ принудительной силы и оказывающимся не всегда удобнымъ въ примѣненіи къ крестьянскому дѣлу, — все это теперь особенно ярко выступаетъ наружу съ своими неотвратимыми послѣдствіями. Благодаря настойчивости, послѣдовательности, распорядительности и вообще мѣрамъ, принятымъ генералъ-губернаторомъ, Поляки присмирѣли до такой степени, что объ нихъ въ Западномъ (а не въ Юго-Западномъ) краѣ почти и не слышно, по крайней мѣрѣ, по общему отзыву всѣхъ оттуда пріѣзжающихъ и пишущихъ, нечего покуда опасаться тамъ отъ Поляковъ новаго возстанія или какого бы то ни было организованнаго враждебнаго дѣйствія,—и не на нихъ теперь жалуется Бѣлорусское населеніе!.. Но никакая энергія, ни даже энергія генерала Муравьева, не въ состояніи справиться ни съ бюрократическимъ зломъ, ни съ зломъ неразумія, корыстолюбія, малоспособности чиновниковъ, ни съ расположеніемъ къ неумѣстной энергіи—людей военныхъ, ни вообще съ тою системой, въ которой возросли и заматорѣли тѣ и другіе. Напротивъ того, извѣстная энергія, передаваясь въ нисходящей линіи по разнымъ ступенямъ іерархіи, плодитъ всюду энергическіе пріемы, порождаетъ нерѣдко цѣлую тучу неудачныхъ энергическихъ подражателей...

Извѣстно всѣмъ, что указъ 1 марта 1863 году былъ не только благодѣтельнѣйшимъ даромъ для крестьянъ Западнаго края, но и дальновидною

политическою мѣрой. Онъ не только заживлялъ раны сельскаго быта, но воскрешалъ въ нихъ почти уже утраченную ими вѣру въ жизнь, давалъ имъ силу жить,—жить и бороться съ латинствомъ и полонизмомъ. Извѣстно, съ какую радостью и съ какою горячею признательностью къ виновнику указа—приняли крестьяне этотъ великій даръ. Извѣстно также, что этотъ указъ, состоявшійся въ самый разгаръ Польскаго мятежа, служилъ на ту пору могущественнѣйшимъ рычагомъ къ возбужденію упавшаго духомъ крестьянства и получалъ, разумѣется, самое широкое у крестьянъ толкованіе,—за которое однакожъ въ то время съ нихъ весьма благоразумно не взыскивали... По смыслу этого указа крестьяне освобождались немедленно отъ барщины и отъ всякихъ обязательныхъ отношеній къ помѣщикамъ; правительство выкупало разомъ у помѣщиковъ весь крестьянскій надѣлъ, но сумма выкупа должна была опредѣлиться не уставными грамотами, а повѣрочными комисіями, повѣрявшими эти грамоты; до утвержденія же выкупной сдѣлки, или, вѣрнѣе, выкупнаго разсчета, крестьяне имѣли вносить помѣщикамъ оброкъ согласно съ уставной грамотой, но со сбавкою 20%. Это послѣднее условіе на первыхъ порахъ ускользало отъ вниманія крестьянъ, какъ потому, что барщинная повинность прекращалась только 1 мая, такъ потому, что до усмиренія мятежа и самому начальству казалось не совсѣмъ-то разумнымъ требовать отъ сословія, пребывшаго вѣрнымъ и смирнымъ — оброка въ пользу сословія, оказавшагося невѣрнымъ и несмирнымъ, а въ большей части своихъ представителей — измѣнническимъ и мятежнымъ. Повѣрочныя комисіи дружно принялись за дѣло и раскрыли вопіющія злоупотребленія въ составленіи уставныхъ грамотъ: не только количество земли въ натурѣ нисколько не соотвѣтствовало означенному въ грамотахъ, но и самое качество и тѣмъ болѣе цѣнность земли были показываемы иногда на 50 и 70% процентовъ выше дѣйствительной стоимости. Къ несчастію, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ повѣрочныя комисіи не нашли поддержки въ губернскихъ присутствіяхъ,—да и Польскіе паны, закрѣпивъ за собою права своего званія и упрочивъ свое общественное положеніе всеподданнѣйшими адресами о покорности, пустили въ ходъ интригу, вызвали предъ робкими умами въ Россіи небывалыя страшилища соціализма, демократизма и проч., и употребили всѣ силы, чтобъ задержать успѣшное окончаніе дѣла. Дѣло же это такого свойства, что его слѣдовало бы окончить въ срокъ по возможности самый краткій, мѣсяца въ два-три, не больше: надо было ковать желѣзо, пока оно горячо: всякій лишній мѣсяцъ проволочки вначалѣ — долженъ былъ неминуемо породить новыя и тяжелыя затрудненія впослѣдствіи.

Дѣло пошло въ оттяжку, и вотъ недѣли черезъ три свершится годъ со времени подписанія высочайшаго указа, дарующаго такое величайшее благодѣяніе Бѣлорусскимъ крестьянамъ, и крестьяне охотно бы отпраздновали его годовщину,—но высочайшій указъ еще не приведенъ въ исполненіе, благодѣтельная воля Государя еще не осуществлена!.. Выкупные проекты хотя и составлены въ значительномъ количествѣ, но, сколько намъ извѣстно, еще ни одинъ изъ нихъ не утвержденъ, выкупъ еще нигдѣ не состоялся, и крестьянъ попрежнему понуждаютъ отбывать оброчную повинность! Мы должны оговориться, что такія затрудненія въ успѣшномъ окончаніи выкупа никакъ не могутъ быть отнесены къ винѣ глав-

наго начальства края; дѣло выкупа нисколько отъ него не зависитъ,—но тѣмъ не менѣе главное начальство края поставлено въ непріятную необходимость взыскивать денежный оброкъ съ населенія вообще бѣднаго, а въ настоящее время и совершенно разореннаго и истощеннаго — отъ мятежа помѣщиковъ, пребыванія войскъ, воинскихъ повинностей и военнаго положенія. А что̀ значитъ на практикѣ взыскиваніе оброка, податей и вообще недоимокъ не чрезъ посредство какихъ-нибудь выборныхъ сборщиковъ, а чрезъ посредство полиціи, да еще военной, — читателямъ, конечно, извѣстно. И въ чью же пользу производится такое взысканіе съ православнаго Русскаго сельскаго населенія — единственнаго (эта фраза сдѣлалась теперь даже стереотипною) представителя въ краѣ Русской народности, устоявшаго противъ соблазновъ мятежниковъ-Ляховъ? Въ пользу именно этихъ мятежниковъ-Ляховъ, т. е. Польскихъ пановъ, вчерашнихъ мятежниковъ. Несмотря на то, что, по предписанію генерала Муравьева, военные уѣздные начальники и военные становые обязаны были взыскивать этотъ оброкъ «мѣрами кроткаго настоянія», усердіе и исполнительность взяли верхъ надъ кротостью, и оброкъ взыскивается съ примѣчательною энергіею, достойною лучшаго примѣненія!.. Въ Минской губерніи, напримѣръ, взыскано уже до милліона рублей оброка, и во многихъ мѣстахъ — ранѣе срока. Мы имѣемъ теперь въ своихъ рукахъ, кромѣ частныхъ корреспонденцій, и нѣкоторыя оффиціальныя данныя, какъ-то: журналы губернскихъ присутствій, вѣдомости повѣрочныхъ коммиссій, отчасти печатныя, отчасти непечатныя и пр. «Сопротивленіе крестьянъ въ волостяхъ» Р. и П., пишетъ одинъ изъ военныхъ уѣздныхъ начальниковъ, «происходитъ главнымъ образомъ отъ постоянно посылаемыхъ къ нимъ въ прежнее время эмиссаровъ революціонной партіи, умѣвшей убѣдить крестьянъ въ полномъ правѣ на владѣніе землею безъ всякой платы помѣщику, и въ оплошномъ и краткомъ толкованіи нѣкоторыми нашими начальниками отрядовъ высочайшаго указа 1 марта, дѣлавшаго крестьянъ собственниками занимаемыхъ ими земель, но — это-то и пропущено было начальниками отрядовъ — съ тѣмъ, что до утвержденія повѣрочною коммиссіею за ними земли, они обязаны вносить оброки, назначенные по уставнымъ грамотамъ». Спрашивается, чѣмъ же виноваты крестьяне, что имъ толковали «оплошно и кратко», не желая, конечно, болѣе подробными толкованіями охладить усердіе народа въ самый разгаръ мятежа,—что утвержденіе за ними земли замедлилось по причинамъ отъ нихъ, крестьянъ, независящимъ, и что они не только еще не собственники, какъ обѣщано имъ милостивымъ Царскимъ словомъ, но и не предвидятъ, когда эта милость совершится воочію и на дѣлѣ? «Въ этихъ волостяхъ приходится похлопотать», продолжаетъ г. военный начальникъ, «чтобъ разувѣрить крестьянъ въ ложности толкованій имъ разными лицами всемилостивѣйшаго манифеста 1 марта и въ полной законности *настоящихъ* требованій; не полагаю, впрочемъ, чтобъ было нужнымъ прибѣгать къ другимъ мѣрамъ, кромѣ арестованія нѣкоторыхъ личностей, высказавшихъ упорство въ понимании требованій начальства»... Но, прибавляетъ въ концѣ, добросовѣстно, г. военный начальникъ города и уѣзда, «долгомъ считаю донести, что волости Р. и П. охотно и быстро выставили ратниковъ въ сельскіе караулы и сами крестьяне этихъ деревень много

содѣйствовали къ усмиренію мятежа и постоянно выказываютъ полную преданность Государю Императору. Въ послѣднее время падежъ скота много разстроилъ ихъ хозяйство, только-что ставшее приходить въ порядокъ послѣ уничтоженія мятежническихъ шаекъ»... — Антагонизмъ между военною полиціею и мировыми учрежденіями (которыя теперь въ Западномъ краѣ наполнены Русскими), вмѣшательство первой въ кругъ власти, подлежащей послѣднимъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ военный характеръ, приданный мировой посреднической дѣятельности слишкомъ усердными и непонимающими своего призванія посредниками, — все это ставитъ крестьянъ въ самое ложное — и самое тяжелое положеніе! Напримѣръ — срокъ взноса назначенъ 1 января, но дозволено по закону вносить до 15 января; наконецъ по п. 13 правилъ о порядкѣ взноса оброковъ и по 212 ст. Мѣстн. Пол. несвоевременность взноса наказывается лишь пенею по копѣйкѣ съ рубля съ невзнесенной суммы, не прибѣгая ни къ какимъ насиліямъ. Но военная исправность, весьма похвальная во всякомъ другомъ случаѣ, — по разнообразныя побужденія, располагающія притомъ значительною матеріальною властью, окрыляемыя энергіей — распорядились иначе. Вотъ что пишетъ одинъ военный становой приставъ уѣздному начальнику: «По распоряженію г. мирового посредника В., назначенный правительствомъ съ временно-обязанныхъ крестьянъ (а другія власти именуютъ ихъ собственниками!) ввѣреннаго мнѣ стана оброкъ не можетъ быть взысканъ къ 20 числу сего декабря, такъ какъ посредникъ объявилъ крестьянамъ, чтобъ они теперь внесли часть денегъ, а послѣ Новаго года другую, о чемъ онъ будетъ ходатайствовать у начальства. Узнавши о таковомъ распоряженіи г. мироваго посредника, я вновь объѣхалъ по всѣмъ волостямъ и строго внушилъ старшинамъ и старостамъ, чтобъ оброкъ и чиншъ были непремѣнно взысканы къ 20 числу сего декабря подъ опасеніемъ строжайшей отвѣтственности, но получилъ отвѣтъ, что крестьяне за сдѣланнымъ распоряженіемъ въ уплатѣ упорствуютъ. Имѣю честь поэтому доложить, что взысканіе съ крестьянъ денегъ безъ *экзекуціоннаго* порядка не можетъ быть въ настоящее время исполнено. При этомъ не лишнимъ считаю дополнить, что сего числа крестьяне М. волости прибыли въ городъ къ г. мировому посреднику съ просьбою о разсрочкѣ платежа оброка и чинша». Экзекуціонный порядокъ — для взысканія оброка въ пользу Польскихъ пановъ въ странѣ, которая уже цѣлый годъ терпитъ военное положеніе, — надъ Русскимъ бѣднымъ населеніемъ, испытывающимъ уже и безъ того экзекуціонный порядокъ отъ непрерывающагося постоя войскъ, подводныхъ повинностей, безгласныхъ реквизицій и т. п.! Вотъ какъ понимаетъ мѣстная военная полиція волю главнаго начальника края,—мѣры «кротости и любви», рекомендуемыя генераломъ Муравьевымъ!.. Но, говоря стихами стариннаго поэта,

Языкъ любви ей непонятенъ...

Мы не можемъ дѣлать выписокъ изъ нѣкоторыхъ документовъ, не напечатанныхъ и не предназначенныхъ къ гласности, но скажемъ только, что взысканіе оброка производится настойчиво, по-военному, что выборное начало у мѣстныхъ властей не пользуется большимъ уваженіемъ и,

какъ видно изъ переписки съ губернскими присутствіями, выборные волостные старшины смѣняются иногда за то, что, при требованіи съ нихъ оброка, осмѣлились спросить посредника: «какъ же это? въ пользу мятежника-то?» А между тѣмъ, не отъ того ли, что крестьяне смотрѣли на Польскихъ пановъ какъ на мятежниковъ, такъ легко совершилось усмиреніе края!.. Крестьяне, пишутъ намъ, совершенно сбились съ толку и находятся въ странномъ недоразумѣніи... «Народъ изможденъ въ этой борьбѣ, которая происходитъ въ настоящую минуту», говоритъ нашъ корреспондентъ изъ Новогрудка. «Никто не сомнѣвался, что инсуррекція Польская будетъ подавлена. Это вздоръ, которымъ не стóитъ заниматься (но который, прибавимъ мы отъ себя, можетъ, сверхъ чаянія, имѣть однакоже большую важность, если дѣйствовать такъ, какъ дѣйствуютъ мѣстныя власти въ Юго-Западномъ краѣ): на это достаточно и четверти энергіи генерала Муравьева, но противъ нравственнаго яда, которымъ обливаетъ край латино-Польская пропаганда, до сихъ поръ не принято ни одной вполнѣ дѣйствительной мѣры. Сельскую стражу, которая могла бы поднять духъ народа, становые, исправники и мировые посредники наказываютъ, если она вздумаетъ посмотрѣть на панскій паспортъ» и пр. Мы вотъ все пишемъ, да пишемъ о Полякахъ, полонизмѣ, латинствѣ Западной Россіи,—говоритъ г. Кояловичъ въ послѣдней своей статьѣ,—но не мѣшаетъ иногда подумывать также и о Русскихъ людяхъ, уѣхавшихъ или уѣзжающихъ въ Западную Россію. Между ними, конечно, есть не мало такихъ, которыхъ благословляетъ и чтитъ Западно-Русская земля, но масса — это большею частью тѣ, о которыхъ говоритъ апостолъ Павелъ, какъ о людяхъ, которые никакъ не войдутъ въ царствіе небесное»...

Что-жъ это такое наконецъ? Общество наше, утомленное долгимъ напряженіемъ вниманія и участія къ Польско-Русскому дѣлу, радо было отдохнуть хоть по отношенію къ Бѣлоруссіи, и совсѣмъ почти успокоилось, возложивъ упованіе на энергію главнаго начальства, такъ быстро усмирившаго край, разстроившаго Польскія козни,—а тутъ оказывается, что дѣло не въ одномъ усмиреніи края, что самымъ надежнымъ сподручникомъ Польскихъ козней является тотъ же самый принципъ энергіи—конечно, не со стороны главнаго начальства, а со стороны мѣстныхъ начальствъ, что, несмотря на вѣрность, преданность, сочувствіе Россіи Бѣлорусскаго крестьянскаго населенія,— мы же, мы же сами, т. е. наши же Русскіе люди, отъ насъ исходящіе, не только не скрѣпляютъ, но раскрѣпляютъ связь края съ Россіей!.. Неужели переиначить этотъ строй, этотъ ладъ такъ же невозможно, какъ заставить осину быть дубомъ, или дубъ осиной, и совѣтъ Баратынскаго приходится признать справедливымъ? Неужели Польскій вопросъ есть роковой вопросъ для Россіи?...

Нѣтъ, онъ уже не роковой потому, что возбуждаетъ наше самосознаніе, обличаетъ на дѣлѣ и въ несомнѣнномъ для насъ свѣтѣ наши общественныя язвы,—жжетъ насъ жгучимъ стыдомъ—Богъ дастъ спасительнымъ,— мучаетъ насъ мучительнѣйшею болью. Да, больно! но можетъ быть еще не поздно, можетъ быть, и мы даже увѣрены въ томъ,—эта боль намъ на здоровье!.. Не прокаженные же мы въ самомъ дѣлѣ, не такъ уже мы испорчены и немощны,—не совсѣмъ же мы отказались отъ Русскихъ преданій и вѣрованій, не совсѣмъ же отрѣшились отъ живыхъ силъ нашей

народности и не подъ конецъ же успѣли замѣнить въ себѣ живой Русскій смыслъ — Нѣмецкими теоріями, переродившимися на Русской почвѣ!.. Да, эта боль намъ на здоровье, — но бѣда намъ и горе, если мы даже и боль чувствовать перестанемъ и отъ долгаго бездѣйствія одебелѣетъ въ насъ сердце!..

Однимъ изъ главнѣйшихъ результатовъ и благодѣтельнѣйшимъ послѣдствіемъ Польскаго мятежа—есть завоеваніе или, лучше сказать, окончательное усвоеніе Россіи Западнаго края Русскимъ общественнымъ сознаніемъ. Россія уже *знаетъ*, а этого-то знанія, къ стыду нашему, ей и недоставало,—что такое Западный край, кто въ немъ живетъ, какой народности онъ принадлежитъ, какія обязанности лежатъ на насъ въ отношеніи къ Русскому населенію Западныхъ областей? Оторвать *насильственно* отъ Россіи этотъ край—было бы теперь такъ же невозможно, какъ оторвать Орловскую, Тверскую губернію и значило бы рѣзать по живому тѣлу. Но *не* насильственно?... но преградить дѣйствіе Польскаго яда—какія мы имѣемъ на это средства?...

Мы видимъ, въ какой мѣрѣ достаточны тѣ средства, которыми располагаетъ государство и въ Заднѣпровской Украйнѣ, и въ Бѣлоруссіи! Мы видимъ, что необходима энергія не только смирительная, карательная, репрессивная, но организующая, зиждущая,—а ею-то мы и скудны, потому что она возникаетъ только органически на самородной свободной почвѣ крѣпкихъ народныхъ убѣжденій. Мы понимаемъ, что, при существующихъ нынѣ средствахъ, самыя благодѣтельныя мѣры правительства, хотя бы даже построеніе церквей и заведеніе школъ, далеко не способны приносить тѣ плоды, которые отъ нихъ ожидались и ожидаются. Мы убѣждаемся наконецъ, что самое учрежденіе братствъ и школъ частными средствами, что даже замѣчаемое, слава Богу, въ нашемъ обществѣ сочувственное движеніе въ пользу православія и народности въ Западномъ краѣ — является не болѣе, какъ простымъ сентиментальничаньемъ—тамъ, гдѣ матеріальное благосостояніе крестьянства находится въ такомъ печальномъ положеніи и гдѣ, рядомъ съ лептами, присылаемыми изъ Россіи на борьбу съ полонизмомъ, взыскивается съ крестьянъ послѣдняя лепта вдовицы — въ пользу полонизма, въ пользу Польскихъ пановъ! Да къ тому же, по выраженію г. Кропотова, «возстановленіе братствъ въ Западномъ краѣ не только не пользуется радушнымъ содѣйствіемъ со стороны Русскихъ мѣстныхъ властей, но представляется имъ чѣмъ-то опаснымъ для исправнаго дѣйствія государственной машины». Въ самомъ дѣлѣ, кажется, уже ясно доказано и разъяснено послѣдними событіями, что Польско-Русскій вопросъ требуетъ для своего разрѣшенія и Польская пропаганда для успѣшной борьбы съ нею—участія не однихъ государственныхъ, но и общественныхъ силъ: а между тѣмъ ни Виленское братство, на которое мы въ теченіе года собирали деньги, ни Серединное братство — еще не дѣйствуютъ! Гдѣ же, наконецъ, спрашиваемъ мы, тотъ узелъ, который держитъ такъ крѣпко путы, связывающія намъ ноги? гдѣ, наконецъ, корень всѣмъ этимъ затрудненіямъ, задержкамъ, останавливающимъ наше кровообращеніе?... Что парализуетъ наши мускулы, что охлаждаетъ, морозитъ, гнететъ, сушитъ, глушитъ, что мертвитъ, однимъ словомъ, наши силы, нашу общественную жизнь, при всей извѣстной «благонамѣренности и либерализмѣ» прави-

тельства, при всемъ извѣстномъ добродушіи и достаточно высокомъ уровнѣ образованія въ нашемъ обществѣ?

Безъ отвѣта на этотъ горькій вопросъ мы не найдемъ разрѣшенія ни для какихъ другихъ вопросовъ, поставленныхъ жизнью!

Крестьянскою реформой введено въ Польшу новое Славянское начало.

Москва, 5 марта 1864 г.

Развитію *Польской* народности положено надняхъ *Россіей* такое новое широкое основаніе, котораго до сихъ поръ не могла выработать вся тысячелѣтняя исторія Польши. Четыре указа, изданные 19 минувшаго февраля и вѣроятно извѣстные всѣмъ нашимъ читателямъ, объ устройствѣ крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ вносятъ новую историческую идею, вводятъ новый элементъ въ политическую и общественную жизнь Польши, доселѣ не дѣйствовавшій въ ея исторіи, — элементъ простонародный или крестьянскій.—Если Россія въ 1815 году, по собственному сознанію Поляковъ, воскресила имя «Польши», уже обреченное забвенію, уже исчезнувшее съ географическихъ картъ Европы; если, 50 лѣтъ тому назадъ,— знаменитый Костюшко съ горячею благодарностью привѣтствовалъ императора Александра I-го названіемъ «воскресителя»,—то Россія въ настоящее время имѣетъ не менѣе права на признательность Польскихъ «патріотовъ», хотя теперь и отказываетъ ей въ этомъ правѣ недальновидность современнаго Польскаго патріотизма,—хотя признательность «патріотовъ» вовсе, вѣроятно, и не входила въ соображенія Русскаго правительства при изданіи четырехъ указовъ. Не имя только Польскаго народа воскрешаетъ теперь Россія, но, расчищая отъ наносныхъ слоевъ непочатые, глубоко сокрытые въ почвѣ свѣжіе родники Польскаго народнаго духа, упрочиваетъ самое бытіе Польской народности, которому безумная, выродившаяся Польская шляхта грозила искаженіемъ и извращеніемъ, гибелью и смертью — не одною вещественною и политическою, но и духовною...

Можетъ быть въ настоящую минуту не только Поляки, но многіе изъ насъ, Русскихъ, склонны обсуживать указы 19 февраля единственно съ точки зрѣнія ближайшихъ современныхъ выгодъ и интересовъ; можетъ быть ни тѣ, ни другіе не согласятся съ нашимъ мнѣніемъ и не захотятъ признать въ благодѣтельномъ устройствѣ Польскаго простонародія какого-нибудь благодѣянія для Польской народности. Можетъ быть даже, напротивъ, и тѣ и другіе,—одни —т. е. Поляки — съ упрекомъ, другіе не безъ нѣкотораго чувства самодовольства,—станутъ усматривать въ новой соціальной реформѣ, совершающейся въ Польшѣ,—дѣйствіе чисто-государственныхъ эгоистическихъ побужденій, строгій разсчетъ государственной пользы, и уподоблять новую государственную мѣру искуснѣйшимъ и мудрѣйшимъ мѣрамъ Пруссіи и Австріи въ отношеніи къ Познани и Галиціи. Иностранныя газеты уже готовы провозгласить новыя распоряженія— своекорыстнымъ политическимъ маневромъ, прибѣгающимъ къ демократизму, какъ къ вѣрнѣйшему средству — возбудить въ краѣ соціальную

вражду, возстановить сословія другъ противъ друга, и съ помощью Польскаго крестьянства сломить Польскую шляхту, а вмѣстѣ съ нею и Польскую народность...

Мы желали бы защитить Россію и отъ этихъ несправедливыхъ упрековъ, и отъ этихъ недостойныхъ похвалъ. Намъ кажется, что для вѣрной оцѣнки историческаго событія—оно должно быть разсматриваемо само въ себѣ, совершенно независимо (во сколько это возможно) отъ какихъ бы то ни было толкованій современниковъ, непосредственно въ немъ заинтересованныхъ. Поставленное мысленно въ перспективѣ исторической дали, озираемое мысленно съ высоты исторической, освобожденное отъ всѣхъ внѣшнихъ современныхъ случайностей, оно нерѣдко представится взору совершенно инымъ, чѣмъ вблизи, въ живой исторической ежедневности,—и откроетъ въ себѣ присутствіе такой исторической идеи, которой и не подозрѣвали въ немъ современные дѣятели, и которой они, невѣдомо для себя, служили орудіемъ и выраженіемъ. Конечно, трудно предусмотрѣть съ точностью всѣ возможныя послѣдствія данной мѣры или событія въ отдаленномъ будущемъ; конечно, всѣ подобныя соображенія болѣе или менѣе гадательны и потому подвержены обману и ошибкѣ,—но, съ другой стороны, при сужденіи объ историческихъ явленіяхъ, совершающихся предъ нашими глазами, чувствуется невольная потребность поставить свою мысль внѣ потока страстей и случайностей,— стряхнуть съ нея соръ и пыль современной дѣйствительности, насколько это дано человѣку.

Кажется, едва ли уже можно отрицать въ наше время, что виною гибели Польши было неправильное развитіе ея общественнаго организма и уклоненіе ея отъ основныхъ Славянскихъ бытовыхъ и духовныхъ началъ. Не говоря уже о латинствѣ, подчинившемъ ее вліянію латинскаго — слѣдовательно не Славянскаго -міра, латинскихъ просвѣтительныхъ началъ, латинской цивилизаціи, — внутренняя исторія Польши (отчасти благодаря тому же латинству) представляетъ уродливое непомѣрное развитіе одного органа насчетъ всѣхъ другихъ,—общества—насчетъ государства и простого народа. Государство расплылось въ общество—въ шляхту; простой народъ, который во всѣхъ Славянскихъ земляхъ составлялъ и составляетъ необходимое условіе полноты общественнаго развитія, именно *какъ* простой народъ, какъ живая, непосредственная, самородная сила, подобная силѣ зерна или корня, въ организмѣ растеній,—простой народъ былъ лишенъ всякаго политическаго значенія, духовно презрѣнъ и низведенъ на степень вещественнаго матеріала. Польская шляхта не только не удостоивала признавать въ немъ присутствіе какой-либо органической силы,—не только отвергала въ крестьянинѣ его значеніе, какъ Поляка, но и его достоинство, какъ человѣка. Польская шляхта не только именовала себя «Польскими государями» (историческое выраженіе), но и «Польскимъ народомъ», «Польской націей», —и дѣйствительно, слово «Польша» — и въ исторіи, и въ жизни было тождественно съ словомъ: «Польская шляхта». Развитіе пошло въ древесину и листву, въ ущербъ корѣ и корню; вытянувшійся и почти обнаженный стволъ едва держался на отощавшемъ корню... Польшѣ грозила смерть не только политическаго бытія, но и Польской народности, и смерть эта давно уже бы совершилась, если бы въ числѣ орудій исторической кары — не было Славянской державы — Россіи.

Намъ нѣтъ дѣла до того, какъ относились къ историческимъ событіямъ современники,—думали ли они или не думали объ исполненіи своего Славянскаго призванія. Мы знаемъ и видимъ только одно: что Польша давно бы перестала существовать, давно бы и помину о ней не было, еслибъ она досталась единственно Пруссіи и Австріи, еслибъ Россія не возстановила — сначала ея политическаго бытія, а въ настоящее время — цѣльности ея расколотаго организма чрезъ оживленіе Польскаго корня, чрезъ подъемъ Польскаго простонародья. Отнынѣ Польское крестьянство является новымъ жизненнымъ агентомъ, новымъ дѣятелемъ въ историческихъ судьбахъ Польши. Польскому общественному судну, воплощенному въ образѣ легкомысленной Польской шляхты, недоставало,—говорили мы не разъ, — того груза, того упора, который не даетъ судну носиться по прихоти волнъ и вѣтровъ, —и этотъ грузъ и упоръ, этотъ сдерживающій и вмѣстѣ охранительный элементъ видимъ мы въ Польскомъ крестьянствѣ. Отнынѣ отъ самихъ Поляковъ, отъ самой Польской шляхты по преимуществу будетъ зависѣть дать стройное развитіе Польскому общественному организму. Но для этого ей необходимо признать новый соціальный элементъ не какъ враждебное, чуждое Польской жизни начало, а какъ необходимое условіе истиннаго прогрессивнаго движенія Польской народности —въ той полнотѣ и на томъ новомъ пути, какіе указываются измѣнившей Славянству Польшѣ—болѣе ея вѣрною Славянскимъ началамъ—Россіей.

«Но, — возразятъ нѣкоторые Польскіе патріоты, — мы и сами готовы были бы сдѣлать для Польскаго народа то, что дѣлается нынѣ Русскимъ правительствомъ. Мы охотно обошлись бы безъ благодѣянія, приносимаго намъ рукою иноплеменниковъ, благодѣянія, имѣющаго цѣлью привлечь на сторону нашихъ враговъ наше сельское населеніе. Вы имѣете въ виду не благо нашей страны, а пользу вашего государства. Изъ чуждыхъ намъ интересовъ вы возбуждаете антагонизмъ между нами; выгодами и льготами матеріальными вы подрываете духовную силу народности; вы подражаете примѣру Австріи, которая, облагодѣтельствовавъ крестьянъ, съумѣла тѣмъ самымъ заглушить въ нихъ чувство народности до такой степени, что Галиційскіе Польскіе крестьяне уже не хотятъ именоваться Поляками, а называютъ себя *имперцами*»... Мы глубоко сожалѣемъ о послѣднемъ фактѣ; нашему Славянскому чувству возмутительно видѣть ослабленіе Славянской народности въ какомъ бы то ни было Славянскомъ племени, тѣмъ болѣе — онѣмеченіе нашихъ ближайшихъ Славянскихъ братьевъ, — и еще болѣе —превращеніе ихъ въ Австрійцевъ — не по внѣшней только зависимости, но по мысли и сердцу: такого нравственнаго паденія Славянъ не желали бы мы никакихъ пользъ государственныхъ ради, да и ошибочны всѣ соображенія государственной пользы, какъ скоро они основаны на подобномъ извращеніи нравственнаго достоинства подданныхъ! Но совсѣмъ не то —уже явила и явитъ Россія въ своихъ отношеніяхъ къ Польшѣ, и внѣшнее сходство дѣйствій и мѣръ въ Россіи и Австріи или Пруссіи приводило и приводитъ къ результатамъ совершенно противоположнымъ.

Какой бы оцѣнкѣ ни подвергалось наше право, но вѣрно то, что историческія судьбы въ настоящее время вручили Россіи власть надъ Польшей, т. е. надъ тою частью Польши, которая только у насъ однихъ и благодаря намъ однимъ —и называется этимъ дорогимъ для Поляковъ именемъ. Что

ожидаетъ Россію и Польшу въ будущемъ, намъ неизвѣстно,—но то намъ извѣстно, что только въ Русской Польшѣ сохранились живучесть, энергія, сила Польской народности, — что Россія не обезнародила Поляковъ въ Польшѣ, благодаря высокому нравственному достоинству своего неумѣнья, своей неспособности къ тому темному государственному искусству, которымъ такъ славятся Нѣмцы и которое помогло Пруссіи обратить Познань въ Нѣмецкую провинцію... Оно же разрѣшило и Австріи воспользоваться Галиційской рѣзней 1847 г., какъ законнымъ раціональнымъ средствомъ, оправдываемымъ Нѣмецкою штатсъ-наукой. Новѣйшія мѣры, принятыя Россіей, полныя энергіи и разума, существенно отличаются, по нашему мнѣнію, отъ мѣръ Австрійскихъ и Прусскихъ. Россія вноситъ нынѣ въ бытіе Польши тотъ Славянскій элементъ, которымъ она сама такъ богата, который нигдѣ не получилъ такого развитія и примѣненія въ жизни, какъ въ Россіи,—элементъ простонародный, элементъ по преимуществу земскій,—элементъ, недостававшій Польшѣ. Мы сильно сомнѣваемся, чтобы надѣленіе крестьянъ землею и правами могло быть когда-либо совершено Польскою шляхтою съ тѣмъ Славянскимъ радикализмомъ, съ какимъ оно совершено у насъ самою Россіей, — и если такъ-называемый Польскій народовой жондъ и объявилъ въ прошломъ году рядъ распоряженій, дарующихъ крестьянамъ льготы, впрочемъ только экономическія, и все же меньшія, чѣмъ указы 19 февраля, то эти дѣйствія Польской шляхты являлись до такой степени вынужденными, не искренними, до такой степени противорѣчащими всему духу, всѣмъ преданіямъ Польской шляхты, что неспособны были внушить и не внушили ни малѣйшаго довѣрія Польскому крестьянству, да и ни въ какомъ случаѣ не могли получить правильнаго и здороваго развитія. Эти мѣры со стороны жонда носили на себѣ характеръ демократически-революціонный, пытались возбудить и возбудили бы, можетъ быть, такія демократическія страсти въ народѣ, съ которыми жондъ никогда бы и не справился и которыя окончательно погубили бы Польшу. Въ этихъ мѣрахъ, принятыхъ Жондомъ, не чувствовалось присутствія той Славянской идеи, которая, признавая и упрочивая права сельскаго населенія, давая широкое мѣсто его значенію и участію въ общественной жизни, имѣетъ характеръ по преимуществу бытовой, а не политическій, и совершенно чужда того искусственнаго и насильственнаго равенства, того грубаго, принудительнаго единообразія, котораго такъ чаютъ Французскіе деспоты-соціалисты.—Мы можемъ съ гордостью сказать, что наша крестьянская реформа 19 февраля есть продуктъ коренныхъ Славянскихъ началъ, глубоко лежащихъ въ нашемъ народномъ духѣ; что она явилась дѣломъ не только правительственнымъ, но и общественнымъ, и что она, давая новую жизнь нашему простонародному элементу и обновляя ею жизнь всего нашего общественнаго организма, въ то же время не имѣетъ ничего общаго съ началами Французскаго демократизма или соціализма. Мы сами, во сколько мы привыкли смотрѣть на явленія нашей собственной жизни сквозь призму иностранныхъ понятій, мы сами, въ этомъ отношеніи, можетъ быть еще не довольно строго цѣнимъ и разумѣемъ смыслъ нашего крестьянскаго освобожденія. Но, несмотря на всю нашу подражательность иностраннымъ теоріямъ, это освобожденіе, благодаря пребывающему въ насъ историческому и бытовому инстинкту,

совершилось самымъ своеобразнымъ образомъ — до такой степени, что иностранные политико экономы досихъ поръ не могутъ вмѣстить правду нашего соціальнаго переворота въ своемъ ученомъ сознаніи и подвести подъ него раціональныя основанія Западной науки. Крестьянское освобожденіе 19 февраля — эта наша всенародная, всемірно-историческая проповѣдь, это наше знамя, — то знамя, которое мы можемъ высоко предносить предъ всѣми иноплеменными народами, которое мы призваны внести, можетъ быть, во всѣ ближайшія къ намъ и по преимуществу Славянскія страны. И мы вносимъ его въ Польшу. Силою вещей, напоромъ внутренней исторической идеи, живущей и дѣйствующей въ насъ, мы являемся съ этою проповѣдью и къ Полякамъ, — мы не можемъ не проповѣдовать, — мы возвращаемъ Поляковъ къ тѣмъ Славянскимъ экономическимъ и бытовымъ началамъ, отъ которыхъ уже давно уклонилась Польша.

Такимъ образомъ реформа въ быту Польскихъ крестьянъ, производимая Россіей, не имѣетъ ничего общаго съ тѣми реформами, которыя произведены Австріей или Пруссіей. Она есть неизбѣжное послѣдствіе, такъ сказать эманація нашей собственной Русской реформы, и на эту связь какъ бы указываетъ и самое число 19 февраля, одинаково знаменующее свободу крестьянства въ Россіи и Польшѣ. Такъ разумѣемъ мы новыя мѣры, принятыя Россіею въ Царствѣ Польскомъ, разсматривая ихъ совершенно независимо отъ тѣхъ случайныхъ и временныхъ соображеній, можетъ быть и несогласныхъ съ нашими, которыми въ данную минуту могли отчасти руководиться наши государственные дѣятели. Эти соображенія никакъ не могутъ для насъ заслонять истиннаго историческаго смысла, лежащаго въ явленіи, ни ослабить, ни исказить его значенія. Мы убѣждены впрочемъ, что тѣ, которымъ выпало на долю приводить указы 19 февраля въ исполненіе, постараются сохранить за этою мѣрою все высокое нравственное значеніе, на которое мы указывали, и будутъ съ полной искренностью имѣть въ виду благо самой страны, поставляя именно въ этомъ — пользу, честь и достоинство Россіи. Слѣдовательно и въ этомъ отношеніи мы считаемъ упрекъ, дѣлаемый новой государственной мѣрѣ, несправедливымъ и во всякомъ случаѣ преждевременнымъ. Ослабленіе Польской шляхты въ ея политическомъ и матеріальномъ значеніи, безъ сомнѣнія, полезно въ настоящее время для Россіи, но оно еще болѣе полезно для самой Польши и для Польской народности. Оно способствуетъ прекращенію мятежа, оно не уничтожаетъ, но укрощаетъ Польскую общественную силу и возвращаетъ ее въ должныя границы, ставитъ ее въ болѣе правильныя отношенія къ Польскому народу. Простой народъ перестаетъ быть отнынѣ игрушкою, слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ шляхты и призывается къ проявленію и развитію тѣхъ силъ Польской народности, которыя въ немъ сохранились въ большей чистотѣ и свѣжести, чѣмъ въ шляхтѣ; а шляхтѣ приходится отнынѣ уже считаться съ простымъ народомъ, относиться къ нему уже не какъ къ матеріалу, не какъ къ средству, а какъ къ живой части самого Польскаго организма. Польская шляхта, лишаясь возможности помыкать Польскимъ простонародьемъ по собственному произволу, не лишается возможности сближаться съ нимъ въ правильномъ органическомъ совмѣстномъ развитіи. Польша простонародная и Славянская, т. е. та, въ которой будутъ преобладать Славянскіе элементы и народъ будетъ класть

на вѣсы свое народное изволеніе, —такая Польша можетъ быть очень непріятна Австріи и Пруссіи, но гораздо менѣе опасна для Славянской Россіи, чѣмъ нынѣшняя. Въ этомъ, конечно, есть прямая и законная польза Россіи, которая будетъ тѣмъ сильнѣе и выше, чѣмъ искреннѣе будетъ совершено исполненіе распоряженій 19 февраля, чѣмъ свободнѣе оно будетъ отъ всякой подражательности нашимъ сосѣдямъ—Нѣмцамъ.

Итакъ, крестьянская реформа въ Польшѣ обновляетъ Польшу новыми силами, давая просторъ развитію коренныхъ началъ Славянской, слѣдовательно и Польской народности,—освобождая крестьянство изъ-подъ матеріальнаго, политическаго и духовнаго гнета — искаженнаго и развращеннаго іезуитствомъ Польскаго шляхетства, — лишая это шляхетство его исключительно привилегированнаго положенія, а слѣдовательно и способовъ къ погубленію Польши и Польскаго народа, и указывая Польшѣ на необходимость стать вполнѣ цѣльнымъ и народнымъ организмомъ. Междусословный антагонизмъ такъ давно подготовленъ всей исторіею Польши, что было бы совершенно несправедливо дѣлать Русскую власть отвѣтственною за всѣ возможныя его проявленія. Напротивъ: указами 19 февраля, чрезъ удовлетвореніе справедливыхъ требованій крестьянъ, устраняется поводъ ко взаимной враждѣ между помѣщиками и крестьянами, а съ устраненіемъ вражды укрѣпляется Польская простонародная и общественная почва. Поймутъ ли это Поляки? Или ихъ горькое безуміе увлечетъ ихъ къ новой борьбѣ и сдѣлаетъ ихъ противниками крестьянской реформы? Но въ такомъ случаѣ, кто же, какъ не они, будутъ виноваты во всѣхъ послѣдствіяхъ разжигаемаго ими самими антагонизма?.. Мы не раздѣляемъ мнѣнія, что прекращеніе антагонизма между сословіями послужитъ во вредъ Россіи: мы уже выразили нашу мысль, что Россіи несравненно вреднѣе сосѣдство Польши исключительно шляхетской, нежели такой Польши, въ политическую жизнь которой вошелъ въ дѣйствіе новый элементъ — простонародный. Мы надѣемся, что новыя дѣйствія Русскаго правительства, несмотря даже на возможныя ошибки, не только не сдѣлаютъ Россію солидарною съ Австріей и Пруссіей, по современемъ, въ отдаленныхъ своихъ послѣдствіяхъ, освободятъ ее отъ всякой солидарности въ Польскомъ дѣлѣ съ нашими Нѣмецкими сосѣдями. Мы вѣримъ, что намъ никогда не удастся тотъ способъ политики, которымъ такъ послѣдовательно руководилась Пруссія въ онѣмеченіи Познани, и что окончательнымъ результатомъ мѣръ, принимаемыхъ нынѣ Россіею въ Польшѣ, будетъ не уничтоженіе въ Польшѣ Польской народности, какъ хотятъ думать нѣкоторые, — но возрожденіе Польской народности, въ правильномъ и стройномъ развитіи, чрезъ призваніе къ жизни трехъ съ половиной милліоновъ Польскихъ крестьянъ — Польской шляхтою заживо погребенныхъ, но къ счастію Польши еще не задохнувшихся въ своемъ политическомъ гробѣ...

О братствахъ въ Западномъ краѣ.

Москва, 14 марта 1864 г.

На этотъ разъ мы снова поведемъ рѣчь о братствахъ... Пощадите! воскликнуть, можетъ быть, нѣкоторые изъ нашихъ читателей: развѣ не довольно уже было вами объ этомъ говорено и толковано? надо разнообразить вопросы... Нельзя же твердить все объ одномъ и томъ же. Вѣдь это наскучитъ наконецъ!.. Наскучитъ?! Да развѣ вопросы поднимаются и разсматриваются ради удовольствія и пріятнаго препровожденія времени? Наскучитъ! Ну и скучайте! но скучайте не тѣмъ, что вамъ приходится читать все объ одномъ и томъ же,—а тѣмъ, что вопросъ продолжаетъ торчать въ жизни неразрѣшеннымъ, становится поперекъ дороги; вините въ томъ не газету, которая имѣетъ задачею отражать въ себѣ вѣрно, какъ въ зеркалѣ, современное положеніе дѣлъ, — а жизнь, обстоятельства, ваше собственное общественное безсиліе, неспособное добиться жизненнаго разрѣшенія вопросу!.. Наскучитъ! въ томъ-то и бѣда наша. На возбужденіе вопросовъ мы всѣ очень падки, вопросовъ у насъ несмѣтное множество,—у насъ выросъ цѣлый лѣсъ вопросовъ, такъ что запутаться можно, а отвѣтовъ?.. Да почти никакихъ, или очень мало. Мы разумѣемъ такого рода отвѣты, послѣ которыхъ уже нѣтъ мѣста вопросу, которые упраздняютъ вопросъ и переходятъ въ общее достояніе, какъ сложившееся убѣжденіе. Но у насъ, хотя говорятъ и горячатся сначала очень много,—рѣдко до чего-либо договариваются. Было бы чрезвычайно полезно, если бы кто-либо взялъ на себя трудъ слѣдить за постепеннымъ движеніемъ и развитіемъ вопросовъ, у насъ возникающихъ,—за полемикой, ими вызываемой, и къ концу года подводилъ итоги, отмѣчалъ окончательные выводы или по крайней мѣрѣ предѣлы, до которыхъ дошла разработка каждаго вопроса въ общественномъ сознаніи. Это было бы важно не только по отношенію къ такъ-называемымъ общественнымъ вопросамъ, но и къ вопросамъ чисто научнымъ, и дало бы, можетъ быть, другой характеръ всей нашей публицистической дѣятельности. Теперь же у насъ, обыкновенно, дѣло происходитъ такимъ образомъ: Какой-нибудь органъ печати возбуждаетъ «вопросъ» (это слово у насъ въ большомъ ходу и чести, — какъ будто вопросъ самъ по себѣ, безъ отвѣта, что-нибудь значитъ!). Сначала идетъ и тянется очень долго періодъ привѣтствованія: журналисты и публицисты расшаркиваются передъ вопросомъ съ отличнымъ уваженіемъ, — всѣ единодушно соглашаются въ томъ, что вопросъ серьезенъ и важенъ, всѣ, упоминая о вопросѣ, точно будто снимаютъ шляпу, какъ Англичане, говоря о своей королевѣ,—и... и... очень часто все дѣло на этомъ одномъ и заканчивается!.. никто не сознаетъ въ себѣ довольно силъ, не испытываетъ достаточно могучихъ побужденій, чтобъ взвалить вопросъ на свои плечи и донести его до конца: отзывъ о вопросѣ скоро обращается въ общее пошлое мѣсто, а вопросъ, пріятно пощекотавъ нервы читателей, приправивъ, будто раздражительною пряностью, просвѣщенный, духовный кормъ публики, вдругъ испаряется. Всего же чаще бываетъ такъ, что вопросъ—до пресыщенія публики аттестуемый

важнымъ, жизненнымъ, современнымъ и въ самомъ дѣлѣ имѣющій всѣ эти свойства, дѣйствительно подвергается сначала живой, почти страстной разработкѣ и вызываетъ къ бытію множество статей и статеекъ, обыкновенно начинающихся такъ: «къ вопросу о томъ-то»... Но вниманіе общества, для котораго такое дѣло, къ несчастію, представляется по больше части только пріятнымъ препровожденіемъ времени, умною игрою въ вопросы и отвѣты, а вовсе не жизненнымъ дѣломъ, вниманіе общества скоро утомляется, охладѣваетъ, и вопросъ—не разрѣшенный—сходитъ со сцены, сдается въ архивъ или же—правительству на окончательное разрѣшеніе! Это разрѣшеніе бываетъ иногда противоположно тому, котораго чаяла или желала, можетъ быть, публика, но она въ такомъ случаѣ пожимаетъ плечами или сваливаетъ вину на правительство, но рѣдко обращается съ обвиненіемъ къ самой себѣ. Безспорно, главною виною всему наша апатія, наша лѣность, отсутствіе въ насъ крѣпкихъ и твердыхъ убѣжденій, или, вѣрнѣе сказать, безсиліе того духовнаго и нравственнаго снаряда, который не только вырабатываетъ цѣльныя убѣжденія, но и выводы отвлеченной мысли закаляетъ, въ сознаніи, до степени нравственнаго непреложнаго долга, обращаетъ ихъ въ плоть и кровь человѣка. Но не во всемъ однакожъ виновато и само общество. Едва ли можно не отнести часть вины и на тѣ историческія условія, благодаря которымъ оно отвыкло смотрѣть на себя и на свое слово серьезно, или, лучше сказать, еще не привыкло само въ себя вѣрить,—какъ прапорщикъ, надѣвъ эполеты, еще долго не вѣритъ, что онъ офицеръ,—или мальчикъ, повязавшій галстукъ, что онъ уже дѣйствительно, точно и несомнѣнно—молодой человѣкъ! Когда же въ обществѣ нѣтъ достаточной вѣры въ себя, нѣтъ живого сознанія своей силы, тогда, конечно, всѣ общественные интересы и его участіе въ нихъ низводятся для него на степень пріятной и умной забавы,—не больше. Намъ могутъ указать, въ видѣ возраженія, на ходъ крестьянскаго вопроса въ Россіи. Но это не будетъ возраженіемъ: здѣсь дѣло шло о такихъ существенныхъ интересахъ, которые для дворянства были личнымъ вопросомъ, чуть-чуть не вопросомъ жизни и смерти; къ тому же самый способъ разрѣшенія вопроса, принятый правительствомъ, давалъ значимость общественному слову: слово переставало быть празднымъ, оно могло быть примѣнено къ дѣлу, вести къ послѣдствіямъ, и потому сдѣлалось вѣско. Изъ всѣхъ способовъ разрѣшенія вопросовъ у насъ въ Россіи этотъ способъ самый удобный и вѣрный,—и мы можемъ только жалѣть, что онъ не былъ приложенъ къ разрѣшенію другихъ нашихъ вопросовъ,—что не была употреблена въ дѣло та общественная сила, которою съ такимъ благомъ для Россіи съумѣло воспользоваться правительство въ крестьянской реформѣ. Изъ этого однако же не слѣдуетъ, что общество въ правѣ молчать, какъ скоро его не спрашиваютъ, не обязано добиваться само для себя, для своего общественнаго сознанія, разрѣшенія другихъ, если не столько, то все же немаловажныхъ и все же общественныхъ вопросовъ, или же можетъ дозволить себѣ относиться равнодушно ко всѣмъ тѣмъ вопросамъ, которые не касаются непосредственно дворянскаго интереса, или не грозятъ грубою внѣшнею опасностью существованію государства. Укажемъ хоть на вопросъ объ улучшеніи быта духовенства. Сотни статей появлялись объ немъ въ печати, и что же? Не добившись и не дождавшись результата,

публика, повидимому, уже расположена скучать этою задачей, важность которой, однако, была хоромъ провозглашена всѣми! Вопросъ о духовенствѣ начинаетъ сходить съ литературной арены,—разрѣшается внѣ общественнаго участія и вниманія!.. Къ добру ли это?..

Поэтому, какъ бы ни сердились на насъ читатели, мы считаемъ своею непремѣнною обязанностью повторять и повторять обществу настойчиво и безъ устали—о необходимости самыхъ напряженныхъ усилій къ преодолѣнію его исторической апатіи... Есть вопросы, которые не могутъ быть разрѣшаемы никакою законодательною формулой, которые принадлежатъ къ сферѣ исключительно общественной, а не правительственной, и которые поэтому никакъ не должны выпалиться изъ рукъ общества.

Знаютъ ли у насъ, напримѣръ, что Поляки въ Западномъ краѣ, хорошо изучивъ натуру Русскаго человѣка, нисколько не унываютъ, а ждутъ, отложивъ теперь всякія надежды на успѣхъ вооруженнаго возстанія,—терпѣливо ждутъ той минуты, когда общество утомится отъ непривычной ему напряженности умственнаго вниманія и сердечнаго участія и, не видя прямой, осязательной опасности, спуститъ свой духовный строй на нѣсколько степеней ниже, не захочетъ долѣе утруждать свою голову головоломнымъ Польскимъ вопросомъ, и если не махнетъ совсѣмъ рукой, такъ по крайней мѣрѣ значительно ослабитъ силу своего нравственнаго на Поляковъ напора?.. Борьба поведется тогда уже вялая, недружная, и общество, которое теперь, благодаря журналамъ и газетамъ, такъ зорко слѣдитъ за всѣмъ, что̀ совершается въ Западномъ краѣ, будетъ пропускать мимо, безъ прочтенія, тѣ столбцы и страницы, на которыхъ помѣщены извѣстія изъ Западныхъ областей, общество отстранится и предоставитъ правительству дѣйствовать одному, какъ тамъ оно знаетъ... Этого-то и ждутъ Поляки! и по ихъ соображеніямъ, такая минута должна наступить скоро... Самымъ опаснымъ, самымъ неожиданнымъ для нихъ врагомъ явилось въ прошломъ году Русское общество: чего же лучше для нихъ, если этотъ врагъ, не докончивъ дѣла, захочетъ успокоиться на лаврахъ и отдалиться! Теперь, по крайней мѣрѣ, всѣ интриги и козни Поляковъ оглашаются немедленно на пространствѣ всей Россіи, возбуждаютъ общественное негодованіе, и негодованіе это, въ свою очередь, служитъ для правительства подпорою, побужденіемъ и указаніемъ: что̀ же можетъ быть для Поляковъ выгоднѣе такого расположенія духа въ Русскомъ обществѣ, при которомъ самое оглашеніе сдѣлается безсильнымъ, а потому и ненужнымъ, а потому вскорѣ должно будетъ и совсѣмъ прекратиться, хотя козни и интриги Польскія нисколько отъ того не прекратились и не прекратятся, а, напротивъ, возобновятся съ удвоенною силою?! Не глумятся ли ужъ и теперь надъ «Днемъ» нѣкоторые его собраты по журналистикѣ за то, что онъ такъ много отводитъ мѣста на своихъ страницахъ корреспонденціямъ изъ Западнаго края Россіи? Не позволяютъ ли себѣ и сами читатели скучать иногда разсказами о страданіяхъ и борьбѣ нашихъ Западно-Русскихъ братьевъ? Но мы предупреждаемъ таковыхъ читателей, что не намѣрены нисколько поблажать ихъ вкусу къ развлеченіямъ и перемѣнамъ, и какъ въ вопросѣ о Западномъ краѣ, такъ и по другимъ вопросамъ, будемъ постоянно докучать обществу нашими напоминаніями о томъ, что̀ мы считаемъ его обязанностью и призваніемъ

Такъ возвратимся же къ началу нашей рѣчи,—къ братствамъ. Братства при церквахъ Западнаго края имѣютъ огромную важность, или, лучше сказать, могутъ ее имѣть (они только что возрождаются), если будутъ поддержаны сочувствіемъ нашего Русскаго общества, если не встрѣтятъ въ своемъ развитіи препятствій, возбуждаемыхъ ревнивою подозрительностью мѣстныхъ начальствъ... Неужели еще нужно кому-нибудь разсказывать въ Россіи о томъ, что въ Западномъ краѣ ни среднее, ни высшее землевладѣльческое, слѣдовательно независимое, обезпеченное и образованное сословіе, не принадлежатъ къ Русской народности; что единственными ея туземными представителями—простой народъ и духовенство; что существеннымъ признакомъ Русской народности среди ополяченныхъ, т. е. окатоличенныхъ туземцевъ, служитъ православное вѣроисповѣданіе; что, кромѣ правительства, самымъ вѣрнымъ и надежнымъ оплотомъ Русской народности въ томъ краѣ—православная церковь? Другой общественной силы тамъ нѣтъ. Слѣдовательно, не ясно ли какъ день, что то сближеніе тамошняго Русскаго простонародья съ церковью, съ духовенствомъ приходскихъ сельскихъ храмовъ,—та солидарность интересовъ народа и церкви, которая выразилась въ возобновленіи древняго учрежденія братствъ—есть величайшее благо для Русской народности и для православія,—благо, которому должна отъ всей полноты сердца радоваться и содѣйствовать какъ вся остальная православная Русская земля, такъ и все православное Русское государство? Въ самомъ дѣлѣ, не призваны ли эти братства, эти мелкіе приходскіе центры мѣстной народной земской жизни, укрѣпить народную почву и духъ православія, ослабѣвшій было во времена уніи, при бездѣйствіи и уничтоженіи братствъ? Впрочемъ—все это такъ очевидно, что и доказывать этого, казалось бы, нѣтъ никакой надобности. Едва ли между Русскими можетъ найтись такая особа, которая бы не понимала всей пользы братствъ для Западнаго края, а стало быть и для всей Россіи,—всей выгоды этого учрежденія даже для Русскихъ государственныхъ интересовъ,—всей противности его интересамъ Польской народности,—слѣдовательно и всей необходимости предоставить этимъ церковнымъ братствамъ полнѣйшій просторъ въ ихъ развитіи?..

И однако же находятся! Чего не находится въ Россіи?... Намъ самимъ—повѣрять ли этому читатели?—приходилось спорить съ иными, да и корреспонденты наши указываютъ на нѣкоторыхъ господъ, которые утверждаютъ: что эти братства могутъ будто бы стѣснять и затруднять дѣйствія власти консисторскаго начальства; что участіе прихожанъ въ дѣлахъ мѣстной церкви нарушаетъ будто бы порядокъ церковнаго бюрократизма; что необходимо подчинить эти братства оффиціальному начальственному контролю,—что сочувствіе Русскаго общества и его стремленіе записываться въ братства, равно какъ и основывать братства для содѣйствія народному просвѣщенію, развиваютъ въ Россіи силу общественности—чего никакъ допускать не слѣдуетъ—и какъ будто упраздняютъ силу правительственную, которая—прибавляютъ они съ глубокомысленнымъ видомъ, съ важностью, по-истинѣ комическою—никакъ не можетъ уступать обществу своихъ правъ и обязанностей!!! поэтому, твердятъ они въ заключеніе, надлежитъ всенепремѣнно издать для братствъ разные указы, регламенты, уставы и прочія стѣсненія. Мы надѣемся, что правительство, въ своей му-

дрости, не повѣритъ ни этимъ низкимъ клеветамъ на братства, ни этимъ недостойнымъ обвиненіямъ, направленнымъ на Русское общество, въ которомъ, напротивъ, оно всегда находило опору для всѣхъ своихъ благихъ начинаній; что правительство не позволитъ этимъ непрошеннымъ ревнителямъ порядка, этимъ врагамъ всего живого, —разстраивать благое дѣло возрожденія и утвержденія Русской народности и православія въ Западномъ краѣ и охлаждать къ нему сочувствіе остальной Россіи. А охладить и разстроить очень не трудно: чтобъ парализировать любое честное общественное предпріятіе, достаточно внести въ него духъ оффиціальности, бюрократизма и формализма. Эта печальная Русская истина не требуетъ доказательствъ. Приведемъ кстати здѣсь наши же слова, сказанныя недавно по поводу одного проекта: «Ошибаются тѣ, которые воображаютъ, что въ дѣлѣ духа можно орудовать духомъ, какъ внѣшнимъ служебнымъ средствомъ, состоящимъ въ полномъ распоряженіи начальства... Горѣлъ бы духъ, а средства найдутся» (а ничто такъ скоро не тушитъ пламени духа, какъ вмѣшательство внѣшней оффиціальной силы въ его область)... «Безъ чистаго, искренняго, вполнѣ самостоятельнаго дѣйствія духа не поможетъ никакое обиліе средствъ... Но у насъ, къ сожалѣнію, еще мало уважается духъ, еще постоянно думаютъ обойтись безъ него посредствомъ бюрократіи и регламентаціи, еще очень склонны вносить элементъ чиновническій въ сферу духовной и вообще общественной дѣятельности, несмотря на постоянныя указанія опыта: какими неудачными и мертво-рожденными явились у насъ до сихъ поръ всѣ подобныя предпріятія!» Поэтому мы сильно боимся, чтобы не случилось того же и съ церковными братствами, съ этимъ живымъ, свободнымъ проявленіемъ народной духовной силы, если они (чего Боже сохрани!) будутъ подвергнуты какому-либо стѣсненію—въ духѣ еще господствующаго у насъ, къ несчастію, церковнаго бюрократизма. Да и участіе общества тотчасъ же остынетъ, какъ скоро братства получатъ характеръ оффиціальный или казенный.

Но это, конечно, не случится... по крайней мѣрѣ не должно случиться. Несостоятельность однихъ административныхъ средствъ къ разрѣшенію Польскаго вопроса въ Западномъ краѣ, къ возрожденію и укрѣпленію въ немъ духа Русской народности, дѣло до такой степени очевидное и доказанное всѣми послѣдними событіями, что само правительство ищетъ себѣ содѣйствія и опоры въ Русской общественной силѣ и надняхъ разрѣшило Министерству внутреннихъ дѣлъ открыть подписку по всей имперіи для сбора пожертвованій въ пользу храмовъ Западнаго края. Но для того, чтобъ эта подписка была успѣшна, надобно, чтобъ благотворительность, какъ общественная сила, была свободна въ своихъ проявленіяхъ, а она можетъ тотчасъ изсякнуть, если ей будутъ закрыты всѣ пути, кромѣ оффиціальныхъ; надобно, чтобъ сочувствіе къ положенію Русской народности въ Западномъ краѣ не угасало, а горѣло свободнымъ пламенемъ; но это пламя такого свойства, что способно тотчасъ угаснуть, если будетъ имѣть для горѣнія мало простора и воздуха! Никакая подписка не замѣнитъ живительнаго дѣйствія братствъ, не поможетъ сближенію Русскаго общества съ Западнорусскимъ народомъ въ такой степени, какъ сближаютъ ихъ непосредственныя сношенія между братчиками изъ всѣхъ концовъ Россіи и церковными братствами при сельскихъ храмахъ Украйны и Бѣлоруссіи! Напро-

тивъ, только при полной свободѣ этихъ сношеній можно надѣяться на развитіе благотворительнаго чувства вообще, слѣдовательно и на успѣхъ подписки. Всякое же оффиціальное стѣсненіе свободному учрежденію и дѣятельности братствъ будетъ имѣть самыя вредныя послѣдствія какъ для новой, возникающей тамъ живой общественной силы, такъ и вообще для отношеній къ Западно-Русскому краю нашего Русскаго общества.

Есть люди, для которыхъ, по выраженію одного недавно умершаго писателя, «жизнь есть бунтъ, а смерть порядокъ». Такіе люди всего опаснѣе для насъ въ настоящую минуту, когда сила порядка оказывается несостоятельною и когда угнетающій насъ недугъ омертвѣнія можетъ быть исцѣленъ только могучимъ приливомъ, избыткомъ жизни. Такіе люди, между прочимъ, ревниво и подозрительно смотрятъ на проявленіе въ нашемъ обществѣ той нравственной силы, которая въ прошломъ году сослужила такую великую службу государству и которой предназначено окончательно одолѣть Польскія козни въ Западномъ краѣ, подвигнувъ въ немъ къ жизни и творчеству уцѣлѣвшій кладъ Русскаго народнаго духа. Такіе люди въ сущности злѣйшіе враги Россіи, хотя часто не вѣдаютъ, что творятъ! Да хранитъ Богъ Россію отъ такихъ людей, а вы, читатели, продолжайте записываться въ церковныя братства Западной Россіи и помните, что вопросъ Польскій въ Западномъ краѣ еще далеко не рѣшенъ, что успокоиваться еще рано, что скучать этимъ дѣломъ грѣхъ, — великій грѣхъ предъ Русской землею, и что историческая отвѣтственность за правильное разрѣшеніе вопроса лежитъ вовсе не на одномъ правительствѣ—чего бы хотѣлось, можетъ быть, многимъ лѣнивцамъ—а преимущественно, если не исключительно, на васъ—на насъ на всѣхъ!...

По поводу слуха о водвореніи іезуитовъ въ Россіи.

Москва, 4-го апрѣля 1864 г.

Наша статья въ 12 № «Дня», по поводу слуховъ о іезуитахъ, возбудила довольно сильные толки въ Санктпетербургѣ и даже вызвала оттуда положительное опроверженіе, основанное на свѣдѣніяхъ, «собранныхъ отъ лицъ *оффиціально* знакомыхъ со всѣмъ касающимся этого дѣла». Это опроверженіе, присланное намъ въ формѣ статьи, мы находимъ удобнѣйшимъ предложить теперь же вниманію нашихъ читателей, а вмѣстѣ съ тѣмъ приносимъ искреннюю благодарность автору за то, что, считая согласно съ нами предположеніе о іезуитахъ «неправдоподобнымъ», онъ призналъ однако же не излишнимъ — скрѣпить таковое мнѣніе о неправдоподобности довольно пространными доказательствами... Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни легковѣрна наша публика, но нельзя не сознаться, что этому легковѣрію бывали иногда и причины, и что чуть ли не съ каждымъ поѣздомъ желѣзной дороги привозятся въ Россію изъ Санктпетербурга вѣсти и слухи не менѣе, если не болѣе удивительные, чѣмъ сплетни о іезуитахъ, —но остающіеся безъ опроверженія... Полна чудесъ Русская земля—поютъ наши поэты, и они правы. Но, опровергая молву, повторенную въ 12 № нашей газеты, почтенный

авторъ статьи, помѣщаемой ниже, оставилъ, къ сожалѣнію, безъ вниманія слухи, напечатанные въ 11 № той же нашей газеты. Если же однако «предположеніе» о допущеніи въ Россію іезуитовъ, по его словамъ, показалось «всѣмъ здравомыслящимъ людямъ, какъ и редакціи «Дня», совершенно несбыточнымъ, дикимъ и безобразнымъ», — то, смѣемъ его увѣрить, не менѣе странными, хотя и болѣе сбыточными, показались намъ тѣ слухи насчетъ братствъ въ Западно-Русскомъ краѣ, которые довольно обстоятельно изложены въ упомянутомъ 11 № «Дня». Если, употребляя выраженіе автора, «подобная мысль (объ іезуитахъ), при малѣйшемъ вѣроятіи ея осуществленія, должна была задѣть за живое каждаго Русскаго, кому дорого благоденствіе своего отечества», то конечно и мысль о мѣрахъ, предлагаемыхъ относительно братствъ нѣкоторою частью Петербургскаго общества, одна мысль эта —такого рода, что «при малѣйшемъ вѣроятіи ея осуществленія» также—не менѣе сильно — «задѣваетъ за живое каждаго Русскаго, которому дорого благоденствіе отечества». Мы были бы очень признательны автору, еслибъ онъ съ такою же рѣшительностію опровергъ слухи о братствахъ и съ равною же смѣлостью заклеймилъ эти слухи названіемъ «нелѣпыхъ» и, пожалуй, еще энергичнѣйшими эпитетами...

Если сообщенные нами въ 11 № толки кажутся почтенному автору переданными не съ тою опредѣленностью и яркостью, какъ молва о водвореніи іезуитовъ, то мы позволимъ себѣ разсказать ему сущность этихъ толковъ съ нѣкоторыми новѣйшими подробностями, недавно нами услышанными. Автору, конечно, извѣстно все значеніе *братствъ*, нѣкогда существовавшихъ, отчасти еще существующихъ и вновь воскресающихъ изъ развалинъ—при православныхъ храмахъ, городскихъ и сельскихъ, Западно-Русскаго края. Въ періодъ опасностей, грозившихъ православію отъ латинства, эти братства оказали громадныя услуги дѣлу вѣры и народности, смыкая плотнѣе ряды защитниковъ, скрѣпляя тѣснѣйшею связью интересы народа и церкви... Когда побѣдило латинство, когда высшее сословіе землевладѣльцевъ,—которымъ естественно должно было бы принадлежать патронатство надъ братствами,—измѣнило православію, окатоличилось и ополячилось, —только въ нихъ, въ этихъ братствахъ, въ этихъ мелкихъ народныхъ центрахъ, еще теплился огонекъ вѣры, еще тлилась искра народной Русской жизни. Даже при господствѣ насильственно водворенной уніи братства, подъ видомъ вѣрности уніатскимъ обычаямъ, тщательно берегли преданія и обычаи православія и охраняли ихъ отъ вторженій католицизма. Латинское духовенство, іезуиты, Польскіе паны—употребили всѣ могучія средства, которыми располагали, къ уничтоженію этого древняго непріязненнаго имъ учрежденія; они сломили братства: Виленское, Львовское и другія, не менѣе знаменитыя; но братства въ селахъ, по самому своему малому и невидному объему, спаслись отчасти отъ разрушенія и продолжали существовать до настоящей поры, храня въ себѣ залогъ жизни для лучшаго времени: широкій потокъ обмелѣлъ до размѣровъ ручья, еле-еле пробирающагося по каменистой ложбинкѣ, —но, слава Богу, не изсякшаго, но, слава Богу, еще способнаго стать снова полноводной рѣкою. Древняя до-Петровская Русь вполнѣ понимала значеніе братствъ: уступая вновь Польшѣ свои завоеванія въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, царь Алексѣй Михайловичъ требовалъ отъ Рѣчи Посполитой сохраненія правъ и всяческихъ свободъ пра-

вославнымъ церковнымъ братствамъ,—и эта статья внесена въ точныхъ и опредѣлительныхъ выраженіяхъ и въ трактатъ 1686 г., заключенный Россіею съ Польшей при царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, въ малолѣтство Петра. (Полн. Собр. Законовъ, т. II, № 1186, п. 9). Такъ отнеслось Русское правительство къ братствамъ 178 лѣтъ тому назадъ. Когда Польское возстаніе прошлаго года раскрыло глаза Русскому обществу и освѣтило яркимъ свѣтомъ сѣть интригъ, козней и разнообразнѣйшихъ опасностей, опутавшихъ Русскую народность въ Западныхъ нашихъ губерніяхъ; когда оно убѣдилось, что между туземцами Литвы и Бѣлоруссіи—вѣрнымъ вѣрѣ и народности остается одинъ простой народъ —сирый, бѣдный, слабый, забитый, постоянно совращаемый Польскимъ панствомъ и латинскимъ духовенствомъ, но не совратившійся, хотя уже почти изнемогающій въ борьбѣ,— Русское общество съ горячимъ сочувствіемъ протянуло ему руку участія и помощи. Изъ всѣхъ концовъ Россіи люди достаточные стали записываться въ церковныя, преимущественно сельскія и бѣднѣйшія братства Бѣлоруссіи, и такимъ образомъ приняли на себя то «патронатство», которое, какъ мы выразились, должно было бы естественно принадлежать мѣстнымъ помѣщикамъ,—или, лучше сказать, переняли право защиты и покровительства братствъ у туземнаго панства, измѣнившаго вѣрѣ и народности. Сотни нитей протянулись изъ всѣхъ мѣстностей нашей великой Россіи къ захолустьямъ, къ сельскимъ бѣднымъ приходамъ Минской, Гродненской, Могилевской, Виленской губерній,—сотни жизненныхъ нитей, сотни узловъ закрѣпили связь православной Россіи съ Бѣлоруссіей,—связь самую надежную, прочную, связь общественную!.. Латинскому духовенству такое сочувствіе къ православнымъ братствамъ было, разумѣется, противнѣе всякого гоненія на латинство. Нѣтъ сомнѣнія, что оно, проникнутое духомъ іезуитизма, сочло нужнымъ принять всѣ мѣры, пустить въ ходъ всевозможныя интриги—съ цѣлію ослабить это стремленіе и парализировать дѣйствія братствъ. Но парализировать, конечно, не въ формѣ преслѣдованія,— это было бы не по-іезуитски,—а въ видѣ разныхъ пріемовъ попечительства и заботливости: такой коварный совѣтъ, по мнѣнію Латинскаго духовенства (конечно, идущій не прямо отъ него, а отъ какихъ-нибудь Польскихъ магнатовъ-помѣщиковъ), былъ бы, вѣроятно, скорѣе услышанъ, -особенно, еслибъ еще удалось набросить нѣкоторое подозрѣніе насчетъ демократической основы и формы церковныхъ братствъ... Можно ли было бы предполагать, чтобъ подобная іезуитская интрига обрѣла хоть малѣйшій успѣхъ въ Петербургскомъ обществѣ?! Конечно, нѣтъ: такое предположеніе, скажемъ мы словами автора нижепомѣщаемой статьи, «несбыточно» и пр., и пр. Однакоже есть основаніе вѣрить, что въ Петербургскомъ обществѣ нѣкоторыя лица смотрятъ на дѣло братствъ именно такъ, какъ этого могли бы только пожелать Польскіе ксендзы и прелаты!.. Спрашивается: если есть основаніе *этому* вѣрить, то почему же было бы не повѣрить и слуху о іезуитахъ? Напротивъ, подобные отзывы изъ Петербурга о братствахъ служили даже нѣкоторымъ ручательствомъ въ томъ, что козни Польско-іезуитской партіи дѣйствуютъ въ обществѣ довольно успѣшно...

Развѣ въ Петербургской средѣ нѣтъ лицъ, которыя желали бы, чтобы только такому сельскому церковному братству дозволено было имѣть право на существованіе, которое составитъ уставъ, представитъ его по началь-

ству и получить не только благословеніе мѣстнаго епархіальнаго начальства (это еще понятно), но и разрѣшеніе... гражданскаго вѣдомства?... Мы увѣрены, что правительство слишкомъ хорошо постигаетъ смыслъ всего дѣла, а потому и не станетъ удовлетворять подобнымъ неразумнымъ желаніямъ; оно знаетъ, что большая часть братствъ существуетъ безъ всякаго устава, на основаніи одного живого преданія; что никакого формальнаго устава не нужно тамъ, гдѣ вся дѣятельность состоитъ только въ вспоможеніи храму, въ учрежденіи школы, въ веденіи дѣлъ церковныхъ и школьныхъ; что вмѣшательство гражданской власти отниметъ у братствъ ихъ характеръ церковный; что введеніе регламента, съ его неизбѣжнымъ формализмомъ и бюрократическимъ контролемъ, только отпугнетъ — и Русское общество отъ записыванія въ братства, и сельскихъ священниковъ съ крестьянами — отъ поддержки или отъ возобновленія ихъ мѣстныхъ братствъ... Тѣмъ не менѣе слухи до сихъ поръ ходятъ весьма тревожные и остаются—неопровергнутыми!..

Разсказываютъ также (мало ли есть, воскликнемъ мы съ авторомъ, какихъ нелѣпыхъ вѣстей и слуховъ!), что нѣкоторыя лица изъ Петербургскаго общества заявляютъ даже такого рода невѣроятное мнѣніе, будто необходимо и вовсе уничтожить братства при Западныхъ православныхъ храмахъ и замѣнить ихъ попечительными совѣтами! Въ подобномъ мнѣніи нельзя ничего видѣть другого, кромѣ желанія подорвать въ корнѣ живительную и спасительную для православія и Русской народности силу братствъ, — что̀ совершенно на̀ руку полонизму и іезуитизму. Авторъ статьи, помѣщаемой ниже, конечно, согласится съ нами, что слухи о подобныхъ мнѣніяхъ еще неправдоподобнѣе слуховъ о допущеніи іезуитовъ!.. И однако же эти слухи существуютъ и продолжаютъ смущать Русское общество, и нелѣпое предположеніе объ іезуитахъ находитъ себѣ въ нихъ, такимъ образомъ, кажется достаточное оправданіе! Да, не похожи эти Русскіе 1861 года, о которыхъ мы говоримъ, на Русскихъ 1686-го!..

Но это еще не все. Многіе Русскіе люди,—желая, чтобы сочувствіе ихъ къ положенію Западно-Русскаго населенія и Западно-Русскихъ церквей выражалось не одними разрозненными и одиночными вспомоществованіями, но дружнымъ соединеніемъ силъ и средствъ на пользу православія и Русской народности въ Бѣлоруссіи и на Украйнѣ, на борьбу съ полонизмомъ и латинствомъ и на тѣснѣйшее, духовное и жизненное соединеніе Западно-Русскаго края со всей Россіей, - проектировали, по разнымъ мѣстамъ, учрежденіе обществъ подъ тѣмъ же названіемъ *братствъ:* названіемъ понятнымъ, дорогимъ Русскому народу, историческимъ, старымъ, возбуждающимъ столько славныхъ воспоминаній... Но наше свѣтское общество, воспитанное на Французскомъ языкѣ и понимающее Русскую рѣчь только въ переводѣ на Французскій, смутилось отъ этого названія. *Братство*— это вѣдь выходитъ fraternité? Гм! понимаемъ, вотъ оно что̀! говорятъ глубокомысленно нѣкоторыя особы Петербургской среды. На соображенія этихъ господъ мы бы лично и не обратили вниманія, еслибъ подобнаго рода отзывы, повторяясь все чаще и чаще, не служили подспорьемъ Польско-іезуитскимъ интригамъ и проискамъ, стремящимся къ уничтоженію братствъ... Скажите, почтенный опровергатель сплетни объ іезуитахъ, правда ли все то, что̀ мы сейчасъ вамъ повѣдали, или же нѣтъ? Вамъ это

знать лучше... Впрочемъ, изъ всѣхъ проектированныхъ братствъ (Виленскаго, Кіевскаго, Серединнаго и другихъ), проектъ Виленскаго братства встрѣтилъ, какъ говорятъ, наиболѣе сочувствія въ нѣкоторой части Петербургскаго общества и, какъ разсказываютъ, благодаря именно тому параграфу, который мы, наоборотъ, считаемъ совершенно неумѣстнымъ. Этотъ параграфъ гласитъ, что въ братство могутъ быть принимаемы евреи, католики, магометане. Намъ казалось страннымъ допущеніе въ братство, имѣющее цѣлью поддержаніе интересовъ *православія* и *Русской народности*,—лицъ, отъ которыхъ вѣроисповѣданіе требуетъ совершенно противоположнаго образа дѣйствій; намъ не нравится такая сдѣлка, учиненная въ духѣ утилитаризма,—но нѣкоторымъ особамъ Петербургской среды это именно и понравилось. Проектъ Виленскаго братства,—говорятъ они,—рекомендуетъ себя съ хорошей стороны и въ отношеніи религіозномъ, *ибо* допускаетъ жидовъ, магометанъ и католиковъ (значитъ, еслибъ допускалъ однихъ православныхъ, то рекомендовалъ бы себя съ религіозной стороны дурно?!). Проектъ Виленскаго братства отличается просвѣщенною религіозною вѣротерпимостью», восклицаетъ другой, «и поэтому гораздо лучше проекта Серединнаго братства» и т. д., и т. д.— Если подобныя сужденія еще возможны въ Петербургской средѣ, то, спрашиваемъ опять, какъ было Русской публикѣ не повѣрить нелѣпому слуху о допущеніи въ Россію іезуитовъ? Мы просимъ автора, въ которомъ послѣдній слухъ возбудилъ такое благородное негодованіе, сдѣлать предметомъ своего негодованія и эти сужденія о братствахъ и опровергнуть тревожные о нихъ слухи съ такою же обстоятельностью, съ которой онъ старается опровергнуть извѣстіе объ іезуитахъ въ слѣдующей статьѣ:

...Уже нѣсколько времени тому назадъ были распущены по Петербургу слухи о допущеніи въ Россіи іезуитовъ; но предположеніе это казалось всѣмъ здравомыслящимъ людямъ (такъ же какъ и редакціи «Дня») совершенно несбыточнымъ, дикимъ и безобразнымъ; а потому,—хотя подобная мысль, при малѣйшемъ вѣроятіи ея осуществленія, должна была задѣть за живое каждаго Русскаго, кому дорого благоденствіе своего отечества,—на эти нелѣпые слухи не было обращено особаго вниманія. Мало ли сочиняютъ всякихъ пустыхъ слуховъ и сплетней!...

«Но коль скоро они успѣли уже найти себѣ отголосокъ въ такомъ почтенномъ и уважаемомъ изданіи, какъ «День», они должны встревожить каждаго, кто не имѣетъ возможности съ полною достовѣрностью убѣдиться въ ихъ неосновательности. А какъ для многихъ, въ особенности для живущихъ вдали отъ Петербурга, не всегда легко отличить ложный слухъ отъ вѣрнаго,—то я надѣюсь, что редакція «Дня» не откажется порадовать своихъ читателей *достовѣрнымъ извѣстіемъ*, что слухъ о допущеніи іезуитовъ въ Россію *лишенъ всякаго основанія*. Въ подтвержденіе этого, позвольте мнѣ сообщить вамъ слѣдующія свѣдѣнія, которыя мнѣ удалось собрать *отъ лицъ оффиціально знакомыхъ со всѣмъ касающимся этого дѣла* *).

«Въ нынѣшнемъ году никакого аббата-Француза, для произнесенія здѣсь проповѣдей во время Великаго поста, въ Петербургъ вовсе не пріѣз-

*) Курсивъ въ подлинникѣ.

жало. Въ Петербургѣ есть, въ числѣ Римско-католическихъ священниковъ, два Француза, но эти священники *живутъ здѣсь постоянно*, а вовсе *не прибыли сюда на время*, для произнесенія проповѣдей.

«Изъ здѣшнихъ Французскихъ католическихъ священниковъ одинъ (аббатъ Безо, изъ бѣлаго духовенства) находится здѣсь съ августа мѣсяца 1862 года по приглашенію Французскаго посольства. При опредѣленіи его было поставлено условіемъ, чтобы онъ отнюдь не принадлежалъ не только къ іезуитскому ордену (который рѣшительно у насъ не допускается), но и къ другому монашескому ордену, по правиламъ коего онъ былъ бы поставленъ въ прямую зависимость отъ заграничнаго провинціала и генерала, помимо здѣшняго епархіальнаго начальства. Аббатъ Безо постоянно совершаетъ богослуженіе въ капеллѣ, устроенной, еще въ сороковыхъ годахъ, при здѣшнемъ Французскомъ пріютѣ. Внѣ этой капеллы аббату Безо дозволено было, въ прошлогодній Великій постъ, произносить по воскресеньямъ, за обѣдней, поученія въ Мальтійской церкви, гдѣ по крайней тѣснотѣ помѣщенія кругъ слушателей его былъ самый ограниченный. Въ нынѣшній же Великій постъ не было испрашиваемо для аббата Безо дозволенія произносить поученія внѣ пріютской домовой капеллы.

Другой здѣшній Французскій священникъ (іеромонахъ Доминиканскаго ордена, Руссо) былъ *приглашенъ* въ Россію въ маѣ прошлаго 1863 года и тогда же, *по принятіи имъ присяги на вѣрность службы нашему правительству,* былъ опредѣленъ въ число приходскихъ священниковъ при С.-Петербургской Римско-католической церкви св. Екатерины, гдѣ онъ совершаетъ богослуженіе и говоритъ проповѣди для прихожанъ наравнѣ съ другими священниками. Поводомъ къ приглашенію этого священника послужило то обстоятельство, что значительная часть прихожанъ Екатерининской церкви—Французы, окончательно здѣсь водворившіеся или временно здѣсь проживающіе, и что для нихъ весьма неудобно было не имѣть другихъ священниковъ, кромѣ говорящихъ преимущественно по-Польски и мало знакомыхъ съ Французскимъ языкомъ. При избраніи постояннаго Французскаго священника для Екатерининской церкви *) соблюдены были всѣ необходимыя предосторожности, чтобы не встрѣтить въ немъ тайнаго агента іезуитской пропаганды. Трудно предположить, чтобы доминиканецъ Руссо или свѣтскій аббатъ Безо рѣшилъ хлопотать о допущеніи въ Россію іезуитовъ. Священники эти успѣли уже достаточно ознакомиться съ образомъ дѣйствій и взглядами Русскаго правительства, чтобы понять, что подобные происки не только не могутъ никогда достигнуть своей цѣли, но и компрометировали бы ихъ самихъ, выставляя ихъ какъ бы тайными агентами іезуитской партіи.

«Потому сообщенный въ газетѣ «День» слухъ никакъ не можетъ относиться къ священникамъ Безо и Руссо, а другихъ Французскихъ священниковъ въ Петербургѣ вовсе нѣтъ.

«Оставляя въ сторонѣ іезуитовъ, — нельзя, мнѣ кажется, предположить, чтобы пребываніе въ С.-Петербургѣ двухъ Французскихъ священниковъ представляло какую-либо опасность для православія. Приходскій священникъ занятъ своей паствой, а не привлеченіемъ посторонней пу-

---

*) Той самой, при которой устроенъ и доминиканскій *новиціатъ?* *Ред.*

блики. Хотя католики говорили мнѣ о проповѣдяхъ гг. Безо и Руссо съ похвалою,—но я не слыхалъ, чтобы объ нихъ были толки между православными и вообще, чтобы проповѣди эти привлекали въ католическую церковь постороннихъ любопытныхъ. Точно также и въ Москвѣ издавна есть, при тамошней католической церкви св. Людовика, два Французскіе священника, отъ которыхъ, сколько извѣстно, никакого вреда для православія не произошло. Развѣ лучше было бы, устраняя, изъ среды католическаго духовенства въ Россіи, всѣхъ Французскихъ и Нѣмецкихъ священниковъ, поддерживать въ духовенствѣ этомъ исключительное преобладаніе Польскаго элемента? Недавно еще одна Московская газета доказывала необходимость отличить *католицизмъ* отъ *полонизма* и способствовать къ образованію у насъ католическаго духовенства, *чуждаго противуправительственныхъ Польскихъ стремленій;* средствомъ къ достиженію этой цѣли—она предлагала: вызовъ изъ-за границы Русскихъ, измѣнившихъ своей вѣрѣ и вступившихъ въ католическое духовенство. Но извѣстно, что эти Русскіе были вовлечены въ католицизмъ большею частью подъ вліяніемъ іезуитовъ и что прозелиты, вообще, становятся самыми ревностными пропагандистами. Потому, не сдѣлались ли бы эти лица, связанныя съ Русскимъ обществомъ узами родства и стараго знакомства, болѣе опасными проводниками католической и даже іезуитской пропаганды, чѣмъ избранные *съ надлежащею осторожностью* заграницею Французскіе и Нѣмецкіе священники или воспитанные въ Саратовѣ, въ тамошней католической семинаріи, клирики изъ дѣтей мѣстныхъ Нѣмецкихъ колонистовъ? Между тѣмъ такая смѣлая мѣра, какъ вызовъ изъ-за границы Русскихъ отщепенцевъ, предлагается открыто и почти не вызываетъ въ журналахъ возраженій. А присутствіе въ Петербургѣ двухъ Французскихъ священниковъ, а въ Саратовѣ — католической епархіи и семинаріи *для Нѣмцевъ* возбуждаетъ какія-то опасенія и служитъ даже поводомъ къ распространенію *ложныхъ* слуховъ о вызовѣ въ Россію іезуитовъ! Справедливо замѣчаетъ «День», что въ мѣстностяхъ, не такъ еще давно освободившихся отъ уніи, православіе не довольно еще окрѣпло, сельское духовенство не имѣетъ еще достаточно самостоятельной силы, — чтобы не страшиться борьбы съ католической пропагандой. Но неужели пропаганда эта можетъ представлять для народа серьезную опасность въ Петербургѣ, въ Москвѣ или Саратовѣ? Неужели именно Французскіе и Нѣмецкіе священники представляютъ въ этомъ отношеніи какую-то особую опасность и неужели изъ-за такого страха слѣдуетъ отказаться отъ мысли ослабить Польскій элементъ въ средѣ католическаго духовенства, а между тѣмъ — заставлять водворившихся въ Россіи иностранцевъ-католиковъ слушать отъ Польскихъ ксендзовъ проповѣди и наставленія на ломаномъ, едва понятномъ Нѣмецкомъ или Французскомъ языкѣ, съ примѣсью, подчасъ, извѣстныхъ намековъ болѣе политическаго, чѣмъ религіознаго характера? Смѣю думать, что такой оборотъ дѣла вовсе не соотвѣтствовалъ бы взглядамъ и желаніямъ почтенной редакціи газеты «День»...

Разумѣется, не соотвѣтствовалъ бы, но не въ этомъ дѣло и не объ этомъ рѣчь. Почтенный авторъ совершенно напрасно усиливается, во второй половинѣ своей статьи, доказывать то, о чемъ нѣтъ и спора, и съ такимъ стараніемъ возражаетъ на мнѣнія, въ нашей газетѣ вовсе не заявленныя.

Вопросъ о вѣротерпимости не имѣетъ ничего общаго съ вопросомъ объ іезуитахъ. Мы не только никогда не предлагали какого-либо внѣшняго стѣсненія католической проповѣди, но даже—каемся—не выразили и большого сожалѣнія объ отпаденіи въ латинство нѣкоторыхъ лицъ изъ Русскаго свѣтскаго общества... Мы также оставались всегда совершенно чуждыми заботъ нѣкоторыхъ нашихъ собратовъ по журналистикѣ — объ очищеніи католицизма отъ постороннихъ примѣсей и о созданіи какого-то новаго *Русскаго латинства*, которое бы не мѣшало католику быть вполнѣ Русскимъ,— для чего (т. е. для того, чтобъ быть Русскимъ), по народному взгляду, требовалось до сихъ поръ одно главное условіе: принадлежать къ вѣроисповѣданію Русскаго народа, къ тому вѣроисповѣданію, подъ воздѣйствіемъ котораго создалась и развилась Русская народность въ исторіи... Мы не раздѣляемъ мнѣнія тѣхъ, которые считаютъ нужнымъ хлопотать о водвореніи въ Россіи католицизма самаго чистѣйшаго, pur sang, фильтрованнаго—по способу ли, предлагаемому нѣкоторыми газетами, или по какому другому, — католицизма «ортодоксаго» и благообразнаго, на мѣсто явно и грубо-безобразнаго Польскаго фанатическаго католицизма. Но, впрочемъ, мы поговоримъ когда-нибудь въ другой разъ о томъ, въ какой мѣрѣ, по нашему мнѣнію, лежитъ вообще на государствѣ обязанность заботиться объ ортодоксіи или православіи иностранныхъ исповѣданій, а теперь, въ заключеніе, выразимъ сожалѣніе, что почтенный авторъ «опроверженія» не обратилъ вниманія на то мѣсто нашей статьи, гдѣ мы говоримъ о сравнительной *свободѣ* католическихъ и православныхъ священнослужителей. Мы не только не противъ свободы католической проповѣди, но мы готовы были бы видѣть въ ней полезное средство для возбужденія жизни въ нашемъ собственномъ духовенствѣ (съ тѣмъ условіемъ, разумѣется, чтобы борьба совершалась равнымъ оружіемъ духа, въ области мысли и слова), если бы... Если бы, какъ сказали мы въ 12 №, наше духовенство было такъ же свободно въ дѣлѣ проповѣди, какъ католическое, если бы оно не было, сравнительно съ нимъ, стѣснено въ своихъ дѣйствіяхъ элементомъ оффиціальности, внесеннымъ въ область Церкви. Устраненіе этого стѣсненія и вообще начала казенности было бы, конечно, самымъ надежнѣйшимъ средствомъ къ водворенію въ Россіи, на прочныхъ и безопасныхъ основахъ, свободы совѣсти и вѣротерпимости и къ огражденію Русскаго народа отъ вреднаго вліянія иноземныхъ вѣроисповѣданій. Покуда православное духовенство не будетъ пользоваться въ Россіи тою же, сравнительно большею свободою, какою пользуется, у насъ же, иностранное духовенство (хоть бы, напримѣръ, въ дѣлѣ проповѣди), — до тѣхъ поръ общество будетъ по-неволѣ желать для послѣдняго тѣхъ стѣснительныхъ мѣръ, которыя справедливо осуждаются авторомъ и которыя должны претить всякому просвѣщенному правительству. Зачѣмъ же эти мѣры будутъ существовать только для православія? Вотъ на это-то возраженіе ничего и не отвѣтилъ почтенный авторъ, основавшій свое опроверженіе на «свѣдѣніяхъ, собранныхъ имъ отъ оффиціальныхъ лицъ».

О несостоятельности общественной нашей дѣятельности въ Западномъ краѣ.

Москва, 28 апрѣля 1864 г.

Финансисты толкуютъ о денежныхъ затрудненіяхъ Россіи, о ея долгахъ, объ опасностяхъ кризиса и банкротства. Нужны деньги, а гдѣ ихъ взять? А если и удастся поразжиться деньгами, то не придется ли прежде всего произвести уплату по старымъ,—не нами, и не въ наше, а въ прежнее время надѣланнымъ долгамъ? Если подобные вопросы способны сильно озабочивать нашихъ финансистовъ, то не менѣе грустныя думы невольно сжимаютъ сердце, когда начнемъ мысленно цѣнить нашъ нравственный общественный капиталъ, степень его производительности и количество уплатъ, предстоящихъ намъ по длинному списку нашихъ общественныхъ нравственныхъ долговъ. Собственно говоря, Россія богата какъ въ политико-экономическомъ отношеніи, такъ и въ нравственномъ, но и въ томъ, и другомъ отношеніи ея богатство заключается преимущественно въ *землѣ*, и если политико-экономы называютъ ее бѣдною, то это потому, что ея богатство непроизводительно, что въ ней нѣтъ капиталовъ, т. е. той суммы подвижныхъ готовыхъ средствъ, которыя могутъ быть свободно расходованы не только на ея нужды, но и на пріобрѣтеніе новыхъ средствъ и новыхъ богатствъ... Точно также можемъ мы назвать себя, даже при томъ несомнѣнномъ богатствѣ нравственномъ, которое лежитъ у насъ въ *землѣ*,—бѣдными, потому что богатство это также непроизводительно, или по крайней мѣрѣ мало производительно, и потому что мы скудны тѣми нравственными общественными средствами, на которыя такой сильный запросъ предъявляютъ современныя событія. На каждомъ шагу, вездѣ, всюду сказывается эта бѣдность, эта несостоятельность, которая нерѣдко парализируетъ даже бодрую дѣятельность силы внѣшней, т. е. государственной. Государство наше могущественно,—это не подлежитъ спору; правительство безпримѣрно дѣятельно: въ этомъ нельзя не отдать ему подобающей дани похвалы, но могущественное государство безъ соразмѣрно-могущественнаго общества (и не только могущественнаго, но и сколько-нибудь самостоятельно-развитаго), но дѣятельность правительства при бездѣйствіи общества (какія бы ни были причины этому бездѣйствію) не въ состояніи совершить во всей полнотѣ своего историческаго подвига и осуждены истощаться въ безплодныхъ усиліяхъ. Русское общество это чувствуетъ и чувствуетъ съ болью; оно желало бы не разъ, особенно при современныхъ обстоятельствахъ, послужить вполнѣ полезнымъ и пригоднымъ, т. е. самостоятельно-дѣятельнымъ помощникомъ государству; оно призывается исторіею явить себя *какъ* общество и противопоставить свою Русскую *общественную* силу ополчившимся на насъ общественнымъ силамъ Запада,—но до сихъ поръ ему удается это съ трудомъ... если только еще удается. Оно успѣваетъ большею частью создать только фантомъ или подобіе общества—въ смыслѣ дѣйствительной самостоятельной силы,—фантомъ, которымъ само себя тѣшитъ и обольщаетъ, но отъ котораго мало пользы и ему самому, и государству. Было бы несправедливо, можетъ быть, ставить одному обществу въ вину такое безсиліе, но общество заслуживаетъ упрека преимущественно въ томъ, что позволяетъ

себѣ обольщаться такою мнимостью своего существованія и своей дѣятельности, что оно, какъ замѣчаетъ нашъ почтенный сотрудникъ г. Касьяновъ: любитъ выступать, какъ «мы», «мы», «мы» даже и въ такихъ случаяхъ, гдѣ вовсе ему этой чести не подобаетъ,—гдѣ очень удобно приложить къ этому *мы* извѣстный разсказъ о Калмыкахъ (кто ѣдетъ? - мы.— Сколько васъ!—*одна*...), —гдѣ это гордое *мы*, свидѣтельствующее о какой-то самостоятельности, скрываетъ внутреннюю нищету и *тщету* воли...

Вынуждаемое обстоятельствами облечься во всеоружіе, общество съ болью въ сердцѣ, хотя нѣсколько и поздненько, замѣчаетъ, что доспѣхи его плохи, иные растеряны, а иные дырявы, хрупки, ломки или притуплены. Наши газеты, напримѣръ, дѣлали воззванія къ патріотизму Русскаго денежнаго кошелька, чтобъ побудить его къ построенію желѣзной дороги изъ Кіева въ Москву; дорога истинно необходима,—это сознаютъ всѣ, но дѣло не ладится, не потому однакожъ, чтобъ не нашлось денегъ,—а потому, что не нашлось въ обществѣ способности на дружное общественное дѣйствіе; потому, что безъ правительственной инпціативы мудрено подвинуть на какое либо общее дѣло наше общество и потому, что патріотизмъ нашъ въ сущности очень слабъ, понимается вообще очень грубо или, вѣрнѣе сказать, односторонне, да и то возбуждается только тогда, когда уже громъ грянетъ надъ самыми ушами. Вотъ и другой примѣръ. Западно-Русскій край (Юго-Западный и Сѣверо-Западный) нуждается въ Русскомъ населеніи, и въ Европѣ давно бы образовалось общество для добровольной колонизаціи края, для содѣйствія переходу поземельной собственности отъ Польскихъ помѣщиковъ къ Русскимъ... У насъ же даже и льготы, даруемыя теперь правительствомъ, едва ли приведутъ къ желаемому успѣху и разбудятъ апатію Русскаго общественнаго духа. - Западно-Русскому краю необходимы Русскіе дѣятели: ихъ не можетъ дать туземное общество; ихъ призвано дать общество остальной Россіи, предъявляющее съ такою горячностью свои права на Украйну и Бѣлоруссію, упирающее именно на свое кровное и духовное единство съ народомъ этихъ Русскихъ областей .. Правительство приглашаетъ и со своей стороны возвышаетъ жалованье на 50%,—слѣдовательно облегчаетъ подвиги самопожертвованія, и что же? многіе ли туда отправились съ истинно безкорыстною цѣлью?.. Мы получили нѣсколько писемъ изъ разныхъ мѣстъ Сѣверо-Западнаго края. Эти письма полны горькихъ сѣтованій, возбужденныхъ поступками нѣкоторыхъ мировыхъ посредниковъ и другихъ дѣятелей, наѣхавшихъ туда изъ внутреннихъ губерній... Со всѣхъ сторонъ несутся жалобы на грубое обращеніе ихъ съ мѣстнымъ православнымъ духовенствомъ, производящее самое тягостное впечатлѣніе на крестьянъ, порождающее въ ихъ средѣ самыя странныя недоумѣнія... Нужны Русскіе люди, говорятъ всѣ въ одинъ голосъ, нужно связать этотъ край съ Россіею крѣпкими общественными связями, нужно ободрить мѣстное Русское, забитое и забытое народонаселеніе, нужно поднять Русскую народность, нужно дружно и смѣло вступить въ общественную борьбу съ латинствомъ и полонизмомъ!.. Слѣдовательно нужны люди честные, *убѣжденные*, преданные Русской народности и вѣрѣ Русскаго народа, вполнѣ сознающіе святость своего призванія? Зачѣмъ же дѣло стало? Гдѣ же твои Русскіе люди, Русское общество? т. е. тѣ Русскіе люди, которые нужны Западно-Русскому краю? Нужны Русскіе

люди, а въ странѣ, имѣющей 70 милліоновъ населенія, не оказывается таковыхъ и нѣсколькихъ тысячъ! Нужны Русскіе, преданные дѣлу Русской народности,—но спрашиваемъ: силенъ, что ли, элементъ Русской народности у насъ самихъ, дома, въ нашемъ обществѣ, въ нашихъ семьяхъ, въ нашемъ воспитаніи, въ нашей литературѣ, наукѣ?.. Необходимо поддерживать православіе въ борьбѣ съ латинствомъ, говорите вы. Прекрасно, станемъ поддерживать, да кѣмъ? чиновниками? они усердны въ службѣ и по долгу службы готовы, какихъ бы ни были сами убѣжденій, подерживать всякую вѣру, которую считаетъ благовременнымъ поддерживать правительство, которому они служать. Но этого мало: они сами по себѣ относятся безразлично къ вопросу вѣры, а съ такимъ отношеніемъ къ вѣрѣ они не въ состояніи исполнить той миссіи, къ которой призванъ въ томъ краѣ каждый Русскій: при всемъ своемъ усердіи къ православію, какъ къ оффиціальной религіи, они могутъ дѣйствовать относительно его только внѣшними принудительными, чисто оффиціальными средствами, а не внутренними силами духа. Если не чиновниками въ тѣсномъ смыслѣ слова можемъ мы поддержать православіе, такъ кѣмъ же? не тѣми ли молодыми людьми, которые здѣсь, въ Россіи, черпаютъ мудрость и свѣтъ изъ Бюхнера? Наши юные такъ-называемые нигилисты, отправляясь на службу въ Западный край, еще могутъ защищать дѣло крестьянъ противъ помѣщиковъ въ силу своихъ демократическихъ убѣжденій; но что касается до православія, то они считаютъ долгомъ совѣсти распространять между народомъ истину въ томъ видѣ, какъ они ее сами приняли изъ Бюхнеровскаго евангелія; слѣдовательно, они не могутъ находить надобности церемониться ни съ *попомъ*, ни съ православіемъ. Стало быть, нигилизмъ оказывается неудобнымъ для упроченія нашихъ узъ съ Западною Русью и для успѣшной борьбы съ латинствомъ? Но вѣдь такой приговоръ (вполнѣ впрочемъ справедливый) устраняетъ отъ участія въ великомъ гражданскомъ общественномъ дѣлѣ значительную часть молодыхъ силъ Русскаго общества, ибо значительная часть молодыхъ людей заражена такъ-называемымъ нигилизмомъ. Выходитъ, что Русское общество не можетъ, за нѣкоторыми исключеніями, полагаться на свое собственное молодое поколѣніе, на свои собственныя общественныя силы! Всякое великое общественное дѣло въ другихъ странахъ высылаетъ обыкновенно впередъ себя—молодую, горячую, одушевленную дружину, которой принадлежитъ начинаніе и за которой вслѣдъ идетъ уже болѣе спокойная и разсудительная сила зрѣлаго возраста... но у насъ во всѣхъ общественныхъ вопросахъ, волновавшихъ жизнь нашу въ послѣднее время, ни впереди, ни сзади насъ не было и нѣтъ этой смѣлой, отважной, благородной дружины, кромѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ дѣятелей. Кто въ этомъ виноватъ—это вопросъ особый, но во всякомъ случаѣ очень уже трудно дѣйствовать тому обществу, у котораго главный доспѣхъ—благородный энтузіазмъ молодежи—обрѣтается въ отсутствіи,—молодое поколѣніе числится—въ *нѣтчикахъ*! Впрочемъ, мы не имѣемъ данныхъ, много ли поклонниковъ Бюхнера и Фейербаха пріютилъ въ себѣ изъ Срединной Россіи нашъ Западный край,—мы говоримъ только по предположенію. Едва ли не хуже такъ-называемыхъ нигилистовъ оказываются тѣ наѣзжіе, которые взялись за дѣло православія въ Западныхъ губерніяхъ изъ однихъ политическихъ, патріотическихъ побужденій. Совершенно равнодушные къ нему

дома, они являются въ Западномъ краѣ такими ультра-православными, съ такими строгими требованіями относительно чистоты обрядовъ, что бѣдное Бѣлорусское сельское духовенство обрѣтается передъ ними въ постоянной провинности. Нѣкоторые изъ таковыхъ, со вчерашняго дня ставъ борцами православія, присылали къ намъ въ редакцію бойкія изліянія своего лихого усердія къ вѣрѣ и своего гнѣва на недостатокъ православности въ Бѣлорусскомъ духовенствѣ,—въ томъ духовенствѣ, которое пять вѣковъ сряду пасло Русскую паству среди всевозможныхъ опасностей, угрозъ, соблазновъ, обольщеній,—гонимое, преслѣдуемое, мучимое,—пасло и спасло въ ней и чувство народности и чувство истинной вѣры. Кому, какъ не духовенству—бѣдному, угнетенному, сирому, лишенному всякой поддержки общественной и государственной, —обязана Россія тѣмъ, что Русскій народъ Западнаго края не послѣдовалъ за своими высшими классами, не сталъ ни Полякомъ, ни католикомъ? Кто уберегъ въ немъ для лучшихъ временъ, сквозь всѣ превратности исторіи и насильственно наложенную унію, преданія православія и память о единствѣ со всею великою Русью? И вотъ въ награду за этотъ подвигъ Русское общество,—такъ долго коснѣвшее въ невѣдѣніи о той глухой, безвѣстной, но тѣмъ не менѣе достославной борьбѣ, которую вело Бѣлорусское духовенство за свою народность и вѣру,—высылаетъ ему нынѣ на подмогу такихъ дѣятелей, которые оскорбляютъ духовенство и роняютъ его значеніе въ глазахъ народа. Они негодуютъ на духовенство за то, что оно, по части усердія къ вѣрѣ, никакъ не можетъ уравняться съ ними—ни въ градусахъ жара, которымъ воспылали эти господа со вчерашняго дня, ни въ расторопности, бойкости и хлесткости, которыми отличается ихъ служебная опытность. «Теперь къ намъ пріѣхалъ новый мировой посредникъ», пишутъ къ намъ изъ одного села одной изъ Западныхъ губерній. «Чтобы заслужить вниманіе начальства, онъ задумалъ во что бы ни стало построить церковь въ м. Л. и между прочимъ объявилъ, что возьметъ и 300 руб. изъ братства при церкви N. N. Когда же крестья не объявили, что едва ли согласится на это священникъ, то посредникъ отвѣчалъ имъ, что онъ *попа* не боится и съ *попомъ* справится. Всѣмъ крестьянамъ приказалъ онъ дѣлать добровольную складчину по 3 р. сер.: народъ усильно отпрашивается, но онъ не смотритъ на это и настаиваетъ на своемъ». Этотъ случай, какъ мы полагаемъ, уже обратилъ на себя вниманіе мѣстнаго начальства, но мы указываемъ на него, какъ на характеристическій фактъ, къ тому же вовсе не одинокій. Нелюбовь здѣшней уѣздной администраціи къ священникамъ —пишетъ намъ изъ уѣзда N...ской губерніи одинъ изъ Русскихъ же пріѣзжихъ —просто непостижима. Никто иначе не называетъ священника, какъ *попомъ*. Пущенъ слухъ о переселеніи здѣшнихъ священниковъ въ Великороссійскія губерніи и о замѣнѣ ихъ Великорусскими, т. е. таковыми же наѣзжими, какъ и бóльшая часть чиновниковъ... Вѣсть эта сильно встревожила пастырей, а главное — подрываетъ довѣріе къ нимъ крестьянъ. «Не слушайте вашихъ поповъ, мало ли что они вамъ наговорятъ», вотъ какъ, по разсказамъ, позволяютъ себѣ выражаться нѣкоторые посредники на мірскихъ сходахъ»... Мы готовы признать, что такіе посредники составляютъ исключеніе, мы знаемъ сами, лично, людей вполнѣ достойныхъ, но нельзя не вспомнить пословицу объ овцѣ и стадѣ,—и нельзя въ то же время заглушить въ себѣ внутренній голосъ, свидѣтельствую-

цій о правоподобности всѣхъ этихъ разсказовъ, о возможности, если и не о подлинной достовѣрности этихъ фактовъ! Что же касается до слуха о перемѣщеніи священниковъ, то это, разумѣется, не болѣе, какъ слухъ, и слухъ нелѣпый; но мнѣніе о томъ, что подобная мѣра была бы полезна, приходилось намъ слышать не разъ. Нельзя не сознаться, что возможность подобнаго рода мнѣній сама по себѣ уже доказываетъ, какъ мало у насъ уваженія къ органическимъ мѣстнымъ, общественнымъ элементамъ, какъ склонны мы всякія нравственныя живыя силы обращать въ служебныя средства, какимъ талантомъ обладаютъ у насъ —все внутреннее какъ разъ *овнѣшить*, все духовное *овнѣществить*, все упругое-живое, самостоятельное по своей природѣ, довести до степени удобства, до *поводливости* необыкновенной...

Но довольно. Мы могли бы передать множество фактовъ, сообщенныхъ намъ нашими корреспондентами изъ Западнаго края, но полагаемъ, что и сказаннаго нами достаточно для того, чтобъ съ одной стороны обратить вниманіе Русскихъ дѣятелей въ Бѣлоруссіи и на Украйнѣ — другъ на друга и на самихъ себя,—и съ другой стороны напомнить Русскому обществу о бѣдности и скудости его доспѣховъ и средствъ, о низкой степени его производительности — при томъ богатствѣ, которымъ однако же несомнѣнно обилуетъ Русская земля. Надо дѣйствовать, а тутъ приходится расплачиваться по старымъ долгамъ, за старые грѣхи!... Нужно проповѣдывать, нужно выдвинуть впередъ силу несокрушимаго *убѣжденія*, а убѣжденій-то, убѣжденій намъ и недостаетъ, какъ уже говорили мы не разъ!,.. «Такъ укажите намъ средства»—слышимъ уже мы голоса нѣкоторыхъ читателей, досадующихъ на насъ за то, что мы разстраиваемъ ихъ сладкое, самодовольное состояніе духа,—«укажите средства, какъ поправить дѣло! Вмѣсто того, чтобы постоянно порицать, представьте проектецъ публикѣ или по начальству, какъ обзавестись убѣжденіями»... Въ самомъ дѣлѣ: не просить ли уже начальственнаго предписанія о томъ, чтобы всѣ имѣли «убѣжденія» — не назначить ли премій, наградъ, поощреній «за имѣніе убѣжденій»? Пожалуй, вѣдь и въ самомъ дѣлѣ нѣкоторая часть нашего общества не видитъ другого средства и способа выпутаться изъ этой, какъ и изъ всякой другой общественной бѣды!... Проекта мы писать не станемъ, но сочтемъ цѣль нашу уже отчасти достигнутою, если успѣемъ хоть нѣсколько разрушить самообольщеніе общества насчетъ самого себя, если неудобоваримая горечь обличенія зажжетъ общество мучительной жаждой, — жгучею жаждой правды: пусть только зажжетъ,—утоленіе найдется!...

Газета «Вѣсть» о Польско-Западномъ вопросѣ.

Москва, 27 іюня 1864 г.

Говорятъ, кто-то сказалъ, что пресловутый Польскій «народовый жондъ», изгнанный изъ Вильна и изъ Варшавы, пріютился гдѣ-то внутри Россіи. Разумѣется, это слово не болѣе какъ шутка, въ которой никто и не станетъ искать какого-либо правдоподобія, но нельзя не сознаться, что въ

Русскомъ обществѣ и даже въ литературѣ встрѣчается иногда цѣлый рядъ такихъ сужденій о Польскомъ вопросѣ вообще и о Западно-Русскомъ краѣ въ особенности — сужденій, повидимому, благонамѣренныхъ, гуманныхъ, безпристрастныхъ и принадлежащихъ людямъ, искренно считающимъ себя патріотами,—что бывшему Польскому жонду они, эти сужденія, были бы какъ разъ на руку. Польскій жондъ ни о чемъ такъ и не хлопочетъ въ настоящее время, какъ о томъ, чтобы воспроизвести на свѣтъ въ Русскомъ обществѣ реакцію чувствъ, одушевлявшихъ его въ прошломъ году, и усыпить Русскую бдительность сладкою пѣснью о благодушіи, примиреніи, справедливости... Польскій тайный жондъ все еще надѣется, что смазанныя елеемъ этихъ высокихъ чувствованій колеса нашей администраціи покатятся опять по старой торной колеѣ, которая такъ незамѣтно, такъ покойно ведетъ прямо къ цѣли, желанной жондомъ и вообще Поляками. Надежда дерзкая и, разумѣется, несбыточная, но поддерживаемая въ Польской партіи нашими же Русскими дешевыми гуманистами, безъ вѣдома, конечно для нихъ самихъ и къ великому несчастію для Поляковъ. Мы нисколько не думаемъ заподозривать этихъ гуманистовъ въ недостаткѣ патріотизма,—но не можемъ не упрекнуть ихъ въ слабости народнаго чувства, въ неразвитости мысли вообще и сознанія своей Русской національности въ особенности. Мало быть Русскимъ патріотомъ, — надо еще быть вполнѣ Русскимъ человѣкомъ. Только слабымъ развитіемъ народности въ Русскомъ обществѣ можно объяснить у насъ этотъ притворный, дешевый, салонный, фальшивый гуманизмъ, который спѣшитъ стяжать одобреніе Европы, разсыпаясь въ любезностяхъ предъ Европейскимъ аристократическимъ ореоломъ Польской знати, и готовъ ей, вовсе не гуманно, принести въ жертву милліоны грубой нецивилизованной *сволочи* — Русскихъ мужиковъ. Вообще есть цѣлая среда въ Русскомъ обществѣ, гдѣ «православіе» и «народность» считаются какимъ-то руссофильствомъ, мужикоманіею, однимъ словомъ, чѣмъ-то несовмѣстнымъ съ просвѣщеннымъ патріотизмомъ (un patriotisme éclairé) и съ либеральными требованіями нашего вѣка: среда, гдѣ всякое живое чувство и горячее убѣжденіе признается вещью крайне некомфортабельною, неудобною, неопрятною, способною смять и привесть въ безпорядокъ тотъ тщательно справленный туалетъ—то накрахмаленное comme il faut «Европейскаго человѣка», въ которое эта среда старается рядить не только тѣло, но и душу. При этомъ надо замѣтить, что Европейскаго человѣка *вообще*, какъ таковаго, — als solcher, какъ сказали бы Нѣмцы, —въ Европѣ не существуетъ: тамъ имѣются Англичане, Французы, Нѣмцы, Итальянцы и проч. — типы живые, конкретные; этотъ же типъ, совершенно отвлеченный, созданъ только у насъ въ безвоздушномъ или, вѣрнѣе, безнародномъ пространствѣ нашей извѣстной общественной среды. Вотъ на этихъ-то нашихъ «Европейцевъ» и возлагаетъ въ особенности свое упованіе Польское общество Западнаго края, искусно играя на чувствительныхъ для нихъ струнахъ либерализма, гуманности, европеизма, и коротко вѣдая, какъ падки мы, Русскіе, на всякую лесть, обращенную къ намъ, варварамъ, цивилизованною Европой... Можно было уже полагать, что мы наконецъ очнулись, что урокъ, заданный намъ Польскимъ мятежомъ, врѣзался неизгладимо въ нашу память, что гроза, пронесшаяся надъ нами, разорвала въ куски сѣрую темь на-

шего облачнаго небосклона и озарила молніей и прорвавшимися лучами солнечнаго дневного свѣта — и бездну, на краю которой мы стояли, и позоръ нашихъ ошибокъ, нашего невѣжества, нашей лѣни, нашей вины противъ Русской народности. И большинство Русскаго общества дѣйствительно очнулось, но часть его,—и вовсе не маловажная по своему общественному значенію,—быстро оправилась отъ временнаго смущенія: ей очень легко и скоро отлегло отъ сердца и она снова проповѣдуетъ политику примиренія, т. е. политику стушевыванья, сглаживанья, замазыванья всѣхъ рѣзкихъ тѣней и слишкомъ видныхъ неровностей, и наведенія на нихъ общей глянцовитой политуры...

Къ такого рода проповѣди словомъ и дѣломъ — принадлежитъ и пресловутый банкетъ, данный въ Кіевѣ и описанный М. В. Юзефовичемъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»,—банкетъ, на которомъ торжествовали примиреніе Русской и Польской національностей въ Кіевѣ, не вѣдая въ слѣпотѣ, простотѣ и душевной пустотѣ своей, что этимъ самымъ утверждали право гражданства за *Польскою* народностью въ *Кіевѣ!* Мы не знаемъ ни одного Польскаго публициста,—ни одной печатной Польской строки (а настрочили Поляки цѣлыя горы всякихъ книгъ, книжицъ и книжонокъ политическаго содержанія), которая бы содержала въ себѣ отреченіе отъ ихъ наглыхъ притязаній усвоить Кіевскую область Польской національности. Этимъ притязаніямъ еще недавно, почти на дняхъ, данъ отпоръ Русскимъ народонаселеніемъ края,— и вотъ въ виду этого-то народонаселенія, еще полнаго тревожныхъ и основательныхъ опасеній,—въ виду постоянно раскрывающихся Польскихъ заговоровъ и козней, — фальшивая политика примиренія упрочиваетъ снова, уже было разбитую, позицію Поляковъ, которые, какъ Бурбоны, ни отъ чего не отреклись и ни къ чему новому не пристали. Впрочемъ, настоящая наша статья вызвана вовсе не Кіевскимъ банкетомъ, а тѣми совѣтами Русскимъ дѣятелямъ и повѣрочнымъ коммиссіямъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, которые мы прочли надняхъ въ одной Петербургской газетѣ. Мы однакожъ не обратили бы никакого вниманія на эти совѣты, если бы упомянутая газета не выдавала себя за органъ дворянства и high-life въ особенности, и еслибъ дѣйствительно въ этихъ строкахъ не слышался намъ—увы!—слишкомъ знакомый голосъ, который воздвигъ столько помѣхъ и преградъ крестьянскому дѣлу внутри самой Россіи, а въ прошломъ году и на Западной ея окраинѣ! Этотъ голосъ продолжаетъ и теперь пугать публику страшилищемъ соціализма и силится парализировать дѣятельность честныхъ людей, устремившихся въ Западный край на служеніе дѣлу Русской народности. Для среды, изъ которой исходитъ этотъ голосъ, — голосъ повидимому мудрости и благоразумія, но мудрости самой пошлой и благоразумія самаго дешеваго,—для этой среды принципъ аристократическій, принципъ патримоніальной власти, важнѣе принципа національности,—отвращеніе къ простонароднымъ массамъ сильнѣе отвращенія къ высшимъ слоямъ, отрицающимъ права нашей Русской народности. Извѣстно, что теперешніе Польскіе магнаты и аристократы, уроженцы Западно-Русскаго края, оправдываютъ измѣну своихъ предковъ православію и русской народности тѣмъ, что они испугались преобладанія грубыхъ необразованныхъ народныхъ массъ, а потому и предпочли тѣснѣйшее соединеніе съ національностію Польской

шляхты, носительницей просвѣщенія и аристократическаго духа. Съ такой же точки зрѣнія, конечно, не отдавая самимъ себѣ въ этомъ отчета, смотрятъ и теперь тѣ наши Русскіе, которые держатъ сторону Польскаго помѣщичьяго класса въ Западной Россіи потому только, что этотъ классъ помѣщичій, «цивилизованный», и потому, что они, эти Русскіе, пуще преобладанія Польской національности боятся призрака соціализма, созданнаго ихъ же собственнымъ воображеніемъ.

«Въ настоящее время говоритъ газета «Вѣсть» въ передовой статьѣ 21-го №, — полное спокойствіе царствуетъ въ нашихъ *литовскихъ* (?) губерніяхъ. Польская агитація *навсегда* подавлена и Русскій элементъ торжествуетъ». Приступъ повидимому совершенно благонамѣренный, — но самъ авторъ этихъ строкъ не можетъ не знать, что агитація подавлена только наружнымъ образомъ, что борьба, настоящая, общественная борьба, теперь только и начинается, борьба православія и Русской народности съ латинствомъ и полонизмомъ. Но авторъ для того такъ громко и возвѣстилъ торжество Русскаго элемента, чтобъ имѣть основаніе устранить всякій вопросъ о національностяхъ. «Теперь—продолжаетъ онъ—говоря о Западномъ краѣ, рѣчь можетъ идти, конечно, не о мятежныхъ шайкахъ, а о вопросахъ, подлежащихъ мирному холодному разрѣшенію, вопросахъ, которые находятся въ рукахъ тамошней Русской администраціи. Крестьянскій вопросъ, дѣятельность повѣрочныхъ коммисій - вотъ о чемъ можно теперь говорить. Объ этой дѣятельности, къ сожалѣнію, носятся слухи далеко неутѣшительные. Говорится о пристрастіи чиновниковъ съ одной стороны въ пользу *низшихъ* классовъ населенія». Обвиненіе не только несправедливое само по себѣ, но и неправильно формулированное. Авторъ долженъ былъ бы выразиться такъ: говорится о пристрастіи чиновниковъ въ пользу *Русскаго* народа, *Русской* части населенія, потому что—не безъизвѣстно «Вѣсти»—*низшіе* классы, вмѣстѣ съ духовенствомъ, тамъ единственные представители Русской народности. Публицистъ «Вѣсти» и ему подобные не хотятъ знать въ Западномъ краѣ ни Русскихъ, ни Поляковъ, видятъ только низшіе и высшіе классы,—а что сочувствіе ихъ вездѣ и всюду принадлежитъ *высшимъ* это они объявляютъ и печатаютъ постоянно. Мы же не хотимъ видѣть тамъ ни низшихъ, ни высшихъ классовъ, видимъ только Русскихъ, которыхъ народность нѣсколько вѣковъ сряду подвергалась всяческому уничтоженію, и Поляковъ или ополячившихся туземцевъ, которыхъ Польская національность, въ теченіе вѣковъ, незаконно преобладала въ Русской землѣ надъ Русскимъ народомъ, да и до сихъ поръ преобладаетъ, благодаря своему положенію, какъ класса высшаго и землевладѣльческаго. Для насъ лично, да вѣроятно и для всякаго Русскаго, интересы Русской народности, слѣдовательно простого народа, въ Западномъ краѣ стоятъ выше интересовъ Польской національности и Польскаго дворянскаго класса, пока дворяне не отреклись отъ Польской національности, или, вѣрнѣе сказать—отъ ренегатства, совершеннаго ихъ Русскими, не устоявшими противъ соблазна, предками!

«Слухи эти должны имѣть дѣйствительное основаніе» — продолжаетъ «Вѣсть» — «если мы припомнимъ тѣ странныя фразы, которыми испещрена знаменитая записка г. Карпова». Эта записка помѣщена была въ 13 № «Дня». Мы рады, если этотъ добросовѣстный, дѣльный трактатъ пріобрѣлъ

знаменитость. Въ этой запискѣ г. Карповъ разсказываетъ — съ какими трудностями приходится бороться членамъ повѣрочныхъ комиссій, сколько терпѣнія, мужества, любви къ дѣлу и преданности убѣжденіямъ требуется отъ нихъ при повѣркѣ лживо-составленныхъ помѣщичьихъ уставныхъ грамотъ. Нельзя довѣрять цифрамъ крестьянскаго надѣла, показаннымъ Польскимъ помѣщикомъ въ грамотѣ; необходимо измѣрить этотъ надѣлъ на мѣстѣ, а для этого необходимо членамъ комиссіи обойти пѣшкомъ по болотамъ весь крестьянскій надѣлъ, разбитый иногда (какъ мы сами видѣли на планѣ) на тысячу кусочковъ для какихъ-нибудь 18 крестьянскихъ дворовъ. И Польскіе помѣщики еще позволяютъ себѣ жаловаться на недовѣріе, на притязательность, на низкую оцѣнку! и Русская газета еще вторитъ этимъ жалобамъ, въ ущербъ Русскимъ крестьянамъ! Мы потому въ особенности не можемъ оставаться равнодушными къ этимъ нападкамъ «Вѣсти», что несправедливыя жалобы Польскихъ помѣщиковъ, повторенныя Петербургскимъ эхомъ, уже много запутали дѣло и даже нѣсколько смутили дѣятельность мѣстной администраціи. Къ счастію, главный начальникъ Сѣверо-Западнаго края, какъ намъ пишутъ, убѣдился въ неосновательности большей части жалобъ и въ справедливости доводовъ, представленныхъ ему комиссіями. Но пойдемъ далѣе.

«Прежде строгость къ Польскимъ помѣщикамъ со стороны Русской администраціи»—разсуждаетъ «Вѣсть» — имѣла совершенно справедливое основаніе въ причинахъ политическихъ. Но теперь, въ силу послѣднихъ событій, *причины эти не существуютъ*». Какъ это? въ силу какихъ событій? вооруженнаго возстанія, вспомоществованія мятежу деньгами и вліяніемъ, сочувствія Польскимъ замысламъ и солидарности съ ними? Какія же другія послѣднія событія разумѣетъ «Вѣсть»? Адресы дворянства и усмиреніе мятежа военною силою? Адресы, противъ которыхъ былъ опубликованъ протестъ Польскою тайною прессою, — протестъ, который въ свою очередь остался безъ возраженія со стороны подписавшихъ его помѣщиковъ!! Усмиреніе мятежа—такое однако, которое еще не позволяетъ снять военнаго положенія и побудило еще недавно прибѣгнуть къ учрежденію военно-полицейскаго управленія даже въ разныхъ округахъ Юго-Западнаго края!!

«Въ настоящее время—возглашаетъ авторъ разбираемой нами статьи— въ Западномъ краѣ уже нѣтъ болѣе Поляковъ—Поляковъ въ смыслѣ національности: остались одни только Русскіе подданные, находящіеся подъ равнымъ покровительствомъ Русскихъ законовъ! Кого обманываетъ вѣстовщикъ «Вѣсти»? Развѣ самого себя, не болѣе. Онъ одинъ только расположенъ признать искомое за дѣйствительность или потому, что вовсе не знакомъ съ дѣломъ, о которомъ пишетъ, или потому, что настоящія, дѣйствительныя отношенія Поляковъ и Русскихъ въ Западномъ краѣ не слишкомъ смущаютъ его народное чувство. «Остались одни только Русскіе подданные и пр.! Да два года, десять, двадцать лѣтъ тому назадъ развѣ было иначе? Развѣ не говорили и тогда, развѣ не имѣли вы законнаго основанія сказать и въ то время, что Поляковъ нѣтъ, а существуютъ только Русскіе подданные, пользующіеся равнымъ покровительствомъ Русскихъ законовъ? Или два года, 10, 20 лѣтъ тому назадъ Поляки, по вашему, точно были, а теперь ихъ уже нѣтъ? Въ чемъ же разница? Куда же они дѣвались?

Измѣнились развѣ поземельныя отношенія? Чѣмъ заслужили они отъ васъ именно теперь названіе Русскихъ? Тѣмъ развѣ, что не дальше какъ вчера провозгласили этотъ Русскій край Польскимъ и возстали на Русское владычество вооруженною рукою? Или же всѣ они внезапно переродились, удостовѣрились въ своемъ историческомъ заблужденіи, повинились, покаялись, отреклись отъ Польской національности и стали Русскими, настоящими Русскими? Или вы полагаете, что Русскимъ быть незачѣмъ, а достаточно быть Русскимъ подданнымъ, чтобъ на этомъ основаніи пользоваться полнотою правъ гражданскихъ? Но если гдѣ-либо особенно вредною оказывается эта доктрина, устраняющая значеніе народности въ государствѣ,— такъ именно въ приложеніи къ Западно-Русскому краю. Дѣло идетъ не о внѣшнемъ покореніи края Русской державѣ, не о внѣшнемъ признаніи Русской власти, а объ утвержденіи Русской народности и православія въ Русскомъ краѣ, испытавшемъ сильное, пагубное вліяніе латинства и полонизма. Въ этомъ и состоитъ теперь вся задача и Русскаго правительства, и Русскаго общества. Это, кажется, ясно для всѣхъ. А между тѣмъ «Вѣсть» возглашаетъ ниже: «вопросъ (въ Западномъ краѣ) идетъ совсѣмъ не о національностяхъ»!? Это же повторяютъ теперь на всѣ лады и Поляки. Они только того и добиваются, чтобъ вопросъ о національностяхъ былъ отложенъ въ сторону, чтобъ имъ дозволено было, въ качествѣ Русскихъ подданныхъ, сохранить въ краѣ преобладающее значеніе. Адамъ Чарторыйскій, такъ много способствовавшій ополяченію Западныхъ губерній, дѣйствовалъ не только какъ Русскій подданный, но подъ покровомъ законной власти. Всѣ учителя Западно-Русскихъ гимназій, внѣдрявшіе чувство Польской національности въ сердцахъ Русскихъ дѣтей, были и есть Русскіе подданные. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему смѣнять мировыхъ посредниковъ, исправниковъ, становыхъ, писарей, учителей — Поляковъ? Оставить ихъ всѣхъ на мѣстахъ, въ качествѣ Русскихъ подданныхъ, по совѣту газеты «Вѣсть», отдать весь край въ распоряженіе *высшимъ* туземнымъ классамъ! Вѣдь это классы помѣщичьи, классы *высшіе*... Но это другими словами значитъ: бросить весь край на жертву Польской пропагандѣ, подчинить всѣхъ Русскихъ людей Полякамъ, слѣдовательно—отступиться отъ защиты Русской народности, подготовить отпаденіе края или заложить въ немъ источникъ вѣчныхъ смутъ, безпокойствъ и, можетъ быть, бунтовъ противъ Польскихъ высшихъ классовъ со стороны доведеннаго до отчаянія Русскаго простого народа! До этого вѣрно не додумалась благовоспитанная газета «Вѣсть», но вотъ къ чему ведетъ ея доктрина, къ чему ведутъ эти совѣты, которые коварно преподаются намъ Поляками, а нашими Русскими публицистами и повторяются спроста! Но это такая простота, о которой говоритъ пословица очень худо,—такая простота Русскому не извинительна. «Вѣсть», конечно, возразитъ намъ, что Русскіе подданные Поляки, обличенные по суду въ распространеніи полонизма, должны подвергаться наказанію: черезъ это устраняется всякая опасность, а между тѣмъ легальность будетъ соблюдена... Да, внѣшняя формальная легальность будетъ соблюдена, а высшая правда будетъ нарушена. И кто же не знаетъ, что пропаганда употребляетъ пути и способы невещественные, нравственные, неуловимые для формальнаго суда,—что она имѣетъ полную возможность разливать свой опасный ядъ—оставаясь въ предѣлахъ внѣшней законности, избѣгая бла-

гополучно всякаго юридическаго обличенія? Нужно ли, наконецъ, напоминать о Польскомъ катихизисѣ, который не только не опровергнутъ тѣмъ, что раскрылось по многочисленнымъ слѣдствіямъ, но вполнѣ подтвержденъ и оправданъ?

Мы видимъ главную причину зла, т. е. успѣховъ Польской пропаганды, въ нашемъ «индифферентизмѣ», т. е. безразличномъ отношеніи къ Русской народности; мы считаемъ необходимымъ участіе въ борьбѣ, съ нашей стороны, элементовъ общественныхъ, т. е. народнаго самосознанія, выработаннаго въ нашемъ обществѣ. Мы призываемъ къ дѣятельности въ томъ краю людей *Русскихъ*, преданныхъ дѣлу народности, людей *убѣжденныхъ*, способныхъ противостать силою этихъ своихъ національныхъ убѣжденій пресловутой и хваленой силѣ Польскаго патріотизма; мы напоминаемъ каждому, отправляющемуся въ тотъ край, что его призваніе—миссіонерство Русской народности,—а вотъ что старается внушить «Вѣсть», и къ сожалѣнію не одна «Вѣсть», дѣятелямъ, отправляющимся въ Западный край, въ противоположность внушеніямъ «Дня»: «Обязанности повѣрочныхъ коммиссій очень просты. Онѣ призваны, на основаніи ясно опредѣленныхъ инструкцій, окончить поземельный споръ между помѣщиками и крестьянами. Всякій чиновникъ коммиссіи, которому пришло бы въ голову, что онъ призванъ въ Западный край для возвеличенія *Русско-жмудинской* національности (какъ умѣстна эта иронія!), впалъ бы, конечно, въ большое заблужденіе. *Вопросъ идетъ совсѣмъ не о національностяхъ!..* Чиновники, которые взяты въ повѣрочныя коммиссіи, совсѣмъ не миссіонеры. Они простые исполнители закона и начальническихъ инструкцій. Чѣмъ проще будутъ они исполнять свои обязанности, тѣмъ болѣе заслужатъ они передъ правительствомъ и передъ обществомъ». Мы не беремся рѣшить, по примѣру «Вѣсти», что именно составляетъ заслугу передъ правительствомъ, но, конечно, они заслужатъ только презрѣніе предъ Русскимъ обществомъ, если забудутъ, что въ томъ краѣ главный вопросъ есть именно вопросъ о національностяхъ! Только тѣ Русскіе, которыхъ «Вѣсть» есть отголосокъ, въ состояніи забыть это, забыть, что край находится не въ нормальномъ положеніи, что теперь совершается расплата старыхъ историческихъ долговъ, воздвигается попранная народность, возстановляются древнія непризнанныя права,—что задача эта требуетъ, для своего исполненія, самыхъ напряженныхъ усилій не только правительства, но и всего Русскаго общества. Теперь-то и нужно Русскимъ людямъ дать свидѣтельство истинной любви въ своей народности, или пожалуй «патріотизма» (это слово понятнѣе для «Вѣсти»), а не откладывать патріотизмъ въ сторону, какъ совѣтуетъ «Вѣсть», и ограничиваться чисто чиновническою формальною обязанностью. Знаетъ ли г. совѣтчикъ, что если членъ повѣрочной коммиссіи остановится у Польскаго помѣщика въ какомъ-нибудь пустомъ флигелѣ, приметъ отъ него самое невинное угощеніе (все это нисколько не запрещено закономъ и было бы совершенно легально), то онъ лишился бы тотчасъ всякого довѣрія крестьянъ,—крестьяне не посмѣли бы ему разсказать правды, а, не добившись отъ нихъ правды, онъ невольно долженъ былъ бы поступить по указаніямъ только одной стороны, слѣдовательно большею частью несправедливо? Мы нисколько не намѣрены оправдывать поступковъ несправедливыхъ, насильственныхъ и такъ далѣе, но признаемъ не-

премѣнною обязанностью каждаго Русскаго тамъ пребывающаго—помнить каждую минуту, что каждый его шагъ, каждое дѣйствіе могутъ служить къ возвеличенію или къ униженію—чисто-нравственному—Русскаго имени и Русскаго народнаго чувства въ мѣстномъ населеніи. Ему нѣтъ надобности совершать противузаконные поступки, превышать свою власть и чинить насиліе и грубость Польскимъ помѣщикамъ, для того, чтобы быть, въ предѣлахъ для него возможныхъ, именно миссіонеромъ, т. е. развивать сознаніе, укрѣплять чувство Русской національности, поднимать духъ забитаго Поляками и Жидами Русскаго простого народа въ Западномъ краѣ... Мы надѣемся, что совѣты «Вѣсти» и всей среды, раздѣляющей ея мнѣнія, останутся втунѣ. Успѣхъ ея совѣтовъ,—безъ вѣдома для нея самой, конечно,—былъ бы на бѣду Русскому дѣлу и на радость Польскому жонду!

Далѣе «Вѣсть» прибѣгаетъ къ своему обычному аргументу, къ несчастію довольно сильному для многихъ: она хочетъ заставить видѣть во всѣхъ дѣйствіяхъ повѣрочныхъ комиссій извѣстную соціальную пропаганду, могущую повести къ весьма дурнымъ прослѣдствіямъ», и разумѣется, по своему обыкновенію, обвиняетъ въ соціализмѣ «День» и все такъ-называемое славянофильское направленіе... Закончимъ обзоръ внушеній С.-Петербургской газеты «Вѣсть» выпискою изъ недавней весьма любопытной передовой статьи Краковскаго «Часа», этого яраго шляхтича, отъявленнаго ненавистника Россіи и преданнѣйшаго слуги Польской справѣ (см. № 56). Эта статья особенно замѣчательна по своему сдержанному тону, уже совершенно не похожему на прежній обыкновенный тонъ «Часа».

«Краковъ 8 іюня. Удивительное дѣло!... Введеніе въ дѣйствіе (въ Царствѣ Польскомъ) указовъ 19 февраля (2 марта) взяла на себя не администрація, какъ бы этого слѣдовало ожидать, а *школа*. Школа эта дѣйствуетъ съ полною систематичностью, и на этотъ разъ нельзя сказать того, что̀ прежде повторялось такъ часто: что Русскій произволъ можно сдержать *подкупомъ!* Комиссіи, посланныя для введенія указовъ, составлены, какъ насъ извѣщаютъ, изъ людей независимыхъ, относительно образованныхъ, по большей части даже привѣтливыхъ... Пріѣзжаютъ въ страну съ миссіей цивилизаторовъ и, кажется, совершенно убѣждены, что оказываютъ заслугу не только своему правительству и своему отечеству, но всему человѣчеству» (т. е. надѣленіемъ крестьянъ землею и правами). «Фридрихъ II, кажется, говаривалъ: еслибъ я хотѣлъ наказать какую-нибудь провинцію, то отдалъ бы ее на нѣкоторое время подъ управленіе философовъ. Вотъ болѣе или менѣе такое же наказаніе ниспослано и теперь на Польшу Россіей...» Далѣе «Часъ» разсказываетъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «крестьяне перестали наниматься, а сельская челядь служить», и старается запугать Русское правительство вредными послѣдствіями для него самого крестьянской реформы. (О чемъ же хлопочетъ «Часъ»? Тѣмъ лучше для «Часа», если послѣдствія крестьянской реформы будутъ опасны для Русскаго владычества? Но онъ прежде всего шляхтичъ, а крестьяне—хлопы!)... «Какъ Поляки, говоритъ онъ, можемъ жалѣть объ этомъ; политическіе люди будутъ удивляться Русскому правительству. Русскіе государственные люди должны подумать», убѣждаетъ «Часъ», «что они могутъ нанести этимъ зло и самой Россіи». Очень интересно самое заключеніе статьи «Часа»: «Нѣтъ мелочей въ томъ, что̀ мы пишемъ. Каждый шагъ, по нашему мнѣнію, имѣетъ

свое значеніе, поэтому не можемъ оставить безъ вниманія и слѣдующаго обстоятельства. До какой степени комиссіи стараются избѣгать показывать даже видъ сочувствія къ помѣщикамъ, можно видѣть изъ того, что *комиссіи ни въ одномъ помѣщичьемъ домѣ не приняли угощенія:* собираются въ корчмахъ, куда, вѣроятно изъ уваженія къ правамъ равенства, приглашаютъ и помѣщиковъ».

Шляхетскій «Часъ» и не подозрѣваетъ, какую лестную, доселѣ небывалую аттестацію далъ онъ нашимъ Русскимъ дѣятелямъ, приводящимъ въ исполненіе въ Польшѣ тотъ соціальный переворотъ, который совершила Россія у себя дома, который только она одна призвана и въ состояніи совершить въ Польскомъ обществѣ, и помощью котораго только и можетъ переродиться Польша, къ собственному же своему благу... Но не напоминаетъ ли этотъ «Часъ» своими разсужденіями таковыхъ же разсужденій и въ нашей Русской средѣ—о нашихъ повѣрочныхъ комиссіяхъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ?

Еще полемика съ «Вѣстью».

Москва, 5-го сентября 1864 г.

Многіе изъ нашихъ читателей находятъ страннымъ, что мы иногда отзываемся на передовыя статейки газеты «Вѣсть»—«органа землевладѣльческихъ интересовъ», какъ она безпрестанно сама себя величаетъ въ безпрестанно печатаемыхъ ею объявленіяхъ. Мы совершенно согласны, что мнѣнія, высказываемыя этою газетою, не заслуживали бы сами по себѣ никакого вниманія, еслибъ это были только *личныя* мнѣнія гг. редакторовъ «Вѣсти». Что намъ за дѣло до наѣздовъ, чинимыхъ этими господами, чуть ли не въ каждомъ №, на нашъ—по ихъ выраженію—«демократическій и фанатическій «День»? Эти наѣзды такъ нечувствительны, такъ безвредны, несмотря на свою наружную запальчивость, что служатъ болѣе для удовольствія самихъ наѣздниковъ... «Вѣсть» только ими, этими наѣздами, и пробавляется. Что намъ за дѣло до личныхъ помѣщичьихъ вкусовъ, наклонностей, симпатій и антипатій гг. Юматова и Скарятина, съ ихъ сателлитомъ—г. Бланкомъ? Присвоиваемое ими себѣ значеніе «органа землевладѣльческихъ интересовъ» также не побудило бы насъ придавать особенную важность ихъ разглагольствіямъ и диѳирамбамъ. Какъ ни шпорятъ, до пота лица, гг. редакторы свою помѣщичью клячу, стараясь поспѣть всюду, гдѣ рѣчь идетъ о помѣщикахъ и дворянахъ; какъ ни выбиваются изъ силъ, усердствуя въ защитѣ ихъ правъ и привилегій противъ сонма воображаемыхъ враговъ, мы не думаемъ однако, чтобы всѣ Русскіе землевладѣльцы, или по крайней мѣрѣ большинство ихъ согласилось называть «Вѣсть» своимъ органомъ. Едва ли коренные Русскіе землевладѣльцы (развѣ за малымъ исключеніемъ) рѣшатся причислить къ категоріи Русскихъ землевладѣльческихъ интересовъ—интересы Польскихъ *помѣщиковъ* въ Западно-Русскомъ краѣ, принятыхъ подъ особенное покровительство «Вѣсти» на томъ только основаніи, что они— *помѣщики.* Едва ли также придутся имъ по сердцу,

подъ видомъ землевладѣльческихъ интересовъ, аристократическія вожделѣнія этой газеты, благоговѣйныя описанія баловъ и раутовъ Петербургскаго high-life—и наконецъ то особенное чувство, съ которымъ гг. защитники дворянства такъ хвастливо перечисляютъ сотни именъ Русскихъ дамъ и дѣвицъ изъ дворянскихъ фамилій, *удостоившихся*, въ теченіе столѣтія, вступить въ браки съ иностранцами дипломатическаго корпуса! Съ какимъ забавнымъ тщаніемъ, съ какою гордою радостью и самодовольствомъ составленъ этотъ лестный, по мнѣнію гг. редакторовъ, для Русскаго дворянскаго сердца списокъ!... Но продолжаемъ. Итакъ не присвоиваемое себѣ «Вѣстью» новое названіе заставляетъ насъ обращать вниманіе на ея сужденія и толки, а то обстоятельство, что эта газета служитъ дѣйствительно органомъ нѣкоторымъ землевладѣльцамъ, составляющимъ, конечно, меньшинство, но все же меньшинство не безъ вліянія въ нѣкоторыхъ сферахъ нашей «Сѣверной Пальмиры». На эту свою зависимость отъ нѣкоторой партіи въ Петербургѣ, разумѣется не иной, какъ дворянской, редакція «Вѣсти» сама намекаетъ довольно ясно въ одномъ изъ послѣднихъ №№ слѣдующими словами: мы (редакторы) не можемъ измѣнить Русскому знамени, еслибъ даже и захотѣли: насъ *остановятъ!* намъ не дадутъ досказать слово измѣны тѣ истинно-Русскіе люди, ***мысль которыхъ мы выражаемъ въ печати***, Русское чувство которыхъ одушевляетъ наше слабое перо: эти люди ***не колеблются!***» Вотъ этихъ-то людей мысли, которыя выражать въ печати взялись гг. Юматовъ и Скарятинъ, этихъ людей мысли насъ и интересуютъ, по особеннымъ причинамъ и соображеніямъ... Однимъ словомъ, «Вѣсть» служитъ отголоскомъ того направленія, которое старалось въ прошломъ году парализировать, по возможности, значеніе повѣрочныхъ коммиссій въ Западномъ краѣ, и отчасти успѣло въ томъ, и которое интересъ аристократическаго принципа ставитъ выше интереса народности. Если мы не всегда и не во всемъ сочувствуемъ съ тою административною системою, которая дѣйствуетъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, то мы еще менѣе сочувствуемъ съ тою системой, представителемъ которой служитъ «Вѣсть». «Вѣсть», или лучше сказать «люди, мысль которыхъ редакторы «Вѣсти» выражаютъ въ печати», нападаютъ на насъ за то, что мы стараемся «искоренить въ Западныхъ нашихъ губерніяхъ элементъ Польскихъ помѣщиковъ»: слѣдовательно они, эти люди, готовы были бы, съ своей стороны, признать и удержать въ этой части Россіи «элементъ Польскихъ помѣщиковъ» (замѣтьте, читатели: дѣло идетъ не о лицахъ, а о цѣломъ *элементѣ*). «Вѣсть» или та партія, которая признаетъ ее своимъ органомъ, старается распространить въ Русской публикѣ убѣжденіе, что «*Польскіе* помѣщики — это были, есть и всегда будетъ самый *консервативный* элементъ, наименѣе склонный къ революціямъ!.. «Мы никогда не вѣрили и теперь не вѣримъ, чтобы двигателями и главными пружинами мятежа были помѣщики»,—восклицаетъ «Вѣсть»! (№ 33). Тутъ, кажется, нѣтъ надобности и *вѣрить*,—тутъ представляется полная невозможность не знать и нельзя не удивляться такому безцеремонному обращенію съ очевиднымъ и всѣмъ извѣстнымъ фактомъ. Неужели же Свѣнторжецкій, повѣсившій священника Конопасевича и котораго помѣщичья усадьба сожжена до-тла по распоряженію генерала Муравьева, и графы Замойскіе, дѣятельные сотрудники бывшаго «жонда»,—не помѣщики?.. Но для партіи, которая выражаетъ свои мысли въ «Вѣсти», принципъ помѣ-

ципій выше всего, выше самой правды, — не говоря уже объ интересахъ Русской народности. Она считаетъ себя солидарною съ интересами не народными, Русскими, а аристократическими и землевладѣльческими всего земного шара, и можетъ съ полнымъ правомъ сказать про себя, пародируя извѣстное изреченіе: homo sum et nihil humani a me alienum puto,—«помѣщикъ есмь и ничто помѣщическое мнѣ не чуждо». На этомъ основаніи «Вѣсть» обязана, сохраняя вѣрность своему принципу, защищать права и интересы помѣщиковъ, т. е. плантаторовъ Южныхъ Американскихъ штатовъ!.. Причисляя «День» къ противоположному себѣ лагерю, землевладѣльцы, которыхъ мысль выражается «Вѣстью», говорятъ про насъ слѣдующее: «несмотря на окончательную побѣду нашихъ войскъ, люди этого лагеря хотѣли бы продолжать войну уже не съ шайками мятежниковъ, но *съ Польскимъ элементомъ!*» Да какъ же иначе? Съ чѣмъ именно, какъ не съ Польскимъ элементомъ въ Западномъ краѣ Россіи, и обязаны воевать мы, Русскіе? Мы никогда не придавали особеннаго значенія открытому возмущенію; мы всегда были увѣрены, что побѣда вещественная, побѣда силы будетъ на сторонѣ силы,—т. е. на нашей; мы постоянно твердимъ и твердили, что миръ намъ опаснѣе войны, что намъ страшны не Поляки, а полонизмъ, дѣйствующій скрытно подъ покровомъ мира, — что Чарторыйскіе и Чацкіе надѣлали болѣе зла Россіи, чѣмъ всѣ вооруженные Поляки, взятые вмѣстѣ, благодаря тому общественному положенію, которое они занимали, благодаря тому обаянію, которое они, какъ аристократы, богатые землевладѣльцы и Русскіе государственные люди, производили на умы Русскихъ землевладѣльцевъ своего времени, — весьма похожихъ на тѣхъ, которые въ наше время проповѣдуютъ въ дворянской газетѣ «Вѣсть» свою теорію примиренія съ господствомъ *Польскаго* элемента на Русской землѣ!.. «Мы—возглашаютъ про самихъ себя редакторы «Вѣсти» —говоря о Полякахъ въ Западномъ краѣ — «мы признаемъ Русскимъ всякаго подданнаго Россіи!» Поздравляемъ землевладѣльцевъ, дающихъ внушенія «Вѣсти», съ такимъ широкимъ пониманіемъ принципа Русской народности, которое не признаетъ иного для нея основанія и не видитъ никакого различія между Русскимъ и Полякомъ, какъ скоро Полякъ, сохраняя свои національныя убѣжденія, состоитъ въ числѣ Русскихъ подданныхъ. Это безразличное отношеніе особенно легко и дешево усвоивается тѣми, которые отрицаютъ права Русской народности на самостоятельное духовное бытіе и для которыхъ истинными представителями Русской народности служатъ салоны... Ничего не можетъ быть забавнѣе этого мнимо-рыцарскаго и псевдо-джентльменскаго отношенія къ Польскому вопросу публицистовъ «Вѣсти» и нѣкоторыхъ другихъ газетъ.— «Мы не Русскіе, мы Поляки!» —твердятъ съ отчаянною смѣлостью, упорствомъ, достойнымъ лучшаго дѣла, помѣщики-Поляки Западнаго края: мы желаемъ отторгнуть этотъ край отъ Россіи и возстановить Польшу 1772 года, мы пытались на разъ привести въ исполненіе наши замыслы, — попытки не удались, мы смиряемся предъ силой, но мы не отказываемся отъ своей завѣтной мечты — вотъ что̀ во всеуслышаніе всего міра возглашаютъ они вездѣ и всюду, и на митингахъ, и въ газетахъ, и въ судебныхъ и въ парламентскихъ залахъ,—вотъ что̀ объявляютъ торжественно адвокаты Познанскихъ Поляковъ, оправдывая своихъ кліентовъ тѣмъ, что въ нынѣшній разъ Поляки предполагали ограничиться только

Литвой, Бѣлоруссіей и Украйной съ Кіевомъ, оставивъ въ покоѣ Познань и Галицію. И ни одинъ-единый Полякъ нигдѣ и никогда до сихъ поръ не отрекался, публично или печатно, отъ своихъ притязаній на Русскія Западныя области! А аристократическій Русскій органъ, какъ себя называетъ «Вѣсть», или, лучше сказать, та партія, которой «Вѣсть есть только вѣрное выраженіе, твердитъ этимъ Полякамъ въ свою очередь: «а мы все-таки считаемъ васъ Русскими, потому что вы подданные Россіи; всякій же «подданный Россіи есть Русскій» и потому мы обязаны вамъ предоставить даже въ этихъ губерніяхъ совершенную полноправность»—другими словами: ту полноправность, которая необходима Полякамъ для постепеннаго осуществленія ихъ замысловъ. Всѣ эти разглагольствія сводятся на практикѣ къ слѣдующему совѣту: 1) удержать въ Западномъ краѣ элементъ Польскихъ помѣщиковъ; 2) признать Польскихъ помѣщиковъ представителями Русскаго земства и Русскаго народонаселенія, на томъ основаніи, что они помѣщики Россійской имперіи, слѣдовательно такіе же Русскіе, какъ и самый народъ, какъ и мы всѣ: такъ думаютъ тѣ «истинно-Русскіе люди», которыхъ мысль выражается газетою «Вѣсть!»; 3) оставить въ краѣ на всѣхъ мѣстахъ чиновниковъ Польскаго происхожденія и отдать всю мѣстную власть въ руки Поляковъ-помѣщиковъ и чиновниковъ, на томъ основаніи, что они — по тому же умозаключенію «Вѣсти» —такіе же, какъ и мы, Русскіе, а какъ таковые, они не могутъ же быть лишены права служить тамъ, гдѣ находятъ для себя удобнѣйшимъ... 4) уставныя грамоты въ Западномъ краѣ не должны быть перевѣряемы, ибо въ остальной Россіи, для Русскихъ помѣщиковъ, уставная грамота служитъ юридическимъ актомъ, опредѣляющимъ окончательно отношенія ихъ къ крестьянамъ. Нужды нѣтъ, что въ уставныхъ грамотахъ этихъ губерній помѣщики-Поляки оцѣнили крестьянскую землю вдесятеро, а иногда и во сто разъ дороже ея настоящей стоимости; нужды нѣтъ, что они при составленіи уставныхъ грамотъ руководствовались особенными политическими цѣлями и старались поставить крестьянъ въ полную отъ себя зависимость; нужды нѣтъ, что цѣль манифеста 19 февраля — дѣйствительное улучшеніе быта крестьянъ — нисколько этими уставными грамотами, сфабрикованными Поляками-помѣщиками вмѣстѣ съ Поляками-мировыми посредниками, не достигается, и большею частью, по этимъ уставнымъ грамотамъ, земли за крестьянами показано несравненно больше, чѣмъ существуетъ въ натурѣ... Что за надобность! — «Теперь нѣтъ больше мятежниковъ, вопіетъ «Вѣсть», и всѣ равно заслуживаютъ покровительства законовъ...» Польскіе помѣщики вѣдь такіе же полноправные Русскіе, какъ и Тамбовскіе и Рязанскіе помѣщики,—стало быть уставныя грамоты помѣщиковъ Западнаго края должны оставаться такими же непреложными актами, какъ и въ Тамбовской и Рязанской губерніи! Вотъ логическіе выводы изъ разсужденій «Вѣсти»! Что же касается до несчастныхъ Бѣлорусскихъ и Украинскихъ крестьянъ, то удовлетворять ихъ требованія — по мнѣнію «Вѣсти» — значитъ потворствовать демократическимъ наклонностямъ, вызывать къ жизни страшилище соціализма, варварства, и — чего Боже сохрани — потрясти уваженіе къ помѣщичьему принципу. «Вѣсть», какъ видно, рѣшительно предпочитаетъ униженное состояніе Русскаго народа въ званіи холоповъ Польскихъ помѣщиковъ — наималѣйшему оскорбленію, въ лицѣ послѣднихъ, аристократическаго начала! И въ самомъ

дѣлѣ: ну какъ же можно дать предпочтенiе Бѣлорусскому мужику предъ Польскимъ паномъ?! послѣднiй все-таки панъ, человѣкъ образованный, Европеецъ, съ нимъ можно и по-Французски поговорить, его можно пустить и въ тѣ салоны, которые описываетъ въ «Вѣсти» нѣкая г-жа Китти, и если отъ него и приходится Русскимъ мужикамъ жутко, такъ вѣдь это же мужики, демократы!! А что они, эти мужики, Русскiе и вмѣстѣ съ православнымъ духовенствомъ суть единственные туземные представители Русской народности, о чемъ намъ прожужжала всѣ уши Московская журналистика, такъ для насъ и Поляки точно такiе же представители Русскаго элемента, такiе же точно Русскiе и къ тому же имѣютъ то неоцѣненное преимущество, что они помѣщики и люди цивилизованные!.. Но обратимся снова къ послѣдовательному ряду совѣтовъ, къ которымъ сводятся на практикѣ мысли партiи землевладѣльцевъ, имѣющей своимъ органомъ газету «Вѣсть». Въ 5-хъ) слѣдовало бы, по теорiи «Вѣсти», доискать съ Бѣлорусскихъ крестьянъ всѣ оброки и недоимки въ пользу Польскихъ помѣщиковъ, накопившiеся въ теченiе всего смутнаго времени. Извѣстно, что когда начался мятежъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, то крестьяне остановились платежомъ оброка на томъ основанiи, что помѣщики, на ихъ глазахъ, прямо или косвенно способствовали мятежу и старались увлечь крестьянъ къ измѣнѣ Русской народности, вѣрѣ и власти. Пока еще мятежъ не вполнѣ разгорѣлся и въ управленiи краемъ господствовала иная система, многiе Польскiе помѣщики, во имя законности и соцiалистскаго пугала, требовали отъ правительства вооруженнаго содѣйствiя ко взысканiю съ крестьянъ оброковъ, которые или обращались потомъ въ кассу жонда, или же частiю прощались помѣщикомъ для того, чтобы въ глазахъ крестьянъ явиться великодушнѣе Русской власти и прiобрѣсть крестьянъ на свою сторону. Крестьяне не поддались на эти приманки, остались вѣрными Русскому государю, несмотря на то, что мѣстная Русская власть покровительствовала тогда болѣе помѣщикамъ, чѣмъ крестьянамъ... Крестьяне перетерпѣли всѣ эти невзгоды и заслужили тѣмъ вѣчную признательность Россiи. Когда же, при новомъ управленiи, раскрылись всѣ козни и ковы Польскихъ помѣщиковъ, то, конечно, пополнять кассу жонда оброками Русскихъ крестьянъ—признано было не вполнѣ согласнымъ съ здравымъ смысломъ, и строгое взысканiе оброковъ прiостановлено. Затѣмъ обнаружилось, что самое опредѣленiе цифры оброковъ основано было на самомъ невѣрномъ расчетѣ, т. е. на ложномъ показанiи количества и качества земли, числящейся за крестьянами... Вообразите, читатель, что съ васъ берутъ проценты съ тысячи рублей, когда вы должны только сто или двѣсти: въ такомъ положенiи находились, да отчасти еще находятся и теперь крестьяне Западно-Русскаго края. Очевидно, что слѣдовало прiостановить взысканiе, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока повѣрочныя коммиссiи не повѣрятъ всѣхъ уставныхъ грамотъ на мѣстѣ. Коммиссiи едва приступили къ своему благородному труду, какъ тутъ-то и начались вопли газеты «Вѣсть» и ея «Русскихъ людей». Они находили, что повѣрочныя коммиссiи цѣнятъ помѣщичьи земли слишкомъ выгодно для крестьянъ, и пустили въ ходъ, по обыкновенiю, страшилище соцiализма, чтобы соблюсти интересы Польскихъ землевладѣльцевъ. Эти вопли не остались безъ послѣдствiй и волей-неволей отразились на дѣятельности повѣрочныхъ коммиссiй — къ выгодѣ Польскихъ помѣщиковъ и въ ущербъ крестьянъ, оставшихся вѣр-

ными Россіи и, благодаря Польскому безумному мятежу, разоренныхъ и изнуренныхъ необходимымъ послѣдствіемъ мятежа —воинскимъ постоемъ и военнымъ положеніемъ. Тѣмъ не менѣе взысканіе оброковъ производилось не строго, въ ожиданіи конца работъ повѣрочныхъ коммиссій. Теперь намъ пишутъ изъ Сѣверо-Западнаго края, что крестьяне чрезвычайно встревожены слухомъ, будто *велѣно будетъ взыскать всѣ недоимки и оброки, слѣдующіе Польскимъ помѣщикамъ, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, съ преданіемъ неплательщиковъ военному суду*, съ продажею ихъ имуществъ и не обращая вниманія на то, что во многихъ мѣстахъ работы повѣрочныхъ коммиссій еще не кончены: т. е. это значило бы, что нынче въ одномъ имѣніи можетъ быть взысканъ оброкъ на основеніи фальшиво-составленной уставной грамоты, положимъ въ тысячу рублей, а завтра коммиссія, пріѣхавъ въ имѣніе и повѣривъ грамоту, нашла бы, можетъ быть, что оброку слѣдовало бы уплатить только 100 рублей,—но уже поздно, оброкъ взысканъ! Нѣтъ сомнѣнія, что эти тревожные слухи распускаются Поляками для того, чтобы представить, въ глазахъ крестьянъ, въ черномъ свѣтѣ благодарность Русскаго правительства за услуги, крестьянами оказанныя, —но, читая газету «Вѣсть», мы приходимъ къ убѣжденію, что подобная мѣра строгаго взысканія оброковъ съ Бѣлорусскихъ крестьянъ какъ разъ подходитъ подъ требованія теоріи, проповѣдываемой этою газетой. Въ самомъ дѣлѣ: мятежниковъ больше нѣтъ, и затѣмъ, въ глазахъ газеты «Вѣсть» и ея партіи, въ Западно-Русскомъ краѣ нѣтъ ни Поляковъ, ни Русскихъ, ни вопроса о національности, и уже никакой борьбы съ Польскимъ элементомъ быть не должно: существуютъ только помѣщики, которые не получаютъ оброковъ, и крестьяне-ослушники, не платящіе оброка, избалованные благопріятными для нихъ обстоятельствами, потворствомъ повѣрочныхъ коммиссій и демократовъ-чиновниковъ: отсюда послѣдствіе прямое: взыскать въ пользу помѣщиковъ-Поляковъ сполна весь оброкъ съ Русскихъ мужиковъ, и тѣмъ спасти значеніе помѣщичьяго элемента, сокрушивъ въ зародышѣ гидру соціализма!!! Вотъ смыслъ всѣхъ внушеній газеты «Вѣсть»... Мы надѣемся, что твердость и ясное разумѣніе дѣлъ главнаго начальника края не допустятъ никогда осуществленія подобныхъ мечтаній Санктпетербургской газеты и ея партіи, на радость Полякамъ и на горе Русскому населенію... Съ нетерпѣніемъ ждемъ оттуда извѣстій... Читатели понимаютъ теперь, почему мы занимаемъ ихъ вниманіе статейками газеты «Вѣсть»?!..

— —

По поводу указовъ о народномъ просвѣщеніи въ Польшѣ.

Москва, 19-го сентября 1864 г.

Мы еще не сказали ни слова нашимъ читателямъ о новыхъ замѣчательныхъ указахъ, относящихся до народнаго просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ и обнародованныхъ вмѣстѣ съ рескриптомъ, не менѣе замѣчательнымъ, на имя намѣстника Царства, графа Берга. Мы выжидали, когда поуляжется нѣсколько возбужденная симъ обстоятельствомъ шумная рѣчь нашихъ оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ газетъ,—выжидали именно

потому, что и нашъ собственный отзывъ—вовсе не отрицательнаго свойства. Мы не можемъ не выразить искренняго и полнаго сочувствія съ слѣдующими, напримѣръ, словами рескрипта, свидѣтельствующими о высокомъ уваженіи къ наукѣ и о благородной вѣрѣ въ ея свободу. «Не дозволяя *ни себѣ*, ни кому бы то ни было—говоритъ 3-й пунктъ рескрипта—*превращать разсадники науки въ орудія для достиженія политическихъ цѣлей*, учебныя начальства должны имѣть въ виду одно лишь безкорыстное служеніе просвѣщенію, постоянно улучшая систему общественнаго воспитанія въ Царствѣ и возвышая въ немъ уровень преподаванія». Таковъ принципъ, положенный рескриптомъ въ основаніе всего дѣла. Какіе именно практическіе плоды принесетъ эта новая либеральная мѣра въ Польшѣ—это вопросъ другой и, конечно, важный, но на который только будущее дастъ отвѣты... Безъ сомнѣнія, успѣхъ этихъ новыхъ мѣръ будетъ много зависѣть отъ тѣхъ добавочныхъ распоряженій, которыми, какъ сказано въ рескриптѣ, должно сопровождаться исполненіе ихъ со стороны мѣстнаго Министерства просвѣщенія и Учредительнаго Комитета, но теперь мы имѣемъ возможность и право дѣлать наши заключенія—только по буквѣ лежащаго предъ нашими глазами текста указовъ.

Съ этой точки зрѣнія, отношеніе, въ которое становится государство къ народному образованію въ Царствѣ Польскомъ, есть, по нашему мнѣнію, единое правильное—какъ для Польши, такъ и для Россіи, такъ и вездѣ и всюду это отношеніе чисто внѣшнее, нисколько не тенденціозное; правительство указываетъ пути и средства къ образованію, но не опредѣляетъ, какъ бывало прежде, ни направленія, которому образованіе должно слѣдовать, ни тѣхъ началъ, которыя должны быть проводимы въ народъ и общество помощью педагогіи; оно не вмѣшивается въ собственный міръ науки, не посягаетъ на ея независимость, не исключаетъ той или другой отрасли знанія, какъ несогласной съ правительственными политическими видами,—не предписываетъ—ни чему учить, ни какъ учить. Извѣстно, что при прежней системѣ управленія, которая водворена была въ Польшѣ послѣ мятежа 1831 года, правительство особыми инструкціями давало извѣстное, соотвѣтственное своимъ цѣлямъ, направленіе каждой наукѣ. Классическое образованіе въ гимназіяхъ признано было вреднымъ и замѣнено такъ-называемымъ реальнымъ, въ томъ, вѣроятно, предположеніи, что практицизмъ непремѣнно ослабитъ тотъ пресловутый духъ патріотизма, которымъ гордится Польская шляхта. О томъ—къ чему, къ какому совершенно противоположному результату привела эта система—едва ли есть надобность и напоминать. Рѣдко оказывается исторіею подобная многоцѣнная услуга, чтобъ послѣдствія такъ скоро обличили неправильность основанія и чтобы плоды почти непосредственно слѣдовали за посѣвомъ! Такимъ образомъ система прежняго общественнаго воспитанія быстро понизила уровень не только образованія, но и общественной нравственности въ Царствѣ Польскомъ... Въ ложное отношеніе къ наукѣ и просвѣщенію стало и управленіе маркиза Велепольскаго, сдѣлавшаго общественное образованіе орудіемъ—къ достиженію своей политической цѣли. Онъ ввелъ въ дѣйствіе тотъ самый принципъ насильственнаго духовнаго единенія, которымъ и теперь руководствуются Нѣмцы въ Познани и Шлезвигѣ и который, при перемѣнѣ обстоятельствъ, могла бы теперь Россія съ такимъ же полнымъ пра-

вомъ примѣнить и къ Польшѣ. Маркизъ Велепольскій, помощью государственной силы, подчинилъ все образованіе вѣдѣнію и контролю латинскаго духовенства и шляхты, и лишилъ разнообразныя народности, обитающія въ Царствѣ Польскомъ, всякаго права на самостоятельное духовное развитіе. Греко-уніаты принуждены были доканчивать свое воспитаніе въ католическихъ академіяхъ, Русскіе жители Люблинской губерніи обязаны были учиться только Польской, а не Русской грамотѣ, и т. д., и т. д.

Странно слагаются историческія судьбы Польши! странный жребій, по отношенію къ ней, выпадаетъ, какъ намъ кажется, Россіи—благой и высокій жребій велическаго освобожденія Польши отъ ея же собственной Польской лжи и возвращенія ея къ Славянскимъ началамъ. Къ чему, наконецъ, приведетъ насъ исторія, въ какой степени можетъ сама Россія выполнить такое призваніе — этого мы предрѣшать не станемъ, но тѣмъ хуже для Польши, или, вѣрнѣе сказать, тѣмъ лучше для Польши и тѣмъ хуже для Польской шляхты, что Россія можетъ выступить на борьбу съ нею подъ знаменемъ —(не политической), а соціальной и духовной свободы. Еслибъ Польская шляхта была разумнѣе, она не выпустила бы этого знамени изъ своихъ рукъ, — но тогда и судьбы Польши были бы иныя. Но Польская шляхта имѣла въ виду однѣ свои шляхетскія вольности, а не общую свободу народную, и подчинила всѣ духовные и нравственные интересы интересамъ политическаго властолюбія. Попранное шляхтичами начало соціальной свободы обращается теперь противъ нихъ же самихъ и поражаетъ ихъ на смерть,—и, конечно, въ тысячу разъ легче было бы имъ погибнуть отъ насилія и казней, чѣмъ отъ вѣянія духа разумности и свободы. Конечно, это вѣяніе стало слышаться недавно; мы не можемъ, конечно, поручиться, чтобъ направленіе, принятое нынѣ, не подверглось никогда измѣненіямъ, но уже и того, что совершено, достаточно для опредѣленія взаимныхъ историческихъ отношеній Россіи и Польши, или, по крайней мѣрѣ, пути, которымъ Россіи приходится, повидимому, слѣдовать. Дѣйствіе ея въ Польшѣ можетъ быть теперь дѣйствіемъ чисто освободительнымъ—въ томъ особомъ смыслѣ, который объяснили мы выше, т. е. освободительнымъ отъ Польской же внутренней лжи. Очевидно, что это дѣйствіе можетъ простираться только до тѣхъ предѣловъ, внутри которыхъ сама Россія остается вѣрна своимъ исконнымъ народнымъ Славянскимъ началамъ... На этой почвѣ она сильна,—имѣетъ что передать и Польшѣ, и всему міру...

Польшею называла себя одна шляхта, отвергая и презирая народъ,—Россія вводитъ народъ въ сферу общей Польской гражданской и соціальной жизни. Польша — то есть прежняя шляхетская Польша — благодаря анти-Славянскому и антидемократическому вліянію на нее латинскаго Запада, сосредоточиваетъ поземельную собственность въ рукахъ привилегированнаго класса людей; —Россія надѣляетъ крестьянъ землею, вѣрная кореннымъ Славянскимъ соціальнымъ началамъ. Шляхетская Польша строила зданіе политической свободы сверху, на фундаментѣ безправности и рабства простого народа; Славянская Россія возвращаетъ гражданскую полноправность простому народу и закладываетъ фундаментъ свободнаго самоуправленія крестьянскихъ общинъ, этого древнѣйшаго залога свободы у Славянскихъ народовъ... Шляхетская Польша тѣснитъ, всѣми возможными для нея способами, вѣроисповѣданія, несогласныя съ вѣроисповѣданіемъ

латинскимъ,—Россія провозглашаетъ начало свободы вѣроисповѣданій... Кстати недняхъ публикованъ указъ однороднаго же характера: объ уничтоженіи тѣлеснаго и о смягченіи прочихъ уголовныхъ наказаній въ Царствѣ Польскомъ, а также и объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ странныхъ, «оставшихся тамъ,—какъ сказано въ указѣ,—отъ *прежняго времени* мѣстныхъ постановленій»—напр. наказаніе розгами подсудимаго во время производства слѣдствія, и т. д...

До сихъ поръ дѣло касалось только внѣшней стороны жизни, соціальной и экономической. Воспитаніе принадлежитъ уже къ сферѣ духовной, имѣетъ дѣло съ душою народа. Здѣсь задача несравненно труднѣе и едва ли, повидимому, исполнима для какого бы то ни было правительства. Но настоящіе указы разрѣшаютъ и эту задачу удовлетворительнымъ образомъ, преимущественно для начальныхъ училищъ. Что же касается до высшихъ разсадниковъ образованія, то объ нихъ упоминается только вскользь и объ нихъ послѣдуютъ новыя особыя постановленія. Нельзя не замѣтить, что по отношенію къ этимъ послѣднимъ—задача Россіи усложняется тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе удовлетворяется она сама идеаломъ своихъ собственныхъ гимназій, прогимназій и университетовъ. Но пойдемъ дальше—и прослѣдимъ и въ новыхъ законахъ тотъ же характеръ освободительнаго дѣйствія, на который мы указывали выше. Шляхетская Польша тѣснитъ и гонитъ употребленіе національнаго языка тѣхъ отдѣльныхъ народовъ, которые поселены въ ея предѣлахъ; она заставляетъ Русскихъ, Литовцевъ и Нѣмцевъ учиться не иначе, какъ по-Польски, и исключаетъ преподаваніе церковно-Славянскаго языка въ училищахъ Русскихъ греко-уніатовъ, которые все же ближе къ православію, чѣмъ къ латинству и которыхъ богослуженіе совершается на церковно-Славянскомъ языкѣ. Россія, предоставляя Полякамъ въ Польшѣ полную свободу учиться по-Польски, не только не стѣсняетъ развитія Польскаго языка, но признаетъ его господствующимъ языкомъ Царства и, даруя всѣмъ прочимъ національностямъ равное право учреждать свои собственныя начальныя училища, не возбраняетъ однакоже имъ вводить въ этихъ училищахъ и преподаваніе Польскаго языка. Шляхетская Польша отнимала у крестьянскихъ обществъ всякое право контроля надъ первоначальнымъ образованіемъ или надъ народными школами, сосредоточивая этотъ надзоръ въ лицѣ ксендза и помѣщика и обращая образованіе въ ихъ рукахъ—въ духовное и политическое орудіе. Такая система прямо указывала Русскому правительству на необходимость и пользу системы совершенно противоположной...

Такимъ образомъ—дѣйствіе Россіи по отношенію къ Польшѣ, съ эпохи освобожденія крестьянъ, получило характеръ дѣйствія отрицательно-освободительнаго и чрезъ это самое—положительно-образовательнаго и зиждущаго. Мы говоримъ, разумѣется, о главныхъ основныхъ чертахъ этого отношенія, не останавливаясь на мелкихъ подробностяхъ и на мѣрахъ административныхъ временнаго и случайнаго свойства. Мы не касаемся вопроса о томъ, въ какой степени подобная система усвоена сознаніемъ самихъ правительственныхъ лицъ и въ какой степени можемъ мы ожидать отъ исполнителей—строгой послѣдовательности въ приведеніи ея въ дѣйствіе. Важнѣе всего для насъ то соображеніе, что путь, на который вступаетъ теперь Россія относительно Царства, болѣе, по нашему мнѣнію, соотвѣт-

ствуетъ ея историческому призванію, чѣмъ всѣ прежніе, и указываетъ на необходимость для самой Россіи развиваться вполнѣ согласно съ своими собственными народными началами,—въ чемъ одномъ можетъ она почерпать нужную для себя и плодотворную силу. Намъ могутъ замѣтить, что тутъ нечего и поминать объ исторіи и призваніи, что освободительный характеръ современныхъ распоряженій правительства предписывается благоразумной политикой... Но мы этого вовсе и не отрицаемъ. Мы только свидѣтельствуемъ о томъ историческомъ жребіи, который, какъ намъ кажется, выпадаетъ Россіи —ослаблять враговъ своихъ, Польскихъ шляхтичей, и усмирять Польшу—соціальной свободой и воздѣйствіемъ Славянскихъ соціальныхъ началъ. Этого дара никто не могъ бы ей дать, кромѣ Россіи, и никогда бы не дождалась она этого дара отъ своей шляхты! Мы видимъ въ новѣйшихъ правительственныхъ распоряженіяхъ ту историческую знаменательность, которая не зависитъ ни отъ какого личнаго разсчета того или другого дѣятеля и приноситъ свои плоды—иногда даже вопреки этому разсчету. Мы желаемъ только, чтобъ Россія, сознавъ даруемое ею благо, шла по своему новому пути послѣдовательно и неуклонно. Такъ мы полагаемъ, напримѣръ, что продажа свободныхъ коронныхъ земель выписнымъ Нѣмцамъ и привлеченіе въ Польшу Нѣмецкаго населенія—были бы несовсѣмъ согласны съ духомъ новой правительственной системы и рано или поздно обратились бы во вредъ для самой Россіи,—но подобной мѣры нельзя, кажется, и ожидать отъ лицъ, стоящихъ во главѣ управленія; если же необходимость заставляетъ распродавать эти земли, то, за надѣленіемъ землею безземельныхъ Польскихъ крестьянъ, которыхъ считается болѣе милліона, было бы, по нашему мнѣнію, полезнѣе предлагать ихъ въ обмѣнъ на земли, принадлежащія помѣщикамъ Польскаго происхожденія въ Западно-Русскомъ краѣ, съ цѣлью окончательнаго очищенія этого края, или же пригласить на поселеніе въ Царствѣ — Русскихъ и прочихъ Славянъ, оградивъ ихъ національность и вѣру отъ всякаго посягательства со стороны шляхетскаго и ультрамонтанскаго элемента.

Обратимся къ рескрипту и указамъ. Рескриптъ выражаетъ надежду, что «плодотворная научная дѣятельность» всего лучше предохранитъ Польское юношество отъ «несчастныхъ безразсудныхъ увлеченій». Онъ «съ довѣріемъ возлагаетъ на вновь созданныя сельскія общества ближайшее попеченіе о распространеніи сельскихъ школъ и снабженіи ихъ нужными средствами». Онъ требуетъ отъ учащихъ и отъ учащихся, равно какъ и отъ надзирающихъ за ученіемъ, «безкорыстнаго служенія просвѣщенію», внѣ всякихъ политическихъ цѣлей. «Предоставляя Польскому юношеству возможность обучаться на его природномъ языкѣ», говоритъ 1 пунктъ рескрипта, «надлежитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, принять во вниманіе, что населеніе Царства состоитъ изъ лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ племенамъ и вѣроисповѣданіямъ. Каждое изъ нихъ должно быть ограждено отъ всякаго насильственнаго посягательства», и въ этихъ видахъ предоставляется право каждой народности образовать свои отдѣльныя училища. «Въ школахъ общихъ, особенно же низшихъ, обученіе должно быть введено на природномъ языкѣ большинства населенія, т. е. или на Польскомъ, или на Русскомъ, или на Нѣмецкомъ, или на Литовскомъ, смотря по мѣстности и происхожденію жителей». Задача Россіи, по отношенію къ Царству Поль-

скому—заключаетъ рескриптъ—должна заключаться въ полномъ безпристрастіи ко всѣмъ составнымъ стихіямъ тамошняго населенія». Затѣмъ рескриптъ предписываетъ «войти въ соображенія о скорѣйшемъ по возможности преобразованіи Главной школы въ Варшавскій университетъ», устроить правильные педагогическіе курсы для приготовленія учителей, и одинъ или нѣсколько таковыхъ курсовъ предназначить исключительно для Русскаго греко-уніатскаго, а другой или нѣсколько курсовъ для Литовскаго населенія, и повелѣваетъ наконецъ дать Люблинской и прочимъ существующимъ въ Царствѣ гимназіямъ основательное классическое направленіе. Приложенные къ рескрипту указы носятъ слѣдующія заглавія: 1) о начальныхъ училищахъ въ Царствѣ Польскомъ; 2) о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ; 3) о Русской гимназіи въ Варшавѣ (для Русскихъ); 4) о Нѣмецкой евангелической школѣ въ Варшавѣ, и 5) объ учрежденіи учебныхъ дирекцій. Самые важные указы, разумѣется, это—первый и послѣдній, о начальныхъ училищахъ и о дирекціяхъ. Какъ мы уже сказали, указъ опредѣляетъ одну лишь внѣшнюю сторону дѣла, и нигдѣ не выражаетъ притязанія—овладѣть самою душою народа или отстранить участіе духовенства въ народномъ образованіи. Онъ лишь уничтожаетъ юридическую привилегію духовенства на исключительное завѣдываніе, вмѣстѣ съ помѣщикомъ, народными школами и вообще дѣломъ народнаго образованія, и отклоняетъ отъ преподаванія въ школахъ лицъ монашескаго званія, но затѣмъ оставляетъ за духовенствомъ полную свободу оказывать вліяніе на народное образованіе въ лицѣ учителей—приходскихъ ксендзовъ. Правительство предоставляетъ гминнымъ и сельскимъ обществамъ какъ завѣдываніе гминными и сельскими училищами, такъ и учрежденіе новыхъ, совершенно независимо отъ помѣщиковъ, духовенства и кого бы то ни было, кромѣ окружныхъ директоровъ народныхъ училищъ. Назначеніе смотрителей училищъ, а также и выборъ учителей, равно какъ и удаленіе ихъ, поручается гминнымъ и сельскимъ сходамъ, съ утвержденія тѣхъ же начальниковъ учебной дирекціи. Учителями и учительницами въ начальныхъ училищахъ могутъ быть лица всѣхъ сословій и вѣроисповѣданій (кромѣ принадлежащихъ къ монашескимъ орденамъ и обществамъ), но въ Русскихъ приходахъ Холмской Греко-уніатской епархіи учителями и учительницами должны быть непремѣнно Русскіе же и преимущественно изъ Греко-уніатовъ. Избранное обществомъ лицо утверждается въ званіи учителя, если начальникъ учебной окружной дирекціи удостовѣрится, по надлежащему испытанію, что оно «обладаетъ познаніями, нужными для элементарнаго образованія». «Никакихъ особыхъ затѣмъ аттестатовъ или квалификацій не требуется». За благонадежность избраннаго учителя или учительницы отвѣчаютъ какъ гминный войтъ, такъ и солтысы подлежащихъ сельскихъ гминъ. Если училище посѣщается дѣтьми, принадлежащими къ разнымъ племенамъ, то преподаваніе производится на языкѣ большинства учениковъ или учениць. Въ числѣ предметовъ курса начальныхъ училищъ значатся: 1) Законъ Божій по катихизису соотвѣтственнаго вѣроисповѣданія, молитвы, священная исторія; 2) чтеніе печатныхъ книгъ и рукописи на природномъ языкѣ съ необходимымъ притомъ объясненіемъ; 3) чистописаніе; 4) основныя правила ариѳметики, съ понятіями о мѣрахъ, вѣсахъ и деньгахъ, употребляемыхъ въ Имперіи и Царствѣ. Это предметы

обязательные. Затѣмъ, *по желанію подлежащихъ обществъ*, прибавляется чтеніе и письмо по-Русски, практическія свѣдѣнія въ ремеслахъ, сельскомъ хозяйствѣ, счетоводствѣ и проч.

Вотъ главныя основанія этого указа. Постановленіе о начальныхъ учебныхъ окружныхъ дирекціяхъ, которыхъ всѣхъ учреждается 10,—не предлагаетъ никакихъ особенныхъ данныхъ, по которымъ можно было бы сдѣлать заключеніе о качествѣ надзора, порученнаго начальникамъ дирекцій надъ школами. Кажется, въ этомъ отношеніи нѣтъ особенной разности между Польскими и нашими, недавно въ Россіи учрежденными директорами народныхъ училищъ. Нѣтъ сомнѣнія, что должность директора училищъ въ Царствѣ Польскомъ представляется чрезвычайно трудною въ настоящее время, но все будетъ зависѣть отъ того, какъ гг. директора поймутъ свое назначеніе. Было бы несправедливо полагать, что указъ объ училищахъ заключаетъ уже въ себѣ полнѣйшее ручательство въ томъ, что народное образованіе пойдетъ непремѣнно въ «достодолжномъ» направленіи и будетъ совершенно ограждено отъ вредныхъ вліяній. Такой гарантіи не можетъ никогда представить никакой законъ, регламентирующій народное образованіе, какъ бы онъ усердно ни регламентировалъ. Это вполнѣ доказано опытомъ, и правительство едва ли и задавалось такою неудобоисполнимою задачею. Доказано, напротивъ, что всѣ правительственныя попытки подобнаго рода приводили къ послѣдствіямъ самымъ неблагопріятнымъ и неожиданнымъ для правительства, и что стремленіе уловить и направить самый духъ образованія—дискредитировало самое образованіе, налагало на него несочувственную печать казенности и производило въ учащихся или естественное чувство противорѣчія, или полнѣйшее безразличное, пассивное отношеніе къ преподаванію — слѣдовательно, самое безплодное, чтобъ не сказать болѣе. Въ Польшѣ—нѣтъ элемента вреднѣе для Русскаго правительства (да и для самой Польши), какъ латинство. Не будь Польша католическою, не было бы, вѣроятно, и Польскаго вопроса. Поэтому, съ точки зрѣнія нѣкоторыхъ нашихъ публицистовъ, стремящихся обрусить Польшу, слѣдовало бы, поступая логически, уничтожить и самый католицизмъ въ Польшѣ. Однако же это вещь нравственно невозможная, да и никто никогда въ Россіи не рѣшался объ этомъ и помыслить, не исключая и самихъ публицистовъ. Нельзя же не допустить учителемъ Закона Божія въ народномъ училищѣ—служителя храма того вѣроисповѣданія, къ которому принадлежитъ народъ! Но допустивъ, по необходимости, преподаваніе латинскимъ ксендзомъ латинскаго катихизиса, вы тѣмъ самымъ допускаете, въ области народнаго образованія, участіе такого элемента духовнаго, противъ вредныхъ дѣйствій котораго нѣтъ никакихъ *внѣшнихъ* формальныхъ, доступныхъ свойству правительства гарантій. Очевидно, что излишняя забота о гарантіяхъ является не только напрасною, но и положительно вредною, ибо она можетъ стѣснить свободу преподаванія и лишить его всякаго довѣрія со стороны Польскаго населенія. Едва ли поэтому не слѣдуетъ признать лучшимъ обезпеченіемъ въ этомъ случаѣ—полную свободу обученія и нравственное отношеніе правительства къ дѣлу образованія, такъ какъ съ преобладаніемъ вліянія Польскаго духовенства эта свобода, которою не могутъ же, конечно, не дорожить и Поляки, неминуемо должна была бы исчезнуть. Нѣкоторые наши публицисты, обращающіе

особенное вниманіе на гарантіи для Русскаго господства, возлагають всю свою надежду на начальниковъ учебныхъ дирекцій... Но мы полагаемъ, что будущіе директора едва ли захотятъ быть чѣмъ-то въ родѣ католическихъ directeurs de concience, т. е. директорами народной совѣсти, — особенно же помня требованіе рескрипта, что учебныя начальства не должны обращать разсадники наукъ въ орудія для достиженія политическихъ цѣлей...

Заслуги Русской журналистики въ вопросѣ о Западно-Русскомъ краѣ.

Москва, 26-го сентября 1864 г.

Если въ чемъ-либо и когда-либо Русская журналистика оказала Русской землѣ, Русскому обществу, Русскому народу дѣйствительную, несомнѣнную услугу, такъ это—кажется намъ—именно по отношенію къ Западнымъ областямъ Россіи. Здѣсь ея дѣло было чисто и свято; здѣсь она стояла на твердой, незыблемой почвѣ; она обращалась къ самымъ лучшимъ сторонамъ народнаго чувства, она служила выраженіемъ самыхъ честныхъ, самыхъ законныхъ стремленій и требованій народнаго духа. Здѣсь Русская совѣсть могла не знать ни колебаній, ни недоумѣній, — и главнѣйшимъ, достославнѣйшимъ результатомъ событій прошлаго года было именно усвоеніе этого края Россіи — въ общественномъ и всенародномъ сознаніи. Край этотъ завоеванъ теперь какъ бы вновь сознательнымъ подвигомъ любви и мысли, и нѣтъ сомнѣнія, что такое завоеваніе несравненно надежнѣе и прочнѣе завоеванія — мечомъ военачальника или перомъ дипломата... Совсѣмъ не то видимъ мы—во время и послѣ Польскаго мятежа 1830—31 года. Съ одной стороны Русская журналистика той эпохи лишена была возможности принимать живое непосредственное участіе въ общественныхъ, современныхъ ей Русскихъ событіяхъ — «политическаго характера»; съ другой стороны (что отчасти могло быть послѣдствіемъ перваго)—самый вопросъ не былъ вполнѣ уясненъ Русскому уму и Русскому научному вѣдѣнію, за исключеніемъ только немногихъ ученыхъ спеціалистовъ, да немногихъ государственныхъ людей, изъ которыхъ послѣдніе, въ своей дѣятельности, не только не были поддержаны сочувствіемъ тогдашней Русской «интеллигенціи», но должны были выдерживать тяжелую борьбу съ «общественнымъ мнѣніемъ» всякій разъ, какъ приходилось имъ препятствовать полонизаціи Русскаго края! Сдѣлать что-либо въ пользу Русскаго народа на Украйнѣ и Бѣлоруссіи было, въ то время преступнаго невѣжества Русскаго «образованнаго класса»,— подвигомъ истиннаго нравственнаго мужества. Этой борьбѣ уже не было мѣста въ прошломъ году; напротивъ, гражданская дѣятельность правительства въ Западномъ краѣ могла уже смѣло опереться на общественное и всенародное мнѣніе всей Россіи. Конечно, въ оправданіе общества той поры можно сказать, что тогда только еще зачиналась въ Россіи та работа народнаго самосознанія, которая уже на половину совершена въ наше время и уже успѣла ознаменовать себя такими явленіями, какъ, напримѣръ, осво-

божденіе 20 милліоновъ крѣпостныхъ Русскихъ людей; конечно, это освобожденіе крестьянъ, снявъ тяжкій грузъ съ Русской народной совѣсти, облегчило всѣ движенія народнаго духа, придало намъ ту нравственную силу, о которой мы и мыслить прежде не смѣли: мы сами того не замѣчаемъ, какъ выше стали мы держать голову, какъ громче нашъ голосъ, какъ нравственно-свободнѣе и смѣлѣе наши отношенія другъ къ другу, къ обществу, къ народу и ко всѣмъ прочимъ странамъ Европы. Всѣ эти причины, взятыя вмѣстѣ, и произвели то огромное различіе, которое мы видимъ въ послѣдствіяхъ Польскаго мятежа 31-го и 63-го годовъ... Если дѣятельность Русской журналистики была совершенно ничтожна лѣтъ слишкомъ 30 тому назадъ, зато участіе ея въ событіяхъ прошлаго года было болѣе чѣмъ значительно и дало, какъ намъ кажется, положительные благіе результаты, разнося по всей Россіи свѣдѣнія о страданіяхъ забытаго нами Западно-Русскаго народа, возбуждая въ Русскихъ людяхъ и Русское народное чувство, и историческую память. Повторяемъ, по отношенію къ Западно-Русскому краю она сослужила истинную службу Русской землѣ, и эта ея заслуга едва ли, безъ нарушенія справедливости и безъ ущерба для Русскаго дѣла, можетъ быть упущена изъ виду тѣми, которые такъ недовѣрчиво относятся къ ней, какъ къ общественной силѣ.

Впрочемъ, времена перемѣнчивы. Если въ началѣ, по отношенію къ Западному краю, Русская журналистика дѣйствовала съ полнымъ единодушіемъ, то теперь нѣкоторые ея органы (разумѣется, не другіе какіе, какъ Петербургскіе),—эмансипируясь отъ прежняго увлеченія, вольнаго и невольнаго, общимъ народнымъ чувствомъ,—начинаютъ вновь своротивать въ сторону и производить диссонансъ въ общемъ хорѣ. Конечно, въ прошломъ году недостало бы отваги и у «Вѣсти» возвѣщать то, что возвѣстила она недавно въ предпослѣднемъ своемъ №, отвѣчая на нашу статью, именно, что она дѣйствительно предпочитаетъ Русскому крестьянину «образованнаго Польскаго помѣщика въ Западномъ краѣ,—т. е. такого, какъ описалъ его «День», именно: умѣющаго болтать по-Французски, посвященнаго во всѣ таинства галантерейнаго обхожденія, которымъ «Вѣсть» восторгается такъ же, какъ Осипъ въ «Ревизорѣ», и удобовпускаемаго въ тѣ салоны, какіе описаны были г-жею Китти. Теперь обстоятельства, какъ видно, нѣсколько измѣнились и «Вѣсть» уже рѣшается безъ особеннаго стыда говорить во всеуслышаніе такія странныя (чтобъ выразиться учтивѣе) рѣчи. Читатели вѣрно уже замѣтили, что мы имѣемъ нѣкоторую слабость къ газетѣ «Вѣсть». Дѣйствительно, мы очень благодарны этой газетѣ за услуги, ею намъ безпрестанно оказываемыя. Она доставляетъ намъ случай, самъ по себѣ рѣдкій, обличать мнѣнія, которыя образуются и формируются внѣ журнальной сферы, въ области, недоступной литературному обличенію... Она доставляетъ намъ возможность осязать одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ нашего общества. Въ этомъ, кажется, и заключается весь смыслъ существованія этой газеты, потому что какъ газета, она едва ли способна оказывать какое-нибудь вліяніе на общество, а партія, ее издающая, способна оказывать свое недоброе дѣйствіе и безъ помощи «Вѣсти» — въ предѣлахъ не литературныхъ... Какъ же не радоваться намъ существованію газеты «Вѣсть»,—этому еженедѣльному случаю встрѣчаться лицомъ къ лицу съ партіей, ее издающей—на журнальной аренѣ!

Эти-то новѣйшіе отзывы двухъ-трехъ органовъ Русской періодической печати о сословной и національной борьбѣ въ Западномъ краѣ и внушаютъ намъ нѣкоторое безпокойство. Разумѣется, остальная Русская журналистика останется вѣрна своему прежнему направленію. Она не мало потрудилась въ прошломъ году въ пользу Западно-Русскаго народа и успѣла возбудить къ нему горячее сочувствіе въ Русскомъ обществѣ; она обязана довершить свое дѣло и не давать угасать въ нашихъ живыхъ душахъ загорѣвшемуся огню братскаго участія и сострадапія. Вотъ почему читатели «Дня» и не должны дивиться его частому призывному звону. Дѣло не въ концѣ, а еще въ началѣ. Затрудненія умножаются и задача усложняется съ каждымъ днемъ. Западно-Русскій вопросъ теперь-то именно и вступаетъ въ свой самый трудный фазисъ. Усмирить, напр., мятежъ на Украйнѣ, побить шайки повстанцевъ и т. п. было, по нашему мнѣнію, задачею не мудреною и не хитрою;—но теперь настаетъ такой періодъ, который потребуетъ отъ насъ самыхъ усиленныхъ тратъ нашей правительственной мудрости, нашей политической способности, нашей общественной силы, нашего патріотизма. Надобно сознаться, что починъ дѣлу былъ для насъ самый благопріятный, - можно сказать —даже неожиданный нами. Въ самомъ дѣлѣ, могли ли мы ожидать, что послѣ нами же поощренной настойчивой дѣятельности Чарторыйскихъ, Чацкихъ и имъ подобныхъ, — послѣ того, какъ мы же сами, возвративъ этотъ край изъ Польскаго плѣненія, отдали Русскій народъ въ руки Польскимъ панамъ, въ видѣ распространенія на послѣднихъ привилегіи Русскаго помѣщичьяго права, а на первыхъ—Русской же крѣпостной зависимости, — могли ли мы ожидать, повторяемъ, что Русскій народъ Сѣверо-Западныхъ и Юго-Западныхъ областей, при первомъ покушеніи къ мятежу той части населенія края, которая составляетъ въ немъ дѣйствительную силу — силу поземельнаго владѣнія, образованности, богатства и знатности — встанетъ, какъ одинъ человѣкъ, одушевится единымъ чувствомъ - нераздѣльности своей съ Россіей и преданности своей Русскому правительству? Конечно, эта преданность относится лишь къ той единой верховной Русской власти, которая олицетворяетъ собою для народа Россію; —эту преданность, можетъ быть, было бы справедливѣе назвать упованіемъ — непоколебимымъ и несокрушимымъ,— вѣрою —по-истинѣ адамантовою, — что настанетъ же когда-нибудь время правды для угнетенныхъ, забытыхъ простыхъ Русскихъ людей и въ Западномъ краѣ!

Итакъ — какъ бы вопреки намъ самимъ, Русскій народъ Сѣверо-Западной и Юго-Западной Россіи оказался вѣрнымъ и своей народности, и своей вѣрѣ, и Русской власти. Этого мало. Положеніе, имъ принятое, относительно своихъ Польскихъ помѣщиковъ, его твердость предъ всѣми возможными искушеніями и соблазнами, его единодушное, торжественное заявленіе своей неразрывной связи съ Россіею — подкосило Польскіе замыслы въ самомъ началѣ и облегчило Русскому правительству усмиреніе мятежа. Тутъ не было ничего похожаго на нейтралитетъ Польскихъ крестьянъ, на ихъ пассивную вѣрность Русской власти. Напротивъ — тутъ было дѣятельное, положительное содѣйствіе *своимъ* — т. е. Русскимъ солдатамъ и чиновникамъ; тутъ былъ, какъ на Юго-Западѣ напримѣръ, самостоятельный дружный отпоръ общему врагу Украйны и всей Россіи.

Польскимъ панамъ,—отпоръ до того сильный, что по свидѣтельству одного изъ военныхъ высшихъ начальниковъ, напечатанному въ извѣстной брошюрѣ, изданной Кіевскимъ университетомъ (это изданіе есть великая заслуга предъ Россіей Кіевскаго ученаго сословія)—«подавленіе мятежа совершено почти единственно самими крестьянами». Благодаря именно такому образу дѣйствій крестьянъ относительно ихъ Польскихъ помѣщиковъ, могли мы свидѣтельствовать предъ всѣмъ свѣтомъ, предъ выступившей на насъ дипломатическимъ походомъ Европой, что это край Русскій и Русскій, что это кровь отъ крови нашей, кость отъ костей нашихъ, что отдѣлять его отъ Россіи было бы то же, что рѣзать человѣка по живому тѣлу. Съ какою радостью, съ какою гордостью внимала Россія (и вмѣстѣ съ правительствомъ, разумѣется) этому бранному пробужденію народнаго Русскаго духа на Украйнѣ и на Сѣверо-Западѣ! какъ ликовала Россія, удостовѣрялась, что привычка къ крѣпостной зависимости не пустила глубокихъ корней въ Русскомъ крестьянствѣ! какъ проснулась во всѣхъ насъ, съ новою, плодотворною свѣжестью, сознаніе своей народности, сознаніе единства Руси!.. Какъ искренно, казалось, рѣшились мы исправиться и загладить наши ошибки, какъ благодарили мы этихъ крестьянъ за то, что они остались непоколебимыми въ часъ тяжелаго испытанія, какъ спѣшило правительство, съ одобренія всей Россіи, выразить крестьянамъ довѣріе раздачею копій, медалей, устройствомъ военныхъ карауловъ и проч.! Это было отраднѣйшее мгновеніе нашей нынѣшней исторіи! это самая чистая и праведнѣйшая сторона всего этого путаннаго, темнаго, какъ фальшивая нота звучащаго, Польскаго вопроса!

Что же сдѣлали мы для того, чтобы заставить Западно-Русскій народъ забыть пятивѣковое Польское иго и нашу собственную, слишкомъ полустолѣтнюю несправедливость? упрочили ли мы и съ своей стороны связь, насъ соединяющую?...

Западно-Русскій народъ сдѣлалъ свое дѣло: сдѣлали ли мы свое? мы, которые любимъ хвалиться прогрессомъ и, осуждая безцеремонно недавнее прошлое, съ гордостью возвѣщаемъ міру, что уроки исторіи не пропали для насъ даромъ? Точно ли не пропали?

Много горя надѣлалъ въ Россіи — этотъ ненужный, напрасный, Поляками и съ Запада напущенный на насъ страхъ,—страхъ демократизма и и соціализма, такъ ревностно раздуваемый нѣкоторыми публицистами! Съ точки зрѣнія, напр., Петербургскихъ сотрудниковъ и издателей «Вѣсти», весь Русскій народъ подлежалъ бы непремѣнному остракизму, какъ излюбившій предъ всѣми прочими формами поземельнаго владѣнія — *общину*: по крайней мѣрѣ онъ осужденъ у нихъ находиться подъ постояннымъ вѣчнымъ «*подозрѣніемъ*» во вредныхъ для общественнаго спокойствія стремленіяхъ! По чему и кому, спрашивается, обязана Россія своимъ спокойствіемъ, миромъ и тишиною? Чиновникамъ ли, которые первые подвергаются всевозможнымъ, болѣе или менѣе однако же справедливымъ, нападкамъ со стороны газеты «Вѣсть», и начиная съ «Ябеды» не переставали быть мишенью для стрѣлъ юмора и сатиры? Обществу ли, снующему по всѣмъ вѣтрамъ, дующимъ съ Запада — изъ Франціи, Германіи, Англіи, вѣтрамъ демократическимъ и аристократическимъ, прогрессивнымъ и ретроградным, и т. д., и т. д.? Чему, какъ не консерватизму (въ лучшемъ

его значенія), чему, какъ не мудрости Русскаго народа, — кому, какъ не Русскому народу, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, обязана Россія и спокойствіемъ общественнымъ, и прочностью своего политическаго зданія, и здоровьемъ своего организма, своею силою и славою? Не этотъ ли народъ, котораго такъ боятся въ Петербургѣ издатели «Вѣсти» и съ нею сочувствующіе — умѣетъ хранить вѣру въ добро и правду, въ ихъ грядущее торжество, въ слово Спасителя: «претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ»? Не онъ ли, съ величайшимъ тактомъ, рѣдко проявляемымъ нами, людьми образованными, умѣетъ воздерживаться отъ огульныхъ обвиненій существующаго порядка, не смѣшивая злоупотребленія отдѣльныхъ лицъ съ самою системою, съ началомъ,—строго отличая случайное и временное отъ основного и долженствующаго быть? Онъ умѣетъ хранить въ себѣ религіозное чувство и послушаніе церкви, несмотря на недостойное иной разъ поведеніе служителей алтаря, — на которое такъ любятъ указывать люди нашего общества, въ оправданіе своего безвѣрія; онъ сберегаетъ въ себѣ надежду на правосудіе верховной власти и блюдетъ въ своемъ сердцѣ ея совершеннѣйшій идеалъ, несмотря на случающіеся поборы и всяческія неправды окружающихъ его чиновниковъ. Этого-то верховнаго правосудія голосъ,—правосудія, неразлучнаго въ его понятіяхъ съ идеею любви и милосердія, желалъ бы онъ слышать; отъ него, этого верховнаго судилища, ожидаетъ онъ снисходительнаго разъясненія своихъ тяжкихъ недоразумѣній...

Мы не имѣемъ возможности сообщить нашимъ читателямъ болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній о ходѣ крестьянскаго дѣла на Украйнѣ и Бѣлоруссіи,—мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ результата новыхъ правительственныхъ распоряженій...

Возможно ли возвратиться къ системѣ Велепольскаго?

Москва, 21-го ноября 1864 г.

Съ нѣкотораго времени иностранные журналы стали видимо измѣнять свою тактику по Польскому вопросу. Отложивъ въ сторону прежніе свирѣпые возгласы и грубые враждебные пріемы, они проповѣдуютъ теперь Россіи—миръ и согласіе съ Польшей, пощаду виновнымъ, снисхожденіе къ падшимъ, милость къ кающимся и т. д., взываютъ къ Русскому либерализму и великодушію, стараются даже уловить насъ на словахъ нашихъ собственныхъ дипломатическихъ депешъ, восхваляя то, что еще въ прошломъ году возбуждало въ нихъ гнѣвъ и негодованіе. Уповая, вѣроятно, на нашу простоту, они рекомендуютъ намъ возвратиться снова къ системѣ маркиза Велепольскаго и къ тѣмъ пріемамъ управленія, которые такъ облегчили развитіе мятежа, превознося эту систему и эти пріемы, иностранные журналы и не замѣчаютъ, что подобною похвалой они какъ бы произносятъ осужденіе Польской «справѣ», которой были еще такъ недавно усерднѣйшими рыцарями и адвокатами. «По умыслу другой тутъ былъ». Главная цѣль всѣхъ усилій иностранной журналистики, преданной дѣлу Польской шлях-

ты—задержать ходъ совершающихся теперь въ Польшѣ соціальныхъ и административныхъ реформъ (Мы разумѣемъ здѣсь не монастырскую реформу, только недавно возвѣщенную высочайшимъ указомъ и о которой отзывы иностранной журналистики намъ еще неизвѣстны, — а надѣленіе крестьянъ землей и правами, измѣненіе системы податей, указъ объ училищахъ и пр.). Остановить осуществленіе этихъ реформъ во что бы ни стало, возвратиться къ старому порядку, хотя бы къ такому, какой былъ лѣтъ за 10, а еще лучше къ такому, какой былъ при Велепольскомъ, вотъ — какъ надобно заключить по встревоженному тону газетъ—чего теперь рѣшились онѣ, прежде всего, домогаться для Польши. Нечего ужъ теперь много толковать о политическихъ правахъ и территоріальныхъ границахъ! теперь надо выставлять Польшу, т. е. Польскую шляхту виновною, смирившеюся, кающеюся, чѣмъ-то въ родѣ залога спокойствія въ краѣ, проникнутою консервативнымъ элементомъ самаго надежнаго качества. Наоборотъ: надо пугать Русское правительство страшилищемъ демократизма и соціализма, — надо стыдить Русскихъ эпитетами коммунистовъ, демократовъ, демагоговъ, радикаловъ и т. п.! «Journal des Débats» клеймитъ всѣ распоряженія по крестьянскому дѣлу въ Польшѣ названіемъ «безпримѣрнаго радикализма», а газета «France» преподаетъ намъ уроки въ дѣлѣ устройства и улучшенія быта крестьянъ, поучая докторальнымъ тономъ не идти далѣе *очиншеванія*, предположеннаго маркизомъ Велепольскимъ. Даже самыя ультрасоціалистскія и демократическія газеты, какъ скоро дѣло идетъ о Русской Польшѣ, и собственно о крестьянской реформѣ, претворяются въ защитниковъ аристократическаго принципа и крупной собственности (а теперь обратятся, вѣроятно, и въ ревностныхъ католиковъ),—и весьма презрительно поговариваютъ о слѣпотѣ и бездушіи народныхъ массъ, — не хуже Петербургской газеты «Вѣсть»... Ловушка, какъ видятъ читатели, поставлена слишкомъ грубо, слишкомъ явно: казалось бы, мудрено и предположить, что кто-либо можетъ въ нее попасться; однако же эти увѣщанія и репримманды иностранныхъ, преимущественно Французскихъ журналовъ, тронули сердца нѣкоторыхъ Сантпетербургскихъ газетъ. Такъ «Голосъ» привѣтствовалъ статьи Французскихъ публицистовъ какъ какую-то зарю чего-то хорошаго, новаго и отблагодарилъ ихъ за вѣжливый и доброжелательный тонъ, а «Вѣсть» зазвучала имъ сочувственно въ отвѣтъ всѣми своими псевдодворянскими струнами. Мы говоримъ *псевдо*-или мнимо-дворянскими, потому что, кромѣ незначительной партіи, выражающей себя въ «Вѣсти», остальное Русское дворянство, безъ сомнѣнія, не признаетъ никакой солидарности между собой и шляхетствомъ, и очень бы обидѣлось, еслибъ узнало, что газета, выдающая себя за дворянскій органъ, навязываетъ Русскимъ дворянамъ тождественность интересовъ съ Польской шляхтой! Такъ какъ для этой партіи принципъ дворянства (понимаемый ею не въ Русскомъ, а въ Западно-Европейскомъ смыслѣ) стоитъ выше принципа народности, такъ какъ она открыто говоритъ, что готова была бы отдать преимущество Польскому образованному шляхтичу предъ Бѣлорусскимъ народомъ на Бѣлорусской землѣ, то мы въ настоящемъ случаѣ рѣшаемся смѣло, не боясь опровергенія, принять сторону Русскихъ дворянъ и протестовать отъ ихъ имени противъ такихъ навѣтовъ дворянской газеты «Вѣсть» и издающей ее партіи. Нѣтъ сомнѣнія, что Поляки очень усердно и очень ловко

пользуются подобными аристократическими инстинктами, или вѣрнѣе — претензіями на аристократизмъ, на служеніе идеѣ аристократизма, въ нашемъ обществѣ, и стараются представить опасность, угрожающую отъ крестьянскаго дѣла въ Западной Россіи и въ Польшѣ—общею, вседворянскою, одинаковою какъ для шляхты, такъ и для Тульскихъ, Самарскихъ, Тамбовскихъ помѣщиковъ! Польскіе помѣщики желали бы возстановить Русскихъ помѣщиковъ противъ *общаго* врага - крестьянскаго благосостоянія, гражданской полноправности крестьянъ, народности, поставляемой выше начала аристократическаго и т. д.!.. Разумѣется, всѣ эти усилія совершенно напрасны, и большинство Русскихъ дворянъ отвергнетъ эти непрошенныя услуги, несмотря на усердіе той Русской партіи, которая выражаетъ себя въ газетѣ «Вѣсть». Мы охотно допускаемъ предположеніе и даже увѣрены, что эта партія и не подозрѣваетъ, въ простотѣ своей, кому и чему собственно она служитъ, но во всякомъ случаѣ служитъ она ложному дѣлу. Любопытны эти фразы, эти пошло-либеральныя, пошло-разумныя, пошло-мудрыя общія мѣста, которыя, къ сожалѣнію, имѣютъ не малую власть надъ умами въ нѣкоторыхъ нашихъ общественныхъ сферахъ, которыя господствуютъ въ салонахъ, описываемыхъ «Вѣстью», и которымъ сборнымъ мѣстомъ является эта газета. Карайте мятежниковъ, преслѣдуйте бунтовщиковъ, —восклицаетъ она вмѣстѣ съ своею партіей,—но блюдите шляхетство. «Польское дворянство можетъ быть обставлено такими условіями, при которыхъ его члены сдѣлаются вѣрными въ службѣ престолу Русскому, - при которыхъ они устремятся къ слiянiю съ дворянствомъ Русскимъ въ тѣхъ же чувствахъ вѣрноподданства!» Мы нисколько не ставимъ въ вину Полякамъ, когда *они* стараются насъ увѣрить въ этомъ; они дѣйствуютъ въ своихъ видахъ, стремятся къ достиженію своей цѣли и не пренебрегаютъ никакими средствами. Но *намъ* вѣрить имъ въ этомъ, да еще съ паѳосомъ возглашать подобныя увѣренія—это едва ли простительно; это значитъ не понимать ни Польши, ни Россіи, ни краснорѣчиваго языка недавнихъ событій. Какъ будто дворянство Польское уже не было обставлено такими условіями! какъ будто, при воспрещеніи Русскому дворянству занимать какія либо служебныя мѣста въ Польшѣ, Польскимъ шляхтичамъ не была въ то же самое время открыта возможность служить по всей Россіи и достигать высшихъ должностей въ государствѣ! Какъ будто только этихъ условій добивалась и добивается Польская шляхта! Какъ будто не домогается она, прежде всего, присоединенія къ Царству Украйны и Бѣлоруссіи, —ополяченія этого края,—власти надъ Русскимъ народомъ! какъ будто не старалась она постоянно мутить наши Западно-Русскія губерніи, а если не мутитъ теперь, то потому только, что сдержана силой! Какъ будто Польская шляхта хоть чѣмъ-нибудь не только доказала, но заявила, что отрекается отъ своихъ притязаній на нашъ Русскій край, и не воспользуется первымъ удобнымъ случаемъ, первымъ ослабленіемъ строгости и бдительности, чтобы начать мутить снова! Какъ ни изолгалась Польская шляхта, но надобно отдать ей справедливость—языкъ до сихъ поръ не поворачивается у ея публицистовъ произнести отреченіе отъ нашей Малой, Червонной и Бѣлой Руси! Впрочемъ, газетѣ «Вѣсть», отдающей въ самой Бѣлоруссіи предпочтеніе ополячившемуся Русскому туземцу (если только онъ дворянинъ, помѣщикъ и имѣетъ нѣкоторое образованіе) предъ необразованнымъ Русскимъ

простымъ народомъ того края, хранящимъ свою народность и вѣру,—газетѣ «Вѣсть» и ея партіи такія рѣчи совершенно приличны. А что вы скажете, читатель, про слѣдующій наборъ словъ: «если всѣ испытанныя доселѣ въ Польшѣ системы управленія оказались неудачными, —то необходимо слѣдовать той системѣ, которой слѣдуютъ обыкновенно въ благоустроенныхъ государствахъ, т. е. преслѣдовать мятежниковъ, покровительствуя мирнымъ гражданамъ, охраняя ихъ имущество и удовлетворяя законнымъ желаніямъ населенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ должно держать твердо и высоко знамя государственнаго единства Россіи. Такова единственно здравая политика»! Чего нѣтъ въ этихъ словахъ: и здравая политика, и знамя единства, и благоустройство, и законность и правосудіе, — а въ результатѣ (да не гнѣвается почтенная газета) сумбуръ и предложеніе возвратиться къ тому времени, когда Русская власть, на 100 открытыхъ явныхъ мятежниковъ, которыхъ имѣла юридическое право преслѣдовать, была окружена милліономъ «мирныхъ гражданъ»—тайныхъ мятежниковъ, которымъ, по принципу легальности, обязана была поручать судъ и преслѣдованіе явныхъ и ввѣрять свое огражденіе!

Мы не желаемъ такого фальшиваго положенія для Русской власти и думаемъ, что оно не вернется. Лучше быть въ открытомъ бою, чѣмъ быть обманутымъ, чѣмъ согрѣвать врага у себя на груди, во имя ложнаго либерализма (притомъ нисколько Поляковъ и не удовлетворяющаго). Лучше прямо сказать врагу: «знаю, что ты мнѣ врагъ, и разумѣю тебя таковымъ; я знаю, что мнѣ нечего ждать отъ тебя ни любви, ни дружбы, ни благодарности; я не дамъ себя обмануть снова, и такъ какъ ты не упустишь никакого случая повредить мнѣ вновь, то я постараюсь сдѣлать тебя безвреднымъ. Система Велепольскаго и ей подобныя уже осуждены исторіей; возвратъ къ нимъ былъ бы, конечно, временно желателенъ Полякамъ для того, чтобъ они могли поотдохнуть и собраться съ новыми силами, но онъ не только бы не разрѣшилъ, а еще болѣе бы запуталъ Польскій вопросъ, и безъ того мудреный для разрѣшенія.

Но осуждая систему Велепольскаго и ей подобныя, мы въ то же время нисколько не раздѣляемъ мнѣнія тѣхъ, которые желали бы «абсорбировать» Польшу, т. е. поглотить Польшу Россіей, обрусить ее, слить ее съ Россіей въ безразличномъ единствѣ. Можетъ быть, это было бы и желательно, но невозможно, а главное—въ высшей степени невыгодно для Россіи. Это значило бы «вогнать себѣ Польшу внутрь», —Польшу, не переродившуюся, а такую, какая она есть, Польшу шляхетскую, католическую, раздраженную, мятущую, враждебную, для которой правила знаменитаго катихизиса служатъ единственнымъ руководствомъ. Едва ли какой желудокъ въ состояніи былъ бы переварить такую массу непріязненныхъ элементовъ! Это значило бы привить къ себѣ гангрену,—это значило бы наводнить Россію новыми милліонами «политическихъ пролетаріевъ», по выраженію, кажется, Мицкевича, тогда какъ намъ трудно справиться и съ тѣми 900,000, или около того, Поляковъ, которыми больны наши девять Западныхъ губерній! А что такое «политическіе пролетаріи», едва ли нужно и объяснять. Это люди, лишенные политической родины, пришельцы среди народа, котораго народность, вѣра, стремленія не только не имѣютъ съ ними ничего общаго, но положительно имъ ненавистны, въ силу тысячелѣтнихъ и исто-

рическихъ преданій. Это люди, для которыхъ не можетъ быть ничего завѣтнаго и святого въ государствѣ, чуждомъ ихъ національности, и которые всегда готовы или стать цементомъ, связью, организующею силою для всѣхъ бродячихъ въ странѣ элементовъ безпорядка, для всѣхъ дурныхъ, демагогическихъ инстинктовъ, или же — создать бездушную опору силы... Какъ только не будетъ ни Царства Польскаго, ни Поляковъ, а будутъ только Русскія губерніи и Русскіе, т. е. оффиціально признаваемые Русскими, то этимъ самымъ уже отнимется право принимать мѣры противъ Польскаго элемента (такъ какъ его оффиціально существовать не будетъ); вы обязаны будете допустить Поляка, въ его качествѣ «Русскаго», съ его полноправностью «Русскаго гражданина» въ такія должности и на такія мѣста, куда бы никогда не допустили Поляка, какъ Поляка, зная его отношеніе къ Русской народности. Это все равно, что переодѣть, напримѣръ, непріятельскую армію въ костюмы той страны, противъ которой она идетъ! все равно, что нарядить солдатъ наступающихъ на насъ войскъ — въ мундиры и оружіе Русскихъ солдатъ... Въ настоящее время для насъ очень важно то, что существуетъ возможность признать Поляка и какъ таковаго — удалять изъ Русскаго края, гдѣ онъ можетъ быть вреденъ, гдѣ необходимо утвердить насажденіе Русской народности; эта возможность дается тѣмъ, что есть Польша, есть оффиціально признанная Польская народность. Если же таковое оффиціальное признаніе упразднится, и Польша оффиціально будетъ считаться тѣмъ же, чѣмъ Тульская губернія, а Полякъ тѣмъ же, чѣмъ всякій Тулякъ, то не будетъ никакого юридическаго основанія дѣлать различіе между Полякомъ и Тулякомъ, и оба они будутъ имѣть равное право служить и дѣйствовать внутри Россіи. Между тѣмъ, кто же не согласится въ томъ, что такое оффиціальное признаніе Польской національности еще не сдѣлаетъ Поляка ни Русскимъ, ни благорасположеннымъ къ Русской народности, не заставитъ его перестать быть Полякомъ, не измѣнитъ его стремленій, а только поставитъ его въ такія условія, при которыхъ онъ можетъ свободнѣе вредить Россіи, а мы сами себя лишимъ возможности и права отстранять этотъ вредъ! Не знаемъ, какъ другіе, но мы не видимъ никакого особеннаго блага для Россіи въ томъ, что Польское зло, сосредоточенное теперь въ Западномъ краѣ, разселяется по внутреннимъ нашимъ губерніямъ. Если мы желаемъ очистить отъ Польскаго элемента нашъ Западный край, то мы точно также не желали бы быть поставленными со временемъ въ необходимость—домогаться такого же очищенія отъ Польскаго элемента и для остальной Россіи.

Намъ возразятъ, можетъ быть, что такое разселеніе ничтожно при массѣ 60 милліоновъ Русскаго народа,—что нашими словами мы свидѣтельствуемъ о нашемъ безсиліи «ассимилировать» или уподоблять себѣ инородцевъ, и т. д. На это мы отвѣтимъ прежде всего, что мы видимъ опасность не отъ Польскаго простого народа, который, еслибъ весь переселился къ намъ, былъ бы намъ нисколько не страшенъ, а со временемъ, можетъ быть, и совсѣмъ бы слился съ Русскимъ народомъ; нѣтъ, Польша сильна и опасна намъ не своимъ простымъ народомъ, а своимъ обществомъ, своей шляхтой. Польская шляхта—это резервуаръ *чиновниковъ* для Россіи: по своему происхожденію, воспитанію, общественному положенію, она почти не имѣетъ другой дѣятельности, другого ремесла, кромѣ службы, — въ которой, къ

тому же, Польскіе чиновники очень способны. Польская шляхта, переселяемая въ Россію или оффиціально признаваемая за Русское дворянство, призывалась бы такимъ образомъ къ дѣйствію въ общественныхъ сферахъ, а не въ народныхъ, гдѣ бы ей могъ противостать самъ Русскій народъ; мало того, она призывалась бы такимъ образомъ къ власти надъ Русскимъ народомъ (во сколько удѣляется власти мелкимъ и второстепеннымъ чиновникамъ). Поглотить провинцію цѣлому государству не трудно; труднѣе одному политическому организму поглотить другой политическій организмъ; еще труднѣе поглотить общество, съ развитой, искушенной, опытной въ борьбѣ общественной силой, — обществу, такой силы не имѣющему. Мы должны въ этомъ сознаться, какъ ни горько намъ это признаніе. Мы не должны себя обманывать и обнадеживаться такими силами, которыхъ, къ несчастію, у насъ еще нѣтъ; еще менѣе должны мы себя льстить надеждою, что недостатокъ общественныхъ силъ можетъ быть восполненъ внѣшнею силою и дѣятельностью государства. Легко сказать: намъ слѣдуетъ *обрусить* Польшу, слѣдуетъ ввести всюду въ употребленіе Русскій языкъ, — когда мы, Русскіе, *сами* нуждаемся постоянно въ такой же проповѣди, когда намъ слѣдуетъ ввести въ употребленіе Русскій языкъ въ нашемъ собственномъ обществѣ!.. Когда Пруссакъ налагаетъ свой языкъ на Датчанина (примѣръ, на который указывали наши публицисты), онъ знаетъ, что знаніе его языка подвигаетъ человѣка въ цивилизаціи и есть необходимое условіе образованности, онъ гордится своимъ языкомъ, и такое требованіе, такое сознаніе живетъ не въ одномъ правительствѣ, но во всѣхъ Пруссакахъ порознь и вмѣстѣ взятыхъ. Таково ли отношеніе общества къ нашему богатому, лучшему изъ языковъ міра, Русскому языку?! не стыдится ли оно въ тысячу разъ болѣе ошибокъ во Французскомъ языкѣ, чѣмъ ошибокъ въ Русскомъ? какую рѣчь до сихъ поръ слышимъ мы преимущественно въ нашемъ обществѣ, особенно же въ салонахъ, такъ благоговѣйно описываемыхъ газетою «Вѣсть»? Не въ этомъ ли самомъ № ея, откуда взяты нами вышеприведенныя ея слова, разсказывается ею съ сочувствіемъ, что бывшій владѣлецъ села Ильинскаго подъ самою Москвою (нынѣ купленнаго Государынею Императрицей) еще весьма недавно, до самой кончины своей, пользуясь крѣпостнымъ правомъ, одѣвалъ крестьянокъ въ пастушескія шляпы и швейцарскіе костюмы, принуждалъ ихъ учиться Французскимъ танцамъ, а по воскреснымъ днямъ, подъ оркестръ бальной музыки, отплясывать въ саду кадрили, вальсы и польки! — Общество, которое само не можетъ назваться народнымъ, которое доступно преимущественно чувствамъ политическаго патріотизма, но слабо проникнуто духовнымъ народнымъ самосознаніемъ, которое начинаетъ уже и теперь тяготиться бременемъ сочувствія къ Западно-Русскому краю, — общество, которое еще не выработало въ себѣ самостоятельности, еще не пережило внутренній процессъ Петровскаго переворота, не сомкнулось съ народомъ въ цѣлый нравственный (не политическій только) организмъ, — такое общество, особенно при своей исторической обстановкѣ, лишено, къ несчастію, условій для успѣшной борьбы общественнымъ путемъ, общественными силами!.. Ему трудно надѣяться покорить себѣ нравственно-чуждое, непріязненное ему общество, которое уже почти сто лѣтъ упражняется въ борьбѣ, — ему лучше всего, какъ намъ кажется — не смѣшиваться съ нимъ... Мы уже не гово-

римъ о непримиримости духовныхъ просвѣтительныхъ началъ — православія и латинства, составлявшихъ и составляющихъ постоянный элементъ вражды между Россіей и Польшей...

Но что же дѣлать, если невыгодно возвратиться къ системѣ Велепольскаго, или къ подобнымъ ей, — если нельзя поглотить Польшу Россіею и слить Польшу съ нею въ безразличномъ единствѣ?.. Мы не предрѣшаемъ вопроса. Пусть покуда послѣдовательно и неуклонно производятся въ Польшѣ тѣ соціальныя реформы, какія совершаются въ ней въ настоящее время. Мы не говоримъ ни о частныхъ мѣрахъ, ни о способѣ исполненія, ни даже о новѣйшей мѣрѣ безопасности и самоограждения, принятой Русскимъ правительствомъ — упраздненіи монастырей — мѣрѣ, впрочемъ, совершенно согласной съ духомъ и требованіями Европейской, родной Полякамъ и столь хваленой ими цивилизаціи и преподанной примѣромъ самихъ же католическихъ государствъ (О ней мы скажемъ особо). Мы разумѣемъ здѣсь на первомъ планѣ крестьянскую реформу—поземельную и гражданскую. Еще два года тому назадъ мы полагали необходимымъ, чтобы прежде всякаго окончательнаго рѣшенія Польскаго вопроса внесены были въ политическую жизнь Польши новыя историческія идеи, и чтобы Россія призвала къ жизни самый Польскій народъ. Никогда и ни при какихъ условіяхъ (автономіи или даже совершенной свободы) не можетъ быть у Россіи мира ни съ Польскимъ шляхетствомъ (какимъ оно создано исторіей), ни съ Польскимъ латинствомъ: мы можемъ надѣяться мира только отъ возрожденія новыхъ и отъ перерожденія старыхъ общественныхъ элементовъ. Мы думаемъ, что начала, которыя посѣяны теперь на Польской почвѣ крестьянскою и нѣкоторыми другими реформами, уже ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть исторгнуты изъ нея; что какія бы судьбы ни ожидали Польшу, она удержитъ у себя тѣ преобразованія (по крайней мѣрѣ большую часть ихъ), которыя теперь проводятся въ ея жизнь... Мы думаемъ также, что необходимо намъ покрѣпче и потверже укрѣпиться самимъ въ Западномъ и Юго-Западномъ краѣ и устранять все, что могло бы тамъ противорѣчить съ системою дѣйствій въ Царствѣ Польскомъ... Дальнѣйшее разрѣшеніе Польскаго вопроса — въ будущемъ, а какую форму разрѣшенія готовитъ ему исторія—это предсказать трудно. Во всякомъ случаѣ время это теперь, очевидно, еще не настало,—во всякомъ случаѣ, вопросъ еще не разрѣшенъ и разрѣшеніе его должно принадлежать только самой Россіи...

По поводу увольненія генералъ-губернатора Муравьева.

Москва, 1 мая 1865 г.

Наконецъ слухи, такъ сильно занимавшіе не только весь Сѣверо-Западный край, но и все Русское общество, осуществились. На этой недѣлѣ обнародованъ высочайшій рескриптъ генералъ-губернатору шести Сѣверо-Западныхъ губерній М. Н. Муравьеву объ увольненіи его, согласно неоднократной просьбѣ и вслѣдствіе совершенно-разстроеннаго здоровья,—отъ должности генералъ-губернатора и командующаго войсками. Вмѣстѣ съ

тѣмъ назначенъ ему и преемникъ—директоръ канцеляріи г. военнаго министра, генералъ-лейтенантъ Кауфманъ.

Всякій, кому хорошо вѣдомо положеніе этого края, кто не вышибъ изъ своей памяти всѣхъ обстоятельствъ Польскаго дѣла въ 61, 62 и 63 годахъ, т. е. починъ, разгаръ и конецъ Польскаго мятежа въ Сѣверо-Западной Россіи,—всякій, кто знакомъ наконецъ съ нашею общественной средой, представляющей такое разнообразіе системъ, воззрѣній, мнѣній, стремленій—въ вопросахъ самыхъ повидимому простыхъ и ясныхъ,—пойметъ, что увольненіе генерала Муравьева есть событіе не послѣдней важности. Его система, какіе бы она ни имѣла недостатки, была извѣстна, и край, вмѣстѣ съ Русскимъ обществомъ, могъ быть смѣло убѣжденъ, что генералъ Муравьевъ пребудетъ ей вѣренъ... Эта система ни въ какомъ случаѣ не вела къ торжеству Польскаго элемента и къ угнетенію Русскихъ крестьянъ землевладѣльцами-Поляками! Къ сожалѣнію, мы до сихъ поръ находимся въ такомъ положеніи, что наша забота должна еще преимущественно устремляться къ достиженію только этихъ двухъ цѣлей,—или, вѣрнѣе сказать,—къ твердой постановкѣ еще только этой главной задачи,—не вдаваясь въ разсмотрѣніе подробностей, частностей и самыхъ способовъ управленія. Мы не можемъ же отъ себя скрыть, что наши такъ-называемые «прецеденты», т. е. вся исторія нашего прошлаго управленія мало подавала намъ повода—обнадеживаться на счетъ незыблемости и прочности тѣхъ началъ, которыя лежали въ основѣ системы управленія генерала Муравьева и которыя мы обозначили выше. Мы разумѣемъ: ослабленіе и подавленіе въ краѣ всякой тѣни господства Польскаго элемента, возстановленіе—въ смыслѣ всяческой силы и преобладанія—Русской народности, освобожденіе крестьянъ отъ всякаго угнетенія со стороны Польскихъ землевладѣльцевъ. Мы готовы вѣрить, что новѣйшій урокъ исторіи не пропалъ для насъ даромъ, что отнынѣ, при пробудившемся общественномъ сознаніи—прежнія ошибки стали для насъ невозможностью; мало этого: самое назначеніе генерала Кауфмана, судя по всему тому, что мы о немъ слышали, даетъ намъ право надѣяться, что онъ будетъ достойный преемникъ М. Н. Муравьеву во всемъ его добромъ. Но тѣмъ не менѣе, не только въ высшихъ, но и въ среднихъ сферахъ общества есть еще до сихъ поръ столько разныхъ теченій, что много энергіи потребуется будущему дѣятелю для того, чтобъ не закружиться въ этомъ водоворотѣ и остаться вполнѣ вѣрнымъ своей первоначальной задачѣ!.. «Что-жъ», скажутъ намъ, «ослабленіе Польскаго элемента, усиленіе Русскаго народнаго начала, улучшеніе быта крестьянъ — это все прекрасно, да кто-жъ противъ это споритъ? cela s'entend bien—это само собой разумѣется, объ эдакой пошлой, всѣмъ вѣдомой истинѣ и говорить нечего»... Знаемъ мы эти—всѣмъ вѣдомыя истины! Отъ кого не слыхали мы подобныхъ рѣчей въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ?! Ихъ повторяютъ даже всѣ Хлестаковы нашего времени, Хлестаковы либерализма, всякихъ чиновъ и ранговъ, отъ края моря Балтійскаго до края моря Евксинскаго!! Но подъ этимъ cela s'entend при ближайшемъ разспросѣ оказывалось нѣчто такое, что вело къ результатамъ прямо противоположнымъ и свидѣтельствовало о совершенно-превратномъ разумѣніи — всѣмъ будто бы до пошлости извѣстной истины. Читатель можетъ-быть еще не забылъ нашей полемики въ прошломъ году съ газетою «Вѣсть»,

въ которой статьи начинались обыкновенно съ провозглашенія «пошлой истины» и оканчивались: возгласами противъ дѣйствія повѣрочныхъ коммиссій въ Сѣверо-Западномъ краѣ,—защитою интересовъ Польскихъ пановъ, яко помѣщиковъ, — требованіемъ, чтобъ Русскіе чиновники, отправляющіеся на службу въ Сѣверо-Западный край—этотъ театръ борьбы Польской и Русской національностей—были чужды всякаго національнаго чувства и были только форменными исполнителями мертвой буквы закона—и т. д., и т. д. Не только эта газета, но и цѣлый кругъ людей, ей въ то время сочувствовавшихъ, постоянно старались—на борьбу, происходившую въ Западномъ краѣ Россіи—установить точку зрѣнія не какъ на политическую и историческую тяжбу двухъ народностей, а какъ на козни и происки соціализма! Усиленіе крестьянскаго Русскаго элемента въ Сѣверо-Западныхъ губерніяхъ стремились представить опаснымъ и вреднымъ, какъ усиленіе демократическаго элемента, какъ торжество коммунистическихъ идей; дѣло Польскихъ помѣщиковъ—какъ общее дѣло помѣщиковъ всей Россіи!! Доказывали—повидимому очень гуманно, очень либерально — что надо смягчать вражду, надо не раздражать, а умиротворять, и средствомъ для этого предлагали—дать силу слѣдующей мнимой истинѣ: «нѣтъ ни Поляковъ, ни Русскихъ, есть только Россійскіе равноправные подданные; вопросъ о національностяхъ долженъ быть устраненъ, или во всякомъ случаѣ поставленъ ниже вопроса соціальнаго,— интересъ землевладѣльческой крупной собственности важнѣе интереса Русской народности, — и потому, а также въ интересѣ цивилизаціи, образованный Польскій помѣщикъ долженъ быть всегда предпочтенъ грубому, невѣжественному Бѣлорусскому мужику»; затѣмъ вся эта система вѣнчалась обыкновенно гирляндою любви, мира, легальности! Много простоватыхъ душъ уловили эти «хорошія слова», которыя на практикѣ, въ переводѣ на языкъ жизни, означали не только возвращеніе къ старому порядку вещей, но еще горшее: т. е. освященіе вновь — вопіющей (вполнѣ «легальной») неправды Польско-католическаго преобладанія надъ православно-Русскимъ народомъ,—Польско-шляхетскихъ притязаній на Русскую землю!

Все это было еще недавно, слишкомъ недавно, не дальше какъ въ прошломъ году; всѣ эти мнѣнія и выраженія мы можемъ подтвердить подлинными выписками изъ статей, разобранныхъ нами въ разное время въ «Днѣ», и нѣтъ основанія думать, что эти мнѣнія уже вывѣтрились или измѣнились: они только притихли. Наши Русскіе поборники этихъ мнѣній, разумѣется, въ простотѣ своей, и не воображаютъ себѣ, что они въ этомъ случаѣ являются безсознательнымъ орудіемъ Польской аристократической партіи,—что такія мнѣнія какъ разъ на руку Полякамъ; но еслибъ въ нихъ было живѣе Русское народное чувство, то безъ сомнѣнія не такъ бы легко было обольстить ихъ фразами о гуманности, легальности, и т. п.; они бы назвали фальшивою ту легальность, во имя которой приходится попирать на Русской землѣ права Русской народности,—фальшивою ту гуманность, ради которой, въ какой бы то ни было формѣ, продолжаетъ Польское иго гнести бѣдное и сирое Русское крестьянство! Всѣ эти теоріи и направленія существуютъ и теперь, и не подлежитъ сомнѣнію, что не будетъ недостатка ни въ интригахъ, ни въ проискахъ—подъ наиблаговиднѣйшими предлогами человѣчности, миролюбія и всѣхъ лучшихъ нравственныхъ

побужденій—дать силу и жизнь этимъ псевдогуманнымъ и истинно-противонароднымъ воззрѣніямъ. Что эти мнѣнія существуютъ—тому доказательствомъ служатъ Русскія корреспонденціи въ Брюссельской газетѣ «l'Indépendance belge» и толки, возбужденные слухами объ увольненіи генерала Муравьева. Можно возлюбить самыя нерозовыя стороны этого управленія, читая, напримѣръ, эти корреспонденціи. Онѣ пролощены такимъ европеизмомъ, такою благоприличною умѣренностью, такимъ comme il faut патріотизма, продушены насквозь такими духами «либерализма», «гуманности» и «легальности», отъ которыхъ тошнитъ, какъ отъ пачули или мусатовской розовой помады,—однимъ словомъ пропитаны такою пошлою гнилою мудростію, что, конечно, представителю этихъ качествъ нельзя было бы ввѣрить судьбу Русскихъ интересовъ въ Западномъ краѣ—ни на одну секунду.

Толки по поводу оставленія генераломъ Муравьевымъ своего труднаго поста были очень любопытны и назидательны. Читатели знаютъ, что мы не принимали никакого участія въ огульныхъ восторгахъ, проявленныхъ нашимъ обществомъ по поводу назначенія и вскорѣ за назначеніемъ бывшаго генералъ-губернатора. Мы вообще находили, что въ эту страдную пору было не до восторговъ и ликованій, и старались, по возможности, быть осмотрительными въ нашихъ сужденіяхъ. Мы не скрывали и не скрываемъ отъ себя ни недостатковъ, ни темной стороны новой системы управленія; мы скорбѣли и скорбимъ о печальной исторической необходимости, заставляющей насъ, по историческимъ грѣхамъ нашимъ, мириться со многимъ, что претитъ душѣ,—но тѣмъ съ бо́льшею искренностью убѣжденія, тѣмъ съ бо́льшимъ правомъ можетъ «День» признать громадность заслугъ, оказанныхъ генераломъ Муравьевымъ Русскому дѣлу въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Разумѣется, «графъ» Муравьевъ въ нашихъ похвалахъ и нашей оцѣнкѣ не нуждается: ему упрочено теперь благодарное сочувствіе почти всей Россіи; послѣдніе годы его дѣятельности заслонятъ собой всю его прежнюю долгую служебную карьеру и одни останутся въ исторіи. Но дѣло въ томъ, что даже когда вамъ приходится слышать осужденіе какихъ-либо сторонъ Муравьевскаго управленія—осужденіе, повидимому справедливое, внушенное, кажется, самыми возвышенными чувствами, вы нерѣдко—къ сожалѣнію, даже слишкомъ часто — слышите въ этихъ кликахъ благороднаго негодованія—присутствіе нотъ весьма сомнительнаго качества... Мы уже не говоримъ о тѣхъ восторгахъ, какіе выражены были заграничною печатью, преданною Полякамъ, по поводу слуховъ объ удаленіи генерала Муравьева: эта радость Поляковъ, вмѣстѣ съ живымъ сожалѣніемъ, овладѣвшимъ всѣмъ Русскимъ населеніемъ края, въ особенности крестьянствомъ и духовенствомъ, — служитъ, конечно, самою лучшею аттестаціей Русскому генералъ-губернатору въ Сѣверо-Западномъ краѣ Россіи. Было бы напротивъ очень прискорбно, еслибъ Поляки могли имъ остаться довольны, Поляки, до сихъ поръ не отрезвившіе своихъ шляхетскихъ головъ отъ шляхетской дури — считать не только Сѣверо-Западный край, но даже Кіевъ Польскимъ, —до сихъ поръ не отказавшіеся отъ своихъ безумныхъ и преступныхъ посягательствъ на права Русскаго народа! —Мы не говоримъ и о радостяхъ Русскаго корреспондента въ «l'Indépendance belge», и обо всемъ томъ, что онъ, на радостяхъ, высказалъ въ обличеніе самому себѣ и въ настоящую невольную похвалу бывшему генералъ-губернатору. Мы

не говоримъ и о той знаменитой прошлогодней статьѣ «Голоса», на которую тогда же отвѣчалъ «День», въ которой, рядомъ съ самыми рѣзкими выходками противъ генерала Муравьева, содержится восхваленіе прежней системы управленія,—т. е. системы, породившей возможность Польскаго мятежа, системы деликатности съ самыми неделикатнѣйшими врагами Русской народности, системы любезничанья, мирволенья и потворства.—Все это слишкомъ ярко, грубо, или пожалуй краснорѣчиво обличаетъ сокровенную мысль самихъ нападчиковъ, и по тому самому уже безвредно. Мы разумѣемъ здѣсь нападенія со стороны лицъ совершенно иного рода, не принадлежащихъ къ партіи этихъ двухъ журналовъ, со стороны людей, повидимому, вполнѣ либеральныхъ. Намъ часто приходилось слышать отъ нихъ выраженія благороднаго негодованія за излишнюю суровость и строгость въ обращеніи съ Поляками. Прекрасно. Все это дѣлаетъ честь негодующимъ; мы сами готовы были бы присоединиться къ ихъ негодованію, если бы... если бы не замѣчали иногда, въ то же время, нѣкоторую странность. А именно —что они гораздо охотнѣе и легче гнѣваются на Россію, дѣйствующую по праву необходимой обороны, чѣмъ на бывшій Польскій жондъ; что разореніе Польскихъ помѣщиковъ болѣе возбуждаетъ въ нихъ сожалѣнія, чѣмъ разореніе Русскихъ крестьянъ по милости тѣхъ же Польскихъ помѣщиковъ,—разореніе, о которомъ они не знаютъ или скучаютъ узнавать поподробнѣе; что свирѣпыя, звѣрскія злодѣйства, совершенныя Польскими героями надъ Русскими православными священниками, слабѣе возмущаютъ сердца этихъ гуманистовъ, чѣмъ ссылки такихъ героевъ въ Сибирь, или сожженіе ихъ усадьбъ. «День» вообще противъ принципа смертной казни, гдѣ бы и когда бы то ни было; намъ не менѣе чѣмъ кому-либо прискорбенъ видъ крови, страданій и всякихъ человѣческихъ неистовствъ,—но мы въ правѣ требовать отъ нашихъ гуманистовъ, чтобъ ихъ гуманность возмущалась поступками Поляковъ надъ Русскими не только не слабѣе, чѣмъ поступками Русскихъ надъ Поляками, но еще и гораздо сильнѣе.

Кто не испытываетъ въ душѣ чувства острой боли, чувства язвительнѣйшей народной обиды при одномъ слухѣ о притязаніяхъ Поляковъ на Кіевъ, Волынь, Подоль и вообще Западный край Россіи; кого не пробираетъ по всѣмъ жиламъ внутренній гнѣвъ при видѣ вооруженныхъ посягательствъ Польской шляхты на миръ и тишину Русскаго народа; кто не мучился всей душою при мысли о тѣхъ невыносимыхъ страданіяхъ, которыя пришлось выносить Русскому народу въ теченіе вѣковъ подъ гнетомъ Польскихъ пановъ; кто изволилъ забыть всѣ терзанія, всѣ оскорбленія, пережитыя Русскимъ населеніемъ въ эпоху насильственнаго введенія уніи, въ эпоху казацкихъ войнъ и т. д.,—оскорбленія, которыя и забыть трудно, потому что возможность возобновленія ихъ со стороны Поляковъ заявляется и въ наше время, при каждомъ Польскомъ мятежѣ; кому не приходится сдерживать и подавлять въ себѣ естественнаго историческаго чувства народнаго озлобленія; кому не доводится бороться съ самимъ собою, съ своимъ негодованіемъ, возбужденнымъ Польскими притязаніями, посягательствами, попытками и происками, Польскою дерзостью и падамъ до ногъ -которыхъ единственная цѣль укрѣпить въ Русскомъ краѣ владычество полонизма и латинства,—тотъ, по совѣсти говоря, не имѣетъ и права негодовать на

дѣйствія относительно Польши Русскаго правительства, ни на недостатки системы генерала Муравьева! По крайней мѣрѣ такія нападки и негодованія—гроша не стоятъ! Съ такими благородно-негодующими и говорить нечего. Удивительное дѣло! куда дѣвается демократизмъ этихъ нашихъ Русскихъ демократовъ, какъ скоро дѣло касается Западно-Русскаго края! куда дѣвается уваженіе къ «принципу національностей», который они такъ чтутъ въ Италіи, Венгріи и другихъ странахъ міра? Критикуя издали, боясь замарать свои ручки, принявъ участіе хоть бы только въ крестьянскомъ дѣлѣ Сѣверо-Западнаго края, эти господа аплодируютъ разоренію Американскимъ Сѣверомъ помѣщиковъ Американскаго Юга и почти готовы были сами принять участіе въ этой кровавой войнѣ — за принципъ насильственной федераціи!.. Очень обыкновенны также слѣдующія возраженія: «такъ, но въ нашихъ рукахъ сила, посмотрите насъ сколько, сила штыковъ—противъ малочисленныхъ и слабыхъ...» Все это не болѣе, какъ словеса лукавствія, облпчающія недостатокъ народнаго чувства! Сила Русская и сила Польская—принадлежатъ къ двумъ разнымъ категоріямъ силъ, двѣ несоизмѣримыя величины. Въ томъ-то и состоитъ слабость Русской силы, что она есть сила штыковъ, а не сила общественная; по крайней мѣрѣ такъ было еще недавно. Въ томъ и состоитъ крѣпость Польской силы, что она есть сила общественная, всюду проникающая, зиждующаяся наконецъ на правѣ землевладѣнія. Въ этомъ смыслѣ Польскій элементъ чрезвычайно могучъ и нечего признавать его слабымъ! За нимъ вся та сила, которая дается сосредоточеніемъ въ рукахъ одного класса почти всей поземельной собственности—и образованностью. Среднее сословіе—т. е. купцы, мѣщане—не Русское, Евреи. Представителями Русской народности въ Русскомъ краѣ—забитое, вѣками угнетенное крестьянство, только теперь начинающее жить, и духовенство, только 25 лѣтъ тому назадъ похищенное изъ сѣтей уніи. Слѣдовательно, не ослаблять должны мы борьбу съ Польскимъ элементомъ въ Западной Россіи, не мириться съ нимъ, а продолжать борьбу до тѣхъ поръ, пока и на мысль ни одному Поляку не придетъ считать этотъ край Польскимъ или мечтать о возстановленіи бывшаго Польскаго королевства. Покуда Поляки искренно и чистосердечно не откажутся отъ своихъ безумныхъ притязаній на Западную Россію, до тѣхъ поръ они сами лишаютъ насъ возможности всякаго съ ними примиренія и должны пенять сами на себя за всѣ отъ того послѣдствія.

Повторяемъ, если претятъ душѣ мѣры жесткія и грубыя, то столько же должна быть противна фальшивая гуманность, деликатность, мирволенье тамъ, гдѣ нужна энергическая, настойчивая дѣятельность власти. Генералъ Муравьевъ усмирилъ мятежъ, навелъ благодѣтельный страхъ на Поляковъ, ободрилъ Русскій сельскій людъ, оживилъ все Русское населеніе, ослабилъ матеріальную силу шляхетства. Теперь, благодаря ему, открывается возможность для болѣе органической дѣятельности. Съ одной стороны теперь дѣйствовать легче, ибо поле расчищено и заложены основы; съ другой стороны дѣйствовать несравненно труднѣе, ибо страхъ опасности въ нѣкоторыхъ Русскихъ сферахъ уже прошелъ, дѣло представляется какъ бы конченнымъ, борьба завершенною, и ожидается наступленіе благословенной эпохи мира. Но дѣло, настоящее дѣло только-что начинается, и вовсе не въ смыслѣ нормально-легальнаго управленія! Еще до сихъ поръ взыски-

ваются старые оброки въ Сѣверо-Западномъ краѣ съ Русскихъ крестьянъ въ пользу Польскихъ помѣщиковъ, и взыскиваются содѣйствіемъ Русской власти, въ удовлетвореніе требованіямъ формальной законности или легальности!! Необходимо всѣми мѣрами ослабить силу, почерпаемую Польскою шляхтою изъ землевладѣнія, и всѣми мѣрами усилить, поднять, укрѣпить и упрочить Русскій мѣстный крестьянскій элементъ — который до сихъ поръ, несмотря на всю энергію генерала Муравьева — еще не вполнѣ упроченъ. Мы увѣрены, что новый генералъ-губернаторъ съумѣетъ преодолѣть всѣ случайныя противодѣйствія, парализовавшія дѣятельность повѣрочныхъ коммиссій, равно и другія, и поведетъ дѣло надежнымъ путемъ мѣръ органическихъ и радикальныхъ.

СТАТЬИ ИЗЪ ГАЗЕТЪ „МОСКВА“ И „МОСКВИЧЪ“

1867 и 1868 г.

О связи вѣроисповѣднаго вопроса съ народнымъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ.

Москва, 17-го января 1867 г.

Новая редакція, въ распоряженіе которой поступилъ недавно «Виленскій Вѣстникъ», настаиваетъ съ особенною силою и рѣшительностію, что вѣроисповѣдный вопросъ съ народнымъ вопросомъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ не имѣетъ связи. Чтобы обрусить край, вовсе нѣтъ надобности, по мнѣнію газеты, затрогивать вопросы объ особенномъ значеніи, которое имѣютъ тамъ еврейство и католичество; обрусѣніе, и притомъ обрусѣніе полнѣйшее, можетъ быть достигнуто и безъ этого. Касаться этихъ вопросовъ было бы, по мнѣнію газеты, даже не безвредно для дѣла и не безопасно; «это значило бы, говоритъ она, приводить въ отчаяніе всѣхъ Поляковъ и Евреевъ, искренно желающихъ обрусѣнія,—значило бы, производить только раздраженіе».

Еслибы подобное заявленіе высказано было Петербургскою «Вѣстью», намекъ былъ бы понятенъ. Въ запугиваньи общественнымъ раздраженіемъ мы прочитали бы совѣтъ правительству взяться снова за примирительную политику, которой съ успѣхомъ столь плачевнымъ слѣдовали мы передъ появленіемъ и въ самомъ началѣ мятежа. Въ указаніяхъ на искреннія желанія Поляковъ и Евреевъ стать Русскими видѣли бы мы наставленія, что полнымъ обрусѣніемъ достаточно признать одну внѣшнюю покорность и наружныя изъявленія преданности. И наконецъ, что̀ самое главное, вполнѣ объяснялось бы намъ все это понятнымъ, со стороны извѣстной партіи, желаніемъ побудить правительство если не къ прямой, то къ косвенной отмѣнѣ указа 10 декабря 1865 г. Іереміады объ отчаяніи и раздраженіи, повидимому столь сочувственныя плану обрусѣнія, были бы только искусною подготовкой къ особеннымъ остроумнымъ толкованіямъ мысли, выраженной въ этомъ указѣ. Въ самомъ дѣлѣ, указъ 10 декабря поставляетъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы имѣнія въ Западномъ краѣ, назначенныя къ обязательной продажѣ, переходили не иначе какъ въ руки лицъ православнаго или протестантскаго исповѣданія, но никакъ не католическаго и не еврейскаго; и это условіе поставлено, очевидно, какъ сред-

ство къ дѣйствительному и успѣшнѣйшему обрусѣнію края. Но когда бы признано было, что обрусѣніе вовсе не нуждается ни въ какихъ соображеніяхъ о вѣроисповѣданіи,—далеко ли отсюда перейти къ мысли, что для безпрепятственнаго пріобрѣтенія имѣній въ компрометированныхъ губерніяхъ достаточно Поляку или даже Еврею запастись только аттестатомъ о своей благонадежности? Выдача подобныхъ аттестатовъ не составитъ для мѣстной администраціи затрудненія, особенно если она будетъ принимать во вниманіе «искреннія желанія» покупщиковъ быть Русскими.

То что было бы вполнѣ понятно и умѣстно въ «Вѣсти», газетѣ частной и притомъ неизвѣстно къ какой народности принадлежащей, не вполнѣ понятно и едва ли умѣстно въ оффиціальномъ мѣстномъ органѣ, который долженъ служить болѣе или менѣе точнымъ отраженіемъ правительственныхъ взглядовъ вообще и взглядовъ мѣстной администраціи въ частности. Какъ согласили бы мы тогда эти воззрѣнія (если бы они были дѣйствительно таковы, каковыми кажутся и не могутъ не казаться) съ непремѣнною правительственною волею, выраженною въ указѣ 10 декабря? Какъ согласили бы мы ихъ потомъ съ подтвердительными обѣщаніями, которыя торжественно высказаны были новымъ генералъ-губернаторомъ Сѣверо-Западнаго края, что «всѣ указы, всѣ правительственныя распоряженія будутъ непремѣнно исполнены»? И наконецъ, въ какомъ смыслѣ должны были бы мы разумѣть тогда увѣренія самой редакціи «Виленскаго Вѣстника» о томъ, что «судьбы края рѣшены и предопредѣлены безповоротно».

Каждому истинно-Русскому должно быть ясно до послѣдней очевидности, и Виленской газетѣ не менѣе чѣмъ кому другому, что для обрусѣнія Западнаго края недостаточно однихъ добрыхъ желаній, кѣмъ бы ни были они высказываемы и какъ бы даже ни были они искренни; что для удостовѣренія притомъ въ искренности этихъ желаній недостаточно однихъ словесныхъ завѣреній, какъ бы ни были они льстивы и благовидны. Недостаточно для этого и одной внѣшней покорности; недостаточно даже и того, чтобы лицо не было болѣе или менѣе явнымъ образомъ компрометировано мятежомъ и не оказывало ему сочувствія въ томъ или другомъ видѣ; недостаточно, наконецъ, еслибы даже оказываемо было этимъ лицомъ, во время мятежа, содѣйствіе власти. Довѣріе было нарушаемо и оскорбляемо слишкомъ неоднократно и слишкомъ вѣроломно: право на возвращеніе довѣрія можетъ быть заслужено не словесными заявленіями и вовсе притомъ не жалобами на мѣстныя распоряженія, направленныя противъ непріязненныхъ элементовъ. Довѣріе тогда только могло бы быть возвращено, и тому только, кто оказалъ бы прямое и добровольное содѣйствіе къ радикальному истребленію мятежно-Польской заразы,—содѣйствіе не на словахъ, а на дѣлѣ, и на дѣлѣ такомъ, которое ставило бы дѣятеля въ положеніе безповоротное, отнимая у него всякую физическую и нравственную возможность вернуться къ мятежнымъ затѣямъ.

Таковы ли тѣ желанія, успокоенію которыхъ Виленская газета считаетъ долгомъ содѣйствовать? И кто таковы тѣ лица, которыя одушевлены столь похвальными желаніями? Редакція ихъ не называетъ, да, по нашему мнѣнію, она затруднилась бы и дать желаемыя указанія. Выходки «Вѣсти», крики иностранныхъ газетъ, двусмысленное молчаніе мѣстнаго католическаго дворянства и духовенства и не менѣе двусмысленные ихъ адресы не

дають, кажется, большихъ поводовъ сомнѣваться въ томъ, каково истинное расположеніе этихъ двухъ классовъ. Да можемъ ли и ожидать иного? Настроеніе цѣлаго общественнаго класса, подготовленное вѣками, вновь взращенное ошибочнымъ благодушіемъ одного царствованія и не менѣе благодушною довѣрчивостью двухъ другихъ, не можетъ измѣниться въ одинъ-два года, въ особенности когда оно съ разныхъ сторонъ находитъ себѣ еще духовную поддержку и ободреніе. Предположить столь внезапное внутреннее перерожденіе, и притомъ при данныхъ обстоятельствахъ, значило бы предположить психологическую невозможность. А если такъ, то желанія, высказываемыя извѣстною партіей, должны бы служить намъ лучшимъ указаніемъ, что для огражденія нашихъ интересовъ мы должны держаться совершенно противнаго тому, чего она отъ насъ требуетъ,—и именно того самаго, чѣмъ она недовольна и чѣмъ опасаемся мы оскорбить ея раздражительность.

Раздраженіе Поляковъ и Евреевъ! Оффиціальный мѣстный органъ задается опасеніемъ—какъ бы не оскорбить щекотливую раздражительность классовъ намъ отчасти враждебныхъ, отчасти сомнительныхъ; во всеуслышаніе провозглашаетъ это опасеніе и обѣщаетъ на будущее время всевозможную осторожность въ этомъ отношеніи. И между тѣмъ ни слова, ни мысли о томъ, какъ можетъ подѣйствовать это на населеніе Русское и православное, на то самое, которое на своихъ плечахъ вынесло всю тяжесть четырехвѣковаго Польскаго гнета, и которое одно своею неустанною борьбой сохранило для насъ въ этомъ краѣ Россію!

Въ самомъ дѣлѣ, что долженъ подумать о такомъ заявленіи оффиціальной газеты Бѣлорусскій православный народъ и православное духовенство? Какъ они должны къ нему отнестись, что изъ него заключить и чего послѣ него ожидать? Къ какимъ выводамъ въ частности должны придти и тѣ новообращенные въ православіе, которые въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ выведены изъ латинства въ послѣдніе годы? Не должны ли будутъ они заключить, что правительство, а съ тѣмъ вмѣстѣ и общество (представляемое въ томъ краѣ правительствомъ же) прямо осуждаютъ ихъ поступокъ? Не дается ли этимъ даже косвенное понужденіе къ обратному ихъ совращенію въ латинство, чѣмъ, конечно, и не замедлятъ воспользоваться ксендзы и къ чему заявленія оффиціальной газеты даютъ достаточный поводъ? И наконецъ, какой злой насмѣшкѣ подвергается этимъ высоко-честный поступокъ князя Друцкого-Любецкаго и самое его объясненіе, столь откровенное, столь прочувствованное и столь вѣрно опредѣляющее связь, въ какой стоитъ полонизмъ съ католичествомъ! Мало того, что замѣчательное обращеніе князя Друцкого-Любецкаго и объясненіе, которымъ оно сопровождалось, встрѣчено было у насъ почти совершеннымъ равнодушіемъ, тогда какъ по-настоящему должны были бы не два, а цѣлыя двѣ тысячи адресовъ полетѣть къ нему съ выраженіями сочувствія,—недоставало одного, чтобъ оффиціальная Русская печать отнеслась къ нему еще съ косвеннымъ укоромъ и обличеніемъ! Остается ожидать послѣдняго, чтобы оффиціальная газета вступила съ нимъ въ прямое препирательство. Оно было бы такъ естественно: тогда какъ князь Друцкой-Любецкій утверждаетъ, и вполнѣ справедливо, что строгая преданность католицизму несовмѣстна не только съ Русскою національностью, но даже почти съ искрен-

нимъ Русскимъ подданствомъ, «Виленскій Вѣстникъ» предполагаетъ наоборотъ—что католицизмъ вмѣстѣ съ еврействомъ нисколько не препятствуютъ не только искреннему подданству, но примиряются даже съ Русскою національностью.

Отнимая одинъ изъ признаковъ, которымъ характеризуется Русская народность въ Западномъ краѣ, «Виленскій Вѣстникъ» не указываетъ никакого другого въ замѣнъ; онъ ограничивается словомъ обрусѣніе, оставляя собственной догадливости читателей наполнить какимъ угодно опредѣленнымъ смысломъ это слово, само по себѣ ничего не говорящее. Къ чести газеты мы хотимъ предположить, что обрусѣніе не есть у нея одна пустая фраза; что съ этого понятія снимаетъ она вѣроисповѣдный признакъ не изъ одного угодничества передъ извѣстною партіей, а потому, что понятіе кажется ей довольно полнымъ и безъ этого. Полагаемъ именно, газета увлеклась тѣмъ мнѣніемъ, довольно распространеннымъ, что для понятія о народности достаточно, если при немъ останется одно представленіе о народномъ языкѣ. Обрусѣніе — это есть всеобщее усвоеніе Русскаго языка, введеніе его во всеобщее употребленіе: вотъ какъ понимается этотъ терминъ Виленскою газетой, или онъ ею никакъ не понимается.

Дѣйствительно, распространеніе языка есть одинъ изъ признаковъ распространенія народности. Во многихъ случаяхъ это есть даже одинъ и единственный признакъ, и именно у народовъ дикихъ, не вкусившихъ просвѣщенія, стоящихъ на низшей степени развитія. Для такихъ народовъ въ языкѣ вся народность; сосредоточенно и непосредственно заключены въ немъ всѣ немногосложныя духовныя начала, которыми живетъ такой народъ: здѣсь и поэзія, и исторія, и бытовое воззрѣніе, и религія, и законодательство. Усвоеніе такимъ народомъ, или точнѣе — племенемъ какого-нибудь чужого языка равнозначительно забвенію собственной народности и подчиненію чужой. Но не то у народовъ просвѣщенныхъ. Чѣмъ болѣе развито сознаніе народа, чѣмъ многообразнѣе и богаче его начала, тѣмъ болѣе и болѣе языкъ теряетъ свое первобытное значеніе непосредственнаго народнаго выраженія, тѣмъ болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ онъ чисто-служебное значеніе и обращается во внѣшнее орудіе мысли. Связь между нимъ и духовными началами, которыми живетъ народъ, разрывается; одно не указываетъ необходимо на другое и не заключается въ другомъ. Языкъ можетъ стать даже въ совершенно независимое отношеніе къ народности и къ ней постороннее. Сѣверо-Американцы, безъ сомнѣнія, не суть только Англичане въ другомъ государствѣ: они суть народъ, и народъ весьма богатый духовно, такъ же какъ и вещественно, и однако у нихъ нѣтъ своего народнаго языка.

Приложимъ эти понятія и къ нашему вопросу. Согласимся на минуту, что распространеніе Русскаго языка въ Западномъ краѣ есть средство совершенно достаточное къ тому, чтобы духовно преобразить все, что есть тамъ чуждаго намъ или враждебнаго, и сплотить съ нами вмѣстѣ въ одно не только политическое, но и духовное цѣлое. На кого воздѣйствуетъ тамъ преобразующая сила языка и какимъ процессомъ?

Вопервыхъ, огромная масса Бѣлорусскаго народа говоритъ и безъ того Русскимъ языкомъ. Слѣдовательно, средство это здѣсь ни къ чему, и если можно сдѣлать изъ него употребленіе, то развѣ въ смыслѣ постепеннаго

сглаживанія мелкихъ особенностей въ говорѣ. Остаются, дѣйствительно, разноязычные намъ: клочки Литвы и Жмуди, плотная масса Евреевъ, и наконецъ разбросанныя тамъ и здѣсь Польская шляхта и духовенство. Слѣдовательно, распространеніемъ Русскаго языка мы будемъ дѣйствовать на нихъ. Но какимъ образомъ?

Введемъ ли мы всюду свой языкъ въ оффиціальное употребленіе: это уже и есть. Потребуемъ, чтобы на улицахъ, и во всѣхъ вообще публичныхъ мѣстахъ, слышалось и видѣлось употребленіе только нашего языка? Отчасти есть уже и это. Но это не помѣшаетъ существованію чужаго языка въ домашнемъ употребленіи. Употребимъ ли мы наконецъ языкъ свой въ орудіе общественнаго воспитанія: это средство вѣрнѣе другихъ, но само по себѣ не въ силахъ опять изгнать чужой языкъ изъ употребленія домашняго. И наконецъ, если бы даже изгнало, сколь великъ былъ бы нашъ выигрышъ? Въ языкѣ вся народность Жмуди, Евреевъ, Поляковъ? Въ немъ всѣ ихъ мятежныя побужденія? Ничего не значатъ здѣсь ни исторія, ни преданія, ею созданныя, ни особыя начала, вытекающія изъ этихъ преданій, и такъ или иначе просящіяся въ жизнь, требующія своего осуществленія, сознательнаго или безсознательнаго?

Но развѣ понятія и побужденія, переданныя народу исторіею и имъ духовно усвоенныя, не могутъ существовать при употребленіи одного языка точно такъ же, какъ при употребленіи другого, и выражаться на Русскомъ языкѣ столь же совершенно, какъ и на Польскомъ, Литовскомъ или старомъ Еврейскомъ? Языкъ самъ по себѣ развѣ можетъ дать въ этомъ случаѣ какой-нибудь отпоръ? Развѣ не есть онъ орудіе одинаково послушное для одной точно такъ же, какъ и для другой политической доктрины, для однихъ точно такъ же, какъ и для другихъ національныхъ стремленій, для любви въ отношеніи къ намъ точно такъ же, какъ и для ненависти иль презрѣнія?

Да будетъ же ясно Виленской газетѣ, что самъ по себѣ Русскій языкъ не вполнѣ достаточенъ къ тому, чтобы мы могли сроднить съ собою національности Польскую, Еврейскую, Литовскую и даже ту часть Бѣлорусской, которая дѣятельно причастилась Польскаго духа. Не противъ одного языка мы должны бороться и не посредствомъ одного языка. Намъ приходится бороться противъ духовныхъ началъ, большею частію равнодушныхъ къ языку, и противъ цѣлой системы всевозможныхъ духовныхъ отправленій, создавшейся на этихъ началахъ. Этимъ началамъ мы должны противопоставить свои собственныя и успѣть внушить къ нимъ уваженіе, заставить признать ихъ превосходство; мы должны, по крайней мѣрѣ, укрѣпить и развить свои начала тамъ, гдѣ утвердились они не довольно крѣпко или сознаны не довольно ясно. Начала народности и самое ихъ сознаніе у народовъ образованныхъ выражаются не въ самомъ языкѣ, но иногда при его посредствѣ. Это литература: много ли однако Гомеровъ или Тацитовъ въ нашей литературѣ, чтобы могли мы надѣяться на ея покоряющее вліяніе? Много ли въ ней у насъ даже простой самостоятельности и дѣльности, чтобы привлечь къ ней вниманіе? И наконецъ, достаточно ли она сама народна? И такъ, чѣмъ же мы можемъ взять? Цѣлая область отвѣтовъ разстилается за этимъ вопросомъ, и цѣлая область новыхъ вопросовъ возникаетъ и теоретическихъ, и практическихъ. Эти отвѣты и во-

просы впереди, но во всякомъ случаѣ не утверждайте же такъ рѣшительно, что съ вопросомъ народнымъ въ Западномъ краѣ вопросъ вѣроисповѣданій стоитъ внѣ связи, и что можно въ одно и то же время рѣшать первый и не признавать второй.

О значеніи католицизма и еврейства въ Западномъ краѣ.

Москва, 24-го января 1867 г.

«Въ языкѣ не вся народность. Преданія, созданныя исторією, понятія и побужденія, этими преданіями воспитанныя и къ языку большею частію равнодушныя—вотъ въ чемъ главнымъ образомъ состоитъ народность и на чемъ она держится. На основаніи уже этой общей истины вопросъ вѣроисповѣдный въ Западномъ краѣ не можетъ быть отстраненъ отъ вопроса о народности». Таково заключеніе, высказанное нами въ 13 № нашей газеты *). Стоитъ въ этотъ вопросъ войти ближе и разсмотрѣть въ частности: дѣйствительно ли исповѣданія католическое и еврейское такъ безразличны къ Русской народности, какъ это многимъ кажется и какъ повидимому предполагается это «Виленскимъ Вѣстникомъ»?

Ксендзы были одними изъ главныхъ вожаковъ послѣдняго мятежа; костелы были главными революціонными клубами: теперешней редакціи «Виленскаго Вѣстника» должно быть это извѣстно не менѣе чѣмъ кому-либо. Но, вѣроятно, она считаетъ это случайнымъ совпаденіемъ и объясняетъ временнымъ настроеніемъ католическаго духовенства или другими неизвѣстными намъ обстоятельствами.

Католическое вѣроисповѣданіе однако было нѣкогда въ Западномъ краѣ господствующимъ. Вдумывалась ли въ это мѣстная газета? И если вдумывалась, то полагаетъ ли она, что ксендзы должны быть уступчивѣе пановъ, и что въ то время какъ шляхта, по классическому выраженію, «ничему не научилась и ничего не забыла», духовенство католическое, наоборотъ, совершенно забыло о своихъ прежнихъ правахъ и мирится съ новымъ положеніемъ, по чувству смиренія, столь ему свойственнаго?

Приходитъ ли притомъ на мысль Виленской газетѣ и ея единомышленникамъ тотъ общій историческій законъ, что обстоятельства, при какихъ вступаетъ въ страну вѣроисповѣданіе и утверждается въ ней какъ особое, всегда оставляютъ ему свою закваску и сообщаютъ особое преданіе и особый характеръ, независимо отъ общаго характера, свойственнаго ему во всѣхъ странахъ міра? Припоминалось ли защитникамъ благодушной довѣрчивости къ католичеству, въ какихъ отношеніяхъ доселѣ находится къ этому исповѣданію Англія и почему? А это могло бы ихъ навести на болѣе точное понятіе и о католичествѣ въ Западныхъ губерніяхъ. Римское католичество, съ папою во главѣ, явилось вообще какъ фактъ превозношенія помѣстной Церкви предъ вселенскою, и какъ предпочтеніе закона государственно-церковнаго нравственно-церковному. А у насъ, на Бѣлой Руси, по-

---

*) См. пред. статью.

явленіе католичества, сверхъ общаго значенія, имѣло еще и особенность: оно было не простымъ отрицаніемъ, но *подавленіемъ* православія, и притомъ въ *угоду національной и государственной исключительности*. Разсчеты Сигизмунда III извѣстны. Католичество съ самаго начала явилось какъ средство къ ополяченію. Утратило ли оно этотъ характеръ со временемъ? Утратило ли оно память объ этомъ само, и утратился ли этотъ смыслъ его въ глазахъ ближайшихъ его сожителей? Но странно и спрашивать объ этомъ, когда борьба между исповѣданіями продолжается въ краѣ и доселѣ, когда Полякъ и католикъ, Русскій и православный доселѣ тамъ синонимы, когда доселѣ вѣрнѣйшій шагъ къ ополяченію есть католичество, и когда наконецъ въ латино-Польскомъ календарѣ доселѣ красуются имена святыхъ, канонизованныхъ именно *за угнетеніе нашей народности и вѣры?* При такихъ обстоятельствахъ воображать, что католичество въ Западномъ краѣ есть религіозное вѣрованіе въ томъ несложномъ смыслѣ, въ какомъ оно можетъ явиться гдѣ-нибудь на островѣ Океаніи послѣ проповѣди миссіонера, что оно есть чистое ученіе объ отношеніи человѣчества въ Верховному Существу, безъ примѣси національныхъ и политическихъ стремленій,—воображать это при данныхъ обстоятельствахъ значитъ окончательно не понимать ни историческаго прошлаго, ни современной дѣйствительности.

Наконецъ, не извѣстно ли всему свѣту и не всѣмъ ли свѣтомъ дознано на самомъ опытѣ, что католичество и вообще есть не только вѣра, но и политическая доктрина, и что, послѣдовательно проведенная до конца, доктрина эта непримирима съ достоинствомъ никакого государства и ни съ чьею народною независимостью? Ученіе о томъ, что верховный судья совѣсти пребываетъ для всѣхъ народовъ въ Римѣ, въ лицѣ первосвященника-государя, который воленъ вязать и рѣшить всякую присягу, смотря по тому, какъ находитъ онъ для себя выгоднѣе, и который считаетъ себя призваннымъ одинаково благословлять свою паству и на мятежъ, и на покорность,—одного этого достаточно для увѣренія, что Римское католичество въ своемъ строгомъ смыслѣ не можетъ ужиться ни съ какою народностію ни въ какомъ государствѣ, если бы это и не было доказано опытомъ всей средневѣковой исторіи; если бы не подтверждалось это и современными опытами католическихъ государствъ, всячески ограждающихъ себя отъ исповѣданія, которое признаютъ они своимъ же собственнымъ; если бы не подтверждалось это въ частности и современною исторіей Италіи, этой классической страны папизма и тѣмъ не менѣе ратующей противъ папства; и если бы, наконецъ, собственно для насъ не доказано было это, уже надняхъ, самымъ разительнымъ образомъ фактами, обнародованными въ циркулярѣ нашего вице-канцлера.

Выводъ, кажется, ясенъ: быть именно въ Западномъ краѣ (къ другимъ мѣстностямъ это относится далеко не въ той силѣ) *сознательнымъ* и *ревностнымъ* католикомъ и въ то же время быть *истиннымъ* Русскимъ невозможно. Можно *быть* Русскимъ и *называться* Римскимъ католикомъ или же *быть* Римскимъ католикомъ и только *называться* Русскимъ.

То же приходится сказать и о еврействѣ, тѣмъ болѣе, что еврейство есть собственно католичество, оставшееся отъ Ветхаго Завѣта, точно такъ, какъ католичество есть еврейство, повторяющееся въ Новомъ. «Виленскій Вѣстникъ» осуждаетъ кабинетныя утопіи и отвращается доктринерства;

онъ обѣщаетъ сужденія о важномъ Еврейскомъ вопросѣ, основанныя на дѣйствительныхъ данныхъ и на точномъ знаніи мѣстныхъ обстоятельствъ. Это даетъ намъ право предположить, что сущность еврейства знакома редакціи не по наслышкѣ. Слѣдовательно ей извѣстно, что еврейство есть собственно не вѣроисповѣданіе, а національность и государственное законодательство, подбитыя религіозною вѣрою, возведенныя въ догматъ,—народъ и государство какъ предметъ религіозной вѣры. А поэтому, конечно, извѣстно ей и то, что по основному положенію этого законодательства, неправильно называемаго вѣрою, Еврейскій народъ есть народъ избранный, подъ ноги котораго должны быть рано или поздно покорены всѣ языки, и что въ силу этого качества народъ Еврейскій долженъ гнушаться, какъ нечистыми, всѣми иноплеменниками, и не долженъ съ ними вступать ни въ семейныя связи, ни даже въ столь невинное житейское общеніе, каково общеніе въ пищѣ,—ѣда съ одного стола изъ одной посуды. Точно также Виленской газетѣ безъ сомнѣнія извѣстно и то, что у этого избраннаго народа хотя нѣтъ государства видимаго, но у него есть оно идеальное, будущее, котораго онъ ждетъ и въ неотложное осуществленіе котораго вѣруетъ; и что въ силу этой-то вѣры, а не въ силу безразличныхъ привычекъ, не дозволительно Еврею не только связывать себя осѣдлыми занятіями, которыя прикрѣпили бы его къ его временному становищу, но не позволительно даже признавать для себя обязательною никакую юрисдикцію иныхъ государственныхъ законовъ.

Спрашивается: такое вѣрованіе совмѣстно ли съ Русскою національностью въ Западныхъ губерніяхъ, и даже совмѣстно ли съ какою бы то ни было національностію въ какомъ бы то ни было государствѣ?

Для прочихъ Европейскихъ народовъ рѣшеніе Еврейскаго вопроса далось счастливо. Но намъ этого счастливаго исхода исторіею не дано по той простой причинѣ, что Польская республика не была священною Римскою имперіею. Средневѣковая Европа, не думавшая о національностяхъ, разверставшаяся по сословіямъ и корпораціямъ, не могла дать въ своемъ политическомъ тѣлѣ и не дала мѣста Евреямъ, гдѣ бы они могли стать неотъемлемыми членами живого организма: бароны, города съ цехами и гильдіями, церковь съ аббатствами, университеты,—куда же было дѣвать Евреевъ? Запертые въ своихъ гетто, они естественно были оттолкнуты Церковью и въ то же время не могли пріютиться ни въ зáмкахъ, ни въ гильдіяхъ и цехахъ, ни въ университетахъ. Все имъ было закрыто; они очутились въ положеніи, которое при тогдашнемъ устройствѣ было единственно для нихъ возможное,—въ положеніи крѣпостной собственности императора. Но этимъ же самымъ вызвано было въ нихъ исторіею неодолимое побужденіе войти въ органическую связь съ остальнымъ народонаселеніемъ, пробить противопоставленныя преграды и приблизиться къ кореннымъ жителямъ какъ въ гражданскомъ положеніи, такъ и въ просвѣщеніи. Европейское гражданство необходимо было для нихъ въ простыхъ видахъ матеріальнаго благосостоянія, естественно недоступнаго никому изъ постороннихъ въ мірѣ привилегій и монополій; Европейскаго просвѣщенія искали они какъ нравственной силы, способной привлечь за собою и силу матеріальную. Революція, разрушеніемъ феодальной системы и упраздненіемъ старыхъ понятій о необходимости привилегій, дала имъ, наконецъ, первое;

Лютеръ и Мендельсонъ, — одинъ устраненіемъ преданій христіанскихъ, другой устраненіемъ преданій талмудическихъ, помогли сблизиться имъ съ Европейцами во второмъ. Но не то было въ Рѣчи Посполитой. Евреи въ ней были угнетены, какъ и всѣ, кромѣ шляхты и ксендзовъ; но они не были лишнимъ наростомъ въ политическомъ тѣлѣ. Напротивъ, они были неотъемлемымъ органомъ жизненнаго отправленія; въ нихъ, и въ нихъ однихъ, заключался цѣлый классъ, посредствующій между панами и хлопами—среднее сословіе; въ этомъ смыслѣ они оказывались необходимыми, съ этою цѣлію они были даже нарочно призываемы; ихъ положеніе стало почти привилегированнымъ, а чрезъ это самое не только не вызывало въ нихъ стремленія выйти изъ своего обособленія, напротивъ, по естественнымъ побужденіямъ монополизма, замыкало ихъ въ себѣ все сильнѣе и сильнѣе. Въ этомъ-то видѣ передано было Польшею это печальное наслѣдство и намъ, и въ этомъ же видѣ пребываетъ онъ доселѣ, подъ ближайшимъ вѣдѣніемъ своихъ національныхъ властей, называемыхъ кагалами, и подъ непосредственнымъ руководствомъ своихъ національныхъ юристовъ, называемыхъ раввинами. А Мендельсонъ? Гдѣ второй Мендельсонъ для нашихъ Евреевъ? и гдѣ слѣды того, что подѣйствовалъ на нихъ въ свое время Мендельсонъ первый?

При этихъ обстоятельствахъ, нѣтъ сомнѣнія, органическое сочетаніе *истаго* еврейства съ *истинною* Русскою національностью еще менѣе возможно, чѣмъ сочетаніе Русской національности съ истымъ католичествомъ.

Но скажутъ намъ: «мы разумѣемъ не фанатизмъ Еврейскій или католическій, мы разумѣемъ просвѣщенную вѣру еврейскую или католическую». Но то, что̀ называете вы просвѣщенною вѣрою, не будетъ уже ни еврейство, ни католичество, ибо то, что̀ называете вы фанатизмомъ, и есть именно существо той и другой вѣры, начало, ими самими признаваемое. Просвѣщенное католичество, другими словами — католичество не признающее de facto папы въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаетъ его латинскій догматъ,—есть только не дошедшее до сознанія, не догадавшееся о себѣ православіе. Просвѣщенное еврейство, или еврейство de facto, отказывающееся отъ мессіи и будущаго еврейскаго царства, есть крайній раціонализмъ,—послѣдняя дверь къ тому, что называютъ теперь нигилизмомъ. О томъ, что съ Русскою народностью легко ужиться православію, хотя бы себя и не сознавшему, не можетъ быть спора. Но что сказать о мнѣніи, по которому предполагается возможнымъ ставить для Русской народности фундаментъ на доктринальной почвѣ революціи?

Пусть однако думаетъ объ этомъ всякій какъ ему угодно. Пусть даже пребываетъ, кто хочетъ, въ блаженной увѣренности, что крайній раціонализмъ собственно и есть сродная нашему народу форма вѣрованія. Чего кому не приходитъ въ голову? Находились люди, и даже считавшіеся неглупыми, которые возводили даже атеизмъ въ такое сродное намъ вѣрованіе! Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что ни Еврейскій законъ, ни латинскій догматъ вовсе не изъявляютъ желанія быть изъясняемыми въ томъ смыслѣ, въ какомъ намъ хочется; ни тридентскіе каноны, ни мишна съ таргумомъ своего текста для насъ не измѣняютъ; тысячи томовъ іезуитской и талмудической казуистики не зачеркиваютъ ни одной изъ своихъ страницъ для нашего удовольствія, и строгіе патеры, со строгими равви-

нами, а съ ними вмѣстѣ и цѣлая система преданій, ими воспитанныхъ, вовсе не отказываются отъ своихъ правъ на существованіе. Что же отсюда слѣдуетъ? А слѣдуетъ отсюда то, что вѣроисповѣднаго вопроса въ Западномъ краѣ отъ вопроса народнаго не отстраняетъ въ сущности и тотъ, кто говоритъ повидимому столь успокоительно: «можно быть Русскимъ, оставаясь и Евреемъ, и католикомъ». Ибо онъ говоритъ при этомъ совсѣмъ не о томъ католичествѣ и еврействѣ, какимъ само себя хочетъ знать и еврейство, и католичество. Онъ подразумѣваетъ то же, что другіе прямо высказываютъ, то-есть что въ настоящемъ своемъ видѣ ни еврейство, ни католичество нашей народности не родня, и что желаемое полное обрусѣніе Западнаго края, безъ существенныхъ измѣненій въ томъ и другомъ, немыслимо. Но тому же вопросу онъ даетъ другую постановку. Онъ не указываетъ, подобно другимъ, съ грубою откровенностью на православіе какъ на вѣрнѣйшій признакъ отреченія отъ чужой народности и сближенія съ нашей, а подкладываетъ особыя, сочиненныя исповѣданія, изъ которыхъ ни то, ни другое, — по крайней мѣрѣ одно изъ нихъ несомнѣнно, — еще не создали для себя и катихизиса. «Католикъ вполнѣ будетъ Русскимъ, когда останется въ католичествѣ, переставъ въ немъ быть; и Еврей вполнѣ обрусѣетъ, когда отстанетъ отъ еврейства, продолжая въ немъ оставаться»: таково въ сущности предположеніе, предразумѣваемое тѣмъ, кто ни въ еврействѣ, ни въ католичествѣ не находитъ ничего чуждаго нашей народности.

Доселѣ все ясно. Но вотъ что̀ неясно и что̀ требуетъ разъясненія. Мы согласимся умалчивать о православіи, чтобы не произвести раздраженія, а частію, и даже главнымъ образомъ, изъ уваженія къ свободѣ вѣры и изъ опасенія политическихъ вмѣшательствъ въ дѣло совѣсти. Опасенія разумныя и побужденія вполнѣ честныя! Но мы станемъ въ то же время говорить, — и если хотимъ быть искренними — не можемъ не говорить, — что католичество и еврейство въ Западномъ краѣ должны, однако, переродиться въ новыя исповѣданія, хотя несуществующія, но нами предполагаемыя. А это не произведетъ раздраженія? Это будетъ уваженіемъ къ свободѣ вѣры? И не вызывается этимъ, и даже несомнѣннѣе чѣмъ когда-либо, политическое вмѣшательство въ дѣло совѣсти? Одно изъ двухъ: или уважать свободу вѣры, но тогда уважайте ее вездѣ и оставляйте ее при самой себѣ, въ какомъ бы смыслѣ она себя ни сознавала. Или признавать вѣру предразсудкомъ, къ ослабленію котораго государство обязано содѣйствовать; но тогда не прикрывайтесь уваженіемъ къ свободѣ совѣсти и не ужасайтесь политическаго вмѣшательства. То и другое, по крайней мѣрѣ, было бы одинаково искренно, хотя справедливо и разумно, конечно, только первое: ибо вѣра и свобода, во всякомъ случаѣ, суть начала зиждительныя, а безвѣріе и насиліе всегда и во всемъ — начала разрушительныя.

Еще о новомъ разграниченіи Западнаго края.

Москва, 26-го января 1867 г.

Слишкомъ три года тому назадъ говорили мы въ «Днѣ» о необходимости измѣненія административныхъ границъ нашего Юго-Западнаго и Сѣверо-Западнаго края и даже предлагали проектъ этого измѣненія. Напомнивъ читателямъ, что подобнымъ же проектомъ занималось Министерство внутреннихъ дѣлъ еще въ 1837 году, но безъ всякаго положительнаго результата, мы тогда же выразили сожалѣніе, что цѣлая четверть вѣка прошла съ той поры безплодно, четверть вѣка, въ теченіе которой многія мѣстности успѣли бы, можетъ быть, уже окончательно освободиться отъ полонизма и стали бы просто Россіей, а не какимъ-то отдѣльнымъ краемъ, «отъ Польши возвращеннымъ». Но администрація не вняла нашему голосу, да и вообще въ свое время онъ не былъ поддержанъ нашею журналистикой. Тѣмъ пріятнѣе было намъ прочесть надняхъ въ «Кіевлянинѣ» — газетѣ Юго-Западнаго края, которую мы въ правѣ даже считать оффиціальнымъ органомъ мѣстной власти, не только сочувственный отзывъ о нашей статьѣ, писанной три года тому назадъ, но и положительное заявленіе о необходимости вновь возбудить этотъ вопросъ и довести дѣло до желаннаго осуществленія. Газета не соглашается съ нами въ подробностяхъ плана. Но мы и сами не стоимъ за эти подробности. Мы очень хорошо понимаемъ, что такая работа требовала бы близкаго знакомства со всѣми мѣстными условіями экономическими и этнографическими и вообще внимательнаго изслѣдованія. Мы отстаиваемъ самое начало и считаемъ неизлишнимъ напомнить тѣ основанія, которыми мы руководились тогда, отъ которыхъ не отступаемъ и теперь. Мы убѣждены, что «притягательная власть административнаго центра надъ окружностью и невольное тяготѣніе окружности къ административному центру» имѣютъ огромное значеніе въ жизни мѣстнаго народонаселенія. Они вырабатываютъ на практикѣ цѣлую сѣть разнообразнѣйшихъ отношеній, которыя, какъ жилы въ живомъ организмѣ, тѣсно связуютъ всѣ части извѣстнаго пространства, какъ между собою, такъ и съ ихъ административнымъ средоточіемъ. Понятно стало быть, какую важность имѣетъ *качество* центра, и какое вліяніе, вслѣдствіе того или другого качества центра, можетъ оказывать централизація на весь внутренній строй гражданской жизни. Допустивъ же это значеніе центра, мы не можемъ не признать и важности тѣхъ практическихъ результатовъ, какіе способно дать перемѣщеніе центра. Это всего лучше поясняется примѣромъ пограничныхъ мѣстностей. Наша западная пограничная линія, «незамѣтная даже для человѣческаго глаза», какъ выразился недавно графъ Бисмаркъ въ Берлинской палатѣ депутатовъ, въ отвѣтъ на запросъ Валигорскаго, — линія искусственная, разрѣзываетъ нерѣдко на-двое не только какой-нибудь округъ, но даже иныя деревни и села, такъ что одна половина деревни или села причисляется къ Россіи, другая — къ Австріи или Пруссіи. Вѣра, языкъ, обычаи, нравы, одежды у жителей обѣихъ половинъ одинаковы, всѣ они одной національности, всѣ въ тѣснѣйшемъ родствѣ между собою, всѣ еще недавно составляли одно цѣлое, — а между тѣмъ разница административ-

ныхъ системъ и тяготѣніе къ различнымъ административнымъ и политическимъ центрамъ, дѣйствіе разнокачественныхъ правительственныхъ авторитетовъ, — все это прорѣзываетъ постепенно и прорѣжетъ окончательно глубокую нравственную межу вдоль случайной административной границы. Положимъ, этотъ примѣръ не вполнѣ сюда подходитъ, потому что здѣсь различіе дается преимущественно политическимъ значеніемъ центра. Возьмемъ другой примѣръ, внутри самой Россіи, тотъ самый, на который мы и прежде ссылались. Мы могли бы сравнить между собою Москву и Вильну, но чтобы устранить напередъ возраженіе относительно разстоянія, сравнимъ сосѣдніе другъ другу Могилевъ и Смоленскъ, Минскъ и Черниговъ, Витебскъ и Псковъ. Не говоримъ о настоящемъ исключительномъ положеніи Западнаго края, но еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ во всѣхъ этихъ губерніяхъ, которыхъ главные города нами поименованы, господствовала совершенная одинаковость административнаго механизма. Несмотря однакожь на единство законовъ, системы управленія и суда, присутствіе различныхъ національныхъ элементовъ, образуя различныя атмосферы, въ которыхъ вращаются и движутся одинаковыя, повидимому, административныя пружины и колеса, оказываетъ вліяніе на самое качество центра и приводитъ не къ одинаковымъ практическимъ послѣдствіямъ. Притяните, напримѣръ, какое-нибудь пространство къ административному центру, гдѣ населеніе все Польское или ополячено, и наоборотъ, притяните какой-нибудь уѣздъ съ дворянами-Поляками къ административному Великорусскому центру, — вы увидите, что результаты будутъ совершенно противоположны. Предположите, что помѣщики Динабургскаго, Рѣжицкаго, Люцинскаго уѣздовъ будутъ вынуждены, вмѣсто Витебска, ѣздить въ Псковъ для совершенія крѣпостныхъ и другихъ актовъ, для переговоровъ съ начальствомъ, для участія въ дворянскихъ выборахъ вмѣстѣ съ Русскими дворянами, представляющими въ Псковской губерніи сплошную Русскую силу: не прошло бы и четверти вѣка — эти уѣзды обрусѣли бы скорѣе, чѣмъ при дѣйствіи иныхъ насильственныхъ мѣръ. Самому завзятому Поляку не придетъ и въ голову говорить въ Псковѣ по-Польски или предлагать присоединеніе Пскова къ административной юрисдикціи Царства Польскаго, подобно тому, какъ это предлагали относительно Подольской губерніи Подольскіе дворяне, четыре года тому назадъ, въ знаменитомъ своемъ адресѣ.

Само собой разумѣется, что одно географическое перемѣщеніе административнаго центра не представляетъ важности, если вмѣстѣ съ тѣмъ не происходитъ измѣненія въ качественномъ значеніи центра. Въ томъ-то и состоитъ правительственная мудрость, чтобы при избраніи новаго сосредоточія, при присоединеніи даннаго пространства къ новому центру, производилась вѣрная оцѣнка качественности обѣихъ мѣстностей, взаимнаго отношенія ихъ матеріальныхъ и нравственныхъ силъ. Въ противномъ случаѣ можетъ случиться, что не центръ поглотитъ окружность, а окружность поглотитъ центръ. Если бы, напримѣръ, все Царство Польское притянуть, положимъ, къ Опочкѣ (что географически невозможно: мы приводимъ лишь для нагляднаго выясненія нашей мысли), т. е. если бы городъ Опочку сдѣлать административнымъ центромъ для всего Царства Польскаго, то можно бы опасаться, что въ такомъ случаѣ неравномѣрность значенія центра съ значеніемъ окружности способствовала бы скорѣе ополяченію Опочки, чѣмъ обрусѣнію такъ

называемой Конгрессувки. Все, повторяемъ, здѣсь должно приниматься въ соображеніе: и взаимныя отношенія качественности, историческихъ преданій, національныхъ силъ и способностей, и взаимныя отношенія пространства, народонаселенія, матеріальнаго благосостоянія и удобствъ жизни, создаваемыхъ различными степенями цивилизаціи. Та же самая Опочка могла бы съ успѣхомъ содѣйствовать обрусѣнію края въ качествѣ административнаго центра для нѣсколькихъ уѣздовъ Витебской губерніи,—какъ это и сдѣлано было первоначально императрицею Екатериной въ 1772 году. Вообще адмистративное раздѣленіе новопріобрѣтенныхъ областей Западнаго края, указанное Екатериной, вѣроятно привело бы къ инымъ результатамъ, чѣмъ позднѣйшее, произведенное при императорахъ Павлѣ и Александрѣ I-мъ.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній мы и полагаемъ не только полезнымъ, но и необходимымъ совершенно измѣнить существующее теперь административное очертаніе губерній Юго-Западнаго и Сѣверо-Западнаго края,—и главное: смѣшать, затереть древнее разграниченіе, вслѣдствіе котораго Западныя наши губерніи до сихъ поръ невольно обособляются названіемъ края. Старая граница, отдѣлявшая Россію отъ владѣній Рѣчи Посполитой до 1772 года, старая граница всѣхъ трехъ раздѣловъ Польши, въ силу которыхъ возвратилось къ Россіи то, что составляло ея достояніе и *никогда* не переставало называться въ Москвѣ ископною отчиной Московскихъ великихъ князей—эта старая граница должна быть уничтожена. Отъ нея не должно остаться и слѣда.

На этомъ основаніи мы и предлагали слѣдующій проектъ измѣненія, который мы, впрочемъ, вовсе не имѣемъ притязанія считать безошибочнымъ. Мы именно желали и желаемъ вызвать возраженіе и дождались его только черезъ три года отъ «Кіевлянина», и то относительно одной Кіевской губерніи. Намъ казалось полезнымъ ослабить жизненное значеніе границы, полагаемой Днѣпромъ, такъ еще недавно раздѣлявшимъ Украйну на Русскую и Польскую, и связать однимъ общимъ тяготѣніемъ къ одному вполнѣ Русскому центру, избранному въ Полтавской губерніи: заднѣпровскіе уѣзды Кіевской губерніи, Чигиринскій и Черкасскій; съ другой стороны половину Уманьскаго уѣзда Кіевской, часть Ольгопольскаго и весь Балтскій уѣздъ Подольской губерніи присоединить къ Херсонской губерніи и такимъ образомъ оттянуть отъ теперешняго центра, довольно сильнаго Польскимъ элементомъ, Каменецъ-Подольска. Газета Юго-Западнаго края полагаетъ, съ своей стороны, что было бы полезнѣе присоединить къ Кіеву, какъ къ административному средоточію, нѣсколько пограничныхъ уѣздовъ и мѣстностей Полтавской и Черниговской губерній, къ которымъ Кіевъ несравненно ближе, чѣмъ ихъ губернскіе города. Это вполнѣ основательно, если только приливъ Русскаго элемента изъ этихъ присоединенныхъ мѣстностей въ состояніи заглушить силу, довольно значительную, Польскаго элемента, пребывающаго въ дворянахъ Кіевской губерніи. Далѣе мы предлагали раздѣлить Волынскую губернію на двѣ, Мглинскій уѣздъ Черниговской губерніи отдѣлить къ Орловской, а для пограничныхъ съ Черниговской уѣздовъ Минской и Могилевской сдѣлать административнымъ центромъ Черниговъ,—именно для уѣздовъ Рѣчицкаго, Гомельскаго и Рогачевскаго. Полагаемъ, что рогачевскимъ дворянамъ, также изъявлявшимъ

вожделѣніе присоединиться къ Царству Польскому, никогда бы и не пришла на умъ такая безобразная мысль, если бы они засѣдали въ Черниговѣ, вмѣстѣ съ Черниговскими дворянами!

Псковская губернія, по нашему мнѣнію, могла бы также подвинуться на югъ и распространиться на такъ-называемые Инфлянтскіе уѣзды или по крайней мѣрѣ на три изъ нихъ. Мы не видимъ никакой надобности, чтобъ Инфлянты находились непремѣнно всѣ въ одной губерніи.

Мы не будемъ, впрочемъ, утомлять вниманіе нашихъ читателей исчисленіемъ всѣхъ подробностей предполагавшагося нами измѣненія. Мы желали бы, чтобъ, и не соглашаясь съ подробностями, Министерство внутреннихъ дѣлъ согласилось съ нами въ принципѣ. Намъ кажется, что измѣненіе административныхъ границъ и перемѣщеніе административныхъ центровъ было бы еще вполнѣ своевременною мѣрой. Много времени убыло даромъ, но еще не поздно, если не станемъ долѣе медлить...

О гоненіи Поляками Русскаго элемента въ Галиціи.

Москва, 29 января 1867 г.

Гоненіе на Русскую народность въ Галиціи достигло крайнихъ предѣловъ. Крайняя Польская партія не ограничивается однимъ смѣщеніемъ галицкихъ Русскихъ, дорожащихъ своею Русскою народностью, съ учительскихъ, инспекторскихъ, профессорскихъ должностей: она гонитъ духовенство, сельскихъ старшинъ, представителей общинъ, преслѣдуетъ Русскій театръ во Львовѣ, конфискуетъ Русскую газету «Слово». Отобравъ у профессора Львовскаго университета, Я. О. Головацкаго, полученныя имъ письма изъ Россіи, Польскіе чиновники переводятъ ихъ по-своему, искажая ихъ на всѣ лады и отыскивая въ нихъ слѣды *схизмы и рублей Московскихъ*. Стремясь внести разладъ между Русскимъ духовенствомъ и сельскимъ населеніемъ восточной Галиціи и пытаясь наконецъ завлечь въ лоно католицизма несчастныхъ уніатовъ, Польская партія усиливается провести въ народъ, чрезъ сельскія школы, *латинскую азбуку*. Намъ выслали надняхъ изъ Галиціи небольшую книжку, изданную именно съ этою цѣлію полонизаторами Русскихъ Галичанъ. На ея заглавномъ листѣ значится: «Abecednyk dla ditej Ruskich. Nakladom Karola Wilda wi Lwowi w drukarni Edwarda Winiara, 1867 г.» Это не что иное какъ азбука для дѣтей Русскихъ сельчанъ, пріучающая выражать Русскіе звуки латинскими письменами и складывать эти звуки въ отдѣльныя слова, изображенныя тѣми же латинскими буквами; въ той же книжкѣ находимъ нѣсколько статей на испорченномъ Русскомъ языкѣ (латинскимъ письмомъ), съ разнообразными оттѣнками мѣстныхъ говоровъ въ Галиціи. Статьи принаровлены къ дѣтскимъ понятіямъ и къ сельскому быту. Другими словами говоря, Галицкіе Поляки, давно потерявъ отечество, задумали похитить у Русскаго народа, живущаго съ нимъ въ одномъ краю, все его молодое поколѣніе—будущій цвѣтъ народности и будущія надежды, пріучивъ его сперва въ дѣтствѣ къ употребленію Польско-латинскихъ буквъ, а потомъ мало-по-малу сближая этотъ

искаженный языкъ съ литературнымъ Польскимъ языкомъ. Это своего рода *унія.* Это самый страшный ударъ, какой только могутъ нанести Поляки Русской народности, населяющей страну сосѣднюю съ нами, съ нашими Юго-Западными губерніями. «Падая до ногъ», стираясь въ прахъ предъ надвигающеюся силой германизаціи на Западѣ своихъ поселеній, Поляки хотятъ питаться на Востокѣ плотью и кровью Русскаго человѣка. Русскіе Галичане прямо и откровенно говорятъ, что имъ трудно будетъ выдержать такой ударъ, потому что пропаганда ведется черезъ сельскія школы и съ покровительствомъ власти. Имъ нужна помощь матеріальная и духовная. Но откуда она придетъ? сами они бѣдны, нѣтъ у нихъ богатаго дворянскаго сословія—оно почти все ополячилось... Простой народъ, священники, учители, адвокаты—единственные хранители Русской народности. Откуда же можетъ придти эта помощь, какъ не отъ насъ, какъ не изъ среды народа, дорожащаго твердостью народныхъ Русскихъ началъ даже и на своихъ окраинахъ? Это такая же священная обязанность для насъ, если еще не болѣе, такъ и матеріальная помощь единовѣрцамъ, страдающимъ въ Турціи. Русскіе въ Галиціи нуждаются во всякаго рода Русскихъ книгахъ. У нихъ нѣтъ хорошихъ учебниковъ на Русскомъ языкѣ и преимущественно по Русской исторіи и словесности. Они употребляютъ послѣднія и скудныя свои средства на пріобрѣтеніе книгъ, изданныхъ въ Россіи. Но они могутъ покупать только дешевыя книги; да и тѣ не всегда попадаютъ къ нимъ въ достаточномъ количествѣ. Такъ въ концѣ прошлаго года во Львовъ было прислано для распродажи 100 экземпляровъ «Крестнаго календаря». Они взяты были нарасхватъ по 30 крейцеровъ за экземпляръ: теперь изо Львова снова просятъ о высылкѣ календаря. Нѣкоторыя изъ книгъ, изданныхъ Московскимъ Обществомъ распространенія полезныхъ книгъ, нашли бы себѣ самыхъ усердныхъ читателей между Русскими въ Галиціи. Общество распространенія полезныхъ книгъ могло бы само озаботиться высылкой своихъ изданій въ Галицію. Хорошія Русскія хрестоматіи, преимущественно книги для дѣтскаго чтенія, Русскіе учебники по всѣмъ отдѣламъ наукъ составляютъ насущную потребность для Русскихъ семействъ въ Галиціи. Но одни литературныя средства для поддержанія Русскаго языка еще недостаточны. Ученики изъ бѣдныхъ Галицко-Русскихъ семействъ, Русскія библіотеки при Народномъ Домѣ и Галицко-Русской Матицѣ, только-что возникшій во Львовѣ Русскій театръ, одно изъ могущественнѣйшихъ средствъ для пробужденія тамъ Русской народности, также нуждаются въ пособіяхъ. Правда, у этихъ учрежденій были нѣкоторыя средства для существованія; но послѣдній Львовскій сеймъ уничтожилъ ихъ, передавъ всѣ мѣстные фонды въ завѣдываніе земскаго комитета, а этотъ комитетъ состоитъ изъ однихъ Поляковъ!.. Если Московское общество отнесется также великодушно къ нравственнымъ страданіямъ своихъ Русскихъ собратій, живущихъ въ восточной Галиціи, какъ отнеслось къ страданіямъ единовѣрныхъ, но чуждыхъ намъ по крови Грековъ, на островѣ Критѣ (а можно ли въ этомъ сомнѣваться?), то мы считаемъ не лишнимъ присоединить здѣсь указанія, находящіяся въ письмѣ одного изъ Галицкихъ друзей нашихъ: «Деньги, опредѣленныя на убогихъ учениковъ, пусть адресуютъ на руки императорско-королевскаго совѣтника и старѣйшины ставропигіальнаго института во Львовѣ Іоакима Хоминскаго, а деньги для другихъ институ-

цій—на руки оффиціала при ставропигіи, члена митрополичьяго капитула Михаила Куземскаго; а чтобы не дать повода къ клеветамъ враждебныхъ языковъ, пусть высылаются деньги чрезъ посольство Австрійское въ Петербургѣ, или Русское посольство въ Вѣнѣ, съ *выразительнымъ* опредѣленіемъ, кому и что посылается, чтобы Польскій земскій комитетъ не захватилъ эти деньги отъ имени земскихъ жондовъ. Пусть такое великодушное дѣло творится явно, какъ и подобаетъ каждому предпріятію съ благотворительною цѣлью». Пользуемся этимъ случаемъ, чтобы напомнить читателямъ «Москвы», что нынѣшній день предлагаетъ имъ прекрасный случай принять непосредственное участіе въ этомъ дѣлѣ добра и народной чести. Сегодня вечеромъ въ физической залѣ новаго зданія университета будетъ происходить литературное чтеніе, съ участіемъ А. Н. Майкова и Н. А. Чаева, «въ пользу Русскихъ восточной Галиціи». Редакція «Москвы» также съ своей стороны открываетъ подписку на всякія пожертвованія для поддержанія Русской народности въ родномъ намъ Галичѣ и принимаетъ на себя обязанность доставлять ихъ по мѣсту назначенія.

Возможно ли переродить какую-либо національность внѣшними мѣрами.

Москва, 14-го февраля 1867 г.

«Вѣроисповѣднаго вопроса отъ народнаго въ Западномъ краѣ не отдѣляетъ и тотъ, кто, повидимому, утверждаетъ противное; только понимаетъ онъ при этомъ вѣроисповѣданіе особеннымъ образомъ и разумѣетъ особенное католичество и особенное еврейство, а не то, какимъ себя знаетъ то и другое. Но если такъ, надобно это сознать и высказать прямо, и затѣмъ опредѣлить: слѣдуетъ ли уважать свободу совѣсти? Если слѣдуетъ, надобно проводить уваженіе это до конца и оставлять всякую вѣру при самой себѣ, какова бы она ни была; и конечно только это будетъ вполнѣ справедливо и разумно, ибо, во всякомъ случаѣ, вѣра и свобода суть начала зиждительныя, а безвѣріе и насиліе—начала разрушительныя». Вотъ къ какому заключенію приведены были мы разсмотрѣніемъ (въ №№ 13 и 19) взаимнаго отношенія двухъ вопросовъ въ Западномъ краѣ—вѣроисповѣднаго и народнаго.

«Виленскій Вѣстникъ» нѣсколько иначе представляетъ себѣ нашъ образъ мыслей. «Москва» проповѣдуетъ нетерпимость; возбуждаетъ религіозное преслѣдованіе; требуетъ, чтобъ иновѣрцевъ осыпали бранью и проклятіями. Таковы мысли и таковы точныя слова, высказанныя въ 13 № самою редакціей «Вѣстника» и въ особенности ея неизвѣстнымъ корреспондентомъ изъ Гродна. А какъ скоро положеніе это было высказано, возможно ли было удержаться, чтобы не вскипѣть негодованіемъ? Образъ мыслей противника такъ непристоенъ! Случай къ негодованію такой прекрасный! Понятно, что ни редакція, ни ея корреспондентъ не хотѣли его упустить, и жаль, что они не вполнѣ имъ воспользовались. Тема была легкая; можно было по поводу ея сказать многое, гораздо съ бо́льшимъ знаніемъ дѣла и въ особенности съ большею логикой. Мы, напримѣръ, утвер-

ждали, что въ языкѣ еще не вся народность, что народность есть результатъ цѣлой исторіи и предполагаетъ сверхъ языка цѣлую систему преданій и привычекъ, сознательныхъ и безсознательныхъ. А въ прямой отвѣтъ на это положеніе г. гродненскій корреспондентъ замѣчаетъ намъ укорительно, что, отрицая перерождающую силу языка, «*мы забываемъ о совмѣстномъ вліяніи* на разноплеменныя массы Русскихъ законовъ, Русской администраціи, *нравственную силу православія*, *Русской науки* и т. п., и что всѣ эти вліянія, взятыя вмѣстѣ, по нашему мнѣнію, будто недостаточны для обрусѣнія живущихъ въ краѣ иновѣрцевъ»! Это уже никуда не годится: представлять подтвержденіе, а выдавать за опроверженіе,—такимъ образомъ можно даже отбить читателей, какъ ни мало они у насъ вообще требовательны по части логики!

Не станемъ впрочемъ взыскивать за подробности; знаніе дѣла и уваженіе къ логикѣ въ нашей публицистикѣ не настолько обыкновенны, чтобы можно было требовать того и другого отъ всякаго. Важно замѣтить только общую постановку вопроса. «Вѣроисповѣдный вопросъ въ Западномъ краѣ съ народнымъ нераздѣленъ... вы это говорите; а! стало быть вы проповѣдуете религіозное преслѣдованіе».

«Но какъ же иначе? Что же иное вы и говорите?» Мы говоримъ прежде всего то, что̀ говоримъ, и не утверждаемъ того, что̀ отрицаемъ. Увы, это въ старыхъ логикахъ считалось самымъ первымъ закономъ мышленія, и мы ему покоряемся. Но любопытно, что̀ говорятъ и какъ разсуждаютъ наши противники. Они предполагаютъ, что признавать какое-нибудь вѣроисповѣданіе элементомъ чуждой народности значитъ требовать религіознаго преслѣдованія; стало быть чуждую народность признаютъ они вообще явленіемъ, требующимъ преслѣдованія. Они возмущаются предполагаемою нашею нетерпимостью къ католичеству и еврейству, но возмущаются, очевидно, только потому, что видятъ въ этомъ нетерпимость чисто-религіозную; но они перестали бы возмущаться, и нетерпимость въ ихъ глазахъ перестала бы быть нетерпимостью, если бы только они увѣрились, что имѣютъ дѣло съ элементами подлинно чуждыми нашей народности. Редакція «Виленскаго Вѣстника» не успѣла еще высказаться подробно, въ чемъ состоитъ, по ея мнѣнію, обрусѣніе, и лишь посѣтовала на насъ за предположеніе (сдѣланное, впрочемъ, нисколько ей не въ обиду), что достаточнымъ признакомъ обрусѣнія, по нашему мнѣнію, должно быть почитаемо ею распространеніе Русскаго языка. Какъ бы то ни было, думаетъ ли она такъ или иначе, обрусѣніе должно состоять дѣйствительно, между прочимъ, въ распространеніи Русскаго языка; должно, или по крайней мѣрѣ можетъ состоять въ распространеніи извѣстныхъ вкусовъ, привычекъ, воззрѣній.

И такъ, въ какомъ бы изъ этихъ явленій ни полагаемо было «Виленскимъ Вѣстникомъ» необходимое условіе обрусѣнія,—судя по его возраженіямъ, самый процессъ обрусѣнія долженъ представляться ему не иначе, какъ въ смыслѣ принужденія. О добровольномъ обрусѣніи, скажемъ мы ему его же словами, что и толковать? Этому никто не мѣшаетъ!—Но ужели въ самомъ дѣлѣ такъ? Ужели только религіозныя вѣрованія имѣютъ право на терпимость? Ужели не заслуживаютъ тѣхъ же правъ и другія духовныя проявленія? Но не будемъ говорить о правахъ; ограничимся вопросомъ: принудительныя мѣры въ отношеніи ко всѣмъ возможнымъ проявленіямъ

народности практичны ли по крайней мѣрѣ? Исторія, кажется, успѣла дать на это отвѣтъ несомнительный. Не ходя далеко за примѣрами, можемъ посмотрѣть на Австрію: чего и противъ чего не предпринимала она въ отношеніи къ своимъ народностямъ,—и что проку? Возьмемъ примѣръ и ближе. Нельзя пожаловаться, чтобы прошедшее царствованіе небрегло объ обрусѣніи въ томъ смыслѣ, который для нашихъ противниковъ представляется, повидимому, вполнѣ удобнымъ. И однако возстаніе 1863 года было, и въ этомъ возстаніи участвовали, и прямо и косвенно, и Сѣраковскіе, и Огрызки, и тысячи имъ подобныхъ, люди прекрасно говорившіе по-русски, воспитавшіеся въ Русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, и даже не въ Западномъ краѣ; люди, состоявшіе на государственной службѣ, и опять даже не въ Западномъ краѣ, а въ самомъ центрѣ администраціи; люди, вѣроятно, знакомые и съ нашею литературою, точно такъ же какъ несомнѣнно были они знакомы съ Русскою наукою, и несомнѣнно подлежали вліянію Русской администраціи и Русскихъ законовъ!

Послѣ оригинальныхъ возраженій «Виленскаго Вѣстника» нельзя ручаться, чтобы даже теперь не предложили намъ вопроса: итакъ, ваше мнѣніе состоитъ въ томъ, что всего этого бы не было, если бы Сѣраковскій, Огрызко и имъ подобные приняли православіе? Нѣтъ, наше мнѣніе состоитъ только въ томъ, въ чемъ оно состоитъ,—именно въ томъ, что никакими внѣшними мѣрами нельзя ни задушить, ни переродить никакой народности. Народность есть явленіе духовное, и потому покоряется вполнѣ только духовному воздѣйствію, и это одинаково относится ко всѣмъ ея элементамъ безъ исключенія. Могутъ быть условія болѣе и менѣе благопріятныя для ея развитія, но во всякомъ случаѣ она развивается по преимуществу изъ себя и можетъ существовать вопреки всѣмъ внѣшнимъ давленіямъ. Редакція Виленской газеты замѣчаетъ намъ, что мы увлекаемся исторіею, и что живая дѣйствительность можетъ поучить многому. Съ своей стороны и мы совѣтовали бы ей не довольствоваться одною живою дѣйствительностью, которая часто бываетъ обманчива, но прибѣгать иногда къ историческому опыту. Она говоритъ, напримѣръ, объ искреннихъ желаніяхъ обрусѣнія, слышимыхъ ею отъ Поляковъ и Евреевъ; свидѣтельствуетъ о томъ, что обрусѣніе идетъ часъ отъ часу глубже и шире, замѣчая это особенно въ учебныхъ заведеніяхъ. Всему охотно вѣримъ, и повторимъ, что общественное воспитаніе дѣйствительно можетъ быть однимъ изъ удобнѣйшихъ средствъ къ обрусѣнію. Но полагаемъ, что въ этомъ свидѣтельствѣ «живой дѣйствительности» есть большая доля самообольщенія. Процессъ, о которомъ говоритъ газета, не можетъ совершаться такъ быстро, и притомъ идти въ глубь и ширь, да еще посредствомъ учебныхъ заведеній. Любопытно бы по этому случаю знать, что въ свое время замѣчаемо было въ Сѣраковскихъ, когда они учились? Съ другой стороны, исторія насъ учитъ, что вообще народность сдается только мало-по-малу, и притомъ только всецѣлому воздѣйствію другой, болѣе сильной народности. И законъ притомъ здѣсь тотъ, что побѣждаетъ не всегда та народность, которая преимуществуетъ дѣйствительною силою,—матеріальною ли численностію или высотою и глубиною своей духовной природы, — а всегда та, которая болѣе крѣпка своимъ сознаніемъ и которая устойчивѣе нравственно, словомъ та, которая имѣетъ болѣе самомнѣнія. Эльзасецъ дѣлается Фран-

цузомъ, хотя никто не скажетъ, чтобы Французъ былъ выше Нѣмца. Еврей вездѣ остается вездѣ Евреемъ, не смѣшиваясь и не перерождаясь, а не знаемъ, скажетъ ли даже самъ «Виленскій Вѣстникъ», чтобы просвѣщеніе Еврейское было выше Европейскаго. То же и въ Западномъ краѣ. Если мы хотимъ, чтобъ онъ обрусѣлъ, и чѣмъ полнѣе, тѣмъ лучше—для этого нужно только, чтобъ сами Русскіе вездѣ, и въ Западномъ краѣ въ особенности, были вполнѣ Русскими, всецѣло уважали свое Русское достоинство и ни на минуту не теряли сознанія о своемъ національномъ превосходствѣ. И тогда что могутъ значить горсти чужихъ народностей? Нужно ли тогда усиливаться даже, чтобъ они бросили свой языкъ, полюбили нашу литературу, приняли всѣ наши привычки и т. п.? При нашей стойкости рано или поздно должно же это будетъ случиться. Живутъ Поляки, и даже гораздо въ большемъ числѣ, въ Великой Польшѣ, и не только живутъ, но засѣдаютъ въ парламентѣ, нисколько притомъ не скрывая своихъ Польскихъ стремленій. Пруссаки однако не безпокоятся. Не безпокоимся и мы въ старомъ Казанскомъ царствѣ, среди Татаръ и Черемисовъ. Или то Черемисы и Татары, а то Поляки? И на то Пруссаки съ своимъ мнѣніемъ о Прусской національности, а на то мы Русскіе съ мнѣніемъ о своей Русской?

Для редакціи «Виленскаго Вѣстника» сказаннаго можетъ быть достаточно; но для мыслителей, подобныхъ ея корреспонденту, не мѣшаетъ и повторить вкратцѣ всѣ наши положенія. Вопросъ въ томъ: могутъ ли быть народныя вѣрованія вообще признаваемы явленіями посторонними къ народности, и могутъ ли быть признаваемы такими безразличными явленіями въ частности вѣроисповѣданія—католическое и еврейское, и притомъ въ отношеніи къ народности Русской, и именно въ Западномъ краѣ? На то и другое мы отвѣчаемъ отрицательно; и на второе въ особенности отвѣчаемъ отрицательно; потому что католичество и еврейство, разсматриваемыя и сами въ себѣ отвлеченно, суть явленія сколько религіозныя, столько же, и даже болѣе, политическія; а въ Западномъ краѣ особенностями исторіи это ихъ политическое значеніе еще болѣе усилено. Намъ возражаютъ, что соглашаться съ этимъ мнѣніемъ значитъ соглашаться съ религіознымъ преслѣдованіемъ. Но отъ признанія факта до мѣръ практическихъ еще далеко; это говоритъ всякому простая логика. Это совсѣмъ другой вопросъ, его надобно оставить особо, и, что касается до насъ, мы отвѣчаемъ на него отрицательно. Мы не только противъ религіознаго преслѣдованія, но и вообще противъ всякихъ мѣръ, которыя были бы направлены принудительно противъ какого бы то ни было проявленія и чьей бы то ни было народности. Противники наши, наоборотъ, держатся другого мнѣнія: они не отвергаютъ стѣснительныхъ мѣръ противъ чужой народности, и даже не понимаютъ, какимъ образомъ можно въ одно и то же время и признавать за тѣмъ или другимъ явленіемъ чуже-народное значеніе, и отрицать необходимость мѣръ принудительныхъ. Изъ народныхъ проявленій они признаютъ свободу только за вѣроисповѣданіемъ. Потому ли они защищаютъ эту свободу, что не видятъ въ вѣроисповѣданіи народнаго значенія, или потому не видятъ этого значенія, что признаютъ вѣроисповѣдную свободу,—рѣшить трудно; послѣднее скорѣе чѣмъ первое. О вѣротерпимости столько было и столь многими говорено; гнушаться религіознымъ преслѣдованіемъ пріучило насъ съ дѣтства изученіе средневѣковой Европейской исторіи.

Но уваженіе къ правамъ народности въ другихъ ея проявленіяхъ? Кто могъ намъ его внушить? Развѣ исторія Петровскихъ временъ? Повторяемъ однако снова: надобно быть послѣдовательными; если уважать свободу духовныхъ проявленій, слѣдуетъ уважать ее во всемъ; а если не уважать ее въ десяти случаяхъ, зачѣмъ стѣсняться въ одиннадцатомъ? И снова прибавляемъ: безусловно справедливо и разумно только первое; послѣднее извинительно лишь въ крайнихъ случаяхъ необходимости политическаго самосохраненія, и не болѣе какъ извинительно. А въ Западномъ краѣ ужели мы дошли до такой крайности при многомилліонной массѣ коренного, вполнѣ Русскаго населенія?! Нѣтъ, если уже становить западный вопросъ на практическую почву, отвѣтъ ему прямой въ двухъ словахъ: духовный подъемъ простого Русскаго люда и духовная стойкость образованнаго Русскаго общества. Этого ли не довольно? Но довольно ли для этого и ограничиваться только нѣсколькими стихіями Русской народности, съ пренебреженіемъ одной, едва ли не важнѣйшей?

Еще о значеніи вѣроисповѣданій въ Западномъ краѣ.

Москва, 17-го февраля 1867 г.

«Виленскій Вѣстникъ» сѣтуетъ на насъ, между прочимъ, за то, что мы вступили съ нимъ въ Полемику, не дождавшись, пока онъ выскажется подробно; судили объ его образѣ мыслей только по одной статьѣ, и даже изъ этой статьи вывели то, чего не было въ ней говорено. Поставляя на видъ эту неделикатность, редакція вообще изъявляетъ желаніе, чтобы мы, какъ выражается она, «прекратили игру въ теоріи и поглубже всмотрѣлись въ жизнь» (№ 13).

Дѣйствительно, уже въ 9 № «Вѣстника» редакція соглашалась, что обрусѣніе Поляковъ и Евреевъ, при сохраненіи вѣроисповѣдныхъ съ нами различій, не можетъ быть названо полнымъ, и что, какъ пояснила она въ № 13, уничтоженіемъ, напр., полу-Нѣмецкаго Еврейскаго жаргона можно удовлетвориться только на первый разъ. Тѣмъ охотнѣе заявляемъ объ этомъ взглядѣ редакціи, чѣмъ пріятнѣе въ немъ удостовѣриться. Но это не мѣшаетъ намъ настаивать, что первые два №№ газеты давали полное основаніе судить о ея взглядѣ такъ, какъ мы судили, и давали полное право вступить съ нею въ полемику. Развѣ въ передовой статьѣ 2 № не обращалась она съ такою рѣчью къ мѣстнымъ дворянамъ: «вы, господа, Русскіе дворяне и, конечно, желаете обрусѣнія полнѣйшаго, въ предѣлахъ, разумѣется, ограниченныхъ одною вѣрою»? Развѣ не вполнѣ ясенъ смыслъ этой оговорки о предѣлахъ, ограниченныхъ вѣрой? Развѣ не выходитъ отсюда прямо то, что мы вывели, и чего, по увѣренію газеты, не имѣли права выводить, — именно, что вѣроисповѣдное различіе, по ея мнѣнію, не мѣшаетъ даже *полнѣйшему* обрусѣнію?

Какъ бы то ни было, съ удовольствіемъ беремъ мы назадъ свое обвиненіе. Оговорка *о предѣлахъ ограниченныхъ вѣрою* была случайною обмолвкой, и болѣе упоминать о ней нѣтъ нужды. Гораздо важнѣе отвѣтить

на другой вопросъ: стоило ли спѣшить полемикой, когда разногласіе являлось чисто теоретическое? Насильственныхъ обращеній не предполагается; добровольному переходу въ православіе никто не мѣшаетъ: а затѣмъ, не все ли равно для дѣла — вноситъ ли кто въ своихъ понятіяхъ вѣроисповѣданіе въ кругъ народныхъ началъ или нѣтъ?

Въ самомъ дѣлѣ, не все ли равно? Пойдемъ и дальше. Говорятъ, Русскій языкъ есть свидѣтельство Русской народности. Это правда; но стоитъ ли протестовать, когда бы сталъ кто успокоивать Поляковъ, что для обрусѣнія не требуется даже знанія Русскаго языка? Если нужно, введутъ Русскій языкъ административными мѣрами; а затѣмъ для дѣла все равно — такъ или иначе рѣшается этотъ вопросъ въ теоріи, тѣмъ болѣе, когда самая дѣйствительность говоритъ надвое. Генералы Двѣнадцатаго года несомнѣнно одушевлены были самымъ совершеннымъ Русскимъ патріотизмомъ, и однако многіе изъ нихъ, даже Русскіе по происхожденію, не говорили, а нѣкоторые почти не знали по-Русски. О разныхъ народныхъ обычаяхъ еще менѣе можетъ быть рѣчи: пейсики Еврея или чамарка Поляка — что въ этомъ бѣды? При пейсикахъ и въ чамаркѣ можно быть Русскимъ въ душѣ, любить Россію, радоваться ея радостями и печалиться ея печалями. Почему же не обратиться съ покровительственною рѣчью и къ пейсикамъ, и къ чамаркѣ? А затѣмъ, почему не отнестись сочувственно даже къ исконнымъ Русскимъ, которые надѣнутъ чамарку, заговорятъ по-Польски, станутъ ходить въ костелы, слушать тамошнія проповѣди и, пожалуй, даже восхищаться ими?

Все это, повидимому, такъ, но желали бы мы спросить: что̀ же затѣмъ отъ насъ останется? Какое право будемъ мы имѣть на названіе Русскихъ не по происхожденію только и подданству, а вмѣстѣ и по народности? И въ чемъ останется у насъ та духовная упругость, которая есть единственное условіе къ покоренію соприкасающейся съ нами чужой народности? Въ томъ ли, что мы сами пока не говоримъ по-Польски, не надѣваемъ чамарки, не отращиваемъ пейсиковъ? Но отъ признанія извѣстныхъ началъ до осуществленія ихъ въ жизни одинъ только шагъ, и недавніе наши опыты, не нидѣ какъ въ томъ же Западномъ краѣ, дали этому краснорѣчивое доказательство. Нѣтъ, въ томъ-то вся и бѣда наша — въ нашей легкой податливости, въ готовности во всемъ уступить, все въ другомъ признать и ничего своего не держаться крѣпко — ни въ бытѣ, ни въ сознаніи; въ этомъ и заключается корень всего нашего безсилія и всѣхъ Польскихъ среди насъ успѣховъ. Отрицаніе тѣхъ или другихъ народныхъ началъ въ сознаніи, повидимому, чисто теоретическое, имѣетъ здѣсь такую же практическую важность, какъ и отреченіе отъ нихъ въ самой жизни; само по себѣ оно уже есть фактъ духовной шаткости, и въ этомъ смыслѣ есть уже ободреніе чуждыхъ притязаній и ослабленіе нашихъ собственныхъ, условіе чужого успѣха и нашего ущерба. Оно сохраняетъ это свое значеніе, будетъ или не будетъ сопровождаемо правительственными мѣрами въ такомъ или въ другомъ смыслѣ: оно тѣмъ важнѣе, когда ими не сопровождается, и именно потому, что по существу дѣла оно не должно ими сопровождаться, а должно дѣйствовать исключительно своею силою и въ нее одну вѣрить.

Итакъ, вопросъ только въ томъ: дѣйствительно ли и латинство и еврейство въ Западномъ краѣ суть явленія сколько религіозныя, столько же и

политическія? Надѣемся, это нами доказано. Но если бы и не было доказано, достаточно было бы спросить, признается ли то и другое исповѣданіе за народное начало самимъ мѣстнымъ населеніемъ: а въ этомъ не позволительно даже сомнѣваться. А когда такъ, принимать мѣстной газетѣ равнодушный тонъ о вѣроисповѣдныхъ различіяхъ, въ виду совершающейся борьбы народностей, по меньшей мѣрѣ неосторожно. Выраженіемъ же такого равнодушія еще прямо начинать свои разсужденія о народномъ вопросѣ — это легкомысленно. Позволительно ли было не протестовать противъ этого и нужно ли было дожидаться еще дальнѣйшихъ объясненій? Не заслуживала ли протеста уже эта самая поспѣшность уступки, уже то самое, что только отъ послѣдующихъ объясненій приходилось выжидать ободрительнаго и поощрительнаго слова въ пользу начала, по мѣстнымъ условіямъ признаваемаго самымъ виднымъ знаменіемъ нашей народности?

Не забудемъ и того, что признаніе народности въ предѣлахъ болѣе или менѣе тѣсныхъ не останется безъ практическихъ послѣдствій даже въ томъ особенномъ смыслѣ, въ какомъ нѣкоторыми, повидимому, исключительно понимается практицизмъ. Успѣшная борьба съ чужою народностью можетъ быть совершаема только силами общественными и должна быть вполнѣ имъ предоставлена. Таково основное положеніе. Но для успѣха борьбы необходимо, чтобы силы эти имѣли достаточный просторъ, не были связаны искусственно, и чтобы мѣрами административными и законодательными не было оказываемо покровительства чужой народности въ ущербъ своей. А въ этомъ смыслѣ далеко не одинаковы могутъ быть послѣдствія, смотря потому, какъ широко или тѣсно будетъ понимаема народность. Освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости правительство поставило Западно-Русское населеніе въ возможность противостоять Польскому вліянію; указомъ 10 декабря сдѣлано еще болѣе: съ исполненіемъ этого указа, численность Русскаго населенія должна будетъ увеличиться, увеличится съ этимъ его матеріальная сила, а вмѣстѣ возрастетъ и сила нравственная, вслѣдствіе притока людей, вооруженныхъ образованіемъ, а чрезъ это самое откроется возможность не только противостоять Польскому вліянію, но въ свою очередь воздѣйствовать на него духовно. Этимъ однако еще не все будетъ сдѣлано и не все достигнуто; для успѣшной борьбы недостаточно внѣшней подмоги пришлыхъ классовъ, притомъ сравнительно малочисленныхъ; необходимъ собственный подъемъ кореннаго Русскаго населенія, и духовный, и матеріальный; бѣдность и безграмотность — силы не сильныя. А если такъ, одни ли и тѣ же послѣдствія произойдутъ, признаемъ ли мы еврейство и латинство силами безразличными къ Русской народности, или признаемъ ихъ силами по существу намъ враждебными? Нужно ли будетъ особенно безпокоиться объ экономическомъ преобладаніи Евреевъ, когда согласимся на первое? Ихъ преобладаніе не будетъ тогда выходить изъ предѣла явленій довольно обыкновенныхъ. Не нужно ли будетъ, съ другой стороны, особенно позаботиться тогда о положительномъ содѣйствіи къ распространенію просвѣщенія вообще и къ укрѣпленію вѣроисповѣднаго сознанія въ частности не только въ православныхъ, но и въ Евреяхъ съ католиками? Такая заботливость не выходила бы изъ предѣловъ попеченія самаго законнаго. Но совсѣмъ иной смыслъ для народнаго дѣла получатъ и это равнодушіе къ Еврейскому преобладанію, и это попеченіе о безразличномъ рас-

пространеніи религіознаго просвѣщенія, когда признаемъ, что Еврейское и латинское исповѣданія чужды намъ не только въ религіозномъ, но и въ политическомъ смыслѣ. Наконецъ, что бы ни говорила редакція «Виленскаго Вѣстника», почему же не перетолковать и самый указъ 10 декабря? Какая нужда, въ самомъ дѣлѣ, ограничивать право землевладѣнія вѣроисповѣданіями, когда бы они были совершенно безразличны къ народности? Ни редакція «Виленскаго Вѣстника», ни ея корреспондентъ» на это намъ не отвѣчаютъ, и указываютъ только, что указъ 10 декабря имѣетъ не вѣроисповѣдное, а государственное, соціальное и экономическое значеніе. Еще бы! Въ томъ-то и дѣло, что онъ имѣетъ и государственное, и соціальное, и экономическое значеніе, но что въ то же время вѣроисповѣданіе признается въ немъ, — и справедливо, — единственнымъ условіемъ, подъ которымъ возможно осуществленіе предполагаемыхъ и государственныхъ, и соціальныхъ, и экономическихъ цѣлей.

Надѣемся, послѣ этихъ объясненій «Виленскій Вѣстникъ» пойметъ причину поспѣшности нашихъ обличеній; а его неизвѣстный корреспондентъ изъ Гродна пойметъ и ту непонятную для себя элементарную истину, что прислушиваться къ толкованіямъ народности, вылетающимъ изъ чужого лагеря, и не внимать толкованію, какое дается ей самимъ Русскимъ населеніемъ, значитъ уже ронять народное дѣло, и притомъ не потому, чтобъ успѣхъ этого дѣла нуждался въ принудительныхъ мѣрахъ, а именно потому самому, что для успѣховъ народности вовсе въ этихъ мѣрахъ нѣтъ нужды.

О преподаваніи Русскаго языка въ школахъ Царства Польскаго.

Москва, 21-го іюля 1867 г.

Въ опубликованныхъ надняхъ извѣстіяхъ о ходѣ крестьянскаго дѣла въ Царствѣ Польскомъ мы встрѣчаемся съ нѣкоторыми странными фактами, относящимися до преподаванія Русскаго языка въ школахъ. Мы приводимъ ихъ ниже, а теперь считаемъ нужнымъ предпослать имъ нѣсколько словъ.

Царство Польское, созданное Императоромъ Александромъ I-мъ, не представляетъ само по себѣ никакой органической цѣльности. Основаніемъ ему послужило выкроенное Наполеономъ изъ бывшихъ частей Польскаго государства, доставшихся Пруссіи и Австріи, Варшавское герцогство. Урѣзавъ это герцогство съ одной стороны въ пользу Пруссіи, прирѣзавъ съ другой часть Галиціи, его переименовали въ Царство и такимъ образомъ сочинили какое-то искусственно политическое тѣло, какое-то призрачное государство, безъ всякихъ, какъ мы уже сказали, внутреннихъ условій органической цѣльности и реальныхъ дѣйствительныхъ задатковъ самостоятельнаго государственнаго развитія. Въ самомъ дѣлѣ, отрѣзанное отъ морей, окруженное несравненно могущественнѣйшими державами, очерченное не живыми урочищами, а произвольными, на картѣ проведенными границами, это Царство было слишкомъ безсильно, чтобъ существовать собственною

независимою политическою жизнью, и слишкомъ сильно для того, чтобы помириться съ своимъ безобразіемъ, чтобы не поддаться искушенію бунтовать и не стремиться къ своему расширенію. Титуломъ Царства, внѣшними формами политической самобытности навязывались, такъ сказать, самимъ Полякамъ притязанія на совершенную независимость и на созданіе государственнаго объема, болѣе соотвѣтственнаго громкому имени. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Поляки не возлюбили этого новаго, произвольно выкроеннаго, призрачнаго Польскаго государства, привязаннаго вдобавокъ къ Россіи въ лицѣ ея монарха; презрительно называли Царство «Конгрессувкой» и мирились съ нимъ только какъ съ точкой опоры, какъ съ почвой, на которой они могли стать на ноги и собраться съ силами для выполненія своихъ давнихъ замысловъ, для осуществленія своего политическаго идеала. Оно было, въ ихъ глазахъ, только ступенью къ возстановленію старой Польши, задаткомъ иной, блистательнѣйшей политической будущности. Такимъ образомъ въ Царство Польское, которое съ своимъ пышнымъ титуломъ было только карикатурою стараго Польскаго государства до 1772 года и всякаго государства вообще, было въ самомъ основаніи заложено стремленіе перестать быть каррикатурой или политической амфибіей. Оно явилось постояннымъ воплощеннымъ запросомъ на прежнія области, нѣкогда принадлежавшія Польшѣ,—живой угрозой Россіи, хищною дланью, занесенною надъ Русскими землями.

Вышло то, что̀ и слѣдовало ожидать. Два мятежа, кровавыя усмиренія, возрожденіе Польской національности въ коренныхъ Русскихъ земляхъ, исторгнутыхъ нами изъ-подъ Польскаго гнета въ концѣ XVIII вѣка, и вынужденное насильственное ея подавленіе—были результатомъ такого ненормальнаго положенія дѣлъ. Царство Польское превратилось въ аванпостъ Европейской интриги противъ Россіи, пороховымъ погребомъ, отъ котораго велись подкопы подъ Сѣверо-Западный и Юго-Западный нашъ край, вѣчнымъ поводомъ къ тревогѣ, вѣчною угрозой для безопасности и мира Русскаго народа. Россія истощала всѣ возможныя усилія, чтобъ найти ладъ въ тѣхъ отношеніяхъ, гдѣ по самой натурѣ вещей не могло быть ладу; она испробовала разныя программы управленія, заводила и изгоняла Русскихъ чиновниковъ; Русское общество также съ своей стороны придумывало всяческія проблемы рѣшенія «Польскаго вопроса», съ примѣрнымъ самоотверженіемъ, не отваживаясь на крайнее средство,—пока опытъ не доказалъ, что всѣ эти проблемы сводятся въ дилеммѣ. Эту дилемму, впрочемъ, поставили сами Поляки, формулируя свои притязанія такъ: *все* или *ничего*; и дѣйствительно вопросъ иначе поставленъ быть не можетъ. Это самая логическая его постановка. Если старый принципъ политическаго существованія отдѣльной «Польши» признанъ невозможнымъ, то гдѣ же логическій поводъ признавать наприм. Люблинскую и Августовскую губерніи и Холмскій округъ—Польшею, а Гродненскую и Ковенскую не Польшею? Или и то и другое Польша, или нѣтъ Польши, ибо всѣ эти области населены преимущественно не Поляками, а составляли одинаково «Польшу» историческую. И наоборотъ: если политическое возрожденіе Польскаго *государства* допущено въ принципѣ, то почему же отрицать его право къ возвращенію себѣ и прочихъ ненаселенныхъ Поляками, но входившихъ въ политическое понятіе о «Польшѣ» земель? Какое начало положено въ основаніе Цар-

ства Польскаго? Это не есть основаніе этнографическое, начало національности, это не есть и принципъ историческаго права, строго проведенный, ибо у вновь созданной Польши отнято все, что собственно и составляло Польское государство, чѣмъ оно жило и двигалось, что было дѣйствительною сущностью политическаго термина «Польша». «Польша», какъ государство, вся зиждется только на принципѣ историческаго права, а не на принципѣ народности или этнографическомъ. Какъ политическій терминъ, «Польша» можетъ обозначать только государство, основанное на историческомъ правѣ, слѣдовательно до произведенныхъ въ XVIII вѣкѣ раздѣловъ. Другого политическаго понятія о «Польшѣ» исторія не выработала. Россія постаралась его *сочинить* въ видѣ Царства Польскаго, но такое произвольное сочиненіе явилось вредною, лишенною логическаго и историческаго смысла аномаліей, безъ всякихъ задатковъ политической жизни.

Когда однажды основной жизненный принципъ «Польши», какъ историческаго явленія, т. е. какъ скоро историческое право, на которомъ зиждилось Польское государство, было поколеблено, то уничтожился этимъ самымъ всякій raison d'être, всякая органическая причина бытія «Польши», какъ политическаго понятія. А не поколеблено оно быть не могло. Присоединеніе къ Россіи Руси Малой, Бѣлой, Черной, Червонной (послѣдней еще не вполнѣ) совершилось въ силу самаго святого права. Выдвигается — и только въ одной Россіи — иное понятіе о «Польшѣ», не признаваемое самими Поляками, выработанное не исторіею, а отвлеченною теоріей, — о Польшѣ, какъ о народности, а не какъ о бывшемъ государствѣ. Навязывается Полякамъ для существованія «Польши», вмѣсто историческаго, другое начало — этнографическое. Но, во-первыхъ, Поляки пренебрегли имъ, заботясь не о духовномъ возрожденіи своей народности, а о возрожденіи Польши, какъ государства, въ прежней исторической формѣ Польши; во-вторыхъ, быстрое онѣмеченіе Познанскихъ областей Польши, свидѣтельствующее о томъ, какъ слабо само по себѣ внутреннее духовное содержаніе Польской народности внѣ политическаго ея элемента, — есть невозвратно совершившійся фактъ; въ-третьихъ, Польша, какъ этнографическое понятіе, не только ускользаетъ до сихъ поръ отъ точнаго опредѣленія, но и при самомъ широкомъ своемъ опредѣленіи еще менѣе чѣмъ Царство Польское представляетъ какія-либо условія для самостоятельнаго *политическаго* бытія, да и сами Поляки, какъ мы уже сказали, такого основанія не признаютъ и не желаютъ. Все или ничего, говорятъ Поляки, и сами вызываютъ справедливый во всѣхъ отношеніяхъ отвѣтъ — *ничего*.

Очевидно, что Царство Польское, не имѣя никакого повода къ историческому бытію и наказавъ Россію за такое, на отвлеченныхъ принципахъ основанное зиждительство пятидесятью годами неестественныхъ отношеній, безсмыслицы, лжи, смутъ и мятежей, — Царство Польское, какъ политическій non-sens, содержало въ себѣ съ самаго начала зародышъ смерти и должно неминуемо исчезнуть. Къ этому убѣжденію и пришло Русское правительство въ 1864 году и рядомъ послѣдовательныхъ мѣръ приводитъ свое рѣшеніе въ исполненіе. Не говоря о прочихъ мѣрахъ, остановимъ наше вниманіе на преобразованіи учебной части въ Царствѣ, или вѣрнѣе на одной изъ задачъ тамошняго управленія народнаго просвѣщенія. Создавъ Царство Польское, Русская власть признала оффиціальнымъ или по-

20

литическимъ языкомъ—Польскій, навязавъ его всѣмъ обывателямъ безъ различія, а въ томъ числѣ и Русскимъ, и присоединенной части Галиціи. Понятно, что какъ скоро изъ Царства Польскаго изъемлется (субстрагируется, какъ сказали бы Нѣмцы) его политическое основаніе, искусственно созданное, но тѣмъ не менѣе державшее всѣ части въ связи единымъ политическимъ цементомъ,—Царство Польское, переставая быть политическою единицей, распадается на разныя отдѣльныя народности, его составлявшія. Уничтожая оффиціальное или политическое значеніе Польскаго языка, Русское управленіе въ той области должно было неминуемо принять за руководящія начала для народныхъ школъ: съ одной стороны начало народности, начало этнографическое; съ другой—политическій живой фактъ Русскаго господства. Въ силу этого логическаго основанія учреждены народныя школы съ преподаваніемъ на языкѣ мѣстной народности, Литовскомъ, Польскомъ, Русскомъ и даже Нѣмецкомъ, смотря по численному преобладанію народности въ данной мѣстности и съ обязательнымъ обученіемъ языку Русскому, какъ общему, государственному. Теперь, ознакомивъ читателей съ положеніемъ вопроса о Царствѣ Польскомъ, еще сохраняющемъ свой грѣшный титулъ, съ системою и задачею Русскаго управленія въ области народнаго просвѣщенія, сообщимъ имъ тѣ скудныя извѣстія о народныхъ школахъ, которыя сообщаетъ намъ отчетъ о ходѣ крестьянскаго дѣла въ Царствѣ:

«Важнѣйшій фактъ по крестьянскому дѣлу въ Царствѣ Польскомъ заключается въ успѣхахъ Русскаго языка въ томъ краю. Въ отдѣлѣ *Кѣлецкой* коммиссіи по крестьянскимъ дѣламъ (около 1/13 всего Царства) преподаваніе Русскаго языка введено въ 159 мужскихъ и 3 женскихъ сельскихъ училищахъ. Крестьяне съ замѣтною охотой учатся Русскому языку тамъ, гдѣ сношенія правительственныхъ лицъ и учрежденій съ гминными (волостными) управленіями производятся на Русскомъ языкѣ. Въ крестьянахъ вовсе не замѣчается національнаго предубѣжденія противъ Русскаго языка; напротивъ, поступающія отъ разныхъ административныхъ властей въ волостныя (гминныя) управленія бумаги на Польскомъ языкѣ возбуждаютъ недоумѣніе, и войты гминъ (волостные головы) обращались неоднократно къ предсѣдателю крестьянской коммиссіи за разъясненіемъ: какой языкъ слѣдуетъ считать правительственнымъ, Русскій или Польскій? Въ отдѣлѣ *Сувалькской* коммиссіи, изъ всѣхъ 86 народныхъ училищъ, преподаваніе Русскаго языка введенно въ 44-хъ, устроенныхъ въ мѣстностяхъ съ Литовскимъ и Русскимъ населеніемъ, и идетъ съ положительнымъ успѣхомъ. Преподаваніе въ Литовскихъ школахъ ведется исключительно на Русскомъ и Литовскомъ языкахъ; Польскій же языкъ вовсе не преподается. Въ мѣстахъ, населенныхъ Мазурами и Нѣмцами, успѣхи по введенію Русскаго языка въ народное образованіе весьма слабы, несмотря на дѣятельныя мѣры, принятыя мѣстною учебною дирекціей къ повсемѣстному распространенію Русской грамотности. Въ школахъ, устроенныхъ Нѣмецкимъ населеніемъ, замѣчено, что учителя въ нихъ, обучая охотно дѣтей Польскому языку, *уклоняются*, подъ разными предлогами, *отъ преподаванія языка Русскаго*. По наблюденіямъ коммиссаровъ Сувалькскаго и Августовскаго уѣздовъ, подтвержденнымъ и мѣстною дирекціей училищъ, преподаваніе Русскаго языка въ школахъ съ Польскимъ населеніемъ стало замѣтно ослабѣвать къ осени 1866 года, такъ что Русскія

книги для первоначальнаго чтенія, розданныя дѣтямъ въ прошедшемъ году, *принимались ими весьма неохотно,* тогда какъ въ 1865 году эти книги были принимаемы съ явно выражавшимся удовольствіемъ».

Въ этихъ извѣстіяхъ обращають на себя наше вниманіе слѣдующія обстоятельства. Во-первыхъ, какія же это бумаги на Польскомъ языкѣ могутъ поступать въ гминныя управленія отъ административныхъ властей? Это обстоятельство не разъяснено. Впрочемъ нельзя конечно и требовать, чтобы ранѣе увеличенія, помощью школъ, числа знающихъ Русскую грамоту въ сельскомъ людѣ, администрація обходилась совсѣмъ безъ Польскаго языка, послѣ столь долгаго узаконеннаго его преобладанія: школы же введены такъ недавно. Во-вторыхъ, отношеніе Нѣмецкаго населенія къ Русскому языку.

«Въ школахъ (говоритъ отчетъ), устроенныхъ Нѣмецкимъ населеніемъ, замѣчено, что учителя въ нихъ, *обучая охотно дѣтей Польскому языку, уклоняются, подъ разными предлогами, отъ преподаванія языка Русскаго*». Что это такое? Неужели же и въ Царствѣ Польскомъ крошечное Нѣмецкое населеніе вырабатываетъ себѣ Нѣмецкія привилегіи Прибалтійскихъ губерній? Тамъ, на берегу Балтики, гдѣ, по выраженію покойнаго графа С. С. Уварова, «добрые жители мечтаютъ, что они Германцы Арминія или Карла Великаго»,—такъ мы уже привыкли къ тому, что Русскій языкъ, «подъ разными предлогами», не вводится въ среду не-нѣмецкаго населенія, сильно жаждущаго Русской грамотности, хотя бы для того, чтобы имѣть возможность читать Русскіе законы о крестьянствѣ не въ искаженномъ Нѣмецкомъ переводѣ,—тамъ эти разные очень изворотливые «предлоги» уже как-то узаконились, приняли такой легальный видъ въ глазахъ и мѣстной, и всякой иной администраціи, что даже ихъ обличеніе не безопасно. Тамъ мы — nolens-volens — осуждены на молчаніе, хотя бы и находили такія отношенія къ русскимъ интересамъ несовмѣстными съ честью Русскаго народа и государства. Но тамъ край привилегированный; почему же здѣсь, въ Царствѣ Польскомъ, допускаются эти *разные предлоги?* Какимъ образомъ могутъ быть терпимы такіе учителя? Спрашивается: какая участь постигла бы того Латыша, который, не любя Нѣмецкаго языка, вздумалъ бы въ одной изъ школъ прибалтійскихъ губерній учить по-Латышски и не учить по-Нѣмецки?

Итакъ, желаніе со стороны Польскихъ крестьянъ учиться Русскому языку несомнѣнно; но расположеніе это находится въ опасности отъ интригъ и Польскихъ, и Нѣмецкихъ. «Народныя русскія книги», говоритъ тотъ же отчетъ, «принимались *осенью 1866 г.* весьма неохотно, тогда какъ въ 1865 г. онѣ были принимаемы съ явно выражавшимся удовольствіемъ». Желательно было бы, чтобъ это послѣднее обстоятельство было удовлетворительнѣе разъяснено. И почему именно такая перемѣна къ концу 1866 года? Была перемѣна въ личномъ составѣ управленія въ Царствѣ Польскомъ — это правда, выбыли Н. А. Милютинъ и князь В. А. Черкасскій; но развѣ самая система съ отбытіемъ ихъ измѣнилась??

О ходѣ дѣла обрусѣнія въ Западномъ краѣ.

Москва, 22-го іюля 1867 г.

Невыразимая тоска ложится на сердце, какъ только обратишься мыслью къ нашему Сѣверо-Западному краю. Что̀ дѣлается тамъ, подвигаются ли впередъ къ своему разрѣшенію задачи, казалось, такъ ясно и вѣрно тамъ поставленныя?.. Вотъ вопросы, которые естественно предлагаетъ себѣ и имѣетъ право предлагать каждый Русскій, зная, что Сѣверо-Западный край не какая-нибудь Калужская губернія, что это поле непрестанной борьбы, и что отъ успѣшной тамъ дѣятельности зависитъ укрѣпленіе Россіи и окончательное разрѣшеніе такъ-называемаго Польскаго вопроса. Что̀ дѣлается? двигается ли?.. Еслибъ только ничего не дѣлалось и ничего не двигалось, то это было бы еще утѣшительно. Въ томъ-то и бѣда, что въ Сѣверо-Западномъ краѣ дѣло, такъ шибко двинутое впередъ, остановиться на одномъ мѣстѣ, придти въ застой не можетъ. Какъ большой корабль въ морѣ, внезапно задержанный на ходу, подается назадъ, такъ и для Русскаго дѣла въ томъ краю остановиться значитъ попятиться; движеніе впередъ переходитъ въ движеніе обратное. Если Русская дѣятельность въ томъ краѣ есть непрестанная борьба,—а въ этомъ едва ли можно сомнѣваться: возрожденію Русскаго народа предстоитъ тамъ на каждомъ шагу одолѣвать вѣковыя преграды, противопоставленныя ему и полонизмомъ, и еврействомъ, и имущественными интересами Польскихъ землевладѣльцевъ, и интересами католицизма, —итакъ, если Русская дѣятельность въ томъ краѣ есть непрестанная борьба, то понятно, что когда одинъ изъ борющихся, не одолѣвъ другого, сложитъ руки, исполнясь внезапно миролюбиваго наитія, это еще не значитъ, что и противникъ его сложилъ руки. Напротивъ, онъ тутъ-то и воспользуется бездѣйствіемъ своего антагониста и выгодами своего положенія. Какой-то духъ унынія овладѣлъ всѣми Русскими дѣятелями, нѣкогда такъ бодро, съ такою любовью, съ такимъ жаромъ убѣжденія поспѣвшими въ тотъ край на призывъ къ общей работѣ. Многіе изъ нихъ вышли въ отставку, и не всѣ по собственному желанію, другіе намѣрены удалиться... По ихъ словамъ, самою тяжкою и самою неудобною является для нихъ борьба не съ Поляками или Евреями, а съ Русскими же, преимущественно Петербургскими Русскими, которымъ гласнымъ органомъ служитъ газета «Вѣсть». Газета эта съ нѣкотораго времени поговариваетъ такъ, какъ «власть имѣющій», и если такой тонъ не въ силахъ запугать столичную журналистику, то въ провинціи онъ получаетъ значеніе *внушительнаго* авторитета. Да и можетъ ли быть иначе, если въ провинціи вѣрять заявленіямъ самой почтенной газеты, что въ изданіи ея принимаютъ будто бы участіе лица, занимающія высокое общественное положеніе, и когда въ то же время эта газета, издаваемая подъ такими ауспиціями, постоянно проповѣдывала и проповѣдуетъ, что принципъ землевладѣльческой аристократіи несравненно выше принципа народности, и интересъ Польскихъ помѣщиковъ, какъ представителей землевладѣльческаго аристократическаго начала, важнѣе интереса Русскихъ мужиковъ (sic) въ Западномъ краѣ... Не она ли, эта газета, столь распространенная въ аристокра-

тическомъ кругу всѣхъ Европейцовъ-инородцевъ, въ Россіи обитающихъ, подвергала тружениковъ крестьянскаго дѣла (самаго существеннаго дѣла, операціоннаго базиса Русской власти и Русской дѣятельности въ ополяченныхъ Русскихъ земляхъ) постояннымъ преслѣдованіямъ, брани, насмѣшкамъ, обвиненіямъ въ соціалистическихъ и революціонныхъ наклонностяхъ?.. Казалось бы, нечего обращать вниманія на газетныя сплетни... А между тѣмъ и въ самомъ дѣлѣ служебныя обстоятельства для этихъ тружениковъ складываются такъ, что имъ приходится вѣровать въ авторитетъ «Вѣсти» и оставлять дорогое имъ дѣло, а самое дѣло начинаетъ, по слухамъ, принимать оборотъ сомнительный, подрывающій Русскій кредитъ въ сельскомъ населеніи... Въ этомъ отношеніи, конечно, великаго блага надо ожидать отъ словъ благодарности и благоволенія, сказанныхъ Государемъ Императоромъ, при проѣздѣ черезъ Вильну, мировымъ посредникамъ и вообще служащимъ по крестьянскому дѣлу, такъ осмѣяннымъ, обруганнымъ и очерненнымъ партіею газеты «Вѣсть». Такія слова должны ободрить всѣхъ рабочихъ этой великой задачи и утвердить ихъ въ томъ направленіи, въ которомъ они до сихъ поръ подвизались. Но, оправившись отъ такого удара, не станутъ ли приверженцы безразличнаго землевладѣльческаго принципа достигать своей цѣли тысячью такихъ мелкихъ способовъ, которые въ отдѣльности ускользаютъ отъ вниманія власти, могутъ даже казаться невинными и получать иногда ея одобреніе, а между тѣмъ въ общей совокупности нанесутъ громадный ударъ Русскому дѣлу? Все это особенно важно въ виду предстоящаго разверстанія крестьянъ съ помѣщиками; разверстаніе — такая задача, которая, будучи разрѣшена неправильно, въ духѣ того ученія, что ставитъ интересъ землевладѣльческій, хотя бы и шляхетскій, выше интереса Русской народности вообще и Русскихъ крестьянъ въ особенности, т. е. въ духѣ партіи газеты «Вѣсть», — можетъ уничтожить всѣ благіе результаты, добытые правительственными распоряженіями прежнихъ лѣтъ, всѣ предшествовавшіе тяжкіе труды по крестьянскому вопросу...

Если въ разрѣшеніи крестьянской задачи мы видимъ уже колебаніе, сомнѣніе, недовѣріе къ будущности, то еще сильнѣе дрогнула вѣра въ успѣхъ *Русскаго* землевладѣнія въ Западномъ краѣ... Правда, не переставали и прежде раздаваться зловѣщія слова «Вѣсти»: не покупайте имѣній въ Западномъ краѣ, подождите, пока онъ выйдетъ изъ того исключительнаго положенія, въ которомъ теперь находится... Правда, во всемъ ходѣ этого дѣла было что-то постоянно тормозящее извнѣ дѣятельность мѣстную... И вотъ дѣло окончательно стало. Товарищество пріобрѣтателей имѣній въ Западномъ краѣ закрыто. Въ виду имѣется препорученіе этого важнаго народнаго и государственнаго интереса заботамъ «Общества взаимнаго поземельнаго кредита», но пока еще это Общество докажетъ свою заботливость, — невыгодное впечатлѣніе уже произведено, увѣренность въ томъ, что правительство не пощадитъ ничего для успѣховъ Русскаго землевладѣнія подорвана, — увѣренность, именно поддерживавшаяся предположеніемъ о правительственной готовности выдавать гарантіи закладнымъ листамъ Товарищества; люди, подвигшіеся было на покупку (а Русскій человѣкъ на подъемъ тяжелъ), отказались отъ своего рѣшенія, и отправившіеся было туда изъ внутреннихъ губерній — возвратились назадъ съ пустыми руками и истраченными на

поѣздку кошелями... Не въ правѣ ли мы были сказать, что движеніе впередъ замѣнилось движеніемъ обратнымъ?! Кстати. Газета «Вѣсть», всячески отговаривавшая Русскихъ отъ покупки имѣній въ Западномъ краѣ, теперь, по закрытіи Товарищества, туда же, вмѣстѣ съ другими, пустилась выражать соболѣзнованіе,— но притомъ и желаніе, чтобы дѣло Русскаго землевладѣнія скорѣе поступило въ завѣдываніе какого-либо иного учрежденія. Она хорошо впрочемъ знаетъ, что это иное учрежденіе не иное какъ Общество поземельнаго кредита, всегда пользовавшееся особеннымъ ея расположеніемъ...

Если же взять въ соображеніе, что порывъ, охватившій было католическое населеніе и возвратившій столько олатиненныхъ Русскихъ вѣрѣ и народности ихъ предковъ, не только охладѣлъ, но принялъ направленіе противоположное, то въ словахъ нашихъ о памятномъ движеніи окажется еще болѣе грустной истины. Мы не отрицаемъ случаевъ злоупотребленія, неумѣстнаго усердія, неприличнаго вмѣшательства гражданской власти въ дѣлѣ перехода католиковъ-крестьянъ въ православіе, но не можетъ и не признать за общимъ характеромъ этого движенія — исторической правды и искренности побужденій, хотя бы и инстинктивныхъ, доселѣ задавленныхъ страхомъ да гнетомъ Польскихъ пановъ и ксендзовъ. А главное, нельзя не видѣть, что всякое правительственное охлажденіе подобныхъ порывовъ сказывается на практикѣ и принимается населеніемъ какъ положительное поощреніе въ духѣ противномъ, т. е. какъ поощреніе интересамъ Латинско-Польскаго элемента. Итакъ, ни крестьянскій вопросъ, ни дѣло Русскаго землевладѣнія, ни борьба православія и Русской народности съ латинствомъ, полонизмомъ и еврействомъ не представляютъ намъ ничего особенно утѣшительнаго. По всѣмъ письмамъ оттуда, Русскіе люди унылы; паны и ксендзы подняли голову, пріосанились, пріободрились, распускаютъ всевозможные тревожные для Русскихъ слухи.

Всѣ эти слухи, конечно,— вздоръ. Но самая возможность такихъ слуховъ, съ ихъ вліяніемъ на политическое положеніе страны, составляетъ характеристическую мѣстную особенность, а въ этой особенности лежитъ и указаніе на способъ управленія, необходимый для того края. Этотъ край, повторяемъ, не есть же въ самомъ дѣлѣ какая-нибудь Калужская или Пензенская губернія. Управлять Западнымъ и особенно Сѣверо-Западнымъ краемъ не все равно, что управлять какою-нибудь мирною внутренней Русскою областью, которою почти и управлять нечего, гдѣ чѣмъ меньше управленія, тѣмъ лучше. Управленіе этимъ краемъ тѣмъ особенно трудно, что задачи, подлежащія въ немъ разрѣшенію (напримѣръ, задача обрусѣнія), должны бы быть по преимуществу разрѣшены силами общественными, а туземныхъ Русскихъ общественныхъ силъ тамъ не имѣется. Туземныя *общественныя* силы тамъ или положительно враждебны, или положительно равнодушны къ успѣхамъ Русскаго дѣла, къ возрожденію Русской народности. Классъ образованный, классъ землевладѣльческій — это Поляки; классъ торговый — Евреи.

Какъ ни ненормально исправлять правительству должность общества, но дѣлать нечего; Русскаго общества вдругъ создать нельзя, а приходится, ограждая отъ вражьихъ вліяній свободный всходъ Русской зарождающейся общественности, принять на себя значительную долю общественной миссіи

и отвѣтственности. Русское управленіе въ томъ краѣ—представитель не только Русской власти, но Русской народности, Русскаго общества, Русской интеллигенціи. Для этого вовсе не нужно насильственнаго внѣшняго смѣшенія области государственной съ областью общественной, но нужно только, чтобы личный составъ управленія, независимо отъ политическихъ требованій государственной службы въ Западномъ краѣ, былъ самъ частью Русскаго общества, проникнутъ вполнѣ и искренно его стремленіями, его вѣрованіями, его задачами. Такъ, напримѣръ, въ Калужской губерніи вѣроисповѣданіе чиновниковъ есть дѣло большею частью безразличное, но въ Западномъ краѣ православное вѣроисповѣданіе является и для чиновника безусловною необходимостью, не собственно какъ для чиновника, а какъ для единственнаго представителя Русской гражданственности. Дѣятельность каждаго должностного лица въ томъ краѣ двоякая,— не только должностная, но и общественная. Противъ этого въ самомъ началѣ сильно вооружалась газета «Вѣсть», глумясь надъ миссіонерствомъ чиновниковъ и въ Западномъ краѣ, и въ Царствѣ Польскомъ. Именно такое миссіонерство и было нужно, потому что задача, предлежавшая разрѣшенію, представляла характеръ сложный — политическій и общественный, да и потому наконецъ, что сила чисто общественная, внѣ правительственной опоры, у насъ еще очень слаба. Можно сожалѣть объ этомъ, можно, пожалуй, и осуждать это въ принципѣ, но таковъ неотразимый фактъ современной дѣйствительности. Между тѣмъ, подъ вліяніемъ ли такого отвлеченно-теоретическаго взгляда, требующаго отъ состоящихъ на службѣ только механическаго исполненія ихъ обязанностей и безразличнаго отношенія къ вопросу о народности, подъ воздѣйствіемъ ли другихъ причинъ, лица, привносившія въ свою служебную дѣятельность въ Западномъ краѣ дѣятельность личную, личное горячее убѣжденіе, личное сочувствіе Русскому дѣлу,— были по большей части признаны неудобными и должны были или уже совершенно обратиться въ чиновниковъ, или удалиться изъ края. Вредъ, какой могъ быть, и дѣйствительно былъ иногда, отъ ихъ излишнихъ увлеченій и опрометчивыхъ ошибокъ, ничтоженъ въ сравненіи съ тѣмъ вредомъ, который происходитъ отъ отсутствія духа жива, отъ замѣны его тою дешевою мудростью, тѣмъ дешевымъ безстрастіемъ, что никогда не увлекается, но нечего и не увлекаетъ, не движетъ и не творитъ. Гдѣ борьба, тамъ и запальчивость — это уже неминуемое зло, но хуже и горше во сто-кратъ то зло, которое создается уклоненіемъ отъ борьбы и сдѣлкою между непримиримыми началами.

Въ Западномъ краѣ всего важнѣе,—важнѣе многихъ мѣропріятій,— общій *камертонъ* управленія. Этотъ камертонъ не опредѣляется и не формулируется, и задается не предписаніями власти извнѣ, а силою личнаго убѣжденія въ самихъ правительственныхъ дѣятеляхъ. Согласно съ этимъ камертономъ самъ съ собою слагается и общій строй всего управленія и всей дѣятельности оффиціальной и неоффиціальной. И чутко прислушиваются къ этому камертону Поляки. Они скорѣе всего улавливаютъ его почти неуловимые звуки. Польское населеніе края, съ своей стороны, можетъ служить весьма вѣрнымъ барометромъ для опредѣленія внутренней политической температуры въ нѣкоторыхъ Петербургскихъ вліятельныхъ сферахъ. Измѣненіе погоды, неблагопріятное или благопріятное Полякамъ

и почти ни для кого, кромѣ ихъ, незамѣтное, отражается на ихъ поведеніи, образѣ жизни—внезапнымъ смиреніемъ, внезапною возбужденностью, — барометръ то понижается, то повышается. Этотъ барометръ въ послѣднее время поднялся, говорятъ, очень высоко, почти до «Беаu fixe»...

Католицизмъ самое могучее средство ополяченія.

Москва, 10-го сентября 1867 г.

Неутѣшительныя вѣсти приходятъ къ намъ изъ Жмуди. Латинство пустило тамъ такіе глубокіе корни, такъ оплело своими вѣтвями мѣстную жизнь, что подъ его сплошною сѣнью всякое развитіе Жмудскаго племени—значитъ ополяченіе. Ибо что бы ни говорили, что бы ни писали—латинство въ нашемъ Западномъ краѣ есть политическій терминъ, тождественный съ Польскою національностью, какъ политическимъ понятіемъ. Католицизмъ не случайно, но вслѣдствіе внутренняго сродства и историческихъ обстоятельствъ, сталъ въ томъ краѣ такимъ неотъемлемымъ, существеннымъ элементомъ политической Польской національной идеи, что торжество или пораженіе католицизма есть въ то же время торжество или пораженіе полонизма, и наоборотъ. Отрекающійся отъ латинства съ тѣмъ вмѣстѣ отрекается и отъ *политическаго* Польскаго катихизиса, и отрекающійся отъ Польскаго политическаго катихизиса отрѣшается, силою вещей и естественнымъ ходомъ самой жизни, отъ тѣснаго единенія съ латинскою церковью. Что бы ни говорили, что бы ни писали о несовмѣстности вѣроисповѣднаго элемента съ государственнымъ понятіемъ о національности, какъ бы ни старались сдѣлать изъ единства государственнаго, т. е. Русскаго языка, основной фундаментъ и существеннѣйшее условіе національнаго политическаго единства въ Россіи,—на дѣлѣ, въ жизни, и именно въ Западномъ краѣ—не языкъ служитъ исключительнымъ признакомъ той или другой народности, а непремѣнно вѣроисповѣданіе. Въ нашихъ Сѣверо-Западныхъ и Юго-Западныхъ губерніяхъ, при единствѣ физіологическомъ и этнографическомъ мѣстнаго населенія, различіе между Поляками и Русскими обусловливается только религіей. Латинство и православіе являются здѣсь не столько личными вѣрованіями, сколько историческими духовными и нравственными началами, подъ воздѣйствіемъ которыхъ образовалась та или другая народность. Быть латиняниномъ значитъ принадлежать къ латинской Церкви, состоять въ духовномъ единеніи со всѣмъ латинскимъ Западнымъ міромъ и примыкать, въ извѣстной степени, къ его нравственнымъ и историческимъ судьбамъ. Быть православнымъ—значитъ состоять въ духовномъ союзѣ съ Восточною Церковью, съ міромъ Греко-Славянскимъ, и по преимуществу съ міромъ Русскимъ, такъ какъ подъ воздѣйствіемъ православія сложился духовно и исторически Русскій народъ.

Мы сказали, что въ Западномъ краѣ никакой другой вѣрной примѣты, кромѣ вѣроисповѣданія, для различія Поляковъ отъ Русскихъ и не имѣется: и Русскіе, и Поляки всѣ большею частію одного происхожденія, т. е. большинство здѣшнихъ Поляковъ—Русскіе, ополяченные въ XVII, XVIII, а ча-

стію и въ XIX столѣтіи. Въ чемъ же заключалось это ополяченіе для Русскихъ, какимъ процессомъ оно совершалось, съ какого времени коренной Русскій туземецъ начиналъ считаться Полякомъ и дѣйствительно превращался въ Поляка? Исторія свдѣтельствуетъ, что это ополяченіе заключалось въ окончательномъ разобщеніи Русскихъ съ Русскою Греко-Восточною Церковью, въ разрывѣ духовнаго единства съ Русскимъ народомъ и во вступленіи, не столько въ политическое, сколько въ духовное единеніе съ народностью Польскою; совершалось ополяченіе черезъ присоединеніе къ Латинской Церкви, и съ того именно времени новоприсоединенный католикъ-Русскій (хотя уже издавна Польскій подданный) начиналъ считаться и дѣйствительно становился Полякомъ. Русскій человѣкъ Юго-Западной и Сѣверо-Западной Руси въ XV и даже XVII вѣкѣ еще не дѣлался Полякомъ отъ того, что Русскія области составляли съ Польшею одно политическое цѣлое. Политическое объединеніе и вѣрная служба Польскому государству еще не имѣли силы претворить Русскую національность въ Польскую: примѣромъ могутъ служить хоть знаменитые князья Острожскіе, ревностные слуги Польскихъ королей, но еще болѣе ревностные сыны Православной Церкви и стоятели за Русскую народность. Русскіе оставались Русскими, хотя и въ составѣ Польскаго государства, *до тѣхъ поръ*, пока Польская политическая національность не отождествилась (благодаря іезуитамъ) окончательно съ латинствомъ, и пока Русскіе не совратились въ католицизмъ. Такимъ образомъ латинство въ этомъ краѣ (а не собственно Польскій языкъ и администрація) явилось тѣмъ духовнымъ историческимъ двигателемъ, который направилъ часть Русскаго населенія на иной—не Русскій, а Польскій путь развитія: оно обратилось въ самое могучее политическое орудіе ополяченія. Этого историческаго значенія католицизма нельзя, не должно, невозможно упускать изъ виду и нынѣ. Оно еще не изжило своей силы, напротивъ—живо и бодрствуетъ и неусыпно дѣйствуетъ до сихъ поръ, искій кого поглотити; оно даже почерпнуло новую силу въ паденіи Польскаго государства, такъ какъ Польская политическая національность, съ уничтоженіемъ своей матеріальной государственной основы, вся, такъ сказать, повисла на своей основѣ духовной. Что такое значитъ теперь обратиться въ Поляка? Что такое, наконецъ, этотъ терминъ «Полякъ»? Это не есть терминъ физіологическій и этнографическій: быть Полякомъ вовсе не значитъ принадлежать къ Польской народности по происхожденію (всѣ Поляки—и уже самые заѣдлые, начиная съ Чарторыйскихъ,—Русскаго происхожденія); не значитъ принадлежать къ ней по образу жизни, ни даже по языку: извѣстно, что многіе «Поляки» нашихъ Юго-Западныхъ и Сѣверо-Западныхъ губерній говорятъ по-Польски довольно плохо, надъ ними смѣются въ Варшавѣ. Безспорно, употребленіе языка имѣетъ огромную важность, но оно не есть непремѣнное условіе для того, чтобы быть «Полякомъ»: примѣромъ могутъ служить Жмудины, которыхъ ксендзы фанатизировали въ пользу Польской справы проповѣдями на Жмудскомъ языкѣ. Быть «Полякомъ», понимая это слово какъ политическій терминъ, значитъ принадлежать къ Польскому *политическому* вѣроисповѣданію, котораго неотъемлемая историческая духовная основа и жизненная сила есть латинство.

Угодно ли это намъ, или не угодно, нравится ли или не нравится, варварство это или не варварство, но устранять вѣроисповѣдные признаки въ

Западномъ краѣ государство не можетъ. Что же дѣлать, повторяемъ, если тамъ, въ XIX вѣкѣ, не изжитъ еще этотъ историческій процессъ, начавшійся въ концѣ XVI вѣка! Нельзя же въ самомъ дѣлѣ, въ угоду отвлеченной теоріи, хотѣть «игнорировать» жизнь, не признавать ея правъ, отворачиваться отъ историческаго живого факта! Впрочемъ, правительство и не чуждается этихъ признаковъ и волей-неволей возводитъ ихъ даже на степень закона. Такъ, напримѣръ, признано необходимымъ удалить изъ края Польскихъ чиновниковъ и замѣнить ихъ Русскими: спрашивается, гдѣ та внѣшняя оффиціальная примѣта, по которой можно распознать Поляка отъ Русскаго въ краѣ, гдѣ и Полякъ и Русскій не только одного происхожденія, но нерѣдко и одного семейства? Языкъ? Но Польскіе чиновники большею частью отлично владѣютъ Русскимъ языкомъ, не затруднятся употреблять его въ своихъ внѣшнихъ сношеніяхъ; наоборотъ, многіе Русскіе туземцы въ томъ краѣ, особенно женатые на Полькахъ, употребляютъ въ домашнемъ обиходѣ языкъ Польскій. Между тѣмъ народъ и общественное мнѣніе не обинуясь распознаютъ Поляка отъ Русскаго, руководясь различіемъ вѣроисповѣданія. Это различіе вѣроисповѣданія должно, по необходимости, служить руководствомъ и для правительства. Точно также и издавая указъ о порядкѣ продажи Поляками своихъ имѣній, правительство неминуемо должно было воспретить продажу лицамъ католическаго вѣроисповѣданія, потому что иного оффиціальнаго признака, вѣрно опредѣляющаго Польскую національность, не имѣется. Конечно, не всякій католикъ—Полякъ; могутъ быть католики Нѣмцы и Французы, но дѣло идетъ о католикахъ-туземцахъ Русскаго происхожденія. Мы согласны, что такое положеніе дѣлъ есть аномалія, но эта аномалія есть продуктъ исторіи, порожденіе аномаліи, представляемой католицизмомъ, который превратился въ политическое вѣроисповѣданіе, враждебное Русской народности и постоянно ищущее посягнуть на ея свободу и независимость.

Нѣтъ никакого однакоже сомнѣнія, что такое положеніе неудобно и что въ видахъ государственнаго единства, а также въ удовлетвореніе нравственной потребности общества отрѣшиться отъ такой аномаліи желательно найти изъ нея мирный выходъ. Нѣкоторые публицисты ставятъ и рѣшаютъ задачу такимъ образомъ: «необходимо произвести разобщеніе католицизма съ Польскою національностью: во сколько послѣдняя подлежитъ преслѣдованію и не можетъ быть терпима въ интересѣ государственнаго единства, во столько послѣднее имѣетъ право на полную терпимость, какъ и всякое иное вѣроисповѣданіе. Опасенъ не католицизмъ самъ по себѣ, говорятъ они, ибо въ Россіи много католиковъ, вѣрныхъ подданыхъ, а опасенъ характеръ Польской національности, которымъ облеченъ католицизмъ на Западѣ Россіи. Задача, слѣдовательно, будетъ состоять въ томъ, чтобы совлечь съ католицизма одежду Польской національности (денаціонализировать Польскій католицизмъ). Для этого нужно,—кромѣ воспрещенія въ учебныхъ публичныхъ заведеніяхъ преподавать католикамъ законъ Божій и латинское вѣроученіе на Польскомъ языкѣ и на какомъ бы то ни было языкѣ, кромѣ Русскаго,—ввести Русскій языкъ въ католическое богослуженіе въ храмахъ Западнаго края, въ тѣхъ, конечно, частяхъ богослуженія, гдѣ употребляется Польскій, а не латинскій языкъ. Желательно,—продолжаютъ эти публицисты,—чтобы западный обыватель имѣлъ возможность быть Русскимъ,

пребывая католикамъ, и не имѣлъ надобности, ради сохраненія вѣрности вѣроисповѣданію, непремѣнно ополячиваться.

Раздѣляя мнѣніе о необходимости разобщенія католицизма съ Польской національностью, мы не можемъ согласиться съ упомянутыми публицистами на счетъ предлагаемыхъ ими къ тому способовъ. Если бы введеніе Русскаго языка совершилось само собою, естественнымъ ходомъ жизни, въ силу дѣйствительной внутренней потребности окатоличеннаго населенія, то и говорить было бы не о чемъ. Но такое введеніе предлагается какъ *мѣра* — хотя бы и не насильственная, однакожъ такая, которой успѣху правительство должно содѣйствовать всѣми своими полновѣсными средствами (разумѣемъ введеніе Русскаго языка въ богослуженіе, а не въ преподаваніе католическаго катихизиса. Это послѣднее почти уже всюду приведено въ исполненіе). По нашему убѣжденію, такая мѣра ложна въ принципѣ и неудопримѣнима на практикѣ.

Историческій процессъ, которымъ совершалось ополяченіе Русскаго населенія на Западѣ Россіи, не посредствомъ языка, не посредствомъ политическаго союза и единства съ Польскимъ государствомъ, а посредствомъ одного совращенія въ латинство, достаточно, кажется, говоритъ въ пользу нашей мысли объ ошибочности предположенія: дать иное направленіе такому историческому процессу чрезъ введеніе Русскаго языка въ латинскихъ храмахъ. Мы уже показали выше, что Русскій-католикъ, на какомъ бы языкѣ онъ ни молился, примыкаетъ черезъ латинство ко всему Западному, не Русскому міру.

Разобщеніе католицизма съ Польской національностью посредствомъ *не* Польскаго языка — было бы разобщеніемъ чисто внѣшнимъ. Не языкъ вѣроисповѣданія обусловливаетъ то или другое политическое направленіе въ жизни народовъ, а самая сущность вѣроисповѣданія, хотя бы и не сознаваемая всѣми его адептами. Римская Церковь доказываетъ это намъ историческими и еще живыми примѣрами. Для успѣха своей пропаганды она охотно готова допустить въ богослуженіе мѣстный національный языкъ: такъ, по совѣту іезуита Гагарина, католикамъ-Болгарамъ позволено богослуженіе по-Болгарски, и въ самыхъ нашихъ западныхъ областяхъ, болѣе двухъ столѣтій сряду, совершалось растлѣніе Русскаго народа посредствомъ *уніи*. Унія однакожъ признана была неудобной — именно въ видахъ государственнаго единства — несмотря на то, что унія, при единствѣ Русскаго языка и Греко-Восточнаго обряда, представляла менѣе, чѣмъ католицизмъ, внутреннихъ противорѣчій съ духовную сущностью Русской народности, и уже никакого противорѣчія съ понятіемъ о политической Русской національности, какъ опредѣляютъ его упомянутые публицисты. Для совершеннаго сліянія съ Русскою національностью и достиженія политическаго единства, равно какъ и для полнѣйшаго разобщенія съ Польской политической идеей, оказалось необходимымъ, согласно потребности самого населенія, уничтожить унію, которая есть только полукатолицизмъ; почему же для достиженія тѣхъ же цѣлей и имѣя дѣло съ чистымъ католицизмомъ, оказывается теперь достаточнымъ единство богослужебнаго и молитвеннаго языка? Что дѣло не въ языкѣ только — свидѣтельствуется именно примѣромъ Жмуди, гдѣ въ католическихъ сельскихъ храмахъ, кромѣ языка каноническаго латинскаго, употребляется не всегда Польскій, но и Жмудскій языкъ, — по-Жмудски поются

псалмы, читаются молитвы, говорятся проповѣди, — и тѣмъ не менѣе, или вѣрнѣе по тому самому, край ополячился и до сихъ поръ ополячивается: орудіемъ его ополяченія былъ и есть католицизмъ, а проводникомъ католицизма въ сознаніе и жизнь народа служило мѣстное народное, вовсе не Польское нарѣчіе.

Вотъ этого-то историческаго, почти трехъ-вѣковаго значенія католицизма въ Западной Россіи и нельзя отнять у него какимъ-нибудь внѣшнимъ образомъ, какъ нельзя исторгнуть такое значеніе и изъ сознанія народа. Нельзя признать не бывшимъ то, что̀ было; нельзя заставить исторію идти вспять. Легче совсѣмъ вырвать католицизмъ изъ мѣстной почвы, чѣмъ произвести надъ нимъ операцію, которая бы лишила его всякой политической, вѣками нажитой мощи, фильтрировала бы его сквозь реторту политическихъ Русскихъ видовъ, и выдѣлала бы изъ него новый, очищенный и благоображенный католицизмъ! Переводомъ литаній на Русскій языкъ не разрушишь вѣковыхъ преданій, тѣмъ болѣе, что народу дѣло это уже знакомое; онъ хорошо помнитъ, что такимъ путемъ унія подготовляла его полное окатоличеніе и ополяченіе. Тамъ, гдѣ католицизмъ въ теченіе столѣтій являлся знаменемъ Польской политической національности, служитъ этимъ знаменемъ и теперь; какимъ образомъ можетъ онъ вдругъ опорожнить, упразднить свой историческій смыслъ, когда, даже независимо отъ Польской, присущей ему въ здѣшнемъ краѣ идеи, онъ по самому существу своему враждебенъ православію, т. е. духовному строю всего Русскаго народа и Русской земли? Намъ указываютъ на Французовъ и Нѣмцевъ-католиковъ. Но этотъ примѣръ сюда не идетъ. Что̀ значитъ горсть Французовъ и Нѣмцевъ-католиковъ — пришельцевъ и гостей на Русской землѣ. Они не владѣютъ краемъ; ихъ религіозныя общины малочисленны, они не имѣютъ политическихъ интересовъ въ Россіи. Можно, конечно, принадлежать политически къ Русской національности и, будучи Французомъ по происхожденію, посѣщать латинско-Французское (все же, однако, не Русское, — стало и тутъ дѣло не въ языкѣ) богослуженіе въ церкви St. Louis на Лубянкѣ; но это ничего не доказываетъ: десятокъ-другой такихъ церквей, разсѣянныхъ по всей Россіи, не представляютъ той исторической живой и живучей, организованной, политической силы, пустившей глубокіе корни въ духовную и бытовую почву цѣлаго края, какою является католицизмъ въ Царствѣ Польскомъ и въ нашихъ Западныхъ губерніяхъ. Здѣсь онъ такъ сжился и отождествился съ полонизмомъ, что сочинить при такихъ условіяхъ новое, небывалое въ исторіи явленіе, «Русскій католицизмъ» — дѣло просто немыслимое. «Русскій-католикъ» въ Западномъ краѣ означалъ бы человѣка Русскаго происхожденія, который если не самъ, то въ лицѣ своихъ предковъ, совершилъ вѣроотступничество, измѣнилъ духовному единству съ Русскимъ народомъ, вслѣдствіе чего народъ уже не признаетъ его Русскимъ. Сочинять и узаконять званіе «Русскаго-католика» значитъ стараться создать положеніе, въ которомъ одно и то же лицо могло бы *удобно* быть въ одно и то же время *не-Русскимъ*, въ смыслѣ духовномъ и по народному понятію, — и однако же ***Русскимъ*** въ смыслѣ политической національности, — въ одномъ и то же время и ренегатомъ, и патріотомъ, въ одно и то же время примыкать и къ латинскому Западу, и къ православному Востоку. Такой двойственности, такому внутреннему противорѣ-

чію никакой компромисъ, въ родѣ употребленія Русскаго языка въ католическихъ храмахъ, не поможетъ.

Тутъ примиренія нѣтъ и быть не можетъ, и никакихъ компромисовъ и сдѣлокъ, по нашему мнѣнію, и изыскивать нечего: по существу своему они немыслимы и явились бы на практикѣ только новыми законными удобствами для лицемѣрія. Мы не видимъ надобности снимать съ латинства въ Западномъ краѣ позорное клеймо полонизма. Пусть будетъ нравственно неудобно и неловко быть католикомъ: намъ незачѣмъ исправлять такое положеніе, созданное не нами, а исторіей. Пусть будетъ католицизмъ компрометтированъ полонизмомъ. Тѣмъ лучше, тѣмъ скорѣе населеніе, безъ всякихъ насильственныхъ обращеній, отрѣшится отъ католицизма; тѣмъ менѣе будетъ тѣхъ неискреннихъ сдѣлокъ, при которыхъ католицизмъ, освобожденный отъ своей Польской одежды, есть только новая личина того же полонизма или удобнѣйшее для него орудіе. Проповѣдь во славу Іосафата Кунцевича, произносимая на опальномъ Польскомъ языкѣ, представляется теперь народу проповѣдью враждебною Русской народности и Русскимъ интересамъ; произносимая *по-Русски*, на языкѣ Русскаго народа и Русскаго правительства, она получила бы чрезъ это, въ глазахъ народа, какую-то санкцію самого правительства, послужила бы къ вящшей популярности этого врага православія и Русской народности, послужила бы, какъ и вообще этотъ «Русскій католицизмъ», къ крайней запутанности нравственныхъ и политическихъ понятій, къ духовному растлѣнію народа...

А между тѣмъ разобщеніе католицизма и Польской національности дѣйствительно необходимо, но разобщеніе внутреннее, и о немъ-то мы поговоримъ въ слѣдующій разъ.

Желательно ли введеніе Русскаго языка въ латинское богослуженіе?

Москва, 12-го сентября 1867 г.

Возвращаемся къ возбужденному нами вопросу. Мы сказали, въ передовой статьѣ послѣдняго №*), что не видимъ никакой возможности упразднить въ Западномъ краѣ Россіи историческое значеніе католицизма, какъ орудія ополяченія. Такимъ онъ былъ три вѣка сряду, таковъ онъ и теперь, какъ на практикѣ, такъ и въ народномъ сознаніи. Что такое упраздненіе не можетъ совершиться посредствомъ одного изгнанія Польскаго языка изъ католическихъ храмовъ, — это, думаемъ мы, достаточно доказывается историческимъ примѣромъ — *уніею*, и примѣромъ современнымъ — Жмудью. Затѣмъ самая надобность въ такомъ упраздненіи представляется намъ болѣе чѣмъ сомнительною. Трудно предполагать, чтобы со введеніемъ Русскаго языка, вмѣсто Польскаго, въ латинскихъ костелахъ, люди, признаваемые теперь за Поляковъ, превратились отъ того въ Русскихъ. Между тѣмъ, признавъ ихъ Русскими, узаконяя, навязывая Русскому населенію понятіе о совмѣстимости Русской національности съ ла-

---

*) См. пред. статью.

тинствомъ,—другими словами: установляя Русскій католицизмъ,—правительство, кажется намъ, лишило бы себя права и возможности устранять въ Западномъ краѣ отъ служебныхъ должностей или отъ землевладѣнія — лицъ католическаго вѣроисповѣданія. Оно само связало бы себя такимъ признаніемъ и поставило бы себя въ противорѣчіе какъ съ дѣйствительностью, такъ и съ народными понятіями о Русской и Польской національности. Далѣе: предположимъ, что Польскій языкъ изгнанъ изъ католическихъ храмовъ и замѣненъ Русскимъ. Такое видоизмѣненіе не было ли бы, въ глазахъ всего населенія Западнаго края, тождественно съ возобновленіемъ *уніи*—язвы, отъ которой едва-едва успѣли мы избавиться и которая далеко еще не совсѣмъ зажила? Не былъ ли бы въ настоящемъ случаѣ вредъ еще сильнѣе отъ того, что, исходя отъ Русской власти, такая мѣра представилась бы народу какимъ-то съ ея стороны поощреніемъ, санкціею католицизму, чуть не желаніемъ правительства, чтобы народъ оставался въ католической вѣрѣ? Если и теперь слышатся жалобы, что православные крестьяне, только что 25 лѣтъ тому назадъ вышедшіе изъ уніи, продолжаютъ посѣщать костелы и слушать проповѣди ксендзовъ, то во сколько же разъ болѣе получатъ костелы этой притягательной силы, когда нѣкоторая часть богослуженія и проповѣдь будутъ происходить на Русскомъ языкѣ? Не думаемъ, чтобы православные священники въ томъ краѣ пожелали имѣть въ своемъ сосѣдствѣ такой латинскій костелъ съ Русскимъ языкомъ.

Мы не знаемъ, какими способами поборники Русскаго языка въ латинскихъ храмахъ предполагали бы осуществить свое предложеніе. На этотъ счетъ они высказываются не ясно. Если эта замѣна языка Польскаго Русскимъ должна совершиться мѣрами принудительными, то нельзя не сказать, что правительство въ такомъ случаѣ перешло бы предѣлы своихъ правъ и своего призванія, принявъ на себя обязанность регулировать самое богослуженіе и опредѣлять языкъ для молитвы. Не можетъ же быть установлено такого правила, что всѣ Русскіе подданные должны и молиться Богу на Русскомъ, государственномъ языкѣ. Не въ этомъ, съ точки зрѣнія государства, заключается единство политической національности. Но, кромѣ того, какую обузу взвалило бы на себя правительство, если бы взялось католическую терминологію Польскаго языка, вырабатывавшуюся вѣками, свободно, всею народною жизнью — перевести на Русскій языкъ, вовсе для нея не подготовленный и едва ли способный. Намъ могутъ указать на преподаваніе «латинскаго Закона Божія» въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, съ недавняго времени исполняющееся по-Русски. Но мы должны признаться, что не очень довѣряемъ такому преподаванію и думаемъ, что оно совершается только для формы, а настоящее преподаваніе производится дома или въ костелѣ, на исповѣди или въ частныхъ бесѣдахъ.

Если же предполагается употребленіе Русскаго языка въ латинскихъ храмахъ не вводить насильно, а только дозволить безпрепятственно всѣмъ «желающимъ», то, конечно, противъ этого возражать мы не станемъ, хотя не мѣшаетъ между желающими распознавать и такихъ, которые считаютъ болѣе для себя выгоднымъ —проповѣди о Кунцевичѣ и иныхъ святыхъ патронахъ Польши произносить именно на языкѣ Русскомъ, а не на Поль-

скомъ, не подвергаясь притомъ никакому преслѣдованію со стороны Русскаго правительства...

Измѣрить и взвѣсить съ надлежащею точностію современное значеніе и силу латинства и православія для простонародныхъ массъ въ Западномъ краѣ, конечно, трудно; намъ кажется однако, что, не прибѣгая ни къ какимъ насильственнымъ внѣшнимъ мѣрамъ для обращенія въ православіе, слѣдуетъ желать и имѣть въ виду только одно: именно присоединеніе всѣхъ католиковъ Русскаго происхожденія къ православной Церкви. Вотъ къ чему надо стремиться и чего достигнуть несравненно легче, чѣмъ думаютъ, безъ всякихъ принудительныхъ способовъ, а благодаря именно связи католицизма съ такъ-называемой польщизной, благодаря именно его Польскому политическому клейму. Пусть это клеймо не стирается, не замазывается разными искусственными мѣрами, а горитъ и сіяетъ во всемъ своемъ истинномъ блескѣ. Пусть крестьянинъ-католикъ пользуется свободно всѣми юридическими правами, не подвергаясь никакому гоненію за свою вѣру, но пусть же онъ и чувствуетъ на себѣ то клеймо, которое наложили въ томъ краѣ на католицизмъ исторія и Русское народное сознаніе. Пусть онъ знаетъ и ощущаетъ, что пока онъ католикъ — онъ не Русскій, а Полякъ въ глазахъ всего Русскаго населенія, и пусть испытываетъ на себѣ всю тяжесть той нравственной, хотя бы и не юридической, опалы, которая соединена съ этимъ именемъ. Пусть только правительство воздержится отъ всякаго вмѣшательства въ этотъ свободный историческій процессъ, который клонится къ исходу для католицизма пагубному, отъ сочиненія всякихъ компромиссовъ и сдѣлокъ, предохраняющихъ его отъ самоубійства, снимающихъ съ него то политическое клеймо, которое составляло нѣкогда его славу и силу, а теперь безславіе, слабость и гибель; пусть не заботится о томъ, чтобы создать для католицизма удобное и ловкое общественное положеніе. Въ отношеніи къ католицизму, какъ и въ отношеніи къ Еврейскому вѣроисповѣданію, правительство, по нашему мнѣнію, должно ограничиваться чисто отрицательными мѣрами, — т. е. терпѣть ихъ, предоставить имъ всю полноту внутренней жизни, не дозволяя, конечно, вторженія ихъ въ область политическую, — но должно избѣгать всякихъ мѣръ положительныхъ: напримѣръ, благоустроять латинство и мозаизмъ, давать имъ болѣе правильное развитіе, спасать ихъ отъ внутренней порчи и разложенія, и вообще оказывать имъ специальное покровительство. Католицизмъ самъ, добровольно, сталъ политическимъ знаменемъ, символомъ ополяченія: пусть же это знамя его и губитъ; пусть этотъ этотъ символъ, ставшій, послѣ послѣднихъ мятежей, очевиднымъ самому близорукому зрѣнію, доступнымъ самому тупому сознанію, отвратитъ отъ него народныя массы, вовсе не расположенныя сочувствовать его обличившимся политическимъ тенденціямъ. При такихъ условіяхъ, при такой обстановкѣ не трудно было бы православнымъ священникамъ или особымъ миссіонерамъ, высланнымъ мѣстною православною Церковью, довершить вразумленіе народныхъ массъ до конца и возвратить ихъ къ вѣрѣ ихъ предковъ, а слѣдовательно и къ Русской народности.

Принято обыкновенно говорить, что православная Церковь чужда духа прозелитизма; но это слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что она чужда того духовнаго властолюбія, которымъ отличается латинская Церковь, что

она не ищетъ распространенія внѣшнихъ духовныхъ завоеваній, распространенія своей власти. Но странно было бы ставить ей въ заслугу недостатокъ апостольской ревности къ распространенію истины, къ проповѣди слова Божія! Къ тому же здѣсь дѣло идетъ даже не о новомъ обращеніи, а о возвращеніи заблудшихся чадъ. Всего было бы правильнѣе, если бы правительство оставалось въ сторонѣ и ограничилось только наблюденіемъ за политическими интригами латинскихъ ксендзовъ и прелатовъ, предоставляя полный просторъ дѣятельности православнаго духовенства. Для этого нужно, конечно, чтобы послѣднее вышло изъ того состоянія нѣмоты и бездѣйствія, въ которомъ оно пребываетъ, страха ради консисторскаго, чтобъ оно стало смѣлѣе и дерзновеннѣе въ исполненіи своего призванія и долга. Проповѣдь православія, возвращеніе къ православной Церкви ея отпадшихъ Русскихъ дѣтей должны быть поставлены явною и главною задачею и Виленскаго Свято-Духовскаго, и всѣхъ церковныхъ братствъ Сѣверо-Западнаго и Юго-Западнаго края, — внѣ всякаго иного участія и содѣйствія государственной власти.

Таковъ кажется намъ самый правильный образъ дѣйствій относительно католиковъ-Бѣлоруссовъ. Что касается до католиковъ-Поляковъ, равно и до католической Литвы и Жмуди, то въ отношеніи къ нимъ, вмѣсто введенія Русскаго языка въ католическихъ храмахъ, мы бы присовѣтовали употребить мѣру совершенно обратную: ввести Польскій, Жмудскій или Литовскій языкъ въ православное богослуженіе. Почему бы не перевести, напримѣръ, на Жмудское нарѣчіе православную литургію, вообще весь служебникъ Русской Церкви, равно какъ и Новый Завѣтъ (который едва ли допущенъ ксендзами въ Жмудскомъ переводѣ: они не очень любятъ пріохочивать народъ къ чтенію Евангелія и вообще Библіи)? Почему бы не устроить въ разныхъ мѣстахъ Жмуди православныя церкви, гдѣ священники совершали бы православное богослуженіе и произносили бы проповѣди по-Жмудски? Пусть бы годъ-два эти церкви стояли безъ прихода, — мы убѣждены, что потомъ у нихъ образовалась бы обширная паства: возможность слышать обѣдню на родномъ, не на латинскомъ нарѣчіи, понимать все богослуженіе сполна, была бы самою лучшею пропагандою православія, —а этого только и нужно. Мы полагаемъ даже, что и въ Царствѣ Польскомъ, въ коренныхъ Польскихъ мѣстностяхъ, православная обѣдня, православное богослуженіе на Польскомъ языкѣ и десятокъ другой *женатыхъ* православныхъ священниковъ Польской національности, изъ обращенныхъ Поляковъ (а таковые найдутся) будутъ имѣть благотворное дѣйствіе на умы Польскихъ сельчанъ и представятся имъ едва ли не въ привлекательнѣйшемъ видѣ, чѣмъ обѣдня латинская, съ холостяками ксендзами. Такой способъ распространенія православія былъ бы всего согласнѣе съ духомъ православной Церкви, которая не знаетъ ни централизаціи, ни внѣшняго политическаго единства, не замыкаетъ слова Божія въ формы лишь одного языка, не исключаетъ нигдѣ народнаго элемента, напротивъ, призываетъ всѣ народности и всѣ нарѣчія къ равноправному служенію истинѣ. Только этимъ путемъ могло бы совершиться дѣйствительное разобщеніе католицизма съ Польскою національностью, но въ настоящемъ случаѣ это было бы не очищеніе католицизма отъ Польскаго элемента, а очищеніе Польскаго народнаго элемента отъ растлившаго его латинства. Мы вовсе не предаемся дерзкимъ надеждамъ, чтобы

предлагаемая нами попытка могла произвести цѣлую религіозную революцію, чтобы все Польское племя духовно преобразилось и отреклось отъ своей тысячелѣтней исторіи. Мы давно перестали вѣрить въ политическое возрожденіе Польскаго племени и считаемъ его историческую роль поконченною. Но есть значительныя массы Польскаго простонародья, которыя физически и этнографически составляють особую Польскую народность и которыя, при открывшейся теперь для нихъ, благодаря Россіи, возможности развитія сдѣлаются неминуемо причастницами Польской католической «культуры». обречены заранѣе въ жертву Польскому католицизму: для нихъ одно спасеніе, чтобъ окончательно не погибнуть, — православіе. И нѣтъ сомнѣнія, что православное племя, хотя бы и Польское по происхожденію, будетъ не только не враждебно Россіи, но, напротивъ, войдетъ съ нею въ союзъ духовный, болѣе тѣсный и прочный, чѣмъ союзъ чисто внѣшній, административный. Между тѣмъ, при всей признательности и преданности Россіи современнаго Польскаго сельскаго населенія, мы не можемъ не опасаться, что придетъ пора, когда поземельныя отношенія между нимъ и помѣщиками окончательно устроятся, и когда съ каждымъ шагомъ впередъ по пути къ образованію оно будетъ входить въ плотную духовную среду, созданную Польско-латинскою цивилизаціей и Россіи положительно враждебную. Если надѣленіе Польскихъ крестьянъ землею и правами внесло новую струю, новую историческую идею въ гражданскую и бытовую жизнь такъ-называемой Польши, то и православная Церковь могла бы попытаться влить новую струю, новый элементъ въ духовную и бытовую жизнь Польскаго племени.

Вотъ что̀ существенно желательно какъ для блага самихъ поврежденныхъ латинствомъ племенъ, такъ и для блага Россіи. Мы рѣшительно не видимъ и не понимаемъ, почему бы, совершенно независимо отъ правительства, собственною инииціативою православнаго духовенства и Русскаго общества, не могли быть сдѣланы попытки въ этомъ смыслѣ и направленіи и въ странѣ заселенной Литовскимъ и Жмудскимъ племенемъ, и даже въ самомъ Царствѣ Польскомъ?

Мы были бы рады, еслибъ на нашъ призывъ отозвались голоса съ мѣста: мы готовы подвергнуть этотъ вопросъ всестороннему обсужденію на страницахъ «Москвы».

По поводу назначенія генерала Черткова помощникомъ гр. Баранова.

Москва, 21-го сентября 1867 г.

Высочайшимъ приказомъ по военному вѣдомству свиты Его Императорскаго Величества генералъ-маіоръ Чертковъ назначенъ помощникомъ по гражданской части Виленскаго, Ковенскаго, Гродненскаго и Минскаго генералъ-губернатора и главнаго начальника Витебской и Могилевской губерній. Мы можемъ только радоваться, что выборъ графа Баранова палъ именно на генерала Черткова. Его прежняя дѣятельность въ званіи начальника Волынской губерніи въ трудное время, непосредственно слѣдовавшее за усмиреніемъ мятежа,—дѣятельность, о которой и мы отчасти поставлены

въ возможность судить,—какъ бы мало ни значило наше сужденіе.—по частнымъ корреспонденціямъ и оффиціальнымъ актамъ, служитъ ручательствомъ въ томъ, что онъ съумѣетъ понять призваніе Русской власти и въ новой, предлежащей ему области управленія. Его распоряженія по крестьянскому дѣлу, его отношенія къ мировымъ учрежденіямъ на Волыни даютъ полное право надѣяться, что и въ Сѣверо-Западномъ краѣ,—болѣе чѣмъ Волынская губернія открытомъ всѣмъ вѣтрамъ, дующимъ изъ Петербурга, т. е. болѣе подверженномъ заботливому, но неудобному участію нѣкоторыхъ Петербургскихъ сферъ, тѣхъ сферъ, гдѣ витаетъ газета «Вѣсть»,—громадное значеніе крестьянскаго вопроса и мировыхъ учрежденій будетъ имъ оцѣнено по достоинству. Прошлое генерала Черткова обязываетъ насъ думать, что его не смутятъ клики извѣстной партіи, которая оглашаетъ «краснымъ», «соціалистомъ», демократомъ» всякаго, для кого польза «мужиковъ Бѣлоруссовъ» важнѣе пользы Польскихъ помѣщиковъ и интересы Русской національности дороже интересовъ крупной собственности или аристократическаго принципа. Мы знаемъ, какое дѣятельное участіе принималъ бывшій Волынскій губернаторъ въ законодательномъ разрѣшеніи вопроса о реализаціи ординацкихъ и фундушевыхъ сборовъ, а также о необходимости пониженія крестьянскихъ выкупныхъ за землю платежей (законъ 10 сентября 1864 года): позволительно полагать, что стремленія къ возвышенію этихъ платежей въ Сѣверо-Западныхъ губерніяхъ, а также къ измѣненію (путемъ перевѣрки и разверстанія) предоставленнаго крестьянамъ при графѣ Муравьевѣ и утвержденнаго повѣрочными комиссіями надѣла, не найдутъ въ новомъ правительственномъ дѣятелѣ слишкомъ ревностнаго защитника. Если справедливо, какъ пишутъ намъ корреспонденты, что «любимою темной бесѣдъ генерала Черткова съ приближенными къ нему Русскими въ Житомирѣ» было усиленіе великорусскаго элемента въ Волынской губерніи, посредствомъ переселенія помѣщиковъ изъ Россіи,—то нѣтъ опасности, чтобы дѣло Русскаго землевладѣнія въ Сѣверо-Западномъ краѣ подверглось, подъ его вѣдѣніемъ, снова тѣмъ колебаніямъ и превратностямъ, которыми затормозилось оно въ послѣднее время.

Ни одинъ край въ Россіи не нуждается такъ именно въ *управленіи*, какъ край Сѣверо-Западный; ни одинъ не поставленъ въ такую зависимость отъ управленія, какъ именно этотъ Русско-Литовскій, растлѣнный латинствомъ, польщизною и еврействомъ край. Управленіе здѣсь не есть тотъ механическій снарядъ, который стоитъ только установить однажды, пустить въ ходъ — и онъ дѣйствуетъ себѣ однообразно и благополучно, только слегка регулируя отправленія мѣстной жизни. Таково значеніе администраціи внутри Россіи, но не таково ея значеніе на нашихъ окраинахъ вообще и въ особенности въ Сѣверо-Западныхъ губерніяхъ. Здѣсь дѣятельность правительственная не есть только отрицательная или пассивная, т. е. ограничивающаяся устраненіемъ безпорядковъ и всякихъ помѣхъ для свободнаго развитія общественной силы, — но положительная, направляющая и вызывающая это развитіе; не только полицейская, но политическая; не только правительственная, но и общественная. Здѣсь, къ сожалѣнію, нельзя сказать: поменьше управленія и побольше простора силамъ мѣстной жизни: здѣсь, при слабости, почти отсутствіи общественныхъ Русскихъ силъ, управленіе является покуда саможивою и зиждительною

силой. Все это, пожалуй, ненормально, все это можетъ не отвѣчать отвлеченной дефиниціи правительственнаго принципа, обо всемъ этомъ мы можемъ скорбѣть, но ненормально было все историческое развитіе края, и въ угоду теоріи нельзя же жмуриться и отвращаться отъ требованій исторической дѣйствительности, отъ живыхъ фактовъ, гласящихъ съ краснорѣчивою наглостью. Тамъ, гдѣ Русское управленіе — представитель не только Русской власти, но и Русской народности, Русскаго общества, Русской интеллигенціи, — необходимо, какъ мы говорили недавно, чтобы личный правительственный составъ, независимо отъ готовности и способности соблюдать, по обязанности, политическія требованія государственной службы, былъ самъ частью Русскаго общества, самъ проникнутъ, вполнѣ и искренно, его вѣрованіями, стремленіями и задачами. Понятно поэтому, какую важность имѣетъ для края назначеніе, не только въ составъ управленія, но и на высшія ступени этого состава, лицъ, способныхъ привнести въ свою административную дѣятельность, кромѣ честности и усердія по службѣ, дѣятельность личную, личное горячее убѣжденіе, личное сочувствіе Русскому дѣлу. Всего этого мы въ правѣ ожидать отъ новаго помощника генералъ-губернатора Сѣверо-Западнаго края по гражданской части, — въ правѣ ожидать также, что если, съ одной стороны, онъ съумѣетъ не поддаться раздраженію въ борьбѣ за Русскіе интересы, съ другой стороны будетъ чуждъ и того дешеваго безстрастія, которое рекомендуется нѣкоторыми въ Петербургѣ, какъ идеалъ государственной мудрости, и которое, ловко эксплуатируемое страстностью Поляка и католика, можетъ привести лишь къ опаснымъ уступкамъ, вреднымъ для дѣла Русской народности.

Впрочемъ, въ настоящее время борьба въ Сѣверо-Западномъ краѣ совершенно преобразила свой видъ и характеръ: вмѣсто открытой и явной она стала глухою и подземною; вмѣсто громкихъ и рѣзкихъ кликовъ мятежа раздаются слова преданности и мира; вмѣсто воинственныхъ шаекъ — толпа покорныхъ, униженныхъ слугъ и друзей. Но этого мало: вмѣсто Поляковъ и ксендзовъ приходится бороться съ Русскими, и не то что бороться, а противустоять многообразнымъ, льстивымъ и заманчивымъ внушеніямъ разныхъ сладкопоющихъ Петербургскихъ сиренъ «здраваго патріотизма», «здравой политики», «истиннаго либерализма», «легальности» и всякихъ высокихъ началъ. Возьмемъ, напримѣръ, хоть послѣдній № газеты «Вѣсть». Въ заботахъ о Сѣверо-Западномъ краѣ она преисполнена патріотическимъ жаромъ; она ревнуетъ въ пользу обрусѣнія края, и только негодуетъ противъ личнаго произвола и насилія второстепенныхъ дѣятелей; она горячо желаетъ, чтобы «возможность справедливой отвѣтственности чувствовалась въ административной атмосферѣ». Слова и мысли все такія похвальныя, что остается только радоваться, видя ихъ въ печати. Но подъ прикрытіемъ этихъ хорошихъ словъ проводится мысль, повидимому вполнѣ благовидная, но такая, которая объясняетъ, почему экономіи Польскихъ помѣщиковъ (можетъ быть, и даже вѣроятно, къ великому *неудовольствію* редакціи?) выписываютъ эту газету десятками. «Вѣсть», утѣшаясь вообще новѣйшимъ оборотомъ дѣлъ въ Сѣверо-Западныхъ губерніяхъ, призываетъ однако же начальство края къ «искорененію» одной вопіющей «опасности». Читатель думаетъ, что рѣчь идетъ о какихъ-нибудь происках

Польскаго ржонда или латинскаго духовенства... Нѣтъ, опасность заключается въ томъ, что въ умы Бѣлоруссовъ-крестьянъ «заронены софизмы ученія Прудона и Жанъ-Жака Руссо» (!!) — заронены, разумѣется, мировыми посредниками, этими «распространителями противообщественныхъ доктринъ и разрушительныхъ теорій», этимъ исчадіемъ «нигилизма». Основываясь на рескриптѣ 13 мая, Петербургскій органъ крупныхъ землевладѣльцевъ требуетъ, чтобы люди такихъ убѣжденій были удалены отъ службы и чтобъ администрація приняла самыя дѣятельныя мѣры, дабы уничтожить зло, ибо «не разъ, говоритъ газета, расходились *слухи*, что крестьяне отказываются вносить выкупные платежи, утверждая, что имъ будто надѣлы дарованы даромъ».

Статейка благонамѣренная, но однакожъ такая, которую подстать было бы написать и ловкому ревнителю Польской національности, для достиженія своей цѣли. Предположимъ, что она написана именно такимъ Полякомъ, и въ цѣлой статьѣ мы не найдемъ ни одной мысли, которая бы разрушила такое предположеніе. Попробуемъ забыть, что это вѣщаніе «Вѣсти» писано въ Русской газетѣ какимъ-нибудь изъ ея патріотовъ; посмотримъ, какую цѣль могъ бы имѣть въ виду авторъ статьи, еслибы онъ точно былъ Полякъ и служилъ Польской справѣ. Цѣль эта для насъ ясна. Она заключалась бы въ томъ, во-первыхъ, чтобъ отвратить вниманіе мѣстнаго начальства отъ дѣйствительныхъ опасностей, грозящихъ дѣлу Русской народности, и направить это вниманіе на опасности мнимыя и несуществующія: говоримъ — мнимыя и несуществующія, потому, что отказъ въ платежѣ повинностей вовсе не составляетъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ такого всеобщаго явленія, какимъ рисуетъ его газета «Вѣсть»; напротивъ, въ общей сложности, платежи производятся тамъ едва ли не исправнѣе, чѣмъ внутри Россіи; наконецъ и сама «Вѣсть», боясь, вѣроятно, обличенія, упоминаетъ объ этомъ отказѣ крестьянъ, какъ *о слухахъ*. Во-вторыхъ, цѣль статьи заключалась бы въ томъ, чтобы, напугавши администрацію ссылкой на рескриптъ 13 мая, окрасить въ ея глазахъ всѣхъ ревнителей крестьянскихъ интересовъ, всѣхъ дѣятелей по крестьянскому дѣлу — цвѣтомъ коммунизма и соціализма, заподозрить ихъ въ нигилизмѣ и въ замыслахъ произвести «всеобщій революціонный взрывъ» (sic!). А такой маневръ нуженъ для того, чтобы удалить изъ Сѣверо-Западнаго края всѣхъ людей, которые сослужили добрую службу Россіи во время послѣдняго мятежа, поземельнымъ устройствомъ крестьянъ; которые такъ ненавистны и Польскому ржонду, и Польскимъ, болѣе или менѣе участвовавшимъ въ мятежѣ, помѣщикамъ. «Вѣсть» признаетъ ихъ солидарными съ Огрызками и Сѣраковскими — «гнусными сторонниками дикой партіи «Земли и Воли». Въ дикомъ порывѣ клеветы она дошла до абсурда. По ея толкованію выходитъ, что сторонники Огрызки и Сѣраковскаго и революціоннаго общества «Земля и Воля» — тѣ самые дѣятели, которые упрочили въ краѣ самодержавную власть Русскаго Царя, поддержали въ крестьянахъ ненависть къ Польскому владычеству, укрѣпили въ нихъ чувство Русской народности и единства со всею остальной Россіей!!! Понятно, что Польскіе паны ничего такъ не желаютъ, ничего такъ не домогаются, какъ именно удаленія изъ края всѣхъ отстаивающихъ интересы Русскаго крестьянства, слѣдовательно и интересы Русскаго дѣла. Еслибы «Вѣсть» указала на частный

фактъ, обвинила бы господина N. или Б., — мы бы съ нею не стали спорить, но въ томъ-то и дѣло, что она обвиняетъ огульно, что она клеймитъ, безъ разбора, все сословіе мировыхъ посредниковъ, какъ клеймила его постоянно и въ Россіи, какъ обзываетъ и до сихъ поръ всѣхъ принимавшихъ участіе въ составленіи Положенія 19 февраля — «послѣдователями ученія Французской революціи 1848 года». Наконецъ, въ-третьихъ, Польская цѣль статьи состояла бы въ томъ, чтобы возбужденіемъ строгихъ мѣръ противъ крестьянъ, поведеніе которыхъ нисколько этихъ мѣръ не вызываетъ, поколебать ту основу, на которой по преимуществу зиждется все зданіе Русской народности, подорвать довѣріе крестьянскихъ массъ къ правительству, разорвать тѣсную связь между простымъ народомъ и Русскою властью. Однимъ словомъ, вся статья написана какъ бы съ намѣреніемъ заставить само Русское правительство поработать на Поляковъ вопреки собственнымъ своимъ интересамъ, и для этого возбудить въ немъ, въ этомъ, по мнѣнію Поляковъ, сенситивномъ Русскомъ правительствѣ, чувство ложнаго стыда и страха, якобы оно дѣйствуетъ противъ «начала собственности», противъ «консервативныхъ принциповъ», въ духѣ соціализма и коммунизма. Какъ ни податлива вообще Русская администрація ложному стыду и страху, но немного, кажется, нужно проницательности для того, чтобы понять смыслъ подобныхъ пристыживаній и застращиваній. Она помнитъ, какъ года четыре тому назадъ, подъ напоромъ такихъ же упрековъ въ посягательствѣ на «легальность», она терпѣла на службѣ массу Польскихъ чиновниковъ, дала оплести край плотною сѣтью Польскихъ корней и пришла наконецъ къ необходимости разорвать ее силою оружія, чуть не огнемъ и мечомъ. Она не можетъ не понимать, что выше всякой Польской владѣльческой и даже крупноземлевладѣльческой «легальности» выступаетъ въ томъ краѣ легальность Русскаго владычества, выступаетъ право Русской народности. Она не можетъ, не должна забывать, да и не забываетъ, что крестьянскій вопросъ въ Западномъ краѣ стоитъ пока на почвѣ политической, и что крестьянскій интересъ, съ точки зрѣнія государственной, важнѣе интереса Польскихъ землевладѣльцевъ.

Мы съ намѣреніемъ остановились на статьѣ газеты «Вѣсть», чтобы показать, какъ внушеніе партіи, ее издающей, приходится на руку Полякамъ, — до такой степени на руку, что вся статья могла бы быть написана Полякомъ — сторонникомъ Польской справы, и изъ нея не пришлось бы выкинуть ни одного слова. А между тѣмъ, къ сожалѣнію, она писана не Полякомъ, и писатель, вѣроятно, считаетъ себя человѣкомъ благонамѣреннымъ, патріотомъ, хорошимъ Русскимъ, — но, впрочемъ, всего болѣе Европейцемъ и еще болѣе крупнымъ землевладѣльцемъ, или приверженцемъ политическаго и соціальнаго идеала извѣстнаго разряда крупныхъ собственниковъ въ Петербургѣ.

И вотъ такія-то благовидныя внушенія Поляковъ нѣкоторымъ Русскимъ патріотамъ въ Петербургѣ, перевнушаемыя послѣдними (хотимъ думать: лишь по сердечной простотѣ и недальновидности) администраціи Западнаго края, нерѣдко смущаютъ администраторовъ и успѣваютъ иногда давать фальшивое направленіе ихъ заботливой дѣятельности. Вотъ опасности, грозящія управленію, вотъ противъ чего придется отстаивать Русское дѣло

новому, призванному его руководителю въ Сѣверо-Западныхъ губерніяхъ, и для чего потребуется не мало энергіи и твердости убѣжденій.

Но есть еще другой рядъ внушеній, происходящихъ несомнѣнно изъ самаго благонамѣреннаго источника, и тѣмъ не менѣе способныхъ усыпить и убаюкать бдительность и дѣятельность мѣстнаго управленія, — о нихъ мы поговоримъ въ другой разъ.

Украйнофильско-Польскій бредъ «Тараса Воли».

Москва, 20 января 1868 г.

Не въ томъ только состоитъ политическое мастерство, чтобы заставить служить извѣстному политическому плану какъ можно болѣе людей изъ-за денегъ и, такъ сказать, по найму, но въ томъ, чтобы обратить въ безсознательныя орудія этого плана людей искреннихъ, убѣжденныхъ, преданныхъ идеямъ, повидимому, совершенно противоположнымъ. Конечно, такая способность служить чужою рабочею силою, исполнителемъ чужой программы, воображая себя въ то же время самостоятельнымъ дѣятелемъ на пользу своихъ собственныхъ замысловъ, — предполагаетъ въ людяхъ, обладающихъ сею способностью, значительную долю простодушія, недальновидности, больше энтузіазма, чѣмъ разсудительности, больше фантазіи, чѣмъ знакомства съ правдою жизни, и больше всего — слабость мысли. Только при такихъ свойствахъ могутъ эти люди не замѣчать противорѣчія своихъ словъ съ дѣломъ, своихъ дѣлъ съ требованіями дѣйствительности; могутъ не догадываться о томъ, что чѣмъ ближе они себя считаютъ къ цѣли, тѣмъ дальше отъ нея отходятъ. Главный контингентъ такого сорта людей, къ услугамъ Западно-Европейскихъ мастеровъ политическихъ дѣлъ, поставляютъ, какъ извѣстно, Поляки,—преимущественно Польская эмиграція, это жалкое игралище всѣхъ коноводовъ иностранной политики. На кого они не работаютъ! и на истаго Нѣмца барона Бейста, и на императора Наполеона III, и на Гарибальди, и на папу, и даже на Турецкаго султана, въ надеждѣ, и даже въ положительной увѣренности, что работаютъ въ пользу возстановленія Польши, тогда какъ въ сущности они трудятся только для чужихъ барышей и выгодъ! Замѣчая, что въ Россіи Славянское самосознаніе растетъ и крѣпнетъ, заграничные Поляки вознамѣрились эксплуатировать идею славянства въ свою пользу, проповѣдуя теорію какой-то Славянской федераціи внѣ Россіи и, какъ бы въ видѣ практическаго приложенія такого архилиберальнаго плана, отправляются гуртомъ, вослѣдъ Лангевичу и Чайковскому, въ Турцію душить Болгаръ и Сербовъ, во главѣ Турецко-Польскихъ легіоновъ?

Но не одни Поляки служатъ спроста враждебной славянству Западно-Европейской политикѣ. Есть и между прочими Славянами люди — страстные охотники чествовать себя «интеллигенціей» своего племени и стоящіе обыкновенно въ разительномъ противорѣчіи съ народными историческими инстинктами своего племени. Эти люди, состоя въ чинѣ «интеллигенціи», не отличаясь ни крѣпостью разума, ни здоровою логикой, — большею ча-

стью люди очень искренніе, способные даже на самопожертвованіе, легко увлекающіеся, —до такой степени легко, что энтузіазмъ» составляетъ ихъ общественное положеніе: они считаютъ своею обязанностью приходить въ энтузіазмъ отъ каждой фразистой рѣчи, нашпигованной словами «свобода», «самостоятельность», и способны вслѣдъ затѣмъ броситься чуть не въ объятія барону Бейсту, Наполеону III-му, Лангевичу, Чарторыйскому —врагамъ всякой Славянской свободы и самостоятельности. Отличительными признаками такой «самостоятельной», какъ выражаются Сербы, интеллигенціи служитъ, во-первыхъ, враждебное отношеніе къ Россіи. Это ужъ непремѣнно. Какъ мальчикъ, повязавшій въ первый разъ на шею галстукъ, или какъ юнкеръ, произведенный въ чинъ прапорщика, надувается важностью и спѣшитъ самъ себѣ доказать свое совершеннолѣтіе тѣмъ, что начинаетъ грубить старшимъ, такъ и сіи представители интеллигенціи спѣшатъ обыкновенно засвидѣтельствовать о своей взрослости и независимости—тѣмъ, что бранятъ и ругаютъ Россію. Вторымъ отличительнымъ ихъ признакомъ, истекающимъ, впрочемъ, изъ перваго, служитъ то, что они обращаются въ поборниковъ Французской, Итальянской, Англійской, даже Нѣмецко-Австрійской «альянцы» или союза. Въ-третьихъ, наконецъ, они признаютъ своимъ долгомъ сочувствовать Полякамъ. Достаточно этихъ признаковъ, чтобы видѣть, до какой степени такіе «патріоты» расходятся съ истинными интересами славянства. Толкуя о демократизмѣ, они идутъ наперекоръ стремленіямъ и влеченіямъ народнымъ; проповѣдуя всеславянство, они исключаютъ изъ него 50-милліонное Славянское племя; мечтая о федераціи, опираются на Западную Европу, которая, употребляя въ свою пользу ихъ антипатію къ Россіи, ради ослабленія Россіи, тѣмъ самымъ уничтожаетъ возможность Славянскаго возрожденія въ самомъ зародышѣ; сочувствуя Полякамъ, они, въ ослѣпленіи своемъ, не видятъ, что поддерживаютъ въ лицѣ Поляковъ не только палачей своихъ братьевъ, христіанъ Турецкихъ, но и ревностнѣйшихъ въ мірѣ служителей той латинской религіозной исключительности, которая никогда не помирится съ вѣрою большинства Славянъ. Само собою разумѣется, что таковые представители «интеллигенціи»—большею частью люди молодые, которые молодость лѣтъ возводятъ въ особенное нравственное достоинство и тѣмъ самымъ, стало быть, отрицаютъ наивно свою собственную «компетентность» или пригодность—по вступленіи своемъ въ возрастъ возмужалости. Такое явленіе въ образованныхъ классахъ Славянскихъ народовъ встрѣчается, къ сожалѣнію, нерѣдко и объясняется ненормальными условіями ихъ историческаго развитія, скороспѣлостью образованія, заемнымъ характеромъ цивилизаціи, отсутствіемъ надлежащей гражданской свободы, и многими другими, о которыхъ говорить было бы здѣсь и долго, и неумѣстно. Подобные юные представители «интеллигенціи» находятся и въ Сербіи, преимущественно между Австрійскими Сербами, и у Хорватовъ, — всего менѣе въ Чехіи, которая зрѣлѣе другихъ Славянскихъ странъ, —встрѣчаются и въ Галиціи.

Они встрѣчаются и между нашими Русскими. Недавно напомнили они намъ о себѣ брошюрой, изданною въ Вѣнѣ уже въ 1868 году, подъ заглавіемъ: «Братское посланіе Украинцевъ Сербскому обществу «Зоря»». Мы бы и не упомянули объ этой брошюрѣ, если бы она содержала только извѣстныя украйнофильскія, вполнѣ безопасныя и только возбуждающія

улыбку, брехни, но въ ней есть обращеніе къ братьямъ Сербамъ, есть рѣчь и о панславизмѣ, вообще есть нѣчто новое, на что́ мы считаемъ нужнымъ обратить вниманіе какъ нашихъ Русскихъ, такъ и заграничныхъ Славянскихъ читателей. Мы готовы не сомнѣваться въ искренности списателя *Тараса Воли* и рекомендуемъ читателю этотъ экземпляръ того типа некрѣпкихъ смысломъ, зато простодушныхъ патріотовъ, о которомъ мы говорили выше. Авторъ долженъ быть намъ благодаренъ за такое объясненіе и принять его съ признательностью; въ противномъ случаѣ, мы будемъ обязаны признать его злоумышленнымъ агентомъ Польской партіи Австрійскаго министра Бейста. Таковымъ, вѣроятно, и признаютъ его многіе, прочитавши брошюру, но мы лучшаго о немъ мнѣнія и оправдываемъ его поступокъ единственно слабостью мысли и близорукостью — правда, почти феноменальною. Ни Поляки, ни Бейстъ, ни Наполеонъ III не могли бы пожелать для себя лучшаго работника; посланіе писано какъ бы по заказу этихъ друзей славянства. Нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что вся уснащенная ругательствами на насъ, Русскихъ, брошюра является въ то самое время, когда, будто по сигналу, вся оффиціозная Французская и Австрійская журналистика затрубила вновь крестовый походъ на Россію и принялась стращать Европу старымъ, казалось бы уже изношеннымъ, пугаломъ «Московскаго ненасытнаго властолюбія»; въ то время, когда и Австрійскій, и Французскій кабинеты усиливаются тайнымъ маневромъ сдержать и парализовать дѣйствіе Русской дипломатіи на Востокѣ въ пользу воюющихъ за свою независимость Критянъ и въ пользу угнетаемыхъ, жаждущихъ независимости Болгаръ и Сербовъ; въ то время, наконецъ, когда Австрійскія и Славянскія племена и многомилліонное Русское племя, опознавшись другъ съ другомъ, оживили въ себѣ сознаніе всеславянскаго братства. Съ этой послѣдней точки зрѣнія брошюра г. Тараса Воли представляется написанною если не по заказу, то по крайней мѣрѣ по внушенію барона Бейста, — внушенію, вѣроятно, не непосредственному, но косвенному — чрезъ Поляковъ. Для враговъ Россіи и славянства, желающихъ «прижать Славянъ къ стѣнѣ» и именно потому одновременно покровительствующихъ организаціи въ Краковѣ «Общества для возстановленія Польши», конечно, очень важно показать міру, что не одни Нѣмцы и Поляки, но и сами Русскіе, при всей своей якобы враждебности къ Австріи, отдаютъ ей преимущество предъ Россіей; что сама Россія не представляетъ въ себѣ крѣпости единства и готова распасться; что сами Русскіе предостерегаютъ Славянъ отъ сочувствія «Москвы». Съ другой стороны, лучшаго pendant къ знаменитой статьѣ Клачка о Славянскомъ съѣздѣ въ Москвѣ не могутъ желать и сами Поляки, да и вообще нашъ щирый украйнофилъ очевидно попался въ Польскія сѣти и запутался въ нихъ своимъ короткимъ смысломъ до совершенной безсмыслицы. Мы сейчасъ представимъ тому образчики.

Украйнофилъ «Воля», наполняя свою брошюру, какъ и слѣдуетъ, цитатами изъ стиховъ Шевченки и даже изъ своихъ собственныхъ (довольно плохихъ), какъ бы забываетъ, что весь споръ у Россіи съ Польскою шляхетскою партіей идетъ собственно за свободу и независимость Русской Украйны, или Малой Руси и Бѣлой отъ гнета Польской національности; что такъ-называемая ***національная Польская идея*** не означаетъ ничего дру-

того, какъ порабощеніе Польскому господству Малорусскаго и Бѣлорусскаго племени; что краковское «Общество для возстановленія Польши» не понимаетъ возстановленія Польши иначе, какъ въ предѣлахъ 1772 года. Эта задача, надо отдать справедливость Полякамъ, постановлена ими съ откровенностью и опредѣлительностью, исключающими всякое сомнѣніе. Но другъ украинскаго народа, «его родное чадо», «носитель народныхъ чувствъ и надеждъ» (какъ величаетъ себя украйнофилъ «Воля») иначе не выражается въ своей брошюрѣ какъ «мы и Поляки, Поляки и мы», «мы съ Поляками составляемъ *20 милліоновъ* Славянскаго народа» и пр. Оставляя въ сторонѣ такой чисто-Польскій статистическій пріемъ въ исчисленіи Малорусскаго, Червоно-Русскаго и Польскаго племени, пойдемъ дальше. «На Московскихъ пиршествахъ, говоритъ авторъ, плакали *коварными слезами* о судьбѣ *нашихъ* Галичанъ, утѣсняемыхъ ополяченными панами; но Поляки съ большимъ правомъ могли бы плакать о судьбѣ нашего, т. е. Малорусскаго, племени подъ гнетомъ москвитизированной аристократіи и администраціи». На Московскихъ пиршествахъ, какъ извѣстно, плакалъ настоящими слезами о судьбѣ Галичанъ извѣстный ревнитель Галицко-Русской народности Я. Ѳ. Головацкій. *Коварными* слезами онъ плакалъ? Вся эта борьба съ Поляками за право Русскаго языка въ Галиціи, все это —ложь, лицемѣріе?! Впрочемъ, какъ и слѣдовало ожидать, наши украйнофилы, друзья народа, въ послѣднее время значительно охладѣли въ своемъ сочувствіи къ Галиціи. Оно и понятно, выбора нѣтъ: или сочувствовать съ Поляками, или сочувствовать съ Галицко-Русскимъ народомъ. А такъ какъ Галицко-Русскій народъ влечется сочувствіемъ къ остальной великой Руси, съ Польскими притязаніями мирится не хочетъ и не такой дурень, какъ самозванные носители его чувствъ, чтобы повѣрилъ Польскимъ обѣщаніямъ свободнаго сожитія въ федеративной формѣ, — то украинофиламъ ничего не остается, какъ, минуя родныхъ братьевъ по крови — Галичанъ, обращаться съ своими фразами о Южно-Русскомъ народѣ — къ юному обществу «Зоря», съ его юнымъ основателемъ г. Георгіевичемъ. Это тотъ самый г. Георгіевичъ, молодой, очень еще молодой Сербъ, пріятной наружности, который, вмѣсто усвоенія Славянами, для общихъ сношеній, какого-нибудь единаго языка, предлагалъ каждому Славянину выучиваться всѣмъ десяти Славянскимъ нарѣчіямъ и поднарѣчіямъ, — не выучившись, впрочемъ, самъ, за исключеніемъ своего Сербскаго, никакому иному кромѣ Нѣмецкаго. Вотъ какъ трактуетъ нашъ украинофилъ Галицкую Украйну: «если даже вся Галицкая интеллигенція, говоритъ онъ, огорвется отъ насъ, т. е. отъ украинофиловъ, то это ни мало не измѣнитъ дѣла въ Украйнѣ (какъ будто въ Украйнѣ есть какое-либо украинофильское дѣло! Какъ будто есть что общаго между украинофилами, друзьями Поляковъ, и Украйной, не перестающей распѣвать историческія пѣсни о своей борьбѣ насмерть съ Поляками за Русскую народность и вѣру!). Давно, ужъ очень давно, продолжаетъ Тарасъ Воля, Галиція, вступивъ въ союзъ съ Суздалемъ, погубила Кіевъ и Русь... Нынѣ люди, называющіе себя ея національными вождями, повторяютъ ошибку своихъ отцовъ, кидаясь въ объятія Москвы»... Въ этихъ словахъ слышится какая-то готовность украинофиловъ, прогнѣвавшихся на Галицію за сочувствіе къ Россіи, предоставить Галицію ея судьбѣ, то-есть объятіямъ Польскимъ. Недаромъ г. Воля

говорить, что *напрасно* (?!!) Московская пресса трубитъ всему міру объ угнетеніи Польскими панами нашего, т. е. Русскаго племени въ Западномъ краѣ», недаромъ толкуетъ онъ о близости Украинскаго крестьянина «по міросозерцанію» къ Поляку! Авторъ во всемъ своемъ сочиненіи избѣгаетъ коснуться спора между Галиціей и Поляками, не пытается даже и опровергнуть притязанія Поляковъ на ополяченіе края, не ищетъ даже и опредѣлить тѣхъ отношеній, въ какія должны стать Поляки къ Галичанамъ, при будущей чаемой имъ федераціи. Онъ обходитъ этотъ вопросъ, очевидно, съ цѣлью не раздражать Поляковъ, подъ вліяніемъ которыхъ писалъ онъ свое посланіе, или же по нежеланію обличить свое внутреннее противорѣчіе, надѣясь, что «братья Сербы» безъ этого никакого противорѣчія не замѣтятъ... Не такъ ужь они просты! Спрашивается, какой Малороссъ, истинно любящій свое племя, въ спорѣ галицкихъ Руссовъ съ Поляками не станетъ на сторону первыхъ и позволитъ себѣ толковать о федераціи, не порѣшивъ этого спора ясно и опредѣлительно?

Но не однихъ Поляковъ ублажилъ рьяный врагъ «Москвы», «Москалей», «москвитизма», — онъ поработалъ и на Австрійскую политику. Онъ какъ бы входитъ въ заботы барона Бейста и вообще Западно-Европейскихъ политиковъ о томъ, какимъ образомъ обезсилить, унизить Россію, и указываетъ имъ средство: отдѣлить отъ Россіи 15 милліоновъ (excusez du peu!) Южно-Русскаго племени, отдѣлить Поляковъ и составить между ними и прочими Славянами союзъ для противовѣса Московской силѣ», — союзъ, который, по теоріи автора, «не будетъ имѣть свойствъ возбуждать опасеній Запада». Во главѣ же союза Тарасъ Воля предлагаетъ стать — *Австріи*. Вотъ и ключъ отъ ящика, — le fin mot de la chose! Систему дуализма онъ не одобряетъ, но собственно потому только, что она «обезсиливаетъ Австрійскую имперію передъ Россіей и парализуетъ ту *притягательную* (sic) силу федеральной Австріи, которая *начала быть чувствуема на берегахъ Днѣпра*». Изъ сего мы должны заключить, между прочимъ, что авторъ жилъ на берегахъ Днѣпра, потому что кромѣ него на этихъ берегахъ, конечно, не было ни одного, кто бы почувствовалъ такое влеченіе къ Австріи, и котораго бы она не только притянула, но и перетянула. Наконецъ, въ довершеніе всего, авторъ грозитъ, отъ имени украинофиловъ, «апелировать, подобно Полякамъ, къ Европѣ», равно какъ и «къ страстямъ малорусскаго народа».

Читатели согласятся съ нами, что нельзя ревностнѣе служить замысламъ Западно-Европейской политики, какъ служитъ сей проницательный украинофилъ. Г. Бейстъ и Чарторыйскій потираютъ себѣ руки отъ удовольствія. Федерація, равноправный союзъ — все это вздоръ! Все это вы тамъ себѣ пожалуй пишите, даже непремѣнно пишите, чтобы ввести въ заблужденіе простодушныхъ «братьевъ», — но главное дѣло въ томъ, чтобъ ослабить нравственное вліяніе Московскаго Славянскаго съѣзда, произвести расколъ между Славянами, подорвать значеніе Россіи, а чрезъ это воспрепятствовать и освобожденію Востока силой Славянской!.. Украйнофилы попадутъ теперь въ особенную милость Австріи: собираясь подражать Полякамъ, они не захотятъ, вѣроятно, уступить имъ и въ чести быть такими же слѣпыми орудіями Европейскихъ кабинетовъ, и, чего добраго, чтобъ ужъ вполнѣ быть достойными своего образца, отправятся вмѣстѣ съ Турец-

кими солдатами терзать «братьевъ Сербовъ» и Болгаръ въ Турціи, какъ терзаютъ ихъ теперь члены будущей Славянской федераціи — Поляки.

Это посланіе къ Сербамъ есть насмѣшка надъ здравымъ смысломъ, слѣдовательно насмѣшка надъ самими Сербами, къ которымъ оно адресовано. Не высокаго же понятія г. Тарасъ Воля объ умственномъ объемѣ юной интеллигенціи общества «Зоря»!

Довольно... Говорить больше объ этомъ пустозвонномъ украинофильско-Польскомъ бредѣ не стоитъ. Забавно только, что авторъ, сказавъ выше о намѣреніи украинофиловъ обратиться къ страстямъ народа, называетъ гнуснѣйшею Московскою клеветой подозрѣніе украинофиловъ въ намѣреніи подвигнуть народъ къ открытому возстанію, равно и обвиненіе въ измѣнѣ. Чести такого подозрѣнія Московская печать никогда имъ и не дѣлала: она хорошо знаетъ, что простой инстинктъ самосохраненія не позволитъ украинофиламъ, въ родѣ Тараса Воли, заикнуться предъ умнымъ Малороссійскимъ народомъ о своихъ бредняхъ... Что же касается до измѣны, то авторъ прежде всего измѣнилъ здравому смыслу и заслуживалъ бы не участи «мученика первыхъ вѣковъ христіанства», чѣмъ онъ соглашается будто бы учиниться, не «сырыхъ казематовъ» и «пустыни Сибирской»,— а развѣ помѣщенія въ домѣ «скорбныхъ главою».

По поводу назначенія въ Вильну генерала Потапова.

Москва, 7-го апрѣля 1868 г.

Сѣверо-Западный край Россіи снова затянулся какимъ-то туманомъ. «Ничего въ волнахъ не видно», можемъ сказать и мы, усиленно всматриваясь отсюда въ эту сѣрую мглу, подъ которой что-то сильно снуетъ и копошится,—но что̀ именно, зачѣмъ и почему, разобрать трудно. Назначеніе главнымъ начальникомъ края генералъ-адъютанта Потапова подало поводъ къ довольно оживленной перепалкѣ нѣкоторыхъ Петербургскихъ газетъ, изъ которыхъ однѣ разразились хоромъ восхваленій и надеждъ (на что̀ именно—также понять не легко); другія въ этихъ же восхваленіяхъ и надеждахъ видѣли опасные признаки, и на ликованіе «Вѣсти», «Новаго Времени» и «Петербургскихъ Вѣдомостей» отвѣчали унылыми корреспонденціями съ мѣста, исполненными намековъ, а также и положительныхъ извѣстій объ отъѣздѣ изъ края многихъ полезныхъ и почтенныхъ работниковъ

Со смѣною генерала Кауфмана графомъ Барановымъ, прежній рѣзкій, ярко опредѣленный характеръ дѣйствій мѣстнаго правительства смѣнился нѣкоторою бездвѣтностью и неопредѣленностью. Мы не входимъ покуда во внутреннюю оцѣнку системы генерала Кауфмана и графа Баранова,—мы только заявляемъ фактъ. О генералѣ Потаповѣ мы не имѣемъ покуда права пускаться ни въ какія предсказанія—ни мрачныя, ни свѣтлыя. Хотя и очень жаль, конечно, что на самой зарѣ его дней въ званіи главнаго начальника края—его постигли похвалы «Вѣсти», принадлежащія къ разряду тѣхъ, отъ которыхъ никому «не поздоровится»,—однако нѣтъ еще основательнаго повода думать, что эти похвалы имъ заслужены. Можно, впро-

чемъ, по нѣкоторымъ даннымъ, предполагать, что генералъ Потаповъ, какъ и графъ Барановъ, преисполненъ прекраснодушныхъ намѣреній—явиться врачевателемъ ранъ, нанесенныхъ краю послѣднимъ мятежомъ; миротворцемъ взаимно-враждующихъ мѣстныхъ историческихъ стихій; укротителемъ неблагоприличныхъ, завѣщанныхъ исторіей, страстей; благоустроителемъ мѣстнаго землевладѣльческаго, иначе дворянскаго, элемента, и свободнымъ не только отъ фанатизма, но даже, какъ выражаются кое-гдѣ въ Петербургѣ, отъ всякихъ съ «требованіями цивилизаціи и благовоспитанности несогласныхъ» увлеченій въ пользу православія, мужиковъ-Бѣлоруссовъ и «узкаго патріотизма». Что и говорить! все это и похвально, и благоразумно, и мудро. Чего же лучше быть безпристрастнымъ миротворцемъ и благоустроителемъ?... Мы однако не можемъ не выразить нѣкотораго сомнѣнія по поводу всей этой привлекательной административной мудрости, до того очевидной, что она даже кажется нѣсколько дешевою. За такою мудростью ходить недалеко. Такою мудростью любятъ, даже и очень, щеголять въ нѣкоторыхъ Петербургскихъ сферахъ: она даже особенно гнѣздится въ сердцахъ Европейски-благовоспитанныхъ Русскихъ, не-болѣющихъ никакими безпокойными недугами—любви къ народности, къ «святой Руси», негодованія на ея отступниковъ, горячей вѣры въ Русскую будущность, превыспреннихъ мечтаній объ ея призваніи, мучительныхъ сомнѣній въ ея состоятельности, страстныхъ сочувствій къ ея духовнымъ стихіямъ, страстныхъ влеченій послужить ея чести и славѣ... Не мудрено быть безпристрастнымъ, когда ни съ какимъ народнымъ пристрастіемъ въ душѣ бороться и не приходится; не мудрено быть миротворцемъ, когда нѣтъ и надобности подавлять въ самомъ себѣ какихъ-либо народныхъ антипатій, когда не наслѣдовалъ самъ никакой исторической неприязни; не мудрено проповѣдывать всю сію мудрость, когда самъ стоишь внѣ всякой живой сердечной связи съ народомъ, превыше національныхъ страстей, въ безличной и отвлеченной сферѣ Россійскаго европеизма.

Никто, конечно, никогда никому не посовѣтуетъ ни пристрастія, ни фанатизма, ни увлеченій, ни крайности, ни несправедливости, ни лицепріятія: ни въ комъ эти пороки и не являются въ видѣ сознательно-усвоенной *теоріи*. Поэтому нечего, казалось бы, возводить въ какую-то особую административную теорію и отрицаніе этихъ пороковъ. Напротивъ, есть даже основаніе относиться къ такой административной теоріи съ нѣкоторою недовѣрчивостью. Такъ напримѣръ — перенесемъ эту теорію на почву Сѣверо-Западнаго края—безпристрастіе, въ силу теоріи, легко можетъ перейти въ пристрастіе къ безпристрастію: ради торжества безпристрастія къ Польскому мѣстному элементу, можетъ даже неумышленно, вслѣдствіе лишь боязни, оказаться пристрастнымъ, быть принесенъ въ жертву интересъ Русскаго народнаго элемента. Презрѣніе къ «квасному Русскому патріотизму» въ странѣ, гдѣ приходится имѣть дѣло съ таковымъ же кваснымъ, самымъ узкимъ въ свѣтѣ, Польскимъ патріотизмомъ, легко сдается на уступку послѣднему; безразличное отношеніе къ Русской и Польской національности можетъ отзываться на практикѣ чѣмъ-то въ родѣ космополитизма, — что едва ли выгодно въ борьбѣ съ Польскою національною исключительностью. Безразличное отношеніе къ вѣрѣ—тамъ, гдѣ три вѣка сряду идетъ борьба за вѣру, гдѣ вѣра, силою вещей, стала знаменемъ на-

родности, — можетъ быть понято народомъ даже не какъ индифферентизмъ, а какъ потворство враждебному знамени...

Очень можетъ быть, что генералъ Потаповъ выйдетъ изо всѣхъ этихъ затрудненій побѣдоносно; но мы имѣемъ въ виду собственно не его, а административную теорію, которая ему навязывается и которую, по слухамъ, онъ самъ выставляетъ своимъ девизомъ. По нашему мнѣнію, потребности Сѣверо-Западнаго края вовсе не исчерпываются вышеизложенной административной прекраснодушной теоріей. Злоба настоящаго дня для этого края, во сколько мы можемъ судить по нашимъ свѣдѣніямъ, состоитъ не столько въ уврачеваніи ранъ, въ упроченіи благосостоянія помѣщиковъ, въ охлажденіи демократическихъ порывовъ мировыхъ посредниковъ, въ умиротвореніи православія и латинства, Польскаго шляхетства и Русскаго крестьянства, польщизны и Русской народности,— сколько въ органическихъ мѣрахъ для подъема Русскаго народнаго элемента въ отношеніи соціальномъ, экономическомъ и духовномъ. Если бы задача заключалась въ возстановленіи помѣщичьихъ хозяйствъ и уврачеваніи ранъ, нанесенныхъ краю послѣднею борьбою и Муравьевскою системою усмиренія,—такъ всего бы лучше было возвратиться къ старому времени, къ двадцатымъ годамъ, напримѣръ, когда такъ процвѣтали помѣщичьи хозяйства, когда никакихъ такихъ ранъ не имѣлось, не было ни «вольныхъ дружинъ», ни «мрачныхъ сонмищъ»,—прозвища, которыми клеймятъ Русскихъ работниковъ въ томъ краѣ Русскіе гуманисты «Вѣсти» и «Петербургскихъ Вѣдомостей»... Правда, процвѣтали на славу Польскія хозяйства, — да стоналъ закрѣпощенный Русскій народъ, отдаваемый живьемъ въ аренду жидамъ, оскорбляемый ежечасно, ежеминутно и въ чувствѣ народности, и въ религіозномъ своемъ чувствѣ. Правда, не было опасности отъ соціализма, — но торжествовало крѣпостное право. Вполнѣ, конечно, и обезпеченъ былъ, и преобладалъ, по идеалу «Вѣсти», классъ землевладѣльческій и аристократическій — но классъ чисто Польскій—надъ массами Русскаго православнаго народа. Не было, разумѣется, «вольныхъ дружинъ» Русскихъ чиновниковъ и мировыхъ посредниковъ, зараженныхъ демократическими идеями,—а были за то веселыя вольныя дружины мелкихъ шляхтичей, гордыхъ своею породой и угнетавшихъ столь презираемыхъ «Вѣстью» «мужиковъ-Бѣлоруссовъ». Не было «мрачнаго сонмища» или такъ-называемой клерикальной партіи, т. е. людей, преданныхъ православію и православной церковности, — а господствовалъ безраздѣльно и распоряжался безпрекословно, на пространствѣ всего этого Русскаго края,—сонмъ католическихъ монаховъ, державшій въ униженіи православное и уніатское духовенство,—да какой-нибудь графъ Чацкій, всюду насаждавшій Польскую рѣчь, Польскій духъ, Польскую мысль...

И давно ли это было? Почти не дальше, какъ вчера. И развѣ борьба окончилась? Развѣ она не видоизмѣнилась только? Развѣ Польская работа пяти вѣковъ можетъ считаться раздѣланною въ два-три года, по усмиреніи мятежа Муравьевымъ? Развѣ историческій крутой поворотъ, совершившійся въ эпоху этого мятежа, могъ не переворотить вверхъ дномъ всего края, не обезобразить его прежней наружной благовидности, къ тому же лживой,— не покрыть его лохмотьями и обломками отъ прежнихъ одеждъ и учрежденій? Развѣ соціальный переворотъ, поднявшій въ той странѣ Русское

крестьянство, упрочившій его будущее благосостояніе на новыхъ, твердыхъ основахъ,—переворотомъ, могъ не разорить Польской землевладѣльческой силы? Къ чему же всѣ эти скороспѣлыя критики, эти лицемѣрныя іереміады, эти страхи, напускаемые на публику, эти мнимо-смѣлыя наушничанья лицамъ власть имѣющимъ, это щепетильное требованіе чистоплотности отъ историческихъ революцій, отъ мѣстной національной и религіозной, исторически-законной вражды? Откуда это скорое отрѣшеніе отъ всѣхъ тѣхъ болей, которыми должно болѣть Русское сердце при видѣ, какъ изгаженъ латинствомъ и польщизною этотъ исконный Русскій край? Откуда, наконецъ, эта самонадѣянность относительно своихъ духовныхъ Русскихъ силъ, когда эти силы были такъ долго-долго, и еще недавно, пять лѣтъ тому назадъ, обезсиливаемы и убаюкиваемы тою же самою административною теоріей космополитизма, гуманности, индифферентизма, всяческаго безразличія, которая проповѣдуется и нынѣ,—тѣмъ же самымъ страхомъ демократическихъ стремленій, соціалистскихъ и коммунистскихъ ученій, который въ ходу и теперь,—тѣмъ же, какъ и въ наши дни, подобострастнымъ отношеніемъ къ Европейской цивилизаціи высшихъ Польскихъ классовъ, съ которыми администраторамъ и ихъ супругамъ можно такъ удобно и такъ пріятно говорить по-французски, и чувствовать себя другъ другу своими, на общемъ жаргонѣ цивилизованнаго свѣта?!

Сколько лицемѣрія, фальши, притворнаго благородства, грошевой гуманности и мудрости, съ одной стороны, — сколько дряблости и рыхлости нравственной и безсилія внутренняго съ другой—во всѣхъ этихъ кликахъ, возгласахъ и трактатахъ о Сѣверо-Западномъ краѣ, наводнившихъ столбцы и «Виленскаго Вѣстника», при редакціи г. де-Пуле, и газеты «Вѣсть», и газеты г. Киркора «Новое Время», и «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» съ ихъ «Письмами изъ Вильны»! Особенно забавною показалась намъ та важность, съ которою одна изъ сихъ газетъ провозглашаетъ слѣдующую пошлость: «Управленіе графа Баранова положило начало критическому отношенію общества и администраціи къ прежней системѣ управленія (т. е. Муравьева и Кауфмана)». Не въ критикѣ дѣло: критика никогда не оскудѣвала въ Русскомъ обществѣ; критическимъ отношеніемъ ко всякимъ живымъ явленіямъ Русской жизни мы богаты. Напротивъ, насъ заѣла критика, и только критика, безъ всякой зиждительной власти,—насъ растлило отрицательное отношеніе къ Русской жизни и Русской народности, подточило наши положительныя силы. Критическое отношеніе праздновать нечего, а надо бы подумать, къ какимъ выводамъ пришла критика, —указала ли она новые пути и новые способы? Легко, даже безъ особеннаго дара наблюдательности, обличить темныя пятна въ прежней системѣ управленія, легко осмѣять, опозорить и опошлить Русскихъ дѣятелей и ихъ увлеченія; но трудно вновь, посредствомъ подобныхъ критическихъ пріемовъ, одушевить людей на подвигъ службы въ томъ краѣ, возсоздать въ дѣятеляхъ положительное отношеніе къ своему дѣлу. Двадцать, напримѣръ, писемъ изъ Вильны, помѣщенныхъ въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, перебрали всѣ стороны жизни Сѣверо-Западнаго края, подобрали весь хламъ и соръ тамошней административной и общественной современности,—но весь этотъ критическій сумбуръ не привелъ ни къ какому положительному заключенію. Авторъ только пріобщаетъ читателей къ своему

чувству сомнѣнія, недовѣрія, — не проявляя никакого порыва, никакого сильнаго, цѣльнаго убѣжденія, а напротивъ осмѣивая односторонность порывовъ, національныхъ и религіозныхъ. Мы нисколько не препятствуемъ автору выступать предъ публику какимъ-то Гамлетомъ, — но если такое гамлетическое направленіе овладѣетъ администраціей и всѣми дѣятелями въ томъ краѣ, то Русскому дѣлу будетъ нанесенъ страшный ущербъ. Гамлеты годятся только на смерть, а не на жизнь, способны къ анализу, а не къ творчеству, — къ разрушенію, а не къ возсозданію, — къ страданію, а не къ побѣдѣ... Гамлетовъ развелось у насъ такъ много, что почти нельзя и найти людей цѣльныхъ, годныхъ для дѣла жизни. Впрочемъ, даже и не возводя автора «Писемъ изъ Вильны» въ званіе Гамлета, а просто принимая въ разсчетъ его критику (хоть, конечно, менѣе искреннюю) газеты «Вѣсть», — мы невольно удивляемся неспособности этихъ публицистовъ къ оцѣнкѣ историческихъ событій — съ высоты историческаго созерцанія. Нѣтъ сомнѣнія, что въ эпоху знаменитой войны 1812 года они бы, съ такою же критикой, проповѣдывали народу болѣе деликатное, менѣе одностороннее, не столь страстное отношеніе къ Французамъ; преважно бы осуждали народъ за неблагородное нападеніе на отсталыхъ Французовъ изъ-за угла; они бы съ благороднымъ негодованіемъ перечисляли всѣ случаи расхищенія вражьей собственности, и въ герояхъ 12 года или Севастопольской обороны увидѣли бы только мошенниковъ или пошлыхъ людей. Они не способны понять, что сердца этихъ людей бились въ то время историческимъ чувствомъ, которое поднимаетъ пошлыхъ и дрянныхъ выше ихъ обыденной личной дрянности и пошлости; что самый фанатизмъ, не на эгоизмѣ основанный и, напротивъ того, поглощающій личный эгоизмъ, несравненно почтеннѣе отсутствія сильныхъ и цѣльныхъ убѣжденій. Страстное, хотя бы и одностороннее, но искреннее увлеченіе нѣкоторыхъ оставленныхъ теперь дѣятелей Сѣверо-Западнаго края все же и выше, и даже полезнѣе того обезсиливающаго критическаго отношенія, которымъ такъ гордятся нѣкоторыя Петербургскія газеты, такъ восторженно привѣтствовавшія генерала Потапова.

Мы и сами готовы его привѣтствовать, но, при назначеніи новаго начальника въ тотъ край, нашъ первый вопросъ всегда — не о томъ: безпристрастно ли онъ будетъ относиться къ Полякамъ и Евреямъ, а довольно ли пристрастенъ онъ ко всему Русскому — къ Русской народности, къ ея торжеству и преуспѣянію; не о томъ, вполнѣ ли безразлично будетъ отношеніе его къ религіи (это само-собой), а болитъ ли у него сердце при видѣ соломой крытаго, ветхаго, деревяннаго православнаго храма, съ священникомъ въ крашеной ризѣ — рядомъ съ великолѣпнымъ костеломъ; не о томъ наконецъ, — будетъ ли онъ радѣть о благосостояніи Польскихъ помѣщиковъ, а о томъ — горячо ли къ сердцу приметъ онъ благосостояніе и успокоеніе Русскихъ крестьянъ послѣ столькихъ вѣковъ лишеній и мукъ, — способенъ ли онъ, наконецъ, принципъ народности поставить выше принципа землевладѣльческой крупной собственности, и интересъ мужиковъ-Бѣлоруссовъ — выше интереса Польскихъ пановъ, хотя бы аристократовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ?...

Многое бы можно еще сказать по поводу Сѣверо-Западнаго края, но отлагаемъ это до другого раза.

———

Задача Россіи въ Западномъ краѣ.

Москва, 10-го апрѣля 1868 г.

Обратимся опять къ Сѣверо-Западному краю, который теперь сильнѣе чѣмъ когда-либо застилается тучами недоразумѣній. Къ числу нихъ принадлежитъ, между прочимъ, столь извѣстное, повидимому безспорное, простое, всѣми усвоенное, обращенное къ высшей мѣстной администраціи требованіе: «обрусѣніе края». Отыскавъ себѣ эту формулу, общественное мнѣніе на ней и успокоилось, не вникая глубже ни въ смыслъ этихъ двухъ словъ, ни въ средства, которыми можетъ быть исполнена эта задача. Затѣмъ къ этому общему понятію каждая партія примазываетъ свои частныя требованія, нерѣдко совершенно противоположныя. «Обрусѣніе края» служитъ одинаково девизомъ и газетѣ «Вѣсть» и газетѣ «Голосъ»; изъ нихъ первая, выпаливши напередъ словами «обрусѣніе края», начинаетъ затѣмъ въ своихъ статьяхъ обычную трескотню аргументовъ въ пользу возвеличенія мѣстнаго Польскаго землевладѣльческаго элемента; вторая же, т. е. «Голосъ», въ видахъ обрусѣнія края, чуть не предлагаетъ вынести скамьи изъ католическихъ костеловъ, дабы лишить ихъ всякихъ преимуществъ предъ православными храмами и главную силу обрусѣнія полагаетъ въ хорошей полиціи.

Что же такое значитъ «обрусѣніе Сѣверо-Западнаго края»? Съ одной стороны всѣ говорятъ, что край этотъ «Русскій» —Русскій не въ смыслѣ только Русскаго политическаго единства, а Русскій по происхожденію мѣстнаго населенія. Это справедливо — за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей. Съ другой стороны, выражается требованіе обрусѣнія. Но если край Русскій, то зачѣмъ бы, казалось, и русить его? Затѣмъ, что Русская народность подверглась въ немъ и политическому, и соціальному, и духовному воздѣйствію Польской національности,—что три могучія силы: религія, цивилизація и землевладѣніе служили въ немъ до послѣдняго времени Польской исторической идеѣ. Въ такомъ случаѣ задача администраціи состояла бы, казалось, только въ томъ, чтобъ устранить давленіе этихъ силъ и высвободить изъ-подъ нихъ Русскую народность? На дѣлѣ, однако же, выходитъ, что одними этими способами задача не разрѣшается. Нѣтъ, конечно, и спора въ томъ, что всякая сила Польскаго элемента, во сколько она внѣшнимъ образомъ уловима для государства, должна перестать ею быть, должна быть выбита изъ всѣхъ своихъ позицій: такъ понятно, что мѣстная Русская администрація не можетъ терпѣть въ своихъ рядахъ чиновниковъ-Поляковъ, особенно въ должностяхъ, сопряженныхъ съ какою-либо властью надъ Русскимъ простонародьемъ; не можетъ дѣлать изъ государственныхъ училищъ разсадниковъ Польской цивилизаціи, — не можетъ допускать никакого иного оффиціальнаго языка кромѣ Русскаго. Понятно также, что сила землевладѣнія въ Польскихъ рукахъ должна быть непремѣнно подорвана и Русское крестьянское благосостояніе упрочено на твердыхъ основахъ, безъ всякихъ нелѣпыхъ страховъ демократизма и соціализма и безъ всякихъ попечительныхъ заботъ объ охраненіи помѣщичьихъ хозяйствъ и помѣщичьяго авторитета. Въ этомъ отношеніи нельзя

не пожалѣть, что въ послѣднее время, подъ предлогомъ юридической справедливости, наносится снова ущербъ крестьянскому интересу: выкупные акты перевѣряются сызнова, отданныя уже крестьянамъ земли отбираются отъ нихъ опять въ пользу пановъ, и мѣстный элементъ крупнаго землевладѣнія, весь запечатлѣнный Польскимъ характеромъ, укрѣпляется снова на голову бѣдному Русскому народу. Нельзя не признать страннымъ такое притязаніе на соблюденіе отвлеченной легальности въ дѣлѣ войны и исторической расправы, возстановляющей высшую правду, —да и какъ согласить его съ указомъ 10 декабря?

Какъ бы то ни было, но всѣ эти мѣры болѣе внѣшняго и даже отрицательнаго свойства и не ихъ только имѣетъ въ виду задача *обрусѣнія* края. Одно внѣшнее ослабленіе Польскаго элемента разрѣшаетъ ли эту задачу? Уничтоженіе историческихъ силъ, столько вѣковъ дѣйствовавшихъ въ краѣ, породитъ ли вмѣсто нихъ новыя, столь же властительныя силы? Дѣятельность Польской мѣстной жизни замѣнится ли, чрезъ это, творчествомъ Русской народной жизни?... Разрушеніе не трудно,—его мы усматриваемъ,—но гдѣ же и въ чемъ созиданіе? Чего именно слѣдуетъ ожидать и желать отъ края, чтобы признать его, наконецъ, обрусѣвшимъ?

Отвѣтимъ себѣ безпристрастно: какъ на практикѣ понимается у насъ обрусѣніе? Какъ уподобленіе края, во всѣхъ отношеніяхъ, остальной Россіи. Но если въ административномъ, политическомъ, судебномъ и иныхъ гражданскихъ отношеніяхъ всѣ шесть губерній края могутъ быть безъ неудобства сравнены съ остальными губерніями Имперіи,—можно ли требовать уподобленія этихъ шести губерній какой-нибудь Тамбовской или Пензенской губерніи — относительно умственнаго развитія, потребностей духовныхъ, обычаевъ, нравовъ? Конечно нѣтъ. Край этотъ имѣлъ свою пятивѣковую исторію, отдѣльную отъ исторіи остальной Россіи. Историческія судьбы Бѣлоруссіи и Великой Руси были различны,—не говоря уже о различіи этнографическомъ. Вотъ объ этомъ-то обстоятельствѣ и забываютъ у насъ, къ сожалѣнію, многіе почтенные ревнители обрусѣнія, и сѣтуютъ, если не гнѣваются, встрѣчая въ обликѣ Бѣлорусса типъ отличный отъ какого-нибудь Тамбовскаго мужика, или же натыкаясь на обычаи, не существующіе въ нашихъ черноземныхъ степяхъ. Вслѣдствіе этого все, что не *наше*, Великорусское, нерѣдко клеймится тамъ отъ Русскихъ пріѣзжихъ названіемъ Польскаго, хотя оно никогда собственно Польскимъ и не бывало, или же до такой степени слилось съ мѣстною жизнью, что и отдѣлить его отъ этой жизни нельзя. Такъ, напримѣръ, нѣкоторые требуютъ, чтобы Виленскую «Остробраму» называть не иначе какъ «Острыя Ворота», — тогда какъ «брама» есть употребительное во всей Малороссіи слово, и въ Новгородѣ-Сѣверскѣ это названіе употребляется оффиціально и теперь для воротъ, стоящихъ въ концѣ города. Такъ предпринимались цѣлые походы съ исправниками во главѣ для истребленія крестовъ, стоящихъ на дорогахъ,—тогда какъ ихъ множество и въ Полтавской и въ Черниговской губерніяхъ, гдѣ они не служатъ никакой службы ни Польскому, ни латинскому дѣлу. Такъ были случаи печальныхъ столкновеній Русскихъ чиновниковъ съ Бѣлорусскими православными священниками (о чемъ мы имѣемъ множество корреспонденцій) по тому поводу, что первые обвиняли послѣднихъ въ измѣнѣ православію, находя несходство въ нѣкоторыхъ об-

рядахъ съ Великорусскимъ обычаемъ. Но не говоря уже о томъ, что нельзя же требовать немедленнаго уничтоженія всѣхъ слѣдовъ прежней церковной жизни, — несходство съ Великой Россіей существуетъ и до сихъ поръ въ Малороссіи и въ Кіевѣ; вполнѣ Великорусскаго типа въ богослуженіи не найдутъ эти чиновники ни въ Греціи, ни въ Славянскихъ православныхъ земляхъ.

Этихъ примѣровъ достаточно, чтобъ пояснить нашу мысль. Мы хотимъ сказать, что если подъ обрусѣніемъ Сѣверо-Западнаго края разумѣть совершенное *уподобленіе* его Великорусскому типу, то такое требованіе только усложнитъ, умудритъ и затруднитъ задачу, подвергнетъ ревнителей обрусѣнія неминуемому разочарованію, а чрезъ это и охлажденію къ краю, возбудитъ раздраженіе въ мѣстныхъ жителяхъ и поссоритъ ихъ съ «пріѣзжими», — что отчасти уже и было. Мы, впрочемъ, съ своей стороны нисколько не дорожимъ сбереженіемъ этихъ мѣстныхъ особенностей и нисколько не осуждаемъ тѣхъ пріѣзжихъ Русскихъ, которымъ всѣ эти особенности несочувственны. Мало того, пусть они сохраняютъ и выражаютъ, со всей искренностью, свое внутреннее убѣжденіе въ превосходствѣ Великорусскаго обычая и закала. Пусть уподобленіе совершится, если возможно, но само собою, вполнѣ свободно, вольнымъ мирнымъ вліяніемъ Великорусской народной стихіи, — какъ мы видимъ это и въ Малорусскихъ губерніяхъ, уступающихъ каждый день все болѣе и болѣе неумышленной пропагандѣ Владимірскихъ офеней и Московскихъ купцовъ. Но мы рѣшительно возстаемъ противъ попытокъ такого обрусѣнія, когда онѣ затѣваются лицами начальствующими, когда такое уподобленіе, напримѣръ, Виленской губерніи губерніи Тамбовской вводится съ принужденіемъ, съ насиліемъ, подъ угрозой наказанія, преслѣдованія или обвиненія въ измѣнѣ.

Очистивши задачу обрусѣнія отъ подобныхъ требованій, мы уже нѣсколько упрощаемъ задачу. Оказывается необходимымъ, при обрусѣніи, принимать въ соображеніе этнографическія, историческія и иныя условія края, — его особенности, его потребности, созданныя мѣстною жизнью. Не слѣдуетъ забывать, что недаромъ же употребляется слово «край», ибо, какъ мы уже сказали, эти шесть губерній, несмотря на преобладаніе въ нихъ коренного Русскаго народонаселенія, представляютъ край отличный отъ прочихъ Великорусскихъ губерній, и сами, напротивъ, носятъ на себѣ одну печать общей исторіи, отдѣльной отъ нашей, — одинъ общій типъ, съ нашимъ несходный. То, что имѣетъ имъ дать «обрусѣніе» съ нашей стороны, никакъ не должно быть ниже того, что онѣ имѣютъ, къ чему привыкли и что стало для нихъ потребностью. Онѣ не должны *терять* отъ тѣснѣйшаго сліянія съ нами ни въ какомъ отношеніи. Пояснимъ это сравненіемъ. Положимъ, что иная страна пользуется свободой печати и самоуправленія. Если бы, по пріобрѣтеніи нами этой страны, обрусѣніе заключалось въ распространеніи на нее благодѣянія *всѣхъ* нашихъ порядковъ, т. е. лишенія этой свободы, — то врядъ ли желаемое обрусѣніе принесло бы здоровые плоды, врядъ ли бы вызвало творчество мѣстной силы, содѣйствующей обрусѣнію. Это сравненіе не имѣетъ, конечно, никакого отношенія къ Сѣверо-Западному краю, но и въ этомъ краѣ есть тѣмъ не менѣе такія условія жизни, которыми нельзя пренебречь безъ ущерба для самой задачи обрусѣнія, и которыми пришлось бы однако пренебречь —

если желать поставить край на одну доску, напримѣръ, съ Тамбовской или Пензенскою губерніей.

Такъ, напримѣръ, нельзя отрицать, что даже во времена уніи, при Русскомъ владычествѣ (особенно въ началѣ), уніатское духовенство, несмотря на всѣ гоненія отъ католиковъ, пользовалось во многихъ отношеніяхъ большею свободой, чѣмъ нынѣ, представляло больше жизни, владѣло большими нравственными средствами для борьбы съ латинствомъ, занимало даже высшее общественное положеніе, измѣрявшееся не столько внѣшнею обстановкой, сколько политическимъ значеніемъ. Духовенство Сѣверо-Западнаго края и теперь, сколько намъ извѣстно, благодаря именно этой политической борьбѣ, стоитъ на высшемъ уровнѣ развитія, чѣмъ наше сельское духовенство. Между тѣмъ по присоединеніи къ православію оно должно было воспринять въ свою жизнь не только весь внѣшній и бытовой, но даже и внутренній складъ Великорусскаго духовенства, съ такою же безграничною зависимостью отъ епархіальной власти, съ такимъ же стѣсненіемъ въ дѣлѣ проповѣди,—со всѣми мертвящими порядками и послѣдствіями нашей церковной администраціи... Если мы жалуемся на мертвенность въ нашей церковной жизни, объясняя ее именно вторженіемъ въ эту жизнь начала казенности, то тѣмъ достойнѣе сожалѣнія эта мертвенность въ той странѣ, гдѣ духовенство составляло и составляетъ до сихъ поръ *единственную* мѣстную Русскую интеллигентную силу. Такимъ образомъ—недостаточно только скрутить Польскихъ ксендзовъ и запрещать публичныя католическія процессіи,—нужно призвать къ живой самодѣятельности мѣстную Русскую православную силу; эту же силу нельзя призвать къ самодѣятельности посредствомъ «обрусѣнія» ея на Тамбовскій или Всероссійскій ладъ: такое обрусѣніе было бы умерщвленіемъ мѣстной силы. Обрусѣніе въ настоящемъ случаѣ должно значить не что иное, какъ оживленіе мѣстнаго Русскаго элемента, сообразно съ его свойствами.

Нельзя упускать изъ виду также, что этотъ край имѣлъ свою умственную жизнь, богатую жизнь науки и литературы. Въ немъ былъ знаменитый университетъ, множество ученыхъ обществъ; онъ прославился поэтами, писателями во всѣхъ родахъ словесности; сотни типографій едва успѣвали работать. Правда, вся эта интеллигенція—была Польская,—всѣ эти ученые, писатели, общества, работали для Польской цивилизаціи и для Польской идеи, но тѣмъ не менѣе этой жизни было причастно и православное мѣстное духовенство и все Русское, что сколько-нибудь поднималось надъ уровнемъ простого народа. Мы нисколько не сожалѣемъ, что остановились и заржавѣли колеса всѣхъ типографскихъ машинъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, печатавшихъ Польскія книги; что закрылся и Виленскій университетъ и другія Польскія ученыя общества; что прекратилась вся прежняя довольно обильная дѣятельность Польской интеллигенціи въ краѣ. Но нельзя не догадываться, что вслѣдствіе этой нѣмоты и бездѣйствія край долженъ ощущать очень тягостную пустоту,—и не только одинъ Польскій, но и Русскій его элементъ, остающійся съ неудовлетворенными потребностями интеллектуальной жизни. Если, напримѣръ, Виленскія типографіи ничего не станутъ печатать, кромѣ казенныхъ циркуляровъ да календарей, то такой контрастъ не можетъ не отзываться невыгодно для Русскаго народнаго дѣла. Пензенская губернія,—та, пожалуй, можетъ

обойтись одною казенною губернскою типографіей, печатающей Пензенскія губернскія вѣдомости; обвазованные люди этой губерніи питаются умственною производительностью столицъ; но пріемъ, складъ, вѣковыя привычки и запросы Сѣверо-Западнаго края—иные. Ему нуженъ высшій мѣстный уровень просвѣщенія, -и «обрусѣніе» должно себѣ поставить первою задачей удовлетвореніе именно этой потребности.

Но какъ быть? Образованные классы края,—всѣ тѣ, которые двигали умственную въ немъ жизнь,—принадлежатъ къ Польской народности. Представителями Русской народности являются одни крестьяне-Бѣлоруссы, невѣжественныя массы, менѣе развитыя, чѣмъ въ Великорусскихъ губерніяхъ, да духовенство. Дворяне, помѣщики, вообще классъ богатый и обезпеченный — Поляки, за ничтожными исключеніями, до такой степени ничтожными, что они не измѣняютъ общаго типа этого класса. Продажа въ Русскія руки 200 имѣній на 24 тысячи находящихся въ Польскихъ рукахъ не много подвинула дѣло обрусѣнія въ этомъ отношеніи. Классъ торговый,—тотъ, который вездѣ составляетъ средину между простонародьемъ и высшимъ сословіемъ,—Евреи. Наконецъ къ представителямъ Русской народности можно отнести, пожалуй, чиновниковъ — Русскихъ, наѣзжихъ. Но эта наѣзжая, подвижная, видоизмѣняющаяся среда не пускаетъ корней, не составляетъ общественной туземной Русской силы, а это-то и есть на потребу.

Въ созданіи этой-то силы и должна заключаться вся задача «обрусѣнія». Обрусѣніе не значитъ, поэтому, ни уподобленіе края, по внѣшности, Великорусскому типу, ни наполненіе его чиновниками изъ Великоруссовъ; оно не заключается также въ однѣхъ отрицательныхъ мѣрахъ относительно Польскаго населенія,—а должно состоять, повторяемъ, въ подъемѣ и развитіи мѣстнаго Русскаго народнаго элемента, въ призваніи его къ самобытной жизни въ духовномъ, равно и въ соціальномъ и экономическомъ отношеніяхъ,—въ созданіи изъ него *общественной* туземной силы. Поэтому-то нигдѣ не имѣетъ такой политической важности для Россіи просвѣщеніе, какъ именно въ этомъ краѣ, и нигдѣ округу Министерства просвѣщенія не предстоитъ такой важной дѣятельности, какъ именно этому округу. Нельзя не упомянуть съ признательностью о заслугахъ бывшихъ попечителей округа князя Ширинскаго-Шихматова и И. П. Корнилова: они много сдѣлали для простонароднаго образованія, они не оставили ни одного Поляка преподавателемъ въ своемъ округѣ. Но этого мало. Необходимо доставить краю способы просвѣщенія не только въ томъ объемѣ, какой представляютъ народныя школы, но и въ самомъ высшемъ,—не только для чиновниковъ и Русскихъ и Польскихъ помѣщиковъ, но именно для дѣтей духовнаго Русскаго сословія и для крестьянъ. Желательно было бы, чтобъ именно изъ этихъ двухъ туземныхъ Русскихъ элементовъ выдѣлилась и выработалась не малая часть въ высшій интеллигентный классъ общества.

Проводникомъ такого высшаго образованія въ Сѣверо-Западномъ краѣ для Русской туземной народности могла бы быть только одна православная духовная академія, основанная, напримѣръ, въ Вильнѣ. Университетъ тотчасъ бы наводнился дѣтьми Польскихъ помѣщиковъ и подчинился бы вліянію ихъ тѣсно-сплоченной дружины. Но *православная* духовная академія не можетъ подвергнуться этой опасности. Она бы должна была быть

открыта для православныхъ всѣхъ сословій; она не должна была бы ограничиваться одними спеціальными богословскими курсами; окончившимъ ученіе въ академіи слѣдовало бы предоставить право избирать любой родъ жизни. Такимъ образомъ Сѣверо-Западное духовенство—этотъ единственный носитель въ томъ краѣ народнаго самосознанія—могло бы удовлетворить свои духовныя потребности и вооружиться полною силою знанія: оно же, это сословіе, дало бы и контингентъ мѣстныхъ дѣятелей для службы государственной и общественной. Сюда же могли бы поступать и крестьяне для полученія высшаго образованія—путемъ ли семинаріи или прямо изъ гимназій. Наконецъ для крестьянъ же могъ бы быть устроенъ какой-нибудь технологическій институтъ.

Итакъ, насажденіе способовъ къ высшему Русскому православному просвѣщенію для туземнаго Русскаго населенія, воспитаніе *туземной* общественной умственной силы,—созданіе «интеллигентнаго» класса изъ *мѣстныхъ* Русскихъ элементовъ,—наконецъ предоставленіе Русскому духовенству большей независимости, большей свободы, однимъ словомъ—животорящихъ, а не мертвящихъ условій жизни,—вотъ въ чемъ, по преимуществу, кажется намъ, должна состоять задача обрусѣнія Сѣверо-Западнаго края и къ чему должны быть направлены усилія высшей мѣстной администраціи. Само собою разумѣется, что мы только намекаемъ на мысль, а не развиваемъ ее вполнѣ, и само собою разумѣется, что этимъ нисколько не устраняется необходимость и польза другихъ административныхъ мѣръ,—преимущественно государственнаго, органическаго, а не случайнаго, полицейскаго свойства.

— —

О «порядкѣ», какъ его понимаетъ газета «Вѣсть».

Москва, 14-го апрѣля 1868 г.

Наша статья въ 5 №*), по поводу административной перемѣны въ Сѣверо-Западномъ краѣ, попала, какъ говорится, не въ бровь, а прямо въ глазъ газетѣ «Вѣсть», хотя мы въ нее даже и не мѣтили. Подъ предлогомъ заступничества за новаго начальника края, генерала Потапова, на котораго никто и не нападалъ,—она обрушилась на насъ всѣмъ словаремъ своихъ обвинительныхъ терминовъ. Однимъ словомъ, она и рветъ, и мечетъ. Мы никакъ не воображали, что наша спокойная рѣчь покажется ей «рьянымъ потокомъ краснорѣчія» и наши осторожныя замѣчанія — «размахомъ съ плеча», подъ который, видно, она подвернулась. Но намъ нѣтъ никакого дѣла до ругательныхъ фразъ органа крупныхъ землевладѣльцевъ: вѣроятно, у послѣднихъ этотъ-то тонъ и называется: le vrai bon ton. Статья газеты «Вѣсть» интересна, какъ признакъ времени, какъ симптомъ настоящаго положенія дѣлъ. Мы не можемъ не замѣтить, что газета «Вѣсть» считаетъ себя какъ бы призваннымъ адвокатомъ генерала Потапова и думаетъ защитить его отъ несуществующихъ нападеній — защитою своихъ личныхъ

*) См. выше, подъ заглавіемъ: «По поводу назначенія генерала Потапова въ Вильну».

теорій, дѣйствительно постоянно осмѣиваемыхъ въ нашей газетѣ. Выставляя на видъ такую свою солидарность съ ними, «Вѣсть» тѣмъ самымъ какъ бы скрѣпляетъ своею подписью справедливость нашихъ догадокъ и предположеній.

Мы находимъ однако же не излишнимъ сказать еще нѣсколько словъ по поводу Сѣверо-Западнаго края, не боясь наскучить читателямъ. Если для чего существуютъ газеты, такъ именно для живыхъ, современныхъ вопросовъ, и если о чемъ говорить благовременно, такъ именно о Сѣверо-Западномъ краѣ, въ виду совершающихся въ немъ перемѣнъ и доходящихъ оттуда извѣстій.

«Москва» не можетъ понять — возглашаетъ «Вѣсть» — что̀ такое дѣлается въ Сѣверо-Западномъ краѣ». Этому мы вѣримъ: тамъ водворяется столь ненавистный «Москвѣ» и столь невыгодный для ея друзей — *порядокъ*». Вотъ это-то слово намъ и нужно, а до мнѣній газеты о насъ и какихъ-то нашихъ друзьяхъ намъ дѣла нѣтъ. Nous tenons le mot. Есть слова, играющія великую роль въ нашей государственной жизни, — слова, повидимому, что-то выражающія, но въ сущности лишенныя содержанія; неопредѣленный смыслъ чего-то хорошаго, въ этихъ словахъ предполагаемый, улетучивается при малѣйшей попыткѣ анализа. Надо замѣтить, что почти всегда этими словами переводятся французскія слова и понятія, — тамъ, во Франціи, имѣющія смыслъ живой, реальный, а у насъ только призрачный или даже и вовсе никакого. Выставлено, напримѣръ, на знамени Наполеона III: le principe de l'ordre, la cause de l'ordre — въ противоположность революціоннымъ страстямъ и попыткамъ: давай и мы обзаводиться такимъ же знаменемъ и акклиматизировать у себя сіи громкія французскія реченія. Для этого потребовалось прежде всего ввести тѣ иностранныя опасности, противъ которыхъ выставлено это знамя, а за неимѣніемъ дѣйствительныхъ опасностей — призраки опасностей отъ соціализма, коммунизма, демократизма, пауперизма: все это лишено всякого смысла на Русской почвѣ, — но водится у цивилизованныхъ народовъ Европы... Не отставать же и намъ! А обзаведясь призраками опасностей, нельзя же, напримѣръ, не перенять систему предостереженій, — даромъ что она создана императоромъ Французовъ единственно въ интересѣ династическомъ, — тогда какъ для Россіи династическаго *вопроса* даже и не существуетъ; нельзя же было и не выпустить въ Русскій свѣтъ спасительныхъ словъ: «консерватизмъ», «охранительныя начала», «порядокъ»... Но вотъ какая странность выходитъ: если Наполеонъ противополагалъ «порядокъ» Французскимъ революціоннымъ попыткамъ и угрожалъ знаменемъ «порядка» революціонерамъ, — тѣмъ, которые производили и способны производить вновь мятежи, то чему же у насъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ долженъ противополагаться «порядокъ»? Для кого грозой и уздой долженъ быть сей «порядокъ»? По здравому смыслу, для той именно партіи, которая возбудила мятежъ, для того Польскаго населенія, которое враждовало съ Русскимъ владычествомъ и питало или продолжаетъ питать сочувствіе къ Польской политической идеѣ?... Казалось бы такъ, но таково непонятное извращеніе мыслей въ Россіи, что у насъ «порядкомъ» грозятъ не врагамъ Русскаго государства, не виновникамъ, прямымъ или косвеннымъ, бывшаго мятежа, — а Русскимъ и только Русскимъ, содѣйствовавшимъ правительству къ усмиренію воз-

станія, къ водворенію въ народѣ вѣры въ Русскую власть, къ утвержденію въ немъ сознанія своей Русской народности!!! Виноваты, выходитъ, не Поляки, а Русскіе! Край еще весь запечатлѣнъ свѣжими слѣдами Польскаго гнета; за Польскимъ населеніемъ этого края еще остается преобладаніе, соціальное и экономическое, основанное на общественномъ его положеніи, на его значеніи, какъ высшаго образованнаго класса, на землевладѣніи — ибо въ его рукахъ почти вся поземельная собственность; Русское крестьянство (которое, кромѣ духовенства, есть единственный представитель Русской въ краѣ стихіи) еще остается на дѣлѣ, въ жизни, въ полной хозяйственной зависимости отъ Польскихъ пановъ, — и вдругъ въ этомъ краѣ не оказывается никакой болѣе важной заботы, какъ поддерживать эту зависимость Русскихъ крестьянъ отъ Польскихъ пановъ — въ интересахъ Европейскаго консервативнаго понятія о поземельной аристократіи, о крупной собственности (la grande propriété!!!), и вдругъ въ этомъ краѣ оказывается благовременнымъ — именемъ «порядка» смирять не Поляковъ, а работниковъ Русскаго дѣла, провинившихся пристрастіемъ къ интересамъ Русской народности!

Мы истинно желаемъ *порядка*, но понимаемъ его иначе, чѣмъ «Вѣсть». По мнѣнію этой газеты или Петербургской партіи крупныхъ землевладѣльцевъ, ее издающихъ, *порядокъ* состоитъ въ томъ, чтобы «принципъ крупной собственности поставить выше принципа національности, и интересъ пановъ-землевладѣльцевъ выше интереса мужиковъ-Бѣлоруссовъ» (sic). Другими словами, это значитъ: вновь поставить Русскую народную стихію, представляемую въ краѣ почти одними крестьянами, въ подчиненное отношеніе къ стихіи Польской, представляемой мѣстными землевладѣльцами и крупными собственниками. По нашему же мнѣнію, *порядокъ* тогда только будетъ достигнутъ, когда интересъ Русской національности поставленъ будетъ выше интереса «крупной землевладѣльческой собственности»,— когда будетъ совершенно ослаблена въ краѣ сила Польской стихіи, когда положеніе Русскаго крестьянства будетъ упрочено на твердыхъ основахъ и освобождено отъ экономической и соціальной зависимости отъ Польской національности... *Порядокъ*, по мнѣнію «Вѣсти», долженъ состоять въ томъ, чтобы ни одно Русское служащее въ краѣ лицо не смѣло питать никакихъ національныхъ стремленій, никакихъ народныхъ чувствъ и симпатій, не дерзало и мыслить о службѣ дѣлу Русской народности, а замыкалось лишь въ безстрастномъ исполненіи буквы закона, въ служеніи одной отвлеченной идеѣ легальности, безъ малѣйшаго политическаго оттѣнка, и пр., и пр. По мнѣнію «Вѣсти», въ этомъ краѣ Русскій чиновникъ не долженъ себя чувствовать ни Русскимъ, ни Полякомъ, а только «чиновникомъ», безъ всякой національности.—По нашему же мнѣнію, такой «порядокъ» есть вредная ложь. Какъ будто чиновникъ машина, а не живой человѣкъ, какъ будто администрація, хотя бы и на низшей ступени, есть только мертвый механическій снарядъ, а не живое дѣло, требующее нравственнаго участія со стороны даже мелкаго дѣятеля! За недостаткомъ въ краѣ живыхъ общественныхъ мѣстныхъ Русскихъ силъ, представителемъ и носителемъ не только отвлеченной государственной, но Русской народной исторической идеи являются въ немъ, по необходимости, Русская власть и ея служители. Она не можетъ ограничиваться внѣшнимъ исполненіемъ служебнаго долга;

Русскій чиновникъ подвизается и дѣйствуетъ тамъ не только въ канцеляріи за письменнымъ столомъ, но и внѣ канцеляріи, вездѣ, всюду, на улицѣ, дома, въ гостяхъ; вездѣ онъ служитъ Русскому народному началу; всегда, во всякое время онъ политическій дѣятель на этой аренѣ ежеминутной политической борьбы,—борьбы нерѣдко неосязаемой, нравственной, безпрестанно видоизмѣняющейся. Такъ, напримѣръ, въ виду сплоченнаго противодѣйствія со стороны Польской народности, не должны ли Русскіе чиновники, прежде всего, домогаться согласія между собою и общей солидарности? Не должны ли, напримѣръ, они говорить по-Русски, а не по-Польски, въ клубахъ и театрахъ? Не въ нихъ ли, наконецъ, заключается теперь, кромѣ духовенства, единственная интеллигентная сила Русскаго народнаго элемента въ томъ краѣ? Не въ нихъ ли угнетенный Бѣлорусскій народъ видитъ представителей Русской власти, слѣдовательно и Русской народности, отождествляя эти два понятія?

Мы вовсе не думаемъ предоставлять право всякому чиновнику нарушать установленный законъ по своему усмотрѣнію: это право принадлежитъ высшей власти. Но есть многое, не вмѣщающееся въ рамки закона, которое въ живомъ дѣлѣ зависитъ отъ образа мыслей исполнителей,—и этотъ-то образъ мыслей и долженъ быть *Русскій*.

Мы вовсе не отвергаемъ идеи легальности или юридической справедливости, но она не можетъ не уступать мѣста идеѣ высшей справедливости, когда становится съ нею въ разрѣзъ.

Въ силу «отвлеченной легальности», нѣтъ никакого права лишать Поляковъ званія, напримѣръ, мировыхъ посредниковъ, т. е. такихъ должностей, которыя даютъ имъ власть надъ Русскимъ простонародьемъ, власть вмѣшиваться въ ихъ домашнюю жизнь, чинить между ними судъ и расправу, быть посредниками между ними и помѣщиками-Поляками. Примѣняя отвлеченный принципъ о безнародности служителей закона и власти, «Вѣсть» не имѣетъ никакого основанія не допускать въ эти должности Поляковъ, которые бы, конечно, поспѣшили занять ихъ, —какъ это и было до мятежа. Но этотъ порядокъ привелъ бы къ новому мятежу.

Вообще мы желали бы, чтобы намъ отвѣтили категорически на слѣдующіе вопросы: по мнѣнію «Вѣсти» и хвалимыхъ ею лицъ, теперь въ краѣ—безпорядокъ. Но то, что было до мятежа, въ 1862 году, напримѣръ, былъ — порядокъ или нѣтъ? Законъ вѣдь не былъ нарушаемъ нисколько? Не достигалась цѣль его, но форма исполнялась. Такъ этого ли порядка желаетъ «Вѣсть»? И могъ ли быть нарушенъ этотъ порядокъ иначе, какъ тѣми мѣрами, которыя всѣ ревнители національнаго безразличія считали «иллегальными»?

Однимъ словомъ, «порядокъ» какъ понимаетъ его партія газеты крупныхъ землевладѣльцевъ, въ сущности есть не что иное, какъ возмутительный безпорядокъ, и водвореніе этого порядка должно неминуемо водворить и преобладеніе Польской стихіи, слѣдовательно—новыя бѣдствія для края, новые взрывы.

Мы, впрочемъ, увѣрены, что генералъ Потаповъ, какъ опытный правитель, не можетъ раздѣлять взгляда Петербургской газеты. Его административная прежняя дѣятельность даетъ право полагать, что онъ вѣрнѣе «Вѣсти» оцѣнитъ различіе положенія чиновника въ Сѣверо-Западномъ краѣ

и гдѣ-нибудь въ Калужской губерніи. Онъ не можетъ не понимать, что не то же самое какой-нибудь исправникъ въ Мещовскомъ уѣздѣ, гдѣ никакой политической борьбы не имѣется, гдѣ нѣтъ никакой враждебной и вѣчно враждующей національности, а весь уѣздъ представляетъ однородную національную стихію,—и въ какомъ-нибудь Ошмянскомъ уѣздѣ, гдѣ приходится имѣть дѣло съ иноплеменниками и иновѣрцами, съ представителями и служителями Польской исторической идеи, гдѣ главная забота Русской власти—совершить подъемъ Русской народной туземной стихіи, доселѣ забитой и угнетенной, водворить господство Русской народности... Какихъ людей для этого нужно: Русскихъ или *не* Русскихъ? Если Русскихъ, такъ вѣдь не только по происхожденію, какъ это предписываетъ законъ, а по образу мыслей, чувствамъ, направленію. Мало того: служба въ Сѣверо-Западномъ краѣ такъ тяжела, что для этого подвига требуются люди, *одушевленные* любовью къ Русской народности, сознающіе историческую важность своего призванія. Это ясно какъ день.

Впрочемъ, такое искаженіе понятій могло придти въ голову только партіи крупныхъ землевладѣльцевъ, издающихъ газету «Вѣсть»,—той партіи, которая такъ боится, такъ старается всегда опорочить Русскаго крестьянина. Отъ нея другого и ожидать нельзя. Но нельзя, упомянувъ уже объ извращеніи мыслей, проявляющемся въ понятіи о «порядкѣ», не сказать нѣсколько словъ и о той филантропіи, которая также играетъ не малую роль въ вопросѣ о Сѣверо-Западномъ краѣ. Не только дамы, но и мужчины стали съ нѣкотораго времени вновь изнывать состраданіемъ и сердоболіемъ къ Польскимъ землевладѣльцамъ этого Русскаго края, разореннымъ, жестоко наказаннымъ, если не проученнымъ, всѣми послѣдствіями мятежа. Они достойны сожалѣнія—спора нѣтъ, и мы не поставимъ въ вину кому бы то ни было состраданіе. Но почему же ни эти дамы, ни эти мужчины не подарили ни разу даже вздоха соболѣзнованія или просто сочувствія—Русскому бѣдному въ томъ краѣ народу, этому несчастному *хлопу*, страдавшему столько вѣковъ и еще такъ недавно—отъ угнетенія тѣхъ самыхъ пановъ, которыхъ несчастія извлекаютъ у нашихъ филантроповъ слезы? пановъ, которые потому только и бѣдствуютъ, что хотѣли бы заставить страдать этихъ *хлоповъ* снова? Отчего это однихъ жаль, а другихъ не жаль? Оттого ли, что одни — дворяне, а другіе — мужики, тѣ иностранцы, а эти Русскіе—значитъ человѣческимъ чиномъ пониже?...

Можно ли управленіе Западнаго края приравнивать къ управленію внутреннихъ губерній Россіи?

Москва, 6-го августа 1868 г.

Мало достовѣрныхъ извѣстій доходитъ къ намъ изъ тѣхъ шести Русскихъ губерній, которымъ присвоено наименованіе Сѣверо-Западнаго края. Вмѣсто положительныхъ свѣдѣній бродятъ неопредѣленные слухи, странные, другъ другу противорѣчащіе, которые тѣмъ болѣе способны плодить недоразумѣніе, чѣмъ менѣе, благодаря системѣ, принятой высшею админи-

страціи края, возможна имъ какая-либо повѣрка. Мы не имѣемъ ни права, ни основанія, при отсутствіи точныхъ данныхъ, произносить какое-либо сужденіе о направленіи или свойствахъ новаго главнаго управленія,— но одно изъ свойствъ уже не можетъ подлежать сомнѣнію и гласно заявлено: это нелюбовь къ гласности. Хотя знаменитый циркуляръ Виленскаго губернатора, угрожающій строжайшими взысканіями, даже безъ соблюденія требуемой закономъ постепенности (sic), всѣмъ корреспондентамъ изъ числа состоящихъ на службѣ въ губерніи (а кто же изъ пребывающихъ тамъ образованныхъ Русскихъ не состоитъ на какой-либо службѣ?)—хотя этотъ циркуляръ, говоримъ мы, относится, повидимому, только до одной изъ шести губерній,—мы можемъ однако съ достовѣрностью предположить, что онъ изданъ и обнародованъ съ вѣдома и разрѣшенія главнаго начальника края, слѣдовательно одобренъ имъ, и во всякомъ случаѣ не противорѣчитъ общему направленію высшей мѣстной администраціи.—Опала, которую г. Шестаковъ сулитъ корреспондентамъ, распространяется, очевидно, хотя съ меньшею откровенностью, и на прочія пять губерній. Даже частныя письма оттуда, получаемыя нашею редакціей, усвоили себѣ ту же систему скромности, какая господствуетъ въ оффиціальномъ мірѣ Сѣверо-Западнаго края,—и это тѣмъ болѣе странно, что вѣдь тайна частной корреспонденціи соблюдается у насъ, какъ извѣстно, свято?...

Какъ бы то ни было, но, благодаря этой системѣ скромности, мы лишены всякой возможности опровергать слухи о какихъ-то перемѣнахъ въ направленіи внутренней административной политики края, ознаменовавшихъ будто бы назначеніе новаго главнаго начальника. Увольненіе отъ службы нѣкоторыхъ лицъ, извѣстныхъ своею преданностью интересамъ Русской народности и Русскаго сельскаго населенія въ краѣ, еще не представляется намъ само по себѣ достаточнымъ оправданіемъ распространившихся неблагопріятныхъ толковъ; оно могло зависѣть и отъ чисто личныхъ отношеній, не имѣющихъ ничего общаго съ программою управленія. Повода къ этимъ слухамъ мы должны, кажется, искать преимущественно въ тѣхъ громкихъ привѣтахъ сочувствія, которыми встрѣтили новую администрацію нѣкоторыя наши газеты. Такъ, напримѣръ, если газета «Вѣсть», во всеуслышаніе исповѣдующая, что національный вопросъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ долженъ уступать вопросу сословному, и что интересъ мужиковъ-Бѣлоруссовъ долженъ быть поставленъ ниже интереса помѣщиковъ-Поляковъ,—если эта газета, которая съ такою яростью и такимъ постоянствомъ нападала на администрацію предшествовавшую за покровительство интересамъ Бѣлорусскаго крестьянскаго населенія,—вдругъ съ такими радостными ликованіями огласила назначеніе новаго начальника края,—то логичечскій выводъ возможенъ здѣсь только одинъ: очевидно, газета «Вѣсть» считаетъ себя въ правѣ надѣяться, что новая администрація поставитъ, согласно съ желаніемъ «Вѣсти», интересы мѣстной шляхты Польскаго происхожденія выше интересовъ мужиковъ-Бѣлоруссовъ. Къ подобному же выводу приводятъ насъ привѣты новой администраціи со стороны газеты «Новое Время», издаваемой подъ редакціей г. Киркора. Мы нисколько не ставимъ въ вину г. Киркору его сочувствія съ тѣми порядками прежняго времени, при которыхъ возможно было процвѣтаніе въ Сѣверо-Западномъ краѣ Польскаго языка, Польской литературы: извѣстно, что до самаго 1862 г.

г. Киркоръ считался однимъ изъ Виленскихъ корифеевъ этой литературы. Мы не въ правѣ предполагать, что почтенный издатель Польскихъ «Kuryera Wileńskiego» и «Teki Wileńskiej» измѣнилъ тому направленію, которому онъ такъ долго служилъ въ своихъ изданіяхъ, и мы бы искренно желали, чтобы внѣшнія оффиціальныя условія нашей печати не мѣшали ни г. Киркору быть вполнѣ откровеннымъ, ни намъ вести съ нимъ бесѣду совершенно чистосердечную. Во всякомъ случаѣ г. Киркоръ не можетъ обидѣться, если мы скажемъ, что признаемъ его представителемъ въ Русской журналистикѣ интересовъ Польской національности въ Западномъ краѣ. Если ему угодно, мы назовемъ его, пожалуй, представителемъ той теоріи, которая силится убѣдить Русское правительство и Русское общество въ возможности совмѣстить интересы Польской національности въ Западно-Русской окраинѣ съ интересами если не Русской народности и мѣстнаго Русскаго «люда» (о чемъ эта теорія мало думаетъ), то Россійской государственной власти... Понятно, поэтому, какое значеніе можетъ имѣть въ глазахъ Русскаго общества сочувствіе газеты «Новое Время» съ новою Виленскою администраціей. На тотъ же путь сочувствія выдвигаются отчасти, въ послѣднее время, и «С.-Петербургскія Вѣдомости», несмотря на ихъ рѣзкое отличіе отъ газеты «Вѣсть» во взглядѣ на крестьянское дѣло. «С.-Петербургскія Вѣдомости» посвятили недавно Западному краю цѣлый рядъ критическихъ статей, съ громко выраженнымъ притязаніемъ на безпристрастіе своей критики.

Само собою разумѣется, что сочувствіе всѣхъ этихъ газетъ не выражаетъ еще такъ-называемой солидарности ихъ направленія съ направленіемъ новой администраціи нашихъ Сѣверо-Западныхъ губерній. Но, при недостаткѣ данныхъ о дѣйствіяхъ новаго главнаго управленія, мы считаемъ не лишеннымъ занимательности разъясненіе тѣхъ взглядовъ на положеніе дѣлъ въ краѣ, въ которыхъ эти газеты сходятся и которые излагаются въ нихъ, нерѣдко рядомъ съ сочувственными, болѣе или менѣе, отзывами о новой Виленской администраціи. Направленіе «Вѣсти» и «Новаго Времени» намъ довольно извѣстно: поэтому мы остановимъ вниманіе нашихъ читателей на «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Статьи этой газеты мы охотно назовемъ даже замѣчательными по мѣткости многихъ сужденій, по раскрытію новыхъ сторонъ въ положеніи края, ихъ автору коротко знакомымъ; по той искренности, не лишенной своего рода теплоты, съ которою онѣ написаны,—но также и по путаницѣ многихъ понятій, по невѣрности выводовъ, по смѣшенію, конечно неумышленному, правды и лжи. Въ статьяхъ этихъ нашло себѣ полное выраженіе то Русское слабодушіе, несомнѣнно изъ добраго источника происходящее, къ которому вообще такъ склоненъ нашъ народный характеръ, которое въ высшихъ сферахъ прикрывается нерѣдко симпатичнымъ названіемъ «безпристрастія», «гуманности», «справедливости»,—которымъ такъ искусно умѣетъ пользоваться, и особенно въ Петербургѣ, Польская негуманность, несправедливость и страстность, и которое доставило не одну побѣду надъ нами іезуитамъ, Полякамъ, Нѣмцамъ и всѣмъ нашимъ врагамъ и недругамъ.

Возмущенный (и совершенно справедливо) разными случаями наглаго злоупотребленія власти, принарядившагося костюмомъ патріотизма, разными грубыми и нелѣпыми пріемами такъ-называемаго обрусѣнія со стороны нѣкоторыхъ наѣзжихъ чиновниковъ,—Петербургскій публицистъ, по

Русскому же обыкновенію, спѣшитъ обобщить частные факты въ цѣлую систему, составляетъ цѣлый обвинительный актъ, приходитъ въ уныніе, почти въ отчаяніе, и выводитъ горькое заключеніе о несостоятельности Русской администраціи за послѣдніе годы. Тѣмъ не менѣе онъ ищетъ выхода изъ этихъ печальныхъ обстоятельствъ края, такъ раздражившихъ его впечатлительные нервы, и попадаетъ наконецъ на формулу, которой самъ очевидно обрадовался и въ которой опредѣлилась практическая сторона его критическихъ отрицаній и положительныхъ требованій. Этой формулѣ обрадовались и другія газеты; ее привѣтствуетъ и серьезный «Вѣстникъ Европы», въ своей іюльской книжкѣ, какъ бы нѣкое важное и знаменитое открытіе, и чего добраго — этой формулѣ пожалуй посчастливится, и она станетъ общимъ mot d'ordre и партіи «Вѣсти», и партіи «Новаго Времени», и болѣе или менѣе сочувствующихъ имъ общественныхъ и административныхъ Виленскихъ и Петербургскихъ сферъ.

Вся настоящая неурядица Западнаго края, вся неудача правительственныхъ мѣръ въ пользу Русскаго дѣла, вся эта бѣда, по словамъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», происходитъ отъ мнѣнія, будто Западный край находится въ какомъ-то «исключительномъ положеніи». Эта мысль ложная, говоритъ Петербургскій публицистъ, на которой однакожъ основана до сихъ поръ система управленія краемъ. Съ чего взяли, спрашиваетъ онъ, что эти губерніи въ какомъ-то исключительномъ положеніи въ сравненіи съ внутренними губерніями Россіи? Никакой исключительности не имѣется, и никакой разницы въ системѣ управленія съ внутренними губерніями быть не должно. Необходимо, и какъ можно скорѣе, — таковъ окончательный выводъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», — ввести въ Западный край земскія учрежденія и новый судъ. Затѣмъ газета издѣвается надъ нашею и всѣхъ своихъ противниковъ непослѣдовательностью, подозрительностью, надъ тѣмъ, что мы либеральничаемъ только у себя дома и отказываемъ цѣлому краю въ благодѣяніи реформъ, которыми сами воспользовались, — глумится надъ нашимъ будто бы «невѣріемъ въ Русскія силы» и въ «воспитательное значеніе» земскихъ и новыхъ судебныхъ учрежденій.

Дѣйствительно, можно провиниться невѣріемъ въ Русскія силы, когда читаешь такія наивныя строки въ Русской газетѣ, въ одномъ изъ органовъ Русскаго общественнаго мнѣнія, — и въ какое время? Когда не прошло и пяти лѣтъ по усмиреніи Польскаго мятежа, когда еще далеко-далеко не упрочено положеніе Бѣлорусскаго крестьянства въ краѣ, благодаря кознямъ Польской помѣщичьей шляхты; когда еще непрестанно производится Польская агитація на нашей границѣ. Коротка же у насъ память и плохо понимаютъ насъ уроки исторіи! Но здѣсь оказывается короткою не только память ума, но память Русскаго чувства, уже успѣвшаго и позабыть позоръ, безправность и страданія родного намъ Русскаго населенія подъ четвернымъ гнетомъ Поляковъ — политическимъ, соціальнымъ, экономическимъ и духовнымъ. Трудно даже понять, какъ могъ рѣшиться публицистъ «Петербургскихъ Вѣдомостей», послѣ многихъ дѣльныхъ замѣтокъ о краѣ, утверждать, въ глаза Русскому обществу, что условія управленія внутреннихъ и Сѣверо-Западныхъ губерній тождественны. Такъ, по мнѣнію его, что̀ Калужская губернія, что̀ Виленская — все равно? Онъ и не со-

образилъ, выражая свое требованіе, что населеніе, напримѣръ, Калужской губерніи представляетъ сплошную однородную массу, единство народности, вѣры и политическаго исповѣданія, какъ внутри губерніи, такъ и со всею остальною Русью, тогда какъ въ каждой изъ губерніи нашей Западной окраины являются предъ нами три народности, враждебныя другъ другу, съ различными религіозными и политическими исповѣданіями и идеалами, т. е. Русская, Польская и Еврейская. Этого мало. Въ силу историческихъ событій, о которыхъ говорить здѣсь не мѣсто и которыя не могутъ не быть знакомы и г. публицисту, изъ этихъ трехъ народностей Русская народность—народность громаднаго большинства населенія всего края—поставлена на низшей ступени соціальной лѣстницы, въ условія самыя невыгодныя для развитія и подчинена игу остальныхъ двухъ народностей. Сила поземельной собственности и просвѣщенія — въ рукахъ Поляковъ, Польскаго или туземнаго происхожденія, которые нѣсколько вѣковъ сряду стремятся къ уничиженію Русской народности и къ претворенію ея въ Польскую,—которыхъ политическое исповѣданіе не признаетъ Русскихъ правъ на господство,—которые, въ союзѣ съ Римско-католической мѣстною Церковью, если не всѣ, то во множествѣ, не переставали служить извѣстной Польской идеѣ. Сила капитала, торговля и ремесленность — въ рукахъ Евреовъ, представляющихъ громадную замкнутую корпорацію, задавившую Русскій сельскій людъ. Неужели эта картина похожа на картину внутренняго состоянія нашихъ срединныхъ Русскихъ губерній? Неужели задача власти одинакова какъ въ Калугѣ, такъ и въ Вильнѣ? Развѣ есть мѣсто въ Калугѣ національному политическому вопросу? Развѣ приходится въ Калугѣ отстаивать Русскую народность отъ экономическаго и духовнаго порабощенія народностью ей враждебною, и развѣ вражда чуждаго національнаго начала съ мѣстною Русскою народностью въ Западномъ краѣ не есть вражда съ Русскимъ народнымъ и государственнымъ единствомъ? Развѣ эта вражда не есть въ то же время вражда политическая? Развѣ, наконецъ, не благопріятствуютъ этой враждебной намъ силѣ чужой національности—всѣ экономическія, матеріальныя и соціальныя условія края? Въ чемъ же существенная современная задача мѣстнаго управленія? Не въ томъ ли, чтобы Русская народность была наконецъ выведена изъ плѣна и освобождена отъ всѣхъ стѣсненій, мѣшавшихъ ея развитію: чтобы въ виду этой цѣли произведено было соотвѣтственное измѣненіе всѣхъ тѣхъ экономическихъ и соціальныхъ условій, которыя доставляютъ вредное преобладаніе враждебнымъ Русской народности и Русскому государству стихіямъ? Хорошъ бы былъ тотъ правитель, который, повѣривъ публицисту «С.-Петербургск. Вѣдомостей», вообразилъ бы, что политическій вопросъ можетъ и въ самомъ дѣлѣ въ настоящее время быть устраненъ изъ существенныхъ элементовъ правительственной задачи въ краѣ!

Не дѣлать различія между внутренними и Сѣверо-Западными губерніями, не признавать исключительности положенія послѣднихъ — вотъ на чемъ настаиваютъ, даже гнѣвно, «С.-Петербургскія Вѣдомости», въ своихъ руководящихъ статьяхъ. Но газета забываетъ, что до самаго 1863 года этой исключительности вовсе не признавалось, и одна система управленія была и для западныхъ, и для внутреннихъ губерній. Что же изъ этого вышло? Какъ воспользовались этимъ Поляки? Не въ этотъ ли періодъ вре-

мени край, путемъ совершенно *легальнымъ*, ополячился такъ, какъ не ополячился онъ въ теченіе всего существованія Рѣчи Посполитой? Не замѣстились ли всѣ должности Поляками, не водворился ли Польскій языкъ въ гимназіяхъ, не усугубился ли гнетъ Польской шляхты надъ Русскимъ крестьянствомъ? Не были ли наконецъ, въ силу *законныхъ правильныхъ* выборовъ, мѣста мировыхъ посредниковъ заняты исключительно Польскими шляхтичами, и не повели ли эти посредники крестьянское дѣло такимъ образомъ, что Русскія же власти, ревнуя о соблюденіи порядка и законности, возвращали, Русскими штыками, Русскихъ возмутившихся крестьянъ въ полное повиновеніе Польскому мятежному панству? Публицистъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» поступаетъ весьма непослѣдовательно, когда сваливаетъ за всѣ эти прискорбныя явленія вину на оплошность администраціи: она не могла дѣйствовать иначе, при соблюденіи со стороны Поляковъ всѣхъ формальныхъ требованій законности: она сама попалась въ сѣти, которыя разставило ей начало, нынѣ вновь провозглашаемое въ Петербургской газетѣ. Только мятежъ Поляковъ снялъ съ нея эти путы и обнаружилъ ту созданную исторіей исключительность въ положеніи края, которая потребовала и продолжаетъ еще требовать мѣръ исключительныхъ. Чего же хочетъ г. публицистъ? Возвращенія къ старому порядку вещей? Въ «Вѣсти» и въ «Новомъ Времени» уже появляются воздыханія о прежнихъ, до-муравьевскихъ временахъ администраціи....

Предположимъ однако, что для управленія Западнымъ краемъ принята та же система, что̀ и во внутреннихъ губерніяхъ, и укажемъ на нѣкоторыя неизбѣжныя послѣдствія. Въ Россіи нѣтъ, напримѣръ, такого общаго закона, который бы воспрещалъ мѣстному дворянству занять всѣ служебныя должности въ своей губерніи: не было бы поэтому никакого законнаго основанія лишать такого права и Польское дворянство. Это бы непремѣнно и случилось, такъ какъ Польская шляхта есть главный контингентъ Русскаго чиновничества вообще, — и весь край наполнился бы снова Польскими чиновниками. Можетъ ли желать этого, и именно теперь, нашъ публицистъ? Если же онъ согласится на недопущеніе Поляковъ къ служебнымъ должностямъ въ краѣ, такъ развѣ такое недопущеніе не есть «исключительность положенія»? Далѣе. Г. Петербургскій публицистъ требуетъ введенія въ Западный край новаго суда. Мы готовы сочувствовать съ этимъ требованіемъ, но не можемъ не видѣть тѣхъ затрудненій, для преодолѣнія которыхъ пришлось бы дѣлать разныя важныя отступленія отъ судебнаго устава. Основаніемъ новому суду, напримѣръ, служитъ институтъ мировыхъ судей, избираемыхъ хотя и земствомъ, но при такихъ условіяхъ ценза и пр., что мировыми судьями могутъ быть избраны только мѣстные дворяне — стало-быть Поляки. Согласится ли г. публицистъ ввѣрить споры, тяжбы и участь Русскихъ крестьянъ «суду по совѣсти» пановъ-Поляковъ? Можно ли на этотъ вопросъ отвѣтить иначе, какъ отрицательно? Если же мировыхъ судей станутъ назначать отъ короны или подчинять ихъ какому-нибудь особенному надзору, то это будетъ уже искаженіемъ коренныхъ началъ судебной реформы и самымъ вопіющимъ свидѣтельствомъ объ исключительности края. Не то же ли самое преобладаніе Польскому дворянскому элементу въ краѣ должны будутъ дать и земскія учрежденія, введенія которыхъ такъ усиленно требуютъ теперь и

«Вѣсть», и «С.-Петерб. Вѣд.»? Смѣшно было бы вообразить, что забитые, невѣжественные, не имѣющіе у себя ни Великорусской общины, ни привычекъ самоуправленія нашихъ Великорусскихъ крестьянъ, мужики-Бѣлоруссы въ состояніи будутъ уже *теперь* составить надлежащій противовѣсъ Польской стихіи въ земскихъ собраніяхъ. Ужъ не назначить ли и гласныхъ отъ короны?

Пусть же г. Петербургскій публицистъ обвиняетъ насъ въ недостаткѣ либерализма, гуманности и т. п. Мы не обольщаемся формами и словами, которыя, въ практическомъ примѣненіи къ нашей Западной окраинѣ, означаютъ, въ данную минуту и въ конечномъ результатѣ, не что иное, какъ преобладаніе Польской національности — съ одной стороны, какъ неволю, рабство Русскаго сельскаго населенія—съ другой. Мы не горимъ, какъ Петербургскій публицистъ, нетерпѣніемъ—ввѣрить судьбу Бѣлорусскаго бѣднаго люда во власть мѣстной Польской стихіи. Мы не ласкаемъ себя надеждою, что въ пять лѣтъ послѣ мятежа успѣло совершиться нравственное перерожденіе Польскаго шляхетства, не имѣемъ для этого данныхъ, —напротивъ думаемъ, что продолжающіяся интриги Польскихъ помѣщиковъ противъ Русскихъ мировыхъ посредниковъ, ихъ враждебное отношеніе къ настоящему исходу крестьянскаго дѣла, ихъ старанія отдалить и измѣнить этотъ исходъ (см. «Вѣсть», «Вѣсть» и «Вѣсть» и «Новое Время») —служатъ плохимъ ручательствомъ въ готовности этихъ помѣщиковъ служить интересамъ Русской народности. Мы согласны съ публицистомъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», что выходъ изъ этой исключительности положенія края въ значительной степени затрудненъ слабымъ развитіемъ Русской общественной силы у насъ внутри, близорукостью и малоспособностью нашей администраціи, ненормальностью ея отношенія къ духу жизни, и пр. Но это уже другой вопросъ, о которомъ мы также поговоримъ въ свое время и который нисколько не упраздняетъ вопроса объ исторической исключительности положенія края, обусловливающей до сихъ поръ и печальную необходимость исключительной системы управленія. Не слѣдуетъ также забывать, что исключительность положенія нашихъ Западныхъ губерній поддерживается преимущественно самимъ мѣстнымъ Польскимъ шляхетствомъ. Къ нему пусть лучше и обратятся съ своими увѣщаніями «С.-Петербургскія Вѣдомости».

Да не удивятся читатели, что мы такъ внимательно занялись совѣтомъ Петербургской газеты, который, по ихъ мнѣнію, можетъ быть этого вниманія и не заслуживаетъ. Какъ ни несообразно предложеніе Петербургскаго публициста, какъ ни мало вѣроятія, чтобъ оно нашло послѣдователей, но горькій опытъ давно научилъ насъ, что изъ всего несбыточнаго способно у насъ въ Россіи сбываться преимущественно то, что положительно противно ея интересамъ. Въ этомъ отношеніи и невѣроятное — вѣроятно, и невозможное — возможно.

О необходимости крестьянскихъ банковъ въ Западномъ краѣ.

Москва, 10-го августа 1868 г.

Едва ли гдѣ-нибудь на обширномъ пространствѣ земли Русской можно найти болѣе бѣдственную жизнь, чѣмъ у крестьянъ Сѣверо-Западныхъ Русскихъ губерній. Изнуренные вѣковымъ игомъ крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ-иновѣрцевъ, подавляемые безплодною борьбою съ негостепріимной природой, они въ самомъ типѣ носятъ печать своей печальной исторіи. Кто только видалъ ихъ, — эти блѣдныя безкровныя лица, этотъ странный альбинизмъ и въ лицѣ, и въ одеждѣ—тотъ не могъ не сказать въ душѣ: «этотъ народъ много выстрадалъ на своемъ вѣку».

Нынѣшній годъ особенно тяжелъ для Сѣверо-Западнаго края. Неурожай, посѣтившій большую часть Россіи, горько отозвался на полуголодномъ и въ обыкновенные годы населеніи. Но едва ли не страшнѣе самого неурожая его послѣдствія. Чтобы спастись отъ страданій голода, чтобы обсѣменить свои поля, чтобы отбыть многочисленныя повинности, крестьянинъ напрягалъ всѣ силы, пускалъ въ ходъ послѣднее имущество. И вотъ теперь, когда опасность голодной смерти миновала, бѣдный труженикъ видитъ себя чуть не голымъ — на дворѣ хоть шаромъ покати и не съ чѣмъ приняться за дѣло, чтобы опять стать на ноги.

Мы нисколько не преувеличиваемъ настоящаго положенія дѣлъ. Вотъ что пишутъ намъ изъ Могилева:

«Движимое имущество поселянъ, какъ-то: свиты, тулупы, холстъ, сукно и проч.,—или продано, или заложено Евреямъ, часть скота также продана. Урожай настоящаго года, если изъ него, согласно распоряженію начальства, будутъ пополнены долги въ сельскіе запасные магазины, будетъ недостаточенъ для продовольствія поселянъ до новаго урожая, такъ какъ урожай озимаго хлѣба въ общей сложности можно считать не выше посредственнаго, а поздніе яровые посѣвы, отъ продолжительной засухи и недоброкачественности посѣвнаго зерна, въ большей части слѣдуетъ считать погибшими. Слѣдовательно при такомъ положеніи на возможность выкупа закладовъ отъ Евреевъ разсчитывать нечего, и все это крестьянское имущество, или по крайней мѣрѣ большая его часть, останется въ Еврейскихъ рукахъ. Съ другой стороны, поселянамъ угрожаетъ еще новое горе: Сибирская язва на рогатомъ скотѣ, лошадяхъ и прочемъ домашнемъ скотѣ свирѣпствуетъ въ сосѣднихъ уѣздахъ и начинаетъ уже появляться въ Могилевскомъ»...

Эти простыя, но краснорѣчивыя своею горькой истиной строки могутъ быть приложены и къ другимъ мѣстностямъ Сѣверо-Западнаго края. Мало того, тою же формулой мы можемъ выразить положеніе крестьянъ во всѣхъ частяхъ Россіи, которыхъ только коснулся неурожай. Вездѣ имущество распродано за безцѣнокъ, или заложено за громадные проценты. Теперь наступила пора жатвы для ростовщиковъ. Обязавшись въ тяжелую минуту уплатить вдвое противъ занятыхъ суммъ, наше крестьянство создало себѣ кабалу, которая тѣмъ безвыходнѣе, что грозитъ новый неурожай.

Гдѣ искать спасенія отъ этого зла, которое лишь ярче выражается въ

Сѣверо-Западномъ краѣ, а въ сущности тяготѣетъ едва ли не надъ половиною нашего отечества? Не поможетъ народу администрація, какъ ни многосистемна она, особенно въ Сѣверо-Западномъ краѣ; трудно разсчитывать на скудные гроши частной благотворительности. Выходитъ, что никто не въ силахъ избавить отъ нужды многомилліонный народъ, кромѣ его самого. Но нужно облегчить его отъ тѣхъ искусственныхъ препятствій, которыя создаются общественнымъ неустройствомъ; нужно развязать руки для борьбы съ нуждой.

Въ числѣ этихъ искусственныхъ, устранимыхъ препятствій едва ли не на первомъ мѣстѣ стоитъ отсутствіе кредита у крестьянъ. Мы давно уже и много разъ говорили о необходимости крестьянскихъ банковъ, но никогда и нигдѣ вопросъ о нихъ не вставалъ съ такою роковою неизбѣжностью рѣшенія, какъ въ настоящую минуту въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни мало вообще мы избалованы кредитомъ, но для другихъ сословій были по крайней мѣрѣ попытки организовать его на прочныхъ основаніяхъ. На ссуды дворянству государство истратило не одну сотню милліоновъ, и не его вина, что отсюда не вышло никакой пользы. Для торговаго и промышленнаго класса существуетъ Государственный банкъ съ его конторами и болѣе сотни общественныхъ банковъ. Лишь земледѣльческое населеніе, которое кормитъ цѣлую страну, которымъ живутъ и помѣщикъ, и купецъ,—лишь оно обречено на жертву міроѣдовъ и ростовщиковъ. А между тѣмъ едва ли кому такъ нуженъ дешевый кредитъ, какъ мелкому земледѣльцу. Промышленникъ и торговецъ, благодаря счастливой спекуляціи, въ одинъ мѣсяцъ могутъ вернуть съ избыткомъ то, что переплатятъ кредиторамъ за цѣлый годъ. Не то у земледѣльца: его барыши разъ навсегда опредѣлены размѣромъ и плодородіемъ участка, и если неблагопріятный урожай заставитъ его сдѣлать авансы за счетъ будущей жатвы, то нужно, чтобы эти авансы не превышали обычнаго размѣра прибыли отъ промысла, иначе онъ безнадежно губитъ свое хозяйство. Занялъ невыгодно крестьянинъ, долженъ онъ отдать большую часть вымолоченнаго хлѣба за долгъ,—и вотъ онъ не обсѣменитъ полей, не докормитъ скота, а это необходимо отзовется и на количествѣ, и на качествѣ будущей жатвы.

Какъ ни очевидна необходимость дешеваго кредита для нашего крестьянства, какъ ни ясно изъ тысячи примѣровъ, что эта нужда не можетъ быть удовлетворена путемъ кредита частнаго, что въ такихъ случаяхъ, когда крестьянину особенно дорога помощь, онъ не разживется деньгами меньше какъ за 50, 100 процентовъ,— однакожъ до сихъ поръ мы почти не видимъ опытовъ организаціи крестьянскаго кредита. Земства, которыхъ настоящій вопросъ ближе всего долженъ былъ бы касаться, до сихъ поръ молчатъ, хотя въ ихъ рукахъ всѣ средства двинуть дѣло впередъ. Попытка Бронницкаго земства, да два-три предпріятія, возникшія по частной иниціативѣ, теряются въ картинѣ всеобщей крестьянской безкредитности.

Но живая потребность минуты дѣлаетъ свое дѣло: движеніе въ пользу крестьянскихъ банковъ исходитъ оттуда, откуда менѣе всего было основаній ждать его. Недавно мы получили отъ совѣта Могилевскаго православнаго братства извѣщеніе, что при немъ, по проекту одного изъ братчиковъ, г. Сукрухо, основывается ссудо-сберегательный банкъ для пособія мѣстнымъ сельскимъ обывателямъ. Основной капиталъ банка составляется

изъ суммъ братства и денегъ, пожертвованныхъ въ пользу голодающихъ той мѣстности. Впослѣдствіи къ нему присоединятся штрафныя деньги, взыскиваемыя съ крестьянъ по рѣшенію мировыхъ посредниковъ. Банкъ принимаетъ вклады, впрочемъ, въ такомъ только случаѣ, если, по числу желающихъ пользоваться ссудами, окажется недостаточнымъ основной капиталъ, и въ такомъ размѣрѣ, чтобы общая сумма вкладовъ не превышала послѣдняго. Выдаются ссуды только сельскимъ обывателямъ христіанамъ Могилевскаго уѣзда, не свыше двадцати пяти рублей на дворъ, срокомъ не болѣе какъ на 12 мѣсяцевъ и не менѣе мѣсяца, за ручательствомъ двухъ хозяевъ односельцевъ и съ утвержденія волостныхъ правленій, за 12% въ годъ. Наблюденіе за своевременнымъ взносомъ и взысканіе взятыхъ въ ссуду денегъ возлагается на обязанности волостныхъ правленій. Братство, въ случаѣ надобности, можетъ пріостановить дѣйствія банка и обратить его капиталы на другое назначеніе. Съ увеличеніемъ средствъ банка, дѣйствія его могутъ распространяться и на другіе уѣзды, преимущественно на тѣ, которые предоставятъ въ распоряженіе банка взыскиваемыя съ нихъ штрафныя деньги, если сумма этихъ денегъ будетъ на первый разъ не менѣе 300 рублей.

Мы уже не разъ говорили о заслугахъ Западно-Русскихъ православныхъ братствъ. Въ бурной исторіи Западнаго края они умѣли являться съ своею дѣятельною помощью именно тогда, когда событія звали на рѣшительною борьбу. Это умѣнье понять духъ времени, овладѣть минутой, которое пробудило въ братствахъ энергическую жизнь въ тяжелыя времена начала уніи, осталось до сихъ поръ почтенною ихъ особенностью. Мѣтко угадавъ самую насущную современную потребность мѣстнаго населенія, одно изъ братствъ, съ маленькими средствами, берется за рѣшеніе такой задачи, которую не сознали земства. Нужно надѣяться, что примѣръ Могилевскаго братства найдетъ подражаніе и въ другихъ Сѣверо-Западныхъ братствахъ.

Но откуда взять братствамъ средства для основанія банковъ? Небольшіе основные капиталы могутъ быть составлены изъ суммъ самихъ братствъ. А затѣмъ остается привлечь народныя сбереженія. Нужно только дать организацію для кредита, и тогда самъ народъ создастъ капиталы для ссудъ. Если присоединить сюда еще штрафныя деньги, то этого уже довольно на первый разъ.

Другой коренной вопросъ въ дѣлѣ крестьянскаго кредита — способъ выдачи ссудъ и обезпеченія исправности платежа. Объ имущественномъ обезпеченіи займовъ нечего и думать, потому что крестьянинъ обыкновенно не имѣетъ земли, состоящей въ личной собственности, а недорогія домашнія и хозяйственныя принадлежности въ такіе годы, какъ настоящій, лежать въ закладѣ. Единственно остающійся способъ обезпеченія — это поручительство. Могилевское братство, какъ мы видѣли, остановилось на этомъ способѣ, прибавивъ еще рекомендацію волостного правленія. Но, спрашивается, легко ли для нуждающагося крестьянина удовлетворить этимъ требованіямъ, въ особенности послѣднему? У государственныхъ крестьянъ давно уже учреждены при волостяхъ сберегательныя кассы, которыя выдаютъ ссуды на весьма выгодныхъ условіяхъ. Однако крестьяне охотнѣе заплатятъ міроѣдамъ чудовищные проценты, нежели обратятся въ волост-

ное правленіе за ссудой. Отчего же это? Оттого, что взятка старшинѣ, да писарю, да угощеніе «міра» стоютъ почти столько же, сколько крестьянинъ беретъ взаймы. Правда, рекомендація банку—не то, что выдача ссуды, но едва ли и въ этомъ случаѣ дѣло обойдется безъ вымогательствъ. Поэтому въ дополненіе къ принятому поручительству достаточныхъ односельчанъ слѣдовало бы присоединить рекомендацію членовъ братства. Если составъ братства недостаточно многочисленъ или неравномѣрно распредѣленъ въ области дѣйствій банка, то не трудно искусственно привлечь къ участію благонадежныхъ лицъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ братство не имѣетъ агентовъ.

Нужно ли установлять maximum ссуды для одного лица и разъ навсегда опредѣлять размѣръ процентовъ? Намъ кажется, что эти правила могутъ быть введены лишь въ первое время и въ виду общей крестьянской нужды. Когда къ банку приливаютъ со всѣхъ сторонъ требованія ссудъ, которыхъ онъ не въ состояніи удовлетворить вполнѣ, онъ, конечно, поступитъ благоразумно, снабдивъ всѣхъ желающихъ хотя небольшими суммами и, чтобы не обманывать ожиданій, опредѣливъ заранѣе величину ссудъ. Но при обыкновенныхъ обстоятельствахъ нѣтъ надобности стѣснять размѣромъ ссуды, если только занимающее лицо представляется надежнымъ. Процентъ какъ на вклады, такъ и на ссуды также не можетъ имѣть постоянной величины, такъ какъ и цѣны на капиталы и степень потребности въ нихъ, въ данной мѣстности, постоянно мѣняются. Въ такіе моменты, какъ настоящій, банку лучше самому заплатить за капиталъ дороже и больше процентовъ взять съ заемщиковъ, нежели вовсе оставить безъ пособія нуждающихся.

Ограничиваясь на первый разъ этими немногими замѣтками, вызванными преимущественно проектомъ Могилевскаго братства, мы предоставляемъ себѣ право въ другой разъ подробнѣе заняться основаніями для устройства крестьянскихъ банковъ.

Можетъ ли сравниться право Пруссіи на Познань съ правомъ Россіи на Западный край?

Москва, 11 августа 1868 г.

Недавно вздумалось кому-то провести параллель между Прусскими способами онѣмеченія Познани и Русскимъ способомъ «обрусѣнія» Западнаго края. По этому поводу возникли въ нашей журналистикѣ довольно оживленные толки и пререканія. Одни пользовались примѣромъ Пруссіи для осужденія,—другіе для оправданія административной строгости въ краѣ; одни ссылались на Прусскую систему, какъ на указаніе—чего *не* надо дѣлать; другіе, напротивъ, чему *надо* послѣдовать и что необходимо позаимствовать. По нашему мнѣнію, ссылаться намъ на Пруссію вообще невыгодно: это значило бы добровольно умалять наше безусловное, на самыхъ абсолютныхъ нравственныхъ основахъ покоящееся право, право Россіи на ея Западно-Русскую окраину. Право Пруссіи на Познань есть право меча.

Наше право есть то право, которое имѣетъ Русь на самое себя, которое имѣетъ каждый народъ въ свое народное единство — политическое и внутреннее. Память объ этомъ единствѣ съ Западною Русью, разорванномъ внѣшними обстоятельствами,— живое сознаніе связи единовѣрія и единоплеменности съ нею — не покидали Русскую землю во всѣ періоды ея исторіи и сказались въ непрерывныхъ притязаніяхъ Московскихъ государей на ихъ «исконную отчину». Пріобрѣтеніе Познани Пруссіею было дѣломъ завоеванія, хотя бы преимущественно дипломатическаго, и свершилось вопреки волѣ туземнаго народонаселенія; пріобрѣтеніе Россіею ея нынѣшнихъ Западно-Русскихъ губерній,— въ какой бы формѣ оно ни совершилось,— было по-истинѣ возсоединеніемъ. Оно было возсоединеніемъ уже потому, что отвѣчало кореннымъ стремленіямъ всего туземнаго, основного, т. е. Русскаго, населенія. Задача Пруссіи состояла въ германизаціи края, т. е. въ поглощеніи его туземной національности совершенно *чуждою ей* стихіей Нѣмецкаго національнаго духа. Задача Россіи, наоборотъ, заключается— въ возвращеніи края его собственной, природной національности,— другими словами: въ освобожденіи Русской, туземной, коренной народности отъ гнета *чуждой ей* Польской національной стихіи: въ этомъ смыслѣ, конечно, а не въ другомъ, и слѣдуетъ понимать извѣстное ходячее выраженіе: «обрусѣніе края». Задача Пруссіи, повидимому, труднѣе, а Россіи— легче. И да, и нѣтъ. Населеніе Познани представляетъ однородную, по племени, языку и вѣрѣ, сплошную массу, которая всецѣло предлежала давленію Прусскаго государственнаго закона и Нѣмецкой культуры; Прусской власти незачѣмъ было вмѣшиваться во внутреннія отношенія разныхъ слоевъ народонаселенія между собою; ей не было надобности возиться ни съ соціальнымъ, ни съ религіознымъ вопросомъ. Господство одного класса надъ другимъ въ Познани не имѣло никакого особеннаго значенія для интересовъ германизаціи. Напротивъ, Западно-Русская окраина представляетъ народонаселеніе разнородное, разъединенное между собою враждою политическою, національною и религіозною. Въ этомъ народонаселеніи громадное большинство коренного туземнаго Русскаго племени было, въ полномъ смыслѣ слова, порабощено Польскому меньшинству. Это меньшинство владѣло чуть не всею землею на правѣ собственности; пользуясь своею силой, оно почти украло у народа его древле-Русскую вѣру, и въ теченіе вѣковъ, умышленно, по разсчету, держало его въ униженіи и невѣжествѣ: и благосостояніе, и просвѣщеніе покупалось Русскимъ народомъ у меньшинства только цѣною измѣны—народности и вѣрѣ. Казалось бы, съ отторженіемъ отъ Рѣчи Посполитой и съ присоединеніемъ края къ Россіи,— т. е. съ замѣною Польскаго государственнаго преобладанія Русскимъ,— такому порабощенію Русскаго племени само-собою полагался конецъ. Но въ томъ то и дѣло, что преобладаніе Польской національности, а слѣдовательно и ея гнетъ надъ Русскою туземной народностью,— помимо политической основы, — успѣли укорениться во множествѣ мѣстныхъ, освященныхъ временемъ и формальною легальностью, условій — соціальныхъ, экономическихъ, религіозныхъ. Дѣлаясь Русскими подданными, Польскіе паны не переставали быть землевладѣльцами-помѣщиками, *господами*, отъ которыхъ по прежнему продолжалъ зависѣть Русскій народъ, т. е. Русскіе крестьяне, а отчасти и Русское сельское духовенство; по прежнему про-

должна имъ принадлежать сила собственности, сила образованности или интеллигенціи, слѣдовательно вся сила общественная въ краѣ. Такимъ образомъ на долю Россіи выпала задача: измѣнить самыя условія экономическія, соціальныя и прочія, которыми поддерживалось порабощеніе Русской народности—Польской. Пришлось по-неволѣ поднять щекотливые и трудные вопросы, —и религіозный, и соціальный,—тѣмъ болѣе трудные для разрѣшенія, что первый вообще не принадлежитъ къ сферѣ государственной и требуетъ участія силъ общественныхъ, которыхъ налицо въ краѣ, т. е. въ Русской средѣ, не было и быть не могло,—а второй, т. е. соціальный, связанъ былъ неразрывно съ соціальнымъ вопросомъ въ самой Россіи. Къ этому послѣднему вопросу нельзя было настоящимъ образомъ и приступить до освобожденія крестьянъ манифестомъ 19 февраля 1861 года, —но одно упраздненіе крѣпостного права еще не упраздняетъ соціальной и экономической зависимости Русской народности отъ Польской.

Такимъ образомъ, какъ видятъ читатели, задача Россіи относительно Западно-Русскаго края была и есть совершенно иного свойства, чѣмъ задача Пруссіи въ Познани,—болѣе сложнаго и даже болѣе труднаго, если взять во вниманіе тѣ средства образованности и общественности, которыми располагала Пруссія, но не располагаетъ до сихъ поръ въ той же мѣрѣ Россія, благодаря разнымъ несчастнымъ историческимъ обстоятельствамъ, задержавшимъ и исказившимъ ея развитіе. Поэтому и нападать на Россію за то, что она возбудила въ Западномъ краѣ вопросы, не тронутые Пруссіею въ Познани, и колоть Россіи глаза «Прусскимъ историческимъ процессомъ», какъ дѣлаетъ «Вѣсть», — по меньшей мѣрѣ недобросовѣстно. Вообще громить недостатокъ образованности и просвѣщенія въ Россіи, издѣваться надъ слабостью нашихъ общественныхъ силъ — очень легко: всѣ стрѣлы остроумія, даже самаго дюжиннаго, попадаютъ тутъ въ цѣль очень вѣрно. Этотъ конекъ такъ объѣзжанъ, что на немъ можно гарцовать и красоваться даже наѣздникамъ «Вѣсти», не рискуя свалиться. Одного только — «слона» — не примѣчаютъ обыкновенно наши Ювеналы по этой части: нельзя же создать вдругъ ни образованія, ни просвѣщенія, ни творчества такъ долго подавленной, органической, Русской жизни; нельзя внезапно, по щучьему велѣнью, возстановить ту духовную цѣльность нашего организма, которая была нарушена Петербургскимъ періодомъ нашей исторіи (предъ нимъ же они преклоняются) и въ которой лежитъ источникъ живой, мощной народно-общественной силы. Для всего этого требуется по крайней мѣрѣ — время; а между тѣмъ событія не ждутъ, Поляки мятежничаютъ, край ополячивается, Русская народность въ краѣ—въ униженіи и подъ гнетомъ; Европа, подстрекаемая Польскою шляхтою, наступаетъ на насъ чуть не крестовымъ походомъ. Что тутъ дѣлать? Приходится, по-неволѣ, орудовать тѣми способами, какіе имѣются въ наличности, какъ бы они ни были далеки отъ теоретическаго идеала; приходится по-неволѣ содѣйствовать духовному возрожденію мѣстной народной стихіи не чрезъ «общество», потому что его, къ прискорбію, нѣтъ, а чрезъ чиновниковъ. Мы не хуже, чѣмъ борзописцы газеты «Вѣсть», знаемъ всю невыгоду этихъ условій для достиженія цѣли, предлежащей Россіи въ Западномъ краѣ. Можно объ этомъ сожалѣть, но глумиться тутъ нечему; въ этомъ самомъ дешевомъ глумленіи «Вѣсти» и ей подобныхъ и заключается наиболѣе

яркое свидѣтельство несостоятельности и неразвитости нашего общества въ смыслѣ національномъ. Слѣдовало бы не глумиться, но подумать о томъ, какъ бы пособить Русскому дѣлу при его не вполнѣ выгодной обстановкѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что и чиновники могутъ, хотя отчасти, восполнить недостатокъ чистой общественной силы — искренностью и живостью *личнаго* народнаго чувства. Вотъ почему такъ и важенъ, именно въ *этомъ* отношеніи, личный составъ администраціи края, начиная съ *Главнаго Управленія;* вотъ почему такъ чудовищно лживо и вредно по своимъ практическимъ послѣдствіямъ мнѣніе «Вѣсти», что чиновники въ Западномъ краѣ должны забыть о своей народности, о всякомъ Русскомъ «патріотизмѣ», о всякомъ національномъ миссіонерствѣ, и ограничиваться однимъ формальнымъ исполненіемъ повелѣній начальства. И какою вопіющею нелѣпостью показалось бы это мнѣніе именно *въ Пруссіи*, которая только истыхъ Нѣмцевъ и сажала чиновниками въ Познань,—въ которой каждый чиновникъ служитъ не только дѣлу правительства, но дѣлу Германской національности! Само собой разумѣется, — да едва ли это нужно и оговаривать: указывая на важное значеніе личнаго Русскаго народнаго чувства въ личномъ административномъ составѣ края, мы этимъ вовсе не упраздняемъ необходимости строгаго выбора чиновниковъ относительно честности и иныхъ нравственныхъ свойствъ, независимо отъ ихъ «Русскихъ чувствъ» и Русскаго происхожденія. Мы нисколько не думаемъ защищать ни взяточниковъ, ни мошенниковъ, ни безтолковыхъ, хотя бы и коренныхъ Русскихъ: пусть ихъ выгоняетъ себѣ невозбранно высшая мѣстная власть. Но если она, подъ воздѣйствіемъ Петербургскихъ газетныхъ кликушъ, станетъ своихъ Русскихъ чиновниковъ подвергать гоненію за такъ-называемый «Русскій патріотизмъ», за преданность дѣлу Русской народности, за живое ощущеніе кровной и духовной связи съ туземнымъ Русскимъ населеніемъ, за пристрастіе къ Русскимъ національнымъ интересамъ; если она будетъ оставлять ихъ въ должностяхъ только подъ условіемъ «забыть прошлое», т. е. подъ условіемъ упразднить въ себѣ, на Императорской Русской службѣ, несовмѣстное будто бы съ нею личное народное Русское чувство,—то это будетъ уже не только не по-Русски, но и не по-Прусски, не только несогласно съ Прусской системой, рекомендуемой «Вѣстью» и «Новымъ Временемъ», но и со здравымъ смысломъ...

Возраженіе Петербургскимъ газетамъ по поводу ихъ воззрѣній на крестьянскій вопросъ въ Западномъ краѣ.

Москва, 18-го августа 1868 г.

Возвратимся къ пререканіямъ о Прусской системѣ въ Познани. Блистательное исполненіе Пруссіею своей государственной задачи въ этой не-Нѣмецкой области подало поводъ, какъ мы уже сказали, къ сравненію ея способа дѣйствій съ Русскимъ способомъ дѣйствій въ Западномъ краѣ. Нѣкоторые публицисты, напр. «Московскихъ Вѣдомостей», указывали на Пруссію, какъ на образецъ строгости и послѣдовательности въ огражденіи

національныхъ интересовъ государства—образецъ, заслуживающій, по ихъ мнѣнію, подражанія и у насъ въ Западной окраинѣ, гдѣ Русскіе народные и государственные интересы такъ долго приносились въ жертву выгодамъ Польской народности. Но есть въ Петербургѣ газета «Новое Время», созданная съ цѣлью выводить Русское общественное мнѣніе изъ плѣна тѣсныхъ и ограниченныхъ національныхъ сочувствій — въ кругъ понятій болѣе широкихъ и возвышенныхъ, болѣе достойныхъ «гуманности нашего вѣка» (какъ любитъ выражаться газета)—и болѣе благопріятныхъ, какъ оказывается на дѣлѣ, интересамъ Польской національности. Газета эта издается бывшимъ редакторомъ *Польскихъ* періодическихъ изданій въ Вильнѣ, г. Киркоромъ, тѣмъ самымъ, который въ 1862 году, въ оффиціальной запискѣ, поданной имъ тогдашнему попечителю Виленскаго учебнаго округа, писалъ слѣдующее: «въ Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской губерніяхъ главное неудобство въ *народномъ* образованіи, доселѣ неустраненное,—это преподаваніе предметовъ на *Русскомъ* языкѣ. Общественный голосъ, мнѣніе *благонамѣренныхъ* педагоговъ — требуетъ, чтобы въ здѣшнихъ учебныхъ заведеніяхъ предметы преподавались на *Польскомъ* языкѣ» (см. буквальную выписку изъ подлинной записки въ 211 №«Голоса»). Г. Киркоръ не отрекся отъ этого требованія и приступивъ къ изданію *Русской* газеты; можно поэтому съ достовѣрностью предположить, что новый, основанный имъ органъ *Русскаго* общественнаго мнѣнія предназначенъ проводить въ Русскую публику ту же общую мысль, какая высказалась и въ упомянутой выше запискѣ. Отъ г. Киркора мы и не въ правѣ ожидать другого и находимъ, что онъ поступаетъ очень послѣдовательно. Но любопытно не это. Любопытно то, что теорія г. Киркора, предлагающаго навязать, принудительною силою власти, *Русскому* народу въ школахъ Западнаго края, вмѣсто Русскаго—*Польскій* языкъ, —эта теорія встрѣтила себѣ сочувствіе и поддержку—въ комъ бы вы думали, читатель?—въ одномъ изъ коренныхъ Русскихъ и даже Саратовскомъ помѣщикѣ... Какъ же это? почему Саратовскому помѣщику (называемъ его Саратовскимъ, основываясь на нѣкоторыхъ №№ газеты «Вѣсть») можетъ лежать на сердцѣ принудить Русскихъ мужиковъ учить по-Польски? Почему? потому что «либералъ», — потому что за «гуманность» стоитъ. Какими фокусъ-покусами выдѣлывается такой силлогизмъ — этого объяснить мы не беремся; мы не помнимъ также, что собственно говорилъ о народныхъ школахъ г. Юматовъ; но солидарность свою со взглядами г. Киркора засвидѣтельствовалъ онъ тѣмъ, что поступилъ къ г. Киркору въ соиздатели и съ тѣхъ поръ храбро, съ открытымъ забраломъ, рыцарствуетъ въ «Новомъ Времени», — въ пользу угнетенныхъ въ Россіи народностей вообще и въ защиту Польскихъ національныхъ и экономическихъ выгодъ въ частности. Не то, чтобъ ему было особенно дорого благосостояніе Польскихъ помѣщиковъ—нѣтъ: ему дороги интересы «человѣчества и цивилизаціи», — онъ предобродушно въ томъ убѣжденъ, искренно самъ въ себя и въ свое призваніе вѣритъ и смѣло ломаетъ копья за «человѣчество и цивилизацію»... въ сущности же за Польскихъ помѣщиковъ!! При этомъ онъ съ истиннымъ благородствомъ всегда подписываетъ свои передовыя статьи, особенно же по Польскому вопросу, который г. Киркоръ, скромно устраняясь, предоставилъ, кажется, въ полное распоряженіе своему пылкому Русскому другу... Пусть не удивятся

наши читатели, что мы останавливаемъ ихъ вниманіе на «Новомъ Времени» и на г. Юматовѣ: по ихъ мнѣнію, вѣроятно, внутреннее достоинство статей этой газеты такъ ничтожно, что странно и придавать имъ какое-либо значеніе. Но не говоря уже о томъ, что газета все же существуетъ, стало-быть поддерживается же какою-нибудь публикою, — именно ничтожеству-то мы и придаемъ здѣсь значеніе. Ничтожество мысли—великая у насъ сила. Особенно же представляется оно силою въ типическомъ соединеніи: съ одной стороны —съ невозмутимой самоувѣренностью, съ привлекательнай внѣшностью какого-то благородства, возвышенной любви къ человѣчеству и даже своего рода «патріотизма», — а съ другой съ полнѣйшимъ невѣжествомъ, съ самымъ легкомысленнымъ отношеніемъ къ Русскимъ интересамъ, съ замѣчательнѣйшею способностью и готовностью вредить, почти безсознательно, Русскому народу и Русской землѣ. Личность г. Юматова, какъ общественнаго «дѣятеля» (она одна только и можетъ подлежать нашему обсужденію), гораздо занимательнѣе, чѣмъ кажется съ перваго раза. Имъ, г. Юматовымъ, объясняется у насъ многое на Руси, особенно въ исторіи первой половины XIX столѣтія. Конечно, для насъ важенъ не собственно г. Юматовъ, а Юматовы вообще, Юматовъ какъ типъ того простодушнаго Русскаго либерализма, который такъ близорукъ, невѣжественъ, тупъ и безсердеченъ во всемъ, что касается Русскаго народа; той пустоты Русской мысли и Русскаго чувства, которая способна такъ легко наполняться чужимъ національнымъ содержаніемъ,—которая, самоуслаждаясь своею превыспренностью, широтою и гуманностью, столько неволи, тѣсноты и униженія внесла въ Русскую народную жизнь! При всемъ томъ люди этого сорта, повторяемъ, люди вовсе не злые и даже, по своему, «благонамѣренные», съ высокими понятіями о вѣрноподданническомъ долгѣ, которыя какъ-то мирятся въ нихъ съ призрѣніемъ къ Русской народности. Въ этомъ-то и состоитъ психологическій интересъ этого Русскаго типа, такъ распространеннаго у насъ, особенно въ Петербургѣ, не только въ общественныхъ, но и служебныхъ сферахъ. Прибавьте къ г. Юматову немножко власти—и предъ вами готовый административный дѣятель—изъ тѣхъ, которые, подвизаясь въ прежнее время, предали Чацкому на ополяченіе Западную Русь,—и изъ тѣхъ, которые съ такою рьяностью ратуютъ и въ наше время, даже въ настоящій часъ и минуту, за оскорбленныя права Польскихъ помѣщиковъ... Вотъ почему мы и занялись такъ г. Юматовымъ: вѣдь не серьезнѣе его, по правдѣ сказать, большая часть нашихъ административныхъ дѣятелей, столько серьезнаго вреда натворившихъ «благонамѣренно» Русской землѣ!

Въ своей статьѣ 142 № «Новаго Времени», г. Юматовъ рѣшился воспользоваться сравненіемъ Россіи съ Пруссіей, какъ оружіемъ, которое онъ можетъ обратить на своихъ противниковъ и поразить ихъ на смерть. Чтобы низвергнуть въ прахъ «Прусскія фантазіи», какъ онъ выражается, «Голоса» и «Московскихъ Вѣдомостей», и доказать, что несправедливыя дѣйствія Русской администраціи въ Западномъ краѣ послѣ мятежа 1863 года не находятъ себѣ оправданія въ Прусской системѣ, онъ такъ же, по-своему, проводитъ параллель между Пруссіей и Россіей. «Пруссія, восклицаетъ онъ, основнымъ догматомъ своей системы германизаціи считала полное юридическое равноправіе своихъ подданныхъ. Въ Познани, отошедшей къ Прус-

сіи, никогда не было *экстраординарнаго разрѣшенія крестьянскаго вопроса, спеціально предназначеннаго для одной Познани!...»* Довольно намъ этихъ фразъ: г. Юматовъ выговорился въ нихъ слишкомъ достаточно. Итакъ, Россія или Русское правительство обвиняется въ томъ, что крестьянскій вопросъ въ Западно-Русской окраинѣ былъ рѣшенъ «экстраординарно», способомъ «спеціальнымъ», — т. е., что произведенъ былъ обязательный выкупъ крестьянскихъ земель, что мировые посредники назначены были отъ правительства, — изъ лицъ Русскаго происхожденія, и что совершонныя прежде, стараніемъ Польскихъ мировыхъ посредниковъ, уставныя грамоты были подвергнуты тщательной переповѣркѣ...

И подобный дерзкій, невѣжественный, безсмысленный упрекъ можетъ раздаться въ Русской печати, когда еще такъ свѣжи должны быть въ памяти Русскаго общества всѣ подробности недавняго Польскаго мятежа и вся связь его съ крестьянскимъ вопросомъ! Правда, такой упрекъ совершенно въ мѣрку мысли и знанія г. Саратовскаго помѣщика, состоящаго при г. Киркорѣ по части защиты Польскихъ интересовъ, — но, увы! типъ этого Саратовскаго помѣщика съ его мѣркой мысли и знанія воспроизводится у насъ не въ одной вольно-дворянской средѣ, а нерѣдко и въ средѣ вліятельной и властительной. Дѣло въ томъ, что подобныя же рѣчи можно теперь услышать пожалуй и въ Вильнѣ, гдѣ значеніе ихъ уже не просто значеніе газетныхъ рѣчей, а можетъ какъ разъ отразиться и на практикѣ... Про Бурбоновъ было сказано, что они ничего не забыли и ничему не выучились. Къ намъ, т. е. ко многимъ Русскимъ изъ образованной среды, общественной и даже административной, это историческое изреченіе можетъ быть примѣнено въ такой передѣлкѣ: «все забыли и ничему не выучились». Дѣйствительно, у насъ блистательно забываютъ, — даже исторію послѣднихъ пяти лѣтъ. Если есть на свѣтѣ дѣло правое, дѣло святое — такъ это именно крестьянское дѣло на Русскомъ Западѣ, какія бы ни были частныя, случайныя злоупотребленія. Если здѣсь есть мѣсто упреку, такъ именно въ томъ, что оно разрѣшено было *не довольно* экстраординарно и спеціально, не точнѣе было соображено съ экстраординарными и спеціальными историческими обстоятельствами, въ которыхъ находился тотъ край. «Экстраординарное разрѣшеніе крестьянскаго вопроса въ Западномъ краѣ»!! Да развѣ мятежъ Польскихъ помѣщиковъ событіе *не* экстраординарное? Развѣ позабылъ уже г. Юматовъ, что освобожденіе крестьянъ было поведено и въ Западныхъ губерніяхъ совершенно тѣмъ же ординарнымъ порядкомъ, какъ и въ остальной Россіи? Развѣ позабылъ онъ, что именно этотъ ординарный порядокъ, который долженъ былъ привести къ надѣленію крестьянъ землею и къ полной независимости Русскихъ крестьянъ отъ Польскихъ помѣщиковъ, — онъ-то и былъ одною изъ главныхъ причинъ Польскаго бунта: Поляки-помѣщики почуяли, что Русская почва уходитъ у нихъ изъ-подъ ногъ!.. Развѣ не помнитъ созидатель «Новаго Времени», какъ мировые посредники изъ Польскаго дворянства, стакнувшись съ Поляками-помѣщиками, надѣлали уставныхъ грамотъ съ фальшивымъ показаніемъ надѣловъ, не существовавшихъ въ дѣйствительности? какъ эти посредники, подъ покровомъ внѣшней легальности, направили разрѣшеніе крестьянскаго вопроса къ обезземеленію Русскихъ крестьянъ и поставили было ихъ въ пущую, еще горшую прежняго зависимость отъ носителей Поль-

ской національной идеи»? Развѣ ему ужъ и изъ памяти вонъ, какъ для водворенія пресловутой легальности, по требованію Польскихъ консерваторовъ, Русскіе консерваторы, помощью Русской военной силы, возвращали Русскихъ крестьянъ въ кабалу къ Польскому мятежному панству? Но г. Юматовъ этимъ не возмущается: это, по его мнѣнію, *ординарно!* Ординарно, видно, и то, что трудовыя деньги Русскихъ крестьянъ, потомъ и кровью добытыя, шли, путемъ также вполнѣ легальнымъ, на пользу бунта, на Польскій ржондъ, на заведеніе жандармовъ-вѣшальщиковъ и кинжальщиковъ, на ковку тѣхъ новыхъ цѣпей, которыми Польская національность собиралась замѣнить проржавѣвшія цѣпи, нѣкогда наложенныя ею на Русскихъ туземцевъ, на Русскую народность края?... Въ Пруссіи не было для Познани экстраординарнаго разрѣшенія крестьянскаго вопроса! Да развѣ въ Познани классъ землевладѣльческій и классъ крестьянскій представляли искони двѣ другъ другу враждебныя народности, изъ которыхъ первая, т. е. народность землевладѣльческаго меньшинства, пользуясь выгодою своего соціальнаго положенія, держала бы въ духовномъ и экономическомъ порабощеніи народность крестьянскаго большинства? Развѣ въ Познани или во внутреннихъ губерніяхъ Россіи вопросъ соціальный усложненъ вопросомъ національнымъ? Развѣ это не спеціальность нашего Западнаго края? Развѣ разрѣшеніе этой спеціальности края на основаніи, принятомъ для остальной Россіи, не должно было привести къ утвержденію въ краѣ соціальныхъ правъ, соціальнаго положенія Польскаго панства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и духовнаго и экономическаго господства Польской національности надъ Русской? Этого развѣ добиваются газета «Новое Время» и г. Юматовъ, во имя либерализма и гуманности? Такъ по мнѣнію г. Юматова слѣдовало бы, — для того чтобъ не выходить за предѣлы «ординарности», оставить посредниками мѣстныхъ дворянъ, т. е. Поляковъ, по той основательной причинѣ, что они были выбраны совершенно законно? Такъ по его мнѣнію слѣдовало бы не прекращать обязательнымъ выкупомъ обязательныхъ отношеній Русскихъ крестьянъ къ Польскому бунтовавшему или солидарному съ бунтомъ дворянству? Такъ перевѣрка фальшиво, безчестно, въ обиду Русскому крестьянству и къ выгодѣ мятежныхъ Польскихъ пановъ составленныхъ уставныхъ грамотъ — дѣло недолжное, нарушающее «ординарность», срамное и позорное для Россіи?.. А изучалъ ли когда-нибудь г. Юматовъ крестьянское дѣло въ Западномъ краѣ въ подробности? А видалъ ли онъ когда-нибудь хоть подлинные планы тѣхъ крестьянскихъ надѣловъ, которые были отведены крестьянамъ Польскими помѣщиками съ помощью мировыхъ посредниковъ изъ мѣстныхъ Польскихъ дворянъ. А читалъ ли г. Юматовъ хоть тѣ документы, выписки изъ которыхъ мы помѣщаемъ ниже и которые, впрочемъ, для человѣка сколько-нибудь знакомого съ дѣломъ, не представляютъ ничего новаго? Вотъ онъ, этотъ невѣжественный, лживый либерализмъ, который требуетъ либеральной политики, либеральныхъ административныхъ пріемовъ въ отношеніи къ Полякамъ, Нѣмцамъ, Евреямъ, — только не въ отношеніи къ Русскому простому народу, къ Русскому мужику! Вотъ она гуманность, которая оскорбляется всякимъ ущербомъ, наносимымъ Русскою администраціей благосостоянію и правамъ Польскихъ помѣщиковъ, которая готова поднять гвалтъ на весь міръ и осыпать ругательствами Русскихъ чиновниковъ за мельчайшее слу-

чайное злоупотребленіе власти надъ Польскимъ мятежнымъ шляхтичемъ, — но въ то же время и не думаетъ возмущаться тѣмъ безчеловѣчіемъ, съ которымъ, нѣсколько вѣковъ сряду систематически обезземеливало, разоряло, растлѣвало, духовно и нравственно, Польское цивилизованное панство - Русскихъ *хлоповъ* съ ихъ хлопскою рѣчью и хлопскою православною вѣрой! Удивительное дѣло: либерализма бездна, гуманности пропасть, — легальность пуще всякой религіи, — цивилизація Европейская, первый сортъ: одного только нѣтъ у нашихъ литературныхъ и административныхъ гг. Юматовыхъ — живого Русскаго народнаго чувства, любви и сострадания къ своему, Русскому народу, уваженія къ правамъ своей собственной, Русской народности... Забылъ создатель «Новаго Времени», проводя параллель между Русскою и Прусскою системою, забылъ онъ указать на одно, на самое существенное преимущество Пруссіи, въ которомъ заключается главное условіе ея успѣшнаго развитія: въ ней немыслимъ г. Юматовъ, — въ ней невозможны ни Юматовы, ни Скарятины, ни «Новое Время», ни «Вѣсть».

По поводу циркуляра главнаго начальника Сѣверо-Западнаго края отъ 13 іюня 1868 г.

Москва, 24-го августа 1868 г.

Обращаемъ особенно вниманіе нашихъ читателей на помѣщаемый ниже циркуляръ главнаго начальника Сѣверо-Западнаго края. Циркуляръ этотъ требуетъ нѣкотораго поясненія:

Указомъ 10 декабря 1865 года, какъ извѣстно, запрещенъ переходъ дворянскихъ имѣній въ Сѣверо-Западныхъ губерніяхъ изъ рукъ въ руки лицамъ Польскаго происхожденія — иначе какъ по наслѣдству. Признакомъ же Польскаго происхожденія туземныхъ дворянъ принято въ указѣ (на точномъ историческомъ и практическомъ основаніи) *Римско-католическое исповѣданіе*. Вѣроятно, вслѣдствіе попытокъ со стороны владѣльцевъ Польскаго происхожденія передать свои имѣнія въ руки крестьянъ Римско-католическаго вѣроисповѣданія (слѣдовательно въ извѣстной степени ополяченныхъ), возбужденъ, еще при бывшемъ генералъ-губернаторѣ, вопросъ о правѣ туземныхъ крестьянъ на пріобрѣтеніе дворянскихъ имѣній.

Этого-то вопроса и касается настоящій циркуляръ Виленскаго генералъ-губернатора. Изъ циркуляра этого мы узнаемъ, что на обсужденіе комитета гг. министровъ было дѣйствительно передано предположеніе — распространить *запрещеніе* пріобрѣтать поземельную собственность (установленное указомъ 10-го декабря для лицъ Польскаго происхожденія) и на крестьянъ Римско-католическаго исповѣданія. Затѣмъ, изъ того же циркуляра мы узнаемъ, что комитетъ гг. министровъ, признавая, что такая мѣра (т. е. запрещеніе) «была бы сопряжена съ расширеніемъ силы указа 10 декабря и ввела бы начало раздѣленія крестьянскаго населенія по вѣроисповѣданіямъ, — наконецъ, крайне стѣснила бы хозяйство мѣстныхъ крестьянъ, тогда какъ *едва ли имѣется въ виду надлежащее число Русскихъ покуп-*

щиковъ изъ крестьянскаго сословія», — предположилъ «изложенное предположеніе отклонить».

Другими словами: «мѣстнымъ крестьянамъ Римско-католическаго исповѣданія пріобрѣтеніе имѣній отъ мѣстныхъ дворянъ-Поляковъ *не* воспрещается»,—значитъ: разрѣшено.

Генералъ-губернаторъ, сообщая о семъ циркулярно начальникамъ губерній, извѣщаетъ ихъ, что «разрѣшать таковой переходъ поземельной собственности онъ предоставляетъ себѣ».

Насъ нисколько не удивляютъ мѣры предосторожности, принятыя главнымъ начальникомъ края. Нужна, въ самомъ дѣлѣ, очень зоркая бдительность со стороны высшей мѣстной администраціи, для того чтобъ именемъ крестьянина-католика не воспользовался бывшій его господинъ, которому не желается отдать свое имѣніе въ руки *москальскія*,—или чтобы въ классъ крупныхъ землевладѣльцевъ не вошли новыя, неблагонадежныя въ политическомъ отношеніи лица. Извѣстно, что въ Сѣверо-Западномъ краѣ къ крестьянскому сословію приписано множество шляхты, даже нѣсколько князей и графовъ Польскихъ, не доказавшихъ не только своего графскаго или княжескаго, но даже и шляхетскаго происхожденія,—по крайней мѣрѣ не утвержденныхъ въ дворянскомъ достоинствѣ департаментомъ герольдіи... Комитетъ гг. министровъ совершенно основательно разсуждаетъ, что «едва ли имѣется въ виду надлежащее число *Русскихъ* покупщиковъ изъ крестьянскаго сословія». ***Надлежащаго*** числа изъ Русскихъ православныхъ крестьянъ, конечно, въ виду не имѣется: откуда же имъ взять денегъ? Но «***надлежащее***» число, по выраженію комитета, ***Польскихъ*** покупщиковъ изъ крестьянскаго сословія, конечно, найдется. Хотя экономическія условія и тѣхъ, и другихъ крестьянъ одинаковы, но *Польскіе покупщики* изъ крестьянъ, которымъ,—какъ бы именно потому, что ихъ найдется ***надлежащее*** число,—разрѣшено пріобрѣтеніе дворянскихъ Польскихъ имѣній, — могутъ, безъ сомнѣнія, смѣло разсчитывать на деньги единовѣрныхъ съ ними дворянъ Польскаго происхожденія...

Спрашивается однако: разрѣшается ли этимъ положеніемъ комитета гг. министровъ, изложеннымъ въ циркулярѣ генерала Потапова, пріобрѣтеніе поземельной собственности или дворянскихъ Польскихъ имѣній въ краѣ—крестьянамъ православнаго исповѣданія, т. е. вполнѣ Русскимъ? Что вопросъ этотъ нисколько не излишенъ, это доказывается тѣмъ, что два заявленія *Русскихъ* покупщиковъ крестьянскаго сословія о намѣреніи ихъ купить землю въ Сѣверо-Западныхъ губерніяхъ въ 1867 и 1868 годахъ— ***были отклонены.***

Одно шло отъ крестьянъ Крымовыхъ, очень недавно Польскою интригой вытѣсненныхъ изъ-подъ Варшавы въ Пруссію, и которые въ концѣ минувшаго года просили, отъ лица двухъ тысячъ своихъ односельцевъ, позволенія пріобрѣсть землю въ Ковенской губерніи, для того чтобы, переселившись на окраину Россіи, образовать плотное Великорусское старообрядческое поселеніе. Имъ было отказано, а самому Крымову, въ 1868 году (по причинамъ, вѣроятно, уважительнымъ, но, къ сожалѣнію, неизвѣстнымъ), велѣно выѣхать обратно въ Пруссію,—что не мало, конечно, повредило его личнымъ выгодамъ, сопряженнымъ въ Ковнѣ съ торговлею его сына.

Другой случай относится къ Дисненскому уѣзду Виленской губерніи.

Тамъ, также въ 1868 году, было продаваемо съ публичныхъ торговъ, по частямъ, одно изъ имѣній, подверженныхъ обязательной продажѣ, Цвѣтинъ. Намъ положительно извѣстно, что покупщикъ седьмой части имѣнія встрѣтилъ затрудненіе въ полученіи данной, и именно потому, что мѣстный мировой посредникъ, г. Васенко, заявилъ о совершенной, до 10 декабря 1867 года, между продавцомъ и сосѣдними крестьянами, Русскими, т. е. православными, по прозванію Брыли, сдѣлкѣ на пріобрѣтеніе ими всѣхъ частей имѣнія. Покупщикъ справился въ губернскомъ присутствіи, и по справкѣ оказалось, что сдѣлка крестьянъ *не могла быть утверждена* на томъ именно основаніи, что данное бывшимъ генералъ-губернаторомъ въ февралѣ 1868 года *разрѣшеніе православнымъ крестьянамъ покупать земли было* въ апрѣлѣ тѣмъ же начальникомъ *отмѣнено для всѣхъ* вообще крестьянъ, впредь до новаго законоположенія...

И вотъ является новое законоположеніе, имѣющее въ виду устранить стѣсненіе для крестьянъ Римскаго исповѣданія. Желательно было бы, чтобы и для крестьянъ Русскаго происхожденія, т. е. православныхъ, была возвѣщена подобная же отмѣна стѣсненія, если не другимъ законоположеніемъ, то хоть циркуляромъ генералъ-губернатора. Это особенно важно при нежеланіи комитета гг. министровъ «вводить начало раздѣленія крестьянскаго населенія по вѣроисповѣданіямъ и крайне стѣснять хозяйство мѣстныхъ крестьянъ»...

О статьѣ И. П. Корнилова объ учебномъ дѣлѣ въ Виленскомъ округѣ.

Москва, 24-го августа 1868 г.

Съ нѣкотораго времени вниманіе Русскаго общества вновь усиленно и тревожно устремляется къ Сѣверо-Западному краю. Перемѣна въ личномъ составѣ мѣстнаго управленія подала поводъ, и кажется не совсѣмъ безъ основанія, ожидать перемѣнъ и въ самомъ направленіи высшей администраціи края. Вновь идутъ толки о такъ-называемой примирительной политикѣ, почти ничѣмъ не рознящіеся отъ подобныхъ же толковъ, предшествовавшихъ 1863 году; мятежъ представляется какою-то случайностью, эпизодомъ, только на время отдѣлившимъ современную эпоху отъ доброй старой административной поры на Западной окраинѣ Россіи... Какъ ни странны такія рѣчи послѣ кроваваго урока, такъ недавно заданнаго намъ исторіей,— но онѣ раздаются... Дѣлать нечего: если Русская администрація намѣревается снова возвратиться къ своей прежней системѣ, то видно необходимо и намъ протвердить вновь, вмѣстѣ съ Русскимъ обществомъ, наши историческіе зады въ Западномъ краѣ.

Въ этомъ отношеніи весьма полезнымъ пособіемъ служитъ помѣщенная въ іюльской книжкѣ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія статья бывшаго попечителя Виленскаго учебнаго округа. Вообще въ настоящую минуту не безъинтересно послушать мнѣнія тѣхъ, кто такъ еще недавно былъ призванъ къ дѣятельности въ томъ краѣ и такъ недавно ее покинулъ; къ числу подобныхъ лицъ принадлежитъ именно И. П. Корни-

ловъ, завѣдывавшій одною изъ самыхъ важныхъ отраслей управленія. Въ Сѣверо-Западномъ краѣ вопросъ учебный есть вопросъ жизненный и, кромѣ общеобразовательнаго, имѣетъ огромное политическое значеніе. Съ разрѣшеніемъ этого вопроса связано во многихъ отношеніяхъ будущее этого края. «Существенная задача Виленскаго учебнаго округа, говоритъ г. Корниловъ въ упомянутой своей статьѣ, состоитъ въ томъ, чтобы съ одушевленіемъ, неустанно противодѣйствовать въ области общественнаго воспитанія и путемъ литературы всему, что враждебно Русскому государству и Русскимъ началамъ; нравственно и умственно поднимать мѣстныхъ Русскихъ людей, этотъ самый благонадежный и вѣрный Русскому правительству элементъ; возбуждать въ иновѣрномъ и инородномъ населеніи Западнаго края сочувствіе къ Русскому народу, уваженіе къ Русскому образованію и сознаніе, что Западный край есть Русскій, и что Польское начало чуждо ему и водворилось въ немъ насильственно».

При такомъ важномъ и серьезномъ призваніи Виленскаго учебнаго округа, которое отрицать едва ли кто рѣшится, понятно—какой живой интересъ представляетъ подробная оцѣнка отношеній округа къ этому своему призванію, — оцѣнка, дѣлаемая лицомъ, которое само нѣсколько лѣтъ кряду стояло во главѣ управленія округомъ и такъ высоко понимаетъ свою задачу. Вотъ почему мы и считаемъ нужнымъ познакомить читателей «Москвы» со статьей г. Корнилова: «Общія замѣчанія о положеніи учебно-воспитательнаго дѣла въ Виленскомъ учебномъ округѣ въ 1867 году». Точка зрѣнія автора, какъ видятъ читатели, поставлена правильно, и это уже одно придаетъ статьѣ особенную занимательность, и даже особенное значеніе, если принять въ разсчетъ оффиціальное положеніе г. Корнилова и помѣщеніе его оффиціальной статьи въ оффиціальномъ, правительственномъ органѣ.

Чтобы дать возможность лучше оцѣнить всю важность и трудность задачъ, лежащихъ на Виленскомъ учебномъ округѣ, г. Корниловъ очерчиваетъ вначалѣ общее положеніе края въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Говоря о нашемъ безсиліи въ краѣ, продолжавшемся до 1863 г., о томъ, что мѣстный Русскій народъ, почти утратившій среди угнетенія самое сознаніе о своей народности, оставлялся умышленно въ глубокомъ мракѣ невѣжества,—авторъ указываетъ на значительное число среднихъ учебныхъ заведеній, существовавшихъ въ краѣ, какъ на могущественнѣйшее орудіе іезуитско-Польской пропаганды. «Полонизмъ есть сила намъ враждебная, говоритъ онъ. Напрасно многіе думаютъ видѣть въ Польскомъ движеніи борьбу за свою цивилизацію и вѣру... Тотъ, кто видѣлъ полонизмъ вблизи, кто познакомился съ его политическою программою, съ его нравственными началами и средствами, какими онъ дѣйствуетъ, кто изучилъ исторію Польши и Западной Россіи, тотъ можетъ вѣрно опредѣлить роль полонизма не только среди Русскаго населенія Западнаго края, но даже въ коренной Польшѣ»; тотъ знаетъ, что полонизмъ не есть народное, а шляхетское движеніе, съ единственною цѣлію—возвратить утраченное политическое преобладаніе. Шляхта и католическое духовенство, продолжаетъ г. Корниловъ, остаются еще вѣрны своимъ историческимъ традиціямъ,—не отказались ни отъ своихъ привычекъ, ни отъ своихъ завѣтныхъ стремленій и чаяній. Признавая полонизмъ за положительное «нравственное зло», наиболѣе

растлѣвающее общество и его лучшія молодыя силы, г. Корниловъ видитъ необходимость бороться съ нимъ неослабно: всякая уступка, говоритъ онъ, всякое снисхожденіе къ Польской идеѣ, давая новую пищу безумнымъ надеждамъ, поддерживаютъ только жизненность зла и отдаляютъ срокъ исцѣленія». Но авторъ очевидно знаетъ не только Польскую, но и *свою* Русскую среду, —среду вліятельную, отъ которой такъ много зависитъ успѣхъ борьбы съ полонизмомъ! Онъ знаетъ, напримѣръ, что въ Петербургскихъ гостиныхъ, съ ловкостью достойною Боско и другихъ знаменитыхъ фокусниковъ, страхъ полонизма подмѣненъ страхомъ соціализма, а на мѣсто мятежнаго пана очутился «консерваторъ», съ которымъ не только бороться не слѣдъ, но котораго нужно-де еще поддерживать, ради прочности консервативныхъ началъ! Какъ ни очевидно-нелѣпо подобное мнѣніе, но оно, по замѣчанію г. Корнилова, распространено въ нѣкоторыхъ сферахъ нашего общества и сверхъ того, что всѣмъ извѣстно, поддерживается нѣкоторыми журналами; поэтому въ одно время съ полонизмомъ приходится бороться и съ Россійскими чудовищными недоразумѣніями. «Помѣщики этого края, старается убѣдить своихъ Русскихъ противниковъ г. Корниловъ, суть дѣйствительно консерваторы,—*консерваторы Польской идеи*, въ смыслѣ возстановленія политической самостоятельности Польши въ прежнихъ ея предѣлахъ». Доказательство этому онъ видитъ въ послѣднемъ возстаніи, которое питалось и поддерживалось даже не мелкою шляхтой, а именно крупными, аристократическими владѣльцами, какъ Чарторыйскіе, Старжинскіе, Замойскіе и другіе. И по настоящее время Польская аристократія не только питаетъ тѣ же стремленія, но составляетъ самую упорную и самую дѣятельную ихъ хранительницу, стараясь, подъ предлогомъ консерватизма, возвратить довѣріе къ себѣ власти и поправить свое положеніе.

Итакъ, необходима борьба и борьба съ Польскимъ историческимъ началомъ,—но какая? Авторъ особенно настаиваетъ на томъ, что «съ успѣхомъ противодѣйствовать полонизму можно только развитіемъ мѣръ не отрицательныхъ, а положительныхъ въ сферѣ умственной и общественной жизни». «Мятежъ усмиренъ, говоритъ онъ, Польская печать въ краѣ молчитъ, но отъ этого полонизмъ не исчезъ и не исчезнетъ», — ибо «борьба здѣсь идетъ не съ матеріальною силой, а съ ложными началами и ученіемъ, и окончательное нравственное возсоединеніе края со всею Россіей предстоитъ совершить не Русскому оружію, но Русской цивилизующей силѣ».

Мы нарочно выписали эти строки, чтобы познакомить читателей ближе съ направленіемъ и взглядомъ той учебной административной власти, которая подвергалась и подвергается ожесточеннымъ нападкамъ со стороны многихъ нашихъ газетъ, состоящихъ почти оффиціозно, по «части либерализма и гуманности», въ борьбѣ съ поляками. Невольно возникаетъ вопросъ: что же такое въ тѣхъ принципахъ, которыми руководился бывшій начальникъ Виленскаго учебнаго округа, найдено было несоотвѣтствующимъ до такой степени, что съ назначеніемъ новаго (нынѣшняго) главнаго начальника Сѣверо-Западнаго края потребовалась перемѣна и въ личномъ составѣ главнаго управленія учебнымъ округомъ?... Вѣдь и «Вѣсть», и «Новое Время», и прочіе публицисты, негодовавшіе на систему г. Корни-

лова,— всѣ вѣдь ратуютъ именно за «*нравственную* борьбу съ Польскою стихіей»,—и кто же призванъ къ этой борьбѣ, какъ не учебныя заведенія края, Русскимъ правительствомъ содержимыя? Такъ-то оно такъ, но... но... есть одна бездѣлица, которая раздѣляетъ спорящихъ: г. Корниловъ полагаетъ, что борьбу съ *Польской* стихіей въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ могутъ и должны вести только Русскіе, а противная сторона думаетъ, что борьбу съ *Польской* стихіей можно и слѣдуетъ поручить *Полякамъ*,— если не всѣмъ, то отчасти. Духовное обрусѣніе края, въ смыслѣ возрожденія въ краѣ Русской народности, доселѣ угнетаемой и поглощаемой Польскою національностью—возложить на Поляковъ: вотъ та мудреная задача—мудренѣе квадратуры круга—которую предлагаютъ намъ нѣкоторые маленькіе государственные мужи и наѣздники Петербургскаго газетнаго либерализма! Но г. Корниловъ даже не выражаетъ и изумленія по поводу такой смѣлой, но либеральной мысли; видно, онъ имѣетъ поводъ считать ее не просто безумнымъ бредомъ, а какою-то давно знакомою ему силою, съ которою приходится считаться, и потому очень добросовѣстно трудится надъ вразумленіемъ своихъ противниковъ:

«Вопросъ о составѣ преподавателей,—говоритъ онъ,—часто ставятъ чисто теоритически»; для этого строго разграничиваютъ образованіе отъ воспитанія и говорятъ, что цѣль учебныхъ заведеній—сообщить учащимся свѣдѣнія по разнымъ предметамъ,— образовать, но не воспитать; воспитаніе же должно быть предоставлено семьѣ и обществу. «Учитель гимназіи, утверждаютъ эти господа, только учитель, образователь, который является и уходитъ въ извѣстные часы; учитель математики, иностранныхъ языковъ, по самому свойству предметовъ, не можетъ-де оказывать вреднаго вліянія на учениковъ. Поэтому можно-де допускать въ учебныя заведенія края, на нѣкоторые предметы, и Поляковъ»! Всѣ эти разсужденія намъ знакомы и не изъ статей г. Корнилова. Особеннымъ остроуміемъ по этой части отличались публицисты «Вѣсти» и «Новаго Времени», издѣвавшіеся надъ Русскимъ «тенденціознымъ преподаваніемъ ариѳметики»,— какъ будто и не догадываясь, что эти насмѣшки только расчищаютъ мѣсто именно для тенденціознаго преподаванія учителей-Поляковъ, хотя бы даже и въ классахъ ариѳметики! На эти ходячіе возгласы г. Корниловъ замѣчаетъ, что каждый преподаватель именно въ Западномъ краѣ есть неизбѣжно въ то же время и воспитатель; «воспитательные элементы наставникъ носитъ не столько въ предметѣ, сколько въ своей личности; и чѣмъ сильнѣе умственное и нравственное развитіе учителя и его характеръ, тѣмъ неотразимѣе его вліяніе на дѣтскія впечатлительныя природы». Въ Западномъ же краѣ, менѣе чѣмъ гдѣ-либо, свидѣтельствуетъ г. Корниловъ, «воспитаніе можетъ быть предоставлено вліянію жизни, окружающей ученика внѣ школы, такъ какъ общественная среда края заключаетъ въ себѣ именно тѣ вредныя вліянія, противъ которыхъ слѣдуетъ бороться». Въ силу этого преподаватель получаетъ здѣсь «огромное воспитательное значеніе. Поляки, именно здѣсь, менѣе всего могутъ быть только отвлеченными преподавателями, чуждыми воспитательнаго вліянія; особенно страстность, фанатизмъ ихъ, при склонности къ политическимъ мечтамъ, тайнымъ заговорамъ и пропагандѣ, дѣлаютъ ихъ еще менѣе способными къ полезной педагогической дѣятельности». Г. Корниловъ справедливо и съ

полнымъ основаніемъ указываетъ на прожитые нами опыты; онъ напоминаетъ, что въ Польскихъ рукахъ наука и даже самая религія часто обращались въ орудіе политическое, что «ксендзы-законоучители, учители математики и естественныхъ наукъ — были нерѣдко подстрекателями учащихся къ безпорядкамъ и вмѣстѣ съ своими питомцами уходили въ шайки». Онъ указываетъ, наконецъ, на сосѣднюю намъ Пруссію, гдѣ обращено особенное вниманіе на національный характеръ учебныхъ заведеній, и гдѣ всѣ безъ исключенія учителя, даже иностранныхъ языковъ, принадлежатъ къ одной Нѣмецкой національности.

Но самымъ краснорѣчивымъ аргументомъ служитъ именно недавнее прошлое нашей педагогики въ краѣ. Извѣстно, что до 1863 года составъ учителей—въ настоящее время исключительно Русскій, т. е. *покуда* Русскій—былъ болѣе чѣмъ на половину Польскій, такъ что къ 1864 году было на 110 Русскихъ учителей въ округѣ—239 Поляковъ, не считая законоучителей-ксендзовъ. При такомъ составѣ преподавателей, педагогическіе совѣты гимназій и другихъ учебныхъ заведеній оказывали такое *содѣйствіе* Русскому правительству, выражали такія мнѣнія, что, читая помѣщенныя въ статьѣ г. Корнилова выписки изъ оффиціальныхъ рапортовъ и отношеній, съ трудомъ вѣришь, что было время, когда такая аномалія казалась нормальною! Напримѣръ: *Слуцкая* гимназія,—гимназія, Русскимъ правительствомъ въ Россіи содержимая,—завѣряла, что неуспѣхъ ученія въ гимназіяхъ происходитъ отъ того, что преподаваніе *ведется на Русскомъ языкѣ*; *Свѣнцянская* гимназія прямо выразила, что при ученіи на Русскомъ языкѣ воспитаніе не можетъ имѣть «нравственно-религіознаго основанія» (хотя бы Римско-католическій законъ и преподавался на Польскомъ языкѣ); *Ковенская* смѣло утверждала, что церковно-Славянскій языкъ внушаетъ «ученикамъ отвращеніе, что имъ смѣло можно пожертвовать, что въ *Западномъ краѣ* онъ *лишній*, не имѣетъ *никакого* примѣненія»!!! Учитель Виленской гимназіи *Здановичъ* заявилъ, что ученіе на Русскомъ языкѣ заражаетъ въ «дѣтскихъ умахъ какую-то туманность, неопредѣленность; замѣтна *безтолковость*, неотчетливость, отсутствіе связи въ идеяхъ, что-то похожее на хаосъ». Г. *Киркоръ* (нынѣ редакторъ газеты «Новое Время», а тогда редакторъ «Виленскаго Вѣстника»), «какъ публицистъ, хорошо знакомый съ мѣстными условіями края, высказывающій *общественное мнѣніе просвѣщеннѣйшихъ жителей*» (т. е. Поляковъ, а нынѣ принявшій на себя роль высказывателя общественнаго мнѣнія Россіи??)—серьезно утверждалъ, что въ Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской губерніяхъ, кромѣ милліона народа, говорящаго по-Жмудски, остальные говорятъ по-*Польски, такъ называемымъ Бѣлорусскимъ нарѣчіемъ*. *Г. Брохоцкій*, бывшій Новогрудскій предводитель дворянства, завѣрялъ, что «даже и Русскій языкъ слѣдуетъ преподавать по-Польски». Кромѣ того, во всѣхъ этихъ мнѣніяхъ высказывалась необходимость учредить для Западныхъ губерній отдѣльный училищный уставъ, по примѣру Дерптскаго учебнаго округа. Въ дополненіе къ этимъ выпискамъ, заставляющимъ стыдиться за Русское министерство народнаго просвѣщенія тѣхъ годовъ, которое преподаваніе въ Русскомъ краѣ на Русскомъ языкѣ могло поставить вопросомъ и въ награду за свое благодушіе получило такія оскорбленія прямо себѣ въ лицо,—считаемъ нелишнимъ передать, со

словъ «Виленскаго Вѣстника» (№ 90), слѣдующій на документахъ основанный разсказъ. Въ 1861 г., въ одной изъ гимназій воспитанники изъ Русскихъ подвергались ежеминутнымъ оскорбленіямъ со стороны учениковъ изъ Поляковъ; въ 5-мъ и 6-мъ классахъ рисовали на классныхъ доскахъ Польскаго одноглаваго орла, держащаго на цѣпи Русскаго двуглаваго орла, или же рисовали Русскаго орла съ пасквильнымъ изображеніемъ на щитѣ, гдѣ изображается св. Георгій; при этомъ дѣлались разныя неприличныя и оскорбительныя надписи. Нѣсколько человѣкъ Русскихъ учениковъ не выносли этихъ оскорбленій: пожаловались директору, просили уволить ихъ изъ гимназіи и, наконецъ, перестали ходить въ классы. Совѣтъ, большинство членовъ котораго по замѣчанію «Виленскаго Вѣстника», состояло изъ Поляковъ, призналъ жалобу Русскихъ неоснавательною и постановилъ: наказать ихъ какъ можно строже, а Польскимъ мальчикамъ сдѣлать наказаніе болѣе легкое. Строгость наказанія заключалась въ исключеніи Русскихъ изъ гимназіи съ дурною аттестаціей, т. е. въ такомъ наказаніи, которое отзывалось на всей будущности ученика. Что же касается Польскихъ учениковъ, то нѣкоторыхъ, очень немногихъ, посадили на нѣсколько дней въ карцеръ, остальнымъ же объявлено прощеніе... Довольно этихъ выписокъ, этихъ фактическихъ свидѣтельствъ нашего униженія и позора, нашей близорукости, нашего умственнаго затменія! Къ этому развѣ хотятъ возвратиться сторонники ***смѣшаннаго*** состава преподавателей?

Конечно нѣтъ, отвѣтятъ намъ «С.-Пет. Вѣдомости», но мы «противъ всякаго ригоризма даже самыхъ лучшихъ принциповъ» (№ 229, авг. 23, передовая статья). Удивительная щепетильность, въ особенности умѣстная при разборѣ статьи г. Корнилова, представившей вышеприведенныя нами документальныя данныя!.. Ригоризмомъ является здѣсь не то естественное, разумное и логическое требованіе, чтобы для борьбы съ Польскою общественною стихіей въ области воспитанія были призываемы не Поляки,—а именно это на отвлеченномъ страхѣ ригоризма основанное настояніе, чтобы въ составъ учителей допускались непремѣнно и Поляки? Мы не можемъ предполагать у публициста «С.-Пет. Вѣдомостей» никакихъ иныхъ побужденій, кромѣ именно этого отвлеченнаго страха, этого суевѣрія либерализма; но самую эту отвлеченность въ дѣлѣ столь близкомъ каждому Русскому человѣку, такъ сильно затрогивающемъ живое Русское чувство, мы и ставимъ въ вину и г. публицисту, и многимъ изъ нашихъ административныхъ дѣятелей... Если даже допустить возможность увлеченія, ошибки,—такъ что бы, казалось, увлечься или промахнуться—въ *Русскую* сторону, на пользу Русскому народу?! Почему именно Русскимъ людямъ, по крайней мѣрѣ Русскимъ по происхожденію, такъ легко и такъ часто приходится наклонять вѣсы въ сторону Польскую или Нѣмецкую, во вредъ и Русской землѣ, и Русскому государству?!..

Возвращаясь къ статьѣ г. Корнилова, скажемъ въ заключеніе, что въ настоящее время весь личный составъ Виленскаго учебнаго округа, кромѣ ксендзовъ-законоучителей и немногихъ лютеранъ, состоитъ изъ православныхъ и природныхъ Русскихъ. Этотъ составъ, по словамъ автора статьи, дѣйствуя уже пятый годъ, пріобрѣлъ значительное вліяніе на учащихся; за минувшее четырехлѣтіе ни въ одной гимназіи (кромѣ Мин-

ской, въ 1866 г.), ни въ одной прогимназіи не произошло никакихъ безпорядковъ политическаго свойства. Число православныхъ учениковъ значительно увеличилось: въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской губерніи, въ 1864 г., число православныхъ учениковъ къ римско-католикамъ относилось какъ 1: 3,8; въ 1868 г. число первыхъ относится ко вторымъ какъ 1: 1,5. Число народныхъ школъ (добрымъ устройствомъ которыхъ, впрочемъ, край обязанъ предмѣстнику г. Корнилова, князю Ширинскому-Шихматову) значительно увеличивается: въ 1865 г. ихъ было во всемъ округѣ 975 съ 34,057 учащимися; къ 1868 г. число школъ увеличилось до 1,749 съ 55,271 учащимися: такимъ образомъ въ три года число школъ почти удвоилось, а общее число учащихся увеличилось на 60%; въ томъ числѣ цифра ученицъ возросла на 130%.

Мы не утверждаемъ, да этого не утверждаетъ и самъ г. Корниловъ, чтобы въ личномъ составѣ преподавателей и въ успѣхахъ учебнаго дѣла не оставалось уже ничего болѣе желать. Изданные учебники и пособія не всѣ способны выдержать строгую критику. Мы увѣрены, что г. Корниловъ сдѣлалъ все, что могъ, при настоящихъ наличныхъ средствахъ, но объ этомъ судить мы не имѣемъ возможности. Несомнѣнно для насъ то,— въ чемъ убѣждаетъ насъ его статья,— что онъ строго понималъ свою задачу и отчетливо сознавалъ важность своего Русскаго призванія въ краѣ. Къ вопросу же объ образованіи въ краѣ мы предоставляемъ себѣ возвратиться впослѣдствіи.

СТАТЬИ ИЗЪ ГАЗЕТЫ „РУСЬ“.

1880—1886 гг.

О состояніи Сѣверо-Западнаго края послѣ управленія г. Потапова.

Москва, 10 января 1881 г.

Много, безъ сомнѣнія, удручающихъ насъ хлопотъ въ нѣдрахъ самой Россіи; много вопросовъ внутренней политики поднято и ждетъ разрѣшенія. Какъ ни важны эти заботы и вопросы, однакоже не до того уже мы дошли, чтобъ было извинительно пренебрегать и другими вопросами, другими заботами, подобающими нашему великому государству, нашему историческому международному призванію. Впрочемъ эта черта свойственна нашему обществу. Мы вдругъ устремимся, упремся всѣ разомъ, страстно, единою мыслью, взоромъ, волею, всѣмъ существомъ своимъ въ одну сторону, въ одинъ пунктъ, въ одну задачу, и потомъ, даже не разрѣшивъ ея до конца, а только преодолѣвъ главныя трудности и предоставивъ дорѣшать другимъ,—вдругъ повернемся къ ней спиною, всѣмъ корпусомъ, и глядь! мы уже забыли, дружно забыли о томъ, что еще такъ недавно составляло самый животрепещущій интересъ въ нашей жизни. Намъ какъ будто не дано того спокойнаго самообладанія, при которомъ люди свободно поворачиваютъ голову направо, налѣво, назадъ и впередъ и, не теряя изъ виду завѣтной цѣли, постоянно обнимаютъ глазами весь кругозоръ, а мыслью—всѣ стороны своего положенія и дѣла. Нѣтъ сомнѣнія также, что русскому человѣку легче однажды перейти Балканы, хотя бы и зимою, въ лютый морозъ, по грудь въ снѣгу, чѣмъ, напримѣръ, подчиниться гигіеническому правилу: совершать ежедневно прогулку по Тверскому бульвару въ теченіе не болѣе получаса времени. Но, признавая за собою такое свойство, мы вѣдь тѣмъ самымъ произносимъ себѣ и осужденіе. "Что вы все хвалитесь: мы умѣемъ-де умирать"—воскликнулъ разъ, съ свойственною ему грубою правдивостью, Погодинъ, обращаясь къ Русскимъ людямъ еще во время войны 1854 г. "Не довольно умѣть умирать,—*умѣйте жить!*" А умѣть жить—это значитъ именно умѣть обладать своею волею, дѣйствовать не только по внезапному наитію чувствъ, порывами, но по ясно сознанной программѣ,—твердо, настойчиво, постепенно двигаясь къ цѣли, наполняя до краевъ весь объемъ доступной въ данную минуту дѣятельности и не растрачивая разомъ запаса силъ.

Такъ, почти уже позабывъ о подъятыхъ трудахъ, о принесенныхъ громадныхъ жертвахъ, о потокахъ пролитой крови для освобожденія и возрожденія къ жизни Славянъ Балканскаго полуострова, мы чуть ли уже не менѣе интересуемся теперь и твореніемъ нашихъ рукъ — Болгаріей, и вообще судьбою этихъ родныхъ намъ племенъ, чѣмъ интересовались ими до начала послѣдней войны. Мы почти не обращаемъ и вниманія на тѣ происки, козни и ковы, которые въ настоящее время строятъ Австрія и Германія поперекъ нашей исторической дороги, — на тѣ подкопы, которые подводятся ими подъ сооруженныя нами и такъ дорого стоившія намъ зданія. Нашимъ сосѣдямъ очень хорошо вѣдомо это наше свойство: устать, соскучиться и махнуть рукой, не додѣлавъ дѣла до конца — да мы и сами, вмѣстѣ съ органами нашей печати, при несомнѣнномъ, къ сожалѣнію, недостаткѣ въ насъ политическаго такта, готовы тотчасъ же прокричать о томъ не только сосѣдямъ, но и на весь свѣтъ. Но тутъ по крайней мѣрѣ есть нѣкоторое оправданіе: мы имѣемъ, дѣйствительно, нужду въ отдыхѣ и мирѣ, мы имѣемъ право, не стыдясь, уклоняться на извѣстный срокъ отъ всякихъ опасныхъ столкновеній. Есть однако другіе первостепенной же важности интересы, пренебреженіе къ которымъ никакимъ подобнымъ соображеніемъ оправдано быть не можетъ.

Мы помѣщаемъ ниже, вслѣдъ за областнымъ обозрѣніемъ, письмо изъ Сѣверо-Западнаго Русскаго края. Это не письмо, а вопль, отъ котораго невольно должна смутиться Русская совѣсть. Въ самомъ дѣлѣ, мы забыли, мы преступно забыли Бѣлоруссію и всю вообще эту нашу окраину, которая такъ приковывала къ себѣ наше вниманіе въ годину послѣдняго Польскаго возстанія, въ эпоху дѣятельности Муравьева и даже Кауфмана. Но еслибы только забыли! Общество вообразило, что все нужное уже сдѣлано; ему наскучило, оно отвернулось, а между тѣмъ возобладавшая во властительныхъ сферахъ реакція противо-Русскаго свойства съумѣла воспользоваться этимъ періодомъ общественнаго забвенія. Продолжительное управленіе генерала Потапова было самаго деморализующаго качества. «Лучшіе Русскіе дѣятели были сдвинуты съ своихъ мѣстъ, хорошіе смѣшаны съ дурными, всѣ равно покрыты позоромъ» — такъ свидѣтельствуетъ человѣкъ, коротко знакомый съ административною дѣятельностью этого несчастнаго правителя, поддавшаго чужеплеменному вліянію, а подъ конецъ и тяжкой болѣзни (отъ которой впослѣдствіи и умеръ). Но отъ этихъ смягчающихъ обстоятельствъ было не легче управляемому имъ краю. Недавно прочли мы въ «Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» разсказъ о томъ, какъ этотъ генералъ громко выражалъ свое презрѣніе къ національнымъ нравственнымъ качествамъ Русскихъ людей и однажды, при многолюдномъ собраніи въ стѣнахъ Святодуховскаго Виленскаго монастыря, открыто пояснилъ, что, «будучи начальникомъ Третьяго Отдѣленія, онъ хорошо изучилъ и Русскую честность, и Русское благородство»! Можно судить поэтому, каковъ долженъ былъ быть на своемъ важномъ административномъ постѣ человѣкъ, изучившій Россію въ школѣ III Отдѣленія!.. Преемникъ его былъ, разумѣется, несравненно выше его по своему нравственному характеру, но его дѣятельность, если мы не ошибаемся, была чисто формальная, пассивная, только скользившая по поверхности вопросовъ, даже ни разу не попытавшаяся проникнуть въ ихъ глубь и найти имъ хотя бы ка-

кое-нибудь разрѣшеніе. При немъ о краѣ было почти и не слышно: казалось, все цвѣло благополучіемъ и миромъ. «Цвѣло плѣсенью», отвѣчають на это нѣкоторые мѣстные жители: «если все казалось гладью, такъ отъ того, что затянуло тиной». Всмотритесь ближе, говорятъ намъ, и вы убѣдитесь, что связь съ центральной Россіей ослабѣла, народныя училища въ упадкѣ, народъ, встрепенувшійся было къ жизни въ 1863—64 годахъ, одушевившійся довѣріемъ къ Русской верховной власти, снова впалъ въ апатію, коснѣетъ въ боязливомъ отъ нея отчужденіи, или же, при бездѣйствіи православнаго духовенства, начинаетъ внимать льстивымъ внушеніямъ ксендзовъ, предполагая въ нихъ настоящую силу... Латинство высится и преуспѣваетъ; Евреи владычествуютъ, держатъ въ кабалѣ забитое нуждою и привычнымъ страхомъ крестьянство, распоряжаются землями, торговлею, промышленностью, ремеслами,—точно господа и хозяева края.

Выборъ графа Тотлебена на мѣсто Виленскаго, Гродненскаго и Ковенскаго генералъ-губернатора свидѣтельствуетъ о томъ важномъ стратегическомъ значеніи, какое придаетъ правительство этой нашей окраинѣ. Въ этомъ отношеніи такому выбору нельзя не радоваться. Дѣйствительно, въ послѣднія десять лѣтъ нашъ Западный пограничный рубежъ усѣялся, по ту сторону, разнообразными военными укрѣпленіями Австрійскими и Германскими, и не столько оборонными, сколько опорными, наступательными пунктами. О неминуемой будто бы въ близкомъ будущемъ войнѣ Германіи и Австріи съ Россіей не перестаютъ трубить иностранныя, преимущественно Австрійскія газеты; безчисленныя брошюры пріучаютъ къ ней общественное мнѣніе Европы и излагаютъ если не подробный, то общій планъ военныхъ дѣйствій. Уже не предполагается повторять ошибки Наполеона и лѣзть безъ надобности въ глубь страны; предпочитаютъ остановиться и удержаться въ Западныхъ Русскихъ окраинахъ. Вѣрно ли существуетъ такой планъ или нѣтъ, мы не знаемъ, но онъ правдоподобенъ. Укрѣпленные пункты съ Австрійской и Прусской стороны выростаютъ одинъ за другимъ на нашихъ глазахъ и подвигаются близко къ нашей границѣ... Но если военно-стратегическія соображенія не перестаютъ, какъ мы это видимъ, озабочивать наше правительство, то о соображеніяхъ гражданско-политическаго свойства повидимому помышляется еще мало. Не въ космополитическомъ же Еврейскомъ населеніи и не въ Польско-шляхетскомъ слоѣ найдемъ мы себѣ вполнѣ надежный оплотъ, а въ массахъ простого народа, почти сплошь Русскаго и въ большинствѣ православнаго. Не пора ли, не необходимо ли оживить ихъ снова сознаніемъ и чувствомъ нераздѣльной кровной связи со всею Русскою народною семьей, съ Русскимъ государствомъ,—возбудить въ нихъ вновь довѣріе и поникшій духъ?.. Къ намъ доходили нерѣдко жалобы на Русскихъ чиновниковъ, служащихъ въ томъ краѣ. Судя по нѣкоторымъ разсказамъ, Россія какъ бы умышленно посылаетъ въ Западныя окраины только свое чиновничье отребье (кромѣ рѣдкихъ исключеній) и на него возлагаетъ миссію *обрусѣнія!* Можетъ быть эти жалобы и преувеличены, но во всякомъ случаѣ едва ли позволительно отговариваться невозможностью найти нѣсколько десятковъ или сотню честныхъ Русскихъ людей, способныхъ послужить Русскому народному дѣлу. Мы знаемъ, что Милютинъ и Черкасскій съумѣли привлечь къ себѣ много добрыхъ молодыхъ силъ въ эпоху своей дѣятельности въ Цар-

ствѣ Польскомъ. Мы убѣждены, что и теперь—появись только государственный умъ, облеченный довѣріемъ и властью, съ живою національною мыслью, и кликни кличъ къ Русскимъ людямъ, онъ не останется одинокъ, онъ соберетъ подъ свое знамя цѣлую дружину ревностныхъ дѣятелей. Такой-то именно умъ нуженъ теперь Сѣверо-Западному краю, болѣе чѣмъ когда-либо нуженъ... Но гдѣ же онъ, гдѣ?..

Темно, непрозрачно въ томъ краю. Бывшіе генералъ-губернаторы, особенно генералъ Потаповъ, отбили охоту у мѣстныхъ жителей или служащихъ посылать въ столицы корреспонденціи. Этого препятствія, вѣроятно, теперь уже существовать не будетъ, и мы надѣемся возстановить наши бывалыя сношенія съ этой забытой Русской окраиной.

Польскій ли городъ Кіевъ.

Москва, 8-го августа 1881 г.

«Польскій ли городъ **Кіевъ** или Русскій? Достояніе ли онъ Польской національности или Русской земли?» вотъ вопросъ, повидимому странный, съ Русской точки зрѣнія даже забавный, во всякомъ случаѣ простой, несложный, который мы уже давно приняли за правило предлагать на первыхъ же порахъ *каждому Поляку*, удостоивающему насъ личнымъ знакомствомъ и политическою бесѣдой. Мы совѣтуемъ всѣмъ нашимъ читателямъ *непремѣнно* употреблять при встрѣчахъ и разговорахъ съ Поляками тотъ же самый элементарный пріемъ: онъ съ перваго же раза устраняетъ двусмысленное празднословіе, упрощаетъ и опредѣляетъ взаимныя отношенія. Въ самомъ дѣлѣ, если вашъ собесѣдникъ Польскаго происхожденія способенъ на поставленный ему вопросъ о Русскомъ значеніи *Кіева* не только отвѣчать отрицательно и признать его достояніемъ Польскимъ, но даже *запнуться, замяться* въ своемъ отвѣтѣ, то всякія дальнѣйшія рѣчи излишни,—толковать болѣе уже не о чемъ. Если же на «матерь Русскихъ городовъ», «колыбель Русскаго государства», «священную купель Русскаго народа» Поляки въ состояніи простирать свои виды, то тутъ мѣсто не разсужденіямъ, а развѣ лишь, въ лучшемъ случаѣ, сожалѣнію, именно о такомъ ненормальномъ состояніи духовныхъ способностей.

А между тѣмъ много ли найдется Поляковъ изъ шляхты и особенно изъ такъ-называемой «интеллигенціи», которые бы не запнулись, не замялись въ отвѣтѣ, которые бы добросовѣстно, прямо, честно отказались отъ Польскихъ притязаній хотя бы только именно на Кіевъ? Мы таковыхъ знаемъ очень мало, да и тѣ позволяли себѣ выражать подобное отреченіе лишь съ глазу на глазъ, въ интимной бесѣдѣ. Во время оно графъ Ст., на вопросъ, нами предложенный, отвѣчалъ не только положительно, въ смыслѣ Русскомъ, но начертилъ намъ даже карту проектированнаго имъ этнографическаго размежеванія: онъ даже великодушно уступалъ Россіи четыре уѣзда въ Гродненской губерніи! Мы тѣмъ не менѣе отнеслись къ нему дружелюбно, какъ къ первому встрѣченному нами Поляку, который не ставилъ Польскаго вопроса на радикальное основаніе: «все или ничего»,

или «отъ моря до моря», и убѣждали его (онъ отправлялся заграницу) опубликовать свои мнѣнія и отъ своего имени особою брошюрой, чтобы такимъ образомъ составить противовѣсъ многообильной и сумасбродной Польской заграничной публицистикѣ. Онъ отказался. Онъ объяснилъ, что Парижская Польская эмиграція, отъ которой болѣе или менѣе всѣ «Польскіе патріоты» зависятъ, такого изданія, такого отреченія даже отъ Кіева никогда не дозволитъ. Точно также не признавали для себя возможнымъ подобнаго гласнаго отреченія и многіе другіе Поляки, обращавшіеся къ намъ уже позднѣе, въ разное время, съ разными планами «примиренія». Не очень давно въ «Голосѣ» печатались «письма Польскаго публициста». Они, конечно, не вполнѣ отвѣчаютъ требованіямъ Русскаго національнаго чувства и какъ-то мало внушаютъ довѣрія, но тѣмъ не менѣе они для Польской интеллигенціи значительный шагъ впередъ. Мы уже готовы были порадоваться даже и такому умѣренному прогрессу Польской мысли,— какъ Польскіе заграничные публицисты поспѣшили сами предохранить насъ отъ увлеченія! Польскія заграничныя газеты (а гдѣ же и искать выраженія настоящей, искренней Польской думы, *какъ не въ органахъ печати вполнѣ свободной?*) съ неистовствомъ, съ яростью набросились на упомянутыя «письма», между прочимъ именно за то, что авторъ при сужденіи объ автономіи Польской національности ограничивался такъ-называемой «Конгрессувкой» или «Царствомъ Польскимъ», устраняя самый вопросъ о какихъ-то Польскихъ правахъ въ Юго-Западномъ и Сѣверо-Западномъ краѣ Россіи. Да и давно ли самъ препрославленный Польскій романистъ Крашевскій,—на юбилей котораго сунулись было спроста нѣкоторые Русскіе, да и поплатились срамомъ,—торжественно заявилъ, что современныя поколѣнія Поляковъ не имѣютъ права отрекаться за будущія поколѣнія отъ притязанія на эти провинціи, т. е. лишать такого «достоянія» своихъ дѣтей и потомковъ? Этимъ *все* сказано,—но этимъ же предопредѣлены и наши отношенія къ Полякамъ, и самое рѣшеніе Польскаго вопроса.

Спрашивается: къ чему же вся эта преждевременная трата либерально-чувствительныхъ словъ и краснорѣчивыхъ завѣреній въ братской любви по отношенію къ «Польшѣ», которыми, особенно съ нѣкотораго времени, преисполнены страницы многихъ нашихъ газетъ и журналовъ. Зачѣмъ представлять эту задачу такою головоломною и истощаться въ придумываніи способовъ къ ея разрѣшенію, когда она вовсе не головоломна и вовсе не сложна, и благополучное ея разрѣшеніе зависитъ прежде всего отъ *самихъ* Поляковъ? Вѣдь, конечно, никто изъ авторовъ всѣхъ вышеупомянутыхъ статей, если только онъ Русскій, не предполагаетъ же поступиться «Польскому народу» *Кіевомъ*, какъ бы далеко ни простирался его космополитизмъ и либерализмъ. Слѣдовательно, всѣ сладкія пѣсни о примиреніи, объ установленіи modus vivendi двухъ народностей и пр., обрываются сразу, на первомъ же пунктѣ, и пока можетъ оставаться хоть тѣнь сомнѣнія относительно этого пункта, не можетъ быть и рѣчи ни о какомъ мирѣ. Мало того: всякая рѣчь о мирѣ со стороны Русскаго является—въ наиблагопріятнѣйшемъ истолкованіи — тупоуміемъ, а не то такъ преступленіемъ и измѣной,—измѣной Русскому народу, котораго даже изъ отдаленнѣйшихъ концовъ Сибири «*языкъ доводитъ до Кіева*» на поклоненіе его исторической

святынѣ, который одинаково готовъ постоять за Кіевъ, какъ и за Москву. Если же «Польскій патріотъ» будетъ отказываться и утверждать, что такихъ дерзкихъ помышленій Поляки вовсе и не питаютъ, то пусть *потрудится заявить о томъ всенародно*. Что они питали эти помышленія очень недавно, всего шестнадцать—семнадцать лѣтъ тому назадъ, это доказывается исторіей послѣдняго Польскаго возстанія: съ тѣхъ поръ Поляки не представили намъ ровно *никакихъ* залоговъ въ своемъ исправленіи и отрезвленіи—даже по отношенію къ Юго-Западному краю. А безъ этихъ залоговъ, хотя бы только въ видѣ единодушнаго открытаго заявленія всѣхъ Польскихъ публицистовъ и выдающихся общественныхъ дѣятелей, мы не имѣемъ ни малѣйшаго повода полагаться на ихъ голословныя и частныя, съ глазу на глазъ увѣренія, особенно когда заграничные Поляки сами какъ будто о томъ лишь и заботятся, чтобъ воздержать наше простодушіе отъ всякаго на этотъ счетъ самообольщенія. Мятежническія дѣйствія Поляковъ въ 1863 году въ предѣлахъ Кіевской, Волынской, Подольской губерній были, какъ извѣстно, подавлены въ нѣсколько дней—никакъ не государственною силою, не распорядительностью начальства, а энергіею самого русскаго мѣстнаго сельскаго населенія. Это свидѣтельство мысли и воли *самого народа*, вмѣстѣ съ упомянутыми выше разоблаченіями Польской истинной думы Польскими же заграничными публицистами, должно бы, кажется, образумить и тѣхъ нашихъ умственныхъ недоносковъ, которые заражены какимъ-то полонофильскимъ украйнофильствомъ и бредятъ какою-то федераціей 15 милліоннаго (!) «Южно-Русскаго народа» съ «братьями-Поляками»! Казалось бы, ясно какъ день, что если подобныя бредни, состоящія въ прямомъ противорѣчіи съ завѣтными чаяніями Поляковъ, Поляками не преслѣдуются, а поощряются, то стало быть онѣ почему-либо на руку Польскому политическому властолюбію. Казалось бы, современный образъ дѣйствій Поляковъ въ Галиціи и страданія трехъ милліоновъ галицкихъ Русскихъ обличаютъ въ истинномъ свѣтѣ существо Польскихъ воззрѣній на автономію Южно-Руссовъ. Но если такія логическія соображенія не подъ силу нашимъ многоумнымъ «федералистамъ», то достаточно, думаемъ, было бы хоть только припомнить программу или планъ, начертанный знаменитымъ Польскимъ бунтаремъ Мѣрославскимъ. Планъ состоитъ въ томъ, чтобы вмѣсто открытыхъ возстаній достигать Польскихъ цѣлей пока лишь расшатываніемъ Русской государственной крѣпости самими же Русскими. Не утаивая своего глубокаго презрѣнія къ Русской интеллигентной средѣ, Мѣрославскій выражаетъ увѣренность, что въ ней всегда съ избыткомъ найдется ограниченныхъ, наивныхъ или пустыхъ головъ, которыя Полякамъ удобно будетъ поддѣть на удочку демагогическихъ или національно-революціонныхъ теорій (напр. хохломанства, сепаратизма, федераціи), натравить ихъ на Русскую правительственную власть, затѣмъ, когда онѣ довольно и съ успѣхомъ въ этомъ направленіи поработаютъ, воспользоваться ослабленіемъ Русскаго государства для осуществленія Польскихъ замысловъ, вышвырнувъ, разумѣется, Русскихъ *глупышей* за бортъ. Такъ какъ этотъ драгоцѣнный документъ, попавшій въ руки правительства, былъ своевременно обнародованъ,—естественно было надѣяться, что Русское общество достаточно предупреждено, и «глупышей» не найдется... Нашлись и пошли на удочку, даже

не остались безъ нѣкоторой поддержки и въ нашей мнимолиберальной печати, конечно не злоумышленности ея, а простоты ради...

Объ этомъ украйнофильствѣ, впрочемъ, мы еще будемъ имѣть случай говорить. Мы нисколько не смѣшиваемъ съ нимъ естественную, законную любовь къ Малороссійской родинѣ, къ прелестнымъ Малороссійскимъ пѣснямъ, нарядамъ и говору. Справедливость понуждаетъ однакоже насъ заявить, что виною недоразумѣнія въ этомъ отношеніи со стороны правительства всего болѣе образъ дѣйствій бывшаго профессора Драгоманова, который, подъ видомъ безхитростнаго ученаго и литератора, состоялъ, какъ обнаружилось потомъ, агентомъ заграничной Польско-украйнофильской политической партіи. Его эмиграція, его дѣятельность какъ эмигранта въ Женевѣ, наконецъ послѣдняя его брошюра на Французскомъ языкѣ, въ которой онъ — «хотя *по принципу* и отвергаетъ политическое убійство, однако-же самый *фактъ* убійства 1 марта вполнѣ одобряетъ и похваляетъ», окончательно свидѣтельствуетъ — какова нравственная подкладка того фальшиво-народнаго, преступнаго направленія, которое называетъ себя «украйнофильскимъ» и только компрометтируетъ невинное и безвредное пристрастіе Малороссовъ къ нѣкоторымъ племеннымъ ихъ отличіямъ.

Итакъ, мы довольно, кажется, упростили «Польскій вопросъ», пріурочивъ его къ *Кіеву* и Юго-Западному краю, отъ притязаній на который Поляки все еще *не отреклись* — не только въ своемъ *сознаніи*, но и *дѣломъ*, ибо продолжаютъ интриговать, въ той или другой формѣ, въ ущербъ Русскимъ государственнымъ и народнымъ въ тѣхъ областяхъ интересамъ. Нельзя же либерально простирать руки, чтобы сжать въ своихъ дружескихъ объятіяхъ человѣка, который, сладко вторя вашимъ либеральнымъ рѣчамъ, въ то же самое время протягиваетъ руку въ вашъ карманъ и тащитъ оттуда бумажникъ. Такого человѣка поневолѣ приходится ударить по пальцамъ, а если онъ не унимается, то впредь до окончательнаго исправленія держать, хотя бы и скрѣпя сердце, наперекоръ нашему добродушію, «подъ интердиктомъ»...

Но дѣло идетъ не объ одномъ Кіевѣ и Юго-Западномъ краѣ. Предположимъ, что съ одной стороны нѣтъ даже никакого повода опасаться (хотя, къ несчастію, при нашей административной неумѣлости и фальшивомъ общественномъ либерализмѣ, именно *Русскимъ народнымъ* интересамъ всегда и всюду можетъ грозить опасность отъ «культурныхъ» иноплеменниковъ), — но есть и другой край, имѣющій не менѣе, если не болѣе, правъ на наше вниманіе и охрану: это — Бѣлоруссія. *Болѣе* правъ имѣетъ она на нашу заботливость, на усиленное попеченіе именно потому, что она долѣе была нами забыта, и Русскій народъ въ ней, отчасти по нашей винѣ, болѣе *забитъ*, слабѣе народа Украйны. Мы полагаемъ, что на *прямо* поставленный вопросъ: слѣдуетъ ли предоставить *Бѣлоруссію* Полякамъ, т. е. допустить въ ней господство Польскаго національнаго элемента, — отвѣтитъ энергическимъ отрицаніемъ даже большая часть Русскихъ публицистовъ, бродящихъ теперь въ печати вокругъ да около «Польскаго вопроса» и почему-то никакъ не попадающихъ въ самую сердцевину. Надо надѣяться, что редакторъ «Русской Мысли», напримѣръ, не согласится выдать Бѣлоруссовъ во власть Полякамъ и признаетъ совершенно излишнимъ *въ наше время*, послѣ возстанія 1863—64 гг., всякій опросъ Рус-

скаго населенія. Кажется, оно высказалось достаточно! Если же такъ, то и программа нашей административной политики опредѣляется сама собою: это — одновременно съ энергическимъ подъемомъ Русскаго мѣстнаго народнаго элемента въ экономическомъ, соціальномъ и политическомъ отношеніяхъ, — энергическое же отрицаніе всякихъ правъ Польской національности въ краѣ, исключая, разумѣется, области вѣроисповѣдной внутри ея предѣловъ, — строго очерченныхъ предѣловъ: при этомъ разумѣется, никакихъ сдѣлокъ, никакихъ компромиссовъ, ни тѣни какихъ-либо уступокъ. Подъ Бѣлоруссіей мы разумѣемъ здѣсь губерніи Могилевскую, Минскую, Витебскую, Виленскую и Гродненскую. Мы виноваты, мы въ долгу предъ этимъ краемъ! Послѣ возвращенія его Россіи при Екатеринѣ, мы сами усиленно содѣйствовали его ополяченію — всею тяжестью правительственной власти, особенно въ царствованіе Александра I, который, какъ извѣстно, хотѣлъ даже слить нераздѣльно всѣ эти губерніи съ созданною имъ Польшею. Забвеніе Русской народности, возведеніе національной безличности въ принципъ, въ обязательную высшую ступень «культурнаго» развитія, благоговѣніе къ европеизму, оцѣнка Русскихъ интересовъ сквозь призму Европейскихъ, фальшиво-либеральныхъ доктринъ и, вслѣдствіе этого, безсознательное служеніе интересамъ чужимъ, въ ущербъ Русскимъ, — вотъ господствующія черты нашей внутренней и внѣшней политики въ эту эпоху, даже наперекоръ величавому вразумленію 1812 года. Для утѣшенія угнетенной *Польской* національности подвергнутъ былъ, въ упомянутомъ нами краѣ, сугубому гнету *Русскій* простой народъ. Русское общество, съ своей стороны, не вдругъ и даже довольно поздно уразумѣло грѣхъ своего невѣжества. Можно сказать, къ стыду нашему, что едва ли не въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, послѣ долгаго перерыва, оно вновь, неожиданно, открыло для себя Бѣлоруссію, словно какую Америку, и Христофоромъ Колумбомъ въ этомъ отношеніи явился для него чуть ли не М. О. Кояловичъ съ своими пламенными статьями въ газетѣ «День». Польское возстаніе довершило наше воспитаніе. Это позднее сознаніе не ослабляетъ, а лишь усиливаетъ долгъ Россіи предъ Бѣлоруссіей.

Впервые ожилъ, вздохнулъ свободно и предался радостнымъ надеждамъ Бѣлорусскій народъ только при Муравьевѣ, котораго, разумѣется, за то и предавали анаѳемѣ, купно съ Поляками, всѣ наши такъ-называемые «западники» и мнимые «либералы», отъ фельетонистовъ до государственныхъ мужей включительно. Послѣ Муравьева и продолжавшаго его дѣло генерала Кауфмана (управленія графа Баранова, по кратковременности, нечего и считать), наставшіе Русскіе правители края руководствовались, кажется, только однимъ принципомъ: дѣйствовать какъ разъ въ противоположномъ Муравьеву направленіи, изгладить въ Польскомъ обществѣ печальную память недавняго прошлаго, поднять его духъ и подавить духъ Русскаго населенія. Десятилѣтняя, энергически послѣдовательная административная дѣятельность именно въ томъ смыслѣ — истинный грѣхъ Русской администраціи предъ Россіей, нисколько не исправленный и генераломъ Альбединскимъ. Мы уже указывали въ «Руси» на современное печальное положеніе дѣлъ въ нашей Сѣверо-Западной окраинѣ, на дѣятельныя интриги Польскаго католическаго духовенства, на подъемъ Польскаго общественнаго духа, на оскорбленія, испытываемыя Русскими, не находя-

щими себѣ подержки въ представителяхъ Русской власти. Мы тогда же выразили мнѣніе, что край этотъ имѣетъ не одно стратегическое значеніе, и что, какъ ни важно въ этомъ послѣднемъ отношеніи пребываніе въ немъ нашего геніальнаго инженера, однако же, кромѣ инженерной геніальности, въ этихъ именно губерніяхъ едва ли не болѣе чѣмъ гдѣ-либо требуется и административный талантъ, дѣйствующій въ рѣзкоопредѣленномъ, національномъ Русскомъ направленіи. Если относительно Юго-Западныхъ губерній Поляки выражаются еще болѣе или менѣе сдержанно, то относительно губерній Виленской и Гродненской, напр., они почти вовсе и не стѣсняются. Наши публицисты, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, поднявшіе въ печати Польскій вопросъ въ смыслѣ болѣе или менѣе благопріятномъ для Поляковъ, и не подозрѣваютъ, какое содроганіе производятъ ихъ статьи въ немногихъ истинно Русскихъ, достойныхъ, еще не выгнанныхъ оттуда Русскими властями дѣятеляхъ и во всѣхъ коренныхъ Бѣлоруссахъ,—какъ, поднимая духъ въ Полякахъ (т. е. вызывая наружу ихъ дерзкую заносчивость), каждая статья повергаетъ въ уныніе и безъ того подавленный духъ Бѣлорусса. Публицисты, затѣвающіе миролюбивыя мелодіи, могутъ быть увѣрены, что каждый ихъ гармоническій аккордъ сказывается на мѣстѣ, въ жизни, горькимъ диссонансомъ для Русскаго крестьянина, для самыхъ дорогихъ священныхъ его интересовъ.

Что же касается Литвы, то помѣщаемое ниже письмо г. Мурашка достаточно поясняетъ, какого направленія *обязана* держаться Россія по отношенію къ Литвѣ, не только для своей государственной пользы, но и для пользы самого Литовскаго племени.

Выводъ изъ всего этого слѣдующій:

Пока Русскіе народные интересы въ Юго-Западной Украйнѣ, въ Бѣлоруссіи или вообще въ Сѣверо-Западномъ краѣ не будутъ признаны первенствующими, главенствующими, исключающими какое бы то ни было соперничество, пока они не будутъ упрочены твердо и незыблемо, пока пребываетъ хоть тѣнь Польскихъ посягательствъ на безусловныя права Русской тамъ національности, пока Поляки не перестанутъ мечтать не только о возстановленіи Польши до раздѣла 1772 г., но даже о водвореніи въ тѣхъ краяхъ своего господства или хоть бы только о поддержаніи еще существующаго, по нашей винѣ, ихъ преобладанія въ какой бы то ни было формѣ,—*до тѣхъ поръ* съ нашей стороны не можетъ быть и рѣчи ни о какихъ не только миролюбивыхъ заискиваніяхъ, но и ни о какихъ уступкахъ, способныхъ лишь усилить Польскую притязательность и ослабить наши способы обороны. Ибо наши отношенія къ Полякамъ опредѣляются именно этою потребностью *самообороны*, и наша политика въ такъ называемой «Конгрессувкѣ» или «Царствѣ Польскомъ», или «Привислинскомъ краѣ», другого значенія, собственно говоря, не имѣетъ. Только тогда, когда Поляки вполнѣ, искренно и безусловно откажутся отъ своихъ замысловъ о возстановленіи Польши со включеніемъ въ ея границы нашей Украйны и Бѣлоруссіи, вообще Сѣверо-Западныхъ губерній безъ исключенія, и согласятся ограничить смыслъ этого термина «Польша» значеніемъ чисто этнографическимъ,—только *тогда*, а не ранѣе, откроется возможность и примиренія, и признанія правъ Польской народности въ ея естественныхъ предѣлахъ. До тѣхъ поръ Поляки, ни по чьей винѣ, какъ только по собствен-

ной, должны, по выраженію Хомякова, приведенному въ «Русской Мысли», оставаться *подъ интердиктомъ*.

Если же кому изъ Русскихъ такой выводъ покажется слишкомъ суровымъ и строгимъ, то пусть же, повторяемъ, онъ попробуетъ заручиться отъ всѣхъ Польскихъ передовыхъ людей и вожаковъ торжественнымъ, всенароднымъ за себя и за потомковъ отреченіемъ отъ Кіева,—хоть отъ одного *Кіева*, отъ этого клича, не разъ слышаннаго нами, за границей, въ ихъ застольныхъ пѣсняхъ: «Spotkamy si w Kijowie!» Кажется, это аргументъ вразумительный: Кіевомъ-то, мы полагаемъ, не поступится ни одинъ Русскій, какою бы либеральною маниловщиною по отношенію къ Полякамъ не былъ онъ одержимъ.

Комментаріи къ настоящему настроенію духа у Поляковъ, обильно представляемые Польскими заграничными газетами, сообщимъ послѣ.

Въ чемъ вина Россіи передъ Польшею?

Москва, 15-го августа 1881 г.

Въ томъ именно и состоитъ неправильность отношеній нашего общества и нашей печати (т. е. большей ея части) къ Польскому дѣлу и къ Полякамъ, что мы, оглушенные свистомъ и гамомъ Польскихъ и иностранныхъ злословій, чуть ли и въ самомъ дѣлѣ не усомнились въ своемъ правѣ и въ своей правотѣ, и словно виноватые томимся жаждою оправданія. Мы, какъ извѣстно, до сихъ поръ пуще всего боимся «смѣть свои сужденія имѣть» даже о себѣ самихъ и своихъ поступкахъ, — мы повѣряемъ свои дѣйствія не иначе, какъ чужимъ критеріемъ, мѣримъ свои нужды, интересы иноплеменнымъ мѣриломъ; даже собственное достоинство цѣнимъ по расцѣнкѣ Западно-Европейской и намъ враждебной; всячески заискиваемъ похвалы у Европы,—пресчастливы, когда заслужимъ ея снисходительное одобреніе, и совершенно смущаемся,—хуже всего: сами сбиваемся съ толку, когда вызовемъ противъ себя ея открытое неудовольствіе. Западные Европейцы вѣдаютъ твердо силу своего нравственнаго авторитета въ «культурной», руководящей средѣ Русскаго общества. Они, вмѣстѣ съ Поляками, хорошо знаютъ, что этотъ великанъ, этотъ исполинъ, которому имя — Россія, ничего такъ не пугается, какъ «общественнаго мнѣнія Европы», и вотъ, въ нужныхъ случаяхъ, когда нашимъ недругамъ полезно пугнуть Россію, — они заводятъ эту визгливую, всегда у нихъ на-готовѣ имѣющуюся шарманку, называемую «общественнымъ мнѣніемъ», оглашаютъ воздухъ пронзительною фальшью газетныхъ статей, производятъ «интимидацію» запросами въ парламентахъ или дипломатическими нотами,—и мы конфузимся, жмемся, робѣемъ, почти сами вѣримъ, наперекоръ вопіющей очевидности, нелѣпѣйшимъ, злоумышленнымъ на нашъ счетъ клеветамъ, отнѣкиваемся, извиняемся и смиренно пасуемъ передъ призраками, предъ напущеннымъ на насъ маревомъ! Такъ и въ «Польскомъ вопросѣ». Нечего намъ смущаться, мяться, опускать очи долу; мы можемъ смѣло и открыто смотрѣть въ глаза не только всей Европѣ, но и Полякамъ, ибо *никакой вины на насъ относительно*

Поляковъ не обрѣтается, а виноваты именно они и именно предъ нами. Конечно, нашей Русской природѣ претитъ и мерзитъ роль жандарма, на которую насъ *вынуждаютъ* Поляки; мы не умѣемъ священнодѣйствовать въ этой роли, какъ Французы и Нѣмцы (и въ этомъ-то и сказывается преобладаніе въ Русскомъ народѣ запросовъ нравственныхъ, «не политическихъ», надъ *политическими*, чего никакъ не можетъ понять г. Александръ Градовскій и К°): Русскій простой народъ, даже карауля настоящихъ, гласно осужденныхъ воровъ и убійцъ, жалѣетъ ихъ и одѣляетъ обильными приношеніями, а несчастнаго, выставленнаго у позорнаго столба, закидываетъ — не каменьями и не грязью, какъ въ нѣкоторыхъ «высоко-культурныхъ» странахъ, а мѣдными грошами и калачами... Тѣмъ понятнѣе и естественнѣе сожалѣніе, которое внушаетъ намъ къ себѣ цѣлое племя, вынуждающее насъ своимъ безуміемъ, наперекоръ нашему нраву и обычаю, держать его, такъ-сказать, подъ замкомъ, съ связанными руками; но это сожалѣніе не должно же переходить въ самообвиненіе. Обвинять Русскому самого себя и извиняться передъ Полякомъ не въ чемъ; всякое извиненіе имѣло бы смыслъ такой рѣчи: «прости меня, Христа ради, что я не даю тебѣ воли меня ограбить»,— «прости меня, что я не предаю тебѣ себя на закланіе». Въ этихъ словахъ нѣтъ ничего преувеличеннаго, никакой неправды: не одинъ разъ, одержимые сердоболіемъ или уступая давленію «общественнаго мнѣнія Европы»,—пробовали мы снимать затворы и выпускать на волю нашего плѣнника, но, едва освобожденный, плѣнникъ всякій разъ бросался на насъ же съ ножомъ къ горлу! Поневолѣ приходится ждать — пока плѣнный наберется ума-разума и возвращеніе ему свободы перестанетъ грозить намъ опасностью. — Но Польскій народъ вовсе и не арестантъ, и Россія не одну только роль жандарма по отношенію къ нему исправляетъ, но исполняетъ еще и другое, высшее свое историческое призваніе — на благо самимъ же Полякамъ, чего они, ослѣпленные и опьяненные ненавистью, еще не видятъ и не разумѣютъ.

Да, давно начался этотъ «домашній споръ» обоихъ племенъ. Очертимъ его вкратцѣ, поищемъ *нашей* вины. Погромъ Татарскій раскололъ Русь надвое и разобщилъ историческія судьбы Руси Западной и Руси Восточной... Первая подпала подъ власть Литвы, и черезъ Литву — Польши. Хотя Московскіе князья, какъ только справились съ Татарами и установили единодержавіе, тотчасъ же вспомнили про свою «отчину и дѣдину», — однакоже до половины XVI вѣка связь Западной Руси съ Польшей, при господствовавшей въ Польшѣ вѣротерпимости, казалась довольно искреннею и прочною. Неизвѣстно, на чьей бы еще сторонѣ оказался окончательный перевѣсъ, если бъ такъ-называемый «золотой вѣкъ» Сигизмунда-Августа не сталъ поворотною точкой въ Польской исторіи. Во второй половинѣ XVI вѣка водворяются въ Польшѣ *іезуиты:* католическій фанатизмъ, неугомонное духовное властолюбіе сочетались съ властолюбіемъ политическимъ, и Поляки ступили на ту наклонную плоскость, которая рано или поздно должна была привести ихъ къ погибели. Успѣхи католической пропаганды, совращеніе Русскихъ князей, пановъ и шляхты въ латинство, насильственное введеніе уніи водворяютъ рознь между ними и массами православнаго народа, отчуждаютъ послѣднія отъ правительства и кладутъ начало взаимной ненависти и ожесточенной борьбѣ. Конечно, до іезуитовъ вѣра народа не называлась

Поляками «песья вѣра» (что и до сихъ поръ приходится слышать отъ нихъ Русскимъ крестьянамъ, особенно въ Бѣлоруссіи), и Русскій князь Константинъ Острожскій могъ еще слыть и быть ревнителемъ православія, оставаясь вѣрнымъ подданнымъ Польскаго короля... Дѣятельность іезуитовъ и Поляковъ и устремляется и на «схизматическую» Московію: благодаря имъ возникаетъ «Смутное Время» съ самозванцами, съ наводненіемъ Поляками всей Русской земли, съ водвореніемъ Польскаго господства въ самомъ Московскомъ Кремлѣ. Польскій королевичъ уже провозглашенъ былъ царемъ, а Польскій король мечталъ объ окончательномъ присоединеніи Россіи къ Польской коронѣ. Насталъ, казалось, послѣдній часъ для Русскаго государства:—все сверху расшаталось и разрушилось вплоть до самыхъ низинъ; тогда съ этихъ низинъ всталъ-поднялся мужикъ, взялъ дѣло въ свои мужицкія руки, побилъ Польскія рати, прогналъ Поляковъ и «своихъ воровъ», воздвигъ съизнова царство, поставилъ царя,—и снова ушелъ въ низины тянуть свою историческую лямку. Эта славная година, лучшая въ нашей исторіи, жива и до сихъ поръ въ памяти народной,—и нельзя не пожалѣть, что самыя дорогія наши воспоминанія связаны съ племенною борьбою, съ мрачными, нелестными для Поляковъ воспоминаніями о «Польскомъ нашествіи»... И не прошло сорока лѣтъ послѣ подвига Русскаго мужика, какъ весь Юго-Западный Русскій народъ, въ предѣлахъ, очерченныхъ словомъ Богдана Хмѣльницкаго: «знай, Ляше, что по Сянъ — наше», свалилъ съ себя иновѣрную и иноплеменную Польскую власть, «поволилъ за Царя Восточнаго Православнаго». Казалось бы, Русскій народъ въ томъ Русскомъ краѣ имѣлъ полное право распорядиться своею судьбою,—но Поляки всегда презирали мысль и волю народную. Возникла долгая, упорная война между Россіей и Польшей, которая, себѣ въ помощь, накликнула на Украйну Татаръ и Турокъ; Россіи удалось изъ всей отдавшейся ей Русской страны удержать за собой только Украйну по лѣвый берегъ Днѣпра, да Кіевъ. Остальной Украйной овладѣла и распорядилась по-своему Польша... Россія родитъ Петра, и одновременно съ возвеличеніемъ и упроченіемъ ея политическаго могущества, равно и съ усиленіемъ Пруссіи, начинается постепенное ослабленіе и паденіе Польскаго государства,—впрочемъ, еще болѣе отъ внутреннихъ причинъ, чѣмъ отъ внѣшнихъ. Уже не Польша Россію, а Петръ подчиняетъ Польшу своей политикѣ. Польша, повидимому, могла бы ожидать себѣ справедливаго возмездія за все то зло и горе, которое вытерпѣла отъ нея Русская земля; однакожъ Петръ воспользовался своею силою не для мщенія, а лишь для того, чтобъ *обезвредить* для себя Польшу, посадивъ въ ней угоднаго ему короля. Тогда же, вмѣстѣ съ тѣмъ, заявила себя Россія и покровительницею угнетеннаго православнаго народа въ предѣлахъ Польскаго государства; той же политики держались и его преемники, и въ особенности Екатерина II: заступничество за диссидентовъ, т. е. за православныхъ—Малоруссовъ и Бѣлоруссовъ, стало ея знаменемъ, и—благодаря самимъ Полякамъ — тѣмъ рычагомъ, которымъ наконецъ своротенъ былъ самый центръ тяжести Польскаго государственнаго бытія. Историческая тяжба двухъ Славянскихъ племенъ рѣшилась перевѣсомъ Россіи.

Немногіе безпристрастные Польскіе историки сами приписываютъ паденіе Польши преимущественно внутреннему растлѣнію, полной граждан-

ской и нравственной деморализаціи общества, особенно въ XVII вѣкѣ. Въ той же мѣрѣ слѣдуетъ отнести вину этого паденія къ католическому фанатизму и къ внутреннему безобразному гражданскому строю. Польское племя—безспорно одно изъ самыхъ талантливыхъ Славянскихъ племенъ,—но племя женственное, или по крайней мѣрѣ женственно-страстное, подвижное и легкомысленное; надѣленное блистательными качествами и дарованіями, оно какъ-то органически обдѣлено разсудительностью и здравымъ, особенно государственнымъ смысломъ и тактомъ. На эту-то почву легъ плотнымъ слоемъ католицизмъ въ самой злой, опасной, фанатической своей формѣ—формѣ іезуитизма. *Нигдѣ* не овладѣвалъ онъ такъ всецѣло душами, не проникъ такъ глубоко во всѣ изгибы національнаго, общественнаго и политическаго бытія, какъ именно въ Польшѣ. Латинство исказило въ Полякѣ его Славянскую природу, которой, въ сферѣ церковной, такъ свойственны вѣротерпимость, начало выборное и соборное, и такъ чуждъ клерикализмъ — въ смыслѣ рабской духовной зависимости отъ «директоровъ совѣсти» — левитовъ или ксендзовъ. Благодаря властолюбивому духу латинства, безъ всякихъ происковъ со стороны Россіи, отпала отъ Польши Украйна, устремила свои взоры на Россію Бѣлоруссія,—но даже и на краю гибели Поляки не рѣшались признать политическую и гражданскую равноправность съ католиками такъ-называемыхъ диссидентовъ! — Государственный строй былъ основанъ на преобладаніи какого-то аристократическаго начала въ формѣ демократической, т. е. на господствѣ шляхты, не подходившей подъ понятіе «аристократіи» по своему многолюдству и бѣдности, являвшейся «демократіей» по отношенію къ Польскимъ магнатамъ или вельможамъ и «аристократіей» по отношенію къ Польскимъ народнымъ массамъ. Шляхта и погубила Польшу, поглотивъ такъ-сказать исключительно собою всю жизнь и силу народную, и низведя народъ на степень безправнаго *быдла* (скота), какъ до сихъ поръ не можетъ разучиться Польскій шляхтичъ разумѣть и чествовать крестьянство! Вотъ отчего и вышло, что даже въ Восточной Галиціи въ настоящее время Польскій мужикъ не называетъ себя «Полякомъ»,—а «Цесарцемъ», т. е. подданнымъ Австрійскаго Цесаря! «Полякъ»—это по его понятію *панъ, шляхтичъ*...

Королевскій вѣнецъ, ставшій искомою добычею внутреннихъ партій и иноплеменныхъ государствъ при смерти каждаго короля; избираемый съ помощью интригъ, подкуповъ и застращиванья — безвластный король, игралище враждебныхъ другъ другу магнатовъ; магнаты—продающіе свои услуги иностраннымъ сосѣднимъ державамъ за золото, — шляхта безшабашная, безразсудная, проглядѣвшая, прогулявшая, промотавшая въ своемъ слѣпомъ чванствѣ самое ядро, самый корень Польскаго политическаго бытія, самую почву и силу народную, — т. е. простой народъ; наконецъ, этотъ безправный, порабощенный, безземельный, презираемый шляхтою простой Польскій народъ, и сугубо презираемый ею за свою «песью вѣру», подвластный ей на Украинѣ и въ Бѣлоруссіи, народъ Русскій,—при этомъ отсутствіе всякаго средняго, городского, торговаго и промышленнаго, туземнаго сословія,—и вмѣсто него Евреи: вотъ картина, въ самыхъ поверхностныхъ чертахъ, государственнаго строя и состава Польши во второй половинѣ XVIII вѣка. За красками можно обратиться къ самимъ Польскимъ историкамъ и романистамъ; надо имъ отдать справедливость: они не поску-

лились на краски... *Все поплыло врозь*, и все одновременно съ возникновеніемъ на самыхъ границахъ Польши двухъ новыхъ крѣпкихъ державъ, возроставшихъ отъ силы въ силу, т. е. Россіи и Пруссіи, не говоря объ Австріи, всегда одержимой поползновеніемъ къ захвату чужихъ земель и только-что потерявшей Силезію!

Теперь уже вполнѣ и неопровержимо доказано, что первая мысль и планъ раздѣла Польскаго государства и вся инниціатива этого дѣйствія принадлежали не кому иному, какъ Фридриху Великому: онъ былъ и вдохновитель его, и двигатель, — а первая къ захвату, еще до формальнаго раздѣла, приступила Австрія... Долго колебалась, даже противилась Екатерина II, не находившая, конечно, никакой выгоды для Россіи въ такомъ усиленіи Пруссіи и Австріи на счетъ Польши; но интриги Фридриха и Австрійскаго двора, воспользовавшихся нашею войною съ Турками, заставили ее согласиться. Наши интересы на Югѣ были для насъ въ то время важнѣе Западныхъ; тайная зависть и вражда обѣихъ державъ грозили исхитить изъ нашихъ рукъ плоды побѣды, и единственнымъ способомъ устранить воздвигаемыя намъ препятствія для заключенія столь необходимаго Россіи мира было согласиться, наконецъ, на предложенный Пруссіей и Австріей раздѣлъ Польши. Онъ и совершился въ 1772 г., — но при этомъ Россія присоединила къ себѣ *не Польскія*, а *Русскія* земли, именно Бѣлоруссію, которая уже давно тянула къ ней и, безъ сомнѣнія, равно какъ и всѣ остальныя *Русскія земли*, даже и безъ всякаго раздѣла, согласно желанію народному, въ силу единовѣрія и единоплеменности, *рано или поздно неминуемо слилась бы съ Россіей*. Это возсоединеніе съ Россіей оторванныхъ отъ Русскаго древняго единства Русскихъ земель произошло окончательно при второмъ и третьемъ раздѣлѣ, которые были уже единственнымъ послѣдствіемъ перваго. Въ этомъ возсоединеніи, *вполнѣ законномъ, вполнѣ справедливомъ*, нѣтъ не только ничего, чего бы мы могли стыдиться или смущаться, какъ это до сихъ поръ въ обычаѣ у нѣкоторой части Русскаго общества, но совершенно наоборотъ: въ немъ исполненіе нашего народнаго долга и историческаго призванія. Одинъ грѣхъ тяготѣетъ на Русской совѣсти, но грѣхъ, впрочемъ, вынужденный поневолѣ, это — уступка древняго Галича Австріи... Предотвратить паденіе Польши Россія не могла. Съ отдѣленіемъ отъ Польши Украйны и Бѣлоруссіи (а это *должно было* необходимо совершиться), она становилась слишкомъ слабою, и существованіе Польскаго независимаго государства между трехъ могущественныхъ державъ, при томъ государства неблагоустроеннаго, безпокойнаго, съ преданіями былого величія, съ притязаніями на прежнее политическое значеніе, съ ненасытимою жаждой мести, дѣлалось немыслимымъ. Россія не въ силахъ была ни предотвратить раздѣлъ, ни присоединить къ себѣ всего Польскаго Королевства (что̀ было бы выгоднѣе для Польской національности). Она ограничилась, повторяемъ, только возвращеніемъ себѣ исконныхъ Русскихъ же земель, да присоединила, къ счастію, къ себѣ же по послѣднему раздѣлу (1795 г.) и Литву: лучше было, безъ сомнѣнія, что она досталась не Пруссіи, а Россіи. Настоящія *Польскія* земли захватила Пруссія и отчасти Австрія; но Фридрихъ II съ самаго начала повелъ дѣло такъ, что весь odium насильственнаго раздѣла и уничтоженія Польскаго государства палъ именно на Россію! На нее обрушились

«общественное мнѣніе Европы» и ненависть — племенная и религіозная, слѣпая ненависть самихъ Поляковъ! Привыкнувъ пѣть съ чужестраннаго голоса, страшась въ глазахъ нравственно авторитетной для насъ Западной Европы, къ которой мы благодушно причисляли и Поляковъ, прослыть варварами, хищниками, насильниками, мы не замедлили представиться предъ собою и предъ Европою въ истинно-безобразномъ, трагикомическомъ видѣ: Русскій народъ Украйны, свергнувъ Польскую власть, еще въ XVII вѣкѣ *молилъ насъ о присоединеніи;* Поляки помѣшали намъ тогда осуществить вполнѣ его мольбу, — наконецъ въ концѣ XVIII мы ее исполняемъ, мы возвращаемъ себѣ Волынь и Подоль, — и... сконфузились! застыдились, какъ будто украли чужое! Вотъ что̀ значитъ извращеніе историческаго и національнаго сознанія!...

Какъ бы то ни было, но съ послѣднимъ раздѣломъ Польши (1795 г.), съ присоединеніемъ Варшавы къ Пруссіи, Польша, какъ государство, умерла. Наполеонъ I, на котораго столько чаяній возлагали Поляки, манилъ ихъ лишь тщетными обѣщаніями, не отнялъ Галиціи у Австріи, какъ было ихъ обнадеживалъ, и, разгромивъ Пруссію, учредилъ не Польское Королевство, а только Варшавское Герцогство изъ части Польскихъ владѣній. Самое имя «Польша» исчезло изъ міра...

Кто же воскресилъ его? кто вновь водрузилъ Польское знамя, вновь вдохнулъ политическую жизнь въ это, казалось, навсегда погибшее, лишенное своей національной индивидуальности, разсѣянное, раздробленное племя? Р о с с і я. *Ей одной* обязаны Поляки своимъ *пакибытіемъ:* за то и досталось же ей, достается и до сихъ поръ отъ признательныхъ Поляковъ! Въ этомъ, что̀ ли, наша вина предъ Поляками? Тотчасъ же по избавленіи Россіей Европы отъ Наполеонова ига, при начавшейся на Вѣнскомъ конгрессѣ распланировкѣ Европейскихъ земель, Императоръ Александръ I, котораго войска, при преслѣдованіи Наполеона, вступили вслѣдъ за нимъ въ Варшавское Герцогство, заявилъ собравшимся на конгрессъ державамъ о своемъ непреклонномъ рѣшеніи возстановить Королевство или Царство Польское, подъ скипетромъ Россіи. Недавно опубликованная переписка Талейрана, представителя Франціи на Вѣнскомъ конгрессѣ, съ Лудовикомъ XVIII, еще ярче освѣтила то противодѣйствіе, тѣ интриги иностранныхъ дворовъ, которыя вызваны были такимъ рѣшеніемъ Русскаго Государя! Какъ перетрусилась, перетревожилась Европа: «лучше произвести *новый, четвертый раздѣлъ* Польши» — вотъ чего домогались, на чемъ настаивали тогда друзья Польской націи и Франція, и Англія, да исподтишка и самъ Меттернихъ! Только твердость Русскаго Царя спасла Поляковъ отъ этого новаго расчлененія, присовѣтованнаго ихъ благопріятелями. Внезапное возвращеніе Наполеона съ Эльбы положило конецъ интригамъ: желаніе Александра совершилось. Варшавское Герцогство, нѣсколько видоизмѣненное, стало Царствомъ Польскимъ. Александръ I поступалъ, конечно, подъ воздѣйствіемъ «гуманныхъ» побужденій, внушенныхъ ему съ дѣтства Лагарпомъ, а потомъ и близкимъ ему въ юности Адамомъ Чарторыйскимъ; онъ смотрѣлъ на многое сквозь призму отвлеченнаго либерализма, — все это такъ, этимъ объясняется его совершенное забвеніе о Бѣлорусскомъ и Южно-Русскомъ *народѣ* въ тѣхъ областяхъ, которыя онъ почиталъ Польскими; однакоже, тѣмъ не менѣе, безсознательно для него самого, онъ со-

вершилъ великій актъ спасенія цѣлаго Славянскаго племени. Что сталось бы съ Польскою національностью, если бы Варшавское Герцогство отошло назадъ къ Пруссіи? Да то же, что сталось теперь съ Гданскомъ, съ коренными Польскими землями, состоящими въ Прусскомъ владѣніи, съ Познанью. *Тамъ*, однако, Поляки не волнуются, не бунтуютъ, а *покорно* нѣмечатся и передаютъ свои земли Нѣмцамъ; Польская національность тамъ смирнехонько исчезаетъ и таетъ,—ей и въ голову не приходитъ предъявить хоть сотую часть тѣхъ притязаній, съ которыми она обращается къ Россіи въ Привислинскомъ краѣ. Что же касается до Поляковъ въ Галиціи, то если они не задавлены Австріей, еще живутъ и пануютъ, то благодаря лишь тому, что существуетъ Русская Польша.

Не только воскресилъ, спасъ, призвалъ къ новому бытію Александръ I Польскую національность, но онъ далъ ей политическую организацію, далъ такую автономію, о которой уже не дерзаютъ даже и мечтать теперь сами Поляки! Онъ сомкнулъ съ Царствомъ Польскимъ Литву и часть Бѣлоруссіи, онъ надѣлилъ ихъ національнымъ войскомъ и *конституціей*, по примѣру Финляндіи... Въ этомъ, что ли, спрашиваемъ опять, наша вина предъ Поляками, предъ которыми мы постоянно въ чемъ-то оправдываемся?!

Что же вышло изъ дарованной Польшѣ конституціонной автономіи? Чѣмъ ознаменовала она свое накибытіе и чѣмъ отплатила за него Россіи? Возмущеніемъ 1830 года и кровопролитною войной! За войной, конечно, послѣдовало усмиреніе. Но и при этомъ усмиреніи не произошло никакой утраты для Польской національности,—утраты, сколько-нибудь подобной той утратѣ, которая въ то же самое время производилась безвозвратно въ Познани. Полякамъ просто были связаны руки, иначе эти руки занесены были бы на насъ при всякомъ нашемъ столкновеніи съ Западною Европою!.. Проходитъ новыхъ тридцать лѣтъ, наступаетъ новое царствованіе; Русскіе, по обыкновенію своему, забываютъ нанесенныя имъ обиды, Польское коварство и вѣроломство; забываютъ, что они не губители, а спасители Польской народности, иначе бы и слѣдъ ея простылъ подъ Прусскимъ владычествомъ,—что не Русскіе въ долгу предъ Поляками, а Поляки предъ ними. И вотъ, начинается съ нашей стороны цѣлый рядъ новыхъ послабленій и уступокъ, вновь вводится автономія по плану маркиза Велепольскаго,—и словно непремѣнный результатъ, логически истекающій изъ самыхъ *свойствъ* Польской шляхты, снова измѣна, снова мятежъ, снова бунтовщичьи попытки овладѣть Бѣлоруссіей, Волынью, Подоломъ, чуть не Кіевомъ, снова «падамъ до ногъ» предъ иноземными дворами, интриги, ковы, подвохи, союзъ со всѣми врагами Русскаго народа, внѣшними и внутренними, призывъ на Россію крестоваго похода цѣлой Европы, къ счастію оборвавшагося на первыхъ же порахъ, при первомъ признакѣ твердой воли Россіи—дать ему подобающій отпоръ. И что это была за оргія безстыдства, безсмыслицы и лжи! Эта Западная Европа, поглотившая, пожравшая въ лицѣ Пруссіи [illegible]стріи коренныя Польскія земли, громящая угрозами и проклятіями, во имя свободы Польской національности, Россію,—ту Россію, благодаря единственно которой эта національность спаслась отъ уничтоженія ея Западною же Европой и понынѣ движется и живетъ! Эти Поляки, раболѣпно преклоняющіеся предъ своими утѣснителями-Нѣмцами, мечущіе пламя ненависти и злобы не на губите-

лей своей народности, а на насъ—своихъ избавителей и спасителей! Этотъ кличъ во имя «гуманности», «свободы», «цивилизаціи», «христіанства» въ устахъ подлыхъ тайныхъ убійцъ, это латинское духовенство, окропляющее святою водою отравленные кинжалы!..

Пришлось вновь смирять Польшу. Всего, конечно, проще было бы отдать ее Нѣмцамъ: отъ нея скоро бы и воспоминанія не осталось... Но Россія не отказалась отъ своего призванія. На этотъ разъ она повела дѣло умнѣй и прочнѣе... Нѣтъ, не только противною и несродною ей ролью смирителя-жандарма удовольствовалась Россія по отношенію къ безумной Польской злобѣ: послѣдовавшая Русская дѣятельность въ Царствѣ Польскомъ, это—цѣлый рядъ плодотворныхъ, зиждительныхъ благодѣяній. Ужъ не они ли служатъ противъ насъ пунктами обвиненія? Пожалуй! Перечислимъ же наши вины:

Новая первая *вина* Россіи въ томъ, что, надѣливъ Польскихъ крестьянъ землею, самоуправленіемъ и вообще организаціею, она дала впервые гражданское бытіе Польскому простому *народу*,—можно сказать создала его въ смыслѣ политическомъ, вывела его на политическую арену,—исправила, такимъ образомъ, великій грѣхъ бывшей Польши.

Россія виновата же въ томъ, что, уничтоживъ таможенную преграду между Царствомъ Польскимъ и ею, открывъ ему исполинскій безпошлинный рынокъ, подняла матеріальное благосостояніе Царства Польскаго или все равно—Привислинскаго края до размѣровъ небывалыхъ, неслыханныхъ, истинно баснословныхъ. Край покрылся заводами и фабриками; торговля, промышленность, ремесла,—все это, подъ покровомъ Россіи, закипѣло жизнью, пришло въ такое цвѣтущее положеніе, которому завидуютъ всѣ заграничныя сосѣднія, когда-то Польскія земли; цѣнность земель увеличилась втрое.

Россія, тѣмъ самымъ, дала бытіе, въ Польскихъ областяхъ, новому общественному элементу, отсутствіе котораго было бѣдствіемъ для страны,—именно Польскому среднему, промышленному и торговому классу... Виновата!

Виновата и въ томъ, что открыла Полякамъ свободный доступъ ко всѣмъ должностямъ по государственной службѣ въ Имперіи, ко всѣмъ родамъ законной дѣятельности въ ея предѣлахъ, довѣрчиво облекла ихъ полною съ коренными Русскими полноправностью!

Взамѣнъ этихъ благодѣяній, или можетъ-быть нашихъ провинностей по мнѣнію нѣкоторыхъ, Россія требуетъ отъ Польскаго края одного: тѣснѣйшей, нерасторжимой государственной связи съ Имперіей,—единственнаго условія, при которомъ возможно спокойствіе Россіи и *самое сохраненіе Польской національности.* Ибо *обрусѣніе* Польскаго народа въ грубомъ смыслѣ этого слова никогда не входило и не могло входить въ задачу правительства. Нелѣпость такого замысла слишкомъ очевидна: нельзя же насильственно извратить этнографическій фактъ, представляемый пятимилліоннымъ народомъ съ тысячью лѣтъ исторіи,—упразднить существованіе народнаго творчества, давней, богатой литературы и т. п.!! Польскій народъ не забудетъ своего языка и не утратитъ своей словесности, если будетъ знать языкъ Русскій, а только знаніе Русскаго языка и признаніе его языкомъ государственнымъ, войдя въ обычай, въ плоть и кровь Поля-

ковъ, можетъ освоить ихъ съ Россіей и съ Русскими, и установить между ними братскія отношенія. Оно полезно для Поляковъ уже и потому, что расширитъ ихъ умственный горизонтъ, откроетъ имъ цѣлый новый родственный колоссальный міръ, и выведетъ ихъ изъ Польской узкой племенной исключительности на просторъ чуждаго имъ доселѣ Славянства.

Мы не беремъ на себя, конечно, защиты всѣхъ распоряженій Русскихъ административныхъ властей въ бывшемъ Царствѣ Польскомъ или Привислинскомъ краѣ. Такъ, мы положительно осуждаемъ образъ дѣйствій относительно уніатовъ Холмской епархіи, внушенный чиновническимъ рвеніемъ Петербурга и допущенный безъ протеста генералъ-губернаторомъ Коцебу. Унія, безъ сомнѣнія, была когда-то дѣломъ вопіющаго Польскаго насилія надъ Русскимъ населеніемъ Холмщины,—но прекращать это давнее насиліе насиліемъ новымъ, какъ это происходило въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, было непозволительной, грубой ошибкой. Но эта частность, касающаяся даже не коренныхъ Поляковъ, а Русскихъ въ Холмщинѣ, не ослабляетъ силы и значенія тѣхъ благъ, которыя даровала Полякамъ гегемонія Россіи, изъ которыхъ главное благо—благо самобытія. Какъ бы ни казались стѣснительными требованія власти, обращенныя къ Русскимъ Полякамъ, они не наносятъ ни малѣйшаго ущерба Польской національности. Недавно кто-то изъ Поляковъ, побывавшихъ въ Познани, самъ проболтнулся въ какой-то газетѣ, что Польская рѣчь раздается только тамъ, гдѣ начинается Русская граница.

Казалось бы—Поляки должны были бы дорожить такими выгодными условіями для своей народности; казалось бы—мы въ правѣ были бы ожидать себѣ отъ нихъ признательности. Но такъ казалось бы по здравому смыслу, по выводамъ логики, по требованіямъ нравственной правды. Съ такимъ спросомъ, увы, нельзя *пока* обращаться къ Полякамъ, къ этому несчастному, спѣсивому, заносчивому, легкомысленному племени, вдобавокъ насквозь проникнутому католическо-іезуитскою моралью. Мы выдѣляемъ, конечно, изъ этого опредѣленія простой Польскій народъ, и разумѣемъ только верхніе общественные Польскіе слои; мы готовы допустить и изъ нихъ частныя исключенія, но въ общемъ наше опредѣленіе вѣрно, и пока Поляки *таковы*, пока они не образумятся, не исправятся (а этой надежды мы не теряемъ), до тѣхъ поръ не можетъ и не должно быть рѣчи ни о какихъ послабленіяхъ и уступкахъ. Они должны *заслужить* наше довѣріе; нужно наконецъ, чтобъ мы получили возможность имъ вѣрить, не подвергаясь опасности новаго наглаго обмана. А есть ли какая возможность для насъ отдаться *теперь* этому нашему страстному желанію, этой нашей потребности вѣры? Въ послѣдніе мѣсяцы Поляки, неизвѣстно почему, стали ожидать для себя и льготъ, и правъ. Повидимому, тутъ-то и слѣдовало бы держать себя скромно и смирно... Напротивъ! тутъ-то непремѣнно и начинаются проявленія дерзкой Польской заносчивости и возобновляются оскорбленія Русскимъ въ разнообразнѣйшихъ формахъ!! Стоитъ только новоприбывшему начальнику поискать себѣ нѣкоторой популярности и благоволенія у Польской знати, или одному изъ губернаторовъ, присутствуя на экзаменахъ въ школахъ, *заставить* учениковъ обращаться къ нему не съ Русскою, а съ Польскою рѣчью,—и вотъ на улицѣ, встрѣчаясь съ вами, вашъ добрый знакомый изъ Поляковъ уже старается обѣгать васъ,

чтобы не *скомпрометтироваться* въ глазахъ «патріотовъ». И вотъ одинъ изъ членовъ земельнаго кредитнаго банка, имѣвшій неосторожность пригласить къ себѣ на вечеръ, незадолго до выборовъ, своего Русскаго сослуживца, забаллотировывается именно за это и лишается должности!.. Слѣдуетъ знать напередъ: если Поляки становятся дерзки и нахальны, значитъ—Русское начальство стало мирволить, что-либо обѣщать; значитъ—Поляки разсчитываютъ на благосклонность Русскаго правительства; значитъ—какія-нибудь Русскія газеты залепетали о *примиреніи*.

Поляки,—надобно отдать имъ въ этомъ справедливость,—сами выдаютъ себя на каждомъ шагу: мы одни только, повѣривши, по нашей простотѣ, съ чужихъ словъ, что мы и взаправду виноваты, умудряемся этого не видѣть, а нѣкоторые, пожалуй, самыя ихъ заушенія и брань пріемлютъ какъ должное! Возьмите Польскія заграничныя газеты, издающіяся въ Познани и Галиціи. Не правда, будто Русскіе Поляки не отвѣтственны за нихъ. Это только отводъ! Еслибъ Русскіе Поляки того захотѣли, они сумѣли бы заставить молчать своихъ заграничныхъ соплеменниковъ, дать иной тонъ прессѣ или основать заграницею свой собственный органъ. Но они этого не хотятъ, такъ же какъ ни одинъ Полякъ не хочетъ до сихъ поръ печатно отказаться даже отъ Кіева! А въ этихъ газетахъ творится ежедневно какое-то истинное священнодѣйствіе злобы и ненависти; это какой-то бѣсовскій шабашъ лжи и клеветы. «Если мы теперь отказались отъ возстаній (въ Русской Польшѣ), говоритъ одна изъ газетъ, такъ это *изъ ненависти къ Русскимъ*, чтобы не доставлять торжества ихъ грубой силѣ»... Для чего бы писать такія вещи жителю Галиціи или Познани, которому нѣтъ и дѣла до Русскаго правительства, который благоденствуетъ подъ покровомъ «цивилизованной Европы»?! Посмотрите также на тѣ оффиціальные Польскіе учебники, по которымъ обязательно учатъ въ Русскихъ народныхъ школахъ Галиціи! Мы приводимъ ниже нѣкоторыя выписки, и предупреждаемъ Поляковъ, что будемъ и впередь знакомить съ ихъ дѣйствіями и рѣчами Русское общество, дабы оно не отдавало себя въ обманъ и отучилось отъ неумѣстнаго поползновенія вѣчно оправдываться и виниться предъ Поляками.

Мы не питаемъ ни малѣйшей ненависти къ Полякамъ; много сочувственнаго намъ въ этомъ живомъ, талантливомъ Славянскомъ племени, но мы имъ *пока* не вѣримъ. Мы не требуемъ отъ нихъ благодарности, на которую, впрочемъ, Россія имѣетъ полное право. Благодарность—это благородное, возвышенное чувство, равняющее облагодѣтельствованнаго съ благодѣющимъ, свойственна лишь доблестнымъ природамъ и не подъ силу, пока, нравственной природѣ Польской, искаженной іезуитской моралью. Мы требуемъ теперь отъ нихъ только отрезвленія, вразумленія, погашенія безцѣльной злобы и ненависти, искренняго, здравомыслящаго убѣжденія въ томъ, что нѣтъ иного спасительнаго исхода для Польской національности, какъ въ прямодушномъ, честномъ, нерасторжимомъ союзѣ съ Россіей. До тѣхъ же поръ, пока они не откажутся отъ всякихъ притязаній на отторгнутыя отъ нихъ Русскія земли, пока они не перестанутъ мучить и полячить Русскихъ въ Галиціи, пока не перестанутъ изрыгать на насъ въ органахъ своего «общественнаго мнѣнія» хулы, клеветы и бѣшеную свою злобу, пока, одним словомъ, будутъ продолжать свой настоящій

образъ дѣйствій, до тѣхъ поръ должны замолкнуть съ Русской стороны, даже *въ интересѣ самихъ Поляковъ*, всякія рѣчи о мирѣ, объ уступкахъ, послабленіяхъ: всякія уступки, сколько-нибудь клонящіяся къ ущербу Русскому имени,— непремѣнно поведутъ: Поляковъ къ окончательной гибели, а Россію къ кровавымъ бѣдамъ.

По поводу «Записки М. Н. Муравьева о мятежѣ въ Сѣверо-Западномъ краѣ въ 1863—1864 годахъ».

Москва, 13 ноября 1882 г.

Давно уже не появлялось въ печати такого назидательнаго чтенія, какъ помѣщенныя въ ноябрьской книжкѣ «Русской Старины»—записки графа М. Н. Муравьева о мятежѣ въ Сѣверо-Западномъ краѣ въ 1863—64 годахъ,—того самаго Муравьева, котораго Польскіе и иностранные публицисты, а вслѣдъ за ними и Русскіе недоноски либерализма ославили «проконсуломъ», «вѣшателемъ», «злодѣемъ», по которому наше отечество обязано вѣчною благодарностью за подавленіе Польской крамолы на Русской окраинѣ въ виду воинственныхъ угрозъ всей Европы, — но память котораго благословляется доселѣ многими милліонами Русскаго крестьянства, освобожденнаго Муравьевымъ изъ-подъ нахальнаго Польскаго панскаго гнета... Впрочемъ, таковъ ужъ нашъ фальшивый, пустопорожній, гнилой либерализмъ: какъ скоро интересы Русскаго *народа* (а также и всѣхъ православныхъ Славянъ) сталкиваются съ интересами Западной Европы и даже Поляковъ, то какое-то рабье чувство мгновенно разливается у этихъ мнимыхъ либераловъ по всѣмъ жиламъ. Честь, независимость, благоденствіе «некультурной» Россіи охотно повергаются ими къ стопамъ носителей Западной культуры и цивилизаціи, и «vae victis!—горе побѣжденнымъ! гласятъ они, благородно привѣтствуя всякое насиліе Европейца и Поляка надъ Русскимъ и Славяниномъ! Не читали ли мы развѣ, предъ самымъ началомъ послѣдней войны, въ «Голосѣ» высокопарныя фразы одного важнаго государственнаго мужа (кажется, того самаго, котораго всего чаще поминаетъ въ своихъ запискахъ Муравьевъ), о томъ, что не къ лицу-де Россіи соваться въ дѣло освобожденія Славянъ Балканскаго полуострова, что мы обязаны предоставить ихъ, по праву высшей культуры, Западно-Европейскимъ державамъ? Не напечаталъ ли надняхъ «Русскій Курьеръ», даже съ нѣкоторымъ азартомъ, возражая «Руси», что отлично поступаетъ Сербія, отвращаясь отъ Россіи и предаваясь въ опеку высоко-культурной Австріи?! Одного, видно, поля ягоды и упомянутый государственный мужъ, и изобрѣтатель «Русскаго Шампанскаго», хотя и разной культуры и достоинства!

Нельзя не пожалѣть, что записки Муравьева (съ которыми мы были знакомы еще въ рукописи) напечатаны съ нѣкоторыми пропусками,—но и въ настоящемъ видѣ мы придаемъ ихъ обнародованію большое значеніе. Сомнѣнія въ правдѣ Муравьевскаго повѣствованія для насъ, современниковъ той эпохи, не можетъ быть никакого,—да и новаго, чего бы не знали, не слыхали, хотя бы порознь и по частямъ, всѣ пережившіе первую поло-

вину шестидесятыхъ годовъ,—Муравьевъ и не разсказываетъ или разсказываетъ немного. Тѣмъ не менѣе, великая разница между тѣмъ, что̀ живетъ въ устномъ преданіи, въ зыбкой молвѣ, въ полусвѣтѣ правды, и тѣмъ, что̀ выступаетъ на бѣлый день, облеченное въ печатное, связное слово. Оно дѣлается доступнѣе общественному сознанію, становится матеріаломъ для критики, — «урокомъ исторіи», какъ выразился недавно про эти записки одинъ публицистъ; оно невольно вызываетъ на сравненіе прошлаго съ настоящимъ...

Главный интересъ записокъ Муравьева, это—отношеніе высшей правящей Петербургской среды къ порученной ему задачѣ, — то явное или скрытое противодѣйствіе, которое встрѣтилъ онъ со стороны высшаго Петербургскаго общества въ дѣлѣ подавленія Польской крамолы въ древле-Русскомъ краѣ и возрожденія въ немъ Русской національной стихіи. Это явленіе, конечно, не новое. Антинаціональное направленіе «либеральной» политики Александра І-го по отношенію къ Польшѣ едва не увѣнчалось полнымъ отторженіемъ цѣлыхъ девяти губерній отъ Россіи (изъ которыхъ почти восемь исконно-Русскихъ) и присоединеніемъ ихъ къ созданному имъ Царству Польскому: чуть ли даже не Карамзину только, мужественно вступившемуся за Россію, и обязаны мы сохраненіемъ ея въ цѣлости! Дѣло объясняется очень просто. Та высшая общественная среда, которая направляла Русскую политику, воспиталась въ совершенномъ невѣдѣніи своей земли и своей исторіи,—въ невѣдѣніи страшномъ, ужасающемъ,—въ совершенномъ отчужденіи отъ своей народности и государственныхъ преданій. Она, за рѣдкими исключеніями, знала и вѣдала лишь то, что̀ ей преподали иностранные гувернеры и іезуитскія школы, въ рукахъ которыхъ находилось тогда воспитаніе Русскаго аристократическаго юношества. Конечно, когда столкновеніе Запада съ Россіей представлялось въ грубой вещественной формѣ, когда, напримѣръ, Французы ринулись на Россію съ оружіемъ въ рукахъ, представители сихъ высшихъ сферъ отстаивали государственную независимость Россіи вполнѣ доблестно, грудью; но когда «грудью» дѣлать было нечего, а приходилось отстаивать Русскіе интересы головою, то въ головѣ оказывалась, при совершенной скудости Русской мысли и знаній, одна лишь крошеная начинка иностранныхъ міровоззрѣній и доктринъ. Да и не только голова выходила непригодною для разумѣнія того, что̀ нужно и полезно Россіи: лгало и сердце, проникнутое раболѣпствомъ предъ цивилизаціей Европы и низкимъ, тщеславнымъ, истинно варварскимъ страхомъ — какъ бы въ глазахъ Европейцевъ не показаться варварами! Три четверти вѣка прошло съ той поры, и—тяжело вымолвить—такъ оно и понынѣ... Благодѣянія Александра І и вся его система мирволенья Полякамъ были оплачены со стороны послѣднихъ мятежомъ 31-го года. Казалось, было чѣмъ вразумиться. Однакожъ извѣстно, что Пушкинъ, въ которомъ было такъ живо, такъ отзывчиво Русское историческое и народное чувство, написалъ свои превосходные стихи на взятіе Варшавы и «Клеветникамъ Россіи», такъ сказать, наперекоръ своимъ Петербургскимъ друзьямъ и подвергся отъ нихъ жестокому порицанію. Однакожъ, когда, черезъ 30 слишкомъ лѣтъ, Государь Александръ Николаевичъ, лично мало расположенный къ Муравьеву, рѣшился, — побуждаемый истинно царскимъ инстинктомъ, — поручить ему управленіе взволнован-

нымъ Сѣверо-Западнымъ краемъ, то при этомъ знаменитомъ свиданіи 25 апрѣля 1863 года Муравьеву, по его словамъ, пришлось выразить его величеству, что край тотъ искони Русскій, но что *мы сами его ополячили* и что опытъ 1831 года намъ не послужилъ въ пользу!.. Казалось бы страннымъ, какимъ образомъ такое ополяченіе могло совершиться при энергической политикѣ Императора Николая, котораго Русскій складъ мыслей и чувствъ, повидимому, не подлежитъ и сомнѣнію? Но во сколько главною задачею политики Императора Николая было предупредить внѣшними насильственными мѣрами всякую возможность возобновленія мятежа, то столько онъ и достигъ своей цѣли: при немъ никакая новая мятежная попытка ни въ Царствѣ Польскомъ, ни въ Западномъ краѣ была немыслима, а еслибъ и проявилась, то разумѣется была бы немедленно энергически подавлена. Этотъ способъ дѣйствій оказался однако совершенно недостаточенъ для противодѣйствія Польской крамольной интригѣ, происходившей тайно, искусно, подъ покровомъ преданности престолу и мало доступной пониманію большинства Русскихъ оффиціальныхъ дѣятелей той эпохи. Къ тому же, въ общественной средѣ, окружавшей Государя Николая Павловича, было, кромѣ доморощенныхъ иностранцевъ, довольно и инородныхъ вліятельныхъ элементовъ, которые, конечно, вполнѣ благопріятствовали Польскимъ проискамъ и благодаря которымъ народное Русское направленіе въ Русскихъ людяхъ всегда хитроумно выставлялось антиправительственнымъ, чуть не революціоннымъ. Русское чувство Государя не было достаточно просвѣщено Русскимъ *самосознаніемъ*, работа котораго въ Русскомъ обществѣ въ ту пору только что начиналась и подвергалась даже гоненію со стороны Петербургскихъ правящихъ «сферъ». Не слѣдуетъ также забывать, что въ то время правительство знало и признавало такъ-сказать одну лишь *помѣщичью* Россію и только въ помѣщичьемъ классѣ видѣло себѣ опору. А между тѣмъ, въ Сѣверо-Западномъ краѣ единственнымъ носителемъ Русскаго національнаго и государственнаго начала былъ именно не помѣщичій классъ, а народъ, — Русскій народъ, закрѣпощенный Польскимъ крамольнымъ панамъ и удерживаемый въ рабскомъ повиновеніи помѣщикамъ-Полякамъ всею тяжестью правительственной власти—«уже по принципу», «порядка ради»! Съ кончиной же Императора Николая, кроткое, гуманное и либеральное управленіе Государя Александра II только ослабило суровость внѣшнихъ мѣръ предшествовавшаго царствованія относительно Польскаго населенія, но не замѣнило ихъ никакою разумною энергическою политикою въ Русскомъ національномъ смыслѣ. Казалось бы, именно къ ней и представлялся законный поводъ съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости... Но вѣдь тутъ помѣщиками были Поляки, предъ которыми Русскія начальства, охваченныя дурманомъ «либерализма», сочли долгомъ вилять ужомъ, словно провинившіеся, и либерально преподнесли имъ въ жертву Русскаго мужика! Но Польскіе вельможные паны съумѣли запугать Русское правительство страхомъ развитія въ Русскихъ народныхъ массахъ Западнаго края демагогическихъ опасныхъ инстинктовъ (какъ теперь Нѣмецкое прибалтійское баронство старается застращать Петербургскія власти призракомъ аграрнаго и соціалистическаго волненія среди Латышей и Эстовъ, потому только, что они нуждаются онѣмеченія и желаютъ распространенія

на нихъ общаго дѣйствія Русскихъ законовъ! Въ своемъ сжатомъ, краткомъ, дѣловомъ изложеніи, слѣдующими яркими чертами рисуетъ Муравьевъ положеніе края, для умиротворенія котораго понадобился онъ въ 1863 году, который онъ умиротворилъ—envers et contre tous, вопреки и наперекоръ Петербургскимъ высшимъ вліятельнымъ лицамъ:

«Политическое и нравственное положеніе губерній въ 1831 г., когда мятежники имѣли отличное регулярное войско и даже вели войну съ нами, иногда даже съ значительнымъ успѣхомъ, въ сравненіи съ тѣмъ, что было въ 1863 г., ясно доказываетъ, что правительство, въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ, не только не принимало мѣръ къ уничтоженію въ краѣ Польской пропаганды, но напротивъ того, по крайнему неразумѣнію мѣстныхъ и главныхъ правителей, давало всѣ средства къ развитію Польскаго элемента въ краѣ, уничтожая всѣ бывшіе зародыши Русскаго начала. Я не стану въ подробности упоминать о дѣйствіяхъ тѣхъ лицъ, которыя съ 1831 г. были главными на мѣстахъ распорядителями, о ихъ безсмысленности и неразумѣнія положенія края, Польскихъ тенденцій, о незнаніи исторіи сей искони-Русской страны, и постоянными ихъ увлеченіями призраками Польскаго высшаго общества, пресмыкавшагося предъ ними и выказывавшаго преданность правительству, но не только тайно, а явно обнаруживавшаго свои тенденціи къ уничтоженію всего Русскаго. Но все это привлекало на ихъ сторону генералъ-губернаторовъ, а въ особенности (привлекалъ послѣднихъ) женскій полъ, жертвовавшій честью и цѣломудріемъ для достиженія сказанныхъ цѣлей. Для исторіи нельзя однакоже умолчать о тѣхъ начальникахъ того края, которые наиболѣе ознаменовали себя подобными тенденціями и нанесли огромный вредъ могуществу Россіи въ той странѣ: это были: въ Бѣлоруссіи—кн. Хованскій, ген.-ад. Дьяковъ и кн. Голицынъ: въ Вильнѣ—кн. Долгоруковъ, Илья Гавриловичъ Бибиковъ *) и ген.-ад. Назимовъ. Вотъ рядъ людей, которые при содѣйствіи подобныхъ же дѣятелей въ Петербургѣ, въ глубокомъ невѣдѣніи своемъ положили въ краѣ твердое начало Польской пропагандѣ и впослѣдствіи развитію мятежа, стоившаго такъ дорого Россіи!...»

Далѣе:

«Манифестъ 19 февраля 1861 г. о прекращеніи крѣпостного права, по слабости и безпечности начальства, не былъ даже введенъ въ дѣйствіе! Крестьяне еще въ началѣ 1863 г. во многихъ мѣстахъ отправляли барщинную повинность или платили неимовѣрные оброки тамъ, гдѣ была прекращена барщина. Мировые посредники были всѣ избраны изъ мѣстныхъ помѣщиковъ и большею частью были агентами мятежа и даже главными тайными распорядителями онаго; въ уѣздахъ и въ городахъ учреждены были съѣзды помѣщиковъ и мировыхъ посредниковъ для общихъ сговоровъ по устройству мятежа и увлеченію въ оный самихъ крестьянъ. Въ Вильну были вызваны почти всѣ помѣщики и мировые посредники въ февралѣ 1863 г. будто бы для обсужденій по крестьянскому дѣлу, но на

*) Не слѣдуетъ смѣшивать съ нимъ его брата Дмитрія Гавриловича Бибикова, бывшаго генералъ-губернатора въ Юго-Западномъ краѣ, и дѣятельность котораго была запечатлѣна, напротивъ, разумнымъ пониманіемъ дѣла, была направлена именно къ ослабленію власти Польскихъ помѣщиковъ надъ крестьянами. Ему принадлежитъ мысль о введеніи инвентарей. Впрочемъ Юго-Западнаго края Муравьевъ и не касается.

этомъ и на подобномъ же съѣздѣ въ Ковно были положены начала для дѣйствій по мятежу и соединились обѣ партіи «бѣлыхъ» и «красныхъ», причемъ избраны для губернскихъ и уѣздныхъ городовъ по два делегата, которые бы наблюдали за дѣйствіями предводителей дворянства и самого правительства,—и все это дѣлалось явно въ глазахъ того же правительства!.. Положеніе 19 февраля было превратно истолковано крестьянамъ; при составленіи же уставныхъ грамотъ отняты у нихъ лучшія земли и обложены высокими оброками, далеко превосходящими ихъ средства. Крестьянамъ объявили, что въ этомъ заключается дарованная Государемъ милость и свобода, и что ежели они пойдутъ въ мятежъ и будутъ помогать Польскому правительству, то отдается имъ вся земля даромъ... Между тѣмъ тѣхъ крестьянъ, которые не платили возвышенныхъ оброковъ, подвергали строгимъ наказаніямъ, заключали въ тюрьмы, и *малосмысленное мѣстное главное начальство, по ходатайству тѣхъ мировыхъ посредниковъ и помѣщиковъ, посылало войско для усмиренія мнимыхъ крестьянскихъ бунтовъ...*

О, сколько страданій Русскому народу причинила эта «малосмысленность», сколько грѣха на душу Русскаго правительства наложили они, малосмысленные слуги верховной власти и вся эта Петербургская высшая общественная среда! По результатамъ своимъ эта «малосмысленность» граничитъ съ самой крамолой... Но нѣтъ, она не крамола, она только малосмысленность—роковой удѣлъ всякаго вольнаго и даже невольнаго отступника своей народности... Сѣверо-Западный край изъ конца въ конецъ наполнялся мятежными шайками; Русское имя, Русская честь, Русская власть, Русскій народъ подвергались оскорбленіямъ, поруганіямъ; Русскихъ людей стали наконецъ грабить, закалывать, *вѣшать*,—да, вѣшать: мы можемъ назвать трехъ православныхъ священниковъ, повѣшенныхъ Поляками въ Минской и, кажется, Гродненской губерніи (въ пользу семействъ которыхъ мы собирали пожертвованія),—а что же дѣлало въ это время Русское правительство? Оно изощрялось въ изысканіи способовъ «примиренія» съ Поляками, способовъ, которые отвергались ими одинъ за другимъ, дѣлало имъ уступки за уступками, поступалось Русскимъ достоинствомъ, Русскимъ достояніемъ, только бы отклонить отъ себя упрекъ въ избыткѣ узкаго, «квасного патріотизма», въ «шовинизмѣ» (ничѣмъ вѣдь сильнѣе нельзя уязвить въ Россіи нашихъ высокопоставленныхъ интеллигентовъ),—только бы заслужить прощеніе отъ Польскихъ пановъ и похвалу Европы Русскому гуманизму и либерализму! И каковъ же это былъ либерализмъ, и какова же это была гуманность? Не что иное какъ предательство вѣрнаго и приверженнаго Русской власти крестьянина въ Бѣлоруссіи, въ Литвѣ, въ самомъ Царствѣ Польскомъ исконному врагу крестьянина въ Россіи!.. Графъ Плятеръ, стоявшій во главѣ заговора въ Витебской и Виленской губерніи (заговора, котораго не видали, который отрицали мѣстныя Русскія жандармскія власти!), напалъ съ своими сообщниками на казенный транспортъ съ оружіемъ и разграбилъ его, чѣмъ и обнаружился преждевременно Польскій замыселъ и вооруженный мятежъ въ этой мѣстности. Поселенные тамъ старообрядцы, давно видѣвшіе Польскія приготовленія, при первомъ покушеніи Плятера, вооружившись, отбили транспортъ, разсѣяли шайку, взяли самого Плятера, затѣмъ, видя бездѣйствіе

правительства, стали сами укрощать мятежъ по Динабургскому и Рѣжицкому уѣздамъ, и помѣшали такимъ образомъ сформироваться собиравшимся мятежнымъ бандамъ. Чего много, казалось бы, какъ не искренней горячей благодарности Русскаго правительства заслуживали старообрядцы,—которые, какъ мы всѣ знаемъ, имѣли даже нѣкоторый поводъ съ своей точки зрѣнія быть не вполнѣ довольными Русскою властью. И однакожъ Виленскій окружной жандармскій генералъ Гильдебрандъ всѣми средствами старался увѣрить, что въ краѣ нѣтъ никакого мятежа, что надобно смирить не Поляковъ, а Русскихъ старообрядцевъ, возставшихъ противъ мѣстныхъ помѣщиковъ,— и князь Долгоруковъ, начальникъ III Отдѣленія и шефъ жандармовъ, даже увѣрилъ въ томъ самого Государя, испросилъ уже и повелѣнія отправить войско и генерала *для усмиренія старообрядцевъ!*.. Въ то же время въ Царствѣ Польскомъ повелѣно было въ уѣздныхъ казначействахъ принимать *на счетъ казны* всѣ выдаваемыя мятежниками квитанціи за взимаемую ими контрибуцію!.. Въ то же время въ Петербургѣ принимался на аудіенціи у Государя графъ Замойскій, который настойчиво требовалъ возстановленія Польши въ предѣлахъ 1772 г. Въ то же время мятежникамъ объявлялась амнистія, если они къ положенному сроку положатъ оружіе (чего они, разумѣется, и не сдѣлали, а только пуще обнадежились въ своей силѣ). Въ то же время Гродненскій губернскій предводитель дворянства, графъ Старжинскій, будучи, какъ говоритъ Муравьевъ, «протежированъ министромъ внутреннихъ дѣлъ», представлялъ ему, съ оффиціальнаго разрѣшенія, проекты о возстановленіи Литвы, отдѣльной отъ Россіи, но соединенной съ Польшей, чествовался въ Петербургѣ при дворѣ и въ высшемъ обществѣ... Дѣло дошло наконецъ до того, что пришлось укрощать мятежъ вооруженною силой, т. е. проливать ради Польскихъ затѣй кровь Русскихъ солдатъ, но и это, при шатости мысли въ самомъ правительствѣ, мало приносило пользы, потому что слишкомъ энергическія мѣры войску были воспрещены... Въ то же время сторону Поляковъ взяла вся Западная Европа, кромѣ Пруссіи. Борьба на мѣстѣ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, говоритъ Муравьевъ, парализовалась, «при всей добросовѣстности Назимова (человѣка впрочемъ очень недалекаго) направленіемъ, которое давалось изъ Петербурга министромъ внутреннихъ дѣлъ» (впослѣдствіи, прибавимъ отъ себя, авторомъ романа «Лоринъ», изъ свѣтской жизни,—Валуевымъ), шефомъ жандармовъ Долгоруковымъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ: первые двое заботились лишь о томъ, какъ склонить Поляковъ *къ снисхожденію къ Россіи*, а князь Горчаковъ, раздѣляя систему дѣйствій Валуева, Долгорукова и Велепольскаго, страшился еще угрозъ Западныхъ державъ»,—опасался серьезно войны. Когда Муравьевъ былъ отправленъ наконецъ въ Вильну, правительство признавало дѣло чуть не проиграннымъ, а себя чуть не побѣжденнымъ... «Только бы удержать намъ Литву», вотъ что̀ высказывалось Муравьеву въ напутствіе при отъѣздѣ,—а о Царствѣ Польскомъ не было уже и рѣчи!..

И вся эта грозная опасность, нависшая надъ Россіей, разлетѣлась словно дымъ, какъ только страхъ вынудилъ Петербургъ допустить къ дѣйствію (нечего дѣлать!) людей—horribile dictu—«патріотовъ», т. е. съ Русскимъ образомъ мыслей, съ Русскимъ чувствомъ и направленіемъ,—дозволить свободное выраженіе Русскаго общественнаго мнѣнія! Кто вывелъ

тогда Россію изъ того позорнаго критическаго положенія, въ которомъ она находилась? Въ Сѣверо-Западномъ краѣ Муравьевъ; въ Царствѣ Польскомъ Милютинъ и князь Черкасскій, и сильнѣе всего, вызванный наглыми угрозами Запада, голосъ самого народа, раздавшійся въ тысячахъ адресовъ, обращенныхъ къ лицу Государя. Этотъ голосъ придалъ смѣлости и князю Горчакову, заслуга котораго въ томъ, что онъ едва ли не одинъ изъ правящихъ сановниковъ способенъ былъ внять народному голосу и одушевиться имъ. И что же? Достаточно было дать Европѣ достойный Россіи дипломатическій отпоръ, и Европа спасовала!... Изо всѣхъ лицъ, принявшихъ непосредственное участіе въ усмиреніи Польской крамолы, конечно, самый тяжкій жребій выпалъ именно Муравьеву, какъ первому начавшему дѣйствовать въ направленіи, противоположномъ Петербургской политикѣ, какъ выдержавшему наитруднѣйшую борьбу не съ Польскимъ только, но съ Петербургскимъ полонофильствующимъ ржондомъ, и наконецъ — какъ принявшему на себя наибольшую долю хулы, упрековъ, клеветъ, ругательствъ, чуть не гоненія за свершенный имъ спасительный подвигъ... Конечно, по усмиреніи края и по миновавіи опасности заслуги Муравьева были торжественно вознаграждены Государемъ. Однако же, съ исчезновеніемъ опасности быстро исчезла и самая о ней память: свѣжій вразумительный урокъ исторіи скользнулъ по Петербургскимъ общественнымъ высямъ, даже не взрѣзавъ слѣда. Муравьевъ сталъ козломъ отпущенія за всѣ грѣхи Русскаго правительства противъ того фальшиваго доктринерскаго либерализма, который вскорѣ, послѣ той грозной поры, снова водворился въ прежнее свое мѣсто жительства, т. е. въ освобожденныя отъ страха головы нашихъ бюрократовъ, съ такимъ «культурнымъ» презрѣніемъ судившихъ и рядившихъ кровные интересы Русской народности! Самое имя Муравьева стало какъ бы опальнымъ. Скажутъ: не Русскому направленію Муравьева отказывали въ сочувствіи, но его крутымъ, жестокимъ мѣрамъ... Фарисеи! Когда Поляки, издѣваясь, заворачивали кожу на груди убитыхъ Русскихъ солдатъ, на подобіе красныхъ лацкановъ преображенскаго мундира, и вѣшали ихъ въ такомъ видѣ на деревьяхъ, никто изъ нашихъ «либераловъ» и не думалъ приходить въ негодованіе, — а казнь Плятера, Сѣраковскаго и нѣкоторыхъ мятежниковъ, пролившихъ не мало Русской крови, привела ихъ, напротивъ, въ неописанный гнѣвный трепетъ! Повѣсятъ Поляки Русскаго священника Конопасевича, повергнутъ въ горе и нищету его семейство, — это ничего; Русскія дамы даже деньги собираютъ въ пользу плѣненныхъ злодѣевъ. Но вздумалъ Муравьевъ сжечь *до тла* усадьбу Польскаго пана, убійцы Конопасевича, и поразить Польскіе умы такою небывалою и, въ сущности, некровавою расправой, — «какое варварство», раздалось по всему Петербургу! А между тѣмъ, какъ справедливо замѣчаетъ Муравьевъ, усмиреніе Польскаго мятежа даже и сравниться не можетъ, по малому числу жертвъ и по самому свойству репрессивныхъ мѣръ, съ тѣми способами усмиренія, къ которымъ прибѣгали Англичане при бунтахъ населенія въ Индіи, — къ которымъ прибѣгали они и въ Ирландіи... И что въ сравненіи съ ними недавняя бомбардировка Александріи?

Но то Англичане! Что ни дѣлали бы они, они — господа, хозяева культуры и цивилизаціи, имъ это можно, — а намъ даже и защищаться отъ по-

боевъ культурныхъ рукъ не пристало! Такъ и теперь твердятъ корифеи нашего газетнаго либерализма, такъ твердили и тогда корифеи либерализма правительственнаго. Извѣстно, что Муравьевъ, убѣжденный, и весьма основательно, что «Поляковъ надобно бить по карману», обложилъ 10% сборомъ имѣнія Польскихъ помѣщиковъ; мѣра оказалась вполнѣ дѣйствительной. Но «таково было увлеченіе высшей Петербургской сферы — говоритъ Муравьевъ — что они, подстрекаемые Польскою партіею, хватались за самыя нелѣпыя идеи, чтобъ только обвинить и обсмѣять» принятыя имъ необходимыя мѣры къ укрощенію мятежа, «они не хотѣли понять, что *у Поляковъ нѣтъ настоящаго патріотизма, а лишь влеченіе къ своеволію и угнетенію низшихъ классовъ*, что имъ хотѣлось возстановленія древнихъ правъ Польской аристократіи, что имъ было нужно до невозможности поработить народъ и выжимать изъ него сокъ, превращая его въ *быдло* (по-Польски значитъ: *скотина*); по сей-то причинѣ паны и вообще Польская интеллигенція называли дѣйствія управленія разрушительными для общественнаго порядка и послѣдствіемъ *системы соціалистовъ*»... Въ Петербургѣ то же твердили, продолжаетъ Муравьевъ, ибо не понимали ни положенія края, ни необходимости утвердить въ немъ Русскую народность: «министръ внутреннихъ дѣлъ и шефъ жандармовъ преимущественно противодѣйствовали и старались поколебать довѣріе Государя къ мѣстному (Муравьевскому) управленію, причемъ старались распространить мысль, что мѣры эти приведутъ къ гибельнымъ послѣдствіямъ въ самой Россіи, и потому министръ внутреннихъ дѣлъ долго не допускалъ обязательнаго выкупа крестьянами земель въ Западныхъ губерніяхъ»!...

«Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ» — хотѣлось бы сказать — но увы! Можетъ быть когда-нибудь стихъ этотъ придется и кстати, но еще не теперь. Никакого труда не требуется для того, чтобы повѣрить бывшему за двадцать лѣтъ, когда недавно, почти на дняхъ, видѣли мы и видимъ невѣроятное.

Развѣ вскорѣ за Муравьевымъ, когда, — по собственнымъ словамъ этого замѣчательнаго умомъ и характеромъ Русскаго человѣка, этого «грознаго проконсула» и «палача», по выраженію иностранныхъ публицистовъ, — оставалось только правительству «воспользоваться тяжкимъ урокомъ и положить конецъ Польской крамолѣ въ Западномъ краѣ, признавъ его окончательно Русскимъ, *не силою оружія только, но моральнымъ въ немъ возрожденіемъ долго подавляемыхъ исконныхъ Русскихъ началъ*» — не былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ этого края Потаповъ? Потаповъ, который какъ бы поставилъ себѣ задачею рушить все сдѣланное Муравьевымъ, затоптать всѣ весело взбѣжавшіе сверхъ изъ почвы Русскіе ростки, разогнать всѣхъ хорошихъ, способныхъ Русскихъ людей, повергнуть вновь въ уныніе духъ Бѣлорусскаго населенія! Развѣ наконецъ не то же ли торжество, если не Польской крамолы, то не менѣе вредной «малосмысленности», дерзко презирающей Русскую народность и нагло рабствующей предъ «цивилизованнымъ Западомъ», явила намъ послѣдняя наша война съ Турціей? Какъ тогда царь вѣрнымъ царскимъ инстинктомъ угадалъ — кого было нужно послать въ Сѣверо-Западный край и вызвалъ бурю тайнаго негодованія въ окружающемъ его сонмѣ, — такъ и въ 1876 году тотъ же царь, подъ наитіемъ духа исторіи, осѣнившаго его въ Мо-

сковскомъ Кремлѣ, произнесъ свое знаменитое историческое слово, которымъ призвалъ весь свой народъ къ мощному единству мысли и дѣла съ собою; но едва лишь возвратился онъ въ Петербургъ, Петербургская среда, даже съ необычайной ей дерзостью, оплела его такою сѣтью противодѣйствія, что смутило и духъ царя, и духъ самого народа. Не она ли, эта «высшая Петербургская сфера», по выраженію Муравьева, виновна во всѣхъ невзгодахъ войны? И если въ 1863 году — совѣстно вспомнить, — у насъ опасались потерять даже Литву, то еще стыднѣе вспомнить, что послѣ блистательнѣйшихъ побѣдъ 1877 года Россія и въ самомъ дѣлѣ добровольно потеряла значительную часть плодовъ побѣды и явилась на Европейскомъ ареопагѣ въ качествѣ побѣжденной и подсудимой!! Это вѣдь еще невѣроятнѣе. Какъ въ 1863-мъ году, такъ и въ 1878 году никакою серьезною опасностью войны намъ ниоткуда не угрожало, но въ 63-мъ году Россія развѣяла призракъ однимъ твердымъ словомъ, а въ 78-мъ г. — духа не стало! возобладало то самое противонародное направленіе, на которое указываетъ въ своихъ запискахъ и Муравьевъ. Чему нельзя повѣрить, если всего четыре года назадъ, былъ возможенъ Берлинскій трактатъ? Если нашлись люди — и Россія ихъ имена не забудетъ во вѣкъ — которые особенно порадѣли надъ этимъ трактатомъ, съ необычайной угодливостью и поспѣшностью улаживая всѣ помѣхи для его заключенія!.. И развѣ теперь вполнѣ свободна «Петербургская сфера» отъ этихъ враждебныхъ Россіи вліяній? Развѣ и теперь Польскіе магнаты и Нѣмецкіе бароны не представляются слабоумію нѣкоторыхъ нашихъ круговъ носителями консерватизма по преимуществу, чуть не самымъ благонадежнымъ элементомъ, которому, за такое достоинство можно пожалуй и поступиться правами и благомъ преданнаго Россіи населенія и существенными интересами Русской народности?...

Единственное консервативное и благонадежное начало управленія въ Россіи, — оно же самое либеральное и прогрессивное, — это начало національное Русское; это то, что̀ полезно и добро для Русскаго народа и государства. Оно же, по милости Божіей, по большей части не противорѣчитъ у насъ и требованіямъ высшей нравственной правды...

Объ украйнофильской агитаціи львовской газеты «Дѣло».

Москва, 20-го ноября 1882 г.

Мы въ долгу предъ газетой «Дѣло» (читай: *Дило*), напечатавшей въ своемъ № 83-мъ, 27-го *жовтня* (т. е. октября: можно побиться объ закладъ, что современный галицкій народъ никакого «жовтня» не знаетъ) цѣлую «отповѣдь» 41-му № «Руси». Газета «Дѣло» издается во Львовѣ. Она служитъ органомъ тѣхъ недальновидныхъ и мало остроумныхъ русскихъ Галичанъ, которые въ свою очередь (конечно безсознательно, по крайней мѣрѣ мы желаемъ такъ думать) служатъ орудіемъ тайнаго Австрійско-Польскаго замысла, направленнаго противъ единства и цѣлости Русской державы, — орудіемъ безсмысленной и безплодной агитаціи въ смыс-

лѣ малороссійскаго сепаратизма, образованія общаго союза или выдѣленія изъ Русской державы и Русскаго народа 18-ти (!?) милліоновъ «Руссиновъ» на федеративномъ началѣ! Попытаемся объяснить читателямъ историческое происхожденіе этой дѣятельной въ настоящее время агитаціи.

Извѣстно, что при первомъ раздѣлѣ Польши въ 1772 г. императрица Австрійская Марія-Терезія, хотя и обронила нѣсколько слезъ по поводу расчлененія сосѣдняго государства, тѣмъ не менѣе согласилась насиловать свою робкую совѣсть и захватила (даже очень поспѣшно, ранѣе подписи раздѣльнаго акта,—захватила войсками) Галицію, населенную почти сплошь, за исключеніемъ западной ея части, тѣмъ Русскимъ племенемъ, которое по говору и по быту подходитъ къ малороссійской его разновидности. Впрочемъ о замѣнѣ Польскаго подданства Австрійскимъ Галицкая Русь въ ту пору, конечно, не пожалѣла, да и повода къ тому не было: господствующимъ классомъ были Поляки, и русское населеніе, т. е. народныя массы, могло надѣяться (и не ошиблось) на защиту Австрійскаго правительства отъ несноснаго Польскаго помѣщичьяго гнета... Россія тогда только слагалась и еще не собрала всю Русскую землю, но съ послѣднимъ раздѣломъ Польши всѣ разновидности Русскаго племени, исключая Руси Угорской и Галицкой, слились въ одинъ великій Русскій народъ и вошли въ составъ единой Русской державы, ставшей такимъ образомъ непосредственнымъ сосѣдомъ и Галича. Сосѣдство для Австріи, съ точки зрѣнія ея правительства, весьма неудобное. Оно не могло не будить въ Галичанахъ сознанія ихъ племеннаго единства съ тѣмъ Русскимъ народомъ, духомъ котораго создано одно изъ могущественнѣйшихъ въ свѣтѣ государствъ и который, особенно послѣ изгнанія изъ предѣловъ Россіи Наполеона, наполнилъ славою своихъ подвиговъ весь міръ, явился спасителемъ цѣлой Европы. Къ счастію однакожъ для Австріи, Русское правительство не только никогда не употребило во зло своего сосѣдства, но, казалось, поставило себѣ особливою задачею блюсти и поддерживать цѣлость Австрійской монархіи столь же ревниво, какъ и Австрійскіе государственные люди. Оно какъ бы отказывалось признавать даже фактъ единоплеменности съ Россіей значительной части Австро-Мадьярскихъ подданныхъ (Да и до сихъ поръ на картахъ Русскаго генеральнаго штаба и даже въ оффиціальныхъ гимназическихъ учебникахъ географіи Русскіе и Славянскіе въ Австріи города красуются подъ Нѣмецкими кличками, а не подъ ихъ Русскими или Славянскими, употребительными въ народѣ именованіями, напр., Лембергъ вмѣсто *Львовъ*,—Аграмъ, вмѣсто *Загребъ*, Лайбахъ вмѣсто *Любляна*, и т. д.). Мало того: когда Австрія, въ 1849 г., была на краю гибели, угрожаемая взбунтовавшимися Мадьярами (при участіи того самаго графа Андраши, который еще недавно былъ первымъ министромъ Австріи, остается и теперь главнымъ вдохновителемъ Австрійской политики), она была спасена и возстановлена во всѣхъ своихъ государственныхъ правахъ, въ своемъ господствѣ надъ входящими въ ея составъ племенами, никѣмъ инымъ, какъ Русскими же войсками, вслѣдствіе мольбы юнаго Австрійскаго императора. Изъ разсказа объ этомъ спасительномъ для Австріи Русскомъ походѣ, напечатаннаго въ 50-хъ годахъ въ «Русской Бесѣдѣ», видно, какому диву дались Русскіе солдаты, не подозрѣвавшіе о существованіи Русскихъ внѣ предѣловъ Русской державы: «какъ же это такъ — спрашивали они офицеровъ — люди одного съ нами

языка, какъ есть наши, да не подъ нашимъ царемъ?» Несмотря на такое недоумѣніе, Русскія войска не только не пытались колебать подданнической вѣрности въ подвластномъ Австріи Русскомъ населеніи, но, какъ сказано выше, возстановили надъ нимъ поколебавшуюся было Австрійскую власть. Однакожъ все это ревностное, безкорыстное, доблестно-честное служеніе Русскаго правительства интересамъ Австрійскимъ не спасло его отъ самыхъ низкихъ подозрѣній въ тайныхъ козняхъ и проискахъ. Этого мало: долгъ благодарности за оказанное благодѣяніе (нисколько не затруднительный для великихъ духомъ и силой народовъ) оказался слишкомъ тяжелъ для монархіи, въ которой и народа-то нѣтъ,—народа, опредѣляющаго своею народною личностью характеръ и бытіе государства,—а имѣется лишь случайная совокупность различныхъ духовно-разрозненныхъ племенъ. Въ Австріи, какъ извѣстно, единство національной души, ходъ и развитіе органической цѣльной національной жизни замѣняются механизмомъ управленія и искусствомъ взаимнаго сочетанія и противопоставленія или балансированія племенныхъ эгоизмовъ и интересовъ. Подобному правительству нравственныя обязательства и не подъ силу. Какъ ни смирна и смиренна наша Россія, но сознавать себя спасенною именно ею было нисколько не лестно для Австрійской государственной власти при единоплеменности большинства Австрійскихъ подданныхъ съ Русскимъ народомъ, и Австрія воспользовалась первымъ удобнымъ случаемъ — Крымской войною, чтобъ отплатить намъ самою «черною», какъ тогда выражались, «неблагодарностью», поразившею на смерть рыцарское сердце императора Николая. Мы, впрочемъ, нисколько не расположены винить ее за такой образъ дѣйствій. Онъ обусловливается самыми условіями бытія этой монархіи, именно съ той поры, какъ Наполеонъ I сдвинулъ ее съ исторической ея основы и изъ Священной Римской имперіи низвелъ на степень имперіи Австрійской. Эти условія самыя печальныя и способны вчуже внушить сожалѣніе. Несчастной имперіи приходится ежечасно томиться заботой и страхомъ, постоянно ломать голову надъ вопросомъ: «чѣмъ ей быть», вѣчно заниматься эквилибристикой съ вѣчнымъ опасеніемъ потерять равновѣсіе и упасть. Изъ Австрійской она обратилась теперь уже въ Австро-Венгерскую имперію, но и эта форма едва ли долго продержится. Она въ постоянныхъ поискахъ за тѣмъ соусомъ, подъ которымъ долженъ быть изготовленъ тотъ пестрый винегретъ, на который такъ похожъ ея внутренній племенной составъ, или, говоря безъ сравненій—за началомъ объединяющимъ. Она не можетъ существовать сама о себѣ. Утративъ поддержку Россіи, она утратила вслѣдъ затѣмъ свои итальянскія владѣнія и безъ особеннаго труда была вышвырнута изъ состава Германіи, чѣмъ и былъ ослабленъ нѣмецкій, до той поры главный связующій Австрію цементъ. И теперь она сильна единственно лишь поддержкою Пруссіи, или пожалуй «Германской имперіи», которая указала ей новую политическую перспективу — на Славянскомъ Югѣ, за Дунаемъ, и увѣрила ее, что поглощеніе Славянскихъ племенъ, претвореніе ихъ въ «Австрійскую національность» — вотъ отнынѣ призваніе Австріи. Австрія и повѣрила, но, за неимѣніемъ единой физіологической національной основы, пытается возсоздать эту національность на основѣ католическаго единства. Торжество ея въ этомъ направленіи будетъ вмѣстѣ и торжествомъ католицизма. Впрочемъ, до торжества еще далеко. Какъ

ни увѣрена Австрія въ Германской поддержкѣ, тѣмъ не менѣе самою могучею помѣхою, самымъ грознымъ пугаломъ для нея попрежнему остается Россія съ ея естественною, нравственною центростремительною для Славянъ силою, при полномъ отсутствіи какихъ бы то ни было властолюбивыхъ не только происковъ и умысловъ, но даже и помышленій. Оттого и это постоянное недовѣріе, постоянная враждебность Австрійскаго правительства къ Россіи,—враждебность, особенно распалившаяся съ той поры, какъ цѣлью всей его политики стали захватъ и претвореніе Славянъ, даже православныхъ и на Балканскомъ полуостровѣ, въ Австрійско - католическую національность. Изъ-подъ пасти медвѣдя, даже тихаго какъ овечка, не совсѣмъ-то безопасно красть медвѣжатъ... Вотъ почему, даже противъ желанія государственныхъ правителей Австро-Венгріи, въ ней снуютъ въ воздухѣ предчувствія и ожиданія войны съ Россіей, которая сама настроена вовсе не воинственно и ни на кого нападать не собирается; вотъ почему Австро-Венгрія только о томъ и заботится, да и не можетъ, по самой политической природѣ своей, не заботиться — какъ бы, тѣмъ или другимъ способомъ, ослабить внутреннюю цѣлость и крѣпость Россіи и силу внутренней, духовной и нравственной ея связи съ міромъ Славянскимъ... Въ безумной слѣпотѣ своей Австро-Мадьярскія власти сами готовятся поставить Россіи вопросъ: быть ей или не быть, и вынудить ее на отвѣтъ... Лучше бы не вынуждали...

Но мы зашли далеко впередъ и возвратимся къ Галиціи. Конечно, первою заботою Австріи, по пріобрѣтеніи этой Русской области, было подточить узы единоплеменности ея съ Россіей, хотя впрочемъ, вслѣдствіе значительнаго различія историческихъ судебъ Галича и нашей Украйны, узы эти и не представляли тогда особенно жизненной силы. Съ этою цѣлью, даже предваряя пробужденіе національнаго сознанія въ массахъ Галицкаго Русскаго населенія, Австрійское правительство дало Галичанамъ оффиціальное именованіе *Рутеновъ* и старалось установить мнѣніе, что они народъ совершенно особый,—не Русскіе, а «Русины». И это ей отчасти удалось. Если въ Галиціи каждый Русскій крестьянинъ въ отдѣльности и называетъ себя Русиномъ, то во множественномъ числѣ, по духу Русскаго языка, можно сказать ужъ никакъ не *Русины*, а Руссы, или Русскіе, точно также какъ Болгаринъ, Турчинъ во множественномъ не Болга*рины* и не Тур*чины*. Тѣмъ не менѣе, такое отеческое внушеніе правительства пришлось теперь, какъ видно, по сердцу партіи, одержимой страстью выдѣлить Малорусскую разновидность Русскаго племени со всѣми ея подраздѣленіями изъ Русской державы. Газета «Дѣло», въ своемъ отвѣтѣ намъ, зачисляетъ въ *Русины* жителей не только Волыни, Подола, Кіевской, Полтавской, Черниговской, но и Новороссійскихъ, и Харьковской, чуть даже не Воронежской губерніи, и число таковыхъ «Руссиновъ», обособляя ихъ отъ остальной Россіи, опредѣляетъ въ 18 милліоновъ, которые всѣ дескать призваны къ отдѣльному *развою* (развитію) и будущности! Вотъ подивятся не только жители Харькова или Одессы, но и полтавскіе казаки такой новой, неслыханной для нихъ кличкѣ! Какъ ни забавно-нелѣпо такое усердіе издателей «Дѣла», оно совершенно на руку и Австрійскимъ правителямъ, и Полякамъ... Авось-либо, такъ или иначе, удастся помутить и безъ того не очень крѣпкій смыслъ юной Русской интеллигенціи и произвести путаницу въ ея понятіяхъ —

выдавши такое названіе за одну изъ принадлежностей «либеральной» программы будущаго съ *федераціею* включительно! Не знаемъ только на чемъ остановились наши домашніе сепаратисты: на «Южноруссахъ» или «Русинахъ»?!

Въ своей неусыпной заботѣ объ огражденіи Русскаго Галицкаго населенія отъ вліянія Россіи, Австрійскія власти зорко слѣдили за тѣмъ возбужденіемъ народнаго сознанія, которое естественно проявилось въ Галиціи вмѣстѣ съ подъемомъ образованія, но на которое—въ этомъ нельзя не сознаться—особенно сильно воздѣйствовалъ духовный и политическій ростъ самой Россіи, широкое и блестящее развитіе Русской литературы, и болѣе всего—возникновеніе въ самомъ нашемъ отечествѣ народнаго направленія какъ въ словесности, такъ и въ наукѣ. Это воздѣйствіе нисколько не касалось области политической, а выразилось лишь въ области языка и литературы, но для предусмотрительности Австрійской никакія мелочи не были слишкомъ мелки. Независимо отъ грозныхъ репрессивныхъ мѣръ противъ всякаго открытаго сочувствія Русскому народу въ Россіи (мѣръ, въ которыхъ, конечно, главными пособниками Австріи были Поляки), кажется еще гораздо ранѣе появленія у насъ «украйнофиловъ», Австрійское правительство начало заботиться объ удержаніи въ Русской Галицкой письменной рѣчи особенностей Малорусскаго нарѣчія. Предметами министерскихъ распоряженій стали и буква ъ, которую циркулярами велѣно было одно время выкинуть, и разныя отдѣльныя частички, фонетика и грамматика, и синтаксисъ... Понятно поэтому, что возникновеніе въ самой Россіи «украйнофильства» было какъ разъ кстати для Австрійской власти, которая въ дальновидности своей очень хорошо понимала, что оно не грозитъ Австріи никакою серьезною опасностью, а сослужитъ службу можетъ. Однако же долго, очень долго «украйнофильство» не находило себѣ почвы въ Галиціи и не въ силахъ было ослабить того литературнаго и духовнаго единенія съ великою цѣлостью всего политически-самостоятельнаго Русскаго народа, къ которому стремились лучшіе люди несамостоятельной Руси Галицкой.

Мы уже довольно говорили объ «украйнофильствѣ» и прежде: прибавимъ къ тому лишь нѣсколько словъ. Малороссы всегда отличались особенно сильною, прочною любовью къ своей родинѣ; эта любовь заслуживаетъ только уваженія и всегда встрѣчала себѣ полное сочувствіе въ Русскомъ обществѣ вообще, а въ частности именно у представителей того направленія, къ которому принадлежитъ и наша газета. Бодянскій, Максимовичъ, Гоголь и многіе другіе *щирые* Малороссы были близкими людьми въ домѣ отца редактора «Руси» въ теченіе десятковъ лѣтъ. Въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, сбираясь у автора «Семейной Хроники», Гоголь и другіе Малороссы вмѣстѣ съ нимъ проводили цѣлые вечера въ дружномъ, подъ акомпаниментъ рояли, пѣніи малороссійскихъ пѣсенъ (которыхъ въ домѣ имѣлось обильное собраніе съ записанными на нотахъ мотивами). Особеннымъ одушевленіемъ отличался всегда Гоголь, обыкновенно сумрачный, задумчивый, а тутъ притопывавшій и прискакивавшій... Но никому изъ этихъ Малороссовъ и въ голову никогда не всходило назваться «украйнофиломъ». Всякій изъ нихъ съ негодованіемъ отвергъ бы мысль о какомъ-либо сепаратизмѣ или федераціи, и ужъ конечно ни Гоголь, ни Максимовичъ ни за что въ мірѣ не отказались бы отъ литературнаго Русскаго

языка, ими такъ страстно любимаго и лелѣемаго! Съ какимъ бы ужасомъ, какъ отъ святотатства, отпрянули они отъ уродованія полнозвучныхъ гармоническихъ стиховъ Пушкина или Лермонтова чрезъ переложеніе ихъ на говоръ мужиковъ изъ-подъ Гадяча или Лубенъ! Замѣчательно, что всѣ эти горячіе Малороссы были наиболѣе связаны дружбой и сочувствіемъ съ кругомъ такъ-называемыхъ славянофиловъ,—людей, для которыхъ единство, цѣльность и величіе всей нераздѣльной Руси было всегда одною изъ самыхъ дорогихъ заповѣдей. Допуская полную свободу любви къ родинѣ, полный просторъ мѣстнымъ обычаямъ и народному говору, всѣ они, и Москвичи и Малоруссы, дружно и братски обнявшись, стремились къ одной цѣли, слагали общія усилія, дабы единымъ путемъ, широкимъ братскимъ союзомъ, *всею* Русскою землею подвигать свое общее отечество къ исполненію его мірового историческаго призванія, къ высшему просвѣщенію, къ познанію самого себя, къ проявленію въ силѣ всѣхъ сокровищъ народнаго духа, таящагося во всѣхъ разновидностяхъ Русскаго племени... А возможно ли это безъ высшаго выраженія духовнаго единства—единаго литературнаго языка? Развѣ высшее развитіе призвано не обобщать, а рознить? не поглощать провинціализмы, а укрѣплять ихъ?

Въ концѣ сороковыхъ годовъ, кажется, возникъ въ Кіевѣ небольшой кружокъ, которому, въ подобіе кличкѣ «славянофиловъ», данной Бѣлинскимъ небольшому кружку людей, преданныхъ дѣлу нашего народнаго самосознанія, кто-то и когда-то присвоилъ названіе «украйнофиловъ». Въ нихъ любовь къ Малороссіи доходила до нѣкоторыхъ излишествъ, выражалась преимущественно въ увлеченіи «казачиной», да «гетманщиной», что все объяснялось пыломъ юности и не представляло ничего серьезно предосудительнаго, кромѣ лишь нѣкоторыхъ неосторожныхъ, необдуманныхъ рѣчей. Къ сожалѣнію, правительство той поры отнеслось къ такимъ неосторожностямъ слишкомъ строго: нѣкоторые изъ этихъ «украйнофиловъ» были высланы, а Шевченко попалъ въ солдаты, въ Закаспійскую степь. Когда, во второй половинѣ 50-хъ годовъ, Шевченко былъ возвращенъ и довольно долго прожилъ въ Москвѣ, мы имѣли возможность узнать его довольно близко. Онъ часто посѣщалъ больного въ то время автора «Семейной Хроники», сердечно полюбилъ его, и въ настоящую минуту предъ глазами нашими—подаренный ему, съ собственноручною надписью Шевченка, оттискъ (едва ли не единственный) портрета, снятаго поэтомъ съ себя самого и вырѣзаннаго имъ на мѣди или на деревѣ... Мы можемъ свидѣтельствовать, что ни малѣйшаго озлобленія на насъ, «москалей», Тарасъ Шевченко въ то время не питалъ, восхищался,— какъ и мы всѣ и притомъ какъ своими, родными,—мастерскими созданіями Русскаго литературнаго языка, да, наконецъ, онъ и самъ свой собственный дневникъ въ степи писалъ не по-Малорусски и не по-«Русински», а по-Русски или «по-Россійски», какъ любитъ выражаться газета «Дѣло»... Для насъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что то варварское искаженіе, которому подвергаютъ Пушкина и другихъ писателей, въ томъ числѣ и самого Гоголя, усердные переводчики ихъ твореній на «Русинскій» или «Украинскій» языкъ, привело бы его въ ужасъ и негодованіе, и не только какъ сына Русской земли, а даже просто какъ художника: эти переводы вѣдь — верхъ безвкусія и безобразія, и мы думаемъ, что даже Гете, переведенный на платъ-дейтшъ.

или Корнель на бретонское патуа — выходятъ лучше. Ничего общаго не имѣетъ кобзарь Тарасъ съ его малосмысленными и притомъ, очевидно, лишенными всякаго художественнаго чутья поклонниками, пытающимися сдѣлать изъ его имени какой-то политическій символъ! Кстати: въ 85 № газета «Дѣло» мечетъ громы за то, что могила Шевченка упала отъ старости и курганъ, въ которомъ онъ положенъ, разсыпается. Газета разсказываетъ — и то конечно совершеннѣйшій вздоръ — что всякій разъ, какъ «вѣрны сыны Руси подносили гадку реставраціи могилы», то за это одно несли «тяжкія кары». Никто, вѣроятно, никогда и не препятствовалъ исправленію могилы, а обсыпалась она оттого, что поставлена въ такомъ мѣстѣ, гдѣ надзирать за нею некому. Вѣроятно, препятствія исправленію не послѣдуютъ и теперь, если только такое исправленіе не послужитъ предлогомъ для глуповатыхъ манифестацій. Однакожъ «Дѣло», въ заносчивости своей, а можетъ быть и въ сознаніи своей связи съ Австрійскою властью, грозитъ Россіи, что если «закордоннымъ» (т. е. нашимъ, украинскимъ) *Русинамъ* (?!) не позволятъ привесть въ порядокъ могилу Шевченка, то львовскіе Русины положили отнестись *до кого слѣдуетъ* съ просьбою о дозволеніи реставраціи... До кого же именно? Ужъ не до Австрійскаго ли правительства, дипломатическимъ путемъ?!

Но это мимоходомъ. Вся эта привязанность Малороссовъ къ Малороссіи, даже подъ именемъ «украйнофильства», не представляла никакой вредной стороны вплоть до самаго конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ, когда, одновременно съ распространеніемъ ученія Чернышевскаго и съ зарожденіемъ нигилизма, стали чинить смуту въ Русскомъ обществѣ и преимущественно въ средѣ молодежи—Поляки; при ихъ именно тайномъ содѣйствіи начали проявляться у насъ первыя попытки практическаго революціонерства. Фальшивыя либеральныя вліянія, какъ извѣстно, были тогда въ особенно сильномъ ходу, властвовали деспотически умами во всѣхъ слояхъ общества, и многіе, не мысля даже ничего злого, а такъ, увлеченные призракомъ «либерализма», сослѣпу попадались въ ловушку. Просимъ извиненія у читателей, что обращаемся снова къ личнымъ воспоминаніямъ, но они кое-что поясняютъ. Осенью 1861 г. Поляки, уже подготовлявшіе возстаніе (что въ то время отрицалось съ паѳосомъ благороднаго негодованія какъ всѣми начальствами, такъ и публикою, одинаково либеральничавшими), учинили торжественное публичное собраніе въ Городлѣ, въ память Люблинской уніи, составили и обнародовали протоколъ о томъ, что требуютъ возстановленія Польши въ старыхъ предѣлахъ, которые тутъ же и перечислили, включивъ туда не только Бѣлоруссію, но и всю Малоруссію, Кіевъ, Черниговъ и даже Смоленскъ. Эта наглая выходка возмутила насъ, и мы, во 2-мъ № только-что начавшагося «Дня», 21 октября 1861 г., сказали по этому поводу нѣсколько нескрепнихъ словъ Полякамъ, назвавъ ихъ—по нашему мнѣнію еще очень умѣренно—только «безумными», «безуміемъ какъ Божіей карой пораженными, спѣшащими затушить всякую искру возможнаго къ нимъ сочувствія». Такое не изысканно-деликатное отношеніе къ Полякамъ было тогда не въ обычаѣ и произвело взрывъ «либеральнаго» негодованія въ Русскомъ обществѣ — противъ редактора «Дня»!... Со всѣхъ сторонъ получили мы бранныя, даже ругательныя письма и записки, и между прочимъ длинное посланіе отъ Ма-

лороссійской колоніи въ Петербургѣ, издававшей тамъ «Основу» частью на Русскомъ литературномъ языкѣ, частью на Украинской *мови* (Журналъ этотъ черезъ годъ или два зачахъ, за недостаткомъ подписчиковъ).

Это посланіе было покрыто множествомъ подписей, въ томъ числѣ двухъ профессоровъ Петербургскаго университета; одна подпись гласила: «православный Полякъ»... Оно содержало въ себѣ строгій намъ нагоняй отъ имени или во имя Малороссійскаго народа, объясняло съ задоромъ, что между Малороссами и Поляками нѣтъ теперь ни вражды, ни розни, что прежній антагонизмъ истекалъ единственно изъ соціальныхъ условій, но что съ уничтоженіемъ крѣпостного права условія эти рушились, и нѣтъ-де отнынѣ у Малорусскаго народа никакого повода къ непріязненному отношенію къ Полякамъ! напротивъ, Поляки и Малороссы должны и могутъ теперь соединиться вмѣстѣ для созданія новыхъ формъ политическаго бытія... Въ заключеніе высказывалось презрительное сожалѣніе, что редакторъ «Дня», очевидно, не способенъ даже и возвыситься мыслью до понятія о федераціи. Однимъ словомъ—это посланіе мало чѣмъ отличалось отъ позднѣйшихъ программъ Драгоманова и К°, и самой газеты «Дѣло»... Мы, конечно, не замедлили отвѣтить федералистскому собору также посланіемъ, хотя и единоличнымъ, въ которомъ вступились за Малорусскій народъ, такъ безсовѣстно оклеветанный его самозванными глашатаями, и на основаніи пѣсенъ и историческихъ фактовъ доказали—кажется несомнѣнно—что поводъ къ возстаніямъ казаковъ заключался вовсе не въ соціальныхъ только условіяхъ, а главнымъ образомъ въ антагонизмѣ національномъ и вѣроисповѣдномъ; мы напомнили о притѣсненіяхъ и насиліяхъ религіозныхъ, чинимыхъ въ былыя времена Поляками, которые и до сихъ поръ не измѣнили своихъ воззрѣній на «хлопью» или «песью», т. е. Русскую православную вѣру, и до сихъ поръ такіе же фанатики папизма, какъ и встаръ; мы указали на извѣстный фактъ, что Малороссійскій крестьянинъ готовъ убить каждаго, кто назоветъ его Мазепой, т. е. именемъ излюбленнаго сепаратистами героя; мы утверждали наконецъ, что отдѣлять Малороссію отъ Россіи, хотя бы въ видѣ какой-то федераціи, это все равно, что рѣзать ножомъ по живому тѣлу, или кроить живой цѣльный организмъ; что авторы посланія измѣняютъ завѣтамъ того самаго народа, которому думаютъ служить или увѣряютъ, что служатъ... Увы! пришлось ждать недолго и наши слова съ яркостью оправдались. Какъ только вспыхнуло (чрезъ годъ съ небольшимъ) Польское возстаніе въ Малороссіи, народъ справился съ нимъ самъ, въ два дня,—перевязалъ бунтующихъ Поляковъ и явилъ предъ всѣмъ свѣтомъ—на чьей онъ, народъ, сторонѣ. Сколько мы знаемъ, у большей части подписавшихъ посланіе глаза въ ту пору раскрылись и опростались отъ напущеннаго въ нихъ Поляками тумана. Въ сердце «православнаго Поляка» мы не проникали. Но думаемъ, что для него, какъ и вообще для Поляковъ, никакіе уроки исторіи не вразумительны. Впрочемъ, мало вразумительны они и для нашихъ Русскихъ глаголемыхъ «либераловъ». Ничто не могло ихъ отрезвить, ни даже обнародованіе секретной инструкціи знаменитаго Мѣрославскаго, который, выражая глубочайшее презрѣніе къ Русскому модному либерализму, поучалъ своихъ Поляковъ, что Русскому юношѣ слѣдуетъ только помахать предъ носомъ погремушкой либеральнаго тона,—онъ такъ се, по простотѣ своей, и цапнетъ и попа-

дется на Польскую уду, т. е. послужить, самъ того не подозрѣвая, Польскимъ цѣлямъ, поможетъ Полякамъ достичь *своего:* а разъ мы своего достигнемъ, поясняетъ Мѣрославскій, такъ мы съ этимъ Русскимъ пустоголовьемъ легко справимся, — покуда же станемъ толковать имъ и о федераціи, и о соціализмѣ,—о чемъ угодно!

Что бы ни говорило «Дѣло» на своемъ уродливомъ языкѣ, будто мы напрасно позволяемъ себѣ «обвиноватчувати и засуджувати цѣлые 18-ть милліоновъ Русиновъ» въ солидарности съ Польскими и разными революціонными замыслами, что эти 18 милліоновъ желаютъ только *розвоя* своей особой литературы, просвѣты и т. д., что мы принадлежимъ къ ворогамъ, которые *пхають* державу (т. е. нашу Россію) на «неприродный путь», но оно говоритъ неискренно. Не мы пхаемъ, а «Дѣло», партія федералистовъ и Поляки пхаютъ Русскую державу на путь неприродный, неисторическій и ведущій къ гибели. Не народъ обвиняемъ мы, а тѣхъ, которые, составляя интеллигенцію въ своемъ народѣ, всячески стараются искривить его инстинкты и сознаніе. Что Полякамъ «пханіе» Русиновъ» къ обособленію отъ Россіи и къ федераціи на руку — это мы выше доказали. Осуществленія федераціи они не чають, во всякомъ случаѣ этой угрозы не опасаются, ни отъ Волыни и Подола, ни отъ Бѣлоруссіи отказаться не хотятъ: Краковская газета «Часъ» надняхъ исчислила Поляковъ въ количествѣ 22-хъ милліоновъ, включивъ сюда, конечно, и 18 милліоновъ «Русиновъ»! Но по вѣрнымъ Польскимъ соображеніямъ, насколько въ Русской молодежи федералистовъ, настолько менѣе у Россіи полезныхъ гражданъ и вѣрныхъ слугъ... Что федералистическія затѣи не чужды связи съ нашими революціонными партіями, это подтверждается тѣмъ, что на знамени послѣднихъ *федерализмъ* состоитъ въ числѣ трехъ сакраментальныхъ словъ вмѣстѣ съ «коммунизмомъ» и «коллективизмомъ»... Это не значитъ, конечно, что каждый мечтающій о федераціи въ то же время террористъ и революціонеръ; это значитъ только, что каждый федералистъ, переходящій отъ мечты къ *проповѣди*, служитъ въ то же время, самъ того не понимая, программѣ революціонной, и во всякомъ случаѣ сѣетъ смуту, — а это понимать онъ обязанъ, если въ его головѣ хоть на одинъ лотъ смысла.

Мы достаточно, кажется, пояснили, что уважаемъ въ каждомъ любовь къ родинѣ и къ народному творчеству, но мы, конечно, со всѣмъ Малорусскимъ народомъ, такъ жестоко оклеветаннымъ «Дѣломъ», г. Драгомановымъ и всѣми современными «украйнофилами», будемъ всѣми силами противиться всякому посягательству на то единство Русской земли, которое жило въ ея сознаніи еще до Татаръ, когда, по выраженію лѣтописца, сходилась въ Кіевѣ «вся земля просто Русская» (т. е. не одни «Русины», но и Новгородъ, и Смоленскъ, и Курскъ, и Ростовъ, и прочія области) и которое, послѣ раздѣленія Русской земли временно на два русла (Западное и Восточное), предносилось предъ нею въ теченіе долгихъ многострадальныхъ вѣковъ, пока дружными усиліями не было вновь созиждено въ видѣ *всея* Россіи. Мы не видимъ никакой надобности препятствовать безплодной и смѣшной забавѣ сочинять и издавать сочиненія и переводы на Малороссійскомъ крестьянскомъ говорѣ. Жаль, конечно, что на это тратятся время и силы; впрочемъ, объ утратѣ подобныхъ силъ, обличающихъ такое совершенное отсутствіе художественнаго вкуса и такую скудость пониманія, и

жалѣть-то едва ли стоитъ. Въ подобной скудости понимания слѣдовало бы обвинить и самое «Дѣло», но на это, по нѣкоторымъ даннымъ, не имѣемъ права, и потому вынуждены предположить нѣчто совсѣмъ другое. Можемъ ли мы повѣрить искренности «Дѣла», когда оно выражаетъ негодованіе, что въ *Одессѣ* и *Харьковѣ* не даютъ «жизненнаго права мѣсцевой (т. е. мѣстной) Руской (т. е. Малорусской, не на «Россійскомъ» языкѣ) «литературѣ»? Мѣстный языкъ Одесситовъ и Харьковцевъ — языкъ газеты «Дѣло»! Зачѣмъ такъ жестоко ихъ *пхати, обвиноватчувати* и *засуджувати?!*. Во всемъ этомъ кривоблужданіи мысли и вкуса можно, пожалуй, не усматривать никакой политической опасности; мы и не усматриваемъ, но не можемъ оставаться равнодушными къ тому, что можетъ быть нѣсколько сотенъ юношескихъ головъ набиваются дурью, дѣлающею ихъ непригодными для серьезнаго труда на пользу Россіи и въ то же время пролагающею имъ торную дорожку въ станъ враговъ Русскаго народа и государства...

При чемъ же тутъ Австрія? А вотъ при чемъ. Вся ея задача въ томъ, чтобъ искоренить въ сердцѣ Русскаго Галицкаго населенія сочувствіе и тяготѣніе, хотя бы только духовное, къ Россіи. Прилагала она къ рѣшенію этой задачи разные способы, такъ какъ одною грубостью репрессивныхъ мѣръ можно было бы достичь только обратнаго результата, т. е. усилить въ народѣ симпатію къ Русской державѣ. Австрія то льстила населенію, допуская развитіе національнаго элемента въ умѣренной степени и подъ строгимъ надзоромъ, то отдавала Галицкую Русь подъ тяжкую опеку Польскаго класса, къ которому принадлежитъ все Галицкое дворянство. Польская автономія въ Галиціи совершенно подкупила Поляковъ въ пользу Австріи и дала имъ возможность легально, всѣми конституціонными, хотя и въ высшей степени неправедными способами двигать впередъ, и не безъ успѣха, дѣло ополяченія и окатоличенія Галицкой Руси. Лучшихъ церберовъ на стражѣ «Московскаго вліянія», конечно, и придумать было нельзя. Однакожъ Австрійская центральная власть, особенно въ послѣднее время, не обезнадеживаетъ совсѣмъ и Русскую часть Галиціи, находя въ ней все же не безполезный противовѣсъ крайней заносчивости Польскихъ притязаній: обѣ стороны такимъ образомъ чаютъ себѣ каждая отъ правительства защиты и поддержки для укрощенія своего противника. Но если Австрія и соглашается поддерживать противъ Поляковъ Русскій элементъ въ Галиціи, то, конечно, въ той только степени, во сколько это для Австріи безопасно, а въ настоящее время, можно сказать, и выгодно, благодаря тому направленію, которое въ «Дѣлѣ» обрѣтаетъ себѣ голосъ. Было въ Галиціи и несмотря на всѣ препятствія возростало Русское направленіе иное, старавшееся приблизиться къ литературному Русскому языку, хранившее память о древнемъ чистомъ православіи; были между людьми этого направленія имена, пользовавшіяся въ Галиціи всеобщею извѣстностью и почетомъ. Надлежало сломить это направленіе, обезславить, измучить, устранить этихъ людей. И вотъ, благодаря Полякамъ, поддерживаемымъ центральною Австрійскою властью, цѣль достигнута — посредствомъ слишкомъ хорошо извѣстнаго нашимъ читателямъ процесса 11-ти Русскихъ во Львовѣ. Упомянутое направленіе подломлено, люди устранены и измучены, къ великому утѣшенію для Австріи, для Поляковъ, для всяческихъ сепаратистовъ и федералистовъ, а также (трудно бы и повѣрить!) и для

нашихъ истинно дикихъ такъ-называемыхъ либераловъ. Понятно, что взамѣнъ этого направленія Австрія всѣми силами готова поддерживать *розвой мьсцевой литературы* и федеративную похоть. «Дѣло» можетъ служить образцомъ такого *розвоя:* отъ него достается и «Россіи», и всѣмъ истиннымъ Русскимъ Галиціи. Правда, оно какъ будто воюетъ иногда и съ Поляками, но Поляки однакожъ за это нисколько не гнѣваются, благо «Дѣло» такъ усердно служитъ *ихъ справѣ!* На случай же войны Австріи съ Россіей у Австріи, конечно, все пойдетъ въ дѣло, все пригодится,—и мечты Польскія, и мечты «Русинскія»: онѣ пріобрѣтутъ ей лишнюю горсть союзниковъ!..

Такъ что же намъ и толковать съ газетою «Дѣло»! Если подъ сѣнью Австрійской конституціи оно не можетъ выражать свою мысль иначе, чѣмъ выражаетъ, было бы разумнѣе замолчать, нежели пѣть хоромъ заодно съ врагами Русскаго народа. Ибо, какъ бы ни хитрили и ни мудрили Польскіе, Австрійскіе и Русинскіе интеллигенты, они будутъ посрамлены Русской землею, и скорѣе Днѣпръ потечетъ вспять, чѣмъ поколеблется ея созданное вѣками народное единство...

О тайной программѣ Польскаго противодѣйствія Россіи «законными средствами».

Москва, 1-го мая 1883 г.

Мы воспроизводимъ ниже, въ переводѣ съ Польскаго, документъ немаловажнаго, на нашъ взглядъ, значенія, доставленный намъ изъ Варшавы. Онъ не носитъ никакого особеннаго заглавія, напечатанъ отличнымъ шрифтомъ и распространяется тайно въ Варшавѣ и вообще въ Привислянскихъ губерніяхъ. Это не болѣе, не менѣе, какъ программа Польскаго противодѣйствія Русской власти «законными средствами», т. е. такими, при которыхъ оно ускользаетъ отъ преслѣдованія формальнаго закона. Если бы эта программа сопровождалась обычно-дерзкими возгласами *Польскаго гонора*, хвастливыми патріотическими выходками, заносчивою бранью и клеветой на Русское правительство,—она бы и не заслуживала вниманія, могла бы быть отнесена къ «таковымъ же» — безчисленнымъ произведеніямъ Польской слѣпотствующей злобы, немощной предъ Русскимъ государственнымъ могуществомъ. Отъ Польскаго гонора до Польскаго «падамъ до ногъ» даже не шагъ, а треть шага. Но въ томъ-то и дѣло, что упомянутый документъ отличается совершеннымъ спокойствіемъ тона, воздержностью въ выраженіяхъ вражды, вообще серьезностью и какою-то внѣшнею дѣловитостью. Онъ не возбуждаетъ ни къ открытому возстанію, ни къ тайному мятежному заговору, даже не ласкаетъ Польскую фантазію мечтами о возстановленіи Польши въ предѣлахъ 1772 года. Но тѣмъ сильнѣе производимое имъ впечатлѣніе, тѣмъ ярче выступаетъ наружу вражда внутренняя, сосредоточенная, та вражда, которая пренебрегаетъ праздными фразами, не пылитъ, не кипятится попусту, а уже перекипѣла, охладилась, овладѣла собою и болѣе чѣмъ когда-либо непримирима... Система противодѣйствія, излагаемая въ этомъ подпольномъ изданіи, такова, что съ нею бороться труднѣе, чѣмъ съ явнымъ внѣшнимъ сопротивленіемъ.

Послѣднее можетъ быть легко сломлено внѣшнею же силой, тогда какъ здѣсь, при томъ способѣ борьбы, который очерченъ новой программой, требуются съ нашей стороны средства, способы, орудія совсѣмъ иного рода. Нуженъ умъ; нужно искусство административное; нужна энергія,— энергія убѣжденная, постоянно питаемая и одушевляемая Русскимъ народнымъ чувствомъ, живымъ сознаніемъ національнаго долга, пользы и интересовъ своего народа и государства. А въ арсеналѣ нашей бюрократіи — и это ни для кого не секретъ — именно этихъ-то орудій скудно до скорби, особенно же непосредственнаго Русскаго чувства и разумѣнія интересовъ родной страны. Въ бюрократической теплицѣ, произращающей у насъ генераловъ для управленія отечествомъ, почва никогда не была особенно плодотворна, и тѣмъ менѣе для высшихъ сортовъ этого продукта, а теперь почти уже вся вывѣтрилась, и если правительство не озаботится освѣжить ее слоями новой, доброй земли, то и средній сортъ генераловъ на этой бюрократической почвѣ скоро переродится въ сортъ самый слабосильный и малопригодный. Но это мимоходомъ... Съ упомянутой нами Польской программой приходится серьезно считаться и не терять ея изъ виду въ отношеніяхъ Русской власти съ Поляками. Она даетъ ключъ въ разгадкѣ многихъ явленій за послѣднее время и проливаетъ настоящій свѣтъ,— и какой иронический свѣтъ! —на новѣйшую Польскую тактику «примиренія», принятую у насъ чуть ли не за новый поворотъ мысли въ отрезвившихся Польскихъ умахъ. Не читали ли мы очень недавно, нѣсколько дней тому назадъ, въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 102), что теперь наступило «полное примиреніе Поляковъ съ Русскою государственностью»? Едва ли можно признать эти слова, какъ и вообще всѣ статьи о Польскомъ вопросѣ, *личнымъ* мнѣніемъ самой газеты; это, очевидно, отголосокъ цѣлой общественной группы, но лишенной значенія и вліянія. Въ Петербургѣ сплошь да рядомъ можно услышать подобные отзывы даже на высшихъ ступеняхъ бюрократической и общественной лѣстницы. Наивность такихъ увѣреній всего лучше обличается печатаемою ниже «программой». Никто, конечно, и не приглашаетъ Поляковъ мириться съ недостатками нашего управленія, на которые всего усерднѣе указываемъ всегда мы же сами, Русскіе,—но вовсе не эти «недостатки» смущаютъ Польскую готовность къ миру: и смущать-то нечего, потому что такой готовности вовсе и не существуетъ. По смыслу программы —*нѣтъ* и не должно быть *мира* съ Русскою государственностью», доколѣ *имъ* (Полякамъ) не будетъ предоставлено свое особое національное правительство и представительство, и *своземстное войско*, т. е. доколѣ не будутъ возвращены тѣ формы политическаго существованія, въ которыхъ пребывала Польша до возстанія 1831 г., и которыя были ей даны злосчастнымъ великодушіемъ Императора Александра I! Къ достиженію этой цѣли и должны быть направлены всѣ усилія Поляковъ; на меньшемъ они и не хотятъ мириться. *Какія бы послабленія или уступки* ни дѣлало намъ Русское или «Московское» правительство, — говоритъ авторъ или сонмъ авторовъ программы, — мы обязаны принимать ихъ какъ уплату лишь *части намъ должнаго*, и никакъ не выдавать росписокъ въ полномъ удовлетвореніи. Такъ что, по понятію Поляковъ, Россія состоитъ у нихъ въ долгу, и какъ явствуетъ, въ долгу неоплатномъ! Въ виду такого положенія, пора бы, кажется, намъ пере-

стать самообольщаться вздорными мечтами о возможности замирить Поляковъ способомъ заискиваній, уступокъ и послабленій, которыя, роняя авторитетъ Русской власти, въ то же время только поощряютъ Поляковъ къ предъявленію Россіи требованій новой *уплаты* по безконечному списку Русскихъ Польшѣ долговъ! Нужно заботиться только о томъ, чтобъ наши собственныя распоряженія были умны, дѣльны и прямодушно тверды, такъ чтобы исключали самую возможность мечтанія объ отдѣльномъ Польскомъ правительствѣ, да Польскомъ войскѣ...

Что размѣръ исчисляемыхъ Поляками *нашихъ* Польшѣ долговъ превышаетъ Русскую *платежную* способность, это доказывается, кромѣ того, и разсужденіемъ программы о поведеніи Поляковъ въ случаѣ войны Россіи съ Германіей и Австріей... «Въ борьбу государствъ, насъ разобравшихъ», внушаетъ она,—«мы можемъ вмѣшаться лишь за такую *цѣну:* если во 1-хъ (слѣдуетъ пунктъ о дарованіи возможности организовать свое правительство и армію) и во 2-хъ, если намъ будетъ дана гарантія нашей независимости». Нѣсколько ниже встрѣчается выраженіе объ «отстаиваніи *историческихъ* правъ». Это значитъ, что въ случаѣ войны Поляки должны продать свои услуги той сторонѣ, которая *дастъ* имъ наивысшую ими назначенную цѣну, т. е. *пообѣщаетъ* дать и признать «историческое право» Поляковъ на Бѣлорусскій и Малорусскій народъ... Впрочемъ, не въ этихъ *дальновидныхъ* Польскихъ соображеніяхъ, не въ сущности ихъ главный теперь интересъ, а въ той окраскѣ, которую они придаютъ современной Польской «готовности къ миру», приводящей въ такое умиленіе многихъ петербургскихъ «либеральныхъ» бюрократовъ. Выходитъ, что никакими уступками, возможными для Россіи, не могла бы она купить Польскую вѣрность. Не лучше ли въ такомъ случаѣ не обманывать другъ друга, а вывести дѣло на чистоту?

Есть Петербургское глубокомысленное мнѣніе, будто Польское общество, особенно аристократическое, представляетъ оплотъ противъ нигилизма и соціалистическихъ разрушительныхъ теорій,—такъ что, консерватизма ради, слѣдуетъ Русскому правительству создать себѣ опору въ Польскихъ магнатахъ и въ остзейскихъ баронахъ. О послѣднихъ было въ «Руси» говорено довольно; что же касается до первыхъ, то разбираемая нами программа прямо указываетъ, что Полякамъ слѣдуетъ выжидать и обращать въ свою пользу всякій «переворотъ въ царизмѣ при помощи революціи». Стало быть, и не сочувствуя революціи въ принципѣ, они нисколько не расположены ей противодѣйствовать. Заграничныя же Польскія газеты ни мало даже и не скрываютъ своего сочувствія Русскимъ элементамъ крамолы,—опять не крамолѣ самой по себѣ, а тому вреду и безславію, которые наносятся Русской государственной силѣ Русскими «ворами и измѣнниками», по выраженію древней Руси... Не подлежитъ и спору, что на почвѣ Польскаго, насквозь пропитаннаго католическимъ клерикализмомъ, «отчизнолюбія» нѣтъ еще мѣста пока такъ-называемому нигилизму и анархическимъ ученіямъ; однако же въ послѣднее время начали проявляться и тамъ симптомы нигилистической или по крайней мѣрѣ революціонно-соціалистической заразы, чему доказательствомъ служитъ напечатанная у насъ прокламація къ рабочимъ «секретнаго комитета» (см. № 5). Но вѣдь Русское правительство можетъ подвергать законному

преслѣдованію эти преступныя проявленія и безъ покупки дорогою цѣною поддержки Польской консервативной знати...

Упомянутая программа не есть какой-либо поддѣльный апокрифъ или же манифестъ очень небольшого разряда единомышленниковъ. Всматриваясь въ образъ дѣйствій Поляковъ въ Варшавѣ и у насъ по отношенію къ Россіи и Русскому обществу, мы не можемъ не придти къ убѣжденію, что въ этомъ образѣ дѣйствій уже имѣется нѣчто систематическое, условное, соглашенное, весьма и весьма схожее съ предначертаніями программы. Могутъ замѣтить, что не мало имѣется и несхожаго, преступающаго предѣлы той внѣшней «умѣренности и аккуратности» противодѣйствія, которыя рекомендуются нашимъ документомъ. Таковы, напримѣръ, безпорядки въ Новоалександрійскомъ институтѣ и Варшавскомъ университетѣ. Но противорѣчія тутъ никакого нѣтъ. Нѣтъ сомнѣнія, что причину этихъ безпорядковъ слѣдуетъ искать не въ стѣнахъ названныхъ учебныхъ учрежденій, а внѣ ихъ: это раскрывается и помѣщенными ниже, въ настоящемъ №, корреспонденціями. Не случайно, конечно, выдвинуты впередъ главными зачинщиками *не* Поляки, а Русскій Неѣловъ въ Новоалександрійскомъ институтѣ, и Русскій же Жуковичъ въ Варшавѣ: благо, въ Русской молодежи, пуще смертнаго грѣха боящейся подозрѣнія въ недостаткѣ либерализма, легко найти козловъ отпущенія чужихъ грѣховъ и слѣпыя орудія для чужихъ замысловъ. По словамъ самихъ Польскихъ газетъ, Жуковичъ объявилъ, что онъ лично никакой обиды отъ оскорбленнаго имъ достопочтеннаго попечителя Варшавскаго округа не подвергался, а объясненіе, данное имъ при слѣдствіи, будто онъ мстилъ за покровительство, оказываемое попечителемъ округа директору Люблинской гимназіи Сенгалевичу (Русскому изъ Галиціи), тоже лишено личной основы, такъ какъ Жуковичъ уже съ годъ какъ оставилъ эту гимназію и поступилъ въ студенты университета. Очевидно, что безпорядки возбуждены извнѣ съ тѣмъ прежде всего разсчетомъ, чтобы удалить изъ Варшавы того изъ немногихъ представителей Русской власти, который осмѣливается твердо и не заботясь о Польскомъ благоволеніи оставаться вполнѣ Русскимъ въ Варшавѣ и неуклонно исполнять во всей точности требованіе закона. Затѣмъ, всякіе подобные, сравнительно ничтожные безпорядки (изъ-за которыхъ вѣдь не введутъ же осаднаго положенія) способны лишь выгодно оттѣнять въ глазахъ Русскаго высшаго правительства «партію *умѣренныхъ*» и усиливать ея значеніе,—чѣмъ она, разумѣется, и не упускаетъ пользоваться, почтительно представляя кому слѣдуетъ, что присутствіе такого-то изъ Русскихъ вредно, ибо производитъ и поддерживаетъ въ Польскомъ обществѣ нежелательное «раздраженіе». А какъ у насъ вообще ничего такъ не боятся, какъ «раздраженія», и въ устраненіи этого раздраженія и состоитъ, или по крайней мѣрѣ состояла еще недавно, политика мѣстной Русской власти и въ Варшавѣ и въ Сѣверо-Западной окраинѣ, то инсинуаціи «умѣренныхъ» и достигали успѣха, а русскіе люди, исполнители закона и оберегатели Русскихъ государственныхъ интересовъ, оставались безъ поддержки и даже подвергались гоненію отъ своихъ же Русскихъ мѣстныхъ начальствъ. Конечно, нисколько не желательно да и не разумно вызывать *напрасное* раздраженіе, но не легкое дѣло, въ Польской средѣ, проводить точную грань между напраснымъ и ненапраснымъ, а еще неразумнѣе *раздражать*

интетитъ, особенно Польскій, который все сильнѣе и сильнѣе возбуждается по мѣрѣ даруемыхъ съ Русской стороны уступокъ. Намъ, Русскимъ, исторически вѣдомо, что раздражимости Польскихъ вожделѣній нѣтъ мѣры. Вотъ и теперь, судя по программѣ, Поляки домогаются возвращенія къ конституціи Александра I, которою они пользовались въ теченіе цѣлыхъ пятнадцати лѣтъ и которую погубили мятежомъ 1831 г., но программа не поясняетъ, почему неудовлетворившіеся ею во время оно Поляки готовы будто бы теперь ею окончательно удовлетвориться. Гдѣ гарантія въ томъ, что даже и эта немыслимая уже въ наши дни форма бытія положитъ рѣшительный предѣлъ всѣмъ дальнѣйшимъ ихъ притязаніямъ? Очень можетъ быть, что въ виду могущественной Германіи Поляки, т. е. благоразумнѣйшіе изъ нихъ, искренно махнули рукой на Познань и отказались отъ надежды возстановить когда-либо Польшу въ границахъ 1772 года, посредствомъ урѣзки настоящихъ Прусскихъ и Австрійскихъ владѣній. Но отказались ли они отъ такой мечты по отношенію къ Россіи, т. е. къ Литвѣ, Бѣлорусской и Малорусской Украйнѣ? Программа объ этомъ скромно умалчиваетъ, но извѣстно, что конституціонное Царство Польское временъ Александра I-го отъ этой мечты не отказывалось, даже и осуществляло ее практически. Такъ какъ отреченія отъ этихъ притязаній въ программѣ не содержится, а, напротивъ, говорится, хотя и вскользь, о какихъ-то «историческихъ правахъ», то и мы не должны никакъ упускать изъ виду этихъ безумныхъ притязаній при сужденіи объ упомянутомъ документѣ, рекомендующемъ, повидимому такъ умѣренно и для многихъ у насъ пожалуй такъ симпатично, лишь одну систему *мирнаго* противодѣйствія, и только ***законными*** средствами!

Система противодѣйствія Россіи! А не лучше ли было бы направить Польскія общественныя силы на противодѣйствіе *германизаціи* чисто-Польскихъ земель—Познани и западной части самой такъ-называемой «Конгрессувки»? Только несчастному Польскому безумію и слѣпой Польской ненависти къ «Москалю» невдомекъ—какимъ благодѣяніемъ является для Польской народности это проклинаемое владычество Россіи, сравнительно не только съ владычествомъ, но даже и съ сосѣдствомъ Прусскимъ. Развѣ не видятъ Поляки, какъ губительно для нихъ вѣяніе Германскаго духа, какъ быстро вытравляетъ онъ самый духовный корень Польской народности, вмѣстѣ съ языкомъ, патріотизмомъ и историческими преданіями! Кому въ голову теперь, не только въ Европѣ вообще, но даже и въ самой Польшѣ придетъ вспомнить напримѣръ, что Данцигъ былъ еще недавно, нѣтъ и ста лѣтъ, городомъ Польскимъ и назывался Гданскомъ? Въ такомъ точно положеніи очутилась бы и «Конгрессувка», если бы она съ 1815 г. находилась подъ властью Пруссіи: отъ Польскаго имени осталось бы къ настоящему дню лишь одно воспоминаніе, да развѣ кое-какой этнографическій слѣдъ, —а въ такомъ ли она положеніи теперь подъ властью Россіи? Не говоримъ уже о цвѣтущемъ экономическомъ положеніи, какого никогда Польша не знавала, которому завидуютъ сосѣди и которымъ Польша обязана исключительно соединенію своему съ Россіей,—развѣ Россія посягаетъ на искорененіе Польской народности и предполагаетъ претворить Поляковъ въ Русскихъ, какъ претворяетъ ихъ Пруссія въ Нѣмцевъ? Россія требуетъ отъ нихъ лишь искренняго, безусловнаго признанія Польскихъ провинцій

Царства Польскаго нераздѣльною частью Имперіи, искренняго, безусловнаго признанія Русской государственной власти со всѣми ея аттрибутами и съ Русскимъ языкомъ какъ языкомъ государственнымъ,—и лицемѣрятъ Поляки, когда твердятъ, будто признаніе таковаго значенія за Русскимъ языкомъ представляетъ какую-либо опасность для Польскаго языка и литературы! А между тѣмъ, истощаясь въ борьбѣ противъ употребленія Русскаго языка въ судѣ и школѣ, измышляя разныя хитрыя ковы какъ бы упразднить или ослабить это употребленіе, они съ преступною безпечностью допускаютъ замѣну родного языка Нѣмецкимъ у себя же подъ бокомъ, чуть ли не въ цѣломъ Лодзинскомъ округѣ, продаютъ свои пограничныя земли Пруссакамъ, предоставляютъ имъ безпрепятственно и мирно завоевывать и нѣмечить всю западную свою окраину!

Если бы Поляки не «противодѣйствовали» и способны были внушить Россіи хоть какое-либо довѣріе, конечно и взаимныя отношенія Россіи и Польскаго края представляли бы менѣе напряженности. Но можетъ ли эта напряженность быть ослаблена, имѣемъ ли мы на это право въ виду подобныхъ «программъ», въ виду откровенныхъ признаній заграничныхъ Польскихъ газетъ и образа дѣйствій Поляковъ въ Галиціи?.. Нѣтъ народа столь обдѣленнаго политическимъ здравомысліемъ, какъ Польскій, при всей его талантливости и многихъ хорошихъ качествахъ. Этотъ органическій недостатокъ давно еще, съ XVII вѣка, подмѣченъ Русскимъ народомъ и заслужилъ отъ него Полякамъ прозвище, которое и понынѣ живетъ... Какъ ни достойны сочувствія любовь къ своему отечеству, своей народности и вѣрность старымъ преданіямъ, но если это «отечество» зиждется на неправдѣ, на угнетеніи и порабощеніи другихъ племенъ, если эта «любовь» и «вѣрность» синонимы — ненависти и вѣроломства относительно равноправныхъ племенъ, если патріотическое знамя Поляковъ есть знамя неволи и плѣна для милліоновъ Русскаго народа, то никто какъ сами Поляки вынуждаютъ насъ, даже съ насиліемъ нашей нравственной природы, держать ихъ въ уздѣ и исполнять относительно ихъ тяжкую обязанность бдительнаго жандарма. Напрасно искали мы въ программѣ хоть бы слѣдъ признанія правъ Русской народности въ нашемъ Сѣверо-Западномъ и Юго-Западномъ краѣ, хоть бы намекъ на отреченіе отъ этихъ беззаконныхъ притязаній, хотя бы попытку новой постановки Польскаго вопроса, именно въ этнографическихъ предѣлахъ Польскаго племени... Ничего подобнаго и тѣни,—ни въ программѣ, ни *въ жизни*. Правда, не столько сами Поляки, сколько наши же «федералисты» сочиняютъ за Поляковъ проекты участія Польши въ составѣ «Славянской федераціи» и даже рекомендуютъ намъ взять себѣ въ образецъ современную Австрію, — но именно *живой* примѣръ того, что творятъ Поляки надъ несчастнымъ Русскимъ племенемъ въ Галиціи, можетъ повѣдать намъ—чего имѣли бы ожидать отъ нихъ наши крестьяне Бѣлоруссы и Малоруссы, если бы не ограждались сильною рукой Русской власти! Могутъ ли поэтому Польскія «патріотическія» вожделѣнія внушать намъ симпатію и довѣріе, и не представляется ли прискорбно-необходимымъ, уже для одной безопасности нашихъ цѣлыхъ девяти западныхъ губерній, держать въ осадномъ положеніи гнѣздо Польскихъ интригъ въ такъ называемой «Конгрессувкѣ»?

Повторяемъ: не строгость и энергія Русской политики на берегахъ

Вислы повинна въ раздраженномъ состояніи Польскаго общества, а скорѣе та ея слабость, которая лишь дразнитъ и возбуждаетъ Польскую властолюбивую похоть, не только въ Царствѣ Польскомъ, но даже и на нашей окраинѣ, преимущественно сѣверо-западной. И въ этой слабости, надобно признаться, виновата не столько наша администрація сама по себѣ, сколько поразительная бѣдность національнаго Русскаго чувства и самосознанія въ значительной части самой Русской «интеллигенціи»; сколько то фальшиво-либеральное и еще болѣе фальшиво-гуманное ея направленіе, отъ воздѣйствія котораго не свободны бываютъ и сами правительственныя наши сферы. Впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія, если бы на высшихъ ступеняхъ власти было живѣе разумѣніе Русской національной политики, настойчивѣе и послѣдовательнѣе ея проведеніе, препобѣдилась бы безъ труда и ложь антинаціональнаго общественнаго либерализма... Нельзя безъ отвращенія читать и слышать, напримѣръ, этотъ злобный хоръ ругательствъ надъ памятью Муравьева, недавно раздавшійся въ нашей печати по поводу его записокъ, помѣщенныхъ въ «Русской Старинѣ». Сколько лицемѣрія въ этой гнѣвной хулѣ! Обильнѣйшими потоками, клокоча, льется кипящее благородное негодованіе на человѣка, сокрушившаго Польскую крамолу, подавившаго Польскій мятежъ въ исконномъ Русскомъ краѣ, и не находится ни одного словечка сердитаго по адресу самихъ крамольниковъ и мятежниковъ! Ставятъ Муравьеву въ вину нѣсколько висѣлицъ, устрашившихъ и укротившихъ злобный кровавый бунтъ, а что Польскіе бунтующіе паны повѣсили православныхъ священниковъ Конопасевича (въ Минской губерніи) и Прокоповича (въ Гродненской), не считая ужъ Бѣлорусскихъ крестьянъ и захваченныхъ въ плѣнъ солдатъ, — это Польскимъ панамъ въ вину не ставится, не вызываетъ ни гнѣва, ни раздраженія, объ этомъ заминаютъ рѣчь или великодушно не помнятъ!... Однимъ словомъ, какъ, противодѣйствуя Муравьеву во время его управленія Сѣверо-Западнымъ краемъ, такъ и теперь осыпая его память градомъ всяческихъ поношеній, наши мнимые гуманисты и либералы, начиная съ лицъ, занимавшихъ или еще занимающихъ высокіе административные посты, до фельетонистовъ включительно, держали и держатъ сторону Польскаго *пана* противъ *Русскаго хлопа*, Польскаго ксендза противъ служителя хлопской вѣры, т. е. православной, — Польской національности съ ея деспотическимъ гнетомъ противъ народности Русской, противъ духовной и соціальной свободы Русскаго крестьянскаго населенія! Обвиняютъ Муравьева въ томъ, что онъ умѣлъ только устрашать и рушить, но не созидать мѣрами мирными и органическими. Но о мирѣ думать было еще рано, надо было позаботиться прежде всего объ усмиреніи мятежа, который и разбушевался-то такъ чудовищно только благодаря фальшиво-гуманной поблажкѣ высшихъ властей. И онъ исполнилъ эту трудную задачу блистательно, и не одну лишь эту задачу: онъ поднялъ духъ во всемъ Русскомъ населеніи,—при немъ впервые вздохнулъ свободно и съ радостнымъ упованіемъ, забитый Польскимъ паномъ въ теченіе вѣковъ, Бѣлорусскій мужикъ. Къ тому же Муравьевъ и пробылъ-то въ краѣ съ небольшимъ два года... Почему же никто изъ господъ хулителей не обрушивается негодованіемъ на систему печальной и позорной памяти управленія генерала Потапова, который распоряжался въ краѣ въ срокъ три раза длиннѣйшій и не только ничего не организовалъ,

а лишь дезорганизовалъ даже и то, что уже было организовано? Въ чемъ состояли органическія мѣры Потапова, противъ котораго никто изъ хулителей Муравьевской системы и не заикнулся протестомъ? Онъ уронилъ духъ Русскаго населенія, лишивъ его упованія на заступничество Русской власти, зато поднялъ духъ Польскихъ пановъ, особенно знатныхъ; уронилъ дѣло Русской школы, уже блистательно и плодотворно поставленное,—разогналъ лучшихъ Русскихъ дѣятелей и подобралъ себѣ дѣятелей по своему вкусу, которые, къ несчастію, и до сихъ поръ пребываютъ въ краѣ, нося достойное прозвище «Потаповцевъ». Преемникъ его, хотя не столько дѣятельно, сколько пассивно, продолжалъ держаться той же политики, т. е. ровно ничего не сотворилъ для Русскаго дѣла и заботился лишь о сохраненіи «мира» съ Поляками и наружно-спокойнаго status quo. И онъ также не навлекъ на себя ни одной стрѣлы нашихъ мнимыхъ гуманистовъ и либераловъ, позорящихъ теперь память Муравьева: ни единый изъ нихъ не поднялъ голоса въ защиту Бѣлорусскаго хлопа!

И до сихъ поръ продолжается то же. Невозможно правительству оставлять долѣе Сѣверо-Западный край въ его настоящемъ положеніи. Здѣсь постъ генералъ-губернатора—постъ политическій, высокаго значенія и немалой трудности, требующій и искусства административнаго, и энергіи, и пуще всего православнаго живого Русскаго чувства и Русскаго образа мыслей въ правителѣ. Этотъ порубежный край, заселенный искони Русскимъ народомъ, какъ будто преданъ на жертву піонерамъ германизаціи, Польскимъ панамъ и Евреямъ. Русскій народъ—Бѣлоруссы—занимаетъ самую низшую степень общественной лѣстницы,—тѣснимый и обижаемый то панами, то ксендзами, то жидовствомъ, котораго соціальное положеніе неизмѣримо сильнѣе и выше. Только православные Русскіе священники подъемлются тамъ надъ униженнымъ Русскимъ крестьянствомъ, — но можно себѣ представить, какъ эта, и безъ того вынужденно-скромная дѣятельность нашего православнаго сельскаго духовенства становится робкою и пугливою въ краѣ, гдѣ высшее Русское начальство пуще всего опасается, изъ мнимыхъ политическихъ соображеній, раздражить Польскихъ ксендзовъ и пановъ, слѣдовательно противится всякому проявленію живой Русской стихіи. А положеніе сельскихъ училищъ? Не могутъ же они продолжать быть руководимы людьми, прошедшими долгій искусъ Потаповской школы?... Много, много дѣла предстоитъ тамъ правителю, одушевленному сознаніемъ Русскаго долга, да и много дѣлателей на это доброе дѣло найдется — только дохни съ высотъ власти духъ жизни плодотворящей и воли незыблемой, только засвѣтись вверху Русская свѣтлая мысль...

Этого мы и чаемъ...

О непослѣдовательности нашего правительственнаго дѣйствія въ Польшѣ.

Москва, 15 іюля 1883 г.

Назначеніе генералъ-адъютанта Гурко Варшавскимъ генералъ-губернаторомъ, соглашеніе съ Римской куріей, пріѣздъ новыхъ католическихъ епископовъ въ нашу западную окраину, рѣчи, болѣе или менѣе безумныя, разныхъ Польскихъ графовъ, заносчивый тонъ Польскихъ заграничныхъ публицистовъ — все это вновь выдвинуло, въ послѣдніе дни, на первый планъ въ нашей печати, и не только выдвинуло, но и сильнѣе обострило, уже и безъ того достаточно острый — «Польскій вопросъ». Сужденія о немъ, признаемся откровенно, не отличаются безстрастностью, и именно со стороны газетъ съ безспорно-патріотическимъ, Русскимъ направленіемъ. Нельзя объ этомъ не пожалѣть, и конечно желательно, чтобы защитники Русскихъ государственныхъ и народныхъ интересовъ удерживались на высотѣ нашей несомнѣнной правды, не умаляя ея достоинства примѣсью напрасныхъ обвиненій, тревожной подозрительности и какого-то полицейскаго задора. Тѣмъ же добрымъ желаніемъ проникнуты и предлагаемыя ниже двѣ корреспонденціи «съ Литовско-Русской окраины», исправляющія ошибочность сообщенныхъ упомянутыми газетами свѣдѣній и выраженныхъ ими опасеній. Вполнѣ присоединяясь къ такому желанію, мы нашли однако же нужнымъ ослабить высказанный вмѣстѣ съ нимъ укоръ, признавая его не вполнѣ заслуженнымъ. Трудно, по совѣсти, попрекнуть Русское общество излишкомъ запальчивости въ огражденіи Русскихъ интересовъ! Мы такъ мало въ этомъ отношеніи избалованы, что проявленіе подобнаго излишка составляетъ у насъ рѣдкость, достойную вниманія и нѣкотораго уваженія. Безстрастіе безстрастію рознь. Есть безстрастіе крайне дешевое, да и вовсе ничего не стоющее, которымъ щеголяетъ большинство не только нашихъ самозванно-либеральныхъ изданій, но и Петербургской высшей бюрократической среды. Этимъ господамъ ровно ничего не значитъ поступиться подчасъ самыми кровными интересами Русской народности и Русскаго государства, — именно его цѣльностью и единствомъ, которыя созиждены, выстраданы цѣлыми десятью вѣками нашей тяжелой исторической жизни! Ничего не значитъ — отчасти по совершенному неразумѣнію или даже незнанію ими этихъ интересовъ и по той разрозненности съ духомъ своей исторіи и народности, въ которой они воспитаны, отчасти же потому, что Поляки представляются имъ, въ сравненіи съ Россіей, все-таки высшею націей, имѣющею на себѣ какъ бы нѣкое помазаніе отъ самого Запада, — а у этого печальнаго сорта нашей интеллигенціи, чиновной и вольно-практикующей, «законы, совѣсть, вѣра» даются только «Европой»... Европа для нихъ то же, что княгиня Марья Алексѣевна для Фамусова, какъ уже было, кажется, кѣмъ-то замѣчено. Да и Европа какая-то абстрактная, потому что къ Европѣ же принадлежитъ и Германія, дающая образецъ такого строгаго государственнаго отношенія къ Полякамъ Познани и Силезіи, для котораго въ Россіи ни духу, ни умѣнья не хватитъ! Къ Европѣ же принадлежитъ и Австрія, еще на памяти живущихъ поколѣній производившая рѣзню Польскихъ помѣщиковъ руками Галицкихъ

крестьянъ и только недавно ставшая вновь заигрывать съ Поляками. Но то Австрія, то Германія,—имъ можно дорожить своею національностью и государственностью; онѣ какъ бы ни поступали, никто ихъ не заподозритъ въ некультурности или варварствѣ,—въ чемъ, наоборотъ, всегда заподозрятъ каждаго Русскаго, провинись только онъ какъ-либо въ пристрастіи къ своей народности или государству: такъ разсуждають, въ большинствѣ случаевъ, наши *безстрастные* по части Русскихъ интересовъ публицисты. Понятно поэтому, что вся сущность «Европеизма» для нашихъ «либеральныхъ» дѣтенышей Запада, вся его реальная, положительная сторона сводится въ концѣ-концовъ, просто-напросто, къ отрицанію правъ Русской народности...

Безъ сомнѣнія, эти строки вызовутъ взрывъ негодованія въ нашихъ противникахъ: какъ осмѣлиться сказать, что «имъ ничего не значитъ поступиться интересами Русскаго государства»! «Это ложь, клевета, доносъ, этого никогда не бывало»... Никогда! Да имъ хоть сейчасъ кроши Россію, рѣжь ее, даже по живому тѣлу, для образованія какой-то «федераціи»! хоть сейчасъ, вопреки историческому тяготѣнію, работѣ вѣковъ и волѣ народной, выдѣли изъ Россійской имперіи населеніе даже Харьковской и Воронежской губерніи въ составъ особаго политическаго тѣла подъ названіемъ «Южно-Руссовъ»... Развѣ такое чудовищное «украинофильское» посягательство (имѣющее свой органъ въ Галиціи) на внутреннюю и внѣшнюю цѣльность Русской державы не находило себѣ покровительства и поддержки на страницахъ нашихъ журналовъ, и намъ не приходилось полемизировать съ ними?? Ну что, казалось бы, заслуживало бо́льшаго сердечнаго, умиленнаго сочувствія Русскихъ людей въ Россіи, какъ не стремленіе части Русскаго племени, отдѣленной отъ своего великаго цѣлаго и къ тому же томящейся подъ игомъ иноязычнымъ и иновѣрнымъ, ввести въ свое *литературное* употребленіе не мѣстный провинціальный говоръ, а тотъ Русскій же литературный языкъ, который такъ роскошно развился въ просторѣ Русской державы, достигъ такой мощи и красоты? Вѣдь, казалось бы, уже само собою разумѣется, что этотъ языкъ составляетъ естественное, неотъемлемое, родное, кровное достояніе всего Русскаго племени, со всѣми его вѣтвями, безраздѣльно? Это вѣдь языкъ сотни милліоновъ, языкъ, призванный къ вселенско-историческому значенію, къ такому значенію, къ которому, конечно, не могутъ быть призваны, да и не призваны исторіей не только поднарѣчія областныя, но даже и самый языкъ Польскій... И что́ же? Чему мы, къ вящему позору Русскаго общества, были свидѣтелями? Едва начали Русскіе въ Галиціи, эти паріи въ родной землѣ, осторожно, съ опаской, озираясь со страхомъ на Нѣмцевъ и Поляковъ, вводить въ свои газеты и книги нѣкоторыя формы Русской литературной рѣчи,—точно уязвленные въ самую глубь сердца, точно подъ «аффектомъ» нестерпимаго оскорбленія, съ глумленіемъ, съ остервенѣніемъ набросились на нихъ наши же «либеральные» журналы и газеты (преимущественно Петербургской печати)! Какъ смѣть, хоть въ области литературнаго языка, тянуть, примыкать къ Россіи? Вонъ! прочь!.. Когда же среди Русскихъ уніатовъ въ Галиціи обнаружилось притомъ и движеніе (впрочемъ самое микроскопическое) въ пользу возврата къ чистому вѣроисповѣданію своихъ отцовъ, т. е. къ православію,—послѣдствіемъ чего и былъ знаменитый, возбужден-

ный Поляками уголовный процессъ,—разыгралась въ Русскомъ либеральномъ лагерѣ сцена, превосходящая всякое вѣроятіе. Это уже была истинная гадость. Съ пѣной у рта, какъ охотникъ, завидѣвшій звѣря, вопилъ, неистовствовалъ «Вѣстникъ Европы» съ своими товарищами-доѣзжачими, натравливая Австрійцевъ и Поляковъ на несчастныхъ Галичанъ, осмѣлившихся противодѣйствовать Польскому гнету, — «ату! ату ихъ!» загонялъ въ Польскія тенета! И есть за что! Вздумали возсоединяться съ Россіею, да не только литературно, но и духовно, подкрѣплять ея Русское государственное, созданное исторіей *единство!* Обезсилить надо его, дробить, дробить на части, а, напротивъ, усилить и объединять Польшу, падать *до-ногъ* предъ превосходствомъ Польской культуры!..

Чтò это такое? Измѣна? Нѣтъ, не измѣна въ значеніи государственнаго преступленія, да и такая, какъ выражаются юристы, «квалификація» была бы пожалуй даже слишкомъ почетною для подобнаго явленія. Это—безуміе, какъ неизбѣжный, роковой плодъ апостазіи, отступничества отъ своего народа, отъ своей исторіи, отъ самого себя; это верхъ, le sublime, душевнаго холопства, это такое уродство умственное и нравственное, что если бы можно было его выразить конкретно, физически и воплотить въ какое-нибудь тѣло, то это тѣло стоило бы помѣстить въ стклянку со спиртомъ и хранить въ музеѣ чудовищныхъ аномалій природы. Впрочемъ и безъ спирта сохранятся для потомства страницы «Вѣстника Европы» и даже съ нимъ газетъ и журналовъ, во свидѣтельство той аберраціи, до которой доходила Русская мысль въ XIX вѣкѣ. Никогда никакое общество не представляло болѣе печальнаго безобразія, какъ наше; никогда никакая интеллигенція не падала такъ низко. А вѣдь это именно та общественная среда и та интеллигенція, которыя то и дѣло пережевываютъ термины: «прогрессъ», «культура», цивилизація», то и дѣло суесловятъ о «реформахъ Александра II», о «вѣнцѣ зданія» и, топча въ грязь Русскую національность, Русскую исторію, отвергая у Русскаго народа право на духовную самобытность, толкуютъ о «народномъ представительствѣ», присвоиваютъ себѣ кличку «либераловъ», какъ бы въ насмѣшку надъ этимъ понятіемъ и словомъ, и вѣдь тоже, съ своей стороны, рекомендуютъ всемѣрно Русскимъ людямъ «безстрастіе» въ обсужденіи «Польскаго дѣла»... Кому же однако не ясно, что при такомъ состояніи ума и духа они легко становятся безсознательными орудіями враждебныхъ намъ Поляковъ, которые, глубоко презирая ихъ, тѣмъ не менѣе охотно пользуются ими согласно съ извѣстной инструкціей Мѣрославскаго?!

Въ виду такого *фактора* въ нашей собственной общественной жизни, едва ли справедливо очень-то издѣваться надъ излишнею горячностью тѣхъ, кому въ самомъ дѣлѣ дороги интересы Русской народности и государства. *Собственно Польскій* задоръ всего менѣе способенъ вносить раздраженіе и страстность въ обсужденіе Польскаго вопроса въ Россіи. Не въ той мѣрѣ опасенъ для Россіи Польскій патріотизмъ, сколько отсутствіе патріотизма въ значительной части Русскихъ «интеллигентовъ», сколько національное отступничество, по практическимъ послѣдствіямъ равное измѣнѣ Русской народной и государственной пользѣ. Вотъ что обостряетъ Польскій вопросъ, вотъ что мѣшаетъ установиться мирному, хладнокровному выраженію и воздѣйствію Русской національной мысли. Въ послѣдніе годы, впрочемъ,

послѣ тяжкихъ уроковъ прошлаго, казалось, настала пора и для спокойной и серьезной работы надъ разрѣшеніемъ этой немаловажной задачи,—но безсмысленныя, безстыдныя нападки въ Русской печати на Муравьева, вызванныя появленіемъ его «Записокъ», пуще подлили масла въ тлившійся огонь! Развѣ не свидѣтельствуютъ онѣ, эти нападки, эти памфлеты на Муравьева за то, что онъ недостаточно «деликатно» (sic) спасъ Русскій край отъ кроваваго мятежа, отъ кинжальщиковъ и вѣшателей съ ихъ бандами, а Россію и отъ вѣроятныхъ политическихъ внѣшнихъ усложненій, еслибъ мятежу дано было время сильнѣе разгорѣться,—развѣ онѣ не свидѣтельствуютъ, что болѣзнь отступничества еще гнѣздится въ Русскомъ обществѣ, что Русскимъ народнымъ интересамъ грозитъ опасность болѣе всего со стороны Русскаго же общества и что затрудненія, воздвигаемыя намъ Польшей, черпаютъ главную силу свою въ бездушномъ, безнародномъ направленіи той нашей собственной интеллигенціи, которая именно въ безнародности-то и полагаетъ суть своего «либерализма»?

Возможно ли, возразятъ намъ, придавать такое важное значеніе печатнымъ бреднямъ? Несомнѣнно можно и должно, и не потому только, что печать пользуется еще у насъ очень сильнымъ авторитетомъ и ея бредни способны сбивать съ толку многое множество простодушныхъ людей, но и потому, къ несчастію, что это колобродство печати служитъ симптомомъ такого же колобродства мысли и въ сферахъ власти. Кому же не вѣдомо, что къ нашей такъ-называемой «либеральной» интеллигенціи непосредственно примыкаетъ, или по крайней мѣрѣ примыкала до сихъ поръ, и наша бюрократическая среда? что чины, ордена и генеральство отлично уживаются у насъ съ вышеупомянутымъ и либерализмомъ» и съ антинаціональнымъ, слѣдовательно противогосударственнымъ, образомъ мыслей и дѣйствій? Но будемъ справедливы; не станемъ винить отдѣльныя лица: ихъ вина не столько *личная*, сколько историческая. Реформы XVIII вѣка до такой степени искривили Русское самосознаніе, до такой степени отшибли и у общества и у власти историческую память, что только развѣ въ великія роковыя минуты всеобщаго подъема духа оживало въ нихъ непосредственное Русское народное чувство; въ остальное же, мирное время оно вновь засыпало, и Русскіе администраторы въ родной землѣ, въ дѣлѣ Русскихъ интересовъ, являлись нерѣдко до простодушія невѣжественными, словно институтки въ курульскихъ креслахъ. Но плоды этого простодушнаго невѣжества всходили нерѣдко же гибелью и бѣдою для нашего отечества. Если только Русская администрація добросовѣстно прослѣдитъ свою собственную исторію по отношенію къ Польшѣ, начиная со временъ Александра I и до половины XIX столѣтія, и ей, администраціи, даровано будетъ видѣть свои прегрѣшенія (о чемъ, вообще говоря, она вѣрно не молится, но о чемъ ей очень молиться слѣдуетъ), то она построитъ храмъ покаянія и станетъ въ немъ биться челомъ о плиты, умоляя Русскую землю: «грѣховъ невольнаго народоотступничества, грѣховъ невѣдѣнія моего не помяни!...»

Возьмемъ для примѣра хоть недавно появившуюся въ «Русскомъ Вѣстникѣ» статью г. Щебальскаго подъ названіемъ «Русская область въ Царствѣ Польскомъ». Здѣсь разумѣется Русская область, вошедшая въ составъ Царства Польскаго при образованіи его въ 1815 г. и послѣ раздѣла

Польши доставшаяся Австріи, — именно такъ-называемая Холмщина или Забужье, раздѣленная теперь между губерніями Сѣдлецкой и Люблинской. Область эта поступила подъ Русскій скипетръ совсѣмъ Русскою и хотя уже уніатскою, но со свѣжими преданіями православія. «Послѣ многовѣковаго отчужденія нѣсколько сотъ тысячъ Русскихъ возвращались своему отечеству, становились подъ защиту своего природнаго государя», говоритъ г. Щебальскій; «къ несчастію», продолжаетъ онъ, «Александръ I не призналъ въ нихъ своихъ родныхъ сыновъ и оставилъ ихъ въ непосредственной зависимости отъ Польскаго правительства, въ то время вполнѣ самостоятельнаго. Во все царствованіе этого государя, да и во все время существованія Польской автономіи, т. е. до 1831 г., ничего не было сдѣлано для охраненія Русской національности въ Русскомъ Забужьѣ»; напротивъ, Александръ I поспѣшилъ въ 1816 и 1818 гг. утвердить законы, образовавшіе изъ каждаго помѣщичьяго имѣнія гмину или волость, а каждаго помѣщика дѣлавшіе de jure войтомъ или старшиной этой волости... Однимъ словомъ, Русскіе крестьяне предавались во власть Польскихъ помѣщиковъ, связанные по рукамъ и по ногамъ, —и помѣщики, съ помощью католическихъ ксендзовъ, конечно не потеряли времени даромъ, получивъ возможность дѣйствовать на Русское населеніе «именемъ самого Cesarza»! Казалось, наступившій въ 1831 г. мятежъ долженъ былъ бы вразумить Русское правительство, но въ 30-хъ же годахъ изданъ новый уставъ для учебныхъ заведеній Царства, и въ статьѣ о приходскихъ училищахъ назначается преподаваніе только *одного* языка — *Польскаго*, безъ всякаго исключенія для Холмщины; самыя же училища ввѣрялись «просвѣщенной и заботливой объ общественномъ благѣ опекѣ помѣщиковъ» (хотя не болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ они сражались противъ Россіи!). Когда въ 1837 году началось въ Бѣлоруссіи движеніе въ смыслѣ возвращенія изъ уніи къ чистому православію, двадцать лучшихъ священниковъ изъ Забужья прислали митрополиту Іосифу Сѣмашко прошеніе о принятіи ихъ приходовъ въ лоно Русской церкви, такъ какъ, по ихъ выраженію, «нынѣшнее поведеніе Холмскаго уніатскаго начальства не только само себя, но всю епархію усиливается обратить въ латинизмъ». Митрополитъ Сѣмашко настаивалъ также съ своей стороны на присоединеніи Забужскихъ уніатовъ къ Литовской епархіи, но и прошеніе Забужанъ и неоднократныя ходатайства митрополита остались безъ послѣдствій. «Этого присоединенія не желалъ князь Паскевичъ; онъ же не оказывалъ покровительства и Русскому языку—даже въ Русской области Царства»! Назначенный наконецъ распоряженіемъ министра просвѣщенія въ Царствѣ, Шипова, учитель Русскаго въ Холмской уніатской семинаріи языка «былъ вынужденъ преподавать свой предметъ по-Польски; по-Польски же и по католическимъ училищамъ преподавался катихизисъ уніатамъ, а молитвы на Славянскомъ языкѣ обходились молчаніемъ»... Такъ продолжалось почти вплоть до временъ Милютина и Черкасскаго,—единственнаго свѣтлаго періода въ исторіи нашего управленія Польшей... Въ результатѣ всего этого—составленная къ 1865 г. печальная статистика, свидѣтельствующая, что, благодаря невѣжеству, нехотѣнію или неспособности Русской администраціи, въ этой Русской области совершилось подъ Русскимъ скипетромъ быстрое ополяченіе и переходъ значительной части населенія изъ уніи въ католи-

чество! Въ настоящую минуту на 500,000 Русскихъ въ Люблинской и Сѣдлецкой губерніяхъ уже половина облатинена...

Это только одинъ изъ образчиковъ Русской административной политики въ *Царствѣ Польскомъ*, въ первой половинѣ нашего столѣтія, указанный нами потому, что онъ доселѣ былъ мало извѣстенъ. Но довольно извѣстно, что вообще для администраторовъ и политиковъ временъ Александра I не существовало ни Бѣлоруссіи, ни даже Юго-Западной Руси; они, съ легкимъ сердцемъ, собирались было примкнуть къ Царству Польскому весь Русскій, по Польскому выраженію, *забранный* у Польши край, и если заступничество Карамзина спасло Россію отъ такого фактическаго самоубійства, все-таки Полякамъ были великодушно предоставлены всѣ мѣры и способы къ ополяченію и окатоличенію края. Правда, послѣ Польскаго бунта въ 1831 г. значительная часть этихъ мѣръ и способовъ была отнята, но оставшіеся были такъ еще могучи, да и столько уже было сдѣлано, что понадобился новый Польскій мятежъ 1863 г. (спасибо гг. Полякамъ!) для новаго напоминанія Русскому правительству и Русской интеллигенціи, что край — Русскій. Но надолго ли? Въ томъ-то и горе, что не на дѣла Русской администраціи только давно минувшія приходится намъ ссылаться, а на дѣла чуть ли не вчерашнія. Достаточно вспомнить, что и послѣ всѣхъ наздапій и испытаній былъ *возможенъ* Виленскій генералъ-губернаторъ... Потаповъ! Противонародная политическая реакція, въ лицѣ разныхъ Петербургскихъ сановниковъ, восторжествовала, и все оживленіе, весь нравственный подъемъ въ Бѣлорусскомъ населеніи, совершившійся при Муравьевѣ, а потомъ продолжавшійся и при Кауфманѣ, поникъ безнадежно въ теченіе девяти лѣтъ такъ-называемой «потаповщины»... Да развѣ и теперь, сейчасъ, слѣды ея сколько-нибудь изглажены? Развѣ назначеніе такого администратора могло внушить Русскимъ людямъ убѣжденіе въ національномъ направленіи Русской политики? А при отсутствіи такого убѣжденія можно ли удивляться, что защита въ печати Русскихъ государственныхъ интересовъ обнаруживаетъ столько безпокойства, тревоги и страстности, и такъ мало расположенія склонять слухъ къ пѣнію Невскихъ газетныхъ «либеральныхъ» сиренъ о «примиреніи» съ Поляками?!

Положимъ, возвращеніе къ системѣ генерала Потапова стало *теперь*, благодаря Богу, уже невозможнымъ,—но это утѣшеніе пока еще отрицательное: положительнаго мы не имѣемъ или имѣемъ его пока еще въ слабой степени. Вѣдь и врагъ силенъ и злокозненъ, и способенъ принимать всякія личины, а прежде всего личину консервативную, даже «дворянской эры»—въ смыслѣ солидарности интересовъ Русскихъ дворянъ съ Польскими графами и баронами всего міра!...

Мы съ довѣріемъ привѣтствуемъ назначеніе въ Варшаву генералъ-адъютанта І. В. Гурко, извѣстнаго своей непреклонною энергіею въ исполненіи принятаго имъ на себя долга, — но центръ тяжести Польскаго вопроса, по нашему мнѣнію, не въ Варшавѣ, а въ Вильнѣ: Виленскій постъ, несравненно болѣе чѣмъ Варшавскій, требуетъ административнаго организаторскаго таланта, руководимаго Русскою мыслью и одушевленнаго Русскимъ чувствомъ. Вообще въ Польскомъ вопросѣ мы можемъ, слава Богу, а потому и должны, стоять на почвѣ не одного права, но и *правды*,

и при томъ не только политической, но и нравственной. Судьба исторической Польши, какъ государства «отъ моря до моря», рѣшена самою исторіею безповоротно (по крайней мѣрѣ въ современныхъ предѣлахъ Россійской имперіи),—рѣшена по винѣ самихъ Поляковъ и вслѣдствіе вопіющей безнравственности ихъ дѣйствій относительно Русскаго и отчасти Литовскаго населенія, входившаго въ составъ бывшаго королевства. Не слѣдовало бы, пожалуй, соглашаться Россіи на выдѣлъ въ 1772 г. ни Польскихъ провинцій—Пруссіи, ни Галича—Австріи, но воспротивиться этому выдѣлу Россія была не въ силахъ и только согласіемъ на проектъ Фридриха II могла купить себѣ миръ съ Турціей послѣ долгой кровопролитной войны. Впрочемъ при раздѣлахъ Польши мы, за исключеніемъ развѣ Литовско-Жмудской земли, стало быть вовсе не Польской, возвратили себѣ лишь то, что Московскіе князья и цари не переставали изстари называть своей «отчиной и дѣдиной», о которой никогда и не забывали. О ней забыли лишь во времена Александра I, и до такой степени, что даже стыдились предъ Европою и самими Поляками такого не совсѣмъ будто благовиднаго историческаго факта, что Волынь, Подолъ, Бѣлоруссія вошли снова въ составъ единой Русской земли! Но великодушный императоръ Александръ, самъ того не сознавая, а потому и сопровождая свое дѣяніе цѣлымъ рядомъ пагубныхъ ошибокъ, явился однако же и тутъ выразителемъ великой освободительной Славянской миссіи Россіи. Въ его лицѣ Россія, съ великими для себя жертвами, какъ всегда творя неблагодарныхъ, не только избавила отъ германизаціи, но спасла самое бытіе Польской *народности*, о которой безъ нашего дѣйствія въ 1815 году, не было бы, вѣроятно, теперь уже и помину: Варшава обратилась бы давно въ такой же Нѣмецкій городъ, какъ *Позенъ*.

Тяжба между Россіей и Польшей о *политическомъ* бытіи, уже рѣшенная исторіей въ пользу Россіи, не могла и не можетъ быть перерѣшена снова, несмотря ни на новое образованіе Царства Польскаго, ни на ошибки и грѣхи Русскихъ властей. На этомъ основаніи мы должны, — и въ этомъ наше право и нравственная обязанность, — старый политическій и историческій терминъ «Польша» низвести на степень термина чисто-этнографическаго, или этнографической особи, *обрусеніе* которой, конечно, немыслимо (объ этомъ нечего и заботиться), но отъ которой нужно лишь требовать полной покорности и признанія Русскаго государственнаго начала, какъ и Русскаго государственнаго языка. Царство Польское въ настоящемъ своемъ видѣ есть искусственное, неуклюжее сочиненіе 1815 года, а не что-то внутренно-органическое, и никакихъ трогательныхъ воспоминаній, кромѣ двухъ безумныхъ бунтовъ, съ собою не соединяетъ. Въ силу этого слѣдовало бы непремѣнно, по нашему мнѣнію, выдѣлить изъ такъ-называемаго Царства Польскаго всѣ крупные инородные элементы, и прежде всего половину Сѣдлецкой и половину Люблинской губерніи, т. е. такъ-называемую Холмщину, или Русское Забужье, образовать изъ нихъ губернію съ губернскимъ городомъ Холмомъ и присоединить ее къ Кіевскому генералъ-губернаторству (къ которому она и географически примыкаетъ). Перемѣна административнаго главнаго центра (вмѣсто Варшавы — Кіевъ) имѣетъ громадную важность. То же самое учинить и относительно сплошныхъ мѣстностей въ Сувалкской губерніи съ Литовскимъ народонаселеніемъ

(благо въ немъ съ новою силою возникло сознаніе своего племенного отъ Поляковъ отличія), т. е. присоединить ихъ частію къ Ковенской, частію къ Виленской губерніи съ главнымъ административнымъ центромъ въ Вильнѣ. Задача Варшавскаго генералъ-губернатора значительно облегчится...

Тѣмъ сложнѣе станетъ задача Кіевскаго генералъ-губернаторства, и въ особенности Виленскаго. Мы совершенно не раздѣляемъ очень распространеннаго у насъ мнѣнія о безполезности генералъ-губернаторствъ; по крайней мѣрѣ для западной нашей окраины они безусловно необходимы, и было бы въ высшей степени полезно, еслибъ въ районъ Виленскаго генералъ-губернаторства были снова включены отдѣленныя отъ него нынѣ губерніи: Минская, Могилевская и Витебская. Совершенно ошибочно предположеніе, будто Витебскою губерніей, напримѣръ, можно управлять такъ же какъ Калужскою или Тульскою; постъ губернатора въ этихъ названныхъ нами трехъ Бѣлорусскихъ губерніяхъ — постъ политическій; Польская стихія еще довольно сильна въ нихъ, продолжаетъ гнести развитіе мѣстнаго Русскаго населенія и требуетъ общаго единства административныхъ мѣропріятій по *всей* Бѣлоруссіи...

Нѣтъ сомнѣнія, что благодаря разности народныхъ типовъ (Малорусскаго и Бѣлорусскаго), а также и инымъ многимъ историческимъ причинамъ, нельзя и сравнивать, по трудности, задачи обоихъ генералъ-губернаторствъ. Въ Кіевскомъ дѣло вообще обстоитъ недурно, и не тутъ наше настоящее больное мѣсто. Оно въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Главнѣйшею заботою Виленскаго генералъ-губернатора должно быть не столько *обрусеніе,* сколько *располяченіе* этого искони-Русскаго края, а также и Литвы. Одно уже назначеніе главнымъ начальникомъ человѣка, искренно преданнаго своей политической миссіи, умѣющаго сгруппировать около себя людей способныхъ и дѣятельныхъ изъ мѣстныхъ Русскихъ уроженцевъ или изъ центральныхъ губерній, такъ оживило бы край, вызвало бы къ проявленію въ немъ такія духовныя силы, которыя быстро бы двинули задачу къ ея разрѣшенію. Настоящій же административный составъ, насколько онъ состоитъ изъ людей, назначенныхъ при генералѣ Потаповѣ, долженъ бы, кажется, подлежать немедленному обновленію. На первомъ планѣ для этого края выдвигаются, конечно, вопросы: о дополнительномъ богослуженіи на Русскомъ и Литовскомъ языкѣ у католиковъ Русскаго и Литовскаго происхожденія, о землевладѣніи вообще и о законѣ 10 декабря въ частности, и еще нѣкоторыя болѣе или менѣе важныя мѣры. По вопросу о дополнительномъ богослуженіи мы отсылаемъ читателя къ рубрикѣ: «съ Русско-Литовской окраины», подъ которою онъ найдетъ и сообщаемыя намъ новыя извѣстія по поводу смѣненныхъ и вновь назначенныхъ прелатовъ, вмѣстѣ съ нашими примѣчаніями къ нимъ. По вопросу же о законѣ 10 декабря многое освѣщается, также помѣщаемою ниже, статьею «о Польскомъ землевладѣніи въ Русскомъ Западномъ краѣ». Эта статья указываетъ, какими злоупотребленіями сопровождалось, особенно въ Сѣверо-Западномъ краѣ, примѣненіе пресловутаго закона, къ какимъ ничтожнымъ результатамъ оно до сихъ поръ привело и до какой степени парализовалось разными исключеніями. Мы съ своей стороны не разъ уже высказывались въ нашей газетѣ о необходимости демократизаціи собственности въ той странѣ (между прочимъ о надѣленіи землею сельскихъ учителей, т. е.

о необходимости приступить къ созданію въ краѣ массы мелкихъ *Русскихъ* землевладѣльцевъ и *средняго* Русскаго сословія, котораго тамъ теперь рѣшительно недостаетъ. Но этотъ предметъ слишкомъ обширенъ и въ подробное обсужденіе его мы теперь не войдемъ. Замѣтимъ здѣсь кстати, что задача землевладѣнія простирается въ равной мѣрѣ и на Юго-Западный край, и намъ извѣстно, что по распоряженію генералъ-губернатора А. Р. Дрентельна разработанъ и изготовленъ въ его канцеляріи очень замѣчательный проектъ объ измѣненіяхъ въ законѣ 10 декабря, который потому только еще не разсмотрѣнъ правительствомъ, что не доставлены надлежащія свѣдѣнія и соображенія отъ генералъ-губернатора Виленскаго... Затѣмъ, не говоря уже объ учрежденіи Виленской духовной Академіи, на чемъ всегда настаивала наша газета,—мы имѣемъ въ виду мѣстныя указанія и на многія иныя полезныя, повидимому, мѣры, которыя и не замедлимъ сообщить въ свое время нашимъ читателямъ.

Да, медлить бы, кажется, нечего, а надо бы постараться вознаградить, особенно на сѣверной нашей окраинѣ, такъ напрасно потерянное время. Только проявись дѣятельность опредѣленная, систематическая, живая, въ духѣ настоящей Русской національной политики, — какъ бы измѣнилось самое положеніе Польскаго въ Россіи вопроса, сколько бы бодрости пролилось въ мѣстное Русское населеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ сколько бы убавилось ненужнаго раздраженія со стороны тѣхъ, кому истинно близки народные Русскіе интересы, — раздраженія, главный корень котораго, повторяемъ, недостатокъ довѣрія къ нашей отвлеченно-безнародной, космополитической административной средѣ... Въ сознаніи своей правды и своей силы мы могли бы спокойнѣе и безстрастнѣе относиться и къ самимъ Полякамъ, и не обращать никакого вниманія на отзывы заграничныхъ Польскихъ газетъ. Правда, Петербургская печать увѣряетъ изо всѣхъ силъ, что въ Польской литературѣ, чуть ли уже не сильною струей бьетъ новое, примирительное, по отношенію къ Россіи, направленіе... Не знаемъ; эта струя до насъ почти не добрызгиваетъ, вѣроятно потому, что слишкомъ слаба; наши корреспонденты намъ о ней и не сообщаютъ, — но про что̀ мы знаемъ достовѣрно, это про образъ дѣйствій Поляковъ по отношенію къ Русскому племени въ Галиціи... Гдѣ въ другомъ мѣстѣ, а ужъ въ Галиціи Поляки теперь совсѣмъ на полной свободѣ, пользуются даже особымъ покровительствомъ Австрійскаго правительства, слѣдовательно, имѣютъ полную возможность проявить во всемъ блескѣ свою государственную мудрость и во всей красотѣ свои гражданскія, соціальныя и духовныя добродѣтели. Но этотъ ихъ образъ дѣйствій свидѣтельствуетъ лишь объ одномъ: что они, Поляки, ничего не забыли и ничему не научились, что такого именно образа дѣйствій имѣетъ ждать отъ нихъ и Русское и даже Литовское племя, если бы только Полякамъ было предоставлено и у насъ то же положеніе, что̀ и въ Австріи. Къ счастію, этому, конечно, никогда не бывать; но пусть знаютъ Поляки, что не равнодушна Россія къ участи Русскихъ Галичанъ, что муками, которыми Польскіе паны осыпаютъ теперь Галицкую Русь, они собираютъ лишь горячіе уголья на свои собственныя, — увы! совсѣмъ лишенныя здраваго смысла головы!..

—

Отъ употребленія Русскаго языка при богослуженіи для Католиковъ-Бѣлоруссовъ.

Москва, 15-го августа 1883 г.

Мы были правы, когда въ 14 № «Руси» признавали нѣсколько преждевременнымъ оптимизмъ тѣхъ двухъ нашихъ, впрочемъ случайныхъ, корреспондентовъ съ Литовско-Русской окраины, которые въ томъ же № выступили съ рѣзкимъ словомъ осужденія столичной печати за ея скептическое отношеніе къ недавнему договору Россіи съ Римской куріей, равно и за недовѣріе ко вновь назначеннымъ Папою Польско-латинскимъ епископамъ.

Мы допускали, что этотъ скептицизмъ, это недовѣріе основаны преимущественно на горькомъ опытѣ прошлаго, а потому и представляютъ видъ какого-то стараго, закоренѣлаго предубѣжденія; но хотя упомянутые корреспонденты, въ своихъ чаяніяхъ лучшаго будущаго, и опирались, повидимому, на новѣйшихъ фактическихъ данныхъ, на знаніи мѣстности и людей, мы тѣмъ не менѣе тогда же предостерегали ихъ «отъ увлеченія въ противоположную сторону, т. е. отъ чрезмѣрнаго пристрастія къ безпристрастію въ дѣлѣ такой важности, каковы Русскіе государственные и національные интересы». Напомнимъ читателю, что г. Кузнецовъ, восклицая съ ироніей: «отечество еще не въ опасности», удостовѣрялъ, будто «архіепископъ Гинтовтъ (нынѣ митрополитъ) былъ всегда у Русскихъ въ большомъ почетѣ, а у Поляковъ слылъ за русофила» (съ чѣмъ, впрочемъ, не совсѣмъ согласны отзывы клерикальной Краковской газеты «Czas»), и что «преконизація епископовъ послѣдовала согласно предложенію самого Русскаго правительства, которымъ о прінсканіи достойныхъ лицъ были положены старанія». Другой же корреспондентъ, изъ Минска (весьма, казалось бы, компетентный по своему общественному положенію), авторитетно свидѣтельствовалъ, что каноника Сенчиковскаго (ревностнаго сторонника и главнаго двигателя мысли объ употребленіи, среди Русскаго католическаго населенія, Русскаго языка въ дополнительномъ католическомъ богослуженіи, примѣнявшаго эту мысль и на практикѣ въ своемъ приходѣ) никто никогда отъ прихода не устранялъ; что должность онъ оставилъ самъ, по собственной охотѣ, и, получивъ отъ правительства значительную пенсію, добровольно избралъ себѣ помѣщеніе въ одномъ изъ монастырей Гродненской губерніи...

Конечно «отечество еще не въ опасности», но и Русскіе интересы въ Сѣверо-Западномъ краѣ «не къ авантажѣ» обрѣтаются, если только отчасти справедливы полученныя нами на дняхъ свѣдѣнія, въ достовѣрности которыхъ впрочемъ мы не имѣемъ причины сомнѣваться. Начать съ того, что кононикъ Сенчиковскій не на покоѣ въ монастырѣ Гродненской губерніи, а на дорогѣ... въ Ташкентъ! Онъ спасается въ Ташкентъ (при великодушномъ *содѣйствіи* Русскаго правительства) отъ преслѣдованій новаго митрополита. Оказывается (такъ по крайней мѣрѣ намъ пишутъ изъ Минска), что первымъ дѣломъ и митрополита Гинтовта, и Виленскаго

епископа Гриневецкаго было—обрушиться на всѣхъ тѣхъ священниковъ, которые, въ періодъ *междуепископья*, исполняя приказаніе управляющаго епархіею прелата Жилинскаго, старались ввести среди Русскихъ католиковъ, въ добавочномъ богослуженіи, Русскій языкъ, вмѣсто Польскаго, и приняли для употребленія особый, съ этою цѣлью изданный по распоряженію правительства, требникъ. За одного изъ нихъ, почтеннаго старика Малышевича, котораго Гриневецкій хотѣлъ уволить немедленно по восшествіи на епископскую каѳедру, нашелъ нужнымъ вступиться (и съ успѣхомъ) генералъ Никитинъ, замѣняющій временно генералъ-губернатора графа Тотлебена. Каноникъ же Сенчиковскій, также изгнанный Гриневецкимъ изъ Гродненской губерніи и вообще изо всей Виленской епархіи, рѣшился искать мѣста военнаго капеллана гдѣ-нибудь при арміи, въ Великороссійской губерніи; однако же митрополитъ Гинтовтъ, продолжая преслѣдованіе, не только не далъ ему необходимаго для сего разрѣшенія, но (какъ намъ сообщаетъ изъ Петербурга одинъ изъ сотрудниковъ «Руси») вознамѣрился даже запретить ему священнодѣйствовать (suspendere a divinis)! По мнѣнію митрополита, высказанному будто бы Сенчиковскому (и не съ-глазу на-глазъ), послѣдній не долженъ былъ слушаться и исполнять требованій правительственныхъ чиновниковъ, а долженъ былъ слѣдовать примѣру его самого, Гинтовта, который, будучи тогда ксендзомъ, перешелъ изъ епархіи Жилинскаго въ Царство Польское (гдѣ, прибавимъ, умѣлъ заслужить потомъ благоволеніе генерала Альбединскаго и былъ впослѣдствіи отрекомендованъ имъ въ митрополиты). «Съ той минуты,—выразился будто бы митрополитъ,—какъ каноникъ Сенчиковскій осмѣлился прибѣгнуть къ употребленію Русскаго языка, онъ ужъ-де не ксендзъ и не католикъ». На возраженіе Сенчиковскаго, что «онъ не Полякъ, а Бѣлоруссъ-католикъ и исполнялъ приказанія своего духовнаго начальства и Государя, въ которыхъ нѣтъ ничего противозаконническаго», митрополитъ отвѣтилъ будто бы требованіемъ, чтобъ Сенчиковскій публично покаялся въ этихъ своихъ дѣяніяхъ: «тогда только, а не прежде, и можетъ-де онъ быть прощенъ»... Не знаемъ, что сталось бы съ несчастнымъ Бѣлоруссомъ, осмѣлившимся въ Бѣлоруссіи замѣнить въ добавочномъ богослуженіи Польскій языкъ Русскимъ, еслибъ не принялъ въ немъ участія генералъ Черняевъ и не оказалъ бы ему своего могущественнаго покровительства департаментъ иностранныхъ исповѣданій (при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ). Департаментъ упросилъ, хотя и съ большимъ трудомъ, митрополита Гинтовта не налагать на Сенчиковскаго запрещенія и отправилъ послѣдняго на два года въ Ташкентъ, съ 500 р. годового жалованія... Нельзя не быть признательнымъ департаменту за оказанное имъ вниманіе гонимому Бѣлоруссу; только невольно сопоставляется въ памяти съ участію Сенчиковскаго — участь бывшаго епископа Фелинскаго: Фелинскій за поступки противогосударственнаго свойства былъ сосланъ въ Ярославль, съ 5000 р. ежегоднаго содержанія, — Бѣлоруссъ-каноникъ за исполненіе, въ теченіе 15-ти лѣтъ, требованій Русской власти (вполнѣ согласныхъ и съ требованіями каноновъ самой Римской церкви, и съ требованіями правды), не находитъ себѣ теперь мѣста ни на родинѣ, ни въ Европейской Россіи, а долженъ почитать за счастіе, что можетъ удалиться въ Среднюю Азію, съ содержаніемъ, несомнѣнно, скуднымъ.

Это послѣднее обстоятельство, т. е. удаленіе каноника Сенчиковскаго въ Ташкентъ—фактъ несомнѣнный и неопровержимый. Что же касается до причинъ такого переселенія и до прочихъ подробностей, нами сейчасъ переданныхъ, пусть же ихъ намъ опровергнутъ, если онѣ не вѣрны. Пусть опровергнутъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и тѣ новыя положительныя данныя о гоненіи на Русскій языкъ и на Бѣлоруссовъ-канониковъ, которыя читатель найдетъ ниже подъ рубрикою: «Съ Литовско-Русской окраины». Только пусть этимъ свѣдѣніямъ и даннымъ противопоставятъ не голословное отрицаніе, а *факты*, свидѣтельствующіе, что новые Польско-католическіе епископы *дѣйствительно* нисколько не противятся замѣнѣ Польскаго языка Русскимъ въ средѣ Бѣлорусскаго католическаго населенія!.. Мы очень хорошо знаемъ, что удаленіе приходскаго священника всегда можетъ быть, со стороны епархіальнаго епископа, мотивировано самыми благовидными причинами, чуждыми всякаго политическаго характера, и прежде всего обвиненіемъ «въ недостаткѣ доброй нравственности». Если, однакожъ, такому остракизму подвергнуты именно тѣ, которые поступали въ духѣ Русскихъ народныхъ и государсувенныхъ интересовъ, *согласно съ желаніемъ Русской власти, по ея приглашенію* и въ надеждѣ на ея могущественную *защиту*, то вѣдь только добровольно зажмуривъ глаза можно не усмотрѣть въ такихъ распоряженіяхъ епархіальнаго католическаго начальства цѣлой системы дѣйствій предосудительнаго характера, совершенно компрометирующей Русское правительство въ глазахъ мѣстнаго католическаго клира и всего населенія. Значитъ, Русское правительство оказалось не настолько сильнымъ, чтобы защитить тѣхъ, которые ему вѣрно служили и которымъ оно обѣщало свою поддержку? значитъ, новое соглашеніе съ Римской куріей выдало ихъ Полякамъ головою?... Если таковы послѣдствія соглашенія, то стало быть—не совсѣмъ неправы тѣ, которые отнеслись къ нему недовѣрчиво... Но точно ли, однако же, эти послѣдствія необходимы и уже не могутъ быть предотвращены?...

Намъ кажется, напротивъ, что самое соглашеніе въ Римомъ можетъ въ этомъ случаѣ послужить Русской власти полезнымъ основаніемъ и точкою опоры. При неправильномъ положеніи католической церкви въ Россіи, непосредственныя сношенія съ куріей были конечно для правительства затруднительны, и самыя законныя его требованія были парализованы, такъ сказать, тѣми антиканоническими условіями, въ которыя эта церковь была у насъ поставлена. Нужды нѣтъ, что вина въ такой неправильности положенія падала исключительно на Поляковъ и была вызвана чрезвычайными историческими обстоятельствами,— въ глазахъ Рима, разумѣется, она, эта неправильность, стояла на первомъ планѣ. Теперь этой помѣхи не существуетъ. Мятежные Польско-католическіе епископы отбыли свое наказаніе; Русское правительство явило свою силу, затѣмъ, какъ только позволили ему обстоятельства, поспѣшило съ искреннимъ благоволеніемъ войти въ положеніе своихъ Русскихъ подданныхъ латинскаго исповѣданія и оказать вниманіе къ ихъ духовнымъ нуждамъ. Католическая церковь поставлена вновь на каноническія основанія, а чрезъ это самое открывается, по нашему мнѣнію, для правительства возможность новой серіи дѣйствій, о которой мы и хотимъ сказать теперь нѣсколько словъ,—разъясненію которой служитъ и помѣщаемая ниже статья г. Иванова: «Вѣроисповѣдный

вопросъ»,— статья замѣчательная, хотя мы и не во всемъ съ нею согласны.

Необходимо было бы, кажется намъ, новое формальное представленіе или разъясненіе Римскому Папѣ, что въ предѣлахъ Россійской имперіи исповѣдуютъ католицизмъ не одни инородцы и иноплеменники, т. е. не только населеніе *не-Русскаго* происхожденія, напр. Французы, Бельгійцы, Нѣмцы и т. п. (которыхъ, впрочемъ, до ничтожества мало въ числѣ Русскихъ подданныхъ), не только Поляки (которыхъ всего болѣе), но и населеніе, не совсѣмъ малочисленное (не менѣе полумилліона), происхожденія *чисто-Русскаго:* Бѣлоруссы и отчасти Малоруссы. Повидимому въ этомъ фактѣ ничего новаго нѣтъ, это все извѣстно,—но только *повидимому.* Тутъ еще все попрежнему ново. Самый фактъ сталъ для нашего сознанія обнаруживаться лишь съ послѣдняго Польскаго мятежа, и «Московскія Вѣдомости» первыя на него указали: это ихъ неотъемлемая заслуга. Но *католикъ* и до сихъ поръ въ Западной Россіи есть синонимъ Поляка; исповѣданіе вѣры служитъ *до сихъ поръ* въ этомъ краѣ главнымъ признакомъ для распознанія національностей (хотя бы иногда даже наперекоръ племенному происхожденію!). Даже оффиціальная статистика большею частью руководствуется этимъ же признакомъ: кто исповѣданія православнаго — тотъ причисляется къ Русскимъ; кто латинскаго — къ Полякамъ. Вотъ почему и въ статьѣ «о Русскомъ землевладѣніи», помѣщенной въ 14 №, предлагалось, при исполненіи закона 10 декабря, ограничивающаго имущественныя права Поляковъ, обходить щекотливый вопросъ объ исповѣданіи и принимать за основаніе не вѣру, а *языкъ*—употребляемый въ молитвѣ и въ семейномъ быту. Какъ ни страннымъ кажется для отвлеченной мысли такое дѣленіе національностей *по вѣрѣ*, но оно имѣетъ свою глубокую основу не только въ исторіи, но и въ самомъ существѣ Русскаго народнаго духа. Оно и теперь до такой степени представляется естественнымъ непосредственному Русскому чувству, что едва ли не первый г. Ивановъ указалъ на неточность того оффиціальнаго титула, который носитъ у насъ вѣдомство исповѣданій неправославныхъ: мы разумѣемъ титулъ: «департаментъ *иностранныхъ* исповѣданій», тогда какъ къ завѣдываемымъ симъ департаментомъ исповѣданіямъ принадлежатъ милліоны *Русскихъ подданныхъ*, въ томъ числѣ не только инородцы, т. е. люди не Русскаго происхожденія (которыхъ все-таки государство не можетъ признавать *иностранцами*), но, какъ оказывается теперь, даже и многія сотни тысячъ *Русскихъ по крови и языку*, которые уже ни въ какомъ случаѣ не «иностранцы», хотя и католическаго исповѣданія.

Этотъ послѣдній фактъ, конечно, прискорбенъ для Русскаго чувства, но отрицать, не хотѣть знать его—нельзя. Всѣ эти Русскіе когда-то принадлежали къ одной церкви со всѣмъ остальнымъ Русскимъ народомъ и только впослѣдствіи, насиліемъ и соблазномъ, были отторгнуты отъ православнаго церковнаго единства. Несомнѣнно, что выраженіе «Святая Русь», идущее изъ самой глубокой древности и вполнѣ народное, даже простонародное, а не *книжное*, не риторами выдуманное (какъ утверждалъ кто-то изъ нашихъ ученыхъ Западниковъ) не предполагаетъ понятія о *разновѣріи* въ средѣ Русскаго народа. Въ нашемъ простолюдьѣ, при обращеніи къ народному множеству, будь это «міръ», «сходка» или какое бы то ни

было сборище, не употребляется другого слова для привѣтствія или именованія, какъ «православные»: не скажутъ «Русскіе», ни «Руссы» (какъ бы этого ни желалось, можетъ быть, г. Иванову!). Эта нераздѣльность понятія о Русскомъ и православномъ въ народномъ сознаніи объясняется тѣмъ, что подъ многовѣковымъ воздѣйствіемъ православія сложилось самое органическое единство Русскаго народа; что православіе, можно сказать, слилось съ его духовной сущностью и, какъ, повидимому, ни скудны дѣла народной вѣры, внимательный наблюдатель психологъ усмотритъ отраженіе православія и въ быту народа, и въ строѣ его души, и въ его гражданскихъ отношеніяхъ, и въ широтѣ его воззрѣній, и въ его долготерпѣніи и смиреніи — этихъ величайшихъ нравственныхъ *силахъ* по ученію христіанскому. Частныя уклоненія отъ православія, въ видѣ разныхъ мелкихъ сектъ, не измѣняютъ такого общаго положенія; наши раскольники-старообрядцы и сами себя причисляютъ, да и должны быть, по исповѣданію своему, причислены къ православію. Въ *православномъ* Русскомъ народѣ, а не въ какомъ другомъ, сѣдалище того духа, которымъ созиждена наша держава. Идея церковнаго единства безъ сомнѣнія преобладаетъ въ народѣ надъ идеей единства политическаго, преобладаетъ, но не исключаетъ. Русскій народъ, при самой искренней преданности своей вѣрѣ, всегда отличался самою широкою вѣротерпимостью: но, чуждый духа прозелитизма, онъ не допускаетъ посягательствъ этого духа извнѣ на его собственный церковный строй. Вотъ почему, между прочимъ, изо всѣхъ вѣроисповѣдныхъ формъ христіанства наименѣе сочувственнымъ является для коренного Русскаго народа латинство, вѣчно посягающее на свободу чужой религіи, ищущее не примиренія, а покоренія.

Кстати, по поводу «примиренія». Какъ бы ни усиливался нашъ почтенный сотрудникъ В. С. Соловьевъ, въ цѣломъ рядѣ замѣчательныхъ статей, порѣшить многовѣковой споръ между христіанскимъ Востокомъ и христіанскимъ Западомъ; какъ бы ни увлекался онъ возвышенной идеей примиренія церквей и возстановленія вселенскаго церковнаго единства, но его слова останутся пока, къ сожалѣнію, гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, во 1-хъ, потому, что историческій часъ для такого примиренія не насталъ и настанетъ не скоро, такъ какъ всемірно-историческій антагонизмъ между Востокомъ и Западомъ еще не исчерпалъ всего своего содержанія: еще даже политически не свободенъ Востокъ, и Россія не исполнила еще своей освободительной миссіи; во 2-хъ, потому, что гласъ г. Соловьева обращенъ исключительно къ Восточной церкви, которую онъ и пытается подвигнуть къ сознанію своей доли вины въ церковномъ разрывѣ и къ примиренію съ Западной церковью; Западную же церковь оставляетъ г. Соловьевъ почти совсѣмъ въ сторонѣ, да она, конечно, не только бы его не послушала, но ужъ, конечно, никогда бы не допустила по отношенію къ себѣ, въ предѣлахъ *своей* цензуры, такого разоблаченія ея винъ и грѣховъ, которое (благодареніе Богу!) возможно стало теперь для почтеннаго автора по отношенію къ нашей смиренной церкви. Если же однако эти разоблаченія находятъ себѣ мѣсто въ нашей печати, то потому, что наша церковь не пугается обличеній, вѣдая, что истина, въ ней пребывающая, можетъ лишь усилиться въ блескѣ и творческомъ дѣйствіи, какъ только сойдетъ ржавчина, отъ которой тускнѣетъ ея свѣтлый ликъ: все слѣдовательно, что выдаетъ эту

ржавчину, можетъ быть только полезно,—тѣмъ болѣе полезны и статьи В. С. Соловьева, исполненныя горячей, искренней ревности о чистотѣ «мѣста свята» и своими укорами возбуждающія дѣятельность нашего нѣсколько соннаго церковнаго самосознанія... Возвращаясь затѣмъ къ вопросу о возстановленіи церковнаго единства между Востокомъ и Западомъ, поднятому г. Соловьевымъ, скажемъ въ заключеніе, что это возстановленіе мыслимо лишь тогда, когда не одна, а обѣ стороны, проникшись чувствомъ христіанской любви и тоскою по мирѣ Христовомъ, его поищутъ, и что главнымъ противникомъ примиренія является—вовсе уже не смиренный, а властолюбивый и гордый Римъ, котораго неправда, по нашему мнѣнію, значительно превышаетъ неправду Востока. Нашъ многоуважаемый сотрудникъ, увлекаемый своимъ нѣсколько отвлеченно-формальнымъ мышленіемъ, недостаточно вникаетъ въ глубину этой римской неправды, такъ претящей непосредственному православному чувству. Дѣло вовсе не въ Фотіи, не въ Керулларіи, не въ опрѣснокахъ, даже не въ filioque,—не въ видимыхъ причинахъ разрыва, гдѣ Востокъ, допустимъ, былъ не во всемъ правъ,—а въ причинахъ *внутреннихъ*, и при этомъ не только въ той противоположности исконныхъ духовныхъ свойствъ Востока и Запада и ихъ отношеній къ божеству, которая проявилась еще въ до-христіанскія времена и такъ прекрасно раскрыта нашимъ авторомъ, но въ томъ, что таилось въ глубинѣ духа Западной церкви, что только предчувствовалось Востокомъ и выразилось вполнѣ наружу только впослѣдствіи. Мы разумѣемъ здѣсь нѣкоторое искаженіе Западомъ христіанской истины въ самомъ ея существѣ. Вѣдь іезуитизмъ—не случайный внѣшній наростъ, не «злоупотребленіе», не «уклоненіе»: онъ идетъ отъ самаго *корня* Западной церкви, которая въ самую область нравственную перенесла казуистику Римскаго права. Если вѣра безъ дѣлъ мертва, и Востокъ можетъ быть уподобленъ человѣку, зарывшему свой талантъ въ землю, то едва ли Римъ не подлежитъ обвиненію въ томъ, что онъ свой талантъ размѣнялъ отчасти на фальшивую монету, которою и разбогатѣлъ, или по крайней мѣрѣ перелилъ на нѣсколько талантовъ—подбавивъ къ нимъ въ изобиліи языческой лигатуры. Но довольно объ этомъ; мы воспользовались случаемъ сказать здѣсь нѣсколько словъ, кстати, о статьяхъ нашего философа-богослова, въ виду нѣкотораго недоумѣнія, возбуждаемаго его статьями; болѣе же пространное объясненіе отлагаемъ до болѣе удобнаго времени.

Итакъ, основаніемъ и зиждущею силою Русской державы служитъ Русскій народъ съ его племеннымъ и церковнымъ единствомъ,—однимъ словомъ *православный* Русскій народъ. *Онъ*, главнымъ образомъ, даетъ собою *опредѣленіе* Русскому государству, говоря философскимъ языкомъ; т. е. *имъ* опредѣляется наша государственная индивидуальность въ мірѣ, направленіе, призваніе, историческая судьба Россіи. Но по мѣрѣ историческаго развитія въ составъ государственнаго организма вошли инородцы, иновѣрцы, и поверхъ основы племенного и церковнаго единства, не колебля, не ослабляя ея, *не умаляя ея хозяйскихъ и зиждительскихъ правъ*, простерлось единство политическое, объемлющее собою органически всѣ чужеродные физіологическіе и духовные элементы. Относительно правъ, подобающихъ такому единству, нельзя не согласиться, по крайней мѣрѣ во многомъ, съ «Московскими Вѣдомостями», которыя, какъ извѣстно, идеѣ

государственнаго единства придавали всегда первенствующее, преобладающее значеніе. При всемъ томъ, въ народномъ сознаніи, да и по нашему убѣжденію, цѣльность и полнота Русскаго народнаго духа не мыслима внѣ православнаго вѣроисповѣданія, внѣ единства религіознаго съ кореннымъ, главнымъ, и по своему подавляющему большинству, населеніемъ Россіи, такъ что иновѣрецъ *Русскаго* происхожденія представляетъ всегда нѣкотораго рода аномалію, тѣмъ болѣе иновѣрецъ-латинянинъ. «Русскій католикъ» — это отчасти звучитъ какъ бы: «восточный западникъ». И тѣмъ не менѣе этотъ прискорбный фактъ имѣется налицо: въ предѣлахъ Россіи, даже за исключеніемъ Царства Польскаго, но все-таки, правда, только на Западной Русской окраинѣ, *католиковъ Русскаго происхожденія* (преимущественно Бѣлоруссовъ) около полумилліона, а можетъ быть и свыше. Причина — долговременное пребываніе этой окраины подъ Польскимъ владычествомъ и подъ воздѣйствіемъ ея цивилизаціи, совращеніе предковъ изъ православія въ латинство мечомъ и лестью. Было бы, конечно, желательно возвратить ихъ въ лоно родной церкви, какъ они возвращены Россіи политически. Но надежды на притягательную ея силу мы теперь, по разнымъ обстоятельствамъ, питать не можемъ, — посягать же на свободу ихъ религіозной совѣсти не хотимъ, это и безнравственно, и могло бы привести только къ худшимъ, противоположнымъ результатамъ. Между тѣмъ католицизмъ Русскаго населенія служитъ Полякамъ могущественнымъ средствомъ для ополяченія, которымъ они именно теперь и спѣшатъ воспользоваться съ особенною страстностью. Должны ли мы допускать этотъ религіозный способъ ополяченія и сами каждаго Русскаго католика толкать въ Поляки? Конечно нѣтъ, но такъ однакожъ выходитъ, потому что оффиціально признается на нашемъ Западѣ лишь одна *Польско*-католическая церковь. Не должны ли мы, напротивъ, скрѣпя сердце, во имя идеи политическаго единства, независимаго отъ единства церковнаго, *признать* въ Россіи существованіе Русскихъ не только православнаго, но и латинскаго исповѣданія, хотя бы лишь на Западѣ, т. е. не однихъ Поляковъ-католиковъ, но и Русскихъ-католиковъ. Этого признанія до сихъ поръ не было; департаментъ *иностранныхъ* исповѣданій вѣдалъ до сихъ поръ только Польско-католическое духовенство, Польско-католическую паству. Но очевидно, что разъ признано бытіе *Русско-католической паствы*, она имѣетъ право и на *Русско-католическое духовенство*. Каноникъ Сенчиковскій такъ себя и называетъ «Бѣлоруссомъ», но какъ таковой онъ, можно сказать, да это мы и видимъ, не имѣетъ права церковнаго гражданства!

Такимъ образомъ Римскому Папѣ могъ бы быть предложенъ вопросъ: желаетъ ли онъ признать въ Россіи существованіе, кромѣ Польской, еще и *Русско*-католической паствы и священства? Мы не думаемъ, чтобъ съ точки зрѣнія Рима ему было желательно дать на этотъ вопросъ отвѣтъ отрицательный. А въ такомъ случаѣ разрѣшеніе вопроса о Русскомъ языкѣ въ дополнительномъ богослуженіи среди Русскаго Католическаго населенія не можетъ представить ужъ никакого затрудненія. Да и независимо отъ постановки вопроса въ этой формѣ, департаментъ, кажется, могъ бы настоять на оффиціальномъ заявленіи Папы, что введеніе Русскаго языка въ *добавочное* богослуженіе не противно не только общимъ каноническимъ законамъ, но и особымъ постановленіямъ и преданіямъ Римско-католической

церкви. О томъ, что оно имъ не противно, свидѣтельствуютъ напечатанное въ этомъ № извлеченіе изъ любопытнаго циркуляра каноника Сенчиковскаго въ 1878 г. Изъ него становится ясно, что Польское духовенство въ своей Польской патріотической ревности само, напротивъ, нарушаетъ уставъ Римской церкви, замѣняя Польскимъ языкомъ даже латинскій въ иныхъ мѣстахъ литургіи, тамъ, гдѣ употребленіе послѣдняго именно предписано. Само собою разумѣется, что такое свидѣтельство, состоявшееся тогда, когда во главѣ управленія Виленской католической епархіей находился не епископъ Папою поставленный, а лицо, назначенное свѣтскимъ начальствомъ, не представлялось до сихъ поръ достаточно авторитетнымъ, и не могло противопоставить преграду фанатизму Польскаго духовенства, обратившаго религію въ орудіе полонизма. Но почему же не предложить митрополиту Гинтовту и прочимъ епископамъ издать точно такой же циркуляръ по своимъ епархіямъ? Если они откажутся, мы будемъ знать, какого они духа, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло, и можемъ на нихъ апеллировать къ Римской куріи.

Относительно же современнаго настроенія самой куріи даетъ нѣкоторыя указанія не лишенная интереса статья въ оффиціозномъ политическомъ органѣ Ватикана «Moniteur de Rome» о путешествіи въ Россію, на праздники коронаціи, папскаго нунція Ванутелли. Къ сожалѣнію, не получая этого журнала, мы должны заимствовать ея содержаніе изъ Львовской «Gazety Narodowej». Польскій органъ чрезвычайно недоволенъ тѣмъ, что во всей упомянутой статьѣ, составленной на основаніи донесеній самого нунція и преисполненной похвалъ Русскому двору, Русскимъ министрамъ, Русскому свѣтскому обществу и даже «мѣщанству» (т. е. среднему классу, tiers-état по иностраннымъ понятіямъ), — во всей этой статьѣ полуоффиціальнаго органа куріи, «нѣтъ, — какъ выражается газета, — даже намека о Польшѣ, о Полякахъ, которые однакожъ составляютъ-де большинство, если не всю цѣлость католиковъ Московскаго Государства». Напротивъ того, статья старается поставить на видъ, что Римская церковь исключаетъ изъ сферы своихъ религіозныхъ интересовъ *«всякій вопросъ о національности»*, т. е. не желаетъ покровительствовать одной въ ущербъ другой, что конечно вовсе не на руку Полякамъ. По выраженію Польской газеты, въ этой статьѣ вообще просвѣчиваетъ «Итальянская наивность», но именно въ такой-то *итальянщинѣ*, по нашему мнѣнію, и мудрено предположить особенно сильную симпатію къ интересамъ *польщизны*, или къ своего рода Польской «наивности», мечтающей о самостоятельномъ Польскомъ государствѣ. Нунцій Ванутелли пришелъ въ восторгъ отъ отзывовъ, слышанныхъ имъ всюду и отъ всѣхъ въ Россіи о Папѣ Львѣ XIII, отъ похвалъ ему, какъ Папѣ, «обладающему спокойствіемъ философа, проницательностью государственнаго мужа, всегда готовому вступить въ переговоры съ правительствами, умѣющему сглаживать угловатости (les angles), и не отдѣляющему интересовъ свѣтскаго общества, т. е. правительства, отъ интересовъ общества духовнаго» и т. д. «Русскіе, — по увѣренію путешественника — обладая большимъ умомъ и тонкостью, также хорошо понимаютъ Льва XIII, какъ сами Итальянцы!» Вотъ какъ плѣнили достопочтеннаго нунція Русскіе салоны; но тѣмъ не менѣе ни салоны, ни сановники не поддались на предложеніе нунція, которое Польская газета именно и обозвала (совершенно

мѣтко) «наивностью» и которое состоитъ въ слѣдующемъ: «такъ какъ Царь запрещаетъ католическую пропаганду въ оффиціальной Русской церкви, то почему бы не предоставить свободу этой пропагандѣ среди *12 милліоновъ Русскихъ раскольниковъ?* Римская церковь, привлекая ихъ на свое лоно, одновременно превратила бы ихъ въ сильнѣйшую опору Русскаго престола, потому что, не примѣшивая сюда ни малѣйшаго національнаго вопроса, она бы поочистила ихъ отъ элементовъ революціонныхъ». Предложеніе принято не было, но нунцій уповаетъ на время. Пусть уповаетъ! Мы бы даже очень охотно пригласили бритыхъ католическихъ миссіонеровъ пожаловать въ Москву къ нашимъ старообрядцамъ — Рогожцамъ и Преображенцамъ на бесѣду! Но дѣло не въ этой наивности (замѣчательно, что авторомъ статьи считаютъ самого статсъ-секретаря Папы Якобини), а въ общемъ характерѣ отношеній Рима къ Россіи, едва ли вполнѣ благопріятномъ для политическихъ Польскихъ затѣй, несмотря на присутствіе въ Римѣ прелатовъ Ледоховскаго и Чацкаго.

Намъ кажется, что департаментъ иностранныхъ или неправославныхъ исповѣданій могъ бы дѣйствовать теперь въ дѣлѣ располяченія католицизма въ Западной Россіи съ несравненно большей энергіей, выставивъ Папѣ Льву XIII на видъ то сопротивленіе, которое оказываетъ Польское духовенство оффиціальному признанію Русско-католической паствы въ Россіи. Во всякомъ случаѣ, если дѣйствія митрополита Гинтовта и епископа Гриневецкаго переданы намъ вполнѣ точно, то стало быть и притязанія Поляковъ на Русскій Западный край остаются тѣ же самыя, какъ и до возстанія,— а въ такомъ случаѣ гдѣ же это «Петербургскія Вѣдомости» и нѣкоторыя другія газеты видятъ залогъ примирительнаго настроенія несчастныхъ, неисправимо-мечтательныхъ Польскихъ умовъ?

Застой Русскаго дѣла въ Западномъ краѣ по усмиреніи мятежа 1863—64 годовъ.

Москва, 1-го мая 1884 г.

Ни на чемъ такъ не отражается убожество національнаго духа въ Петербургской администраціи, какъ на положеніи нашей западной окраины вообще, а Сѣверо-Западнаго края въ особенности. Правда, это убожество не отъ дня сего, не случайное и даже не произвольное, а можно сказать — традиціонное, унаслѣдованное, завѣтъ дорогой С.-Петербургской старины, которому новѣйшіе администраторы, къ чести ихъ молвить, даже и не совсѣмъ вѣрны,—такъ что администраторамъ временъ Александра I они показались бы, навѣрное, дерзновенными отступниками, пожалуй, horribile dictu—«націоналами» или «шовинистами»... Однакожъ, такою *дифференціальною* оцѣнкою силы народнаго самосознанія въ нашихъ руководительныхъ и властныхъ сферахъ—въ настоящую пору утѣшиться трудно. Если въ началѣ нынѣшняго столѣтія дѣлами внѣшней политики Россіи могъ управлять Польскій магнатъ — будущій мятежникъ и негласный король Польскій, Адамъ Чарторыйскій, то, разумѣется, въ наши дни этого случиться уже не можетъ; если при Александрѣ I Русское правительства не-

кренно совѣстилось владѣть отъятыми отъ Польши провинціями, т. е. Заднѣпровскою Украйною и Бѣлоруссіей—этимъ древнимъ, исконно-Русскимъ краемъ, колыбелью и основою Русскаго государства; если, стыдясь своей народности, словно первороднаго грѣха, преклоняясь, въ самоуничиженномъ сознаніи своего варварства предъ высшею Польскою цивилизаціей, оно охотно содѣйствовало пущему укрѣпленію среди Малоруссовъ и Бѣлорусовъ, а также и Литовцевъ, Польской національности, и замышляло даже отторгнуть отъ Россіи цѣлыя девять губерній, съ тѣмъ чтобъ присоединить ихъ къ администраціи новосозданнаго Царства Польскаго, — то конечно, въ сравненіи съ такими гигантами національнаго самоотреченія, самоотрицатели современные не болѣе какъ пигмеи. Но каждая дѣятельность мѣряется мѣрой своей эпохи,— и если мы помянули старину, впрочемъ вовсе не давнюю, то лишь для того, чтобъ очертить административную судьбу этой части Русской Имперіи, въ особенности Сѣверо-Западной—подъ Русскимъ владычествомъ.

Разница правительственной дѣятельности первой четверти столѣтія съ послѣдующими заключается не только въ объемѣ національнаго самоотреченія, но и въ качествѣ. Во времена Александра I оно исповѣдывалось откровенно, являлось не только чистосердечнымъ увлеченіемъ, но и дѣйствіемъ отчетливаго убѣжденія и воли. Администрація того времени отражала въ себѣ общее настроеніе высшихъ руководящихъ классовъ Русскаго общества. А въ нихъ насильственный Петровскій переворотъ въ теченіе вѣка совсѣмъ уже замирился, вошелъ въ плоть и кровь; непосредственное чувство Русской народности, къ началу XIX столѣтія, было уже почти совсѣмъ вытравлено воспитаніемъ, благодаря въ особенности обильнѣйшему наплыву Французскихъ эмигрантовъ, искавшихъ тихаго и выгоднаго убѣжища въ Россіи отъ революціонныхъ бурь. Русскіе образованные люди стали теперь и сами, добровольно, — не по принужденію, какъ во время оно,—пускаться въ погоню за послѣднимъ словомъ западной науки и цивилизаціи; а таковымъ словомъ была философія энциклопедистовъ. О народномъ самосознаніи въ ту пору не могло еще быть и рѣчи. Если нашествіе Наполеона и содѣйствовало могущественнымъ образомъ зарожденію этого самосознанія, то только въ юномъ еще подроставшемъ поколѣніи; современники же ограничивались «патріотизмомъ». Но какъ ни доблестно было проявленіе ихъ патріотизма при защитѣ отечества, все же ревновали они о національной самобытности въ смыслѣ лишь исключительно политическомъ, внѣшнемъ, а не духовномъ. Это было, впрочемъ, вполнѣ понятно. Связь съ историческими преданіями была порвана; Русская исторія (на что мы уже указывали), по мнѣнію Сперанскаго, должна была считаться только съ Петра; глубокій мракъ невѣжества относительно родной старины и роднаго народа одѣвалъ, словно туманомъ, культурные верхи Русской земли: безсмертный трудъ Карамзина еще не успѣлъ воздѣйствовать на Русское общество. Положеніе Вѣнценосиаго ученика женевскаго республиканца Лагарпа на Русскомъ престолѣ было поистинѣ трагическое: Монархъ изнывалъ подъ нравственною тяжестью внутреннихъ въ немъ самомъ противорѣчій,—въ борьбѣ между внушеніями западныхъ доктринъ, усвоенныхъ имъ съ дѣтства, и требованіями Русской практики, ему мало вѣдомой, мало понятной и мало сочувственной, — отъ необходимости вы-

бора, однимъ словомъ, между Сперанскимъ и Шишковымъ, этими двумя яркими представителями двухъ ярко противоположныхъ направленій. Но въ рѣшительныя мгновенія опасности, въ 1812 г. напримѣръ, Александръ I умѣлъ стоять на высотѣ своего великаго званія. Въ лицѣ Русскаго самодержца Россія, побѣдивъ Наполеона, явилась въ Западной Европѣ не только освободительницею, но и умиротворительницею, носительницею высокаго нравственнаго начала. Тѣмъ не менѣе, у себя дома, по миновании опасности, Императору приходилось дѣйствовать въ тѣхъ же условіяхъ невѣдѣнія историческихъ преданій и интересовъ своего народа. Такъ, не довольствуясь созданіемъ Царства Польскаго, онъ предалъ Западно-Русскій край въ полное хозяйство пользовавшимся, благодаря Чарторыйскому, его собственною симпатіей Полякамъ,—такъ что этотъ край, подъ Русскою властью, въ теченіе его царствованія, былъ ополяченъ несравненно успѣшнѣе и сильнѣе чѣмъ въ теченіе вѣковъ Польскаго владычества... Къ счастію для Россіи, Польскій мятежъ вспыхнулъ не при немъ, а при Императорѣ Николаѣ, который лично былъ совершенно чуждъ космополитическимъ тенденціямъ и либеральному идеализму своего брата. Пламя мятежа озарило явно и грозно бездну, рытую втайнѣ Польскимъ фанатизмомъ для Русской державы, для Русскаго населенія Украйны и Бѣлоруссіи. Казалось бы, должно оно было внести свѣтъ, и свѣтъ не мерцающій, въ государственное самосознаніе Русскихъ правителей. Но не такъ-то легко было развѣять туманъ, навѣянный на мысль и чувство верхнихъ слоевъ Русскаго образованнаго общества, а съ нимъ и администраціи. Государь Николай Павловичъ, безъ сомнѣнія, яснѣе большинства своихъ ближайшихъ совѣтниковъ разумѣлъ истинную опасность, грозившую Россіи; только его личная твердость и дала новое направленіе Русской политикѣ относительно Царства Польскаго и Западной окраины Русскаго царства. Но даже и его энергія парализовалась глухимъ противодѣйствіемъ окружавшей его среды или просто скудостью въ ней національнаго духа. Русская мысль, хотя уже и начала освобождаться изъ плѣна, но лишь въ передовыхъ Русскихъ людяхъ. Замѣчательно, что въ представителяхъ Александровскаго вѣка, какимъ былъ напримѣръ, да и остался всю жизнь, князь П. А. Вяземскій, знаменитые стихи Пушкина: «На взятіе Варшавы» и «Клеветникамъ Россіи»— возбудили сильное негодованіе, и притомъ вполнѣ чистосердечное: для написанія такихъ стиховъ требовалась уже нѣкоторая независимость народнаго чувства и мышленія.

Какъ бы то ни было, съ усмиреніемъ Варшавы въ 1831 году началась новая эра не только для Царства Польскаго, но и для Западно-Русскаго края. Царство Польское, да и вообще Польшу въ ея этнографическихъ предѣлахъ, мы оставимъ теперь въ сторонѣ. Мы признаемъ необходимымъ рѣзкое отдѣленіе такъ-называемаго Польскаго вопроса отъ вопроса о нашей Западно-Русской окраинѣ. Бывшее Царство входитъ въ составъ Русской Имперіи. Поляки, его населяющіе—подданные Русскаго Государя, но они все же Поляки, а не Русскіе происхожденіемъ; земля эта принадлежитъ не Русскому, а Польскому племени. Да впрочемъ обрусить Поляковъ, превратить ихъ въ Русскихъ, располячить Польское племя — такого притязанія никто въ Россіи никогда не имѣлъ и не имѣетъ, и Поляки сознательно клевещутъ, когда утверждаютъ противное. Возведеніе Русскаго

языка въ значеніе языка государственнаго нисколько не устраняетъ для Польской науки и литературы возможности процвѣтанія, чего мы лично отъ всей души имъ желаемъ. Отъ Поляковъ требуется Россіей лишь покорность и вѣрность, отреченіе отъ вздорныхъ политическихъ мечтаній, отъ мысли о Польшѣ *исторической;* требуется искреннее признаніе для своей страны необходимости единства верховнаго Русскаго государственнаго начала со всей Имперіи. Враждебное отношеніе къ намъ Поляковъ или, вѣрнѣе сказать, Польской шляхты и интеллигенціи, свидѣтельствуетъ только о крайнемъ умственномъ ея неразвитіи, объ отсутствіи въ ней здраваго политическаго смысла, а также и высшихъ, во-истинну либеральныхъ— нравственныхъ и соціальныхъ идеаловъ. Тѣснота Польскаго духовнаго и соціальнаго кругозора объясняется исключительнымъ преобладаніемъ во всей ихъ исторіи *шляхетской* стихіи и презрѣніемъ къ массамъ народнымъ, а также въ значительной степени, едва ли даже не преимущественно, религіознымъ католическимъ фанатизмомъ на іезуитской закваскѣ. Если бы Поляки были нѣсколько трезвѣе и зрѣлѣе мыслью, они бы поняли цѣну того блага, которое послала имъ судьба въ государственномъ верховенствѣ Россіи послѣ паденія Польши какъ государства, — паденія неминуемаго, предрѣшеннаго исторіей, главнымъ виновникомъ коего были они сами, а затѣмъ и Пруссія съ Австріей. Только благодаря Россіи, подъ ея стекляннымъ или желѣзнымъ колпакомъ, сбереглось Польское имя, — сохранилась отъ разложенія, сохраняется и досслѣ отъ германизаціи Польская національность, мало того, постепенно перевоспитывается и обогащается новыми элементами, новыми, болѣе широкими нравственными и общественными горизонтами. Ибо только Россія, вѣрная своему призванію, призвала къ гражданской жизни Польскаго плебея—крестьянина; только благодаря Россіи, идея славянства, которая лишь бытію Россіи обязана своимъ политическимъ значеніемъ и силою въ мірѣ, начинаетъ наконецъ проникать, хотя и очень еще слабо, въ самосознаніе Поляковъ.

Но иное дѣло этнографическая Польша, иное дѣло — Западный край. Ни на Украйнѣ, ни въ Бѣлоруссіи для насъ, Русскихъ, нѣтъ мѣста ни сомнѣнію, ни вопросу. Край этотъ — Русскій, который Россія *обязана* была себѣ возвратить; великій грѣхъ тяготѣлъ бы надъ нею, еслибъ она не возвратила его себѣ, какъ только почувствовала себя въ силахъ. Ни съ какою чуждою національностью здѣсь намъ считаться нечего. Здѣсь мы—хозяева и у себя дома, а бывшіе временные, незванные хозяева, не признающіе здѣсь права Русской народности, могутъ или убираться вонъ, или оставаться въ званіи гостей, подчиняющихся безусловно хозяйскому уставу. Для самой ультралиберальной совѣсти здѣсь нѣтъ повода не только къ смущенію, но даже къ недоумѣнію. Задача Русской политики здѣсь, казалось бы, совершенно ясна... Конечно ясна для *Русскаго* разума, не раздвоившагося въ себѣ и не убившаго въ себѣ живого зиждительнаго начала отступничествомъ отъ народности. Но именно Русская правительственная среда даже и Николаевской поры этою-то силою Русскаго разума и была еще бѣдна, независимо отъ личнаго направленія самого Государя. Да и не одна правительственная; не многимъ богаче ея была и общественная. Исторія Украйны и Бѣлоруссіи со временъ разгрома татарскаго не входила вовсе въ составъ преподаваемой съ каѳедръ исторіи Русскаго го-

сударства и совершенно затеривалась для сознанія Русскаго общества, такъ что, въ большинствѣ своемъ и къ вящему стыду своему, оно чуть ли не попрежнему продолжало считать ихъ частью Польши, насильственно отъ нея оторванною. Особенно же грѣшило Русское общество невѣдѣніемъ по отношенію къ Бѣлоруссіи, такъ какъ въ Заднѣпровской Украйнѣ Русское населеніе рѣзче выдавалось впередъ своею энергіею, своею характерною племенною особенностью; да за Днѣпромъ же находится и Кіевъ, значеніе котораго въ исторіи Россіи и Русской церкви вѣдомо было и самымъ ретивымъ доморощеннымъ нашимъ иностранцамъ.

Не однимъ внѣшнимъ насиліемъ обуздывалъ Государь Николай польщизну въ Западныхъ губерніяхъ. Не было недостатка и въ раціональныхъ органическихъ мѣрахъ. Закрытъ былъ университетъ въ Вильнѣ и учрежденъ университетъ Св. Владиміра въ Кіевѣ. Упразднена унія: болѣе полутора милліона уніатовъ, т. е. бывшихъ православныхъ, возсоединились снова съ Православною церковью. Но недавно изданныя записки покойнаго Литовскаго митрополита Іосифа Сѣмашка, подготовившаго и совершившаго это возсоединеніе и государственнаго человѣка въ полномъ значеніи слова, живо рисуютъ намъ то противодѣйствіе или недостатокъ содѣйствія, которые каждая мѣра, предпринятая къ выгодѣ Русской народности, встрѣчала не только на мѣстѣ, но и въ Петербургѣ,— не только отъ Поляковъ, но и отъ своихъ Русскихъ сановниковъ, призванныхъ исполнять державную волю. По свидѣтельству митрополита, только въ одномъ Императорѣ находилъ онъ себѣ неуклонно твердую, незыблемую опору для осуществленія своего великаго замысла; съ благоговѣйною признательностью вспоминаетъ онъ о Государѣ и съ горечью о большей части царскихъ сотрудниковъ и представителей верховной власти въ Сѣверо-Западномъ краѣ. И отзывы Сѣмашка нисколько не преувеличены. Борьба происходила въ самой Русской средѣ,— борьба съ равнодушіемъ, съ невѣжествомъ, съ легкомысленнымъ или только формальнымъ отношеніемъ ко всему, что касалось интересовъ Русской національности, что выходило изъ области рутиннаго или казеннаго отправленія службы, требовало умственнаго напряженія и сердечнаго участія. Не въ измѣнѣ повинны были эти Русскіе «дѣятели», даже не въ томъ національномъ самоотреченіи, которымъ чуть не съ гордостью украшались люди Александровской эпохи и которое въ ихъ преемникахъ переродилось въ какую-то непреоборимую сладкую привычку и невольную, безсознательную похоть. Таковыми образцами, увы, богаты мы и досель въ Петербургской средѣ... Какъ, по замѣчанію Гоголя, люди въ присутствіи обладателя милліоновъ испытываютъ безотчетно въ душѣ нѣкое чувство умиленной подлости,— такъ нѣчто подобное испытывается многими и у насъ, до сего дня, въ присутствіи представителя «высшей культуры» или просто иностранца съ Европейскаго Запада: тутъ и податливость, и ласка, и заискиваніе благосклонности. Мы и до сихъ поръ по отношенію къ Европѣ похожи на parvenus, на Мольеровскаго мѣщанина во дворянствѣ, который готовъ на всякія жертвы,— только чтобъ дворяне благоволили признать его себѣ равнымъ и забыли его мѣщанское происхожденіе... За примѣрами ходить не далеко. Исторія Русскихъ изобрѣтеній, Русскихъ торговыхъ и промышленныхъ интересовъ представляетъ неисчисли-

мыя тому доказательства. Ихъ можно найти въ любомъ № «Московскихъ Вѣдомостей».

Но люди Николаевской поры все же заслуживаютъ болѣе извиненія, чѣмъ нынѣшніе. Они не подвергались тому возбуждающему дѣйствію общественнаго національнаго духа, который въ наше время проявился уже не разъ и потому игнорируемъ быть уже не можетъ. Притомъ же, лѣтъ 30 тому назадъ, общественное мнѣніе не имѣло еще ни права, ни способовъ выражаться. Безъ *самосознанія народнаго* не можетъ быть правильнаго, яснаго самосознанія государственнаго, а въ Русскомъ обществѣ самосознаніе народное тогда только что еще зачиналось. Вотъ почему и правительственная дѣятельность, при всемъ національномъ инстинктѣ и патріотизмѣ Императора Николая, не могла принести живого плода, не только лишена была внутренней цѣльности и творческой силы, но даже и внѣшней всесторонней послѣдовательности. Къ тому же не малымъ препятствіемъ къ располяченію края служило и крѣпостное право, съ которымъ тогдашнее правительство поневолѣ почитало себя солидарнымъ, признавая въ немъ (хотя уже и безъ сочувствія, какъ Императрица Екатерина) необходимое пока условіе государственнаго порядка. Представителями Русской народности въ Западномъ и преимущественно въ Сѣверо-Западномъ краѣ были именно крѣпостные; представителями Польскаго элемента, враждебнаго Россіи — помѣщики. Правительство находилось въ положеніи очевидно фальшивомъ: для усиленія Русской стихіи приходилось ослаблять власть помѣщиковъ надъ крѣпостными или ослаблять въ крѣпостныхъ повиновеніе господамъ, — и оно отступало предъ такою задачею. Юго-Западнымъ губерніямъ и въ этомъ отношеніи посчастливилось сравнительно съ сѣверо-западной окраиной; нѣкоторое время управлялъ ими Д. Г. Бибиковъ, человѣкъ умный, энергическій, которому принадлежитъ мысль объ «инвентаряхъ», нѣсколько ограничивавшихъ власть помѣщика; который умѣлъ расположить къ ней Государя и даже привести ее въ дѣйствіе, за что подвергся чуть не ненависти Петербургской среды, а съ ея голоса и всеобщей непопулярности — какъ жестокосердый гонитель и притѣснитель Польскихъ пановъ.

А между тѣмъ нигдѣ именно, какъ въ этихъ возвращенныхъ себѣ Россіею Русскихъ земляхъ, не представлялось для Русской власти такой необходимости въ содѣйствіи элементовъ и силъ, которые призвать къ жизни и къ дѣятельности — такъ претило правительственной системѣ Императора Николая: мы разумѣемъ элементы и силы, чуждыя сферѣ бюрократической и формально-служебной. Этотъ древній Русскій край, преимущественно Сѣверо-Западный, благодаря долговременному Польскому владычеству, представлялъ ту печальную особенность, что кромѣ простонародной массы въ немъ не было никакой иной общественной стихіи, кромѣ Польской: все, что поднималось поверхъ нижняго народнаго слоя, — населеніе городское, землевладѣльческое, — все, что называлось интеллигенціей, все, что руководило и авторитетно воздѣйствовало на массы, все, что составляло силу въ области образованія, торговли, внутренняго общественнаго самоуправленія, все это принадлежало къ чуждой или враждебной Россіи національности. Мѣстное дворянство — потомки тѣхъ знатныхъ Русскихъ, которыхъ могилы красуются и доднесь на православныхъ кладбищахъ, —

измѣнило съ теченіемъ времени и своей народности, и вѣрѣ отцовъ. Торговля — въ рукахъ Евреевъ; крестьяне въ рабствѣ, въ зависимости юридической и экономической отъ Польскаго пана, а тѣ, которыхъ гоненія заставили отступиться отъ православія и которыхъ, къ несчастію, и до сихъ поръ не мало, еще къ тому же и въ духовной зависимости отъ ксендза... Православное духовенство,— и то, которое выдержало вѣковую борьбу съ полонизмомъ и католицизмомъ, и то, которое вновь образовалось съ уничтоженіемъ уніи (этой подлой лицемѣрной сдѣлки, созданной Римскою куріею для подготовленія полнаго, совершеннаго отступничества отъ православной церкви),— находилось еще въ худшихъ условіяхъ жизни и внѣшняго церковнаго строя, чѣмъ духовенство во всей Россіи; а мы знаемъ, каковы они и въ какой степени благопріятны для живой борьбы съ любою сектою,— не то что съ дѣятельнымъ и фанатическимъ духовенствомъ латинскимъ! Какую свободу проповѣди могъ противопоставить православный священникъ свободѣ проповѣди католическихъ ксендзовъ и монаховъ? Очевидно, что съ такими силами, какъ съ Польскимъ рьянымъ, хотя бы и совершенно безнравственнымъ патріотизмомъ, зиждущимся исключительно на безправіи, на порабощеніи народномъ, какъ съ Польскою развитою и дисциплинированною общественностью, дружно направленною къ единой цѣли, — съ Польскимъ католическимъ, вооруженнымъ къ тому же денежнымъ могуществомъ и поддержкою Рима, фанатизмомъ,— очевидно, что съ такими силами нравственнаго порядка трудно, невозможно бороться одною силою штыковъ, одними казенными мѣропріятіями и орудіями. Живому одушевленію враждебной интеллигенціи приходилось противополагать форменное усердіе чиновничества, систематически обездушеннаго, обезличеннаго, воспитаннаго лишь для внѣшняго исполненія или «очистки» бюрократическихъ предначертаній.

Русской общественности впрочемъ, какъ нравственной *силы*, не существовало въ то время и въ самой Россіи; о Русской политической печати, о всемъ томъ, что̀ могло оживить, одушевить, нравственно поддержать Русскихъ людей въ борьбѣ со злыми, растлѣвающими элементами Польской національности въ несчастномъ краѣ — не было еще и помину...

Но благодареніе Полякамъ! Они сослужили вновь великую службу Русскому государственному и національному самосознанію. Черезъ 30 слишкомъ лѣтъ по усмиреніи бунтовавшей Варшавы, она «отбунтовала вновь», по выраженію Пушкина. Запылалъ мятежъ 1863 года (впрочемъ, разными крамольными дѣйствіями уже предвозвѣщавшій себя заранѣе, въ теченіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ), запылалъ въ Царствѣ Польскомъ и въ Западномъ краѣ. Но условія жизни были не прежнія, да и Россія была уже не та. Съ наступленіемъ новаго царствованія, съ окончаніемъ Крымской войны, она вся преобразилась, затрепетала порывами пробудившейся жизни, и именно около этого времени, когда Поляки въ своемъ роковомъ, неисправимомъ легкомысліи признали наиудобнѣйшимъ поднять знамя бунта, посягнуть на достоинство и цѣлость Россіи, она находилась въ порѣ наивысшаго нравственнаго одушевленія. Она только что совершила великій міровой подвигъ — уничтоженіе крѣпостного рабства 20 милліоновъ Русскаго народа съ надѣленіемъ ихъ землею, и, ставъ разомъ на небывалую высоту въ семьѣ общечеловѣческой, смѣло глядѣла въ глаза міру. Въ ней пробу-

дилось, по крайней мѣрѣ на-время, то *самомнѣніе*, то сознаніе собственной личности и достоинства, безъ котораго ни одинъ народъ въ свѣтѣ не въ состояніи совершить великихъ дѣлъ. — Всѣмъ еще должна бы быть памятною пора послѣдняго Польскаго возстанія, — этотъ эпизодъ Русской исторіи, въ которомъ именно Русскому обществу пришлось принять самое дѣятельное участіе, а Русскому правительству опереться преимущественно на содѣйствіе Русскаго общества и Русской печати... Кромѣ патріотическаго возбужденія, печать обогатила тогда Русскую мысль и положительными знаніями, дотолѣ ей недостававшими. Словно Америку, открыло тогда для себя Русское общество Бѣлоруссію!.. На послѣдней и сосредоточилось главнымъ образомъ общественное вниманіе, такъ какъ Украйна, благодаря населенію, живо хранившему память о своемъ казачьемъ прошломъ, многомъ управилась съ бунтовщиками. (О Царствѣ Польскомъ, куда вскорѣ направилась дѣятельность Н. А. Милютина, кн. Черкасскаго и отчасти Ю. Ѳ. Самарина, говорить намъ теперь не зачѣмъ)... Казалось, для Сѣверо-Западнаго края наступила година возрожденія и обновленія. Неохотно, правда, согласились въ Петербургѣ на назначеніе генералъ-губернаторомъ М. Н Муравьева, но край оказался — въ смыслѣ Русскихъ интересовъ — до того загаженъ и обезсиленъ, необходимость энергической Русской руки, одушевленной Русскимъ чувствомъ, Русскою мыслью и волей, представилась съ такою очевидностью, что назначеніе наконецъ послѣдовало. Мятежъ былъ подавленъ, мятежная крамола усмирена, — Русское знамя надъ краемъ взвилось высоко и поставлено твердо; всякіе остатки крѣпостной зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ, вмѣстѣ съ тою неопредѣленностью положенія, которая истекла отъ недовершенной или неправильной разверстки земель и угодій, устранены; латинское духовенство обуздано, — и Бѣлорусскій народъ, забитый, униженный, смятый, ожилъ, впервые вздохнулъ вольною грудью, воскреснулъ духомъ. Все это было дѣломъ двухлѣтней не болѣе дѣятельности Муравьева. Оставалось вѣнчать его подвигъ мѣрами организаторскими, въ томъ же смыслѣ и направленіи, созидать новую или обновленную Бѣлоруссію систематическою, мудрою, творческою національною политикою...

Какимъ же образомъ могло случиться то, что̀ случилось, т. е. что Сѣверо-Западный край въ двадцать лѣтъ не только почти не двинулся впередъ, а даже, во многихъ и многихъ отношеніяхъ, попятился назадъ? Одушевленіе смѣнилось уныніемъ, народъ упалъ, поникъ духомъ, латинство подняло голову и дерзновенно издѣвается надъ Русскимъ правительствомъ, Польская пропаганда, опираясь на преимущество экономическихъ и соціальныхъ условій для пана и ксендза, смущаетъ крестьянъ, плодитъ тайныхъ адептовъ. Что̀ за позоръ?!. Увы, мы забываемъ, что взрывы патріотическаго и національнаго духа въ моменты опасности не одно и то же, что̀ постоянное дѣйствіе пребывающаго, яснаго и отчетливаго національнаго самосознанія, которое и до сихъ поръ еще не стало достояніемъ всей правительственной и даже всей общественной Русской среды! Мы находимся въ положеніи того строителя, у котораго стройка вдругъ останавливается благодаря отовсюду явившимся кредиторамъ и предъявленнымъ ими векселямъ: надавалъ ихъ строитель въ юности, да о нихъ и забылъ. Вотъ и намъ на каждомъ шагу предъявляетъ наши векселя исторія: расплачивайся!

Слишкомъ уже много выпустилъ ихъ въ теченіе полутора вѣка Петербургскій періодъ нашего государственнаго и общественнаго развитія! Вѣрно или невѣрно сравненіе, но намъ на каждомъ шагу приходится платиться за старые грѣхи нашего фальшиваго воспитанія... Вотъ-вотъ — повидимому — все зацвѣло бодрою, могучею жизнью, уже назрѣваетъ плодъ, скоро бы и сорвать его, — не тутъ-то было: повѣяло вдругъ мертвымъ духомъ, — все мигомъ поблекло, увяло, и на мѣстѣ жизни — пустыня! Такъ случилось съ нами въ Сѣверо-Западномъ краѣ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ Польскаго мятежа, — да не то же ли случилось и послѣ великаго, святого народнаго одушевленія, послѣ достопамятной, побѣдоносной, славной войны 1877 года, вѣнчавшейся, благодаря Петербургу, Берлинскимъ трактатомъ?.. Но Петербургъ на то и Петербургъ, городъ зачатый въ духѣ національнаго самоотреченія (можетъ быть въ свое время и необходимаго), его пребывающій символъ. Въ этомъ самоотреченіи смыслъ его бытія, не только какъ центра административнаго, но и общественнаго: онъ и остается ему упорно вѣренъ, чуя, что иначе онъ обратится въ безсмыслицу. И еще силенъ онъ, силенъ, но уже не живымъ духомъ...

Такъ ли, не такъ ли, но и до сихъ поръ, когда требуется усиленный контингентъ дѣятелей государственныхъ, думающихъ и мыслящихъ по-Русски, таковыхъ въ достаточномъ числѣ у насъ въ Петербургѣ не оказывается, да ихъ и всѣхъ можно перечесть по пальцамъ. «Русское направленіе» въ политикѣ и даже въ литературѣ и до сихъ поръ стоитъ особнякомъ. Такъ-называемый у насъ «либерализмъ» тѣмъ особенно и замѣчателенъ, что относится съ высокомѣрнымъ пренебреженіемъ къ Русскимъ народнымъ, духовнымъ и политическимъ идеаламъ и историческимъ преданіямъ, и желалъ бы, «взнуздавъ звѣря», т. е. народъ, приставивъ къ нему поводыремъ особенный разрядъ людей, себѣ исключительно присвоившихъ въ литературѣ кличку «интеллигенціи», тащить его, звѣря, насильно, на цѣпи, по пути Западно-Европейскаго просвѣщенія, на высоту Западно-Европейской культуры, цивилизаціи и правовыхъ порядковъ... Что за дѣло нашимъ «либераламъ» до интересовъ Русской національности въ борьбѣ съ полонизмомъ! Какъ безчувственны остаются они къ эксплуатаціи Русскаго мужика Евреемъ, хотя всюду и вездѣ гремятъ проповѣдью объ освобожденіи «меньшей братіи», «народа», отъ ига эксплуататоровъ, — такъ и относительно борьбы съ Поляками — сочувствіе ихъ не на сторонѣ крестьянина-Бѣлорусса, а на сторонѣ угнетателя, Польскаго пана или кознодѣя-ксендза...

Напечатанныя въ прошломъ году записки Муравьева разоблачаютъ съ безпощадною правдою всѣ интриги, которыми опутывалась его дѣятельность изъ Петербурга, всѣ каверзы, пущенныя въ ходъ для ослабленія его авторитета и того довѣрія, которымъ почтилъ его Государь Александръ Николаевичъ, — всю антипатію къ національному («Московскому!») направленію правительственной политики въ краѣ, — все потворство, которое чинилось, въ ущербъ Русскому дѣлу, Польской знати! Выходило, что во имя гуманизма, либерализма, европеизма, слѣдовало держать Русскаго крестьянина подъ ярмомъ чуждой и враждебной ему народности! Особенно отличался такимъ гуманнымъ относительно Поляковъ и не гуманнымъ, а жестокимъ относительно Русскаго населенія образомъ дѣйствій одинъ изъ быв-

шихъ министровъ внутреннихъ дѣлъ. Противодѣйствіе, оказанное Муравьеву изъ нѣдръ Петербургской администраціи, было несравненно могущественнѣе, чѣмъ противодѣйствіе митрополиту Сѣмашку, — что объясняется различіемъ эпохъ и характеровъ царствующихъ лицъ. При Государѣ Александрѣ II мнѣнія высказывались открытѣе и вольнѣе, какъ приближенныхъ совѣтниковъ, такъ и всей близкой къ Престолу Петербургской общественной среды... Да и самое антинаціональное направленіе стало проявляться и съ большею страстностью и ожесточенностью чѣмъ прежде, когда не знавало оно *борьбы* съ направленіемъ противоположнымъ. Теперь же, одерживая повременамъ побѣду, оно какъ бы мстило за временное свое пораженіе или уступки въ пользу Русской народности...

Кауфманъ и графъ Э. Т. Барановъ — въ кратковременное свое управленіе одинъ послѣ другого, вслѣдъ за Муравьевымъ — не уронили Русскаго дѣла въ Сѣверо-Западномъ краѣ; оно еще продолжало держаться на той высотѣ значенія, на которую поставилъ его Муравьевъ. Этимъ въ Петербургѣ довольны не были, и, словно бы на погубленіе, дѣло было передано новому генералъ-губернатору — А. Л. Потапову. Вмѣстѣ съ нимъ настала для края новая эра — *Потаповская*, мрачной памяти. Задачей Потапова было раздѣлывать все то, что успѣлъ сотворить Муравьевъ. Его девизъ былъ — тотъ извѣстный, пошлый и въ то же время лицемѣрный девизъ, которымъ многіе администраторы любятъ извинять противорусскій характеръ своей дѣятельности: «не признавать въ краѣ ни Русскихъ, ни Поляковъ, да и никакого различія національностей, — существуютъ-де лишь вѣрноподданные Его Величества». Какъ будто Россія лишена того національнаго характера, которымъ опредѣляется ея имя, ея бытіе, ея призваніе въ мірѣ! какъ будто внѣшнимъ, формальнымъ, пассивнымъ вѣрноподданничествомъ исчерпывается все содержаніе гражданской жизни и дѣятельности! какъ будто истинное вѣрноподданничество для Русскаго состоитъ не въ служеніи интересамъ Русской народности и Государства! Прикрываясь своимъ девизомъ, генералъ Потаповъ оживилъ вновь и вновь окрылилъ надеждами Польскую стихію въ Западномъ краѣ: она снова интригуетъ, пропагандируетъ, дѣйствуетъ, снова исполняется духомъ дерзкой самонадѣянности. Всѣхъ Русскихъ, которые на службу свою смотрѣли, какъ на миссію, какъ на призваніе трудиться для возрожденія въ краѣ Русскаго національнаго духа, генералъ Потаповъ тѣмъ или другимъ способомъ изъ края выгналъ, оставивъ при себѣ лишь тѣхъ, которые были ему сподручны. Законъ 10 декабря, имѣвшій цѣлью водворить въ краѣ Русское землевладѣніе и ослабить силу землевладѣнія Польскаго, былъ обойденъ: по рекомендаціи генерала, нѣкоторымъ знатнымъ Полякамъ разрѣшена была покупка имѣній, и благодаря ихъ фиктивнымъ покупкамъ Польское землевладѣніе de facto удержалось въ силѣ. Пять милліоновъ, пожертвованныхъ Русскимъ Правительствомъ для облегченія перехода Польскихъ имѣній въ Русскія руки — попали въ Главное Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита, и ни къ чему, сколько извѣстно, не послужили... Народная Русская школа, которая пошла было такъ успѣшно, которой оставалось только рости и множиться, которая была и есть самый могучій двигатель возрожденія Русскаго народнаго духа въ населеніи, — упала въ своемъ значеніи, не подвиглась впередъ, — зато возстала тайная

Польская школа, только надняхъ замѣченная Правительствомъ и вызвавшая противъ себя нѣкоторыя мѣры...

Центральная администрація, назначивъ генералъ-губернаторомъ Потапова, какъ будто свалила съ себя тяжкій грузъ несвойственныхъ ей и мало симпатичныхъ національныхъ хлопотъ и заботъ, и вполнѣ довѣрилась сему генералу. Горячо сначала вступились было нѣкоторые органы печати за несчастную Бѣлоруссію, но принятыя администраціей мѣры заставили ихъ примолкнуть. Всякія сообщенія изъ края подвергали корреспондентовъ преслѣдованію; изъ края неслось—лишь вынужденное молчаніе. Цензура приняла генерала Потапова подъ особое свое покровительство. Едва ли справедливо, *при такихъ условіяхъ*, обвинять Русское общество, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, «въ слабости общественной самодѣятельности», или даже утверждать, будто самая стихія Русской народности лишена силы ассимиляціи, нравственнаго воздѣйствія, устойчивости въ борьбѣ и т. д. Русское общественное сочувствіе не могло же, разумѣется, пребывать постоянно въ томъ состояніи напряженія, въ которомъ находилось въ 63 и 64 годахъ; естественно было—дальнѣйшій трудъ и заботу о краѣ, гдѣ къ тому же Русское общество могло дѣйствовать только издали, предоставить самому Правительству. Тѣ же (изъ общества), которые пошли добровольцами работать на мѣстѣ, были самимъ Правительствомъ во образѣ генерала Потапова лишены возможности продолжать свое дѣло...

О преемникѣ г. Потапова, генералѣ Альбединскомъ, можно и не упоминать: онъ не имѣлъ, къ счастію, инициативы своего предшественника и старался лишь поддерживать Потаповскій status quo, соображаясь съ Петербургскими вѣяніями. О графѣ Тотлебенѣ также сказать нечего: дѣло при этомъ знаменитѣйшемъ инженерѣ не подвинулось ни къ добру, ни къ худу... Непомѣрное усиленіе полонизма, произведенное усиленіемъ католическаго церковнаго элемента, т. е. назначеніемъ католическихъ епископовъ изъ Поляковъ, не можетъ быть поставлено въ вину графу Тотлебену: это даръ Петербургскій, это плоды конкордата или договора нашей центральной администраціи съ Римскою куріей.

Времена какъ будто настаютъ иныя. Вѣрить ли? Несомнѣнно однако, что съ недавнимъ назначеніемъ генерала Каханова, край, сколько извѣстно, нѣсколько оживился. Дай Богъ ему успѣха и мужества. Но не странно ли, что стóитъ только главному правителю въ Варшавѣ или Вильнѣ заявить себя Русскимъ,—тотчасъ же возникаютъ въ Петербургѣ слухи, что онъ «не усидитъ», получитъ другое поприще и т. д.,—и это несмотря на личное одобреніе его дѣятельности высшею властью?!

Главная существенная задача Русскаго правителя въ Сѣверо-Западномъ краѣ, и безъ сомнѣнія въ высшей степени трудная, это—постепенное созданіе Русской общественности. Низменный народный Русскій слой, вслѣдствіе несчастнаго стеченія обстоятельствъ, исторически воспитанъ въ самоуничиженіи, забитъ нравственно, не довѣряетъ и имѣетъ, къ сожалѣнію, полное основаніе не довѣрять прекращенію Польскаго нравственнаго и соціальнаго господства въ краѣ. Безъ сомнѣнія, крестьянину и теперь приходится слышать отъ пана, когда подобострастно цѣлуя, по Польскому обычаю, панскую руку, съ низкими поклонами молитъ онъ его объ отдачѣ клочка земли въ аренду или о какой работѣ, — панское поученіе такого

рода: «ну что взяли? что выиграли вы тѣмъ, что отступили отъ насъ и предались Москалямъ? Думаешь, что начальство и теперь будетъ держать вашу сторону? Ты весь мой... Мировые судьи—это все наша рука. А станешь служить пану и слушаться, будешь въ прибыли»!... Мужику до представителя высшей власти въ губерніи и высоко и далеко,—а между ними, на этомъ пространствѣ, есть ли кто настолько властный и авторитетный, чтобъ служить подпорою мужику противъ козней ксендза и пана?... Недавно намъ лично пришлось ходатайствовать у высшей епархіальной власти о переводѣ одного православнаго сельскаго священника Гродненской губерніи изъ занимаемаго имъ прихода въ другой, Виленской губерніи,—о чемъ родственникъ его въ Москвѣ просилъ насъ по слѣдующему поводу. Взрослые сыновья мѣстнаго помѣщика-Поляка, князя Любецкаго, тѣшились тѣмъ, что, прогуливаясь около усадьбы «Русскаго попа», били изъ ружья его собакъ, сколько бы ихъ «попъ» ни заводилъ, пугая къ тому же выстрѣлами его семью. Наконецъ, одинъ изъ нихъ, на лично обращенную къ нему жалобу священника, обругалъ его самымъ оскорбительнымъ образомъ... Таковы вообще культурныя замашки Польскаго панства! Попробуй сдѣлать что-либо подобное Русскій помѣщикъ съ ксендзомъ: какой гвалтъ подняли бы Польскіе епископы и чуть не сама Римская курія! Фактъ оказался совершенно вѣренъ, и мы опоздали съ нашимъ ходатайствомъ: преосвященный благоволилъ увѣдомить насъ, что во избавленіе священника отъ оскорбленій Польскаго князя—онъ уже перевелъ священника въ другой приходъ. И только! Жаль, что въ Вильнѣ не издается газеты, которая тотчасъ бы предавала гласности всѣ подобныя дѣянія Польскихъ пановъ и создавала хоть какое-либо Русское независимое общественное мнѣніе въ краѣ... Нужна такая газета. Нѣтъ сомнѣнія, что необходимъ также строгій пересмотръ личнаго состава и самаго института мировыхъ судей въ Западныхъ губерніяхъ. Но независимо отъ возстановленія довѣрія къ Русской власти въ Русскомъ и особенно православномъ населеніи, было бы особенно полезно содѣйствовать образованію, поверхъ этого угнетеннаго Русскаго крестьянскаго слоя, Русскаго же *средняго* слоя,—нѣкоторой Русской, ближайшей къ народу интеллигенціи. Эта цѣль можетъ быть достигнута введеніемъ въ край мелкаго личнаго Русскаго землевладѣнія. Безплодный результатъ указа 10 декабря происходитъ именно оттого, что онъ имѣлъ въ виду Русское землевладѣніе *крупное*. Мало охоты помѣщику Великоруссу, непривычному ни къ Еврейству, ни къ Полыцизнѣ, переселяться на Западъ; такой покупатель имѣнія жить въ Бѣлоруссіи самъ не будетъ, а станетъ лишь держать управляющаго или арендатора. Но *малое* Русское землевладѣніе, вѣроятно, возможно будетъ устроить при непремѣнномъ условіи личнаго управленія и запрещенія продажи своего участка. Отставные солдаты, мелкіе чиновники, сельскіе учителя, да и крестьяне позажиточнѣе, думаемъ, съ готовностью пріобрѣли бы въ личную собственность или въ долгосрочную аренду, особенно при помощи разныхъ льготъ, участки казенной земли... Впрочемъ намъ извѣстно, что въ канцеляріи Кіевскаго генералъ-губернатора давно выработанъ проектъ образованія мелкаго Русскаго землевладѣнія, пригодный для Юго-Западныхъ нашихъ губерній, и находится теперь на разсмотрѣніи высшаго правительства въ Петербургѣ: не будетъ, безъ сомнѣнія, труда приспособить его и къ Сѣ-

веро-Западному краю... Вполнѣ было бы желательно открыть тамъ во всѣхъ губерніяхъ Отдѣленія Крестьянскаго банка: учрежденіе для края особенно благодѣтельное. По намъ пишутъ оттуда, что и этимъ благодѣяніемъ воспользуются, по всей вѣроятности, преимущественно крестьяне *католическаго вѣроисповѣданія*, благодаря руководству и протекціи ксендзовъ и Польскихъ помѣщиковъ; къ тому же крестьяне католики стали въ послѣднее время, покровительствуемые и тѣми и другими, вообще зажиточнѣе православнаго населенія!...

Другая настоятельная задача, это — располяченіе католицизма. Если, къ великому несчастію, значительная еще часть нѣкогда православнаго Русскаго крестьянскаго населенія, совращенная обманомъ и насиліемъ въ латинство, и теперь продолжаетъ, по вѣковой привычкѣ, упорно его держаться, то нѣтъ надобности допускать, чтобы исповѣданіе католицизма обращало непремѣнно Русскаго въ Поляка, чтобы ксендзъ держалъ Русскимъ проповѣди по-Польски, и по-Польски же совершалось дополнительное къ латинской литургіи богослуженіе. Дѣло располяченія, благодаря нѣкоторымъ ксендзамъ, природнымъ Бѣлоруссамъ, шло довольно успѣшно до назначенія епископовъ,—завзятыхъ Поляковъ: ксендзы—ревнители Русскаго языка — подверглись преслѣдованіямъ, изгнаны изъ епархій, а тѣ, которые служили Польской справѣ, которые были объявлены государственными преступниками и получили правительственное прощеніе, тѣ нынѣ вновь возведены въ духовныхъ пастырей Русскаго населенія...

Наконецъ третья, не меньшая задача—это насажденіе Русской школы, не такой, какая существуетъ нынѣ, а такой, которая бы могла бороться съ тайною школою Польскою и въ самомъ основаніи народной жизни подорвать растлѣвающее воздѣйствіе Польской и Католической стихіи. Но объ этомъ предметѣ, какъ и вообще о результатахъ дѣятельности Виленскаго Учебнаго Округа, болѣе 15 лѣтъ управляемаго однимъ и тѣмъ же лицомъ, со злополучной поры Потапова, поговоримъ пространнѣе въ слѣдующій разъ...

Пусть только почувствуется и послышится живая Русская мысль, Русская душа въ краѣ, вооруженная энергическою волею и полною, искреннею поддержкою высшей власти,—проснется въ немъ и мѣстная жизнь, и мѣстная умственная дѣятельность, и сами собою укажутся наивѣрнѣйшіе пути и способы для возрожденія и возобладанія въ странѣ духа Русской народности, для успѣшной борьбы съ враждебными элементами. Говорятъ— людей нѣтъ... Люди найдутся, откликнутся на зовъ, будь только разумный, одушевленный центръ, около котораго отрадно было бы сгруппироваться. Нашли же себѣ людей для службы въ Царствѣ Польскомъ Милютинъ и Черкасскій! Но людей нѣтъ и не будетъ никогда нигдѣ, гдѣ вѣетъ мертвящимъ духомъ бюрократической рутины и формализма.

Къ вопросу о Русской школѣ въ Западномъ краѣ.

Москва, 15-го мая 1884 г.

Возвращаемся опять къ этому нашему несчастному, такъ глубоко полонизмомъ и католицизмомъ испорченному, Сѣверо-Западному краю. Мы обѣщали поговорить о положеніи въ немъ школьнаго дѣла. Школа вѣдь, дѣйствительно, представляется напвѣрнѣйшимъ врачеваніемъ отъ вышеупомянутой порчи, наилучшимъ орудіемъ борьбы съ враждебными Русской народности иноплеменнымъ и иновѣрнымъ элементами. Все это безспорно, но *такою* школа можетъ быть лишь тогда, когда она вся проникнута миссіонерскимъ духомъ, вся направлена къ достиженію одной, ясно и опредѣленно поставленной предъ нею цѣли. Эта школа—*воинствующая*, и именно такая Русская школа и нужна въ томъ краѣ, въ отпоръ воинствующей Польской и католической стихіи. Нужна! А попробуйте сочетать, хоть въ мысляхъ, понятіе о духовной воинственности, объ одушевленной борьбѣ, особенно за права Русской народности, съ понятіемъ о казенномъ бюрократическомъ вѣдомствѣ или канцеляріи!... При одной попыткѣ не только сочетать, но и сопоставить эти два понятія, двѣ категоріи дѣятельности—замретъ весь нравственный составъ вашъ, чувство немощи, безнадежности охватитъ сердце. Изъ Петербургскихъ ли канцелярій ждать духа животворящаго? Но и съ этимъ можно еще было бы кое-какъ примириться, т. е. съ тщетой ожиданія, когда бы Петербургъ, сознавая въ себѣ самомъ скудость духа, относился съ сочувствіемъ и уваженіемъ къ самостоятельному, порою, проявленію этого духа на мѣстѣ, а не спѣшилъ гасить всякую вспыхнувшую святую его искру!

Трагизмъ положенія Русскаго дѣла въ Сѣверо-Западномъ краѣ заключается, какъ мы уже и прежде указывали, въ отсутствіи Русскихъ мѣстныхъ общественныхъ силъ,—такъ что всю роль этихъ силъ приходилось поневолѣ брать на себя *начальству*. Правда, если въ краѣ не было Русскаго православнаго дворянства и вообще Русскаго средняго класса, такъ все же искони пребывало въ немъ православное Русское духовенство, сначала гонимое, бѣдное, но потомъ, съ возсоединеніемъ уніатовъ въ 1839 году, получившее власть и преобладающее въ краѣ значеніе. Но, во-первыхъ, оно само прежде всего подлежало перевоспитанію, и этимъ перевоспитаніемъ его и занятъ былъ преимущественно, въ теченіе первыхъ двадцати лѣтъ, покойный митрополитъ Іосифъ Сѣмашко,—при чемъ, впрочемъ, не совсѣмъ пренебрегалось и школой, хотя и не она была главнымъ предметомъ заботы. Во-вторыхъ, по мѣрѣ перевоспитанія, духовенство становилось въ общія со всѣмъ Россійскимъ духовенствомъ, безъ различія іерархическихъ степеней, условія — не только внѣшней, но и нравственной зависимости отъ свѣтскаго начальства. Подобно завѣту, данному въ Библіи женѣ относительно мужа послѣ грѣхопаденія, — къ начальству «*обращеніе ея*», т. е. нашей оффиціальной церкви или, вѣрнѣе сказать, нашего высшаго церковнаго правленія со времени Петра и доднесь. Стало быть опять весь центръ тяготы преобразованія края утверждался на гражданской власти, какъ бы на живоносномъ источникѣ духа, а духа-

то въ ней и не обрѣталось, — да и взяться-то ему было не откуда. Но нежданно благъ исторический «Русскій Богъ». Онъ ниспослалъ нантіе Духа чрезъ событія: грянулъ громъ—и начальство перекрестилось!... Другими словами: вспыхнуль Польскій мятежъ, пробудилъ Русскую власть и одушевилъ ее, хоть на-время, сознаніемъ своего долга и своего призванія въ Западно-Русской окраинѣ.

Прежде чѣмъ мятежъ объявился оффиціально и въ таковомъ качествѣ признанъ былъ наконецъ Русскимъ начальствомъ, приготовленія къ мятежу въ краѣ происходили въ теченіе многихъ лѣтъ, видимо для всѣхъ мѣстныхъ жителей—за исключеніемъ администраціи, которая продолжала добровольно или по привычкѣ жмуриться, —которой такъ не хотѣлось разстаться съ обычною формулою донесеній: «все обстоитъ благополучно»! Къ чести православнаго духовенства надобно сказать, что оно раньше всѣхъ почуяло прибытокъ энергіи и жизни въ лагерѣ своихъ исконныхъ историческихъ противниковъ, а потому и само, въ виду опасности, проявило необычное оживленіе, стало готовиться къ предстоящей борьбѣ, приложило заботу именно въ школѣ. Къ концу 50-хъ или началу 60-хъ годовъ, какъ свидѣтельствуетъ напечатанный ниже протоколъ засѣданія Минскаго епархіальнаго съѣзда 11 октября 1883 г., вся эта епархія «покрылась церковно-приходскими школами какъ сѣтью». Нѣчто подобное происходило и въ другихъ епархіяхъ, не только Бѣлорусскихъ, но и Юго-Западныхъ. Какъ разъ къ этому же времени осѣнила Министерство народнаго просвѣщенія блистательная мысль: похѣрить всѣ церковно-приходскія школы и подчинить народное образованіе, на пространствѣ всей Россіи, одному центральному вѣдомству въ Петербургѣ, т. е. Министерству. Планъ грандіозный: вся Россія или все юное населеніе Россіи, во всѣхъ градахъ и весяхъ, отъ финскихъ хладныхъ скалъ до Колхиды, отъ Прусской границы до стѣнъ Китая—учащееся по одной министерской программѣ, по одной методѣ, по однимъ букварямъ, заучивающее однѣ и тѣ же басни, одни и тѣ же образцы изъ книги Ушинскаго! Какое величавое единообразіе! Но для западной нашей окраины величественный планъ сей пришелся совсѣмъ некстати. На Юго-Западѣ уничтоженіе церковно-приходскихъ школъ вызвало сильный протестъ и даже полемику въ литературѣ, въ которой приняла участіе и наша газета «День»: мы держали сторону церковныхъ училищъ. Къ счастію для Сѣверо-Западнаго края попечителемъ учебнаго округа былъ въ тѣ годы недавно скончавшійся, вполнѣ достойный признательной памяти, князь А. П. Ширинскій-Шихматовъ, человѣкъ искренно благочестивый и горячо преданный церкви. Онъ не вступилъ въ антагонизмъ съ духовенствомъ, а, напротивъ, призвалъ самое духовенство къ образованію школъ—только съ пособіемъ и контролемъ отъ Министерства. По словамъ епархіальнаго съѣзда Минскаго духовенства, такое пособіе оказало благодѣтельное дѣйствіе на количество и на качество народныхъ училищъ. Не знаемъ, въ какой степени заслуживаетъ вѣры это свидѣтельство и въ какой мѣрѣ пригодны были эти училища для противодѣйствія латинству и полонизму,—наконецъ, долго ли бы удалось князю Шихматову удержаться на этой благоразумной системѣ, такъ какъ самъ онъ въ 1863 г. оставилъ должность, —но на помощь Русскому дѣлу, какъ мы уже сказали, подоспѣли сами Поляки. Ихъ безумное возстаніе не только развязало Русскому

населенію руки для *открытой*, а не глухой борьбы, но и съ Русской администраціи сорвало наконецъ оковы рутины и мертвящаго формализма: въ Петербургѣ, встревожась опасностью, рѣшились на назначеніе Муравьева. Съ появленіемъ его край ожилъ, все закипѣло дѣятельностью; не только Русское сельское населеніе подняло голову, но и всѣ чиновники воодушевились, примыкая къ Муравьеву какъ къ центру и отъ него заимствуя внѣшнія и нравственныя силы для служенія интересамъ Русской народности. О какихъ-нибудь исключеніяхъ и злоупотребленіяхъ не стоитъ и говорить. Въ краткій, даже не двухлѣтній срокъ своего управленія краемъ, озабоченный преимущественно подавленіемъ мятежа, Муравьевъ не имѣлъ, конечно, времени для правильной, нормальной организаціи школьнаго дѣла, но успѣлъ однако же многое завести и двинуть, такъ что и въ настоящее время приходится подчасъ возвращаться къ его недоконченнымъ и впослѣдствіи заброшеннымъ начинаніямъ. Во всякомъ случаѣ толчокъ, данный имъ административной машинѣ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, былъ такъ силенъ, что и послѣ него еще нѣсколько лѣтъ ея колеса продолжали катиться какъ бы сами собою, по той же колеѣ, въ томъ же направленіи—при его преемникахъ Кауфманѣ и графѣ Барановѣ. Тѣмъ же направленіемъ запечатлѣно было и дѣло Русской школы, успѣшно организовавшейся при преемникахъ князя Ширинскаго-Шихматова, И. П. Корниловѣ и П. Н. Батюшковѣ, и отличавшейся дружнымъ взаимнымъ содѣйствіемъ и мѣстнаго духовенства и правительственнаго учебнаго персонала. Одушевленіе еще длилось. Оставалось только упорно, не ослабѣвая, идти впередъ и впередъ по той же дорогѣ... Но это одушевленіе, этотъ воинствующій характеръ, придаваемый школѣ, всему управленію,—эта дѣятельная забота о систематическомъ располяченіи края и объ огражденіи въ немъ интересовъ Русской національности, — все это звучало теперь уже диссонансомъ въ общемъ строѣ Петербургскаго административнаго оркестра. Громъ мятежа умолкъ, и Петербургское начальство, переставъ креститься, какъ бы спѣшило забыть о пережитой передрягѣ, требовавшей такого несвойственнаго ему возбужденія духа, да еще въ несимпатичномъ «смыслѣ народности и православія»,—спѣшило возвратиться *на прежняя*, къ болѣе или менѣе «нормальному положенію» въ краѣ,—въ краѣ, который, благодаря своей исторіи, весь — воплощенная аномалія. Управлять Сѣверо-Западными губерніями назначенъ былъ генералъ-адъютантъ Потаповъ, уже достаточно охарактеризованный нами въ 9 № *); во главѣ Виленскаго учебнаго округа поставленъ былъ Н. А. Сергіевскій...

Въ «Руси» и еще въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ были неоднократно помѣщаемы корреспонденціи о современномъ состояніи учебнаго дѣла въ Сѣверо-Западномъ краѣ, вызывавшія неудовольствіе и оффиціальныя опроверженія, какъ мѣстнаго, такъ и центральнаго вѣдомства народнаго просвѣщенія. Недавно даже спеціальный корреспондентъ «Новаго Времени», отправившійся въ Вильну какъ бы нарочно для провѣрки этихъ обличеній и опроверженій, упрекнулъ, вмѣстѣ съ прочими «почтенными органами печати», и нашу газету въ пристрастно-непріязненномъ отношеніи къ начальнику Виленскаго учебнаго округа и постарался воз-

*) См. пред. статью.

дать должное г. попечителю. Мы не имѣемъ чести знать лично г. Сергіевскаго, да ничего личнаго никогда не заключалось и не заключается въ нашихъ сужденіяхъ о дѣятельности ввѣреннаго ему округа. Мы не отрицаемъ ни нравственныхъ достоинствъ г. Сергіевскаго, ни заслугъ его предъ начальствомъ, — особенно послѣднихъ. Охотно готовы признать, что онъ всегда былъ и есть самый покорный исполнитель министерскихъ предначертаній, дѣйствовавшій всегда безпрекословно въ предписанномъ духѣ и смыслѣ, никогда не провинившійся самовольнымъ почином или самобытностью убѣжденій, съ начальническими несхожихъ. Министерство, конечно, не можетъ не дорожить такимъ чиновникомъ, который, занимая одинъ изъ самыхъ трудныхъ постовъ, вмѣсто всякихъ усложненій, докучныхъ настояній, жалобъ и мрачныхъ донесеній, не переставалъ, напротивъ, утѣшать его, въ теченіе 15 или болѣе лѣтъ, удостовѣреніями, что все не только обстоитъ благополучно, но и преуспѣваетъ. Но мы не обязаны держаться точки зрѣнія Министерства, ни считать ее по отношенію къ Сѣверо-Западному краю правильною. Читатели увидятъ ниже, какъ блистательно обнаружилась неправильность этой точки зрѣнія въ послѣднее время, и если теперь въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія въ краѣ произойдетъ нѣкоторая перемѣна къ лучшему, такъ благодаря вмѣшательству посторонняго вѣдомства, помимо вѣдомства народнаго просвѣщенія и помимо г. Сергіевскаго. То, что въ глазахъ Министерства представлялось, быть можетъ, заслугою г. попечителя, то самое, въ нашихъ глазахъ, свидѣтельствовало лишь о совершенной несоотвѣтственности его служебныхъ достоинствъ съ дѣйствительными нуждами и потребностями Виленскаго учебнаго округа. Можетъ быть,—охотно готовы вѣрить,—въ званіи попечителя Оренбургскаго, напримѣръ, округа г. Сергіевскій былъ бы совершенно на мѣстѣ,—но не въ Вильнѣ. Именно въ Вильнѣ нуженъ не покорный чиновникъ, хотя бы и высшаго ранга, а человѣкъ самобытныхъ, твердыхъ убѣжденій, живого самостоятельнаго почина, почерпающій вдохновеніе не изъ Министерства только, а изъ себя самого, миссіонеръ въ своемъ дѣлѣ, весь проникнутый мыслью о призваніи Русской школы въ этой несчастной, окатоличенной и ополяченной странѣ. Правда, такой человѣкъ не ужился бы съ генераломъ Потаповымъ, не усидѣлъ бы на своемъ мѣстѣ въ теченіе всего періода потаповщины, былъ бы имъ изгнанъ. Г. Сергіевскій изгнанъ не былъ, перебылъ и потаповщину, не претерпѣвъ никакого ущерба въ своей карьерѣ; совершенно наоборотъ... Но край претерпѣлъ ущербъ, — претерпѣло ущербъ, — да еще какой! — и дѣло Русской народной школы. Впрочемъ, кто бы ни стоялъ во главѣ округа, господинъ ли Сергіевскій, или NN, или ZZ, — все равно: будемъ судить о результатахъ управленія за послѣднія 15 лѣтъ. Въ Виленскомъ учебномъ округѣ нѣтъ ни университета, ни иного высшаго учебнаго заведенія; понятное дѣло, что главный центръ дѣятельности и заботъ высшаго учебнаго начальства составляютъ здѣсь не столько гимназіи, имѣющія директоровъ, требующія отъ попечителя лишь общаго наблюденія, сколько народныя Русскія училища,—особенно съ тѣхъ поръ, какъ Министерство конфисковало, такъ сказать, народное образованіе въ свои руки, отстранивъ отъ него духовенство, особенно также и потому, что въ краѣ не имѣется земствъ, которыя въ остальной Россіи учреждаютъ, ведутъ и вѣдаютъ народныя школы, въ сильной мѣрѣ облегчая ми-

нистерское бремя. О спеціальномъ политическомъ значеніи Русской народной школы въ Сѣверо-Западныхъ губерніяхъ, въ сосѣдствѣ съ враждебнымиэлементами, иновѣрнымъ и иноплеменнымъ, въ виду Польскаго ксендза и пана, не могло, кажется, не быть извѣстнымъ и г. попечителю Виленскаго Учебнаго Округа... Мы видѣли, какъ стояла Русская народная школа до назначенія г. Сергіевскаго. Ей необходимо было рости и множиться, не останавливаться на пути. Если она не пошла впередъ, то въ дѣлахъ подобнаго рода это уже—отступленіе, такъ какъ враги вѣдь не дремлютъ, на мѣстѣ не стоятъ, а рвутся впередъ. Она и оказалась назади во всѣхъ смыслахъ и отношеніяхъ.

Объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ г. Молчановъ, корреспондентъ «Новаго Времени», выдавшій похвальный аттестатъ Виленскому учебному начальству. Къ нему и обратимся. Г. Молчановъ поставляетъ въ особенную заслугу г. попечителю, что въ его учебномъ персоналѣ нѣтъ ни одного Поляка; охотно допустимъ эту заслугу, хотя надобно признаться, чисто отрицательного свойства; допустимъ также, что изобиліе лютеранъ-Нѣмцевъ и даже католиковъ въ составѣ гимназическихъ учителей, и именно въ Ковенской губерніи, признаваемое и самимъ г. Молчановымъ весьма неудобнымъ, не можетъ быть поставлено въ вину тайному совѣтнику Сергіевскому, а есть дѣло его начальства. «Попечитель округа, — такъ характеризуетъ его г. Молчановъ,—крѣпко Русскій человѣкъ, но въ вопросахъ *о потопленіи среднихъ школъ въ нерусскомъ элементѣ* и о *мизерной* цифрѣ учениковъ въ *школахъ сельскихъ*—онъ не при чемъ»... Мѣстнымъ представителямъ власти не легко живется, продолжаетъ корреспондентъ «Новаго Времени» (18 апрѣля): «предъ глазами его — жизнь; *на груди—звѣзды*, въ заголовкѣ — важный *генеральскій чинъ;* а руки связаны даже въ мелочахъ», -связаны департаментами, отдѣленіями, Петербургскими канцеляріями. «Не властенъ попечитель что-либо измѣнить въ программѣ сельской школы, — говоритъ далѣе г. Молчановъ, — а эта программа и есть главнѣйшій тормазъ для развитія грамотности въ народѣ» (что, разумѣется, вполнѣ справедливо). «Такіе вопросы не рѣшаются въ округѣ, обязанномъ лишь блюсти status quo»...

Такова защита Виленскаго учебнаго начальства, напечатанная въ «Новомъ Времени». Въ самомъ дѣлѣ, положеніе прискорбное, даже трагическое: блюсти status quo, идущій въ разрѣзъ съ жизнью, гибельный для края, а потому и для Россіи,—и тѣмъ не менѣе прицѣплять на груди звѣзду за звѣздой, повышаться даже не просто до генерала, но до «важнаго генеральскаго чина»! Жестоко! Но гдѣ же однако виновные? Защита г. Молчанова превращается вѣдь въ обвинительный актъ противъ самого Министерства,—и если правъ, если долженъ быть признанъ безотвѣтственнымъ г. Сергіевскій, то виновато, стало быть, кругомъ Министерство; на него обрушивается вся тяжесть отвѣтственности за настоящее состояніе учебнаго дѣла въ краѣ. Вопросъ въ томъ, въ какой мѣрѣ безпокоилъ г. попечитель свое Петербургское начальство непріятными донесеніями, т.-е. *правдивымъ* изложеніемъ status quo, правдивой картиной печальной малоуспѣшности школъ? Если безпокоилъ, а Министерство не обезпокоилось—и это въ теченіе цѣлыхъ 15 лѣтъ, — то какое мнѣніе составимъ мы о Министерствѣ? А если недостаточно безпокоилъ,—то конечно «звѣзды на груди», но жи-

вопиному выраженію г. Молчанова — должны давить Виленское начальство въ виду «жизни» и скорбныхъ результатовъ строго соблюдаемаго имъ «status quo»...

Впрочемъ, наша бюрократическая практика выработала такой видъ вины, при которомъ нѣтъ виноватыхъ или всѣ виноваты, что сводится на одно и то же. Та же Русская бюрократическая практика умудрилась породить одну весьма характерную особенность, — именно что иное дѣло — «быть поставленнымъ въ извѣстность», и иное — «вѣдать». — Это, выходитъ, двѣ вещи разныя. Не знаемъ, каковы были донесенія г. Сергіевскаго, при которыхъ онъ представлялъ въ Министерство свои годовые отчеты и которыя, разумѣется, всегда были внимательно прочитаны, — но несомнѣнно, что самые отчеты заключали въ себѣ, хотя быть можетъ безъ выводовъ и комментаріевъ, точныя цифровыя данныя, краснорѣчиво рисующія положеніе школы. По крайней мѣрѣ ими богатъ отчетъ за 1882 г., изъ котораго г. Молчановъ приводитъ интересныя числа. Такимъ образомъ, попечитель можетъ по справедливости сказать, что Министерство «поставлено имъ въ извѣстность». Но что Министерство, хотя и «поставленное въ извѣстность», продолжало *не вѣдать* сущности дѣла въ Сѣверо-Западномъ краѣ, — это доказывается оффиціальнымъ опроверженіемъ, напечатаннымъ, въ защиту г. Сергіевскаго, въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», какъ увидятъ ниже читатели.

Воздавая хвалу Виленскому учебному начальству, г. Молчановъ, пользовавшійся всѣми оффиціальными данными на мѣстѣ, свидѣтельствуетъ, что «лѣтъ 8—10 назадъ въ народныхъ училищахъ Министерства только на 500 православныхъ дѣтей было меньше, чѣмъ теперь», другими словами, что *въ теченіе 10 лѣтъ* въ этихъ училищахъ число православныхъ дѣтей увеличилось *только на 500*. А такъ какъ въ округѣ числится шесть губерній, то, значитъ, на каждую губернію *за 10 лѣтъ* приходится прибыли 83 православныхъ ученика съ третью, или по *8 учениковъ съ третью въ годъ*, — и это въ то время, когда въ Бѣлоруссіи прирость населенія представляетъ прогрессъ небывалый: за послѣднія 20 лѣтъ, со времени освобожденія крестьянъ и устройства ихъ быта послѣ мятежа 1863—64 г., по указанію статистики, населеніе въ Сѣверо-Западномъ краѣ увеличилось безъ малаго на 10% и доходитъ теперь до 7.500,000 слишкомъ. Но еще краснорѣчивѣе «правительственное сообщеніе», напечатанное въ 11 № «Правительственнаго Вѣстника» сего года, разумѣется, по требованію Министерства, съ цѣлію опровергнуть ложныя заявленія газеты «Современныя Извѣстія», утверждавшей, будто «Русскія народныя школы въ краѣ таютъ и исчезаютъ». «Сообщеніе» противопоставляетъ газетѣ цѣлый рядъ цифровыхъ данныхъ, именно число народныхъ училищъ въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, съ 1873 по 1882 г. включительно, и съ нѣкоторымъ торжествомъ возглашаетъ, что эти цифры указываютъ на *совершенное несоотвѣтствіе* газетнаго заявленія съ дѣйствительностью. Вмѣстѣ съ симъ «сообщеніе» обязываетъ и другія періодическія изданія, повторившія у себя заявленіе «Современныхъ Извѣстій», перепечатать эти данныя (что и исполнено «Русью» въ 6 №). Опроверженіе это по-истинѣ *поразительно*, именно тѣмъ, что опровергаетъ само себя и поражаетъ не кого

другого, какъ Виленское учебное начальство и само высшее учебное вѣдомство. Пусть читатели судятъ сами:

Что же говорятъ цифры?

Въ 1873 г. всѣхъ народныхъ школъ въ округѣ, въ шести губерніяхъ, было 1426, а въ 1882 г. 1518, слѣдовательно количество школъ за 10 лѣтъ увеличилось на 92, что, по числу губерній, составитъ для каждой прироста школъ—по 15 съ третью! Это за 10 лѣтъ! Выходитъ, на кругъ и среднимъ числомъ, что въ теченіе 10 лѣтъ въ каждой губерніи прибавлялось ежегодно *менѣе двухъ* школъ, именно *1,53*!! Полторы школы на губернію въ годъ—вотъ такъ прогрессъ! есть чѣмъ утѣшаться, что торжествовать! Если же сравнить пропорціональное отношеніе числа школъ къ *числу населенія* 1873 г. съ таковымъ же пропорціональнымъ отношеніемъ въ 1882 г., то пропорціональное различіе представитъ такое умаленіе, что выраженіе «Современныхъ Извѣстій»: *Русскія школы таютъ* не покажется преувеличеннымъ... Что-нибудь одно: или въ этомъ «правительственномъ сообщеніи» слѣдуетъ видѣть геройскій актъ самообличенія со стороны Министерства, что, конечно, можетъ быть поставлено только въ заслугу,—или же Министерство, печатая цифровыя данныя, не отдало себѣ въ нихъ отчета, т. е. и «поставлено въ извѣстность», да «не вѣдаетъ». Но Виленское учебное начальство «вѣдаетъ»; иначе были бы совершенно напрасны вышеприведенныя сѣтованія на горькую долю звѣздоноснаго начальника, *обязаннаго блюсти* вредный *status quo*.

Слишкомъ уже усердно онъ блюлъ; слишкомъ точно исполнялъ *обязанность* подчиненнаго и ограждалъ исключительное право своего Министерства на область народнаго образованія, —чего благоразумно не дѣлали его предшественники. Въ напечатанномъ ниже протоколѣ Минскаго епархіальнаго съѣзда довольно живо изображено противодѣйствіе Виленскаго учебнаго вѣдомства всякому поползновенію со стороны православнаго духовенства завести свои школы. Намъ самимъ довелось читать оффиціальный документъ, свидѣтельствующій—какія и на какомъ основаніи чинились препятствія похвальной просвѣтительной ревности достопочтеннѣйшаго отца Анатолія, архимандрита Пустынско-Успенскаго монастыря въ Могилевской губерніи. Отецъ Анатолій, устроивъ въ своемъ монастырѣ двухклассное училище, разсылалъ своихъ учениковъ учительствовать по деревнямъ въ избахъ, наставлять Закону Божію, церковному пѣнію и т. п. Дѣло пошло чрезвычайно успѣшно: такихъ импровизованныхъ школъ насчитывалось нѣсколько десятковъ. Директоръ народныхъ училищъ въ губерніи возревновалъ, протестовалъ и наконецъ «вошелъ» къ начальнику губерніи «съ представленіемъ» о необходимости положить конецъ такому беззаконію и безобразію; въ числѣ разныхъ «мотивовъ» для закрытія школъ отца Анатолія выставлялось, кромѣ самовольства и уклоненія отъ министерской программы, то обстоятельство, что въ этихъ школахъ не имѣется ни приличнаго помѣщенія, ни даже положенной *классной мебели* (sic)! Мѣстный преосвященный, при всемъ своемъ сочувствіи къ дѣятельности архимандрита, совѣтовалъ ему не раздражать свѣтскаго начальства, не прати противу рожна, но отецъ Анатолій не угомонился, поѣхалъ въ Петербургъ и къ счастію нашелъ тамъ себѣ поддержку въ г. оберъ-прокурорѣ Св. Синода.

Что же вышло въ результатѣ для Сѣверо-Западнаго края отъ управленія г. Сергіевскаго или, все равно, его Министерства, дѣломъ народнаго образованія въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ? Устранивъ православное духовенство, замѣнивъ церковно-приходскія школы министерскими, забравъ народное обученіе исключительно въ свои руки и по своей программѣ, чего достигло учебное вѣдомство? Сильнаго отчужденія Бѣлорусскаго народа отъ предлагаемаго ему въ министерскихъ училищахъ образованія, необычайнаго успѣха Польской пропаганды, учрежденія тайныхъ Польскихъ школъ въ огромномъ числѣ съ несомнѣннымъ воздѣйствіемъ на православное крестьянское населеніе. Этихъ тайныхъ школъ уже закрыто исправляющимъ должность генералъ-губернатора болѣе ста; не подлежитъ сомнѣнію, что это только ничтожная, можетъ быть только десятая часть всего числа секретныхъ Польско-католическихъ училищъ. Это доказывается обширною организаціею тайной разносной книжной торговли Польскими молитвенниками, букварями, Польскими изданіями, печатанными за границей, и другими «безцензурными изданіями». Центръ этой организаціи обнаруженъ въ Вильнѣ; главныя орудія ея — Евреи. Въ типографіи Еврея Рома печатались бланки на право производства разносной торговли книгами лицамъ— *не имѣвшимъ на то дозволенія начальства.* Такихъ бланковъ найдено въ типографіи налицо *1710*.... Вся эта дѣятельность, по оффиціальному свидѣтельству, направлена «во вредъ православной церкви и Русской народности». Въ недавно произнесенномъ и напечатанномъ поученіи Супрасльскаго (Гродн. губ.) архимандрита Николая утверждается, что не только Русскіе крестьяне католическаго исповѣданія, но и многіе изъ православныхъ крестьянъ, хотя и знаютъ нѣкоторыя молитвы, но лишь на языкѣ Польскомъ и ни одной на Русскомъ, и учатъ не Русской, а Польской грамотѣ дѣтей своихъ... Какимъ же образомъ могло произойти это чудовищное явленіе? Понятно, что Польскіе ксендзы среди Русскаго католическаго населенія заставляютъ его учиться по-Польски, проповѣдуя, что только на этомъ языкѣ можно молиться Богу, и грозя въ случаѣ ослушанія лишить ослушниковъ причастія; но вѣдь для православныхъ такая угроза не имѣетъ силы!.. Разрѣшеніе этому недоумѣнію мы находимъ отчасти въ опредѣленіи Литовской Православной Консисторіи, напечатанномъ въ 5 № «Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей». По словамъ консисторіи, въ этомъ быстромъ размноженіи тайныхъ Польскихъ школъ «нельзя не видѣть *сильнаго стремленія народа къ образованію*». Но вѣдь въ этихъ словахъ — приговоръ народнымъ министерскимъ училищамъ! Значитъ, судя по тутому ихъ размноженію (по $1^1/_2$ училища на губернію), послѣднія не отвѣчали такому стремленію народа. Почему? «Потому»—отвѣчаетъ въ одной изъ своихъ корреспонденцій самъ защитникъ округа, г. Молчановъ, что «программа министерскихъ училищъ ведетъ въ «науку», тогда какъ крестьянинъ требуетъ, чтобъ его вели въ *церковь*»,—потому, что крестьянскій мальчикъ, возвращаясь изъ училища, приноситъ только знаніе «побасенокъ» и «ничего не можетъ повѣдать о *божественномъ*»; потому наконецъ (какъ свидѣтельствуетъ крестьянинъ Слонимскаго уѣзда въ письмѣ, помѣщенномъ въ 14 № «Литовскихъ Вѣдомостей»), что для воспитанниковъ Русскихъ народныхъ школъ нѣтъ никакихъ книгъ для чтенія религіознаго содержанія, а всѣ книги, предлагаемыя ему въ школѣ, «предназначены лишь для ознакомленія дѣтей

съ природою и житейскими дѣлами»; потому что Законъ Божій и Священная исторія преподаются въ сухой казенной формѣ и только «зазубриваются»... Между тѣмъ сосѣди,— Русскіе же крестьяне, только католики, — обладають массою книгъ религіозныхъ на языкѣ Польскомъ, приспособленныхъ къ народному пониманію, изъ коихъ наилюбимѣйшая: «Злотый олтаржикъ»... Не во враждѣ между собою живутъ крестьяне обоихъ вѣроисповѣданій, и католики конечно разсказываютъ православнымъ о прочитанныхъ ими книгахъ, а тѣ съ завистью слушаютъ. Изъ отношенія Высокопреосвященнаго архіепископа Литовскаго къ попечителю Виленскаго учебнаго округа отъ 14 декабря мы узнаемъ, что «распространеніе Польскихъ книгъ оказывается особенно вреднымъ въ крестьянскихъ семействахъ отъ браковъ лицъ православнаго съ лицами католическаго исповѣданія»...

Дѣло, однимъ словомъ, дошло до того, что подвигнуло и нѣкоторую часть высшаго управленія въ Петербургѣ къ рѣшительному дѣйствію. Въ концѣ октября мѣсяца 1883 г. послѣдовало «отношеніе» или призывъ отъ г. оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, обращенный къ архіепископу Литовской епархіи и, кажется, къ епископамъ другихъ Бѣлорусскихъ епархій: противодѣйствовать Польско-католической пропагандѣ всѣми доступными для духовенства способами, *учреждать церковно-приходскія школы*, не стѣсняясь никакими формальностями, также и склады церковныхъ и вообще благочестиваго содержанія книгъ, священныхъ картинъ, образковъ и крестиковъ при православныхъ церквахъ... Горячо, повидимому, отозвалось духовенство на этотъ призывъ, по крайней мѣрѣ въ Литовской, Минской и Могилевской епархіяхъ, ожило, встрепенулось! Однакожъ въ постановленіяхъ на епархіальныхъ съѣздахъ и въ своихъ воззваніяхъ къ прихожанамъ оно таки не упустило упомянуть, что дѣятельность его была парализована съ 1870 года передачею народнаго образованія учебному вѣдомству...

Что же иное означаетъ этотъ призывъ г. оберъ-прокурора, какъ не торжественное признаніе полной несостоятельности учебнаго округа или Министерства вести надлежащимъ путемъ дѣло *народнаго* образованія въ Сѣверо-Западномъ краѣ и бороться съ Польскою и латинскою пропагандой? Что же иное, какъ не подтвержденіе справедливости всѣхъ обличеній и протестовъ относительно веденія этого дѣла Виленскимъ учебнымъ вѣдомствомъ? Для насъ совершенно безразлично — кого винить: настоящаго ли попечителя или Министерство; для насъ важенъ фактъ, теперь самимъ правительствомъ подтверждаемый, что дѣло народнаго обученія за послѣднія 15 лѣтъ въ Виленскомъ учебномъ округѣ стояло вообще на ложномъ основаніи и привело къ самымъ печальнымъ результатамъ; что въ теченіе цѣлыхъ 15 лѣтъ никто изъ начальствующихъ въ округѣ и Министерствѣ не принималъ никакихъ мѣръ для улучшенія status quo (даже ни одного съѣзда учителей произведено не было) и что потребовалось вмѣшательство посторонняго вѣдомства для направленія дѣла на лучшій путь... Нужно отдать справедливость Министерству: оно не стало противиться такому вмѣшательству въ его область, совершенно измѣняющему его отношенія къ народному образованію въ краѣ. Какъ точный исполнитель воли начальства г. Сергіевскій,— въ отвѣтъ на упомянутое уже нами оффиціальное отношеніе архіепископа Литовскаго отъ 14 декабря, увѣдомлявшаго о по-

становленныхъ консисторіею мѣрахъ и способахъ дѣятельности согласно съ предложеніемъ оберъ-прокурора,—отвѣчалъ полною готовностью всяческаго содѣйствія и предписалъ о томъ циркулярно по своему округу. Но такова была сила привычки въ чинахъ округа къ прежнему направленію, что, черезъ два мѣсяца послѣ этого циркуляра, г. попечитель вынужденъ былъ издать новый подтвердительный циркуляръ (напечатанный въ 14 № «Литовскихъ Епарх. Вѣдомостей»), начинающійся словами: „Доходитъ до моего свѣдѣнія, что при обнаруженіи и закрытіи тайныхъ Польскихъ школъ были случаи *намѣреннаго будто бы закрытія*, подъ видомъ тайныхъ, *только-что открывающихся* церковно-приходскихъ училищъ"...

Въ отношеніи архіепископа Александра упоминается, между прочимъ, что еще «по распоряженію М. Н. Муравьева была переведена съ Польскаго на Русскій языкъ однимъ изъ прелатовъ знаменитая популярная книжка: „Злотый Олтарикъ" (молитвословъ), напечатана въ значительномъ числѣ экземпляровъ и передана въ вѣдѣніе Виленскаго учебнаго округа». Признавая, „при настоящемъ положеніи Русскаго дѣла, весьма полезнымъ замѣнить Польскій оригиналъ Русскимъ переводомъ, съ безплатной раздачею экземпляровъ послѣдняго въ смѣшанныя по вѣроисповѣданію семейства, гдѣ имѣются обучавшіеся Русской грамотѣ», Высокопреосвященный проситъ попечителя выслать ему упомянутое изданіе Муравьева въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ... Итакъ, *черезъ 20 лѣтъ* приходится возвратиться къ начинаніямъ Муравьева и перенимать дѣло раздачи названной книги у учебнаго округа,—которому она конечно была передана не для одного храненія!...

Въ этомъ же отношеніи архіепископа Литовскаго обращаетъ на себя вниманіе еще одно обстоятельство: церковно-приходскія школы должны устраиваться на собственныя средства церквей, на доброхотныя подаянія, на пожертвованія крестьянъ и при пособіи Виленскаго Свято-Духовскаго братства въ скромномъ размѣрѣ 30 р. на школу, въ которой будетъ не менѣе 30 учащихся... А между тѣмъ училища министерскія, оказавшіяся болѣе или менѣе непригодными (мы, впрочемъ, нисколько не отрицаемъ возможности частныхъ рѣдкихъ и случайныхъ исключеній), содержатся на счетъ Государственнаго Казначейства, т. е. на деньги, собранныя со всего Русскаго народа!... Не странно ли?!

Впрочемъ—не въ этомъ сила. Не оскудѣютъ церковно-приходскія школы средствами, если горячо, съ любовью, отнесется духовенство къ своему дѣлу. Лучше даже, чтобъ эти школы какъ можно менѣе походили на казенныя! Нѣкоторые заявляютъ опасеніе, чтобъ чиновники въ вицмундирахъ не замѣнились таковыми же чиновниками — въ рясахъ... Мы этого не думаемъ; насколько мы имѣли случай ознакомиться съ духовенствомъ Сѣверо-Западнаго края въ эпоху послѣдняго возстанія, мы пришли къ заключенію, что воспитанное въ непрестанной борьбѣ съ враждебными стихіями оно живѣе, дѣятельнѣе и развитѣе сельскаго духовенства срединной Россіи. Высокопреосвященный Александръ взываетъ къ *доблести* духовенства своей епархіи. Вѣримъ, что призывъ не останется втунѣ! По дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, дѣло быстро идетъ впередъ, и не въ одной Литовской, но и въ прочихъ епархіяхъ. Такъ, въ Могилевской епархіи открылось церковно-приходскихъ школъ *до 900*... Съ живѣйшимъ участіемъ будемъ слѣдить за

ходомъ этого дѣла и не упустимъ доводить о немъ до свѣдѣнія нашихъ читателей.

Мрачно положеніе нашей сѣверо-западной окраины, но можетъ для нея наступить и иная пора. Признаки наступленія ея мы уже усматриваемъ, во-первыхъ, въ заявленномъ уже направленіи новаго главнаго администратора края, генералъ-лейтенанта Каханова, — которому желаемъ утвердиться на своемъ посту — наперекоръ строгимъ цѣнителямъ и судьямъ Петербургскаго Яхтъ-клуба; во-вторыхъ — въ созданіи, — или дарованіи способовъ къ созданію живой, народной, православной воинствующей школы...

Позволимъ себѣ въ заключеніе обратить вниманіе на слѣдующія два обстоятельства:

Съ закрытіемъ собственно Польскихъ тайныхъ *костельныхъ* школъ слѣдуетъ поступать, по нашему мнѣнію, весьма осторожно. Много свѣта проливаетъ на дѣло помѣщенная ниже корреспонденція: «По пути». Въ соблюденіи тайны мѣстнаго ксендза заинтересованы всѣ его духовныя дѣти, хотя бы и Русскіе (а тѣмъ болѣе Литовцы). Ксендзъ умѣлъ увѣрить Русскихъ и Литовскихъ католиковъ, что учиться по-Польски — значитъ «*учиться молиться Богу*», такъ какъ все дополнительное къ латинскимъ литургическимъ реченіямъ богослуженіе совершается на языкѣ Польскомъ. Польскій языкъ даже для Русскаго простолюдина-католика является такимъ образомъ — *освященнымъ*. Здѣсь полицейскими мѣрами не вездѣ поможешь дѣлу: можно иной разъ лишь раздражить населеніе или заставить его еще осторожнѣе блюсти тайну. Тутъ только одинъ выходъ: *располячить* католицизмъ, — что едва ли возможно безъ содѣйствія Римской куріи, но чего легко было бы достигнуть при заключеніи послѣдняго съ нею договора, еслибъ наше Министерство иностранныхъ дѣлъ не было такъ слабонервно! Почему бы, однако же, не начать этихъ переговоровъ снова?..

Далѣе: одинъ изъ добрыхъ нашихъ знакомыхъ, человѣкъ большого ума и опыта, служащій въ одной изъ ближайшихъ Бѣлорусскихъ губерній, И. В. П., сообщаетъ намъ слѣдующій придуманный имъ остроумный способъ повѣрки простонароднаго образованія. Попросилъ онъ молодыхъ инструкторовъ-офицеровъ доставить ему точныя свѣдѣнія о новобранцахъ, между прочимъ: въ какой школѣ обучался и *что знаетъ*. Результаты получились самые безотрадные. «*Ни одного Бѣлоруса хоть сколько-нибудь грамотнаго, а въ школахъ всѣ перебывали!*» Даже «Молитву Господню знаютъ далеко не всѣ бывшіе въ школахъ; зато есть *православные* парни, бойко читающіе эту молитву *по-Польски*», а есть и такіе, которые знаютъ безобразный, безсмысленный полуПольскій ея варіантъ, напечатанный когда-то въ «Виленскомъ Вѣстникѣ». Обращался г. П. и къ мировымъ судьямъ Западнаго края, у которыхъ крестьянамъ приходится порою расписываться: по увѣренію судей, писать умѣютъ только безсрочные и отставные солдаты, обучавшіеся уже въ полковыхъ школахъ, а «изъ воспитанниковъ правительственныхъ народныхъ школъ такихъ мастеровъ почти не оказывается»... Неправда ли, придумка такого контроля — счастливая? Если бы такіе результаты повѣрки, съ обозначеніемъ собственныхъ именъ и названія школъ, гдѣ испытуемые обучались, доводить до всеобщаго свѣдѣнія, такъ обученіе стало бы производиться взаправду!... Конечно, надо

принять въ соображеніе, что курсъ у насъ оканчивается, даже съ полученіемъ льготнаго по воинской повинности свидѣтельства, слишкомъ рано, такъ что ко времени поступленія на службу, иногда черезъ 8 лѣтъ, мальчикъ успѣетъ уже все и перезабыть. Такъ что же? Именно о предупрежденіи этого зла и слѣдовало бы подумать —учрежденіемъ ли повторительнаго чрезъ нѣсколько лѣтъ экзамена, или инымъ способомъ. Но это вопросъ уже общій, который мы и передаемъ на обсужденіе нашимъ народнымъ педагогамъ; мы привели здѣсь это сообщеніе г. П. собственно какъ доказательство плохого обученія въ большей части народныхъ училищъ Бѣлорусскаго округа...

ЕВРЕЙСКІЙ ВОПРОСЪ.

СТАТЬИ ИЗЪ ГАЗЕТЪ „ДЕНЬ", „МОСКВА" И „РУСЬ".

Изъ газеты «День».

—

Слѣдуетъ ли дать Евреямъ въ Россіи законодательныя и административныя права?

Москва, 16-го февраля 1862 г.

Выраженія: «идея вѣка», «либеральная идея», «гуманная мысль»—сдѣлались въ нашемъ прогрессивномъ обществѣ какимъ-то пугаломъ, отпугивающимъ самую смѣлую критику. Это своего рода вывѣска, за которою охотно прячется всякая ложь, часто не только не либеральная и не гуманная, но насильственно нарушающая и оскорбляющая права жизни и быта безгласныхъ массъ, въ пользу мнимо-угнетеннаго, крикливаго, голосящаго меньшинства. Этотъ деспотизмъ нѣкоторыхъ идей, это слѣпое раболѣпство нѣкоторымъ кумирамъ объясняется исторіей нашего общественнаго развитія и безспорно имѣетъ свою полезную сторону, если самыя идеи нравственны. Оно способно иногда воздержать наклонность — дѣйствовать въ духѣ, уже совершенно не гуманномъ и не либеральномъ: многія добрыя дѣла дѣлаются, если не по убѣжденію, то изъ страха, изъ нѣкоторой душевной подлости предъ грозными идеями вѣка. Такое основаніе, конечно, не нравственно, не прочно, не всегда плодотворно, но тѣмъ не менѣе можетъ быть допущено въ области практической какъ внѣшняя узда для тѣхъ, которые не вразумляются внутреннимъ достоинствомъ господствующей мысли.

Все это такъ; — но критика общественная должна безбоязненно входить въ изслѣдованіе самого содержанія всякой новой идеи, не обращая никакого вниманія на ея чинъ и породу, не смущаясь тѣмъ, что она состоитъ въ званіи идеи вѣка и аристократическаго, т. е. Европейскаго происхожденія,—а относясь прямо къ ея абсолютной, внутренней цѣнности.— Такъ и по вопросу объ Евреяхъ мы большею частью только расшаркиваемся учтиво, и—надобно признаться—не совсѣмъ искренно, предъ всякою новою для нихъ льготою, не отдавая себѣ отчета въ смыслѣ, значеніи и предѣлахъ таковыхъ льготъ. Мы сказали: «не совсѣмъ искренно», и въ

доказательство можемъ привести споръ нашего Малороссійскаго или Южно-Русскаго сборника, «Основы», съ Еврейскимъ журналомъ, «Сіономъ», споръ, въ которомъ личное раздраженіе «Основы» заставило ее приподнять уголокъ завѣсы, прикрывающей ея настоящее, сокровенное, если не воззрѣніе, то, по крайней мѣрѣ, чувство въ отношеніи къ Іудеямъ» (какъ она ихъ называетъ) и употребить выраженія, нѣсколько противорѣчащія обычному строю рѣчей нашей литературы, когда дѣло касалось или касается Еврейскаго племени.

Недавно вышелъ новый законъ о Евреяхъ, дарующій имъ новыя и весьма важныя льготы, именно: Евреи, имѣющіе дипломы на ученыя степени доктора, магистра или кандидата, «допускаются на службу *по всѣмъ* вѣдомствамъ» и по всей Россіи. Этотъ законъ, котораго нельзя не признать вполнѣ милостивымъ и либеральнымъ, былъ привѣтствованъ, во многихъ нашихъ литературныхъ органахъ, пышными и громкими фразами о нашей «современности и вѣротерпимости». Но мы смѣемъ думать, что наши защитники и ревнители Іудейскихъ интересовъ не такъ поняли законъ, какъ бы слѣдовало, и, во всякомъ случаѣ, не уяснили себѣ сами тѣхъ предѣловъ, до которыхъ можетъ идти его практическое примѣненіе. Конечно — выраженіе «по *всѣмъ* вѣдомствамъ» не вполнѣ передаетъ мысль законодательную и, конечно, его нельзя понимать безъ ограниченія. Такъ, напримѣръ—нельзя же предположить, чтобъ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода могъ сдѣлаться Еврей, Еврей не по происхожденію, а по вѣрѣ! Мы думаемъ даже, что наши литературные прогрессисты не рѣшатся, при всей дерзости своего прогресса, признать подобное явленіе возможнымъ... Почему же нѣтъ? Съ ихъ стороны это будетъ только недостатокъ, или, лучше сказать, робость послѣдовательности. Вѣдь званіе оберъ-прокурора не есть духовное, а чисто гражданское званіе, и область управленія, ему подчиненная, называется «вѣдомствомъ». Однако же навѣрное сами наши прогрессисты согласятся, что Еврея во главѣ этого вѣдомства даже и предположить невозможно. Они сами найдутъ, конечно, что здѣсь противорѣчіе слишкомъ рѣзко. Пойдемъ дальше. Предположимъ, что кто-нибудь сказалъ бы нашимъ прогрессистамъ: желаете ли вы и считаете ли сбыточнымъ, чтобы Правительствующій Сенатъ, Государственный Совѣтъ и вообще законодательныя учрежденія Россіи наполнились Евреями, и не въ канцелярскихъ, а въ самыхъ высшихъ должностяхъ и званіяхъ? Подадутъ ли наши прогрессисты свой голосъ въ пользу и даже за возможность такого явленія? Сомнительно, и даже есть основаніе думать, что ими овладѣетъ нѣкоторое, можетъ быть даже несправедливое, опасеніе, чтобъ законодатель— Еврей, Моисеева закона, не вздумалъ въ Россіи законодательствовать въ духѣ Моисеевомъ!... Стало быть, является новое ограниченіе къ допущенію Евреевъ служить по «всѣмъ вѣдомствамъ»?... Въ этомъ-то смыслѣ и полагаемъ мы, что новый законъ о Евреяхъ нельзя разумѣть безъ ограниченій.

Постараемся подойти къ этому вопросу поближе, и притомъ даже съ точки зрѣнія не христіанской, а просто языческой, но предположимъ язычника честнаго, правдиваго, относящагося къ дѣлу со стороны, вполнѣ безпристрастно, и предъявляющаго касательно насъ только одно требованіе: логики и послѣдовательности.

Вотъ земля, именующая себя христіанскою. Христіанство—такое ученіе, которое, по мнѣнію христіанъ, указало особыя начала для всего нравственнаго и духовнаго міра человѣка, а слѣдовательно—и общества, и на основаніи этихъ началъ пересоздало и пересоздаетъ бытъ частный, общественный, гражданскій, государственный, просвѣщеніе, науку, законодательство, отношенія людей между собою, однимъ словомъ — всю область человѣческой дѣятельности. Истинно или не истинно оно въ своемъ существѣ, — этотъ вопросъ въ сторону, но таковъ фактъ, котораго отрицать нельзя. Народы, исповѣдующіе христіанство, уклоняются отъ правилъ своего ученія, но постоянно признаютъ его за свой идеалъ, за цѣль своего существованія, за свое знамя. Сказать—христіанинъ, и всякому извѣстно, что̀ отъ этого званія требуется и какому нравственному кодексу — предполагается — онъ долженъ слѣдовать. Нѣтъ возможности, да и надобности производить испытаніе надъ совѣстью каждаго и изслѣдовать его личныя отношенія къ христіанству, но достаточно вѣдать знамя, подъ которымъ онъ стоитъ, чтобы требовать отъ него общественныхъ дѣйствій, согласныхъ съ общественнымъ знаменемъ. Это знамя въ Россіи—христіанское.

Въ христіанскую землю приходитъ горсть людей, совершенно отрицающихъ христіанское ученіе, христіанскій идеалъ и кодексъ нравственности (слѣдовательно всѣ основы общественнаго быта страны) и исповѣдующихъ ученіе враждебное и противоположное. Естественно спросить—зачѣмъ они приходятъ въ страну, подъ христіанское знамя которой стать они не могутъ? Но имъ некуда дѣться, они голодны, сиры, вездѣ и всюду гонимы. Христіанская земля, руководствуясь духомъ своего учителя, даетъ имъ пріютъ и средства существованія, свободу внутренней и гражданской жизни. Больше этого она дать не можетъ. Больше этого дать — было бы возможно только въ такомъ случаѣ, если предположить ложь съ той или другой стороны, то есть—что или Христіане лгутъ, именуя себя Христіанами, или Евреи лгутъ, оффиціально исповѣдуя законъ Моисеевъ. На этой-то взаимной неискренности и основывается новѣйшее современное отношеніе христіанъ и Евреевъ! Евреи пришли къ христіанамъ — хозяевамъ земли, въ гости. Хозяева могутъ принять и даже уважить гостей, хотя и непрошенныхъ, но не могутъ посадить ихъ на свое хозяйское мѣсто и дать власть хозяйскую тѣмъ, которые проповѣдуютъ ниспроверженіе всякаго хозяйскаго порядка: не могутъ предоставить имъ волю распоряжаться и управлять домомъ. «Но они не станутъ опровергать порядокъ», возразятъ нѣкоторые, «они этого не проповѣдуютъ». Тутъ не мѣсто такимъ увѣреніямъ, отвѣтитъ вамъ всякій честный язычникъ: лазить въ чужую душу и экзаменовать частную совѣсть не приходится, а слѣдуетъ обратить вниманіе на штемпель, которымъ заклейменъ человѣкъ, на вывѣску, которую онъ носитъ, на знамя, подъ которымъ онъ стоитъ, на ученіе, которое онъ оффиціально исповѣдуетъ. Вамъ нѣтъ дѣла—искренно ли онъ его исповѣдуетъ, или лжетъ, но *онъ отъ него не отрекся*, слѣдовательно—онъ продолжаетъ его держаться, продолжаетъ держаться началъ, враждебныхъ началамъ вашего народа, вашему знамени. Вопросъ не о томъ, кто правъ, кто не правъ, а о томъ, въ какомъ взаимномъ отношеніи должны находиться оба ученія и исповѣдники этихъ ученій, если они искренни.

Что сказалъ бы честный Брутъ, еслибъ, внезапно воскреснувъ, онъ былъ свидѣтелемъ взаимныхъ учтивостей и нѣжностей Поляковъ-католиковъ и Евреевъ, въ Варшавѣ, въ прошломъ году?.. Евреи, въ припадкѣ восторга, подносятъ католикамъ крестъ—эмблему распятія, —распятія, совершеннаго Евреями надъ тѣмъ, кого католики признаютъ Богомъ. «Стало быть—Евреи соглашаются со смысломъ христіанской эмблемы и уже отреклись отъ своего ученія?» спросилъ бы Брутъ. — Нисколько. — Католики, съ своей стороны, проливая слезы умиленія, строятъ или даютъ деньги на постройку храма, синагоги, гдѣ должно раздаваться ученіе, противное Христу и христіанству... «Стало быть — католики уже не исповѣдуютъ своего Христа?» спросилъ бы Брутъ.— Нѣтъ, исповѣдуютъ, т. е. говорятъ, что исповѣдуютъ.—Ксендзъ шествуетъ съ раввиномъ, подъ ручку, въ процессіи... «Вѣдь они оба служители храмовъ, спроситъ опять наивный Брутъ, проповѣдники ученій несовмѣстимыхъ, противоположныхъ? значитъ, одинъ уступилъ другому, или оба убѣдились въ лживости своихъ ученій, или каждый призналъ истину ученія, своему противоположнаго? Но вѣдь одно исключаетъ другое? Какъ же это согласить?..» — Нѣтъ, оба числятся, каждый, при своей вѣрѣ. — «Такъ это не честно! воскликнетъ Брутъ. Было бы въ тысячу разъ *честнѣе и нравственнѣе*, если бы католики и Евреи пришли другъ къ другу и сказали: мы отказываемся отъ Христа и его заповѣдей, а мы отъ Талмуда и ожиданій Мессіи; мы соединяемся другъ съ другомъ во имя нашего человѣческаго званія!.. Но такъ какъ они этого не говорятъ и продолжаютъ оффиціально принадлежать къ ученіямъ Христіанскому и Еврейскому, то они являютъ безобразный примѣръ гнусной лжи, лицемѣрія, неуваженія къ своему званію и презрѣнія къ народу, исповѣдующему свою вѣру искренно!...

Согласитесь, читатель, что это правда, что такъ долженъ посудить всякій безпристрастный, даже чуждый іудаизма и христіанства, честный, правдивый человѣкъ! Но у нашихъ прогрессистовъ есть въ запасѣ словцо, которое, по ихъ мнѣнію, все разъясняетъ и разрѣшаетъ. Это: «духъ современной цивилизаціи, цивилизаціи XIX вѣка». Чтожъ это такое? Новая религія, что ли? Гдѣ кодексъ этой цивилизаціи? Гдѣ отыскивать ее, наконецъ? Даже Еврейскій журналъ «Сіонъ», и тотъ, въ одномъ изъ своихъ нумеровъ, опирается, въ требованіи новыхъ правъ для Евреевъ, на просвѣщеніе XIX вѣка. Невольно хочется спросить «Сіонъ» (очень умный и замѣчательный журналъ, между прочимъ): «да какой эры этотъ XIX вѣкъ? Это XIX вѣкъ эры христіанской, христіанской проповѣди и христіанской цивилизаціи,—вами отвергаемой, а потому вамъ и ссылаться на него неприлично. Что такое значитъ духъ современной цивилизаціи? Выражается ли она въ томъ, что Англичане тѣснятъ Славянъ и поддерживаютъ гнетъ надъ ними Турокъ, отвергающихъ цивилизацію? Въ ученіи ли матеріалистовъ, отвергающихъ понятіе о добрѣ и злѣ и низводящихъ человѣка на степень безотвѣтственнаго животнаго, лишеннаго внутренней свободы воли? Въ развратѣ ли женщинъ, проповѣдуемомъ нѣкоторыми коммунистами?.. Очевидно, что повторяющіе это слово — сами не даютъ себѣ яснаго въ немъ отчета и должны будутъ, при допросѣ, свести свои открытія въ области цивилизаціи къ тѣмъ нравственнымъ истинамъ, которыя всѣ, давно уже, проповѣданы міру именно Евангеліемъ, которыя дѣйствительно, въ наше время,

ширe воплощаются въ жизни, но которымъ еще далеко до полнаго на землѣ осуществленія, согласно христіанскому идеалу.

Итакъ, только во имя христіанскихъ же началъ, а не какой-то цивилизаціи, можно желать расширенія льготъ и правъ для Евреевъ, но нельзя же, опираясь на начала, внесенныя въ міръ христіанствомъ, требовать отрицанія и отверженія этихъ началъ! Это безсмысленно. Вѣротерпимость, повелѣваемая христіанскимъ ученіемъ, не значитъ вѣроугодливость, не значитъ равнодушіе къ вѣрѣ, а еще менѣе отреченіе отъ своей вѣры и своего знамени. Евреямъ должна быть предоставлена полная свобода вѣроисповѣданія, но тамъ, гдѣ бы стали хлопотать, напримѣръ, о преуспѣяніи Еврейскаго ученія, о поддержкѣ Еврейской ортодоксіи или о томъ, чтобы Закону Божію учили настоящіе, твердые въ Талмудѣ, а не шаткіе равины, — тамъ, чрезъ это, засвидѣтельствовалось бы только совершенное равнодушіе къ истинѣ христіанской. Можно допустить Евреевъ въ разныя должности, но не въ тѣ должности, гдѣ власти ихъ подчиняется быть христіанъ, гдѣ они могутъ имѣть вліяніе на администрацію и законодательство христіанской страны. Къ чему же вы будете отрекаться отъ своего знамени, когда Евреи упорно держатся своего? Намъ скажутъ: «въ наше время вѣра ничего не значитъ, просвѣщенный Еврей все равно, что христіанинъ». Если ничего не значитъ, такъ зачѣмъ же Еврей не отречется отъ своего закона публично, не объявитъ всенародно, что признаетъ его ложнымъ и принимаетъ... что? Ну, положимъ, хоть кодексъ цивилизаціи XIX вѣка, по-вашему, — но согласитесь, что такое *отреченіе необходимо*. Если же Еврей не рѣшается на это отреченіе, то стало быть, это противно его совѣсти, стало быть онъ дорожитъ и признаетъ истиннымъ ученіе своего Талмуда. А признавая истиннымъ ученіе Талмуда, онъ долженъ дѣйствовать, онъ не можетъ иначе дѣйствовать, какъ въ духѣ своего ученія, противоположнаго всѣмъ началамъ, которыя легли въ основу частнаго и общественнаго, и государственнаго быта въ христіанской землѣ.

Мы никогда не враждовали съ Евреями. Мы признаемъ великія дарованія этого народа и искренно сожалѣемъ объ его заблужденіи. Мы готовы желать, чтобы обезпечена была ему полная свобода быта, самоуправленія, развитія, просвѣщенія, торговли (разумѣется, во сколько Евреи способны уважать общіе для всѣхъ гражданъ законы); мы готовы даже желать допущенія ихъ на жительство по всей Россіи, — но мы не можемъ желать для нихъ административныхъ и законодательныхъ правъ въ Россіи, въ странѣ, которая предноситъ предъ собою знамя христіанства, создалась и развивается на началахъ христіанской истины, и, повторяемъ, не въ иномъ смыслѣ признаемъ возможнымъ будущее примѣненіе новаго закона о Евреяхъ. Допустить Евреевъ къ участію въ законодательствѣ или въ народномъ представительствѣ, какъ въ Англіи (кромѣ дѣлъ, ихъ непосредственно касающихся), мы считаемъ возможнымъ только тогда, когда бы мы объявили, что отрекаемся и отказываемся отъ христіанскаго путеводящаго свѣта. Совмѣщеніе же, съ одной стороны, признанія за Евреями такихъ правъ, съ другой — оффиціальной вѣрности христіанскому знамени, — есть *ложь* и *лицемѣріе*, вредныя для народной нравственности и потому неспособныя дать, даже и на практикѣ, никакихъ прочно-полезныхъ результатовъ.

Мы знаемъ, что противъ нашего мнѣнія подпмется цѣлый хоръ недобросовѣстныхъ или непонятливыхъ публицистовъ, что насъ обвинять въ отсталости, въ варварствѣ, въ невѣжествѣ и даже въ фанатизмѣ! Эти клеветы намъ не страшны. Но неужели не найдется людей, способныхъ разсмотрѣть вопросъ хладнокровно и на основаніи простой логики? Или требованіе логики въ сочиненіяхъ большей части нашихъ публицистовъ — есть требованіе неумѣренное?...

Отчего Евреямъ въ Россіи имѣть ту равноправность, которой не дается нашимъ раскольникамъ?

Москва, 26-го мая 1862 г.

Статья объ Евреяхъ, помѣщенная въ 19 № «Дня» *), произвела, какъ и слѣдовало ожидать, истинный взрывъ негодованія во многихъ, преимущественно Петербургскихъ журналахъ, служащихъ по прогрессивной и либеральной части. Впрочемъ, кромѣ одной статьи, принадлежащей Московской газетѣ и на которую мы не замедлимъ отвѣчать, остальные, именно Петербургскіе журналы, не представили никакого серьезнаго возраженія: большая часть изъ нихъ, имѣя во главѣ или хвостѣ «Сѣверную Почту», только провозгласила хоромъ отсталость и «косность» редакціи «Дня» и дала публикѣ новое свидѣтельство своего благородства, своего либерализма, своего великодушія, своего сочувствія къ меньшей братіи *вообще* и къ угнетеннымъ *въ особенности*.

Сочувствіе къ угнетеннымъ! Какія чудесныя слова! сколько въ нихъ нравственной красоты и великой, утѣшительной для общества, прогрессивной силы! Какъ же не цѣнить такое направленіе въ нашей литературѣ, какъ же не отдать справедливости Петербургскимъ журналамъ и газетамъ, другъ передъ другомъ отличающимся широтою и возвышенностью чувствъ, отъ «Гудка» до фельетоновъ оффиціальнаго органа Министерства Вн. Дѣлъ, съ г. Василіемъ Заочнымъ включительно?

И дѣйствительно, наблюдать это литературное явленіе со стороны—въ высшей степени интересно. Не разъ задавали мы себѣ вопросъ: это сострадапіе къ человѣчеству — есть ли оно искреннее движеніе общественной совѣсти, однимъ словомъ — явленіе, порождаемое положительными нравственными требованіями общества, — или же только выраженіе протеста, вполнѣ законнаго, противъ гнетущей силы, — сочувствіе неразборчивое, отвлеченное, не справляющееся съ дѣйствительностью, основанное не на любви къ добру, а на отрицаніи зла? Разумѣется, первое, т. е. любовь, несравненно труднѣе, потому что требуетъ отъ человѣка положительныхъ дѣлъ и жертвъ, и вообще — проявленій реальныхъ; второе же — гораздо легче и можетъ дешевымъ способомъ поставить человѣка въ красивое общественное положеніе, но тѣмъ не менѣе и оно—явленіе вполнѣ законное,

---

*) См. предыдущую статью.

почтенное и утѣшительное. Мы готовы были бы охотно признать, что сострадательность нашей литературы проистекаетъ изъ того или другого источника, если бы она не переходила такъ часто въ приторную и пошлую сантиментальность, еслибъ въ ней было болѣе знанія дѣла (мы, конечно, разумѣемъ здѣсь не «Мертвый Домъ» г. Достоевскаго, не «Основу», да и вообще имѣемъ въ виду не отдѣльныя статьи въ томъ или другомъ періодическомъ изданіи, а главный, общій, господствующій характеръ ихъ направленія),—еслибъ, наконецъ, насъ не смущало слѣдующее постоянное противорѣчіе:

Тѣ Петербургскіе органы литературы, которые по преимуществу щеголяютъ «демократическимъ» направленіемъ, а слѣдовательно и состраданіемъ къ народу, къ *угнетенной* меньшой братіи вообще,—не только оказываютъ полнѣйшее презрѣніе къ народу, но постоянно оскорбляютъ и такъ сказать нравственно *угнетаютъ* самыя завѣтныя стороны его духа, его святыню, его убѣжденія, его вѣру, его *народность*,—однимъ словомъ, то, что для него дороже всего на свѣтѣ! Должно быть, любить человѣчество вообще —еще не значитъ любить человѣчество Русское, которое обувается въ лапти, сапоги, смазываемые дегтемъ, и одѣвается въ нагольные тулупы; наконецъ, даже и любить Русское человѣчество съ его демократическою одеждою — еще вовсе не значитъ *уважать* его, его духовныя и гражданскія требованія... Наши чувствительные демократы обыкновенно создаютъ себѣ изъ народа какой-то идеалъ по образу и по подобію своему, и только въ этомъ видѣ ему и сочувствуютъ, не признавая за нимъ никакого права быть самимъ собою и нисколько не чинясь съ истиннымъ образомъ народнымъ, какъ скоро замѣчаютъ въ немъ несходство съ своимъ идеаломъ. Они даже не прочь въ такомъ случаѣ прибѣгнуть и къ диктаторскому жезлу или просто къ палкѣ Петра Великаго, чтобы симъ сострадательнымъ способомъ вогнать народъ въ рамки своего демократическаго подобія!

Итакъ, мы нисколько не вѣримъ тому широкому и великодушному состраданію къ угнетеннымъ, тому сочувствію къ народу, которое знать не хочетъ коренныхъ основъ Русской, *до сихъ поръ нравственно угнетенной* народности, какъ и вообще не вѣримъ Петербургскому демократизму: мы рѣшительно считаемъ его одного поля ягодой съ Петербургскимъ аристократизмомъ, бюрократизмомъ и со всѣмъ тѣмъ, противъ чего онъ ратуетъ: всѣ *они* выросли на одной и той же почвѣ, лежащей гнетомъ поверхъ Русской земли, наслѣдовали тотъ же духъ Петровскаго презрѣнія къ Русскому народу, хотя бы причесывались à la moujick, щеголяли въ поддевкахъ и толковали о земствѣ!..

Наконецъ, есть еще третье объясненіе—и едва ли не самое истинное того «благороднаго негодованія», которымъ преисполнились Петербургскіе журналы по поводу Евреевъ, и вообще преисполняются при каждомъ удобномъ случаѣ. Оказывается, что мы, Русскіе (т. е. Русское образованное общество), не только въ области мысли, но и въ области чувства, любви, состраданія, не умѣемъ быть самостоятельными и платимъ дань подражательности Западной Европѣ. Дѣйствительно, развѣ мы не хлопотали объ уничтоженіи постыднаго торга Африканскими невольниками еще лѣтъ за 25 до освобожденія нашихъ крѣпостныхъ? Развѣ критикъ Петербургскаго

журнала (одного изъ толстыхъ), недавно, при разборѣ сочиненій И. В. Кирѣевскаго, не поставилъ ему упрекомъ того, что онъ въ 1831 году занимался, заграницей, Германской философіей, а не болѣлъ сердцемъ о томъ, «*что пьетъ Французскій блузникъ* или *какъ Французскій буржуа давитъ индивидуальное развитіе своихъ сыновей и дочерей*.»: мы бы еще повѣрили сострадательности критика, еслибъ онъ указалъ на наши Русскіе общественные вопросы, на бѣдствія нашихъ крестьянъ и рабочихъ, но онъ объ нихъ и не упомянулъ: это забвеніе многознаменательно. Развѣ «Русскій Инвалидъ», горячо сочувствовавшій дѣлу Итальянскаго единства, не глумится въ то же время надъ сочувствіемъ къ единоплеменникамъ-Славянамъ, выражаясь даже такимъ образомъ, что «*смѣшно и нелѣпо сожалѣть объ угнетенныхъ Славянахъ болѣе, чѣмъ о Неграхъ*»! И въ самомъ дѣлѣ: единоплеменники! какая узкость взгляда! нѣтъ, мы космополиты,—а почему мы не называемъ узкимъ стремленіе Піемонтцевъ освободить всѣхъ единоплеменниковъ своихъ Итальянцевъ отъ чуждаго ига, это... это потому, что вѣдь они Итальянцы, и даже всѣ, до послѣдняго мужика (каково просвѣщеніе!) умѣютъ по-Итальянски,—ну, а Славянъ Европа ненавидитъ, или презираетъ!..

Такъ и относительно Евреевъ. Этотъ вопросъ имѣетъ извѣстность Европейскую; Французы, Нѣмцы, Англичане дали ему самое либеральное разрѣшеніе; чего же тутъ сомнѣваться? Кто посмѣетъ идти противъ такого авторитета? Напротивъ — тутъ можно либеральничать безопасно, потому что за насъ стоитъ авторитетъ Европейскій, можно легкимъ способомъ удостоиться аттенціи иностранной журналистики, и самому, въ собственномъ сердцѣ, почувствовать себя передовымъ человѣкомъ!..

А подумалъ ли, вспомнилъ ли хоть кто-нибудь изъ благородныхъ защитниковъ принципа: допущенія Евреевъ къ высшимъ должностямъ въ государствѣ,—о той громадной массѣ Русскихъ, лишенныхъ даже и тѣхъ правъ, которыми Евреи пользовались постоянно, прежде послѣдней дарованной имъ льготы, пользовались едва ли не съ самаго начала ихъ поселенія въ Малороссіи? Кому изъ «либераловъ» пришли, по поводу Евреевъ, на память—хоть наши старообрядцы безпоповщинскаго толка? Конечно—это *свои*; необразованное мужичье, коснѣющее въ предразсудкахъ, за нихъ еще не стыдили насъ ни Французы, ни Англичане: *съ своими что за счеты!* И въ самомъ дѣлѣ, отчего ни одинъ, такъ близко принимающій къ сердцу положеніе Еврейскаго народа, отчего самъ г. Мельгуновъ, доказывающій, въ «Нашемъ Времени», что для исправленія *правосудія* въ Россіи необходимо допустить въ личный составъ судовъ—Нѣмецкихъ Евреевъ,—не сказалъ при этомъ случаѣ ни слова о раскольникахъ, а если и упомянулъ про Русскаго человѣка, такъ только для того, чтобы назвать его тутъ же кстати — плутомъ?!

Мы вовсе не сочувствуемъ расколу, какъ расколу, но говоримъ только, что страшенъ и подозрителенъ рьяный восторгъ, въ который наши либералы приходятъ при мысли о новыхъ правахъ Евреевъ, когда наши безпоповщинцы и вообще старообрядцы не могутъ быть избираемы въ городскія общественныя должности, не могутъ строить моленъ, когда сожительство съ женами не признается нашимъ законодательствомъ за бракъ наравнѣ съ Еврейскимъ, и дѣти не считаются законными?...

На этотъ разъ воздерживаемся отъ болѣе пространныхъ сужденій о расколѣ, довольствуясь сдѣланнымъ нами заявленіемъ и отлагая подробнѣйшее разсмотрѣніе этого вопроса до... другого времени.

Что такое «Евреи» относительно христіанской цивилизаціи?

Москва, 8-го августа 1864 г.

Что̀ такое «Еврейскій вопросъ» въ Россіи, да и не въ Россіи только, а вообще въ христіанской Европѣ? Этотъ вопросъ состоитъ собственно въ томъ: какимъ образомъ заглушить тотъ диссонансъ, примирить то противорѣчіе, которое представляетъ существованіе Еврейскаго племени среди христіанскаго общества,—т. е. племени, отрицающаго самую коренную основу христіанскаго общества, самыя *его права на бытіе*? Другими словами: какъ устроить отношеніе къ національности христіанскаго народа—такой національности, которая все свое опредѣленіе находитъ только въ отрицаніи христіанства, — и другихъ элементовъ національности, даже почти и физіологическихъ не имѣетъ? Если бы Евреи отступились отъ своихъ религіозныхъ вѣрованій и признали во Христѣ пришедшаго Мессію, никакого бы Еврейскаго вопроса и не существовало. Они тотчасъ бы слились съ тѣми христіанскими народами, среди которыхъ обитаютъ. Слѣдовательно разрѣшеніе этого труднаго, многосложнаго, тяжелаго и скучнаго вопроса, повидимому, очень легко: нужно только сознать свои заблужденія, отказаться отъ того, что всѣ гг. прогрессисты изъ Евреевъ же называютъ *предразсудками*. Но тогда бы не было и вопроса, а вопросъ существуетъ именно потому, что Евреи желаютъ быть согражданами христіанскаго общества, оставаясь въ то же время вѣрными своему «закону»—стало быть они дорожатъ этимъ «закономъ», стало быть они вполнѣ раздѣляютъ всѣ чаянія, сопряженныя съ іудаизмомъ какъ вѣроученіемъ, проникнуты въ душѣ тою же исключительностью, которая составляла нѣкогда священную особенность этого племени до христіанства, но которая упразднена исполненіемъ обѣтованія во Христѣ и призваніемъ къ участію въ благодати — всего человѣчества. Если же таково внутреннее духовное отношеніе Евреевъ къ христіанамъ, такъ, строго говоря, тутъ примиреніе невозможно. Искренно вѣрующій Еврей и искренно вѣрующій Христіанинъ могутъ существовать въ одномъ мѣстѣ, другъ подлѣ друга, связанные внѣшнимъ гражданскимъ союзомъ, — но безъ духовнаго единенія, но не составляя другъ съ другомъ никакого общаго нравственнаго цѣлаго: они въ области сознанія исключаютъ другъ друга. Намъ могутъ замѣтить, что и въ средѣ христіанъ очень много людей невѣрующихъ, отрицающихъ христіанство. Конечно такъ, но это отрицаніе, являющееся внутри самаго христіанскаго общества, совсѣмъ другого качества и значенія, чѣмъ отрицаніе христіанства Евреями. Въ христіанскомъ обществѣ (въ общирномъ смыслѣ слова) атеизмъ является фактомъ партикулярнымъ, личнымъ, какъ бы ни было велико число отдѣльныхъ атеистическихъ личностей; они—эти атеисты—какъ бы ни было рьяно ихъ отрицаніе, вращаются въ томъ же кругѣ хри-

стіанскаго обще-человѣческаго сознанія — только въ отрицательномъ къ нему отношеніи и на мѣсто отрицаемаго не могутъ поставить ничего положительнаго: ни новаго высшаго нравственнаго идеала, ни новой вѣры (такъ какъ они вообще отвергаютъ всякую жизнь вѣры въ человѣкѣ), ни той полноты знанія, которая бы способна была замѣнить вѣру. Они только *не*-христіане по личнымъ убѣжденіямъ, но сами по себѣ не суть провозвѣстники новой положительной истины. Совсѣмъ въ иномъ отношеніи находятся къ христіанству Евреи. Ихъ отрицаніе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ тѣснѣе связь христіанства съ іудаизмомъ. И какая связь: это логическая преемственная связь двухъ историческихъ моментовъ духовнаго развитія человѣчества. (Попытаемся разсмотрѣть вопросъ съ точки зрѣнія чисто исторической, а не съ той точки зрѣнія, которая непремѣнно предполагаетъ присутствіе личной вѣры: въ послѣднемъ случаѣ каждому легко уклониться отъ спора). Христіанство есть вѣнецъ іудаизма, — конечная цѣль, къ которой іудаизмъ стремился, которая осмыслила все его историческое бытіе. Ни въ исторіи, какъ явленія историческія, ни въ логическомъ сознаніи, какъ факты сознанія—христіанство и іудаизмъ немыслимы одинъ безъ другого: христіанство немыслимо безъ предшествовавшаго ему іудаизма, и послѣдній только въ христіанствѣ нашелъ свое объясненіе и оправданіе. Что же такое Евреи въ наше время? Это воплощеніе отжившаго историческаго періода, это застывшій, упраздненный моментъ общечеловѣческаго духовнаго развитія, общечеловѣческаго сознанія, — моментъ, котораго притязанія на дальнѣйшую историческую жизнь равносильны отрицанію всего послѣдовавшаго, послѣ него, развитія человѣчества. Еврей есть анахронизмъ, но анахронизмъ не мирящійся съ своей участью, а претендующій на значеніе *современное*. Между тѣмъ, если бы этотъ анахронизмъ имѣлъ значеніе *современное*, то этимъ бы исключилось все прочее нынѣ современно существующее,—все, что является теперь какъ логическій выводъ изъ времени предшествующаго. Если вѣрованіе Еврея имѣетъ логическое право на бытіе въ наше время, т. е. если предположить, что оно нисколько не упразднено исторіей, то не только христіанство не имѣетъ смысла, какъ послѣдующій логическій моментъ общечеловѣческаго религіознаго сознанія, но и вся исторія человѣчества отъ временъ Христа, со всей новѣйшею, т. е. христіанскою цивилизаціей, лишается всякой разумной логической основы, являются какою-то необъяснимою случайностью, теряетъ право на историческое бытіе! Еврей, отрицая христіанство и предъявляя притязанія іудаизма, отрицаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ логически всѣ до 1864 года успѣхи человѣческой исторіи и возвращаетъ человѣчество на ту степень, въ тотъ моментъ сознанія, въ которомъ оно обрѣталось до явленія Христа на землѣ. Въ этомъ случаѣ Еврей не просто невѣрующій, какъ атеистъ,—нѣтъ: онъ, напротивъ, вѣритъ со всею силою души, признаетъ вѣру, какъ и христіанинъ, существеннымъ содержаніемъ человѣческаго духа, и отрицаетъ христіанство—не какъ вѣру вообще, а въ самой его логической основѣ и исторической законности. Вѣрующій Еврей продолжаетъ въ своемъ сознаніи распинать Христа и бороться въ мысляхъ, отчаянно и яростно, за отжитое право духовнаго первенства,—бороться съ Тѣмъ, Который пришелъ упразднить «законъ» —исполненіемъ его.

Найдутся, пожалуй, такіе господа, которые обвинятъ насъ въ желаніи

разжечь взаимную ненависть христіанъ и Евреевъ, возбудить религіозный фанатизмъ и т. д. — Этимъ господамъ несравненно привольнѣе пребывать въ какомъ-то смутномъ состояніи, въ какой-то сѣрой неопредѣленности мысли и чувства, не разрѣшая противорѣчій, не отдавая себѣ яснаго отчета ни въ чемъ, не подвергая логической пыткѣ внутренній міръ своего сознанія. Такимъ безобразнымъ смѣшеніемъ, такою путаницей понятій особенно страждетъ наша Россійская общественная современность, прикрывая плащемъ прогресса, гуманности и т. д. — свою тощую логику. Русское общество закидано кругомъ такимъ множествомъ блестящихъ фразъ, такъ называемыхъ «послѣднихъ результатовъ науки» и «аксіомъ всего просвѣщеннаго міра», что отъ нихъ, кромѣ сумбура, ничего въ головахъ и не остается. Если Пушкинъ, говоря про одного генерала, сказалъ: «онъ чиномъ отъ *ума* избавленъ», то едва ли не съ большимъ правомъ можно примѣнить это и къ нашимъ господамъ, красующимся въ чинахъ либераловъ, гуманистовъ, прогрессистовъ и проч. Главная задача людей мыслящихъ и искренно любящихъ Россію, въ наше время, должна бы состоять въ критической повѣркѣ всего того умственнаго и нравственнаго хлама, который накопился въ Русскихъ людяхъ вслѣдствіе ложнаго, несамостоятельнаго развитія нашего просвѣщенія, — въ строгомъ разборѣ тѣхъ ходячихъ фразъ, которыми пробавляется значительная часть нашего общества, и едва ли не преимущественно въ высшихъ его сферахъ. Никогда разъясненіе истины не приведетъ ко лжи и злу; никогда свѣтъ не создастъ мрака, — напротивъ точнѣе и отчетливѣе опредѣлитъ настоящія отношенія жизненныхъ явленій между собою. Что же касается до Евреевъ, то всякое разъясненіе этого вопроса — съ одной стороны поможетъ только еще болѣе разогнать мракъ фанатическаго неразумія и слѣпой ненависти, — а съ другой способно, можетъ быть, будетъ и воздержать нѣсколько отъ потворства лжи, отъ излишней и грѣшной любезности съ нею, отъ вреднаго притупленія нравственнаго чувства и отъ опасныхъ уступокъ въ ущербъ Русской народности.

Мы хотѣли бы уяснить для сознанія самихъ Евреевъ всю полноту противорѣчія, представляемаго іудаизмомъ въ мірѣ христіанскомъ. «Іудеи, — говоритъ Хомяковъ въ своихъ Историческихъ Запискахъ, — послѣ Христа, есть живая безсмыслица, не имѣющая разумнаго существованія и потому никакого значенія въ историческомъ мірѣ»... Логическій выходъ изъ такого положенія возможенъ только одинъ: отречься отъ жидовства и принять тѣ начала, которыя составляютъ законъ всего современнаго просвѣщеннаго міра. Это честный, прямой и вполнѣ плодотворный выходъ, но есть и другой — путь отрицательный и болѣе комфортабельный — путь безвѣрія: перестать быть Жидомъ, не отрекаясь отъ жидовства, но не дѣлаться и христіаниномъ, а чѣмъ-то среднимъ, какой-то нравственной и умственной амфибіей. Это то, что прогрессисты-Евреи называютъ: примкнуть къ общечеловѣческой цивилизаціи. По нашему мнѣнію, это значитъ — повиснуть на воздухѣ, но не такъ вѣдь думаютъ прогрессисты, и мы желали бы, чтобы сами эти Евреи объяснили намъ — что̀ это за почва, на которую они предполагаютъ стать, отрѣшившись отъ религіозныхъ предразсудковъ своей народности и не приставъ къ религіознымъ убѣжденіямъ той или другой Европейской народности, среди которой они живутъ? Они не Евреи и не

христіане въ смыслѣ вѣрованія, — что же они такое? Философы... Какіе? Какой изъ школъ — вѣдь имъ нѣтъ числа? да и какая изъ нихъ вполнѣ закончена, представляетъ вполнѣ установившуюся систему, не отстраняемую дальнѣйшимъ прогрессомъ мышленія? Не пришли ли наконецъ эти школы, въ своемъ логическомъ развитіи и въ попыткахъ утвердить абсолютную истину на чистомъ логическомъ основаніи — внѣ религіи, къ отрицанію всякой абсолютной истины, подставивъ, такъ сказать, человѣчеству подъ ноги вѣчно колеблющуюся почву истинъ относительныхъ? Къ тому же вообще современная философія едва ли можетъ быть понята совершенно отвлеченно, независимо отъ всякаго религіознаго и даже христіанскаго сознанія: она возится съ нимъ, борется или отрицаетъ, старается разрѣшить вопросы, имъ поставленные, внести критику разума въ цѣлый міръ представленій неизвѣстныхъ до-христіанскому историческому міру, и неразлучныхъ съ человѣческимъ сознаніемъ — съ наступленіемъ христіанскаго періода исторіи... Посмотримъ теперь на другую сторону общечеловѣческой цивилизаціи, по отношенію къ Еврею, — на нравственно-бытовую. Вліяніе христіанства, какъ начала общественнаго и бытового, пребываетъ въ человѣкѣ, принадлежащемъ къ быту христіанскаго общества и дѣйствуетъ въ немъ — непосредственно, нерѣдко даже безъ его вѣдома и сознанія, и хотя бы даже онъ умственно и отрицалъ христіанство. Но не таково положеніе Еврея. Онъ чуждъ или имѣетъ притязаніе быть чуждымъ вліянія христіанства, какъ общественнаго и бытового начала. Если бы даже Еврей и увѣрялъ, что мыслью своей онъ принадлежитъ къ школѣ того или другого философа, то пришлось бы все-таки спросить *каждаго* Еврея — къ какой школѣ онъ принадлежитъ въ своемъ *быту*, какимъ общественнымъ нравственнымъ началомъ онъ руководствуется? Мы не предложимъ этого вопроса даже нигилисту-христіанину, ибо убѣждены, что разрывъ его съ христіанствомъ чисто внѣшній и что есть нравственные предѣлы, чрезъ которые не позволитъ переступить ему его совѣсть, — которая, будучи разъ просвѣщена христіанскимъ сознаніемъ, никогда не можетъ снизойти до спокойнаго состоянія совѣсти язычника. Она всегда будетъ предъявлять запросы, на которые надо будетъ пріискивать успокоительные отвѣты. Мы, конечно, разумѣемъ здѣсь не тѣхъ падшихъ, загрубѣлыхъ злодѣевъ, которые случаются и въ христіанскомъ обществѣ: мы говоримъ о нормальномъ состояніи совѣсти и нравственной природы человѣка. Отъ христіанскаго *нравственнаго* сознанія невозможно отдѣлаться человѣку, — разъ, когда оно его коснулось — непосредственно ли, или посредствомъ общества, среди котораго онъ возросъ и воспитался. Но Еврей, имѣющій притязаніе стоять вообще внѣ всякаго христіанскаго сознанія и дѣйствительно пребывающій въ постоянномъ разобщеніи съ христіанскимъ духовнымъ міромъ чрезъ свои религіозныя вѣрованія, — Еврей, отрекшись отъ этихъ вѣрованій и, слѣдовательно, отъ обязательности бытового Еврейскаго нравственнаго закона, — какимъ новымъ нравственнымъ, общественнымъ и бытовымъ закономъ будетъ управляться въ частномъ и общественномъ быту? Закономъ личной совѣсти, на сердцахъ написаннымъ? Но сердце человѣка подвижно, и почему же можетъ быть обязательно для человѣка слушаться своей совѣсти, какъ скоро она не освѣщена и не освящена христіанскимъ вѣроученіемъ, раскрывшимъ человѣку всю полноту нравственнаго закона,

въ немъ пребывающаго, и призвавшимъ его къ безконечному совершенствованію? Внѣ христіанскаго свѣта, внесеннаго во внутренній міръ совѣсти человѣка, совѣсть блуждаетъ въ потемкахъ, естественное сознаніе естественныхъ законовъ совѣсти неясно, шатко и зыбко; — и къ тому же его, очевидно, недостаточно для человѣка, уже вышедшаго изъ состоянія естественности. — Что же касается до внѣшнихъ, формальныхъ законовъ тѣхъ государствъ, въ области которыхъ приходится Еврею жить, — то какъ бы строго ни подчинялся имъ Еврей, эти законы нисколько не отстраняютъ нравственной высшей истины и не простираются на область частнаго и общественнаго быта. Внѣшняя правда, ими выражаемая, не только недостаточна сама по себѣ, но и немыслима безъ восполненія ея законами внутренней правды, живущими въ христіанскомъ сознаніи общества. Государство, конечно, не есть церковь; но общество, которому государство это служитъ щитомъ и органическимъ внѣшнимъ покровомъ — есть общество христіанское.

Однимъ словомъ, Еврей, отрѣшающійся отъ вѣры отцовъ своихъ и желающій въ то же время стоять внѣ христіанства, является предъ нами человѣкомъ не только безъ вѣры, но и безъ всякаго нравственнаго закона, который бы управлялъ его внутреннимъ міромъ и его отношеніями къ обществу, — онъ стоитъ внѣ тѣхъ общественныхъ и бытовыхъ началъ, на которыхъ созиждено, стоитъ и которыми управляется современное общество, которыя образуютъ воздухъ, атмосферу этого общества, живутъ и дѣйствуютъ въ его членахъ, несмотря даже на личное отношеніе ихъ мысли къ этимъ началамъ: въ этомъ именно и заключается нравственная гарантія внутренней безопасности для обществъ. Впрочемъ въ большей или меньшей степени то же самое можетъ быть сказано не только о христіанскомъ, но и о всякомъ другомъ обществѣ, руководящемся какимъ либо религіозно-нравственнымъ вѣрованіемъ. Когда вамъ говорятъ про общество магометанское, іудейское, буддійское, вы знаете, какимъ нравственнымъ закономъ оно управляется, и члены его въ предѣлахъ этого общаго, ими признаннаго закона считаютъ себя нравственно обезпеченными. Но какъ скоро вамъ рекомендуется человѣкъ, ссылающійся, вмѣсто нравственно-религіознаго закона, на общечеловѣческую цивилизацію, то вы естественно зададите себѣ вопросъ: гдѣ же общій кодексъ нравственныхъ правъ и обязанностей этой цивилизаціи, поставляющей себя *внѣ* религіи какъ догмы и какъ бытового начала? Здѣсь что ни человѣкъ, то особый кодексъ, и каждаго сына таковой цивилизаціи пришлось бы поневолѣ подвергнуть особливому допросу и справкѣ насчетъ его нравственныхъ правилъ. Общаго кодекса не оказывается. Можно было бы, напримѣръ, предполагать, что общечеловѣческая цивилизація выработала убѣжденіе, что красть — не слѣдуетъ и что это дѣло скверное. Но вотъ вамъ ученіе, объявляющее себя послѣднимъ новѣйшимъ словомъ общечеловѣческой цивилизаціи, которое низводитъ человѣка до скота, освобождаетъ его отъ нравственной вмѣняемости преступленій и торжественно объявляетъ, что человѣкъ имѣетъ полное нравственное право красть, если это ему нравится. (Одинъ изъ публицистовъ „Русскаго Слова“ объявилъ, что онъ не крадетъ по тому же самому, почему не любитъ тухлую говядину; но что если онъ можетъ получить вкусъ къ тухлой говядинѣ, то въ правѣ получить вкусъ и къ воровству, въ чемъ

не будетъ состоять никакого нравственнаго преступленія). Пусть же тѣ, которые не признаютъ для себя другихъ основъ, кромѣ «общечеловѣческой цивилизаціи», опредѣлять и обнародуютъ намъ, что именно изъ нея будетъ выбрано, выжато, процѣжено ими — что именно они принимаютъ за обязательный для себя кодексъ? Но на чемъ же будетъ основана эта обязательность? На личномъ вкусѣ и произволѣ: она не коренится въ глубинѣ духа, она не связана въ сознаніи со всѣмъ, что есть завѣтнѣйшаго для человѣка, съ началомъ началъ и причиною причинъ всего сущаго — однимъ словомъ съ идеею Бога...

Мы просимъ извиненія у нашихъ читателей за этотъ длинный и скучный разборъ Еврейскихъ притязаній—довольствоваться общечеловѣческою цивилизаціею внѣ какихъ бы то ни было религіозно-нравственныхъ вѣрованій. Мы видѣли, что всѣ эти притязанія, вся эта драпировка плащомъ цивилизаціи—есть чистѣйшая нелѣпость, громкая фраза, прикрывающая или лицемѣріе, или совершеннѣйшую пустоту души и мысли, или сумбуръ умственный и нравственный, съ которымъ, конечно, можно иной разъ очень благополучно просуществовать, но на которомъ нельзя ничего созидать или основывать. Мы не думаемъ, чтобъ было особенно выгодно для общества размноженіе такого рода амфибій, умственныхъ и нравственныхъ,— особенно же если эти амфибіи получаютъ въ обществѣ положеніе довольно значительное...

Говоря по правдѣ, Евреи, пріобщающіеся къ общечеловѣческой, т. е. Европейской цивилизаціи, невольно и непремѣнно пріобщаются и къ жизненной стихіи европеизма, т. е. къ христіанству, ибо Европейская цивилизація есть продуктъ не только древняго, но и христіанскаго міра, и христіанство входитъ въ нее какъ такой ея существенный элементъ, который никакъ изъ нея выкраденъ быть не можетъ. Ученіе Христа стало отнынѣ закономъ всей позднѣйшей жизни міра; по крайней мѣрѣ христіанство, какъ говоритъ Хомяковъ въ тѣхъ же своихъ Запискахъ, обусловливаетъ до сихъ поръ крайніе предѣлы развитія народовъ, его исповѣдующихъ. Таковъ смыслъ всякой религіи, продолжаетъ онъ: она есть граница всего духовнаго и умственнаго міра для человѣка. Народъ, выступившій изъ границъ своего вѣрованія, создаетъ себѣ вѣрованіе новое; отрицаніе же, еще не создавшее новаго положенія, находится въ прямой зависимости отъ положенія отвергаемаго. Поэтому христіанство до нашего времени (принимаемое или отрицаемое) есть законъ всего просвѣщеннаго міра —и народы, принявшіе проповѣдь Іудейскихъ рыбаковъ, сдѣлались властителями всего земного шара и вождями человѣчества»... Но, пріобщаясь, вмѣстѣ съ цивилизаціей, и къ жизненной стихіи цивилизаціи, образованные Евреи — по странному заблужденію или по явной недобросовѣстности — не хотятъ въ томъ сознаться. Какъ люди развитые, они не могутъ не признавать нравственнаго закона Христа совершеннѣйшимъ: они не могутъ не видѣть, что воздухъ, которымъ они дышатъ, есть христіанство: они должны наконецъ необходимо проникнуться этимъ воздухомъ, усвоить себѣ христіанскую точку зрѣнія —уже для одного того, чтобъ уразумѣть явленія Европейской цивилизаціи, —чтобы понимать Данте, Шиллера, Гёте съ его Фаустомъ, Рафаэля, Шекспира и пр.—на что они всегда предъявляютъ претензію...

Но, не принявъ христіанства въ душу искренно и сознательно, не при-

навъ открыто его власти надъ собою, они становятся въ ложное, неискреннее отношеніе къ Европейской цивилизаціи,—а при такомъ отношеніи ихъ участіе въ ней не можетъ быть истинно плодотворно. Исторія цивилизаціи новѣйшихъ временъ должна опредѣлить мѣсто, занимаемое въ ней элементомъ Іудейскимъ, особенно въ Германіи, гдѣ дѣятельность такихъ Евреевъ, отставшихъ отъ Моисеевыхъ и неприставшихъ ни къ какимъ инымъ религіознымъ вѣрованіямъ, довольно сильна. Всякому ясно, что изъ Еврея не выйдетъ ни Гёте, ни Шиллера, ни Шекспира, а выйдетъ развѣ только Гейне и Бёрне. Мы думаемъ, что Германскій духъ много размельчалъ отъ вторженія въ него *подобныхъ* Еврейскихъ ингредіентовъ. Еще менѣе можемъ мы ожидать блага отъ этого вторженія «цивилизованныхъ Евреевъ» въ духовную жизнь Русскаго народа, которая вся проникнута началомъ религіознымъ.

По богатое дарами племя Евреевъ могло бы богато оплодотворить собою почву Европейскихъ обществъ, еслибы, вмѣстѣ съ искреннимъ отреченіемъ отъ іудаизма, оно также искренно прилѣпилось къ истинѣ христіанства. Внѣ этого — имъ суждено, съ своимъ такъ-называемымъ общечеловѣческимъ просвѣщеніемъ, стать —повторяемъ еще разъ—амфибіями во всѣхъ смыслахъ, безъ національности, безъ религіи, безъ нравственности, и внести лицемѣріе и фальшь въ область Европейскаго христіанскаго просвѣщенія.

Изъ газеты «Москва».

Не объ эмансипаціи Евреевъ слѣдуетъ толковать, а объ эмансипаціи Русскихъ отъ Евреевъ.

Москва, 15-го іюля 1867 г.

Одно изъ самыхъ привилегированныхъ племенъ въ Россіи — это несомнѣнно Евреи въ нашихъ Западныхъ и Южныхъ губерніяхъ. Несомнѣнно и то, что такая привилегированность составляетъ не только аномалію, но и положительное зло для цѣлаго края, да сверхъ того несовмѣстима и съ собственною пользой Евреевъ. Можетъ быть покажется страннымъ, что мы говоримъ о привилегированности племени, которое у насъ привыкли считать загнаннымъ и обиженнымъ и къ которому всякій предъявляющій притязаніе на званіе гуманнаго и передового человѣка —вмѣняетъ себѣ въ обязанность относиться съ особенною симпатіей. Отчасти подъ вліяніемъ этой несвободной симпатіи, а отчасти и въ силу болѣе серьезныхъ и разумныхъ основаній, изданъ цѣлый рядъ законодательныхъ мѣръ, пролагающій для Евреевъ путь къ совершенной равноправности съ полноправнѣйшими подданными Россійской имперіи. За исключеніемъ нѣкоторыхъ еще остающихся ограниченій, между прочимъ ограниченія селиться въ Великорус-

скихъ губерніяхъ, Евреи (не говоря уже о тѣхъ, что учились въ университетахъ) почти уже сравнены въ правахъ съ коренными Русскими. Но, пользуясь такою равноправностью, Евреи въ то же время образуютъ изъ себя особыя Еврейскія общества, имѣютъ свое отдѣльное, закономъ огражденное, Еврейское самоуправленіе. Какъ же иначе какъ не привилегіей назвать этотъ надатокъ къ общимъ правамъ, въ силу котораго тѣсносплоченныя и замкнутыя Еврейскія общины представляются какимъ-то status in statu, государствомъ въ государствѣ, изъятымъ изъ дѣйствія общихъ законовъ?

Въ послѣднее время пущена въ оборотъ мысль, что Евреи не только Русскіе подданные, но просто Русскіе, такіе же какъ и всѣ мы Русскіе, только «Моисеева закона». Это стало любимою темой Еврейскихъ и даже Русскихъ публицистовъ. Разница только въ вѣрѣ, говорятъ они, и не въ этомъ состоитъ народность. Если такъ, — съ чѣмъ мы, впрочемъ, не согласны,—то зачѣмъ же узаконенная особенность Еврейскихъ обществъ? Вѣроисповѣданіе не можетъ здѣсь служить основаніемъ, потому что ни лютеране, ни католики не составляютъ изъ себя отдѣльныхъ гражданскихъ обществъ; они имѣютъ только свои особыя церковныя управленія, что могутъ имѣть и Евреи. Стало быть и Еврейская религія не можетъ быть достаточною причиной для отдѣльности Еврейскаго самоуправленія, да и не должна—по самому ученію Еврейскихъ публицистовъ, отрицающихъ значеніе вѣры какъ элемента народности. И дѣйствительно, девятый томъ Св. Законовъ, о состояніяхъ, не дѣлитъ Русскихъ подданныхъ по вѣроисповѣданію и ни слова не говоритъ объ иновѣрцахъ. Онъ установляетъ только различныя права состоянія для природныхъ обывателей, для *инородцевъ* и для иностранцевъ, и въ число *инородцевъ* включаетъ *Евреевъ*, для которыхъ излагаетъ особыя узаконенія: очевидно, что законъ разсматриваетъ ихъ какъ особую народность. Такимъ образомъ самое существованіе Евреевъ въ Россіи, отдѣльными общинами, тѣмъ самымъ противорѣчитъ увѣренію Евреевъ, что они «Русскіе». Если же ихъ желаніе «быть Русскими» искренно; если Евреи дѣйствительно не составляютъ и не хотятъ составлять особой народности, — то они первые должны стремиться къ совершенному уничтоженію ихъ отдѣльнаго самоуправленія, кагальнаго устройства и иныхъ подобныхъ учрежденій. Въ противномъ случаѣ мы въ правѣ усомниться въ ихъ искренности, въ правѣ подумать, что они, желая быть Русскими, хотятъ въ то же время остаться и Евреями—не по одному только вѣроисповѣданію, принадлежать въ одно время и къ Русской національности и къ Еврейской, пользоваться и общими правами и особыми исключительными, получающими при такихъ условіяхъ уже значеніе привилегіи. Евреи, конечно, станутъ напирать на то, что эта исключительность обусловливается не различіемъ народности, а различіемъ религіи. Но мы уже показали, что различіе религіи не признается закономъ достаточнымъ поводомъ къ образованію особеннаго общественнаго устройства, и Евреямъ остается только: или признать, что ихъ религія дѣйствительно создаетъ изъ нихъ особую Еврейскую народность, чуждую и даже враждебную всякой иновѣрной народности, и въ такомъ случаѣ отречься отъ притязаній на равноправность и національное съ Россіей единство,—или же ограничиться въ отношеніи къ вѣроисповѣданію особымъ духов-

нымъ управленіемъ по образцу, напримѣръ, лютеранскаго, и затѣмъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ отказаться отъ всякаго Еврейскаго самоуправленія и отъ существованія отдѣльными Еврейскими обществами.

Мы лично можемъ находить болѣе правды и логики въ томъ мнѣніи, которое не отдѣляетъ Еврейской вѣры отъ Еврейской народности, но послѣдній выходъ изъ дилеммы, т. е. отреченіе отъ всякихъ притязаній на Еврейскую народность, считаемъ болѣе сообразнымъ съ пользою и государства и самихъ Евреевъ, и именно потому, что оно вноситъ духовное раздвоеніе въ среду самого Еврейства. Для государства оно выгодно тѣмъ, что, подрывая Еврейскій фанатизмъ въ самомъ основаніи, въ то же время разбиваетъ крѣпкую замкнутость Еврейскихъ общинъ, съ которыми такъ трудно справляться и полиціи и высшей администраціи, и облегчаетъ дѣйствіе власти, допуская возможность большаго единообразія въ управленіи. До сихъ поръ, подъ покровомъ своеобразной общественной организаціи, Еврейство имѣетъ возможность и право сохраняться въ прокъ, словно подъ стекляннымъ колпакомъ, какъ отдѣльная народность; переставая признавать Евреевъ какъ отдѣльное гражданское общество, правительство сняло бы съ нихъ этотъ колпакъ, подвергло бы Еврейство разлагающему дѣйствію воздуха и свѣта и вытащило бы наружу, изъ темныхъ норъ, гнѣзда самаго отвратительнаго и фанатическаго изувѣрства. Для Евреевъ же собственно такая мѣра была бы полезна уже тѣмъ, что высвободила бы ихъ изъ-подъ деспотической власти раввиновъ, цадиковъ, кагаловъ и т. п., и сломила бы лишнюю искусственную преграду, отдѣляющую ихъ отъ Русскаго общества, оставивъ только преграды чисто-нравственнаго свойства, уничтоженіе которыхъ зависѣло бы уже отъ нравственнаго и религіознаго развитія самихъ Евреевъ и во всякомъ случаѣ было бы легче.

Такой конечный результатъ, сколько можно судить по общему духу законодательныхъ мѣръ, составляетъ задачу и самого правительства. Но потому-то и странно это противорѣчіе: уравнивая Евреевъ въ правахъ съ Русскими, расширяя ихъ льготы, правительство въ то же время не только оставляетъ за ними старыя особенности Еврейскаго общественнаго устройства, но и вводитъ новыя, которыя всѣ вмѣстѣ дѣлаютъ изъ Евреевъ отдѣльное крѣпко-организованное и плотно-замкнутое религіозно-народное общество. Мы разумѣемъ здѣсь не одно кагальное и иное устройство съ коширными и коробочными сборами и прочими гражданскими отличіями и привилегіями, но и учрежденіе особыхъ казенныхъ Еврейскихъ училищъ вѣдомства Министерства народнаго просвѣщенія, особыхъ для Евреевъ гимназій, инспекцій и дирекцій, а также и организованное казенное попеченіе объ Еврейскомъ православіи, объ образованіи искренно убѣжденныхъ въ правотѣ своей религіи раввиновъ, и т. д., и т. д.

Во всякомъ случаѣ, современное общественное устройство Евреевъ представляется, повторяемъ, какимъ-то status in statu въ Западномъ краѣ, гдѣ премудрость Польскихъ королей и Польской шляхты укрѣпила Еврейское владычество еще издавна. Толкуютъ объ эманципаціи Евреевъ. Вопросъ долженъ быть поставленъ иначе: это вопросъ не объ эманципаціи Евреевъ, а объ эманципаціи Русскаго населенія отъ Евреевъ, объ освобожденіи Русскихъ людей на Западѣ, отчасти и на Югѣ Россіи отъ Еврейскаго ига. Эта точка зрѣнія несравненно правильнѣе. Поставивъ себѣ задачею прежде

всего пользу *своихъ*, своего народа, мы придемъ, пожалуй, и къ необходимости эманципировать Евреевъ, но не теряя изъ виду благо Русскаго населенія, соображая льготы Евреямъ — съ дѣйствительною пользою, прежде всего, Русскихъ жителей.

Отъ общихъ разсужденій перейдемъ къ частнымъ фактамъ.

Читатели найдутъ въ этомъ же № статью, которую мы сочли приличнымъ озаглавить: «Еврейская привилегія». Въ справедливости разсказа г-жи Кохановской мы сомнѣваться не можемъ, да къ тому же разсказъ ея служитъ только подтвержденіемъ извѣстія о такомъ же однородномъ случаѣ, сообщеннаго въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», и самъ въ свою очередь имъ подтверждается. Ничто лучше не обрисовываетъ положенія дѣлъ, ничто такъ не характеризуетъ подчиненнаго отношенія мѣстной Русской власти къ Еврейской силѣ, Русскаго общества къ Еврейской тѣсно-сплоченной общинѣ въ Западномъ краѣ, какъ разсказанное г-жей Кохановской происшествіе. А между тѣмъ это происшествіе не выходитъ изъ разряда обыденныхъ и только благодаря случаю получаетъ огласку. Впрочемъ, сколько и оглашенныхъ извѣстій о деспотизмѣ раввиновъ, о фанатизмѣ цадиковъ, о торговлѣ людьми, устроенной Евреями для поставки рекрутъ, о кабалѣ, въ которой держитъ Евреи сельскій Русскій людъ, —сколько такихъ извѣстій, разсѣянныхъ въ газетахъ, оставлено и Русскою публикой, и Русскими публицистами безъ вниманія! Но, сопоставляя эти извѣстія вмѣстѣ съ печатаемымъ нами разсказомъ, невольно ужасаешься такому Іудейскому плѣненію Руси; невольно спрашиваешь себя: гдѣ мы, въ Россіи или дѣйствительно въ жидовской Палестинѣ, какъ издавна прозывается нашъ Западный край? Происшествіе, описанное г-жею Кохановской, возмутительно не только для православнаго чувства, но и для достоинства Русскаго. Русскіе въ Россіи не безопасны и безсильны противъ Еврейскаго фанатизма! Его трепещетъ и христіанскій пастырь, и полиція, и нужна военная стража, чтобъ ограждать въ Россіи Еврея, посѣщающаго домъ православнаго священника! Если дѣйствительно существуетъ правило, упоминаемое въ статьѣ г-жи Кохановской, въ силу котораго никто изъ Евреевъ, желающихъ принять православную вѣру, не можетъ быть допущенъ къ св. крещенію ранѣе шести недѣль и *безъ увольнительнаго свидѣтельства отъ Еврейскаго общества*, то это такая привилегія, которою не пользуется ни одно изъ неправославныхъ вѣроисповѣданій. Ни для католика, ни для протестанта нѣтъ тѣхъ препятствій къ переходу въ православіе, какія полагаетъ законъ Евреямъ. Можно было бы подумать, что Русскій законъ спеціально печется объ огражденіи духовной цѣлости Еврейскаго племени и деспотической власти Еврейской общины надъ совѣстью ея членовъ. Какъ будто легко добиться Еврею, желающему перейти въ православіе, увольненія отъ своего общества! Какъ будто въ интересахъ Еврейства выдавать такія увольненія!

Общественное мнѣніе Россіи не можетъ не негодовать на такую неправильность отношеній Русской народности къ инородцамъ,— не можетъ не видѣть въ такомъ положеніи дѣлъ достойныхъ плодовъ того печальнаго, теперь уже почти минувшаго періода нашей исторіи, котораго господствующею характеристическою чертой было безвѣріе и общества и правительства въ силу и права Русской народности. Если бы народное самосознаніе

въ насъ было само живою органической силою, живымъ могучимъ двигателемъ нашей политики, нашей административной и общественной дѣятельности, то не существовало бы ни Польскаго, ни Еврейскаго, ни Нѣмецкаго вопросовъ, ни всего этого Русскаго похмѣлья въ чужомъ пиру. Теперь же приходится «эманципировать», т.-е. высвобождать Русскій людъ и Русскія земли изъ нами же созданныхъ отношеній къ пришельцамъ и инородцамъ.

Нельзя не признать, что было бы полезно пролить какъ можно болѣе свѣта на темные вертепы Еврейскаго міра въ Россіи и предать Еврейское изувѣрство безпощадной огласкѣ. Такая огласка сильнѣе чѣмъ какое-либо иное средство побудитъ образованную часть Евреевъ, претендующую на сліяніе съ Русскими, на званіе «Русскихъ Моисеева закона», отдѣлиться отъ своихъ собратій фанатиковъ и обратиться съ словомъ осужденія къ Еврейской тьмѣ. Такая огласка выведетъ на чистоту и самое положеніе Еврейства, и уровень его образованности, и степень искренности Евреевъ-прогрессистовъ,—да выяснитъ и для Русскаго общества, вмѣстѣ съ администраціей, какія именно реформы и мѣры въ настоящее время могутъ быть дѣйствительны и необходимы. Мы уже отчасти испытали это, напечатавъ въ «Днѣ» «краткій разборъ Талмуда» и поставивъ Евреевъ въ необходимость отозваться откровенно—признаютъ ли они правила Талмуда за руководство... Такого разоблаченія, казалось бы, всего приличнѣе ожидать отъ «Виленскаго Вѣстника», находящагося въ самомъ центрѣ Еврейскаго царства... Но, не возлагая на него надежды, приглашаемъ къ такому труду тѣхъ изъ нашихъ сотрудниковъ, которые знакомы съ Евреями не по слуху, а на мѣстѣ и на дѣлѣ.

Изъ газеты «Русь».

«Либералы» по поводу разгрома Евреевъ.

Москва, 6-го іюня 1881 г.

Теперь, кажется, можно приступить и къ обсужденію недавняго народнаго самоуправства на Югѣ, не опасаясь «либеральнаго» обвиненія со стороны нашей «либеральной» прессы въ преступномъ *подстрекательствѣ*. Читатели знаютъ конечно, что нѣкоторые органы нашей печати не погнушались, при первой вѣсти о начавшемся движеніи противъ Евреевъ, обвинить въ немъ тѣ газеты ненавистнаго имъ литературнаго лагеря, которыя, послѣ событія 1 марта, позволили себѣ изливать свое негодованіе на прямыхъ и косвенныхъ виновниковъ позорной катастрофы слишкомъ-де горячо и рѣзко, чѣмъ будто бы не только нарушили «молитвенно-горестное настроеніе» (sic) какъ «либераловъ», такъ и Русскаго общества, но и возбудили, наконецъ, народныя страсти. Газета «Порядокъ», въ теченіе всего марта мѣсяца наставлявшая насъ «благоразумію и умѣренности», мгно-

венно утратила эти превосходныя качества, какъ только провѣдала о происшествіяхъ въ Елисаветградѣ, и провозгласила, что вся бѣда отъ слишкомъ частаго употребленія въ печати и въ оффиціальныхъ актахъ словъ «крамола» и «крамольникъ». Въ Малороссіи, вѣщалъ «Порядокъ», ссылаясь на своего корреспондента, существуетъ слово *краморникъ*,— торговецъ, а народъ, приглашенный искоренять крамольниковъ и не понимающій этого выраженія, принялъ, по созвучію, за крамольниковъ— *краморниковъ!* Выходило, такимъ образомъ, что никто другой, какъ само же правительство, вмѣстѣ съ нѣкоторыми газетами, въ слѣпомъ озлобленіи на «крамолу», подало поводъ къ *каламбуру*, который и породилъ трагедію! Однакожъ тенденціозность и лживость такого остроумнаго измышленія были немедленно обличены, вполнѣ компетентнымъ судьей въ настоящемъ дѣлѣ, газетою «Кіевлянинъ»: оказалось, что слова *краморникъ* у Малороссовъ никогда и не бывало, а имѣется слово *крамарь*, которое означаетъ торговца краснымъ или мелочнымъ товаромъ и никогда спеціально къ Евреямъ не прилагается: ни одинъ крамарь изъ христіанъ тронутъ не былъ, и наоборотъ разорены дома шинкарей, откупщиковъ, банкировъ— Евреевъ, которыхъ ни одинъ Малороссъ никогда крамарями не называлъ и не назоветъ. Мы упомянули объ этомъ каламбурѣ «Порядка» только для того, чтобы читатели сами сообразили: много ли правды можно ожидать въ сужденіяхъ этой прессы по поводу послѣдней народной расправы на нашемъ Югѣ и Юго-Западѣ...

Теперь народная расправа съ Евреями, слава Богу, прекращена: началась другая расправа—административная, а также и Еврейская расправа—съ самимъ народомъ. Дѣятельно производится, частію уже и произведено слѣдствіе, творится судъ, и результаты его настолько уже извѣстны, что позволяютъ вѣрную и безпристрастную оцѣнку событій. Если «начальство» долго и упрямо, но совершенно невѣрно удерживало за ними скромное названіе «безпорядковъ», то также ошибочно другое выраженіе, пущенное въ ходъ нѣкоторою частью нашей печати и ея услужливыми корреспондентами,— «*избіеніе Евреевъ*». Именно избіенія-то и не было,— и это, конечно, въ высшей степени замѣчательно. Можно даже удивляться такому самообладанію расходившейся, разнузданной, повидимому, народной массы. Нельзя сказать, чтобъ толпы были безоружны: у нихъ не было, конечно, огнестрѣльныхъ орудій, но имѣлись и топоры, и ломы; они однакожъ употреблялись только какъ орудія разрушенія, а не убоя. Намъ укажутъ, можетъ быть, на два, на три отдѣльныхъ случая избіенія, но что значатъ эти два, три случая тамъ, гдѣ таковыхъ могли быть тысячи? Да и эти случаи были вызваны вооруженнымъ сопротивленіемъ самихъ же Евреевъ, изъ которыхъ многіе запаслись револьверами, стрѣляли изъ нихъ въ толпу и приводили ее въ раздраженіе. Евреевъ избитыхъ, по всѣмъ даннымъ, столько же, сколько и избитыхъ Евреями Русскихъ, если не менѣе.

Другая отличительная особенность этого движенія—отсутствіе *грабежа*. Это не былъ *грабежъ;* это былъ разгромъ Еврейскаго имущества, разгромъ дикій, насильственный, буйный, но *безкорыстный:* въ этомъ его главная общая характеристика, которой не могутъ измѣнить нѣкоторыя случайныя исключенія. Грабили,—даже нельзя сказать, чтобъ въ томъ смыслѣ, какъ

этотъ терминъ понимается уголовнымъ закономъ, а скорѣе: присвоивали себѣ Еврейское добро, уносили его къ себѣ,—не тѣ, которые производили разрушеніе домовъ, мебели, вещей, товара, а та толпа, та голь кабацкая, та нищая чернь, которая шла вслѣдъ за разрушителями и подбирала разрушаемое или выбрасываемое изъ оконъ. Сами же виновники разгрома, какъ это подтверждается достовѣрными свидѣтелями, не только не наживались Еврейскимъ добромъ, но даже рвали въ клочки попадавшіяся имъ пачки кредитныхъ билетовъ. Наконецъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, послѣ уже разгрома, крестьяне подобрали валявшееся имущество и развезли его по домамъ, они послушно, съ полною готовностью отдавали его обратно, по первому требованію начальства. Однимъ словомъ: не личная месть на *лицо* направленная, не личное озлобленіе противъ лицъ же и не корысть были двигателями этого разгрома. Имѣлись въ виду не Ицко, не Лейба, не Абрамъ такой-то, а Евреи *вообще*—исключительно *Евреи*. Христіанская собственность этими «звѣрскими», «очумѣлыми», «рассвирѣпѣвшими» толпами (какъ выражаются многія наши газеты и ихъ корреспонденты) была оставлена неприкосновенною. Если же мѣстами она и подверглась разгрому, то единственно по недоразумѣнію: достаточно было завидѣть въ углу икону или другой признакъ христіанскаго жилища, и толпа, въ самомъ разгарѣ своего безчинства, тотчасъ же воздерживалась отъ разоренія и даже старалась исправить, по возможности, свою разрушительную работу.

Наконецъ характеристическою особенностью этого явленія замѣчается,—со стороны крестьянъ по крайней мѣрѣ, и именно тѣхъ, которые не избивали, не грабили, ничѣмъ не корыстовались,—какое-то простодушное убѣжденіе въ правотѣ своихъ дѣйствій: точно будто они отправляли актъ правосудія!! Ничего враждебнаго властямъ, противоправительственнаго или даже противозаконнаго не заключалось, по ихъ мысли, въ этомъ движеніи,—и, громя Еврейскую силу, они, очевидно, воображали, что служатъ службу обще-государственному интересу! Это было печальное, роковое, грубое, дикое, пожалуй, но искреннее недоразумѣніе. Какимъ образомъ оно возникло—вотъ вопросъ, который рѣшаютъ различно. Первоначально господствовало мнѣніе, что все это дѣло рукъ «анархистовъ» или нашей такъ-называемой соціально-революціонной партіи. Это мнѣніе на руку Евреямъ и ихъ защитникамъ, потому что *устраняетъ* вопросъ о другой причинѣ: объ *эксплуатаціи* христіанскаго населенія Еврействомъ, или, по крайней мѣрѣ, отодвигаетъ его на задній планъ. Оно выгодно Евреямъ и потому, что устанавливаетъ нѣкую солидарность интересовъ Еврейскихъ съ интересами *собственности* вообще и придаетъ Еврейству значеніе чуть ли не «консервативнаго» элемента, угрожаемаго *общимъ* врагомъ—«соціализмомъ!» И Евреи—надо отдать имъ справедливость—ловко пользуются своимъ положеніемъ: покровительствуемые начальствомъ въ качествѣ консерваторовъ, они не перестаютъ быть дороги и сердцу такъ-называемыхъ «либераловъ». Да, нашлись русскіе «либералы», которые, съ редакторомъ кіевской «Зари» во главѣ, не постыдились выступить на послѣднихъ судебныхъ процессахъ обвинителями русскихъ крестьянъ, въ званіи *гражданскихъ истцовъ* со стороны Евреевъ, и очень рѣшительно настаивали на томъ, что главными зачинщиками были именно «анархисты».

Къ счастію, прокуроръ военно-окружнаго суда неопровержимо, кажется, доказалъ, что «анархисты» только *примазались*, такъ сказать, къ этому движенію уже впослѣдствіи, т. е. послѣ уже того, какъ движеніе началось. Въ Елисаветградскомъ разгромѣ (съ котораго весь сыръ-боръ загорѣлся) не открыто никакого участія нашихъ «революціонеровъ», и прокламаціи появились уже позднѣе»,—такъ что, по мнѣнію прокурора, основная причина заключается все-таки въ экономическомъ игѣ, наложенномъ на Русскихъ Евреями. Досталось же г. прокурору за такое мнѣніе отъ нашей «либеральной» прессы, и преимущественно отъ «Порядка», который призналъ такое поведеніе прокурорской власти противнымъ закону, нравственности и государственному интересу,—какъ будто прокуроръ обязанъ устранять изъ виду существенныя обстоятельства дѣла! какъ будто въ интересѣ правосудія и власти—искажать истину и заслонять побочными поводами основную причину преступленія?

Самоуправство народное, разумѣется, не можетъ, не должно быть терпимо и подлежитъ строгому осужденію, но изъ этого не слѣдуетъ, что судъ обязанъ поступать по поверхностному административному усмотрѣнію, какъ административная власть, противъ произвола которой возстаютъ всего болѣе сами же либералы! Напротивъ! именно судъ-то и призванъ разобрать всѣ причины, всѣ мотивы или побужденія преступленій. Судебное слѣдствіе и выяснило, что вопросъ объ участіи «анархистовъ» въ сущности вопросъ второстепенный, или точнѣе сказать: именно побочный, хотя и весьма важный самъ по себѣ. Онъ важенъ и по политическому своему значенію, и потому, что даетъ теперь въ руки Евреямъ, какъ мы уже сказали, дешевое и удобное пугало, которымъ они уже и начали орудовать въ свою пользу, для вящшаго утвержденія своего господства, для вящшей эксплуатаціи угнетеннаго ими населенія. Но какъ ни важенъ вопросъ объ участіи «соціаль-демократовъ», однакожъ одними ихъ происками и прокламаціями сущность самаго факта нисколько не объясняется. Произошелъ взрывъ: откуда бы ни упала искра, дѣло не въ ней, а въ томъ, что кругомъ былъ *порохъ*,—горючія, быстро воспламенимыя вещества, и достаточно было случайной искры, чтобъ вспыхнулъ страшный пожаръ! Стало быть—съ точки зрѣнія внутренней политики—необходимо прежде всего убрать порохъ и устранить ежеминутную опасность пожара. Если бы даже и было доказано подстрекательство извнѣ, то самая возможность такого повальнаго, народнаго (и—при всей своей дикости—осмысленнаго, какъ мы видѣли) движенія—на основаніи одного легкаго, ни одною мѣстною властью даже не подмѣченнаго намека, даже безъ всякой предварительной агитаціи,—уже эта возможность сама по себѣ свидѣтельствуетъ: каковъ же долженъ быть характеръ взаимныхъ экономическихъ отношеній Евреевъ и Русскихъ!

Если кто хоть разъ въ жизни бывалъ на нашемъ Югѣ и западной окраинѣ, тамъ, гдѣ свободно живутъ Евреи, и видѣлъ, стало быть, собственными глазами гнетъ Еврейства надъ Русскимъ мѣстнымъ народомъ (а мы тамъ бывали не одинъ разъ), для того послѣднее народное движеніе не представляетъ въ себѣ ничего не только противоестественнаго, но даже неожиданнаго. Тотъ могъ только дивиться народному долготерпѣнію,—тому и въ голову не придетъ искать послѣднимъ происшествіямъ какихъ-

либо иныхъ, отдаленныхъ объясненій. Чтобы жить на Югѣ и не видѣть указанной нами причины—для этого надобно развѣ стоять «на высотѣ призванія» редактора кіевской газеты «Заря»... Но мы не отрицаемъ участія и нашей революціонной шайки, хотя и думаемъ, вмѣстѣ съ прокуроромъ, что первоначальная мысль и почин̆ъ принадлежать не ей; не отрицаемъ ни той опасности, которую могло бы представить такое народное самоуправство, еслибъ продлилось дальше и еслибъ революціонному отребью нашей земли удалось обманомъ, переодѣваньемъ, подлогомъ и тому подобными честными пріемами, попасть въ коноводы. Одно и то же народное сборище можетъ быть и стройнымъ міромъ или громадой, и безпорядочною толпою; правильная своеобразная организація, самообладаніе и сдержанность народнаго, мірского или громадскаго множества, выйдя однажды изъ свойственной ему сферы дѣятельности, могли бы постепенно уступить присущему всякой массѣ стихійному началу и, при наплывѣ черни, т. е. подонковъ сельскаго и по преимуществу городского населенія, смѣниться дикимъ буйствомъ, корыстною и властолюбивою похотью. Можетъ быть, и даже вѣроятно—до этого бы никогда и не дошло; тѣмъ не менѣе такое народное движеніе, само собою разумѣется, должно было быть прекращено властью въ самомъ началѣ. Но оно могло бы, кажется, быть и предупреждено,—не единственно устраненіемъ лишь основной причины экономической—*пороха* (что представляетъ трудную и сложную задачу), но и устраненіемъ причинъ случайныхъ, разыгравшихъ въ настоящемъ явленіи роль искры, упавшей на порохъ. Нельзя же было, въ самомъ дѣлѣ, предположить, что такое страшное событіе, какъ публичное, среди бѣла дня, въ столицѣ убійство Царя, да еще Царя-Освободителя, пройдетъ для души и мысли народной безслѣдно. А такъ думали многіе, не знающіе и не понимающіе Русскаго народа, дивились его наружному спокойствію, упрекали его въ равнодушіи, глумились надъ его «безчувственностью». Забывали, что народъ нашъ не легкомысленъ, не вѣтренъ, не воспламеняется мгновенно, какъ иные народы Юга,—и именно въ великія историческія мгновенія своей жизни является сдержаннымъ, важнымъ, сосредоточеннымъ. Мы помнимъ объявленіе въ Москвѣ знаменитаго манифеста 19 февраля 1861 г. Это произошло въ послѣдній день масляницы, обыкновенно самый разгульный и пьяный: ожидали такихъ *буйныхъ* восторговъ, что войска стояли съ заряженными ружьями наготовѣ въ казармахъ,—но масляничный день словно превратился внезапно въ великопостный понедѣльникъ: ни возгласа, ни клика,—ни одного пьянаго... То же самое было и вслѣдъ за событіемъ 1 марта, такъ что блюстителямъ «либеральнаго» порядка пришлось уличить и отрекомендовать полиціи всего одну только бабу, дозволившую себѣ публичное выраженіе горести и негодованія на «злодѣевъ»,—ту знаменитую, прославленную «Порядкомъ» и «Порядокъ» прославившую бабу, которою такъ много и серьезно занимались Петербургскія газеты.—Но эта тишина, это видимое спокойствіе народа должны были бы сильнѣе озабочивать правителей, чѣмъ даже мгновенныя вспышки, если таковыя кое-гдѣ и были. Мы тогда же печатно заявили, что «народъ молчитъ, но думаетъ свою думу», и въ томъ же мартѣ мѣсяцѣ имѣли случай сообщить бывшему министру внутреннихъ дѣлъ наше убѣжденіе въ необходимости безотлагательнаго слова къ на-

роду отъ лица Верховной власти о томъ, чтобъ народъ держался спокоенъ, не внималъ никакимъ слухамъ и толкамъ, не дозволялъ себѣ никакой расправы и вѣрилъ, что власть бодрствуетъ, розыщетъ и покараетъ виновныхъ. Но Петербургъ отъ Россіи далеко, и мнѣнія, говоръ и «потребности» ближайшей среды привлекали къ себѣ, къ сожалѣнію, больше вниманія, чѣмъ расположеніе народнаго духа... Нѣтъ сомнѣнія, что нервы народные болѣе или менѣе возбуждены ужасною катастрофою 1 марта, а при такомъ состояніи легко возникаютъ и слагаются всякія легенды и миѳы. Народъ, видя водворившееся, дѣйствующее, плодящееся въ родной землѣ *зло*,—воочію явленное ему въ цареубійствѣ,—конечно не могъ не задать себѣ вопроса: гдѣ причина, гдѣ *корень* зла? Разумѣется, въ каждой мѣстности останавливались на *мѣстныхъ* данныхъ. Для жителей нашихъ Южныхъ и Западныхъ губерній знакомое ему зло олицетворяется въ Еврействѣ,—не въ немъ ли и корень?—«Отъ нихъ всякое зло пошло у насъ на Руси»—совершенно искренно, хоть, разумѣется, и ошибочно отвѣчали мужики подъ Елисаветградомъ нашему, вполнѣ достовѣрному, корреспонденту. «Пусть»—говорили они же, съ сердечнымъ сокрушеніемъ, спустя нѣсколько дней послѣ разгрома, согласившись съ доводами о беззаконности ихъ расправы,—«пусть казна оцѣнитъ убытки Еврейскіе и заплатитъ имъ, пусть обложатъ насъ хоть вѣчнымъ оброкомъ для уплаты за это казнѣ, мы готовы будемъ платить, только бы прочь взяли *ихъ* (Евреевъ) отсюда»!..

Такимъ образомъ, съ какой стороны ни отнестись къ этому народному движенію, а миновать основной причины нельзя, и если мы не хотимъ довести народъ до отчаянія, мы должны честно, строго, откинувъ въ сторону всякое доктринерство, посмотрѣть положенію прямо въ глаза, приступить къ разрѣшенію самой задачи объ устраненіи Еврейскаго гнета. Это теперь необходимѣе, чѣмъ прежде, безотлагательно необходимо. Сѣченье и тому подобныя экзекуціи, усердно практикуемыя теперь надъ провинившимся христіанскимъ населеніемъ, усмиряютъ, но не образумливаютъ, не успокаиваютъ его *нравственно*, не разрѣшаютъ его недоумѣнія. Они только заставляютъ его терять послѣднее упованіе на заступничество власти, приводятъ его въ уныніе и вкупѣ съ нахальнымъ торжествомъ и усилившимся задоромъ Евреевъ можетъ быть только пуще раздражаютъ,—кладутъ сѣмена новыхъ безчинствъ и расправъ! Усиливая такимъ образомъ силу, а слѣдовательно и гнетъ Евреевъ, дѣлая его окончательно невыносимымъ для населенія, лишая послѣднее всякой надежды на спасительный исходъ,—на кого же мы работаемъ, какъ не на тѣхъ же «анархистовъ»?

Не объ *эманципаціи Евреевъ* слѣдуетъ ставить теперь вопросъ, а объ эманципаціи Русскаго населенія отъ Еврейскаго ига; не о *равноправности* Евреевъ съ христіанами, а о равноправности христіанъ съ Евреями, объ устраненіи *безправности Русскаго населенія* предъ Евреями: вотъ единственно-правильная постановка вопроса, безъ которой и правильное рѣшеніе невозможно. Мы знаемъ заранѣе, что поднимутся съ разныхъ сторонъ клики: «не Русскіе, а Евреи стѣснены въ правахъ», Русскіе пользуются преимуществами *по закону*, противъ эксплуатаціи Еврейской они могутъ искать огражденія легальнымъ порядкомъ, въ судѣ, въ свободной конкурренціи,

и т. д., и т. д. Странное дѣло! Если Русскій фабрикантъ понизитъ плату рабочимъ или утѣснитъ ихъ штрафами, по буквѣ вполнѣ законными, и рабочіе окажутъ сопротивленіе, хотя бы даже силою,— наши «либералы» тотчасъ поднимутъ приличный случаю гвалтъ, прикуютъ фабриканта къ позорному столбу, примутъ рабочихъ подъ свой покровъ, окажутъ давленіе, путемъ печати, на присяжныхъ и, если присяжные оправдаютъ виновныхъ, огласятъ всю Россію трескомъ рукоплесканій. Мы забыли упомянуть о краснорѣчивомъ адвокатѣ, который непремѣнно предложитъ подсудимымъ свою даровую защиту. Такое великодушіе заслуживаетъ, повидимому, лишь похвалы. Вздумай землевладѣлецъ, на основаніи свободно-заключеннаго съ крестьянами договора объ арендованіи земли, взыскивать невнесенную ими арендную плату черезъ полицію, и при этомъ крестьяне окажутъ не только противодѣйствіе, но побьютъ полицію и произведутъ серьезное безчинство,— зрѣлище будетъ то же самое: либеральный гулъ и плескъ, анаѳема землевладѣльцу, адвокатъ, очень кстати и основательно, воззоветъ къ присяжнымъ и судьямъ: «люди они, человѣки»! и несчастные виновные мужики будутъ прощены, при шумномъ ликованіи публики и газетъ. Говоримъ это не въ осужденіе, а заявляемъ фактъ: хоть и отдѣляясь отъ общаго хора, мы не можемъ не сочувствовать справедливому, если не по буквѣ, то по существу, исходу дѣла. Но почему же всѣ эти господа «либералы», какъ они себя сами честятъ, со всею этою яко бы либеральною прессою, не обрѣтаютъ въ себѣ никакого либеральнаго гнѣва и негодованія, какъ скоро дѣло касается эксплуатаціи Русскихъ Евреями? А вѣдь здѣсь эксплуатація — не чета эксплуатаціи какого-нибудь фабриканта или землевладѣльца! здѣсь она, какъ удавъ, душитъ населеніе, высасываетъ всю кровь, держитъ въ кабалѣ, въ такой ужасной кабалѣ, о которой рабочій и крестьянинъ въ свободной отъ Евреевъ Россіи и понятія не имѣютъ. Это гнетъ давній, нахальный, крупный по результатамъ, несносный по мелочности, еще болѣе оскорбительный по разноплеменности и разновѣрію, но у нашихъ «либераловъ» не отыскивается ни словечка укора такимъ эксплуататорамъ: либерализмъ мигомъ испарился, какъ бы его вовсе и не бывало! Передъ ними несчастное населеніе, которое, не выдержавъ, ринулось на утѣснителей и даже не побило ихъ, а разломало и расшвыряло кое-какое имущество (все, что получше и поцѣннѣе, Евреи заблаговременно припрятали),— виновныхъ предали суду,— но не только не обрѣлось ни одного краснорѣчиваго либеральнаго адвоката, который бы предложилъ великодушно свою защиту обвиняемымъ жертвамъ эксплуатаціи (а вѣдь онѣ — по меньшей мѣрѣ такіе же «люди и человѣки»!), напротивъ: «либеральныя» адвокатскія знаменитости, въ числѣ которыхъ газеты называютъ князя Урусова (но не того адвоката, къ чести его будь сказано, чье выраженіе мы привели), спѣшатъ «либерально» предложить свои услуги эксплуататорамъ для отягченія участи возмутившихся, эксплуатируемыхъ бѣдняковъ! Что же все это значитъ?... Попадается кое-гдѣ Великорусскій кулакъ, и вотъ — подъ именемъ Разуваева и Колупаева его хлещетъ и позоритъ сатира, заодно съ печатью; а тутъ можетъ быть два милліона Разуваевыхъ и Колупаевыхъ разуваютъ, облупливаютъ населеніе, и ни одной нотки гнѣвной ни у одного «либерала»!! Что это, лицемѣріе что ли? Причина сложная. Не безъ нѣкотораго лицемѣрія у иныхъ, но больше по душевному подобострастію! Въ томъ вся и

суть, что большинство нашихъ «либераловъ» вовсе не либералы, а только состоятъ по «либеральной» части. Если дѣло идетъ о *рабочемъ*, то тутъ какъ не нашумѣть, вѣдь тутъ какая подкладка! «рабочій *вопросъ*»,—вопросъ модный, Европейскій, включенный въ кодексъ «либерализма»! Вступаться за рабочихъ обязываетъ не какое-нибудь тамъ сочувствіе, которое иногда, если ближе ознакомиться съ дѣломъ, было бы пожалуй и не совсѣмъ къ случаю, а званіе и чинъ «либерала». Крестьянинъ не платитъ аренды за нанятую имъ землю,—ну, тутъ также есть что-то «аграрное», въ нѣкоторомъ родѣ «соціализмъ»: «либералу» тоже нельзя не вступиться,—въ кодексѣ доктрины стоитъ! Ну, а объ эксплуатаціи Еврейской въ либеральномъ кодексѣ не стоитъ ничего; напротивъ: тутъ примѣшаются двѣ претящія истинному «либералу» вещи, два «ретроградныхъ» начала: «національность» и «вѣроисповѣданіе». Еслибъ дѣло представлялось просто: крестьянинъ и крупный землевладѣлецъ, рабочій и капиталистъ,—тогда еще другое дѣло,—а то вѣдь здѣсь не только эксплуатируемый мужикъ и рабочій, но именно *Русскій* мужикъ и рабочій, и *христіанинъ* вдобавокъ,— хотя, конечно, противопоставленный капиталисту же и эксплуататору, но вѣдь *Еврею!* Выйдетъ, пожалуй, что «либералы» стоятъ за національное и вѣроисповѣдное *у насъ* начало, а это съ либеральнымъ кодексомъ несогласно. По этому кодексу Русскій долженъ быть *безличенъ* въ смыслѣ народности и въ вѣрѣ индифферентенъ или допускать ее лишь какъ «субъективное чувство»,—но право національной личности чуждыхъ, пришлыхъ насельниковъ, съ ихъ вѣроисповѣдною исключительностью, онъ признавать непремѣнно *обязанъ*, хотя бы и прямо себѣ во вредъ! И вотъ, «либералъ» становится въ данномъ случаѣ на сторону угнетателя, т. е. Еврея, и начинаетъ проповѣдывать въ газетахъ необходимость «разселенія Евреевъ по всѣмъ селамъ и весямъ Россіи» (такъ какъ имъ мало *двадцати пяти губерній*) и «полнѣйшей равноправности Евреевъ съ христіанами»,— другими словами: проповѣдывать необходимость разрѣшенія Евреямъ держать кабаки въ деревняхъ, расширенія арены и способовъ эксплуатаціи Русскаго населенія Евреями!..

Но какъ однако же быть съ назойливымъ вопросомъ, и не есть ли предлагаемое «Порядкомъ» и другими единомышленными съ нимъ газетами средство, т. е. разселеніе, вѣрнѣйшее средство для избавленія Южнаго Русскаго народа отъ разъѣдающей его теперь экономической язвы? Въ чемъ собственно неравноправность Еврейская, и не представляются ли Евреи въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже привилегированною у насъ частью населенія?.. Объ этомъ, какъ и вообще о судьбахъ этого по-истинѣ самаго замѣчательнаго въ человѣчествѣ и самаго неудобнаго для сожитія племени, поговоримъ въ слѣдующій разъ.

Іудаизмъ какъ всемірное явленіе.

Москва, 13-го іюня 1881 г.

Два міродержавныхъ племени въ исторіи человѣчества — Евреи и Эллины. Разумѣемъ міродержавство не въ смыслѣ политическаго или внѣшняго матеріальнаго преобладанія, а въ смыслѣ чисто духовномъ. Въ основѣ просвѣщенія, въ основѣ всей духовной и нравственной дѣятельности современнаго человѣчества лежитъ то, что выработано Палестиной и Элладой, маленькою Палестиною и маленькою Элладою, въ сравненіи съ которыми, по ихъ значенію для вселенной, такою мелкою и ничтожною представляется даже колоссальная Римская имперія,— не говоря уже объ иныхъ, предшествовавшихъ и послѣдовавшихъ, разныхъ формахъ и видахъ мірового владычества! Ибо эти историческія явленія были и *прешли*, а семитическая и эллинская идеи не преходящи, правятъ міромъ и поднесь, и призваны править вѣчно: человѣчество не мыслимо безъ нихъ ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ, хотя бы даже ихъ господство проявлялось, иногда, не съ положительной, а съ отрицательной стороны. Искусство, наука, формы мышленія и сознанія даны Эллинами, и это до такой степени, что еслибъ Греки нашего времени вздумали, по праву собственности, хотя бы въ шутку, потребовать себѣ назадъ, выдернуть изъ современныхъ Европейскихъ языковъ одни только Греческія слова,— просвѣщенный міръ не въ состояніи былъ бы выразить почти никакого отвлеченнаго понятія, и пришелъ бы въ величайшее затрудненіе... *Правда* — не внѣшняя, формальная, а абсолютная, вѣчная правда *нравственная*, какъ высшая истина и сила, какъ начало началъ, какъ Творецъ и Зиждитель міра, Добро и Любовь, однимъ словомъ всѣ нравственные идеалы, которыми живетъ и не можетъ уже не жить человѣчество, какъ скоро они ему однажды открылись,— отъ *Іудеевъ*. Не станемъ, впрочемъ, переступать въ «мистическую» область религіи,— удержимся на точкѣ зрѣнія чисто научной, аналитической. Каждый, будь онъ вѣрующій или невѣрующій, хотя бы самый строгій позитивистъ, долженъ признать тотъ историческій фактъ, что какимъ-то страннымъ образомъ заповѣди, данныя Семитомъ Моисеемъ своему безвѣстному племени, стали заповѣдями всего человѣчества; что Синай и Голгоѳа — эпизоды изъ національной исторіи Еврейскаго народа — получили значеніе вселенскихъ событій, а Еврейскія рѣчи, почти двѣ тысячи лѣтъ назадъ сказанныя, чуть не на вѣтеръ, бродящимъ учителемъ рыбакамъ-Евреямъ, — звучатъ и въ наши дни какъ глаголы жизни для всѣхъ, стоящихъ во главѣ человѣчества, народовъ, какъ міродержавствующіе глаголы. Исторія Еврейскаго племени,— жалкая, безславная, скудная внѣшними событіями исторія бѣднаго, малочисленнаго азіатскаго племени, нѣсколько разъ рабствовавшаго, отводимаго въ плѣнъ, совершенно ничтожнаго въ сравненіи съ какими-нибудь Финикійцами или же съ Ассирійцами, Мидійцами и прочими прославившимися племенами — основателями могучихъ и богатыхъ монархій древности,— эта исторія дѣлается достояніемъ всѣхъ чающихъ просвѣщенія племенъ, возводится на степень «священной», а лѣтописныя и религіозныя сказанія Евреевъ становятся книгою книгъ всего міра... Въ одномъ

изъ своихъ романовъ Дизраэли, впослѣдствіи лордъ Бэконсфильдъ, съ чувствомъ племенной гордости Семита, хвалится Христомъ, какъ Семитомъ—учителемъ вселенной, и христіанствомъ, какъ просвѣтительнымъ началомъ, даннымъ Семитами всему человѣчеству. Какъ ни противорѣчитъ чувство племенной гордости вселенскому духу Христова ученія, какъ ни узко такое племенное міросозерцаніе сравнительно съ широкою идеею христіанства, но можно только удивляться, что такъ мало Евреевъ становится даже на эту племенную, Семитическую точку зрѣнія! Впрочемъ, даже и свободный отъ племенной надменности Еврей, искренно и въ смиреніи пріемлющій христіанство, не можетъ не чувствовать себя въ немъ какъ бы, въ нѣкоторомъ смыслѣ, *домочадцемъ*, какъ бы возвращающимся подъ *отчій* кровъ, подобно блудному сыну Евангелія...

Хотя внѣшнія судьбу Евреевъ до событія на Голгоѳѣ не заключають въ себѣ, повидимому, ничего замѣчательнаго, ничего оправдывающаго ихъ будущее значеніе въ человѣчествѣ, однако же историкъ, даже невѣрующій, долженъ признать, что существенное содержаніе исторіи этого племени дается исключительно *вѣрою* въ высшее невидимое Существо, или въ Бога, и *дѣятельностью вѣрующаго духа*, въ ея послѣдовательномъ развитіи,—вѣнцомъ, послѣднимъ выраженіемъ котораго явился Христосъ. Всемірно-историческое, никѣмъ, конечно, не оспариваемое значеніе Христа оправдываетъ такимъ образомъ названіе «избраннаго племени», которое такъ упорно присвоивали себѣ Евреи въ теченіе десятковъ вѣковъ отъ Авраама до Христа, несмотря на внѣшнее безславіе и ничтожность своего политическаго бытія. Историкъ усмотритъ, что подъ оболочкой племенной исключительности, какъ подъ скорлупою яйца, слагалась и созрѣвала идея *всечеловѣчества*, братства, всеобщаго равенства и свободы, которая наконецъ нашла себѣ воплощеніе во Іисусѣ Христѣ, Іудеѣ по происхожденію,—имъ и его учениками-Іудеями внесена была въ міръ. (Излишне было бы говорить, что эта «идея» всѣми своими корнями коренится въ «идеѣ о Богѣ», и всю жизненность свою получаетъ изъ вѣры въ Бога, изъ любви къ Нему, изъ стремленія человѣка уподобиться Богу въ нравственномъ совершенствѣ, въ чемъ и заключается весь смыслъ того движенія въ исторіи человѣчества, которое называется «прогрессомъ»).

«Законъ» Евреевъ исполнился; призваніе «избраннаго племени» было совершено; дѣятельность вѣрующаго духа, сбросивъ съ себя на Голгоѳѣ узы племенной Еврейской исключительности, воспарила надъ міромъ свободною, вселенскою истиною, достояніемъ и спасеніемъ не одного Израиля, но всего человѣчества. Отнынѣ нѣсть Іудей и Эллинъ, но всѣ равны, всѣ братія о Христѣ. Евреямъ, какъ племени, предстояло двинуться тѣмъ путемъ, который указанъ имъ Евреями же Апостолами, изъ Савловъ стать Павлами, т. е. всемірными учителями и гражданами о Христѣ. Но Евреи остались по ту сторону Голгоѳы и отреклись отъ Христа, мечтая, въ племенной гордости, удержать чаемое ими исполненіе обѣтованія Божьяго — исключительно за собою, въ свою спеціальную пользу, и въ качествѣ «избраннаго племени» получить внѣшнее всемірное владычество.

Тотъ же историкъ долженъ засвидѣтельствовать о поразительной судьбѣ, постигшей вслѣдъ затѣмъ несчастный, не познавшій своего историческаго призванія Израиль. Это удивительное, такъ богато-одаренное племя, оче-

видно, создано было не для какого-нибудь великаго *политическаго* жребія, ибо въ этомъ отношеніи (какъ уже сказано выше) оно является совершенно обдѣленнымъ и никогда не имѣло необходимыхъ для сего внѣшнихъ аттрибутовъ и качествъ. Оно и сошло съ политической арены исторіи, какъ скоро, въ предѣлахъ своей племенной территоріи, совершило свое всемірное призваніе въ лицѣ Іисуса. Но не познавъ, что призваніе уже совершено, утративъ и политическую форму бытія, и родную землю, оно тѣмъ не менѣе и на чужой землѣ продолжаетъ хранить въ себѣ свою древнюю племенную исключительность, хотя и подъ клеймомъ космополитизма. Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, представляются теперь Евреи? Племенемъ, разсѣяннымъ по всему міру, лишеннымъ національной территоріи, національнаго языка, письменъ, одежды, и тѣмъ не менѣе племенемъ тѣсно сплоченнымъ не только физіологическимъ родствомъ, но главное—родствомъ или, вѣрнѣе, единствомъ духа, единствомъ вѣры и чаяній. Древній Еврейскій языкъ, языкъ Библіи, знакомъ только ученымъ; сами же Евреи говорятъ, даже между собою, болѣе или менѣе исковерканнымъ языкомъ тѣхъ странъ, гдѣ живутъ (только въ Россіи и Польшѣ Евреи употребляютъ между собою отвратительное нѣмецкое нарѣчіе и одѣваются въ костюмъ, вовсе не древній національный, а какой-то средневѣковой—нѣмецкій).

Вся «національность» Евреевъ—въ *религіи*, и другой основы для этой національности и нѣтъ, исключая, конечно, физіологической. Но даже и въ сферѣ религіи — ихъ священныя книги *общія* съ христіанами, т. е. весь такъ-называемый Ветхій Завѣтъ. Ихъ отличіе отъ христіанъ въ томъ, что вслѣдъ за Ветхимъ Завѣтомъ у христіанъ Христосъ и Евангеліе, а у Евреевъ отрицаніе Христа (т. е. конечнаго развитія Семитической идеи, выразившейся въ Ветхомъ Завѣтѣ) и, какъ плодъ этого отрицанія, — Талмудъ или собраніе толкованій на Ветхій Завѣтъ и правилъ, какъ для частной жизни, такъ и для общежитія съ Христіанами (правилъ—Христіанамъ безусловно враждебныхъ). Выраженіе, такъ часто теперь образованными Евреями употребляемое: «Еврейская національность», оказывается, такимъ образомъ, совершенно неправильнымъ, ибо никакихъ другихъ принадлежностей національности, кромѣ религіи и породы, Евреи и не имѣютъ; или же эти «образованные» Евреи должны прямо и откровенно признать, что подъ словомъ «Еврейская національность» разумѣется ни что иное, какъ *вѣроисповѣдное отличіе Евреевъ*. Но даже и при этомъ выраженіе, напр. «Русскіе Моисеева закона», выходитъ неточнымъ. Русскими Моисеева закона могутъ быть названы Караимы, но Евреи, исповѣдующіе Моисеевъ законъ въ талмудическомъ толкованіи, которое совершенно противно чистому мозаизму, могутъ развѣ наименовать себя «Русскими *талмудистами*», но иначе.

Такимъ образомъ предъ глазами историка: съ одной стороны христіанскій міръ, представляющій живое, историческимъ процессомъ совершаемое воплощеніе Семитической идеи, достигшей на Голгоѳѣ своего «кульминаціоннаго пункта»—своего полнаго освобожденія отъ Семитической племенной исключительности, и получившей вселенское, общечеловѣческое, міродержавное значеніе. Съ другой—Еврейское племя, живущее въ этомъ христіанскомъ мірѣ и не знающее другой для себя племенной основы, кромѣ той же Семитической идеи, но сохранившей печать племенной исключи-

тельности и отрицающей свое высшее проявленіе на Голгоѳѣ (слѣдовательно себя самое отрицающей): племя, которое весь raison d'être, всю причину своего бытія, полагаетъ не въ «національномъ» какомъ-либо отличіи отъ прочихъ Европейскихъ племенъ, ибо таковаго собственно и не имѣетъ, а единственно въ *вѣроисповѣдномъ*, т. е. въ *отрицаніи существенныхъ духовныхъ, историческихъ основъ современнаго христіанскаго общества и христіанской цивилизаціи.* Можетъ быть «цивилизованные», интеллигентные Евреи вздумаютъ громко протестовать противъ такого положенія... Но пусть въ такомъ случаѣ они торжественно отрекутся хоть отъ Талмуда: для чего же тогда и дорожить Талмудомъ, если «культура», «цивилизація» и «прогрессъ» для нихъ выше всего? Въ противномъ случаѣ ихъ протестъ только одно лицемѣріе.

Но это «вѣроисповѣдное отличіе» не ограничивается однимъ отрицаніемъ Христа и его ученія. Историческимъ призваніемъ Еврейскаго племени было — раствориться въ человѣчествѣ чрезъ христіанство, выработавъ племеннымъ духовнымъ процессомъ міродержавную идею вселенско-человѣческаго содержанія. При исказившемся духовномъ сознаніи Евреевъ, побудившемъ ихъ отречься отъ собственной Семитической идеи въ ея послѣднемъ выраженіи, внутренній запросъ на *міродержавство* сохранился, однако, въ нихъ и понынѣ онъ состоитъ въ неразрывной связи съ ихъ религіозною племенною основою, съ признаніемъ Евреями себя, какъ издревле, «родомъ избраннымъ». Вотъ содержаніе «національной» особенности Евреевъ, гдѣ бы они ни обитали! Такъ какъ Семитическая идея заквашена отнынѣ на началѣ *отрицанія*, то вселенское міродержавство Евреевъ (*которое несомнѣнно уже слагается*) выражается и не можетъ иначе выразиться, какъ въ постепенномъ духовномъ подтачиваніи основъ существующаго христіанскаго міра и во внѣшнемъ, матеріальномъ надъ нимъ преобладаніи посредствомъ самой грѣховной, самой безнравственной изъ силъ — силы *денегъ*, — иначе въ *эксплуатаціи*. Ассимилируя себѣ Евреевъ безъ искренняго отреченія послѣднихъ отъ ихъ религіознаго отличія, христіанское человѣчество только *вгоняетъ въ себя внутрь ядъ отрицанія*. Признавать вообще за Евреями, *пока они Евреи*, и какъ таковые принадлежать къ общей Еврейской семьѣ, разсѣянной по лицу всего міра, способность къ искреннему мѣстному патріотизму соотвѣтственно той мѣстности, гдѣ Еврею приходится жить, — это значитъ вдаваться въ добровольное самообольщеніе. Все, чего можно отъ нихъ требовать, — это соблюденія долга вѣрности, и мы не отрицаемъ, что такіе случаи бывали; но Еврейство вообще уподобляется фамиліи Ротшильдовъ, изъ коихъ одинъ братъ взялъ да пошелъ въ Англійскіе патріоты, другой братъ во Французскіе, третій въ Австрійскіе, и т. д. Однимъ словомъ, распредѣлили, каждый себѣ, по мѣстному патріотизму. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ ожидать, чтобы Русскіе Евреи, въ качествѣ «Русскихъ патріотовъ», въ случаѣ столкновенія нашего, напр., съ Австріей, стали врагами Евреевъ — патріотовъ Австрійскихъ!

Повторяемъ: «Евреи въ наше время *племя космополитическое*. Повидимому, здѣсь есть противорѣчіе, contradictio in adjecto, сочетаніе двухъ, взаимно себя исключающихъ понятій. Но въ томъ-то и дѣло, что они, отказываясь отъ всѣхъ своихъ внѣшнихъ племенныхъ отличій въ пользу

тѣхъ національностей, среди которыхъ живутъ, ради удобной съ ними ассимиляціи, сохраняютъ притомъ самое существенное племенное свое основаніе, именно религіозное, со всей его исключительностію, и зиждутъ на немъ свою всеобщую солидарность, какъ сѣтью оплетая собою весь міръ. Іудаизмъ, въ наши дни, является не только матеріальнымъ могуществомъ, но и духовнымъ, входя постепенно во всѣ духовные и нравственные изгибы, христіанскаго бытія. Онъ господствуетъ не только на биржѣ, но и въ журналистикѣ—какъ напр. въ Австріи,—онъ проникаетъ, особенно въ Германіи, и въ сферу искусства, и въ сферу литературы, и въ сферу науки, и въ область соціальнаго внутренняго процесса Европейскихъ обществъ, вездѣ и всюду внося свой духъ отрицанія. Антисемитическое движеніе, антисемитическій союзъ, возникшій недавно въ Германіи, въ странѣ, стоящей во главѣ Европейской культуры, —это не есть исчадіе религіозной нетерпимости, продуктъ грубаго невѣжества, ретроградства и т. д., какъ думаютъ наши наивные «либералы». Это есть признакъ времени, свидѣтельствующій о пробужденіи общественнаго сознанія,—пробужденіи, можетъ быть, слишкомъ позднемъ. Во всякомъ случаѣ, Западно-Европейскому христіанскому міру предстоитъ въ будущемъ, въ той или другой формѣ, борьба на жизнь и смерть съ Іудаизмомъ, стремящимся замѣнить міродержавную христіанскую идею тою Семитическою же идеею, также *міродержавною*, но отрицательною, но антихристіанскою. Здѣсь кстати будетъ привести слѣдующія строки изъ письма Юрія Ѳедоровича Самарина, посланнаго имъ изъ Берлина отъ 21 февраля 1876 г. (слѣдовательно меньше тѣмъ за мѣсяцъ до кончины) къ одному изъ своихъ Петербургскихъ друзей. Письмо было писано по-Французски, но нѣкоторыя мѣста по-Нѣмецки, такъ какъ, по случаю пребыванія въ Германіи и частыхъ бесѣдъ съ Нѣмцами, ему приходилось не однажды выражать свою мысль на этомъ языкѣ. Заимствуемъ выписываемыя строки изъ Православнаго Обозрѣнія 1877 г., гдѣ онѣ приведены въ переводѣ, въ предисловіи къ двумъ небольшимъ посмертнымъ статьямъ Самарина, по поводу сочиненій Макса Мюллера:

«Въ этотъ разъ, благодаря нѣкоторымъ новымъ сношеніямъ, которыя я завелъ въ обществѣ ученыхъ и второстепенныхъ должностныхъ лицъ, мнѣ желалось ближе взглянуть на Берлинъ... Что мнѣ удалось здѣсь подмѣтить—плачевно. Непроницаемыя наслоенія формаціи исторической гнетутъ умы и подавляютъ совѣсти. Нѣтъ возможности расчистить ихъ сверху, начиная снаружи; только великое движеніе снизу, только вулканическое изверженіе могло бы прорвать и изорвать ихъ. Не въ этомъ ли заключается предустановленное Провидѣніемъ призваніе такъ-называемаго, хотя неправильно, современнаго соціализма? Ничто такъ не доказываетъ оскудѣнія нравственной жизни и съуженія умственныхъ интересовъ, какъ эти двѣ сложившіяся партіи, внѣ которыхъ и нѣтъ ничего. На нихъ наталкиваешься всюду: въ парламентскихъ рѣчахъ, въ проповѣдяхъ, въ новыхъ комментаріяхъ на Библію, въ медицинскихъ журналахъ и въ курсахъ астрономіи...

Охарактеризовавъ сначала узкость и ограниченность умственнаго кругозора партіи, называющей себя консервативною, Самаринъ продолжаетъ:

«Что касается партіи противоположной, партіи воинствующей культуры, то она *Еврейская*, —этимъ все сказано. Вы, конечно, знаете, что

въ наше время уже почти нѣтъ Берлина, а есть новый *Iерусалимъ*, говорящій по-Нѣмецки. Когда рѣчь идетъ объ іудаизмѣ, который владычествуетъ въ обѣихъ камерахъ, который Бисмарку приходится терпѣть, хотя съ виду онъ какъ будто и пользуется имъ, который направляетъ преподаваніе въ университетахъ и гимназіяхъ, замѣняетъ у женщинъ руководителей совѣсти XVII и XVIII вѣка, царствуетъ на биржѣ, подкупаетъ и вдохновляетъ бо̀льшую часть журналовъ — само собою разумѣется дѣло здѣсь не въ Ветхомъ Завѣтѣ и не въ національности, возведенной на степень избраннаго племени. Это нѣчто неосязаемое и неуловимое въ цѣломъ, это экстрактъ изъ всѣхъ элементовъ, въ основѣ своей *враждебныхъ* нравственному и соціальному порядку, сложившемуся на христіанскихъ началахъ. Элементы эти встрѣчаются всюду, но для того, чтобы отгадать ихъ присутствіе, извлечь ихъ изъ грязи и выучить ихъ не краснѣть отъ стыда; чтобы сгруппировать ихъ въ доктрину и сложить въ политическую партію, необходимо было чутье, безошибочность инстинкта и абсолютная безоглядочность въ логикѣ отрицанія, которыми обладали только Евреи. Для этого требовалось весьма древнее (uralte) преданіе, просвѣщеніе вполнѣ *внѣхристіанское* и *внѣхристіанская* же исторія цѣлаго племени. Въ политикѣ это — обожаніе успѣха и поклоненіе золотому тельцу: въ философіи — матерія, развивающаяся до полнаго самосознанія по законамъ физической, механической, химической и физіологической *необходимости;* въ области соціальной — передѣлка всѣхъ исторически сложившихся учрежденій съ признаніемъ только одного регулятора — манчестерства, т.-е. увеличенія *производительности*, какъ высшей цѣли самой по себѣ; въ области семейной — личное хотѣніе, какъ единственная основа всѣхъ отношеній; наконецъ, въ дѣлѣ воспитанія — развитіе и направленіе инстинктовъ (опознаніе, развитіе влеченій (Triebe) и обузданіе вредныхъ другими влеченіями и возбужденіями). Вотъ до чего здѣсь дошло, развѣ я уже совершенно ошибаюсь. Въ Германіи я вижу самую бо̀льшую опасность, угрожающую будущности моего отечества: тѣмъ не менѣе я не могу безъ глубокой скорби смотрѣть на это органическое разложеніе, совершающееся подъ внѣшнимъ видомъ политическаго могущества, достигшаго своего апогея*).

---

*) Quant au parti opposé, celui de la kämpfende Cultur, il est Juif — c'est tout dire. Vous n'ignorez pas que par le temps qui court, il n'y a presque plus de Berlin, il y a une Jérusalem nouvelle qui parle l'allemand. Quand il est question du Judaisme qui trône dans les deux chambres, que Bismark subit tout en ayant l'air de s'en servir, qui dirige l'enseignement dans les universités et les gymnases, qui auprès des femmes a pris la place des directeurs de conscience du XVII et XVIII siècle, qui règne à la bourse et paye et inspire la grande majorité des journaux, il ne s'agit bien entendu ni de l'Ancien Testament, ni d'une nationalité élevée à la hauteur d'une race élue. C'est quelque chose d'impalpable et d'insaisissable dans son ensemble, c'est l'extrait de tous les éléments foncièrement hostiles à un ordre moral et social chrétiennement constitué. Ces éléments, on les trouve partout, mais pour deviner leur présence, pour les extraire de la boue, leur faire voir le jour, leur apprendre à ne pas rougir, pour les grouper en corps de doctrine et les constituer en parti politique, il fallait le flair, l'infaillibilité d'instinct und diese absolute Rucksichtslosigkeit in der Logik der Negation, die die Juden allein besassen. Dazu gehörte eine uralte Tradition, eine durchaus *ausserchristliche* Bildung und *ausserchristliche* Geschichte eines ganzen Stammes. En politique, c'est l'adoration du succès et le culte du veau d'or; en philosophie, c'est la matière, die sich nach den Gesetzen einer physischen, mechanischen, chemischen und physiologischen *Nothwendigkeit* zum vollen Selbstbewusstsein ausbildet; en matière sociale,

Если отъ этого общаго воззрѣнія на іудаизмъ, какъ на міровое явленіе, перейти въ частности къ положенію Еврейскаго вопроса въ Россіи, то необходимо признать, что онъ самою исторіею поставленъ, пока, у насъ гораздо грубѣе и проще, чѣмъ въ остальной Европѣ. Поэтому и не усматривается никакого основанія ни усложнять его, ни облегчать и ускорять развитіе въ Россіи іудаизма до степени той опасности, которая уже грозитъ Германіи. Разумѣется, Евреи, обитающіе въ Россіи, должны пользоваться покровительствомъ Русскихъ законовъ, ограждающихъ права личности и имущества, наравнѣ со всѣми подданными Русской Имперіи: это внѣ всякаго сомнѣнія. Но затѣмъ, если спросить *по совѣсти* самаго отъявленнаго у насъ «іудофила», ратующаго въ настоящее время за Евреевъ: желалъ ли бы онъ прироста Еврейскаго населенія въ Россіи или въ той мѣстности, гдѣ онъ самъ живетъ? ощущаетъ ли вредъ около себя отъ отсутствія или малочисленности Еврейскаго элемента и воздыхаетъ ли по Евреяхъ?— то отвѣтъ будетъ, конечно, совершенно отрицательный, хотя бы и съ оговоркой, что «такъ какъ въ Россіи Евреи уже имѣются, и въ немаломъ количествѣ, то было бы несправедливо и негуманно лишать ихъ равноправности» и т. д. Едва ли у него повернется языкъ сказать, что Евреи элементъ—не то что «необходимый» (этого не вымолвитъ никто), но даже «полезный». Споръ такимъ образомъ можетъ идти лишь о большей или меньшей степени производимаго Евреями вреда. Всѣ разсужденія нашихъ якобы либеральныхъ газетъ сводятся лишь къ одной цѣли: доказать, что вредъ, чинимый Евреями, происходитъ отъ ихъ скученности и неравноправности, и что онъ значительно умалится, будучи распредѣленъ по всему пространству Русскаго Государства. Оставляя предлагаемую форму разрѣшенія вопроса пока въ сторонѣ, мы вполнѣ готовы согласиться съ общею его постановкою, и формулируемъ ее такъ: «лучше было бы для нашего отечества, еслибъ Евреевъ въ немъ вовсе не было,— но разъ они тутъ, и уже не одинъ вѣкъ, унаслѣдованные нами отъ Польши, то задача состоитъ въ томъ — какъ бы устроить такой порядокъ вещей, такого рода съ ними modus vivendi, при которомъ коренному Русскому населенію, т. е. самому хозяину края, было бы наименѣе стѣсненія и вреда отъ сихъ непрошенныхъ гостей, да и относительно самихъ Евреевъ были бы соблюдены требованія человѣколюбія». Требованія же эти, конечно, не въ томъ заключаются, чтобы приносить Русское населеніе въ жертву Еврейской эксплуатаціи, въ угоду отвлеченно-либеральной доктринѣ. Для правильнаго рѣшенія этого вопроса необходимы были бы, разумѣется, тщательныя мѣстныя статистическія и экономическія изслѣдованія, а также мнѣнія мѣстныхъ земствъ. Тѣмъ не менѣе мы считаемъ не лишнимъ высказать и нѣкоторыя свои соображенія, отлагая ихъ до одного изъ слѣдующихъ №№.

---

c'est l'ensemble de toutes les institutions historiques à refaire, en ne reconnaissant pour regulateur que le Manchesterthum oder die Steigerung der Productivität, als höchster Zweck an und für sich; dans le domaine de la famille, c'est le bon vouloir individuel comme base unique de tous les rapports, enfin en matière d'éducation c'est le développement et la direction des instincts (Erkenntniss, Ausbildung der Triebe und Bekämpfung der schädlichen durch andere *Triebe* und *Reize*). Voilà où on en est, à moins que je ne me trompe totalement. L'Allemagne est le plus grand danger qui menace l'avenir de mon pays, et pourtant je ne saurais contempler cette dissolution organique, qui s'accomplit sous les dehors d'une puissance politique arrivée à son apogée, sans une profonde douleur.

Желательно ли разселеніе Евреевъ по всей Россіи?

Москва, 20-го іюня 1881 г.

Считаемъ нелишнимъ возвратиться и еще разъ къ вопросу объ Евреяхъ въ Россіи, такъ какъ онъ силою самыхъ событій поставленъ на очереди, и если успѣлъ уже *«наскучить»* нашей столичной публикѣ, привыкшей къ безпрерывной постановкѣ и смѣнѣ «вопросовъ» въ ежедневной печати (такъ что голова Русскаго газетнаго читателя начиняется исключительно «вопросами», даже безъ всякаго на нихъ отвѣта), — то для десятковъ милліоновъ Русскаго населенія онъ пребываетъ истинною злобою дня, способною измучить, но не наскучить, и настойчиво требуетъ практическаго разрѣшенія. — Защитники Еврейскихъ интересовъ совершенно перемѣнили свою тактику и признали болѣе «цѣлесообразнымъ» не отрицать факта Еврейской эксплуатаціи, ибо такое отрицаніе, по своей очевидной лживости, оказывается позиціею слишкомъ невыгодною. Теперь, наоборотъ, самая эта эксплуатація и весь вредъ, чинимый Евреями, служатъ Евреямъ же и ихъ защитникамъ поводомъ къ громкому требованію — расширенія правъ. Прежде всего причиною зла выставляется *скученность* Евреевъ въ границахъ ихъ осѣдлости, опредѣленныхъ закономъ, и доказывается необходимость уничтожить эти границы, дозволивъ разселеніе Евреевъ по всей Россіи. Какая же скученность? Можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ Евреямъ отведено для житья пространство непомѣрно тѣсное? Посмотримъ. Всѣхъ Евреевъ, включая и губерніи Привислинскаго края или Царства Польскаго, *оффиціально* числится 2.791,510. Черта осѣдлости, имъ дозволенной, включаетъ *двадцать* шесть губерній, именно, кромѣ десяти губерній Царства Польскаго, губерніи: Бессарабскую, Виленскую, Витебскую, Волынскую, Гродненскую, Екатеринославскую, Кіевскую, Ковенскую, Курляндскую, Минскую, Могилевскую, Подольскую, Полтавскую, Таврическую, Херсонскую, Черниговскую. Эти 26 губерній представляютъ пространство 819,862 квадратныхъ версты или 17,529 квадратныхъ миль и числятъ въ себѣ жителей около 29 милліоновъ: пространство, превосходящее не только Францію (9,608 квадратн. миль), но и всю Германію (9,818 кв. миль), и всю Австро-Венгрію (самое обширное изъ Западно-Европейскихъ государствъ: 11,306 кв. м.). Однимъ словомъ, пространство, какъ видятъ читатели, не малое, а потому и жалобы на тѣсноту площади, отведенной для жительства, лишены не только основанія, но и смысла. Необходимо также вспомнить, что значительная часть Евреевъ въ званіи купцовъ, ремесленниковъ, техниковъ, обучающихся въ государственныхъ учебныхъ учрежденіяхъ или уже обучившихся и потому пользующихся всѣми правами, пріобрѣтаемыми дипломомъ, разсѣяна по *всей* Россіи, внѣ указанной черты осѣдлости. Если не ошибаемся, то въ одной Москвѣ ихъ уже насчитывается до 20 т.

Конечно, Евреи *скучены*, но не относительно пространства, отведеннаго имъ для жительства, и не по винѣ Русскаго законодательства, а по собственной винѣ и произволенію сами они тѣснятся и ютятся именно тамъ, гдѣ населеніе представляетъ наилучшій матеріалъ для эксплуатаціи и по бытовымъ условіямъ, и по нравственнымъ своимъ качествамъ. Если бы даже

и дозволено было безпрепятственное разселеніе Евреевъ по всей Русской Имперіи, то Малороссіи и Бѣлоруссіи было бы отъ того не легче. Они добровольно *не уйдутъ оттуда*. Малороссія и Бѣлоруссія ни на волосъ не было бы легче, — но, въ придатокъ къ этимъ двумъ областямъ, было бы тяжко и Великорусскому населенію, — съ тою только вѣроятною разницею, что послѣднее менѣе долготерпѣливо и потому съ «правовымъ порядкомъ» во образѣ Еврейскаго гнета скорѣе и чаще бы стало чинить самовольную расправу, а такая перспектива едва ли желательна. И теперь достойно замѣчанія, что собственно въ Бѣлоруссіи, да и вообще въ Сѣверо-Западномъ краѣ, возстанія противъ Евреевъ не было вовсе, — но уже, конечно, не потому, что народъ тамъ былъ бы менѣе Евреями угнетенъ, или — подъ воздѣйствіемъ Польской цивилизаціи — былъ бы строже воспитанъ «въ чувствѣ легальности» (!), а потому, что благодаря именно вѣковымъ притѣсненіямъ Польскаго панства и его прислужниковъ Евреевъ, народъ тамъ, по природѣ смирный и кроткій, слишкомъ забитъ, слишкомъ подавленъ духомъ. Если онъ еще не совсѣмъ обратился въ *быдло*, какъ разумѣетъ и чествуетъ его шляхетское Польское племя, такъ потому отчасти, что онъ нѣсколько *ожилъ* въ ненавистную нашимъ лжелибераламъ эпоху Муравьева и Кауфмана и, несмотря на послѣдовавшія за нею пятнадцать слишкомъ лѣтъ непріязненнаго Русской національности управленія этимъ исконно-Русскимъ краемъ, еще не совсѣмъ потерялъ надежду на лучшее будущее.

Русское племя, населяющее Малороссію и Бѣлоруссію — вообще земледѣльческое, а не промышленное и торговое. Еще въ древнія времена «Новгородци, плотници суще», спускались къ Полянамъ „рубить имъ городы»; еще и въ наше время — Великоруссы толпами отправляются въ Малороссію и на Югъ для промысловъ и торговли. Нашествіе разныхъ кочующихъ Азіатскихъ ордъ, начиная съ Половцовъ, Черныхъ Клобуковъ и т. д., погромъ Татарскій, а потомъ, послѣ разныхъ превратностей, распространеніе Польскаго владычества на всю такъ-называемую Бѣлоруссію и Украйну обѣихъ сторонъ Днѣпра, сотворили для края ту бѣдственную судьбу, отъ которой онъ не можетъ оправиться и понынѣ. Можетъ быть современемъ и образовалось бы въ немъ городское населеніе, при участіи Великорусскаго племени, возникла бы промышленность, разцвѣла бы торговля, но Польскіе короли, еще нѣсколько вѣковъ тому назадъ, призвали Евреевъ, и съ тѣхъ поръ мѣсто городского класса, — средняго между земледѣльцемъ и шляхтичемъ, какъ извѣстно торговлею не занимавшимся, — занято было Евреями. Въ Малороссіи въ то же время сложилось казачество, и затѣмъ, вплоть до присоединенія къ Россіи, вся ея исторія заключается въ отчаянной борьбѣ казаковъ, чтобъ отстоять независимость своего края и свою народность и вѣру отъ Азіатскаго, отъ Польскаго и католическаго порабощенія. Всѣ пѣсни казацкой эпохи, до сихъ поръ живущія въ народѣ, воспѣваютъ по преимуществу подвиги казацкой расправы съ Жидами и Ляхами, которые отдавали Жидамъ на откупъ православныя церкви. Эти преданія воспитали въ Малорусскомъ народѣ иной духъ, чѣмъ въ Бѣлоруссіи, гдѣ казачества не было, и этимъ объясняется, почему во время послѣдняго возстанія Поляковъ въ Юго-Западномъ краѣ Русское населеніе въ три дня покончило съ мятежомъ, само, безъ содѣйствія власти, даже къ нѣкоторому ея сюрпризу, перевязавъ Польскихъ пановъ и представивъ

ихъ по начальству. Этимъ же слѣдуетъ объяснить, почему наконецъ оно, помянувъ дни древніе, когда Запорожцы выговаривали себѣ отъ Поляковъ условіе, что «они въ Жидахъ вольны», попыталось недавно стряхнуть съ себя ненавистное «Жидовское» иго. Шинкарь, корчмарь, арендаторъ, подрядчикъ, — вездѣ, всюду крестьянинъ встрѣчаетъ Еврея: ни купить, ни продать, ни нанять, ни наняться, ни достать денегъ, ничего не можетъ онъ сдѣлать безъ посредства «Жидовъ», — «Жидовъ», знающихъ свою власть и силу, поддерживаемыхъ цѣлымъ кагаломъ (ибо всѣ Евреи тѣсно стоятъ другъ за друга и подчиняются между собою строгой дисциплинѣ), и потому дерзкихъ и нахальныхъ. «*Это наша кровь*!» съ горечью восклицали крестьяне, совершая недавно разгромъ попадавшагося имъ Еврейскаго имущества (бо́льшая, цѣнная часть котораго была Евреями припрятана). — «Это кровь наша» — и сколько правды, святой, исторической правды въ этомъ кликѣ: вѣка мученій слышатся въ немъ, и надо быть дивно устроену головой и сердцемъ, чтобъ не содрогнуться душой отъ этого вопля скорби и боли!.. А въ Бѣлоруссіи даже и вопля не раздается! слышится лишь ни Польскимъ панамъ, ни начальствамъ невнятный глухой стонъ почти совсѣмъ задавленнаго народа.

Еврейство въ предѣлахъ Русской Имперіи, это — наслѣдіе наше отъ Польши, это — Польскій «правовой порядокъ», однозначащій съ безправностью крестьянскаго населенія—презрѣннаго *хлопа.* Съ присоединеніемъ Новороссійскаго края граница Еврейской осѣдлости расширялась, но Еврейское населеніе ни въ Малороссіи, ни въ возвращенной нами отъ Польши Заднѣпровской Украйнѣ и въ Бѣлоруссіи ни на одинъ процентъ не убавилось. Трудно понять, въ силу какихъ филантропическихъ, политическихъ, административныхъ или экономическихъ соображеній можно предъявлять требованіе объ уничтоженіи черты Еврейской осѣдлости. Нельзя же, повинуясь требованіямъ отвлеченной, якобы *либеральной* доктрины, совершать надъ своимъ роднымъ народомъ эксперименты не только не либеральнаго, но положительно опаснаго для его свободы свойства. *Либерализмъ* относительно Евреевъ —*кабала* для Русскаго населенія; образъ дѣйствій, согласный будто бы съ указаніями «современнаго *прогресса*», другими словами—снятіе плотины, задерживающей напоръ на остальную Россію Еврейскаго потока, въ сущности послужилъ бы только къ *регрессу* Русскаго народа, ибо остановилъ бы его самобытное экономическое развитіе. Система протекціонизма, прилагаемая къ торговой и промышленной политикѣ государствъ, должна быть соблюдена и по отношенію къ Евреямъ. Наши новѣйшіе либералы, подъ вліяніемъ соціалистическаго ученія, сами съ презрѣніемъ относятся къ прежней либеральной теоріи о свободной конкурренціи и къ либеральному лозунгу: laissez faire, laissez aller. Они проповѣдуютъ теперь не только право, но и обязанность государства регулировать, даже до мелочей, отправленія общественной жизни и весь бытовой экономическій строй въ духѣ покровительства рабочимъ народнымъ массамъ, и т. д. Если такъ, то почему же, какъ скоро дѣло касается Евреевъ, вся «либеральная» программа ограничивается словами: нужно противопоставить Еврейской эксплуатаціи — «подъемъ народнаго благосостоянія», «подъемъ народнаго просвѣщенія», «доставленіе народу дешеваго мелкаго кредита, воспитаніе народа въ духѣ законности, установленіе *правового*

порядка»,—и все это одновременно съ предоставленіемъ Евреямъ полной равноправности и повсемѣстнаго разселенія?! Вмѣстѣ съ тѣмъ указывается на примѣръ Франціи и Англіи, гдѣ Евреи не пересилили мѣстнаго населенія, а сами-де, болѣе или менѣе, ему подчиняются.

Но послѣднее указаніе ничего не объясняетъ и не доказываетъ. Здѣсь прежде всего возраженіе самое простое, но тѣмъ не менѣе неотразимое: въ Россіи Евреямъ приходится имѣть дѣло съ Малороссами и Бѣлоруссами, а не съ Англичанами и Французами, — слѣдовательно и считаться слѣдуетъ съ дѣйствительными, реальными, а не воображаемыми данными. Рѣшать вопросъ такимъ образомъ, чтобы Малоросса и Бѣлорусса въ Кіевской и Виленской губерніи представить себѣ въ роли Англичанина въ Англіи или Француза во Франціи, т. е. людей иного племени, иного историческаго воспитанія, было бы по меньшей мѣрѣ безсмысленно. Кому же не вѣдомо значеніе *городского* населенія, *городскихъ общинъ* въ исторіи Европейскаго Запада,—значеніе, которымъ до сихъ поръ обусловливается политическое бытіе современныхъ Европейскихъ государствъ, но котораго и слѣдовъ нѣтъ въ исторіи Россіи и вообще Славянскихъ политическихъ организмовъ. Евреи,—классъ по преимуществу городской, т. е. промышленный и торговый, а не земледѣльческій, стало быть не сельскій,—встрѣтились на Западѣ именно съ твердой городскою организаціей, которая словно крѣпость была защищена цеховыми и иными корпоративными учрежденіями. Къ той порѣ, когда для Евреевъ на Западѣ пали тѣ узы и стѣсненія, которымъ Евреи были тамъ подвергнуты въ такой мѣрѣ, въ какой никогда не были подвергнуты на Русской окраинѣ, Западно-Европейскому населенію можно было уже и не опасаться экономическаго гнета Евреевъ. (Не надо забывать однако, что Германія начинаетъ уже снова ощущать этотъ гнетъ, и что въ ней созрѣваютъ элементы для борьбы съ Еврействомъ въ какой-то новой, еще не опредѣлившейся формѣ). Въ Малороссіи же и Бѣлоруссіи, вмѣсто крѣпкихъ городскихъ общинъ, Еврей нашелъ только безпутное Польское панство, жившее на счетъ угнетеннаго, закрѣпощеннаго имъ сельскаго населенія, и казачество, которому некогда было что-либо созидать, а въ пору было только отстаивать независимость своего края непрерывной войною съ его врагами. Приходится только дивиться живучести Русскаго народа, съумѣвшаго перемочь всѣ претерпѣнныя имъ невзгоды. «Подъемъ благосостоянія»! Конечно, этотъ рекомендуемый антидотъ противъ Еврейскаго яда весьма полезенъ, но вѣдь онъ можетъ быть продуктомъ только долголѣтнихъ благопріятныхъ условій, изъ которыхъ первое заключается въ устраненіи помѣхи, представляемой народному экономическому и нравственному развитію именно Евреями. Именно для того, чтобы поднять сельскій людъ на ноги и воспитать въ немъ духъ самодѣятельности, правительство обязано, какъ искусный педагогъ, отдалить отъ него тѣ орудія посредничества, которыя въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ отучили его отъ умѣнья пользоваться собственными силами, ходить такъсказать своими, а не чужими ногами. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы, какимъ-нибудь чудомъ, Евреи исчезли изъ нашего Юга и Запада, край пришелъ бы временно въ немалое экономическое затрудненіе, но потомъ вскорѣ бы оправился и проявилъ бы задатки новой, здоровой экономической жизни.

Толкуютъ о доставленіи населенію дешеваго кредита и приглашаютъ

къ этому дѣлу земства въ тѣхъ губерніяхъ за чертою Еврейской осѣдлости, гдѣ земскія учрежденія существуютъ. Но никакой кредитъ, создаемый земскими коллегіями, не въ состояніи соперничать съ Еврейской кредитной эксплуатаціей, отыскивающей нуждающагося всюду у него на дому, освобождающей его отъ всякихъ формальностей,—эксплуатаціей рискованной, допимающей ссуду не въ установленный срокъ, а въ пору и во́время, принимающей въ уплату не деньги, то что́ крестьянину сподручно, скотъ, птицу, всякую, повидимому, дрянь, приносящую, однако, Еврею десятки лишнихъ процентовъ. Теперь во многихъ городахъ нашего Юга и Юго-Запада учреждены общественные банки, доставлющіе торговому классу относительно-дешевый кредитъ, изъ котораго Евреи создали себѣ новый источникъ промышленности или эксплуатаціи. Еврей-купецъ выдаетъ бѣдняку-Еврею безденежный вексель, который бѣднякъ-Еврей и учитываетъ въ банкѣ; банкъ, имѣя въ виду подпись извѣстной Еврейской фирмы, выдаетъ деньги за дешевые проценты, а Еврей эти же деньги раздаетъ въ ссуду мужикамъ за проценты двойные или тройные, безъ всякихъ векселей и росписокъ, но съ какой-нибудь такой уловкой, которая его вполнѣ обезпечиваетъ. Намъ сообщали недавно и имя одного Еврея, кажется въ Елисаветградѣ, который въ нѣсколько лѣтъ изъ бѣднаго сдѣлался капиталистомъ, добывая себѣ такимъ образомъ деньги изъ банка, по безденежнымъ векселямъ Еврея-купца (конечно, имѣющаго и свою долю въ барышахъ), за дешевые проценты. Тутъ всѣ формальности соблюдены, противодѣйствовать трудно, а на дѣлѣ выходитъ, что учрежденіе банка послужило только къ вящшей эксплуатаціи народонаселенія и къ созданію новыхъ Еврейскихъ капиталовъ, т. е. пущей Еврейской силы!

Газета «Порядокъ» утверждала однажды, доказывая тему о «скученности» Евреевъ, что ихъ не три милліона, а вѣроятно вдвое, и можетъ быть даже втрое болѣе, другими словами — обвинила ихъ, и совершенно основательно, въ уголовномъ преступленіи или въ подлогѣ. Что статистическія данныя о численности Евреевъ въ Россіи совершенно невѣрны, въ этомъ убѣждено и высшее правительство, и мѣстная администрація, — но въ этомъ-то и заключается одна изъ привилегій Еврейскаго населенія. Можно ли назвать иначе какъ «привилегіей» возможность совершать безнаказанно подлогъ такого объема и открыто пользоваться его плодами,— возможность для шестимилліоннаго, положимъ, населенія платить подати и отбывать, напримѣръ, воинскую повинность только по числу трехмилліоннаго? Было бы несправедливо винить въ томъ несовершенство нашихъ статистическихъ пріемовъ или полицію: это организованный обманъ всего Еврейства, подчиненнаго строгой внутренней дисциплинѣ,—управляемаго своими кагалами, составляющаго по-истинѣ status in statu. Всѣ мѣры, принимавшіяся правительствомъ, оказывались доселѣ безуспѣшными, несмотря на то, что при государѣ Николаѣ Павловичѣ чинились настоящія *облавы* Евреямъ. Всякій исправникъ на Югѣ разскажетъ вамъ, что Евреи очень часто скрываютъ у себя случаи смерти и передаютъ имя умершаго вновьприбывшему изъ-за границы Еврею или же тому, чье рожденіе было также въ свое время скрыто. Однимъ словомъ, когда цѣлое племя въ заговорѣ и все сообща участвуетъ въ подлогѣ, то обычными «правовыми» мѣрами разрушить такой систематическій обманъ—трудно.

Другая особенность и, можно сказать, привилегія Евреевъ, это—спеціальность ихъ бытовой профессіи. Это не только племя, но и *классъ* или *корпорація*, и не только классъ или корпорація, но и *племя!* Правительству приходится имѣть дѣло не просто съ такою-то національностью, съ «Русскими Моисеева закона», но съ милліонами людей особой, рѣзко выдѣляющейся и замкнутой въ себѣ національности, которые не имѣютъ другихъ занятій, кромѣ торгашества въ томъ или другомъ видѣ. Ни фабрикъ, ни заводовъ Евреи не держатъ,—ни каменщиковъ, ни плотниковъ, ни другого рода рабочихъ изъ нихъ не бываетъ: только мелкія ремесла, извозничество и торговое посредничество во всѣхъ формахъ,—вотъ ихъ призваніе. Это *племенная корпорація* не производителей, а торгашей-эксплуататоровъ, и такая исключительность профессіи въ сильной степени усложняетъ задачу. Всякая корпорація есть уже сила сравнительно съ разрозненностью дѣйствій отдѣльныхъ лицъ: что же сказать о корпораціи, считающей своихъ членовъ милліонами, основанной на религіозно племенномъ единствѣ и по самому характеру своей основы — враждебной той средѣ, въ которой ей приходится дѣйствовать?!... Были сдѣланы попытки обратить Евреевъ въ земледѣльцевъ; имъ были отведены превосходныя земли, — министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій думалъ, что въ устройствѣ земледѣльческихъ колоній онъ нашелъ ключъ къ разрѣшенію вопроса. Мы сами лично посѣщали эти колоніи... Земли оставались впустѣ, или сдавались внаймы, а сами Евреи занимались куплей, перепродажей и всякимъ торгомъ на сторонѣ! Оказалось такимъ образомъ, что Евреевъ нельзя поставить даже въ то положеніе, которое занимаютъ въ Россіи иностранные поселенцы, получающіе отъ правительства земли; Евреи волей-неволей заставили самую власть признать за ними званіе и право городскихъ обывателей, считаться съ ихъ наклонностями и вкусами. Даже поселяясь въ деревнѣ, Еврей живетъ въ ней какъ горожанинъ, т. е. не какъ земледѣлецъ, а какъ промышленникъ, шинкарь или арендаторъ.

Но, входя въ общій составъ Русскихъ подданныхъ въ качествѣ жителей городовъ или мѣстечекъ, становясь Русскими гражданами, Евреи не перестаютъ быть подданными и гражданами той Еврейской республики, того Еврейскаго союза, который распростертъ по всей Европѣ, а также и по другимъ частямъ свѣта, и котораго центръ, во всякомъ случаѣ, не въ Россіи, а внѣ ея. Пользуясь почти полною гражданскою полноправностью съ Русскими туземцами, участвуя въ мѣстномъ городскомъ самоуправленіи, они сверхъ того обладаютъ особымъ самоуправленіемъ въ видѣ кагаловъ, которое, придавая Евреямъ согласіе и крѣпость, руководитъ ихъ дѣйствіями и нерѣдко парализуетъ силу Русскихъ законовъ. Не разъ происходили случаи, что неугодившій Еврею помѣщикъ или иной кто изъ христіанъ подвергался *интердикту*, т. е. запрещенію, по распоряженію Еврейскаго цадика или раввина: ни купить у Еврея, ни продать Еврею онъ уже не могъ ничего, а такъ какъ въ Южно-Русскихъ городахъ и мѣстечкахъ вся торговля въ рукахъ Еврейскихъ, то такой интердиктъ, на который и жалобы формальной принести нельзя, обращался въ истинное наказаніе. Недавно напечатанъ былъ однимъ изъ Юго-Западныхъ помѣщиковъ достовѣрный разсказъ, какъ о снятіи съ него такого запрещенія онъ обратился съ просьбою къ заграничному раввину, въ Галиціи, и по распоряженію послѣдняго

этому помѣщику возвращена была *равноправность.* Есть извѣстная книга Брафмана, Еврея, принявшаго христіанство, въ которой онъ подробно раскрываетъ тайны Еврейскихъ кагаловъ, тайны ужасныя, подтверждаемыя подлинными кагальными актами. Не знаемъ, въ какой мѣрѣ допущена свобода внутренняго Еврейскаго самоуправленія въ Западной Европѣ, но не подлежитъ сомнѣнію, что нигдѣ Евреямъ такъ хорошо не живется, нигдѣ Евреи не составляютъ такой сплоченной корпораціи, нигдѣ они такъ не полноправны, какъ въ Россіи, особенно въ возвращенныхъ отъ Польши губерніяхъ, гдѣ они заняли господствующее положеніе средняго класса поверхъ безгласнаго, едва только вышедшаго изъ крѣпостной отъ Польскихъ пановъ зависимости населенія, а эта зависимость была потяжеле зависимости отъ Русскихъ помѣщиковъ!

Классъ городскихъ обывателей имѣетъ всегда преимущество предъ сельскимъ и по степени образованности, которая въ городѣ, разумѣется, выше, чѣмъ въ деревнѣ, и потому, что въ его рукахъ рынки, т. е мѣсто сбыта сельскихъ произведеній, и по тѣмъ удобствамъ жизни, которыя сосредоточиваются именно въ городѣ. Въ такомъ преимущественномъ положеніи находится Еврейское племя, составляющее главный контингентъ городского населенія на Югѣ и Западѣ Россіи, — а городское населеніе, какъ извѣстно, поставляетъ главный контингентъ во всѣ учебныя учрежденія. Съ тѣхъ поръ, какъ Евреи рѣшили воспользоваться свободнымъ доступомъ къ высшему образованію, открытымъ для нихъ въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а съ образованіемъ сопряжены были разныя льготы по отбыванію воинской повинности, наши гимназіи и даже университеты стали переполняться Евреями. Мы не имѣемъ подъ рукою статистическихъ данныхъ, сколько Евреевъ обучается въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ внутри черты Еврейской осѣдлости и въ какомъ процентномъ отношеніи состоитъ это число къ общему числу учениковъ,—но несомнѣнно, что оно возрастаетъ съ каждымъ годомъ. Эксплуатируемый Евреями народъ не только даетъ на свои же деньги Евреямъ почти даровое образованіе, но скоро едва ли не будетъ вытѣсненъ изъ Русскихъ школъ за недостаткомъ мѣстъ, по случаю преизбытка Евреевъ. Недавно нѣкоторыя газеты вычислили, что каждый студентъ въ университетѣ обходится государству около 100 р. въ годъ. Намъ сообщали изъ достовѣрнаго источника, что въ нынѣшнемъ году выдано Московскимъ Университетомъ Евреямъ-студентамъ, окончившимъ курсъ по медицинскому факультету, 120 или 110 свидѣтельствъ на званіе *дантистовъ.* Дантистъ—пожалуй и почетное ремесло, но предоставляемъ читателямъ произвести разсчетъ, во что обходится государству образованіе каждаго такого дантиста-Еврея въ теченіе пятилѣтняго курса, и всѣхъ 110 или 120 Евреевъ-дантистовъ, выпущенныхъ въ теченіе одного года изъ одного университета. Спрашивается: въ самомъ ли дѣлѣ необходима такая роскошь по части *дантистской* въ виду недостаточности суммъ, необходимыхъ для открытія элементарныхъ школъ, въ которыхъ такъ нуждается нашъ сельскій народъ? Не знаемъ, дѣйствительно ли станутъ дергать зубы Евреи-дантисты, но что они избѣгнутъ такимъ образомъ воинской повинности и пріобрѣтутъ право на повсемѣстное жительство въ Россіи — это вѣрно.

Но тутъ есть другое зло. Высшее образованіе въ Россіи создаетъ, по

отношенію къ массѣ простого народа, особую среду, которую печать наша прозвала «интеллигенціей», «культурнымъ классомъ», и за которою признаетъ право народнаго представительства eo ipso, даже безъ выборовъ и полномочій. Для простого же народа всѣ они — «господа»... Такимъ образомъ вскорѣ сядутъ «въ господахъ» надъ нашимъ Русскимъ народомъ и Евреи, — не просто какъ теперь торгаши, — но уже въ самомъ дѣлѣ какъ умственная, «культурная», «общественная» и ужъ, конечно, *отрицательная*, а не положительная сила. При нашей же общественной податливости, при извѣстной трусости прослыть «ретроградомъ», можно ожидать, что большинство нашихъ мнимыхъ либераловъ съ либеральною предупредительностью обрадуется такому проявленію прогресса въ нашемъ отечествѣ, и подобно старинному возгласу изысканной вѣжливости: place aux dames (мѣсто дамамъ!) — воскликнетъ: place aux Juifs! (мѣсто Евреямъ!).

Тысячу лѣтъ строилъ Русскій народъ свое государство, — костьми и кровью слагалъ его, — принесъ въ жертву государственной идеѣ и мѣстную свободу, и достояніе. Достроилъ наконецъ, и съ недоумѣніемъ начинаетъ усматривать, что допущенные имъ жильцы вытѣсняютъ его чуть не за порогъ, да еще и зданіе хотятъ по-своему перестроить... За хозяйскій столъ, конечно, могутъ быть допущены гости, но только какъ гости, и въ качествѣ гостей пользоваться почетомъ: во главѣ же стола все-таки долженъ сидѣть и распоряжаться хозяинъ. А хозяинъ въ Россіи — Русскій народъ, и никакъ не инородцы.

Ни о какой *пущей* равноправности Евреевъ съ христіанами не можетъ быть и рѣчи. На практическомъ языкѣ «равноправно значитъ не что другое, какъ дозволеніе Евреямъ держать кабаки по селамъ. Этого ли добиваются наши юдофилы? Если Еврейскій вопросъ дѣйствительно будетъ разсматриваться теперь въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, то единственное правильное къ нему отношеніе, это — изысканіе способовъ не расширенія Еврейскихъ правъ, но избавленія Русскаго населенія отъ Еврейскаго гнета. Гнетъ этотъ пока экономическій, но съ распространеніемъ высшаго образованія въ Еврейской средѣ, повторяемъ, онъ приметъ иной видъ и образъ — образъ гнетущей Русскій народъ «либеральной интеллигенціи», — да еще, пожалуй, во имя народа».

По поводу статей Брафмана о «Кагалѣ».

Москва, 10-го октября 1881 г.

Не знаемъ, обратили ли на себя должное вниманіе помѣщенныя въ 46 и 47 №№ «Руси» статьи, составленныя по рукописи покойнаго Я. Брафмана его сыномъ, подъ общимъ названіемъ: «Планъ преобразованія быта Евреевъ». Отзыва о нихъ мы до сихъ поръ въ газетахъ не встрѣчали; а между тѣмъ, безспорно, эти статьи — содержательнѣе, серьезнѣе, полновѣснѣе всего, что до сихъ поръ появлялось въ нашей печати по вопросу объ Евреяхъ въ Россіи. Если вниманіе нашего общества, утомившись этимъ вопросомъ и предоставивъ его рѣшеніе правительству, перенеслось теперь

на другіе предметы, другія задачи и такъ-называемыя «злобы дня», — то для русскаго населенія въ чертѣ Еврейской осѣдлости онъ нисколько не утратилъ своего ежеминутнаго практическаго значенія; онъ не можетъ ни *наскучить* ему, ни быть сданъ въ архивъ, — какъ не сдается въ архивъ и не теряетъ своей занимательности для страждущаго острая боль или заноза, торчащая въ тѣлѣ, пока она тутъ, пока боль не утихнетъ или не выдернется заноза. Не извѣстенъ ходъ работъ въ правительственныхъ комиссіяхъ, учрежденныхъ въ разныхъ губерніяхъ нашего Юга, Юго-Запада и Сѣверо-Запада «для изысканія мѣръ къ установленію правильныхъ экономическихъ отношеній Евреевъ къ мѣстному населенію» (таковъ, кажется, оффиціальный титулъ комиссіи). Можно однако заранѣе сказать, что всѣ эти комиссіи будутъ бродить во тьмѣ, какъ уже десятки лѣтъ бродитъ во тьмѣ по Еврейскому вопросу сама высшая наша администрація, если онѣ не воспользуются разоблаченіями Брафмана. Впрочемъ даже предположить подобнаго рода невнимательность со стороны правительства было бы болѣе чѣмъ странно и едва ли позволительно.

Въ самомъ дѣлѣ, есть ли основаніе толковать пространно о взаимныхъ экономическихъ отношеніяхъ христіанъ и Евреевъ, когда оказывается, что каждый христіанинъ-землевладѣлецъ *проданъ* кагаломъ кому-либо изъ Евреевъ? Да, *проданъ* какъ предметъ эксплуатаціи, и *лично*, и имущественно, — и это не фигурный оборотъ рѣчи, а юридическій терминъ, потому что продажа закрѣпляется актомъ, особаго вида *купчею крѣпостью*. Точно также дѣлаются предметомъ купли и продажи села, деревни, цѣлыя мѣстности со всякою живою въ нихъ душою (разумѣется христіанскою). Подъ видимою, могущественною сѣнью нашего гражданскаго права — властвуетъ невидимо, тайно, но еще могущественнѣе, вполнѣ его отрицающій, совсѣмъ особый «правовой порядокъ», подчиняющій Еврейской юрисдикціи не только Евреевъ, но и Русскихъ — даже безъ вѣдома для послѣднихъ. На основаніи талмудическихъ правилъ «Хезкатъ-Ишубъ», т. е. о власти кагала въ его районѣ, та территорія, — поясняетъ Брафманъ, — на которой поселились Евреи, со всѣмъ входящимъ въ нее имуществомъ и лицами иновѣрцевъ становится *собственностью Евреевъ*. «Имущество иновѣрца свободно, и кто имъ раньше завладѣетъ, тому оно и принадлежитъ», гласитъ «слово закона» (Хошенъ-Гамишпотъ, ст. 156). На этомъ основаніи кагалъ, т. е. *національно-Еврейское мѣстное правительство*, признавая все находящееся въ данномъ районѣ своею, такъ сказать «казенною *собственностью*», продаетъ отдѣльнымъ Евреямъ два права: одно именуется по-Еврейски *меронія* или *мааруфія*, право на *личность*; другое — *хазаки*, право на имущество. Купчій актъ на то или другое право или на оба вмѣстѣ называется *гахлатъ*. Продажею права *мероніи*, говоритъ Брафманъ, личность даннаго иновѣрца дѣлается неотъемлемымъ и притомъ исключительнымъ достояніемъ того Еврея, который купилъ меронію, и уже ни одинъ Еврей въ мірѣ не имѣетъ права ни ссужать этого христіанина деньгами, ни исполнять его порученія, ни вообще входить съ нимъ въ какія-либо сношенія. Посредствомъ же *хазаки* все недвижимое имущество такого-то христіанина поступаетъ въ эксплуатацію купившему это право Еврею, и уже ни одинъ Еврей въ мірѣ не имѣетъ права ни арендовать этого имущества, ни давать подъ него ссуды, ни заключать относительно

его какія-либо сдѣлки съ хозяиномъ. Кагалъ съ своей стороны обязуется (и обязательство это *прописывается* въ купчей) доставлять покупщику, въ случаѣ его «неосторожности» въ выборѣ средствъ для окончательнаго завладѣнія проданною личностью или имуществомъ «иновѣрца», защиту предъ «иновѣрческою» администраціею или судомъ, а также защиту противъ всякаго Еврея, который бы осмѣлился вторгнуться въ предѣлы права, предоставленнаго покупщику, и нанести ему какой-либо ущербъ: такого рода самовольникамъ грозитъ *бетъ-динъ*, тайный Еврейскій судъ, постановляющій иногда и смертные, всегда исполняемые, приговоры!..

Вотъ, между прочимъ, причина, почему между Евреями нѣтъ и не можетъ быть *конкурренціи*. Это колоссальная, не временная, а постоянно пребывающая *стачка*, направленная противъ всего христіанскаго населенія тѣхъ мѣстностей, которыя входятъ въ черту Еврейской осѣдлости. А такъ какъ тамъ почти вся торговля въ рукахъ Евреевъ, то какими праздными, пустозвонными, а подчасъ и лицемѣрными оказываются всѣ рѣчи о «свободѣ торговли», о «свободной», спасительной, все будто бы регулирующей «конкурренціи» — въ примѣненіи къ этимъ несчастнымъ мѣстностямъ! Въ печати и даже въ совѣщательной залѣ «свѣдущихъ людей» раздаются и теперь голоса въ пользу свободы продажи питій; отъ взаимнаго соперничества между продавцами или содержателями питейныхъ заведеній ожидаются этими «фритредерами» самые благіе результаты. Не станемъ разсуждать теперь о самомъ принципѣ вообще, но какою насмѣшкою звучатъ эти обѣщанія для цѣлыхъ *двадцати шести* губерній Русской имперіи, — въ виду этихъ *хахлатовъ* и въ виду *херема!!* Херемомъ же называется наказаніе, налагаемое на *строптиваго* христіанина: если проданный христіанинъ окажется неподатливъ относительно купившаго его Еврея, строптивъ или вообще навлечетъ на себя почему-либо неблаговоленіе кагала, то кагалу стоитъ только объявить такого неудобнаго христіанина подъ *херемомъ*, и опять *ни одинъ Еврей въ мірѣ* не осмѣлится войти съ нимъ ни въ малѣйшее торговое сношеніе, — а это въ краѣ, гдѣ ни купить, ни продать нельзя иначе какъ чрезъ посредство Еврея, равняется совершенному разоренію... Не очень давно въ одной изъ газетъ былъ напечатанъ разсказъ одного изъ помѣщиковъ Волынской губерніи о томъ, какъ, подвергшись херему, онъ былъ вынужденъ наконецъ укротить свою «строптивость» и обратиться къ какому-то раввину въ Галиціи (вѣроятно къ высшей инстанціи) съ смиренною просьбою о снятіи съ него интердикта: Австрійскій раввинъ милостиво внялъ этому моленію христіанина, и послѣдній обрѣлъ снова возможность сбывать произведенія своего сельскаго хозяйства!

Спрашиваемъ теперь: не празднословіе ли, не пустое ли, наивное и въ то же время опасное, вредное разглагольствіе — всѣ эти «либеральные» и «гуманные» толки о расширеніи правъ Евреевъ до полнаго уравненія ихъ съ правами всѣхъ остальныхъ подданныхъ Россіи, — о необходимости предоставить Евреямъ право, кромѣ вышеупомянутыхъ 26 губерній, свободно разселяться по всей Русской имперіи и т. п., пока имѣется въ виду такая внутренняя организація Еврейскаго племени? Что другое значитъ это предполагаемое расширеніе правъ Евреевъ, какъ не порабощеніе всей остальной Россіи Еврейскому «правовому порядку», юрисдикціи и власти кагаловъ,

какъ не распространеніе за предѣлы нынѣшней Еврейской осѣдлости благодѣяній *гахлатовъ, мероніи, хазаки* и *херема?* Никакой другой *точки зрѣнія* въ разрѣшеніи Еврейской задачи въ Россіи пока еще быть не можетъ, — всякая иная, болѣе общая, представляется отвлеченностью. На всѣ разсужденія нашихъ юдофильствующихъ газетъ, на всѣ возгласы, бойкія и хлесткія, даже нѣсколько нахальныя рѣчи самихъ Евреевъ въ ихъ періодическихъ изданіяхъ, мы отвѣчаемъ вопросомъ: а гахлатъ? а меронія? а хазака? а херемъ? а кагалъ и бетъ-динъ? Пусть не уклоняются они отъ отвѣта, — пусть скажутъ прямо: вымыселъ ли это или правда, — и если вымыселъ, то какія могутъ они представить тому доказательства, перевѣшивающія свидѣтельство Брафмана и приводимыхъ имъ документовъ? Если же правда, — то пусть объяснятъ сами, какъ согласуютъ они такое исключительное привилегированное положеніе Еврейскаго племени съ идеей равноправности и свободы? Если свидѣтельство Брафмана истинно, то очевидно, что и вопросъ объ Евреяхъ требуетъ другой постановки: это вопросъ уже не объ эманципаціи Евреевъ, а объ эманципаціи христіанъ отъ Еврейской племенной организованной стачки, — не о распространеніи на Евреевъ дѣйствія общихъ законовъ Русской имперіи, а объ изъятіи христіанъ изъ-подъ дѣйствія Еврейскихъ законовъ, объ огражденіи христіанъ отъ великаго, бодрствующаго, неослабно дѣйствующаго Еврейскаго заговора.

Вмѣсто того, чтобъ, «въ интересахъ мира», затыкать уши и жмурить или отворачивать глаза, необходимо въ *дѣйствительномъ* интересѣ мира откинуть то ложное и въ сущности очень дешевое смиреніе, съ которымъ мы такъ часто приносимъ нашихъ присныхъ по крови и духу въ жертву мнимой гуманности и призрачному либерализму; необходимо разверзть слухъ и посмотрѣть правдѣ прямо въ глаза, уразумѣть настоящее, реальное положеніе дѣла. А это положеніе въ томъ, что Евреи, въ чертѣ ихъ осѣдлости, составляютъ у насъ «государство въ государствѣ» съ *своими* административными и судебными органами, съ мѣстнымъ національнымъ правительствомъ, — государство, центръ котораго внѣ Россіи, заграницей, котораго верховнымъ правительствомъ является «Всемірный Еврейскій Союзъ» въ Парижѣ. Мы не ставимъ стремленія къ подобной организаціи *въ вину* Еврейскому племени. Съ нашей точки зрѣнія, уже извѣстной читателямъ «Руси», такое стремленіе объясняется всею удивительною исторической судьбою сыновъ Израиля, призванныхъ къ духовному міродержавству и достигшихъ міродержавства въ лицѣ Сына Давидова — Іисуса Христа, но не познавшихъ исполненія своего племеннаго призванія во образѣ Христовомъ и продолжающихъ стремиться къ міродержавству отрицанія, къ міродержавству антихристіанской идеи во образѣ міродержавства Еврейскаго. Это не обвиненіе, а опредѣленіе; мы только обозначаемъ фактъ. Не это удивительно, а удивительно то, что Евреи умудрились это бытіе въ Русскомъ государствѣ государства Еврейскаго, имѣющаго свой центръ заграницей, укрѣпить всею мощью Русскаго государства! По-истинѣ чудно, съ какою простодушною готовностью Русское правительство обставляло гарантіями цѣлость и твердость національнаго Еврейскаго строя, какъ заботливо охраняло отъ всякой возможности внутренняго разложенія! Диву надобно даться, когда удостовѣришься, какъ руками самой Рус-

ской власти, помощью ея принудительной внѣшней силы, страхомъ Русскихъ же уголовныхъ законовъ упрочивали Евреи свое національно-государственное зданіе, установляли свою власть надъ христіанами, утверждали свою стачку, свою систему эксплуатаціи Русскаго населенія, свою систему обмановъ!..

Все это разоблачено въ трудахъ покойнаго Брафмана, въ его «Книгѣ Кагала», которой второе изданіе въ значительно распространенномъ и разработанномъ видѣ, вѣроятно, не замедлитъ появиться въ свѣтъ, — все это вкратцѣ передано двумя упомянутыми уже нами статьями въ 46 и 47 №№ «Руси», — все это, впрочемъ, лучше всего подтверждается *Сводомъ Законовъ Россійской Имперіи!..* Брафманъ, впрочемъ, ограничиваетъ свой планъ «преобразованія быта Евреевъ» только указаніемъ — чего не слѣдуетъ дѣлать Русскому правительству и что изъ существующихъ законоположеній подлежитъ безусловной отмѣнѣ въ области административной, учебной и государственной политики. Такъ, по его мнѣнію, необходимо отмѣнить въ области административной всѣ до сихъ поръ существующіе законы, по которымъ Евреи выдѣляются въ *особыя общества* для уплаты податей и отбыванія государственныхъ повинностей, и всѣ существующіе отдѣльные общественные сборы съ Евреевъ, — другими словами: уничтожить *Еврейскихъ сборщиковъ податей и упразднить коробочный сборъ, общій и вспомогательный.*

Хитрая политика Іудейскихъ вождей, при поселеніи ихъ единоплеменниковъ въ чужомъ государствѣ, состояла всегда въ томъ, чтобъ соблазнять правительства предупредительною готовностью снять съ него трудную и дорогую задачу взиманія съ Евреевъ государственныхъ податей и не обременять государственный бюджетъ расходами на общественныя Еврейскія нужды (напримѣръ, больницы и школы). Почти всѣ правительства шли на это заманчивое предложеніе и охотно соглашались (по крайней мѣрѣ у насъ это соглашеніе скрѣплено Сводомъ Законовъ) на слѣдующія условія: чтобъ подати съ Евреевъ собирались сборщиками податей, избранными Еврейскою общиною и въ этомъ званіи *утвержденными государственною властью;* чтобъ на покрытіе общественныхъ Еврейскихъ расходовъ были допущены и *правительствомъ узаконены* особые, подробно обозначенные съ Евреевъ сборы, и *чтобы мѣстная администрація была обязана* оказывать всякое содѣйствіе сборщикамъ въ случаѣ сопротивленія со стороны Еврейской массы или отдѣльныхъ Евреевъ, и даже *преслѣдовать непокорныхъ во имя закона.* Вещь по существу своему, кажется, вполнѣ раціональная и невинная, а въ результатѣ, по словамъ Брафмана, выходило, что надъ жизнью Еврейской общины, — которая можетъ быть безъ того бы и разложилась или осталась бы при одной нравственно-религіозной связи, — тотчасъ же развертывалось, вмѣсто власти государственной, знамя національно-Еврейскаго правленія со сборщиками податей во главѣ. Въ рукахъ этого правленія сосредоточивались громадныя денежныя средства для осуществленія національно-Еврейскихъ цѣлей, сосредоточивалась принудительная сила держать общину въ самомъ строгомъ подчиненіи своей юрисдикціи и власти, подъ страхомъ наказанія руками иновѣрческаго, т. е. Русскаго же правительства. Сборщикамъ податей было поручено и веденіе *податныхъ списковъ,* т. е. *дана возможность укрывать подлинное число*

Еврейскаго населенія, что они и дѣлаютъ весьма успѣшно, убавляя число Евреевъ, живущихъ въ Россіи, по общему отзыву и по мнѣнію Брафмана, на цѣлую половину.

«Положеніе 1844 г. о коробочномъ сборѣ», внесенное и въ Сводъ Законовъ — произведеніе поистинѣ диковинное. Повидимому, что за дѣло Русскому правительству: соблюдаютъ ли Евреи требованіе Талмуда относительно *кошера,* т. е. ѣдятъ ли или не ѣдятъ Евреи мясо такой скотины, которая зарѣзана при соблюденіи самыхъ изысканныхъ талмудическихъ постановленій относительно *ножа* и которая называется *кошеръ,* или ѣдятъ *трефъ,* т. е. мясо скотины, зарѣзанной не талмудическимъ способомъ, мясо Еврею Талмудомъ воспрещенное? Но Еврейскіе вожди сумѣли соединить съ этимъ кошеромъ интересъ фискальный, и хотя кошеръ дѣлаетъ мясо крайне дорогимъ и потому не долюбливается бѣдною Еврейскою массою, однако же *кошеръ*—вѣрнѣйшая ограда Іудейской обособленности и Талмуда, и потому... потому Еврей, не соблюдающій кошера, *наказывается самою Русскою властью,* какъ «уклоняющійся отъ кошернаго сбора»! Странно читать въ нашемъ Сводѣ Законовъ слѣдующій образецъ Русской правительственной заботы объ Еврейскомъ талмудическомъ *правовѣріи* (Полож. о коробочномъ сборѣ § 53):

«При убоѣ скота и птицъ на кошеръ не употребляется другихъ къ тому орудій, а при продажѣ Евреямъ мяса другихъ вѣсовъ, кромѣ данныхъ откупщикомъ (изъ Евреевъ же) съ его клеймомъ и *съ удостовѣреніемъ раввина, что они могутъ быть* употребляемы *для кошера...»*

Осмѣлился Еврей изготовить себѣ мясо простымъ ножомъ, безъ раввинскаго удостовѣренія, словомъ оказаться не совсѣмъ ортодоксальнымъ — штрафъ, или еще того хуже: повиненъ есть предъ Русскимъ уголовнымъ закономъ!!

Но еще замѣчательнѣе наше «Положеніе объ Евреяхъ 1835 г.» и дополняющій оное законъ 3 іюля 1850 г. о «учрежденіи надзора за синогогами и молитвенными домами». Съ паденіемъ Іерусалима у Евреевъ нѣтъ и не можетъ быть храмового *богослуженія* (съ жертвами, штатомъ духовенства и пр.), а есть только *богомоленіе.* Вмѣсто единаго храма имѣютъ они огромную массу *частныхъ* молитвенныхъ домовъ и не мало мѣстъ *общественнаго* богомоленія—синагоги. Распаденіе религіозной жизни Еврейской общины на мелкія молитвенныя группы (чему способствуетъ моленіе въ частныхъ домахъ), какъ явленіе опасное для единства религіи Израиля, давно обратило на себя вниманіе представителей и вождей іудейства,—и вотъ въ угоду имъ *Русскій государственный законъ* гласитъ: «*общественныя молитвы и богомоленія могутъ быть совершаемы только въ особыхъ зданіяхъ для сего опредѣленныхъ,* т. е. въ синагогахъ и молитвенныхъ школахъ», за неисполненіе чего взыскивается штрафъ до 1000 рублей! Тѣмъ не менѣе кагалъ безпрепятственно допускаетъ моленіе въ частныхъ домахъ, кромѣ нѣкоторыхъ праздниковъ, установленныхъ именно съ цѣлью: разжигать національно-политическія и религіозныя страсти Евреевъ, обновлять и укрѣплять въ нихъ чувство племенного единства. Въ эти дни кагалъ, *вооруженный Русскимъ государственнымъ закономъ,* насильственно сгоняетъ всѣхъ Евреевъ изъ частныхъ молитвенныхъ домовъ въ синагогу. Въ 1875 г. многіе Евреи въ Петербургѣ, въ дни указанныхъ празд-

никовъ, не захотѣли было закрывать своихъ частныхъ молеленъ,—представители Еврейской общины, опираясь на вышеприведенный законъ,—тотчасъ къ градоначальнику, и градоначальникъ—закрылъ: «не уклоняйся-де отъ участія въ общественныхъ Еврейскихъ національно-религіозныхъ праздникахъ!»

Конечно, такой законъ долженъ быть отмѣненъ и Евреямъ должна быть предоставлена полная свобода вѣроисповѣданія. Русское правительство—справедливо говоритъ Брафманъ—не должно препятствовать Еврею молиться гдѣ и когда ему угодно, не должно быть орудіемъ въ рукахъ кагала для наказанія тѣхъ Евреевъ, которые окажутся особенно склонными заботиться о политическомъ благѣ всего Израиля. Пусть Іудейство—повторимъ его слова—живетъ религіозною мощью, если она въ немъ имѣется, но пусть же оно для поддержанія своего могущества и возбужденія въ Еврейской массѣ политическихъ надеждъ, не находитъ себѣ сильной опоры въ велѣніяхъ Русскаго государственнаго закона!..

Далѣе Брафманъ указываетъ на необходимость: *отказаться отъ правительственной опеки и регламентаціи національно-Еврейской науки*, а для этого упразднить созданныя Положеніемъ 21 марта 1873 г. Еврейскія начальныя училища вмѣстѣ съ Еврейскими *учительскими институтами*, и отмѣнить законъ 1875 г. о преслѣдованіи *меламдовъ*, т. е. *непатентованныхъ* правительствомъ учителей, держащихъ частныя школы. *Свободное* движеніе религіозной мысли въ средѣ Евреевъ грозило, безъ сомнѣнія, опасностью самой основѣ національнаго Еврейскаго единства, порождало и не могло не породить разныя уклоненія отъ Талмуда, разныя ереси, ослабляющія духовную цѣлость іудейства. И вотъ Русскій законъ тяжеловѣснымъ государственнымъ молотомъ куетъ духовную силу іудейства, настаиваетъ на самомъ тщательномъ изученіи Талмуда (обрекающаго каждаго христіанина, его личность и имущество въ достояніе Еврейское, въ предметъ купли и сдачи съ торговъ), требуетъ отъ раввиновъ строгаго Еврейскаго *правовѣрія*. Если бы поставить вопросъ: слѣдуетъ ли предоставить Евреямъ полную свободу религіознаго образованія,—всѣ «либералы» должны были бы повидимому отвѣтить, и отвѣтили бы правильно, въ смыслѣ утвердительномъ. Но либеральные іудофилы держатся иного воззрѣнія по отношенію къ Евреямъ. Дѣло въ томъ, что этотъ либеральный принципъ не выгоденъ для вождей іудейства. Оказалось несравненно согласнѣе съ ихъ цѣлями и задачами воспользоваться принудительною силою Русской власти: это и достигнуто созданіемъ училищъ и учительскихъ институтовъ на основаніи законовъ 1873 и 1875 года, крѣпко и твердо ограждающихъ вѣрность духовной основѣ современнаго іудаизма—Талмуду.

Мы не перечисляемъ здѣсь всѣхъ прочихъ указаній Брафмана, несомнѣнно подтверждающихъ, что организація мощной тайной силы Еврейства зиждется главнымъ образомъ на Русскихъ государственныхъ законоположеніяхъ. Всѣ предлагаемыя Брафманомъ мѣры чисто отрицательнаго и въ сущности самаго либеральнаго свойства, и сводятся къ такой формулѣ: отмѣнить правительственную опеку надъ Евреями, какъ надъ отдѣльною обособленною общиною, не узаконять, не поддерживать ея отдѣльнаго, обособленнаго существованія всею мощью Русской государственной власти, предоставивъ ее себѣ самой.

Вмѣсто того, чтобы въ разрѣшеніи Еврейскаго вопроса въ Россіи бродить вокругъ да около, не лучше ли, не пора ли наступить на самую сердцевину, т. е. обратиться прежде всего къ пересмотру существующихъ законовъ и перестать *узаконять* и ограждать бытіе той чудовищной аномаліи, какую представляютъ отношенія Еврейства къ христіанскому населенію,—той исполинской, могущественной стачки, разоряющей десятки милліоновъ Русскаго народа,—того государства въ государствѣ,—той тайной, космополитически-племенной Іудейской организаціи, которая опирается съ одной стороны на свой политическій національный центръ, на «Всемірный Еврейскій Союзъ» въ Парижѣ, съ другой—на Русское же правительство, на Сводъ Законовъ самой Россійской имперіи?!..

Еврейская агитація въ Англіи.

Москва, 23-го января 1882 года.

Два слова еще по поводу Еврейской агитаціи въ Англіи. Нужно ли говорить, что сами Англичане не вѣрятъ, не могутъ вѣрить всей той лжи, которою съ такимъ изобиліемъ снабжаютъ ихъ Евреи и которую они съ такимъ злорадствомъ печатаютъ въ своихъ многочисленныхъ газетахъ? Здравый смыслъ могъ бы однако подсказать имъ самимъ, не ожидая и опроверженій со стороны Россіи, совершенную несбыточность описываемыхъ фактовъ, въ родѣ, напримѣръ, *поголовнаго* обезчещенія женскаго населенія цѣлыхъ мѣстностей, какъ Березовки и другихъ!! Статочное ли дѣло, чтобъ о такихъ событіяхъ не вѣдали или молчали, въ теченіе шести-семи мѣсяцевъ, представители Англійскаго правительства въ Россіи, многочисленные, разсѣянные по Россіи Англійскіе консулы и тысячи Англичанъ, проживающихъ въ нашемъ отечествѣ? Прежде чѣмъ печатать эти мерзости, поносить Россію въ газетахъ и на митингахъ, и требовать отъ Англійскаго министерства протеста противъ дѣйствій Русскаго правительства, не проще ли было бы обратиться съ запросомъ къ Англійскому послу въ Петербургѣ? Но въ томъ и дѣло, что и составители извѣстій, и редакторы, печатающіе эти извѣстія въ своихъ газетахъ, нисколько не сомнѣваются въ ихъ лживости. Умыселъ тутъ другой. Прежде всего умыселъ Еврейскій. Евреямъ извѣстно, что труды губернскихъ коммиссій по вопросу объ установленіи правильныхъ отношеній Еврейскаго населенія къ христіанскому сосредоточены теперь въ Петербургѣ, въ центральной коммиссіи подъ предсѣдательствомъ г. товарища министра внутреннихъ дѣлъ, и вотъ съ цѣлью произвести *давленіе* на Русское общественное мнѣніе и на Русское правительство и подняли они весь этотъ безобразный, позорящій не Россію, а Англію, шумъ и гвалтъ. Но *умные* Евреи оказались на сей разъ очень ужь просты и безъ сомнѣнія обочтутся въ своихъ расчетахъ. Правда, они основывали свои соображенія на Русскихъ же извѣстнаго пошиба газетахъ, исповѣдующихъ если не прямое юдофильство, то пренебреженіе къ Русской народности, — однако же есть поводъ думать, что время успѣшнаго застращиванія Русскаго правительства иноземнымъ общественнымъ мнѣ-

ніемъ, враждебною критикой и гуломъ заграничной хулы — безвозвратно прошло. Если въ этомъ враждебномъ Россіи подъемѣ Англійскаго общества проявилась сила Израилитскаго Всемірнаго Союза (Alliance Israélite), то тѣмъ болѣе причинъ для Россіи оградить себя отъ вмѣшательства этой международной новой державы и пресѣчь разомъ всѣ ея притязанія... Евреи въ Россіи, оставляя дѣйствія своихъ Лондонскихъ собратій безъ протеста, конечно, этимъ самымъ только доказываютъ свою полную съ ними солидарность...

Достойно замѣчанія, что Евреи, вѣроятно желая снискать вящшее благоволеніе Англійской публики, а можетъ быть наивно разсчитывая, что Русское правительство, струсивъ Англійской критики, послѣдуетъ ихъ указаніямъ, трубятъ въ Англійскихъ газетахъ (какъ свидѣтельствуетъ корреспонденція изъ Лондона, помѣщенная въ № отъ 11 января «Новаго Времени»), что разгромъ, насилія, звѣрства, совершенныя будто бы въ Россіи надъ Еврейскимъ населеніемъ — вызваны ни кѣмъ инымъ, какъ «Московскими славянофилами» и именно, между прочимъ, редакторомъ «Руси». Однимъ словомъ, съ точки зрѣнія Еврейской, какъ и съ точки зрѣнія нашей «либеральной прессы» (да и Австро-Венгріи конечно), въ Россіи — вся бѣда отъ «народности», такъ какъ народное направленіе, въ ихъ понятіяхъ, равнозначительно возбужденію народнаго духа противъ «интересовъ цивилизаціи» (читай: Евреевъ и Нѣмцевъ)... Этого мало. Одновременно съ этимъ, въ тѣхъ же Англійскихъ газетахъ, Евреи предъявляютъ требованіе, «чтобъ общественное мнѣніе помогло Русскимъ политикамъ школы графа Шувалова замѣнить настоящихъ Русскихъ министровъ» («Новое Время», та же корреспонденція изъ Лондона). Знаменательно!

Знаменательно оно и потому, что эта Еврейская агитація въ Англіи служитъ подкладкою для агитаціи партіи *тори* или консервативной, на сторону которой, очевидно, сворачиваетъ и «Times». Консервативная партія, вѣроятно, предполагаетъ, что настала пора для сверженія Гладстона и всего либеральнаго министерства. Встревоженные призракомъ аграрныхъ реформъ, грозящихъ изъ Ирландіи перейти въ Англію, тори, пользуясь затрудненіями, встрѣченными настоящимъ правительствомъ въ Ирландіи, усиливаются создать затрудненія министерству и во внѣшней политикѣ. Дружественныя отношенія къ Россіи противорѣчатъ не интересамъ Англіи — совершенно напротивъ — а тѣмъ предразсудкамъ, которые сильнѣе всякихъ доводовъ здравой логики и глубоко вкоренились въ тугоподвижные умы большинства Англійскаго общества. Не легко ему разстаться съ догматами своего политическаго credo, будто Балканскій полуостровъ долженъ быть изъятъ изъ сферы вліянія Россіи, такъ какъ свободный проходъ Русскихъ судовъ чрезъ Босфоръ и Дарданеллы представляетъ будто бы опасность для Англійскихъ Индійскихъ владѣній!! Этотъ неразумный страхъ можно объяснить себѣ не иначе какъ предразсудкомъ. Поэтому и возбужденіе недовѣрія и даже ненависти къ Россіи входитъ въ разсчеты консерваторовъ, какъ возвращеніе общества къ самымъ популярнымъ его преданіямъ, тѣсно связаннымъ съ направленіемъ внѣшней консервативной политики. Въ Англіи не перестаютъ вспоминать о политическомъ блескѣ, которымъ была она окружена заграницей при Биконсфильдѣ и котораго она какъ бы лишилась при Гладстонѣ, причемъ забываютъ, что весь этотъ

блескъ лживый, условный, что могущество Англіи въ сущности мнимое, что Англія безъ тѣснаго союза съ сухопутными державами не страшна никому на сушѣ, и что дерзкая политика Биконсфильда, удовлетворяя національному тщеславію, ничего въ сущности не принесла Англіи кромѣ убытка. Какъ бы то ни было, но уже теперь можно предвидѣть, что съ паденіемъ Гладстона отношенія Англіи къ Россіи станутъ снова враждебны, и что Англія примкнетъ къ политической системѣ канцлера, т. е. къ союзу съ Германіей и Австріей. Нельзя не принять въ соображеніе, что этого паденія открыто желаетъ и самъ князь Бисмаркъ, и что возстановленіе консервативной партіи во главѣ Англійскаго правительства, дружественной Германіи, изолируя Францію, изолируетъ и Россію, и создаетъ сильную коалицію трехъ державъ, которыхъ восточная политика будетъ, какъ и на Берлинскомъ конгрессѣ, направлена вся противъ Россіи... Выходитъ, что и вся эта Еврейско-консервативная агитація въ Лондонѣ, съ которой такъ мужественно борются газеты благородной партіи Гладстона, какъ разъ на руку и Германскому канцлеру, и Австро-Венгерскому правительству: для послѣдняго же особенно кстати, въ виду предпринятаго имъ хищенія Босніи и Герцеговины...

Она, эта агитація, кстати и для «Голоса». Онъ пользуется ею, чтобы обвинить ненавистное ему притязаніе на «самобытность», и еще разъ отрекомендовать себя предъ враждебной Россіи Европой *несамобытнымъ*, въ чемъ, впрочемъ, никто и не сомнѣвался. Достаточно вспомнить, какъ воспѣвалъ онъ во время оно Берлинскій трактатъ и его главныхъ радѣтелей. «Въ возникновеніи Еврейскаго вопроса мы сами виноваты» — вѣщаетъ онъ. «Мы не настолько культурный народъ, чтобъ относиться съ терпимостью къ чужому мнѣнію, *чужой профессіи*, чужой жизни»... Это эксплуатація-то Русскихъ крестьянъ Евреями чествуется именемъ *профессіи*!.. «Наша нетерпимость, продолжаетъ «Голосъ», какъ и другія недобрыя качества, тотчасъ же выступила на первый планъ, какъ только мы захотѣли быть самобытными». Слѣдовательно къ формулѣ: не «разнуздывайте звѣря» «Голосъ» прибавляетъ и еще формулу: «будьте *несамобытны*». Это ужъ и комментарія не требуетъ.

И все это въ отвѣтъ на оскорбленія, посылаемыя Россіи изъ той страны, гдѣ каждый день совершаются *дѣйствительныя* звѣрскія убійства, вызванныя тѣмъ аграрнымъ вопросомъ, котораго разрѣшеніе въ Россіи прошло мирно и благополучно — именно потому, что это разрѣшеніе было не заимствованное, а *самобытное*!..

Нормально ли положеніе Евреевъ на нашемъ Западѣ и Югѣ, и ихъ отношеніе къ мѣстному населенію?

Москва, 24-го апрѣля 1882 г.

Противо-Еврейскіе или даже просто «Еврейскіе безпорядки» (какъ принято въ нашей печати называть дѣйствія самовольной народной расправы съ Еврейскимъ имуществомъ), возникшіе было вновь на Юго-Западѣ Россіи, кажется прекратились. Богъ дастъ, они и не возобновятся. Достойно замѣ-

чанія, что въ нынѣшнемъ году они происходили не тамъ, гдѣ производился разгромъ прошлою весною и лѣтомъ, а на новыхъ мѣстахъ, и притомъ далеко не въ томъ числѣ случаевъ и не въ такихъ вообще серьезныхъ размѣрахъ, — исключая только разгромъ въ г. Балтѣ. Очевидно, что мѣры, принятыя администраціей, не остались совсѣмъ безъ послѣдствій, да и было бы слишкомъ печально, еслибъ мы не сумѣли воспользоваться урокомъ 1881 г., если бы тотъ взрывъ народнаго негодованія, тотъ острый пароксизмъ внутренняго, внезапно обличившагося недуга, который прошлою весною не могъ быть своевременно предупрежденъ, перешелъ въ хроническое состояніе, въ явленіе обычное, чуть не заурядное! Не слѣдуетъ однакожъ обнадеживать себя наступившимъ затишьемъ и воображать, что достаточно однихъ строгихъ наказаній и экзекуцій post factum для совершеннаго предотвращенія возможности подобныхъ безобразныхъ безчинствъ въ будущемъ. Такими мѣрами, конечно, удается иногда вселить спасительный страхъ, но лишь на ограниченномъ пространствѣ, да и ненадолго. Если въ то же время не внушить народу увѣренность, что правительство окажетъ ему наконецъ энергическую защиту отъ Еврейскаго гнета, освободитъ его отъ закрѣпощенія Еврейскому капиталу, то никакія угрозы не убѣдятъ его въ беззаконности самоуправства. Утративъ послѣднюю надежду на заступничество власти, населеніе можетъ, пожалуй, дойти до такого отчаянія, при которомъ самыя казни станутъ не страшны... Если не желательно повтореніе возмутительныхъ сценъ Кіевскаго, Кременчугскаго, Балтскаго погрома, такъ не слѣдуетъ и ограничиваться преслѣдованіемъ однихъ виновниковъ погрома, а необходимо съ неменьшимъ рвеніемъ позаботиться объ устраненіи всякаго *повода* къ такимъ явленіямъ; врачуйте самый недугъ, если хотите избавиться отъ его опасныхъ припадковъ... И нельзя не признать, что въ этомъ отношеніи дѣятельность г. министра внутреннихъ дѣлъ заслуживаетъ искренней благодарности Русскаго общества. Онъ не удовольствовался полицейскими мѣрами предосторожности и уголовными карами, а тотчасъ же усмотрѣлъ въ этихъ такъ-называемыхъ безпорядкахъ ихъ важное соціальное и государственное значеніе. Онъ не уклонился, какъ многіе его предшественники, отъ единственно вѣрной и правильной постановки Еврейскаго въ Россіи вопроса и, чрезъ посредство нарочно устроенныхъ въ чертѣ Еврейской осѣдлости комиссій (въ составъ которыхъ вошли не одни оффиціальныя лица, но и мѣстные свѣдущіе люди, и даже сами Евреи), приступилъ къ разслѣдованію отношеній Еврейскаго населенія къ христіанскому. Мы имѣли случай познакомиться частнымъ образомъ съ трудами нѣкоторыхъ комиссій и не можемъ не пожалѣть, что они не преданы гласности: богатство собранныхъ ими данныхъ несомнѣнно образумило бы многихъ изъ тѣхъ, которые держатъ сторону Евреевъ *противъ* Русскаго народа не изъ корысти (какъ нѣкоторые), а изъ фальшиво понятаго гуманизма или по незнанію. Комитетъ при Министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, куда стеклись всѣ работы комиссій, говорятъ, уже проектировалъ рядъ мѣръ, облегчающихъ, если не упраздняющихъ Еврейскій гнетъ надъ христіанскимъ населеніемъ, но въ ожиданіи, пока этотъ проектъ будетъ разсмотрѣнъ и утвержденъ законодательнымъ порядкомъ, Министерство, по словамъ газетъ, представило въ Комитетъ министровъ предположеніе о нѣкоторыхъ временныхъ,

облегчительныхъ для народа и стало быть ограничительныхъ для Евреевъ правилахъ. Этимъ неизбѣжнымъ промедленіемъ въ законодательномъ рѣшеніи вопроса и поспѣшили воспользоваться какъ Евреи, такъ и ихъ корыстные и безкорыстные защитники: агитація производилась, да производится еще и теперь, въ обширныхъ размѣрахъ, какъ въ Россіи, такъ и еще болѣе на Западѣ Европы — въ печати, на биржахъ, на митингахъ, даже въ Британскомъ парламентѣ. Вообще заграницею пущены въ ходъ всевозможные способы произвести давленіе на правительство и на общественное мнѣніе Россіи (начиная съ самой гнусной завѣдомой клеветы). Успѣхъ разсчитанъ на укоренившемся въ чужихъ краяхъ предположеніи о необычайной будто бы податливости Русскихъ руководящихъ сферъ всякимъ Западно-Европейскимъ требованіямъ, будь только они предъявлены съ нахальной настойчивостью, о непомѣрной застѣнчивости Русскаго общества не только предъ носителями «Европейской культуры и цивилизаціи», но даже предъ самыми ярлыками, на которыхъ стоятъ эти завѣтныя слова и которые иностранцы, намъ же на смѣхъ, въ сношеніяхъ съ нами, нарочно пришпиливаютъ къ самымъ грубымъ своимъ интересамъ, противорѣчащимъ всякимъ понятіямъ о цивилизаціи и культурѣ! Такъ, Австрійскія газеты, Іудеевъ ради, предлагаютъ исключить «варварскую» Россію изъ числа Европейскихъ державъ—въ то самое время, какъ Австрія среди бѣла дня, безъ всякаго законнаго повода и права, ради лишь порабощенія себѣ Босніи и Герцоговины, производитъ въ этихъ Славянскихъ земляхъ самую ужасную бойню, а въ Галиціи въ то же время воздвигаетъ тяжкое гоненіе на всѣхъ помышляющихъ о переходѣ въ православную вѣру! Такъ, властелины Европейскихъ биржъ, заступаясь, во имя культуры, за свободу эксплуатаціи христіанъ Евреями, пугаютъ нашихъ финансистовъ угрозами понизить Русскіе фонды, тогда какъ сами же играютъ на это пониженіе и скупаютъ потомъ Русскія правительственныя цѣнныя бумаги, твердо вѣруя въ исправность Россіи относительно ея обязательствъ! Этимъ только и объясняется тотъ несомнѣнный фактъ, что на другой же день послѣ перваго Лондонскаго митинга въ защиту Іудаизма въ Россіи, Русскіе фонды нисколько не упали, а, напротивъ того, поднялись!.. Главная цѣль всѣхъ этихъ искусственныхъ, неискреннихъ манифестацій—добиться самымъ *дешевымъ* способомъ не только полнаго обезпеченія настоящаго экономическаго преобладанія Еврейства въ Западной и Южной Россіи, но и усиленія этого преобладанія до степени безусловнаго, привилегированнаго господства. Дешевизна этого способа, въ точномъ, буквальномъ смыслѣ слова, ни въ чемъ такъ не проявилась, какъ въ благотворительныхъ хлопотахъ о переселеніи или о содѣйствіи къ эмиграціи изъ Россіи Евреевъ. Его величество, глава Еврейскаго дома Ротшильдовъ,—этотъ царь и самодержецъ денежнаго рынка всея Европы, состояніе котораго исчисляется милліардами, который могъ бы скупить у султана всю Палестину,—соблаговолилъ пожертвовать въ пользу разоренныхъ своихъ одноплеменниковъ... 25 т. франковъ! Вся остальная Европа—негодующая, протестующая — вмѣстѣ со всѣми остальными Еврейскими банкирами, располагающими также несмѣтными капиталами, не набрала, кажется, и пятисотъ тысячъ рублей для помощи симъ «несчастнымъ жертвамъ Русскаго варварства», тогда какъ бѣдный деньгами Русскій народъ,

заслышавъ въ 1876 г. о страданіяхъ своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ въ Босніи и Герцоговинѣ, грошами выслалъ страдальцамъ милліоны!.. Жалкаго же мнѣнія о насъ заграницею, если полагаютъ возможнымъ смутить такими фальшфейерами, такою шумихой Русское общество и Русскую власть! Конечно, иностранцы могутъ быть легко введены въ заблужденіе газетою «Голосъ» съ ея сателлитами, для которыхъ Европа нѣчто въ родѣ начальства или знатнаго барина, но пора же заграничнымъ «дѣятелямъ» наконецъ уразумѣть, что своими выходками, по поводу Евреевъ, противъ Россіи они не собьютъ съ толку разсудительную часть Русскаго общества и не воздѣйствуютъ на независимость мнѣнія руководителей внутренней Русской политики, а могутъ лишь понапрасну раздражить Русское народное самолюбіе и пуще навредить самимъ же Евреямъ. Да и послѣднимъ не худо бы принять къ соображенію, что, посылая изъ Россіи въ Европу телеграммы и письма, не только съ преувеличеннымъ описаніемъ безпорядковъ, но и переполненныя мерзостнѣйшей лжи о небывалыхъ злодѣйствахъ, плохую службу служатъ они своему дѣлу въ нашемъ отечествѣ.

Еврейскій вопросъ въ Россіи—вопросъ великой важности, чрезвычайно серьезный, серьезный до трагизма, и къ нему дѣйствительно нужно отнестись съ безпристрастнымъ, строгимъ вниманіемъ, sine ira et studio. Нельзя поэтому не жалѣть, что большинство нашей печати относится къ нему болѣе чѣмъ легкомысленно. Въ нашей газетѣ, въ №№ 46 и 47, были въ прошломъ году напечатаны статьи Брафмана, послѣ которыхъ немыслима, казалось бы, та постановка Еврейскаго вопроса, которой держатся у насъ до сихъ поръ поборники Еврейскихъ интересовъ въ своихъ запальчивыхъ статьяхъ, вызванныхъ недавними послѣдними событіями. Наконецъ вышелъ въ свѣтъ новымъ, исправленнымъ и значительно дополненнымъ изданіемъ трудъ Брафмана: «Книга Кагала», 1882 г. 2 части,—трудъ, который долженъ бы служить точкою отправленія, краеугольнымъ камнемъ при всѣхъ сужденіяхъ объ Еврейскомъ въ Россіи вопросѣ, но о которомъ совершенно забываетъ наша полемизирующая печать,—съ которымъ, можетъ быть, не соблаговолило даже и познакомиться большинство нашихъ публицистовъ! Это ли внимательное, добросовѣстное отношеніе къ дѣлу? Но что̀ еще болѣе поразительно, чѣмъ такое пренебреженіе къ капитальному труду, раскрывшему бездну данныхъ для разрѣшенія Еврейской задачи,—это совершенное невѣдѣніе условій быта и жизни цѣлыхъ шестнадцати губерній Европейской Россіи (не считая десяти губерній такъ-называемаго Царства Польскаго), т. е. всей Русской области, находящейся внутри черты Еврейской осѣдлости и представляющей площадь въ 737,987 кв. верстъ, съ населеніемъ около 23 милліоновъ жителей! Можно предположить, что никогда никто изъ этихъ ретивыхъ заступниковъ за Еврейство и не заглядывалъ въ наши Южныя и Западныя губерніи, потому что даже поверхностное знакомство съ краемъ не можетъ не вызвать добросовѣстнаго человѣка на серьезное размышленіе о способахъ избавленія христіанъ отъ тиранніи Еврейскаго могущественнаго кагала, о созданіи сносныхъ, не для Евреевъ, а для Русскихъ, соціальныхъ и экономическихъ условій существованія. Недостаточно быть знакомымъ въ Москвѣ или Петербургѣ съ двумя-тремя получившими высшее образованіе Евреями и

по нимъ судить о *Еврейской массѣ*, а нужно бы пожить тамъ въ деревнѣ, пробыть нѣсколько времени въ любомъ изъ этихъ городишекъ въ родѣ Балты, Бендеръ, Бердичева... Но и независимо отъ личныхъ впечатлѣній и изслѣдованій, развѣ голосъ народа этихъ 16 губерній, развѣ свидѣтельство всѣхъ заслуживающихъ довѣрія, бывшихъ и настоящихъ правителей края, развѣ мнѣнія земствъ и землевладѣльцевъ тѣхъ мѣстностей не имѣютъ ровно никакого значенія? А всѣ эти голоса, свидѣтельства и мнѣнія говорятъ одно: что экономическая и соціальная зависимость мужика, да почти и всякаго христіанина, отъ Еврейской корпоративной стачки становится нестерпимою, что благо Русскаго народа, благо всего края требуетъ измѣненія существующихъ отношеній христіанскаго населенія къ 5 или 6 милліонному населенію Еврейскому... Да и кто же не слыхалъ и не вѣдаетъ, какъ несомнѣнную аксіому, что всякій край, въ которомъ экономическое господство захватываютъ въ свои руки Евреи, не процвѣтаетъ, а чахнетъ и гибнетъ; что такой же печальной участи, если своевременно не будетъ оказано помощи, можетъ ожидать себѣ нашъ Югъ и Западъ, гдѣ безъ сомнѣнія, сравнительно съ Европой, и образованіе и культура вообще стоятъ на низкой степени, да гдѣ (именно въ Западныхъ губерніяхъ), вдобавокъ, по милости Польскаго управленія, не образовалось и нѣтъ крѣпкаго туземнаго городского сословія? Но у насъ—и только у насъ возможно это явленіе — вдругъ точно отшибло память у большинства «интеллигенціи», и уши оглохли, и народнаго вопля не слышатъ, и мнѣнію земскихъ людей не внемлютъ, и съ удивленіемъ, точно впервые въ жизни, узнаютъ о какой-то неблаговидности Еврейскихъ поступковъ въ этихъ 16 губерніяхъ! Разумѣется, по ихъ мнѣнію, все это не болѣе, какъ злые навѣты на бѣдныхъ, ни въ чемъ неповинныхъ Евреевъ! Они даже и не задаютъ себѣ вопроса: неужели всѣ эти дѣянія народнаго самосуда, конечно и безчиннаго и безобразнаго, взялись такъ себѣ, не изъ чего, отъ чужихъ внушеній, со стороны, а не служатъ симптомомъ того внутренняго глубокаго разлада, той чудовищной аномаліи, которою страдаетъ весь мѣстный организмъ и которая началась издавна, какъ о томъ свидѣтельствуютъ всѣ народныя пѣсни, былины, преданія Малороссіи? У насъ любятъ объяснять антиеврейское народное движеніе козлями крамолы. Но не крамола же создала антисемитическую лигу и безпорядки, происходившіе въ Германіи! Крамола могла воспользоваться самопроизвольно-возникшимъ у насъ движеніемъ, но не она, конечно, его первоначально вызвала. Долго назрѣвавшій нарывъ наконецъ лопнулъ, и объ этомъ назрѣваніи одни ли народныя Русскія сказанія свидѣтельствуютъ? Всякій *честный*, серьезно образованный Еврей (мы знавали такихъ и съ нѣкоторыми изъ нихъ были даже въ пріязненныхъ отношеніяхъ) подтвердитъ наши слова о томъ вредѣ, который наноситъ населенію хищническій инстинктъ невѣжественной Еврейской массы, нерѣдко преисполненной злого религіознаго фанатизма, подъ вліяніемъ своихъ цадиковъ, крѣпко сплоченной и организованной. Даже въ нѣкоторыхъ издаваемыхъ въ Россіи Еврейскихъ журналахъ можно найти статьи, молодые авторы которыхъ обращаются съ горячими, хотя и безплодными увѣщаніями къ большинству своихъ единовѣрцевъ: «не навлекать на себя своимъ образомъ дѣйствій справедливой ненависти христіанскаго населенія».. Выходитъ, что нѣкоторыя наши Петербургскія газеты,

отрицающія недоброкачественность Еврейской эксплуатаціи, sont plus juifs que les Juifs eux-mêmes!...

Кстати: въ одной Московской газетѣ было сказано, что «Жиды-шинкари имѣются только въ Заднѣпровьѣ» и что крестьяне не менѣе, если не болѣе разоряются тамъ, «гдѣ Евреевъ не пускаютъ и гдѣ кабакомъ орудуетъ православный цѣловальникъ». Несправедливость перваго положенія доказывается слѣдующими достовѣрными цифрами, которыя намъ удалось достать отъ нѣкоторыхъ Еврейскихъ коммиссій: отношеніе Евреевъ-кабатчиковъ къ кабатчикамъ не-Евреямъ въ губерніи Витебской составляетъ 77%, общее же число въ ней Евреевъ-кабатчиковъ 1312; въ Черниговской: 78%, общее число 2368, да сверхъ того тайныхъ кабаковъ, исключительно содержимыхъ Евреями, 1389; въ Минской: 95%, общее число Евреевъ-кабатчиковъ 1639; въ Виленской: 98%, общее число 1468; въ Гродненской: 98%, общее число 2250; стало быть Жиды-шинкари или кабатчики не только въ Заднѣпровьѣ, да и не малочисленны... Что же касается до «православнаго цѣловальника», то это обвиненіе нѣсколько тождественно съ ходячимъ, моднымъ у насъ теперь негодованіемъ на Русскихъ сельскихъ «кулаковъ». Положимъ, негодованіе это вполнѣ законно и дѣлаетъ честь негодующимъ; но почему же, спрашивается, ограничиваютъ они свое негодованіе только Русскими «кулаками», а какъ скоро дѣло касается кулаковъ-Евреевъ, то благородный гнѣвъ ихъ обрушивается не на сихъ послѣднихъ, а на тѣхъ, которые хотятъ отъ этого кулачества избавиться?! Русскій «кулакъ» — явленіе единичное, порознь стоящее, а тутъ въ лицѣ Евреевъ — цѣлая корпорація, цѣлая крѣпкая организація кулачества, цѣлые милліоны «кулаковъ», солидарныхъ между собою, другъ друга поддерживающихъ, — которыхъ вся профессія, все призваніе заключается — въ кулачествѣ или эксплуатаціи христіанскаго населенія. Русскій «кулакъ» (хотя бы и цѣловальникъ) можетъ и перестать быть кулакомъ, можетъ раскаяться; кулачество въ немъ — извращеніе его духовной природы, уклоненіе отъ исповѣдуемыхъ имъ или врожденныхъ ему, какъ и всей окружающей его средѣ, общихъ началъ христіанской нравственности. Для Еврея же кулачество не есть грѣхъ, а почти святой долгъ, отчасти предписываемый или по крайней мѣрѣ разрѣшаемый его Талмудомъ, — долгъ, исправное исполненіе котораго гарантируется ему кагальнымъ устройствомъ. Наконецъ, между Русскими кулаками возможна конкурренція, которая болѣе или менѣе парализуетъ вредъ ихъ чрезмѣрнаго хищничества и не даетъ образоваться монополіи. Между Евреями, напротивъ, всякая конкурренція кагаломъ запрещена; ни одинъ Еврей не смѣетъ ни продать дешевле, ни купить дороже другого Еврея или вообще сбить ему цѣну: это — колоссальная стачка, это монополія милліоновъ людей, дѣйствующихъ по отношенію къ христіанскому населенію *какъ одинъ человѣкъ*. Нѣкоторыя газеты у насъ, въ своей заботѣ о благѣ Русскаго крестьянства, требуютъ особыхъ спеціальныхъ законовъ противъ деревенскихъ «кулаковъ». Прекрасно, но пусть же они требуютъ такихъ же законовъ въ огражденіе Русскихъ крестьянъ и отъ кулаковъ-Евреевъ, а въ этомъ вѣдь и заключается вся *суть* такъ называемаго Еврейскаго вопроса! Удивительное дѣло: наши соціалисты ораторствуютъ противъ «владычества капитала», возбуждаютъ даже почти и несуществующій у насъ

«рабочій вопросъ», — и совершенно молчатъ объ Еврейскомъ вопросѣ, тогда какъ нигдѣ и ни въ комъ такъ не воплотилась ненавистная имъ идея «капитала»—живьемъ и гольемъ, какъ въ Еврействѣ!..

Но неужели, скажутъ намъ, видъ разоряемыхъ, гонимыхъ Евреевъ не способенъ возбуждать состраданіе? И способенъ, и долженъ, но для чего же гуманность и сострадательность направлять только къ одной сторонѣ— Еврейской? Мы не видимъ, почему только несчастіе, постигшее десятки тысячъ Евреевъ въ недавнее время, заслуживаетъ участія, а муки, въ теченіе вѣковъ претерпѣваемыя Русскимъ населеніемъ, даже и вниманія недостойны? Для насъ, Русскихъ, кажется на первомъ планѣ все-таки должно быть благо Русскаго народа, а не пришлаго чуждаго племени...

Вовсе однакожъ не для того, чтобы «разжигать племенную или религіозную вражду между Русскимъ населеніемъ и Евреями», какъ можетъ быть воскликнутъ нѣкоторые, пишемъ мы эти строки. Мы желаемъ именно утвердить вопросъ на экономической и соціальной почвѣ, хотя и не можемъ отрицать, что подпочва его—не у Русскихъ, а *именно у Евреевъ*—все-таки племенная и религіозная. Не обвинительный актъ составляемъ мы противъ Евреевъ и вовсе устраняемъ изъ настоящаго спора интересъ племенной и религіозный. Мы хотимъ, напротивъ, если не мира, то перемирія или мировой сдѣлки, возможнаго компромисса. Мы хотимъ предотвращенія новыхъ безобразныхъ проявленій народной расправы, которыми мы гнушаемся не менѣе, какъ и наши поборники іудаизма, но которыхъ не предотвратятъ они способомъ защиты, *ими* избраннымъ. Тѣ, которые выставляютъ Евреевъ какъ оклеветанную, угнетенную невинность и отрицаютъ аномалію во взаимныхъ отношеніяхъ обѣихъ сторонъ, только поощряютъ Евреевъ къ упорствованію въ той пагубной системѣ дѣйствій, которая неизмѣнно ведетъ къ столкновенію съ Русскимъ сельскимъ населеніемъ, которая дѣлаетъ ихъ ненавистными народу: слѣдовательно не во благо, а во вредъ дѣйствуютъ самимъ же Евреямъ; слѣдовательно, не предупреждаютъ возможности новыхъ возмутительныхъ сценъ крестьянскаго мщенія, а накликиваютъ ее... Науськивая теперь энергію правительства на виновниковъ разгрома Еврейскихъ жилищъ, глумясь безпрестанно надъ администраціею, зачѣмъ она дѣйствовала не съ достаточною будто бы энергіей, не заставила солдатъ штыками и пулями защищать Еврейское имущество противъ христіанскаго населенія (т. е. зачѣмъ не ввела солдатское чувство дисциплины въ искушеніе!); издѣваясь надъ судомъ, зачѣмъ наказанія не довольно будто бы строги,—неужели наши ревнители Еврейства воображаютъ, что чрезмѣрнымъ усиленіемъ строгости и вооруженнымъ покровительствомъ Евреямъ не нарушится истинное правосудіе, -водворится между обѣими сторонами миръ и любовь, а не сильнѣйшая ненависть? Нѣтъ, для того, чтобъ устранить всякую возможность самовольной народной расправы, нужно, чтобъ была *законная* на Евреевъ *управа*, а ея-то и нѣтъ!...

Итакъ, прежде всего слѣдуетъ поставить вопросъ: нормально ли положеніе Евреевъ на нашемъ Западѣ и Югѣ, и ихъ отношеніе къ мѣстному населенію? Но неужели, послѣ всего нами изложеннаго, это еще можетъ быть вопросомъ? Неужели въ чудовищной аномаліи этого положенія и этихъ отношеній можетъ кто-либо серьезно и по совѣсти сомнѣваться? Мы не думаемъ. Но разъ существованіе аномаліи признано, самъ собою возникаетъ и другой вопросъ: какимъ образомъ прекратить эту аномалію? какъ

упорядочить взаимныя отношенія христіанъ и Евреевъ и установить правильный или по крайней мѣрѣ сносный modus vivendi? Въ болѣе простой формѣ это значитъ поставить вопросъ: не о какой-то эмансипаціи Евреевъ отъ Русскихъ христіанъ, а объ эмансипаціи отъ Еврейскаго гнета Русскаго населенія на нашемъ Югѣ и Западѣ,—о томъ: какимъ вѣрнѣйшимъ способомъ *обезвредить* Евреевъ? Это вопросъ серьезный, мудреный, сложный, надъ которымъ и слѣдуетъ поработать, въ интересѣ столько же Евреевъ, сколько и Русскаго народа, не увлекаясь мечтами о радикальномъ разрѣшеніи «Еврейскаго вопроса вообще»; таковое едва ли и возможно, хотя въ этомъ своемъ видѣ, какъ вопросъ обще-Европейскій, міровой—и въ то же время роковой—онъ уже начинаетъ сознаваться и возбуждаться въ Германіи. Намъ пока впору остановиться на первой его стадіи, т. е. разрѣшить его *отчасти*, какъ вопросъ мѣстный и историческій.

«Вмѣсто того, — сказали мы еще въ прошломъ году (48 № «Руси»),— «чтобы въ разрѣшеніи Еврейскаго вопроса въ Россіи бродить вокругъ да около, не лучше ли, не пора ли наступить на самую его сердцевину, т. е обратиться прежде всего къ пересмотру существующихъ законовъ и перестать *узаконять* и ограждать бытіе той чудовищной аномаліи, какую представляютъ отношенія Еврейства къ христіанскому населенію (съ *кагаломъ, бетъ-диномъ, мероніей, хазакой, гахлатомъ, херемомъ*), — «той исполинской могущественной стачки, разоряющей десятки милліоновъ Русскаго народа,—того государства въ государствѣ,—той тайной, космополитически-племенной Іудейской организаціи, которая опирается съ одной стороны на свой политическій національный центръ, на «Всемірный Еврейскій союзъ» въ Парижѣ, съ другой—на Русское же правительство, на Сводъ законовъ самой Россійской имперіи»!

Вотъ что̀ говорили мы еще въ прошломъ году; въ этомъ же отчасти смыслѣ высказались надняхъ и «Московскія Вѣдомости». Очевидно, что до отмѣны дѣйствующаго нынѣ законоположенія невозможно толковать ни о допущеніи свободнаго разселенія Евреевъ по всей Россіи (ибо это значило бы распространять на всю Россію дѣйствіе кагала), — ни о полной ихъ равноправности съ прочими Русскими подданными (ибо это значило бы дать права Русскихъ подданныхъ подданнымъ чужой, т. е. тайной Еврейской державы, т. е. надѣлить Евреевъ общими намъ всѣмъ правами, *въ придачу* къ тѣмъ особеннымъ важнымъ преимуществамъ племенной могущественной организаціи, которыми они теперь пользуются, - стало быть: ставить ихъ не въ равноправное, а въ привилегированное положеніе).

Но ошибочно было бы думать, что кагальное устройство было *навязано* Евреямъ нашимъ законодательствомъ. Напротивъ—всѣ Русскіе законы, благопріятствующіе организаціи, отъ которой «Московскія Вѣдомости» предлагаютъ теперь эмансипировать *самихъ* Евреевъ, были искуснымъ и хитрымъ образомъ внушены и подсказаны правительству не кѣмъ инымъ, какъ самими Евреями... Именно отмѣны этихъ законовъ и опасаются Евреи, — страхомъ отмѣны и вызвана теперь вся эта агитація, а не только разгромомъ имущества и «безпорядками»! Въ этомъ легко убѣдиться, вникнувъ въ смыслъ всѣхъ возгласовъ нашей іудофильской прессы (она же и «либеральная») и того негодованія, которымъ были встрѣчены Евреями и нашими іудофилами разоблаченія Брафмана.

О томъ, какъ бы обезвредить Евреевъ для христіанскаго народонаселенія.

Москва, 15-го сентября 1883 г.

Когда, года полтора тому назадъ, произошли въ Россіи такъ-называемые анти-Еврейскіе безпорядки, т. е. когда въ Елисаветградѣ, Одессѣ, Кіевѣ и во многихъ мѣстахъ нашего Юго-Запада, въ чертѣ Еврейской осѣдлости, народныя толпы совершали разгромъ Еврейскихъ жилищъ и имуществъ — притомъ большею частью безъ малѣйшихъ корыстныхъ побужденій; когда, однимъ словомъ, происходило то печальное и безобразное явленіе, которое гуманный и либеральный «Вѣстникъ Европы» — устами, правда, своего сотрудника, г. Костомарова — назвалъ такъ отвратительно грубо, но и мѣтко: «жидотрёпкой», — тогда не только въ Русскомъ обществѣ, но и по всей Европѣ поднялся такой шумъ, свистъ и гамъ, такой визгъ и даже ревъ негодованія, что бѣдная Россія, оглушенная, опозоренная, сконфуженная, не знала, куда отъ стыда и дѣваться. Русская печать (въ большинствѣ своихъ органовъ), не желая остаться позади Европейской, напротивъ усердствуя показать себя «на высотѣ призванія», громко, настойчиво, во имя культуры и цивилизаціи, требовала «энергическаго подавленія» безпорядковъ и осуждала тѣхъ изъ мѣстныхъ начальниковъ, которые нѣсколько медлили стрѣлять по народу и проливать Русскую кровь. Въ Кіевъ, въ Одессу помчались на крыльяхъ благородства души и любви къ прогрессу, вѣроятно также и на Еврейскій счетъ (а впрочемъ, какъ знать? быть можетъ даже и собственнымъ коштомъ!) найлиберальнѣйшіе, найпрославленные, найнажившіеся наши адвокаты въ качествѣ «гражданскихъ истцовъ», для защиты Еврейскихъ интересовъ,—въ сущности же въ качествѣ добровольныхъ прокуроровъ: да не избѣгнетъ уголовной кары никто изъ Русскихъ крестьянъ и мѣщанъ, заподозрѣнныхъ въ разгромѣ! Въ то же время въ Европѣ вездѣ и всюду образовывались комиссіи и комитеты, собиравшіе деньги въ пользу пострадавшихъ и бѣжавшихъ Русскихъ Евреевъ; гуломъ гудѣли насмѣшки и ругательства надъ Россіей; сходились публичные митинги, требовавшіе Россію къ международному суду; дѣлались запросы въ Британскомъ парламентѣ съ цѣлію затѣять изъ-за Евреевъ новый крестовый дипломатическій походъ противъ Россіи. Благородство либеральнаго негодованія шипѣло какъ въ котлѣ отъ Балтики до Адріатики, отъ Вислы до Атлантическаго Океана и за онымъ. Въ нашемъ отечествѣ не щадили ничего, чтобъ успокоить общественное мнѣніе Европы, сѣкли, запирали въ тюрьмы «виновниковъ» и приняли разъ навсегда твердое рѣшеніе: впредь могущіе возобновиться безпорядки подавлять уже безъ малѣйшей пощады, быстро и лихо, однимъ словомъ — не чиниться съ *своими*, Еврейскій же упадшій духъ ободрить и бѣжавшихъ Евреевъ гуманно воспринять вновь въ Русскія нѣдра. Ушли было изъ четырехъ милліоновъ Русскаго населенія до 14 т.; о такой великой потерѣ для нашего государства много тосковали нѣкоторыя наши газеты, но мы можемъ утѣшиться, что она теперь восполнена, и почти безъ убытка, такъ какъ бѣжавшіе и переселившіеся было на благотворительный счетъ въ Америку и въ Палестину оказались тамъ ни къ какому труду непригодными и къ колонизаціи неспособными,

а потому съ радостью возвратились на свои Западно-Русскія пажити, подъ благодѣтельный покровъ Русскаго правительства... Въ нынѣшнемъ году возобновился было въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно въ Екатеринославлѣ, разгромъ Еврейскихъ имуществъ, но тотчасъ же «энергически подавленъ», причемъ Евреевъ не погибло ни одного, а Русскихъ погибло отъ Русскихъ пуль довольно, и въ томъ числѣ нѣсколько совершенно невинныхъ.

Но вотъ что̀ замѣчательно. Уже второй мѣсяцъ безъ перерыва творятся въ Венгріи «анти-семитскіе безпорядки», и не нашимъ чета! Пока бушевали противъ Евреевъ только Венгерскіе Славяне, дѣло происходило какъ и у насъ,—хоть не красиво, но и не очень кроваво; какъ скоро же движеніе распространилось на мадьярское населеніе, несравненно менѣе благодушное, чѣмъ славянское, безпорядки перешли въ настоящія побоища: вооруженныя крестьянскія толпы не только грабятъ, но и бьютъ Евреевъ; въ свою очередь войска, являющіяся тотчасъ же для усмиренія, безцеремонно бьютъ, т. е. убиваютъ, крестьянъ, крестьяне—солдатъ,—съ обѣихъ сторонъ раненые и убитые... Цѣлые округа объявлены на военномъ положеніи. Зная характеръ Мадьярскаго племени, мы имѣемъ полное основаніе предположить, что дѣло въ этомъ азіатскомъ уголкѣ Европы обстоитъ еще несравненно хуже, чѣмъ передаютъ о немъ газеты, и совершается съ нѣкоторою обоюдною свирѣпостью. И однакожъ никакаго взрыва негодованія въ Европѣ не происходитъ,—благородство души и любовь къ прогрессу ведутъ себя на этотъ разъ очень смирно, не разражаются приличными случаю возгласами (даже и въ средѣ нашего либеральнаго лагеря); митинговъ не скликаютъ, въ парламентахъ запросовъ не дѣлаютъ, и стыдить, оскорблять Австро-Венгерское правительство угрозою дипломатическаго за Евреевъ заступничества никому и въ голову не приходитъ! Правда, и негодовать-то не на кого и не за что̀: въ Венгріи—конституція, да еще самая либеральная; Евреи пользуются наиполнѣйшею равноправностью съ христіанами; Венгерскія власти проливаютъ кровь своихъ Мадьяръ, Евреевъ ради, съ искреннимъ усердіемъ, безъ малѣйшей пощады, такъ что Австро-Венгерской печати, которая почти вся въ рукахъ Еврейскихъ, даже и подстрекать правительство вовсе нѣтъ надобности. Если однако же нѣтъ повода негодовать, то казалось бы—есть поводъ задуматься; но именно потому, что Австрійская пресса почти вся (да и Германская отчасти) руководима Евреями, ей и невыгодно останавливать слишкомъ долго общественное вниманіе на Венгерскихъ анти-семитскихъ безпорядкахъ. Невыгодно потому, что вѣдь невольно напрашивается вопросъ: если въ Россіи причиною народнаго гнѣва на Евреевъ, по толкованію либеральныхъ іудофиловъ, то ненормальное, неравноправное ихъ положеніе, которое создано имъ Русскимъ неконституціоннымъ законодательствомъ,—почему же въ конституціонной Венгріи, гдѣ они поставлены въ самыя наилучшія законодательныя условія, раздраженіе народа противъ Евреевъ еще сильнѣе, чѣмъ въ Россіи, и выражается въ формахъ несравненно болѣе грозныхъ. Несомнѣнно, что постановка подобнаго вопроса для Евреевъ вовсе неблагопріятна, а потому и нежелательна, тѣмъ болѣе, что настоящіе Венгерскіе анти-семитскіе безпорядки въ сильной степени умаляютъ значеніе таковыхъ же безпорядковъ въ Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ разоблачаютъ, болѣе или менѣе, и вздорность тѣхъ кликовъ и возгласовъ, той либеральной трескотни, кото-

рыми негодующая Европа совсѣмъ было сбила съ толку Русское общество и администрацію...

Должны бы умалить и разоблачить, а умалять ли и разоблачать ли дѣйствительно въ глазахъ нашей администраціи и такъ-называемой «интеллигенціи» — этого мы не знаемъ и еще не видимъ, да врядъ ли и увидимъ, пока вопросъ въ болѣе правильной своей формѣ не будетъ поставленъ за насъ, къ стыду нашему, самимъ Западомъ. Англійскій «Times», съ такимъ враждебнымъ высокомѣріемъ клеймившій Россію изъ-за Евреевъ года два тому назадъ, въ нынѣшнемъ году, по поводу анти-семитскихъ безпорядковъ въ Венгріи, уже разсуждаетъ иначе и приходитъ къ соображенію, что Россія видно не совсѣмъ была виновата и потерпѣла, бѣдная, отъ Европы можетъ быть даже совершенную напраслину, такъ какъ, судя по Венгерскимъ событіямъ, едва-ли не большая часть вины падаетъ на самихъ Евреевъ... Будемъ надѣяться, что авторитетный голосъ Англійскаго общественнаго мнѣнія придастъ нѣкоторую смѣлость и свободу сужденій и нашей Петербургской «Коммиссіи по устройству Евреевъ», предполагающей наконецъ, какъ пишутъ въ газетахъ, открыть свои засѣданія настоящею осенью.

Въ ожиданіи однакожъ этого открытія не безполезно, кажется намъ, разсѣять предварительно нѣкоторыя предубѣжденія и вообще туманъ, напущенный «высокопоставленными» Евреями и мнимолиберальною печатью на значительную часть нашей Петербургской бюрократической канцеляріи и прилегающихъ къ ней высшихъ общественныхъ сферъ. Эти предубѣжденія въ немалой степени затемняютъ истинный, существенный смыслъ анти-Еврейскихъ безпорядковъ въ Россіи. Можно, конечно, не безъ основанія утѣшаться успѣшнымъ ихъ подавленіемъ. Можно признавать вполнѣ разумною и цѣлесообразною мѣрою — возложеніе на мѣстныхъ губернаторовъ отвѣтственности за каждый не сразу подавленный анти-Еврейскій безпорядокъ. Мы и въ самомъ дѣлѣ видимъ, что мѣстныя власти дѣйствуютъ теперь несравненно рѣшительнѣе и смѣлѣе. Но было бы въ высшей степени опасно воображать, что никакого такого «Еврейскаго вопроса» и не существуетъ, что все это «вздоръ», «раздуто», что нужно только немножко «энергіи» и все пойдетъ себѣ по старому «обстоять благополучно»... Зная довольно близко мѣстныя условія Юго-Западнаго края (а въ Сѣверо-Западномъ они еще хуже, какъ это намъ также въ точности извѣстно), мы убѣждены, что такая «энергія», какъ бы она ни была теперь необходима, не только не упрощаетъ и не улучшаетъ, но усложняетъ и ухудшаетъ настоящее положеніе... Въ томъ-то и горе, что возстановляется «старое благополучіе», тотъ status quo, въ которомъ корень всѣхъ безпорядковъ. Всегда вѣдь успѣшно усмирялись военною расправой крестьянскіе бунты во времена крѣпостного права (которыя нѣкоторыми «консерваторами» выдаются у насъ теперь чуть не за золотой вѣкъ), — даже такіе бунты, которые вызывались самою жестокою помѣщичьею тиранніей; всегда удавалось водворять «старое» повиновеніе,—но безпорядки однакожъ не переставали, утихая въ одномъ мѣстѣ, возникали въ другомъ и прекратились только тогда, когда отмѣнилось самое крѣпостное право. Подавленіе анти-Еврейскаго движенія одною энергіею, положимъ, — похвальное дѣло, но ужъ слишкомъ злая, слишкомъ печальная необходимость, деморали-

зующая и усмирителей, и усмиряемыхъ! Оно никакъ неспособно убѣдить крестьянъ, удрученныхъ Еврейскимъ экономическимъ игомъ, въ томъ, что это иго—*благо*, дѣло вполнѣ законное, такъ ему и быть слѣдуетъ; что крестьяне не правы, когда хотятъ отъ него освободиться!.. Что «самоуправство» непозволительно,—это крестьяне очень хорошо понимаютъ и всегда охотно готовы признать. Но для того, чтобъ они могли удержаться на этой точкѣ зрѣнія, необходимо имъ видѣть и ощущать около себя присутствіе дѣятельной *правосудной* власти; нужно, чтобы власть умѣла внушить имъ твердое упованіе на лучшее будущее, т. е. на устраненіе ужасной аномаліи Еврейскаго гнета. Никакого однакожъ подобнаго упованія крестьянамъ отъ мѣстныхъ начальствъ не подается, и потому нѣтъ ничего и удивительнаго въ томъ, что при непреложной вѣрѣ народа въ справедливость *верховной* власти могла создаться въ его головѣ нелѣпая фикція, будто такимъ своимъ самоуправствомъ народъ не становится въ противорѣчіе съ верховною волею!. Въ настоящее время «энергія» мѣстной власти выступаетъ какъ бы только защитницей *существующаго* злого порядка: въ результатѣ «энергіи»—несравненно большее число убитыхъ и раненыхъ Христіанъ, чѣмъ поколоченныхъ Евреевъ,—глубокое раздраженіе въ народѣ, которое тѣмъ глубже, чѣмъ затаеннѣе,—пагубное недоумѣніе относительно образа дѣйствій правительства,—и еще болѣе пагубное торжество Евреевъ. Да въ концѣ-концовъ отъ всѣхъ нашихъ анти-Еврейскихъ безпорядковъ—въ выигрышѣ остались пока одни Евреи. Къ іудаизму и власти, и общество отнеслись какъ къ «угнетенной невинности», и теперь эта невинность ликуетъ и метитъ, воображая себя подъ особымъ правительственнымъ покровомъ. Но надобно знать, что такое Еврей торжествующій и ликующій! Пусть въ этомъ торжествѣ и ликованіи слышатся вѣка претерпѣнныхъ Еврейскимъ племенемъ мукъ и униженій,—мы допустимъ этотъ *реагентъ*, какъ обстоятельство, смягчающее вину,—но само по себѣ, независимо отъ этой исторической справки, ничего не можетъ быть нахальнѣе и заносчивѣе Еврея, какъ скоро онъ чувствуетъ свою силу. Разумѣемъ здѣсь Еврея типическаго, принадлежащаго къ массѣ, а не тѣхъ Евреевъ, въ которыхъ родной типъ болѣе или менѣе сглаженъ высшимъ Европейскимъ образованіемъ. Нельзя вѣдь не замѣтить, что во всѣхъ новѣйшихъ безпорядкахъ зачинщиками являлись *сами* Евреи, т. е. *поводомъ* къ нимъ служила какая-нибудь кулачная *еврейская* расправа съ христіанскими дѣтьми или женщинами. И это послѣ разгромовъ Еврейскаго имущества, а по ихъ разсказамъ—даже и избіеній Евреевъ въ 1881—82 годахъ! Очевидно, что имъ прибыло духа и смѣлости настолько, что они изъ трусливаго бѣгства переходятъ теперь въ наступленіе, отваживаются сами задирать своихъ недавнихъ гонителей! «Ну, что взяли? вы изъ насъ выпустили *пухъ*, а мы изъ васъ за то выпустили *духъ*», — такъ дразнили Евреи усмиренныхъ въ Екатеринославлѣ крестьянъ и мѣщанъ, указывая имъ съ одной стороны на пухъ, въ такомъ обиліи выпущенный «виновниками безпорядковъ» изъ Еврейскихъ перинъ, съ другой—на раненыхъ и убитыхъ, при энергическомъ усмиреніи, Христіанъ... Одной подобной еврейской *остроты* довольно, чтобъ уничтожить всю пользу отъ такихъ способовъ усмиренія. Самое уничтоженіе ихъ имуществъ Евреи сумѣли обратить въ своего рода выгодный гешефтъ, заранѣе припрятывая все многоцѣнное и

домогались потомъ вознагражденія вдесятеро противъ разгромленнаго дрянного скарба... Мы имѣли въ свое время не мало данныхъ о томъ, какъ праздновали они (и время покажетъ, разумѣется, что совершенно понапрасну) оставленіе графомъ Игнатьевымъ своего поста: на радостяхъ побили они артель великорусскихъ рабочихъ, устроивавшую шоссе въ Гродненской, кажется, губерніи, и чинили многія иныя неистовства... «Ничего не подѣлаешь», говоритъ теперь крестьянинъ, «восторжествовалъ Еврей,—сила! ... Не правы ли мы утверждая, что дѣйствующій способъ подавленія безпорядковъ самъ по себѣ, безъ другихъ мѣропріятій, только усложняетъ задачу и ухудшаетъ положеніе дѣла?

Въ большомъ ходу было (можетъ-быть въ силѣ и теперь) другое истолкованіе анти-Еврейскаго на Юго-Западѣ Россіи движенія, также направленное къ тому, чтобъ показать настоящій смыслъ печальныхъ событій и отвратить правительственный взоръ отъ ихъ настоящей причины. Утверждали, что «это-де все мутятъ нигилисты и соціалисты,—это-де несомнѣнно: въ бушующей толпѣ были не только зипуны и сермяги, но и пальто и пиджаки»! Но странно однако, что не обнаружено до сихъ поръ ни одной попытки направить движеніе противъ собственности христіанской или въ частности помѣщичьей! Не нигилисты ли и соціалисты волнуютъ народъ даже и въ Венгріи?! Если къ народной самовольной расправѣ приставалъ,—какъ это всегда водилось и водится,—всякій сбродъ *городской* черни, вмѣстѣ съ разными праздными гуляющими людьми, охотниками до всякихъ уличныхъ безпорядковъ, такъ во всякомъ случаѣ не они были зачинщиками, и не для чего такимъ дѣтскимъ объясненіемъ отводить глаза отъ правды. «Однакоже»,—возразятъ и уже возражали намъ: «какъ же это? сколько вѣковъ народъ терпѣлъ и вдругъ ни съ того, ни съ сего, да еще такъ повально...?» Но не возникновенію анти-Еврейскихъ безпорядковъ въ 1881 году слѣдуетъ удивляться, а развѣ народному долготерпѣнію, до сихъ поръ воздерживавшемуся отъ самовольной расправы! Понятно, впрочемъ, что съ уничтоженіемъ крѣпостной зависимости народъ и на нашемъ Югѣ и Западной окраинѣ повыдвинулся изъ прежняго забитаго состоянія, сталъ сознательнѣе относиться къ своему положенію, по крайней мѣрѣ приходить въ нѣкоторое гражданское *самочувствіе* и даже задавать себѣ самому вопросъ: почему же доселѣ не уничтожается та его зависимость отъ Евреевъ, которая несравненно хуже и тяжеле крѣпостной?...

Никакой другой причины безпорядковъ, кромѣ именно этого гнета Евреевъ надъ населеніемъ, искать не слѣдуетъ. На томъ и сказывается фальшивость нашего моднаго, но свободнаго духомъ «либерализма», что такъ-называемая «либеральная» у насъ печать приняла въ Еврейскомъ вопросѣ сторону угнетателей противъ угнетаемыхъ, эксплуататоровъ противъ эксплуатируемыхъ, «капитала» противъ «рабочихъ», — однимъ словомъ Евреевъ противъ Русскаго народа. Мы готовы объяснить такое поведеніе печати только совершеннымъ невѣжествомъ, такъ какъ нѣтъ возможности повѣрить ни гуманности, ни либерализму, ни любви къ прогрессу, ни христіанскимъ чувствамъ того, кто не изноетъ душой и сердцемъ при видѣ экономическаго и соціальнаго рабства, въ которомъ находится у Евреевъ въ Сѣверо-Западномъ и Юго-Западномъ краѣ Русскій сельскій народъ. Потому что настоящіе хозяева и господа края — Евреи:

они составляютъ въ немъ, за совершеннымъ почти недостаткомъ мѣстнаго русскаго купечества и вообще русскаго городского класса, нѣчто въ родѣ средняго сословія, во всякомъ случаѣ — классъ, высящійся надъ народомъ...

Но если кому не приволось бывать въ деревняхъ того края, пусть прочтетъ хоть сужденія и заключенія по Еврейскому вопросу Южно-Русскихъ земствъ, недавно опубликованныя: замѣтимъ при этомъ, что здѣсь дѣло идетъ о тѣхъ губерніяхъ, гдѣ Евреевъ сравнительно еще немного, такъ какъ тамъ, гдѣ ихъ всего больше — въ трехъ Украинскихъ и въ Сѣверо-Западныхъ губерніяхъ — земскія учрежденія еще не введены. Не отваживаясь въ области теоретической отступить отъ обще-принятой «либеральной» точки зрѣнія, вышеупомянутыя земства пользуются ею однако только какъ могучимъ аргументомъ для достиженія *своей практической* цѣли, т. е. для того, чтобъ какъ можно больше *сбыть* Евреевъ изъ своихъ губерній. Разсужденія ихъ въ сущности такого рода: «во имя-де такихъ-то высшихъ началъ необходимо даровать Евреямъ право свободнаго разселенія, и это для насъ очень кстати, потому что насъ они совсѣмъ одолѣли; перенеся же язву за черту Еврейской осѣдлости», сами мы отъ этой язвы навѣрное нѣсколько пооблегчимся; а что они — язва, тому прилагаются доказательства». Между тѣмъ само же Херсонское губернское земство, собравшее объ Евреяхъ обстоятельныя статистическія данныя, пишетъ, что «въ рукахъ Евреевъ, *при незначительномъ ихъ числѣ по отношенію къ общему числу жителей*, очутились всѣ главные виды торговли въ Херсонской губерніи». Стало быть зло вовсе не въ одной «скученности», или тѣснотѣ Еврейскаго населенія въ предѣлахъ Еврейской осѣдлости! По словамъ Херсонскаго земства, 90% всего числа питейныхъ и трактирныхъ заведеній, аренда цѣлой трети казенныхъ земель (слишкомъ 100 т. дес.), значительная поземельная собственность и т. д. принадлежатъ Евреямъ, несмотря на относительно «незначительное ихъ число». Но, арендуя землю и владѣя ею, земледѣліемъ сами они не занимаются, а сдаютъ ее крестьянамъ — на самыхъ тяжкихъ условіяхъ; если же прикладываютъ свои руки къ землѣ, то, по выраженію Херсонской губернской управы, «самымъ хищническимъ образомъ, вырубливаютъ всѣ древесныя насажденія, выпахиваютъ землю, имѣя единственною цѣлью барышъ и скорую наживу». Предсѣдатели съѣзда мировыхъ судей въ г. Тираспол҃ѣ и г. Александріи, опираясь на 12-лѣтнюю практику, свидѣтельствуютъ, что изъ числа Евреевъ, населяющихъ эти уѣзды, только по нѣскольку сотъ человѣкъ въ каждомъ занимаются обыкновенной торговлей; остальныя же тысячи, особенно же Евреи, проживающіе въ деревняхъ, почти исключительно занимаются «ростовщичествомъ, скупомъ у крестьянъ (во время нужды) за безцѣнокъ продуктовъ», явной и «тайной продажей питій», «съ пріемомъ вещей и хлѣба за водку, укрывательствомъ и переводомъ краденаго»,— вообще «безпощадною эксплуатаціей и развращеніемъ низшаго класса христіанскаго населенія»; въ этихъ Еврейскихъ занятіяхъ», т. е. безпощадной эксплуатаціи и развращеніи, видятъ земства Херсонской и Екатеринославской губ. и Елисаветградская дума главную причину вражды христіанъ къ Евреямъ.

А между тѣмъ еще недавно Петербургская газета «Новости» силилась истолковать эту вражду завистью христіанъ къ Еврейскому трудо-

любію и умѣнью устроить свою судьбу лучше и выгоднѣе! Лѣнивое и безпечное христіанское населеніе, — объясняетъ газета, — въ сознаніи своей личной несостоятельности послѣдовать доброму примѣру Евреевъ и вмѣсто того, чтобъ учиться у нихъ и подражать, предпочитаетъ мстить имъ своею грубою стихійною силою... Подумаешь, что и въ самомъ дѣлѣ Евреи представляютъ изъ себя какое-то благоустроенное общество, подобно, напримѣръ, нѣмецкимъ колоніямъ въ Россіи, по-истинѣ процвѣтающимъ благодаря трудолюбію и настойчивой работѣ! Мы знаемъ, однако, изъ земскихъ отчетовъ, что земледѣльческія колоніи изъ Евреевъ, устроенныя было правительствомъ на Югѣ съ отводомъ имъ по 20 десятинъ на душу превосходной земли и съ дарованіемъ многихъ льготъ, обратились въ какіе-то жалкіе, безобразные притоны грязи и нищеты, какъ и вообще Еврейскіе кварталы и мѣстечки въ Западной Россіи... Слѣдовать доброму примѣру Евреевъ?.. Удивительное дѣло! Негодовать на кулаковъ, клеймить ихъ прозваніемъ Разуваевыхъ и Колупаевыхъ—стало общимъ мѣстомъ въ нашей «либеральной» и даже іудофильской литературѣ; она даже постоянно требуетъ отъ правительства «строгихъ, самыхъ строгихъ мѣръ противъ кулачества, которыя бы избавили наконецъ бѣдныхъ сельчанъ отъ этой язвы», и въ то же время принимаетъ подъ защиту Евреевъ! Вѣдь не рѣшалась она до сихъ поръ обращаться къ крестьянамъ съ совѣтомъ: «послѣдуйте примѣру кулаковъ, станьте кулаками и сами?» Но теперь и этотъ совѣтъ преподаетъ имъ газета «Новости», ибо что же такое Евреи, за немногими личными исключеніями, какъ не цѣлая огромная организація и религіозная секта кулаковъ, у которой нѣтъ другой и задачи, другого и промысла въ жизни, какъ кулачествовать въ средѣ христіанскаго населенія? И именно потому, что ихъ цѣлое племя, а не одиночныя явленія, каковыми представляются такъ-называемые «кулаки» изъ Русскихъ,— именно потому Евреи, разоряя христіанское населеніе, выжимая изъ него послѣдній сокъ, и сами не разживаются, не составляютъ богатаго и благоустроеннаго общества.

Неправое стяжаніе — вотъ что вызываетъ гнѣвъ Русскаго народа на Евреевъ, а не племенная и религіозная вражда, какъ еще до сихъ поръ утверждаютъ нѣкоторые, самоуслаждаясь сознаніемъ своего собственнаго «культурнаго развитія». Въ наше время не можетъ быть и рѣчи о религіозной средневѣковой нетерпимости, а ужъ особенно въ Русскомъ народѣ, всегда отличавшемся и вѣротерпимостью, и человѣчностью по отношенію къ инородцамъ. Не только на Западной нашей окраинѣ, гдѣ пятивѣковое сожительство христіанъ и Евреевъ установило, въ вѣроисповѣдномъ отношеніи, совершенно мирный modus vivendi между ними, — но и въ остальной Россіи, гдѣ всякихъ басурмановъ довольно, никогда отъ нашего народа не подвергались они никакому преслѣдованію за вѣру, если только сами не посягали на оскорбленіе вѣры народной. Правда, предубѣжденіе противъ Евреевъ врожденно каждому христіанину, и Русскому также, но оно не настолько сильно, чтобы могло само по себѣ служить серьезнымъ препятствіемъ къ распространенію и на нихъ общихъ правъ, присвоенныхъ всѣмъ прочимъ Русскимъ подданнымъ, какого бы племенного происхожденія и какого бы вѣроисповѣднаго закона они ни были. Не мало обращается въ Русскомъ обществѣ Евреевъ, кончившихъ курсъ наукъ въ высшихъ учеб-

ныхъ заведеніяхъ, имѣющихъ разныя высшія, такъ-называемыя либеральныя профессіи, адвокатовъ, медиковъ, состоящихъ на службѣ и пользующихся полнотою гражданскихъ правъ: имъ трудно на что-либо пожаловаться, они ни у кого не въ презрѣніи, если только полученное ими образованіе выдѣлило ихъ изъ общаго типа, присущаго Евреямъ какъ націи. Намъ самимъ удалось встрѣчать во время нашихъ разъѣздовъ по Россіи, и именно въ Бессарабіи (хотя этому уже и давно), Евреевъ вполнѣ честныхъ, высоко-просвѣщенныхъ, чуждыхъ всякаго анти-христіанскаго фанатизма, о которыхъ мы сохраняемъ самое отрадное воспоминаніе, но таковые составляютъ лишь исключеніе, — не о нихъ и рѣчь. Если бы дѣло шло только о таковыхъ, да о «Наѳанахъ Мудрыхъ», тогда въ разрѣшеніи Еврейскаго вопроса не встрѣтилось бы и никакого затрудненія; но дѣло идетъ объ Евреяхъ какъ племени или даже какъ «націи»: такъ они въ своихъ литературныхъ органахъ и сами себя называютъ, да они и дѣйствительно представляютъ изъ себя особый своеобразный — соціальный и даже въ нѣкоторомъ родѣ политическій организмъ.

Пора имѣть мужество, наконецъ, посмотрѣть дѣлу прямо въ глаза и при обсужденіи Еврейскаго вопроса отрѣшиться отъ всякихъ предвзятыхъ теорій, повидимому возвышенныхъ, гуманныхъ и либеральныхъ, которыми у насъ, да и въ Европѣ, этотъ вопросъ еще такъ плотно окутанъ, что истинная его сущность до сихъ поръ плохо дается уразумѣнію. Такъ-называемые «анти-Еврейскіе безпорядки» краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, что «гуманность» и «либерализмъ», съ точки зрѣнія которыхъ обязательно было для образованнаго общества относиться къ іудаизму, оказались на практикѣ безчеловѣчностью и тираніей для беззащитнаго христіанскаго населенія: очевидно, что то была ложная гуманность и ложный либерализмъ, — ложные потому, что были совершенно чужды живаго познанія дѣйствительности и не принимали въ соображеніе реальной жизненной правды. Только на почвѣ этой правды и можетъ быть отыскано основаніе для такого истинно-разумнаго отношенія къ Евреямъ, которое, дѣлая ихъ безвредными для Христіанъ, было бы дѣйствительнымъ благомъ и для самихъ. Поэтому плохую, безчеловѣчную услугу оказываютъ Евреямъ тѣ наши «либералы» и іудофилы, которые почитаютъ своимъ всенепремѣннымъ долгомъ защищать Евреевъ quand même: отрицая ихъ дурныя свойства и дѣйствія, они тѣмъ пуще утверждаютъ и упрочиваютъ ту общественную аномалію, съ которой никакая страна мириться не можетъ.

Если предложить кому бы то ни было, для разрѣшенія a priori, вопросъ въ такой формѣ: «вотъ четыре милліона Русскихъ подданныхъ, хотя и не Русскаго племени и вѣры: не слѣдуетъ ли сравнить ихъ въ гражданскихъ правахъ со всѣми прочими Русскими подданными, въ силу требованій справедливости и принципа государственнаго единства?» На такой вопросъ, хотя бы дѣло шло о племени Еврейскомъ, никто конечно не отвѣтилъ бы отрицательно, а выразилъ бы полное свое согласіе. Но ужъ совсѣмъ иной получится отвѣтъ, если поставимъ вопросъ ближе къ дѣлу, ну хоть такъ, напримѣръ: слѣдуетъ ли предоставлять полноту гражданскихъ правъ... Шекспирову Венеціанскому Еврею Шайлоку? Никто, конечно, полноправности для Шайлока не пожелаетъ. Но вѣдь Шайлокъ — извергъ, явленіе исключительное, возразятъ намъ; такой примѣръ и приводить неприлично.

Мы и привели его только для того, чтобы рѣзче выяснить нашу мысль; но замѣтимъ притомъ, что Шайлокъ — явленіе вовсе уже не такое исключительное или случайное, а несомнѣнно національно-Еврейскій типъ, только воспроизведенный въ *крайнемъ* своемъ выраженіи. Представимъ теперь себѣ цѣлое племя, хотя бы и съ нѣкоторыми изъятіями, Шайлоковъ въ миніатюрѣ, даже сравнительно микроскопическихъ, но все же Шайлоковъ; если это именованіе не нравится, назовемъ ихъ по народному «піявицами», или по литературному хоть только «эксплуататорами», «кулаками», «развратителями» (какъ выражается Херсонское земство), и опять поставимъ вопросъ: справедливо ли и удобно ли эксплуататорамъ и развратителямъ низшаго класса Русскаго населенія, при томъ же иноплеменнымъ, предоставлять полноту гражданскихъ правъ, т. е. еще бо́льшія средства для эксплуатаціи и развращенія? На такой вопросъ и самый отчаяннѣйшій Россійскій «либералъ» отвѣтитъ, безъ сомнѣнія, отрицательно.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ составѣ имѣющей открыться Петербургской Комиссіи будутъ находиться люди знакомые не по наслышкѣ, а лицомъ къ лицу, съ настоящимъ положеніемъ Еврейскаго дѣла въ нашемъ Юго-Западномъ и Сѣверо-Западномъ краѣ. Можно поэтому быть увѣреннымъ, что Комиссія будетъ первѣе всего и пуще всего имѣть въ виду — ***благо Русскаго народа***, и что Еврейскій вопросъ изъ области отвлеченной теоріи будетъ низведенъ ею на *практическую* почву, т. е. предстанетъ предъ ней на первыхъ же порахъ въ такой формѣ: «какимъ образомъ освободить низшій классъ христіанскаго населенія въ чертѣ Еврейской осѣдлости отъ экономическаго и соціальнаго гнета Евреевъ?» Рѣшаться же этотъ практическій вопросъ долженъ опять въ силу практическихъ, а не отвлеченныхъ соображеній. Рѣшеніе, какъ извѣстно, имѣется у всѣхъ нашихъ теоретиковъ наготовѣ, — давно подсказывается и Европой. Оно заключается въ уничтоженіи самой «черты осѣдлости», т. е. въ предоставленіи Евреямъ права свободнаго разселенія по всей Россіи, на томъ основаніи, что вредъ отъ Евреевъ происходитъ-де главнымъ образомъ отъ ихъ «скученности» и что эта-де мѣра будетъ способствовать убавленію ихъ числа въ мѣстахъ ихъ настоящаго жительства. Но Комиссія по всей вѣроятности не упуститъ заняться разсмотрѣніемъ и слѣдующихъ вопросовъ: точно ли въ ***скученности*** заключается корень всего зла, и можно ли назвать скученностью разселеніе четырехъ милліоновъ на пространствѣ 25 губерній имперіи (включая сюда и Царство Польское)? Точно ли въ большомъ размѣрѣ убудетъ Евреевъ изъ Западной окраины Россіи при свободѣ передвиженія? Мы въ этомъ сомнѣваемся: слишкомъ ужъ тамъ имъ привольно при отсутствіи туземнаго торговаго класса). Наконецъ, не слѣдуетъ ли, при переселеніи Евреевъ въ глубь Россіи, за черту ихъ настоящей осѣдлости, отнестись къ этому обстоятельству съ точки зрѣнія *покровительственнаго тарифа?* Если къ таковому тарифу прибѣгаютъ съ тѣмъ, чтобы, ограждая отъ посторонней конкуренціи вызвать къ жизни, поставить на ноги и развить у себя дома извѣстную отрасль промышленности, то не примѣнима ли та же система къ насажденію ремеслъ и промысловъ, къ образованію торговаго класса съ правильными пріемами торговли среди неразвитаго еще народа, въ той или другой еще глухой мѣстности, еще не довольно пробудившейся къ жизни? Наплывъ иноплеменныхъ

мещиковъ-эксплуататоровъ въ такую мѣстность можетъ вѣдь на вѣки или по крайней мѣрѣ на долгій срокъ подсѣчь подъемъ и развитіе мѣстныхъ производительныхъ народныхъ силъ, какъ это и случилось въ Западной Россіи, благодаря Польскимъ королямъ, напустившимъ въ нее Еврейство. Очевидно, что съ «разселеніемъ» слѣдуетъ во всякомъ случаѣ поступать осторожно.

Но главный, существенный отвѣтъ на вопросъ о пользѣ Еврейскаго свободнаго разселенія по Россіи и вообще Еврейской гражданской полноправности должна Комиссія поискать въ практическомъ примѣрѣ самой Европы. Какой, вообще, практическій результатъ даетъ тамъ устраненіе всякихъ законодательныхъ различій между Евреями и не-Евреями?.. На этотъ вопросъ Венгрія отвѣчаетъ кровавыми анти-семитическими безпорядками; высокопросвѣщенная, «культурная» и «цивилизованная» Германія—антисемитической лигой»; республиканская Швейцарія отвѣтила надняхъ (см. «Новое Время» 1 сент.) постановленіемъ митинга въ Цюрихскомъ кантонѣ объ образованіи ассоціаціи для борьбы съ Евреями, обвиняемыми «въ порабощеніи и разореніи крестьянъ посредствомъ ростовщичества» и въ томъ, что, несмотря на признанную за ними гражданскую равноправность, они «продолжаютъ составлять совершенно особую расу и держатъ себя вдали отъ всѣхъ національныхъ интересовъ». Наконецъ Англія устами «Times'a» дала надняхъ слѣдующій замѣчательный отвѣтъ. «Чѣмъ ближе Евреи,—говоритъ газета,—*въ томъ видѣ какъ они есть*, будутъ поставлены къ коренному населенію, тѣмъ сильнѣе будетъ противъ нихъ всеобщая ненависть»... «Мы всѣ слышали розовыя предсказанія объ исчезновеніи этихъ вещей (т. е. вражды и ненависти) подъ вліяніемъ сближенія и знакомства. *Растущая* ненависть, съ которою къ Евреямъ относятся въ большей части Европы, можетъ однако заставить призадуматься нашихъ теоретиковъ. Дѣйствительно, общеніе устраняетъ національные предразсудки, но только тогда, когда различія настолько малы, что способны чрезъ общеніе уничтожиться. Если же различія остаются, то болѣе тѣсное общеніе вызоветъ, вѣроятно, болѣе интенсивную ненависть»...

Этими словами подтверждается отчасти и наша основная мысль. Прежде предоставленія Евреямъ гражданской полноправности необходимо подумать о томъ: какъ бы ихъ *обезвредить*, какъ бы, для блага самихъ Евреевъ, измѣнить ихъ настоящій національный, болѣе или менѣе Шейлоковскій типъ. Для рѣшенія же этого капитальнаго вопроса необходимо изслѣдовать — въ чемъ именно коренится этотъ типъ, чѣмъ онъ поддерживается... По нашему мнѣнію, кромѣ разныхъ общихъ историческихъ причинъ, поддерживается онъ въ настоящее время болѣе всего Талмудомъ и кагаломъ, а также поблажкой современнаго лживаго гуманизма и либерализма, который,—вмѣсто того чтобы помочь несчастнымъ Евреямъ перестать быть тѣмъ, «чѣмъ они есть», вредными себѣ и другимъ,—изо всѣхъ силъ старается доказать, что Евреи именно хороши какъ они есть и никакого отъ нихъ вреда никогда не существовало и не существуетъ... Но объ этомъ до другого раза...

Обезвредятся ли Евреи, преобразовавшись въ культурный слой?

Москва, 1-го октября 1883 г.

Мы сказали въ послѣдній разъ, что вся сущность мудренаго и многосложнаго Еврейскаго вопроса сводится къ практическому вопросу: *обезвредить Евреевъ*, для чего необходимо изслѣдовать свойства, корень и причины ихъ вредоносности. Евреямъ и ихъ защитникамъ такая постановка вопроса покажется, по всей вѣроятности, неделикатною, какъ потому, что она подразумѣваетъ Еврейскую вредоносность фактомъ общепризнаннымъ и несомнѣннымъ, такъ и потому, что подводитъ подъ это опредѣленіе или, пожалуй, обвиненіе—цѣлую «націю». Что касается до деликатности вообще, то едва-ли можно признать умѣстною такую деликатность, которая является въ сущности превеликою грубостью и даже жестокостью относительно низшаго русскаго населенія, т. е. относительно народа — хозяина страны, давшей Евреямъ убѣжище. Обстоятельства настоящей поры настолько серьезны, что требуютъ не либеральной галантерейности, столько же пагубной для христіанъ, сколько и для Евреевъ, — а правды, одной лишь правды, конечно самой безстрастной, потому что она одна и можетъ послужить ко благу не христіанамъ только, но и въ особенности самимъ Евреямъ: Еврейскій вредъ вредитъ наиболѣе Еврейскому же племени. А что этотъ вредъ — фактъ общепризнанный, доказывается тѣмъ, что онъ служитъ *точкою отправленія* (хотя бы иногда изъ фальшивой деликатности и маскированною) при всякомъ обсужденіи Еврейскаго вопроса, при всякомъ законодательномъ его разрѣшеніи. Самое уравненіе Евреевъ въ правахъ съ коренными подданными государства предлагается защитниками іудаизма большею частью какъ средство *обезвреживающее*; при этомъ обыкновенно указывается на Францію, Англію, Италію именно какъ на назидательный примѣръ, что благодаря равноправности Евреи этихъ государствъ перестали будто бы быть *вредными*, или что *вредъ* отъ нихъ теперь не слишкомъ ужъ сильно чувствителенъ. Такъ или иначе, въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ, но къ прискорбію несомнѣнно, что понятіе о *вредѣ* неразлучно съ понятіемъ объ Евреѣ. Не иначе какъ въ смыслѣ *положительнаго* утвержденія можно разумѣть анти-Еврейскіе безпорядки въ Венгріи, анти-семитическую лигу въ самой Германіи, мѣры, принимаемыя противъ Евреевъ въ Швейцаріи. Что же касается Россіи, то послѣ оффиціальныхъ свидѣтельствъ, приведенныхъ въ передовой статьѣ прошлаго № *), кажется, объ Еврейскомъ вредѣ не должно бы быть и спора; едва-ли достало бы духа самому смѣлому изъ Русскихъ самопатентованныхъ «гуманистовъ» выразиться, напримѣръ, про Западную Россію такимъ образомъ: «благословенный край, обилующій Евреями! всюду являешь ты признаки здороваго роста, благодаря этому полезному, трудолюбивому племени, истинному благодѣтелю Русскаго народа, такъ что при видѣ Еврея (а онъ попадается на каждомъ шагу) сердце исполняется признательностью!» Не достанетъ? Такъ незачѣмъ и лицемѣрить!

---

*) См. предыдущую статью.

«Не отступая ни на шагъ отъ истины, мы не умалчиваемъ о томъ, что въ низшихъ слояхъ Еврейской націи только что начала исчезать *ненависть къ населенію*, среди котораго они бѣдствуютъ... Зная хорошо свою націю, мы убѣждены, что единственный путь къ слитію Евреевъ съ кореннымъ народомъ, это — разсѣять, разметать ихъ по всему пространству нашей обширной родины. Чѣмъ больше они исчезнутъ въ массѣ другихъ племенъ, тѣмъ скорѣе проникнетъ къ нимъ цивилизація, тѣмъ легче и тѣснѣе будетъ сближеніе съ христіанами. Тамъ, гдѣ Евреи наиболѣе стиснуты и скучены въ одну сплошную массу, *тамъ замкнутость, мракобѣсіе и фанатизмъ представляютъ самое печальное*, по соціально-экономное и *неизбѣжное зрѣлище*. Расторженіе тѣснаго круга дастъ имъ возможность двинуться впередъ» и проч. Вотъ что имѣли благородное мужество написать намъ и даже напечатать у насъ въ «Днѣ» (1862 г. № 32) за своею подписью два Еврея—врачи Леонъ Зеленскій въ Полтавѣ и Веніаминъ Португало (извѣстный теперь подъ именемъ Португалова) въ Пирятинѣ. Правда, они являются здѣсь ходатаями за свободное Еврейское разселеніе, но мы привели эти строки не ради ихъ выводовъ въ пользу такой законодательной мѣры, а ради свидѣтельства, искренности котораго никто заподозрить не можетъ, о томъ, что такое Евреи въ Западной Россіи. Аргументъ же ихъ противъ скученности—общее мѣсто, не выдерживающее никакой критики. Кто же велитъ Евреямъ скучиваться, напримѣръ, въ Галиціи, въ Венгріи, гдѣ «расторженіе тѣснаго круга» произошло давно, гдѣ имъ вольно «разсѣяться и разметаться» по всему пространству Австро-Венгерской имперіи? Кто же заставилъ 14 т. Евреевъ, бѣжавшихъ со страху изъ Россіи послѣ первыхъ анти-Еврейскихъ безпорядковъ, вновь въ нее возвращаться, въ самыя тѣ мѣста, гдѣ они, по словамъ вышеназванныхъ двухъ врачей, «бѣдствовали», гдѣ населеніе поступило съ ними такъ грубо и гдѣ вѣдь не осталось у нихъ никакого имущества? Тоска по родинѣ, что ли? Да вѣдь они на этой Русской родинѣ даже и Русскимъ языкомъ не говорятъ, а употребляютъ особый Нѣмецкій жаргонъ, который сближаетъ ихъ гораздо тѣснѣе съ Германіей, чѣмъ съ Россіей? Почему же они не остались въ Америкѣ или Палестинѣ? Міръ великъ и безъ нашего отечества, есть, слава Богу, гдѣ разсѣяться и разметаться.

Мы убѣждены, что какъ ни «расторгай кругъ» — Евреи изъ нашего Юга и Запада не двинутся, т. е. громадное большинство ихъ останется тутъ же, хотя, конечно, не малая доля ихъ распространится и по другимъ краямъ Россіи: набѣгутъ и изъ Австріи и изъ Германіи. Дѣло въ томъ, что Евреевъ именно тянетъ туда, гдѣ удобна почва для эксплуатаціи, гдѣ низшее народонаселеніе просто цуино, бѣдно, лѣниво, невѣжественно, легко поддается обману и такъ смиренно, что способно съ долгимъ, предолгимъ терпѣніемъ нести чужое иго. Таково народонаселеніе въ Западной Россіи, таково оно и во многихъ мѣстахъ Россіи. Къ намъ доносятся жалобы на Евреевъ даже изъ Сибири, даже изъ Владивостока, даже съ Сахалина, гдѣ конечно никакой «Еврейской скученности» не имѣется, но гдѣ «неразвитость» мѣстныхъ жителей попала въ тиски какой-нибудь сотни ловкихъ Евреевъ, даже и того менѣе. Можно, пожалуй, осуждать, вмѣстѣ съ нѣкоторыми нашими «либеральными» и іудофильскими газетами, эту неразвитость, эту нравственную дряблость, эту духовную лѣность низшаго наро-

донаселенія, которая не умѣетъ иначе противодѣйствовать Еврею какъ кулакомъ; можно, пожалуй, признавать разумными совѣты, предлагаемые Галицко-Русскою газетой «Дѣло», схожіе отчасти съ мѣрами уже принимаемыми въ Цюрихскомъ кантонѣ въ Швейцаріи,—т. е. учрежденіе товариществъ и союзовъ въ средѣ крестьянъ для взаимной помощи — минуя Евреевъ; дешеваго кредита, который далъ бы возможность оберечь народъ отъ Еврейскаго ростовщичества, взаимнаго обязательства: не поступать къ Евреямъ въ работники, не поручать имъ подрядовъ и т. д.,—но въ концѣ-концовъ какой же смыслъ всѣхъ этихъ упрековъ и этихъ мѣръ? Упрекають населеніе за неумѣніе защищаться отъ пронырства и кулачества... кого? Евреевъ! Измышляютъ мѣры для борьбы, положимъ, мирной, раціональной, но съ кѣмъ? съ Евреями, т. е. съ вредомъ, Евреями наносимымъ. Какъ ни отворачивайся отъ вывода, но онъ на лицо, во всей своей безпощадной, грубой логической послѣдовательности: понятіе объ Евреяхъ вездѣ, повсемѣстно, въ сознаніи всѣхъ и каждаго неразрывно съ понятіемъ о вредѣ. Выводъ по-истинѣ печальный и тѣмъ болѣе заслуживающій серьезнаго, безстрастнаго вниманія просвѣщенныхъ передовыхъ людей Еврейскаго происхожденія.

«Не слишкомъ ли однакожъ жестоко», могутъ быть замѣтятъ намъ, «подвергать такому огульному обвиненію цѣлую націю? Семья не безъ урода, злыхъ людей довольно во всякой странѣ, — справедливо ли, за отдѣльныя лица, подвергать отвѣтственности весь народъ?» Въ томъ-то и дѣло, что здѣсь понятія о жестокости и о справедливости требуютъ совершенно *обратнаго* отношенія, именно: было бы по-истинѣ жестоко обвинять огульно цѣлую Еврейскую націю, —*не допуская возможности исключеній;* было бы несправедливо подвергать отвѣтственности *каждое отдѣльное лицо, каждаго отдѣльнаго Еврея*—за грѣхъ цѣлаго *народа*. Вредъ, о которомъ мы говорили выше, не составляетъ неизбѣжную личную принадлежность *каждаго* человѣка Еврейской расы; въ этомъ вредѣ Еврей виноватъ не столько индивидуально, сколько именно какъ членъ націи или сынъ своего народа: однимъ словомъ, вредоносность Еврейская —свойство *національное*, свойство Евреевъ какъ націи, и во сколько Еврей, благодаря личной силѣ духа или высшей культурѣ, выдѣляется изъ своего народа, освобождается изъ-подъ власти *національно*-религіознаго своего законодательства или національныхъ предразсудковъ, настолько утоляется и его вредоносность. Мы имѣли счастіе знать, знаемъ и теперь нѣсколько Евреевъ, по своимъ *личнымъ* свойствамъ вовсе не вредныхъ, честныхъ, хорошихъ людей, но они-то, къ несчастію, и принадлежатъ къ категоріи *уродовъ* въ семьѣ или исключеній. Этими исключеніями только сильнѣе подтверждается общее положеніе о вредѣ Евреевъ какъ народа или націи («націей» любятъ они себя называть и сами; да оно такъ и есть).

Казалось бы, отсюда прямой выводъ слѣдующій: *если* то общепризнанное свойство Еврейское, которое ставитъ христіанское населеніе въ такое враждебное къ нимъ отношеніе,—если именно *вредъ*, съ понятіемъ о которомъ отождествляется понятіе объ Евреяхъ, не составляетъ такой непремѣнной принадлежности каждаго Еврея, какъ напримѣръ черная кожа у Негра, а является принадлежностью Евреевъ только какъ націи, то для блага Христіанъ, среди которыхъ такая нація поселилась, равно и для блага

самихъ Евреевъ слѣдуетъ желать, чтобъ это ихъ единство было нарушено, т. е. чтобъ они отрѣшились отъ своего національнаго типа и перестали составлять изъ себя особую *націю*, которая неминуемо, роковымъ образомъ, обречена самою судьбою на «вредоносность». Въ этомъ смыслѣ и надо понимать слова, выше нами приведенныя, двухъ Еврейскихъ врачей, именно, что «чѣмъ больше Евреи, разсѣявшись, разметавшись по всему пространству Россіи, *исчезнутъ въ массѣ другихъ племенъ*, тѣмъ скорѣе проникнетъ къ нимъ цивилизація, *тѣмъ легче и тѣснѣе* будетъ сближеніе съ Христіанами».

Но такъ разсуждаютъ только передовые Евреи, и даже совершенно выдѣлившіеся изъ Еврейскаго общества. Обольщаться надеждою на легкость расторженія Еврейскаго національнаго союза и исчезновенія его въ массѣ племенъ было бы самою грубою ошибкою. Конечно, въ настоящую пору Евреи, проходя черезъ гимназіи и университеты, удостоиваясь ученыхъ степеней и вращаясь въ высшемъ, образованномъ христіанскомъ обществѣ, притомъ же обезпеченные какими-либо «либеральными профессіями», повидимому, совершенно свободны отъ своихъ національныхъ религіозно-законодательныхъ предразсудковъ и не представляютъ изъ себя какого-то отдѣльнаго народнаго союза. Да, повидимому, и даже пожалуй не повидимому, а дѣйствительно такъ, но только *теперь* пока такихъ «ученыхъ» Евреевъ еще немного. То ли же самое будетъ, когда таковыхъ Евреевъ образуется масса? Вотъ въ чемъ вопросъ, и очень серьезный и важный. Примѣръ Германіи и Австріи, гдѣ уже огромное число Евреевъ пріобщилось къ высшему Европейскому образованію, орудуетъ прессой, налагаетъ свою печать на литературу,—этотъ примѣръ даетъ пока на поставленный нами вопросъ отвѣтъ нисколько не утѣшительный. Напротивъ, возникновеніе анти-семитической лиги, къ которой принадлежатъ не какіе-либо изувѣры, невѣжды, а люди высокаго просвѣщенія и высокихъ нравственныхъ достоинствъ, которыхъ никто, конечно, въ средневѣковой религіозной нетерпимости не заподозритъ, — возникновеніе таковой лиги свидѣтельствуетъ объ опасности, которую начинаетъ чувствовать германское общество отъ вторженія въ его среду Еврейскаго національнаго элемента. Борьба съ Евреями, которая въ Россіи, въ Венгріи, и еще въ многихъ мѣстахъ Европы происходитъ между низшими классами христіанскаго населенія и ближайшимъ къ нему населеніемъ Еврейскимъ, какъ борьба исключительно-экономическая и притомъ грубая, матеріальная, — въ Германіи перенесена въ сверхнародные общественные слои и организовалась теперь не на экономическомъ только полѣ, а и въ другихъ высшихъ областяхъ существованія, такъ сказать въ самомъ нутрѣ цивилизаціи, между цивилизованными Христіанами и цивилизованными Евреями. Стало-быть, съ умноженіемъ числа послѣднихъ, они, Евреи, не исчезаютъ болѣе въ общемъ составѣ христіанскаго общества, какъ это происходило сначала, когда цивилизація была еще удѣломъ очень немногихъ Евреевъ, доставалась имъ порознь, — какъ это происходитъ пока и у насъ. Цивилизованные Евреи въ Германіи уже образуютъ теперь довольно плотную солидарность, слагаются *снова* въ Еврейскую «націю», отъ принадлежности къ которой, повидимому, отрѣшились или, по ходячему мнѣнію, должны были отрѣшиться — чрезъ пріобщеніе къ Европейскому «прогрессу». Вѣрнѣе сказать: они преобра-

зовываются въ *культурный слой Еврейской націи*, ядро которой или основной слой—хранилище Еврейской вредоносной національности—Еврейскія массы, милліоны, Евреевъ угнетающіе низшіе классы населенія въ христіанскихъ странахъ, преимущественно въ восточной половинѣ Европы. Поэтому и «вредъ» Еврейскій,—доселѣ, и у насъ въ Россіи по преимуществу, проявляющійся въ грубой эксплуатаціи, въ высасываніи соковъ изъ сельскаго и мелкаго городского населенія,—въ Германіи и Австріи долженъ принять и уже принимаетъ иную форму—вреда *культурнаго*, т. е. начала отрицательнаго, деморализующаго, разъѣдающаго христіанское общество, враждебнаго существеннымъ духовнымъ основамъ христіанской цивилизаціи. Послѣдствія этого вреда, какъ и вообще значеніе іудаизма въ духовно-культурномъ развитіи Европейскаго Запада, теперь еще не вполнѣ ясны для сознанія, но несомнѣнно обнаружатся въ будущемъ: христіанскій идеализмъ немыслимъ при усиленіи въ обществѣ духовныхъ началъ, сокрытыхъ въ современномъ іудаизмѣ, который, отвергнувъ Христа, обратился въ своего рода религіозный матеріализмъ.

Намъ въ Россіи эта сторона Еврейскаго вреда еще мало извѣстна, но ее можно уже и теперь наблюдать въ Германіи и Австріи. Если однако же намъ еще не грозитъ опасность отъ культурныхъ Евреевъ, все же не мѣшаетъ намъ и теперь принять ее въ соображеніе, тѣмъ болѣе, что еще издавна, въ числѣ обезвреживающихъ средствъ, на первомъ планѣ числится у насъ: «распространеніе между Евреями образованія посредствомъ разныхъ поощрительныхъ мѣръ». Нѣтъ никакой надобности усиливать это поощреніе. И безъ того на нашемъ Югѣ и Западѣ учащіеся Евреи до такой степени переполняютъ наши государственныя среднія учебныя заведенія, содержимыя на деньги Русскаго народа, что кореннымъ жителямъ, дѣтямъ этого народа, хозяевамъ страны, приходится сплошь да рядомъ отказывать въ образованіи за неимѣніемъ вакансій. Ну, развѣ это не странный порядокъ вещей? Народъ эксплуатируемый, удручаемый экономически и соціально Евреями, осуждается пребывать въ невѣжествѣ для того, чтобъ Евреи же, на его же счетъ, могли получать образованіе!.. Не говоря о природныхъ способностяхъ даровитаго Еврейскаго племени, Евреи вообще сильно преуспѣваютъ въ школѣ (и даже сильнѣе, чѣмъ ихъ Русскіе товарищи) уже потому, что видятъ въ ней средство не только для полученія полноправности, но главнымъ образомъ для пріобрѣтенія выгодныхъ «либеральныхъ профессій». Они все болѣе и болѣе наполняютъ наши университеты. Наука—дѣло прекрасное, но всѣ мы знаемъ, какъ поставлена «наука» въ Русскомъ государствѣ. «Наука» у насъ—это значитъ дипломъ, это значитъ мундиръ со шпагой и треуголкой, это значитъ 12-й или 10-й классъ по табели о рангахъ; «наука» производитъ въ чиновники и «господа». Мы не видимъ особенной пользы для государства плодить искусственными мѣрами надъ Русскимъ народомъ чиновниковъ и господъ изъ иноплеменниковъ и иновѣрцевъ вообще, а тѣмъ менѣе изъ Евреевъ, чуждыхъ всему христіанскому содержанію народнаго духа... Если бы однако высшее образованіе даже дѣйствительно способствовало теперь обезвреживанію Евреевъ, нельзя же всѣ четыре милліона Еврейской націи, обитающіе въ предѣлахъ Россійской Имперіи, прогнать чрезъ университетъ, ни даже чрезъ гимназію... Стало-быть—нужно поискать иное, болѣе дѣй-

ствительное средство, и для этого—глубже проникнуть въ значеніе Еврейскаго вреда, какъ національной особенности.

Во всякомъ государствѣ, а въ Россіи болѣе, чѣмъ въ какомъ-либо иномъ, живутъ инородцы, которые въ то же время и иновѣрцы и иноязычники, и живутъ иногда даже цѣлыми племенами (Мы разумѣемъ здѣсь не какія-либо области завоеванныя или иначе приставленныя *извнѣ* къ государственной межѣ, а племена внутри государства). Но такъ какъ это племенное отличіе не настолько рѣзко и внутренно-сильно, чтобъ имѣть притязаніе или возможность нарушить права господствующаго племени, вѣковыми усиліями и духомъ котораго созиждено государство, или ослабить общее государственное единство, то сожительство этихъ племенъ съ *хозяиномъ-народомъ* и происходитъ почти всегда совершенно мирно, даже при сохраненіи за этими племенами свободы ихъ вѣроисповѣданія и нѣкоторой бытовой автономіи. Это племена туземныя, живущія на своей старинной территоріи и не составляющія сами по себѣ какой-либо *націи.* Эту высшую, государственную форму народнаго бытія обрѣтаютъ они себѣ въ готовой формѣ общаго для всей страны государственнаго строя, созданнаго господствующимъ народомъ. Не то Евреи. Кромѣ племенного физіологическаго единства, сохранившагося у нихъ въ безпримѣсной чистотѣ, въ нихъ постоянно живетъ и усиленно ими поддерживается преданіе о быломъ національномъ государственномъ бытіи. Хотя они разсѣяны по всей вселенной, но каждый изъ нихъ сознаетъ себя частью одного національнаго цѣлаго; каждый и всѣ вмѣстѣ упорно чаютъ возстановленія Израиля, какъ націи, какъ государства (да притомъ еще съ державствомъ надъ всѣми народами). Евреи, это — государство, хотя и безъ государственной организаціи, разсыпавшееся по лицу всего міра; это — нація, но только лишенная государственной формы, лишенная своей территоріи, даже своего родного языка (древній Еврейскій языкъ большею частью достояніе ученыхъ), притомъ разметавшаяся по чужимъ краямъ, по чужимъ государствамъ и народамъ, но тѣмъ не менѣе проникнутая національнымъ самосознаніемъ, сохраняющая единство историческихъ національныхъ *воспоминаній* и *чаяній.* Почему же это такъ, на чемъ же зиждется ихъ національность, при отсутствіи всѣхъ внѣшнихъ условій національнаго бытія? На религіи. Евреямъ должно быть особенно забавно слышать новѣйшія разсужденія Европейскихъ «прогрессистовъ», что религія есть-де вещь чисто *субъективная*, до которой никому другому нѣтъ дѣла и которая на общественное бытіе не должна смѣть оказывать никакого воздѣйствія, — забавно потому, что въ ней, въ религіи, находится для нихъ вся причина ихъ бытія *какъ народа.* Но религія у нихъ — это не высшій нравственный идеалъ, къ осуществленію котораго въ жизни призвано стремиться человѣчество, духовно совершенствуясь и перерождаясь. Ихъ религія въ то же время и положительный, внѣшній, государственный *законъ Еврейскаго народа.* Какъ народу, дано было Израилю и первоначальное обѣтованіе свыше. Все это, конечно, извѣстно каждому изъ такъ-называемой Священной исторіи, но то, что мы называемъ «Священною исторіей», есть для Евреевъ исторія національная и такъ сказать религіозно-политическая. Божіе обѣтованіе исполнилось: изъ нѣдръ Еврейскаго народа явился «сынъ Давидовъ» — Спаситель міра. Но, утративъ истинное разумѣніе обѣтованія, они, за исключеніемъ нѣко-

торыхъ избранныхъ, продолжали ожидать исполненія обѣтованія въ смыслѣ самомъ ограниченномъ, внѣшнемъ и грубомъ, во образѣ религіозно-политическаго Еврейскаго міродержавства. Не признавъ Христа, они закаменѣли въ своемъ религіозномъ и національномъ сознаніи на послѣднемъ моментѣ своей исторіи, когда религіозное ея содержаніе исчерпалось, завершилось исполненіемъ обѣтованія, изъ національнаго стало общечеловѣческимъ, вселенскимъ и внѣшній законъ перевыполнился закономъ внутренней о Христѣ свободы: Евреи же остались при вещественной формѣ, при мертвящей буквѣ, отвергнувъ духа животворящаго. Такимъ образомъ все дальнѣйшее ихъ существованіе въ теченіе почти двухъ тысячъ лѣтъ обусловливается *отрицаніемъ* послѣдующаго историческаго момента, или точнѣе — *отрицаніемъ Христа*, и представляется Евреямъ лишь временнымъ перерывомъ ихъ національной исторіи, обязывающимъ ихъ сохранять неуклонную вѣрность своей исторической національной основѣ, своему религіозно-національному законодательству, своимъ религіозно-національнымъ и политическимъ чаяніямъ. Вотъ почему антагонизмъ христіанству составляетъ для нихъ нравственный долгъ, призваніе въ мірѣ, raison d'être, безъ котораго Еврейская національность для нихъ — безсмыслица. Вотъ почему Евреи вездѣ, гдѣ они ни живутъ въ своемъ разсѣяніи, являются даже не гостями, а только *пришельцами*. Характеромъ *пришельчества* запечатлѣнъ и ихъ образъ жизни, и ихъ дѣятельность. Понятно поэтому, какъ замѣтилъ ученый Нѣмецъ Паулусъ въ своей прекрасной книгѣ объ Евреяхъ, писанной еще въ 30-хъ годахъ, что они не становятся нигдѣ землепашцами, не дорожатъ поземельною собственностью, избѣгаютъ занятій, съ которыми соединяется идея *прочной осѣдлости*, слѣдовательно и прочной привязанности къ мѣсту своего жительства; что они не вступаютъ искренно и рѣшительно въ общій государственный и національный союзъ съ коренными жителями земли, гдѣ *временно* пріютились, — а избираютъ по преимуществу то занятіе, которое не обязываетъ ихъ пускать глубокихъ корней въ почву и не противорѣчитъ понятію *временности*: именно торговое посредничество, факторство, ремесла, барышничество и разныя операціи, которыя легко и быстро даютъ деньги. Деньги для пришельца вообще — самая подручная сила, для Евреевъ же деньги — національное вооруженіе и залогъ власти; вотъ почему они такъ и стремятся къ наживѣ. Можетъ ли такой *пришелецъ* дорожить интересами страны, въ которую пришелъ?

Полагаемъ, мы довольно убѣдительно доказали, почему вредъ, производимый Евреями, присущъ имъ не какъ *личное* свойство каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, происходящее изъ личной испорченности, а какъ національная особенность, имѣющая историческое происхожденіе, основанная на религіозно-національномъ ихъ самосознаніи. Этого большею частью не понимаетъ нашъ невѣжественный псевдолиберализмъ или гуманизмъ, почему между адептами послѣдняго и Евреями возникаютъ постоянныя, подчасъ даже забавныя недоразумѣнія. «Уничтожить всякое законодательное различіе между Евреями и Христіанами, да рушится все, что́ раздѣляетъ ихъ и мѣшаетъ тѣсному, сердечному братскому слитію во-едино!» такъ восклицаютъ «прогрессисты», защитники Іудеевъ. Послѣдніе очень рады пріобрѣсть равноправность съ Христіанами, но о братскомъ сближеніи и тѣмъ менѣе «слитіи» нисколько не помышляютъ и вовсе его не

желаютъ. Недавно «Вѣстникъ Европы» выступилъ съ рѣчью: какъ было бы хорошо допущеніемъ свободныхъ брачныхъ союзовъ съ инородцами (читай: Евреями) содѣйствовать «слитію послѣднихъ съ православнымъ господствующимъ населеніемъ Россіи» (Онъ даже прибавляетъ, что это могло бы «улучшить нашъ народный типъ», на основаніи закона о перекрещиваніи расъ). Но Еврейская газета «Русскій Еврей» съ нахальною откровенностью, характеризующею Русскую Еврейскую прессу (очевидно, что она уже начинаетъ сознавать себя силою), прямо заявляетъ, что «Евреи таковыхъ браковъ не желаютъ», что для нихъ это «вопросъ національнаго существованія», такъ какъ браки привели бы къ «исчезновенію ихъ національной особи», и они нисколько не расположены «наложить на себя руку»... Вотъ вамъ и «слитіе»!... Но, не желая слитія съ господствующимъ населеніемъ страны, упорно сохраняя себя въ отдѣльности, въ положеніи особой національности, они тѣмъ не менѣе, повторяемъ, требуютъ себѣ полнаго уравненія съ нимъ въ правахъ и даже не признаютъ за нимъ правъ преимущественныхъ, какъ—*хозяина*. Когда мы однажды, во время оно, допуская въ принципѣ необходимость дать Евреямъ свободу религіозной, внутренней и гражданской жизни, замѣтили при этомъ однако, что хозяева земли (Русскій народъ) могутъ принять и уважить гостей, даже и непрошенныхъ, но не могутъ быть обязаны сажать ихъ на свое хозяйское мѣсто и давать власть хозяйскую тѣмъ, которые не способны сочувствовать сохраненію *хозяйскаго* порядка, въ хозяйскомъ духѣ и смыслѣ,—Евреямъ такое сохраненіе за Русскимъ народомъ господствующаго значенія не понравилось. Такое различеніе вовсе неумѣстно, отвѣчали они. «Какъ разобрать тутъ (въ Россіи-то!), гдѣ хозяева, гдѣ гости?!» возразилъ намъ органъ просвѣщенныхъ Евреевъ, «Сіонъ». «Если, пояснялъ онъ, хозяева тѣ, которые многочисленнѣе и сильнѣе, такъ вѣдь это грубое право сильнаго; если тѣ, которые прежде поселились, такъ Евреи-де поселились тутъ раньше Славянъ!» «Такъ или иначе, продолжаетъ «Сіонъ», но судьба опредѣлила намъ жить не особнякомъ, а сообща съ вами, съ другими народами, и такъ какъ политическія общества существуютъ ради благосостоянія всѣхъ и каждаго, то отъ Евреевъ можно лишь требовать, чтобъ они взяли на себя соотвѣтствующую часть общихъ трудовъ на общее дѣло, съ предоставленіемъ имъ, разумѣется, и соотвѣтствующей части въ завѣдываніи этимъ общимъ дѣломъ». Другими словами, Евреи отрицаютъ права тѣхъ, чьимъ трудомъ и духомъ сложилось государство, не хотятъ и знать, почему Россія — Россія, а не какое-то безличное и безразличное сочлененіе, почему Англія—Англія, Франція—Франція, и т. д. Т. е. ревнуя о сохраненіи *своей національности* паче всего, не признаютъ правъ національности того народа, среди котораго явились пришлецами, и требуютъ себѣ, какъ и отвѣчалъ имъ «День», не только правъ *человѣческихъ* и общегражданскихъ, но и полноты правъ *политическихъ!*... И добро бы Еврейская національность вся цѣликомъ вмѣщалась въ предѣлы даннаго государства; но она расплескалась по всему міру; стало-быть она предъявляетъ право на соучастіе въ управленіи въ каждой странѣ, гдѣ она благоволила водвориться. Другими словами, Евреи требуютъ для себя уравненія *въ правахъ* съ господствующимъ населеніемъ — безъ уравненія *въ обязанностяхъ*, ибо исполненіе обязанностей заключается не только въ

отправленіи повинностей (Евреи же и повинности отправляютъ систематически дурно, а отъ воинской всѣми мѣрами уклоняются), но и въ искреннемъ охраненіи политическаго и нравственнаго строя господствующей народности, т. е. того, что составляетъ историческую индивидуальность страны... Особенность Евреевъ заключается именно въ космополитической формѣ ихъ исключительной національности, а между тѣмъ именно теперь пущено въ ходъ странное предположеніе, будто Еврейская національность способна стать повсюду и мѣстною національностью! Хотятъ увѣрить, что Евреи, оставаясь членами единой націи, которой бытіе и призваніе обусловливается отрицаніемъ христіанства, должны въ то же время признаваться всюду въ христіанскихъ странахъ, въ каждой отдѣльно, «патріотами своего отечества»!..

Прежде у этой единой и въ то же время космополитической націи не было единаго внѣшняго центра, около котораго она могла бы тѣснѣе сплотиться, —но въ послѣдніе два десятка лѣтъ, одновременно съ распространеніемъ фикціи объ Еврейскихъ мѣстныхъ патріотизмахъ, возникъ и по крайней мѣрѣ слагается, укрѣпляясь годъ отъ году сильнѣе, и этотъ центръ, не только съ административнымъ, но и политическимъ значеніемъ. Мы разумѣемъ «Всемірный Израелитскій Союзъ (Alliance Israélite Universelle)» въ Парижѣ, съ его эмблемой, изображающей земной шаръ, надъ которымъ возносятся Моисеевы скрижали (не христіанскій крестъ!) и съ его девизомъ: «всѣ Израильтяне *солидарны* между собою (tous les Israélites sont solidaires les uns des autres)»... Какъ эта солидарность вяжется съ мѣстнымъ патріотизмомъ и «съ правомъ имѣть часть въ управленіи страною»! «Всемірный Союзъ» является какъ бы верховнымъ Еврейскимъ правительствомъ и — благодаря смертной охотѣ многихъ Европейскихъ государственныхъ мужей прослыть людьми «прогресса», свободными отъ предразсудковъ, а можетъ быть и благодаря Іудейскому могуществу—чуть не признается въ этомъ качествѣ самими правительствами. Поставивъ себѣ задачею защиту Еврейскихъ интересовъ вездѣ и всюду, онъ посылаетъ своихъ уполномоченныхъ къ державамъ, гдѣ эти интересы почему-либо утѣснены, требуя объясненій и покровительства своимъ единовѣрцамъ — то отъ султана, то отъ Румынскихъ или Сербскихъ или Испанскихъ властей, то отъ Русскаго министра внутреннихъ дѣлъ, генерала Тимашева. «Союзъ» зорко слѣдитъ за всѣмъ, что происходитъ въ мірѣ, и въ своемъ «Центральномъ Комитетѣ» постановляетъ рѣшеніе: какъ дѣйствовать, какое направленіе дать обще-Еврейской національной политикѣ при такихъ-то новыхъ обстоятельствахъ. Нельзя сказать, чтобъ все это совершалось секретно: Центральный Комитетъ издаетъ бюллетени, которые при краткости своей довольно краснорѣчивы; но нѣкоторыя распоряженія не вносятся даже и въ бюллетени. Съ 1873 г. Центральный Комитетъ обратилъ особенное вниманіе на наше отечество, гдѣ проживаетъ большинство Еврейскаго народа, и успѣлъ учредить въ пограничныхъ съ Россіею областяхъ, въ *сорока* пунктахъ отъ Мемеля до Бродъ, до *сорока* мѣстныхъ комитетовъ (списокъ пунктовъ доставленъ намъ частнымъ образомъ изъ Парижа,—въ бюллетеняхъ о нихъ ни слова). Эти пункты образуютъ два пояса—лѣвый, съ главною квартирою въ Кёнигсбергѣ, подъ управленіемъ д-ра Бамбергера; правый, съ главною квартирою въ Лигницѣ, подъ управленіемъ д-ра раввина Зальце-

бурга: оба управляющіе — члены Центральнаго Парижскаго Комитета... Главнымъ образомъ облегаютъ эти 40 Еврейскихъ комитетовъ Царство Польское и Сѣверо-Западную нашу границу... Впрочемъ о характерѣ дѣятельности «Израелитскаго Всемірнаго Союза» были сообщены въ высшей степени интересныя данныя, все еще тщетно ожидающія вниманія людей серьезныхъ, въ «Руси» 1882 года...

Но учрежденіе «Израелитскаго Всемірнаго Союза» очень недавнее. Почти двухтысячелѣтнимъ сохраненіемъ своей исключительной національности, не только въ теченіе долгихъ вѣковъ гоненія, но и въ новѣйшіе вѣка соблазновъ Европейской культуры и цивилизаціи, обязаны Евреи прежде всего Талмуду, въ которомъ вся ограниченность фарисейскаго міровоззрѣнія съ его грубымъ поклоненіемъ буквѣ и формѣ, весь «квасъ фарисейскій», противоположный по самой сущности духа ученію Христову, нашелъ себѣ, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, полное выраженіе. Хотя «Всемірный Союзъ» помѣстилъ въ своей эмблемѣ Моисеевы скрижали или десять Синайскихъ заповѣдей, но дѣло вовсе не въ этихъ заповѣдяхъ, принятыхъ и христіанствомъ и лишь превзойденныхъ имъ, а дѣло въ Еврейскомъ *религіозно-національномъ законодательствѣ*, комментированномъ и продолженномъ Талмудомъ. Справедливѣе было бы поставить въ эмблему Талмудъ: имъ опредѣляется общій современный національный типъ Еврея съ присущею ему вредоносностью. Къ послѣдователямъ Моисея и его скрижалей принадлежатъ и Евреи-Караимы, но они отвергаютъ Талмудъ, — и ни къ нимъ не имѣетъ христіанское населеніе, ни сами они не питаютъ къ нему никакой ненависти. Вредоносны собственно Талмудисты: они-то отождествили съ талмудическимъ міровоззрѣніемъ свое религіозно-національное самосознаніе; на Талмудѣ зиждется Еврейская отчужденность отъ презираемаго ими внутренно христіанскаго населенія; Талмудомъ внушается эта дѣятельная, хотя бы большею частью и маскированная, къ Христіанамъ враждебность. Безъ отреченія отъ Талмуда и талмудизма и безъ искренняго возвращенія къ тѣмъ скрижалямъ, которыми прикрывается «Израелитскій Союзъ», нѣтъ разрѣшенія «Еврейскому вопросу», утруждающему теперь умы во всемъ мірѣ.

Но наша статья и безъ того длинна: о Талмудѣ мы успѣемъ еще поговорить пространнѣе въ другой разъ, а теперь только приведемъ образецъ остроумныхъ соображеній нашихъ дешевыхъ доморощенныхъ «прогрессистовъ». Въ журналѣ «Дѣло», въ статьѣ «Свобода совѣсти въ Венгріи», какой-то г. Жика говоритъ, и совершенно вѣрно (конечно съ чужихъ словъ), что Талмудъ, завершенный въ первыхъ годахъ VI вѣка, «былъ почти немедленно вслѣдъ за тѣмъ *принятъ* почти всѣмъ Израилемъ; въ настоящее время его *отвергаетъ* только одна немногочисленная секта Караимовъ, признающая одни книги Моисеевы. Начиная съ VI столѣтія Талмудъ сдѣлался для Еврейскаго *народа*, для его ученыхъ и властей, *священною* книгою, изучаемою и читаемою всѣми почти *наравнѣ съ Библіей*». А черезъ нѣсколько строкъ, по поводу извѣстныхъ нетуманныхъ выраженій Талмуда о Христіанахъ, тотъ же авторъ, желая всячески ослабить ихъ значеніе, уже отъ собственнаго ума утверждаетъ, что Талмудъ представляетъ для Евреевъ не болѣе значенія, какъ, напримѣръ, для Христіанъ книжка «Подражаніе Христу»... Да развѣ сочиненіе Ѳомы Кемпійскаго есть

«*священная книга для всего народа, книга*, изучаемая наравнѣ съ Библіей? развѣ христіанскій міръ дѣлится и различается смотря по тому, *принимаетъ* ли кто или *отвергаетъ* «Подражаніе Христу»?! Но всего забавнѣе, что редакторъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» (оба другъ друга стоютъ) пришелъ отъ логики г. Жика въ восторгъ, и внушительно возвѣщаетъ своимъ читателямъ, что онъ съ удовольствіемъ прочиталъ статью «Свобода совѣсти въ Венгріи»: авторъ поднялъ «честный и независимый голосъ» и т. д., и т. д. Можетъ быть и читатели обоихъ изданій также возчувствовали удовольствіе!...

О Талмудѣ.

Москва, 15 октября 1883 г.

Нѣсколько словъ, сказанныхъ газетою «Русскій Еврей» (въ 37 и 38 №№), по поводу нашихъ статей объ Евреяхъ, свидѣтельствуютъ лишь о той роковой ограниченности міровоззрѣнія, на которую сами себя осудили Евреи, отвергнувъ восполненіе Ветхаго Завѣта Новымъ, и о неспособности ихъ возвыситься, при сохраненіи своей національно-религіозной основы, даже до отвлеченнаго уразумѣнія Еврейскаго вопроса *по его существу*. Все тѣ же слезливыя или гнѣвныя жалобы на оклеветаніе Еврейской невинности, все тѣ же увѣренія въ великодушіи, безкорыстіи и честности Еврейскаго населенія, все тѣ же голословныя отрицанія несомнѣнныхъ, вѣдомыхъ всѣмъ и бьющихъ въ глаза фактовъ. Этого пріема, впрочемъ, придерживаются не одни Іудеи, но и тѣ изъ нашихъ публицистовъ, которые изъ гуманизма или по другимъ побужденіямъ готовы были бы, какъ свѣтлый праздникъ, привѣтствовать тотъ день, когда бы на всѣхъ мѣстахъ мировыхъ судей и посредниковъ нашего Южнаго и Западнаго края возсѣли Іудеи судить и рядить христіанское населеніе! Такой способъ защиты однакожъ никого серьезно не убѣждаетъ и не только никому не пользуетъ, но еще пуще вредитъ и Евреямъ, и Христіанамъ. Если ему и удается иногда сбить съ толку общественное мнѣніе и убаюкать встревожившуюся было мысль людей, стоящихъ во власти, то Евреи же первые не замедлятъ нарушить сызнова общественное и административное самообольщеніе. И именно потому, что сами-то Евреи нисколько не измѣняются, да и не видятъ никакой надобности мѣняться, разсчитывая на силу своихъ капиталовъ, на защиту своихъ покровителей въ администраціи и прессѣ, на неизмѣнную возможность всегда, во всякое время, съ немалою для себя выгодою эксплуатировать либеральныя наклонности Русскаго общества. И опять повторится все то же! Опять взрывъ грубой силы, вторгшейся въ status quo Еврейскаго вопроса, —эта ultima ratio, остающаяся бѣдному христіанскому населенію,— опровергнетъ внезапно Маниловскія мечты нашихъ бюрократовъ и публицистовъ о дружномъ, «въ настоящее просвѣщенное время», сожитіи Христіанъ и Евреевъ, а потомъ либеральная Маниловщина снова возьметъ свое, правда фактовъ затянется снова плѣсенью либеральныхъ общихъ мѣстъ и обмана, и Еврейскій вопросъ опять отложится въ архивъ безъ разрѣшенія, до новыхъ болѣе грозныхъ напоминаній!

Новымъ интереснымъ образцикомъ трогательнаго союза Русскаго либерализма съ національно-религіозными задачами Евреевъ (вовсе не либеральнаго свойства) можетъ служить помѣщенная въ томъ же № названной нами Еврейской газеты, гдѣ редакція не опровергаетъ, а только бранится по поводу нашихъ статей,—выписка изъ Русской газеты «Екатеринославскій Листокъ». Какой-то мѣстный мыслитель,—по всей вѣроятности Русскій, снѣдаемый провинціальнымъ честолюбіемъ блеснуть передъ столицами широтою и оригинальностью взглядовъ,—издѣвается надъ столичными писателями, которые, какъ претенціозно выражается авторъ, «nervus vivendi погромовъ видятъ въ экономическомъ гнетѣ и Еврейской эксплуатаціи». Все это, возглашаетъ онъ, выдумки «юдофобствующихъ борзописцевъ», такъ какъ погромы чинили «пришлые элементы, или Великоруссы, мѣстный же элементъ только приставалъ»; поэтому истинная и единственная причина погромовъ,—увѣряетъ Екатеринославскій неборзописецъ,—заключается въ *«расовыхъ капризахъ»*, т. е. въ своенравномъ нерасположеніи одной расы (въ настоящемъ случаѣ Великорусской) къ чужой расѣ, къ которой первая не успѣла присмотрѣться, но которая бросается въ глаза по своей внѣшности!... Подумаешь, право, что Великоруссы только со вчерашняго дня стали посѣщать Новороссійскія губерніи и что имъ у себя дома ни съ какими чужими расами сталкиваться не приходилось! Не проявляется же у нихъ никакихъ капризовъ при лицезрѣніи Нѣмецкихъ колонистовъ на нашемъ Югѣ! Впрочемъ участія ихъ въ погромахъ мы нисколько не отрицаемъ, но признаемъ его очень естественнымъ, хотя бы и предосудительнымъ. Великоруссъ и живѣе, и энергичнѣе Малоросса; при видѣ Еврейскаго хозяйничанья надъ Русскимъ краемъ, онъ могъ легче, чѣмъ мѣстные Русскіе жители, придавленные долголѣтнимъ гнетомъ, одушевиться, одушевить и ихъ справедливымъ негодованіемъ, и отъ ощущеній перейти къ дѣйствію,—но все же въ основаніи этого дѣйствія лежитъ Еврейская эксплуатація и возбуждаемое ею негодованіе. Ужъ не посовѣтуетъ ли авторъ запретить Великоруссамъ ходить на заработки въ Русскія Южныя губерніи, ради предохраненія Евреевъ отъ Великорусскаго «расоваго каприза»?.. Мы бы и не остановились на этомъ курьезномъ объясненіи, еслибъ оно не исходило отъ мѣстнаго органа печати, отъ котораго каждый въ правѣ бы ожидать дѣльнаго о мѣстныхъ событіяхъ слова, — и еслибъ не приводилось намъ слышать и въ высшихъ столичныхъ кругахъ разсужденія на весьма схожую тему. «Должно-быть, — поясняли намъ — кто-нибудь да растолковалъ или внушилъ Южно-Русскимъ мужикамъ, что «вотъ-де Евреи васъ эксплуатируютъ», а безъ того мѣстные мужики такой эксплуатаціи бы и не примѣтили: вѣдь въ прежніе годы сидѣли же они смирно!»... .

Въ прежніе годы! Вотъ въ этомъ и состоитъ ошибка многихъ нашихъ государственныхъ людей, что они все поминаютъ прежніе годы, не принимая въ разсчетъ того нравственнаго постепеннаго воздѣйствія на духъ народный и тѣхъ измѣненій въ общемъ строѣ Русской жизни, которыя произведены переворотомъ 19 февраля 1861 года. Въ прежніе годы, во времена крѣпостного права, крестьянинъ болѣе или менѣе заслоненъ былъ отъ Еврейскаго экономическаго ига и произвола авторитетомъ и властію или, пожалуй, произволомъ помѣщика. Послѣдній, если только хотѣлъ,

всегда имѣлъ возможность содержать Еврея въ нѣкоторомъ страхѣ или отдаленіи отъ крестьянъ, изгнать его и совсѣмъ изъ села и т. д. Произволу этому насталъ, да и не могъ не настать конецъ, но вмѣстѣ съ безнравственными и вредными его сторонами утратились для крестьянъ и практически-добрыя его послѣдствія. Крестьяне остались и остаются теперь *совсѣмъ безъ защиты:* мировые судьи лишены всякой административной власти, а на юридической почвѣ не можетъ быть для народа никакой серьезной поддержки противъ формально-*легальныхъ* плутней Еврейскаго люда. Этотъ же людъ, въ свой чередъ, съ упраздненіемъ крѣпостного права, съ пониженіемъ общественнаго значенія и главное—съ обѣдненіемъ дворянства, пошелъ сильно въ гору, не только въ экономическомъ, но и въ соціальномъ отношеніи. Если бы наши статистики занялись сравнительнымъ изслѣдованіемъ Еврейской экономической дѣятельности до и послѣ эманципаціи (перемѣщенія въ Еврейскія руки недвижимой собственности, арендъ, подрядовъ и т. п.), то они навѣрное поразились бы громаднымъ ея развитіемъ, идущимъ параллельно съ обнищаніемъ сельскаго населенія... «Не любы были намъ паны»—читали мы въ письмѣ одного крестьянина Полтавской губерніи, изъ села, гдѣ помѣщичья земля и усадьба досталась по покупкѣ въ собственность Еврею,—«не любы были намъ паны, а теперь куда стало горше, какъ въ паны попали Евреи и панъ-жидъ сталъ пановать надъ нами!» И такъ, что̀ же мы видимъ теперь на нашемъ Югѣ и Юго-Западѣ? Съ одной стороны быстрый ростъ и непомѣрно увеличившійся натискъ на крестьянъ Еврейской экономической и соціальной силы послѣ упраздненія крѣпостного права; съ другой стороны, въ такой же прогрессивной пропорціи совершившаяся въ крестьянскомъ населеніи *убыль* средствъ для борьбы и отпора; другими словами: крестьяне приведены въ состояніе совершенной беззащитности, предоставлены собственнымъ силамъ или собственной немощи (мировые суды считать почти нечего). Само собою разумѣется, что настоящее взаимное соотношеніе обѣихъ сторонъ могло сложиться и выясниться не вдругъ, не тотчасъ послѣ освобожденія крестьянъ, а въ теченіе извѣстнаго времени: вотъ и причина, почему только нѣсколько лѣтъ тому назадъ начались эти крестьянскіе беззаконные самосуды. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря уничтоженію крѣпостной зависимости, одновременно съ увеличеніемъ Еврейскаго экономическаго нажима, постепенно развивалось и развивается въ крестьянахъ всей Россіи, какъ мы это уже высказали въ прошломъ №, гражданское если не самосознаніе, то самочувствіе, при которомъ, конечно, всякій неправый гнетъ становится для нихъ чувствительнѣе, обиднѣе, чѣмъ въ старину. Можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ случайно попавшіе за черту Еврейской осѣдлости Великоруссы (въ которыхъ вообще это самочувствіе сильнѣе), слыша жалобы и сѣтованія мѣстнаго народа, подвиглись сами, подвигли и его къ гнѣвной отместкѣ, — но едва-ли есть и надобность искать зачинщиковъ непремѣнно между ними или гдѣ-то извнѣ: недавній погромъ въ въ Новомосковскѣ совершенно просто объясняется тѣмъ, что эта мѣстность Запорожская и еще хранитъ преданія о Запорожскихъ внезапныхъ съ Евреями расправахъ...»

Къ чему же собственно сводится все адвокатское разглагольствіе Екатеринославской газеты, все это голое, упрямое отрицаніе Еврейскаго эко-

номическаго гнета, съ такою благодарностью воспроизведенное газетой Еврейской? Ни къ чему другому, какъ къ поощренію Евреевъ продолжать прежній образъ дѣйствій, — къ предотвращенію, по возможности, какъ ненужныхъ, всякихъ правительственныхъ мѣръ противъ Еврейской эксплуатаціи. Не смущайтесь — такъ вѣщаетъ между строкъ Екатеринославскій либералъ Евреямъ, — продолжайте ваше ростовщичество по прежнему, опутывайте народъ сѣтью неоплатныхъ долговъ по прежнему, разоряйте и развращайте его какъ встарь: надъ вами бодрствуетъ, васъ блюдетъ либеральная печать и гуманизмъ просвѣщеннѣйшихъ классовъ Россійскаго общества!... Но разумно ли искушать такимъ образомъ народное долготерпѣніе, и не гасить, а въ сущности только раздувать вражду Христіанъ къ Евреямъ, упорно сохраняя и даже *лелья* всѣ ея причины и поводы?

Мы особенно напираемъ на обличенія лживыхъ или по крайней мѣрѣ неосмысленныхъ, столь обычныхъ у нашей «интеллигенціи» выраженій участія къ Еврейскому племени и столь употребительныхъ у Евреевъ пріемовъ самообороны. Система самовосхваленія, практикуемая Еврейскою прессою, и система отрицанія всѣхъ невыгодныхъ для Евреевъ разоблаченій, практикуемая ею и ихъ защитниками, содѣйствуютъ только упроченію настоящаго status quo, изъ котораго ничего добраго выйти не можетъ. А между тѣмъ ненормальное положеніе Евреевъ въ христіанскихъ странахъ и присущее имъ, *какъ націи*, какъ необходимое логическое послѣдствіе ихъ національно-религіозной основы, ихъ національно-религіозныхъ законовъ, преданій и чаяній, *роковое* свойство вредоносности для христіанскаго населенія, — все это вѣдь дѣйствительно можетъ и должно бы возбуждать въ насъ къ Евреямъ сожалѣніе и участіе: мы все-таки сильнѣе ихъ; нашъ кругозоръ чище, шире и выше, намъ свѣтитъ «солнце правды». Но это сожалѣніе и участіе, если только они искренни, должны бы выразиться не въ восхваленіяхъ и отрицаніяхъ, о которыхъ мы говорили выше, а въ совокупныхъ усиліяхъ вызвать въ самихъ Евреяхъ добросовѣстную работу самосознанія, вразумить ихъ, сдвинуть ихъ съ ложнаго и опаснаго пути, поискать сообща съ ними возможныхъ условій для истинно, а не мнимо-безвреднаго и мирнаго ихъ съ Христіанами сожительства. Долго мы обольщались надеждою, что въ самой средѣ Еврейской найдется же наконецъ не то что новый Моисей, который выведетъ свой народъ изъ этой своего рода Египетской тьмы и неволи, т. е. изъ рабства ветхозавѣтной буквѣ и талмудическому фарисейству, — но хоть бы горсть молодыхъ людей, которые, подъ воздѣйствіемъ просвѣщенія и цивилизаціи христіанскихъ странъ, гдѣ они живутъ, возгорятся инымъ, не Еврейскимъ, а высшимъ, болѣе широкимъ, болѣе нравственнымъ идеализмомъ; которые задумаются наконецъ надъ упреками во вредѣ, несущимися къ Евреямъ изо всѣхъ концовъ міра, устыдятся сами экономическаго рабства, наложеннаго Евреями на низшіе классы народа, и обратятся къ своимъ соплеменникамъ съ страстною проповѣдью реформаторовъ... И дѣйствительно, вскорѣ послѣ первыхъ погромовъ возникло было гдѣ-то на Югѣ особое общество Евреевъ, которое поставило знаменемъ своимъ очищеніе Еврейской религіи и всенародно исповѣдало начала нравственности, несравненно высшія, чѣмъ у талмудистовъ, — но этотъ расколъ въ Еврействѣ былъ встрѣченъ такимъ дружнымъ ярымъ гнѣвомъ всей Русской Еврейской печати и такъ мало встрѣ-

тиль поддержки въ печати Русской, что съ тѣхъ поръ о немъ ни слуху, ни духу.

Казалось бы, отъ кого и ожидать реформаторскаго движенія какъ не отъ Евреевъ, просвѣтившихся высшимъ образованіемъ? Казалось бы, именно на Евреяхъ-писателяхъ и публицистахъ должна бы лежать обязанность содѣйствовать воспитанію Еврейской массы и исправленію національно-религіозныхъ инстинктовъ, дѣлающихъ Евреевъ язвою для христіанскаго населенія? Къ несчастію, происходитъ совершенно иное; именно-то Еврейскіе органы печати (по крайней мѣрѣ Русской), щеголяя «высшимъ развитіемъ», стараясь явить себя на уровнѣ современной цивилизаціи, въ то же время совершенно воздерживаются отъ всякаго честнаго слова осужденія своимъ соплеменникамъ, не преподаютъ имъ ни одного полезнаго совѣта, тѣмъ менѣе увѣщанія! Происходитъ ли это изъ разсчетовъ, по нежеланію лишиться благосклонности даже темнаго Еврейскаго многолюдья и матеріальной отъ него поддержки, или же изъ врожденнаго имъ самимъ Еврейскаго національно-религіознаго инстинкта, только маскированнаго внѣшностью Европейской культуры, — мы не знаемъ; но замѣчательно, что они, повидимому, нисколько даже и не заботятся о пріобрѣтеніи къ себѣ сочувствія Русскаго общества. Съ развязностью людей, которые чувствуютъ себя дома, чуть не хозяевами, и не сознаютъ за собою предъ кореннымъ населеніемъ ни малѣйшей вины, да и никакихъ, кажется, особенныхъ обязанностей, — они, во имя «культуры и цивилизаціи», встрѣчаютъ рѣзкою бранью всякій укоръ Евреямъ въ эксплуататорствѣ и низко отрицаютъ самую неподдѣльную дѣйствительность. Наши двѣ статьи объ Евреяхъ не вызвали со стороны газеты «Русскій Еврей» ни одного разумнаго возраженія, а только возгласы въ такомъ родѣ, что статьи г. Аксакова исполнены «ядовитой злобы» и «фанатической ненависти, для которой не существуетъ ни доводовъ, ни предѣловъ, которая способна на всякіе подвиги, не исключая повидимому и Торквемадовскихъ!!» Но особенно заслуживаетъ вниманія та статья «Русскаго Еврея», гдѣ онъ, подъ видомъ обращенія къ Испанцамъ и Венграмъ, обращается къ современнымъ народамъ, среди которыхъ обитаютъ Евреи и которыми они недовольны (слѣдовательно и къ намъ, Русскимъ). Что было бы, —фантазируетъ газета,—еслибъ къ этимъ народамъ раздался слѣдующій гласъ Провидѣнія: «что сдѣлали вы съ *порученнымъ вашему надзору и попеченію* маленькимъ, слабымъ племенемъ Израилевымъ? Были ли вы ему братьями, старались ли усладить ему горечь скитальческой, подневольной жизни?... Нѣтъ, вы этого не сдѣлали! Вы не услаждали ему жизни!»... Далѣе приводятся примѣры изъ средневѣковой исторіи Западной Европы, преимущественно Испаніи, и затѣмъ «гласъ Провидѣнія», уже по адресу народовъ нашего времени, изволитъ продолжать такимъ образомъ: «вы оторвали его (Еврейское племя) отъ всѣхъ производительныхъ, честныхъ и почетныхъ занятій и принуждали его заниматься ростовщичествомъ и тому подобными унизительными профессіями, и *затѣмъ были такъ безсовѣстны, что сами же обвинили его въ алчномъ стремленіи къ наживѣ!*»... Вся тирада кончается словами, что «согрѣшеніе предъ ближнимъ уравновѣшивается только *удовлетвореніемъ*, а удовлетвореніе до сихъ поръ было поверхностно и легковѣсно»... Эти ссылки на исторію теперь едва ли умѣстны, и никто, конечно, въ наше время не *при-*

нуждаетъ Еврейскую простонародную массу къ занятію ростовщичествомъ и унизительными профессіями. Профессіи для необразованныхъ низшихъ классовъ населенія только и могутъ быть: землепашество, сельскіе промыслы, ремесленный трудъ, мелкая торговля; промышлять и торговать можно и честно, и безчестно, смотря по выбору, а выборъ зависѣлъ ни отъ кого другого, какъ отъ самихъ Евреевъ. Что же касается землепашества, то всѣ усилія нашего правительства, всѣ щедрыя издержки казны, собранной съ Русскаго народа, съ цѣлію направить Евреевъ къ земледѣлію — остались совершенно безуспѣшны. Не можемъ кстати не вспомнить записку, поданную лично намъ Еврейскою депутаціею въ Бессарабіи, для представленія по начальству, тому довольно давно, когда приближалось окончаніе срока пожалованной еще Императоромъ Александромъ I Бессарабіи льготы отъ рекрутскихъ наборовъ: «Во времена Гедеона, Давида, даже Маккавеевъ», говорилось въ запискѣ, «мы, Евреи, были народомъ воинственнымъ и храбрымъ, но затѣмъ владѣть оружіемъ разучились, а потому и просимъ не подвергать насъ воинской повинности»... Отъ почетнаго и честнаго званія воина, по крайней мѣрѣ у насъ въ Россіи, никто никогда не отрывалъ, кажется, Евреевъ; однакожъ ихъ уклоненіе отъ воинской повинности приняло наконецъ такіе размѣры, что вынудило недавно правительство издать спеціальныя распоряженія противъ Еврейскихъ обмановъ. Вообще ничто не можетъ быть характеристичнѣе приведенной нами тирады: въ ней отражается настоящее Еврейское міросозерцаніе: Евреи, очевидно, смотрятъ на себя и теперь какъ на народъ избранный и Божій, а на всѣ христіанскіе народы, среди коихъ имѣютъ жительство, какъ на своихъ данниковъ, *обязанныхъ услаждать имъ жизнь;* народы должны даже почитать себя осчастливленными ихъ присутствіемъ, потому что Господь спеціально препоручилъ ихъ попеченію Израильское племя! Обвиненіе же Евреевъ въ алчномъ стремленіи къ наживѣ провозглашается *безсовѣстнымъ*, и во всѣхъ современныхъ грѣхахъ Евреевъ виноваты и отвѣтственны сами христіане. Каково положеніе, напримѣръ, хоть христіанскаго низшаго населенія Галиціи, въ которой теперь, по послѣднимъ извѣстіямъ, свыше 800 т. Евреевъ на 6 милліоновъ всѣхъ жителей, и въ которой не только вся торговля и ремесла, но и значительная часть земельной собственности перешли въ Еврейскія руки, — народъ же совсѣмъ обѣднѣлъ, и общее экономическое состояніе Галиціи приходитъ въ совершенный упадокъ! Галицкому народу, по смыслу рѣчей Еврейскаго публициста, слѣдуетъ только радоваться и приговаривать: «какъ утѣшительно мнѣ услаждать своимъ тѣломъ и своею кровію жизнь панамъ-Евреямъ и разоряться въ ихъ пользу: вѣдь это самъ Богъ поручилъ имъ набѣгать ко мнѣ въ такомъ множествѣ, разорять меня и пановать надо мною, — но прискорбно, что все-таки я доставляю Евреямъ лишь *легковѣсное и поверхностное удовлетвореніе:* порученное самимъ Богомъ моему попеченію маленькое слабое племя Израилево утверждаетъ, что ему этого мало!»

Возложивъ такія «братскія» обязанности на христіанъ по отношенію къ Еврейскому племени, «Русскій Еврей», казалось бы, долженъ былъ признать таковыя же обязанности и за Евреями по отношенію къ христіанамъ. Но объ обязанностяхъ послѣдней категоріи газета совсѣмъ умалчиваетъ. Можно было бы требовать, по крайней мѣрѣ, чтобъ таковые проповѣдуе-

мое Евреями братство вело къ тѣснѣйшему соединенію ихъ съ народностями хоть въ государственномъ отношеніи. Но «Русскій Еврей» и вообще Еврейскіе органы печати недаромъ слѣдятъ «за прогрессомъ» и довольно ловко пользуются модною доктриною космополитизма. Она имъ на руку; во имя либеральныхъ доктринъ и гуманизма требуютъ они для Евреевъ равноправности съ господствующимъ населеніемъ государства, не только гражданской, но и политической, а во имя «прогресса» стоятъ за космополитическій принципъ, благодаря коему освобождаютъ себя отъ уваженія къ принципамъ національности, слѣдовательно и отъ національной связи съ своею христіанскою родиной. «Не должно быть различія между Евреемъ и Православнымъ Русскимъ: всѣ они едино, всѣ граждане одного государства, только разныхъ вѣроисповѣданій»: вотъ что слышимъ мы отъ Евреевъ, и готовы уже согласиться съ этимъ положеніемъ,—а затѣмъ въ томъ же «Русскомъ Евреѣ» читаемъ о «необходимости всенароднаго Еврейскаго единенія», о благовременности воспитывать въ Евреяхъ сознаніе своего собственнаго національнаго единства и тѣснѣе «смыкаться вокругъ Всемірнаго Израелитскаго союза». Мы съ своей стороны не бросимъ въ Евреевъ камня за таковое стремленіе, признаемъ его вполнѣ естественнымъ, но именно потому и не довѣряемъ возможности искренняго національно-государственнаго единенія Евреевъ съ кореннымъ Русскимъ населеніемъ Русскаго государства...

Еврейская газета, мимоходомъ, обвиняетъ насъ въ томъ, что мы пренебрегли Еврейскими опроверженіями книги «перекрещенца» Брафмана о кагалѣ и снова упорно провозглашаемъ существованіе кагала. Прежде всего замѣтимъ, что укоръ, брошенный покойному Брафману въ томъ, что онъ «перекрещенецъ», не имѣетъ для насъ ровно никакого значенія: съ нашей точки зрѣнія Еврей, принимающій христіанство, не только не измѣняетъ религіозному закону Евреевъ, но лишь исполняетъ его, лишь повинуется указаніямъ Библіи,—тѣхъ книгъ, которыя равно священны для христіанъ и для Евреевъ, и для христіанъ еще болѣе, чѣмъ для Евреевъ: въ глазахъ послѣднихъ вѣдь и Апостолы не болѣе какъ ренегаты! Брафманъ издалъ не одни только оффиціальные документы кагаловъ, подлинность которыхъ Евреями отрицается. Въ 46 и 47 №№ «Руси» 1881 года напечатаны извлеченія изъ его другого обширнаго труда, гдѣ свѣдѣнія о кагалѣ основаны не на архивныхъ только, а на живыхъ свѣдѣніяхъ и личномъ опытѣ. Отвергать совершенно существованіе кагала возможно только въ надеждѣ на легковѣріе тѣхъ публицистовъ, которые не видали Евреевъ иначе какъ въ столицахъ и не живали сами въ городахъ и мѣсточкахъ Западнаго края. Евреи въ Москвѣ и въ Петербургѣ, и Евреи тамъ, въ этой Русской своей Палестинѣ, гдѣ они чувствуютъ себя дома, это совершенно разные типы. Здѣсь, напримѣръ, переходъ Евреевъ въ христіанство не производитъ никакого видимаго для насъ волненія въ Еврейской средѣ, такъ что столичный наблюдатель готовъ будетъ, пожалуй, прославить Евреевъ за отсутствіе религіознаго фанатизма; но намъ доводилось видѣть самимъ, на Юго-Западѣ, бѣшенство Еврейской толпы; мы знаемъ, чему подвергается, напримѣръ, Еврейка, осмѣлившаяся оставить вѣру отцовъ, какъ буквально осаждается, съ трудомъ обороняемый полиціей, домъ священника, принявшаго несчастную въ лоно православія, какъ нерѣдки бы-

ваютъ случаи истязаній и даже убійства новообращенныхъ! Фактъ существованія кагаловъ еще недавно былъ констатированъ судебнымъ процессомъ во Львовѣ, о чемъ было даже напечатано во многимъ газетахъ; да и отрицать кагалъ значило бы вѣдь отрицать всякое внутреннее Еврейское самоуправленіе. Но Еврейскіе публицисты, много шумя и придираясь къ какой-либо, относительно мелкой неточности, только отводятъ глаза отъ болѣе серьезныхъ разоблаченій и уклоняются отъ прямого отвѣта на вопросы прямо поставленные. Пусть же они отвѣтятъ намъ неуклончиво на слѣдующіе вопросы:

Существуютъ ли, упоминаемыя Брафманомъ въ «Руси», талмудическія правила *Хескатъ Ишубъ* о власти кагала въ его раіонѣ, на основаніи которыхъ та территорія, гдѣ поселились Евреи, со всѣмъ входящимъ въ нее имуществомъ и лицами иновѣрцевъ, становится ***собственностью*** Евреевъ? Существуетъ ли статья 156 *Хошенъ-Гамишпотъ*, гласящая слово закона, что «имущество иновѣрца свободно (гефкеръ) и кто имъ раньше завладѣетъ, тому оно и принадлежитъ»? Допускаются ли Еврейскимъ національнымъ или талмудическимъ законодательствомъ (хотя бы они, по увѣренію Евреевъ, теперь уже и вышли изъ практики) ***гахлаты*** или такіе акты, которыми кагалъ, за извѣстную сумму денегъ, продаетъ Еврею право ***меропіи*** или ***мааруфіи*** или же право ***хазаки?*** Напомнимъ читателю, что ***меропіей*** предоставляется купившему ее Еврею — въ исключительную эксплуатацію личность того не-Еврея, съ которымъ онъ входитъ въ сношеніе, такъ что ни одинъ посторонній Еврей уже не имѣетъ права нитѣмъ поживиться на счетъ проданнаго субъекта; ***хазака*** же предоставляетъ купившему ее Еврею въ исключительную эксплуатацію не личность, а недвижимое имущество христіанина или другого иновѣрца... Существуетъ ли наконецъ *херемъ*, — запретъ, накладываемый кагаломъ на того строптиваго христіанина, который навлекъ на себя неблаговоленіе кагала и въ силу котораго ни одинъ Еврей не можетъ ничего ни купить у этого христіанина, ни продать ему?... Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ юго-западный помѣщикъ, подписавшій свое имя, напечаталъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» разсказъ о томъ, какъ онъ попалъ подъ херемъ, какъ поэтому бѣдствовалъ при исключительномъ экономическомъ господствѣ Евреевъ въ краѣ, и какъ наконецъ вынужденъ былъ, по чьему-то совѣту, обратиться съ просьбою о снятіи съ него херема къ какому-то властному Еврею въ Галиціи, который его и помиловалъ.

Евреи возразятъ намъ, по всей вѣроятности, что если это и бывало когда-то, то теперь этому уже нѣтъ и слѣда. Мы, конечно, и не ожидаемъ отъ нихъ признанія, что гахлаты, меропіи, хазаки и т. д. существуютъ, практикуются и теперь; намъ нужно только знать: ***имѣются ли указанныя нами основанія для этой практики въ самомъ Талмудѣ?*** Впрочемъ мы предугадываемъ напередъ, что Евреи вмѣсто отвѣта придутъ прежде всего въ страшное негодованіе, какъ будто мы совершили злостную клевету, а потомъ, пользуясь неопредѣленностью нашей ссылки, дадутъ и отвѣтъ самый неопредѣленный. Ну, такъ мы предложимъ имъ нѣсколько другихъ о Талмудѣ вопросовъ, болѣе значительныхъ и съ такими точными ссылками, по которымъ повѣрка нашихъ указаній вполнѣ удобна и доступна для каждаго. Но сначала нѣсколько словъ о Талмудѣ.

Законъ Писанный и Устный Евреевъ составляютъ слѣдующія *обязательныя* и такъ сказать каноническія книги: 1) Библія, т. е. Микра (все Священное Писаніе) и Тора (собственно законъ Моисеевъ, Пятикнижіе); 2) Мишна, т. е. второй законъ или сборникъ *преданій*, составленный равиномъ Іудой Святымъ около 200 лѣтъ по Р. Х.; 3) Талмудъ Іерусалимскій, содержащій Мишну и сверхъ того Гемару (дополненіе) раввина Іоханана, составленный около 230 по Р. Х. и 4) Талмудъ Вавилонскій, содержащій ту же Мишну и Гемару съ новыми дополненіями раввина Аше и другихъ, законченный въ V в. по Р. Х.; затѣмъ и еще нѣкоторые сборники съ дополнительными преданіями и комментаріями. Самъ Талмудъ исполненъ свидѣтельствъ о своей авторитетности и обязательности для Евреевъ. Такъ, въ статьяхъ г. Александрова (псевдонимъ А. И. Аксакова, хорошо знакомаго съ Еврейскимъ языкомъ), въ 25 и 34 №№ нашей газеты «День» 1862 г., въ числѣ многихъ цитатъ приводятся между прочимъ такія: «Виноградная лоза — это люди, знающіе Библію; первые виноградники — люди, знающіе Мишну; спѣлые грозди — люди, знающіе Гемару (Eruvin, 22, 2; Sota 21, 1). «Нѣтъ болѣе мира тому, кто отъ ученія Талмуда возвратится къ ученію Библіи» (Chagiha, 10, 1). «Нарушающій слова ученыхъ Израиля повиненъ смерти, ибо слова ихъ достойнѣе вниманія чѣмъ слова закона Моисеева» (Eruvin, 21, 2) и т. д. Величайшій авторитетъ Еврейской учености, Маймонидесъ (VI вѣка) говоритъ слѣдующее: «Все что содержится въ Вавилонскомъ Талмудѣ обязательно для всѣхъ Евреевъ, ибо все ученіе Талмуда было признано народомъ Израильскимъ и ученые составители его были преемниками преданія, которое сохранилось отъ Моисея и до нихъ» (Yad Chasac предисл.). Обязательность Талмуда для Евреевъ не-караимовъ или раввинитовъ до такой степени разумѣется сама собою, что она признана и, стараніями самихъ Евреевъ, даже узаконена нашимъ правительствомъ. У насъ при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ состоитъ даже на службѣ «Ученый раввинъ», оффиціально-компетентный совѣтникъ во всѣхъ религіозныхъ Еврейскихъ дѣлахъ и вопросахъ — безъ сомнѣнія съ строгою ревностью охраняющій существующее и узаконенное въ Россіи зданіе раввинизма и его интересы. Какъ въ Положеніи 13 ноября 1844 г., создавшемъ для Евреевъ особыя казенныя уѣздныя училища 2-хъ разрядовъ и гимназіи, такъ и въ новомъ Положеніи 24 марта 1873 г., преобразовавшемъ эти училища и замѣнившемъ гимназіи спеціальными Еврейскими учительскими институтами, Талмудъ въ гимназіяхъ и институтахъ числится *обязательнымъ предметомъ преподаванія*. По росписанію учебныхъ часовъ на Талмудъ въ институтахъ полагается не менѣе 10 часовъ въ недѣлю. Высшая Еврейская въ Россіи школа безъ Талмуда, — это съ Русской административной точки зрѣнія нѣкоторое *беззаконіе*.

Вотъ въ этомъ-то двойнѣ обязательномъ для Евреевъ Талмудѣ находятся между прочимъ такія мѣста, которыя разрѣшаютъ Еврею относительно *гоевъ* или *акумовъ* (язычниковъ и христіанъ, вообще не Іудеевъ) всякое *зло*, запрещаемое закономъ іудейскимъ противъ *брата*, *ближняго своего* и *товарища*, ибо гой или акумъ не есть для Еврея ни братъ, ни ближній, ни товарищъ, не достоинъ *никакого снисхожденія и милосердія* (Bava Metzia 3, 2. Yevamoth, 23, 1). — Запрещается гою давать что-либо *безъ лихвы* (Avoda Zara, Pisk. Thoseph 77, 1. № 1 и пр.). — Разрѣшается

Іудею у гоя *красть*, ибо сказано: не обидиши *ближняго* и не отымеши, а гой не ближній (Bava Metzia, 111, 2). — Свидѣтельство не-Іудея да *отвергнется* безъ исключенія (Schaleh. Arue, Chosham Hammesch. fol. 40. C. 2. № 31, § 19). — Запрещается спасать отъ *смерти* акума или не-Іудея, ибо спасти его — значитъ увеличить число ихъ; къ тому же сказано, да не помилуеши ихъ Avoda Zara, 26, 1; 20, 1. in Thoseph. — Дозволяется закономъ *убивать* всѣхъ акумовъ или гоевъ, ибо въ Писаніи сказано: не возстанеши на кровь *ближняго* твоего, а акумъ или гой — не ближній, и потому, говоритъ Маймонидесъ, всякій Іудей не убивающій нарушаетъ отрицательную заповѣдь (Sepher Mitz. fol. 85. C. 2, 3.). — Да убіенъ будетъ и праведнѣйшій изъ язычниковъ или не-Іудеевъ: онъ повиненъ смерти уже тѣмъ однимъ, что не-Іудей и потому самому уже не можетъ быть чѣмъ-либо годнымъ (Yalcout Reoubeni, 93, 1)...

Мы привели только часть выписокъ изъ Талмуда, собранныхъ въ 26 № «Дня» 1862 г., но и приведеннаго, полагаемъ, довольно. Могутъ ли Евреи отрицать существованіе сдѣланныхъ нами ссылокъ? Скажутъ ли, что онѣ фальшивы и вымышлены? Этого они сдѣлать не могутъ, а станутъ, пожалуй, увѣрять, какъ г. Жика въ журналѣ «Дѣло», что Талмудъ такъ себѣ, книжка въ родѣ «Подражанія Христу» Ѳомы Кемпійскаго!! Но, очевидно, что утверждать нѣчто подобное могутъ только: невѣжество, умственная ограниченность или дерзостная недобросовѣстность. Во всякомъ случаѣ подобное утвержденіе вызываетъ вопросъ: чему же собственно Евреи вѣрятъ? Намъ извѣстно, что Евреи дѣлятся на караимовъ, не признающихъ Талмуда, и раввинитовъ, признающихъ Талмудъ: первые — чистые мозаисты, т. е. послѣдователи чистаго ученія Моисеева, и ихъ считается въ мірѣ лишь нѣсколько тысячъ; вторые — *всѣ* тѣ, которыхъ мы зовемъ Евреями и которыхъ считаются милліоны. Если наши Евреи не караимы и не талмудисты или раввиниты, то что же они такое? и для чего въ Положеніи объ Еврейскихъ училищахъ въ Россіи изученіе Талмуда поставлено въ числѣ обязательныхъ предметовъ?...

«Все это такъ, — возразятъ намъ, пожалуй, Евреи и ихъ защитники, но «указанныя выписки изъ Талмуда вышли изъ употребленія, и если вообще Талмудъ изучается, то эти мѣста давно уже утратили свою обязательность»... Но почему же мы обязаны этому вѣрить? Какое *формальное* мы имѣемъ къ тому основаніе? Намъ, конечно, и на мысль не приходитъ, что Европейски-образованный Еврей можетъ держаться такой талмудической морали. — но чтобы массы Еврейскаго люда, не получившія Европейскаго образованія и руководимыя большею частью *меламдами* и *цадиками*, признавали эти правила Талмуда вздорными и упраздненными, — это требуетъ еще положительныхъ доказательствъ, которыхъ наши оппоненты намъ представить, конечно, не могутъ. Да и за исключеніемъ статей оправдывающихъ даже убійство, развѣ остальныя выписанныя нами статьи вовсе не практикуются? Развѣ всѣ обвиненія въ обманѣ, лихвѣ, эксплуатаціи и т. п., спеціально падающія на голову Евреевъ во всѣхъ странахъ міра, смущаютъ *религіозную совѣсть* Евреевъ? Обвиненія ложны — отвѣтятъ Евреи. Не станемъ спорить, но спрашиваемъ: гдѣ же Еврейская *проповѣдь* противъ обмана, лихвы и эксплуатаціи не-Евреевъ? Если бы обманъ гоя или акума *не* разрѣшался Евреямъ ихъ религіозною совѣстью и ихъ

ортодоксальнымъ ученіемъ, то Маймонидесъ былъ бы уже давно въ презрѣніи, а не въ почетѣ, и противъ приведенныхъ нами цитатъ изъ Талмуда, столь позорящихъ все Еврейство, давно бы возгремѣли Еврейскія витіи и существовала бы цѣлая полемическая литература!

Но у ученыхъ Евреевъ имѣется въ запасѣ еще одинъ аргументъ, и какъ будто довольно сильный: они укажутъ вамъ нѣсколько текстовъ изъ того же Талмуда въ смыслѣ совершенно *противоположномъ*. Существованія таковыхъ текстовъ мы нисколько и не отрицаемъ: Талмудъ исполненъ *внѣшнихъ* противорѣчій. Но Талмудъ же толкуетъ, что эти противорѣчія не отвергаютъ истины, а только развиваютъ ее, и что положенія, казалось бы, взаимно себѣ противорѣчащія, остаются *равносильными*: «хотя, говоритъ Талмудъ, одинъ раввинъ говоритъ одно, а другой — другое, слова ихъ тѣмъ не менѣе суть слова Божіи» (Gittin, 6, 2.). При всемъ внѣшнемъ противорѣчіи есть въ нихъ внутреннее единство духа, заключающееся въ томъ, что Израиль — племя избранное, привилегированное, и что не-Израильтянинъ Израилю не братъ и не ближній. Во всякомъ случаѣ послѣдователямъ Талмуда позволительно *выбирать* для своего руководства любое: изреченія ли въ пользу честности и мира, изреченія ли въ пользу обмана и вражды. Къ этому выводу приходитъ и самъ Талмудъ; вотъ его слова: «не имѣя основанія придавать болѣе значенія мнѣнію одной стороны чѣмъ другой, я долженъ сообразоваться съ тѣмъ рѣшеніемъ, которое для меня благопріятнѣе (Schulch. Aruc. Choshen Hamischp. 75 et 83 in Comm.). Какъ же однако, спрашивается, правительству и обществу знать: кто изъ Евреевъ какимъ наставленіемъ руководится, какой у каждаго изъ нихъ кодексъ морали?!

Двадцать лѣтъ тому назадъ мы приглашали тѣхъ изъ Евреевъ, которыхъ совѣсть гнушается вышеприведенными правилами Талмуда, заявить свое отреченіе отъ нихъ печатно въ нашей газетѣ. Двое Евреевъ, гг. Португаловъ и Зеленскій, послѣдовали нашему призыву и въ 32 № «Дня» того же года заявили, что сами они съ Талмудомъ мало знакомы, но если бы дѣйствительно «въ Талмудѣ оказались таковыя или похожія на нихъ наставленія, то — такъ выразились они — мы торжественно и гласно отъ нихъ отрекаемся». Само собою разумѣется, что такого рода частныя отреченія въ частномъ изданіи остаются совершенно частнымъ явленіемъ и не могутъ имѣть цѣны при законодательномъ разрѣшеніи Еврейскаго вопроса. Въ настоящее время логически необходимымъ оказывается иной, слѣдующій способъ:

Если Евреи дѣйствительно и искренно отвращаются безчестнаго и вредоноснаго ученія, содержащагося во многихъ статьяхъ Талмуда (только частію нами приведенныхъ) — или же если и не всѣ, то хоть только въ лицѣ своихъ передовыхъ и наиболѣе просвѣщенныхъ людей, — эти послѣдніе *обязаны* успокоить и правительство и христіанъ той страны, гдѣ живутъ, и укрѣпить на твердыхъ, а не на сомнительныхъ заповѣдяхъ совѣсть темнаго, необразованнаго Еврейскаго люда. Въ настоящемъ же случаѣ дѣло идетъ, конечно, только объ одной Россіи. Не можетъ же Русское правительство продолжать ревновать объ ортодоксальности Еврейской религіи и подъ вліяніемъ казеннаго «Ученаго раввина» считать всякій расколъ въ Еврействѣ нарушеніемъ узаконеннаго порядка и *самочиніемъ* нетерпимымъ. Пусть соберется, по приглашенію самого правительства, соборъ раввиновъ

со всей Россіи, съ участіемъ представителей отъ Еврейскаго народа, и, пересмотрѣвъ Талмудъ, пусть *торжественно и всенародно осудитъ, отвергнетъ, запретитъ и похеритъ* всѣ тѣ статьи Талмуда, которыя учатъ Евреевъ враждѣ и обману и послушаніе которымъ не можетъ быть совмѣстимо съ мирнымъ и безвреднымъ пребываніемъ ихъ въ христіанской странѣ.

Только тогда, а не прежде, повѣримъ мы искренности Еврейскихъ публицистовъ, прославляющихъ идеалы Еврейской нравственности, — только тогда лишь и настанетъ время толковать объ уничтоженіи законодательныхъ различій между Евреями и христіанами, и объ ихъ безусловной гражданской равноправности...

Воззваніе Кремьё, обращенное къ Евреямъ отъ лица «Всемірнаго Израильскаго Союза».

Москва, 1-го ноября 1883 г.

Еслибы мы могли еще сомнѣваться въ вѣрности нашихъ воззрѣній на Еврейство и Еврейскій вопросъ, то теперь, въ виду помѣщаемыхъ ниже данныхъ, сообщенныхъ намъ изъ Берлина, сомнѣваться уже не позволительно: дѣло идетъ уже не о *нашихъ* воззрѣніяхъ. Оказывается, что мы только въ точности угадали и воспроизвели собственные взгляды Евреевъ на самихъ себя и на свое историческое міровое призваніе. Мы подлежимъ упреку развѣ лишь въ томъ, что сдѣлали это воспроизведеніе въ тонѣ умѣренномъ, въ формѣ логическихъ выводовъ a priori, — тогда какъ Еврейское міросозерцаніе еще недавно возвѣстило само себя не только безъ лишней скромности, но какъ власть имѣющее, торжественнымъ трубнымъ гласомъ. Мы разумѣемъ воззваніе или своего рода манифестъ, обращенный *къ Израилю* отъ «Всемірнаго Израильскаго союза» (Alliance Israélite Universelle), въ лицѣ его президента Кремьё, при самомъ основаніи Союза и съ объясненіемъ его сущности и значенія. Мы только на-дняхъ познакомились съ этимъ замѣчательнымъ историческимъ документомъ, такъ дословно подтверждающимъ и подчеркивающимъ сужденія, высказанныя нами объ Еврействѣ, и въ краткомъ сжатомъ объемѣ опредѣляющимъ, какъ внутреннее содержаніе Еврейской народности и отношенія ея къ другимъ національностямъ, такъ и религіозно-политическіе міровые идеалы и завѣты Евреевъ. «Мы не имѣемъ *согражданъ*, а лишь религіозныхъ послѣдователей» — возглашаетъ президентъ Союза, — «*наша національность* — *религія* отцовъ нашихъ, *другой національности* мы не признаемъ никакой»... «Вѣра предковъ — нашъ *единственный патріотизмъ*». «Мы обитаемъ въ *чуждыхъ* земляхъ, но, *не взирая на эти наши внѣшнія національности*, остаемся и останемся Евреями, однимъ и единымъ народомъ»... «Израильтяне», — взываетъ манифестъ, — «хотя и разсѣянные по всѣмъ краямъ земного шара, пребывайте всегда какъ члены избраннаго народа!»... «*Только Еврейство* представляетъ собою религіозную и *политическую истину!*»...

Въ первый разъ еще Евреи такъ гласно возвѣщаютъ о политической

сторонѣ своего вѣроученія. Въ чемъ же заключается этотъ религіозно-политическій идеалъ, или эта *истина*, осуществленія которой чаютъ Евреи въ будущемъ?

«Мы не можемъ, — говорится далѣе, — интересоваться перемѣнчивыми интересами *чуждыхъ* странъ, въ которыхъ обитаемъ, пока наши собственные нравственные и матеріальные интересы будутъ въ опасности»... Казалось бы, такое разсужденіе съ точки зрѣнія отвлеченной справедливости вполнѣ основательно. Нельзя требовать отъ людей преслѣдуемыхъ и гонимыхъ — искренняго участія къ интересамъ гонителей: стало быть, наоборотъ, съ устраненіемъ опасности для нравственныхъ и матеріальныхъ интересовъ Евреевъ, напримѣръ, со введеніемъ полной равноправности ихъ съ христіанами, можно и должно ожидать отъ Евреевъ полной солидарности съ интересами жителей тѣхъ христіанскихъ земель, гдѣ они обитаютъ? Казалось бы такъ, но президентъ «Всеобщаго Израильскаго Союза», бывшій французскій министръ юстиціи Кремьё, не медлитъ вывести насъ изъ такого логическаго заблужденія. «*Не раньше* — поясняетъ онъ — станетъ Еврей *другомъ христіанина* и мусульманина, какъ въ то лишь время, когда свѣтъ Израильской вѣры будетъ свѣтиться *повсюду*... Въ наступившій къ тому день *Еврейское ученіе должно наполнить весь міръ!*»...

Наши іудофилы и такъ-называемые либералы согласятся съ нами, по крайней мѣрѣ, хоть въ томъ, что срокъ для полной солидарности нашей съ Евреями назначенъ самими послѣдними очень ужъ отдаленный!... Что бы мы ни дѣлали, какіе бы самые дерзновенные проекты въ пользу Еврейскихъ правъ и привилегій ни приводили въ исполненіе (не говоря уже о простой равноправности ихъ съ нами), хотя бы посадили Евреевъ судьями надъ всѣмъ христіанскимъ Русскимъ населеніемъ, надѣлили ихъ министерскими портфелями, однимъ словомъ, предали бы имъ безпрекословно въ работу весь Русскій народъ, — мы все-таки не добьемся отъ нихъ даже и такой малой милости: «принимать къ сердцу наши перемѣнчивые интересы» и хоть немножко *дружить* съ нами теперь же, ранѣе наступленія той благодатной поры, когда мы всѣ поголовно увѣруемъ именно *такъ*, какъ Евреи. Остается только нашимъ іудофиламъ и либераламъ, ради снисканія благосклонности Еврейской, всѣми силами способствовать ускоренію этого вождельннаго момента, т. е. обращенію всѣхъ насъ въ Еврейскую вѣру... Они и способствуютъ, конечно, пассивно и большею частью сами того не сознавая, способствуютъ если не обращенію христіанъ въ Еврейскую религію, то усиленію на счетъ христіанъ Еврейскаго могущества. Но ошибутся народы, если, польстясь на вышеприведенныя Еврейскія обѣщанія, возмечтаютъ, будто и по принятіи ими Еврейскаго исповѣданія — Евреи удостоятъ ихъ равноправностью съ собою... Нѣтъ! Даже среди *всѣхъ* народовъ міра, объединившихся въ исповѣданіи «*Еврейскаго* единобожія» — Израиль все-таки останется «народомъ избраннымъ»: ему власть, ему господство, ему одному богатства вселенной .. Послушайте конецъ этого торжественнаго посланія отъ имени «Всемірнаго Израильскаго Союза» къ Евреямъ: онъ таковъ, что даже иронія, которая невольно напрашивалась подъ перо въ началѣ нашихъ выписокъ, невольно стихаетъ и замѣняется серьезнымъ раздумьемъ. Вотъ онъ:

«Евреи всего міра, придите и внемлите этотъ призывъ нашъ, окажите

намъ ваше содѣйствіе, ибо дѣло велико и свято, а *успѣхъ обезпеченъ*. Христіанская церковь — нашъ вѣковой врагъ — лежитъ уже пораженная въ голову. Каждый день будетъ *расширяться сѣть распростертая по земному шару Израилемъ*, и священныя пророчества нашихъ книгъ исполнятся: настанетъ пора, когда Іерусалимъ сдѣлается домомъ молитвы для всѣхъ народовъ, когда знамя *Еврейскаго* единобожія будетъ развѣваться въ отдаленнѣйшихъ концахъ земли... *Пользуйтесь же всѣми обстоятельствами! Наше могущество велико*, учитесь же *употреблять его въ дѣло!* Чего намъ страшиться? Не далекъ день, когда *всѣ богатства земли будутъ исключительно принадлежать Евреямъ!*»... (Значитъ, не всѣмъ народамъ, исповѣдующимъ Еврейское единобожіе, а *только* Израилю: «appartiendront *exclusivement* aux *Juifs*»...)

Какое сознаніе своей силы! какая страстность чаянія! какою смѣлою рукою очерченъ этотъ исполинскій Еврейскій *заговоръ*, отмѣчены достигнутые успѣхи, указана конечная цѣль и способы ея достиженія! Еврейская *сѣть* раскинута по всему міру и опутываетъ мало-по-малу всѣ народы. Всѣ средства Евреямъ разрѣшены: *всѣми обстоятельствами* должны они пользоваться, — вездѣ, всюду, гдѣ только можно, призываются они употреблять *въ дѣло* свое великое могущество!.. Таково свидѣтельство Евреевъ о самихъ себѣ, данное не въ какіе-либо средніе вѣка, а во второй половинѣ XIX вѣка, изложенное и формулованное не какимъ-либо Еврейскимъ изувѣромъ, религіознымъ фанатикомъ или грубымъ невѣждой, а однимъ изъ свѣтилъ Французской магистратуры, знаменитымъ, авторитетнымъ юристомъ, «передовымъ человѣкомъ» своей эпохи, творцомъ и борцомъ революціи, однимъ изъ правителей республиканской Франціи, завѣдывавшимъ, вмѣстѣ съ другими «передовыми» французскими вольномыслителями, судьбою Французскаго народа, словомъ: г-мъ Кремьё. Это тотъ самый, на котораго такъ любятъ указывать представители нашей интеллигенціи извѣстнаго пошиба, приговаривая Россіи въ поученіе и назиданіе: «вотъ-де истинно-просвѣщенная страна — Франція: она не побоялась ввѣрить Французское правосудіе просвѣщенному Еврею, ибо въ сферѣ высшей культуры и прогресса идеалы у всѣхъ *равны!*»... Признаетъ ли теперь наша интеллигенція тождественность своихъ идеаловъ съ *Еврейскими?* Мы говоримъ: Еврейскими, а не идеалами только самого Кремьё: ему принадлежитъ лишь одно изложеніе, — самое же воззваніе идетъ отъ лица общества, считающаго слишкомъ 28 тысячъ дѣйствительныхъ членовъ...

Но всего важнѣе въ настоящемъ случаѣ, это — раскрытіе самой сущности Еврейскаго религіознаго идеала и различія между Еврейскимъ и Христіанскимъ единобожіемъ. Еврейское религіозное міросозерцаніе явилось здѣсь во всей своей грубой ограниченности и вещественности. Торжество религіозной истины вѣнчается для Евреевъ не водвореніемъ царства духа и правды, не высшимъ внутреннимъ просвѣтлѣніемъ нравственнаго человѣческаго естества, а созданіемъ могущественнаго *земного* царства Еврейскаго, превознесеннаго надъ всѣми народами, и накопленіемъ всѣхъ богатствъ *земли* въ рукахъ одного привилегированнаго у Господа племени, «избраннаго народа Божія»... Вотъ въ какой идеалъ уперлось Еврейское единобожіе, поклонившись мертвящей буквѣ «закона» и отрекшись его духа, — того животворящаго духа, котораго полнымъ историческимъ и пре-

вѣчнымъ выраженіемъ явилось потомъ воплощенное Слово — Христосъ, упразднившее и самый законъ полнотою и свободою истины. Отвергшись Христа, не признавъ Бога въ Его лицѣ, Еврейское единобожіе стало хулою на Бога, ограничивъ самое представленіе о Немъ аттрибутами внѣшней силы и внѣшней правды, и служеніе Ему — внѣшними дѣлами закона, — обездушивъ, оматеріализовавъ Истину, низведя безконечное въ конечное и вѣчное въ черту времени. По Еврейскимъ понятіямъ, возглашаемымъ въ упомянутомъ манифестѣ, Богъ за вѣрность Себѣ и Своему имени имѣетъ современемъ расплатиться съ Еврейскимъ народомъ ничѣмъ инымъ, какъ земными благами, серебромъ и золотомъ всего міра: Израильскій Всемірный Союзъ именно въ перспективѣ такой денежной или вещественной награды усматриваетъ главное побужденіе для Евреевъ — соблюдать вѣрность Богу и работать на пользу представляемой Еврействомъ «религіозной и политической истины!»... Если между просвѣщенными Евреями есть люди вполнѣ безпристрастные (а таковыхъ не можетъ не быть), то пусть они, по крайней мѣрѣ, открыто признаютъ хоть то различіе между Еврейскимъ и христіанскимъ идеаломъ, что послѣдній совершенно чуждъ практическаго утилитаризма и не даетъ никакого религіознаго освященія инстинктамъ грубой корысти; что христіанство въ основу своего ученія и своей проповѣди полагаетъ, наоборотъ, совершенное отреченіе отъ всякихъ мірскихъ наградъ и никакихъ вещественныхъ богатствъ не сулитъ за служеніе Истинѣ. Напротивъ, оно учитъ собирать себѣ сокровища не на земли, а на небеси; не полагать въ земныхъ благахъ своего сердца, а искать прежде всего Царствія Божія и правды его. Только лишь діаволъ, по сказанію Евангелія, пытаясь искусить Христа въ пустыни, показалъ Ему сверху горы всѣ царствія вселенной «въ чертѣ времяннѣ», со всею ихъ силою и блескомъ, и обѣщалъ Ему: «Тебѣ дамъ власть сію всю и славу ихъ: ты убо аще поклонишися предо мною, будутъ тебѣ вся»... И посрамленный — отыде...

А еще недавно одна изъ Русскихъ Еврейскихъ газетъ (Еженедѣльная хроника «Восхода») проводила мысль, что въ нравственной доктринѣ христіанства нѣтъ ничего такого, чѣмъ бы Евреи не обладали уже вполнѣ и давно въ Пятикнижіи Моисея, такъ что христіанство, — по смыслу словъ Еврейской газеты, — не представляя, въ области нравственной, ничего новаго и оригинальнаго, въ сущности есть нѣчто вовсе ненужное, излишнее, безъ чего очень легко обойтись, довольствуясь Еврейскимъ закономъ: остается только не совсѣмъ понятнымъ, зачѣмъ это не обошлась безъ него всемірная исторія!.. Лучшаго образца близорукости и тѣсноты Еврейскаго міросозерцанія трудно и подыскать.

Не ясно ли теперь, что стремленіе къ наживѣ стоитъ у Евреевъ на степени «религіозной и политической истины»? Не выступаютъ ли воочію, до полной несомнѣнности и такъ сказать осязательности, тѣ *нравственныя* начала, которыя «Еврейское могущество» имѣетъ внести въ Европейскую цивилизацію при содѣйствіи всѣхъ новѣйшихъ прогрессивныхъ ученій, отрицающихся Христа-Бога?

Нашего великаго дѣла *успѣхъ обезпеченъ*», возглашаетъ «Израильскій Всемірный Союзъ»: «Христіанская церковь — нашъ злѣйшій врагъ — лежитъ пораженная въ голову...» Въ подлинникѣ, вмѣсто словъ «Христіанская церковь» стоитъ: «католицизмъ», но не подлежитъ и спору, что ав-

торъ манифеста разумѣетъ здѣсь не собственно римско-католическое вѣроисповѣданіе, но христіанство вообще — въ его древней церковной организаціи, а въ этомъ видѣ оно знакомо ему только въ формѣ католической церкви, — церкви по преимуществу «воинствующей». Не можетъ же онъ, конечно, признать слишкомъ опаснымъ для Еврейства и «злѣйшимъ его врагомъ» — протестантизмъ, въ виду наклонности послѣдняго перейти просто въ философское ученіе, или въ этику, и въ виду отсутствія въ немъ всякой внутренней объединяющей и связующей силы, всякаго обязательнаго авторитета: какъ извѣстно, въ протестантизмѣ каждый членъ церкви самъ себѣ авторитетъ. О церкви же Православной — на Западѣ, и особенно во Франціи, вовсе не имѣютъ понятія или же разумѣютъ ее какъ церковь лишенную самостоятельности, не способную или не призванную оказывать воздѣйствіе на историческія судьбы «культурнаго міра»!... Затѣмъ, то «пораженіе католицизма», о которомъ возвѣщаетъ г. Кремьё (если даже признать фактъ этого пораженія, что еще подлежитъ большому сомнѣнію), не было только пораженіемъ *папизма* и ложныхъ сторонъ *Римско-Католической* церковной практики: въ этомъ собственно еще мало радости для Евреевъ; но оно было вмѣстѣ съ тѣмъ и ударомъ, нанесеннымъ самой вѣрѣ Христовой въ христіанскихъ обществахъ Запада, особенно же во Франціи: этому не могли, конечно, не порадоваться Евреи. Можно себѣ представить, съ какимъ восторгомъ привѣтствовали они выбрасываніе Распятій изъ народныхъ училищъ, изгнаніе имени Божія и Христа изъ школьныхъ учебниковъ, изъ оффиціальныхъ актовъ и всякихъ публичныхъ дѣйствій, — съ какимъ восхищеніемъ привѣтствуютъ они и теперь всѣ законодательныя мѣры и всѣ неистовыя проявленія «прогресса», направленныя къ искорененію христіанской религіи! Весь этотъ бунтъ культурнаго человѣчества противъ христіанской вѣры и даже противъ Бога, противъ ученія о безсмертіи, о душѣ, противъ всякого «мистицизма» — на руку и по вкусу Евреямъ, несмотря на исповѣдуемое ими единобожіе. Онъ расчищаетъ имъ почву: «распростирать сѣть Израиля» становится, при такихъ условіяхъ, день-ото-дня удобнѣе. Они совершенно вѣрно признаютъ христіанство болѣе злымъ для себя врагомъ, чѣмъ даже безбожіе, чѣмъ матеріализмъ, доведенный до крайнихъ предѣловъ отрицанія. Они твердо убѣждены, что на такомъ голомъ отрицаніи человѣчество удержаться не можетъ, и расчитываютъ, что придетъ время, когда можно будетъ подсунуть ему принципъ «*Еврейскаго* единобожія»... Таковы религіозные замыслы и мечты Евреевъ, включая сюда и г. Кремьё, — о Еврейскихъ же нигилистахъ (которые впрочемъ рѣдки) поговоримъ когда-нибудь особо...

Не въ томъ, впрочемъ, дѣло — сбыточны ли эти Еврейскіе замыслы или нѣтъ, а въ томъ, что христіанскія общества своимъ мятежомъ противъ христіанства сами созидаютъ, себѣ же на голову, Еврейское могущество, сами куютъ на себя Еврейскія цѣпи: это уже сбывается. Замѣчательно, что враги христіанства и даже вообще всякой религіи, однимъ словомъ самые отчаянные радикалы — въ то же время самые горячіе іудофилы. Если по ихъ понятіямъ культура и прогрессъ не совмѣстимы съ исповѣданіемъ Христовымъ, если открытый исповѣдникъ Христа вызываетъ въ нихъ презрѣніе и негодованіе, то въ то же время эта культура и прогрессъ ведутъ

себя совершенно смирно относительно исповѣданія Іеговы, и Еврею охотно предоставляется и полная свобода дѣйствій, и политическая власть.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что Еврейское могущество въ Европѣ съ каждымъ днемъ возрастаетъ, что Евреи сознаютъ свою власть и уже начинаютъ, можно сказать, являться воинствующимъ, аггрессивнымъ элементомъ въ обществахъ христіанскихъ. Въ Западной Европѣ въ ихъ рукахъ двѣ державныя силы — биржа и пресса. Это такія силы, предъ которыми уже почти немощно всякое не-Еврейское слово, всякое наше обличеніе или предостереженіе. Вотъ почему мы и придаемъ такое значеніе вышеприведенному нами откровенному слову самихъ Евреевъ, этому такъ-называемому манифесту, писанному пресловутымъ Кремьё, бывшимъ французскимъ министромъ юстиціи, отъ лица «Всемірнаго Израильскаго Союза»... Что скажутъ объ этой Еврейской программѣ дѣйствій наши защитники Еврейства quand même, и вообще наши глаголемые «либералы» и «гуманисты»?... Раскроетъ ли имъ глаза эта Еврейская исповѣдь, или же они еще пуще ихъ зажмурятъ, отвращаясь остраго блеска истины, и не проронятъ объ этомъ документѣ ни слова? Вѣроятно произойдетъ послѣднее, потому что относительно «Еврейскаго вопроса» у нихъ ничего въ запасѣ не имѣется, кромѣ общихъ избитыхъ мѣстъ либеральной доктрины, а «самобытности» въ мышленіи они у насъ по принципу для Россіи не признаютъ, да и не любятъ, боясь погрѣшить противъ шаблоннаго либерализма и еще болѣе боясь всякаго рода серьезнаго умственнаго напряженія... Мы рекомендовали бы прочесть этотъ документъ членамъ нашей Еврейской Коммиссіи, но эта Коммиссія чуть ли не принадлежитъ къ числу бюрократическихъ миѳовъ...

Разборъ циркулярнаго воззванія «Еврейскаго Всемірнаго Союза».

Москва, 1-го декабря 1883 г.

Въ 21-мъ № «Руси», въ статьѣ нашего Берлинскаго корреспондента: «Еврейская Интернаціоналка и борьба съ Еврействомъ въ Европѣ», воспроизведено въ переводѣ изъ французской газеты «L'Antisémitique» циркулярное воззваніе «Еврейскаго Всемірнаго Союза (Alliance Israélite Universelle)», разосланное при его открытіи. Комментированное нами въ передовой статьѣ *), оно произвело довольно сильное впечатлѣніе на Русскую публику и вызвало необычайную тревогу въ Русскомъ Еврейскомъ лагерѣ. Органы Русско-Еврейской печати осыпали насъ самою ожесточенною бранью и обвинили въ подлогѣ и клеветѣ, или по крайней мѣрѣ въ томъ, что мы сознательно, изъ ненависти къ Евреямъ, дали мѣсто въ своемъ изданіи «гнусной фальсификаціи», цѣликомъ сфабрикованной «ничтожною и презрѣнною газеткой». Досталось при этомъ и «Новому Времени» и даже «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ», перепечатавшимъ изъ «Руси» это воззваніе. Запальчивымъ хоромъ (нашедшимъ себѣ сочувственный отзвукъ

---

*) См. предыдущую статью.

и въ газетахъ нашего мнимо-либеральнаго стана) утверждаютъ Еврейскіе публицисты, что подобнаго «манифеста» никогда не существовало и существовать не могло, какъ *противорѣчащаго* будто бы *убѣжденіямъ, стремленіямъ и чаяніямъ* Еврейскаго народа или по крайней мѣрѣ образованнаго его слоя. «Еженедѣльная Хроника» журнала «Восходъ» приводитъ даже съ торжествомъ подлинный Французскій текстъ оффиціальнаго циркуляра, изданнаго «Всемірнымъ Союзомъ» при его открытіи, а также и текстъ Французской рѣчи знаменитаго юриста Кремьё, произнесенной имъ при избраніи его въ предсѣдатели «Союза», года черезъ два послѣ открытія. Дѣйствительно, въ обоихъ этихъ документахъ, рекомендуемыхъ «Хроникою», гораздо болѣе общихъ либеральныхъ мѣстъ о цивилизаціи и прогрессѣ человѣчества, чѣмъ характерныхъ національно-Еврейскихъ особенностей; однако же самое учрежденіе «Союза» объясняется не только желаніемъ содѣйствовать, во имя святыхъ принциповъ великой Французской революціи, повсемѣстному уравненію Евреевъ въ гражданскихъ и политическихъ правахъ съ населеніемъ тѣхъ странъ, гдѣ они обитаютъ, но также и намѣреніемъ установить между Евреями всего міра тѣснѣйшее единство и солидарность... Искренно или неискренно, но Еврейская газета «Русскій Еврей» до того, *повидимому*, убѣждена въ подложномъ измышленіи помѣщеннаго въ «L'Antisémitique» и перепечатаннаго у насъ «воззванія», что, по ея словамъ, ее теперь наиболѣе занимаетъ «психологическая подкладка» нашего поступка, а именно вопросъ: въ самомъ ли дѣлѣ редакторъ «Руси» такъ наивенъ и простъ, что способенъ былъ повѣрить существованію подобнаго документа, или только прикинулся будто повѣрилъ? При этомъ, разумѣется, отвѣтъ въ обоихъ случаяхъ выводится для редактора самый язвительный. Впрочемъ употребляется и другой пріемъ, болѣе мягкій и почти сердобольный. Г. Левъ Бинштокъ, Еврей, въ открытомъ письмѣ къ намъ, появившемся въ 251 № «Русскаго Курьера», сострадательно скорбитъ о нашей когда-то доброй, по его словамъ, репутаціи, такъ неосторожно теперь нами скомпрометированной, дивится — какъ могли мы, основываясь на свидѣтельствѣ такого гнуснаго листка, какъ упомянутая Французская газета, позволить себѣ «чернить *цѣлую націю ни въ чемъ неповинную*», а вмѣстѣ и великаго «государственнаго мужа» Кремьё, и въ заключеніе увѣщеваетъ насъ: «заявить *немедленно* въ «Руси» о нашей невольной ошибкѣ и тѣмъ самымъ уничтожить «въ корнѣ тотъ ядъ», который, благодаря намъ, «разливается теперь по всѣмъ слоямъ Русскаго общества»...

Во всемъ этомъ суетливомъ гвалтѣ, поднятомъ Русско-Еврейскою печатью, мы прежде всего съ удовольствіемъ отмѣчаемъ и принимаемъ къ свѣдѣнію одно: что Евреи не только отвергаютъ подлинность напечатаннаго у насъ воззванія отъ имени «Всемірнаго Израильскаго Союза», но и всячески *отрицаются* выраженныхъ въ немъ, вслухъ и въявь, Еврейскихъ чаяній и идеаловъ. Что же касается вопроса о подлинности, то спросимъ и мы въ свою очередь: почему же этотъ вопросъ не поднятъ былъ Евреями ранѣе ни въ Германіи, ни въ самой Франціи? Такъ-называемый манифестъ появился въ «Руси» 1 ноября, т. е. *мѣсяцъ* спустя послѣ того, какъ онъ былъ напечатанъ въ Берлинѣ, въ газетѣ: «Deutsche Volkszeitung, Organ für sociale Reform», въ № отъ 11 октября новаго стиля, и

также въ переводѣ съ текста, помѣщеннаго въ «L'Antisémitique»! Мало того, онъ же, чрезъ нѣсколько дней, отпечатанъ отдѣльными листами (одинъ изъ нихъ у насъ передъ глазами) и раздавался редакціей газеты въ аудиторіи, состоявшей не менѣе какъ изъ 5,000 человѣкъ и собранной по дѣлу о пожарѣ синагоги въ Ново-Штеттинѣ. Могутъ возразить, что «Deutsche Volkszeitung» — изданіе Антисемитической Лиги. Но что̀ же изъ этого? Съ той поры прошло уже теперь цѣлыхъ *два* мѣсяца (по 1 декабря): почему же, въ теченіе этого долгаго для газетной публицистики срока, во всей Западно-Европейской Еврейской печати (а она ли не обилуетъ органами? не Евреями ли издаются и внушаются большинство Нѣмецкихъ, пользующихся не малымъ значеніемъ газетъ?) не появилось до сихъ поръ ни единаго протеста, ниже какого-либо сомнѣнія въ дѣйствительности «воззванія»? Извѣстно однако, съ какою горячностью эта пресса силится опровергнуть всѣ возводимыя на Еврейство обвиненія и подозрѣнія, если только такое опроверженіе возможно... Мы сами никогда не имѣли въ рукахъ газеты «L'Antisémitique», но знаемъ, что эта, по словамъ Русской Еврейской печати, ничтожная и презрѣнная газетка издается во Франціи, въ Мондидье, а теперь редакція ея возвѣщаетъ, что переводитъ изданіе въ самый Парижъ, причемъ благодаритъ публику за поддержку. Во всякомъ случаѣ, болѣе чѣмъ странно, что эта газета, издающаяся о-бокъ съ самимъ «Всемірнымъ Израильскимъ Союзомъ» (имѣющимъ пребываніе въ Парижѣ), не была имъ тотчасъ же обличена въ подлогѣ и даже не вызвала никакого гласнаго отрицанія, которое Французскимъ обществомъ встрѣчено было бы съ тѣмъ большимъ сочувствіемъ, что совмѣстное сожительство 60 тысячъ Евреевъ съ 30-милліоннымъ Французскимъ народомъ представляетъ менѣе неудобствъ, чѣмъ въ другихъ странахъ, гуще заселенныхъ Евреями. Тѣмъ страннѣе выходка издающейся въ Петербургѣ на Еврейскомъ языкѣ газеты «Гамелицъ», которая, называя редакторовъ «Руси», «Новаго Времени» и «Петербургскихъ Вѣдомостей» «нахальными лжецами», возвѣщаетъ, будто бы обратилась съ просьбою въ Парижъ, къ г. Изидору, Президенту «Всемірнаго Союза»: прислать протестъ чрезъ Французскаго министра иностранныхъ дѣлъ или Русскаго посла въ Парижѣ — для напечатанія въ «Новомъ Времени»! Почему же не приглашаетъ «Гамелицъ» г. Изидора прислать таковой прежде всего въ Берлинъ, и еще прежде напечатать его во Французскихъ газетахъ?!... Приведенный же «Восходомъ», опубликованный «Союзомъ» при его открытіи и не отъ имени Кремье документъ также вовсе не можетъ пока служить опроверженіемъ, потому что воззваніе, о которомъ идетъ споръ, называется во Французской газетѣ *тайнымъ* или *конфиденціальнымъ* и разослано, какъ оказывается при внимательномъ чтеніи текста, не при самомъ открытіи, а *передъ* открытіемъ, и отъ имени Кремье, который, если не былъ оффиціальнымъ предсѣдателемъ «Союза» въ первые два года, то несомнѣнно былъ его главнымъ и самымъ авторитетнымъ основателемъ, а затѣмъ — двигателемъ и душою.

Итакъ, ни во Франціи, родинѣ помѣщеннаго у насъ «манифеста», ни въ Германіи, да и нигдѣ въ Западной Европѣ, подлинность его до сихъ поръ никѣмъ не оспаривается, несмотря на гласность, приданную ему антисемитическими изданіями, особенно же въ Берлинѣ. Впрочемъ, мы поручили нашему Берлинскому корреспонденту постараться развѣдать пообстоятель-

ніе происхожденіе этого документа. Но что касается самаго его *содержанія*, будто бы апокрифическаго, то въ немъ, несмотря на всѣ отрицанія гг. Евреевъ, нѣтъ не только ничего апокрифическаго, да и ничего новаго, ничего такого, чего бы, по частямъ, врозь, не находилось въ различныхъ Еврейскихъ сказаніяхъ и писаніяхъ. Здѣсь нова и бьетъ въ глаза лишь конкретная форма воззванія, — содержаніе же подсказывается почти буквально самимъ вѣроученіемъ Іудеевъ. Мы и придали значеніе этому такъ-называемому «манифесту» только потому, что онъ, какъ мы выразились, «дословно подтверждаетъ и подчеркиваетъ сужденія объ Еврействѣ, высказанныя нами самими», и въ краткомъ сжатомъ образѣ опредѣляетъ какъ внутреннія основы Еврейской народности и отношенія ея къ другимъ національностямъ, такъ и религіозно-политическіе идеалы и завѣты Евреевъ. Всѣ эти идеалы и завѣты были и прежде воспроизведены въ нашихъ статьяхъ, хотя еще только въ формѣ логическихъ *выводовъ* изъ сущности Еврейскаго вѣроисповѣданія, — такъ что если, по словамъ г. Бинштока, мы и «очернили ни въ чемъ неповинную Еврейскую націю», то гораздо ранѣе помѣщенія въ «Руси» пресловутаго циркуляра. Послѣдній не прибавилъ ни одной черты намъ неизвѣстной и не мы виноваты, если собранныя воедино и выставленныя на свѣтъ Божій, однѣ эти черты, устыдили или устрашили самихъ Евреевъ. Вѣрнѣе—устрашили. Вовсе не въ расчетѣ Евреевъ разоблачать предъ иноплеменниками и иновѣрцами правду ихъ внутренняго міра и утратить право эксплуатировать въ свою пользу столь властные надъ современною общественною совѣстью принципы: «прогресса», «цивилизаціи», «гуманизма» и т. п. Прикрываясь ими, какъ плащомъ, Евреи всякое поползновеніе сорвать этотъ плащъ и сдѣлать явнымъ для общественнаго сознанія то, что такъ тщательно ими утаивается, оглашаютъ какъ проявленіе «религіозной нетерпимости», какъ преступленіе противъ «либерализма», «культуры»,—и дѣйствительно успѣваютъ запугивать нашихъ суевѣрно-робкихъ адептовъ казеннаго или шаблоннаго либерализма! Послѣдніе не только не позволяютъ себѣ заглядывать Еврейству въ лицо изъ-за его либеральной маски, но упорно жмурятъ глаза передъ очевидными фактами жизни и даже научными разоблаченіями. Что же касается статей въ «Руси», то по поводу ихъ много истрачено было Еврейскою печатью типографскихъ чернилъ; но во всемъ этомъ борзомъ Еврейскомъ словоизверженіи, исполненномъ ругательствъ и издѣвательствъ, нѣтъ ни одного отвѣта на поставленные нами вопросы, ни одного серьезнаго опроверженія. Они упорно обходятъ наши, смѣемъ думать, довольно убѣдительные доводы, и верхомъ на «прогрессѣ» спѣшатъ обвинить насъ въ *ретроградствѣ*, обзываютъ именами героевъ испанской инквизиціи. Все это только пуще заставляетъ предполагать съ ихъ стороны умышленную, сознательную неискренность,—т. е. неискренность мысли: чистосердечію ихъ досады и гнѣва мы вполнѣ вѣримъ.

Разберемъ же вышеупомянутый манифестъ покойнаго предсѣдателя «Всемірнаго Израильскаго Союза» Кремьё по пунктамъ,—тотъ самый манифестъ, который г. Бинштокъ называетъ «колоссальною и глубоко-циничною глупостью, способною обезчестить не только Кремьё, но даже какого-нибудь захолустнаго, во мракѣ невѣжества и фанатизма коснѣющаго

цадика»,—манифестъ, котораго языкъ, по выраженію того же г. Бпштока, есть «языкъ Шейлока, Разуваева, Колупаева и фанатика Торквемады».

«Союзъ—такъ начинается воззваніе—который мы желаемъ основать, не есть ни Французскій, ни Англійскій, ни Швейцарскій, но Израильскій *всемірный* союзъ»... Тутъ, кажется, нѣтъ ни одного слова неправды, и никакой «колоссальной глупости», а только колоссальный фактъ. Союзъ основанъ и существуетъ подъ именемъ «Всемірнаго Израильскаго Союза» (Alliance Israélite Universelle), съ изображеніемъ на протоколахъ *земного шара*, осѣненнаго скрижалями Моисеевыми, и съ девизомъ: «всѣ Евреи за одного и одинъ за всѣхъ» (tous les Israélites sont solidaires les uns des autres). И не только «Союзъ» существуетъ, но и опекаетъ собою Русскихъ Евреевъ (да иначе онъ не былъ бы и *всемірнымъ*), т. е. вмѣшивается въ отношенія этихъ Русскихъ подданныхъ къ Русскому правительству и государству. Такъ, напримѣръ, вмѣшался онъ въ дѣло Минскаго Еврея Бороды, приговореннаго за поджогъ къ смертной казни въ 1864 г. (см. Еврейскій журналъ «Гаммагидъ» № 38, за 1867 г.); въ 1868 г. вошелъ въ переписку съ Русскимъ посланникомъ въ Парижѣ по случаю перехода Еврейки въ православную вѣру (см. 32 № журнала «Libanon» за 1868 г.); въ 1869 г., по случаю работъ Еврейской коммисіи въ Вильнѣ, учинилъ особый съѣздъ членовъ Союза въ Берлинѣ, а въ 1871 г.—новый съѣздъ тамъ же по поводу преобразованія въ Россіи воинской повинности; онъ же жалуется президенту Сѣверо-Американскихъ Штатовъ на Русское правительство за гоненіе будто бы на Евреевъ, какъ это доказывается перепискою бывшаго въ Россіи дипломатическаго агента республики Куртина съ «Союзомъ»; онъ же дѣлаетъ представленія по дѣламъ Евреевъ Русскому министру внутреннихъ дѣлъ Тимашеву (и получаетъ отъ него благосклонныя объясненія); онъ сдѣлалъ и недавно, въ самомъ началѣ анти-Еврейскаго движенія на нашемъ Югѣ, довольно смѣлое представленіе нашему правительству, какъ это подтверждается энергичною отвѣтною замѣткою, помѣщенною въ оффиціозной «Agence Général Russe». Если понадобится, мы можемъ представить извлеченіе изъ напечатанныхъ протоколовъ «Союза» обо всемъ касающемся Евреевъ въ Россіи, но, полагаемъ, достаточно и этихъ примѣровъ. Онъ же, «Союзъ», имѣетъ свои наблюдательные комитеты вдоль нашей Западной границы въ 40 пунктахъ, которые мы можемъ поименовать. Самъ же нашъ ярый противникъ, «Русскій Еврей», въ одномъ изъ своихъ №№ призываетъ Евреевъ «группироваться» около «Союза», какъ около центра. Онъ и дѣйствительно *центръ*, не только духовный или нравственный, но и политическій, для Евреевъ «всего міра»; онъ есть выраженіе *единства* разсѣянной по землѣ всей Еврейской *націи*; онъ—защитникъ и оберегатель экономическихъ и гражданскихъ интересовъ Русскихъ подданныхъ, какъ и подданныхъ другихъ государствъ—Еврейскаго происхожденія. Обыкновенно у подданныхъ какого-либо государства только одинъ политическій центръ и одинъ защитникъ и оберегатель: подлежащее правительство. Евреи же—*о двухъ* центрахъ, *о двухъ* правительствахъ, равно какъ и о *двухъ націяхъ*,—слѣдовательно о *двухъ единствахъ* и о *двухъ патріотизмахъ!* Кажется, этого логическаго вывода изъ самаго факта учрежденія и существованія «Всемірнаго Израильскаго Союза», провозгласившаго единство Еврейской націи на всемъ земномъ

шарѣ, не можетъ отрицать и г. Блиштокъ, хотя въ томъ же письмѣ къ намъ ратуетъ за *объединеніе* Евреевъ въ *одну* общую семью съ кореннымъ Русскимъ населеніемъ»! Да и что же иное значитъ девизъ «Союза» объ Еврейской *солидарности*, которой онъ такимъ образомъ является органомъ? Этого девиза мы не измышляли, его не имѣется на спорномъ манифестѣ, онъ стоитъ на безспорныхъ, напечатанныхъ протоколахъ и гласитъ: «Всѣ Израильтяне за одного и одинъ за всѣхъ». Предоставляемъ нашимъ противникамъ самимъ рѣшить: нормально ли было бы такое положеніе, еслибы, напримѣръ, магометане всего міра признали себя въ той же степени солидарными съ нашими Татарами Казани или Крыма, или если бы житель Прибалтійскаго побережья Нѣмецкаго происхожденія захотѣлъ состоять въ подобной же круговой порукѣ со всею Германіей? Можетъ-быть это и «глубоко-циничная глупость», но она принадлежитъ самому «Союзу», девизъ котораго только воспроизведенъ и развитъ въ манифестѣ.

Пойдемъ далѣе: «Другіе народы—продолжаетъ спорный документъ—распадаются на націи, мы одни не имѣемъ никакихъ согражданъ, а лишь *религіозныхъ послѣдователей»*... По связи мыслей присоединимъ сюда и соотвѣтственныя, помѣщенныя нѣсколько ниже реченія: «Наша національность есть религія отцовъ нашихъ, *другой* мы не признаемъ никакой»... «Если вы вѣрите, что вы, не взирая на *ваши внѣшнія національности*, остаетесь однимъ и единымъ народомъ, то... и т. д. Этихъ ли словъ ужаснулся г. Блиштокъ, въ нихъ ли усмотрѣлъ онъ «колоссальную глупость?... Мы видимъ въ этихъ словахъ одну строгую и фактическую истину. Евреи не имѣютъ ни общей государственной территоріи, ни даже общаго языка (древній Еврейскій языкъ — достояніе только ученыхъ); они разсѣяны по всей вселенной среди чуждыхъ имъ государствъ и народовъ, а между тѣмъ всѣ они сознаютъ и исповѣдуютъ свое національное единство. Гдѣ же основа этого единства? Ни въ чемъ иномъ, какъ въ религіи. Это уже такая общепризнанная истина, что ее и повторять совѣстно. Религія — не только основа, но и жизненный нервъ, душа и суть Еврейской національности. Все міровое значеніе Еврейскаго племени въ исторіи человѣчества зиждется исключительно на религіи; вся ихъ собственная исторія до воплощенія на землѣ Христа, Сына Божія и Сына Давидова, есть «священная исторія» и для христіанства. Евреямъ, избранному Богомъ народу, ниспослано было Откровеніе; имъ былъ дарованъ Завѣтъ, именуемый теперь «Ветхимъ», съ обѣтованіемъ, что воздвигнетъ Господь изъ нѣдръ Еврейскаго народа Спасителя или Мессію. Мы, Христіане, почитаемъ это обѣтованіе уже исполненнымъ; Евреи же продолжаютъ *ожидать* исполненія; этимъ *ожиданіемъ* живутъ и до сихъ поръ; только въ этомъ *ожиданіи* и коренится для нихъ причина ихъ бытія, *какъ народа, какъ націи:* только въ немъ и почерпнули они ту изумительную нравственную силу, съ которою перенесли, разсѣянные по всему міру, долгій рядъ вѣковъ—преслѣдованій, гоненій и мукъ. Еслибы они, въ теченіе этого періода времени, уступили и отреклись отъ «религіи своихъ отцовъ», они бы давно исчезли въ массѣ племенъ, среди коихъ теперь обитаютъ. Но эта «религія отцовъ» для вѣрующаго Еврея (а невѣрующій Еврей аномалія) не есть *личный* мистическій союзъ съ Богомъ, а союзъ *народный*. Вѣрующіе Евреи не могутъ *въ прошломъ* не признавать своего народа «избраннымъ», потому что онъ такимъ дѣйствительно

былъ,—это исповѣдуютъ и Христіане: разница въ томъ, что Евреи продолжаютъ почитать свой народъ «избраннымъ» *и доселѣ*, такъ какъ продолжаютъ чаять исполненія обѣтованія, которое, по ихъ представленію, состоитъ въ явленіи Мессіи какъ царя Израилева, имѣющаго возстановить и превознести превыше всѣхъ царство Израилево. Поэтому Кремьё совершенно правъ, говоря, что въ религіи отцовъ заключается Еврейская національность и что согражданство Еврейское означаетъ причастность къ общимъ Еврейскимъ религіозно-политическимъ чаяніямъ. Онъ правъ, утверждая, что никакой другой истинной національности для Еврея не существуетъ и не можетъ существовать, потому что всякій Русскій, Польскій, Нѣмецкій Еврей —не просто Русскій, Полякъ или Нѣмецъ Еврейскаго происхожденія или Моисеева закона, но имѣетъ, въ силу этого самаго закона, *свое* особое политическое прошлое и политическое *будущее*,—другими словами: состоитъ въ то же время гражданиномъ прошлаго національнаго Еврейскаго и будущаго національнаго же Еврейскаго государства, находясь теперь только на перепутьи временъ и пространствъ, въ разсѣяніи, до срока, среди чуждыхъ національностей. Какъ бы «лоіально» (по выраженію одной Русской Еврейской газеты) Евреи ни выполняли своихъ обязанностей по отношенію къ этимъ чуждымъ національностямъ, все же онѣ, эти національности, остаются, по мѣткому выраженію Кремьё, для Евреевъ «внѣшними». Той духовной связи, которая дается единствомъ вѣры, единствомъ религіозныхъ, нравственныхъ, историческихъ и политическихъ идеаловъ, не можетъ существовать у Еврея съ тѣми націями, среди которыхъ, по волѣ случая, ему приходится жить. Если же намъ возразятъ указаніемъ на другихъ инородцевъ и иновѣрцевъ, обитающихъ въ нашемъ отечествѣ, то на это мы замѣтимъ, что таковые не сознаютъ себя гражданами цѣлой особой націи, внѣ предѣловъ Россіи; не имѣютъ никакихъ особыхъ чаяній на самостоятельное бытіе въ будущемъ, не признаютъ себя политически или граждански солидарными со всѣми единоплеменниками за рубежомъ Русскаго государства, — а потому легче и искреннѣе, чѣмъ Евреи, могутъ пріобщиться къ политической и исторической судьбѣ господствующей національности.

«Разсѣянные,—продолжаетъ Кремьё въ своемъ воззваніи, между народами, кои «враждебны нашимъ правамъ и интересамъ, мы тѣмъ не менѣе, не взирая ни на что, останемся Евреями...» «Мы Евреи и желаемъ остаться Евреями», говоритъ и «Русскій Еврей» (въ 44 №), справедливо поясняя, что «еслибы онъ этого не желалъ, то всѣ бѣдствія и страданія Еврейскаго народа были бы въ его глазахъ вопіющею нелѣпостью», и онъ долженъ былъ бы сказать Евреямъ: «бросьте свою ношу (т. е. отступитесь отъ вашихъ вѣрованій и ожиданій)—и вамъ станетъ легко», но «мы— повторяетъ газета—желаемъ остаться Евреями». Мы съ своей стороны не видимъ въ этихъ словахъ «воззванія» ни глупости, ни цинизма, ни фанатизма, хотя и признаемъ настоящія религіозныя чаянія Евреевъ совершенно ложными. Пойдемъ далѣе. «Мы обитаемъ, — гласитъ манифестъ,— «въ *чуждыхъ* земляхъ и мы не можемъ интересоваться перемѣнчивыми интересами этихъ странъ, пока наши собственные нравственные и матеріальные интересы будутъ въ опасности...» А вотъ что говоритъ Еврейская газета «Русскій Еврей»: «если что *мѣшаетъ* Евреямъ быть образцо-

выми, самоотверженными гражданами обитаемыхъ ими странъ, то это — условія, далеко отъ Евреевъ не зависящія», и вслѣдъ за симъ газета толкуетъ о необходимости для Евреевъ полной съ христіанами равноправности, т. е. одинаковости не только гражданскихъ обязанностей, но и правъ.

Мудрено повидимому и требовать отъ людей, пока ихъ нравственные и матеріальные интересы нисколько не обезпечены законодательствомъ обитаемой ими страны, искренняго участія къ ея интересамъ, со всѣми ихъ превратностями. Но еслибы даже Еврейскимъ интересамъ и перестала грозить опасность, спрашивается: могутъ ли они, оставаясь Евреями, слѣдовательно носителями обѣтованія о пришествіи Мессіи и о блестящей религіозно политической будущности, ожидающей Еврейскую націю, искренно и серьезно принимать къ сердцу... ну хоть тотъ Kulturkampf, который раздѣляетъ теперь міръ латинскій и протестантскій, или хоть историческое призваніе Россіи, какъ православно-Славянскаго міра?

До сихъ поръ въ манифестѣ нѣтъ ни одного слова, отъ котораго бы имѣли право и поводъ отказаться Евреи. Но посмотримъ дальше. «Не раньше, вѣщаетъ сей документъ, Еврей станетъ другомъ христіанина и мусульманина, какъ въ то время, когда свѣтъ Израильской вѣры, единственной здравой религіи (въ нѣмецкомъ переводѣ правильнѣе: Vernunftreligion) «будетъ свѣтиться повсюду... Въ наступившій къ тому день Еврейское ученіе должно наполнить весь міръ...» Въ той рѣчи Кремьё, которую, оспаривая насъ, приводитъ «Еженедѣльная Хроника Восхода», — рѣчи подлинной, несомнѣнной, публично-произнесенной, — мы читаемъ, что «единственно правильное, разумное и истинное отношеніе къ Богу дано человѣчеству скрижалями Завѣта», что въ Еврейской религіи — святость и истина. Если таково воззрѣніе, то съ нимъ неразрывно и убѣжденіе, что эта истина со временемъ восторжествуетъ и покоритъ себѣ міръ. Не это ли выражается и эмблемой, красующейся на протоколахъ «Израильскаго Всемірнаго Союза»: Моисеевы скрижали осѣняющія земной шаръ?.. Нужно ли прибавлять, что такая побѣда «истины» (понимаемой Евреями единственно въ смыслѣ Еврейскаго религіознаго закона) предвозвѣщена и всѣми священными для Евреевъ книгами, равно и Талмудомъ; что только чаяніе этой побѣды и поддерживаетъ Еврейскій народъ въ его настоящемъ тягостномъ жребіи среди современнаго торжества иныхъ, не-Еврейскихъ религіозныхъ ученій? Кремьё не взываетъ и въ манифестѣ ко *враждѣ* съ христіанами и мусульманами, не проповѣдуетъ нарушенія «лояльности» въ отправленіи гражданскихъ обязанностей къ чуждымъ или внѣшнимъ для Евреевъ національностямъ. Онъ утверждаетъ только, — и съ нимъ нельзя не согласиться, — что пока длится преобладаніе иновѣрческихъ ученій, до тѣхъ поръ не можетъ состояться и торжество Израильской вѣры, — слѣдовательно пока не исполнится для Евреевъ это радостное упованіе, *не можетъ* Еврей содѣйствовать побѣдѣ ни христіанской, ни мусульманской религіи, *не можетъ доброжелательствовать ни христіанству, ни мусульманству*, или искренно *«дружить»*, не то что съ Сидоромъ Петровымъ или Татариномъ Абдуллой, а «съ христіаниномъ и мусульманиномъ» какъ таковыми, т. е. какъ съ упорными противниками страстно чаемаго Еврейскимъ народомъ торжества, исповѣдниками враждебныхъ ему религій. Ибо въ этомъ обѣтованномъ торжествѣ для Евреевъ вся причина, весь смыслъ, вся цѣль

ихъ бытія на землѣ какъ народа; ради его они живутъ и долготерпятъ, это для нихъ интересъ не личный, а національный; это для нихъ вопросъ— быть или не быть. Слова Кремьё вытекаютъ логически изъ самой сущности Еврейскаго религіознаго міровоззрѣнія, и мы недоумѣваемъ, какими бы аргументами возможно было ихъ опровергнуть. Развѣ только отрекшись отъ Еврейскихъ религіозныхъ завѣтовъ и идеаловъ? Точно также, только подъ условіемъ отреченія отъ этихъ завѣтовъ и идеаловъ, можетъ Еврей отрицать законность и справедливость слѣдующаго призыва Кремьё: «Израильтяне! Хотя разсѣянные по всѣмъ краямъ земного шара, пребывайте всегда какъ члены *избраннаго народа*. Если вы вѣрите, что вѣра вашихъ предковъ есть *единственный патріотизмъ;* если вы вѣрите, что вы, не взирая на ваши внѣшнія національности, остаетесь однимъ и единымъ народомъ; если вы вѣрите, что только Еврейство представляетъ собой *религіозную и политическую истину*,—Евреи всего міра, придите и внемлите этотъ призывъ нашъ, окажите намъ ваше содѣйствіе, ибо дѣло велико и свято, а успѣхъ несомнѣненъ»... Сюда же слѣдуетъ присоединить и эти выраженія манифеста: «Священныя пророчества нашихъ Св. книгъ исполнятся. Настанетъ пора, когда Іерусалимъ сдѣлается домомъ молитвы для всѣхъ народовъ, когда знамя Еврейскаго единобожія будетъ развѣваться въ отдаленнѣйшихъ концахъ земли».

Да, религія Евреевъ есть ихъ единственный патріотизмъ и не можетъ имъ не быть, не только потому, что иначе слѣдовало бы въ самомъ дѣлѣ допустить, будто у каждаго Еврея два единства и два патріотизма (а это уже совершенная безсмыслица), но и потому, что съ религіей связано все ихъ упованіе на свою политическую и національную будущность. Да, только Еврейство, по понятіямъ Еврейскимъ, можетъ представлять истину религіозную и политическую, потому что Еврейскій религіозный идеалъ, имѣющій стать истиной и на землѣ, въ то же время идеалъ политическій и народный, и вмѣстѣ съ тѣмъ обязательный для всего міра. Божественное обѣтованіе Мессіи понимается ими не иначе, какъ явленіе царя Израильскаго, имѣющаго воздвигнуть царство Израильское не только въ блескѣ, славѣ и силѣ, но и въ *міродержавствѣ*. Покорнѣйше просимъ нашихъ оппонентовъ, не хитря и не лукавя, не уклоняясь вправо и влѣво, а прямо и безъ обиняковъ отвѣчать намъ на вопросъ: такъ ли это или нѣтъ? таково ли вполнѣ опредѣленное религіозное вѣрованіе Евреевъ (разумѣется, не Евреевъ-нигилистовъ, а Евреевъ вѣрующихъ)? Не ограничиваются ли развѣ и теперь Евреи однимъ *богомоленіемъ*, въ ожиданіи—когда возможно станетъ *богослуженіе*, которое по закону должно совершаться не иначе какъ въ *храмѣ*, т. е. въ Іерусалимѣ, на горѣ Моріа? Не заканчиваются ли развѣ и теперь ихъ національные праздники въ дни Рошъ-Гашана и Іомъ-Кипура трубнымъ гласомъ и восторженными кликами: «Лемана габаа бирушолаимъ», т. е.: «на будущій годъ—въ Іерусалимѣ»...? Развѣ, когда-то дѣйствительно *избранный*, народъ Еврейскій не продолжаетъ признавать себя и теперь *народомъ избраннымъ*, вѣруя въ то же время во всемірное торжество «Еврейскаго единобожія»? А что можетъ значить теперь признаніе себя народомъ избраннымъ? По христіанскому ученію, съ явленіемъ Спасителя на землѣ въ средѣ Еврейской, «подъ зракомъ» Еврея, исполнилось обѣтованіе, данное нѣкогда Израилю, упразднилось избранничество Еврейскаго

народа—призваніемъ всѣхъ народовъ. Христіанство внесло въ міръ начало всеобщаго равенства и братства о Христѣ, безъ всякаго различія національностей. Совлекшись ветхаго человѣка съ дѣяніями его, облекитесь,—проповѣдуетъ Апостолъ Павелъ (Еврей же), — «въ новаго, обновляемаго въ разумъ, по образу создавшаго его, идѣже нѣсть Еллинъ, ни Іудей, обрѣзаніе и необрѣзаніе, варваръ и Скиѳъ, рабъ и свободь, но всяческая и во всѣхъ Христосъ». Евреи же, не признавъ исполненія обѣтованія, отвергнувъ это обновленіе и сохранивъ въ себѣ ветхаго человѣка, удержали идею избранничества, обративъ ее въ понятіе о себѣ, какъ о племени *привилегированномъ*. Какой же смыслъ этой привилегированности въ будущемъ, когда даже Іерусалимъ сдѣлается домомъ молитвы для всѣхъ народовъ? Смыслъ тотъ, что господство будетъ тогда принадлежать Евреямъ и имъ же, какъ господамъ міра, будутъ принадлежать всѣ блага или богатства земныя, ибо царство Мессіи представляется Евреямъ не иначе какъ въ *земномъ*, *вещественномъ* образѣ. Вполнѣ понятно поэтому и слѣдующее выраженіе Кремьё въ самомъ концѣ манифеста: «не далекъ тотъ день, когда всѣ богатства земныя будутъ исключительно принадлежать Евреямъ». Это вытекаетъ логически изъ самаго Еврейскаго представленія объ Еврейскомъ избранничествѣ и о будущемъ міродержавствѣ «избраннаго» народа. Это вѣдь не христіанское понятіе о царствѣ Божіемъ!... (Впрочемъ и вообще у Евреевъ представленія о вѣчности, о загробной жизни самыя неопредѣленныя и смутныя. Понятіе о вѣчности перенесено у нихъ *въ протяженіе рода*, ибо обѣтованіе дано *роду*). До какой степени грубо и внѣшнее воззрѣніе Евреевъ на торжество и расцвѣтъ Еврейской религіозной истины во образѣ царства Израилева, можно судить по слѣдующимъ словамъ посланія къ Евреямъ, помѣщеннаго въ Еврейскомъ журналѣ «Гашахаръ» за 1871 г. (стр. 154—156), издававшемся (можетъ быть и издающемся) на Еврейскомъ языкѣ. Обращаясь къ Евреямъ, авторъ, разсуждая о пришествіи Мессіи, спрашиваетъ ихъ: «Но найдетъ ли Мессія между вами людей полезныхъ, когда явится, чтобъ возобновить нашу жизнь попрежнему? Изъ вашей ли среды найдетъ Онъ (Мессія) *министра финансовъ, военнаго, ученыхъ, государственныхъ людей, способныхъ быть представителями при дворахъ иностранныхъ государей, инженеровъ, землемѣровъ* и т. п. людей, необходимыхъ для Его царства»... Эти мудрыя строки принадлежатъ г. Гордону, бывшему секретарю «Общества распространенія просвѣщенія между Евреями», которое само не что иное, какъ отдѣлъ «Всемірнаго Израильскаго Союза». Смыслъ увѣщанія тотъ, что въ ожиданіи наступленія царства Мессіи Евреи должны уже и теперь подготовляться или практиковаться на всѣхъ сихъ служебныхъ поприщахъ— въ тѣхъ царствахъ или государствахъ, гдѣ обитаютъ. Подготовка, по крайней мѣрѣ по части министерства финансовъ, и у насъ въ Россіи идетъ, повидимому, очень успѣшно...

Выходитъ такимъ образомъ, что почтенный г. Бинштокъ позволилъ себѣ обозвать «колоссальною и глубоко-циничною глупостью», способною обезчестить даже людей закоснѣлыхъ «во мракѣ невѣжества и фанатизма»—не иное что, какъ собственныя чаянія, стремленія и идеалы Евреевъ. То что мы читаемъ въ такъ-называемомъ манифестѣ—вовсе не измышленіе самого г. Кремьё, а содержится въ самомъ вѣроученіи Еврейскомъ, въ

сущности самихъ религіозныхъ воззрѣній и представленій Евреевъ о призваніи и о національной, политической и экономической будущности Еврейскаго «избраннаго» или привилегированнаго народа. Не можетъ же негодованіе нашихъ оппонентовъ по поводу манифеста сосредоточиваться на остальныхъ выраженіяхъ документа, напр. о «католицизмѣ пораженномъ въ голову» (это теперь на всѣ лады повторяетъ республиканское правительство Франціи). Или же на слѣдующихъ: «Пользуйтесь всѣми обстоятельствами! Наше могущество велико, учитесь же употреблять его въ дѣло! Чего намъ страшиться? Каждый день будетъ расширяться сѣть, распростертая по земному шару Израилемъ»? Все это не отвлеченныя сужденія, а общеизвѣстные факты, на которые авторъ воззванія только указываетъ, для ободренія и поощренія самихъ Евреевъ. Развѣ не велико то могущество, которое захватило въ свои длани всѣ Европейскія биржи и едва ли не бо́льшую часть органовъ печати въ просвѣщеннѣйшихъ странахъ міра? Развѣ не раскидывается все шире и шире сѣть, распростертая Израилемъ на финансовыя средства, на экономическія силы государствъ? Кто орудуетъ всемірнымъ подвижнымъ кредитомъ? Кто ворочаетъ несмѣтнымъ капиталомъ, заключающимся въ процентныхъ бумагахъ, поднимаетъ и роняетъ фонды, ставя міръ въ зависимость отъ своей спекуляціи, разоряя народы и страны, и самъ — непреложно обогащаясь? Кто какъ не Израиль? Не братья ли Ротшильды, эти цари биржъ, возсѣдающіе на своихъ биржевыхъ престолахъ въ трехъ столицахъ Европы, съ тысячами Еврейскихъ же банкировъ, разсѣянныхъ по земному шару, могутъ служить уже и теперь прообразомъ слагающагося Еврейскаго единства и мощи? Конечно, если для Еврейскаго Мессіи потребны будутъ финансисты, то ему же потребуются и финансы, и не для будущаго ли обѣтованнаго царства Евреевъ міръ христіанскій заранѣе, постепенно, обращается Израилемъ въ оброчную статью?!...

Итакъ, вопросъ о фальсификаціи манифеста Кремьё представляется совершенно празднымъ, и вся эта шумиха возбуждена едва ли не съ единственною цѣлью—заслонить подлинность содержащихся въ немъ разоблаченій, отвести отъ нихъ глаза Русской публики и запугать дерзновенныхъ противниковъ. Эпитетъ «циничной глупости», выдвинутый г. Бинштокомъ, можетъ имѣть мѣсто по отношенію къ сему документу лишь въ томъ отношеніи, что едва ли такой умный Еврей, какъ Кремьё, рѣшился бы въ печатномъ циркулярѣ обнаружить завѣтную тайну помысловъ и стремленій своего народа. Но, повторяемъ, по увѣренію Французской газеты, это воззваніе было также тайное или конфиденціальное, — вотъ почему оно и оставалось неизвѣстнымъ для христіанскаго общества чуть ли не 30 лѣтъ. Вообще тайна и двусмысліе — типическая черта всѣхъ Еврейскихъ учрежденій съ самыхъ дальнихъ временъ.

Вмѣсто того чтобъ, по поводу каждой попытки безпристрастныхъ изслѣдователей подойти ближе къ внутреннему міру Еврейскаго народа, вопіять о фанатизмѣ и поминать инквизицію съ Торквемадой, пусть наши оппоненты, если они сколько-нибудь добросовѣстны, отвѣтятъ намъ искренно на поставленные нами вопросы. Что-нибудь одно: или они незнакомы вовсе съ своимъ національнымъ вѣроученіемъ, или же лицемѣрятъ. Если же они станутъ утверждать, будто религіозныя вѣрованія, чаянія и идеалы не имѣютъ въ наше время никакой власти надъ Еврейскимъ народомъ, то

станутъ утверждать лишь безсмыслицу, которой мы не повѣримъ. Отвергать то, о чемъ живетъ и движется, что обособляетъ Евреевъ отъ всѣхъ прочихъ народовъ, что ставитъ ихъ въ исключительное положенiе въ мiрѣ, въ чемъ заключается ихъ значенiе во вселенской исторiи, — это было бы только сугубою, нахальною ложью.

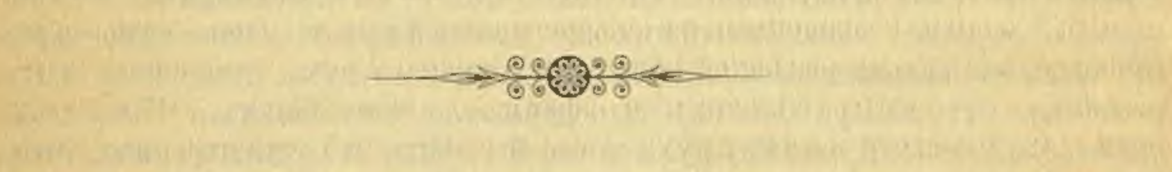
Наша задача относительно «Еврейскаго вопроса» въ томъ преимущественно и заключается, чтобъ внести побольше свѣта въ Еврейскую тьму, разсѣять туманъ, застилающiй общественное сознанiе, свести Еврейскихъ публицистовъ съ ихъ модныхъ коньковъ, беззаконно ими осѣдланныхъ: «прогрессъ», «культура», «гуманизмъ», «цивилизацiя» и т. д.,— доказать самимъ Евреямъ то логическое непримиримое противорѣчiе, въ которомъ состоятъ ихъ нацiональныя религiозныя и политическiя вѣрованiя и идеалы не только съ христiанской религiей, но и со всѣмъ нравственнымъ ученiемъ христiанства, со всѣми коренными, существенными основами христiанской цивилизацiи, равно какъ и съ нацiональными политическими и экономическими интересами государствъ. Современное Еврейство какъ вѣроученiе— анахронизмъ; не прогрессъ, а регрессъ, отрицанiе всего историческаго духовнаго движенiя девятнадцати столѣтiй. Оно — не «гуманизмъ», а нацiональный эгоизмъ, возведенный въ божественный культъ. Оно—самое энергическое, въ нѣдрахъ высшей области вѣрующаго духа, проявленiе матерiализма, отъ наигрубѣйшихъ его формъ до тончайшихъ... И въ то же время, какую высоту и силу духа могло бы явить это удивительное, столь богатоодаренное племя, еслибъ оно не загрубѣло для истины, еслибъ способно было совлечь съ себя ветхаго человѣка и облечься въ новаго, обновляемаго въ разумъ Христовъ!...

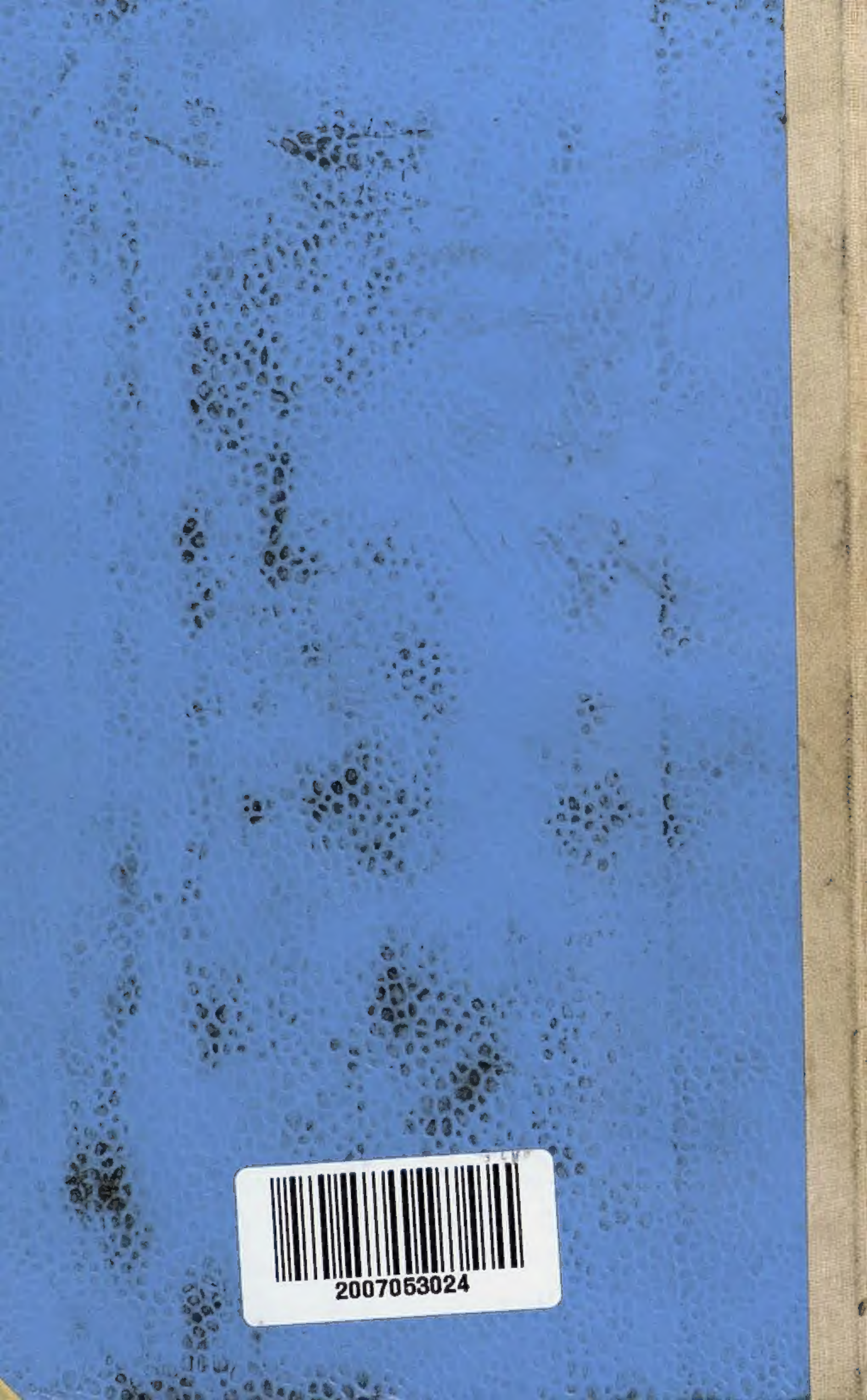
Еще о воззванiи «Всемiрнаго Израильскаго Союза».

Москва, 15 декабря 1883 г.

Точно такого же содержанiя письмо, въ тѣхъ же выраженiяхъ, за исключенiемъ, разумѣется, начальныхъ и заключительныхъ строкъ, получено и газетою «Новости» (№ 245), которая, какъ и слѣдовало ожидать, удостоилась отъ Комитета благодарности за «краснорѣчивое» будто бы доказательство подложности документа.—Въ отвѣтъ на письмо Комитета мы посылаемъ ему какъ настоящiй № «Руси», такъ и № 23, въ которомъ если не «краснорѣчиво», то, кажется, довольно убѣдительно выяснено, что вопросъ о подложности напечатаннаго во Французской газетѣ «L'Antisémitique» воззванiя не имѣетъ въ настоящемъ случаѣ особеннаго значенiя въ виду *неподложности* высказанныхъ въономъ Еврейскихъ воззрѣнiй и чаянiй. Затѣмъ нельзя не удивиться, что Комитетъ довольствуется голословнымъ отрицанiемъ воззванiя и выраженiемъ лишь презрѣнiя къ газетѣ «L'Antisémitique», тогда какъ было бы всего легче притянуть ее къ суду и потребовать отъ нея предъявленiя доказательствъ подлинности напечатаннаго ею документа: это было бы вѣдь несравненно убѣдительнѣе! Изъ полученнаго нами № этой Французской газеты, гдѣ помѣщенъ упомянутый доку-

ментъ, оказывается, что ею напечатаны только выдержки (extraits) изъ мемуара, читаннаго или предъявленнаго самимъ Кремьё своимъ единовѣрцамъ (вѣроятно въ засѣданіи Союза) въ апрѣлѣ 1874 года, когда, по всей вѣроятности, Союзъ нуждался въ новой поддержкѣ. Выдержки эти сообщены газетѣ какимъ-то высокопоставленнымъ лицомъ, имя котораго ей извѣстно. Въ переводѣ нашего корреспондента, вѣроятно по спѣшности, опущено слѣдующее интересное мѣсто: «И зачѣмъ бы намъ идти на встрѣчу другимъ, намъ, представителямъ истины и единственной *раціональной* религіи!» Это какъ разъ то же самое, что проповѣдуетъ въ своихъ органахъ печати современная Еврейская интеллигенція и вполнѣ сходно съ подлинной рѣчью Кремьё, недавно напечатанной въ Еврейскомъ Русскомъ журналѣ «Восходъ»!...

2007053024